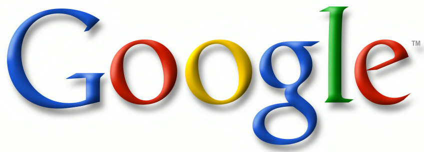
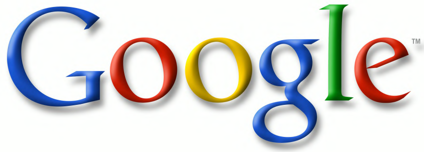










КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ПО ИСТОРІИ

СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

СОСТАВЛЕННАЯ КРУЖКОМЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА

П. Г. Виноградова.

Удостоена большой преміи имени Императора Петра Великаго.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Москва.—1897 г.



Типографія и цинкографія.

Леонтьевскій пер., д. Мамонтова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второмъ выпускѣ „Книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ“ соединены статьи по наиболѣе характернымъ явленіямъ средневѣковой жизни: въ немъ разсматриваются феодализмъ, папство и имперія, крестовые походы, рыцарство и духовная культура этого періода. Разнообразіемъ и важностью затронутыхъ предметовъ оправдывается, смѣемъ надѣяться, значительный объемъ выпуска. Къ очеркамъ, посвященнымъ искусству, приложены иллюстраціи. Это немного удорожило изданіе, но читатели, вѣроятно, не посѣтуютъ на насъ за то, что рядомъ съ описаніемъ памятниковъ искусства мы поставили изображенія, безъ которыхъ описанія сказали бы очень мало. При этомъ составители считаютъ долгомъ выразить благодарность типографіи А. И. Мамонтова, которая приложила всѣ старанія, чтобы исполнить цинкографіи какъ можно лучше и какъ можно дешевле.

Первый выпускъ „Книги для чтенія“ былъ благосклонно принятъ критикой и публикой. Будемъ надѣяться, что и второй найдетъ подобный же пріемъ. Позволяемъ себѣ лишь разъяснить одно недоумѣніе, которое иногда высказывалось по поводу нашихъ ссылокъ на источники и пособія. Мы никоимъ образомъ не имѣли въ виду представить ученую или педагогическую библіографію по различнымъ вопросамъ исторіи среднихъ вѣковъ. Составленіе такой библіографіи было бы дѣломъ крайне полезнымъ, но она потребовала бы самостоятельной и немалой работы. Наши же указанія на лите-

ратуру отсылають лишь къ тѣмъ источникамъ и пособіямъ, которыми по тѣмъ или другимъ соображеніямъ преимущественно руководствовались составители статей.

Статья о римскомъ правѣ въ средніе вѣка и болонскомъ университетѣ была доставлена авторомъ нѣсколько поздно и потому помѣщена не вслѣдъ за № XLIII, какъ предполагалось, а въ концѣ тома.

Москва, 1 ноября 1897.

XIX.

Подготовка феодализма.

Европа I в. и Европа XI вѣка.

Чтобы судить о великихъ историческихъ перемѣнахъ, лучше всего сравнить состоянія одного и того же общества въ періоды, отдѣленные другъ отъ друга большимъ промежуткомъ времени Европа около Рождества Христова и Европа тысячнаго года представляютъ едва ли меньшій контрастъ, чѣмъ общество тысячнаго года и общество нашего времени. Съ одной стороны могучая, почти всемірная монархія, подъ защитой которой разноплеменныя области входятъ въ живое общеніе другъ съ другомъ, обмѣниваются произведеніями и идеями, вырабатываютъ общую гражданственность, общее право, общую духовную культуру. Съ другой—безчисленное множество мѣстныхъ кружковъ — бароній, духовныхъ княжествъ, городовъ; каждый изъ этихъ кружковъ обособляется какъ въ политическомъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи; а духовная жизнь, хотя и отличается однообразіемъ, но поражена скудостью и сведена на поддержаніе нѣсколькихъ простѣйшихъ идей. Вмѣсто подданства всѣхъ единой власти и закону—сложная сѣть вассальныхъ отношеній, основанныхъ на личной вѣрности; вмѣсто равенства гражданъ въ правахъ — цѣлый рядъ сословныхъ ступеней, завершающихся рыцарской аристократіей. Противоположность рѣз-

Пособія. *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, II, III, IV; *Roth*, Feudalität und Unterthanverband; *Fustel de Coulanges*, Histoire des institutions de la France; *Duruy*, Histoire des Romains, VI, VII; *Burckhardt*, Das Zeitalter Constantins; *Gröber*, Grundriss der Romanischen Philologie; *Mommsen* въ Hermes, XXIV; *Blumenstock*, Entstehung des deutschen Immobiliareigenthums; *Brunner*, Deutsche Rechtsgeschichte; Виноградовъ, Происхожденіе феодализма въ лангобардской Италіи.

кая, а между тѣмъ путь отъ одного состоянія къ другому—прямой, и переходы на этомъ длинномъ пути постепенны и едва замѣтны.

При изученіи этихъ переходовъ прежде всего возникаетъ вопросъ—почему остановилось движеніе впередъ, почему общественное совершенствованіе замѣнилось распаденіемъ государства и культуры? А къ этому первому вопросу примыкаютъ другіе: съ какихъ поръ начинается упадокъ, не слѣдуетъ ли искать его первыхъ признаковъ еще въ римской имперіи, задолго до побѣды варваровъ? Нѣтъ надобности въ настоящемъ случаѣ перечислять всѣ причины паденія Западной Римской имперіи. Но можно попытаться указать на черты въ бытѣ имперіи, въ которыхъ подготовлялись характерныя явленія среднихъ вѣковъ.

Двѣ стороны романизаціи.

Смыслъ и значеніе имперіи заключались въ томъ, что она съ помощью греко-римской культуры объединила и переработала народности, жившія вокругъ Средиземнаго моря. Но разрѣшеніе этой задачи совершалось, если можно такъ выразиться, процессомъ двухстороннимъ. Кельты, иберы, реты, мавры, иллирійцы, ѳракійцы цивилизовались до извѣстной степени, подвигались впередъ въ хозяйствѣ, гражданскомъ устройствѣ и образованіи; сирійцы, египтяне, племена Малой Азіи измѣнили отчасти свои привычки и воззрѣнія, приноравливаясь къ требованіямъ имперіи. Но если смѣшеніе племенъ и проникновеніе ихъ греко-римской культурой было, съ одной стороны, великимъ прогрессомъ, то, съ другой, оно составляло регрессъ, сопровождалось пониженіемъ уровня самой преобразующей культуры. Осиливая варварство и инородные элементы, греко-римская культура воспринимала множество чертъ отъ побѣжденныхъ противниковъ, сама понижалась и грубѣла. Процессъ, который совершался въ странахъ, покоренныхъ римлянами, можно сравнить съ тѣмъ, что произойдетъ, если къ жидкостямъ разнаго цвѣта примѣшать яркій окрашивающій составъ. Густая примѣсь передастъ свою окраску всѣмъ веществамъ, которыя придутъ съ ней въ соприкосновеніе; но чѣмъ больше будетъ количество этихъ веществъ, чѣмъ шире разольется новый составъ, тѣмъ слабѣе и блѣднѣе будетъ достигнутая окраска, тѣмъ сильнѣе будутъ сказываться въ ней оттѣнки, напоминающіе первоначальные цвѣта, съ которыми боролась новая примѣсь. Римъ объединилъ Италію, римскія учрежденія и латинскій языкъ вытѣснили этрусскія, самнитскія, оскскія нарѣчія и учрежденія. Италія романизовалась, стала римской, и въ свою очередь сдѣла-

лась очагомъ романизаціи для провинцій. Ея населеніе культурно, такъ сказать, переливалось въ провинціи и преобразовало ихъ на римскій ладъ, такъ что различія въ образованности постепенно сглаживались. Распространеніе однообразной культуры въ политической жизни сопровождалось постепеннымъ уравненіемъ въ правахъ Италіи и провинцій, постепеннымъ уничтоженіемъ италіанскихъ привилегій — своеобразнаго мѣстнаго самоуправленія, свободы отъ военнаго постоя легіоновъ, освобожденія отъ земельнаго налога и т. п. Въ началѣ III-го вѣка Каракалла призналъ равноправность провинціальнаго и италіанскаго населенія, распространивъ права римскаго гражданства на все свободное населеніе имперіи.

Подобная же работа выпала въ восточныхъ провинціяхъ на долю греческаго языка и греческой культуры, но для простоты мы ограничимся разсмотрѣніемъ того, что происходило на западной половинѣ имперіи, въ романизованныхъ земляхъ.

Регрессивное движеніе въ имперіи.

Объединенію и переработкѣ народностей, стоявшихъ первоначально на низкихъ ступеняхъ гражданственности, отвѣчаетъ интересный рядъ явленій во всѣхъ областяхъ жизни, и всѣ эти явленія отмѣчены одной общей чертой съ точки зрѣнія развитія высшей культуры, получившей преобладаніе надъ остальными: они сводятся къ пониженію уровня, къ упрощенію задачъ, къ вырожденію. Этотъ процессъ замаскировывается успѣхами и пріобрѣтеніями, достигнутыми, благодаря политическому прогрессу времени имперіи: созданіе прочной власти, обезпеченіе мира (Pax Romana) и гражданскаго оборота, соединеніе различныхъ странъ въ одну экономическую систему съ свободной торговлей и живымъ обмѣномъ благъ и услугъ, привлеченіе все болѣе и болѣе широкихъ круговъ общества къ гражданственности и къ гражданству — всѣ эти условія произвели благосостояніе, промышленный и духовный прогрессъ, который, повторяю, выкупалъ и прикрывалъ неблагопріятное отягощеніе культурнаго общества варварскими, слабо переработанными элементами. Но довольно скоро, уже въ III вѣкѣ наступило время политическихъ невзгодъ: вторженія варваровъ, усобицы изъ-за императорской власти, соревнованіе армій и провинцій подорвали порядокъ и благосостояніе и стали угрожать самому существованію имперіи. И вмѣстѣ съ тѣмъ все сильнѣе стали обнаруживаться варваризація римской культуры, регрессивное движеніе во всѣхъ областяхъ, регрессивное движеніе, которое однако совсѣмъ не было возвращеніемъ къ

старымъ привычкамъ и жизненнымъ условіямъ, а приводило къ образованію новыхъ, своеобразныхъ формъ.

Перерожденіе языка.

Достаточно взглянуть хоть на имена римскихъ гражданъ временъ имперіи, чтобы почувствовать, что мы находимся въ очень смѣшанномъ обществѣ. Вмѣсто классическихъ короткихъ фамилій и cognomina передъ нами странныя, нагроможденныя другъ на друга варварскія клички, плохо прикрашенныя надставками *us* и *er* въ концѣ именъ. Какіе-нибудь C. Vigellius Raius Plarius Saturninus, T. Flavius Romanus Ulpio Noviomagi Bataus явно выдаютъ себя за слабо романизованныхъ варваровъ. Эти варвары должны были, конечно, прежде всего учиться латинскому языку, какъ общему языку Западной имперіи: они и научались пользоваться латынью вмѣсто своихъ мѣстныхъ нарѣчій, но какая же это была латынь! „Латинскій языкъ видоизмѣняется и по областямъ, и по эпохамъ", — замѣчаетъ блаженный Іеронимъ. Просторѣчье, lingua vulgaris, становилось мало-по-малу въ устахъ бывшаго кельта какъ бы новымъ романскимъ языкомъ, звуки и формы котораго въ значительной степени отклоняются отъ латинской рѣчи подъ вліяніемъ физіологическихъ особенностей и привычекъ кельтовъ.

Вліяніе кельтскаго языка на латинскій началось съ той минуты, какъ кельты стали говорить по-латыни. Самое устройство органовъ рѣчи обусловливало рядъ особенностей произношенія. Отсюда началось развитіе романскихъ языковъ; на первоначальной почвѣ замѣтно на ряду съ измѣненіями, зависящими отъ роста и развитія языка, вліяніе варваризаціи и вырожденія. Для примѣра укажемъ на нѣсколько общеизвѣстныхъ особенностей французскаго языка, которыя объясняются проникновеніемъ кельтскихъ привычекъ въ вульгарную латынь Галліи. Латинское u сохранилось въ италіанскомъ, но смягчилось въ ü (durus—dur) во французскомъ, и немудрено, потому что галльское населеніе уже въ то время, когда оно говорило по-кельтски, произносило именно ü, а не u. Французская liaison, тѣсная связь между двумя словами, при которой беззвучная конечная согласная перваго слова возстановляется во избѣжаніе hiatus'а, восходитъ къ кельтской привычкѣ сливать связанныя по содержанію слова какъ бы въ одно сложное слово. Въ кельтскихъ нарѣчіяхъ удареніе такъ сильно выдвигаетъ тотъ или другой слогъ въ словѣ, что остальные слоги становятся несовсѣмъ ясными и легко стираются. Во французскомъ это подчеркиванье слога съ удареніемъ и стушевыванье остальныхъ вызвало рядъ существенныхъ измѣненій.

Подъ его вліяніемъ выпадаютъ группы согласныхъ въ слогахъ безъ ударенія (augustus—août), подъ его вліяніемъ заглушаются и отпадаютъ конечныя части словъ, слѣдующія за удареніемъ, такъ что всѣ слова, за исключеніемъ оканчивающихся на e muet, беззвучное e, становятся какъ бы oxytona и perispomena. Многія и существенныя измѣненія при переходѣ отъ латинскаго языка къ романскимъ не могутъ быть съ точностью объяснены вліяніемъ того или другого нарѣчія, предшествовавшаго латыни въ романскихъ странахъ. Но въ цѣломъ рядѣ даже такихъ измѣненій выражается во всякомъ случаѣ распаденіе латинской рѣчи: формы затемняются, спутываются, пропадаютъ. Латынь Варварскихъ Правдъ V и VI вѣковъ представляетъ полнѣйшую путаницу въ склоненіи: творительный является вмѣсто винительнаго, винительный замѣняетъ именительный и т. п. Но вырожденіе склоненія и замѣна падежей предлогами начались гораздо раньше: уже въ вульгарной латыни I—II вѣковъ исчезаетъ родительный падежъ, затѣмъ стушевывается дательный. Точно также уже въ эпоху римской имперіи наступаютъ такія явленія, какъ обходъ сравнительной степени при помощи прибавки magis и plus къ положительной и исчезновеніе превосходной степени; исчезновеніе страдательнаго залога [1]), замѣна будущаго времени неопредѣленнымъ наклоненіемъ съ habeo (je ferai—facere habeo, „имѣю сдѣлать“ вмѣсто „сдѣлаю“). Повторяю, это перерожденіе латинскаго просторѣчія въ романскіе языки—процессъ сложный и обусловленный многими причинами; онъ не всецѣло объясняется изъ варваризаціи римскаго общества. Относительно отдѣльныхъ явленій не всегда видно или не всегда доказано, что они сводятся на проникновеніе варварскихъ элементовъ въ римскую среду, но сколько бы мы ни оговаривались и ни ограничивали наше исходное положеніе, все-таки остается несомнѣннымъ, что въ любопытной исторіи возникновенія романскихъ языковъ мы имѣемъ, между прочимъ, яркое обнаруженіе того культурнаго процесса, которымъ характеризуется переходъ отъ римскаго міра къ эпохѣ варварскихъ государствъ.

Искусство. Нѣчто подобное совершается въ области искусствъ. Вступленіе христіанства въ міръ создало новую могучую силу въ художественной области: работа этой силы передъ нами въ живописи катакомбъ, въ зарожденіи византійскаго и романскаго стилей архитектуры. Такимъ образомъ, дѣло идетъ далеко не о простомъ

1) Librum vendunt или liber se vendit вм. liber venditur.

измельчаніи или упадкѣ, но въ цѣломъ рядѣ фактовъ все-таки даютъ себя чувствовать пониженіе культурнаго уровня и варварская грубость. Когда въ Римѣ воздвигли тріумфальную арку побѣдителю Лицинія, покровителю христіанства, значительную часть украшающихъ ее рельефовъ просто перетащили съ арки Траяна, но часть художники IV вѣка прибавили отъ себя и при этомъ увѣковѣчили упадокъ скульптуры и эстетическаго чувства. Фигуры искажены, лица безобразны. На такъ называемомъ дискѣ Ѳеодосія символическія фигуры внизу скопированы съ древнихъ образцовъ и красивы; на верхнихъ изображеніяхъ, списанныхъ съ живыхъ людей, вѣрно схвачены грубыя, плоскія, уродливыя и варварскія лица, вѣрно переданы тяжелые, расшитые мундиры, замѣнившіе тунику и тогу, а посадка и постановка фигуръ останавливаетъ вниманіе неуклюжимъ, неправильнымъ рисункомъ. Главное теперь не красота и не выразительность, а колоссальность и драгоцѣнный пестрый матеріалъ. Галліенъ, жалкое царствованіе котораго заслужило названіе времени „тридцати тиранновъ", заказалъ себѣ статую въ 200 фут. вышины; предполагалось, между прочимъ, сдѣлать для этой статуи копье такихъ размѣровъ, чтобы ребенокъ могъ подняться внутри его по лѣстницѣ. Для изваяній стали употреблять вмѣсто мрамора рѣдкій, драгоцѣнный, но крайне неудобный для обработки порфиръ; при изготовленіи статуй изъ этого матеріала поставщики и полировщики имѣли больше значенія, чѣмъ скульпторъ.

Для нашей ближайшей цѣли особенно важно обратить вниманіе на это постоянное вырожденіе или перерожденіе древней культуры въ экономической области. Въ началѣ нашей эры подъ покровительствомъ имперіи составился кругъ торговаго и промышленнаго обмѣна, напоминающій намъ современный всемірный рынокъ. Различныя области свободно обмѣнивались произведеніями и вырабатывали спеціальности, поддерживавшія другъ друга; прекрасные пути сообщенія облегчали быстрый обмѣнъ, значительные капиталы искали помѣщенія въ производительныхъ предпріятіяхъ, твердая власть и взаимное довѣріе способствовали развитію формъ кредита. Надо только прибавить, что это процвѣтаніе не только мирилось съ рабскимъ трудомъ и эксплуатаціей провинціальнаго населенія, но въ сильной степени обусловливалось ими. Уже III вѣкъ представляетъ иную картину. Подавленіе побѣжденныхъ народностей римскими гражданами прекратилось—населеніе имперіи вошло въ составъ римскаго гражданства. Тѣмъ самымъ порабощенныя массы, надъ которыми когда-то

свободно оперировали намѣстники, откупщики и предприниматели, выступили изъ тѣни со своими стремленіями и правами: ослабѣлъ авторитетъ центральной власти, зашевелились провинціальныя силы, въ хозяйственной дѣятельности получили преобладаніе мѣстныя нужды и потребности мелкихъ людей; уже потому широкая организація производствъ на началѣ мірового обмѣна уступаетъ мѣсто болѣе скромнымъ и непосредственнымъ экономическимъ задачамъ— каждая общественная группа прежде всего заботится сама о наиболѣе необходимомъ въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, обстановкѣ. Наконецъ, съ другой стороны, снабженіе римскаго міра рабами становится все затруднительнѣе [1]), такъ какъ завоевательныя войны прекратились, а если и удается временами захватить въ плѣнъ германцевъ, славянъ, гунновъ, то они слишкомъ непокорны и грубы для роли рабовъ. Поневолѣ приходится предоставлять рабочимъ значительную долю самостоятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ разбивать крупныя имѣнія на мелкія, оброчныя хозяйства, крупныя предпріятія на мелкія эксплуатаціи. Наконецъ, усиленіе провинціальной и мѣстной жизни совпадаетъ съ великими политическими невзгодами — страшными вторженіями варваровъ, постоянными мятежами войскъ, соперничествомъ императоровъ. Государственная неурядица подрываетъ увѣренность обширныхъ хозяйственныхъ расчетовъ и содѣйствуетъ съ своей стороны стремленію каждой отдѣльной мѣстности жить и трудиться для себя, поставить себя внѣ зависимости отъ воздѣйствія со стороны. Въ совокупности получается понятное движеніе общества отъ сложной мѣновой системы къ простымъ формамъ натуральнаго хозяйства. Движеніе это не прекращается, а скорѣе усиливается послѣ реставраціи имперіи въ IV вѣкѣ. Власть, правда, возстановлена, но она держится только крайнимъ напряженіемъ всѣхъ общественныхъ силъ, напряженіемъ, которое устраняетъ свободу передвиженія и соглашенія, прикрѣпляетъ каждаго къ опредѣленнымъ занятіямъ и опредѣленной мѣстности. Экономическій организмъ имперіи въ IV и V вѣкахъ уже распался на областные и мѣстные кружки, которые всѣ похожи другъ на друга—всѣ обращаются къ разрѣшенію простѣйшихъ хозяйственныхъ задачъ и всѣ выдвигаютъ впередъ земледѣліе и отношенія по землѣ.

---

1) Въ началѣ III вѣка цѣна раба опредѣляется въ 200 золотыхъ или 500 динаріевъ (Dig. IV, 4, 51). Цѣна высокая, и это даетъ поводъ думать, что рабовъ было трудно достать.

Аристократія поздней имперіи.

На этомъ общемъ фонѣ выдѣляются явленія, которыя прямо подготовляютъ средневѣковыя формы. Несмотря на тягость податей, государство не имѣло возможности покрыть деньгами всѣ расходы по содержанію и вознагражденію войскъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше распространяется обычай отводить земли войсковымъ частямъ и отдѣльнымъ воинамъ, обязывая ихъ въ отплату выступать въ походъ и защищать границы (agri limitanei). Участки эти переходятъ по наслѣдству въ томъ случаѣ, если наслѣдники берутъ на себя отбываніе воинской повинности на границахъ; ни въ какомъ случаѣ эти земли не переходятъ къ частнымъ людямъ и не становятся частными владѣніями. Въ концѣ имперіи мы встрѣчаемся съ цѣлыми племенами варваровъ (gentiles), въ положеніи которыхъ земледѣліе неразрывно соединяется съ воинской повинностью. Въ Галліи эти отряды распредѣлены по всей странѣ и носятъ названіе лэтовъ (laeti).

Другая характерная черта поздне-римскаго порядка — это политическое значеніе помѣщичьей аристократіи. Крупное плантаціонное хозяйство составляетъ рѣдкое исключеніе въ эту эпоху, потому что такое хозяйство требуетъ какъ разъ обезпеченнаго обширнаго рынка, котораго не было. Но крупная земельная собственность была чрезвычайно распространена, и собственники эксплуатировали свои имѣнія, раздавая ихъ по частямъ въ долгосрочное и наслѣдственное пользованіе арендаторамъ, колонамъ и рабамъ. Имперія IV и V вѣковъ признала собственника посредникомъ между собою и земледѣльческимъ населеніемъ. Она не только обращалась къ магнату съ требованіемъ, чтобы онъ собиралъ подать съ своихъ арендаторовъ и колоновъ, но поручала ему ставить изъ нихъ рекрутъ въ войска, судить ихъ по второстепеннымъ дѣламъ, завѣдывать сельской полиціей, назначать священниковъ въ сельскіе приходы. Такимъ образомъ, къ аристократіи переходила значительная доля вліянія, которое собственно должно было принадлежать чиновникамъ, представителямъ государственной власти. И немудрено, что на ряду съ формальными уступками правительства появляются незаконные захваты власти могущественными аристократами: императоры считаютъ долгомъ законодательствовать противъ такъ называемыхъ patrocinia, т. е. противъ патроната землевладѣльцевъ, военныхъ вождей и высокопоставленныхъ чиновниковъ, къ которымъ обращаются мелкіе люди, чтобы достигнуть какой-нибудь незаконной льготы, большею частью, чтобы избавиться отъ податей или заручиться покровительствомъ въ службѣ.

Военный строй.

Въ военной организаціи особенно сильно замѣтно сближеніе и сліяніе между римскими и варварскими элементами. Армія является могущественнымъ орудіемъ романизаціи, поглощаетъ и перерабатываетъ массы варваровъ, но въ то же время это поглощеніе совершается не безнаказанно: составъ войска и военные порядки глубоко измѣняются. Начать съ того, что пѣхота легіоновъ уступаетъ все болѣе и болѣе мѣсто конницѣ, въ которой служили преимущественно варвары. Въ эпоху междоусобныхъ войнъ, предшествовавшихъ образованію имперіи, на 10 пѣхотинцевъ приходился одинъ всадникъ—кавалерія является совершенно второстепеннымъ родомъ оружія. Въ III вѣкѣ конница по числу равняется пѣхотѣ. Соотвѣтственно этому наступилъ рядъ измѣненій въ командованіи и въ тактикѣ. Наиболѣе характернымъ признакомъ наступленія средневѣковыхъ порядковъ можно считать появленіе такъ называемыхъ *буцелларіевъ*, и я позволю себѣ остановиться нѣсколько обстоятельнѣе на этомъ фактѣ. Мы знаемъ о немъ болѣе всего изъ вестготскихъ и византійскихъ источниковъ, но онъ вполнѣ засвидѣтельствованъ уже для римской имперіи начала V вѣка. Буцеларій, въ буквальномъ переводѣ—„сухарникъ“ (bucella—солдатскій сухарь),—это нахлѣбникъ, дружинникъ какого-нибудь варварскаго вождя на римской службѣ или римскаго полководца. Буцелларій вступаетъ на службу не римскаго государства, а частнаго человѣка, обязуется передъ своимъ вождемъ клятвой и ожидаетъ отъ него содержанія, подарковъ, земельныхъ пожалованій. Онъ можетъ оставить своего вождя и перейти къ другому, но въ такомъ случаѣ полученные подарки и пожалованія должны быть возвращены. По смерти буцелларія его наслѣдники получаютъ пожалованныя земли только, если продолжаютъ службу умершаго. Если умершій оставитъ послѣ себя дочь-наслѣдницу и она желаетъ сохранить пожалованья вождя, то она должна при выходѣ замужъ испросить его согласія. Готы и галаты особенно часто упоминаются въ качествѣ буцелларіевъ. Иногда они образуютъ многочисленныя дружины при римскихъ полководцахъ. Велизарій повелъ за собой въ Италію 7000-й отрядъ такихъ дружинниковъ.

Нетрудно видѣть, до какой степени всѣ указанныя явленія, и общія, и спеціальныя, сближаютъ послѣдніе вѣка римской имперіи съ средневѣковымъ бытомъ. Имперія постепенно впадала въ варварство, и такъ называемое переселеніе народовъ лишь завершило процессъ, начавшійся задолго до V вѣка. Во всякомъ случаѣ появленіе германскихъ королей на мѣстѣ римскихъ императоровъ и

римскихъ намѣстниковъ, наводненіе западныхъ областей франками, готами, саксами и т. п. рѣзко усилили центробѣжныя движенія въ государственномъ быту и окончательно опредѣлили переходъ къ натуральному хозяйству.

Коммендація и вассалитетъ. Правда, число свободныхъ людей сильно возросло вначалѣ вслѣдствіе появленія въ предѣлахъ имперіи цѣлыхъ племенъ, пришедшихъ изъ-за Рейна и изъ-за Дуная, притока племенъ воинственныхъ, способныхъ и готовыхъ защищать свою свободу оружіемъ. Это увеличеніе числа свободныхъ людей ослабило обострившуюся въ послѣдніе вѣка имперіи противоположность между аристократами, крупными помѣщиками, и зависящимъ отъ нихъ мелкимъ и полусвободнымъ людомъ. Но очень скоро отношенія попали въ прежнюю колею: среднее сословіе свободныхъ германцевъ стало быстро таять, потому что не всѣмъ имъ достались равныя доли добычи при завоеваніи провинцій, а кто захватилъ меньше и оказался слабѣе, тотъ скоро почувствовалъ, какъ было трудно защищать жизнь, честь и собственность въ эту эпоху ожесточенной общественной борьбы. Жизнь общества протекла бурно: войны, усобицы, наѣзды, разбои, насилія были явленіями повседневными, а между тѣмъ государственная власть была слаба, старые же родовые и общинные союзы разстроились. Болѣе слабымъ оставалось одно — искать покровительства болѣе сильныхъ, становиться, если не ихъ подданными, то ихъ подручниками, помогать имъ устраивать себѣ маленькія государства въ государствѣ. Частное покровительство такого рода уже очень замѣтно въ меровингской Галліи. Оно носило названіе mundium, mundeburdis; искавшіе его препоручали себя магнату свѣтскому или духовному, иногда самому королю [1]). Кто коммендировался, имѣя землю, тотъ обыкновенно передавалъ ее своему патрону, чтобы тѣмъ пріобрѣсти какъ бы его благоволеніе и покровительство. Весьма часто кліентъ испрашивалъ при этомъ у патрона,

---

[1]) По Турской формулѣ (43), нѣкто поручаетъ себя въ виду крайней нужды «in mundoburdum» другого. Дѣлается это на томъ условіи, «чтобы вы помогали и оказывали мнѣ содѣйствіе пищей и одеждой, насколько я заслужу и буду того достоинъ. Пока буду живъ, долженъ я вамъ, какъ свободный, оказывать службу и подчиненіе, и не имѣю права въ теченіе всей моей жизни выйти изъ-подъ вашей власти и покровительства, а долженъ оставаться подъ вашей властью и охраной во всѣ дни моей жизни». Ср. въ римское время Salvianus, De gubernatione Dei, V: «Многіе покидаютъ свои поля и хижины, отдаютъ себя подъ защиту и покровительство болѣе сильныхъ людей, становятся подручниками богачей и какъ бы переходитъ подъ ихъ власть и управленіе».

или, какъ стали говорить въ средніе вѣка, у сеньёра, разрѣшенія пользоваться этой землей до своей смерти (precaria). Конечно, сплошь и рядомъ коммендировались люди слабые, захудалые, бѣдные, но могло быть и иначе. Магнаты не только окружали себя вооруженными слугами, но держали цѣлые военные отряды, и въ подручники къ нимъ шли предпріимчивые, энергическіе люди средняго и мелкаго состоянія, которымъ хотѣлось пожить вольнѣе, заслужить подарки и пожалованья. Отношеніе это напоминало древнюю дружину, описанную Тацитомъ. Скрѣплялось оно клятвою подручника въ вѣрности и готовности служить. Главной формой этой связи была дружинная служба королю (антрустіоны, лейды у франковъ, гезиды, тены у англосаксовъ) [1]. Дружинниковъ и подручниковъ такого рода называли латинскими терминами „pares", „amici", или германскими „gasindi", „vassi". Послѣдній мало-по-малу особенно распространился и вытѣснилъ другіе, такъ что такого рода дружинную коммендацію стали называть вассалитетомъ.

Иммунитетъ.

Само собою понятно, что, разъ въ обществѣ появились такія своеобразныя соединенія между гражданами, эти соединенія должны были въ сильной степени затруднить дѣйствія государственной власти, равномѣрное и повсемѣстное ея примѣненіе.

Каждый свѣтскій и духовный сеньёръ старался отвоевать себѣ кругъ вліянія, въ предѣлахъ котораго онъ становился какъ бы царькомъ, и королю нельзя было не считаться съ нимъ при осуществленіи королевскаго верховенства и проведеніи государственныхъ требованій. Чтобы взять ратныхъ людей, чтобы взыскивать поборы, чтобы произвести судъ и привести въ исполненіе приговоръ въ предѣлахъ такого круга вліянія, приходилось принимать въ расчетъ значеніе сеньёра, приходилось даже обращаться къ посредничеству и помощи. Слабыя, несовершенныя государства варваровъ стали формально признавать обособленность такихъ круговъ частнаго вліянія: впервые были дарованы такіе формальные „иммунитеты" церквамъ. Тотъ или другой благочестивый король за-

---

[1]) Клятва антрустіона по формулѣ Маркульфа (I, 18): „Справедливо, чтобы тотъ, кто обѣщалъ намъ ненарушимую вѣрность, пользовался бы нашей защитой. А такъ какъ такой-то вѣрный намъ человѣкъ явился, по повелѣнію Божію, въ нашъ дворецъ и поклялся съ оружіемъ въ рукахъ слѣдовать за нами и хранить намъ вѣрность, то мы постановляемъ и приказываемъ настоящей грамотой, чтобы вышеназванный впредь считался въ числѣ нашихъ антрустіоновъ. И если бы кто дерзнулъ его умертвить, то пусть знаетъ, что приговоренъ будетъ къ уплатѣ вергельда въ размѣрѣ 600 солидовъ".

прещалъ своимъ судьямъ и полицейскимъ вступать въ церковныя владѣнія и производить въ нихъ какія-либо взысканія въ пользу государства; налоги, взносы, пошлины отмѣнялись и переходили къ духовному сеньёру—епископу или аббату. Первоначально имѣлось въ виду лишь поручить этому сеньёру производить всякаго рода поборы въ пользу государства. Но, сдѣлавшись обязательнымъ посредникомъ при взиманіи, сеньёръ вскорѣ сталъ присваивать себѣ самую выручку. Мало того, самыя права, связанныя съ сборами, цѣнились прежде всего, какъ доходныя статьи, и стали отчуждаться вмѣстѣ съ отчужденіемъ доходныхъ статей. Владѣлецъ иммунитета, который сначала долженъ былъ взыскивать судебныя пошлины въ пользу государственнаго судьи, сдѣлался самъ судьей, какъ скоро ему удалось захватить судебныя пошлины въ свою пользу,—къ тому, кому досталась выручка, естественно перешли и обязанности. Такимъ образомъ, на государственной территоріи образовались и быстро стали расширяться какъ бы острова независимыхъ властей—иммунитеты.

Бенефицій. Всѣ упомянутыя явленія тѣсно переплетались съ земельными отношеніями, потому что послѣ нашествія варваровъ хозяйство окончательно возвратилось къ натуральной системѣ — земледѣліе стало важнѣйшей его отраслью, а землевладѣніе сдѣлалось главной основой всей общественной жизни. Всякій сколько-нибудь продолжительный и значительный обмѣнъ услугъ между двумя лицами сводился въ концѣ концовъ не на денежные расчеты, а на кормленіе при извѣстномъ имѣньѣ или на пожалованіе имѣнія въ вознагражденіе за службу. Денегъ было мало видно въ гражданскомъ оборотѣ, за то натуральныя повинности и сборы натурой были самымъ обычнымъ явленіемъ. Такъ было въ частномъ быту, такъ было и въ государственномъ. Помѣщикъ вознаграждалъ своихъ помощниковъ по управленію имѣніями, своихъ слугъ, подручниковъ выдачами изъ своихъ амбаровъ и кладовыхъ, предоставленіемъ участковъ земель въ пользованіе, иногда пожалованіемъ участковъ. Тотъ, кто шелъ на службу и обязывался вѣрностью, разсчитывалъ на такого рода вознагражденіе, хотя оно рѣдко оговаривалось въ опредѣленныхъ выраженіяхъ. Король по отношенію къ государственной службѣ держался тѣхъ же пріемовъ, что остальные помѣщики. Онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи обширной податной системы, потому что деньги собрать было не откуда; приходилось довольствоваться выдачами натурой и доходами съ имѣній. При этихъ условіяхъ вознагражденіе за государствен-

ную службу графовъ, антрустіоновъ, духовныхъ лицъ, писцовъ, счетчиковъ, полицейскихъ, дружинниковъ, тѣлохранителей и вассаловъ всякаго рода сводилось преимущественно на продовольствованіе натурой, а также на предоставленіе участковъ земель въ пользованіе и въ наслѣдственное владѣніе. Такого рода вознагражденія считались щедротами, благодѣяніями, „бенефиціями" короля; предполагалось, что они даруются по свободному рѣшенію и безъ видимаго обусловливанія той или другой службой. Въ дѣйствительности все-таки вышло, что важнѣйшіе виды службъ зависѣли отъ выдачи въ вознагражденіе имѣній и участковъ. Обратно, при самой выдачѣ сначала не оговаривалось прямо, что участокъ данъ за такую-то службу, но фактически пожалованіе обусловливалось именно этою службою и, будучи полнымъ и безусловнымъ по формѣ, становилось условнымъ по существу. Если человѣкъ переставалъ служить или служилъ дурно, у него можно было отнять пожалованіе; если онъ умиралъ, переходъ пожалованья къ наслѣднику не разумѣлся самъ собою, а наступалъ въ зависимости отъ того, продолжалъ ли наслѣдникъ нести службу. Въ концѣ концовъ, условность бенефиціальнаго или леннаго владѣнія стала оговариваться опредѣленно и была обставлена опредѣленными юридическими положеніями.

Секуляризація и рыцарская служба.

Два историческихъ факта особенно содѣйствовали ускоренію процесса феодализаціи въ западной Европѣ. Въ VIII-мъ вѣкѣ политическія отношенія на Западѣ представляли величайшій хаосъ; въ главномъ изъ основанныхъ германцами государствъ—въ франкскомъ королевствѣ—государственная власть пришла въ упадокъ, средства для земельныхъ раздачъ истощились, областные начальники сдѣлались какъ бы самостоятельными князьками, остатки центральной власти перешли отъ королей къ начальникамъ дворцоваго правленія и дружины—къ палатнымъ мерамъ. А между тѣмъ надвигалась грозная сила ислама, и вестготское королевство въ Испаніи уже пало подъ ея ударами. Подъ водительствомъ Каролинговъ франкское государство оправилось и отразило арабовъ, а затѣмъ при Карлѣ Великомъ оно соединило вокругъ себя всѣ главныя страны, занятыя романо-германскимъ населеніемъ, и продвинуло границы христіанской культуры далеко на востокъ. Но для такихъ необыкновенныхъ подвиговъ требовались и чрезвычайныя средства. Каролинги, начиная съ Карла Мартелла, массами захватили церковную недвижимую собственность и обратили ее на раздачи воинамъ. Однако на этихъ секуляризованныхъ земляхъ все-

прещалъ своимъ судьямъ и полицейскимъ вступать въ церковныя владѣнія и производить въ нихъ какія-либо взысканія въ пользу государства; налоги, взносы, пошлины отмѣнялись и переходили къ духовному сеньёру—епископу или аббату. Первоначально имѣлось въ виду лишь поручить этому сеньёру производить всякаго рода поборы въ пользу государства. Но, сдѣлавшись обязательнымъ посредникомъ при взиманіи, сеньёръ вскорѣ сталъ присваивать себѣ самую выручку. Мало того, самыя права, связанныя съ сборами, цѣнились прежде всего, какъ доходныя статьи, и стали отчуждаться вмѣстѣ съ отчужденіемъ доходныхъ статей. Владѣлецъ иммунитета, который сначала долженъ былъ взыскивать судебныя пошлины въ пользу государственнаго судьи, сдѣлался самъ судьей, какъ скоро ему удалось захватить судебныя пошлины въ свою пользу,—къ тому, кому досталась выручка, естественно перешли и обязанности. Такимъ образомъ, на государственной территоріи образовались и быстро стали расширяться какъ бы острова независимыхъ властей—иммунитеты.

Бенефиціи. Всѣ упомянутыя явленія тѣсно переплетались съ земельными отношеніями, потому что послѣ нашествія варваровъ хозяйство окончательно возвратилось къ натуральной системѣ — земледѣліе стало важнѣйшей его отраслью, а землевладѣніе сдѣлалось главной основой всей общественной жизни. Всякій сколько-нибудь продолжительный и значительный обмѣнъ услугъ между двумя лицами сводился въ концѣ концовъ не на денежные расчеты, а на кормленіе при извѣстномъ имѣньѣ или на пожалованіе имѣнія въ вознагражденіе за службу. Денегъ было мало видно въ гражданскомъ оборотѣ, за то натуральныя повинности и сборы натурой были самымъ обычнымъ явленіемъ. Такъ было въ частномъ быту, такъ было и въ государственномъ. Помѣщикъ вознаграждалъ своихъ помощниковъ по управленію имѣніями, своихъ слугъ, подручниковъ выдачами изъ своихъ амбаровъ и кладовыхъ, предоставленіемъ участковъ земель въ пользованіе, иногда пожалованіемъ участковъ. Тотъ, кто шелъ на службу и обязывался вѣрностью, разсчитывалъ на такого рода вознагражденіе, хотя оно рѣдко оговаривалось въ опредѣленныхъ выраженіяхъ. Король по отношенію къ государственной службѣ держался тѣхъ же пріемовъ, что остальные помѣщики. Онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи обширной податной системы, потому что деньги собрать было не откуда; приходилось довольствоваться выдачами натурой и доходами съ имѣній. При этихъ условіяхъ вознагражденіе за государствен-

германцевъ привело къ окончательному распаденію на мелкіе политическіе кружки. 2) Организація этихъ мѣстныхъ кружковъ на аристократическомъ началѣ обусловливается тѣмъ, что германскія племена не просто подвигались отъ простѣйшихъ формъ къ болѣе сложнымъ, а попали на почву, подготовленную римскимъ соціальнымъ строемъ и сами прошли военную исторію, благопріятствовавшую развитію аристократическихъ неравенствъ. 3) Въ извѣстной мѣрѣ феодализмъ былъ приспособленіемъ государственной организаціи къ условіямъ натуральнаго хозяйства, и въ этомъ отношеніи онъ не только установился въ западной Европѣ, завоеванной германцами, но проникъ и въ восточную, византійскую Европу, гдѣ военная служба и помѣщичья власть получили постановку, напоминавшую каролингскіе порядки и восходившую въ сущности къ быту имперіи IV и V вѣковъ.

Павелъ Виноградовъ.

XX.

Альфредъ Великій.

Англія въ римское время.

Въ наше время многіе жалуются, что пришла тяжелая пора, что жить трудно и невесело. Безъ сомнѣнія, у каждой эпохи свои заботы и затрудненія — немало ихъ и у насъ; но намъ грѣшно было бы горевать или отчаиваться, потому что мы живемъ и дѣйствуемъ въ такой обстановкѣ, о которой и помышлять не могли наши предки. Чтобы оцѣнить по достоинству, что̀ даетъ намъ крѣпкое, благоустроенное государство, утвердившіяся правила христіанской нравственности, запасъ знанія и искусства, чтобы не относиться къ этимъ великимъ благамъ культуры безотчетно и безучастно, — лучше всего оглянуться назадъ, послѣдить за тѣмъ, какъ медленно и болѣзненно все это вырабатывалось, или хотя бы справиться, каково жилось людямъ въ ту или другую отдаленную эпоху, чѣмъ они пользовались, что̀ имъ угрожало и что̀ давало силы для борьбы.

Современная Европа занимаетъ особое положеніе въ жизни земного шара. Она меньшая и главная изъ частей свѣта. Ея образованность дала ей перевѣсъ матеріальный и духовный — она направляетъ всемірную торговлю и промышленность, ея государства широко распространили свое вліяніе на другія части свѣта, ея идеи проникаютъ въ жизнь дикарей и народовъ чуждой культуры. Духовная сила Европы проявляется въ внѣшнихъ рѣзкихъ формахъ, наперекоръ многимъ невыгоднымъ условіямъ мѣстности и климата. Малейькая Англія съ ея малоплодородной почвой и тяжелымъ кли-

Пособія, кромѣ *Саксонской хроники* и біографіи *Ассера*. *Pauli*, The life of Alfred the Great, translated by *B. Thorpe*; *Winckelmann*, Geschichte der Angel-sachseu; *Du-Chaillu*, The Viking age; *Steenstrup*, Normannerne, II.

матомъ, напр., сдѣлалась повелительницей населенія въ 200 милліоновъ, разбросаннаго по всему земному шару, сдѣлалась величайшей торговой державой и великимъ средоточіемъ науки, литературы, практической мудрости.

Не то было 1000 лѣтъ тому назадъ. Мало того, что безлюдье и пустырь царили тамъ, гдѣ теперь тѣснится и работаетъ энергическое населеніе: гдѣ появлялись люди, имъ приходилось заботиться о самыхъ необходимыхъ условіяхъ существованія, пріучаться къ самымъ первоначальнымъ основамъ общежитія. Первую попытку внести порядокъ и образованность на островъ сдѣлали римляне, которые господствовали тамъ болѣе 3 вѣковъ [1]). Они покорили дикое кельтское населеніе, пріучили его къ осѣдлости и земледѣлію, построили города Лондонъ, Іоркъ, Линкольнъ, Батъ и многіе другіе [2]). Вмѣстѣ съ городомъ появилась торговля, проведены были великолѣпныя дороги, слѣды которыхъ сохранились до сихъ поръ. Наконецъ, по странѣ появились имѣнья римскихъ помѣщиковъ съ обширными хозяйственными постройками и прекрасными жилыми помѣщеніями. Римскіе владѣльцы устраивались въ нихъ съ комфортомъ и даже роскошью.

Но римское вліяніе было все-таки поверхностнымъ — оно не привело къ коренному преобразованію кельтскаго населенія. Когда въ началѣ V вѣка легіоны ушли изъ Британіи, чтобы защищать другія провинціи Западной имперіи, римская культура быстро пришла въ упадокъ, и повсюду появилось прежнее кельтское варварство. На западѣ, напр., въ теперешнемъ Уэльсѣ, важнымъ центромъ римской жизни былъ городъ Иска — онъ до сихъ поръ носитъ названіе Caerlon, т. е. castra legionis — лагерь легіона, — но, несмотря на названіе, вся эта мѣстность совершенно утратила римскую образованность и вернулась къ языку и патріархальнымъ обычаямъ кельтовъ.

Завоеваніе англосаксовъ.

Еще рѣзче былъ переворотъ на востокѣ острова, потому что туда вторглись германскія племена англовъ и саксовъ, которыя опустошали страну и избивали населеніе. Въ Саксонской лѣтописи записано, напр., подъ 491 годомъ: „Въ этомъ году Элле и Цисса

[1]) Отъ царствованія Клавдія въ половинѣ I в. по Р. Х. до царствованія Аркадія и Гонорія въ началѣ V в.

[2]) Въ Англіи много городовъ, имена которыхъ оканчиваются на *честеръ*: Leicester, Gloucester, Chichester, Cirencester, Chester и т. п. Названія ихъ взяты отъ латинскаго castra (лагерь), потому что они выросли изъ римскихъ лагерей.

осадили Андредечестеръ и убили всѣхъ, кто жилъ въ немъ; ни единаго бритта не осталось въ живыхъ". Въ южной Англіи римляне построили богатый, прекрасный городъ, называвшійся Verulamium. Послѣ нашествія саксовъ отъ него осталась груда развалинъ, и въ XI вѣкѣ монахи с.-альбанскаго монастыря, находившагося по близости, построили громадный соборъ, для котораго матеріалъ добывали изъ этихъ развалинъ: оттуда брали мраморъ, тесаные камни, черепицы.

Пришло однако время, когда даже англы и саксы перестали грабить и опустошать, а стали заводить постоянныя поселенія и такъ или иначе устраиваться на завоеванной почвѣ. Такъ какъ римская культура была почти уничтожена, то приходилось начинать сначала. Полудикіе германцы усѣлись, наконецъ, по мѣстамъ, раздѣлили между собой землю и рабовъ—порабощенныхъ кельтовъ, и мало-по-малу, несмотря на смуты и войны, стало складываться общество. Этотъ ростъ общества совершался, какъ всегда, въ трехъ направленіяхъ: появлялся и развивался правильный трудъ, хозяйство — вмѣсто грабежа и захвата; появлялись и развивались новые взгляды на міръ, на жизнь человѣка и его назначеніе—являлся запросъ на знаніе, стремленіе къ возвышеннымъ религіознымъ идеаламъ; наконецъ, укрѣплялся порядокъ отношеній между людьми—законъ и правительство, которые заботятся о томъ, чтобы люди не истребляли и не притѣсняли другъ друга, а помогали бы другъ другу.

Успѣхи хозяйства. Въ устройствѣ труда и хозяйства приходилось бороться съ дикой, дѣвственной природой: лѣса и болота покрывали еще большую часть англійской почвы—бобры и рыси разгуливали тамъ, гдѣ теперь стучатъ фабричныя колеса и работаютъ усовершенствованныя земледѣльческія машины. Англы и саксы отчасти примѣнились въ своемъ хозяйствѣ къ характеру лѣсной мѣстности. Для рогатаго скота не было еще хорошихъ пастбищъ; овецъ, которыми впослѣдствіи такъ славилась Англія, также еще разводили мало. За то великое значеніе пріобрѣло разведеніе свиней. Это неприхотливое животное легко находитъ себѣ кормъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, и громадныя стада свиней составляли главное богатство знатныхъ саксовъ; свинопасы были немаловажными людьми въ этомъ обществѣ, и нѣкоторые изъ нихъ достигали высокаго положенія даже при дворѣ. Понемногу расчищалась мѣстность и для хлѣбопашества, при чемъ пользовались, конечно, остатками обработки еще отъ римскаго времени, а отчасти даже пріемами, перенятыми у римлянъ.

Также изъ Рима пошли начатки духовнаго просвѣщенія. Образовались среди варварства острова духовнаго просвѣщенія при церквахъ и монастыряхъ. Подъ вліяніемъ папы трудами италіанскихъ и греческихъ миссіонеровъ проникло христіанство къ англосаксонскимъ язычникамъ, а вмѣстѣ съ нимъ проснулось уваженіе къ духовной жизни и къ знанію, пониманіе того, что есть высшія силы, чѣмъ сила оружія, высшія цѣли, чѣмъ матеріальное могущество или удовольствіе. Уже въ VII и VIII вѣкѣ среди англійскаго духовенства встрѣчаются ревностные и образованные люди, которые пользовались извѣстностью во всей западной Европѣ. Беда Преподобный на крайнемъ сѣверѣ саксонскихъ поселеній, въ Ярроу, въ Нортумберландѣ, составлялъ свои объемистыя поясненія къ Священному Писанію, пользуясь при этомъ трудами латинскихъ и греческихъ отцовъ церкви, составлялъ и руководства по свѣтскимъ наукамъ — по грамматикѣ, ариѳметикѣ, астрономіи, музыкѣ, наконецъ, составилъ замѣчательную исторію церкви у англосаксовъ, которая служитъ драгоцѣннымъ источникомъ свѣдѣній о прошедшемъ этого народа и привлекаетъ читателя искренностью, здравымъ смысломъ, образностью своего разсказа. А когда Карлъ Великій въ концѣ VIII в. дѣлалъ попытку поднять образованіе и улучшить бытъ своихъ франковъ, то лучшаго своего помощника въ дѣлѣ просвѣщенія онъ нашелъ опять-таки на томъ же британскомъ островѣ, въ лицѣ діакона іоркской церкви Алкуина. При разрѣшеніи спорныхъ богословскихъ вопросовъ франкскіе епископы обращались къ совѣтамъ и указаніямъ англосаксонскаго духовенства.

Зачатки просвѣщенія у англосаксовъ.

Всего затруднительнѣе оказалось дѣло государственнаго устроенія. Варвары не умѣли подчиняться общей власти: жертвовать своей свободой, стѣснять себя ради какого-то дальняго правительства они не хотѣли. Если они и признавали надъ своей личной волей чью-либо власть и авторитетъ, то искали этой власти и авторитета вблизи отъ себя, въ какомъ-нибудь тѣсномъ и хорошо знакомомъ кругу. Родство, сосѣдство, союзъ дружинниковъ вокругъ любимаго вождя были доступны ихъ пониманію, и потому соединеніе людей въ группы началось съ образованія сплоченныхъ родовъ, сельскихъ общинъ, дружинъ. Эти союзы были сильны, люди были къ нимъ привязаны и готовы были жертвовать ради нихъ даже жизнью, между тѣмъ какъ обширныя княжества и королевства колебались и распадались. Чтобы показать, какую силу имѣла, напримѣръ, связь дружинниковъ съ вождемъ, приведу одинъ

Государство и дружина.

отрывокъ изъ Саксонской лѣтописи. Дѣло было въ 784 году: одного изъ королей западныхъ саксовъ, Киневульфа, убилъ этелингъ [1]) Киневардъ. Когда тэны (дружинники) короля узнали о бунтѣ, они поспѣшно побѣжали къ замку, гдѣ убили короля. Этелингъ предлагалъ имъ сдаться, обѣщая жизнь и деньги, но ни одинъ изъ нихъ не согласился; они бились до тѣхъ поръ, пока ихъ всѣхъ перебили, кромѣ одного, да и тотъ былъ заложникъ изъ британцевъ и притомъ весь израненъ. На другое утро тэны, оставшіеся позади, услышали, что короля убили; они прибыли къ мѣсту и нашли этелинга въ замкѣ; онъ и его люди заперли ворота. Тогда этелингъ сталъ уговаривать дружинниковъ взять, сколько сами захотятъ, земель и денегъ, только бы они отдали ему королевство; и онъ сказалъ имъ, что съ нимъ ихъ родственники, которые не хотятъ его покинуть. Тэны отвѣчали: „Нѣтъ у насъ родни дороже нашего вождя, и не пойдемъ мы за его убійцей". Люди этелинга сказали дружинѣ: „Уходите съ миромъ; такъ предлагали мы и товарищамъ вашимъ, которые были съ королемъ". Дружина отвѣчала: „Не хотимъ васъ слушать, какъ не слушали ваши товарищи, которыхъ вы убили вмѣстѣ съ королемъ". И начался бой у воротъ, и тэны ворвались и перебили этелинга и его людей, всѣхъ, исключая одного.

Общество, разбитое на маленькіе кружки родичей, сосѣдей, дружинниковъ, не могло жить въ мирѣ и порядкѣ: междоусобная борьба постоянно тревожила его и мѣшала успѣхамъ хозяйства и просвѣщенія. Мало-по-малу однако и эти грубыя отношенія стали улучшаться. Правительство становилось крѣпче и начало стѣснять усобицы. Многочисленныя племена и княжества англовъ и саксовъ слились въ семь королевствъ, затѣмъ въ три королевства, наконецъ, въ одно королевство. Въ областяхъ сложилось самоуправленіе: дѣла обсуждались и рѣшались на собраніяхъ сотенъ и графствъ, въ которыхъ участвовали свободные землевладѣльцы округа. Въ общемъ порядка и правосудія стало больше, и можно было ожидать дальнѣйшаго прогресса въ хозяйствѣ, просвѣщеніи и государственной жизни.

Набѣги норманновъ.

И какъ разъ въ это время, въ IX вѣкѣ, обрушилось на Британію новое бѣдствіе, худшее, чѣмъ голодъ или моровая болѣзнь,— появились норманны. Какъ набѣги англосаксовъ разрушили римскую культуру, такъ начинавшаяся культура англосаксовъ чуть

[1]) Этелингами назывались члены королевскихъ фамилій.

не была стерта съ лица земли набѣгами норманнскихъ викинговъ.

Слово „викингъ“ значитъ—морской король. Оно собственно примѣнялось къ начальникамъ добровольныхъ дружинъ, которые выселялись изъ Даніи, Норвегіи и Швеціи и на своихъ лодкахъ отправлялись грабить европейскія страны. Появлялись они въ Балтійскомъ морѣ и въ Сѣверномъ, въ Атлантическомъ океанѣ и въ Средиземномъ морѣ, проникали въ Англію, Францію, Испанію, въ Россію, въ византійскую имперію. Еще въ концѣ VIII вѣка началось движеніе выходцевъ, и въ теченіе 2-хъ столѣтій оно не останавливалось. Поводомъ къ этому „второму переселенію народовъ“ былъ недостатокъ пропитанія на родинѣ и неохота къ мирнымъ занятіямъ. „Молодежь, говоритъ одинъ лѣтописецъ, часто составляла заговоры противъ отцовъ и дѣдовъ, чтобы завладѣть ихъ имуществомъ. Поэтому существовалъ древній обычай—собирать молодыхъ людей по жребію и изгонять ихъ изъ государства, чтобы они сами добыли себѣ государство, а прочее населеніе могло жить въ мирѣ. Изгнанники приносили жертву Тору и поднимали на корабляхъ своихъ военное знамя“. По преданію, викингъ бросалъ вверхъ копье, и смотря по тому, куда оно падало, направлялся въ ту или другую сторону.

О судахъ, на которыхъ совершались эти дальніе походы, мы можемъ составить себѣ точное понятіе, потому что ихъ сохранилось нѣсколько экземпляровъ. Въ Гокстадѣ, въ Норвегіи, напр., нашли зарытою въ землѣ отлично сохранившуюся лодку, въ которой былъ похороненъ витязь. Она имѣетъ по 16 уключинъ для веселъ съ каждой стороны, длина ея 75 ф. при 15 ф. въ ширину. Помѣщалось на ней, вѣроятно, около 60 — 70 человѣкъ. Самый спускъ корабля сопровождался странной церемоніей, которая предвѣщала его кровавое дѣло: къ скалкамъ, по которымъ судно скользило въ воду, привязывали людей, такъ что киль обагрялся кровью.

Изъ такихъ утлыхъ суденышекъ составлялись разбойничьи флоты викинговъ. Множество гибло во время переходовъ, и все-таки изъ года въ годъ записываютъ западныя лѣтописи, что пришло 60, 100, 200, 300 судовъ; иногда собиралось до 1000. Въ сраженіи норманны строились на носовой части корабля, прикрываясь щитами, такъ, чтобы составить непроницаемую стѣну. Но суда служили для нихъ только средствомъ передвиженія. Прибывъ въ несчастную страну, которую они избрали мѣстомъ своихъ дѣйствій, они проникали въ нее какъ можно дальше по какой-нибудь рѣкѣ,

укрѣплялись на островѣ или возвышеніи и начинали грабежи и наѣзды. Въ сухопутныхъ сраженіяхъ они строились клиномъ или свиной головой. Главное дѣло было, впрочемъ, не въ корабляхъ и не въ военномъ строѣ, а въ желѣзномъ характерѣ и свирѣпой храбрости этихъ воиновъ.

Рагнаръ Лодброгъ.

Во многихъ сагахъ воспѣвали они свои подвиги. Вотъ разсказъ о погибели Рагнара Лодброга, одного изъ знаменитѣйшихъ викинговъ, который, между прочимъ, разграбилъ Парижъ въ 845 году. Сага полна вымысловъ и неточно передаетъ событія, но ея характеристика быта вѣрна и краснорѣчива. „Рагнаръ думалъ, какъ пріобрѣсть вѣчную славу. И вотъ онъ сдѣлалъ 2 корабля больше всѣхъ, какіе когда-либо дѣлались въ сѣверныхъ странахъ. Жена спросила его, куда онъ хочетъ итти. Онъ сказалъ, что пойдетъ въ Англію. Тогда жена сказала: „Опасенъ твой походъ—лучше возьми больше судовъ, хотя бы каждое было поменьше“. Онъ отвѣчалъ: „Что за подвигъ покорить страну со многими кораблями! А вотъ покорить Англію съ двумя кораблями—такого примѣра еще не было“. Передъ уходомъ жена дала ему рубашку, приговаривая: „Вотъ тебѣ рубашка, не шитая, а тканая, вытканная съ любовью; не пойдетъ кровь изъ ранъ и не порѣжетъ тебя клинокъ въ чудной одеждѣ, посвященной богамъ“. Во время путешествія разразилась буря, и корабли потерпѣли крушеніе, но люди спаслись и высадились на берегахъ Англіи. И Рагнаръ сталъ брать деревни и замки. Тогда король англійскій Элла созвалъ всѣхъ людей своего царства—всѣхъ, кто только могъ держать щитъ и ѣздить на лошади. Рагнаръ вышелъ на битву въ шлемѣ и въ рубашкѣ, которую дала ему жена. Цѣлый день бились враги. Всѣхъ людей Рагнаръ перебилъ. Противъ него никто не могъ устоять, но когда всѣ его товарищи пали, то его окружили щитами и взяли въ плѣнъ. И бросили его въ яму, наполненную змѣями, но змѣи не трогали его. И народъ говорилъ: „Это великій человѣкъ — его не ранило оружіе сегодня и не кусаютъ змѣи“. Тогда Элла велѣлъ снять съ него рубашку. А Рагнаръ запѣлъ: „Я бился въ 51 сраженіи, о которыхъ идетъ великая слава. Многихъ я ранилъ, но не думалъ я, что придетъ мнѣ смерть отъ змѣй. Часто случается то, о чемъ меньше всего думаешь“. Змѣи впились въ него, и онъ умеръ. Но на родинѣ остались его сыновья, и они явились метить за отца. Старшій, Иваръ, разбилъ и взялъ въ плѣнъ Эллу. И Иваръ сказалъ: „Надо припомнить, какой смертью онъ уморилъ отца нашего. Пусть тотъ изъ моихъ людей, кто лучше всѣхъ рѣ-

жетъ по дереву, выръжетъ орла на его спинѣ, и пусть орелъ этотъ будетъ красенъ отъ крови". Элла умеръ отъ раны, и они рѣшили, что достаточно отомстили за отца".

Жажда борьбы и крови у этихъ страшныхъ людей иногда порождала душевную болѣзнь. Норманны считали храбрыми изъ храбрыхъ такъ называемыхъ берсеркеровъ. Самое имя показываетъ, что они выходили на бой въ одной рубашкѣ, безъ всякихъ оборонительныхъ доспѣховъ (ber-serk — голая рубашка). Нѣкоторые изъ нихъ дѣлали это не изъ удали, а подъ вліяніемъ какого-то безумія или бѣшенства. У одного викинга было 12 сыновей берсеркеровъ. Они ходили всегда на одной лодкѣ и никого посторонняго къ себѣ не пускали. Они знали за собой бѣшенство и чувствовали приближеніе припадка. Если не предстояло сраженія или грабежа, то они высаживались на берегъ и тамъ бросались на деревья и скалы—иначе они перебили бы своихъ же друзей.

Датскіе набѣги на Англію.

Съ 789 г. начинаются въ Саксонской лѣтописи скорбныя записи о норманнскихъ набѣгахъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ викинговъ было сожженіе монастыря въ Ярроу, гдѣ дѣйствовалъ Беда. Но особенно частыми и разрушительными сдѣлались набѣги при королѣ Этельвульфѣ, во 2-й половинѣ IX в. Во всѣхъ направленіяхъ искрестили викинги англійскую территорію. Не одинъ разъ саксы одерживали верхъ въ битвахъ противъ датскихъ отрядовъ, но это не останавливало новыхъ пришельцевъ, да и побитые не падали духомъ, а при первой возможности возобновлялись набѣги. Въ 869 году образовалось на востокѣ первое постоянное поселеніе норманновъ. Грабежи и истребленіе однако продолжались. Не буду распространяться объ ихъ ужасныхъ подробностяхъ—надо только отмѣтить, что особенно свирѣпствовали язычники противъ церквей и монастырей.

Сыновья Этельвульфа упорно продолжали бороться и одинъ за другимъ умирали во время отчаянныхъ попытокъ защитить свою родину. Корона, наконецъ, досталась въ 871 г. младшему изъ нихъ, Альфреду. Онъ былъ человѣкъ слабаго здоровья, но сильный духомъ. Онъ пріучилъ себя не обращать вниманія на припадки болѣзни и принималъ участіе во всѣхъ упражненіяхъ и подвигахъ своихъ витязей, сдѣлался неутомимымъ охотникомъ и всегда былъ впереди, во главѣ войска. Уже при старшихъ братьяхъ ему пришлось принимать участіе въ дѣлахъ правленія. 22-хлѣтнимъ юношей онъ вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть большого сраженія съ датчанами. Начальствовалъ войскомъ король Этельредъ,

но онъ не хотѣлъ начинать битвы прежде, чѣмъ кончится обѣдня, и Альфреду пришлось нѣсколько часовъ одному стоять противъ норманновъ. Наконецъ, кончилась обѣдня, явился на подмогу Этельредъ, и викингамъ нанесено было сильное пораженіе. Къ несчастію, и эта побѣда только на минуту отвратила опасность. Датчане тотчасъ оправились и черезъ двѣ недѣли сами разбили Этельреда и Альфреда. Вскорѣ послѣ этого пораженія Этельредъ умеръ, а Альфредъ сдѣлался королемъ. Положеніе было отчаянное. Англичане выбились изъ силъ. Большая часть ихъ войскъ состояла изъ плохо вооруженныхъ земледѣльцевъ и мелкихъ помѣщиковъ. Людей приходилось вновь и вновь отрывать отъ хозяйства, чтобы отражать неутомимыхъ разбойниковъ. Помимо того урона, который наносили норманны битвами и грабежами, постоянный страхъ передъ нападеніемъ, необходимость ежечасно поднимать на ноги населеніе, гонять его изъ области въ область, отрывать отъ занятій на долгіе сроки — приводили государство къ совершенному разложенію. У самыхъ энергичныхъ дѣятелей опускались руки, народомъ начинала овладѣвать безнадежная апатія. И вотъ, первые годы царствованія Альфреда, несмотря на всю его храбрость и искусство, сложились крайне печально. Въ 876 году „войско", какъ называли датчанъ, поселившихся въ восточной Англіи, ворвалось въ Уессексъ. Альфредъ встрѣтилъ ихъ и предложилъ выкупъ. Они согласились помириться, выдали заложниковъ и дали присягу на ожерельѣ, смазанномъ кровью, что не будутъ тревожить подданныхъ Альфреда. Эта присяга считалась у нихъ особенно священной, и тѣмъ не менѣе они ее нарушили. Большая часть войска тайкомъ ушла на западъ, захватила тамъ важный городъ Экзетеръ и какъ ни въ чемъ не бывало возобновила свои грабежи. А въ 878 году датчане прошли черезъ всю южную часть острова, разбили всѣ отряды, которые имъ попадались навстрѣчу, и, повидимому, положили конецъ англосаксонскому государству. Король Альфредъ съ небольшой кучкой дружинниковъ принужденъ былъ бѣжать въ Ательне, мѣстечко, заброшенное среди Сомерсетскихъ болотъ. Пользуясь недоступностью этой мѣстности, Альфредъ укрѣпился тамъ и началъ, въ свою очередь, дѣлать набѣги изъ своего убѣжища на появлявшихся вблизи датчанъ. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ онъ рѣшился, наконецъ, выйти въ поле и кликнуть кличъ всему саксонскому народу. Съ восторгомъ отозвались на этотъ призывъ его вѣрные подданные. Патріотизмъ и настойчивость англичанъ оказались, наконецъ, сильнѣе дикой отваги норманновъ.

на краю погибели удалось удержаться и оправиться. Послѣ ряда столкновеній датскій король Гутрумъ заключилъ миръ съ Альфредомъ. Не могло быть и рѣчи о полномъ освобожденіи Англіи— „войско" слишкомъ глубоко пустило корни на востокѣ острова. Пришлось подѣлить Англію почти пополамъ: Лондонъ остался за датчанами, но впослѣдствіи Альфредъ отбилъ его у нихъ. Лучшимъ подтвержденіемъ договора было то, что датскій король принялъ христіанство и крестнымъ отцомъ его былъ Альфредъ.

Разсчитывать на прочное замиреніе все-таки было нельзя, и въ продолженіе царствованія Альфреда много разъ еще пришлось отбивать нападенія. Въ концѣ вѣка, напр., высадился въ Англіи знаменитый викингъ Гастингъ, который долго опустошалъ Францію и Нидерланды. Англію онъ тоже исходилъ вдоль и поперекъ, но встрѣтилъ повсюду энергическій и хорошо организованный отпоръ.

Измѣненія въ военномъ строѣ.

Дѣло въ томъ, что долгія бѣдствія отъ первыхъ нападеній многому научили англійскій народъ, а въ лицѣ Альфреда нашелся замѣчательный руководитель, который умѣлъ не только распоряжаться на полѣ сраженія, но и подготовлять защиту издалека. Вниманіе и предпріимчивость его не ослабѣвали. Съ разныхъ сторонъ заботился онъ объ укрѣпленіи своего государства. Прежде всего, конечно, надо было подумать объ улучшеніи военныхъ силъ и военнаго устройства. Англы и саксы почти совершенно отвыкли отъ мореплаванья, хотя когда-то сами пришли на островъ Сѣвернымъ моремъ. Альфредъ устроилъ флотъ изъ „длинныхъ" судовъ, который долженъ былъ слѣдить за морскими разбойниками и мѣшать ихъ высадкѣ.

Затѣмъ произошла реформа сухопутнаго войска. Альфредъ только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгалъ къ вызову въ ополченіе всего свободнаго населенія; какъ мы видѣли, это не достигало цѣли, потому что собиралась неумѣлая и плохо вооруженная толпа, а между тѣмъ тягость такихъ сборовъ была великая. За то король обратилъ особенное вниманіе на усиленіе, хорошее снаряженіе и выучку отборныхъ отрядовъ, составленныхъ изъ дружинниковъ — изъ такъ называемыхъ теновъ. Они обыкновенно являлись въ кольчугахъ, съ шлемомъ и на коняхъ и приводили съ собой каждый по нѣскольку пѣшихъ, легковооруженныхъ воиновъ. Такимъ образомъ составлялись войска, способныя выдержать натискъ норманновъ въ открытомъ полѣ, быстро собиравшіяся по вызову и легко передвигавшіяся съ мѣста на мѣсто. Это преобразованіе военнаго строя совершалось въ силу роковой необходимости и глубоко вліяло

на всю жизнь народа, на занятія, привычки и права населенія. Дѣло въ томъ, что для составленія такихъ хорошо вооруженныхъ дружинъ, своего рода постояннаго войска изъ служилыхъ людей, какъ говорили у насъ въ старину, надо было обезпечить военный классъ и выдвинуть его изъ остальнаго общества. При Альфредѣ опредѣляется именно выдѣленіе такого военнаго, служилаго класса. Англійское населеніе распадается на двѣ части. Одна посвящаетъ себя мирнымъ занятіямъ—земледѣлію, промышленности, и отвыкаетъ отъ оружія; другая спеціально занимается военнымъ дѣломъ и требуетъ отъ рабочаго класса прокормленія и услуженія. Каждый тенъ становился помѣщикомъ, на доходы съ имѣнія содержалъ своихъ военныхъ помощниковъ, а собиралъ эти доходы, благодаря труду многочисленнаго рабочаго населенія, которое воздѣлывало его поля, приносило ему въ оброкъ разные припасы и продукты, иногда платило ему деньги, хотя денегъ вообще въ то время было мало. Вотъ, напр., что обязанъ былъ дѣлать крестьянинъ въ одномъ изъ дворцовыхъ имѣній короля Альфреда. „Каждая семья платитъ 40 пенсовъ въ осеннее равноденствіе и даетъ 6 боченковъ пива, 3 мѣры пшеницы и 3 фунта ячменя; они обязаны вспахать 3 десятины и посѣять на нихъ хлѣбъ изъ собственныхъ сѣмянъ и въ свое время снять и убрать его; скосить полдесятины и убрать сѣно; наколоть 4 охапки дровъ и уставить въ полѣнницу, и провести изгородь на 8 саженей, а въ Пасху дать 2 овецъ и 2 ягнятъ, и помогать мыть и стричь овецъ“. Подобныя же повинности несли крестьяне въ имѣніяхъ церквей, монастырей и частныхъ владѣльцевъ.

Такимъ образомъ, въ борьбѣ съ датчанами общество раздѣлилось на два слоя или пласта. Образовывалась наверху своего рода верхняя корка или броня, которая должна была защищать рабочій людъ отъ нашествій и избавить его отъ необходимости постоянно бросать плугъ и браться за мечъ. За то рабочій людъ попалъ въ зависимость и подчиненіе отъ своихъ защитниковъ—теновъ или рыцарей.

Заботы о просвѣщеніи.

Итакъ, мы видимъ, что возрожденіе общества не ограничивалось ни удачными битвами, ни чисто военными мѣрами. Чтобы сопротивляться, общество перестроивалось на новый ладъ во всей своей внутренней жизни, и король Альфредъ по мѣрѣ силъ содѣйствовалъ этому переустройству. Онъ говорилъ, что король имѣетъ свое ремесло и что ему нужно три орудія, чтобы заниматься имъ. Эти орудія—три сословія: священники, воины и рабочіе. Безъ нихъ

король не можетъ показать искусства въ своемъ ремеслѣ. Но онъ пошелъ еще дальше, понялъ и провелъ еще болѣе глубокую идею, понялъ, что для истиннаго успѣха мало оружія и могущества, мало матеріальнаго порядка и благосостоянія, а нужно духовное улучшеніе. Этотъ человѣкъ, который въ продолженіе цѣлой жизни не сходилъ съ коня и бился съ норманнами, удѣлялъ при всемъ томъ время на труды литературные и написалъ болѣе, нежели многіе изъ нашихъ самыхъ плодовитыхъ литераторовъ, несмотря на то, что его мучила неизлѣчимая, страшная болѣзнь. И эти занятія литературою были не забавой поверхностнаго любителя, не развлеченіемъ государственнаго человѣка, который уходитъ отъ наскучившей политики въ иную, привлекательную область. Они были серьезнымъ дѣломъ дальновиднаго и глубоко-совѣстливаго правителя, который вполнѣ понялъ, что просвѣщеніе не роскошь, не излишество, а величайшая сила, къ которой рано или поздно приложится все остальное. Чтобы стало больше порядка, закона, нравственнаго долга въ государствѣ, надо больше свѣта. У этого великаго воина была одна страсть, которая не всѣмъ будетъ понятна въ настоящее время,—страсть учиться и учить. Какъ онъ учился, разсказалъ его сподвижникъ, кельтскій монахъ Ассеръ. Въ дѣтствѣ онъ жадно прислушивался къ роднымъ саксонскимъ пѣснямъ и сказаніямъ. Мальчикомъ онъ былъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Римѣ, видѣлъ тамъ остатки великой исторіи и великой красоты древняго міра, присмотрѣлся къ понятіямъ и манерамъ образованныхъ италіанцевъ папскаго двора, но это пребываніе на свѣтломъ югѣ прошло быстро, какъ сонъ. Опять очутился онъ на своемъ туманномъ островѣ, и пошли долгіе годы битвъ, засадъ, бѣгства, приключеній. Только на 40 году отъ роду нашелъ король время, чтобы научиться латинской грамотѣ, и, едва научившись, онъ уже сталъ хлопотать о томъ, чтобы перевести съ латинскаго на англійскій сочиненія, которыя казались ему особенно замѣчательными и назидательными. Такъ какъ знаніе было для него не капризомъ и не забавой, то онъ горячо стремился тотчасъ передать его другимъ, распространить свѣтъ вокругъ себя. Всякій другой отступился бы въ отчаяніи отъ непосильнаго дѣла. За время датскихъ набѣговъ Англія одичала, зачатки культуры, насажденной Августиномъ и Θеодоромъ тарсскимъ, Бедой и Алкуиномъ, заглохли. Вотъ какъ говоритъ самъ Альфредъ о положеніи образованія въ его время (предисловіе къ Григорію, Cura pastoralis). „Часто приходилось мнѣ думать, что въ прежнее время было много мудрыхъ людей въ Англіи, какъ

духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; то было благословенное время для Англіи. Тогдашніе короли повиновались Богу и его заповѣдямъ. Внутри государства они поддерживали миръ, нравственность и власть, извнѣ расширяли свою страну. Удача имъ была и въ войнѣ, и въ просвѣщеніи. Духовенство ревностно занималось и ученіемъ, и учительствомъ, и всѣмъ тѣмъ, что церкви должны дѣлать ради Бога. Иностранцы искали мудрости и наставленія въ нашей странѣ, а мы теперь сами принуждены обращаться къ иностранцамъ. Все это пришло въ такой упадокъ, что едва немногіе священники понимали богослужебныя книги или могли перевести письмо съ латинскаго на англійскій. Когда я вступилъ на престолъ, къ югу отъ Темзы я не зналъ ни одного такого. Благодаря всемогущему Богу, мы имѣемъ теперь хоть нѣсколько учителей".

Усилія Альфреда и въ этомъ случаѣ принесли плоды. Онъ содѣйствовалъ тому, что англійское духовенство возобновило прекратившіяся-было заботы объ образованіи какъ въ своей средѣ, такъ и среди свѣтскаго общества. Вновь начались терпѣливые труды монастырскихъ отшельниковъ надъ переписываньемъ текстовъ Священнаго Писанія, отцовъ церкви, иногда древнихъ авторовъ, надъ посильными переводами, объясненіями, пересказами, даже самостоятельными обработками.

Переводы Альфреда

Но вернемся къ самому Альфреду, къ его литературнымъ интересамъ и работамъ; онѣ дадутъ намъ нѣкоторую возможность познакомиться съ самымъ содержаніемъ тѣхъ идей, которыя руководили образованными людьми того времени. Онъ такъ дорожилъ всякой свѣтлой мыслью и новымъ свѣдѣніемъ, что постоянно носилъ при себѣ записную книжку и вписывалъ въ нее интересныя сообщенія своихъ собесѣдниковъ. Кельтъ Ассеръ, германскій саксъ Іоаннъ, франкъ Гримбальдъ были главными его помощниками и совѣтниками по части литературы. Ихъ услугами пользовался онъ и при составленіи своихъ переводовъ. Переводилъ онъ не слово въ слово, а старался лишь схватить мысль писателя. Главная цѣль была составить своего рода энциклопедію свѣдѣній и поученій для духовенства и народа. Беда тоже стремился къ этому въ свое время, но Беда прошелъ правильную школу классическаго и церковнаго образованія и потому остался въ старой, налаженной рамкѣ семи свободныхъ искусствъ и богословія. Онъ такъ и пишетъ—грамматику, риторику, ариѳметику, астрономію, музыку, толкованіе Священнаго Писанія. Альфредъ—геніальный самоучка, удивляющій свѣжестью, широтою и оригинальностью взгляда. Его энциклопедія

совсѣмъ другая. Онъ переводитъ всеобщую исторію испанскаго священника Павла Орозія, затѣмъ родную, англійскую исторію Беды, трактатъ италіанца Боэція „Объ утѣшеніи въ философіи", и „Пастырское правило" папы Григорія Великаго — руководство для священниковъ въ ихъ сношеніяхъ съ паствой. Энциклопедія Альфреда имѣетъ, такимъ образомъ, гораздо болѣе практическій характеръ, ближе къ жизни и не вдается въ безплодныя ученыя мелочи.

Что̀ особенно для насъ цѣнно, Альфредъ приноравливалъ тексты переводимыхъ писателей къ интересамъ и потребностямъ своего времени: многое опускалъ, измѣнялъ порядокъ, дѣлалъ вставки и дополненія. Въ Орозіи онъ особенно внимательно останавливается на географическомъ введеніи, такъ что обзоръ всемірной исторіи становится въ то же время обзоромъ извѣстнаго во время Альфреда міра. Одна часть земной поверхности была гораздо важнѣе и извѣстнѣе переводчику, англичанину IX в., чѣмъ автору-испанцу V вѣка,—именно, сѣверная Европа. И у Альфреда мы находимъ цѣнныя вставки — разсказы 2 путешественниковъ, датчанина Отгера, который обошелъ берега Норвегіи и Мурманъ и дошелъ до Бѣлаго моря, и англичанина Ульфстана, который изъ Шлезвига проплылъ Балтійскимъ моремъ и описалъ бытъ эстовъ, жившихъ по его юго-восточному берегу. Очень характерна также переработка Боэція. Авторъ былъ знатный римлянинъ, писавшій вскорѣ послѣ паденія Западной имперіи, когда въ Италіи господствовали остготы. Онъ не могъ примириться съ униженіемъ своей родины, хотя правилъ ею мудрый и гуманный король Теодорихъ Великій. Душа римлянина ищетъ утѣшенія отъ превратностей и случайностей жизни въ наслѣдіи древняго міра—въ его литературѣ и философіи. Подобно философамъ-стоикамъ, Боэцій удаляется въ себя, въ свои мысли и воспоминанія, и такимъ способомъ находитъ твердость и спокойствіе, чтобы переносить невзгоды. Альфредъ вполнѣ становится на сторону просвѣщеннаго римлянина. Въ историческомъ очеркѣ, прибавленномъ къ сочиненію Боэція, онъ рисуетъ своего соплеменника Теодориха кровожаднымъ тиранномъ, гонителемъ христіанства и просвѣщенія. Родство по духу съ Боэціемъ оказалось сильнѣе родства по крови съ Теодорихомъ. „Утѣшеніе въ философіи" было особенно понятно Альфреду: вѣдь онъ всѣмъ былъ обязанъ твердости своего духа, мужеству въ борьбѣ противъ превратностей и козней, которыми судьба осаждаетъ и мучаетъ людей. А затѣмъ, какъ просвѣтитель Англіи, Альфредъ видѣлъ въ Боэціи какъ бы посредника между образованностью древняго міра

духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; то было благословенное время для Англіи. Тогдашніе короли повиновались Богу и его заповѣдямъ. Внутри государства они поддерживали миръ, нравственность и власть, извнѣ расширяли свою страну. Удача имъ была и въ войнѣ, и въ просвѣщеніи. Духовенство ревностно занималось и ученіемъ, и учительствомъ, и всѣмъ тѣмъ, что церкви должны дѣлать ради Бога. Иностранцы искали мудрости и наставленія въ нашей странѣ, а мы теперь сами принуждены обращаться къ иностранцамъ. Все это пришло въ такой упадокъ, что едва немногіе священники понимали богослужебныя книги или могли перевести письмо съ латинскаго на англійскій. Когда я вступилъ на престолъ, къ югу отъ Темзы я не зналъ ни одного такого. Благодаря всемогущему Богу, мы имѣемъ теперь хоть нѣсколько учителей".

Усилія Альфреда и въ этомъ случаѣ принесли плоды. Онъ содѣйствовалъ тому, что англійское духовенство возобновило прекратившіяся-было заботы объ образованіи какъ въ своей средѣ, такъ и среди свѣтскаго общества. Вновь начались терпѣливые труды монастырскихъ отшельниковъ надъ переписываньемъ текстовъ Священнаго Писанія, отцовъ церкви, иногда древнихъ авторовъ, надъ посильными переводами, объясненіями, пересказами, даже самостоятельными обработками.

Переводы Альфреда

Но вернемся къ самому Альфреду, къ его литературнымъ интересамъ и работамъ; онѣ дадутъ намъ нѣкоторую возможность познакомиться съ самымъ содержаніемъ тѣхъ идей, которыя руководили образованными людьми того времени. Онъ такъ дорожилъ всякой свѣтлой мыслью и новымъ свѣдѣніемъ, что постоянно носилъ при себѣ записную книжку и вписывалъ въ нее интересныя сообщенія своихъ собесѣдниковъ. Кельтъ Ассеръ, германскій саксъ Іоаннъ, франкъ Гримбальдъ были главными его помощниками и совѣтниками по части литературы. Ихъ услугами пользовался онъ и при составленіи своихъ переводовъ. Переводилъ онъ не слово въ слово, а старался лишь схватить мысль писателя. Главная цѣль была составить своего рода энциклопедію свѣдѣній и поученій для духовенства и народа. Беда тоже стремился къ этому въ свое время, но Беда прошелъ правильную школу классическаго и церковнаго образованія и потому остался въ старой, налаженной рамкѣ семи свободныхъ искусствъ и богословія. Онъ такъ и пишетъ—грамматику, риторику, ариѳметику, астрономію, музыку, толкованіе Священнаго Писанія. Альфредъ—геніальный самоучка, удивляющій свѣжестью, широтою и оригинальностью взгляда. Его энциклопедія

XXI.

Набѣги викинговъ.

Сѣверная часть европейскаго материка была населена норманнами. Они занимали территорію современныхъ государствъ Норвегіи, Швеціи и Даніи, т. е. Скандинавскій полуостровъ и Ютландію. Въ Норвегіи горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ, тянутся вдоль всей страны, множество озеръ и быстрыхъ рѣкъ покрываютъ ее какъ бы водяною сѣтью, а море со всѣхъ сторонъ врѣзывается въ материкъ. Въ Даніи многочисленные острова разбиваютъ страну на отдѣльныя, болѣе или менѣе обширныя области, раздѣленныя водой, и только Швеція носитъ въ значительной своей части характеръ равнины. Такимъ образомъ, всѣ эти страны различны между собою, и это различіе мѣшало объединенію отдѣльныхъ племенъ, населявшихъ ихъ, въ одно цѣлое государство. Въ Норвегіи и Даніи даже природныя условія гораздо болѣе способствовали развитію обособленныхъ мелкихъ государствъ, управлявшихся каждое своими вождями, конунгами. Норманнскіе пираты.

Добываніе средствъ къ жизни нелегко давалось „сѣвернымъ людямъ", норманнамъ; правда, густые лѣса одѣвали склоны горъ, заливные луга были покрыты обильной травой, видъ страны не производилъ впечатлѣнія безплодной пустыни; но хлѣбныя растенія плохо выростали подъ холодными лучами скандинавскаго солнца,

---

Пособія. *Annales Bertiniani*; *Steenstrup*, Normannerne, I и II; *Depping*, Histoire des expéditions maritimes des Normands; *Стриннольмъ*, Походы викинговъ; *Тегнеръ*, Фритіофъ, въ русскомъ переводѣ *Я. Грота*.

земля давала скудное пропитаніе ея обитателямъ. Неурожаи и голодъ постоянно посѣщали норманновъ, и многимъ изъ нихъ волею-неволею приходилось искать средствъ къ жизни внѣ своей родины. По свидѣтельству средневѣковыхъ лѣтописцевъ, у норманновъ черезъ извѣстные промежутки времени достигшіе совершеннолѣтія юноши покидали родину и отправлялись искать счастія на чужой сторонѣ. Это были младшіе братья, не получавшіе доли въ отцовскомъ наслѣдіи, обездоленные люди, которымъ дома нечего было терять, и, наконецъ, лица, жребіемъ обреченныя на оставленіе отечества. Родная земля не могла прокормить ихъ, и всѣмъ этимъ пасынкамъ земли давала пріютъ другая великая „свободная стихія“—море.

Было бы однако ошибкою думать, что подобное удаленіе изъ отечества было связано у норманновъ съ умаленіемъ личнаго достоинства, что ремесло пирата считалось у нихъ позорнымъ. Въ числѣ такихъ изгнанниковъ бывали люди очень знатнаго происхожденія. Не только „ярлы“, представители аристократическаго слоя норманнскаго общества, но и сыновья конунговъ, носившіе королевскій титулъ, стояли во главѣ подобныхъ дружинъ. Младшій сынъ короля, не получившій власти надъ страною, имѣлъ въ своемъ распоряженіи безграничное королевство на волнахъ океана, которое давало ему больше доходовъ, чѣмъ королевскіе домены его старшему брату. Золото и серебро и богатая добыча были его удѣломъ, а его отважные подвиги на морѣ воспѣвались въ пѣсняхъ „скальдовъ“; имя его дѣлалось именемъ національнаго героя въ устахъ народа. И викинги любили свое водное королевство и умирали въ борьбѣ за обладаніе имъ съ неменьшимъ одушевленіемъ, чѣмъ герои, жертвовавшіе жизнью за свое отечество. На своихъ легкихъ судахъ викинги совершали самыя отважныя плаванія, не только появлялись у сѣверныхъ береговъ Германіи и Франціи, высаживались на великобританскіе острова, но проникали и въ Средиземное море, Архипелагъ и достигали даже до Іерусалима; на сѣверѣ они доходили до Гренландіи и береговъ Сѣверной Америки. Многіе гибли отъ бури въ морскихъ волнахъ, многіе падали въ кровавыхъ схваткахъ; но смерть въ бою или во время похода не пугала поклонниковъ религіи Одина.

Уставъ викинга.

„Мы не признаемъ другого права, кромѣ права меча, у насъ нѣтъ иной цѣли, кромѣ какъ умерщвлять враговъ и грабить добычу“, говорилъ предводитель викинговъ, разорявшихъ замокъ одного скандинавскаго ярла; но при всемъ томъ среди этой воль-

ницы съ теченіемъ времени сложился цѣлый рядъ обычаевъ, которые, хотя и не имѣли значенія закона, но тѣмъ не менѣе свято сохранялись викингами. Одинъ изъ шведскихъ поэтовъ нашего столѣтія (Тегнеръ) слѣдующими стихами охарактеризовалъ „уставъ викинга":

Ни шатровъ на судахъ, ни ночлега въ домахъ:
Супостатъ за дверьми стережетъ;
Спать на ратномъ щитѣ, мечъ булатный въ рукахъ,
А шатромъ—голубой небосводъ.

Какъ у Фрея [1]), лишь въ локоть будь мечъ у тебя:
Малъ у Тора гремящаго млатъ.
Есть отвага въ груди—ко врагу подойди—
И не будетъ коротокъ булатъ.

Какъ взыграетъ гроза, подыми паруса:
Подъ грозою душѣ веселѣй.
Пусть гремитъ, пусть реветъ: трусъ—кто парусъ совьетъ!
Чѣмъ быть трусомъ, погибни скорѣй.

Ты купца, на пути повстрѣчавъ, защити;
Но возьми съ него должную дань.
Ты владыка морей, онъ же прибыли рабъ:
Благороднѣйшій промыселъ—брань.

Ты по жребью добро на помостѣ дѣли,
И на жребій не жалуйся свой;
Самъ же конунгъ морской не вступаетъ въ дѣлежъ:
Онъ доволенъ и честью одной.

Но вотъ викингъ плыветъ: нападай и рубись;
Подъ щитами потѣха бойцамъ;
Кто отстанетъ на шагъ, тотъ не нашъ: вотъ законъ;
Поступай, какъ ты вѣдаешь самъ.

Побѣдивъ, укротись: кто о мирѣ просилъ,
Тотъ не врагъ уже болѣ тебѣ.
Дочь Валгаллы мольба; ты дрожащей внимай;
Тотъ презрѣнъ, кто откажетъ мольбѣ.

Рана—прибыль твоя: на груди, на челѣ
То прямая украса мужамъ:
Ты чрезъ сутки, не прежде ее повяжи,
Если хочешь собратомъ быть намъ.

---

1) Фрей—богъ плодородія.

земля давала скудное пропитаніе ея обитателямъ. Неурожаи и голодъ постоянно посѣщали норманновъ, и многимъ изъ нихъ волею-неволею приходилось искать средствъ къ жизни внѣ своей родины. По свидѣтельству средневѣковыхъ лѣтописцевъ, у норманновъ черезъ извѣстные промежутки времени достигшіе совершеннолѣтія юноши покидали родину и отправлялись искать счастія на чужой сторонѣ. Это были младшіе братья, не получавшіе доли въ отцовскомъ наслѣдіи, обездоленные люди, которымъ дома нечего было терять, и, наконецъ, лица, жребіемъ обреченныя на оставленіе отечества. Родная земля не могла прокормить ихъ, и всѣмъ этимъ пасынкамъ земли давала пріютъ другая великая „свободная стихія“—море.

Было бы однако ошибкою думать, что подобное удаленіе изъ отечества было связано у норманновъ съ умаленіемъ личнаго достоинства, что ремесло пирата считалось у нихъ позорнымъ. Въ числѣ такихъ изгнанниковъ бывали люди очень знатнаго происхожденія. Не только „ярлы“, представители аристократическаго слоя норманнскаго общества, но и сыновья конунговъ, носившіе королевскій титулъ, стояли во главѣ подобныхъ дружинъ. Младшій сынъ короля, не получившій власти надъ страною, имѣлъ въ своемъ распоряженіи безграничное королевство на волнахъ океана, которое давало ему больше доходовъ, чѣмъ королевскіе домены его старшему брату. Золото и серебро и богатая добыча были его удѣломъ, а его отважные подвиги на морѣ воспѣвались въ пѣсняхъ „скальдовъ“; имя его дѣлалось именемъ національнаго героя въ устахъ народа. И викинги любили свое водное королевство и умирали въ борьбѣ за обладаніе имъ съ неменьшимъ одушевленіемъ, чѣмъ герои, жертвовавшіе жизнью за свое отечество. На своихъ легкихъ судахъ викинги совершали самыя отважныя плаванія, не только появлялись у сѣверныхъ береговъ Германіи и Франціи, высаживались на великобританскіе острова, но проникали и въ Средиземное море, Архипелагъ и достигали даже до Іерусалима; на сѣверѣ они доходили до Гренландіи и береговъ Сѣверной Америки. Многіе гибли отъ бури въ морскихъ волнахъ, многіе падали въ кровавыхъ схваткахъ; но смерть въ бою или во время похода не пугала поклонниковъ религіи Одина.

Уставъ викинга.

„Мы не признаемъ другого права, кромѣ права меча, у насъ нѣтъ иной цѣли, кромѣ какъ умерщвлять враговъ и грабить добычу“, говорилъ предводитель викинговъ, разорявшихъ замокъ одного скандинавскаго ярла; но при всемъ томъ среди этой воль-

имѣть живыхъ и правильныхъ сношеній другъ съ другомъ. Вотъ почему на сѣверѣ Европы долгое время не возникало никакой прочной государственной организаціи. Но эти естественныя преграды, воздвигнутыя между отдѣльными союзами людей на сушѣ, исчезали, когда они отправлялись на море. Опасности плаванія и военной жизни тѣсно связывали ихъ между собой и объединяли подъ властью какого-нибудь отважнаго вождя. Между самими вождями часто устанавливались отношенія „названнаго братства". Отношенія эти ознаменовывались символическимъ обрядомъ. Вступавшіе въ подобный союзъ дѣлали себѣ легкій надрѣзъ на рукѣ, кровь ихъ, капая на землю, смѣшивалась, и это смѣшеніе крови служило залогомъ образовавшагося между ними братства. Названные братья по воспитанію или по оружію были связаны между собою узами еще болѣе тѣсными, чѣмъ родство по крови, и вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливалась связь также и между ихъ дружинами. Такъ образовывались большіе союзы викинговъ, которые не только были въ состояніи дѣлать завоеванія на самомъ континентѣ Европы, но и основывать на почвѣ этихъ завоеваній прочныя государства.

Впечатлѣніе набѣговъ на европейскія государства.

Посмотримъ теперь, какое впечатлѣніе производили набѣги норманновъ на европейскія государства, и остановимся на нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ ихъ экспедиціяхъ.

Разсказываютъ, что Карлъ Великій, находясь въ одномъ изъ приморскихъ городовъ южной Франціи, замѣтилъ, что къ гавани города приближаются какіе-то корабли. Окружавшіе Карла принимали ихъ за купеческія суда, но самъ Карлъ догадался, что это былъ флотъ викинговъ, и сказалъ: „Эти суда не съ товарами, а съ ратными людьми". Между тѣмъ викинги, узнавъ о присутствіи самого Карла, быстро уплыли снова въ море. Тогда Карлъ покачалъ задумчиво головой и сказалъ вслѣдъ удалявшимся викингамъ: „Меня мучитъ великая скорбь: я предвижу, сколько зла причинятъ они моимъ дѣтямъ и ихъ потомкамъ". Мы не знаемъ, насколько справедливъ этотъ разсказъ, насколько старый императоръ дѣйствительно предугадалъ ужасное бѣдствіе, грозившее имперіи послѣ его смерти. Во всякомъ случаѣ, въ основѣ этого разсказа лежитъ совершенно вѣрный историческій фактъ: одно только имя Карла Великаго удерживало при его жизни викинговъ отъ предѣловъ франкской монархіи. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ смерти Карла флоты викинговъ появляются у береговъ Голландіи, Фландріи и Франціи, дѣлаютъ попытку подняться вверхъ по Сенѣ. Одинъ изъ прирейнскихъ городовъ, Дорштадтъ, въ теченіе трехъ лѣтъ

трижды былъ разграбленъ норманнами. Въ то же самое время въ англосаксонскихъ лѣтописяхъ находимъ извѣстія: „Послалъ всемогущій Богъ толпы свирѣпыхъ язычниковъ—датчанъ, норвежцевъ, готовъ и шведовъ; они опустошали грѣшную Англію отъ одного морского берега до другого, убивали народъ и скотъ, не щадили ни женщинъ, ни дѣтей". — „Викинги не щадятъ никого, пока не дадутъ слова щадить. Одинъ изъ нихъ часто обращаетъ въ бѣгство десятерыхъ и даже больше. Бѣдность внушаетъ имъ смѣлость; скитанія дѣлаютъ невозможной правильную борьбу съ ними; отчаяніе дѣлаетъ ихъ непобѣдимыми".

Послѣ смерти Людовика Благочестиваго, когда усилившіяся междоусобія между его сыновьями привели къ распаденію монархіи Карла на три самостоятельныя государства, Франція больше всего пострадала отъ нападеній норманновъ. Король французскій Карлъ Лысый былъ совершенно неспособенъ оказать сильный отпоръ отважнымъ дружинамъ викинговъ; онъ большею частію предоставлялъ защиту страны самому населенію; королевскія войска рѣдко выходили навстрѣчу норманнскимъ отрядамъ. Карлъ предпочиталъ покупать за деньги миръ у норманновъ и, уплачивая имъ огромныя для того времени денежныя суммы, облагалъ тяжелыми поборами церковь, въ рукахъ которой находилось тогда наибольшее количество золота и серебра. Храмы и монастыри чаще всего разграблялись норманнами, и лица, принадлежавшія къ клиру, такимъ образомъ больше всѣхъ страдали отъ жестокостей, которыми сопровождались норманнскія разоренія. Поэтому въ хроникахъ той эпохи, писавшихся монахами, мы встрѣчаемъ многочисленные разсказы о набѣгахъ викинговъ, которые представляются, какъ послѣдствія гнѣва Божія на Францію за грѣхи ея населенія. Подобныя же мысли высказывались и на церковныхъ соборахъ. Такъ, на одномъ соборѣ епископы говорили мірянамъ: „Вы видите, что въ наказаніе за неповиновеніе христіанъ заповѣдямъ Божіимъ и постановленіямъ церкви Господь допустилъ въ самое сердце королевства, до самаго Парижа, самыхъ жестокихъ язычниковъ и заклятыхъ враговъ христіанства".—„Печально время, въ которое мы живемъ", пишетъ одинъ епископъ", ибо неистовства язычниковъ вызвали всеобщее бѣдствіе и разореніе. Королевства, нѣкогда столь славныя, лишились своей славы; короли, нѣкогда столь сильные, лишились своего могущества. Воды рѣкъ еще окрашены кровью жертвъ и покрыты разлагающимися трупами; кости плѣнниковъ норманнскихъ гніютъ безъ погребенія на островахъ Сены; берега, нѣкогда прекрасные,

какъ рай, совершенно опустошены огнемъ и мечемъ". — „Грѣхи наши виною во всѣхъ бѣдствіяхъ", восклицаетъ другой монахъ: „несправедливости священниковъ и князей превзошли всякую мѣру; они исказили правосудіе, потворствовали пролитію крови, исполнили все грѣха и преступленія. Чтобы заставить насъ плакать о нашихъ прегрѣшеніяхъ, Господь попустилъ варварамъ обнажить мечъ отомщенія, обратилъ ихъ въ орудіе противъ насъ".

Въ тѣхъ мрачныхъ краскахъ, которыми французскіе монахи описываютъ набѣги викинговъ, нѣтъ преувеличенія. О кровавыхъ разореніяхъ и безпощадности викинговъ къ своимъ врагамъ свидѣтельствуютъ намъ и скандинавскія саги. Но та своеобразная поэзія, которая была присуща смѣлымъ подвигамъ „морскихъ королей", не могла не ускользнуть отъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, современниковъ норманнскихъ набѣговъ. Послѣдствія варварства викинговъ были у всѣхъ передъ глазами: викинги оскорбляли христіанскія святыни, разоряли и сожигали города и монастыри, обращали въ пустыни плодоносныя поля, — вполнѣ естественно, что въ памятникахъ той эпохи они характеризуются одпѣми только отрицательными чертами. Свободолюбивый духъ викинговъ, ихъ отважная предпріимчивость, высокое представленіе о силѣ и могуществѣ человѣка видны тѣмъ не менѣе и сквозь эту призму разсказовъ о насиліяхъ и жестокостяхъ, совершенныхъ норманнами.

Гастингъ.

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся викинговъ той эпохи былъ Гастингъ. Онъ явился во Францію вмѣстѣ со своимъ воспитанникомъ Бьёрномъ-Іернсидой (Желѣзный бокъ), сыномъ конунга Лодброга, во второй половинѣ IX вѣка во главѣ многочисленнаго флота норманновъ. Имя Гастинга навело ужасъ на всю Францію. Подъ его начальствомъ викинги проникли во Францію сначала черезъ устье Лоары и, поднявшись вверхъ по рѣкѣ, опустошили всю страну, лежавшую по ея теченію, подвергли страшному разгрому городъ Нантъ; также дѣйствовали они въ областяхъ по Гароннѣ. Наконецъ, по теченію Сены Гастингъ дошелъ до Парижа и занялъ этотъ городъ. Карлъ Лысый со своимъ войскомъ стоялъ въ это время около Сенъ-Дени и не смѣлъ выступить противъ грознаго врага. „Кто бы подумалъ, кто бы вообразилъ", пишетъ одинъ монахъ, „видимое нынѣ нашими глазами, предметъ нашихъ вздоховъ и слезъ? Орда, составленная изъ морскихъ разбойниковъ, проникла до Парижа и сожгла церкви и монастыри на берегахъ Сены! Кто бы представилъ себѣ, что простые разбойники отважатся на такія предпріятія и что, увы! такое славное и сильное, великое и населенное коро-

левство постигнетъ участь позора и униженія отъ грабительства этихъ варваровъ? За нѣсколько передъ симъ лѣтъ не ожидали увидѣть, что они награбятъ такое множество сокровищъ въ нашихъ областяхъ, опустошатъ ихъ, а жителей уведутъ въ рабство; даже и не предчувствовали, что они осмѣлятся занести ногу во внутренность королевства". По счастію для Франціи, среди норманновъ открылась въ то время какая-то болѣзнь, и Карлу удалось купить у нихъ миръ за 7000 фунтовъ серебра.

Взятіе Луны. Изъ всѣхъ предпріятій Гастинга наиболѣе характернымъ для этого викинга является его походъ въ Италію (около 859 г.). „Всѣ государства міра", говорилъ Гастингъ, „должны увидѣть нашу славу. Сотни тысячъ уже пали отъ нашего меча; но всякій воинъ, достигнувъ одной цѣли, стремится къ высшей; если мы подаримъ римскую корону Бьёрну-Іерnсидѣ, наша слава разнесется по всему свѣту". Флотъ викинговъ достигъ города Луны, въ бухтѣ Специціи. Городъ этотъ со своими высокими стѣнами и башнями сильно подѣйствовалъ своимъ внѣшнимъ видомъ на воображеніе норманновъ. Они подумали, что это и есть самый Римъ. Приблизившись къ городу, Гастингъ увидѣлъ, что укрѣпленія его слишкомъ сильны и едва ли удастся взять городъ приступомъ. Поэтому онъ придумалъ хитрость. Послы Гастинга явились въ Луну во время праздника Рождества Христова и заявили, что флотъ викинговъ пришелъ въ гавань города съ мирными цѣлями: онъ занесенъ сюда бурей, вождь викинговъ опасно боленъ и хочетъ передъ смертію принять христіанство. Извѣстіе это было принято съ восторгомъ населеніемъ Луны; графъ города былъ воспріемникомъ викинга, а самъ епископъ совершилъ надъ нимъ таинство крещенія Ночью жители города услышали громкій плачъ на корабляхъ норманновъ: пришла вѣсть, что Гастингъ умеръ, завѣщалъ всѣ свои богатства церкви и выразилъ желаніе быть погребеннымъ въ городскомъ монастырѣ. Въ торжественной похоронной процессіи, устроенной Гастингу, участвовало большое число норманновъ; они наполнили церковь, куда собрались также и графъ и знатнѣйшіе граждане Луны. Но когда былъ оконченъ погребальный обрядъ и готовились опустить гробъ въ могилу, крышка его поднялась, изъ гроба всталъ Гастингъ въ полномъ вооруженіи и мечемъ своимъ убилъ епископа, совершавшаго богослуженіе. Примѣру его послѣдовали остальные норманны: графъ и вся знать Луны были перебиты. Викинги отворили ворота города своимъ товарищамъ. Норманны безъ труда овладѣли Луной и предали городъ грабежу и

разрушенію. Только тогда узнали они, что взятый ими городъ былъ не Римъ.

Въ старости Гастингъ, утомленный трудами военной жизни, пожелалъ окончить спокойно свои дни и воспользоваться плодами своихъ побѣдъ. Онъ принялъ христіанство и получилъ отъ короля Карла Лысаго графство шартрское. Отважный викингъ, гроза морей, сдѣлался мирнымъ феодальнымъ барономъ. Эта перемѣна въ личной судьбѣ Гастинга вполнѣ соотвѣтствовала новому характеру, который получили набѣги викинговъ въ концѣ IX вѣка. Викинги не довольствовались болѣе одной военной добычей и славой—они стремились сдѣлать прочныя завоеванія на континентѣ Европы. Отряды ихъ никогда не покидали совершенно Франціи; тотъ или другой городъ, та или другая мѣстность находились въ теченіе продолжительнаго времени въ рукахъ норманновъ; туда прибывали къ нимъ весной новыя дружины, отсюда они совершали свои набѣги вглубь страны. Какъ на подобную попытку прочно основаться на французской почвѣ, слѣдуетъ смотрѣть на продолжительную осаду Парижа норманнами, длившуюся десять мѣсяцевъ,—быть можетъ, самое упорное и трудное военное предпріятіе норманновъ. Осада Парижа.

Знаменитая осада Парижа началась въ концѣ ноября 885 года и тянулась до октября 886 года. Огромныя силы норманновъ поднялись вверхъ по Сенѣ и подступили къ Парижу. Самый городъ былъ расположенъ въ то время на островѣ Сены, предмѣстья его лежали на обоихъ берегахъ рѣки. Эти предмѣстья не были ничѣмъ укрѣплены, но городъ былъ хорошо защищенъ стѣною и башнями, а главное, крѣпкими мостами черезъ рѣку. Защитою Парижа руководили графъ Эдъ, сынъ знаменитаго Роберта Смѣлаго, мужественно защищавшаго свою страну отъ норманновъ, и епископъ парижскій Гослинъ. Франціей управлялъ въ то время Карлъ Толстый, который снова соединилъ въ рукахъ своихъ всѣ владѣнія Карла Великаго и носилъ императорскій титулъ, но былъ человѣкъ совершенно ничтожный, занятый однѣми придворными интригами и къ тому же страдавшій постоянными головными болями, близкій къ умопомѣшательству. Парижъ долженъ былъ обороняться собственными силами, помощь отъ императора пришла только въ самомъ концѣ. У норманновъ не было умѣнія вести правильную осаду, не было необходимыхъ осадныхъ орудій; этимъ объясняется успѣшная оборона Парижа. Мужество оборонявшихся при скудномъ запасѣ съѣстныхъ припасовъ и открывшихся среди осажденныхъ болѣзней не спасло бы города, если бы норманны

могли вести свои дѣйствія болѣе энергично. Всѣ ихъ многочисленныя попытки овладѣть Парижемъ ограничивались приступами противъ отдѣльныхъ укрѣпленій и постоянно разбивались объ отчаянное сопротивленіе оборонявшихся. Тучи стрѣлъ и камней сыпались на нихъ съ башенъ, ихъ попытки поджечь деревянныя укрѣпленія города за немногими исключеніями оканчивались неудачно. Среди оборонявшихся господствовало сильное религіозное воодушевленіе, благодаря увѣщаніямъ епископа Гослина; воодушевленіе это еще усиливалось разсказами о видѣніяхъ, бывшихъ нѣкоторымъ благочестивымъ гражданамъ Парижа, и о чудесахъ, совершавшихся при мощахъ св. Германа и св. Женевьевы, защитниковъ Парижа. При всемъ томъ къ концу осады силы осажденныхъ истощились, запасы съѣстныхъ припасовъ приходили къ концу, и городъ не могъ бы держаться долѣе, если бы не подоспѣли, наконецъ, войска императора. Но Карлъ Толстый, по примѣру своего предшественника, избѣгнулъ рѣшительнаго столкновенія съ норманнами: онъ за деньги купилъ у нихъ миръ и побудилъ снять осаду Парижа.

Въ слѣдующемъ году Карлъ Толстый былъ свергнутъ съ престола, и французская корона по праву должна была перейти къ послѣднему мужскому потомку Каролинговъ во Франціи, малолѣтнему Карлу (впослѣдствіи король Карлъ Простоватый). Но французскій народъ избралъ королемъ героя обороны Парижа, графа Эда. Несмотря на мужество Эда и его отважную борьбу съ норманнами, королевская власть во Франціи была слишкомъ слаба, чтобы остановить вторженія викинговъ. Ихъ нападенія на Францію были такъ же часты, какъ и прежде, и сопровождались еще бо̀льшими жестокостями. Въ это время на соборѣ въ Мецѣ (888 г.) были установлены особыя молитвы объ освобожденіи страны отъ норманнскихъ набѣговъ, а въ нѣкоторыхъ церквахъ на эктеніяхъ стали возглашать прошеніе: „A furore Normannorum libera nos, Domine!“ Не менѣе Франціи страдали отъ набѣговъ викинговъ въ концѣ IX и началѣ X вв. Германія и Англія.

Одинъ изъ главныхъ героевъ этой эпохи норманнскихъ набѣговъ, датчанинъ Рольфъ, былъ основателемъ нормандскаго герцогства во Франціи (911 г.). Такъ отважные пираты сдѣлались основателями государствъ: начался новый періодъ въ исторіи норманновъ. Періодъ этотъ лежитъ внѣ предѣловъ нашей статьи. Въ эту эпоху роль норманновъ въ исторіи европейскихъ государствъ становится значительнѣе и почетнѣе: изъ разрушителей они обра-

щаются въ созидателей государственнаго порядка; но этому новому періоду недостаетъ того, что привлекаетъ насъ въ очерченной только-что бѣглыми чертами эпохѣ. Смѣлые викинги, свободные, какъ стихія, на которой выросло ихъ могущество, становятся въ тѣсныя рамки феодальнаго государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ въ ихъ жизни тѣ черты, которыя сохранились до нашего времени въ пѣсняхъ скандинавскихъ скальдовъ.

Б. Гольденвейзеръ.





могли вести свои дѣйствія болѣе энергично. Всѣ ихъ многочисленныя попытки овладѣть Парижемъ ограничивались приступами противъ отдѣльныхъ укрѣпленій и постоянно разбивались объ отчаянное сопротивленіе оборонявшихся. Тучи стрѣлъ и камней сыпались на нихъ съ башенъ, ихъ попытки поджечь деревянныя укрѣпленія города за немногими исключеніями оканчивались неудачно. Среди оборонявшихся господствовало сильное религіозное воодушевленіе, благодаря увѣщаніямъ епископа Гослина; воодушевленіе это еще усиливалось разсказами о видѣніяхъ, бывшихъ нѣкоторымъ благочестивымъ гражданамъ Парижа, и о чудесахъ, совершавшихся при мощахъ св. Германа и св. Женевьевы, защитниковъ Парижа. При всемъ томъ къ концу осады силы осажденныхъ истощились, запасы съѣстныхъ припасовъ приходили къ концу, и городъ не могъ бы держаться долѣе, если бы не подоспѣли, наконецъ, войска императора. Но Карлъ Толстый, по примѣру своего предшественника, избѣгнулъ рѣшительнаго столкновенія съ норманнами: онъ за деньги купилъ у нихъ миръ и побудилъ снять осаду Парижа.

Въ слѣдующемъ году Карлъ Толстый былъ свергнутъ съ престола, и французская корона по праву должна была перейти къ послѣднему мужскому потомку Каролинговъ во Франціи, малолѣтнему Карлу (впослѣдствіи король Карлъ Простоватый). Но французскій народъ избралъ королемъ героя обороны Парижа, графа Эда. Несмотря на мужество Эда и его отважную борьбу съ норманнами, королевская власть во Франціи была слишкомъ слаба, чтобы остановить вторженія викинговъ. Ихъ нападенія на Францію были такъ же часты, какъ и прежде, и сопровождались еще бо́льшими жестокостями. Въ это время на соборѣ въ Мецѣ (888 г.) были установлены особыя молитвы объ освобожденіи страны отъ норманнскихъ набѣговъ, а въ нѣкоторыхъ церквахъ на эктеніяхъ стали возглашать прошеніе: „A furore Normannorum libera nos, Domine!“ Не менѣе Франціи страдали отъ набѣговъ викинговъ въ концѣ IX и началѣ X вв. Германія и Англія.

Одинъ изъ главныхъ героевъ этой эпохи норманнскихъ набѣговъ, датчанинъ Рольфъ, былъ основателемъ нормандскаго герцогства во Франціи (911 г.). Такъ отважные пираты сдѣлались основателями государствъ: начался новый періодъ въ исторіи норманновъ. Періодъ этотъ лежитъ внѣ предѣловъ нашей статьи. Въ эту эпоху роль норманновъ въ исторіи европейскихъ государствъ становится значительнѣе и почетнѣе: изъ разрушителей они обра-

нія этихъ понятій въ римскомъ правѣ и въ средневѣковомъ обычаѣ невсегда совпадали. Итакъ, обязанности и права средневѣковаго человѣка держались только голосомъ народа, взаимной порукой среди каждой сословной группы, иногда просто силой честнаго слова, а иногда грубымъ самосудомъ. Если сосѣдъ нарушалъ въ средніе вѣка права другого, то обиженному недостаточно было установить передъ судомъ или общественнымъ мнѣніемъ свою правоту, чтобы возстановить утраченное или возмѣстить потери; ему нужно было еще самому найти „принудительную силу“ и заставить обидчика вернуть захваченное неправдою. Такую принудительную силу средневѣковый истецъ находилъ чаще всего опять-таки среди равныхъ себѣ, т. е. въ той же самой общественной группѣ, которая по требованію суда формулировала обычай и засвидѣтельствовала давность его права. Если „равные“ не поддержатъ, то истцу оставалось только въ первую половину среднихъ вѣковъ прибѣгнуть къ самоуправству, т. е. на несправедливость отвѣтить насиліемъ и отнять то, чего отвѣтчикъ не хотѣлъ вернуть по доброй волѣ; во вторую половину среднихъ вѣковъ, когда у всѣхъ европейскихъ народовъ стала крѣпнуть центральная правительственная власть, истецъ могъ отказаться отъ кулачнаго права и обратиться къ суду короля, князя или ихъ чиновниковъ.

Чѣмъ болѣе колебалась сила обычая и преданія, тѣмъ сильнѣе сказывалась потребность и въ сильной правительственной власти съ многочисленными агентами, и въ писанномъ законѣ. Но первыя записи обычаевъ отдѣльныхъ странъ и провинцій, по которымъ можно воскресить всю феодальную систему, исходили часто не отъ офиціальныхъ властей, а отъ частныхъ юристовъ; онѣ должны были служить руководствомъ для судей и тяжущихся сторонъ въ эпоху, когда устное право по памяти стало разлагаться и измѣняться подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній. Таковы, напр., для Франціи обычаи Анжу, Мэна и Орлеанэ, сводъ которыхъ ошибочно приписанъ св. Людовику (такъ называемые Etablissements de St.-Louis), или записи обычаевъ Бовэзи, сдѣланныя бальи Бомануаромъ (Coutumes de Beauvoisis).

Аллодъ.

Въ періодъ полнаго расцвѣта феодализма, въ XI—XIII вв., у отдѣльныхъ европейскихъ народовъ можно было еще найти три вида права собственности: аллодъ, бенефицій, феодъ.

Аллодомъ (allodium, alleu) называлась земля совершенно свободная, находившаяся въ полной собственности лица; собственникъ не несъ за нее службы, не платилъ повинностей и по своему про-

изволу распоряжался ею; никакой высшій сеньёръ не имѣлъ надъ нею права суда или полицейской расправы. Переходъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, безъ всякаго вмѣшательства со стороны какого-либо сеньёра, составлялъ отличіе аллода какъ отъ временнаго бенефиція, который послѣ смерти пользовавшагося имъ возвращается къ собственнику, такъ и отъ феода, который послѣ смерти ленника, хотя и переходитъ къ его наслѣднику, но только съ согласія сюзерена, покупаемаго за извѣстный денежный взносъ. Аллодъ всегда оставался какъ бы за предѣлами собственно феодальнаго строя. Аллодіальныя земли существовали въ небольшихъ количествахъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и встрѣчались не только въ рукахъ знати, но иногда и въ собственности у простыхъ людей. Въ особенности много было ихъ на югѣ Франціи, въ областяхъ герцогства Аквитаніи и графства тулузскаго, гдѣ германскія начала потонули въ нѣдрахъ латинскаго населенія, писанное право взяло верхъ надъ обычнымъ, а города сохранили значительную долю политической самостоятельности; въ центральныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ Франціи аллоды въ видѣ исключенія удержались до конца XIII в. Поучительна феодальная перепись, произведенная въ 1272—73 гг., по повелѣнію герцога Аквитаніи—короля англійскаго, въ его континентальныхъ владѣніяхъ на югѣ Франціи. Собственники аллодовъ должны были здѣсь являться заодно съ ленниками передъ герцогскими чиновниками и объявлять форму и условія своего владѣнія (tenure); многіе ленники были одновременно и собственниками аллодовъ. Тутъ нашлись аллоды настолько свободные, что ихъ собственники не признавали даже права за королевскимъ чиновникомъ требовать какихъ-либо свѣдѣній и отказывались давать отвѣты. Другіе собственники объявляли, что никакими повинностями ровно ни передъ кѣмъ не обязаны. Въ древнихъ городахъ, какъ Бордо, аллодіальная собственность оказалась общимъ правиломъ, а феодализмъ—исключеніемъ, между тѣмъ какъ въ новыхъ городахъ—въ коммунахъ—преобладала форма леннаго владѣнія. Горожане Бордо утверждали, что ихъ дома, виноградники, поля—по большей части аллоды, все равно, кому бы они ни принадлежали, и что они никому не обязаны отчетомъ за нихъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ дѣйствовало даже юридическое правило, становившееся въ спорныхъ случаяхъ на сторону аллодіальной собственности: nul seigneur sans titre, т. е. всякая земля, надъ которой никто не могъ путемъ письменнаго документа доказать свое феодальное верховенство, считалась тѣмъ самымъ за аллодъ

ся владѣльца [1]). Побужденія къ превращенію аллодовъ въ феоды были у собственниковъ XII—XIII вв. все тѣ же, какъ и въ періодъ зарожденія ленной системы: боязнь остаться изолированными и безъ покровителей, давленіе и запугиваніе со стороны сосѣднихъ сюзереновъ, политика королей, которые враждебно смотрѣли на независимую собственность и распространяли на нее верховныя права, выработавшіяся собственно надъ феодами. Въ особенности при описяхъ леновъ (recognitiones feodorum) сеньёры удачно прибѣгали къ устраненію аллодіальныхъ владѣльцевъ и вынуждали у нихъ согласіе на признаніе феодальныхъ узъ. При аквитанской описи 1272—73 гг. собственники аллодовъ спѣшили отвѣтить на призывъ чиновниковъ, что они превратили уже свою землю въ феоды или что они дѣлаютъ это теперешнимъ своимъ заявленіемъ; нѣкоторые просто передаютъ аллоды герцогу, и простая запись, которую дѣлаютъ комиссары въ регистрахъ описи, получаетъ силу настоящей дарственной записи. Дѣло въ томъ, что аллодіальные собственники были, правда, свободны отъ всякой феодальной службы, но за то и были предоставлены однѣмъ своимъ силамъ при защитѣ земель въ случаѣ войны или насильственнаго захвата. Не имѣя возможности разсчитывать на поддержку сюзерена, они (напримѣръ, въ Лангедокѣ) образовали иногда въ своей средѣ союзы ради цѣлей взаимной охраны. Такъ исчезаютъ аллоды передъ совокупнымъ натискомъ феодальнаго принципа и монархической власти въ большинствѣ французскихъ провинцій. Раньше конца XIII в. Бомануаръ удостовѣряетъ уже, что въ области Бовэ формы аллодіальнаго владѣнія болѣе не существуетъ, а столѣтіе спустя этотъ итогъ многовѣкового процесса закрѣпляется формулой: nulle terre sans seigneur, которая на дѣлѣ чаще всего примѣняется въ пользу короля.

Бенефицій.

Собственностью бенефиціальной (beneficium) называется такое имущество, которое въ сущности находится только въ пользованіи владѣльца. Превращеніе бенефиціевъ въ лены совпадаетъ съ происхожденіемъ самой ленной системы. Въ періодъ сложившагося феодализма бенефиціи, которые всегда могутъ быть взяты собственникомъ обратно, не встрѣчаются, и даже бенефиціи срочные, не наслѣдственные, рѣдки, хотя изъ XI в. можно привести еще достаточно примѣровъ. Съ X в. феодъ становится преобла-

---

[1]) Въ отличіе отъ правила другихъ провинцій, болѣе благопріятнаго для феодализма: nulle terre sans seigneur, т. е. всякій владѣлецъ, который не могъ доказать права полной собственности надъ землей, долженъ былъ признать зависимость отъ верховнаго сюзерена смежныхъ леновъ.

изволу распоряжался ею; никакой высшій сеньёръ не имѣлъ надъ нею права суда или полицейской расправы. Переходъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, безъ всякаго вмѣшательства со стороны какого-либо сеньёра, составлялъ отличіе аллода какъ отъ временнаго бенефиція, который послѣ смерти пользовавшагося имъ возвращается къ собственнику, такъ и отъ феода, который послѣ смерти ленника, хотя и переходитъ къ его наслѣднику, но только съ согласія сюзерена, покупаемаго за извѣстный денежный взносъ. Аллодъ всегда оставался какъ бы за предѣлами собственно феодальнаго строя. Аллодіальныя земли существовали въ небольшихъ количествахъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и встрѣчались не только въ рукахъ знати, но иногда и въ собственности у простыхъ людей. Въ особенности много было ихъ на югѣ Франціи, въ областяхъ герцогства Аквитаніи и графства тулузскаго, гдѣ германскія начала потонули въ нѣдрахъ латинскаго населенія, писанное право взяло верхъ надъ обычнымъ, а города сохранили значительную долю политической самостоятельности; въ центральныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ Франціи аллоды въ видѣ исключенія удержались до конца XIII в. Поучительна феодальная перепись, произведенная въ 1272—73 гг., по повелѣнію герцога Аквитаніи—короля англійскаго, въ его континентальныхъ владѣніяхъ на югѣ Франціи. Собственники аллодовъ должны были здѣсь являться заодно съ ленниками передъ герцогскими чиновниками и объявлять форму и условія своего владѣнія (tenure); многіе ленники были одновременно и собственниками аллодовъ. Тутъ нашлись аллоды настолько свободные, что ихъ собственники не признавали даже права за королевскимъ чиновникомъ требовать какихъ-либо свѣдѣній и отказывались давать отвѣты. Другіе собственники объявляли, что никакими повинностями ровно ни передъ кѣмъ не обязаны. Въ древнихъ городахъ, какъ Бордо, аллодіальная собственность оказалась общимъ правиломъ, а феодализмъ—исключеніемъ, между тѣмъ какъ въ новыхъ городахъ—въ коммунахъ—преобладала форма леннаго владѣнія. Горожане Бордо утверждали, что ихъ дома, виноградники, поля—по большей части аллоды, все равно, кому бы они ни принадлежали, и что они никому не обязаны отчетомъ за нихъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ дѣйствовало даже юридическое правило, становившееся въ спорныхъ случаяхъ на сторону аллодіальной собственности: nul seigneur sans titre, т. е. всякая земля, надъ которой никто не могъ путемъ письменнаго документа доказать свое феодальное верховенство, считалась тѣмъ самымъ за аллодъ

никли по преимуществу изъ смѣшенія права собственности съ государственною властью. Ихъ собственники часто бывали наслѣдниками древнихъ общественныхъ должностей или занимали опредѣленное мѣсто въ феодальномъ обществѣ. Всѣ феодальныя земли, подчиненныя одна другой, были вѣдь расположены какъ бы въ лѣстницу: одни феоды господствовали надъ другими, но большинство ихъ одновременно бывало и подчиненнымъ, и господствовавшимъ; такъ получалась цѣпь леновъ, зависимыхъ одинъ отъ другого, начиная отъ простого вавассера (подвассала) или экюйэ (оруженосца) и кончая герцогомъ, который самъ зависитъ уже отъ короля. Но эта лѣстница систематизирована для Франціи только теоріями феодальныхъ юристовъ XIII в., а въ XI в. она менѣе сложна, не такъ выдержана и опредѣлена не столь точно. Большинство знатныхъ феодовъ—только части сеньёрій; ихъ владѣльцы несутъ только обязанности по отношенію къ сеньеру, а сами не пользуются важными правами административными или судебными; они могутъ отдать часть своего лена третьему лицу и подчинить его своимъ феодальнымъ правамъ, но сюзеренами они все-таки не станутъ.

Лены безъ земельной основы.

Въ лены отдавались не только земли. Сеньёры раздавали на ленныхъ условіяхъ: 1) должности, начиная съ самыхъ важныхъ административныхъ и судебныхъ и кончая чисто ремесленными обязанностями,—повара, мельники приносятъ „присягу" и называютъ леномъ свою кухню или мельницу, за которую несутъ службу; 2) свои доходы и права надъ другими лицами и чужими землями: какой-нибудь вассалъ графа Шампаньи держитъ на ленныхъ условіяхъ отъ него (fief-lige) половину пчелъ, которыя онъ найдетъ въ лѣсахъ; на югѣ Франціи ленъ иногда состоялъ изъ комнаты въ замкѣ или части укрѣпленной площадки; 3) церковныя десятины или части десятинъ церквей, аббатствъ, каѳедральныхъ соборовъ и епископскихъ каѳедръ. Начиная съ XII в., вошло въ обычай раздавать въ ленъ суммы денегъ или постоянныя ренты изъ казны сеньёра. Рядомъ съ fief-terre и fief-office становится fief-argent. Въ XIII в. случаи денежныхъ инфеодацій крайне многочисленны; сеньёры стремятся деньгами увеличивать число зависимыхъ людей. Какъ феодами-должностями сеньёры добывали себѣ администраторовъ, сборщиковъ податей, судей для отправленія сво-

еще государственными и политическими правами, т. е. „феодальнаго государя" (сюзеренъ, Fürst), то спеціальный титулъ („сиръ") низшаго слоя этихъ феодаловъ (въ противоположность графамъ и герцогамъ).

ихъ феодальныхъ правъ, такъ денежными ленами они пріобрѣтали военную силу для защиты отъ враговъ. Денежные феоды облегчили возможность быть ленникомъ нѣсколькихъ сеньёровъ сразу, и короли могли, раздавая пенсіи, вступать въ феодальную связь съ вассалами второй руки (арьеръ-вассалами), которые по своимъ землямъ были уже непосредственными ленниками графовъ, герцоговъ и т. п.

реходъ
ѣль по
ѣдству.

Среди незнатныхъ людей наиболѣе распространеннымъ видомъ наслѣдованія въ средніе вѣка былъ раздѣлъ земли послѣ смерти собственника отца поровну между всѣми дѣтьми, безъ различія пола. Въ средѣ знати надо по отношенію къ порядку наслѣдованія отличать аллодіальную собственность отъ феодальной. Аллоды первоначально дѣлились поровну, какъ и земли простолюдиновъ. Южная Франція, гдѣ аллодіальная собственность была особенно распространена, примѣняла долго тотъ же равный раздѣлъ и къ феодамъ. Но въ большей части французскихъ областей право первородства взяло верхъ и распространилось даже на аллоды. Въ XI—XIII вв. право первородства было уже преобладающимъ признакомъ феодальной земли. Но надо, впрочемъ, дѣлать различіе между крупными сеньёріями, или баронствами, и простыми феодами. По кутюмамъ Орлеанэ и Анжу XIII в., простой феодъ дѣлился между наслѣдниками, но не поровну. Старшій получалъ обыкновенно $^2/_3$ недвижимости и отцовскій очагъ. Но когда дѣло идетъ о баронія, то право первородства строже: баронія вся цѣликомъ переходитъ къ старшему, а младшіе получаютъ только какую-либо доходную статью во временное пользованіе (узуфруктъ). Смыслъ такого установленія ясенъ: баронія, какъ крупная политическая единица, не могла идти въ раздѣлъ безъ утраты своего значенія; военный феодъ могъ свободно дробиться до тѣхъ поръ, пока доходовъ каждой выдѣляемой части хватало на содержаніе коннаго рыцаря. Чѣмъ болѣе крѣпнетъ политическій смыслъ въ средѣ баронскихъ семействъ, тѣмъ строже они сами соблюдаютъ эти привилегіи старшихъ.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда феодъ раздроблялся, слѣды его прежняго единства не исчезали, и между родственниками, участвовавшими въ раздѣлѣ, устанавливалась опредѣленная обычаемъ солидарность, „равенство" (parage, paragium). Младшіе братья не были, правда, обязаны приносить старшему присягу за свою долю, но на дѣлѣ это было обычнымъ во многихъ семьяхъ. Въ другихъ случаяхъ младшіе наслѣдники приносили присягу прямо верховному

сюзерену лена. Соучастники въ раздѣлѣ (coseigneurs) должны были блюсти между собой дружбу, не заводить войнъ въ своей средѣ; никто изъ нихъ не могъ строить себѣ замка безъ согласія остальныхъ; если одинъ продавалъ свою долю, то всѣ остальные сохраняли на нѣкоторое время право выкупа; если соучастникъ признавалъ свою зависимость отъ какого-либо новаго сеньёра, то другіе могли принудить его порвать эту новую зависимость. Встрѣчались случаи, гдѣ сеньёрія не дробилась между родственниками, а всѣ владѣли ею сообща попеременно, каждый въ свою очередь. Изгои первоначально устранялись отъ правъ, которыя принадлежали бы ихъ отцамъ. Но по мѣрѣ того, какъ отъ устнаго права Франція переходитъ къ праву письменному, предпочтеніе боковыхъ линій исчезаетъ, а изгои вступаютъ въ права наслѣдства. Въ XIII в. это становится правиломъ и въ странахъ кутюма, и въ областяхъ писаннаго закона [1]. Но боковые родственники не сразу примирились съ этимъ, и борьба дядей изъ-за наслѣдства отъ брата со своимъ племянникомъ, въ особенности въ XI вѣкѣ, — не рѣдкость.

Древнее германское право, въ отличіе отъ римскаго, исключало женщину отъ наслѣдства недвижимостью, землей. Феодальное право тщетно старалось удержать это правило. Съ конца X в. и на сѣверѣ Франціи, и на югѣ, гдѣ вліяло римское преданіе, женщины наслѣдуютъ феоды, распоряжаются ими, а въ XII в. это становится повсемѣстно общимъ правиломъ; но наслѣдницы феодовъ несли, конечно, нѣкоторыя обязанности черезъ наемныхъ замѣстителей.

Опека.

Если при смерти феодала его наслѣдникъ еще несовершеннолѣтній, то и феодъ, и малолѣтній собственникъ его поступали подъ опеку (en bail, in ballio). Права опекуновъ надъ феодалами (bailles, baillivi), въ противоположность простой опекѣ надъ землями простыхъ людей (tutelle), очень обширны; бальи ставится какъ бы замѣстителемъ малолѣтняго, пользуется всѣми его доходами, несетъ за него всѣ обязанности. Опекуномъ становится или кто-либо изъ родичей умершаго, или его сюзеренъ. Изъ родичей сначала берутся восходящія линіи (опека отца, дѣда), затѣмъ боковыя (напр., старшій братъ); боковые родичи, вступая въ опеку, должны были

[1] Франція съ XIII—XVIII вв. дѣлилась на двѣ неравныя полосы: одна, сѣверная, охватывала области обычнаго права (les pays de droit coutumier) гдѣ обычаи германскаго происхожденія по преимуществу лежали въ основаніи гражданскаго права; другая, южная полоса обнимала области, гдѣ писанное римское право не переставало примѣняться въ сферѣ гражданскихъ отношеній (les pays de droit écrit).

купить это право у сюзерена. Каждый опекунъ, совершенно какъ если бы ленъ перешелъ къ нему самому по наслѣдству, приноситъ сюзерену присягу на вассальную зависимость и вмѣстѣ съ доходами лена беретъ на себя и всѣ обязанности за него. Чтобы оградить жизнь опекаемаго малолѣтняго отъ алчныхъ покушеній боковыхъ наслѣдниковъ, которые зачастую дѣлались и опекунами, создана была „двойная опека". Одинъ опекунъ оберегалъ личность ребенка, другой его собственность. Возрастъ совершеннолѣтія колебался въ различныхъ областяхъ между 14—15 годами и 21 годомъ.

Отчужденіе лена. Право отчужденія леновъ (продажи, дара, залога) было тоже ограничено и обставлено различными формальностями. Даже собственникъ аллода могъ продать его только съ согласія ближайшихъ родственниковъ, въ особенности братьевъ. Такое же разрѣшеніе родственниковъ требовалось при продажѣ своей доли въ какомъ-либо феодѣ, поступившемъ въ раздѣлъ. Но, кромѣ того, для продажи любого феода требовалось въ XI столѣтіи разрѣшеніе сюзерена, какъ верховнаго собственника участка. Въ XII—XIII вв. въ актахъ о продажѣ уже не считали необходимымъ упоминать о согласіи сюзерена—оно подразумѣвалось само собою, но за то ему уплачивалась извѣстная сумма при каждомъ переходѣ лена изъ рукъ въ руки вслѣдствіе отчужденія; эти поборы назывались quinte, lods et ventes и т. п. На югѣ Франціи право сеньёра отличалось большей строгостью: сеньёръ могъ долго спустя послѣ продажи уплатить покупщику заплаченныя за феодъ деньги и взять назадъ ленъ въ силу своихъ верховныхъ правъ (retrait féodal).

Согласіе сюзерена требуется и на всякое дѣйствіе вассала, которое можетъ обезцѣнить ленъ. Сюда относили случаи, когда вассалъ замѣщалъ себя другимъ человѣкомъ, стоявшимъ ниже его по положенію, но въ особенности освобожденіе рабовъ и вклады въ церкви. Такъ какъ рабъ входилъ въ самый составъ феода, то въ древнѣйшія времена его освобождалъ не ленникъ, а сюзеренъ; но въ XIII в. это право сюзерена перешло просто въ согласіе на освобожденіе раба ленникомъ, которое въ концѣ концовъ давалось послѣ освобожденія въ видѣ утвержденія. Наиболѣе ущерба приносилъ феодальнымъ интересамъ переходъ земель въ руки церкви. Клерики и монахи считались какъ бы „мертвой рукой" (gens de mainmorte [1]): церковь не умираетъ и не отчуждаетъ, къ тому же

[1]) Подъ mainmorte въ общемъ смыслѣ слова разумѣется положеніе земельной собственности, собственникъ которой не можетъ распоряжаться ею,

она пользуется многими привилегіями; земли, отданныя ей, утрачены навсегда для феодальнаго общества. Бывали сеньёріи, гдѣ такое „умерщвленіе лена" (amortissement) было вообще запрещено; въ другихъ оно дозволено только съ согласія ближайшаго сюзерена, который болѣе всего теряетъ отъ такихъ вкладовъ. Но въ виду того, что ленъ въ рукахъ церкви никогда не могъ стать выморочнымъ, отъ amortissement страдала вся лѣствица сюзереновъ, начиная съ ближайшаго и кончая королемъ. Въ XII в. герцоги и графы предъявляли свои права—запрещать вклады земель въ церкви, а въ XIII вѣкѣ короли, какъ верховные сюзерены, стали утверждать, что безъ ихъ разрѣшенія нигдѣ во Франціи земли не могутъ отторгаться въ пользу духовенства. Юристы прямо утверждали, будто бы право amortissement — привилегія королевской власти.

Знатность.

Знатными людьми (nobles) считались въ XI вѣкѣ собственники знатныхъ земель, т. е. феодовъ (fief-terre). Тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ южной Франціи, было много аллодовъ, граница между знатными и простыми людьми сглаживалась. Вторымъ признакомъ знатности стало допущеніе къ посвященію въ рыцари. Хоть и простые люди, и даже рабы попадали иногда въ рыцари, но преобладающимъ правиломъ было, что въ рыцари попадалъ преимущественно знатный, т. е. владѣлецъ лена. „Рыцарь" почти всегда „знатный", но знатный невсегда рыцарь. Наслѣдственность въ дѣлѣ доступа къ рыцарству рано стала приниматься въ соображеніе и давала право на посвященіе даже безъ лена. Это сословіе, владѣющее феодами и посвящаемое въ рыцари, т. е. noblesse, и жило сообразно своему особому частному праву, отличному отъ обычаевъ среди простыхъ людей (Lehnrecht и Landrecht, gentilshommes и coutumiers). Въ началѣ феодальнаго періода XI—XIII вв. всѣ различныя названія для отдѣльныхъ группъ знати были еще не установившимися и смѣшивались. Въ XII в. вошло во всеобщее употребленіе названіе „бароновъ" (barones); такъ назывались группы всѣхъ сеньёровъ, владѣющихъ значительными ленами на правахъ первородства и зависящихъ непосредственно отъ одного и того же сюзерена. Конечно, была значительная разница между группами бароновъ короля, герцога, графа и группой баро-

т. е. не имѣетъ права ни отчуждать, ни завѣщать ее. Отсюда homme de mainmorte типъ тѣсной крѣпостной зависимости, при которой сеньёръ наслѣдовалъ своему крѣпостному, если у того не было прямыхъ наслѣдниковъ мужского пола.

повъ вокругъ простого сеньёра. Непосредственные вассалы каждаго сюзерена принимаютъ также названіе его равныхъ (pares), которое остается впослѣдствіи только за самыми важными баронами среди группъ, окружающихъ короля, герцога или сеньёра [1]). Въ одномъ регистрѣ Филиппа-Августа изъ начала XIII в. перечисляются по разрядамъ всѣ знатные, зависящіе прямо или посредствомъ другихъ ленниковъ отъ короля Франціи. Въ этой ранней классификаціи французская знать дѣлится на 5 слоевъ: 1) графы и герцоги короля Франціи (comites et duces regis Franciae). Здѣсь, кромѣ главъ феодальныхъ государствъ, на которыя распадалась Франція, т. е. пэровъ короля, помѣщены и непосредственные вассалы меньшаго значенія (графъ де Суассонъ) и даже вассалы второй руки (аррьеръ-вассалы—графъ де Баръ-сюръ-Сэнъ, Bar-sur-Seine и т. д.). 2) Бароны короля Франціи (barones regis Franciae). Здѣсь подъ баронами понимаются второстепенные сеньёры. Такіе бароны не имѣютъ права чеканить монету, но они пользуются вездѣ, кромѣ Нормандіи, гдѣ высшая юрисдикція—привилегія герцога, правомъ высшаго и низшаго суда. Большинство бароновъ въ регистрѣ Филиппа-Августа титулуются, какъ „сеньёры“ и „виконты“ (сиръ де Монморанси, де Монфоръ, виконтъ де Тюреннъ и т. д.), но здѣсь также „видамъ“ де Пикиньи и коннетабль Нормандіи. 3) Кастелляны (castellani). 4) Рыцари (milites), т. е., вѣроятно, тѣ, кто имѣлъ право идти на битву съ собственнымъ отрядомъ и знаменемъ (bannierets, vexillarii). 5) Вавассеры (vavassores), владѣльцы рыцарскихъ леновъ, вся низшая знать, живущая въ городахъ и сельскихъ округахъ. Вавассеръ или вовсе не имѣетъ права суда, или пользуется только низшей юрисдикціей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ вавассерамъ приравниваются надѣленные ленами министеріалы, т. е. люди несвободныхъ состояній (sergent fieffé, serviens) и башелье, т. е. рыцари безъ леновъ, напр., младшіе сыновья.

Пока владѣніе феодомъ было главнымъ признакомъ знатности, богатые горожане и даже крестьяне могли пріобрѣтать знатность простой покупкой леновъ. Кутюмы XIII в. признавали это право, хотя съ теченіемъ времени и стали его ограничивать. Ордонансъ

---

1) При Филиппѣ-Августѣ насчитывали только 12 пэровъ французскаго короля - шесть свѣтскихъ (герцоги Нормандіи, Бургони, Гіэнни, графы Фландріи, Тулузы, Шампани) и шесть духовныхъ (архіепископъ реймскій, епископы Лана, Лангра, Бовэ, Шалона и Нойона). Тринадцатымъ былъ, конечно, самъ король, какъ герцогъ Иль-де-Франса. Позднѣе титулъ пэра сталъ распространяться путемъ пожалованія и на другія феодальныя государства.

Филиппа Смѣлаго отъ 1275 г., облагавшій незнатныхъ людей при покупкѣ феодовъ тяжелымъ поборомъ (droit de franc-fief) затруднилъ этотъ способъ пріобрѣтенія знатности. Но съ конца XIII вѣка въ знать можно было попасть и по пожалованію (lettre d'anoblissement) суверена; это становится постепенно привилегіей короля, и парижскій парламентъ перестаетъ признавать за главами крупныхъ феодальныхъ государствъ право жаловать виллана въ рыцари.

Hommage и foi.

Первой и самой существенной обязанностью вассала было— признать по отношенію къ сеньёру свою вассальную зависимость (hommage, hominium) по землѣ и принести ему присягу въ своей личной вѣрности (foi, fidelitas). Этими двумя обрядами какъ бы устанавливалась феодальная связь между каждымъ новымъ поколѣніемъ сюзереновъ и вассаловъ, хотя въ сущности начало такой наслѣдственной связи относилось къ отдаленнымъ временамъ ихъ предковъ. Очевидно, что коммендація эпохи Каролинговъ легла въ основаніе фуа и оммажа, но только вмѣсто тогдашнихъ терминовъ beneficium, vassus, senior, стали господствующими названія feodum, homo, dominus. Hommage кладетъ начало вассальной зависимости по лену. Сперва онъ приносился за землю, позднѣе за всякую должность или сумму денегъ. Форма самаго обряда тоже была заимствована у древней коммендаціи. Вассалъ являлся къ своему сеньёру, опускался на колѣни, влагалъ свои руки въ руки сеньёра и объявлялъ себя его „человѣкомъ" (homme), т. е. вассаломъ, за извѣстный ленъ. Сеньёръ даетъ ему поцѣлуй мира въ губы и поднимаетъ его. Первоначально можно было становиться въ зависимость вассальную или министеріальную, не получая сразу лена, а служить только въ надеждѣ на будущее. Но позднѣе, въ эпоху расцвѣта феодальной системы, съ присягой на вассальную зависимость соединялось обыкновенно требованіе лена. Дарованіе лена, или инвеститура, совершались сеньёромъ посредствомъ символическаго врученія какой-либо вещи—перчатки, посоха, копья со знаменемъ и т. п. Этимъ обрядомъ завязывается связь между двумя лицами и двумя землями; вассалъ принимаетъ въ то же время на себя извѣстныя обязанности, соблюдать которыя онъ долженъ обѣщаться подъ присягою. Таково именно назначеніе (foi, fides), или клятва въ вѣрности, которую вассалъ произноситъ, положивъ руку на Евангеліе или на ковчегъ съ мощами.

Древнѣйшее свидѣтельство эпохи Капетинговъ объ обязанностяхъ, связанныхъ съ клятвою въ вѣрности, даетъ письмо Фульберта шартрскаго къ герцогу Аквитаніи изъ начала XI вѣка. Епи-

своемъ обозначаетъ эти обязанности словами: incolume, tutum, honestum, utile, facile, possibile; это означаетъ, вѣроятно, что вассалъ не долженъ злоумышлять ни противъ жизни, ни противъ здоровья своего сеньёра, не долженъ выдавать его тайнъ, ни вредить безопасности его крѣпостей, не долженъ наносить ущерба ни его чести, ни справедливости его суда; не долженъ дѣлать затрудненій или препятствій тѣмъ предпріятіямъ, которыя возможны или даже легки для сеньёра, а, напротивъ, всюду стараться помогать ему. Все это отрицательныя обязанности; положительный долгъ вассала Фульбертъ опредѣляетъ словами consilium et auxilium, conseil и aide. Изъ этихъ обязанностей „совѣта" и „помощи" вытекли постепенно всѣ служебныя и денежныя повинности, въ частности—служба въ набѣгѣ и на походѣ, въ судахъ и совѣтахъ и т. д. Въ силу оммажа вассалъ входилъ, какъ звено, въ феодальное общество, но обязанность вѣрности (фуà) существовала и до утвержденія феодальной системы въ отношеніяхъ между подданными и главой государства, а въ эпоху феодализма она распространялась не только на вассаловъ, но и на все свободное населеніе сеньёріи. Аллодіальный собственникъ былъ связанъ этой обязанностью, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ высшему сюзерену. Оммажъ приносится при каждой перемѣнѣ ленника (обыкновенно дается срокъ въ 40 дней), а въ нѣкоторыхъ областяхъ даже и при перемѣнѣ сюзерена. Различали не менѣе двухъ видовъ оммажа—обыкновенный hommage, который влечетъ за собой только обязанности, перечисляемыя Фульбертомъ, и hommage lige (ligeitas), „ближнюю зависимость", какъ связь болѣе тѣсную. „Ближній вассалъ" (homme lige) несетъ всѣ обязанности, связанныя съ обыкновеннымъ оммажемъ, но, кромѣ того, и нѣкоторыя усиленныя повинности; напр., онъ долженъ служить сюзерену на своихъ издержкахъ въ теченіе всего времени войны, которую тотъ ведетъ противъ своихъ враговъ, тогда какъ обыкновенный вассалъ обязанъ по кутюмамъ только къ 40 днямъ службы и притомъ на содержаніи сюзерена. „Ближняя зависимость" (ligence)—это какъ бы оборонительная и наступательная лига между сюзереномъ и вассаломъ. Засвидѣтельствованіе своей зависимости по лену и личной вѣрности не ограничивалось обоими обрядами оммажа и фуà, а закрѣплялось часто письменнымъ актомъ, удостовѣрявшимъ, что обряды состоялись, и перечислявшимъ взаимныя обязанности вассала и сюзерена.

Во многихъ грамотахъ фуà и оммажа вассалъ обѣщаетъ вѣрность сеньёру, „мужемъ" (homme) котораго онъ себя признаетъ,

оговаривая, впрочемъ, долгъ вѣрности по отношенію къ одному или нѣсколькимъ другимъ лицамъ, которымъ ранѣе далъ такую же присягу. Въ особенности при заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза въ формѣ ligence вассалы часто дѣлаютъ въ пользу перечисляемыхъ поименно лицъ изъятіе изъ обязанности поддерживать своего новаго сеньёра противъ его враговъ. Чаще всего такая оговорка дѣлается вассалами второй руки (arrière-vassaux) въ пользу верховнаго сюзерена.

Военная служба.

Какія же обязанности въ частности падали на вассала въ силу его долга „совѣтовать“ и „помогать“ сеньёру? Военная служба вассала вытекала изъ его присяги (foi) защищать жизнь, члены и честь сюзерена, а не только изъ ленной зависимости (hommage). Высшіе сюзерены могутъ поэтому требовать ее не только отъ непосредственныхъ вассаловъ, а отъ всѣхъ подданныхъ (напр., министеріаловъ и горожанъ) сеньёріи: это называется ban. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда всей странѣ угрожаетъ опасность, сюзерены могутъ призвать къ службѣ на защиту Франціи подданныхъ второй руки и арьеръ-вассаловъ, т. е. людей, зависимыхъ отъ нихъ черезъ посредство другихъ сеньёровъ: это и есть arrière-ban. Военная обязанность спеціально вассаловъ сводится къ тремъ повинностямъ: 1) собственно военная служба, т. е. въ походѣ и въ набѣгѣ; 2) сдача своихъ замковъ по первому требованію сюзерена; 3) охрана замка сюзерена. На дѣлѣ военныя обязанности вассаловъ крайне разнообразны, какъ это видно изъ заявленій вассаловъ, призванныхъ къ военнымъ дѣйствіямъ въ 1272 г. при Филиппѣ III Смѣломъ. Одни связаны обычной обязанностью служить 40 дней на своемъ иждивеніи, другіе на иждивеніи сеньёра, третьи обязаны только защищать замокъ; нѣкоторые вносятъ деньги (auxilium) на войну, но избавлены отъ личнаго участія. Военная служба опредѣлялась словами ost (войско) и chevauchée (набѣгъ). Ost—это правильный походъ большой арміи, собранной для важной войны, чаще всего для осады крѣпости. Chevauchée—это легкая экспедиція, кратковременный набѣгъ на непріятельскую страну. Вся масса вассаловъ созывается обыкновенно только для крупной войны, а для небольшого предпріятія обращаются лишь къ ближайшимъ. Сообразно количеству земли въ ленѣ измѣнялся и размѣръ военной повинности. Первоклассная баронія ставитъ сюзерену нѣсколько сотенъ рыцарей, иной феодъ—только одного, а случается, что 10 или 12 свободныхъ, но незнатныхъ людей, надѣленныхъ землями за службу, сообща выставляютъ одного воина въ рыцарскомъ вооруженіи (homme

d'armes). Служба рыцарей въ походѣ или въ экспедиціи длилась чаще всего 40 дней, но въ иныхъ мѣстахъ долгое время не было постояннаго предѣла для требованій сюзерена. Уже съ XII в. вассалы стремятся перевести личную военную повинность на денежную. Если исключить случаи призыва всѣхъ зависимыхъ людей на защиту страны (arrière-ban), то рыцари, отправлявшіеся въ XIII в. въ походъ, — по большей части воины по ремеслу, нанятые на службу тѣми, кто обязанъ выставлять отрядъ за свои лены. Рыцарство, нанятое за жалованье, всюду замѣняетъ въ это время войско феодаловъ, несущихъ личную повинность. Бароны сами путемъ fiefs-argent и contrats de licence добываютъ себѣ отряды такихъ рыцарей-наемниковъ, служба которыхъ надежнѣе вынужденной помощи ленниковъ.

Служба въ куріи. Гражданскія обязанности, падающія на вассала въ силу его присяги (foi), обозначаются словомъ „совѣтъ", consilium. Вассалы обязаны по требованію сюзерена являться къ его двору и судить или подавать совѣтъ по дѣламъ, касающимся государства. Изъ этой обязанности помогать сеньёру въ его „феодальномъ дворѣ", палатѣ вассаловъ (curia), произошли съ теченіемъ времени всѣ государственныя учрежденія, окружавшія въ средніе вѣка монархическую власть. Право графовъ, герцоговъ, королей созывать вокругъ себя вассаловъ для совѣта ограничивалось, по обычаю, чаще всего тремя разами въ годъ, т. е. праздниками Рождества, Пасхи и Пятидесятницы. Эта обязанность совѣта въ „куріи" (le service de cour) вытекала изъ присяги въ вѣрности (fidelitas), а не изъ вассальной зависимости (homagium, hominium), а потому сюзеренъ могъ бы призывать и всѣхъ свободныхъ людей своей сеньёріи, но чаще всего онъ ограничивался только вассалами, да и изъ ихъ среды требовалъ къ себѣ только наиболѣе близкихъ ему. Въ собраніи такого двора сеньёра, или его палаты (curia), происходилъ и судъ. Всякій судъ феодальной эпохи покоился на принципѣ, что каждый можетъ быть судимъ только своими равными. Поэтому дворъ сеньёра (cour du seigneur) состоитъ изъ вассаловъ или просто изъ подданныхъ (fideles), смотря по положенію подсудимыхъ. Чтобы такой „дворъ" считался состоявшимся, требовалось, по крайней мѣрѣ, три участника, не считая самого сеньёра. Судебная палата, т. е. дворъ, созванный не для совѣта, а для суда, собирается подъ предсѣдательствомъ сюзерена или его должностного лица (офисье), но судятъ пэры; они выслушиваютъ свидѣтелей, приводятъ ихъ къ присягѣ, требуютъ иногда судебнаго поединка

и, наконецъ, произносятъ приговоръ. Если сторона, проигравшая дѣло, считаетъ приговоръ несправедливымъ, то она заявляетъ свое неудовольствіе (fausser le jugement) не противъ сеньёра, а противъ пэровъ, которые должны быть готовы сами выйти на поединокъ съ челобитчикомъ. Если сеньёръ отказывается созвать пэровъ для суда по требованію истца, то въ силу такого отказа въ справедливости (défaut de droit, déni de justice) теряетъ феодальное право суда на этотъ разъ, и истецъ можетъ обратиться уже въ судъ сюзерена своего сеньёра (demander la cour). Судъ пэровъ разбираетъ всякія распри какъ между пэрами, такъ и между вассаломъ и сюзереномъ.

Денежныя повинности.

Изъ обязанности „помощи" (auxilium) вытекали и всѣ денежныя повинности вассала. При установленіи феодальныхъ отношеній новый вассалъ всегда платилъ что-либо за инвеституру, иногда просто пару перчатокъ, копье, желѣзную шпору, иногда золотую шпору или лошадь. Съ конца XIII в. этотъ подарокъ замѣняется денежнымъ взносомъ. Такой же взносъ дѣлался также при каждой перемѣнѣ сюзерена или вассала вслѣдствіе смерти и перехода правъ по наслѣдству; въ этомъ случаѣ взносъ назывался на сѣверѣ Франціи „рельефомъ" (relief). Чаще всего онъ уплачивался только при перемѣнѣ сеньёра, но съ нѣкоторыхъ леновъ рельефъ брался и при вступленіи во владѣніе наслѣдника умершаго вассала. Различенъ бывалъ и размѣръ рельефа. Въ Нормандіи рельефъ брался въ сто ливровъ съ бароніи и 15 ливровъ съ fief de haubert, т. е. съ лена, за который владѣлецъ несетъ службу въ кольчугѣ. Затѣмъ сеньёръ бралъ денежные поборы и въ случаѣ отчужденія лена, напримѣръ, при его продажѣ, при освобожденіи рабовъ на волю, при переходѣ земель къ церкви. Ордонансъ Филиппа Смѣлаго отъ 1275 г. опредѣлялъ, что при пожертвованіи лена въ пользу церкви король долженъ былъ получать доходъ съ него за два года.

Денежная помощь вассаловъ при опредѣленныхъ обычаемъ случаяхъ называлась первоначально таліей (taille, tallia). По опредѣленію древнихъ юристовъ, „феодальная помощь" (aide féodale)—это помощь деньгами, собираемая сеньёромъ съ его вассаловъ и „людей обычнаго права" (hommes coutumiers [1]), т. е. со всего населенія сеньёріи, съ людей какъ знатныхъ, такъ и простыхъ, съ церковныхъ и городскихъ общинъ, составляющихъ какъ бы часть фео

[1]) Т. е. всѣ не-вассалы и свободные, держащіе участки на правахъ вилланов.

дальной іерархіи. Трудно сказать, падали ли эти поборы когда-либо всей своей тягостью на знатныхъ людей, потому что непосредственные вассалы сюзерена тотчасъ слагали талію на зависимыхъ отъ нихъ простыхъ жителей феода. Феодальная талія ведетъ свое начало отъ той древнѣйшей, произвольной по размѣру таліи, которую сеньёры брали при началѣ среднихъ вѣковъ, со всего, преимущественно рабскаго населенія сеньёріи (tallia ad voluntatem, ad placitum). По отношенію къ свободнымъ, но незнатнымъ людямъ эта произвольная талія (taille à merci) превратилась затѣмъ въ талію постояннаго размѣра (taille abonnée), уплачиваемую въ видѣ ежегодной ренты селами и городами, или вовсе исчезла въ силу хартій о привилегіяхъ. Но талія сохранилась въ видѣ поборовъ, пріуроченныхъ къ опредѣленнымъ случаямъ и падающимъ на всѣхъ владѣльцевъ леновъ и оброчныхъ земель. Такихъ случаевъ (cas féodaux) для феодальной помощи обычай насчитывалъ чаще всего четыре, но, впрочемъ, кутюмы крайне разнообразны и въ этомъ вопросѣ. Напр., графъ Прованса, по статуту 1235 г., требовалъ феодальной помощи: 1) когда онъ въ первый разъ безъ вооруженія отправлялся ко двору императора; 2) когда онъ призывался императоромъ въ вооруженіи; 3) когда онъ или его сынъ посвящались въ рыцари; 4) когда онъ выдавалъ замужъ своихъ дочерей; 5) когда онъ отправлялся въ крестовый походъ; 6) когда онъ попадалъ въ плѣнъ и долженъ былъ платить выкупъ. Кромѣ того, помощь собиралась иногда, когда сюзеренъ покупалъ новую землю, а епископы и аббаты требовали ее отъ своихъ людей, когда папа собиралъ съ нихъ самихъ какой-либо поборъ. Въ сущности такимъ же фискальнымъ поборомъ было и право „постоя“ (le gîte и la procuration, gistum и procuratio), которое падало не только на монастыри, города и крестьянъ, но и на знатныхъ вассаловъ. Феодалъ обязанъ былъ принимать и содержать на свой счетъ сеньёра и его свиту во время ихъ передвиженій. Высшіе бароны, герцоги, графы и король широко пользовались этимъ правомъ и съ особенной строгостью слѣдили за его соблюденіемъ. Кутюмы до мелочей опредѣляли размѣры этой повинности. Напр., въ герцогствѣ Аквитаніи сеньёры Соммьера (Sommières) должны были при посѣщеніи ихъ замка подавать герцогу и десяти его рыцарямъ мясо поросятъ и коровъ, капусту, горчицу и жареныхъ цыплятъ. Если среди сеньёровъ Соммьера былъ на лицо рыцарь (sic!), то онъ долженъ былъ безъ голенищъ, въ пурпуровыхъ чулкахъ и съ золотыми шпорами на ногахъ прислуживать герцогу за столомъ.

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ право procuration примѣнялось ради охоты. Въ Аквитаніи, въ превотэ Марсанъ, Бернаръ де Кастеларъ долженъ былъ принимать у себя шестерыхъ охотниковъ, сопровождающихъ герцога, давать имъ хлѣбъ, вино, мясо и на слѣдующее утро вести ихъ въ лѣсъ подъ условіемъ, чтобы его предупредили за три дня. Феодалы стремились ограничить эти тяжелыя для нихъ права или превратить ихъ въ опредѣленный денежный взносъ. Въ XII в. сеньёръ могъ пользоваться правомъ gite не чаще трехъ разъ въ году. При переводѣ повинности на деньги она уплачивалась или разъ въ годъ сразу, или только въ случаѣ, когда самъ сеньёръ являлся лично и требовалъ постоя. Будучи превращено въ денежную ренту, право постоя могло передаваться, жаловаться или продаваться.

Возвращеніе лена сеньёру.

Обязанности вассаловъ въ сущности составляютъ въ то же время права сеньёровъ. Но бываютъ случаи, когда сеньёръ прямо-таки вступаетъ во владѣніе зависимымъ отъ него леномъ. Въ Лангедокѣ въ случаѣ смерти вассала сеньёръ распускалъ свое знамя надъ всѣми землями феода, въ особенности на вышкѣ самой высокой башни замка. Это возвращеніе феода къ сюзерену, конечно, фиктивно и прекращалось въ тотъ день, когда наслѣдникъ умершаго или его опекунъ принесутъ hommage и foi. Но сюзеренъ вступалъ иногда и въ дѣйствительное обладаніе леномъ—какъ опекунъ, въ случаѣ конфискаціи или если ленъ становился выморочнымъ имуществомъ. Съ XI в. обычай вознаграждаетъ сюзерена правомъ опеки надъ леномъ за утрату той службы, которой еще не можетъ нести его малолѣтній наслѣдникъ. Въ рукахъ нѣкоторыхъ сюзереновъ право опеки превращалось въ средство увеличивать свои доходы въ ущербъ интересамъ наслѣдниковъ и вело къ хищническому хозяйству въ опекаемомъ феодѣ. По мѣрѣ того, какъ наслѣдственный характеръ леннаго владѣнія укореняется, въ борьбу съ сюзереномъ изъ-за права опеки съ успѣхомъ вступаютъ боковые родичи малолѣтняго ленника. Но въ нѣкоторыхъ сеньёріяхъ опека сеньёра удержалась, несмотря на усилія родичей, напр., въ герцогствѣ нормандскомъ и въ графствѣ Бретань. Опека наступала иногда и при жизни совершеннолѣтняго вассала, если онъ отправлялся надолго въ путешествіе, паломничество или крестовый походъ. Любопытный случай опеки сюзерена дошелъ отъ 1268 г. въ грамотѣ графа де Форэ (Forez), сеньёра Боже (Beaujeu), къ королю Людовику Святому. Баронъ заявляетъ, что онъ кругомъ въ долгахъ и близокъ къ банкротству, которое поведетъ къ раздробленію сень-

ёріи. Онъ проситъ короля ради сохраненія бароніи въ цѣлости взять ее въ свои руки, получать съ нея доходы и довѣрить опытнымъ людямъ трудную ликвидацію его дѣлъ; когда кредиторы будутъ удовлетворены, тогда ленъ безъ препятствій долженъ былъ вернуться къ законнымъ наслѣдникамъ. Еще въ одномъ случаѣ возвращается ленъ къ сюзерену—когда онъ становится выморочнымъ, т. е., если у умершаго нѣтъ законныхъ наслѣдниковъ (la déshérence). Право сеньёра отобрать у вассала ленъ въ случаѣ нарушенія вѣрности (déloyauté) оставалось теоретически въ полной силѣ въ теченіе всего феодальнаго періода. Каждое нарушеніе одной изъ многочисленныхъ обязанностей вассала могло повлечь за собой конфискацію лена. Принципъ наслѣдственности феода внесъ на дѣлѣ и сюда нѣкоторыя ограниченія. Различные проступки, которые могли повлечь утрату лена, сводились въ сущности къ четыремъ: 1) отказъ въ оммажѣ; 2) отказъ отъ военной службы и неисполненіе требованія сеньёра сдать ему замки; 3) нарушеніе законовъ и постановленій палаты (curia) сюзерена, грабежи и т. п. преступленія противъ общаго права; 4) возстаніе и открытая война противъ сюзерена. Впрочемъ, сеньёръ не могъ одинъ безъ постановленія пэровъ конфисковать ленъ у одного изъ своихъ вассаловъ. Виновнаго требовали поэтому прежде всего на судъ равныхъ. Если „измѣна" была доказана и пэры постановили конфискацію, то тогда только приводилъ ее сеньёръ въ исполненіе. Епископы-сеньёры могли, впрочемъ, до конфискаціи отлучить невѣрныхъ вассаловъ и этимъ, можетъ быть, заставить ихъ одуматься. Если вассалъ, который совершилъ преступленіе противъ общаго права, влекущее за собой конфискацію леновъ, зависѣлъ сразу отъ нѣсколькихъ сюзереновъ, то являлся вопросъ, кто же изъ нихъ начнетъ преслѣдованіе, кто воспользуется конфискованными землями. Въ 1217 г. герцогъ Бургони, графъ Шампаньи, графъ Невера разрѣшили, напр., этотъ вопросъ для своихъ общихъ вассаловъ въ томъ смыслѣ, что конфискацію производитъ тотъ сюзеренъ, котораго виновный въ своихъ записяхъ вѣрности и вассальной зависимости оговаривалъ, какъ „перваго" между всѣми своими сеньёрами Первоначально конфискація производилась на вѣки вѣчные, но понятіе наслѣдственности леновъ стало съ конца XI в. смягчать ее. Сюзеренъ удерживалъ теперь ленъ непокорнаго вассала только, пока тотъ не раскается и не принесетъ снова присягу на вѣрность и зависимость. Часто сюзеренъ ограничивался тѣмъ, что отбиралъ или разрушалъ замокъ вассала.

Обязанности сеньёра.

Феодальная связь держалась, конечно, болѣе всего вѣрностью вассала, его точностью въ отправленіи обязанностей, но въ сущности самый договоръ, былъ ли онъ записанъ или только предполагался при обрядѣ оммажа и фуà, всегда считался взаимнымъ: онъ связывалъ обоюдно и вассала, и сеньёра. Сеньёръ несетъ свои собственныя обязанности по отношенію къ вассалу и соблюдаетъ съ своей стороны вѣрность ему. Уже Фульбертъ шартрскій, перечисливши обязанности вассала, прибавляетъ: „Сеньёръ долженъ за всѣ эти обязанности воздавать равное своему вассалу. Если онъ не сдѣлаетъ этого, то по справедливости будетъ считаться невѣрнымъ сеньёромъ, подобно тому, какъ невѣрнымъ и клятвопреступнымъ станетъ считаться и вассалъ, если будетъ пойманъ при нарушеніи обязанностей дѣйствіемъ или попущеніемъ". Отождествляя обязанности сеньёра и вассала, епископъ шартрскій впадаетъ въ преувеличеніе. Въ дѣйствительности сюзеренъ обязанъ только охранять вассала, т. е. не вредить ни его жизни, ни членамъ, ни собственности и защищать его отъ враговъ. Въ XIII в. Etablissements de St.-Louis точнѣе перечисляютъ возможные случаи нарушенія обязанностей со стороны сюзерена. Если сеньёръ откажетъ вассалу въ судѣ своего двора и это будетъ доказано, то вассалъ съ своимъ леномъ будетъ зависѣть уже не отъ него, а отъ сюзерена своего прежняго сеньёра [1]. Въ средневѣковой исторіи особенно извѣстны два примѣра „измѣны" со стороны сеньёра, а именно англійскаго короля Іоанна Безземельнаго. Въ 1200 году Іоаннъ похитилъ невѣсту у своего вассала Гюга X Ле-Брёнъ, графа де Ла-Маршъ, и женился на ней. Это „нарушеніе вѣрности" (déloyauté) вызвало общее возстаніе всѣхъ вассаловъ герцогства аквитанскаго, которые и перенесли свою вассальную зависимость (hommage) по обычаю на короля Филиппа-Августа, сюзерена для Іоанна Безземельнаго за земли въ предѣлахъ Франціи. Вассалы Пуату и Нормандіи вскорѣ послѣдовали примѣру аквитанцевъ; это было причиной тому, что въ началѣ XIII в. Плантагенеты утратили свои владѣнія на материкѣ. Преступленіе, совершенное тѣмъ же англійскимъ королемъ противъ своего вассала и племянника Артура, графа Бретани, подало снова поводъ вмѣшаться Филиппу-Августу и окон-

[1] Итакъ, déni de justice ведетъ теперь къ полному разрыву феодальной связи между сеньёромъ, отказавшимъ въ судѣ, и его вассаломъ; прежде сеньёръ, отказавшій въ судѣ, утрачивалъ свое феодальное право суда надъ вассаломъ только на этотъ частный случай, который и переносился въ высшую инстанцію, т. е. на судъ верховнаго сюзерена.

чательно отобрать анжуйскіе лены. Итакъ, déloyauté сюзерена, „вѣроломство“, тоже вело къ нарушенію леннаго договора, но феодъ конфисковался тогда уже не у вассала, а у сеньёра. Прекращеніе hommage'а символизировалось въ церемоніи exfestucatio; обрядъ этотъ состоялъ въ томъ, что ломали и бросали на землю пукъ соломы (festuca), изображавшій вассальную связь. Фламандскій хроникеръ Гальбертъ брюггскій (Galbert de Bruges) разсказываетъ подъ 1128 г. примѣръ подобнаго разрыва вассальной зависимости при столкновеніи фландрскихъ бароновъ съ ихъ графомъ Гильомомъ Клитономъ (Cliton). Одинъ изъ бароновъ, Иванъ д'Ало (Iwan d'Alost), произнесъ въ общемъ собраніи знати и горожанъ Фландріи горячую рѣчь противъ всѣхъ вѣроломствъ графа и потребовалъ его въ назначенный день на судъ бароновъ Фландріи. Гильомъ Клитонъ, не желая являться на судъ, собралъ въ Ипрѣ войско наемныхъ рыцарей и простолюдиновъ и предложилъ Ивану судебный поединокъ. Баронъ Иванъ отказался и въ день, назначенный для суда, послалъ графу Гильому отъ имени бароновъ и горожанъ Гента черезъ герольдовъ слѣдующую вѣсть: „Сеньёръ графъ, насталъ день, когда ты долженъ былъ явиться мирно, безъ обмана и оружія, чтобы дать отчетъ въ своемъ поведеніи; ты не сдѣлалъ этого, а, напротивъ, угрожаешь нашимъ людямъ своими вооруженіями. Вслѣдствіе этого Иванъ д'Ало, Даніэль де Терремонтъ и жители Гента, обвиняя тебя въ томъ, что ты вѣроломно идешь рѣзать ихъ, поручили намъ возвѣстить тебѣ, что они сбрасываютъ съ себя оммажъ и фуà, которые вѣрно соблюдали до этого дня, и совершить за нихъ эксфестукацію“. Герольды тутъ же преломили солому отъ имени ихъ повелителей и удалились.

У сеньёра были еще нѣкоторыя отрицательныя обязанности по отношенію къ вассалу. Онъ не могъ, напр., требовать болѣе тяжелыхъ вассальныхъ повинностей, нежели какъ онѣ опредѣлены кутюмомъ или леннымъ договоромъ; не могъ безъ согласія вассаловъ вводить въ своихъ земляхъ новыхъ обычаевъ (exactiones et consuetudines novae). Это ограниченіе фискальной и законодательной власти сюзерена повело къ образованію въ областяхъ провинціальныхъ штатовъ (états provinciaux), которые давали согласіе на налоги и часто добивались при этомъ отмѣны злоупотребленій или изданія новыхъ ордонансовъ.

Разрушеніе феодальной зависимости.

Хотя теоретически взаимныя обязанности сюзереновъ и вассаловъ точно опредѣлены, но на дѣлѣ все феодальное общество сдерживается по преимуществу силой. Вассалы исполняютъ свой долгъ,

только пока сеньёръ достаточно силенъ, чтобы принудить ихъ къ повиновенію; при первой возможности начинаются нарушенія всѣхъ обѣщаній. Но связь между сеньёромъ и вассаломъ всегда можетъ быть порвана по взаимному согласію или, когда вассалъ можетъ доказать вѣроломство сеньёра, отказаться отъ него (désavouer) и избрать себѣ новаго. „Отказы", въ особенности въ пользу верховнаго сюзерена, встрѣчались часто и безъ вины непосредственнаго сеньёра. Вернувъ ленъ или отказавшись отъ ренты, вассалъ всегда могъ сдѣлаться свободнымъ (deguerpissement). Наконецъ, вассалы, пользуясь какимъ-либо затруднительнымъ положеніемъ сеньёра часто просто начинали возстаніе и отказывались отъ зависимости (refus d'hommage); тогда начиналась война между сеньёромъ и его „мужемъ". Если узы вассальной зависимости не могли дать обществу мира, то и іерархія между ленами и сеньёріями соблюдалась далеко невсегда. Въ теоріи между сюзереномъ и ленниками его вассаловъ, т. е. арьеръ-вассалами не должно быть никакихъ сношеній; это выражено въ положеніи: vassallus vassalli mei non est meus vassallus [1]). Верховный сюзеренъ не долженъ вмѣшиваться въ дѣла зависимаго отъ него сеньёра и не долженъ безъ его согласія привлекать къ себѣ его мужей въ непосредственные вассалы. Но на дѣлѣ сюзерены часто вставляли новыя звенья въ феодальную іерархію или сокращали число прежнихъ ступеней. Во второй половинѣ XI в. Эсташъ, графъ де Булонь, числился, напр., сюзереномъ леновъ Гэненъ и Эклюзъ (Hénin и Écluse, около Дуэ) и уступилъ свое ненадежное право на оммажъ въ этихъ мѣстахъ сеньёру д'Ардръ на ленныхъ условіяхъ; сеньёръ д'Ардръ (d'Ardres) сдѣлался такимъ образомъ новымъ звеномъ въ феодальной цѣпи, а сеньёры Гэнена и Эклюза изъ непосредственныхъ вассаловъ графа Булони стали его арьеръ-вассалами. По Etablissements de St.-Louis, сеньёръ могъ передать власть надъ вассаломъ только своему пэру, такъ чтобы не вырастало надъ нимъ новой ступени феодальной іерархіи. Но во вторую половину среднихъ вѣковъ гораздо сильнѣе было въ феодальномъ обществѣ противоположное теченіе, уничтожившее промежуточныя звенья между верховнымъ сюзереномъ и вассалами второй руки. Это теченіе повело къ образованію крупныхъ провинціальныхъ сюзереновъ—графовъ и герцоговъ, а впослѣдствіи и къ сосредоточенію всѣхъ вассальныхъ зависимостей въ руки короля. Такому уничтоженію посредствующихъ звеньевъ („иммедіатизація",

---

[1]) Вассалъ моего вассала мнѣ не вассалъ.

immédiatisation) содѣйствовали сами вассалы мелкихъ сеньёровъ, обращаясь за защитой чаще всего къ болѣе могущественнымъ сюзеренамъ—герцогамъ, графу, королю; а верховные сюзерены видѣли въ иммедіатизаціи средство увеличить свое войско и охотно пользовались всѣми случаями, когда феодальный обычай давалъ имъ право входить въ сношенія съ вассалами второй руки, т. е. напр., правомъ призывать арьеръ-банъ или тѣми случаями, когда непосредственный сеньёръ отказывалъ сеньёру въ судѣ или умиралъ безъ наслѣдниковъ. Во многихъ провинціяхъ аллодіальные собственники, стоящіе внѣ феодальной іерархіи, блюдутъ долгъ „вѣрности“ по отношенію къ верховному сюзерену, герцогу или графу провинціи, а не мѣстному сеньёру, съ феодомъ котораго переплетаются ихъ аллоды. Многія хроники рисуютъ картину этого безпрестаннаго передвиженія изъ вассаловъ второй руки въ ряды непосредственныхъ ленниковъ; напримѣръ, въ концѣ XI вѣка сеньёры д'Ардра стремятся перескочить черезъ своихъ прямыхъ и естественныхъ сюзереновъ—графовъ де Гинь (Guines) и принести присягу прямо верховному сюзерену, графу фландрскому, который, конечно, всячески поддерживаетъ ихъ. Но сеньёры д'Ардра были наказаны въ свою очередь: ихъ собственные вассалы, сеньёры Гэнена и Эклюза, подражая ихъ примѣру, въ обходъ сеньёріи ардрской, стали давать присягу тѣмъ же верховнымъ сюзеренамъ, т. е. графамъ фландрскимъ. Хроникеръ Ламбертъ негодуетъ во имя феодальнаго права, попраннаго въ ущербъ ближайшимъ сеньёрамъ „безъ стыда и узды“. Сеньёръ ардрскій отомстилъ за уменьшеніе своихъ правъ и обратилъ въ рабство всѣхъ людей изъ Гэнена и Эклюза, которыхъ схватилъ въ своей сеньёріи. Замѣтивъ однажды при дворѣ графа фландрскаго Эсташа де Гэненъ, своего непокорнаго вассала, тотъ же Арнуль ардрскій громко сталъ обвинять его въ измѣнѣ за переходъ съ своей присягой къ графу Фландріи и вызвалъ его на дуэль; онъ забылъ, что его предки совершили то же самое преступленіе относительно графовъ де Гинь. Правда, графы де Гинь и сами не задумались прибѣгнуть къ такому же вѣроломству; съ конца XII в. они отдѣляются отъ сюзеренитета Фландріи и начинаютъ тяготѣть къ верховному сюзерену—королю Франціи Филиппу-Августу: въ 1211 г. графъ де Гинь принялъ ленную присягу королю Франціи и его сыну. Такъ идетъ въ теченіе столѣтій эта скачка вассаловъ, разумѣется, не безъ препятствій, и конечная цѣль ея—сюзеренитетъ короля. Это тѣ центростремительныя силы феодализма, которыя сначала дѣйствуютъ одно-

временно съ силами центробѣжными (т. е. раздачей феодовъ, мятежами ленниковъ и т. п.), но къ XIV в. берутъ верхъ и подготовляютъ новую монархію.

Война.

Итакъ, подъ покровомъ обычнаго права дѣйствовала въ феодальную эпоху, какъ живой законъ, все-таки *сила*, въ особенности открытая, въ видѣ войны и поединка. Война была главнымъ занятіемъ феодальной аристократіи. Феодалъ ведетъ войну съ своими сеньёрами, съ епископами и аббатами, если ихъ владѣнія соприкасаются, съ вассалами, равными ему, съ вассалами, отъ него зависимыми, наконецъ, со своими родичами. Каждый разъ, когда феодалъ не находитъ защиты для своихъ правъ у сеньёра, онъ прибѣгаетъ къ оружію. Цѣль войны однако невсегда самозащита, а часто хищничество, желаніе воспользоваться затрудненіями сосѣдей или сеньёровъ и округлить свои владѣнія на ихъ счетъ. Иногда феодалъ шелъ на войну безъ опредѣленной цѣли, почти какъ на турниръ, только изъ ненависти къ покою. Частныя войны (феды) не только фактъ и привычка: даже въ концѣ XIII в. это все еще право феодала (droit à la guerre privée). Правда, при Людовикѣ Святомъ оно уже не такъ широко, какъ въ XI в.: съ XII в. составители записей обычнаго права до мелочей опредѣляютъ подробности войны и судебнаго поединка и ограничиваютъ немного грубую силу. Изъ кутюмовъ Анжу, вошедшихъ въ Etablissements de St.-Louis, слѣдуетъ, что частная война была дозволена подъ условіемъ соблюдать предписанныя обычаемъ формы и притомъ между вассалами одной и той же ступени и вообще противъ всѣхъ, кромѣ сюзерена. Но въ сущности кутюмъ не выдерживаетъ и этого запрещенія, а, предполагая возможность войны вассала съ сюзереномъ, безусловно запрещаетъ только призывать себѣ на помощь противъ сеньёра еще кого-либо, кромѣ членовъ своей семьи. Право частной войны принадлежитъ только знати, а простые люди должны были разбирать свои распри передъ судомъ.

Чтобы начать войну „согласно съ закономъ", слѣдуетъ передъ началомъ враждебныхъ дѣйствій послать противнику вызовъ (défi), письменно или устно черезъ глашатая. Послѣ вызова должна пройти, по крайней мѣрѣ, недѣля или двѣ до начала самой войны. Родственники обѣихъ враждующихъ сторонъ до 4-го колѣна могутъ принять участіе въ войнѣ, но на нихъ нельзя нападать, пока не пройдетъ сорока дней послѣ открытія враждебныхъ дѣйствій (quarantaine le roi); однако они могутъ остаться и въ сторонѣ, нейтральными, если откажутся отъ своего родственника, ведущаго

войну, и станутъ подъ охрану его противника. Нѣкоторые разряды лицъ всегда остаются неприкосновенными для воюющихъ—духовенство, женщины, несовершеннолѣтніе, паломники. Война прерывается иногда временнымъ перемиріемъ (trêve, treuga) по обоюдному договору, заключенному передъ друзьями, по приговору суда равныхъ или требованію сюзерена; конецъ войнѣ полагается миромъ. Вредъ феодальныхъ войнъ живо чувствовался уже съ XI в., и церковь сдѣлала первыя попытки ограничить или даже вовсе прекратить ихъ посредствомъ Божьяго перемирія или мира (trêve de Dieu, paix de Dieu). Не довольствуясь духовнымъ орудіемъ отлученія, она стремилась создать и матеріальную силу для насильственнаго подавленія всѣхъ междоусобій. Во второй половинѣ XI в. каждая епархія могла стать округомъ для особой лиги мира подъ руководствомъ епископа. У такого общества мира бывалъ свой уставъ, своя казна, магистратура и что особенно важно, вооруженная сила, способная возстановлять порядокъ и карать виновныхъ. Нарушители спокойствія и мира призывались на судъ „мировыхъ судей" (judices pacis) подъ предсѣдательствомъ епископа. Бароны, которые не подчинялись приговору добровольно и не боялись отлученія, подвергались преслѣдованію вооруженной силы—арміи мира, состоявшей изъ приходскихъ милицій подъ знаменемъ епископа. Миролюбивыя усилія церкви только отчасти увѣнчивались успѣхомъ, пока къ ней не примкнула королевская власть, начиная съ Людовика Толстаго. Въ XIII в. королевская власть чувствуетъ себя уже достаточно сильной, чтобы рядомъ ордонансовъ подавлять турниры, судебные поединки и частныя войны. Теперь и само общество приходитъ на помощь церкви и королю: возникаетъ обычай „обезпеченія" (assurement, assecuramentum). Если одна изъ враждующихъ сторонъ въ разгаръ непріязненныхъ дѣйствій или еще до начала войны хочетъ прекратить ее или обезопасить себя отъ угрожающей опасности, то она обращается къ суду короля, сеньёра или коммуны и проситъ „обезпеченья". Противникъ принужденъ явиться къ судьѣ и клятвенно обѣщать не вредить ни жизни, ни собственности противника. Согласится ли противникъ или нѣтъ дать требуемое обѣщаніе, это все равно: если онъ начнетъ враждебныя дѣйствія, то будетъ считаться виновнымъ въ нарушеніи перемирія или обезпеченія. Итакъ, „обезпеченіе"—это миръ, насильственно навязанный одной изъ воюющихъ сторонъ судомъ. Отвергнуть обезпеченье особенно трудно, когда его требуетъ королевскій бальи или самъ парламентъ. Впрочемъ,

всѣ эти мѣры ограничили, но не истребили междоусобій. Частная война исчезла только вмѣстѣ съ феодализмомъ.

Мелкія сеньёріи.

Нѣкоторые изъ крупныхъ феодовъ были въ то же время и политическимъ цѣлымъ, а ихъ владѣльцы, находясь на вершинѣ феодальной іерархіи, пользовались правами чисто государственными. Среди такихъ феодовъ съ политическимъ значеніемъ можно различить, во-первыхъ, „крупныя сеньёріи", или „феодальныя государства". Эти государства находились въ рукахъ родовъ, прочно укоренившихся въ той или другой провинціи. Родоначальники такихъ феодальныхъ династій перехватили и раздробили между собой ту политическую власть, которую упустили изъ рукъ слабые преемники Карла Великаго. Наиболѣе важные между ними и по обширности владѣній, и по размѣрамъ власти носили титулы герцога и графа; но и другіе подъ болѣе скромнымъ названіемъ виконта или сеньёра (сира) держатъ все еще значительные лены у себя въ рукахъ и имѣютъ власть государей. Многіе изъ главъ такихъ феодальныхъ государствъ отличаются отъ королей только титуломъ; большинство имѣетъ въ предѣлахъ своихъ владѣній чисто „королевскія права" (droits régaliens), т. е. высшую власть законодательную и административную, юрисдикцію въ послѣдней инстанціи, власть надъ церковью въ смыслѣ вліянія на выборы духовныхъ лицъ и право пользоваться доходами епископскихъ каѳедръ во время вакансій, право войны и мира, начальство надъ войскомъ всей провинціи и т. п. Главы маленькихъ сеньёрій сводились на положеніе очень зависимыхъ вассаловъ и пользовались менѣе полными, сильно ограниченными политическими правами; сюда относятся кастелляны, виконты, видамы, авуэ (фохты).

Сюзерены рѣдко давали вассаламъ право строить замки. Замокъ (castellum) становился обыкновенно самъ по себѣ центромъ юридической и политической власти, простиравшейся на всю сосѣднюю территорію. Вокругъ замка возникало „кастелляпство"; на обязанности кастелляна лежало охранять замокъ и судить зависимое населеніе, за что онъ и получалъ доходы съ земель. Во многихъ частяхъ Франціи кастелляны (châtelains) назывались и виконтами. Но въ сущности чаще всего виконты (vicecomites) бывали первоначально только замѣстителями своихъ графовъ (вице-графы) и лишь съ теченіемъ времени становились наслѣдственными феодалами второго порядка и начинали называться не по графству, а по имени главнаго изъ своихъ удѣловъ. Правда, нѣкоторымъ изъ виконтовъ удавалось иногда расширить свою власть на цѣлую про-

винцію и подняться въ ряды высшихъ сеньёровъ, соперничая съ графами и герцогами. Авуэ и видамы (advocati и vicedomini) должны были первоначально защищать свѣтскіе интересы церковныхъ имуществъ и управлять ими, при чемъ авуэ состояли при монастыряхъ (advocati), а видамы при епископахъ (vicedomini). Адвокаты брались часто изъ крупныхъ бароновъ и охрану монастырскихъ интересовъ только присоединяли къ своему прежнему сюзеренитету, между тѣмъ какъ видамы—мелкіе феодалы въ зависимости отъ епископовъ. Адвокатство надъ монастыремъ часто оставалось должностью или, какъ въ Нормандіи, принадлежало герцогу надъ всѣми обителями его феодальнаго государства; но иногда оно превращалось въ наслѣдственный ленъ, и авуэ замѣнялъ собой аббата во всѣхъ случаяхъ, когда тотъ долженъ былъ дѣйствовать, какъ вассалъ сюзерена или какъ феодальный сеньёръ своихъ собственныхъ вассаловъ и зависимыхъ людей. Напримѣръ, аббатъ не можетъ идти на судебный поединокъ, и за него выходитъ адвокатъ. Видамъ (vicedominus) былъ первоначально замѣстителемъ епископа изъ среды духовенства епархіи, но феодализація всего средневѣковаго общества отразилась и на немъ и превратила его въ свѣтскую должность, дававшуюся въ наслѣдственный ленъ. Видамъ охраняетъ епископскія земли, замѣняетъ епископа въ судѣ сюзерена, самъ отправляетъ епископскій судъ во владѣніяхъ каѳедры, ведетъ епископскій отрядъ въ лагерь сюзерена и т. п. Сеньёріей видама бывалъ обыкновенно домъ вблизи епископскаго дворца или земля въ городѣ и сельской округѣ.

Крупныя сеньёріи. Происхожденіе крупныхъ феодальныхъ государствъ (сеньёрій, графствъ, герцогствъ) и ихъ династій различно. Родоначальники нѣкоторыхъ изъ нихъ были высшими должностными лицами при Каролингахъ и превратили временную должность въ наслѣдственную собственность. Но другіе поднялись въ среду графовъ и герцоговъ изъ мелкихъ должностныхъ лицъ или просто изъ собственниковъ бенефиціальныхъ и аллодіальныхъ, благодаря энергіи, хищничеству или случаю. Напримѣръ, въ Германіи національная герцогская власть выростаетъ у отдѣльныхъ нѣмецкихъ племенъ въ эпоху паденія Каролинговъ, прикрываясь сначала то титуломъ маркграфовъ, то пословъ государевыхъ, то герцоговъ въ смыслѣ IX в., т. е. постоянныхъ должностныхъ лицъ, поставленныхъ съ военной властью во главѣ крупныхъ территорій. У саксовъ герцогская власть ведетъ начало отъ Ліудольфа, потомка одного саксонскаго героя изъ временъ борьбы противъ Карла Великаго. Ліудольфъ и по происхожденію, и по земельной собственности пользовался боль-

шимъ вліяніемъ во всей территоріи саксонскаго племени, породнился съ Людовикомъ нѣмецкимъ и получилъ отъ него подъ титуломъ маркграфа власть болѣе широкую, нежели какъ у простого графа. Его сыновья Бруно и Оттонъ фактически пользуются уже герцогской властью въ новомъ смыслѣ князей національныхъ территорій и феодальныхъ государствъ, а послѣдній получаетъ отъ короля Конрада и офиціальный титулъ герцога. Въ Баваріи герцогская власть Ліутпольда выростаетъ прямо изъ полномочій пограничнаго графа (маркграфа) въ борьбѣ противъ чеховъ и моравовъ. Во Франконіи поднялись-было одновременно два рода—потомки двухъ графовъ изъ эпохи Людовика Благочестиваго, графовъ Поппо и Гебегарда, которые называются чаще Бабенбергерами и Конрадинами. Послѣдняя вѣтвь, члены которой чаще всего носили имена Конрадовъ, при поддержкѣ королевской власти и майнцскаго архіепископа взяла верхъ и достигла герцогскаго положенія. Нѣмецкіе герцоги послѣ паденія Каролинговъ уже не должностныя лица короля, а признанные имъ территоріальные князья съ наслѣдственною властью. Они являются на съѣзды, которые собираетъ король (colloquium), и обязаны ему военной службой, но все-таки отъ нихъ исходитъ теперь по преимуществу непосредственное воздѣйствіе на отдѣльныя германскія племена. Отъ ихъ поддержки зависятъ короли, которые сами избираются изъ среды герцогскихъ родовъ (саксонскаго, франконскаго, швабскаго). При случаѣ герцоги могутъ даже становиться опасными для центральной монархической власти Германіи. Въ попыткахъ сдерживать дальнѣйшее развитіе герцогской власти и парализовать ихъ вліяніе, короли должны были опираться на другую территоріальную власть—на епископовъ и на своихъ министеріаловъ. Точно также и во Франціи въ основу крупныхъ государствъ ложилась иногда какая-нибудь національная группа (герцогства Нормандія, Гасконь, графство Бретань). Въ X—XI вв. одинъ и тотъ же баронъ безразлично называлъ себя здѣсь то герцогомъ, то графомъ и даже маркизомъ. Въ XII в. герцогская корона стала, наконецъ, считаться выше другихъ, и главы феодальныхъ государствъ съ титуломъ графовъ перешли въ разрядъ герцоговъ (Бретань только въ 1297 г.), потому что и простые сеньёры стремились теперь къ графству. Съ этихъ поръ къ титулу стали всегда прибавлять и названіе опредѣленнаго лена, чего въ X в. не дѣлали: сначала dux Normannorum, comes Andegavorum и т. д., а затѣмъ dux Normanniae и т. п. Какъ и во всѣхъ крупныхъ ле-

нахъ, въ феодальныхъ государствахъ раньше всего установились недѣлимость и право первородства при наслѣдованіи. Въ самыхъ важныхъ изъ феодальныхъ государствъ власть герцога или графа освящалась религіозной церемоніей коронаціи, напоминающей вѣнчаніе на царство королей. Иногда, чтобы укрѣпить право старшаго сына, графы и герцоги уже при своей жизни короновали его и брали себѣ въ соправители.

Судьба крупныхъ сеньёрій была во Франціи различна въ зависимости отъ географическаго положенія, отъ степени развитія въ каждой сеньёріи отдѣльныхъ соціальныхъ элементовъ, отъ характера мелкихъ вассаловъ и т. п. Самый законченный типъ феодальнаго государства представляло собой въ XI—XII вв. герцогство Нормандія. Герцогъ нормандскій былъ самымъ полновластнымъ изъ бароновъ и лучше всѣхъ другихъ умѣлъ добиваться повиновенія. Только въ Нормандіи высшая юрисдикція, опека надъ малолѣтними знатными или вакантными аббатствами составляли исключительную монополію герцога; только здѣсь удалось главѣ сеньёріи ввести свои гарнизоны въ замки вассаловъ и сохранить непосредственное вліяніе на ленниковъ второй руки. Его власть надъ церковью не была ограничена другой, болѣе высшей: онъ, а не французскій король, вліялъ на выборы архіепископа руанскаго или епископовъ Нормандіи вообще, онъ получалъ доходы каѳедръ во время вакансій. Городскія общины тоже не могли играть въ Нормандіи самостоятельной роли: онѣ были основаны преимущественно самими герцогами (Генрихомъ II и Іоанномъ Безземельнымъ), получили сильную военную организацію, но мало независимости и политическихъ правъ. Судебныя и административныя учрежденія герцогства сложились еще въ XII в. и служили образцомъ для Капетинговъ XIII в. Размѣры, которые приняла герцогская власть въ Нормандіи, зависѣли въ значительной степени отъ того, что герцогами нормандскими бывали могущественные короли англійскіе. Въ графствѣ фландрскомъ, которое при альзасскихъ графахъ одновременно зависѣло и отъ Капетинговъ, и отъ имперіи, уже съ XII в. пышно развились города; демократическая партія въ коммунахъ стала съ XIV в. распоряжаться судьбами родины. По географическому положенію вдали отъ Парижа и по силѣ римскаго государственнаго преданія графство тулузское могло бы, казалось, выработать сильную графскую власть. Дѣйствительно, долгое время графы тулузскіе ничѣмъ не связаны съ главой монархіи: они не приносятъ ему оммажа, не присутствуютъ при коронаціи, не посы-

лаютъ отряда въ войско и свою вассальную зависимость проявляютъ только въ томъ, что въ своихъ грамотахъ ведутъ счетъ по годамъ царствованія французскаго сюзерена. Но, несмотря на свою независимость отъ короля, графы тулузскіе у себя въ государствѣ пользовались лишь малой долей власти надъ зависимыми вассалами

Ордонансы и штаты.

Къ барону перешли всѣ права, которыми пользовались нѣкогда Каролинги надъ землями его сеньёріи, между прочимъ, и власть законодательная, т. е. право издавать ордонансы. Это право принадлежитъ барону безъ всякихъ ограниченій въ предѣлахъ его доменовъ, т. е. земель, которыми онъ владѣетъ непосредственно. Но онъ стремится распространить право законодательства и на тѣ части сеньёріи, гдѣ онъ только феодальный сюзеренъ, т. е. на лены своихъ вассаловъ. Однако здѣсь онъ ограниченъ уже своими вассалами, которые имѣютъ тоже право издавать постановленія для леновъ, находящихся у нихъ въ прямомъ владѣніи и т. д. Etablissements de St.-Louis говорятъ: „Ни король не можетъ связывать законами (mettre ban) земли барона безъ его согласія, ни баронъ—земли вавассера безъ согласія (assantement) вавассера". Отсюда ордонансъ, общій для всей сеньёріи, долженъ быть утвержденъ всѣми феодалами сеньёріи и издается только въ торжественномъ собраніи всѣхъ вассаловъ, составляющемъ „полный дворъ" сеньёра (la cour plénière, curia plena). Иногда въ такомъ ордонансѣ (ordinationes, assisiae, constitutiones) отмѣчается просто, что онъ изданъ сюзереномъ по требованію и съ совѣта его прелатовъ и бароновъ, но иногда упоминается согласіе аррьеръвассаловъ, вавассеровъ, кастелляновъ и рыцарей. Нѣкоторые ордонансы перечисляютъ всѣхъ вассаловъ и аррьеръ-вассаловъ, участвовавшихъ въ curia plena или даже подписавшихся подъ постановленіемъ и скрѣпившихъ его своими печатями. Всѣ тѣ совѣтники сюзерена, которые не входятъ въ составъ феодальной іерархіи сеньёріи, т. е. чиновники изъ мірянъ или клериковъ, не упоминаются въ ордонансахъ. Но на собраніяхъ „полнаго феодальнаго двора" рѣдко рѣшаютъ вопросы правильнымъ счетомъ голосовъ, а чаще всего согласіе дается большимъ количествомъ вассаловъ перваго и второго разряда, находящихся на лицо, и постановленіе считается тогда обязательнымъ для всѣхъ. „Полныя" собранія рѣдко бывали таковыми на дѣлѣ, и голоса пріѣхавшихъ не столько считаются, сколько взвѣшиваются. Бароны, подписавшіеся подъ закономъ, какъ бы берутся тѣмъ самымъ осуществлять его и принуждать къ тому же лицъ, не пріѣхавшихъ на засѣданіе двора.

Иногда ордонансъ прямо упоминаетъ о присягѣ подписавшихся бароновъ — силой добиваться повиновенія закону со стороны лицъ, которыя бы попытались нарушить его. Съ XII вѣка города постепенно организуются въ коммуны, т. е. въ свободныя и привилегированныя общины, изъ которыхъ каждая входитъ въ составъ феодальной іерархіи на правахъ „коллективнаго" вассала и составляетъ одинъ ленъ, одну феодальную единицу. Тогда черезъ своихъ представителей этотъ новый типъ вассаловъ начинаетъ появляться и въ „полныхъ" куріяхъ герцоговъ и графовъ. Большая часть древнѣйшихъ постановленій касается установленія общественнаго мира. По мѣрѣ того, какъ задачи законодательства осложняются, на ряду съ полной куріей (cour plénière), которая собирается въ чрезвычайныхъ случаяхъ или въ опредѣленные праздники (Рождество, Пасха, Троицынъ день), начинаетъ съ XII в. законодательствовать „ограниченная курія" (cour restreinte) изъ чиновниковъ и избранныхъ прелатовъ и бароновъ, особенно преданныхъ династіи. Это совпадаетъ съ ростомъ герцогской власти вообще: въ законодательной дѣятельности сеньёра и его приближенныхъ масса второстепенныхъ вассаловъ начинаетъ видѣть залогъ порядка и охотно подчиняется имъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны крѣпнетъ, какъ постоянное учрежденіе, ограниченная курія аристократическаго характера изъ избранныхъ вассаловъ или даже просто частный совѣтъ сеньёра (conseil privé), а съ другой изъ полной куріи (cour plénière) сеньёріи вырабатываются къ XIV в. періодическіе провинціальные чины. Правда, не вездѣ cour plénière прямо переродились въ провинціальные чины. Чаще всего états provinciaux XIV в. зарождаются, какъ новыя образованія по своимъ цѣлямъ, преимущественно финансовымъ, но они собираются на тѣхъ же феодальныхъ началахъ, какъ и ихъ образецъ, т. е. съѣздъ всѣхъ вассаловъ. Провинціальные чины XIV в. созываются преимущественно для утвержденія чрезвычайныхъ субсидій, или aides; подаютъ при этомъ случаѣ ходатайства и часто цѣною налоговъ добиваются обнародованія ордонансовъ съ какими-либо льготами. Въ своей организаціи провинціальные чины вообще подражали „генеральнымъ чинамъ" (états généraux), которые созывались со всей Франціи, и преемственно примыкаютъ къ cour plénière верховнаго сюзерена, т. е. французскаго короля.

Судъ. Графы, герцоги и простые сеньёры отправляютъ судъ, или какъ крупные земельные собственники въ предѣлахъ удѣловъ, или какъ феодальные сюзерены — надъ своими непосредственными вассалами,

или какъ преемники должностныхъ лицъ Каролинговъ—въ предѣлахъ всей сеньёріи. Въ Нормандіи вся высшая юрисдикція находилась въ рукахъ герцога; онъ судитъ (haec placita ad ensem ducis pertinent): за убійство тайное и явное, за увѣчье, грабежъ, разбой, поджогъ, вооруженное нападеніе, всѣ дѣла, касающіяся войска, монеты, перемирія, скрѣпленнаго передъ королевскими судьями и т. д. Нормандскіе бароны, вассалы герцога, вѣдаютъ только гражданскія дѣла да мелкіе проступки. Но въ другихъ герцогствахъ и графствахъ юрисдикція сюзерена болѣе ограничена въ пользу его непосредственныхъ вассаловъ. Напримѣръ, въ Бретани XI и XII в. отъ двора вассаловъ нельзя было аппелировать ко двору сюзерена, хотя бы рѣчь шла о сознательно несправедливомъ рѣшеніи или отказѣ въ судѣ. Первоначально въ судебныхъ собраніяхъ вассаловъ (т. е. тѣхъ же cour plénière и cour restreinte, но засѣдавшихъ ради судебныхъ дѣлъ) предсѣдательствовалъ и велъ судъ самъ сюзеренъ; но съ умноженіемъ дѣлъ эта обязанность передавалась важному должностному лицу, сенешалу или бальи. Для такого суда сюзерена и его двора не было ни положеннаго времени, ни постояннаго мѣста, ни опредѣленнаго состава; даже названія его были различны (curia, assisia; въ Нормандіи scaccarium, échiquier; въ Шампаньи grands jours; въ XIII в. во Франціи parlamentum). Составъ съѣзда вассаловъ ко двору сюзерена при отправленіи суда постепенно суживается, какъ и cour plénière вообще, которая превращается въ простой совѣтъ, который законодательствуетъ, управляетъ, судитъ. При всей измѣнчивости состава этихъ совѣтовъ въ нихъ замѣтны двѣ группы—вассалы сюзерена и его должностныя лица, чиновники (офисье). Постоянной составной частью судебнаго совѣта бывали тѣ мелкія должностныя лица изъ рыцарей, клериковъ, буржуа (съ конца XII в.), которые занимали въ немъ сначала второстепенное мѣсто; но вслѣдствіе ихъ преданности исключительно сюзерену, ихъ спеціальныхъ свѣдѣній (многіе изъ нихъ юристы по ремеслу), ихъ способности къ усидчивой работѣ, они становятся подъ именемъ justiciers душой судебныхъ засѣданій и перерастаютъ аристократическую часть совѣтовъ, прелатовъ и бароновъ, отбывающихъ свою „судебную повинность“; эти „судьи“ вознаграждаются уже жалованьемъ. Впрочемъ, и изъ среды вассаловъ выдѣляется группа conseillers barons, т. е. бароновъ-совѣтниковъ, которые, благодаря близости къ сеньёру, чаще всего или почти всегда на лицо въ его совѣтѣ. Въ провинціяхъ, гдѣ судебная власть сюзерена была особенно обширна, рано стали облег-

чать судъ для отдаленныхъ уголковъ и приближать засѣда[в] совѣта къ мѣсту жительства тяжущихся. Въ Нормандіи возник[...] для этой цѣли „странствующіе суды“ (tribunaux itinérants). Се[...] шалъ Нормандіи каждые три года объѣзжалъ все герцогство и де[...] жалъ, по порученію сюзерена, „ассизы верхней палаты“ (assises [...] la haute cour) во всѣхъ главныхъ мѣстечкахъ. Кромѣ того, герцо[...] нормандскіе рано усвоили обычай посылать одинъ или два раза [...] годъ въ каждое графство комиссіи изъ трехъ-четырехъ бароно[...] или рыцарей (barones и milites jurati), дававшихъ присягу суди[...] честно и по закону; они собирали ассизы изъ сеньёровъ, виконтов[...] духовенства и судили отъ имени герцога. Но въ отдѣльныхъ м[...] стечкахъ существовали и постоянные представители судебной вл[...] сти сюзерена. Въ концѣ XIII в. большинство бароновъ, по примѣ[...] королей, учреждаютъ для этого grands baillis, которые предсѣд[...] тельствуютъ на ассизахъ вассаловъ для суда надъ знатью (assis[...] des chevaliers), а для суда надъ разночинцами созываютъ св[...] собственныя ассизы.

Должностныя лица.

Для цѣлей управленія вообще вокругъ каждаго сеньёра стоя[...] тѣ же должностныя лица, какъ и у короля, — сенешалъ, шамбр[...] коннетабль, бутелье, шанселье (канцлеръ); послѣдній берется и[...] духовенства. Должности эти, въ особенности сенешала и бутел[...] первоначально составляли какъ бы наслѣдственные лены въ рука[...] извѣстныхъ семействъ, тѣмъ болѣе, что онѣ влекли за собой пол[...] зованіе извѣстными доходами съ земель, общинъ горожанъ, корп[...] рацій ремесленниковъ и т. д. Короли раньше всего, уже съ нача[...] XII в., подавили у себя наслѣдственный характеръ этихъ должн[...] стей. Самымъ важнымъ сановникомъ былъ въ феодальномъ госуда[...] ствѣ сенешалъ. Въ Нормандіи и Анжу онъ какъ бы второй сеньё[...] сеньёріи: онъ вѣдаетъ судъ и мѣстную администрацію, командуе[...] арміей, руководитъ домашнимъ управленіемъ у государя.

Сюзеренъ въ исключительныхъ случаяхъ вмѣшивается въ упр[...] вленіе тою частью своихъ земель, которая находится въ рука[...] его вассаловъ. Его собственные удѣлы (домены, pays d'obédienc[...] въ которыхъ онъ хозяйничаетъ непосредственно, расположе[...] отчасти крупными гнѣздами въ одной какой-либо мѣстности, отч[...] сти разбросаны повсюду между ленами вассаловъ, иногда даже [...] чужихъ сеньёріяхъ. Съ конца XII в. сюзерены стремятся окру[...] лять всю массу своихъ удѣловъ путемъ обмѣна, покупки, захва[...] и упорядочить въ нихъ систему мѣстнаго управленія. Представ[...] телями герцогской власти въ городахъ и сельскихъ областяхъ бы[...]

офисье (чиновники), которые на сѣверѣ Франціи чаще назывались прево (prévôt, praepositus), а на югѣ baile (bajulus); подъ этимъ верхнимъ слоемъ чиновниковъ стояли уже на низшихъ ступеняхъ приказные люди, представлявшіе власть сюзерена въ отдѣльныхъ коммунахъ, селахъ, деревушкахъ, хуторахъ: это всевозможные дойены (decani), мэры (majores), фермье (villici), между которыми многіе сами принадлежали еще къ крѣпостному сословію. Чаще всего каждый представитель герцогской власти былъ и сборщикомъ доходовъ, и судьей, и полицейскимъ, и главой милиціи, и администраторомъ. Должности прево и бэлей носили бенефиціальный характеръ, т. е. давались пожизненно подъ условіемъ присяги въ вѣрности, для знатныхъ—даже оммажа, и со всѣми подробностями обряда инвеституры. Но стремленіе превратить и ихъ въ наслѣдственные лены для незнатныхъ не удалось; чаще встрѣчалась наслѣдственность среди низшихъ приказныхъ людей, дойеновъ, мэровъ и т. п. Какъ въ юрисдикціи, такъ и здѣсь герцоги старались тѣснѣе связать съ собой мѣстныя власти. Поэтому въ XIII в. надъ прево начинаетъ создаваться еще слой чиновниковъ высшаго разряда, которые называются то бальи (во Франціи, Нормандіи, Фландріи и т. д.), то сенешалы [1]) (въ Анжу, Пуату и т. д.). Филиппъ-Августъ около 1190 г., кажется, первый установилъ les grands bailliages въ своихъ доменахъ. Вмѣстѣ съ созданіемъ такой іерархіи въ администраціи началась и спеціализація; напр., сборы доходовъ какъ съ доменовъ (чаще всего натурою), такъ и съ вассаловъ сдавались на откупъ особымъ сборщикамъ (receveurs), иногда наслѣдственнымъ. Съ теченіемъ времени эти финансовые агенты сюзереновъ стали тоже выстраиваться въ іерархическую лѣстницу, и при дворѣ герцога появился „главный сборщикъ", или „казначей" (receveur général или trésorier), къ которому стекались всѣ сборы. Въ XIII в. такой сановникъ встрѣчается въ большинствѣ крупныхъ сеньёрій. Надзоръ за всѣми сборщиками и повѣрка ихъ счетовъ поручались сюзереномъ сначала кому-либо изъ членовъ феодальнаго двора безъ всякаго порядка. Но затѣмъ эта обязанность принимаетъ характеръ правильной и постоянной службы. Изъ среды совѣта (curia) сюзерена выдѣляется тогда и для контроля надъ финансовымъ управленіемъ особая палата, совершенно какъ и для суда. Въ концѣ XIV в. это финансовое учрежденіе называется

[1]) Этихъ сенешаловъ не слѣдуетъ смѣшивать съ офисье (должностными лицами) королевскаго двора.

„счетной палатой“ (chambre des comptes), а совѣтники, отряжавшіеся для повѣрки счетовъ и суда въ случаѣ финансовыхъ злоупотребленій, назывались, напр., въ Нормандіи „баронами казначейства“ (barons et clercs de l'échiquier). Очень выгодно было право чеканки монеты, предоставленное сюзеренамъ главныхъ феодальныхъ государствъ и сеньёрамъ меньшей важности; каждый изъ нихъ могъ запретить доступъ въ свою сеньёрію для монеты другихъ бароновъ.

Церковь. Отношенія сеньёровъ къ церкви пережили два періода—ранній, до Григорія VII, и второй, послѣ реформъ этого папы. Еще до восшествія на престолъ Гюго Капета произошло раздѣленіе епископствъ на епископства королевскія и сеньёріальныя. Къ сеньёрамъ, заступившимъ мѣсто короля эпохи Каролинговъ, перешло, напр., право вліянія на выборы епископовъ. На югѣ Франціи это право приняло характеръ собственности, которую легко можно передавать и другимъ. Сеньёръ иногда самъ прямо назначаетъ епископа и затѣмъ право утвержденія передаетъ собранію, болѣе или менѣе набранному изъ народа (такой порядокъ часто примѣнялся въ Нормандіи), а то онъ уступаетъ свое право духовенству и народу, а самъ только предсѣдательствуетъ на собраніи и утверждаетъ избранника. Во всякомъ случаѣ, по феодальнымъ воззрѣніямъ, сеньёръ даритъ (donat) епископство, т. е. земли, связанныя съ каѳедрой, самую каѳедру и санъ епископа съ принадлежащей ему юрисдикціей. Взамѣнъ онъ требуетъ отъ епископа выраженія подданства, которое называется то hominium, то fidelitas. Сеньёры XI в. сильно злоупотребляли этимъ правомъ выбора: захватывали сами санъ епископа, расхищали церковныя земли, раздавали каѳедры родственникамъ. Церковная реформа XI и XII вв., проведенная соединенными усиліями папства и монашества, ограничила это вліяніе свѣтскихъ сеньёровъ на церковь. Папамъ удалось искоренить старую инвеституру (инвеституру кольцомъ и посохомъ), вмѣсто назначенія сеньёромъ установить выборъ капитуломъ собора, епископскій оммажъ замѣнить простой присягой на вѣрность. Но въ Нормандіи, гдѣ власть герцога была такъ сильна, реформа мало что измѣнила. Точно также и аббатства раздавались сюзеренами въ наслѣдственные бенефиціи до реформы, которая исходила изъ монастыря клюнійскаго и Рима. Иногда феодалы сами захватывали аббатства силой или по договору съ монахами. Значительная часть обителей съ ихъ землями и оброчными статьями попала, такимъ образомъ, въ руки свѣтскихъ семействъ, передавав-

шихъ ихъ по наслѣдству (abbates laici, abbates milites, irreligiosi). Послѣ реформы XI в. многіе свѣтскіе бароны сохраняли титулъ аббатовъ, но дѣйствительными настоятелями были уже дойены. Усилія папъ и монаховъ-аскетовъ сломили чисто феодальное право собственности сюзереновъ надъ аббатствами.

Таковъ строй французской сеньеріи. Въ сущности и вся Франція, какъ феодальное государство съ королемъ (герцогомъ Иль-де-Франса) во главѣ, мало чѣмъ отличалась отъ зависимыхъ герцогствъ и часто подавала имъ примѣръ, такъ какъ верховный сюзеренъ Франціи раньше своихъ пэровъ выступилъ на путь переработки феодальныхъ учрежденій въ государство; только Нормандія составляла въ этомъ отношеніи исключеніе. Но нѣкоторыя стороны феодальнаго строя развились характернѣе въ Германіи и Англіи и для своей исторіи оставили тамъ гораздо больше памятниковъ; таково сословіе министеріаловъ въ Германіи, а въ Англіи—вотчинные (манорiальные) суды.

Министеріалы.

Въ Германіи на церковныхъ земляхъ, въ особенности среди земледѣльческаго населенія епископскихъ территорій, раньше всего произошло смѣшеніе и уравненіе всякихъ сословныхъ противорѣчій, различныхъ ступеней рабской и крѣпостной зависимости, существовавшихъ на лицо въ началѣ среднихъ вѣковъ. Это уравненіе клонилось къ установленію смягченнаго вида крѣпостной зависимости (Hörigkeit), основанной на системѣ оброчныхъ повинностей отчасти самого лица, отчасти его собственности. Здѣсь наслѣдственность отступила назадъ передъ фактическимъ положеніемъ; вопросъ шелъ не о свободѣ или рабствѣ, а о принадлежности къ церковной землѣ или лену свѣтскаго феодала; важенъ былъ не офиціальный актъ отпуска раба на волю, а зачисленіе зависимаго отъ церкви человѣка въ разрядъ ли „поденщиковъ“ (дагевардовъ, dageward), „оброчныхъ людей“ (цензуаловъ, Zinsleute) или „слугъ“ (Dienstleute) въ болѣе высокомъ смыслѣ, т. е. министеріаловъ. И среди оброчныхъ людей (censuales, tributarii, vectigales), конечно, есть ступени. Переходъ на церковную землю вообще былъ уже первой ступенью смягченія рабской зависимости, а переводъ крѣпостного (Knecht'а) на оброкъ есть какъ бы освобожденіе. Большинство „оброчныхъ“—люди свободные, будутъ ли то рабы, освобожденные на волю съ переводомъ на оброкъ, или искони свободные люди, сѣвшіе на церковныя земли подъ охрану епископа съ обязательствомъ платить. Какъ разъ изъ среды оброчныхъ людей возвышается къ половинѣ XI в. привилегированная группа

министеріаловъ (Dienstmannen). Ихъ тягломъ является не барщина, не оброкъ, а извѣстная „служба“. Чаще всего это служба по хозяйству, въ качествѣ лѣсничихъ, конюшенныхъ, ключниковъ (cellerarii) и т. п. „Служебное положеніе“ при королевской, монастырской, епископской или частной владѣльческой мызѣ повышало положеніе этихъ зависимыхъ людей; они получали бо̀льшіе надѣлы землей, носили оружіе, постепенно стали призываться къ конной службѣ въ войскѣ, что̀ освобождало ихъ уже отъ всякой другой „низкой“ повинности. Высоко поднимала человѣка изъ среды оброчныхъ и служба при „дворѣ“ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ господъ, въ качествѣ конюшенныхъ, стольниковъ, кравчихъ и т. п. (Marschalk, Truchsess, Schenk, Kämmerer). Но такія службы бывали всегда малочисленны, а потребность въ военной защитѣ заставляла господъ поднимать сразу цѣлые слои зависимыхъ людей чуть не до положенія вассаловъ. Генрихъ I пользовался службой министеріаловъ и для увеличенія конницы, и для укрѣпленія и защиты бурговъ. Съ распространеніемъ рыцарства цѣлыя группы министеріаловъ, уже раньше служившихъ въ рыцарскомъ вооруженіи, получали посвященіе и пополняли ряды рыцарей. Сообразно различію въ службѣ министеріалы скрывались подъ разнообразными названіями—servientes (слуги), domestici (при домѣ), curiales (при дворѣ), militares ministri (несущіе рыцарскую службу), clientes (подручные, зависимые люди) и т. д. Даже тѣ слои, которые постепенно вырабатывались въ средѣ самихъ министеріаловъ, были отмѣчены у народа особыми названіями: различали „лучшихъ“, „высшихъ“, „знатныхъ“ министеріаловъ (meliores, optimi, nobiles и т. д.). Различіе въ положеніи господъ отражается, конечно, и на министеріалахъ; „слуги“ короля, архіепископовъ, имперскихъ монастырей пользуются преимуществами особенно высокаго положенія. Если первоначально отъ произвола господина зависѣло, приставить ли зависимаго человѣка ко двору или къ военной службѣ, то съ теченіемъ времени укореняется начало наслѣдственности, и принадлежность министеріала къ тому или другому слою становится прочной, а каждый слой пріобрѣтаетъ въ силу обычая извѣстныя права; такъ вырабатывается особое „право министеріаловъ“, напр., еп. Бургарда вормскаго (Dienstrecht). Юридически министеріалы не принадлежали ни къ свободнымъ, ни къ крѣпостнымъ. Они наравнѣ со свободными допускаются, напримѣръ, въ свидѣтели, но господинъ отчуждаетъ ихъ наравнѣ съ другими зависимыми людьми, чаще всего вмѣстѣ съ землей. Служба министеріаловъ не была даровой. Тѣ, кто служилъ при господинѣ,

получали кровъ и содержаніе. Другіе вознаграждались земельными бенефиціями, которые становятся затѣмъ наслѣдственными, не хуже знатныхъ леновъ, вмѣстѣ съ опредѣленнымъ служебнымъ тягломъ. Между министеріалами и ихъ землями установилась такая связь, что и тѣ и другія раздаются сразу. Но рядомъ съ наслѣдственными бенефиціальными землями, которыми они могутъ распоряжаться только въ рѣдкихъ случаяхъ и съ разрѣшенія господъ, министеріалы обзаводятся и другими землями, купленными или пожалованными въ полную собственность. На такихъ земляхъ у министеріаловъ бывали и зависимые люди, изъ которыхъ они набирали себѣ воиновъ въ помощь на войнѣ. Какъ разъ военная служба всего чаще отслаивала отъ всего сословія министеріаловъ группы чисто рыцарскаго характера. Другіе слои министеріаловъ наполняли, по указанію господъ, ихъ города то въ качествѣ гарнизоновъ, то ради мирныхъ занятій мѣнялъ и другихъ промысловъ.

Англійскій маноръ.

Сельская Англія раздѣлялась въ феодальную эпоху на единицы, которыя назывались „помѣстьями“ (manors), и каждый маноръ состоялъ изъ центральной части—помѣщичьей экономіи (demesne) и группы надѣловъ (holdings), которые во всемъ, что касается повинностей, находятся въ разнообразныхъ отношеніяхъ къ центру (вилланы, свободные поселенцы и т. д). Demesne—это та часть владѣній лорда, которая разрабатывается преимущественно для его собственнаго потребленія и только въ небольшихъ количествахъ для продажи. Demesne обрабатывается хозяйственнымъ способомъ, т. е. плугами экономіи, но почти вездѣ упряжкамъ экономіи на помощь приходятъ consuetudines villae, т. е. барщинная работа крестьянъ. Отсюда тѣсная связь между всей тяглой землей (tributary land) и барской, доманіальной землей, которая лежитъ не отдѣльными участками, а полосами переплетается съ пашнями села. Хозяйство въ экономіи, сборъ доходовъ, надзоръ за работами, маноріальная полиція требуютъ значительнаго числа приказчиковъ и рабочихъ. Крупные сеньёры, у которыхъ въ различныхъ графствахъ насчитывались иногда десятки маноровъ, поручали завѣдываніе своими имѣньями обыкновенно сенешалу, и тотъ во всѣхъ случаяхъ долженъ былъ представлять собой лорда—предсѣдательствовать на маноріальномъ судѣ (manorial courts), выслушивать отчеты, руководить разслѣдованіями подъ присягой и оцѣнкой и рѣшать всѣ главные вопросы хозяйства. Въ каждомъ отдѣльномъ манорѣ мы всегда находимъ два лица, надѣленныхъ властью: бэлифъ (bailiff или beadle) былъ человѣкомъ, котораго лордъ бралъ

министеріаловъ (Dienstmannen). Ихъ тягломъ является не барщина, не оброкъ, а извѣстная „служба“. Чаще всего это служба по хозяйству, въ качествѣ лѣсничихъ, конюшенныхъ, ключниковъ (cellerarii) и т. п. „Служебное положеніе“ при королевской, монастырской, епископской или частной владѣльческой мызѣ повышало положеніе этихъ зависимыхъ людей; они получали бо̀льшіе надѣлы землей, носили оружіе, постепенно стали призываться къ конной службѣ въ войскѣ, что̀ освобождало ихъ уже отъ всякой другой „низкой“ повинности. Высоко поднимала человѣка изъ среды оброчныхъ и служба при „дворѣ“ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ господъ, въ качествѣ конюшенныхъ, стольниковъ, кравчихъ и т. п. (Marschalk, Truchsess, Schenk, Kämmerer). Но такія службы бывали всегда малочисленны, а потребность въ военной защитѣ заставляла господъ поднимать сразу цѣлые слои зависимыхъ людей чуть не до положенія вассаловъ. Генрихъ I пользовался службой министеріаловъ и для увеличенія конницы, и для укрѣпленія и защиты бурговъ. Съ распространеніемъ рыцарства цѣлыя группы министеріаловъ, уже раньше служившихъ въ рыцарскомъ вооруженіи, получали посвященіе и пополняли ряды рыцарей. Сообразно различію въ службѣ министеріалы скрывались подъ разнообразными названіями—servientes (слуги), domestici (при домѣ), curiales (при дворѣ), militares ministri (несущіе рыцарскую службу), clientes (подручные, зависимые люди) и т. д. Даже тѣ слои, которые постепенно вырабатывались въ средѣ самихъ министеріаловъ, были отмѣчены у народа особыми названіями: различали „лучшихъ“, „высшихъ“, „знатныхъ“ министеріаловъ (meliores, optimi, nobiles и т. д.). Различіе въ положеніи господъ отражается, конечно, и на министеріалахъ; „слуги“ короля, архіепископовъ, имперскихъ монастырей пользуются преимуществами особенно высокаго положенія. Если первоначально отъ произвола господина зависѣло, приставить ли зависимаго человѣка ко двору или къ военной службѣ, то съ теченіемъ времени укореняется начало наслѣдственности, и принадлежность министеріала къ тому или другому слою становится прочной, а каждый слой пріобрѣтаетъ въ силу обычая извѣстныя права; такъ вырабатывается особое „право министеріаловъ“, напр., еп. Бургарда вормскаго (Dienstrecht). Юридически министеріалы не принадлежали ни къ свободнымъ, ни къ крѣпостнымъ. Они наравнѣ со свободными допускаются, напримѣръ, въ свидѣтели, но господинъ отчуждаетъ ихъ наравнѣ съ другими зависимыми людьми, чаще всего вмѣстѣ съ землей. Служба министеріаловъ не была даровой. Тѣ, кто служилъ при господинѣ,

получали кровъ и содержаніе. Другіе вознаграждались земельными бенефиціями, которые становятся затѣмъ наслѣдственными, не хуже знатныхъ леновъ, вмѣстѣ съ опредѣленнымъ служебнымъ тягломъ. Между министеріалами и ихъ землями установилась такая связь, что и тѣ и другія раздаются сразу. Но рядомъ съ наслѣдственными бенефиціальными землями, которыми они могутъ распоряжаться только въ рѣдкихъ случаяхъ и съ разрѣшенія господъ, министеріалы обзаводятся и другими землями, купленными или пожалованными въ полную собственность. На такихъ земляхъ у министеріаловъ бывали и зависимые люди, изъ которыхъ они набирали себѣ воиновъ въ помощь на войнѣ. Какъ разъ военная служба всего чаще отслаивала отъ всего сословія министеріаловъ группы чисто рыцарскаго характера. Другіе слои министеріаловъ наполняли, по указанію господъ, ихъ города то въ качествѣ гарнизоновъ, то ради мирныхъ занятій мѣнялъ и другихъ промысловъ.

Англійскій маноръ.

Сельская Англія раздѣлялась въ феодальную эпоху на единицы, которыя назывались „помѣстьями“ (manors), и каждый маноръ состоялъ изъ центральной части—помѣщичьей экономіи (demesne) и группы надѣловъ (holdings), которые во всемъ, что касается повинностей, находятся въ разнообразныхъ отношеніяхъ къ центру (вилланы, свободные поселенцы и т. д). Demesne—это та часть владѣній лорда, которая разрабатывается преимущественно для его собственнаго потребленія и только въ небольшихъ количествахъ для продажи. Demesne обрабатывается хозяйственнымъ способомъ, т. е. плугами экономіи, но почти вездѣ упряжкамъ экономіи на помощь приходятъ consuetudines villae, т. е. барщинная работа крестьянъ. Отсюда тѣсная связь между всей тяглой землей (tributary land) и барской, доманіальной землей, которая лежитъ не отдѣльными участками, а полосами переплетается съ пашнями села. Хозяйство въ экономіи, сборъ доходовъ, надзоръ за работами, маноріальная полиція требуютъ значительнаго числа приказчиковъ и рабочихъ. Крупные сеньёры, у которыхъ въ различныхъ графствахъ насчитывались иногда десятки маноровъ, поручали завѣдываніе своими имѣньями обыкновенно сенешалу, и тотъ во всѣхъ случаяхъ долженъ былъ представлять собой лорда—предсѣдательствовать на маноріальномъ судѣ (manorial courts), выслушивать отчеты, руководить разслѣдованіями подъ присягой и оцѣнкой и рѣшать всѣ главные вопросы хозяйства. Въ каждомъ отдѣльномъ манорѣ мы всегда находимъ два лица, надѣленныхъ властью: бэлифъ (bailiff или beadle) былъ человѣкомъ, котораго лордъ бралъ

иногда со стороны и который былъ поставленъ слѣдить за выгодами хозяина; онъ собиралъ ренты и вынуждалъ барщины, велъ обработку фермы, заботился о скотѣ, о постройкахъ и всемъ инвентарѣ экономіи. Эти обязанности часто сдавались на откупъ (firma) за опредѣленную ренту, и тогда управляющій назывался firmarius. На ряду съ управляющимъ стоитъ всегда reeve (староста), или praepositus, взятый изъ среды крестьянъ села и чаще всего избранный ими самими. Ривъ дѣйствуетъ, какъ представитель общины и по отношенію къ лорду, и въ дѣлахъ общественныхъ; онъ долженъ помогать управляющему во всѣхъ его обязанностяхъ, слѣдить за исполненіемъ крестьянами возложенныхъ на нихъ работъ, за пахатьбой, жнитвой и т. д. За управляющимъ и ривомъ идутъ уже различные спеціальные приказчики: messor, на отвѣтственности котораго лежитъ уборка хлѣба, akermanni, или carucarii, которые вмѣстѣ съ погонщиками направляютъ плуги, пастухи для всякаго рода скота и т. д. На ряду съ приказчиками по хозяйству стоятъ и служащіе люди съ чисто полицейскими обязанностями; напримѣръ, иногда существуетъ особый „turnbedellus“, собирающій людей на собранія сотни и графства. Третій отдѣлъ министеріаловъ составляетъ домашняя челядь, служащая при особѣ лорда, при его гардеробѣ, его кухнѣ и т. п. Военныя обязанности и потребность въ охранѣ заставляютъ лорда держать при себѣ вооруженныхъ слугъ. Въ Англіи всѣ три разряда министеріаловъ называются sergeants и servants (servientes). Всѣ они избираются первоначально изъ массы населенія манора и вознаграждаются то долей доходовъ, порученныхъ ихъ завѣдыванію, то иждивеніемъ, то освобожденіемъ отъ повинностей за свои надѣлы, а то въ XIII в. служатъ и за жалованье. Обычай освобождать надѣлы „слугъ“ отъ повинностей создаетъ группу совершенно свободныхъ земельныхъ владѣній; это путь къ свободѣ. Итакъ, въ манорѣ всегда на лицо: 1) масса, состоящая изъ лицъ различныхъ несвободныхъ состояній (вилллановъ); 2) барская экономія; 3) группа людей, которая приводитъ всю машину въ движеніе. Но въ каждомъ манорѣ всегда есть и кучка свободныхъ людей, и группа свободныхъ надѣловъ; хотя, можетъ быть, свободные и платятъ ренту или даже несутъ работу за землю, но они живутъ по добровольному договору и всегда могутъ уйти. Происхожденіе участковъ для свободныхъ весьма различно. Иногда это издревле свободные участки, подпавшіе съ теченіемъ времени суду лорда, иногда они выдѣлены изъ „барской“ земли (demesne), иногда это уголки отъ земель села, которые не

умѣщались въ общую дѣлежку на виргаты (размѣръ обычнаго надѣла виллана) и розданы на особыхъ условіяхъ въ аренду; то это новыя заимки, которымъ лордъ покровительствуетъ льготами, то участки „слугъ", то надѣлы вилланов, откупившихся отъ повинностей, и т. п. Свободные люди, а часто и свободные участки принадлежатъ къ манору не на правахъ собственности, а въ силу того, что входятъ въ судебно-административный округъ манора и подчинены суду лорда. Вилланы и участки, отягощенные повинностями виллана, распадаются обыкновенно на обширныя группы, и въ средѣ каждой группы всѣ крестьяне и всѣ надѣлы несутъ уже совершенно тождественныя повинности; свободные же поселенцы (фригольдеры) держатъ землю каждый на особомъ условіи: одинъ за 10 акровъ платитъ 3 шиллинга, другой за $8^1/_2$ акровъ—фунтъ перцу и т. д. Но въ положеніи всѣхъ этихъ свободныхъ людей есть одна общая черта: они держатъ свои участки по особому договору съ собственникомъ. Достается ли свободный надѣлъ (freehold) виллану въ добавокъ къ его крестьянской виргатѣ, или дается онъ въ награду министеріалу, или свободный участокъ образовался изъ крѣпостного вслѣдствіе выкупа,—всегда и вездѣ держаніе свободной земли покоится на особомъ договорѣ.

Сельскій сходъ.

Село (township) составляло единицу, объединенную фискально, хозяйственно, административно, юридически, что-то отдѣльное отъ манора и все-таки включенное въ него. Такая сельская община ограничивала на собраніяхъ манора (manorial courts) власть лорда, но она не была силой прямо противоположной ему; напротивъ, лорды очень часто искали въ ней опоры противъ своихъ министеріаловъ, учетъ которыхъ былъ труденъ. Позднее средневѣковое право различало два типа сеньёріальныхъ курій въ манорѣ — the Court Baron и the Custumary Court [1]); Court Baron—это „дворъ" сеньёра для свободныхъ поселенцевъ (free tenants): онъ вѣдаетъ ихъ мелкія сдѣлки и тяжбы между ними; the Custumary Court вѣдаетъ все несвободное населеніе манора. Но первоначально такого раздѣленія не существовало, и еще въ XIII в. былъ только одинъ „маноріальный дворъ", который назывался „галимотомъ" (halimot). Обыкновенно галимотъ собирался разъ въ три недѣли, но иногда

---

1) Первоначальное значеніе слова „baron" (баронъ)—вообще свободный человѣкъ. Подъ „custum" (обычай) разумѣлись повинности вилланов, державшіяся обычаемъ. Consuetudinarii или costumarii—это тѣ, которые несутъ „обычныя повинности" (custumary services), т. е. и вилланы, и свободные, держащіе участки на условіяхъ вилланов.

созывался и по произволу лорда. Постоянными членами его были крестьяне сельской общины (township) и владѣльцы участковъ на поляхъ манора вообще. Для важныхъ дѣлъ (напримѣръ, когда вѣшаютъ крѣпостного) изрѣдка призываются по уговору нѣсколько свободныхъ людей со стороны. Мѣстомъ собранія бывалъ замокъ манора (manoria hall, отсюда hali - mot). Вся курія или 12 присяжныхъ изъ ея среды указываютъ тутъ всѣхъ, кто провинился дурнымъ поведеніемъ или совершилъ какой-либо опредѣленный проступокъ. Пахари, которые дурно выполнили свою работу на пашняхъ лорда, вилланъ, бѣжавшій изъ села и жившій на чужой землѣ, человѣкъ, не исполнившій приказа лорда, женщина, сорвавшая замокъ, который бэлифъ повѣсилъ на ея коттэджѣ, неисправимый распутникъ, неразъ оштрафованный уже въ церковныхъ судахъ,—всѣ они подвергались по приговорамъ галимота штрафу или заключенію въ колодки. Такимъ образомъ, эта маноріальная курія ограничивала произволъ лорда или его управляющаго, потому что всѣ члены галимота, а не лордъ и не его управляющій опредѣляли проступки противъ интересовъ лорда. Можетъ быть, и самый размѣръ штрафа даже для виллановъ устанавливался собраніемъ, а не лордомъ. Галимотъ разбираетъ и всѣ гражданскія дѣла по владѣнію, наслѣдству, приданому, арендамъ и т. п. Но и по гражданскимъ судамъ лордъ или его замѣститель остаются тоже только предсѣдателями суда, а самое обслѣдованіе вопроса и постановленіе приговора находится въ рукахъ 12 присяжныхъ или всего „двора“.

Особенно важно участіе полной куріи во всѣхъ сдѣлкахъ по переходу крестьянскихъ участковъ земли изъ рукъ въ руки. Такой переходъ могъ происходить только черезъ посредство лорда (или его замѣстителя), который будто бы вновь вступаетъ (reenters) во владѣніе отчуждаемымъ участкомъ и передаетъ его затѣмъ новому крестьянину-владѣльцу, какъ если бы это дѣйствительно было совершенно новымъ пожалованіемъ (surrender and admittance). Въ этомъ участіи лорда при отчужденіяхъ сказывается его верховное право на землю сельской общины; но и это верховное право опять-таки было ограничено маноріальнымъ дворомъ, который въ сущности своимъ свидѣтельствомъ только и обезпечиваетъ отчужденіе. Для владѣльца на правахъ крестьянина (base tenure) существовали особыя названія—„держащій въ силу записи въ свиткахъ двора“ (tenant by copy of court roll) или „держащій въ силу трости“ (tenant by the rod, par la verge). Названіе это

происходитъ отъ того, что и для крестьянскаго надѣла существовала своя символическая инвеститура: лордъ или управляющій передавалъ надѣлъ посредствомъ врученія трости или вѣтки. Во многихъ мѣстностяхъ вилланъ, получая надѣлъ, долженъ былъ приносить присягу на вѣрность (oath of fealty, per fidelitatem costumarii), но безъ оммажа, и въ присягу входили слова: „Я ищу защиты у васъ для жизни и для имущества“ (I will be justified by you in body and goods). Но этотъ обрядъ передачи земельной собственности вовсе не предполагаетъ непремѣнно за лицомъ, вручающимъ трость, верховную собственность на землю. Обрядъ коренится еще въ правѣ салическихъ франковъ; тамъ въ каждой передачѣ земли должно было участвовать третье лицо, посредникъ или свидѣтель, который беретъ символически (посредствомъ трости, festuca) землю у прежняго собственника и передаетъ ее затѣмъ новому лицу путемъ того же символа. Этотъ древній германскій обрядъ и былъ перенесенъ традиціей на средневѣковую инвеституру, при чемъ на лорда или управляющаго перешла роль посредника. Но такое врученіе крестьянскаго надѣла въ средневѣковой Англіи должно быть засвидѣтельствовано не однимъ только лордомъ или управляющимъ, а всѣмъ дворомъ [1]) и заносится въ протоколъ засѣданій куріи (отсюда tenant by copy of court roll). Свободный человѣкъ можетъ вступать въ сдѣлки отъ своего имени и притомъ посредствомъ хартій, но вилланы должны довольствоваться символическими обрядами передъ „plena curia“, т. е. маноріальной палатой. Ссылка на „свитки куріи“ (rotuli curiae) или на свидѣтельство всей маноріальной палаты, а то и 12 присяжныхъ изъ ея среды—единственное средство для виллана, если надо удостовѣрить, что извѣстный участокъ принадлежитъ ему, хотя у него и нѣтъ хартіи (verificare per recordum rotulorum seu 12 juratorum ejusdem curiae per voluntatem domini et senescalli). Вообще составъ маноріальной куріи—смѣшанный, изъ вилланов и фригольдеровъ. По воззрѣніямъ среднихъ вѣковъ, маноріальная курія не можетъ состояться, если въ ней не будетъ на лицо хоть нѣсколькихъ свободныхъ людей. Часто требуется для законности куріи не менѣе четырехъ фригольдеровъ, такъ какъ четырехъ бывало достаточно, чтобы въ случаѣ надобности составить какъ бы отдѣльный „дворъ свободныхъ“ въ средѣ „полнаго двора“ (напр., для удостовѣренія ка-

[1]) Въ сущности и пожалованіе лена происходитъ въ феодальной куріи изъ вассаловъ сеньёра, которые, напр., по Іерусалимскимъ Ассизамъ, и могутъ всегда удостовѣрить фактъ инфеодаціи.

кого-либо факта, касающагося свободнаго человѣка манора). Вообще надъ такимъ „полнымъ“ маноріальнымъ дворомъ носится идея „свободнаго двора“, исключающаго рабовъ, но не отождествляющаго съ ними вилланов, которые стоятъ какъ бы ближе къ свободнымъ.

Министеріалы и помѣстныя куріи достигли въ Германіи и Англіи особенно характернаго развитія, но они существовали и во Франціи, а въ той или другой формѣ и всюду, гдѣ только былъ феодализмъ.

Евг. Щепкинъ.



XXIII.

Сельское населеніе Германіи въ XI и XII вв.

Прежде, чѣмъ говорить о положеніи сельскаго населенія въ XII вѣкѣ, необходимо вкратцѣ изложить исторію землевладѣнія въ Германіи съ древняго времени до занимающей насъ эпохи.

Свободные земледѣльцы въ древней Германіи.

Во времена Тацита населеніе Германіи было уже осѣдлымъ и земледѣльческимъ; событія послѣдующаго времени уничтожили однако первоначальныя германскія поселенія. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ мы видимъ всю Германію въ безпрерывномъ движеніи, и въ то время, какъ многіе изъ народовъ германскихъ переселялись за Рейнъ и за Дунай въ предѣлы римской имперіи и тамъ дѣлили между собою ея богатое наслѣдство, внутри самой Германіи шли постоянныя войны и передвиженія, которыя имѣли результатомъ соединеніе мелкихъ народцевъ въ большія племена фризовъ, саксовъ, турингов, швабовъ и баварцевъ.

Военно-родовой бытъ германцевъ этого времени опредѣлилъ первоначальный характеръ землевладѣнія. Германскіе народцы дѣлились на сотни (военная организація), изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ населеніе родовыхъ союзовъ; при завоеваніи каждая сотня получала по раздѣлу опредѣленную территорію въ 2—3 кв. мили, на которой и располагалась нѣсколькими поселеніями. Поселенія эти, раскинутыя какъ бы островами среди лѣсовъ Германіи, состояли обыкновенно изъ 20—30 дворовъ, расположенныхъ или скученно, или же въ видѣ замкнутой геометрической фигуры круглой или овальной формы. Земля находилась въ общинномъ

Пособія. *Lamprecht*, Deutsches Wirthschaftsleben im Mittelalter; *Inama-Sternegg*, Deutsche Wirthschaftsgeschichte.

владѣніи селенія. Для того, чтобы распахать поле, нужно было предварительно вырубить и выкорчевать часть лѣса и расширить землю подъ пашню; для одной семьи задача эта была въ то время непосильною, что неизбѣжно вело къ соединенію труда; нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что первоначально всѣ жители населенія общими силами обращали лѣсъ подъ пашню, которую вмѣстѣ и обрабатывали, а затѣмъ дѣлились плодами урожаевъ.

Въ періодъ Салической Правды уже нѣтъ болѣе общиннаго владѣнія пашнею: вся пашня раздѣлена между отдѣльными дворами. Пахатная земля (Flur)—ближайшая къ поселенію—охватываетъ его со всѣхъ сторонъ; она состоитъ изъ многихъ участковъ (campus, gewanne—конъ) разной величины и формы, изъ которыхъ каждый раздѣленъ на столько полосъ (Aecker, pl. отъ Acker), сколько дворовъ въ селеніи; каждый дворъ владѣетъ, такимъ образомъ, нѣсколькими полосами пахатной земли (черезполосность владѣнія). Очевидно, что, переходя постепенно къ осѣдлому образу жизни и перенося весь свой трудъ отъ ухода за стадами на обработку земли, населеніе брало подъ распашку все новые и новые участки, пока, наконецъ, не распахало земли столько, что обработкой ея могло доставлять себѣ необходимыя средства къ жизни. Луга, пастбища и лѣса попрежнему составляли общее достоянія населенія—Allmende.

Дворъ вмѣстѣ съ надѣлами пахатной земли былъ полною собственностью отдѣльной крестьянской семьи и назывался гуфою (huba, mansus), при чемъ гуфа равнялась площади приблизительно въ 8—10 десятинъ. Долгое время количество гуфъ въ каждомъ поселеніи оставалось неизмѣннымъ, ибо не было ни раздѣловъ, ни передѣловъ земли: вслѣдствіе установившагося обычая весь надѣлъ передавался одному изъ сыновей, а избытокъ населенія селился новыми деревнями въ маркѣ той же системы; отъ VI—VIII вѣка возникло такимъ образомъ множество новыхъ деревень.

Крупное землевладѣніе въ древней Германіи.

До сихъ поръ шла рѣчь только о свободныхъ германцахъ, которые съ прекращеніемъ передвиженій образуютъ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, обращаются въ крестьянъ; но въ то же время развивается и крупное землевладѣніе.

Германское общество временъ Тацита уже различаетъ классы свободныхъ, благородныхъ (nobilitas), зависимыхъ и рабовъ. При земельныхъ раздѣлахъ знатные получали отдѣльно большія сравнительно земли (agri pro numero cultorum secundum dignationem partiuntur); земля ихъ воздѣлывалась зависимыми людьми—полу-

свободными (liti) и рабами (servi, mancipia), которыми они преимущественно владѣли. Во время безпрерывныхъ войнъ развивается власть герцога (dux) и значеніе его свиты-дружины (trustis, comitatus), что, естественно, создаетъ при завоеваніяхъ новыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Наконецъ, германскія племена постепенно покоряются и входятъ въ составъ усиливающейся франкской монархіи; развившаяся затѣмъ идея, что вся незанятая земля (res nullius) принадлежитъ государю, и раздача ея во владѣніе преимущественно церкви и должностнымъ лицамъ (графамъ) создаютъ еще видъ земельной аристократіи.

Итакъ, во владѣніи короля, церкви, должностныхъ лицъ и потомковъ племенной аристократіи находилась вся остальная земля.

Большія земли крупныхъ собственниковъ не могли быть воздѣланы трудомъ полусвободныхъ и рабовъ: этотъ классъ общества былъ для того недостаточно многочисленнымъ; поэтому главной задачей землевладѣльцевъ было привлечь на свои земли новыхъ поселенцевъ. Въ то же время крестьянское населеніе начинаетъ испытывать недостатокъ въ землѣ: отсутствіе свободной земли не позволяло уже больше выводить новыхъ колоній, а принуждало дробить гуфы между наслѣдниками. Избытокъ населенія долженъ былъ искать себѣ мѣста на чужой землѣ, хотя это было сопряжено съ ограниченіемъ свободы и имущественною зависимостью. Поселенцы устраивались на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ деревнями такого же типа, какъ было описано выше, но становились въ ряды зависимаго класса полусвободныхъ и платили оброкъ (census) землевладѣльцу.

Зависимое крестьянство.

Но не только избытокъ свободнаго населенія переходитъ въ зависимое состояніе—все крестьянское населеніе съ теченіемъ времени становится мало-по-малу въ зависимость отъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Тяжелыя повинности, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ военная (обязанность участвовать въ походахъ), падавшая на весь свободный классъ общества, десятина въ пользу церкви, отнимавшая $^{1}/_{10}$ долю урожая, далѣе большіе штрафы (compositio) за правонарушенія и притѣсненія должностныхъ лицъ—всѣ эти причины подрывали благосостояніе мелкихъ собственниковъ; а неудачныя войны, особенно во время послѣднихъ Каролинговъ, и вторженія внутрь страны датчанъ, славянъ, венгровъ и норманновъ разорили многія мѣстности Германіи. Чтобы уйти отъ разоренія или уклониться отъ тяжелыхъ повинностей, было одно средство—отказаться

отъ свободы и перейти въ зависимость (in obsequium, in servitium), подъ покровительство крупнаго землевладѣльца. И дѣйствительно, крестьяне отказываются отъ своей земли и свободы въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ, которые оставляютъ за ними ихъ землю, но только на право пользованія и за оброкъ. Говоря о причинахъ исчезновенія самостоятельнаго класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ, нельзя умолчать о побужденіяхъ религіозныхъ, обогатившихъ церковь, въ особенности же монастыри.

Къ XI-му вѣку мелкое землевладѣніе уже почти исчезло, почти вся земля собралась во владѣніи монастырей, духовенства и свѣтской аристократіи; земледѣльческое же населеніе этихъ земель. состоявшее первоначально изъ рабовъ, полусвободныхъ, а затѣмъ перешедшихъ въ зависимость свободныхъ крестьянъ, сливается въ одинъ общій классъ крѣпостного населенія.

Организація помѣстья.

Центромъ всякаго крупнаго свѣтскаго [1]) владѣнія была барская усадьба (villa)—мѣстопребываніе сеньёра, гдѣ онъ жилъ, окруженный многочисленною толпою слугъ. Дворня эта, преимущественно рабскаго происхожденія, исполняла всѣ домашнія службы и изготовляла все нужное для домашняго обихода. Нужно замѣтить, что изъ ея среды выдѣлились съ теченіемъ времени нѣкоторые слуги, снискавшіе себѣ довѣріе или расположеніе господина, и имъ даются особыя назначенія, завѣдываніе, напр., какою-либо отраслью хозяйства, однимъ словомъ, разныя ministeria, такъ что надъ обыкновенными слугами возвышается особый классъ министеріаловъ, которые и въ сельскомъ хозяйствѣ имѣли весьма большое значеніе.

Земледѣльческое населеніе было частью также рабскаго происхожденія; тутъ же вокругъ усадьбы тѣснились лачуги холоповъ (mancipia casata), занятыхъ земледѣльческими работами; своего земельнаго надѣла холопы эти не имѣли, а воздѣлывали господскую пашню, примыкавшую къ усадьбѣ (domanium, terra salica). Классъ рабовъ, впрочемъ, никогда не былъ въ Германіи особенно многочисленнымъ, и доманіальная земля, обрабатываемая ихъ трудомъ, занимала потому не очень значительную площадь.

За предѣлами доманіальной земли начинались участки зависимаго, крѣпостного крестьянскаго населенія. Крестьянскія земли не сплошною массою окружали усадьбу; главною особенностью средневѣковаго землевладѣнія была его раздробленность: владѣніе

[1]) Хозяйство на монастырскихъ земляхъ, въ общемъ весьма сходное съ описываемымъ, имѣетъ нѣкоторыя особенности, которыхъ по краткости статьи мы касаться не будемъ.

въ 10—15,000 десятинъ раскинуто было иногда на сотни верстъ; въ разныхъ мѣстахъ были группы въ 20—30 крестьянскихъ дворовъ, которыя съ разныхъ сторонъ тянули къ одному центру, находясь въ оброчной зависимости отъ одного сеньёра.

Оброкъ, первоначально главная повинность зависимаго крестьянскаго населенія по отношенію къ господину, платился продуктами крестьянскаго хозяйства, къ которому мы теперь и обращаемся.

Крестьянское хозяйство.

Хозяйство въ это время почти повсемѣстно было трехпольное; трехпольная система уже съ IX вѣка вытѣсняетъ собою систему переложную и одинаково принимается какъ въ господскомъ, такъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Пахатная земля селенія, разбитая для хозяйственныхъ цѣлей на 3 поля (Feld), представляетъ въ то же время ужасную черезполосицу. Уже раньше было указано на то, что крестьянская гуфа состояла изъ небольшихъ полосъ; но къ XI-му вѣку очень немногія семьи владѣютъ полною гуфою: нѣкоторыя пользуются лишь половиннымъ надѣломъ, другія довольствуются $^1/_4$, $^1/_8$ и меньшей долей гуфы; дробленіе пахатной земли между наслѣдниками изъ поколѣнія въ поколѣніе увеличиваетъ черезполосицу. Такое раздѣленіе пахатной земли порождало большія хозяйственныя затрудненія (къ нѣкоторымъ полосамъ, напр., не было иного проѣзда, какъ черезъ полосы сосѣдей) и необходимо требовало и поддерживало принудительный сѣвооборотъ (Flurzwang). Каждое поле распахивается и засѣвается единовременно всѣми крестьянами селенія, общими силами ставятъ крестьяне изгороди кругомъ засѣяннаго поля, чтобы уберечь его отъ потравы, въ одно время убираютъ озимое, а затѣмъ и яровое и по жнитву пускаютъ пастись скотъ.

Необходимо подчеркнуть, что пахатная земля не была въ общинномъ пользованіи селенія: каждая крестьянская семья владѣетъ пахатнымъ надѣломъ отдѣльно, и надѣлъ этотъ остается въ потомствѣ данной семьи, все болѣе и болѣе дробясь съ теченіемъ времени. Земельныхъ передѣловъ не бывало. Только сѣнокосы, пастбища и лѣса находятся въ общинномъ пользованіи селенія.

Здѣсь кстати упомянуть о томъ, что, кромѣ пашенной земли, въ частномъ владѣніи отдѣльной семьи была еще земля огородная—небольшіе участки, тѣсно примыкавшіе къ крестьянскимъ дворамъ, гдѣ, кромѣ овощей, сажались крестьянами нѣсколько плодовыхъ деревьевъ и сѣялось немного льну.

Главнымъ богатствомъ крестьянина, кромѣ земли, было нѣсколько головъ домашняго скота. Лошади въ крестьянскомъ хозяйствѣ были

рѣдкостью (пахали на коровахъ самодѣльными земледѣльческими орудіями); 4 коровы, столько же свиней и стадо барановъ въ 15—20 головъ составляли обыкновенное достояніе крестьянина.

Оброкъ и барщина.

Продуктами своего хозяйства и платилъ крѣпостной крестьянинъ лежавшій на немъ оброкъ господину. Оброкъ взимался натурою: зерномъ, хлѣбомъ, льномъ, домашнею птицею, яйцами, баранами и поросятами; приблизительно $^1/_5$ доля ежегоднаго крестьянскаго дохода отдавалась господину въ видѣ оброка, такъ что $^4/_5$ оставалось въ хозяйствѣ крестьянина. Уплата оброка влекла, конечно, за собою повинность доставить въ опредѣленное время всѣ эти припасы на своихъ подводахъ на господскій дворъ.

Сборъ всѣхъ этихъ продуктовъ и забота о своевременной уплатѣ крестьянами породили въ большихъ владѣніяхъ весьма сложную хозяйственную организацію. Центромъ управленія была, само собою разумѣется, господская усадьба, но отдаленныя отъ усадьбы гуфы крѣпостныхъ собираются около мѣстныхъ центровъ; тамъ, гдѣ расположена группа въ 12—24 крестьянскихъ двора, ставится барскій дворъ (curtis dominicus) и поселяется управитель (villicus, Meier) изъ министеріаловъ, присланный изъ усадьбы для хозяйственныхъ распоряженій. Впрочемъ, задачи этихъ управителей очень скоро усложняются, ибо на крестьянъ мало-по-малу возлагается новая и притомъ самая тяжелая повинность; мы разумѣемъ барщину.

Располагая массою зависимаго крестьянскаго населенія, землевладѣльцы начинаютъ пользоваться его трудомъ для дальнѣйшаго развитія хозяйства. Подъ надзоромъ управителя крестьяне какой-либо мѣстной группы расчищаютъ новыя земли изъ-подъ лѣса и обращаютъ ихъ въ господскую пашню (terra salica, Beunde); эта пашня затѣмъ уже изъ года въ годъ обрабатывается по наряду крѣпостнымъ крестьянскимъ трудомъ, подобно тому, какъ доманіальная земля трудомъ холоповъ-земледѣльцевъ; крестьяне обязаны доставлять на эти земли навозъ для удобренія и исполнять всѣ земледѣльческія работы: mansionarii debent jugera dominica arare, seminare, colligere et in orreum deducere suo tempore, et sepem facere.

Особенно тяжелы были работы, если вновь расчищенная земля обращалась подъ виноградники. А необходимо замѣтить, что землевладѣльцы старались увеличить изъ года въ годъ площадь такихъ запашекъ. Барщина, ставшая въ скоромъ времени общею повинностью всего крѣпостного населенія, обыкновенно была трехдневная, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ назначались и по 4 дня въ недѣлю.

За барщиною однако слѣдуетъ еще множество другихъ повинностей; издѣльныя повинности были, впрочемъ, въ разныхъ владѣніяхъ настолько разнообразны, что приходится ограничиться лишь указаніемъ на главнѣйшія изъ нихъ. Забота о господскихъ зданіяхъ, слѣдовательно, строительныя работы и доставка кирпичей и черепицъ, нужныхъ для постройки; работа на господскихъ огородахъ, посѣвъ льна и уходъ за нимъ; устройство на рѣкахъ заколовъ для рыбной ловли; уходъ за стадами; охрана и рубка лѣса, доставка дровъ, приготовленіе жердей для виноградниковъ, досокъ и обручей для бочекъ, сборъ желудей и ягодъ, наконецъ, служба въ сторожахъ для охраны усадьбы съ ея богатствами—все это возлагается на крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ заключеніе скажемъ, что XI вѣкъ служитъ уже переходнымъ временемъ для крестьянъ къ другому, болѣе легкому положенію. Высшее сословіе, увлекаясь военными задачами, забрасываетъ свои хозяйственные центры—усадьбы и переселяется со своими министеріалами за зубчатыя стѣны замковъ, а крестьянскія повинности съ начинающимся развитіемъ торговли и городовъ переводятся на деньги; барскія запашки тоже за извѣстный денежный оброкъ сдаются въ общинное владѣніе ближайшимъ крестьянскимъ селеніямъ; натуральное хозяйство мало-по-малу уступаетъ мѣсто денежному, наконецъ, денежный оброкъ фиксируется и съ каждымъ десятилѣтіемъ становится легче вслѣдствіе послѣдовательнаго паденія цѣнности денегъ.

Нашей задачей было дать понять о времени натуральнаго хозяйства и наибольшаго развитія крѣпостного права.

Алексѣй Кедровъ.

XXIV.

Французскіе города въ средніе вѣка.

Упадокъ городовъ въ варварскихъ государствахъ.

Варварскимъ государствамъ, основаннымъ германскими племенами на развалинахъ Западной римской имперіи, досталось въ наслѣдство значительное количество городовъ, когда-то богатыхъ и оживленныхъ, служившихъ центрами не только управленія, но и весьма развитой въ то время промышленности и торговли, и даже просвѣщенія. Особенно много такихъ городовъ было въ Галліи, гдѣ однѣхъ civitates (крупныхъ городовъ, пользовавшихся самоуправленіемъ) насчитывали до 112, не говоря уже о мелкихъ укрѣпленіяхъ (castra). Кромѣ того, уже въ первую половину среднихъ вѣковъ стали возникать и новые города: чаще всего окрестное населеніе стекалось подъ защиту стѣнъ замка или укрѣпленнаго аббатства, вокругъ которыхъ такимъ образомъ возникалъ городъ: такова исторія, между прочимъ, Монпелье на югѣ Франціи, Брюсселя и Гента на сѣверѣ. Такому сосредоточенію населенія въ укрѣпленныхъ мѣстахъ немало способствовали въ IX в. частыя нашествія норманновъ, которые опустошали страну и разоряли ея жителей: этимъ нашествіямъ обязанъ своимъ возникновеніемъ и первоначальнымъ развитіемъ, напр., г. Сентъ-Омеръ. Иногда города выростали вокругъ вновь возникшаго рынка, въ помѣстьяхъ того или иного феодальнаго владѣльца.

Такимъ образомъ, съ самаго начала средневѣковой исторіи

Пособія. *Guizot*, Histoire de la civilisation en France; *Luchaire*, Manuel des institutions françaises; *Aug. Thierry*, Lettres sur l'histoire de France; *Luchaire*, Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs; *Lavisse et Rambaud*, Histoire générale, t. III.

Франціи въ этой странѣ не было недостатка въ городахъ. Но въ то же время все складывалось въ высшей степени неблагопріятно для населенія этихъ городовъ. Городскіе центры сразу потеряли свое прежнее значеніе, такъ какъ варварскіе короли и ихъ приближенные, крупные землевладѣльцы какъ германскаго, такъ и галло-римскаго происхожденія, — однимъ словомъ все, что составляло высшій классъ общества того времени, разселилось по своимъ помѣстьямъ, оставивши на долю городовъ низшіе слои населенія— купцовъ и ремесленниковъ, трудъ которыхъ презирали варвары-пришельцы. Торговля стала быстро приходить въ упадокъ: ей былъ нанесенъ рѣшительный ударъ уже однимъ фактомъ уничтоженія Западной римской имперіи, которая соединяла въ одно цѣлое добрую половину культурнаго міра того времени, облегчая этимъ торговыя сношенія и обмѣнъ продуктовъ различныхъ частей этого великаго цѣлаго, предоставляя къ услугамъ купцовъ превосходныя дороги и иные пути сообщенія, о которыхъ такъ заботились римскіе императоры. Не въ лучшемъ положеніи очутилась и промышленность: германскіе завоеватели еще не совсѣмъ вышли изъ того первоначальнаго момента экономическаго развитія, который носитъ названіе натуральнаго хозяйства и характеризуется тѣмъ, что каждый самъ производитъ всѣ предметы, нужные для удовлетворенія его простыхъ и несложныхъ потребностей; къ услугамъ же наиболѣе значительныхъ и богатыхъ изъ нихъ были рабы и населеніе помѣстій, которое доставляло своему господину все необходимое для жизни, еще не совсѣмъ утратившей свою первобытную грубость. Что касается туземцевъ, то общій уровень ихъ быта долженъ былъ значительно понизиться уже потому, что они сами опустились въ положеніе завоеванныхъ и только очень немногимъ изъ нихъ удалось удержаться въ верхнихъ слояхъ общества рядомъ съ завоевателями, съ которыми они и слились впослѣдствіи. Промышленность пала, и скоро почти единственнымъ промысломъ, значеніе котораго въ жизни не только не утратилось, но еще и увеличилось, осталось земледѣліе; лучшимъ доказательствомъ этой перемѣны въ экономической жизни населенія служитъ то, что горожанамъ пришлось взяться за плугъ и обрабатывать окрестности своего города не хуже поселянъ.

Упадокъ городовъ выразился не только въ торговомъ и промышленномъ затишьѣ, наступившемъ послѣ завоеванія Западной римской имперіи германскими племенами, не только въ пониженіи матеріальнаго благосостоянія горожанъ. Рядомъ съ этимъ неуклонно

шло и ухудшеніе въ юридическомъ положеніи городского населенія. Оно должно было подчиниться тѣмъ же условіямъ, которыя мало-по-малу привели весь мелкій людъ средневѣковаго государства въ зависимость отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, этихъ „государей въ своемъ помѣстьи“. Къ концу X-го вѣка во французскихъ городахъ почти не оставалось свободныхъ людей: почти всѣ они слились съ деревенскимъ населеніемъ въ одну общую массу безправныхъ сервовъ, „обывателей“ (manants, manentes), къ которымъ съ такимъ презрѣніемъ относились бароны и рыцари и которыхъ духовные проповѣдники настойчиво убѣждали отдавать кесарево кесареви, безропотно и безпрекословно подчиняться своимъ земнымъ господамъ.

Каждый городъ превратился въ собственность какого-нибудь феодальнаго владѣльца, въ большинствѣ случаевъ епископа, который еще во время римской имперіи пользовался значительнымъ вліяніемъ и авторитетомъ среди городского населенія. Въ нѣкоторыхъ городахъ власть дѣлилась между нѣсколькими господами; такъ, напримѣръ, Арль въ XII в. представлялъ собой собственно четыре отдѣльныхъ города: 1) кремль (cité), принадлежавшій архіепископу; 2) старый городъ (vieux bourg), который дѣлили между собой графъ прованскій, архіепископъ и семейство Порселле; 3) рынокъ, зависѣвшій отъ архіепископа, который половину его отдалъ въ ленъ виконту марсельскому, а другую половину вигье арльскому, и, наконецъ, 4) новый городъ (bourg neuf)—владѣніе сеньёра des Baux.

Положеніе вилланов.

Положеніе массы населенія въ средневѣковомъ обществѣ, которое признавало только два класса людей, имѣющихъ значеніе и пользующихся благами жизни,—феодальныхъ владѣльцевъ, бароновъ и духовенство, было въ высшей степени тяжелое и безотрадное. Эти несчастные сервы и вилланы во всемъ зависѣли отъ своего сеньёра, который могъ ихъ „сжарить и съѣсть“, по выраженію нѣмецкой поговорки, могъ ихъ „убить и изувѣчить“, какъ гласила соотвѣтствующая французская пословица. Вилланы несли тяжелыя повинности въ пользу феодальнаго владѣльца, платили ему всевозможныя подати и пошлины, работали на него барщину, подчинялись его суду и управленію; хуже всего было отсутствіе какихъ бы то ни было гарантій, полный произволъ, который могъ проявлять баронъ по отношенію къ своимъ подданнымъ: благодаря этому, ничто не сдерживало жестокости и корыстолюбія феодальнаго владѣльца въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ. Вотъ ...ими чертами описываетъ ихъ положеніе Готфридъ де Troyes:

„Крестьяне, которые работаютъ за всѣхъ и трудятся безпрестанно, во всѣ времена года, которые предаются рабскимъ занятіямъ, презираемымъ ихъ господами, находятся въ постоянномъ угнетеніи для того только, чтобы доставлять другимъ пищу и одежду, а также средства для ихъ безпутной жизни. Ихъ преслѣдуютъ пожарами, грабежомъ и войной; ихъ бросаютъ въ темницы и накладываютъ на нихъ оковы, а потомъ заставляютъ платить выкупъ, или же морятъ голодомъ и подвергаютъ всевозможнымъ пыткамъ... Несчастные кричатъ, ихъ вдовы плачутъ, сироты стенаютъ, а кровь мучениковъ льется...“ Любопытенъ въ этомъ отношеніи документъ, составленный Вариномъ, епископомъ г. Бовэ и предложенный имъ королю Роберту (996—1031); по мысли составителя этого проекта, всѣ феодалы должны бы были дать слѣдующую клятву: „Я не стану отнимать (у поселянъ) ни быка, ни коровы, никакой другой скотины; я не буду хватать ни крестьянина, ни крестьянки, ни купца; я не буду отбирать у нихъ денегъ и заставлять ихъ платить выкупъ. Я не хочу, чтобы они лишались своего имущества изъ-за войны, которую ведетъ ихъ сеньёръ; я не буду подвергать ихъ ударамъ, чтобы отнять у нихъ средства къ существованію. Съ первыхъ чиселъ марта и до праздника Всѣхъ Святыхъ я не буду хватать ни коня, ни кобылы, ни жеребенка, пасущихся на лугу; не буду разрушать и жечь домовъ, разорять мельницъ, не окажу покровительства никакому вору“. Стóитъ только въ этомъ отрывкѣ замѣнить слова: „я не стану отнимать“ словами: „я отнимаю“, „я не буду хватать“—„хватаю“, и вмѣсто идеала, который, конечно, никогда не могъ быть достигнутъ въ эту эпоху, мы получимъ печальную дѣйствительность, отъ которой такъ страдали средневѣковые вилланы.

Внѣшній видъ города.

Итакъ, исторія средневѣковыхъ городовъ начинается картиной полнаго ихъ упадка: сразу же былъ подрѣзанъ нервъ, которымъ живетъ и держится трудовое населеніе города,—торговля и промышленность. Само собой разумѣется, что обстоятельства, послѣдовавшія за водвореніемъ германцевъ въ Галліи, могли только еще болѣе ухудшить положеніе городовъ: борьба мелкихъ германскихъ государствъ другъ съ другомъ, поглощеніе ихъ франкской монархіей, междоусобія и неурядица меровингской эпохи, распаденіе франкской имперіи и междоусобія Каролинговъ, постоянные набѣги арабовъ съ юга и норманновъ съ сѣвера и запада—все это не могло способствовать возрожденію городовъ и подъему благосостоянія ихъ жителей. Вслѣдствіе недостатка безопасности, отсутствія крупныхъ

центровъ и упадка промышленности наступаетъ продолжительное затишье въ торговлѣ. Исключеніе составляютъ лишь нѣкоторые южные города, въ которыхъ никогда не прекращаются торговыя сношенія съ Италіей, Греціей, Востокомъ. Въ остальныхъ же французскихъ городахъ населеніе бѣднѣетъ, и численность его замѣтно сокращается. Самая территорія многихъ городовъ суживается. Городъ пересталъ быть промышленнымъ, торговымъ и культурнымъ центромъ; онъ сдѣлался по преимуществу укрѣпленнымъ мѣстомъ; въ интересахъ же защиты требовалось сократить по возможности крѣпостную территорію — вотъ почему во многихъ городахъ (напримѣръ, въ Парижѣ, Бордо, Пуатье и др.) обширныя пространства, которыя были заселены во времена римской имперіи, въ началѣ среднихъ вѣковъ оставляются за чертой городскихъ стѣнъ. Внутри этихъ стѣнъ населеніе скучивается какъ можно тѣснѣе: чтобы сберечь мѣсто, древній храмъ, какъ, напримѣръ, въ Перигё, превращаютъ въ крѣпостную башню; арена римскаго цирка (въ Нимѣ) застраивается домами, и на ея мѣстѣ образуется, такимъ образомъ, цѣлый кварталъ; дома растутъ вверхъ, а не въ ширину, и каждый верхній этажъ выдается надъ предыдущимъ, нависая надъ улицей, и безъ того тѣсной и узкой. Такъ выработалась физіономія типичнаго средневѣковаго города, сохранившаяся въ старинныхъ кварталахъ многихъ западно-европейскихъ городовъ и до сихъ поръ.

Возрожденіе промышленности и торговли

Но вотъ, наконецъ, броженіе, поднятое великимъ переселеніемъ народовъ, окончательно улеглось; изъ хаоса стали выясняться опредѣленныя очертанія средневѣковаго государства и общества; установился мало-по-малу извѣстный порядокъ, — правда, мало удовлетворительный на нашъ взглядъ, но все-таки порядокъ, опредѣленный и устойчивый, выработавшійся въ полномъ соотвѣтствіи съ сознаніемъ и потребностями людей того времени. Установилась относительная тишина и спокойствіе, отношенія людей другъ къ другу получили характеръ опредѣленный, нормальный, и жизнь вошла мало-по-малу въ свою обычную колею. Снова началось медленное поступательное движеніе впередъ, развитіе, которое какъ будто было пріостановлено катастрофой варварскаго нашествія и разрушенія римской имперіи на западѣ: по крайней мѣрѣ, за нимъ трудно было слѣдить въ первые вѣка послѣдовавшаго за этой катастрофой хаоса и броженія, которымъ обыкновенно сопровождается установленіе новаго строя жизни на развалинахъ разрушеннаго стараго порядка.

Въ связи съ общимъ развитіемъ шло и торгово-промышленное развитіе Франціи и другихъ европейскихъ странъ. Населеніе увеличивалось, его потребности росли вмѣстѣ съ ростомъ благосостоянія, улучшеніемъ и осложненіемъ жизни, а также въ зависимости отъ общаго повышенія уровня культуры; между отдѣльными мѣстностями завязывались и крѣпли торговыя сношенія, которыя становились все болѣе и болѣе оживленными. Значительный толчокъ развитію ремеслъ и торговли былъ данъ знакомствомъ западно-европейскаго христіанскаго общества съ восточной арабско-мусульманской культурой; эти два міра постоянно сталкивались въ Испаніи, гдѣ шла непрерывная борьба христіанъ съ маврами, и на востокѣ, куда европейцы совершали паломничества, а впослѣдствіи крестовые походы; а за пилигримомъ и крестоносцемъ обыкновенно по пятамъ слѣдовалъ купецъ, воинскій станъ часто превращался въ ярмарку, и кровавая борьба съ оружіемъ въ рукахъ всегда порождала мирныя торговыя сношенія. Востоку Европа обязана знакомствомъ съ цѣлымъ рядомъ новыхъ предметовъ (преимущественно предметовъ роскоши), которые съ тѣхъ поръ вошли въ употребленіе и оживили не только торговлю, но и европейскую промышленность. Оживленію торговли во Франціи способствовало, кромѣ того, еще и завоеваніе Англіи Вильгельмомъ нормандскимъ (1066 г.)— событіе, надолго связавшее обѣ эти страны.

Такимъ образомъ возродилась промышленность и торговля въ западной Европѣ, и съ половины среднихъ вѣковъ и та и другая стали быстро развиваться. Были, правда, обстоятельства, нѣсколько стѣснявшія это развитіе; въ то время денегъ въ обращеніи находилось сравнительно мало; съ другой стороны, и кредитъ былъ слабо развитъ: христіанская мораль осуждала отдачу денегъ въ ростъ и взиманіе процентовъ; этимъ сначала занимались исключительно евреи, а они, находясь въ угнетеніи и подвергаясь постояннымъ преслѣдованіямъ и вымогательствамъ, въ накопленіи денежныхъ богатствъ видѣли единственное средство борьбы съ христіанскимъ обществомъ; рискуя часто потерять свой капиталъ, отданный въ ростъ, они, естественно, стремились вознаградить себя за этотъ рискъ огромными процентами. Все это вмѣстѣ взятое дѣлало кредитъ, столь необходимый въ торговлѣ, чрезвычайно дорогимъ: обычный процентъ въ средніе вѣка былъ отъ 40 до 60 на сто, а иногда и значительно выше; разсказываютъ, что одинъ англійскій аббатъ занялъ 25 фунтовъ, а черезъ 4 года его долгъ возросъ до 840 ф. Провозъ товаровъ на каждомъ шагу встрѣчалъ различныя затруд-

ненія: дороги и мосты находились иногда въ самомъ плачевномъ состояніи; кромѣ того, купецъ всегда могъ опасаться вооруженнаго нападенія, рискуя не только имуществомъ, но и жизнью. На пути встрѣчалась масса заставъ, у которыхъ приходилось платить пошлину: чтобы провезти товаръ по всему теченію Луары, нужно было 74 раза оплачивать его пошлиной (правда, бо̀льшей частью весьма незначительной), на Гароннѣ—70 и на Сенѣ съ Роной—60 разъ! И тѣмъ не менѣе торговля развивалась, такъ какъ жизнь брала свое, постоянно шла впередъ, постепенно ослабляя всѣ эти препятствія, вырабатывая все новыя и новыя средства для борьбы съ ними. При этомъ необходимо имѣть въ виду одно обстоятельство: торговля въ средніе вѣка сильно страдала вслѣдствіе раздробленности и страны, и народа, распавшихся на множество маленькихъ, обособленныхъ другъ отъ друга міровъ: никогда, можетъ быть, не существовало такого множества мелкихъ перегородокъ, раздѣлявшихъ и людей, и землю, какъ въ то время; но за то въ средніе вѣка не было высокихъ китайскихъ стѣнъ, которыя въ новое время стали отдѣлять одно государство отъ другого, а это значительно облегчало международныя сношенія: приходилось очищать товаръ пошлиной при проѣздѣ черезъ каждое феодальное помѣстье, черезъ каждый городъ, но эти сборы были ничтожны, и купцу не угрожали, какъ теперь, громадныя покровительственныя пошлины на границѣ между двумя государствами, потому что такихъ границъ не существовало: въ XII или XIII в. трудно было сказать, гдѣ кончается Франція и гдѣ начинается Испанія, Англія, германская имперія или Италія. Нормандія, Провансъ и Бургундія въ то время не были слиты въ одно государство, и жители ихъ не составляли одной и той же націи; поэтому сношенія между ними были нѣсколько затруднены; но въ то же время рыцарямъ или купцамъ различныхъ странъ ничто не мѣшало войти въ непосредственныя сношенія и соединиться вмѣстѣ для достиженія какой-нибудь общей цѣли. Вотъ почему въ средніе вѣка были возможны такія своеобразныя явленія, какъ крестовые походы, въ которыхъ участвовали люди различныхъ національностей, или какъ торговые союзы въ родѣ знаменитой балтійской Ганзы или лондонской, считавшей въ числѣ своихъ членовъ множество иностранныхъ городовъ. Такой же международный характеръ имѣютъ и большія средневѣковыя ярмарки. Эта эпоха по справедливости считается золотымъ вѣкомъ ярмарокъ: никогда онѣ не были такими оживленными, такими пестрыми по своему составу, какъ въ средніе вѣка; на яр-

маркѣ Lendit, которая происходила на С.-Дениской равнинѣ, каждый французскій городъ имѣлъ свое мѣсто и своихъ представителей; въ Бокэръ ежегодно стекались купцы изъ Барцелоны, Генуи, Венеціи, Константинополя, Александріи, Леванта, Туниса, Марокко. Въ Шампани, являвшейся центромъ для западно-европейской торговли того времени, ярмарки слѣдовали одна за другой почти безпрерывно; здѣсь можно было встрѣтить не только французовъ изъ Бретани, Прованса, Анжу и Гаскони, но и фламандцевъ, и нѣмцевъ изъ южныхъ и прирейнскихъ областей, и италіанцевъ, и испанцевъ, и англичанъ.

Городскія корпораціи.

Итакъ, продолжительный застой въ области торговли и промышленности уступаетъ, наконецъ, мѣсто оживленію, все болѣе и болѣе увеличивающемуся. Съ воцареніемъ Капетинговъ во Франціи торговля начинаетъ расти и крѣпнуть, а вмѣстѣ съ нею растетъ и благосостояніе горожанъ, крѣпнутъ ихъ силы. Препятствія, которыя эти люди встрѣчаютъ на своемъ пути, заставляютъ ихъ лишь сплотиться для болѣе успѣшной борьбы съ ними. Безправные купцы и ремесленники, угнетаемые у себя дома феодальнымъ владѣльцемъ и подвергающіеся безчисленнымъ опасностямъ за предѣлами своего города, естественно соединяются въ группы для взаимной поддержки и помощи. Въ наше время во всякомъ благоустроенномъ государствѣ существуетъ сильная правительственная власть, которая обладаетъ громадными средствами для заботы объ общемъ благѣ, для защиты слабаго отъ обидъ и насилій со стороны сильнаго, для огражденія правъ и интересовъ каждаго. Средневѣковое государство такой власти не знало: тамъ всякій баронъ былъ „государемъ въ своемъ помѣстьѣ“ и, являясь скорѣе помѣщикомъ, чѣмъ государемъ, заботился не о благѣ подвластнаго населенія, а о томъ, какъ бы повыгоднѣе его эксплуатировать. Постоянныя распри бароновъ другъ съ другомъ дѣлали войну нормальнымъ явленіемъ въ то время; право сильнаго одерживало верхъ надъ всякимъ другимъ правомъ; защиты искать было негдѣ, и слабымъ не оставалось никакого другого средства для огражденія себя и своего имущества отъ насилій, какъ соединиться вмѣстѣ. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ ту эпоху чрезвычайно развиты были всякаго рода товарищества, союзы и общества. Даже среди духовенства они были широко распространены въ видѣ монашескихъ общинъ и капитуловъ, братскихъ союзовъ нѣсколькихъ капитуловъ, а также соединеній многихъ аббатствъ подъ главенствомъ одного изъ нихъ, являющагося какъ бы метрополіей. Если даже это привилегиро-

ванное сословіе прибѣгало къ союзамъ для взаимопомощи, то тѣмъ болѣе нуждался въ нихъ мелкій людъ, населявшій средневѣковые города. Къ концу XI и началу XII в. въ этихъ городахъ почти повсемѣстно появляются гильдіи, присяжныя общины (conjurations), братства, дружества, бесѣды (banquets) и другія корпораціи подъ различными наименованіями. Всѣхъ ихъ можно раздѣлить на три категоріи: торговыя, промышленныя и религіозныя. Купцы соединялись въ общества не только для защиты другъ друга отъ насилій со стороны бароновъ, но и для взаимной помощи на случай пожара или гибели судовъ, а также для того, чтобы монополизировать торговлю въ извѣстной области. Такъ возникли корпораціи суконщиковъ, мѣнялъ, „водяныхъ купцовъ“ (marchands de l'eau) и пр.; эти общества представляли собой купеческую аристократію города, члены ихъ были болѣе или менѣе крупные капиталисты. Въ свою очередь и люди, занимающіеся однимъ и тѣмъ же ремесломъ, соединялись вмѣстѣ для взаимной помощи, поддержки и защиты во имя общихъ интересовъ. Кромѣ того, среди горожанъ составлялись братства съ религіозной и благотворительной цѣлью. Каждое братство выбирало себѣ въ патроны какого-нибудь святого, память котораго оно благоговѣйно чтило церковными службами, религіозными процессіями и общими трапезами, принимавшими часто характеръ веселаго, разгульнаго пиршества; братчики помогали другъ другу въ случаѣ болѣзни, увѣчья, смерти и другихъ бѣдствій. Часто такой религіозно-благотворительный характеръ имѣли корпораціи купцовъ и ремесленниковъ. Наконецъ, въ XI в. церковь стала устраивать „общества мира“ съ цѣлью хотя нѣсколько ограничить частныя войны феодаловъ; эти общества, въ которыхъ участвовали и горожане, имѣли свою казну, выборныхъ должностныхъ лицъ, судебный трибуналъ и даже войско, чтобы силой заставлять феодаловъ подчиняться правиламъ „Божьяго міра“, установленнаго еще въ предшествовавшемъ столѣтіи. Существованіе подобныхъ организованныхъ обществъ имѣло громадное значеніе для горожанъ и оказало замѣтное вліяніе на ихъ дальнѣйшую судьбу. Въ этихъ товариществахъ и братствахъ они соединялись во имя общей цѣли и общихъ интересовъ, присягали вѣрой и правдой служить общему дѣлу и помогать своимъ собратамъ; они устраивали собранія, на которыхъ обмѣнивались мыслями, обсуждали свое положеніе и придумывали средства для достиженія намѣченной цѣли; они составляли общественныя кассы и выбирали должностныхъ лицъ, представителей корпораціи, кото-

рые дѣйствовали отъ ея имени и стояли на стражѣ ея интересовъ;—все это превращало кучку безправныхъ сервовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности былъ жалкимъ ничтожествомъ въ глазахъ феодала, въ организованную общественную силу, съ которой этому самому феодалу волей-неволей приходилось считаться. Правда, организація эта предназначалась для достиженія мелкихъ цѣлей во имя спеціальныхъ интересовъ; но могло наступить время, когда она пригодится и для иной, болѣе высокой и крупной цѣли.

Возстанія городского населенія.

И такое время скоро наступило. Мы видимъ, что матеріальное положеніе горожанъ стало замѣтно улучшаться; въ рукахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ накоплялись болѣе или менѣе значительные капиталы; это обстоятельство вмѣстѣ съ образованіемъ среди нихъ организованныхъ обществъ придавало городскимъ купцамъ и даже ремесленникамъ нѣкоторую фактическую силу и вліяніе. А между тѣмъ ихъ юридическое положеніе оставалось все то же: попрежнему они оставались подданными феодальнаго владѣльца, попрежнему ихъ сеньёръ могъ съ ними сдѣлать все, что ему вздумается, могъ грабить ихъ и притѣснять, требовать совершенно произвольныхъ податей и повинностей, могъ издѣваться надъ ихъ человѣческимъ достоинствомъ. Естественно, что такое ненормальное положеніе не могло долго существовать, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ годомъ эта ненормальность становилась сильнѣе и рѣзче. Феодальный гнетъ былъ такъ силенъ, съ такою тяжестью давилъ на безправную массу населенія, что даже крестьяне не разъ пытались отъ него освободиться. Еще въ концѣ X в. произошло возстаніе крестьянъ, охватившее чуть не всю Нормандію; такія возстанія не разъ повторялись и въ послѣдующія столѣтія, вплоть до знаменитой жакеріи въ срединѣ XIV в.; но судьба всѣхъ этихъ движеній была большей частью весьма печальна—бароны подавляли ихъ съ страшной жестокостью, и положеніе крестьянъ оставалось прежнимъ. Но то, что не удавалось жалкому, забитому Жаку Боному, озвѣрѣвшему отъ постояннаго гнета и нищеты, то удалось матеріально обезпеченному купцу-горожанину, который сталъ уже привыкать къ нѣкоторой свободѣ и давно уже научился энергично бороться во имя своего интереса, дружно дѣйствуя съ своими собратьями по торговлѣ или ремеслу для достиженія общей цѣли. Съ половины XI в. и особенно въ теченіе XII в. въ разныхъ городахъ Франціи, сначала южныхъ, а потомъ сѣверныхъ, начинаютъ вспыхивать возстанія городского населенія противъ фео-

дальныхъ владѣльцевъ [1]). Вотъ исторія одного изъ нихъ, наиболѣе богатая драматическими подробностями.

Ланская коммуна.

Городъ Ланъ (Laon) къ концу XI и началу XII в. былъ однимъ изъ крупныхъ сѣверно-французскихъ городовъ. Принадлежалъ онъ епископу. Ланская каѳедра представлялась заманчивой цѣлью для происковъ разныхъ вліятельныхъ и богатыхъ людей. Благодаря интригамъ и подкупамъ, во главѣ епархіи становились часто люди недостойные, жестокость и алчное корыстолюбіе которыхъ дѣлало ихъ правленіе невыносимымъ для жителей города. Трудно себѣ представить, что происходило въ Ланѣ въ это время! Знатные со своими служителями открыто разбойничали, съ оружіемъ въ рукахъ нападая на мирныхъ гражданъ; всякій прохожій не только ночью, но даже среди бѣлаго дня подвергался опасности быть ограбленнымъ, даже убитымъ. Въ свою очередь и горожане творили всевозможныя насилія надъ крестьянами, приходившими въ городъ на рынокъ: они заманивали поселянъ въ свои дома и выпускали ихъ оттуда, только получивши выкупъ, точь въ точь какъ это дѣлали рыцари въ своихъ крѣпкихъ замкахъ. Правительство епископа не только не боролось съ этимъ зломъ, но даже освящало его своимъ примѣромъ: на гражданъ накладывались произвольныя подати, которыя всячески вымогались съ нихъ; тѣхъ, кто не въ состояніи былъ уплатить эти подати, бросали въ тюрьму. Награбленныя такимъ образомъ деньги дѣлились между епископскими чиновниками и городской знатью, съ которой они большей частью состояли въ родствѣ. Положеніе дѣлъ еще ухудшилось съ тѣхъ поръ, какъ епископская каѳедра въ Ланѣ сдѣлалась вакантной. Оно, впрочемъ, нисколько не стало лучше и тогда, когда, наконецъ, въ 1106 г. въ городъ явился новый епископъ, нѣкто Годри. Это былъ нормандецъ по происхожденію, искатель приключеній и приспѣшникъ Генриха I англійскаго. Получивши, благодаря подкупу, ланскую епархію, онъ и въ новомъ своемъ санѣ сохранилъ прежнія привычки заносчиваго и наглаго воина; больше всего любилъ онъ говорить о сраженіяхъ и объ охотѣ, объ оружіи, о лошадяхъ и собакахъ. Среди его слугъ былъ негръ, одинъ изъ тѣхъ черныхъ невольниковъ, которые съ перваго крестоваго похода стали входить въ моду при дворахъ феодаловъ. Годри употреблялъ сво-

---

[1]) Самые раннiе изъ извѣстныхъ въ исторіи случаевъ возстанія горожанъ и дарованія имъ самоуправленія относятся, правда, къ 957, 967, 984 и 1003 гг., но это были очень рѣдкія исключенія: разгаръ освободительнаго движенія приходится на конецъ XI и начало XII-го вѣка.

его негра въ качествѣ палача для пытокъ и казни не понравившихся ему горожанъ. Первымъ актомъ его правительственной дѣятельности въ Ланѣ была казнь одного буржуа, осмѣлившагося осуждать новаго епископа. Вслѣдъ за тѣмъ онъ приказалъ въ собственномъ домѣ выколоть глаза другому несчастному, котораго заподозрѣли въ сношеніяхъ съ врагами епископа. Въ 1109 году въ каѳедральномъ соборѣ было совершено убійство, въ которомъ оказался замѣшаннымъ самъ епископъ. Граждане заволновались и стали собирать сходки, на которыхъ рѣшили, во что бы то ни стало, освободиться отъ тираніи и получить право самимъ выбирать должностныхъ лицъ, другими словами, установить въ своемъ городѣ коммуну; такая коммуна уже существовала въ Нуайонѣ съ 1108 года, и оттуда постоянно приходили вѣсти о прелестяхъ этого новаго коммунальнаго устройства, при которомъ въ городѣ воцарился миръ, правда и законность. Въ это время Годри отлучился въ Англію, и ланской епархіей управляли клирики и рыцари, къ которымъ и обратились жители города; за приличную сумму тѣ согласились даровать Лану самоуправленіе, видя въ этомъ лишь случай сразу сорвать хорошій кушъ и нисколько не думая о будущемъ. Явился епископъ и, тоже соблазненный деньгами, далъ свое согласіе, отказавшись за себя и за своихъ преемниковъ отъ сеньёріальныхъ правъ на городъ. Чтобы окончательно укрѣпить за собой свободу и самоуправленіе, ланскіе горожане отправили пословъ съ богатыми подарками къ королю Людовику VI. Они обязывались платить королю ежегодно извѣстный взносъ и, кромѣ старинныхъ повинностей военной (ost et chevauchée) и судебной (cour plénière), предоставляли королю право пріѣзжать въ городъ три раза въ годъ и кормиться на городской счетъ со своей свитой (droit de gite) или же каждый разъ получать вмѣсто этого 20 ливровъ; съ своей стороны король въ подтвержденіе коммунальной грамоты приложилъ къ ней свою большую печать и даровалъ горожанамъ право судиться на мѣстѣ и обѣщалъ ни въ какомъ случаѣ не вызывать ихъ для суда за предѣлы родного города, что обыкновенно составляло для населенія весьма значительную тягость.

Уничтоженіе коммуны.

Повидимому, все шло хорошо. Жители Лана добились, наконецъ, желанной свободы и самоуправленія. Они заручились не только согласіемъ своего сеньёра-епископа, но и покровительствомъ самого короля. Прошло уже около трехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ горожане успѣли вполнѣ оцѣнить всѣ преимущества новаго

порядка управленія и даже нѣсколько привыкнуть и привязаться къ благамъ недавно пріобрѣтенной свободы. Если и раньше они способны были на энергическія усилія, чтобы добиться этой свободы, которую они знали только по наслышкѣ и о которой могли только мечтать, то тѣмъ болѣе они готовы были бороться за нее теперь, когда они на собственномъ опытѣ убѣдились, что̀ значитъ не зависѣть ни отъ чьего произвола и самимъ заботиться о своихъ интересахъ, когда у нихъ явилась увѣренность, что никто не можетъ прійти и отнять ихъ имущества или посягнуть на ихъ личность, а если и найдется такой человѣкъ, то онъ будетъ наказанъ, какъ преступникъ, а нарушенное право его жертвы будетъ возстановлено. Трудно, очень трудно было бы теперь заставить ихъ отказаться отъ самоуправленія и вернуться въ прежнее состояніе. А между тѣмъ какъ разъ въ это время епископъ Годри задумалъ произвести такую попытку. Онъ уже раскаивался въ томъ, что отказался отъ своихъ феодальныхъ правъ на городъ и тѣмъ лишилъ себя источника постоянныхъ доходовъ, къ которому, бывало, могъ прибѣгать, когда вздумается. О томъ, что онъ прòдалъ свои права за крупную сумму и такимъ образомъ капитализировалъ свои доходы, епископъ пересталъ думать, какъ только эти деньги были истрачены, что̀ случилось очень скоро. Его настроеніе вполнѣ раздѣляли рыцари, жившіе въ городѣ и его окрестностяхъ: имъ также пришлось прекратить свои грабежи и безчинства надъ горожанами. Проклятая коммуна у всѣхъ у нихъ была, какъ бѣльмо на глазу; нужно было ее уничтожить. Но сдѣлать это безъ вѣдома короля было бы опасно. И вотъ Годри употребляетъ всѣ усилія, чтобы привлечь короля на свою сторону. Въ апрѣлѣ 1112 года, по его приглашенію, Людовикъ VI является въ Ланъ въ страстной четвергъ со своимъ дворомъ и свитою, чтобы встрѣтить тамъ праздникъ Пасхи. Епископъ съ такимъ усердіемъ начинаетъ убѣждать короля и его совѣтниковъ уничтожить коммуну, что даже забываетъ свои архипастырскія обязанности и не появляется въ церкви. Встревоженные дошедшими до нихъ слухами горожане предлагаютъ королевскимъ совѣтникамъ 400 ливровъ, чтобы тѣ стояли за ихъ правое дѣло. Тогда епископъ предлагаетъ 700 ливровъ; его аргументы оказываются, такимъ образомъ, болѣе вѣскими и убѣдительными, и судьба коммуны рѣшена. Коммунальная хартія (грамота) была объявлена уничтоженной, выборныя городскія власти получили приказъ отъ имени короля и епископа сложить съ себя свои обязанности, выдать городскую печать и знамя; было запрещено зво-

нить въ висѣвшій на башнѣ колоколъ, которымъ открывались и закрывались ихъ засѣданія. Такимъ образомъ, ланская коммуна была уничтожена, несмотря на то, что признавать и уважать ее клялись за себя и за своихъ преемниковъ не только епископъ, но и самъ король. Впрочемъ, совѣсть ихъ могла быть спокойной: Годри своей епископской властью разрѣшилъ отъ клятвы и себя, и всѣхъ другихъ, когда-то присягнувшихъ коммунѣ. Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело все это на горожанъ; волненіе, возникшее среди нихъ, приняло настолько угрожающіе размѣры, что король нашелъ болѣе благоразумнымъ переѣхать на всякій случай изъ того дома, гдѣ онъ остановился, въ епископскій дворецъ. На разсвѣтѣ другого дня онъ поспѣшно выѣхалъ изъ Лана со всей своей свитой, такъ и не дождавшись Свѣтлаго праздника, для котораго онъ пріѣхалъ сюда. Негодованіе народное достигло крайнихъ предѣловъ, когда узнали, что епископъ со своими друзьями рѣшилъ собрать обѣщанныя королю деньги съ самихъ горожанъ и притомъ распредѣлить этотъ сборъ такъ, чтобы каждый далъ на уничтоженіе коммунальной свободы ровно такую же сумму, какую онъ заплатилъ за ея пріобрѣтеніе. Епископу Годри мало было поработить снова жителей г. Лана, онъ хотѣлъ еще надругаться надъ ними.

Бунтъ въъ Ланѣ.

Горожане заволновались, стали собираться тайныя сходки, и на одной изъ нихъ 40 человѣкъ поклялись убить епископа и его приспѣшниковъ. Стали проявляться весьма зловѣщіе признаки, свидѣтельствующіе о наступающей грозѣ. Годри получилъ даже прямое извѣщеніе о составившемся заговорѣ противъ него, но отнесся къ этому съ хвастливымъ пренебреженіемъ: въ его глазахъ горожане представлялись презрѣнной сволочью, на угрозы которой не стоило даже и обращать вниманія. Что могутъ они сдѣлать со своими возстаніями? „Если бы Жанъ, мой негръ, говорилъ епископъ, вздумалъ взять самаго опаснаго изъ нихъ за носъ, то бѣдняга не осмѣлился бы даже ворчать на это. Я заставилъ ихъ отказаться отъ того, что они называютъ своей коммуной, и мнѣ безъ труда удастся принудить ихъ къ спокойствію". Однако Годри ошибался: справиться съ народной яростью оказалось труднѣе, чѣмъ онъ думалъ. Въ четвергъ на Святой въ городѣ поднялся страшный шумъ; подъ окнами епископскаго дворца стали раздаваться все усиливавшіеся, грозные крики: „коммуна, коммуна!" Толпа горожанъ, вооруженныхъ, чѣмъ попало, быстро увеличиваясь, заняла всѣ сосѣднія зданія и стала осаждать дво-

рецъ епископа. При первыхъ же извѣстіяхъ о бунтѣ рыцари, обѣщавшіе Годри свою помощь въ случаѣ надобности, стали стекаться со всѣхъ сторонъ; но народъ перебилъ ихъ въ одиночку по мѣрѣ того, какъ они приходили. Наконецъ, домъ епископа былъ взятъ приступомъ, и Годри едва успѣлъ переодѣться въ платье своего слуги и спрятаться въ погребѣ, въ бочкѣ, которую онъ закрылъ надъ собой. Но и это не спасло его; разъяренные горожане скоро открыли его убѣжище, и одинъ изъ преслѣдователей, подойдя къ бочкѣ, сталъ стучать въ нее палкой и спрашивать: „Есть ли тамъ кто-нибудь?“ — „Здѣсь томится несчастный плѣнникъ“, отвѣчалъ изъ бочки дрожащій голосъ. По епископа тотчасъ узнали и вытащили за волосы. Его поволокли на улицу, осыпая ударами. Несчастный все время молилъ о пощадѣ, предлагалъ поклясться на Евангеліи, что откажется отъ епископства, сулилъ отдать всѣ деньги, какія у него были, обѣщалъ даже навсегда покинуть страну. Но ничто не помогало: его не слушали, и единственнымъ отвѣтомъ на всѣ его мольбы и обѣщанія были новые удары и проклятія. Наконецъ, одинъ горожанинъ нанесъ ему топоромъ смертельный ударъ въ голову, и почти въ то же время другой ударъ разсѣкъ ему лицо. Годри отрубили палецъ, на которомъ блестѣлъ его епископскій перстень. Тѣло несчастнаго, съ котораго сорвали всю одежду, оставили валяться на улицѣ, и каждый, проходя, бросалъ въ него камнями и грязью, издѣвался и проклиналъ покойнаго епископа. Долго еще послѣ этого неистовствовала городская чернь, давая волю накопившемуся чувству озлобленія; съ яростью она набрасывалась на всякаго, кого считала подозрительнымъ, и безпощадно грабила и жгла дома своихъ враговъ.

Разграбленіе Лана.

Наконецъ, страсти народныя улеглись; прежнія обиды и насилія были отомщены, врагъ уничтоженъ, и наступила пора спокойно оглядѣться кругомъ, разобраться въ томъ, что произошло, подумать о будущемъ. А будущее это не представляло ничего утѣшительнаго: безъ всякаго сомнѣнія, король приметъ энергичныя мѣры, чтобы наказать возмутившихся жителей г. Лана, которые осмѣлились ослушаться королевскаго распоряженія и къ тому же совершили цѣлый рядъ преступленій. О защитѣ собственными силами противъ могущественнаго короля нечего было и думать; надобно было или смириться, или найти себѣ защитника, который бы могъ помѣряться съ королемъ. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ, и горожане обратились за помощью къ личному врагу Людовика VI, Тома-Марль. Это былъ типичный феодалъ своего времени, не

признававшій никакой власти надъ собой, энергичный и жестокій, всегда имѣвшій подъ рукой значительную военную силу и употреблявшій ее часто для грабежа и разбоя на большихъ дорогахъ: немало купцовъ и пилигримовъ томилось въ мрачныхъ, сырыхъ подземельяхъ его замка, гдѣ ихъ пытали, чтобы вымучить побольше денегъ. За хорошее вознагражденіе онъ согласился помочь гражданамъ Лана; но и этотъ неустрашимый рыцарь не находилъ возможнымъ защитить городъ отъ королевскихъ войскъ: онъ предложилъ жителямъ Лана въ видѣ надежнаго убѣжища свои владѣнія. Значительное большинство ихъ приняло предложеніе де-Марля, и часть ланскаго населенія переселилась въ его замокъ Креси, часть въ бургъ Ножанъ. Окрестные жители, узнавши о томъ, что Ланъ оставленъ безъ защиты, стали во множествѣ приходить туда въ надеждѣ на добычу. Самъ отецъ Томаса, сиръ де-Куси, лично привелъ съ этой цѣлью своихъ крестьянъ и вассаловъ; „и хотя они явились послѣдними", замѣчаетъ одинъ современникъ, „но добычи нашли почти столько же, какъ если бы раньше ихъ туда никто не являлся". Въ свою очередь и приверженцы епископа подняли голову и не упустили случая выместить на оставшихся горожанахъ то, что они вытерпѣли отъ нихъ во время возстанія: они произвели страшную рѣзню на улицахъ, нападали на несчастныхъ буржуа въ ихъ собственныхъ домахъ, преслѣдовали ихъ даже въ церквахъ; многихъ повѣсили, другихъ привязывали къ хвосту лошади, которую потомъ пускали вскачь. О грабежѣ и говорить нечего: брали все, что только попадалось подъ руку, даже громоздкую мебель, не брезгали и дверными замками. Наконецъ, противъ горожанъ и ихъ защитника выступила духовная и свѣтская власть: Томасъ де-Марль былъ объявленъ въ опалѣ и отлученъ отъ церкви; къ его врагамъ присоединились нѣкоторые сосѣдніе бароны и между ними родной его отецъ. Де-Марль отбивался, какъ могъ, и безпощадно разорялъ монастыри и духовныя владѣнія. Самъ король осадилъ его замокъ Креси и при помощи ополченія, собраннаго изъ мѣстныхъ жителей, заставилъ его сдаться на капитуляцію. Де-Марль долженъ былъ принести присягу, дать залогъ и уплатить значительный выкупъ; съ горожанами же ни въ какія сдѣлки не вступали: ихъ просто повѣсили. Та же участь постигла и укрывшихся въ Ножанѣ. Тѣла ихъ были брошены на съѣденіе собакамъ и птицамъ. Вслѣдъ за тѣмъ король вступилъ въ Ланъ и водворилъ тамъ миръ. Совершены были разныя очистительныя церемоніи и употреблены мѣры къ возстановленію разрушенныхъ церквей. Архіепископъ реймскій нарочно прибылъ въ го-

родъ, чтобы отслужить торжественную обѣдню за упокой душъ всѣхъ тѣхъ, кто погибъ въ дни возстанія; во время церковной службы онъ произнесъ горожанамъ краснорѣчивую проповѣдь на текстъ изъ 1-го посланія ап. Петра: „Рабы, со всякимъ страхомъ повинуйтесь господамъ своимъ, не только добрымъ и кроткимъ, но и злымъ“.

Послѣдующая исторія Лана.

Такъ кончилась первая часть той кровавой драмы, какую представляетъ собой исторія Лана въ эту эпоху. Но стремленіе къ свободѣ, которой уже успѣли вкусить горожане, было такъ велико, зависимое положеніе такъ невыносимо, что, несмотря на жестокую расправу, волненія скоро возобновились. И вотъ, въ 1128 году одинъ изъ преемниковъ Годри, опасаясь новой революціи, вторично даровалъ жителямъ г. Лана самоуправленіе на прежнихъ началахъ. Грамота, данная этимъ епископомъ, была также утверждена Людовикомъ VI. Характерно, что при этомъ рѣшили не употреблять ненавистнаго слова „коммуна“, и новое свободное устройство городской общины было названо „учрежденіемъ мира“ (institutio pacis).

Около полустолѣтія послѣ этого Ланъ наслаждался миромъ и спокойствіемъ подъ защитой своихъ свободныхъ учрежденій. Но когда въ 1175 г. епископомъ сдѣлался Рожеръ де-Розуа, онъ снова сталъ стремиться къ уничтоженію коммуны. Такъ какъ Рожеръ былъ силенъ своими связями съ окрестными феодалами, большей частью его родственниками, то и горожане рѣшили обезпечить себѣ на всякій случай союзниковъ; съ этой цѣлью они заключили договоры съ коммунами городовъ Суассона, Велли и Крепи, а также вошли въ сношеніе съ королемъ Людовикомъ VII; тотъ за извѣстную сумму денегъ далъ имъ новую хартію, подтверждающую грамоту его отца. Епископъ произвелъ попытку добиться своей цѣли съ оружіемъ въ рукахъ, но эта попытка не имѣла успѣха. За то, когда въ 1180 г. умеръ Людовикъ, онъ успѣлъ убѣдить его преемника Филиппа-Августа въ правотѣ своего дѣла; главнымъ аргументомъ были, конечно, деньги. Въ 1190 г. новый король издалъ указъ, которымъ уничтожалась ланская коммуна, такъ какъ она нарушала права и вольности мѣстной церкви; сдѣлалъ это Филиппъ II „изъ любви къ Богу и пресвятой Дѣвѣ Маріи“, „желая избѣжать всякой опасности для своей души“, а также для того, чтобы обезпечить себѣ „благополучный исходъ паломничества въ Іерусалимъ, которое онъ долженъ предпринять“. Однако уже въ слѣдующемъ году благочестивый король рѣшилъ пренебречь спасеніемъ своей души

и за приличное вознагражденіе со стороны горожанъ возстановилъ коммунальную хартію. Послѣ этого прошло еще сто лѣтъ, въ теченіе которыхъ отношенія между горожанами съ одной стороны и епископомъ и членами мѣстнаго духовенства—съ другой, естественно, оставались натянутыми, что подавало поводъ къ постояннымъ недоразумѣніямъ и даже столкновеніямъ. Въ 1294 г. два рыцаря, родственники одного изъ клириковъ мѣстнаго капитула, поссорились съ какимъ-то буржуа и поколотили его въ его собственномъ домѣ; на шумъ прибѣжали сосѣди и, вооружившись палками и камнями, стали преслѣдовать рыцарей, которые обратились въ бѣгство и нашли себѣ убѣжище въ епископской церкви. У дверей церкви сталъ собираться народъ, громко требуя выдачи преступниковъ; капитулъ отказалъ имъ въ этомъ. Тогда выведенная изъ себя толпа выломала двери, набросилась на обоихъ рыцарей и на того клирика, который впустилъ ихъ въ церковь, и избила всѣхъ троихъ до полусмерти. Дѣло приняло весьма серьезный оборотъ: горожане оказались виновными въ нарушеніи права убѣжища и въ оскорбленіи святыни. Въ оскверненной кровопролитіемъ церкви перестали совершать богослуженіе, изъ нея вынесли церковные сосуды со святыми дарами, епископъ отлучилъ отъ церкви членовъ городского управленія и наложилъ интердиктъ на весь городъ. Капитулъ принесъ жалобу папѣ Бонифацію VIII, который обратился къ королю Франціи съ требованіемъ уничтожить ланскую коммуну. Филиппъ IV Красивый назначилъ слѣдствіе, и на основаніи данныхъ этого слѣдствія, представленныхъ въ парижскій парламентъ, коммуна въ г. Ланѣ была еще разъ уничтожена. Впрочемъ, не такъ-то легко было уничтожить учрежденія, просуществовавшія около двухсотъ лѣтъ и успѣвшія за это время сдѣлаться привычными и даже необходимыми населенію большого города; а что это населеніе дорожило своей свободой и умѣло за нее постоять, видно изъ предшествующей исторіи города Лана. Возвращеніе ланскихъ горожанъ въ прежнее положеніе безправныхъ сервовъ, подчиненныхъ произволу феодальнаго владѣльца, представляло бы теперь вопіющій анахронизмъ; съ другой стороны, новый порядокъ, при которомъ все населеніе государства непосредственно подчиняется центральному правительству, еще не созрѣлъ и не установился въ опредѣленныя, прочныя формы. Какъ бы то ни было, парламентскій указъ не былъ приведенъ въ исполненіе: капитулъ долженъ былъ удовольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ и очистительными обрядами со стороны горожанъ, а этимъ

послѣднимъ была оставлена коммуна, но подъ однимъ очень важнымъ условіемъ—лишь до тѣхъ поръ, пока это будетъ угодно королю. Съ этого времени рѣшающимъ моментомъ въ исторіи ланскаго самоуправленія окончательно дѣлается король: при его дворѣ начинаютъ усиленно ходатайствовать горожане о прочномъ утвержденіи коммуны, епископъ—объ ея полномъ уничтоженіи; успѣхъ этихъ ходатайствъ измѣняется, смотря по обстоятельствамъ; главнымъ средствомъ для достиженія успѣха всегда являются деньги. Въ 1322 г. Карлъ IV уничтожилъ коммуну и передалъ юрисдикцію, принадлежавшую выборнымъ должностнымъ лицамъ, своему ланскому прево; впрочемъ, горожанамъ удалось добиться неисполненія этого указа, и тяжба между ними и епископомъ возобновилась. При Филиппѣ VI Валуа епископъ проситъ о приведеніи въ дѣйствіе королевскаго указа во всей его силѣ, заявляя, что иначе произойдутъ великія бѣдствія и что въ самомъ городѣ существуетъ много людей, которые вовсе не желаютъ коммуны,—обстоятельство, которое слѣдуетъ подчеркнуть. Сначала король не обращалъ вниманія на эти ходатайства, но въ 1331 г. издалъ ордонансъ, которымъ собственно и заканчивается исторія ланской коммуны. Филиппъ VI въ этомъ своемъ указѣ заявляетъ, что въ послѣднее время въ тѣ промежутки, когда въ Ланѣ была уничтожаема коммуна, городъ пользовался вполнѣ удовлетворительнымъ управленіемъ королевскихъ чиновниковъ, точно такъ же, какъ и другіе города, въ которыхъ никогда не бывало коммуны. Въ виду этого отмѣняется коммунальное самоуправленіе г. Лана, и на будущее время всѣми дѣлами будетъ завѣдывать бальи Вермандуа или его намѣстникъ. Кромѣ того, въ Ланъ назначается городской прево, который будетъ рѣшать всѣ судебныя дѣла; онъ же назначитъ ремесленнаго старшину (maitre de tous les métiers); для сбора суммъ, необходимыхъ на разныя городскія нужды, горожанамъ предоставляется выбирать изъ своей среды подъ руководствомъ прево 6 довѣренныхъ лицъ. Этимъ окончилась полная высокаго драматизма борьба жителей г. Лана за свободу и независимость. Кровавые эпизоды встрѣчаются и въ лѣтописяхъ другихъ городовъ, которые съ такимъ же упорствомъ стремились сбросить съ себя гнетъ феодальнаго произвола. Такъ, въ Камбрэ установленная въ 1076 г. коммуна нѣсколько разъ уничтожалась, но каждый разъ горожане добивались ея возстановленія. Еще до этого года они трижды возставали противъ своего сеньёра, но безуспѣшно, при чемъ первое возстаніе въ 957 г. было подавлено съ чрезвычайной жестокостью;

воины епископа, ворвавшись въ городъ, перебили многихъ горожанъ, другимъ отрѣзывали ноги или руки, выкалывали глаза или же отправляли къ палачу, который клеймилъ имъ лбы каленымъ желѣзомъ.

Успѣхъ борьбы часто облегчался тѣмъ обстоятельствомъ, что въ городѣ былъ не одинъ, а два или нѣсколько сеньёровъ, которые сплошь и рядомъ соперничали другъ съ другомъ: случалось, что подданные одного феодальнаго владѣльца во время возстанія находили себѣ дѣятельнаго союзника въ лицѣ сеньёра другой части города. Въ Оксеррѣ, напр., графъ далъ свое согласіе на установленіе коммуны на зло епископу, въ Амьенѣ же, наоборотъ, епископъ сталъ на сторону горожанъ противъ графа.

Значеніе коммунальнаго движенія.

Исторія ланской коммуны типична для многихъ французскихъ городовъ, но далеко не для всѣхъ. Не говоря уже о томъ, что во многихъ изъ нихъ, какъ мы увидимъ ниже, никогда не было коммунальнаго устройства, даже тѣ, которые становились коммунами, достигали этого невсегда путемъ открытой борьбы. Не разъ феодальный владѣлецъ города добровольно соглашался даровать своимъ подданнымъ самоуправленіе, принимая близко къ сердцу ихъ интересы; часто онъ дѣлалъ это для прекращенія смуты или для того, чтобы предупредить волненія. Примѣрами могутъ служить города Нуайонъ и Сенъ-Кантенъ: жители перваго изъ нихъ постоянно ссорились съ мѣстнымъ духовенствомъ; тогда епископъ (Бодри), желая прекратить эти ссоры, созвалъ всѣхъ жителей— клириковъ, рыцарей, купцовъ и ремесленниковъ, и представилъ этому собранію грамоту, на основаніи которой въ городѣ учреждалась коммуна. Это случилось въ 1108 г. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1102 г., графъ Вермандуа съ цѣлью предотвратить безпорядки, подобные происшедшимъ въ сосѣднемъ городѣ Бовэ, даровалъ жителямъ С.-Кантена коммунальное устройство, признавать которое поклялись какъ духовныя лица, такъ и рыцари. Нѣкоторые феодалы, особенно свѣтскіе, съ теченіемъ времени начали понимать, что, предоставляя городу свободу, они способствуютъ благополучію горожанъ, а также процвѣтанію всей мѣстности, и такимъ образомъ не только ничего не теряютъ, но еще и выигрываютъ. Наконецъ, въ большинствѣ случаевъ какъ мирнаго, такъ и революціоннаго освобожденія города деньги играли весьма значительную роль; онѣ часто дѣлали феодала податливѣе, склоняли его къ уступкамъ, онѣ же обезпечивали горожанамъ могущественныхъ союзниковъ до короля включительно.

Первыя попытки городского населенія выбиться изъ-подъ феодальнаго гнета встрѣтили, естественно, рѣшительный отпоръ со стороны средневѣковаго общества: оно было возмущено этимъ стремленіемъ рабовъ сбросить съ себя вѣками освященное рабское иго, оно видѣло въ этомъ преступленіе, бунтъ, нарушеніе законовъ божескихъ и человѣческихъ. „Коммуна, восклицаетъ аббатъ Гибертъ ножанскій (въ 1124 г.), слово новое, ненавистное! Благодаря ей, оброчники (capite censi) освобождаются отъ всякой зависимости и взамѣнъ этого платятъ лишь обыкновенную ежегодную подать; благодаря коммунѣ, за преступленія они отвѣчаютъ лишь штрафомъ, размѣры котораго точно опредѣлены закономъ; отъ всякихъ другихъ денежныхъ повинностей, которыя несутъ рабы, они освобождаются“. Въ 1099 г. Ивъ шартрскій заявлялъ, что клятвы, данныя горожанамъ, не должны никого связывать: онѣ не имѣютъ силы, такъ какъ противорѣчатъ каноническимъ законамъ и постановленіямъ отцовъ церкви. По мнѣнію парижскаго синода, коммуны устанавливаютъ „дьявольскіе обычаи, направленные къ ниспроверженію судебной власти церкви“. Понятно, что при такомъ отношеніи горожанамъ пришлось употребить громадныя усилія, пролить немало крови и еще больше истратить денегъ, чтобы добиться желанной свободы. Но разъ брешь была пробита, дѣло освобожденія городовъ пошло быстрѣе: слово „коммуна“ перестало быть новымъ и мало-по-малу вошло въ сознаніе средневѣковаго общества, и если оно еще долго оставалось ненавистнымъ для многихъ, особенно для духовенства, то во всякомъ случаѣ съ городскимъ движеніемъ пришлось считаться серьезно, какъ съ явленіемъ, которое совершается въ силу какихъ-то глубоко лежащихъ жизненныхъ условій и притомъ развивается постепенно и неуклонно, съ каждымъ десятилѣтіемъ становясь все болѣе и болѣе значительнымъ. Чѣмъ больше было коммунъ во Франціи, тѣмъ легче было устроить новую коммуну въ какомъ-нибудь городѣ или вообще добиться свободы и самоуправленія въ той или иной формѣ. Освободительное движеніе становилось настолько могучимъ, что уже немногіе феодалы рѣшались, во что бы то ни стало, противиться ему; большинство предпочитало уступить, пойти на сдѣлку, такъ или иначе предупредить могущее произойти возстаніе; при этомъ одними руководило корыстолюбіе и жадность, другими—благоразумное пониманіе своихъ истинныхъ интересовъ. Къ аналогичнымъ результатамъ стали приводить и такія случайныя на первый взглядъ обстоятельства, какъ личныя добродѣтели сеньёра, забота его о

благѣ своихъ подданныхъ или же политическій расчетъ: во Фландріи, напр., въ 1127—28 гг. два соперника, заявившіе права на это графство, старались превзойти другъ друга въ щедрой раздачѣ привилегій и вольностей мѣстнымъ городамъ, чтобы этимъ привлечь ихъ на свою сторону. Въ томъ же направленіи начала развиваться и политика королей и крупныхъ сюзереновъ. Правда, почти во всѣхъ этихъ случаяхъ феодальные владѣльцы не даютъ своимъ городамъ полной свободы, а лишь обезпечиваютъ ихъ на будущее время отъ произвола въ сборѣ податей и пошлинъ, въ пользованіи разнообразными повинностями въ судѣ и въ администраціи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что далеко не всѣ города съ оружіемъ въ рукахъ завоевали себѣ свободу и стали самостоятельными. Тѣмъ не менѣе открытая борьба горожанъ съ феодалами занимаетъ, безспорно, видное мѣсто въ исторіи освобожденія французскихъ городовъ: она во всякомъ случаѣ кладетъ ему прочное начало; кровавыя революціи въ томъ или другомъ городѣ представляютъ собой яркіе признаки того, что вопросъ этотъ достаточно назрѣлъ. Но чѣмъ болѣе развивается освободительное движеніе, тѣмъ болѣе мирный характеръ оно получаетъ, встрѣчая на своемъ пути все менѣе и менѣе препятствій и въ то же время постоянно усиливаясь обстоятельствами, благопріятствовавшими ему. Первые крики: „коммуна, коммуна“ рѣзали ухо, возмущали общественное сознаніе; свободная самоуправляющаяся городская община казалась вопіющей несообразностью, такъ какъ нарушала исконныя права, перепутывала обычныя понятія. Но прошло нѣсколько вѣковъ, и аномаліей стало безправное, рабское положеніе городского населенія, ничѣмъ не защищеннаго отъ произвола своего феодальнаго владѣльца.

Въ концѣ концовъ всѣ французскіе города освободились отъ феодальнаго гнета; но степень и формы ихъ свободы не вездѣ были одинаковы. Здѣсь, какъ и во всемъ въ средніе вѣка, царствовала удивительная пестрота и разнообразіе. Несмотря однако на это, всѣ освободившіеся города можно подвести подъ два основныхъ типа: *коммуны* и *villes de bourgeoisie* (или *villes franches*).

Слово „коммуна“ значитъ община, сообщество, члены котораго присягаютъ поддерживать и защищать другъ друга, вѣрой и правдой служить всему цѣлому; отсюда такое устройство называется иногда „присяжной общиной“ (commune jurée) или даже „заговоромъ“ (conjuration). Въ составъ этой общины далеко не всегда **Коммуна.**

входили всѣ жители даннаго города. Во многихъ случаяхъ членами коммуны были только владѣльцы недвижимаго имущества въ чертѣ городского округа. Кромѣ того, въ коммуну обыкновенно не принимались лица, опозоренныя по суду, несостоятельные должники, больные проказой, незаконнорожденные, иногда—крѣпостные, лично зависящіе отъ какого-нибудь сеньёра. Жители города, принадлежавшіе къ привилегированнымъ сословіямъ, на сѣверѣ обыкновенно также не входили въ составъ коммуны; напротивъ, на югѣ они большей частью являются вліятельными членами городской общины: тамъ города были богаче и крупнѣе, въ нихъ издавна жили и даже занимались торговлей многіе рыцари и духовныя лица, которыя болѣе или менѣе сливались съ высшимъ классомъ торгово-промышленнаго населенія города и зачастую участвовали въ пріобрѣтеніи имъ независимости. Такимъ образомъ, коммуна являлась въ нѣкоторой степени обособленнымъ міркомъ, ревниво оберегавшимъ права и привилегіи, которыя принадлежали ея членамъ. Чтобы вступить въ эту привилегированную общину, нужно было заплатить извѣстный взносъ. Съ другой стороны, въ виду тѣсной взаимной связи ея членовъ выступленіе изъ коммуны также сопровождалось извѣстными формальностями: раньше, чѣмъ выйти изъ коммуны, нужно было съ ней разсчитаться.

Другими отличительными чертами коммуны, кромѣ взаимной связи ея членовъ, являются: свобода и самостоятельность, выражающаяся въ полномъ самоуправленіи, и опредѣленныя, точно установленныя договорныя отношенія къ бывшему феодальному владѣльцу города; условія этого договора выражены въ особой грамотѣ, такъ назыв. коммунальной хартіи, которую даетъ своимъ бывшимъ подданнымъ, организовавшимся въ свободную общину, ихъ бывшій сеньёръ и которую для бо́льшей крѣпости подтверждаетъ сюзеренъ этого сеньёра, чаще всего самъ король—верховный сюзеренъ всей страны.

Устроивши у себя коммуну, горожане тѣмъ самымъ выходили изъ состава зависимой безправной массы населенія и поднимались въ верхній слой привилегированнаго феодальнаго общества. Естественно при этомъ, что на организаціи свободной городской общины отразились характерныя особенности современнаго общественнаго строя. Средніе вѣка знали только два класса людей: или лично зависимаго человѣка—виллана, серва, „подлаго“ обывателя, лишеннаго не только какихъ бы то ни было политическихъ правъ, но и въ большей или меньшей степени правъ гражданскихъ; или же

совсѣмъ свободнаго человѣка, свобода котораго была сопряжена съ извѣстной, иногда весьма значительной долей политической независимости. Поэтому и коммуна получила характеръ независимой общины, надѣленной нѣкоторыми верховными правами, которыя въ новое время принадлежатъ лишь центральному правительству страны, въ средніе же вѣка принадлежали всякому барону, бывшему полновластнымъ государемъ въ своей бароніи. Коммуна сдѣлалась такимъ же маленькимъ государствомъ въ государствѣ, какимъ было въ то время любое феодальное владѣніе, съ той только разницей, что въ бароніи государемъ былъ баронъ, въ коммунѣ же верховная власть принадлежала всей совокупности ея членовъ и осуществлялась выборными должностными лицами. Такія коллективныя сеньёріи не были новостью въ средніе вѣка: стóитъ только вспомнить многочисленныя аббатства и капитулы. Какъ сеньёріи, городской общинѣ принадлежала законодательная власть: ея выборные правители издавали распоряженія, имѣвшія силу закона для всего населенія коммунальной области. Они были облечены также и судебной властью надъ членами общины (иногда, впрочемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями): въ знакъ этого на границѣ коммунальнаго округа ставилась висѣлица и позорный столбъ. Городскія власти, подобно сеньёру, могутъ собирать пóдати и пошлины съ подчиненнаго имъ населенія. Коммуна имѣетъ право войны и мира: она можетъ воевать, для чего имѣетъ свое войско—коммунальную милицію, можетъ заключать союзы и всякіе договоры съ другими маленькими государствами, изъ которыхъ состояло средневѣковое королевство; на югѣ, напр., города Арль, Авиньонъ, Марсель и сеньёръ Барраль де-Бо заключили между собой въ 1247 г. союзъ оборонительный и наступательный на 50 лѣтъ; въ 1226 г. Арль посылаетъ 12 депутатовъ для заключенія „союза, дружбы и общенія“ съ королемъ Франціи Людовикомъ VIII. Символами коммунальной независимости являются печать и башня (beffroi), на которой висѣли призывные колокола. На вышкѣ этой башни помѣщались сторожевые, которые зорко оглядывали горизонтъ и тотчасъ били въ набатъ, какъ только замѣчали появленіе какой-нибудь опасности; въ тѣ же колокола звонили, чтобы призвать обвиняемыхъ въ судъ, чтобы возвѣстить работникамъ о началѣ и концѣ рабочаго дня, а всѣмъ жителямъ города о солнечномъ восходѣ или о томъ, что наступилъ часъ тушить огни. На звуки этого колокола иногда собирались граждане на вѣче для обсужденія разныхъ важныхъ вопросовъ. Въ нижнемъ этажѣ башни помѣщалась зала, гдѣ засѣдалъ городской совѣтъ,

а также муниципальный архивъ и арсеналъ. Если въ какомъ-нибудь городѣ уничтожалась коммуна, то обыкновенно отбирали у мэра печать, снимали вѣчевой колоколъ, а самую башню разрушали до основанія.

Сеньёръ города. Такъ какъ коммуна приравнивалась къ сеньёріи, то она должна была занимать опредѣленное мѣсто въ феодальной іерархіи; нѣтъ барона, у котораго бы не было сюзерена,—самъ король держитъ свою землю отъ Бога,—и у коммуны былъ свой сюзеренъ (обыкновенно бывшій феодальный владѣлецъ города или же король), который былъ обязанъ не только уважать ея права и привилегіи, но и оказывать ей покровительство и защиту, въ чемъ онъ торжественно присягалъ. Съ своей стороны, коммуна несла по отношенію къ этому сюзерену всѣ обязанности настоящаго вассала. Ея представители приносили сюзерену присягу, въ которой клялись „вѣрно служить ему и оберегать его тѣло, члены, жизнь и владѣнія“ отъ враговъ; присяга эта возобновлялась при перемѣнѣ какъ сеньёра, такъ и городскихъ правителей. Въ качествѣ вассала коммуна была обязана своему сюзерену военной повинностью (ost et chevauchée), размѣры которой были точно опредѣлены; кромѣ того, она должна была помогать ему деньгами въ обычныхъ „четырехъ случаяхъ“. Въ свою очередь и коммуна могла имѣть своихъ вассаловъ: такъ, напр., въ 1220 г. два рыцаря принесли присягу въ вѣрности (hommage) Авиньону за тѣ деревни и замки, которые они держали отъ этого города; въ Нормандіи г. Руану присягали сосѣднія сельскія коммуны. Не всякая коммуна, конечно, въ дѣйствительности осуществляла всѣ свои верховныя права въ качествѣ коллективной сеньёріи; не всякій коммунальный городъ былъ на самомъ дѣлѣ настоящей республикой. Но то же самое можно сказать и о баронахъ, съ которыми мы сравнили свободныя городскія общины: каждому барону въ принципѣ принадлежали верховныя права государя, но далеко не каждый баронъ на самомъ дѣлѣ пользовался ими. Дѣло въ томъ, что въ средніе вѣка мало было имѣть какое-нибудь право: необходимо было еще обладать достаточной силой, фактическимъ могуществомъ, чтобы на практикѣ воспользоваться этимъ правомъ; а между тѣмъ многіе города, особенно на сѣверѣ Франціи, были слишкомъ слабы и ничтожны для этого. Кромѣ того, не всѣ они при одинаковыхъ обстоятельствахъ добились свободы. Одни завоевали ее съ оружіемъ въ рукахъ; но побѣда горожанъ надъ феодальнымъ владѣльцемъ далеко не всегда бывала полной и окончательной. Другіе получили свободу путемъ

мирнаго соглашенія, заключили со своимъ сеньёромъ сдѣлку, и въ коммунальной хартіи, въ которую занесены были условія этой сдѣлки, были приняты во вниманіе интересы обѣихъ договаривающихся сторонъ, т. е. не только горожанъ, но и ихъ бывшаго владѣльца, сохранявшаго иногда часть своихъ прежнихъ правъ. Естественно поэтому, что во многихъ случаяхъ независимость коммуны, ея суверенитетъ оказались въ большей или меньшей степени ограниченными.

Городской совѣтъ.

Въ принципѣ коммуна пользовалась полнымъ самоуправленіемъ и свободой въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ; но на практикѣ, какъ увидимъ ниже, этотъ принципъ нерѣдко нарушался. Всѣ коммунальныя дѣла вѣдались выборнымъ городскимъ совѣтомъ, члены котораго назывались *жюрэ* (jurés, iurati), *пэрами* или *эшевенами* (échevins, scabini). Число ихъ колебалось отъ 12 (въ Перонпѣ), 13 (въ Бовэ) до 100 (въ Руанѣ) и даже болѣе; въ Бордо въ XIII в. было 2 совѣта, одинъ въ составѣ 30, другой—300 членовъ. Такое же разнообразіе замѣчается и въ способѣ ихъ избранія, а также въ организаціи городского совѣта: нѣтъ, кажется, избирательной системы, которая бы не практиковалась въ той или другой коммунѣ. Въ Руанѣ, напр., а также въ другихъ городахъ, гдѣ дѣйствовало руанское право, должность пэра была пожизненной; когда пэръ умиралъ, оставшіеся въ живыхъ члены совѣта выбирали ему преемника; всѣхъ пэровъ было 100; они выдѣляли изъ своего состава комиссію изъ 24 жюрэ, которая въ свою очередь распадалась на 2 подкомиссіи: одну изъ 12 эшевеновъ и другую изъ 12 совѣтниковъ; пэры собирались разъ въ двѣ недѣли по субботамъ, жюрэ—еженедѣльно, эшевены—2 раза въ недѣлю; послѣдніе завѣдывали текущими дѣлами, составляя то, что теперь у насъ называется управой. Въ Марселѣ изъ 89 членовъ совѣта 80 принадлежали къ классу богатой буржуазіи, 3 представляли сословіе клириковъ, имѣющихъ степень доктора; остальныя 6 вакансій были замѣщаемы ремесленными старостами. Въ Арлѣ въ совѣтѣ засѣдали архіепископъ, консулы и наиболѣе значительные изъ гражданъ. Въ Монпелье граждане выдѣляли изъ своей среды избирателей второй степени; эти послѣдніе вмѣстѣ съ выходящими въ отставку консулами выбирали 60 нотаблей, изъ которыхъ посредствомъ жребія избиралось необходимое число должностныхъ лицъ. Въ Бовэ 13 пэровъ выбирались 22 мѣстными промышленными корпораціями, при чемъ 7 приходились на долю одной только корпораціи мѣнялъ, т. е. крупныхъ капиталистовъ, денежной аристо-

кратіи; всѣ остальныя 21 корпорація выбирали 6 пэровъ. Въ Athyes 12 жюрэ избирались ежегодно всѣмъ населеніемъ города. Въ Амьенѣ каждый годъ старосты ремесленныхъ корпорацій выбирали 12 эшевеновъ, которые, въ свою очередь, избирали себѣ еще 12 товарищей; такимъ образомъ составлялся совѣтъ изъ 24 членовъ. Въ Перонѣ 2 старосты выбираютъ 24 избирателей, которымъ уже принадлежитъ выборъ 12 жюрэ. Въ Камбрэ членовъ городского совѣта назначалъ архіепископъ.

Мэръ. Главою городского правительства былъ мэръ или, какъ его называли на югѣ, консулъ (а также синдикъ); мэръ былъ обыкновенно одинъ, рѣдко 2; число консуловъ колебалось отъ 2 до 6, иногда ихъ было больше. Способы ихъ избранія были также различны: во многихъ случаяхъ мэра выбирали члены городского совѣта, иногда—ихъ избиратели, т. е. старосты корпорацій, при чемъ ихъ свобода выбора была ограничена: они могли лишь выбрать одного изъ трехъ кандидатовъ, которыхъ имъ указывали выходящіе въ отставку члены городского совѣта и мэръ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ городахъ въ избраніи мэра рѣшающее значеніе имѣлъ сеньёръ города: по *Etablissements de Rouen*, напр., сто пэровъ выбирали изъ нотаблей города трехъ кандидатовъ; одного изъ нихъ герцогъ или король утверждалъ въ должности мэра. Въ Лектурѣ и Альби консулы избирались народнымъ собраніемъ; но чаще всего на югѣ Франціи эти должностныя лица представляли собой въ опредѣленной пропорціи два класса, входившіе въ составъ городского населенія: собственно горожанъ (буржуа) и знатныхъ, принадлежащихъ къ коммунѣ. Въ Арлѣ сначала было по 2 консула обѣихъ категорій; впослѣдствіи эти числа измѣнились на 4 и 8; въ Кордѣ консуловъ было 2 и 6, въ Рабастанѣ 2 и 8. Въ Нимѣ въ 1208 г. рѣшили, чтобы въ интересахъ согласія между обѣими группами населенія на будущее время консуловъ изъ знати выбирали горожане, а консуловъ изъ горожанъ — знатные. Такъ какъ раздоры и междоусобія составляли больное мѣсто средневѣковыхъ городовъ, то случалось, что нѣкоторые изъ нихъ призывали себѣ правителя со стороны, который бы не принадлежалъ ни къ какой изъ городскихъ партій: въ первой четверти XIII в. мы видимъ такихъ чужеземцевъ во главѣ Марселя, Арля и Авиньона; они назывались подеста̀, пользовались диктаторской властью и были большею частью знатными выходцами изъ Италіи.

Мэръ былъ главою муниципальнаго управленія: онъ созывалъ городской совѣтъ, предсѣдательствовалъ на его административ-

ныхъ и судебныхъ засѣданіяхъ, хранилъ коммунальную печать и ключи отъ городскихъ воротъ; онъ же предводительствовалъ коммунальной милиціей и являлся представителемъ коммуны во всѣхъ ея внѣшнихъ сношеніяхъ. Въ Амьенѣ мэръ имѣлъ право назначать нѣкоторыхъ низшихъ должностныхъ лицъ; въ Руанѣ власть его была особенно значительна; въ Байоннѣ должность мэра получила спеціально военный характеръ — другія обязанности, соединенныя съ нею, лежали на помощникѣ мэра.

Кромѣ мэра и членовъ городского совѣта, въ составъ коммунальной администраціи входилъ рядъ низшихъ должностныхъ лицъ, какъ-то: казначей (иногда, впрочемъ, эту должность исполнялъ одинъ изъ жюрэ); клеркъ — по нашему секретарь и дѣлопроизводитель (лицо весьма вліятельное); сержанты, исполнявшіе должность судебныхъ приставовъ, а также полицейскихъ чиновниковъ; сторожевые, которые стояли на часахъ на городской башнѣ и звонили въ колокола; привратники и др. Всѣ эти городскіе чиновники и служители назначались мэромъ или членами совѣта, иногда же ихъ избирателями, т. е. старостами промышленныхъ корпорацій. Таковъ былъ составъ коммунальной администраціи, которой принадлежала весьма значительная власть надъ членами городской общины; всякій ослушникъ строго наказывался — въ видѣ крайней мѣры его могли изгнать изъ коммуны, отобрать его имущество и даже срыть до основанія домъ, въ которомъ онъ жилъ.

Участіе народа въ управленіи.

Народная масса въ управленіи коммуной играла весьма незначительную роль: время отъ времени народъ собирался по звону вѣчевого колокола, но вся его роль ограничивалась тѣмъ, что онъ выслушивалъ и принималъ къ свѣдѣнію то, что постановляли правители. Только въ исключительныхъ случаяхъ, да и то въ позднѣйшую эпоху, выступаетъ онъ въ болѣе активной роли: въ Ліонѣ, напр., въ 1292 г. народъ собираютъ, чтобы онъ высказался за или противъ принятія покровительства французскаго короля; почти въ то же время (1283 г.) королевскіе чиновники, присланные въ Руанъ, чтобы привести въ порядокъ коммунальные финансы, производятъ это въ присутствіи народнаго собранія; въ 1320 г. мэръ Аббевиля, обвиненный въ лихоимствѣ, оправдывается передъ вѣчемъ и защищаетъ свое управленіе отъ нападокъ членовъ городского совѣта; въ 1332 г. мэръ Сенъ-Жанъ-д'Анжели созываетъ всѣхъ членовъ коммуны, чтобы обсудить союзный договоръ и принять новый налогъ; въ 1320 г. королевскіе комиссары, явившись въ Санлисъ, собираютъ вѣче и опрашиваютъ горожанъ одного за другимъ, хо-

тять ли они сохраненія коммуны или нѣтъ, — и громадное большинство даетъ отрицательный отвѣтъ. Самый важный вопросъ, въ которомъ больше всего и легче всего могло бы выразиться народоправство, — вопросъ о способѣ избранія должностныхъ лицъ рѣшался, какъ мы видѣли, далеко не въ пользу демократіи. Напротивъ, правительство большей части коммунальныхъ городовъ, по крайней мѣрѣ, въ періодъ существованія коммунъ, представляетъ собой настоящую олигархію: вся власть въ нихъ принадлежитъ немногимъ богатымъ фамиліямъ, изъ которыхъ образуются какъ бы правительственныя династіи; члены этихъ „*линьяжей*" крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ главныя муниципальныя должности. Такому положенію дѣлъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ канцелярская тайна, которой окружены были дѣйствія коммунальнаго правительства: въ Руанѣ, Аббевилѣ, Суассонѣ и др. городахъ виновный въ разглашеніи этой тайны лишался своей должности; пэры Санлиса въ концѣ XIII в. присудили къ штрафу одного гражданина, который хвастался, будто знаетъ все, что происходитъ въ засѣданіяхъ городского совѣта. Должностныя лица, пользовавшіяся весьма значительной властью и притомъ получившія эту власть не въ силу народнаго избранія, естественно, часто возбуждали противъ себя нареканія въ средѣ городского населенія, тѣмъ болѣе, что они сплошь и рядомъ злоупотребляли своей властью. Необходимо было оградить ихъ отъ проявленія народной антипатіи и даже ненависти; и дѣйствительно, большинство коммунальныхъ хартій содержатъ особыя постановленія на этотъ счетъ: въ Аббевилѣ значительный штрафъ налагался на всякаго, кто осмѣлится въ засѣданіи городского совѣта дурно отозваться о его членахъ или же ложно обвинить ихъ въ произнесеніи несправедливаго приговора; въ 1300 г. одинъ буржуа весьма непочтительно говорилъ о мэрѣ, эшевенахъ и объ ихъ чиновникахъ, заявляя, между прочимъ, что они „обираютъ народъ до послѣдней нитки"; за это его лишили права обращаться къ суду эшевеновъ, т. е. одного изъ самыхъ важныхъ гражданскихъ правъ; въ Амьенѣ оскорбленіе дѣйствіемъ мэра наказывалось отсѣченіемъ кулака.

Финансы. Но, несмотря на всѣ эти устрашающія постановленія, недовольство народа своими правителями росло и росло и подъ конецъ стало проявляться съ необычайной силой и рѣзкостью. Самой слабой стороной коммунальнаго управленія были финансы. Расходы свободной городской общины были очень велики и обременительны. Мы ужъ не говоримъ объ обыкновенныхъ расходахъ

на текущія общественныя нужды: они были ничтожны въ сравненіи съ расходами чрезвычайными. За то эти послѣдніе доходили иногда до громадныхъ размѣровъ. Прежде всего горожанамъ приходилось платить — и платить очень дорого—за свою свободу и самоуправленіе; они или единовременно вносили своему бывшему феодальному владѣльцу крупную сумму, или же выплачивали ему ежегодную ренту,—иногда и то и другое вмѣстѣ. Платить приходилось не только своему сеньёру, даровавшему коммунальную хартію, но и королю, который утверждалъ ее. Рѣдко горожанамъ удавалось сразу добиться полной свободы и независимости: зачастую сеньёръ оставлялъ за собой болѣе или менѣе значительную часть своихъ феодальныхъ правъ надъ коммуной и ея членами—ихъ надо было выкупать одно за другимъ. Откупившись, наконецъ, отъ подданства и ставши въ вассальныя отношенія къ своему сеньёру, коммуна, какъ было указано раньше, продолжала нести извѣстныя повинности, изъ которыхъ самая тяжелая была военная: сначала горожане несли ее натурой, потомъ стали мало-по-малу замѣнять ее ежегоднымъ денежнымъ взносомъ. Изъ исторіи г. Лана мы видѣли, что добиться устройства коммуны еще не значило обезпечить себѣ навсегда свободу: коммунѣ неоднократно грозили уничтоженіемъ, и каждый разъ несчастные буржуа должны были раскошеливаться, чтобы сохранить за собой права, купленныя такой дорогой цѣной. Все это были расходы, такъ сказать, нормальные; но и кромѣ этого постоянно представлялись разные экстренные случаи, къ которымъ придирались, чтобы выманить у горожанъ болѣе или менѣе значительную сумму. Любопытенъ въ этомъ отношеніи отрывокъ изъ записи расходовъ нуайонской коммуны за 1260 годъ: „Когда король (Людовикъ Святой) отправлялся за море, мы дали ему 1500 ливровъ (около 150 т. франковъ на теперешнія деньги). Когда онъ былъ за моремъ, королева дала намъ знать, что король нуждается въ деньгахъ, и мы дали 500 ливровъ. Когда король вернулся изъ-за моря, мы ему заняли 600 ливр., изъ которыхъ получили только 500, а 100 оставили ему. Когда король заключилъ миръ съ англійскимъ королемъ, мы дали 1200 л. Каждый годъ мы должны платить 200 л. за коммуну, которую намъ даровалъ король; кромѣ того, подарки проѣзжающимъ черезъ городъ (знатнымъ) особамъ ежегодно обходятся намъ въ 100 л. и даже болѣе. Когда графъ анжуйскій (братъ короля) былъ въ Эно (Hainaud), насъ извѣстили, что онъ нуждается въ винѣ; мы послали ему 10 бочекъ, что̀ стоило вмѣстѣ съ доставкой 100 лив.“

Кромѣ того, граждане Нуайона послали графу 500 сержантовъ, чтобы охранять его владѣнія, а также тѣлохранителей, — все это обошлось въ 1100 л. Наконецъ, „когда королевская армія выступала, намъ сообщили, что графу нужны деньги и что съ нашей стороны было бы подлостью не прійти къ нему на помощь; мы заняли ему 1200 л., но изъ нихъ скинули со счетовъ 300 для того, чтобы получить расписку съ приложеніемъ печати на остальные 900“.

Весьма важную статью расходовъ для каждой коммуны составляли судебные штрафы. Безпокойные горожане находились въ постоянной борьбѣ съ своимъ сеньёромъ и другими феодалами, а также съ капитулами изъ-за юрисдикціи, права обложенія, повинностей и т. п. Озлобленные этой борьбой буржуа позволяли себѣ иногда крайне рѣзкія выходки противъ своихъ враговъ, особенно противъ духовенства: они нарушали права своихъ противниковъ, творили надъ ними насилія и всякія беззаконія, не останавливаясь даже передъ кощунствомъ. Однажды граждане С.-Рикье рѣшили насмѣяться надъ монахами мѣстнаго аббатства, съ которымъ они были постоянно на ножахъ. Ежегодно въ праздникъ Lendit монахи устраивали торжественную процессію, въ которой несли мощи основателя своей общины и мощи св. Вигора. Но въ 1264 г. жителямъ этого города пришлось полюбоваться процессіей совсѣмъ иного рода. Буржуа взяли дохлую кошку и положили ее въ раку, подобную той, въ которой хранились мощи св. Рикье; въ другой ракѣ помѣстили лошадиную кость, долженствующую изображать руку св. Вигора. Затѣмъ, напяливши на себя шубы, понесли эти предметы по городскимъ улицамъ, пародируя торжественное шествіе монаховъ. Вдругъ явились какіе-то два субъекта и стали между собой ожесточенно драться; процессія остановилась, и изъ толпы раздался возгласъ: „Святой Рикье! ты не пойдешь дальше, старина, пока не водворишь мира между этими двумя врагами!“ Едва это было сказано, какъ борцы прекратили драку, пали другъ къ другу въ объятія и обмѣнялись братскимъ поцѣлуемъ. Вся толпа стала кричать о „чудѣ“, совершенномъ мощами св. Рикье. Но этого мало: горожане построили часовню съ роскошно убраннымъ алтаремъ и помѣстили туда раки съ кошкой и лошадиной костью. Наивные богомольцы и путешественники, не подозрѣвая о кощунствѣ, заходили сюда поклониться мощамъ святыхъ угодниковъ. Два дня простояла часовня, вокругъ которой буржуа устраивали неприличные танцы.

Столкновенія горожанъ съ духовенствомъ и феодалами были самымъ заурядньмъ явленіемъ. И каждый разъ, когда эти столкновенія принимали слишкомъ серьезный характеръ, дѣло кончалось обращеніемъ къ королевскому парламенту, который рано присвоилъ себѣ право суда надъ коммунами. Парламентъ не щадилъ горожанъ и приговаривалъ ихъ къ денежному штрафу, который иногда доходилъ до огромныхъ размѣровъ: такъ, напр., въ 1305 г. коммуна г. Бовэ должна была уплатить 10 т. ливровъ, т. е. болѣе милліона франковъ.

Финансовый упадокъ коммунъ.

Откуда же брала коммуна деньги, чтобы погашать всѣ эти чрезвычайные расходы? Главнымъ, основнымъ источникомъ дохода былъ прямой налогъ на членовъ коммуны. Но сборъ этого налога былъ сопряженъ съ огромными затрудненіями: нѣкоторые совсѣмъ уклонялись отъ его уплаты, другіе утаивали значительную часть своего имущества, чтобы уменьшить окладъ; многіе оказывались не въ состояніи платить, и недоимки накоплялись иногда за 10 и болѣе лѣтъ. Раскладка подати почти никогда не обходилась безъ злоупотребленій: стоявшіе у власти богатые буржуа пускали въ ходъ все свое вліяніе, чтобы свалить главную тяжесть податей на низшіе классы, которые, разумѣется, не въ состояніи были ея вынести. Отсутствіе правильной отчетности давало коммунальнымъ правителямъ полную возможность не церемониться съ общественной казной: Бомануаръ (писатель конца XIII в.) разсказываетъ, что должностныя лица, отслуживши свой срокъ, передавали власть своимъ братьямъ, племянникамъ и другимъ родственникамъ и, когда по прошествіи 10—12-ти лѣтъ граждане требовали у нихъ отчета, то заявляли, что дали уже отчетъ другъ другу. Если мы прибавимъ къ этому отсутствіе бюджета, котораго не знали въ средніе вѣка, веденіе денежнаго хозяйства изо дня въ день, какъ придется, то получимъ полную картину печальнаго положенія коммунальныхъ финансовъ. Правительству любой коммуны на каждомъ шагу приходилось считаться съ недостаткомъ денегъ на покрытіе какого нибудь текущаго расхода, съ хроническимъ превышеніемъ расходовъ надъ доходами. Единственнымъ средствомъ выйти изъ подобныхъ затрудненій казался заемъ, и коммуны стали пользоваться этимъ средствомъ такъ широко, что скоро окончательно запутывали свои денежныя дѣла. По сдѣланнымъ займамъ приходилось платить 10—15%, иногда даже до 25-ти, или же выплачивать кредитору пожизненную ренту; благодаря этому, ежегодный дефицитъ только увеличивался, такъ какъ никакихъ существенныхъ мѣръ для устра-

ненія зла не принимали, и все оставалось попрежнему. Займы приходилось дѣлать все чаще и чаще, пока, наконецъ, не наступалъ моментъ полнаго банкротства: кредитъ оказывался исчерпаннымъ, по прежнимъ обязательствамъ нечѣмъ было платить. Тогда коммуна обращалась къ королю, который поручалъ своимъ чиновникамъ привести въ порядокъ денежныя дѣла, своей властью принималъ мѣры, чтобы обезпечить этотъ порядокъ на будущее время и обыкновенно сохранялъ за собой контроль надъ финансовымъ управленіемъ коммуны; иногда такая ликвидація сопровождалась уничтоженіемъ коммуны въ данномъ городѣ. Періодъ финансоваго банкротства свободныхъ и независимыхъ городскихъ общинъ начался со второй половины XIII в.

Политическое вырожденіе коммунъ.

Параллельно съ этимъ развивался и процессъ политическаго крушенія коммунъ. Мы видѣли, что коммунальное устройство въ громадномъ большинствѣ французскихъ городовъ носило аристократическій характеръ. Такое положеніе дѣлъ неминуемо должно было привести къ борьбѣ народной массы съ правительственной аристократіей. Пока всѣ силы, все вниманіе городского населенія было поглощено борьбой съ феодальнымъ владѣльцемъ, всѣ классы горожанъ являлись тѣсно сплоченными этимъ общимъ дѣломъ, сознаніемъ общей опасности. Но какъ только цѣль была достигнута и коммуна обезпечивала себѣ болѣе или менѣе прочное существованіе, такъ тотчасъ же обнаруживался разладъ между отдѣльными составными частями коммуны: все ярче и ярче выступала разница интересовъ богатыхъ и бѣдныхъ, хозяевъ и работниковъ, правящихъ и управляемыхъ. Въ 1233 г. въ Бовэ произошло кровавое возстаніе городской черни противъ „мѣнялъ“; порядокъ былъ возстановленъ, только благодаря вмѣшательству короля. Въ Гентѣ для прекращенія распри между низшими слоями населенія и городскимъ правительствомъ въ 1275 г. потребовалось посредничество графини фландрской и третейскій судъ с.-омерской коммуны, постановившій, что всѣ распоряженія гентскихъ эшевеновъ, которыя покажутся народу нарушающими его интересы, будутъ передаваться на разсмотрѣніе графа фландрскаго. Почти въ то же время въ Дуэ рабочіе ткацкаго цеха возстаютъ противъ своихъ хозяевъ. Въ Аррасѣ рабочіе разбиваютъ дома своихъ цехмейстеровъ (ремесленныхъ старостъ) и разгуливаютъ по городу съ знаменами, громко требуя смерти мэра и эшевеновъ. Въ Санѣ въ 1283 г. городскія партіи не могутъ прійти къ соглашенію относительно выбора должностныхъ лицъ, и дѣло окончилось тѣмъ, что весь составъ муници-

палитета былъ назначенъ королемъ; въ Дижонѣ по такому же поводу король не только назначилъ своей властью членовъ городского правительства, но и совсѣмъ уничтожилъ коммуну. Спачала городская аристократія пыталась насильственными мѣрами удержать за собой свое привилегированное положеніе: такъ, въ 1245 г. въ Дуэ ремесленникамъ и черни подъ страхомъ суроваго наказанія были запрещены какія бы то ни было сообщества, опасныя для существующаго порядка. Но натискъ демократіи былъ слишкомъ силенъ, и высшей буржуазіи пришлось сдѣлать мало-по-малу цѣлый рядъ уступокъ: ремесленныя корпораціи получили болѣе широкое участіе въ выборѣ должностныхъ лицъ; рядомъ съ прежнимъ муниципалитетомъ во многихъ коммунахъ стали представители народной массы, которые защищали ея интересы, имѣли право контроля надъ финансовой частью и даже до нѣкоторой степени участвовали въ управленіи городомъ. Такимъ образомъ, къ началу XIV в. коммуны пріобрѣтаютъ нѣсколько болѣе демократическое устройство, но превратиться въ демократическія республики свободныя городскія общины не успѣли: естественный ходъ ихъ развитія былъ нарушенъ вмѣшательствомъ посторонней силы, которая съ каждымъ годомъ становилась все грознѣе и могущественнѣе. Королевская власть, такъ успѣшно боровшаяся съ политической независимостью феодаловъ и духовенства, наложила руку также и на коммунальную свободу. Мы уже видѣли, что коммуна, освободившись отъ подданства своему феодальному владѣльцу, становилась въ болѣе непосредственныя отношенія къ королю; скоро вошло въ обычай, что король непремѣнно подтверждаетъ коммунальную хартію, а вмѣстѣ съ этимъ онъ не замедлилъ присвоить себѣ и право уничтожать ее; коммуны подчинились юрисдикціи королевскаго парламента, который часто налагалъ на нихъ огромные штрафы. Наконецъ, постоянныя столкновенія коммуны съ ея многочисленными внѣшними врагами, а еще болѣе междоусобія и взаимныя распри горожанъ давали королю множество поводовъ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь свободнаго города. Финансовыя затрудненія приводили къ королевской опекѣ надъ денежнымъ хозяйствомъ коммуны, распри политическія и соціальныя—къ опекѣ надъ ея управленіемъ. Такимъ образомъ, въ силу вещей коммуна утратила свои характерные признаки—перестала быть обособленной, независимой общиной, феодальной единицей, свободно входившей въ договорныя отношенія съ другими такими же феодальными единицами; мы не говоримъ уже о тѣхъ весьма частыхъ случаяхъ, когда вмѣшательство

короля приводило къ прямому, формальному уничтоженію коммуны въ данномъ городѣ. Въ окончательномъ результатѣ ко времени вступленія на престолъ династіи Валуа во Франціи уже не было коммунъ, а если нѣкоторые города еще и сохранили это названіе, то лишь въ видѣ переживанія: здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, форма пережила содержаніе, когда-то ее наполнявшее.

Такимъ образомъ, горожане, которые въ началѣ XI в. были подданными феодаловъ, къ концу XIV-го превратились въ подданныхъ короля. И это уже большой шагъ впередъ; но прежде, чѣмъ достигнуть такого положенія, они пережили нѣсколько вѣковъ борьбы за свободу. Городское населеніе за это время научилось сознательно относиться къ своимъ интересамъ, энергично отстаивать свое право, жертвовать для свободы и имуществомъ, и жизнью. Подобный историческій опытъ не могъ пройти безслѣдно, и, дѣйствительно, онъ создалъ изъ французской буржуазіи крупную общественную силу, третье сословіе, которое еще въ средніе вѣка съ честью заняло свое мѣсто рядомъ съ первыми двумя сословіями, а въ новое время оказалось достаточно сильнымъ, чтобы одержать надъ ними верхъ. Коммунальная форма городской свободы, какъ форма чисто средневѣковая, связанная съ обособленностью и политической независимостью города, просуществовала сравнительно недолго: вмѣстѣ съ другими средневѣковыми явленіями она исчезла, но, несмотря на это, она оказала глубокое вліяніе на судьбу городского населенія во Франціи.

Ville de bourgeoisie.

Какъ уже было упомянуто раньше, далеко не всѣ французскіе города прошли черезъ эту форму свободы. Большинство изъ нихъ никогда не было коммунами. Но и въ ихъ положеніи произошло существенное измѣненіе во вторую половину среднихъ вѣковъ: жители этихъ городовъ, оставаясь подданными своихъ феодальныхъ владѣльцевъ, получаютъ отъ нихъ цѣлый рядъ привилегій, касающихся разнаго рода повинностей, податей и пошлинъ, а также суда и даже администраціи. Почти всегда эти привилегіи сопровождаются и дарованіемъ личной свободы горожанамъ, т. е. права свободнаго перемѣщенія, вступленія въ бракъ и распоряженія своимъ имуществомъ. Первые случаи такого надѣленія горожанъ привилегіями встрѣчаются уже въ концѣ X в., въ XI в. они еще довольно рѣдки, но въ теченіе XII и XIII столѣтій почти всѣ французскіе города переходятъ въ этотъ разрядъ такъ называемыхъ villes franches или villes de bourgeoisie. Иногда горожане сами присваиваютъ себѣ извѣстныя права и вольности, пользуясь удобнымъ

лучаемъ, и сеньёру остается лишь признать совершившійся фактъ; чаще же всего сами феодальные владѣльцы даруютъ подвластнымъ имъ городамъ бо̀льшую или меньшую степень свободы. При этомъ нѣкоторыми изъ нихъ руководитъ правильный расчетъ, разумныя хозяйственныя соображенія: чѣмъ выше матеріальное благосостояніе горожанъ, тѣмъ больше доходовъ будетъ получать сеньёръ съ принадлежащаго ему города, а такъ какъ личная и имущественная необезпеченность, произволъ въ обложеніи податями и пошлинами, злоупотребленія феодальной администраціи — все это въ корнѣ подрываетъ благосостояніе торгово-промышленнаго городского населенія, то, слѣдовательно, нужно все это устранить. Такая разумная хозяйственная политика требуетъ не только большого практическаго смысла, но и значительныхъ средствъ: чѣмъ мельче хозяйство, тѣмъ скареднѣе хозяинъ, тѣмъ труднѣе ему вести свое хозяйство раціональнымъ способомъ; вотъ почему villes de bourgeoisie легче всего и въ большемъ количествѣ появляются въ доменахъ короля и другихъ крупныхъ феодальныхъ владѣльцевъ. Но и остальнымъ по разнымъ мотивамъ приходилось надѣлять свои города привилегіями и вольностями: во многихъ случаяхъ сеньёръ пріобрѣталъ во владѣніе городъ силой оружія, въ приданое за женой или покупалъ его за деньги, и, чтобы привязать къ себѣ своихъ новыхъ подданныхъ, оказывалъ имъ разныя милости; еще больше нуждался онъ въ расположеніи горожанъ, когда получалъ владѣніе по наслѣдству и на это же наслѣдство оказывались еще и другіе претенденты. Нерѣдко у города оказывалось нѣсколько владѣльцевъ, права которыхъ до такой степени перепутывались между собой, что не было никакой возможности разобрать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что̀ кому принадлежитъ, кто и въ какой долѣ участвуетъ въ полученіи судебной или иной пошлины; тогда совладѣльцы рѣшались перенести эту мудреную задачу изъ области политики въ область ариѳметики: предоставляя горожанамъ устраиваться, какъ они знаютъ, сеньёры соглашались брать съ нихъ разъ навсегда опредѣленные платежи, которые уже и дѣлили между собой. Многіе феодалы, нуждаясь въ деньгахъ, продавали горожанамъ бо̀льшую или меньшую степень гражданской свободы: за извѣстный единовременный взносъ они отказывались отъ своей произвольной власти и точно опредѣляли на будущее время всѣ платежи и повинности городского населенія. Наконецъ, чѣмъ больше появлялось привилегированныхъ городовъ, тѣмъ легче становилось получать привилегіи остальнымъ: волей-неволей

Мало-по-малу выработались даже извѣстныя формы грамотъ, которыя заключали въ себѣ множество отдѣльныхъ привилегій относительно податей и пошлинъ, всевозможныхъ сборовъ и повинностей, суда и т. д. Подобныя грамоты похожи были на коммунальныя хартіи и такъ же, какъ онѣ, производили въ бытѣ городского населенія рѣзкій переворотъ, съ той только разницей, что переворотъ этотъ касался не политическаго, а лишь гражданскаго ихъ положенія. Одной изъ наиболѣе распространенныхъ была грамота города Lorris en Gatinais, утвержденная Людовикомъ VII въ 1155 г.; въ теченіе 40 лѣтъ такая же хартія была дана еще семи городамъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ постановленій этой грамоты, заключающей въ себѣ всего 35 параграфовъ.

2) Никто изъ жителей Lorris не долженъ платить ввозной пошлины за свои съѣстные припасы; ни вѣсовой пошлины за хлѣбъ, который онъ добудетъ своимъ трудомъ или трудомъ своего рабочаго скота; ни торговой пошлины (forage) за вино, которое онъ получитъ съ своихъ виноградниковъ.

3) Никто изъ жителей этого города не будетъ вытребованъ ни пѣшкомъ, ни съ лошадью въ такое мѣсто, изъ котораго онъ не можетъ вернуться домой въ тотъ же день.

4) Никто изъ нихъ не платитъ дорожныхъ сборовъ по пути до Etampes, до Орлеана, до Милльи и до Melun.

5) Никто изъ идущихъ или возвращающихся съ ярмарки или рынка въ Lorris не можетъ быть арестованъ или вообще подвергнутъ судебному преслѣдованію, если только преступленіе, въ которомъ онъ обвиняется, не совершено въ тотъ же самый день.

8) Никто изъ жителей Лорри не долженъ выходить за предѣлы города, чтобы судиться съ королемъ.

10) Никто не будетъ пользоваться какими-нибудь преимуществами относительно срока продажи вина (ban public), кромѣ короля, которому предоставляется начинать таковую раньше другихъ, но только въ своемъ погребѣ.

12) Если кто-нибудь поссорится съ другимъ, но не вломится въ его домъ, а потомъ они помирятся, не принося жалобы прево, то съ нихъ не станутъ взыскивать штрафа ни въ нашу пользу, ни въ пользу нашего прево. Въ случаѣ, если жалоба уже была принесена, они все таки могутъ кончить дѣло миромъ, заплативши штрафъ; если же на нихъ не былъ наложенъ штрафъ, то они ничего не должны платить ни намъ, ни нашему прево.

15) Никто изъ горожанъ Лорри не обязанъ намъ дорожною повинностью (corvée), за исключеніемъ двухъ разъ въ годъ, когда они должны перевезти наше вино въ Орлеанъ, но ни въ какое другое мѣсто.

17) Всякій можетъ продать свое имущество, получивши за него деньги, уйти изъ города по-добру по-здорову, куда ему угодно, если только онъ не совершилъ какого-нибудь преступленія въ городѣ.

18) Кто проживетъ въ приходѣ Лорри годъ и одинъ день, и за это время никто не предъявитъ на него свои права, и ни мы, ни нашъ прево не запретятъ ему жить въ этомъ приходѣ, тотъ можетъ оставаться въ немъ и на будущее время въ полной свободѣ и безопасности.

29) Жители Лорри могутъ собирать въ лѣсу валежникъ для своей надобности.

32) Если кого изъ горожанъ обвинятъ въ чемъ-нибудь и его нельзя будетъ уличить на основаніи свидѣтельскихъ показаній, то онъ можетъ очиститься принесеніемъ присяги.

35) Мы приказываемъ, чтобы каждый разъ при смѣнѣ прево или другихъ должностныхъ лицъ въ городѣ (sergents) они клялись нерушимо соблюдать всѣ эти постановленія.

Какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ, всѣ эти привилегіи касались лишь гражданскаго быта городского населенія, ни въ чемъ не измѣняя его политическаго положенія.

Къ той же категоріи villes de bourgeoisie можно отнести и многочисленныя слободы, которыя король и другіе феодальные владѣльцы основывали на своей землѣ (такія слободы назывались villes neuves). Каждому изъ нихъ, естественно, было выгодно имѣть въ своихъ владѣніяхъ лишній поселокъ съ рынкомъ или даже ярмаркой и получать съ его жителей и пріѣзжихъ торговцевъ разныя пошлины; но чтобы найти охотниковъ поселиться въ новой слободѣ, нужно было заманить ихъ разными льготами, обѣщающими спокойное и обезпеченное существованіе, нужно было оградить ихъ отъ произвола феодальнаго сеньёра и его приказчиковъ и для этого разъ навсегда опредѣлить виды и размѣры разныхъ податей, пошлинъ и повинностей. Въ виду этого феодалъ, задумавшій основать слободу, заранѣе издавалъ грамоту, въ которой и перечислялъ привилегіи и вольности будущихъ жителей слободы. Villes neuves.

Вотъ образчикъ такой грамоты.

„Я, Генрихъ, графъ de-Troyes, симъ объявляю: да будетъ вѣ-

домо всѣмъ и на будущія времена, что я установилъ нижеслѣдующія правила для жителей моей слободы близъ Pont-sur-Seine:

Всякій, проживающій въ вышеуказанной слободѣ, будетъ платить ежегодно 12 денье и мѣру овса за свою усадьбу; если же онъ хочетъ получить участокъ пахатной земли или луга, то будетъ платить по 4 денье за arpent (немного менѣе $^1/_2$ десятины). Дома, виноградники и луга могутъ быть проданы или отчуждены по волѣ того, кто ихъ пріобрѣтетъ. Жители слободы должны будутъ выступать въ походѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда я самъ буду предводительствовать войскомъ. Я дарую имъ, кромѣ того, право выбирать 6 эшевеновъ, которые будутъ завѣдывать дѣлами общины и присутствовать на судебныхъ засѣданіяхъ моего прево. Я постановляю, что никакой сеньёръ, рыцарь или другой кто не можетъ схватить и увести жителя слободы подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, если только этотъ человѣкъ не его рабъ и за нимъ не числится недоимки.

Дано въ Provins въ лѣто отъ воплощенія Христова тысяча сто семьдесятъ пятое".

С. Моравскій.



XXV.

Свв. Кириллъ и Меѳодій первоучители славянскіе.

I. Пространныя или такъ называемыя Паннонскія житія свв. Кирилла и Меѳодія.

1. Житіе св. Кирилла.

Мѣсяца февраля въ 14-й день житіе и подвиги блаженнаго учителя нашего Константина философа, перваго наставника славянъ [1]).

Благослови отче.

I. Богъ милостивый и щедрый, ожидающій, чтобы всѣ люди принесли покаяніе, пришли къ познанію истины и спаслись, — не же- Вступленіе.

[1]) Исторія сохранила намъ лишь немногіе документальные источники о жизни и дѣятельности славянскихъ первоучителей. Вполнѣ справедливы слова профессора Воронова: «Плодотворная жизнь и дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія, посвященная почти всецѣло славянству, была отдалена отъ круга ближайшихъ интересовъ Византіи и ея историковъ и прямо несочувственна латино-нѣмецкому духовенству, а поэтому, несмотря на громадное значеніе для всего славянскаго міра, была или неизвѣстна современнымъ греческимъ и латинскимъ историкамъ, или игнорирована ими. Современные славянскимъ первоучителямъ византійскіе историки и латинскіе анналисты не оставили намъ ни одного извѣстія о нихъ, и тогда какъ въ византійской литературѣ, можно сказать, не осталось ни малѣйшаго воспоминанія о нихъ, Западъ сохранилъ лишь нѣсколько посланій, мѣморій, отрывочныхъ извѣстій, относящихся къ ихъ дѣятельности въ Моравіи и въ Римѣ. Помимо этихъ немногихъ латинскихъ оффиціальныхъ источниковъ, исторія Кирилла и Меѳодія слагается главнымъ образомъ на основаніи преданій, сохранившихся въ благоговѣйномъ къ ихъ памяти мірѣ славянскомъ; наиболѣе полныя извѣстія о нихъ почерпаются изъ источниковъ славянскихъ или, хотя писанныхъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ, но составленныхъ по славянскимъ источникамъ. Но всѣ эти памятники славянскаго происхожденія, богатые содержаніемъ, не имѣютъ характера несомнѣнныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ историческихъ документовъ. Почти всѣ они (если не всѣ безъ исключенія) написаны не современниками, составлены на основаніи преданій болѣе или менѣе позд-

лаетъ Господь смерти даже и закоренѣлаго грѣшника, даруя ему спасительное покаяніе и сохраняя жизнь его,— не позволяетъ че-

———

нихъ, написаны съ цѣлями болѣе нравственнаго, чѣмъ историческаго свойства, разсѣяны на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ, принадлежатъ различнымъ славянскимъ народамъ. Порча преданій съ теченіемъ времени, національныя пристрастія авторовъ, особенныя цѣли при составленіи памятниковъ, личныя воззрѣнія, соображенія и догадки, неизбѣжныя при составленіи документовъ по преданію,—все это вліяло на историческое значеніе этихъ памятниковъ, условливало различіе показаній, противорѣчія въ извѣстіяхъ, примѣсь субъективнаго элемента къ исторической истинѣ».—Изъ всѣхъ легендарныхъ источниковъ о дѣятельности первоучителей славянскихъ, по полнотѣ заключающихся въ нихъ данныхъ и ихъ достовѣрности, первое мѣсто занимаютъ пространныя житія свв. Кирилла и Меѳодія, извѣстныя подъ именемъ Паннонскихъ. Они были открыты профессоромъ москов. духов. академіи А. В. Горскимъ, который напечаталъ извлеченіе изъ нихъ съ историко-критическимъ изслѣдованіемъ въ № 6 Москвитянина 1843 года. Въ 1865 году трудъ Горскаго былъ перепечатанъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ, изданномъ Погодинымъ. Горскій полагалъ, что оба житія были написаны въ Панноніи во время близкое къ дѣятельности первоучителей, и считалъ вѣроятнымъ, что ихъ составителемъ было одно лицо. — Послѣ изслѣдованія Горскаго особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе труды, посвященные дѣятельности славянскихъ первоучителей: 1) Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. Профессора А. Воронова.—Труды Кіевской Духовной Академіи, октябрь 1876 г., январь, апрѣль, августъ, сентябрь 1877 г. Въ этомъ сочиненіи разсматриваются дошедшіе до насъ источники, относящіеся до исторіи и апостольской дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія на языкахъ славянскомъ, греческомъ и латинскомъ, при чемъ авторъ даетъ обстоятельную оцѣнку каждаго изъ нихъ. Что касается житій, то авторъ, согласно съ Горскимъ признаетъ, что оба житія составлены однимъ лицомъ; но въ дальнѣйшемъ не раздѣляетъ мнѣнія Горскаго, полагая, что составитель житій былъ славянинъ, принадлежавшій восточной церкви и жившій не въ Панноніи, а въ Болгаріи, что онъ не былъ ученикомъ и очевидцемъ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія и житія составлены имъ не ранѣе второй четверти X в. Но самымъ любопытнымъ въ трудѣ Воронова является его мнѣніе, что первоначально житія были написаны не на славянскомъ языкѣ, а на греческомъ. Возраженія противъ этого мнѣнія представлены нами въ статьѣ при изданіи поученій Климента: „Климентъ, епископъ словѣнскій".—Трудъ Ундольскаго съ предисловіемъ П. А. Лаврова въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос.", 1895 г. 2) Свв. Кириллъ и Меѳодій. Профессора И. Малышевскаго.—Рѣчь произнесенная на актѣ въ кіевской духовной академіи 7 апрѣля 1885 г.—Труды Кіевской Духовной Академіи, май, іюнь, августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь 1885 г.—Это сочиненіе представляетъ самый полный обзоръ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, при чемъ слѣдуетъ отмѣтить стараніе автора возможно ближе держаться фактовъ, сообщаемыхъ пространными житіями свв. Кирилла и Меѳодія. 3) Святые Константинъ и Меѳодій, первоучители славянскіе. Рѣчь 7 апрѣля 1885 г., въ день памяти тысячелѣтія со времени кон-

ловѣческому роду отпасть отъ Него по нерадѣнію, подпасть соблазну діавола и погибнуть, и во всѣ времена и лѣта не перестаетъ творить намъ великія благодѣянія, какъ прежде, такъ и нынѣ, чрезъ посредство патріарховъ и отцовъ, пророковъ, апостоловъ и мучениковъ, праведныхъ мужей и учителей, избирая ихъ отъ многомятежной жизни сей. Ибо знаетъ Господь своихъ избранниковъ, когда говоритъ: овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю ихъ и называю ихъ по имени, и онѣ идутъ за Мной, и Я даю имъ жизнь вѣчную (Іоан. 10.27.28). Такъ и нашему поколѣнію Господь воздвигъ такого учителя, который просвѣтилъ народъ нашъ, омрачившій умъ свой слабостью, подпавшій соблазну діавольскому и не восхотѣвшій ходить въ свѣтѣ Божіихъ заповѣдей. Житіе его кратко передаетъ намъ, каковъ онъ былъ, чтобы, слушая объ его подвигахъ, желающій подражать ему почувствовалъ

чины Меѳодія, профессора моск. духов. академіи Е. Голубинскаго.—Прибавленіе къ изданію Твореній Святыхъ Отцовъ въ русскомъ переводѣ, 1885 г., часть 36, книжка III.—Что касается другихъ пособій по разнымъ вопросамъ, относящимся къ дѣятельности славянскихъ первоучителей, то особеннаго вниманія заслуживаетъ Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ въ память о совершившемся тысячелѣтіи славянской письменности и христіанства въ Россіи, изданный профессоромъ М. Погодинымъ. Москва, 1865 г.—Изъ статей, помѣщенныхъ въ немъ, кромѣ вышеупомянутаго изслѣдованія Горскаго, наиболѣе важны еще слѣдующія: Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители. Архіепископа Филарета черниговскаго;—Записка о переводѣ Евангелія на славянскій языкъ, сдѣланномъ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. К. И. Невоструева;—Службы свв. Кириллу и Меѳодію. В. И. Григоровича;—Тѣ же службы по синодальному списку;—О древнихъ канонахъ свв. Кириллу и Меѳодію. А. В. Горскаго, и другія.—Помимо статей научнаго характера въ этой книгѣ съ интересомъ могутъ быть прочитаны рѣчи, проповѣди и газетныя статьи по случаю празднованія тысячелѣтія со времени изобрѣтенія славянской азбуки и перевода на славянскій языкъ Священнаго Писанія—11 мая 1863 г. Различные источники, относящіеся къ жизни и дѣятельности первоучителей славянскихъ, печатались неоднократно въ разныхъ ученыхъ изданіяхъ. Пространныя житія были напечатаны профессоромъ І. М. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ: Константина Философа, въ 16 спискахъ 1863. II, 1864. II, 1873. I;—Меѳодія, въ 8 спискахъ 1865. I. Тамъ же напечатано Похвальное слово свв. Кириллу и Меѳодію, въ 15 спискахъ 1855. II, 1866. II.—Похвальное слово св. Кириллу напечатано въ упомянутомъ уже Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ. Оба житія напечатаны также Шафарикомъ въ его книгѣ: Изборъ юго-славянскихъ достопамятностей. U Praze 1873. 2-е изданіе. Въ немъ Шафарикъ раздѣлилъ ихъ на главы; это раздѣленіе удержано и въ предлагаемомъ русскомъ переводѣ.

бодрость и отвергъ лѣность, помня слова апостола: подражайте мнѣ, какъ я Христу (1 Коринѳ. 4.16) [2]).

Происхожденіе Константина.

II. Въ городѣ Солунѣ жилъ одинъ человѣкъ знатнаго рода и богатый, по имени Левъ, занимавшій должность помощника военачальника [3]). Онъ былъ правовѣрующій и соблюдалъ всѣ заповѣди Божіи, подобно библейскому Іову. Богъ благословилъ супружество его, даровавъ ему семерыхъ дѣтей, изъ которыхъ младшій былъ Константинъ философъ, наставникъ и учитель нашъ. Когда мать родила его, взяла ему кормилицу, но младенецъ не хотѣлъ принимать молоко отъ чужой груди, и мать сама должна была вскормить новорожденнаго. Въ этомъ виденъ особый промыслъ Божій, чтобы дитя, вскормленное чистымъ молокомъ материнскимъ, осталось доброй отраслью добраго корня. Съ того времени благочестивые родители дали обѣтъ остаться, какъ братъ и сестра, и такъ жили о Господѣ 14 лѣтъ, пока ихъ не разлучила смерть, не нарушивъ даннаго обѣщанія. Когда отецъ Константина умиралъ, мать оплакивала отрока, говоря: ни о чемъ другомъ я такъ не забочусь, какъ объ этомъ младенцѣ, что̀ съ нимъ будетъ. Отецъ сказалъ ей на это: повѣрь мнѣ, жена, я надѣюсь, что Богъ пошлетъ ему такого отца и попечителя, который печется о всѣхъ христіанахъ, что̀ и сбылось [4]).

---

[2]) Тексты Священнаго Писанія, встрѣчающіеся въ житіяхъ, приводятся по синодальному переводу Библіи.

[3]) По объясненію Горскаго, слова житія: «предръжа санъ другарескъ подъ стратигомъ» означаютъ, что Левъ былъ «друнгарій подъ стратигомъ»,—это второе лицо послѣ главнаго военачальника.

Изъ сказаннаго здѣсь о происхожденіи Льва видно, что житіе не даетъ точнаго указанія на ту народность, къ которой принадлежали святые первоучители. Но это и неважно. Если они были греками, тѣмъ выше ихъ подвигъ — переводъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ и введеніе богослуженія на языкѣ славянскомъ въ тѣхъ славянскихъ земляхъ, въ которыхъ имъ суждено было проповѣдовать христіанство. Если же они были славяне, то лишь по происхожденію; что же касается ихъ культуры, то ею они всецѣло обязаны Византіи. Гораздо важнѣе ихъ происхожденіе изъ Солуня, такого города византійской имперіи, въ которомъ греки соприкасались съ славянами настолько, что должны были знать и славянскій языкъ. Близость къ славянскому населенію, по крайней мѣрѣ, въ избранныхъ натурахъ могла умѣрять надменность, какую по отношенію къ варварамъ чувствовалъ грекъ, гордый неизмѣримымъ превосходствомъ своей культуры. Этою близостью значительно объясняется самоотверженная дѣятельность святыхъ братьевъ на благо славянъ.

[4]) Такъ какъ составитель житія, говоря о смерти Константина, относитъ

Дѣтскіе годы.

III. Когда Константинъ былъ 7-ми лѣтъ, онъ видѣлъ сонъ. Мнѣ снилось,—разсказывалъ онъ отцу съ матерью,—что стратигъ собралъ всѣхъ дѣвицъ нашего города и сказалъ мнѣ: выбери себѣ изъ нихъ подругой жизни и помощницей, какую хочешь. И я, посмотрѣвъ на всѣхъ, увидѣлъ одну, превосходившую другихъ красотой лица, сіяющую и украшенную златыми монистами, бисеромъ и всякаго рода украшеніями, имя которой было Софія, т. е. премудрость; ее я и выбралъ. Выслушавъ этотъ разсказъ, родители сказали ему: сынъ, храни заповѣдь отца твоего и не отвергай наставленія матери твоей (Притчи Солом. 6.20). Ибо заповѣдь есть свѣтильникъ и наставленіе—свѣтъ (Притчи Солом. 6.23). Скажи премудрости: ты — сестра моя, и разумъ назови роднымъ твоимъ (Притчи Солом. 7.4). Премудрость свѣтитъ сильнѣе солнца, и, если ее будешь имѣть спутницей въ жизни, она тебя избавитъ отъ многаго зла. Отданный учиться, Константинъ превосходилъ успѣхами прочихъ учениковъ, удивляя всѣхъ быстротою памяти. Одинъ разъ вмѣстѣ съ другими товарищами, имѣвшими обыкновеніе забавляться ястребиною охотой, Константинъ вышелъ въ поле, взявъ своего ястреба. Онъ пустилъ его, но, волею Божіей, внезапно поднявшійся вѣтеръ унесъ его ястреба; отрокъ впалъ въ такое уныніе и печаль, что два дня ничего не ѣлъ. Милосердый Господь по своему человѣколюбію, не желая дать Константину привыкнуть къ житейскимъ удовольствіямъ, уловилъ его на охотѣ ястребомъ, какъ въ старое время Плакиду оленемъ [5]). Размышляя надъ суетой сей жизни, Константинъ горько жаловался: такова жизнь наша, что взамѣнъ мимолетной радости приноситъ долгую печаль; съ этого дня пойду лучшимъ путемъ, не буду проводить время въ треволненіяхъ жизни. И онъ оставался дома, изучая наизусть творенія Григорія Богослова, которому, начертавъ на стѣнѣ крестное

ее къ 869 году и упоминаетъ, что ему было тогда 42 года, то этимъ самымъ опредѣляется и годъ его рожденія—827.

[5]) Здѣсь разумѣется извѣстное обращеніе въ христіанство Евстаѳія Плакиды: одинъ разъ на охотѣ Плакида погнался за оленемъ и долго не могъ догнать его, пока, наконецъ, олень не перескочилъ черезъ глубокій ровъ, сдѣлавъ тѣмъ для всадника дальнѣйшее преслѣдованіе невозможнымъ. Подъѣхавшій на конѣ Плакида, взглянувъ на стоявшаго по другую сторону рва оленя, увидѣлъ между его рогами свѣтлый крестъ съ изображеніемъ распятія Христова. Изумленный Плакида услышалъ голосъ: Плакида, что ты Меня гонишь? Я Христосъ. Извѣстны Мнѣ твои благодѣянія и милостыни нищимъ, и ради этого явился Я тебѣ сейчасъ, чтобы уловить тебя Моей человѣколюбивою сѣтью.

знаменіе, написалъ такую похвалу: „О Григорій! тѣломъ человѣкъ, ангелъ душою; ты, будучи тѣломъ человѣкъ, явился ангеломъ. Уста твои, какъ уста серафимовъ, прославляютъ Бога и просвѣщаютъ вселенную толкованіемъ истинной вѣры. Услышь меня, съ вѣрою и любовію къ тебѣ прибѣгающаго, и будь моимъ просвѣтителемъ и учителемъ". Вдумываясь въ творенія Григорія Богослова, Константинъ невсегда постигалъ глубокій смыслъ ихъ, что̀ приводило его въ великое уныніе. Случился въ это время въ Солунѣ странствующій учитель грамматики, и Константинъ, придя къ нему и припадая къ его ногамъ, умолялъ поучить его грамматическому искусству; но учитель этотъ, зарывшій свой талантъ въ землю, сказалъ ему: юноша, не трудись: я отказался кого бы то ни было учить наукѣ этой во всѣ дни моей жизни. Напрасно вторично со слезами просилъ его Константинъ, говоря: возьми всю долю моего отцовскаго наслѣдства, только научи меня. Не хотѣлъ послушать его учитель, и юношѣ оставалось снова искать утѣшенія въ молитвѣ объ исполненіи его сердечнаго желанія. И ждать пришлось недолго: Богу угодно было въ скоромъ времени исполнить волю боящагося Его. Царскій опекунъ, называемый Логоѳетъ, до котораго дошли слухи о красотѣ, мудрости и прилежныхъ занятіяхъ Константина, послалъ за нимъ, вызывая его въ Царьградъ учиться вмѣстѣ съ императоромъ [6]). Услышавъ это, отрокъ съ радостью отправился въ путь и на пути, преклонивъ колѣна, горячо молился: Боже отцовъ и Господи милости, сотворившій все словомъ Твоимъ и премудростію Твоею устроившій человѣка, чтобы онъ владычествовалъ надъ созданными Тобою тварями. Даруй мнѣ присѣдящую престолу Твоему премудрость, да разумѣю, въ чемъ воля Твоя, и спасусь я, рабъ Твой и сынъ рабы Твоей (Прем. Солом. 9.1—2; 4—5), и, окончивъ молитву Соломона, всталъ и сказалъ: аминь.

Годы ученья въ Царьградѣ. IV. Когда Константинъ прибылъ въ Царьградъ, его отдали учиться. Въ три мѣсяца изучивъ грамматику, онъ приступилъ къ изуче-

---

6) Михаилу въ это время (въ 842 году) было всего только три года и, понятное дѣло, Константинъ не могъ учиться вмѣстѣ съ нимъ. Неточность этого указанія исправляется ниже, въ слѣдующей главѣ, гдѣ идетъ рѣчь о занятіяхъ Константина и гдѣ ни слова не сказано, чтобы онъ учился съ царемъ.

Вызвавшій Константина Ѳеоктистъ Логоѳетъ былъ однимъ изъ опекуновъ малолѣтняго Михаила въ годы управленія имперіей его матери св. Ѳеодоры.

нію прочихъ наукъ. Учился Гомеру и геометріи у Льва [7]), діалектикѣ и предметамъ философскимъ у Фотія [8]); учился также и риторикѣ, ариѳметикѣ, астрономіи, музыкѣ и всѣмъ прочимъ искусствамъ эллинскимъ [9]). Всѣ эти предметы Константинъ изучилъ такъ, какъ другой на его мѣстѣ изучилъ бы лишь одинъ изъ нихъ: быстрота его способностей не уступала прилежанію, что̀ содѣйствуетъ успѣхамъ въ изученіи наукъ и искусствъ. Онъ отличался кротостью характера, вступалъ въ бесѣду съ тѣмъ, съ кѣмъ она была полезнѣе, удалялся людей строптивыхъ, стремясь какъ бы, перемѣнивъ земное на небесное, выйти изъ оковъ тѣла и жить съ Богомъ. Увидѣвъ, что онъ за человѣкъ, Логоѳетъ далъ ему власть надъ всѣмъ домомъ своимъ и позволеніе входить въ царскій дворецъ; и спросилъ его разъ: философъ, я хотѣлъ бы знать, что такое философія? Не задумываясь, отвѣчалъ Константинъ: познаніе Божескихъ вещей и человѣческихъ, насколько можетъ человѣкъ приблизиться къ Богу и добродѣтелью уподобиться Творцу, создавшему его по Своему образу и подобію. Съ тѣхъ поръ Логоѳетъ, мужъ столь высокій и почтенный, еще болѣе полюбилъ его и разспрашивалъ о всемъ. Константинъ преподалъ ему философію, въ краткія слова влагая глубокій смыслъ. Сохраняя чистоту мысли, ведя жизнь, угодную Богу, Константинъ пріобрѣталъ всеобщую любовь. И Логоѳетъ оказывалъ ему всякую честь и нерѣдко предлагалъ много злата, отъ котораго онъ отказывался. Разъ Логоѳетъ сказалъ ему: твоя красота и мудрость внушаютъ мнѣ сильную любовь къ тебѣ. У меня есть дочь духовная, моя крестница, красивая и богатая, знатная родомъ; если хочешь, я отдамъ ее

---

[7]) Это былъ, вѣроятно, Левъ, митрополитъ солунскій, который съ возстановленіемъ иконопочитанія послѣ Ѳеофила, лишившись каѳедры, сдѣлался начальникомъ основаннаго Вардою училища въ Константинополѣ и учителемъ философіи.

[8]) Это былъ знаменитый впослѣдствіи патріархъ константинопольскій Фотій, тогда еще свѣтскій чиновникъ и молодой человѣкъ.

[9]) У придворныхъ преподавателей Константинъ выслушалъ полный тогдашній курсъ наукъ, состоявшій изъ такъ называемыхъ trivium'a и quadrivium'a; при этомъ въ грамматикѣ, которая должна быть понимаема въ болѣе обширномъ смыслѣ филологіи и къ которой онъ имѣлъ особенную природную склонность, онъ показалъ успѣхи чрезвычайно быстрые, а въ наукахъ философскихъ, которыя преподавалъ Фотій,—успѣхи столько серьезные, что прозваніе философа, съ которымъ онъ извѣстенъ, было усвоено ему еще во время ученія. (Святые Константинъ и Меѳодій, первоучители славянскіе.—Голубинскій, стр. 164).

за тебя; отъ императора ты получишь теперь великую честь и княженіе, а ожидай еще бо̀льшей почести: вскорѣ будешь стратигомъ. — Великъ даръ, который ты предлагаешь, — отвѣчалъ ему философъ,—требующимъ его, но для меня нѣтъ ничего выше ученія, которымъ обогативъ умъ, хочу искать прадѣдовской чести и богатства (ср. главу IX и главу XI). Выслушавъ такой отвѣтъ, Логоѳетъ пошелъ къ императору и сказалъ: нашъ философъ не любитъ житія сего, и, чтобы не отпустить его отъ себя, пострижемъ его въ священный санъ и отдадимъ на службу; пусть будетъ библіотекаремъ у патріарха при храмѣ св. Софіи [10]); по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ, его удержимъ. Такъ и сдѣлали. Недолго пробывъ въ этой должности, Константинъ удалился на берега Золотого Рога [11]) и скрылся въ одномъ монастырѣ. Шесть мѣсяцевъ искали его и едва нашли. Не находя возможнымъ принудить его къ исполненію прежней службы, упросили его принять званіе учителя философіи для грековъ и иностранцевъ [12]). И онъ его принялъ.

Диспутъ Константина съ патріархомъ Анніемъ (иконоборцемъ).

V. Въ это время константинопольскій патріархъ Анній [13]) продолжалъ еще учить иконоборческой ереси, говоря: не почитайте святыхъ иконъ. Былъ собранъ соборъ по этому случаю, на которомъ были обличены его заблужденія, а самъ онъ былъ лишенъ патріаршества. Но это не помогло; Анній говорилъ: насиліемъ изгнали меня, не могли побѣдить въ преніяхъ—никто не можетъ противостать словамъ моимъ. Тогда царь и вельможи, приготовивъ философа, послали къ Аннію съ такими словами: если побѣдишь этого юношу въ спорѣ, получишь обратно престолъ патріаршій. Анній, увидѣвъ философа, столь юнаго возрастомъ, и посланныхъ съ нимъ, сказалъ имъ: вы всѣ недостойны моего подножія, какъ я буду съ

---

[10]) Строго говоря, особой должности библіотекаря въ Константинополѣ не было; но была должность хартофилакса, который былъ какъ бы секретаремъ патріарха. Въ его вѣдѣніи была и патріаршая библіотека. Въ дѣяніяхъ 7-го вселенскаго собора хартофилаксъ, вѣроятно, и называется *βιβλιοφύλαξ τοῦ εὐαγοῦς πατριαρχείου*.

[11]) Въ славянскомъ текстѣ: Узкое море—переводъ греческаго *στενόν*; въ русскихъ памятникахъ - Судъ.

[12]) Вѣроятно, отсюда и произошло наименованіе Константина философомъ какъ въ славянскихъ источникахъ: въ Сборникѣ 1076 г., въ мѣсяцесловѣ Остромирова Евангелія и въ древнѣйшихъ прологахъ, такъ и въ латинскихъ, напр., у Анастасія библіотекаря въ дѣяніяхъ собора константинопольскаго 869 г., въ посланіи папы Іоанна VIII къ Святополку отъ 880 г., въ древнѣйшихъ латинскихъ легендахъ и проч.

[13]) Патріархъ Анній или Іаннесъ, по смерти императора Ѳеофила низложенный съ престола, извѣстенъ упорствомъ въ иконоборческихъ мысляхъ.

вами спорить?—Суди не по-людски, а по-Божьему,—отвѣчалъ философъ, — вѣдь ты, какъ и всѣ мы, изъ земли и души созданъ Богомъ, а потому, смотря въ землю, человѣкъ, не возносись.—Не подобаетъ осенью искать цвѣтовъ и старца гнать на войну, какъ какого-нибудь юношу,—сказалъ Анній. — Самъ говоришь противъ себя,—отвѣчалъ ему философъ,—скажи, въ какомъ возрастѣ душа сильнѣе тѣла? - Въ старости,—отвѣчалъ Анній.—На какую брань мы тебя гонимъ, на тѣлесную или на духовную?—На духовную,—отвѣчалъ Анній.—Въ такомъ случаѣ ты насъ сильнѣе,—сказалъ философъ,—а потому не говори такихъ притчъ; не безъ времени ищемъ цвѣтовъ, не безъ времени вызываемъ тебя на бой.—Посрамленный такими словами Анній на другой предметъ обратилъ бесѣду: скажи мнѣ, юноша, отчего вы не покланяетесь кресту, когда онъ разломанъ, и не лобзаете его, а иконѣ, если она и до персей только написана, не стыдитесь воздавать поклоненіе?—Крестъ имѣетъ четыре части,—отвѣчалъ философъ,—и если недостаетъ одной части его, уничтожается образъ креста, а икона лицомъ изображаетъ образъ того, по подобію котораго она написана; не лицо льва, не лицо рыси видитъ, кто на нее смотритъ, а образъ того, въ честь кого она написана.—Какимъ образомъ вы покланяетесь кресту безъ надписанія,—продолжалъ старецъ,—хотя есть и другого рода изображенія креста, а иконѣ вы не воздаете чести, если не будетъ написано имени того, кого она изображаетъ?—Всякій крестъ имѣетъ сходство съ крестомъ Христовымъ,—отвѣчалъ философъ,—а иконы не всѣ изображаютъ одинъ образъ.—Богъ говорилъ Моисею: да не сотворимъ всякаго подобія,—сказалъ старецъ,—какимъ же образомъ вы, создавая подобія, покланяетесь имъ?—Если бы Богъ сказалъ: не сотвори никакого подобія,—отвѣчалъ на это философъ,—ты былъ бы правъ; но Богъ сказалъ: не сотвори всякаго подобія, т. е. недостойнаго. Не могъ возразить на эти слова старецъ и, посрамленный, умолкъ.

Сарацинская миссія.

VI. Послѣ того агаряне, называемые сарацинами, воздвигли хулу на божество Святой Троицы, говоря: какъ вы, христіане, признавая одного Бога, дѣлаете изъ Него трехъ, утверждая, что есть Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ? Если вы можете объяснить это публично, то пришлите къ намъ такихъ людей, которые могутъ говорить объ этомъ и съ нами спорить. Философу было тогда 24 года. Императоръ, созвавъ соборъ, призвалъ его и сказалъ ему: слышишь ли, философъ, что говорятъ на нашу вѣру скверные агаряне? Ты, слуга и ученикъ Св. Троицы, ступай и вступи въ борьбу съ ними, и Богъ, совершитель всякаго дѣла, славимый въ

лаетъ Господь смерти даже и закоренѣлаго грѣшника, даруя ему спасительное покаяніе и сохраняя жизнь его, — не позволяетъ че-

---

нихъ, написаны съ цѣлями болѣе нравственнаго, чѣмъ историческаго свойства, разсѣяны на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ, принадлежатъ различнымъ славянскимъ народамъ. Порча преданій съ теченіемъ времени, національныя пристрастія авторовъ, особенныя цѣли при составленіи памятниковъ, личныя воззрѣнія, соображенія и догадки, неизбѣжныя при составленіи документовъ по преданію, —все это вліяло на историческое значеніе этихъ памятниковъ, условливало различіе показаній, противорѣчія въ извѣстіяхъ, примѣсь субъективнаго элемента къ исторической истинѣ».—Изъ всѣхъ легендарныхъ источниковъ о дѣятельности первоучителей славянскихъ, по полнотѣ заключающихся въ нихъ данныхъ и ихъ достовѣрности, первое мѣсто занимаютъ пространныя житія свв. Кирилла и Меѳодія, извѣстныя подъ именемъ Паннонскихъ. Они были открыты профессоромъ москов. духов. академіи А. В. Горскимъ, который напечаталъ извлеченіе изъ нихъ съ историко-критическимъ изслѣдованіемъ въ № 6 Москвитянина 1843 года. Въ 1865 году трудъ Горскаго былъ перепечатанъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ, изданномъ Погодинымъ. Горскій полагалъ, что оба житія были написаны въ Панноніи во время близкое къ дѣятельности первоучителей, и считалъ вѣроятнымъ, что ихъ составителемъ было одно лицо. — Послѣ изслѣдованія Горскаго особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе труды, посвященные дѣятельности славянскихъ первоучителей: 1) Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. Профессора А. Воронова.—Труды Кіевской Духовной Академіи, октябрь 1876 г., январь, апрѣль, августъ, сентябрь 1877 г. Въ этомъ сочиненіи разсматриваются дошедшіе до насъ источники, относящіеся до исторіи и апостольской дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія на языкахъ славянскомъ, греческомъ и латинскомъ, при чемъ авторъ даетъ обстоятельную оцѣнку каждаго изъ нихъ. Что касается житій, то авторъ, согласно съ Горскимъ признаетъ, что оба житія составлены однимъ лицомъ; но въ дальнѣйшемъ не раздѣляетъ мнѣнія Горскаго, полагая, что составитель житій былъ славянинъ, принадлежавшій восточной церкви и жившій не въ Панноніи, а въ Болгаріи, что онъ не былъ ученикомъ и очевидцемъ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія и житія составлены имъ не ранѣе второй четверти X в. Но самымъ любопытнымъ въ трудѣ Воронова является его мнѣніе, что первоначально житія были написаны не на славянскомъ языкѣ, а на греческомъ. Возраженія противъ этого мнѣнія представлены нами въ статьѣ при изданіи поученій Климента: „Климентъ, епископъ словѣнскій“.—Трудъ Увдольскаго съ предисловіемъ П. А. Лаврова въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос.“, 1895 г. 2) Свв. Кириллъ и Меѳодій. Профессора И. Малышевскаго.—Рѣчь произнесенная на актѣ въ кіевской духовной академіи 7 апрѣля 1885 г.—Труды Кіевской Духовной Академіи, май, іюнь, августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь 1885 г.—Это сочиненіе представляетъ самый полный обзоръ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, при чемъ слѣдуетъ отмѣтить стараніе автора возможно ближе держаться фактовъ, сообщаемыхъ пространными житіями свв. Кирилла и Меѳодія. 3) Святые Константинъ и Меѳодій, первоучители славянскіе. Рѣчь 7 апрѣля 1885 г., въ день памяти тысячелѣтія со времени кон-

ловѣческому роду отпасть отъ Него по нерадѣнію, подпасть соблазну діавола и погибнуть, и во всѣ времена и лѣта не перестаетъ творить намъ великія благодѣянія, какъ прежде, такъ и нынѣ, чрезъ посредство патріарховъ и отцовъ, пророковъ, апостоловъ и мучениковъ, праведныхъ мужей и учителей, избирая ихъ отъ многомятежной жизни сей. Ибо знаетъ Господь своихъ избранниковъ, когда говоритъ: овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю ихъ и называю ихъ по имени, и онѣ идутъ за Мной, и Я даю имъ жизнь вѣчную (Іоан. 10.27.28). Такъ и нашему поколѣнію Господь воздвигъ такого учителя, который просвѣтилъ народъ нашъ, омрачившій умъ свой слабостью, подпавшій соблазну діавольскому и не восхотѣвшій ходить въ свѣтѣ Божіихъ заповѣдей. Житіе его кратко передаетъ намъ, каковъ онъ былъ, чтобы, слушая объ его подвигахъ, желающій подражать ему почувствовалъ

чины Меѳодія, профессора моск. духов. академіи Е. Голубинскаго.—Прибавленіе къ изданію Твореній Святыхъ Отцовъ въ русскомъ переводѣ, 1885 г., часть 36, книжка III.—Что касается другихъ пособій по разнымъ вопросамъ, относящимся къ дѣятельности славянскихъ первоучителей, то особеннаго вниманія заслуживаетъ Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ въ память о совершившемся тысячелѣтіи славянской письменности и христіанства въ Россіи, изданный профессоромъ М. Погодинымъ. Москва, 1865 г.—Изъ статей, помѣщенныхъ въ немъ, кромѣ вышеупомянутаго изслѣдованія Горскаго, наиболѣе важны еще слѣдующія: Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители. Архіепископа Филарета черниговскаго;—Записка о переводѣ Евангелія на славянскій языкъ, сдѣланномъ свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. К. И. Невоструева;—Службы свв. Кириллу и Меѳодію. В. И. Григоровича;—Тѣ же службы по синодальному списку;—О древнихъ канонахъ свв. Кириллу и Меѳодію. А. В. Горскаго, и другія.—Помимо статей научнаго характера въ этой книгѣ съ интересомъ могутъ быть прочитаны рѣчи, проповѣди и газетныя статьи по случаю празднованія тысячелѣтія со времени изобрѣтенія славянской азбуки и перевода на славянскій языкъ Священнаго Писанія—11 мая 1863 г. Различные источники, относящіеся къ жизни и дѣятельности первоучителей славянскихъ, печатались неоднократно въ разныхъ ученыхъ изданіяхъ. Пространныя житія были напечатаны профессоромъ І. М. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ: Константина Философа, въ 16 спискахъ 1863. II, 1864. II, 1873. I;—Меѳодія, въ 8 спискахъ 1865. I. Тамъ же напечатано Похвальное слово свв. Кириллу и Меѳодію, въ 15 спискахъ 1855. II, 1866. II. — Похвальное слово св. Кириллу напечатано въ упомянутомъ уже Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ. Оба житія напечатаны также Шафарикомъ въ его книгѣ: Изборъ юго-славянскихъ достопамятностей. U Praze 1873. 2-е изданіе. Въ немъ Шафарикъ раздѣлилъ ихъ на главы; это раздѣленіе удержано и въ предлагаемомъ русскомъ переводѣ.

бодрость и отвергъ лѣность, помня слова апостола: подражайте мнѣ, какъ я Христу (1 Коринѳ. 4.16) [2]).

Происхожденіе Константина.

II. Въ городѣ Солунѣ жилъ одинъ человѣкъ знатнаго рода и богатый, по имени Левъ, занимавшій должность помощника военачальника [3]). Онъ былъ правовѣрующій и соблюдалъ всѣ заповѣди Божіи, подобно библейскому Іову. Богъ благословилъ супружество его, даровавъ ему семерыхъ дѣтей, изъ которыхъ младшій былъ Константинъ философъ, наставникъ и учитель нашъ. Когда мать родила его, взяла ему кормилицу, но младенецъ не хотѣлъ принимать молоко отъ чужой груди, и мать сама должна была вскормить новорожденнаго. Въ этомъ виденъ особый промыслъ Божій, чтобы дитя, вскормленное чистымъ молокомъ материнскимъ, осталось доброй отраслью добраго корня. Съ того времени благочестивые родители дали обѣтъ остаться, какъ братъ и сестра, и такъ жили о Господѣ 14 лѣтъ, пока ихъ не разлучила смерть, не нарушивъ даннаго обѣщанія. Когда отецъ Константина умиралъ, мать оплакивала отрока, говоря: ни о чемъ другомъ я такъ не забочусь, какъ объ этомъ младенцѣ, что̀ съ нимъ будетъ. Отецъ сказалъ ей на это: повѣрь мнѣ, жена, я надѣюсь, что Богъ пошлетъ ему такого отца и попечителя, который печется о всѣхъ христіанахъ, что̀ и сбылось [4]).

---

[2]) Тексты Священнаго Писанія, встрѣчающіеся въ житіяхъ, приводятся по синодальному переводу Библіи.

[3]) По объясненію Горскаго, слова житія: «предръжа санъ другареск подъ стратигомъ» означаютъ, что Левъ былъ «друнгарій подъ стратигомъ»,—это второе лицо послѣ главнаго военачальника.

Изъ сказаннаго здѣсь о происхожденіи Льва видно, что житіе не даетъ точнаго указанія на ту народность, къ которой принадлежали святые первоучители. Но это и неважно. Если они были греками, тѣмъ выше ихъ подвигъ – переводъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ и введеніе богослуженія на языкѣ славянскомъ въ тѣхъ славянскихъ земляхъ, въ которыхъ имъ суждено было проповѣдовать христіанство. Если же они были славяне, то лишь по происхожденію; что же касается ихъ культуры, то ею они всецѣло обязаны Византіи. Гораздо важнѣе ихъ происхожденіе изъ Солуня, такого города византійской имперіи, въ которомъ греки соприкасались съ славянами настолько, что должны были знать и славянскій языкъ. Близость къ славянскому населенію, по крайней мѣрѣ, въ избранныхъ натурахъ могла умѣрять надменность, какую по отношенію къ варварамъ чувствовалъ грекъ, гордый неизмѣримымъ превосходствомъ своей культуры. Этою близостью значительно объясняется самоотверженная дѣятельность святыхъ братьевъ на благо славянъ.

[4]) Такъ какъ составитель житія, говоря о смерти Константина, относитъ

Дѣтскіе годы.

III. Когда Константинъ былъ 7-ми лѣтъ, онъ видѣлъ сонъ. Мнѣ снилось,—разсказывалъ онъ отцу съ матерью,—что стратигъ собралъ всѣхъ дѣвицъ нашего города и сказалъ мнѣ: выбери себѣ изъ нихъ подругой жизни и помощницей, какую хочешь. И я, посмотрѣвъ на всѣхъ, увидѣлъ одну, превосходившую другихъ красотой лица, сіяющую и украшенную златыми монистами, бисеромъ и всякаго рода украшеніями, имя которой было Софія, т. е. премудрость; ее я и выбралъ. Выслушавъ этотъ разсказъ, родители сказали ему: сынъ, храни заповѣдь отца твоего и не отвергай наставленія матери твоей (Притчи Солом. 6.20). Ибо заповѣдь есть свѣтильникъ и наставленіе—свѣтъ (Притчи Солом. 6.23). Скажи премудрости: ты — сестра моя, и разумъ назови роднымъ твоимъ (Притчи Солом. 7.4). Премудрость свѣтитъ сильнѣе солнца, и, если ее будешь имѣть спутницей въ жизни, она тебя избавитъ отъ многаго зла. Отданный учиться, Константинъ превосходилъ успѣхами прочихъ учениковъ, удивляя всѣхъ быстротою памяти. Одинъ разъ вмѣстѣ съ другими товарищами, имѣвшими обыкновеніе забавляться ястребиною охотой, Константинъ вышелъ въ поле, взявъ своего ястреба. Онъ пустилъ его, но, волею Божіей, внезапно поднявшійся вѣтеръ унесъ его ястреба; отрокъ впалъ въ такое уныніе и печаль, что два дня ничего не ѣлъ. Милосердый Господь по своему человѣколюбію, не желая дать Константину привыкнуть къ житейскимъ удовольствіямъ, уловилъ его на охотѣ ястребомъ, какъ въ старое время Плакиду оленемъ [5]). Размышляя надъ суетой сей жизни, Константинъ горько жаловался: такова жизнь наша, что взамѣнъ мимолетной радости приноситъ долгую печаль; съ этого дня пойду лучшимъ путемъ, не буду проводить время въ треволненіяхъ жизни. И онъ оставался дома, изучая наизусть творенія Григорія Богослова, которому, начертавъ на стѣнѣ крестное

ее къ 869 году и упоминаетъ, что ему было тогда 42 года, то этимъ самымъ опредѣляется и годъ его рожденія—827.

[5]) Здѣсь разумѣется извѣстное обращеніе въ христіанство Евстаѳія Плакиды: одинъ разъ на охотѣ Плакида погнался за оленемъ и долго не могъ догнать его, пока, наконецъ, олень не перескочилъ черезъ глубокій ровъ, сдѣлавъ тѣмъ для всадника дальнѣйшее преслѣдованіе невозможнымъ. Подъѣхавшій на конѣ Плакида, взглянувъ на стоявшаго по другую сторону рва оленя, увидѣлъ между его рогами свѣтлый крестъ съ изображеніемъ распятія Христова. Изумленный Плакида услышалъ голосъ: Плакида, что ты Меня гонишь? Я Христосъ. Извѣстны Мнѣ твои благодѣянія и милостыни нищимъ, и ради этого явился Я тебѣ сейчасъ, чтобы уловить тебя Моей человѣколюбивою сѣтью.

знаменіе, написалъ такую похвалу: „О Григорій! тѣломъ человѣкъ, ангелъ душою; ты, будучи тѣломъ человѣкъ, явился ангеломъ. Уста твои, какъ уста серафимовъ, прославляютъ Бога и просвѣщаютъ вселенную толкованіемъ истинной вѣры. Услышь меня, съ вѣрою и любовію къ тебѣ прибѣгающаго, и будь моимъ просвѣтителемъ и учителемъ“. Вдумываясь въ творенія Григорія Богослова, Константинъ невсегда постигалъ глубокій смыслъ ихъ, что̀ приводило его въ великое уныніе. Случился въ это время въ Солунѣ странствующій учитель грамматики, и Константинъ, придя къ нему и припадая къ его ногамъ, умолялъ поучить его грамматическому искусству; но учитель этотъ, зарывшій свой талантъ въ землю, сказалъ ему: юноша, не трудись: я отказался кого бы то ни было учить наукѣ этой во всѣ дни моей жизни. Напрасно вторично со слезами просилъ его Константинъ, говоря: возьми всю долю моего отцовскаго наслѣдства, только научи меня. Не хотѣлъ послушать его учитель, и юношѣ оставалось снова искать утѣшенія въ молитвѣ объ исполненіи его сердечнаго желанія. И ждать пришлось недолго: Богу угодно было въ скоромъ времени исполнить волю боящагося Его. Царскій опекунъ, называемый Логоѳетъ, до котораго дошли слухи о красотѣ, мудрости и прилежныхъ занятіяхъ Константина, послалъ за нимъ, вызывая его въ Царьградъ учиться вмѣстѣ съ императоромъ [6]). Услышавъ это, отрокъ съ радостью отправился въ путь и на пути, преклонивъ колѣна, горячо молился: Боже отцовъ и Господи милости, сотворившій все словомъ Твоимъ и премудростію Твоею устроившій человѣка, чтобы онъ владычествовалъ надъ созданными Тобою тварями. Даруй мнѣ присѣдящую престолу Твоему премудрость, да разумѣю, въ чемъ воля Твоя, и спасусь я, рабъ Твой и сынъ рабы Твоей (Прем. Солом. 9.1–2; 4–5), и, окончивъ молитву Соломона, всталъ и сказалъ: аминь.

Годы ученья въ Царьградѣ.

IV. Когда Константинъ прибылъ въ Царьградъ, его отдали учиться. Въ три мѣсяца изучивъ грамматику, онъ приступилъ къ изуче-

---

[6]) Михаилу въ это время (въ 842 году) было всего только три года и, понятное дѣло, Константинъ не могъ учиться вмѣстѣ съ нимъ. Неточность этого указанія исправляется ниже, [въ слѣдующей главѣ, гдѣ идетъ рѣчь о занятіяхъ Константина и гдѣ ни слова не сказано, чтобы онъ учился съ царемъ.

Вызвавшій Константина Ѳеоктистъ Логоѳетъ былъ однимъ изъ опекуновъ малолѣтняго Михаила въ годы управленія имперіей его матери св. Ѳеодоры.

нію прочихъ наукъ. Учился Гомеру и геометріи у Льва [7]), діалектикѣ и предметамъ философскимъ у Фотія [8]); учился также и риторикѣ, ариѳметикѣ, астрономіи, музыкѣ и всѣмъ прочимъ искусствамъ эллинскимъ [9]). Всѣ эти предметы Константинъ изучилъ такъ, какъ другой на его мѣстѣ изучилъ бы лишь одинъ изъ нихъ: быстрота его способностей не уступала прилежанію, что содѣйствуетъ успѣхамъ въ изученіи наукъ и искусствъ. Онъ отличался кротостью характера, вступалъ въ бесѣду съ тѣмъ, съ кѣмъ она была полезнѣе, удалялся людей строптивыхъ, стремясь какъ бы, перемѣнивъ земное на небесное, выйти изъ оковъ тѣла и жить съ Богомъ. Увидѣвъ, что онъ за человѣкъ, Логоѳетъ далъ ему власть надъ всѣмъ домомъ своимъ и позволеніе входить въ царскій дворецъ; и спросилъ его разъ: философъ, я хотѣлъ бы знать, что такое философія? Не задумываясь, отвѣчалъ Константинъ: познаніе Божескихъ вещей и человѣческихъ, насколько можетъ человѣкъ приблизиться къ Богу и добродѣтелью уподобиться Творцу, создавшему его по Своему образу и подобію. Съ тѣхъ поръ Логоѳетъ, мужъ столь высокій и почтенный, еще болѣе полюбилъ его и разспрашивалъ о всемъ. Константинъ преподалъ ему философію, въ краткія слова влагая глубокій смыслъ. Сохраняя чистоту мысли, ведя жизнь, угодную Богу, Константинъ пріобрѣталъ всеобщую любовь. И Логоѳетъ оказывалъ ему всякую честь и нерѣдко предлагалъ много злата, отъ котораго онъ отказывался. Разъ Логоѳетъ сказалъ ему: твоя красота и мудрость внушаютъ мнѣ сильную любовь къ тебѣ. У меня есть дочь духовная, моя крестница, красивая и богатая, знатная родомъ; если хочешь, я отдамъ ее

---

[7]) Это былъ, вѣроятно, Левъ, митрополитъ солунскій, который съ возстановленіемъ иконопочитанія послѣ Ѳеофила, лишившись каѳедры, сдѣлался начальникомъ основаннаго Вардою училища въ Константинополѣ и учителемъ философіи.

[8]) Это былъ знаменитый впослѣдствіи патріархъ константинопольскій Фотій, тогда еще свѣтскій чиновникъ и молодой человѣкъ.

[9]) У придворныхъ преподавателей Константинъ выслушалъ полный тогдашній курсъ наукъ, состоявшій изъ такъ называемыхъ trivium'а и quadrivium'а; при этомъ въ грамматикѣ, которая должна быть понимаема въ болѣе обширномъ смыслѣ филологіи и къ которой онъ имѣлъ особенную природную склонность, онъ показалъ успѣхи чрезвычайно быстрые, а въ наукахъ философскихъ, которыя преподавалъ Фотій,—успѣхи столько серьезные, что прозваніе философа, съ которымъ онъ извѣстенъ, было усвоено ему еще во время ученія. (Святые Константинъ и Меѳодій, первоучители славянскіе.—Голубинскій, стр. 164).

избралъ Давида, угождающаго Ему, и родъ его.—Тогда хазаринъ продолжалъ: вы съ книгами въ рукахъ говорите всѣ притчи, а мы не такъ; но, какъ бы поглотивши всю мудрость, выносимъ изъ персей, не гордясь такъ писаніемъ, какъ вы.—На эти слова отвѣчу тебѣ такъ, сказалъ ему философъ: если ты встрѣтишь нагого человѣка и онъ тебѣ скажетъ: есть у меня много одеждъ и много золота, повѣришь ли ты, видя его нагимъ?—Сказалъ: нѣтъ.—Философъ продолжалъ: такъ и я говорю тебѣ: если ты поглотилъ всю мудрость, то скажи мнѣ, сколько родовъ отъ Адама до Моисея и сколько лѣтъ владѣлъ каждый родъ?—Не въ состояніи будучи дать отвѣтъ на это, собесѣдникъ умолкъ. Когда пришли къ кагану и стали садиться обѣдать, спросили его, обратившись къ нему: какъ намъ почтить тебя, чтобы посадить сообразно съ твоимъ саномъ?—Отвѣчалъ Константинъ: я имѣлъ дѣда великаго и славнаго, который стоялъ близко къ царю и, отвергнувъ добровольно данную ему великую честь, былъ изгнанъ, и, удалившись въ чуждую страну, обнищалъ, и тамъ меня родилъ. Я ищу эту старую дѣдову честь и не заслужилъ иной, ибо я внукъ Адамовъ.—Достойно и справедливо говоришь ты, гость, отвѣчали они; и стали относиться къ нему тѣмъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ. За обѣдомъ каганъ, взявъ чашу, сказалъ: я пью во имя единаго Бога, сотворившаго всякую тварь.—Въ отвѣтъ на это философъ, взявъ чашу, произнесъ: пью во имя единаго Бога и Его Слова, сотворившаго однимъ словомъ всякую тварь, Которымъ небеса утвердились, и животворящаго Духа, Которымъ стоитъ вся сила ихъ.—Отвѣчалъ ему каганъ: мы всѣ одинаково говоримъ о немъ, различно только Его понимаемъ. Вы славите Троицу, а мы единаго Бога, придерживаясь книгъ.—Слово и Духъ проповѣдуютъ книги, отвѣчалъ философъ: если кто тебѣ воздастъ честь, а слова твоего и духа твоего не чтитъ, а другой чтитъ и тебя, и твое слово, и твой духъ, который изъ двухъ воздастъ тебѣ бо̀льшую честь?—Тотъ, который чтитъ и меня, и мое слово, и мой духъ, отвѣчалъ каганъ.—По этому самому мы поступаемъ лучше въ отношеніи къ Богу, доказывая это дѣлами и слушая пророковъ. Ибо Исаія сказалъ: слушайте меня, Іаковъ и Израиль, призванный Мой; Я первый, Я и послѣдній, Я былъ тамъ, и нынѣ послалъ Меня Господь Богъ и Духъ Его (Исаія 48.12—16).—Тогда іудеи, стоявшіе около него, сказали ему: скажи, какъ можетъ женскій полъ вмѣстить во чревѣ Бога, на Котораго и взирать не можетъ, а тѣмъ менѣе родить Его?—Философъ, указавъ пальцемъ на кагана и на его перваго совѣтника, отвѣчалъ: если

вами спорить?—Суди не по-людски, а по-Божьему,—отвѣчалъ философъ, — вѣдь ты, какъ и всѣ мы, изъ земли и души созданъ Богомъ, а потому, смотря въ землю, человѣкъ, не возносись.—Не подобаетъ осенью искать цвѣтовъ и старца гнать на войну, какъ какого-нибудь юношу,—сказалъ Анній.—Самъ говоришь противъ себя,—отвѣчалъ ему философъ,—скажи, въ какомъ возрастѣ душа сильнѣе тѣла?—Въ старости,—отвѣчалъ Анній.—На какую брань мы тебя гонимъ, на тѣлесную или на духовную?—На духовную,—отвѣчалъ Анній.—Въ такомъ случаѣ ты насъ сильнѣе,—сказалъ философъ,—а потому не говори такихъ притчъ; не безъ времени ищемъ цвѣтовъ, не безъ времени вызываемъ тебя на бой.—Посрамленный такими словами Анній на другой предметъ обратилъ бесѣду: скажи мнѣ, юноша, отчего вы не покланяетесь кресту, когда онъ разломанъ, и не лобзаете его, а иконѣ, если она и до персей только написана, не стыдитесь воздавать поклоненіе?—Крестъ имѣетъ четыре части,—отвѣчалъ философъ,—и если недостаетъ одной части его, уничтожается образъ креста, а икона лицомъ изображаетъ образъ того, по подобію котораго она написана; не лицо льва, не лицо рыси видитъ, кто на нее смотритъ, а образъ того, въ честь кого она написана.—Какимъ образомъ вы покланяетесь кресту безъ надписанія,—продолжалъ старецъ,—хотя есть и другого рода изображенія креста, а иконѣ вы не воздаете чести, если не будетъ написано имени того, кого она изображаетъ?—Всякій крестъ имѣетъ сходство съ крестомъ Христовымъ,—отвѣчалъ философъ,—а иконы не всѣ изображаютъ одинъ образъ.—Богъ говорилъ Моисею: да не сотворимъ всякаго подобія,—сказалъ старецъ,—какимъ же образомъ вы, создавая подобія, покланяетесь имъ?—Если бы Богъ сказалъ: не сотвори никакого подобія,—отвѣчалъ на это философъ,—ты былъ бы правъ; но Богъ сказалъ: не сотвори всякаго подобія, т. е. недостойнаго. Не могъ возразить на эти слова старецъ и, посрамленный, умолкъ.

Сарацинская миссія.

VI. Послѣ того агаряне, называемые сарацинами, воздвигли хулу на божество Святой Троицы, говоря: какъ вы, христіане, признавая одного Бога, дѣлаете изъ Него трехъ, утверждая, что есть Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ? Если вы можете объяснить это публично, то пришлите къ намъ такихъ людей, которые могутъ говорить объ этомъ и съ нами спорить. Философу было тогда 24 года. Императоръ, созвавъ соборъ, призвалъ его и сказалъ ему: слышишь ли, философъ, что говорятъ на нашу вѣру скверные агаряне? Ты, слуга и ученикъ Св. Троицы, ступай и вступи въ борьбу съ ними, и Богъ, совершитель всякаго дѣла, славимый въ

Троицѣ Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ, да подастъ тебѣ благодать и силу слова и явитъ тебя другимъ Давидомъ, съ тремя камнями побѣдившимъ Голіаѳа, и да возвратитъ тебя къ намъ, сподобивъ небеснаго царствія.— Услышавъ это, Константинъ отвѣчалъ: съ радостью иду за христіанскую вѣру: что можетъ быть для меня отраднѣе въ этой жизни, какъ жить во Святой Троицѣ и умереть, исповѣдуя ее? Вмѣстѣ съ нимъ послали Георгія Асикрита. Прибывъ туда, они тотчасъ же были свидѣтелями того, какъ сарацины глумились надъ жившими въ ихъ владѣніяхъ христіанами, оскорбляя ихъ чувства. На дверяхъ христіанскихъ домовъ съ наружной стороны были написаны изображенія демоновъ. Агаряне спросили философа: понимаешь ли, философъ, что обозначаютъ эти изображенія? — Вижу изображенія демоновъ, — отвѣчалъ онъ, — и думаю, что внутри этихъ домовъ живутъ христіане, съ которыми вмѣстѣ демоны жить не могутъ и бѣгутъ вонъ. А гдѣ нѣтъ снаружи ихъ изображеній, съ тѣми они живутъ внутри.—Сидя за обѣдомъ, сарацины, гордые книжной мудростью, знавшіе геометрію, астрономію и другія науки, испытывали Константина, говоря: философъ, не дивное ли чудо видно въ томъ, что пророкъ Магометъ принесъ намъ благовѣстіе отъ Бога и обратилъ въ свою вѣру многихъ людей, и всѣ мы хранимъ данный намъ законъ, ни въ чемъ отъ него не отступая; а вы, христіане, исповѣдуете Христовъ законъ одни такъ, другіе иначе, кому какъ угодно.—Отвѣчалъ на это философъ: нашъ Богъ подобенъ морской пучинѣ. Пророкъ говоритъ о немъ: родъ Его кто исповѣсть? отъ земли вземлется животъ Его (Ис. 53.8). Въ поискахъ Его многіе входятъ въ эту пучину, и сильные умомъ, обогащая свой разумъ, переплываютъ пучину и возвращаются, а слабые — подобно людямъ, покушающимся переплыть море въ гнилыхъ корабляхъ, — одни утопаютъ, другіе же, ослабляемые лѣностью, съ трудомъ совершаютъ путь. Не таково ваше ученіе: оно легко и доступно всякому, и старому, и малому; оно не возвышается надъ людскими привычками: его всякій можетъ исполнить. И не далъ вамъ вашъ пророкъ никакой заповѣди, не удержалъ вашего гнѣва и похоти, но попустилъ имъ, — въ какую онъ пропасть тѣмъ самымъ можетъ васъ вринуть, мудрый да разумѣетъ. Не такъ Христосъ: подвигами вѣры и добродѣтели Онъ постепенно возводитъ человѣка отъ низшаго къ высшему, до полнаго совершенства. Творецъ всяческихъ между ангелами и животными сотворилъ человѣка, даромъ слова и разумомъ отдѣливъ его отъ животныхъ, а гнѣвомъ и похотью отъ ангеловъ; кто къ

чему приближается, тотъ и пріобщается или высокаго, или низкаго.— Спросили его снова: какъ единаго Бога славите, какъ трехъ, называете Его Отцомъ, Сыномъ и Духомъ? Если такъ, дайте Ему и жену, чтобы отъ Него расплодились многіе боги. — Не говорите такой безумной хулы,—отвѣчалъ на это философъ, — мы хорошо научены пророками, отцами и учителями славить Троицу, Отца, Слово и Духъ, три лица въ единомъ существѣ: Слово воплотилось въ Дѣвѣ и родилось нашего ради спасенія, какъ свидѣтельствуетъ и вашъ пророкъ Магометъ, написавъ такъ: мы послали духъ нашъ къ дѣвѣ, соизволивъ на то, чтобы она родила; его устами возвѣщаю вамъ Троицу.—Пораженные этими словами магометане обратились къ другимъ предметамъ: если это такъ, гость нашъ, какъ ты говоришь,—сказали они,—если Христосъ—Богъ вашъ, то отчего же вы не поступаете, какъ Онъ повелѣваетъ? Въ Евангеліи писано: молитесь за враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ и преслѣдующимъ васъ, обращайте ланиту біющимъ (Матѳ. 5.); но вы не такъ поступаете, а острите оружіе ваше противъ тѣхъ, которые поднимаютъ его на васъ.—Когда въ законѣ есть двѣ заповѣди,—отвѣчалъ на это философъ,—кто исполняетъ законъ: тотъ ли кто соблюдаетъ одну заповѣдь, или кто обѣ?—Конечно, тотъ, кто обѣ,—отвѣчали они. — Философъ продолжалъ: Господь сказалъ: молитесь за обижающихъ васъ (Матѳ. 5.44); но сказалъ также: нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ (Іоан. 15.13). Ради друзей мы такъ и дѣлаемъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣломъ не была плѣнена душа ихъ.—И снова спросили его: Христосъ далъ дань за Себя и другихъ; отчего же вы этого не дѣлаете? Если не хотите платить за себя, то отчего, по крайней мѣрѣ, такому великому и сильному народу, каковы измаильтяне, не даете дани за вашихъ братій и друзей; мы немного и просимъ: одну золотую монету, и, пока свѣтъ стоитъ, сохранимъ между собою миръ, не нарушая его, какъ другіе.—Отвѣчалъ философъ: если кто, имѣя учителя, желаетъ идти по его слѣдамъ и встрѣтитъ другого, который совращаетъ его, другъ или врагъ ему будетъ такой человѣкъ?—Врагъ,—отвѣчали они. — Когда Христосъ далъ дань,—сказалъ тогда философъ,—чье было царство? измаильтянское или римское?—Конечно, римское,—отвѣчали они.—Можно ли въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—ставить намъ въ вину, что мы всѣ даемъ дань римлянамъ?[14])—Послѣ этого много и другихъ во-

[14]) Римлянамъ, т. е. грекамъ. Византійскіе греки называли себя ромеями, а свою имперію – ромейскою.

просовъ предлагали ему, испытывая его знанія во всѣхъ искусствахъ, какія знали сами. И Константинъ на все давалъ имъ объясненіе, и во всемъ верхъ былъ на его сторонѣ, такъ что они сказали ему: какъ это ты все знаешь?—Отвѣчалъ философъ: одинъ человѣкъ, почерпнувъ морской воды, носилъ ее въ мѣхѣ и хвалился прохожимъ: смотрите, вотъ вода, которой нѣтъ ни у кого, кромѣ меня. Подошелъ тогда къ нему житель морскихъ береговъ и сказалъ: не стыдно ли тебѣ говорить такъ и хвастаться этимъ смердящимъ мѣхомъ, когда мы имѣемъ цѣлую пучину морскую. Такъ и вы поступаете; а отъ насъ пошли всѣ искусства [15]).—Послѣ этого повели его въ старинный садъ, въ которомъ было много рѣдкихъ растеній, и онъ имъ объяснилъ, какъ они произрастаютъ. Тогда показали ему все ихъ богатство, палаты, украшенныя золотомъ и серебромъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Смотри, философъ, какія чудеса ты видишь,—говорили они,—какъ велика сила, какъ несмѣтно богатство амерумны [16]), сарацинскаго владыки. Неудивительно это,—сказалъ Константинъ,—почесть и слава Богу, сотворившему все сіе и давшему на утѣшеніе людямъ; Ему принадлежитъ все это, а не кому-либо другому.—Услышавъ такія слова, мусульмане не могли сдержать злобы и дали ему выпить яду; но милостивый Богъ, сказавшій: если и что смертоносное выпьютъ, не повредитъ имъ (Марк. 16.18), спасъ его и возвратилъ здоровымъ въ свою землю.

VII. Спустя нѣкоторое время Константинъ отрекся отъ міра и жилъ въ уединеніи и безмолвіи, внемля себѣ одному и ничего не оставляя на завтрашній день, все раздавая нищимъ, возлагая надежду на одного Бога, Который каждый день о всѣхъ печется.

---

[15]) Въ этой притчѣ и заключительныхъ словахъ всего лучше выразилось убѣжденіе Константина въ превосходствѣ греческой культуры предъ арабской.

[16]) А. В. Горскій полагалъ, что Константинъ былъ не у самаго халифа Джафара Мотавакела (847—861), а у эмира мелитинскаго, котораго, по словамъ продолжателя Константина Порфирогенета, *Ἄμβρον ἐκάλεσαν οἱ πολλοί*. Но позднѣйшіе изслѣдователи, Голубинскій и за нимъ Малышевскій, склоняются къ мнѣнію, что Константинъ былъ у самого халифа, арабскій титулъ котораго—Эмиръ-Аль-Муменинъ (глава правовѣрныхъ)—передается по-гречески *ἀμερούμνης, ἀμερμούμνης, ἀμεραμνούνης*, а отсюда въ славянскихъ текстахъ житія: богатство много амермніино владыки срацинска (списокъ 1479 г. Бод. № XIII, амермніино Бод. № V, амавріино Бод. № I). Великое богатство, роскошнѣйшіе дворцы и необыкновенные сады, показанные Константину, ясно указываютъ не на иного кого, какъ на самого халифа.

Разъ, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, когда слуга его съ печалію говорилъ: ничего не имѣемъ въ такой великій праздникъ, сказалъ ему Константинъ: Напитавшій израильтянъ въ пустынѣ пошлетъ и намъ здѣсь пищу; ступай и позови, по крайней мѣрѣ, пять человѣкъ нищихъ и не отчаявайся въ Божіей помощи. И, когда было время обѣда, принесъ одинъ человѣкъ много разныхъ яствъ и десять золотыхъ монетъ. И воздалъ Константинъ хвалу Богу за все это. Вскорѣ онъ отправился на Олимпъ [17]) къ брату своему Меѳодію и жилъ тамъ, возсылая безпрестанно молитвы къ Богу, занимаясь однимъ лишь чтеніемъ книгъ.

Хазарская миссія.

VIII. Въ это время прибыли къ императору послы отъ хазаръ, которые говорили: мы съ незапамятныхъ временъ знаемъ единаго Бога, который надъ всѣми, и поклоняемся Ему на востокъ, сохраняя при этомъ нѣкоторые постыдные обычаи свои; евреи убѣждаютъ насъ принять ихъ вѣру, а сарацины, съ другой стороны, обѣщая намъ миръ и многіе дары, склоняютъ насъ къ своей вѣрѣ, говоря: наша вѣра лучшая, чѣмъ другихъ народовъ. Поэтому мы посылаемъ къ вамъ пословъ, храня старинную дружбу и любовь къ вамъ, ибо вы народъ великій и отъ Бога владѣете царствомъ; спрашивая вашего совѣта, просимъ прислать къ намъ человѣка книжнаго, чтобы принять вашу вѣру, если онъ одержитъ верхъ въ спорахъ съ евреями и сарацинами. Императоръ, отыскавъ философа, объяснилъ ему дѣло хазарское и сказалъ: иди, философъ, къ этимъ людямъ и бесѣдуй о св. Троицѣ съ Ея помощью: никто другой не можетъ этого достойно принять на себя.—Константинъ отвѣчалъ: если приказываешь, государь, съ радостью иду на это дѣло пѣшій, босой и безо всего, согласно заповѣди Христа своимъ ученикамъ.—Отвѣчалъ на это царь: хороши твои слова, если бы ты самъ по себѣ хотѣлъ дѣйствовать, но, какъ представитель царскій, блюдя честь государства, иди съ почетомъ и помощью царя. Константинъ тотчасъ отправился и сначала остановился въ Херсонѣ; здѣсь научился онъ еврейскому языку, перевелъ восемь частей грамматики и, благодаря этому труду, достигъ болѣе глубокаго знанія въ языкѣ еврейскомъ [18]). Жилъ въ Херсонѣ одинъ

---

[17]) Здѣсь разумѣется Олимпъ малоазійскій (на юго-востокѣ отъ Бруссы), усѣянный многими монастырями.

[18]) Горскій объ этомъ переводѣ замѣтилъ: „Неизвѣстно, съ какого и на какой языкъ и для кого". Малышевскій, напоминая при этомъ рано обнаружившійся въ Константинѣ интересъ къ изученію грамматики (сравни 3 главу житія), замѣчаетъ: „Съ тѣхъ именно поръ могъ у него сложиться навыкъ

самарянинъ, который приходилъ къ нему спорить, приносилъ и показывалъ ему книги самарянскія; философъ попросилъ у него эти книги и, затворившись у себя въ домѣ, отдался молитвѣ и, умудренный Богомъ, началъ читать книги безъ ошибки. Видя это, самарянинъ воскликнулъ: воистину вѣрующіе во Христа получаютъ благодать Святаго Духа. И крестился самъ и сынъ его. Тутъ же, въ Херсонѣ, нашелъ Константинъ евангеліе и псалтырь, написанныя русскими письменами, и человѣка нашелъ, говорившаго русскимъ языкомъ, и говорилъ съ нимъ; и, усвоивъ этотъ новый языкъ, сравнивалъ его письмена, гласныя и согласныя, съ своимъ языкомъ и скоро началъ читать на новомъ языкѣ и могъ объяснять прочитанное [19]). И дивились ему, хваля Бога. Здѣсь же, въ Херсонѣ, узнавъ, что св. Климентъ еще лежитъ въ морѣ, помолившись, Константинъ сказалъ: вѣрую въ Бога и надѣюсь на св. Климента, обрѣту его мощи и вынесу ихъ изъ моря. Онъ убѣдилъ архіепископа, и духовенство, и благочестивыхъ мужей сѣсть на корабль и отправиться на то мѣсто. Море было совершенно покойно, и пріѣхавшіе начали копать берегъ съ пѣніемъ молитвъ. И тотчасъ распространилось благоуханіе, словно отъ множества кадилъ. И вслѣдъ затѣмъ явились св. мощи; взявъ ихъ, съ великою честью и славою внесли въ городъ, какъ онъ объ этомъ пишетъ въ обрѣтеніи мощей святого [20]). Въ это время воевода хазарскій съ вой-

Обрѣтеніе мощей св. Климента.

изучать языкъ научно-грамматически, что тѣмъ болѣе должно было имѣть мѣсто при изученіи чужого языка. А что въ IX в. уже существовали еврейскія грамматики, еврейскіе лексиконы, что между учеными евреями были тогда грамматики, лексикографы, — это признается изслѣдователями еврейской литературы". — Прибавимъ къ этому, что въ древней славянской литературѣ есть одинъ грамматическій трудъ съ такимъ заглавіемъ: „Осьмь честии слова, елико глаголемь и пишемь", въ нѣкоторыхъ спискахъ приписываемый Іоанну Дамаскину: книга святаго Іоанна Дамаскина философская. О осми частехъ. Рук. Синод. библ. № 156. Переводъ этого труда на славянскій языкъ приписывается нѣкоторыми Іоанну экзарху болгарскому.

[19]) Русское евангеліе, о которомъ говорится въ этой главѣ, есть, по всей вѣроятности, готскій переводъ евангелія Ульфилы, а русскій человѣкъ, упоминаемый здѣсь, есть, вѣроятно, варяго-руссъ. Таково мнѣніе большинства ученыхъ. Объясненіе, которое предлагали Горскій и др., видѣвшіе въ этомъ извѣстіи житія вставку, теперь можно считать излишнимъ. Тексты житія дошли до насъ въ большомъ количествѣ списковъ, и всѣ списки согласны въ существенныхъ подробностяхъ.

[20]) Въ этомъ мѣстѣ житіе даетъ намъ интересное указаніе на то, что обрѣтеніе мощей св. Климента, папы римскаго, котораго Константинъ былъ главнымъ виновникомъ, было имъ описано. Въ открытомъ недавно проф. Фридрихомъ письмѣ библіотекаря Анастасія къ епископу Гавдерику это

сками осадилъ одинъ изъ близкихъ къ Херсону городковъ; узнавъ объ этомъ, философъ не полѣнился прійти къ нему и, вступивъ съ нимъ въ бесѣду и давъ ему наставленіе, настолько укротилъ его, что онъ обѣщалъ ему креститься, и удалился, не причинивъ никакого вреда христіанамъ осажденнаго городка; а Константинъ отправился въ обратный путь; и въ первый часъ [21]), за молитвою напали на него угры, завывая, какъ волки, думали убить его. Но Константинъ, окончившій службу, не устрашился ихъ и не оставилъ своей молитвы, взывая: Господи помилуй! Увидѣвъ его молящимся, по Божію повелѣнію, угры смягчились и начали кланяться ему; и, выслушавъ изъ устъ его наставленія, отпустили его вмѣстѣ со всей его дружиной.

Бесѣды съ хазарами.

IX. Сѣвъ на корабль, Константинъ отправился въ Хазарію, на Меотійское озеро (Азовское море) и къ Каспійскимъ воротамъ Кавказскихъ горъ [22]). Хазаре выслали ему навстрѣчу хитраго человѣка, который вступилъ съ нимъ въ бесѣду и сказалъ ему: дурной у васъ обычай, вы ставите вмѣсто одного царя другого изъ иного рода, а мы управляемся однимъ родомъ [23]).—Отвѣчалъ ему философъ: Богъ вмѣсто Саула, не поступавшаго Ему угодно,

---

извѣстіе житія вполнѣ подтверждается. Изъ письма Анастасія видно, что Константинъ философъ написалъ на греческомъ языкѣ три сочиненія, относящіяся къ чествованію св. Климента: 1) историческую повѣсть, 2) торжественное слово и 3) стихотворную похвалу. По мнѣнію проф. Ягича, первое сочиненіе имѣетъ въ виду данное мѣсто житія Кирилла; а со вторымъ ближе соприкасается помѣщенное въ Макарьевскихъ Четьихъ Минеяхъ подъ 23 янв.: „слово на пренесеніе мощемъ преславнаго Климента историческую бесѣду имуще". Напечатано въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ, 319—326. Еще вѣроятнѣе, что славянскій переводъ этой статьи съ греческаго въ томъ видѣ, какъ онъ до насъ дошелъ, представляетъ передѣлку, составленную изъ обоихъ названныхъ сочиненій Константина, на что указываетъ какъ заглавіе статьи, такъ и ея содержаніе. Въ первой части ея преобладаетъ историческій разсказъ, а конецъ имѣетъ характеръ похвальнаго слова. Подробности объ открытіи проф. Фридриха въ брошюрѣ И. В. Ягича: Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина Философа. С.-Петербургъ. 1893.

[21]) Здѣсь, вѣроятно, разумѣется совершеніе богослуженія перваго часа, отчего ниже и сказано: онъ уже кончилъ службу.

[22]) Слѣды пребыванія хазаръ близъ Каспійскаго моря сохранились въ наименованіи его хазарскимъ.

[23]) О томъ, что хазары жили родовымъ бытомъ, говоритъ также Іоаннъ экзархъ болгарскій въ Шестодневѣ, гдѣ сказано: и въ блъгарѣхъ испрьва роды бываютъ кнези. сынъ въ отьца мѣсто и братръ въ брата мѣсто. и козарѣхъ таковде слышимъ бывающе. Листъ 130 (долженъ быть 140) изданія Бодянскаго.

избралъ Давида, угождающаго Ему, и родъ его.—Тогда хазаринъ продолжалъ: вы съ книгами въ рукахъ говорите всѣ притчи, а мы не такъ; но, какъ бы поглотивши всю мудрость, выносимъ изъ персей, не гордясь такъ писаніемъ, какъ вы.—На эти слова отвѣчу тебѣ такъ, сказалъ ему философъ: если ты встрѣтишь нагого человѣка и онъ тебѣ скажетъ: есть у меня много одеждъ и много золота, повѣришь ли ты, видя его нагимъ?—Сказалъ: нѣтъ.—Философъ продолжалъ: такъ и я говорю тебѣ: если ты поглотилъ всю мудрость, то скажи мнѣ, сколько родовъ отъ Адама до Моисея и сколько лѣтъ владѣлъ каждый родъ?—Не въ состояніи будучи дать отвѣтъ на это, собесѣдникъ умолкъ. Когда пришли къ кагану и стали садиться обѣдать, спросили его, обратившись къ нему: какъ намъ почтить тебя, чтобы посадить сообразно съ твоимъ саномъ?—Отвѣчалъ Константинъ: я имѣлъ дѣда великаго и славнаго, который стоялъ близко къ царю и, отвергнувъ добровольно данную ему великую честь, былъ изгнанъ, и, удалившись въ чуждую страну, обнищалъ, и тамъ меня родилъ. Я ищу эту старую дѣдову честь и не заслужилъ иной, ибо я внукъ Адамовъ.—Достойно и справедливо говоришь ты, гость, отвѣчали они; и стали относиться къ нему тѣмъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ. За обѣдомъ каганъ, взявъ чашу, сказалъ: я пью во имя единаго Бога, сотворившаго всякую тварь.—Въ отвѣтъ на это философъ, взявъ чашу, произнесъ: пью во имя единаго Бога и Его Слова, сотворившаго однимъ словомъ всякую тварь, Которымъ небеса утвердились, и животворящаго Духа, Которымъ стоитъ вся сила ихъ.—Отвѣчалъ ему каганъ: мы всѣ одинаково говоримъ о немъ, различно только Его понимаемъ. Вы славите Троицу, а мы единаго Бога, придерживаясь книгъ.—Слово и Духъ проповѣдуютъ книги, отвѣчалъ философъ: если кто тебѣ воздастъ честь, а слова твоего и духа твоего не чтитъ, а другой чтитъ и тебя, и твое слово, и твой духъ, который изъ двухъ воздастъ тебѣ бо̀льшую честь?—Тотъ, который чтитъ и меня, и мое слово, и мой духъ, отвѣчалъ каганъ.—По этому самому мы поступаемъ лучше въ отношеніи къ Богу, доказывая это дѣлами и слушая пророковъ. Ибо Исаія сказалъ: слушайте меня, Іаковъ и Израиль, призванный Мой; Я первый, Я и послѣдній, Я былъ тамъ, и нынѣ послалъ Меня Господь Богъ и Духъ Его (Исаія 48.12—16).—Тогда іудеи, стоявшіе около него, сказали ему: скажи, какъ можетъ женскій полъ вмѣстить во чревѣ Бога, на Котораго и взирать не можетъ, а тѣмъ менѣе родить Его?—Философъ, указавъ пальцемъ на кагана и на его перваго совѣтника, отвѣчалъ: если

кто скажетъ, что первый совѣтникъ не можетъ угостить кагана, а послѣдній его рабъ можетъ и угостить кагана, и воздать ему честь, скажите мнѣ, какъ мы назовемъ такого человѣка: умнымъ или неразумнымъ?—Конечно, неразумнымъ, и даже очень.—А какое изъ видимыхъ твореній, продолжалъ философъ, самое совершенное?—Человѣкъ, отвѣчали ему, ибо онъ созданъ по образу Божію.—Если такъ, сказалъ философъ, то какъ громъ не убьетъ тѣхъ, которые говорятъ: Богъ не можетъ вмѣститься въ человѣка, когда Онъ и въ купину вмѣшался и въ облакъ, бурю и дымъ, являясь Моисею и Іову. Ибо какимъ образомъ можетъ болящій получить исцѣленіе отъ другого болящаго, и родъ человѣческій, пришедшій въ истлѣніе, отъ кого могъ получить обновленіе, какъ не отъ самого Творца своего. Скажите мнѣ: если врачъ хочетъ приложить пластырь болящему, приложитъ ли его къ дереву или камню и исцѣлится ли такимъ образомъ больной? И Моисей, простерши руки, въ молитвѣ сказалъ Духомъ Святымъ: въ громѣ и гласѣ трубномъ не являйся къ намъ, Господи щедрый, но вселись въ наши утробы, отнявъ наши грѣхи. Такъ говоритъ Акила [24]).—Послѣ этихъ словъ разошлись съ обѣда, назначивъ день для дальнѣйшаго собесѣдованія.

Пренія съ іудеями.

X. Снова сѣвъ съ каганомъ, философъ сказалъ: я одинъ среди васъ, безъ рода и друзей. Мы споримъ о Богѣ, въ рукахъ Котораго всяческая и сердца наши. Тѣ изъ васъ, которые сильны словомъ, когда поймутъ нашу бесѣду, пусть скажутъ: это такъ, а чего не поймутъ, пусть просятъ объясненій.—Мы придерживаемся въ писаніи не буквы, а духа, отвѣчали іудеи: скажи намъ, какой законъ Богъ далъ людямъ сначала? Моисеевъ или тотъ, который вы держите?—Потому ли спрашиваете, что держитесь перваго закона? сказалъ философъ.—Да, подобаетъ держаться перваго, отвѣчали они.—Если хотите держаться перваго закона, продолжалъ философъ, то оставьте обрѣзаніе.—Почему говоришь такъ? спросили они.—Скажите мнѣ правду, отвѣчалъ философъ, въ обрѣзаніи ли данъ первый законъ или въ необрѣзаніи?—Они отвѣчали: мы ду-

---

24) Грекъ Акила, извѣстный при императорѣ Адріанѣ, принявшій хр. крещеніе, но ставшій въ христіанствѣ сторонникомъ іудейства, или іудействующимъ христіаниномъ, перевелъ Ветхій Завѣтъ съ еврейскаго на гречесій языкъ.

Въ дошедшихъ до насъ рукописныхъ библейскихъ текстахъ, именно въ Книгахъ Царствъ, встрѣчаются ссылки на Акилу наряду съ другими переводчиками и толкователями Ветхаго Завѣта.

маемъ—въ обрѣзаніи.—Философъ сказалъ: не Ною ли Богъ далъ законъ вначалѣ, послѣ отпаденія Адама, называя законъ завѣтомъ? Ибо Онъ сказалъ ему: вотъ Я поставляю завѣтъ мой съ тобою, и съ сѣменемъ твоимъ, и со всѣмъ потомствомъ твоимъ (Быт. 9.9) въ трехъ заповѣдяхъ. И все ѣшьте, какъ и зелень травную, что есть въ поднебесной, и что на землѣ, и что въ водахъ, только плоти съ душою ея, съ кровію ея не ѣшьте; и кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человѣка (Быт. 9.3 – 4.6). Что вы скажете на это, утверждая, что держите первый законъ?—Отвѣчали ему іудеи: мы считаемъ первымъ законъ Моисеевъ, этотъ же Богъ не называлъ закономъ, а завѣтомъ, какъ и прежде заповѣдь Адаму въ раю и Аврааму обрѣзаніе. Ибо иное дѣло законъ, а иное дѣло завѣтъ. Оттого Богъ и выразилъ то и другое различными словами.—А я скажу вамъ, отвѣчалъ имъ философъ, что законъ называется завѣтомъ. Ибо сказалъ Богъ Аврааму: и будетъ завѣтъ мой на тѣлѣ вашемъ завѣтомъ вѣчнымъ. И сіе будетъ знаменіемъ завѣта между Мною и тобою (Быт. 17.11 – 13). И Онъ опять вопіетъ къ Іереміи: слушайте слова завѣта сего и скажите мужамъ Іуды и жителямъ Іерусалима; и скажите имъ: такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ: проклятъ человѣкъ, который не послушаетъ словъ завѣта сего, который Я заповѣдалъ отцамъ вашимъ, въ день, въ который вывелъ ихъ изъ земли египетской (Іерем. 11.2—4).—Іудеи отвѣчали на это: такъ и мы думаемъ, что законъ называется также завѣтомъ. И всѣ, которые держались закона Моисеева, угодили Богу. И мы, держась его, надѣемся быть угодны Богу; а вы, поставивши другой законъ, попираете законъ Божій.—И хорошо дѣлаемъ, сказалъ философъ, ибо, если бы Авраамъ не принялъ обрѣзанія, а держался завѣта Ноева, не назвался бы онъ другомъ Божіимъ. И Моисей, написавъ законъ, не соблюдалъ прежняго. Такъ и мы поступаемъ и, принявъ законъ отъ Бога, соблюдаемъ его, чтобы Божія заповѣдь пребывала твердой. Ибо, давъ законъ Ною, не сказалъ ему, что дастъ другой, но пребывающій во вѣки въ душу живу. Равнымъ образомъ, и давая обѣщаніе Аврааму, не возвѣстилъ ему, что дастъ другой законъ Моисею. Вы соблюдаете законъ. А Богъ устами Іезекіиля вопіетъ: измѣню его и дамъ вамъ другой. А Іеремія сказалъ: вотъ наступаютъ дни, говоритъ Господь, когда Я заключу съ домомъ Израиля и съ домомъ Іуды новый завѣтъ, такой завѣтъ, какой Я заключилъ съ отцами ихъ, когда взялъ ихъ за руку, чтобы вывести ихъ изъ земли египет-

ской; тотъ завѣтъ Мой они нарушали, и Я возненавидѣлъ ихъ. Но вотъ завѣтъ, который Я заключу съ домомъ Израилевымъ послѣ тѣхъ дней, говоритъ Господь: вложу законъ Мой во внутренность ихъ и на сердцахъ ихъ напишу его и буду имъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ (Iер. 31.32—33). И опять тотъ же Iеремія сказалъ: такъ говоритъ Господь: остановитесь на путяхъ вашихъ и разсмотрите и разспросите о путяхъ древнихъ, гдѣ путь добрый, и идите по нему и найдете покой душамъ вашимъ. Но они сказали: не пойдемъ. И поставилъ Я стражей надъ вами, сказавъ: слушайте звука трубы. Но они сказали: не будемъ слушать. Итакъ, слушайте народы и знай собраніе, что съ ними будетъ. Слушайте Меня: вотъ Я приведу на народъ сей пагубу, плодъ помысловъ ихъ, ибо они словъ Моихъ пророковъ не слушали и законъ мой отвергли (Iер. 6.16—19). И не только этими мѣстами могу вамъ доказать, что законъ престанетъ, но и многими другими свидѣтельствами пророковъ.—Отвѣчали ему іудеи: всякій іудей знаетъ, что будетъ такъ, но еще не пришло время Мессіи.—Къ чему говорите такъ, когда знаете, что Iерусалимъ разрушенъ и жертвы престали и все сбылось, что о васъ предсказали пророки. Малахія говоритъ: нѣтъ Моего благоволенія къ вамъ, говоритъ Господь Саваоѳъ, и приношеніе изъ рукъ вашихъ неблагоугодно Мнѣ. Ибо отъ востока солнца до запада велико будетъ имя Мое между народами, говоритъ Господь Саваоѳъ (Малах. I. 10. 11).—Они отвѣчали: слова, которыя ты говоришь, значатъ: всѣ народы будутъ благословены ради насъ и обрѣзаны въ Iерусалимѣ.—Сказалъ имъ философъ: такъ говоритъ Моисей: если будешь слушать гласа Моего и будешь исполнять все, что скажу тебѣ, проведу предѣлы твои отъ моря Чермнаго до моря Филистимскаго и отъ пустыни до рѣки Евфрата (Исх. 23. 22. 31). А мы, народы языческіе, благословимся о Томъ, о Комъ благословено сѣмя Авраама, о Исшедшемъ отъ корня Iессеева, Названномъ чаяніемъ языкъ и свѣтомъ всей земли и всѣхъ острововъ, просвѣщенные славою Божіей, независимо отъ того закона (т. е. Моисеева) и мѣста (т. е. Iерусалима). И Захарія сказалъ: ликуй отъ радости дщерь Сіона: се Царь твой грядетъ къ тебѣ кроткій, сидящій на ослицѣ и на молодомъ ослѣ, сынѣ подъяремной; и въ другомъ мѣстѣ: тогда истреблю колесницы у Ефрема и коней въ Iерусалимѣ, и сокрушенъ будетъ бранный лукъ, и Онъ возвѣститъ миръ народамъ, и владычество Его будетъ отъ моря и до моря и отъ рѣки до концовъ земли (Захар. 9. 9—10). Iаковъ сказалъ: не отойдетъ скипетръ отъ Iуды и законодатель отъ чреслъ

его, доколѣ не пріидетъ Примиритель, и Ему покорность народовъ (Бытіе 49.10). Видя все это сбывшимся и исполнившимся, кого иного ждете? Даніилъ, наученный ангеломъ, сказалъ: семьдесятъ седьминъ до Христа Владыки, то есть 490 лѣтъ, опредѣлены, чтобы запечатаны были видѣніе и пророкъ (Дан. 9.24—25). Какое, вы думаете, царство разумѣетъ Даніилъ подъ желѣзнымъ царствомъ въ образѣ (видѣнномъ Навуходоносоромъ)? — Они отвѣчали: римское.—А камень, отвергнутый отъ горы не руками, Кто есть? (Дан. 2.45),—спросилъ ихъ философъ.—Помазанный, отвѣчали они: если же, какъ ты говоришь на основаніи пророковъ и другихъ доказательствъ, Онъ уже пришелъ, то какимъ образомъ римское царство доселѣ сохраняетъ господство?—Философъ отвѣчалъ: оно уже не сохраняетъ; ибо прошло, какъ и прочія. Наше царство не римское, но Христово, какъ сказалъ пророкъ: воздвигнетъ Богъ небесный царство, которое во вѣки не разрушится, и царство это не будетъ передано другому народу; оно сокрушитъ и разрушитъ всѣ царства, а само будетъ стоять вѣчно (Дан. 2.44). Не христіанское ли царство нынѣ называется именемъ Христовымъ, и римляне поклонялись идоламъ, христіане же — то изъ одного, то изъ другого народа и племени—царствуютъ во имя Христово, какъ говоритъ, обращаясь къ вамъ, пророкъ Исаія: не оставите имя ваше избраннымъ Моимъ для проклятія; и убьетъ тебя Господь Богъ, а рабовъ Своихъ назоветъ инымъ именемъ, которымъ кто будетъ благословлять себя на землѣ, будетъ благословляться Богомъ истины; и кто будетъ клясться на землѣ, будетъ клясться Богомъ истины (Исаія 65. 15—16). Не сбылось ли всепркедсзаанное о Христѣ пророками?Такъ говоритъ Исаія объ Его рожденіи отъ Дѣвы: се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, что значитъ съ нами Богъ (Исаія 7.14). А Михей сказалъ: и ты, Виѳлеемъ, земля Іудина, ничѣмъ не меньше воеводствъ Іудиныхъ; ибо изъ тебя произойдетъ вождь, который упасетъ народъ Мой, Израиля, и котораго происхожденіе изъ начала, отъ дней вѣчныхъ. Посему Онъ оставитъ ихъ до времени, доколѣ не родитъ имѣющая родить (Мих. 5.2; св. Матѳ. 2.6). И Іеремія говоритъ: спросите и разсудите: рождаетъ ли мужчина? великъ тотъ день, не было подобнаго ему; это бѣдственное время для Іакова, но онъ будетъ спасенъ отъ него (Іер. 30.6). А Исаія сказалъ: еще не мучилась родами, а родила; прежде, нежели наступили боли ея, разрѣшилась сыномъ (Исаія 66.7).—Іудеи опять сказали: мы благословенное племя Сима, благословены отцомъ на-

шимъ Ноемъ, а вы нѣтъ.—Отвѣчалъ имъ Константинъ: благословеніе вашего отца есть не что иное, какъ слава Богу, и инымъ чѣмъ оно быть не можетъ, ибо „благословенъ Господь Богъ Симовъ“ (Быт. 9.26), сказалъ Ной, а къ Іафету, отъ котораго мы произошли, сказалъ: да распространитъ Господь Богъ Іафета, и да вселится онъ въ шатрахъ Симовыхъ (Быт. 9.27)[25]).—Итакъ объяснялъ имъ изъ пророковъ и другихъ книгъ, пока они сами не признались: все это такъ, какъ ты говоришь. И снова сказали: какъ вы, уповая на человѣка, думаете быть благословенными, а писаніе проклинаетъ такого человѣка. Въ отвѣтъ на это спросилъ ихъ философъ: Давидъ проклятъ или благословенъ?—Сказали: благословенъ. — И мы уповаемъ на Того, на Кого онъ, отвѣчалъ философъ: онъ сказалъ въ псалмахъ: человѣкъ мирный со мною, на котораго я полагался (Псал. 40.10). А этотъ человѣкъ есть Христосъ Богъ; а кто уповаетъ на простого человѣка, того и мы считаемъ проклятымъ.—Тогда іудеи предложили ему другой вопросъ: какимъ образомъ вы, христіане, отвергаете обрѣзаніе, а Христосъ не отвергалъ его, а исполнилъ, согласно закону Моисееву?—Отвѣчалъ философъ: Кто сказалъ Авравму: и поставлю завѣтъ Мой между Мною и тобою, Тотъ пришелъ и исполнилъ его. И было соблюдаемо обрѣзаніе до Мессіи, а намъ Онъ далъ крещеніе[26]). Снова спросили его іудеи: какимъ образомъ вы, покланяясь идоламъ, думаете угодить Богу?—Философъ отвѣчалъ: прежде научитесь различать имена, что значитъ икона и что значитъ идолъ. И, разсмотрѣвъ это, не нападайте на христіанъ, ибо десять значеній имѣетъ этотъ образъ въ вашемъ языкѣ. Спрошу васъ и я. Не образъ ли скиніи, которую видѣлъ на горѣ Моисей, принесъ

---

[25]) Малышевскій объясняетъ это мѣсто такъ: „Философъ, объяснивъ смыслъ Ноева благословенія, замѣтилъ, что отъ этого благословенія ничего уже не осталось у іудеевъ, но что исполнилось и исполняется надъ христіанами изъ народовъ потомства Іафета благословеніе, данное ему: да распространитъ Господь Іафета и вселится въ селенія Симовы. Это былъ намекъ на разсѣяніе и умаленіе іудеевъ, какъ народа, и на повсюдное распространеніе христіанства и возрастаніе христіанскихъ народовъ“.

[26]) Очень вѣроятно, что сокращеніе полныхъ бесѣдъ Кирилла, писанныхъ на греческомъ языкѣ, повело къ нѣкоторымъ неясностямъ изложенія въ этой главѣ житія. Слѣдующее затѣмъ мѣсто, представляющее параллель къ Толковой Палеѣ (памятникъ, въ которомъ заключается толкованіе Ветхаго Завѣта, направленное противъ іудеевъ, съ значительными вставками изъ источниковъ апокрифическихъ), опущено, такъ какъ представляетъ большое затрудненіе при переводѣ.

вамъ и не по этому ли образу построилъ скинію съ помощью искусства изъ дерева, кожи и шерсти и поставилъ въ ней изображенія херувимовъ? Если онъ такъ это сдѣлалъ, то скажемъ ли мы, что вы покланяетесь дереву, кожѣ и шерсти, а не Богу, въ то время давшему такой образъ. То же можно сказать и о храмѣ Соломона, въ которомъ были изображенія херувимовъ и ангеловъ и многія другія. Такъ и мы, христіане, создавая образы Божіихъ угодниковъ, оказываемъ имъ честь, отдѣляя доброе отъ образовъ демонскихъ. Ибо и Писаніе порицаетъ приносящихъ въ жертвы сыновей и дочерей и проповѣдуетъ гнѣвъ Божій, и то же Писаніе въ другихъ случаяхъ хвалитъ приносящихъ въ жертву сыновей и дочерей своихъ[27]). — Іудеи сказали ему: какъ вы ѣдите мясо свиней и зайцевъ и не боитесь быть противны Богу?—Отвѣчалъ имъ: первый завѣтъ повелѣвалъ: все движущееся, что живетъ, да будетъ вамъ въ пищу; какъ зелень травную, даю вамъ все (Быт. 9.9). Для чистыхъ все чисто, а для оскверненныхъ и невѣрныхъ нѣтъ ничего чистаго, но осквернены умъ и ихъ совѣсть (1 Тим. 1.15). И Богъ говоритъ въ Бытіи: все весьма хорошо, но ради вашей алчности исключилъ немногое только: и ѣлъ Іаковъ и насытился и оставилъ Бога (Второзак. 32.15); и въ другомъ мѣстѣ: сѣли люди ѣсть и пить и встали плясать.—Все, сказанное о преніяхъ, мы привели изъ обширнаго изложенія вкратцѣ ради памяти. А кто хочетъ узнать эти святыя бесѣды въ полномъ видѣ, найдетъ ихъ въ книгахъ, которыя перевелъ нашъ учитель и архіепископъ Меѳодій, братъ Константина философа, раздѣливъ ихъ на восемь частей[28]). Въ нихъ можно видѣть силу слова, поражающаго противниковъ, подобно пылающему пламени.—Каганъ хазарскій и его вельможи, выслушавъ всѣ слова его, сказали ему: ты посланъ Богомъ для нашего наставленія и знаешь писаніе, наставляемый Богомъ; ты все сказалъ намъ, какъ слѣдуетъ, и досыта усладилъ насъ, какъ медъ, сладкими словами святыхъ книгъ. Мы люди простые и вѣримъ, что все, что ты говорилъ, исходитъ отъ Бога. Но если хочешь еще болѣе успокоить души наши, объясни намъ

---

27) Это мѣсто переведено по списку житія Кирилла у Бодянскаго № 1, представляющему въ данномъ случаѣ значительное отличіе отъ списка, напечатаннаго Шафарикомъ.

28) Въ этихъ словахъ житіе сохранило намъ извѣстіе о составленіи Кирилломъ на греческомъ языкѣ изложенія преній съ іудеями и магометанами, которое на славянскій языкъ было переведено Меѳодіемъ. Ни греческій оригиналъ, ни славянскій его переводъ до насъ не дошли.

все, о чемъ мы тебя спрашиваемъ, въ притчахъ. Съ этимъ разошлись до слѣдующаго дня.

XI. Собравшись на другой день, сказали ему: докажи намъ, честной мужъ, притчами, какая вѣра лучше всѣхъ другихъ.— Отвѣчалъ имъ философъ: были двое супруговъ у одного царя въ великомъ почетѣ, очень любимы; и когда они согрѣшили, изгналъ ихъ царь изъ земли своей. Живъ много лѣтъ въ изгнаніи, они родили дѣтей въ нищетѣ. Дѣти ихъ, собираясь, совѣщались, какимъ бы путемъ вернуть имъ прежнее мѣсто; каждый изъ нихъ совѣтовалъ по своему; какому же совѣту слѣдовать, не лучшему ли?—Они сказали: чего ради ты говоришь такъ? каждый свой совѣтъ считаетъ лучшимъ; такъ и сарацины свой, а другіе другой. А ты скажи намъ, какой изъ нихъ разумъ велитъ считать лучшимъ?—Отвѣчалъ философъ: огонь изсушаетъ золото и серебро, а человѣкъ умомъ отсѣкаетъ ложь отъ истины. Скажите мнѣ, что было причиной перваго паденія? Не видѣніе ли сладкаго плода и не похотѣніе ли Божества?—Они сказали: это такъ.—Сказалъ философъ: если кто-нибудь, поѣвъ меду или напившись холодной воды, заболѣетъ, и врачъ, придя, скажетъ ему: ѣшь еще больше меда и выздоровѣешь; а тому, кто пилъ воду, скажетъ: напившись холодной воды, встань на морозѣ нагимъ, и выздоровѣешь; а другой врачъ не то скажетъ, но предпишетъ противное болѣзни лѣкарство: вмѣсто меда пей горькое и постись, а вмѣсто холоднаго пей теплое и горячее; который изъ двоихъ искуснѣе врачуетъ?—Всѣ отвѣчали: тотъ, который предписываетъ противныя болѣзни лѣкарства. Ибо горестію настоящей жизни слѣдуетъ умертвить похоть наслажденій, и смиреніемъ гордость, врачуя противное противнымъ. Такъ и дерево сначала раститъ шипъ, а потомъ приноситъ плодъ, какъ мы имѣемъ обыкновеніе говорить.—И отвѣчалъ философъ: хорошо вы сказали. Ибо законъ Христовъ являетъ остроту жизни въ Богѣ, а въ вѣчныхъ жилищахъ приноситъ плодъ сторицею.—Тогда одинъ изъ нихъ, хорошо знавшій злобу сарацинскую, спросилъ философа: скажи мнѣ, гость, отчего вы не слѣдуете Магомету? Вѣдь онъ очень похвалилъ Христа въ своихъ книгахъ, сказавъ, что отъ дѣвы, сестры Моисея, родился великій пророкъ, который и мертвыхъ воскрешалъ, и всякіе недуги исцѣлялъ высшею силою?—Отвѣчалъ ему философъ: пусть каганъ насъ разсудитъ. Скажи мнѣ: если Магометъ пророкъ, то какъ мы будемъ вѣровать Даніилу, который сказалъ: до Христа всякое видѣніе пророчества престанетъ. Какъ же можетъ быть пророкомъ

вашъ Магометъ, явившійся послѣ Христа? Если мы его назовемъ пророкомъ, то придется отвергнуть Даніила.—Многіе тогда сказали: что говорилъ Даніилъ, говорилъ Духомъ Святымъ. Что же касается Магомета, то мы всѣ знаемъ, что онъ лжетъ и пагубникъ общему спасенію, что даже лучшія изъ своихъ заблужденій онъ изрекъ на гибель и соблазнъ.—Сказалъ первый совѣтникъ пріятелямъ сарацинскимъ: съ Божіею помощью гость нашъ всю гордыню жидовскую низвергъ на землю, а вашу скверну перебросилъ на другой берегъ рѣки. И, обращаясь къ народу, прибавилъ: Богъ далъ власть надо всѣми народами царю христіанскому, ему же далъ и совершенную мудрость, такъ точно и совершенную вѣру, и помимо этой вѣры никто не можетъ достигнуть жизни вѣчной. Да будетъ вѣчная слава Богу.—Всѣ въ одинъ голосъ сказали: аминь.—Тронутый этимъ философъ со слезами сказалъ тогда, обращаясь ко всѣмъ: братья, отцы, друзья и чада, вотъ Богъ далъ разумъ на все и достойный отвѣтъ. Если есть еще кто-либо, желающій спорить, пусть придетъ, чтобы или одержать верхъ, или быть побѣжденнымъ въ спорѣ. А кто послушаетъ насъ, пусть крестится во имя Святой Троицы. Если же кто не хочетъ, то я снимаю съ себя вину за это; тотъ увидитъ (кто былъ правъ) въ день судный, когда Ветхій деньми сядетъ судить всѣ народы.—Отвѣчали они: мы не враги себѣ и отъ сего дня постепенно, кто можетъ и хочетъ, велимъ тому креститься по доброй волѣ. А кто отъ васъ на западъ кланяется, или по-жидовски молится, или сарацинскую вѣру держитъ, скоро отъ насъ смерть получитъ.—И такъ разошлись съ радостью. И крестилось ихъ до 200 человѣкъ, отвергнувъ мерзости язычества и беззаконные браки. А каганъ написалъ императору такое письмо: ты прислалъ къ намъ, государь, такого мужа, который намъ объяснилъ святость христіанской вѣры и словомъ, и дѣломъ. И убѣдившись, что эта вѣра истинна, мы повелѣли креститься добровольно, надѣясь со временемъ и сами это сдѣлать. Мы всѣ пріятели твоему царству и готовы тебѣ на службу, куда насъ ни потребуешь.—Провожая философа, каганъ предлагалъ ему многіе дары, но Константинъ не принялъ ихъ, говоря: дай мнѣ, сколько у васъ есть въ плѣну грековъ; это мнѣ лучшій даръ. И собрали до 200 плѣнныхъ и дали ихъ ему, и онъ съ радостью отправился въ обратный путь.

Проповѣдь у народа фулльскаго.

XII. Придя въ безводныя пустыни, путешественники едва могли переносить жажду. Найдя воду въ болотѣ, не могли ее пить, потому что вода была горькая, какъ желчь. Когда всѣ разошлись

искать лучшую воду, Константинъ сказалъ своему брату Меѳодію: я не могу выносить жажды, почерпни воды этой; кто израильтянамъ обратилъ горькую воду въ сладкую, тотъ и намъ даруетъ это утѣшеніе. Почерпнувъ, нашли, что вода была сладкая, какъ медъ, и холодная; пили ее и прославили Бога, посылающаго такія милости рабамъ своимъ.—Въ Херсонѣ, ужиная съ архіепископомъ, философъ сказалъ ему: отче, благослови меня, какъ бы благословилъ меня отецъ мой. И когда его спросили, почему онъ сдѣлалъ это, философъ отвѣчалъ: истину говорю, утромъ онъ оставитъ насъ и отойдетъ къ Богу. Такъ и случилось—сбылись слова его.—У народа фулльскаго [29]) былъ огромный дубъ, сросшійся съ черешней, у котораго приносили жертвы, называя его по имени: Александръ, и не позволяли женскому полу приступать къ нему и жертвамъ его. Услышавъ это, философъ не замедлилъ пойти къ нимъ и, ставъ посреди ихъ, сказалъ: если эллины пошли въ вѣчную муку, покланяясь, какъ Богу, небу и землѣ, такимъ великимъ и добрымъ созданіямъ, то какъ можете избѣжать вѣчнаго огня вы, покланяясь дереву, ничтожному творенію, всегда готовому сгорѣть въ огнѣ?—Отвѣчали они: не мы начали это дѣлать; мы это приняли отъ отцовъ нашихъ, и у этого дерева находимъ исполненіе прошеній нашихъ, чрезъ него сходитъ къ намъ дождь и многое другое. И какъ можемъ мы сдѣлать это (сжечь дерево), когда до сихъ поръ никто изъ насъ не дерзалъ этого сдѣлать. Всякій, кто дерзнетъ на это, сейчасъ же умретъ, и не видать намъ будетъ болѣе дождя до кончины.—Отвѣчалъ философъ: Господь вопіетъ, говоря: и вотъ, приду собрать всѣ народы и языки, и они придутъ и увидятъ славу Мою. И положу на нихъ знаменіе, и пошлю изъ спасенныхъ отъ нихъ къ народамъ въ Ѳарсисъ въ Пулу и Луду, къ натягивающимъ лукъ, въ Тубалу и Явану, на дальніе острова, которые не слыхали обо Мнѣ и не видѣли славы Моей; и они возвѣстятъ народамъ славу Мою" (Исаія 66.18—19). А у Іереміи сказано: вотъ Я пошлю множество рыболововъ, говоритъ Господь, и будутъ ловить ихъ; а потомъ пошлю множество охотниковъ, и они погонятъ ихъ со всякой горы, и со всякаго холма, и изъ ущелій скалъ (Іеремія 16.16). Вотъ Евангеліе Новаго Завѣта Божія, въ который вы крестились. И такъ

[29]) Вѣроятно, въ окрестностяхъ г. Филлы, въ Крыму, недалеко отъ Судака или Сурожа, упоминаемаго въ житіи Іоанна, епископа готскаго, на греческомъ языкѣ. Извѣстна и епархія фулльская, соединявшаяся иногда съ сурожскою.

сладкими словами уговорилъ ихъ и повелѣлъ имъ срубить дерево и сжечь. Поклонившись ему, старѣйшина ихъ подошелъ и поцѣловалъ святое Евангеліе; его примѣру послѣдовали и всѣ остальные. Принявъ изъ рукъ философа бѣлыя свѣчи, съ пѣніемъ направились къ дереву. Константинъ, взявъ топоръ, самъ ударилъ имъ 33 раза и велѣлъ всѣмъ рубить его, выкорчевать и сжечь. Въ ту же ночь дождь, посланный Богомъ, напоилъ землю, и съ великою радостію прославили Бога, и возвеселился о семъ Богъ.

XIII. Философъ отправился въ Царьградъ, тамъ видѣлъ императора и жилъ при церкви святыхъ апостоловъ, пребывая въ безмолвіи и молясь Богу. Была въ храмѣ святой Софіи чаша изъ драгоцѣнныхъ камней—дѣло Соломона; на ея граняхъ были еврейскія и самарянскія надписи, которыхъ никто не могъ ни прочесть, ни объяснить. Философъ, взявъ чашу, прочелъ эти надписи и далъ имъ объясненіе. На первой грани было написано: прорицай до восхода звѣзды, въ пиво буди, Господи, первенцу, бдящему ночью. На другой грани была надпись: на вкушеніе Господне сотворена древа иного; пей и упейся веселіемъ и возопи: аллилуія. На третьей грани: вотъ князь, и весь сонмъ узритъ славу его, и царь Давидъ посреди ихъ, и затѣмъ было написано число 990. Разсчитавъ время, философъ нашелъ, что отъ 12 года царства Соломонова до царства Христова прошло 990 лѣтъ. Это было прорицаніемъ о Христѣ [30]).

Призывъ въ Моравію и изобрѣтеніе славянскихъ письменъ.

XIV. Въ то время, какъ философъ радовался о Господѣ, подоспѣло другое дѣло и трудъ не меньшій прежнихъ. Ростиславъ, князь моравскій, наставляемый самимъ Богомъ, совѣщался съ зависимыми отъ него князьями моравскими и послалъ пословъ къ царю Михаилу съ такими словами: наши люди оставили язычество и приняли христіанство, но у насъ нѣтъ такого учителя, который бы намъ объяснялъ на языкѣ нашемъ христіанскую вѣру, чтобы, слѣдуя нашему примѣру, и другія страны намъ уподоблялись. Поэтому пошли намъ, государь, такого епископа и учителя: отъ васъ во всѣ страны исходитъ добрый законъ. На собранный по этому случаю соборъ царь призвалъ Константина философа и, давъ ему выслушать это дѣло, сказалъ: знаю, что ты очень утом-

---

[30]) Въ распространенномъ видѣ это сказаніе входило въ сборники различнаго содержанія. Смотри одинъ варіантъ у Срезневскаго въ Малоизвѣстныхъ памятникахъ № 40, и у Порфирьева въ книгѣ: Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, изъ Палеи № 866, стр. 240—241.

ленъ, философъ, но необходимо тебѣ идти туда. Никто, кромѣ тебя, не можетъ исполнить это дѣло.—Философъ отвѣчалъ на это: хоть я и утомленъ, и нездоровъ, иду туда съ радостію, если только они имѣютъ письмена.—Дѣдъ мой, и отецъ мой, и многіе другіе, искавши ихъ, не нашли, отвѣчалъ Константину императоръ: какъ я могу найти ихъ?—А въ такомъ случаѣ, сказалъ философъ, какъ могу я писать слова на водѣ, что̀ грозитъ навлечь на меня имя еретика?—Отвѣчалъ ему царь со своимъ дядей Вардою: если ты хочешь, можетъ тебѣ дать это Богъ, который даетъ всѣмъ просящимъ у Него безъ сомнѣнія и отверзаетъ стучащимъ.—По своему обычаю философъ удалился въ уединеніе и вмѣстѣ съ помощниками своими отдался молитвѣ. Вскорѣ Богъ услышалъ молитву рабовъ Своихъ и открылъ ему письмена [31]), и тотчасъ онъ со-

---

[31]) Призывъ славянъ моравскихъ вызвалъ Константина на двойной трудъ—изобрѣтенія славянскихъ письменъ и перевода Священнаго Писанія на славянскій языкъ.

Относительно письменъ возникаетъ вопросъ, какой изъ двухъ славянскихъ алфавитовъ, кириллица или глаголица, былъ изобрѣтенъ св. Кирилломъ. Этотъ вопросъ имѣетъ обширную литературу, но, несмотря на это, не считается вполнѣ разрѣшеннымъ. Въ послѣднее время въ наукѣ замѣтно стремленіе и глаголическій алфавитъ выводить изъ письма греческаго (скорописнаго), которое въ эпоху Кирилла было употребительно у грековъ. Но далеко не всѣ глаголическія буквы могутъ быть выведены изъ греческой скорописи. За то внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ зависимость отъ греческаго уставнаго письма кириллицы. Сказаніе о письменахъ славянскихъ черноризца Храбра, по всей вѣроятности, имѣло въ виду кириллицу.

Переводъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ справедливо считается самымъ великимъ подвигомъ славянскихъ первоучителей. Давъ славянамъ возможность слушать богослуженіе и пользоваться Священнымъ Писаніемъ на ихъ родномъ языкѣ, св. Кириллъ, какъ человѣкъ великій, возвысился надъ предразсудкомъ, который господствовалъ не только въ западной половинѣ христіанскаго міра, но и у грековъ. Есть неоспоримыя доказательства, что современные св. братьямъ греки такъ же, какъ и римляне, были склонны допускать богослуженіе лишь на языкахъ греческомъ и латинскомъ (на еврейскомъ, въ дѣйствительности, не было совершаемо богослуженіе), и до Кирилла славяне тѣхъ областей, которыя соприкасались съ Византіей, не получили богослуженія на родномъ языкѣ.

Помимо исключительной высоты нравственнаго уровня первоучителей, ихъ миссіонерская дѣятельность на востокѣ не могла не оказать благотворнаго вліянія въ данномъ случаѣ. Первоучители могли слышать совершеніе богослуженія на языкѣ арабскомъ; не говоримъ уже о томъ, что они знали о примѣненіи къ переводу Священнаго Писанія и богослуженію родного языка и другихъ народовъ востока (это видно изъ 16 главы житія Кирилла). Въ этомъ сказалось несомнѣнное преимущество ихъ принадлежности къ вос-

ставилъ славянскую азбуку и началъ писать слова Евангелія: въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Богъ было Слово, и проч. [32]). Узнавъ объ этомъ, царь обрадовался и вмѣстѣ съ совѣтниками своими прославилъ Бога. И послалъ Константина со многими дарами, написавъ Ростиславу такое посланіе: Богъ, который призываетъ всякаго человѣка прійти къ познанію истины и достигнуть высшаго совершенства, видѣвъ твою вѣру и подвигъ, сотворилъ для васъ въ наши лѣта, что бывало только въ старыя времена, явивъ буквы на языкѣ вашемъ, которыхъ у васъ не было раньше, дабы и вы причтены были къ великимъ народамъ, которые славятъ Бога своимъ языкомъ. И мы послали къ вамъ того, кому Богъ открылъ эти письмена, мужа достойнаго и благовѣрнаго, знающаго книги философа. Прими этотъ даръ, большій и

точной половинѣ церкви. Интересамъ научнымъ къ языкознанію и археологіи Кириллъ обязанъ тѣмъ, что зналъ о переводѣ Священнаго Писанія на языкъ готскій и о богослуженіи на этомъ языкѣ.

Что касается вопроса о томъ славянскомъ нарѣчіи, на которое былъ совершенъ переводъ Священнаго Писанія, то этотъ вопросъ вызываетъ въ наукѣ далеко не одинаковое рѣшеніе. Насколько можно судить по языку старѣйшихъ текстовъ Священнаго Писанія, этимъ языкомъ долженъ быть такой, который принадлежалъ къ юго-славянскимъ нарѣчіямъ. А такъ какъ св. Кириллъ и Меѳодій знали языкъ славянъ солунскихъ, и ихъ первые ученики — помощники, которыхъ они должны были взять съ собою изъ Константинополя, также могли быть только славяне изъ Македоніи или Болгаріи, то, по всей вѣроятности, на ихъ нарѣчіе и былъ сдѣланъ переводъ. Что главными сотрудниками Константина должны были быть византійскіе славяне, это должно слѣдовать и изъ того, что переводить Священное Писаніе и богослужебныя книги приходилось съ языка греческаго, а предполагать знаніе греческаго языка у моравлянъ трудно. Не слѣдуетъ опускать изъ виду еще того обстоятельства, что, если бы Константинъ и Меѳодій перевели Священное Писаніе на языкъ тѣхъ славянъ, которые ихъ призывали, то они должны были бы въ такомъ случаѣ переводить на нарѣчіе западно-славянское, такъ какъ переводъ былъ оконченъ въ Моравіи, а въ Паннонію принесенъ уже готовымъ, что странно забываютъ тѣ, которые всюду выдвигаютъ на первый планъ Паннонію. Равнымъ образомъ и переводъ Библіи трудами Меѳодія былъ совершенъ также точно въ Моравіи, а не въ Панноніи. Но всякій согласится, что въ основѣ старѣйшаго перевода лежитъ не западное славянское нарѣчіе. И только потому, что дѣятельность св. братьевъ протекла на западѣ, въ языкѣ нѣкоторыхъ изъ старшихъ текстовъ мы находимъ слѣды фонетики (въ незначительной степени) и лексическаго запаса западно-славянскихъ нарѣчій.

[32]) Этими словами начинается евангеліе недѣльное, расположенное въ порядкѣ годичнаго богослуженія, начиная съ недѣли пасхальной. Сравни въ житіи Меѳодія примѣчаніе къ гл. XV.

честнѣйшій всякаго злата и сребра, драгоцѣнныхъ камней и богатства преходящаго. При помощи его поспѣши утвердить начатое тобою дѣло и всѣмъ сердцемъ взыщи Бога. Не отринь общаго спасенія, но подвигни всѣхъ бодро идти по истинному пути, чтобы и ты, приведшій ихъ твоимъ подвигомъ къ разумѣнію Бога, принялъ свою мзду въ сей вѣкъ и будущій за души всѣхъ, хотящихъ увѣровать въ Христа Бога нашего отнынѣ и до кончины, и оставилъ, подобно великому царю Константину, о себѣ память послѣдующимъ поколѣніямъ.

Установленіе богослуженія на славянскомъ языкѣ.

XV. Когда Константинъ прибылъ въ Моравію, съ великою честью принялъ его Ростиславъ и, собравъ учениковъ, отдалъ ихъ на ученіе. Въ скоромъ времени Константинъ перевелъ весь церковный чинъ и научилъ ихъ утренѣ, часамъ, вечернѣ, повечерію и литургіи. И отверзлись, по слову пророка, уши глухихъ, и услышали слова писанія, и ясенъ сталъ языкъ косноязычныхъ. Богъ возвеселился о семъ, а діаволъ устыдился. Слово Божіе распространялось, но не потерпѣлъ этого добра завистливый искони и треклятый діаволъ, вошелъ въ сосуды свои и началъ возстановлять многихъ, говоря: не прославляется о семъ Богъ. Если бы Ему было это угодно, не могъ ли бы Онъ сдѣлать, чтобы и они издавна писали письменами и славили Бога на своемъ языкѣ? Но онъ избралъ только три языка—еврейскій, греческій и латинскій, которыми подобаетъ прославлять Бога.—Такъ говорили латинскіе архіереи, іереи и ученики ихъ. Вступивъ въ борьбу съ ними, какъ Давидъ съ иноплеменниками, Константинъ побѣдилъ ихъ словами Писанія и назвалъ ихъ треязычниками, потому что они ссылались на то, что надпись Пилата на крестѣ Христа была написана лишь на трехъ языкахъ. И не только это одно говорили они, но учили и другому безчестью, говоря, что подъ землей живутъ люди съ большими головами, и всякій гадъ есть твореніе діавола, и если кто убьетъ змѣю, тому простится девять грѣховъ; если кто убьетъ человѣка, три мѣсяца пусть пьетъ въ деревянной чашѣ и не прикасается къ стеклянной; и не возбраняли приносить жертвы по старому обычаю, не препятствовали беззаконнымъ бракамъ [33]). Всѣ эти заблужденія Константинъ посѣкъ, какъ терніе, и попалилъ огнемъ слова, говоря: принеси въ жертву Богу хвалу и воздай Всевышнему обѣты твои (Пс. 49.14). Жены юности твоей не отпусти. Если же, возненавидѣвъ, ее отпустишь, не покроетъ без-

---

33) Объ истребленіи различныхъ заблужденій у моравлянъ кратко упоминаетъ и составитель древнѣйшей легенды латинской.

весь міръ и освѣтили всю землю. Послѣ нихъ мученики своею кровію омыли скверну, а преемники святыхъ апостоловъ, крестивъ императора, многими подвигами и трудами сокрушили язычество. Честный Селиверстъ съ 318-ю отцами при помощи императора Константина, собравъ первый никейскій соборъ, побѣдилъ Арія и проклялъ его и воздвигнутую имъ на Святую Троицу ересь, уподобившись Аврааму, который съ 318-ю рабами поразилъ царя еламскаго и принялъ благословеніе и хлѣбъ съ виномъ отъ Мельхиседека, царя салимскаго, ибо онъ былъ іерей Бога Вышняго. Григорій Богословъ съ 150-ю отцами и съ императоромъ Өеодосіемъ великимъ въ Царьградѣ подтвердилъ святой символъ, т. е. Вѣрую во единаго Бога. На этомъ соборѣ, отлучивъ отъ церкви Македонія, прокляли его и хульное ученіе его, которое онъ говорилъ противъ святаго Духа. Целестинъ и Кириллъ съ двумя-стами отцовъ и императоромъ Өеодосіемъ малымъ въ Ефесѣ ниспровергли заблужденія Несторія. Левъ и Анатолій съ правовѣрнымъ императоромъ Маркіаномъ съ 630 отцами въ Халкидонѣ прокляли безумное заблужденіе Евтихія. Вигилій съ богоугоднымъ Іустиномъ и съ 165 отцами, собравъ пятый соборъ и разсмотрѣвъ современныя ему лжеученія, ихъ осудили [1]). Агаөонъ и папа римскій съ 170-ю отцами, съ честнымъ императоромъ Константиномъ на шестомъ соборѣ пресѣкли многія смуты и, осудивъ на изгнаніе, прокляли Өеодора фараньскаго, Севира и Пирона, Кира александрійскаго, Гонорія римскаго, Макарія антіохійскаго и прочихъ сообщниковъ ихъ, а христіанскую вѣру, на истинѣ поставивъ, утвердили [2]).

Происхожденіе Меөодія.

II. Вслѣдъ за всѣми этими милостивый Богъ, который желаетъ, чтобы всякій человѣкъ былъ спасенъ и пришелъ къ познанію истины, въ наше время ради народа нашего, о которомъ никто никогда не позаботился, воздвигъ на служеніе нашего учителя, блаженнаго Меөодія, котораго подвиги и добрыя дѣла не стыдно сравнить съ такими же этихъ угодниковъ. Ибо однимъ онъ былъ

---

[1]) Лица лжеучителей не указаны въ житіи.

[2]) На томъ основаніи, что, упоминая о вселенскихъ соборахъ, авторъ житія ставитъ впереди имя папъ и при перечисленіи соборовъ упоминаетъ только о шести, между тѣмъ какъ Константинъ и Меөодій жили и дѣйствовали послѣ седьмого вселенскаго собора, А. В. Горскій думалъ, что житіе Меөодія было составлено въ странѣ, признававшей церковную зависимость отъ римскаго престола. Но профессоръ Вороновъ указалъ, что и у византійскихъ писателей IX вѣка соблюдается такой же точно порядокъ: у Амартола, Өеофана и даже у Фотія; а седьмой вселенскій соборъ не сразу былъ признанъ и церковію восточною.

ихъ примѣръ васъ не убѣждаетъ, да судятъ васъ слова Писанія. Не вопіетъ ли Давидъ, говоря: воспойте Господу вся земля, воспойте Господу пѣснь новую; и опять: воскликните Богу вся земля (Пс. 65.1). Пойте и возвеселитесь и воспойте. И въ другомъ псалмѣ: вся земля да поклонится Тебѣ и поетъ Тебѣ, да поетъ имени Твоему вышній (Пс. 116.1). И опять: хвалите Господа всѣ народы, хвалите Его всѣ люди, всякое дыханіе да хвалитъ Господа (Пс. 150). Такъ и въ Евангеліи самъ Господь говоритъ: тѣмъ, которые приняли Его, далъ власть быть чадами Божіими (Іоан. 1.12). И въ другомъ мѣстѣ: не о нихъ же только молю, но и о вѣрующихъ въ меня по слову ихъ, да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ (Іоан. 17.20.21). И въ Евангеліи отъ Матѳея: дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ. Итакъ, идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ; и се Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка. Аминь (Матѳ. 28.18.20). И въ Евангеліи отъ Марка: идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари. Кто будетъ вѣровать и крестится, спасенъ будетъ, а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ. Увѣровавшихъ же будутъ сопровождать сіи знаменія: именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ, будутъ говорить новыми языками (Марк. 16.15.17). Говоритъ и вамъ, учителямъ, законъ: горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете царство небесное человѣкамъ; ибо сами не входите и хотящихъ войти не допускаете (Матѳ. 23.13). Въ Евангеліи отъ Луки: горе вамъ, законникамъ, что вы взяли ключъ разумѣнія, сами не вошли и входящимъ воспрепятствовали (Лук. 11.52). И апостолъ Павелъ въ посланіи къ коринѳянамъ сказалъ: желаю, чтобы вы всѣ говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали; ибо пророчествующій превосходнѣе того, кто говоритъ языками, развѣ онъ при томъ будетъ и изъяснять, чтобы церковь получила назиданіе. Теперь, если я приду къ вамъ, братія, и стану говорить на незнакомыхъ языкахъ, то какую принесу вамъ пользу, когда не изъяснюсь вамъ или откровеніемъ, или

тяне, индійцы, персы и еѳіопляне и многіе другіе народы, переложивши на свой языкъ его ученіе, научились любомудрствовать, хотя и варвары.—Въ большинствѣ списковъ читается *турси*, въ нѣкоторыхъ *турци*. Шафарикъ предполагаетъ, не возникло ли *готѳи, обри, турьси* изъ первоначальнаго: *готѳи ти руси (ръси?)*, считая русскихъ, упоминаемыхъ въ главѣ VIII, не славянорусcами, а варяго-руссами въ Тавріи. Или, быть можетъ, разумѣются турсилинги?

познаніемъ, или пророчествомъ, или ученіемъ? И бездушныя вещи, издающія звукъ, свирѣль или гусли, если не производятъ раздѣльныхъ тоновъ, какъ распознать то, что играютъ на свирѣли или на гусляхъ? И если труба будетъ давать неопредѣленный звукъ, кто станетъ готовиться къ сраженію? Такъ, если и вы языкомъ произносите невразумительныя слова, то какъ узнаютъ, что̀ вы говорите? Вы будете говорить на вѣтеръ. Сколько, напримѣръ, различныхъ словъ въ мірѣ, и ни одного изъ нихъ нѣтъ безъ значенія. Но если я не разумѣю значенія словъ, то я для говорящаго чужестранецъ, и говорящій для меня чужестранецъ. Такъ и вы, ревнуя о дарахъ духовныхъ, старайтесь обогатиться ими къ назиданію церкви. А потому, говорящій на незнакомомъ языкѣ, молись о дарѣ истолкованія. Ибо, когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, то, хотя духъ мой и молится, но умъ мой остается безъ плода. Что же дѣлать? Стану молиться духомъ, стану молиться и умомъ; буду пѣть духомъ, буду пѣть и умомъ. Ибо, если ты будешь благословлять духомъ, то стоящій на мѣстѣ простолюдина какъ скажетъ: аминь, при твоемъ благодареніи? Ибо онъ не понимаетъ, что̀ ты говоришь. Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается. Благодарю Бога моего, я болѣе всѣхъ васъ говорю языками; но въ церкви хочу лучше пять словъ сказать умомъ моимъ, чтобъ и другихъ наставить, нежели тьму словъ на незнакомомъ языкѣ. Братія! не будьте дѣти умомъ: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолѣтни. Въ законѣ написано: иными языками и иными устами буду говорить народу сему; но и тогда не послушаютъ Меня, говоритъ Господь (Исаіи 28.11.12). Итакъ, языки суть знаменія не для вѣрующихъ, а для невѣрующихъ; пророчество же не для невѣрующихъ, а для вѣрующихъ. Если вся церковь сойдется вмѣстѣ, и всѣ станутъ говорить незнакомыми языками, и войдутъ къ вамъ незнающіе или невѣрующіе, то не скажутъ ли, что вы бѣснуетесь? Но когда всѣ пророчествуютъ и войдетъ кто невѣрующій или незнающій, то онъ всѣми обличается, всѣми судится. И такимъ образомъ, тайны сердца его обнаруживаются, и онъ падетъ ницъ, поклонится Богу и скажетъ: истинно съ вами Богъ! Итакъ, что же, братія? Когда вы сходитесь, и у каждаго изъ васъ есть псаломъ, есть поученіе, есть языкъ, есть откровеніе, есть истолкованіе: все сіе да будетъ къ назиданію. Если кто говоритъ на незнакомомъ языкѣ, говорите двое или, много, трое, и то порознь, а одинъ изъясняй. Если же не будетъ истолкователя, то молчи въ церкви, а говори себѣ и Богу. И пророки пусть говорятъ двое или трое, а прочіе пусть

разсуждають. Если же другому изъ сидящихъ будетъ откровеніе, то первый молчи. Ибо всѣ одинъ за другимъ можете пророчествовать, чтобы всѣмъ поучаться и всѣмъ получать утѣшеніе. И духи пророческіе послушны пророкамъ; потому что Богъ не есть Богъ неустройства, но мира. Такъ бываетъ во всѣхъ церквахъ у святыхъ. Жены ваши въ церквахъ да молчатъ; ибо не позволено имъ говорить, а быть въ подчиненіи, какъ и законъ говоритъ (Быт. 3.16). Если же онѣ хотятъ чему научиться, пусть спрашиваютъ о томъ дома у мужей своихъ; ибо неприлично женѣ говорить въ церкви. Развѣ отъ васъ вышло слово Божіе? Или до васъ однихъ достигло? Если кто почитаетъ себя пророкомъ или духовнымъ, тотъ да разумѣетъ, что я пишу вамъ; ибо это заповѣди Господни. А кто не разумѣетъ, пусть не разумѣетъ. Итакъ, братія, ревнуйте о томъ, чтобы пророчествовать; но не запрещайте говорить и языками. Только все должно быть благопристойно и чинно (1 Коринѳ. 14.5—40). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: и всякій языкъ исповѣдалъ, что Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца (Филип. 2.11).—Такими словами и многими другими посрамилъ ихъ и, оставивъ ихъ, удалился.

Встрѣча въ Римѣ папой Адріаномъ II. Пребываніе въ Римѣ.

XVII. Узнавъ о немъ, римскій папа послалъ за нимъ. И когда пришелъ въ Римъ, самъ папа Адріанъ вышелъ къ нему навстрѣчу со всѣми гражданами со свѣчами, потому что онъ несъ съ собой мощи св. Климента, мученика и папы римскаго. И Богъ тотчасъ сотворилъ славныя чудеса: человѣкъ разслабленный исцѣлѣлъ, и многіе другіе исцѣлились отъ различныхъ недуговъ; равнымъ образомъ и плѣнники, призвавшіе имя Христа и святого Климента, избавились отъ плѣна. Принявъ славянскія книги, папа положилъ ихъ въ церкви св. Маріи, что въ ясляхъ [35]), и пѣли надъ ними святую литургію. Послѣ того папа повелѣлъ двумъ епископамъ Формозу и Гавдерику посвятить славянскихъ учениковъ. И когда они были посвящены, тотчасъ пѣли литургію въ церкви св. апостола Петра на славянскомъ языкѣ, а на другой день въ церкви св. Петронилы, а на третій день въ церкви св. Андрея, а потомъ опять въ церкви великаго учителя вселенскаго Павла апостола. И всенощную пѣли на славянскомъ языкѣ, а на утро литургію надъ его святымъ гробомъ вмѣстѣ съ Арсеніемъ, однимъ изъ семи епископовъ, и Анастасіемъ библіотекаремъ [36]). Философъ съ учениками

---

[35]) Здѣсь разумѣется церковь Sanctae Mariae ad praesepe.

[36]) Формозъ, епископъ портуанскій, Анастасій библіотекарь и Арсеній, епископъ ортинскій, могли быть въ Римѣ въ 868 г., когда сюда прибыли

своими не переставалъ возсылать хвалу Богу за все это. Римляне же постоянно приходили къ нему и обо всемъ его разспрашивали и получали отъ него неоднократныя объясненія. Приходилъ къ нему и одинъ іудей и спорилъ съ нимъ, и одинъ разъ ему сказалъ: еще не пришелъ Христосъ по счисленію лѣтъ, о которомъ пророки говорятъ, что Онъ долженъ родиться отъ Дѣвы. Философъ же, сочтя всѣ годы отъ Адама по родамъ, объяснилъ ему съ очевидностью, что уже пришелъ и столько лѣтъ прошло съ того времени до нынѣ, и, вразумивъ, отпустилъ его.

Болѣзнь и кончина св. Кирилла.

XVIII. Въ Римѣ Константина постигли немалые труды, такъ что онъ заболѣлъ и, долго терпя недугъ, увидѣлъ разъ Бога въ видѣніи и началъ пѣть такъ: о рекшихъ мнѣ „войдемъ въ домъ Господень“ возвеселился духъ мой и сердце возрадовалось. И, облекшись въ честныя ризы, пребылъ такъ цѣлый день, радуясь и говоря: отнынѣ я не слуга ни царю, ни кому-либо иному на землѣ, но только Богу Вседержителю. Я не былъ, и сталъ, и есмь во вѣки. Аминь. На другой день принялъ святую схиму, пріобщивъ свѣтъ къ свѣту, и назвался Кирилломъ. И пробылъ въ схимѣ 50 дней, и, когда приблизился часъ его преставленія въ вѣчныя жилища, поднявъ руки, со слезами молился Богу такими словами: Господи, Боже мой, Ты, Который сотворилъ ангельскіе чины и безплотныя силы, протянулъ небо и основалъ землю и все сущее призвалъ отъ небытія къ бытію; Ты, всегда слушающій исполняющихъ волю Твою, боящихся Тебя и хранящихъ заповѣди Твои, услышь мою молитву, и вѣрное Твое стадо, къ которому приставилъ меня, неключимаго и недостойнаго раба Твоего, сохрани, избави его отъ безбожной злобы язычниковъ, говорящихъ на Тебя хулу, погуби треязычную ересь и возрасти Твою церковь множествомъ и соедини всѣхъ во единодушіи и сотвори изрядныхъ людей, единомыслящихъ о вѣрѣ Твоей и правомъ исповѣданіи, вдохни въ сердца ихъ слова Твоего ученія. Они Твой даръ, и если Ты принялъ насъ, недостойныхъ про-

---

Константинъ и Меѳодій. Ранѣе, въ 867 г., тамъ не было Формоза, посланнаго въ концѣ 866 г. папою Николаемъ въ Болгарію для удержанія ея за римскимъ престоломъ. Въ концѣ 869 года изъ Рима выѣхалъ Анастасій, посланный въ Константинополь. Этими объясненіями А. В. Горскаго, подробно изложенными въ его изслѣдованіи, подтверждается точность показаній житія.

Анастасій библіотекарь, извѣстный ученостью, близко познакомившись съ Константиномъ, называетъ его въ предисловіи къ собору 869 г. и въ письмѣ къ Карлу Лысому человѣкомъ великимъ, благочестивымъ, высокимъ учителемъ. Гавдерикъ, епископъ велитерискій, со вступленіемъ на престолъ папы Адріана былъ возвращенъ изъ ссылки.

повѣданія Евангелія Христа Твоего, острящихся на дѣла благія и творящихъ Тебѣ угодное, то, что Ты мнѣ далъ, какъ Твое, Тебѣ предаю. Устрой его сильною Твоею десницей и покрой кровомъ крылъ Твоихъ, да всѣ восхвалятъ и прославятъ имя Твое, Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь.—Всѣхъ облобызавъ святымъ цѣлованіемъ, сказалъ: благословенъ Богъ нашъ, Который не далъ насъ уловить зубамъ невидимыхъ враговъ нашихъ, но сокрушилъ ихъ сѣть и избавилъ насъ отъ истлѣнія.—И такъ почилъ о Господѣ 42 лѣтъ, въ 14-й день февраля второго индикта въ лѣто отъ сотворенія міра 6377 (869 г.). И повелѣлъ папа всѣмъ грекамъ, бывшимъ въ Римѣ, а также и римлянамъ, собравшись со свѣчами, пѣть надъ нимъ. И сотворили ему проводы, какъ самому папѣ. Тогда братъ его Меѳодій обратился съ такой просьбой къ папѣ: мать обязала насъ клятвой, чтобы того, кто изъ насъ умретъ первый, другой братъ перенесъ въ свой монастырь и въ немъ предалъ погребенію.—И папа повелѣлъ вложить его въ раку и забить желѣзными гвоздями. И такъ оставалось тѣло семь дней въ ожиданіи пути. Но епископы римскіе сказали папѣ: если его, странствовавшаго во многихъ земляхъ, Богъ привелъ сюда и взялъ его душу, то здѣсь и слѣдуетъ ему быть погребеннымъ, какъ достойному почтенія мужу.—И сказалъ папа: ради святости его, отступая отъ римскаго обычая, погребу его въ моемъ гробѣ, въ церкви святого апостола Петра.—На это возразилъ Меѳодій: если вы меня не послушали и не отдали его мнѣ, то пусть положатъ его, если это вамъ угодно, въ церкви святого Климента, съ мощами котораго онъ пришелъ сюда.—Такъ и повелѣлъ сдѣлать папа. И снова собрались епископы со всѣмъ народомъ, желая отдать ему послѣдній долгъ; и когда хотѣли положить его на мѣсто, епископы сказали: откройте раку, посмотримъ, цѣлъ ли онъ, не взято ли что у него. И, трудившись много, не могли открыть раку, по Божію повелѣнію. Итакъ, съ ракою положили въ гробъ на правой сторонѣ алтаря, въ церкви святого Климента, гдѣ начали совершаться многія чудеса, видя которыя, римляне еще болѣе прониклись почитаніемъ къ нему и, написавъ икону надъ гробомъ его, начали совершать надъ нимъ службы день и ночь, воздавая хвалу Богу, прославляющему такъ тѣхъ, которые Его славятъ. Тому слава и честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ, амин.

Анастасій упоминаетъ, что Константинъ объяснялъ на этихъ бесѣдахъ творенія Діонисія Ареопагита, переводомъ которыхъ на латинскій языкъ занимался самъ Анастасій.

2. Житіе св. Меѳодія.

Мѣсяца апрѣля въ шестый день память и житіе блаженнаго отца нашего и учителя Меѳодія, архіепископа моравскаго.

Благослови отче.

Вступленіе. I. Богъ благій и всемогущій сотворилъ изъ небытія въ бытіе все существующее, видимое и невидимое, и украсилъ всякою красотою, размышляя надъ которою, человѣкъ лишь отчасти можетъ уразумѣть и познать Того, Который сотворилъ столь многія и дивныя творенія. Ибо изъ величія и красоты произведеній составляется понятіе и о Творцѣ ихъ, Котораго ангелы воспѣваютъ тресвятымъ гласомъ и всѣ правовѣрные славятъ во Святой Троицѣ, т. е. въ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, въ трехъ ипостасяхъ, т. е. въ лицахъ, но въ единомъ Божествѣ. Прежде всякаго времени свыше всякаго пониманія Отецъ родилъ Сына, по словамъ Премудрости: прежде всѣхъ горъ раждаетъ меня. И въ Евангеліи само Божіе Слово, воплотившееся въ послѣднія лѣта нашего ради спасенія, сказало, пречистыми устами: Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ (Іоан. 14.11). Отъ Того же Отца исходитъ и Святый Духъ, какъ сказалъ самъ Сынъ Божіимъ гласомъ: Духъ истинный, Который отъ Отца исходитъ (Іоан. 15.26). Этотъ Богъ создалъ всякую тварь, какъ говоритъ Давидъ: словомъ Господа сотворены небеса и духомъ устъ Его все воинство ихъ (Пс. 32.6). Ибо Онъ сказалъ—и сдѣлалось; Онъ повелѣлъ—и явилось (Пс. 32.10). Прежде всего Онъ сотворилъ человѣка, взявъ отъ земли глину и вдунувъ отъ Себя душу животворящимъ дуновеніемъ, и одарилъ его разумомъ и свободною волею, да войдетъ въ рай. И, чтобы испытать его, далъ ему заповѣдь, сказавъ, что—если сохранитъ ее, будетъ безсмертенъ, если же преступитъ, смертію умретъ по своей волѣ, а не по Божію велѣнію. Тогда діаволъ, увидѣвъ человѣка столь почтеннымъ и поощряемымъ занять то мѣсто, съ котораго онъ ниспалъ чрезъ свою гордыню, склонилъ его преступить заповѣдь, и человѣкъ былъ изгнанъ изъ рая и осужденъ на смерть. Съ тѣхъ поръ діаволъ не переставалъ учить и разными кознями соблазнять человѣческій родъ. Но Богъ по великой милости и любви не оставилъ окончательно человѣка, но во всѣ времена и лѣта избиралъ мужей, видя добрыя дѣла и подвиги которыхъ, люди могли бы имъ упо-

добляться и стремиться къ добру. Таковъ былъ Еносъ, который первый сталъ призывать имя Господне. За нимъ Енохъ, угодивъ Богу, преставился. Ной оказался праведнымъ въ своемъ родѣ и спасся отъ потопа въ ковчегѣ, чтобы снова земля исполнилась твари Божіей и украсилась. По раздѣленіи народовъ Авраамъ познaлъ Бога, когда всѣ впали въ заблужденіе, и назвался другомъ Божіимъ, получивъ обѣтованіе: въ сѣмени твоемъ благословятся всѣ народы. Прообразуя Христа, Исаакъ возведенъ былъ на гору въ жертву Богу. Іаковъ погубилъ идолы тестя (Быт. 35.2.4) и видѣлъ лѣствицу отъ земли до неба и ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ по ней, и, благословляя сыновей своихъ, пророчествовалъ о Христѣ. Іосифъ въ Египтѣ прокормилъ людей (во время голода), явившись угоднымъ Богу. Іовъ авситидійскій, человѣкъ праведный и непорочный, какъ пишутъ книги, претерпѣвъ посланное ему искушеніе, былъ благословенъ Господомъ. Моисей съ Аарономъ въ іереяхъ Божіихъ назвался Богомъ фараона (Исх. 7.1), навелъ казнь на египтянъ и вывелъ изъ Египта людей Божіихъ съ помощью свѣтлаго облака днемъ и огненнаго столпа ночью; раздѣлилъ море и прошелъ по суху, потопивъ египтянъ; въ безводной пустынѣ напоилъ людей водою и насытилъ ангельскимъ хлѣбомъ и птицами; говоривъ лицомъ къ лицу съ Богомъ, насколько возможно человѣку говорить съ Богомъ, далъ людямъ законъ, Божіимъ перстомъ написанный. Іисусъ Навинъ раздѣлилъ людямъ Божіимъ обѣтованную землю, одолѣвъ враговъ. Судьи также одержали много побѣдъ. Самуилъ, снискавъ милость Божію, помазалъ и поставилъ царя словомъ Господнимъ. Давидъ съ кротостію управлялъ народомъ и научилъ псалмамъ. Соломонъ, всѣхъ людей превосходившій отъ Бога дарованной ему премудростію, оставилъ много наставленій въ притчахъ, хотя самъ и не исполнилъ ихъ. Илія голодомъ обличилъ злобу человѣческую; воскресилъ мертваго отрока; словомъ низвелъ огонь съ неба, и сжегъ имъ жертвы, и избилъ мерзкихъ жрецовъ (Ваала); и взошелъ на небо на огненной колесницѣ и коняхъ, даровавъ ученику сугубый духъ пророчества. Елисей, получивъ плащъ Иліи, сотворилъ сугубыя чудеса. Прочіе пророки каждый въ свое время пророчествовали о дивныхъ событіяхъ, которыя должны были произойти. Послѣ нихъ великій Іоаннъ, ходатай между Ветхимъ Завѣтомъ и Новымъ, былъ крестителемъ Христа, свидѣтельствовалъ о Немъ и проповѣдалъ Его живымъ и мертвымъ. Святые апостолы Петръ и Павелъ съ прочими учениками Христа, подобно молніи, обошли

весь міръ и освѣтили всю землю. Послѣ нихъ мученики своею кровію омыли скверну, а преемники святыхъ апостоловъ, крестивъ императора, многими подвигами и трудами сокрушили язычество. Честный [Селиверстъ съ 318-ю отцами при помощи императора Константина, собравъ первый никейскій соборъ, побѣдилъ Арія и проклялъ его и воздвигнутую имъ на Святую Троицу ересь, уподобившись Аврааму, который съ 318-ю рабами поразилъ царя еламскаго и принялъ благословеніе и хлѣбъ съ виномъ отъ Мельхиседека, царя салимскаго, ибо онъ былъ іерей Бога Вышняго. Григорій Богословъ съ 150-ю отцами и съ императоромъ Θеодосіемъ великимъ въ Царьградѣ подтвердилъ святой символъ, т. е. Вѣрую во единаго Бога. На этомъ соборѣ, отлучивъ отъ церкви Македонія, прокляли его и хульное ученіе его, которое онъ говорилъ противъ святаго Духа. Целестинъ и Кириллъ съ двумя-стами отцовъ и императоромъ Θеодосіемъ малымъ въ Ефесѣ ниспровергли заблужденія Несторія. Левъ и Анатолій съ правовѣрнымъ императоромъ Маркіаномъ съ 630 отцами въ Халкидонѣ прокляли безумное заблужденіе Евтихія. Вигилій съ богоугоднымъ Іустиномъ и съ 165 отцами, собравъ пятый соборъ и разсмотрѣвъ современныя ему лжеученія, ихъ осудили [1]). Агаθонъ и папа римскій съ 170-ю отцами, съ честнымъ императоромъ Константиномъ на шестомъ соборѣ пресѣкли многія смуты и, осудивъ на изгнаніе, прокляли Θеодора фараньскаго, Севира и Пирона, Кира александрійскаго, Гонорія римскаго, Макарія антіохійскаго и прочихъ сообщниковъ ихъ, а христіанскую вѣру, на истинѣ поставивъ, утвердили [2]).

Происхожденіе Меθодія.

II. Вслѣдъ за всѣми этими милостивый Богъ, который желаетъ, чтобы всякій человѣкъ былъ спасенъ и пришелъ къ познанію истины, въ наше время ради народа нашего, о которомъ никто никогда не позаботился, воздвигъ на служеніе нашего учителя, блаженнаго Меθодія, котораго подвиги и добрыя дѣла не стыдно сравнить съ такими же этихъ угодниковъ. Ибо однимъ онъ былъ

---

[1]) Лица лжеучителей не указаны въ житіи.

[2]) На томъ основаніи, что, упоминая о вселенскихъ соборахъ, авторъ житія ставитъ впереди имя папъ и при перечисленіи соборовъ упоминаетъ только о шести, между тѣмъ какъ Константинъ и Меθодій жили и дѣйствовали послѣ седьмого вселенскаго собора, А. В. Горскій думалъ, что житіе Меθодія было составлено въ странѣ, признававшей церковную зависимость отъ римскаго престола. Но профессоръ Вороновъ указалъ, что и у византійскихъ писателей IX вѣка соблюдается такой же точно порядокъ: у Амартола, Θеофана и даже у Фотія; а седьмой вселенскій соборъ не сразу былъ признанъ и церковію восточною.

равенъ, другимъ уступалъ немногимъ, а нѣкоторыхъ превосходилъ: отличавшихся даромъ слова подвигами, а подвижниковъ словомъ. Всѣмъ избранникамъ Божіимъ уподобляясь, онъ отражалъ въ себѣ всѣ ихъ черты, обнаруживая страхъ Божій, соблюденіе заповѣдей, чистоту плоти, неусыпность молитвъ, святость, силу и мягкость слова, силу — на враговъ, мягкость — на принимающихъ вразумленіе, гнѣвъ, крѣпость, милосердіе, любовь, страсть и терпѣніе—(однимъ словомъ) былъ все для всѣхъ, чтобы все пріобрѣсти (1 Коринѳ. 9.22). И рода былъ съ той и другой стороны не низкаго, а весьма добраго и честнаго, угоднаго Богу и извѣстнаго императору и всей странѣ солунской, что̀ было видно и по самой его наружности. Поэтому и греки любили его съ дѣтства и часто вступали съ нимъ въ бесѣду, а, наконецъ, и самъ императоръ, узнавъ его рѣдкія способности, далъ ему во владѣніе славянское княжество—для того, прибавлю отъ себя, чтобы онъ могъ изучить всѣ обычаи славянскіе и мало-по-малу съ ними свыкнуться, словно предвидѣлъ, что придется послать его учителемъ славянамъ и первымъ ихъ архіепископомъ.

III. Пробывъ на томъ княженіи многіе годы, Меѳодій видѣлъ безъ конца суету мірской жизни и мракъ земныхъ заботъ оставилъ для помысловъ о небѣ; не хотѣлъ онъ благочестивую душу осуетить непребывающимъ вѣчно и, воспользовавшись удобнымъ временемъ, оставилъ княженіе и удалился на Олимпъ [3]), гдѣ живутъ святые отцы, и тамъ принялъ постриженіе, облекшись въ черныя ризы; и смиренно пребывалъ въ повиновеніи, вполнѣ соблюдая монашескій уставъ, прилежно занимаясь книгами.

Меѳодій у хазаръ и въ Моравіи.

IV. Въ это время императоръ послалъ брата его философа [4]) въ Хазарію, а этотъ взялъ его къ себѣ въ помощники. Были тамъ іудеи, ярые хулители христіанской вѣры. Меѳодій не ослушался, сказавъ: я готовъ умереть за христіанскую вѣру, отправился вмѣстѣ и, какъ рабъ, служилъ меньшому брату, оказывая ему полное повиновеніе. И братья одержали верхъ надъ противниками Христа и посрамили ихъ: Меѳодій—силою молитвы, Константинъ—силою слова. По возвращеніи ихъ императоръ и патріархъ, уви-

---

[3]) То есть вышеупомянутый Олимпъ малоазійскій (сравни житіе Кирилла, гл. VII).

[4]) Интересно, что житіе не называетъ даже имени Константина. И вообще, по справедливому замѣчанію А. В. Горскаго, въ житіи Меѳодія по большей части опускается, что подробнѣе изложено въ житіи Кирилла. Въ этомъ видятъ указаніе на то, что оба житія написаны однимъ авторомъ.

дѣвъ способность Меѳодія къ подвигамъ христіанской жизни, склоняли его принять посвященіе въ санъ архіепископа, предлагая ему почетное мѣсто, гдѣ была потребность въ такомъ мужѣ. И только послѣ отказа его поставили его игуменомъ въ монастырѣ, называемомъ Полихронъ, который былъ богатъ средствами и братіей: въ немъ было до 70 отцовъ [5]).

V. Въ эти дни Ростиславъ, князь славянскій, и Святополкъ послали пословъ изъ Моравіи къ императору Михаилу съ такими словами: Божіею милостью мы здоровы, но пришли къ намъ учители христіанской вѣры изъ Италіи, Греціи и Германіи, учатъ насъ различно; а мы, славяне, простые люди, и нѣтъ среди насъ такого человѣка, который исправитъ намъ всякую правду. Тогда императоръ Михаилъ сказалъ философу Константину: слышишь, философъ, въ чемъ дѣло. Никто другой, кромѣ тебя, не можетъ его исполнить. А потому даю тебѣ дары, и, взявъ брата своего игумена Меѳодія, отправляйся. Вѣдь вы оба солуняне родомъ, а солуняне всѣ свободно говорятъ по-славянски [6]).—Не смѣли братья ослушаться Бога и царя, внимая словамъ святого апостола Петра: Бога бойтесь, царя чтите. Сознавая величіе предстоящаго подвига, братья предались молитвѣ съ остальными своими единомышленниками. И явилъ Богъ философу славянскія письмена. И, устроивъ письмена и совершивъ переводъ, онъ отправился въ Моравію, взявъ Меѳодія. Съ обычною покорностью Меѳодій служилъ философу и училъ вмѣстѣ съ нимъ. Три года пробывъ въ Моравіи, они отправились въ Римъ для посвященія учениковъ своихъ.

VI. Папа Николай, до котораго дошли слухи о подвигахъ ихъ, послалъ за ними, желая ихъ видѣть, какъ ангеловъ Божіихъ. Онъ освятилъ ихъ ученіе, положилъ славянское Евангеліе на алтарѣ

---

[5]) А. В. Горскій замѣтилъ: „монастырь Полихронъ неизвѣстенъ". Позднѣйшіе изслѣдователи указали его мѣсто: „монастырь этотъ находился у азіатскаго берега Мраморнаго моря, близъ Кизика" (Малышевскій). Что касается дальнѣйшихъ словъ житія объ этомъ монастырѣ, то А. В. Горскій слова: „емуже се мѣра 24 спудове злата" находилъ неясными. Въ старшихъ спискахъ вмѣсто „се мѣра" стоитъ „съмѣра" (mensura); а что касается слова „спудъ", то у Миклошича, кромѣ другихъ значеній этого слова, приведено значеніе „талантъ". Повидимому, этими словами опредѣлялось богатство монастыря.

[6]) Въ этихъ словахъ, влагаемыхъ составителемъ житія въ уста императора Михаила, заключается важное и интересное указаніе на степень распространенности среди солунянъ знанія языка мѣстнаго славянскаго населенія т. е. славянъ македонскихъ.

святого апостола Петра, а блаженнаго Меѳодія посвятилъ во священника [7]). Но было въ Римѣ немало и такихъ людей, которые порицали славянскія книги и говорили, что не слѣдуетъ никакому народу имѣть своихъ буквъ, кромѣ евреевъ, грековъ и латинянъ, согласно надписи Пилата на Крестѣ Господа. Такихъ папа называлъ пилатниками и треязычниками и предалъ ихъ проклятью. Одному изъ такихъ епископовъ, который былъ зараженъ этимъ недугомъ, повелѣлъ посвятить изъ учениковъ Меѳодія трехъ священниковъ и двухъ чтецовъ.

VII. Спустя немало времени, философъ на смертномъ одрѣ сказалъ Меѳодію, брату своему: братъ, мы были подобны парѣ воловъ, пахавшихъ одну борозду; и вотъ я падаю на лѣхѣ, скончавъ дни свои, а ты такъ сильно любишь гору (т. е. Олимпъ); смотри же, не оставляй ради горы своего ученія, которымъ скорѣе можешь быть спасенъ.

VIII. Въ это время Коцелъ, князь паннонскій, послалъ къ папѣ пословъ и просилъ его отпустить къ нему Меѳодія, блаженнаго учителя нашего. Папа отвѣчалъ: не тебѣ одному только, но и всѣмъ странамъ славянскимъ посылаю его учителемъ отъ Бога и святого апостола Петра, первопрестольника и хранителя ключей отъ царствія небеснаго. И отправилъ его съ такимъ посланіемъ [8]): „Адріанъ епископъ и рабъ Божій [9]) къ Ростиславу, Святополку и Коцелу. Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе. Слышали мы о вашихъ духовныхъ подвигахъ, которыхъ вамъ желали, молясь о вашемъ спасеніи, что воздвигъ Господь сердца ваши искать Его и показалъ вамъ, что не только

Меѳодій поставляется епископомъ Паннонія.

---

[7]) Папа Николай, вызывавшій въ Римъ Константина и Меѳодія, не дожилъ до ихъ прибытія, и встрѣчалъ святыхъ братьевъ преемникъ его Адріанъ, какъ это видно изъ XVII главы житія Кирилла.

Не должно быть страннымъ, что Меѳодій посвященъ былъ во священники, хотя былъ уже и игуменомъ (смотри главу IV). Въ Греціи въ то время допускалось, чтобы ставимы были игуменами монастырей и простые монахи (Голубинскій, стр. 190).

[8]) На латинскомъ языкѣ это посланіе папы Адріана до насъ не дошло. Переводъ славянскаго текста на латинскій языкъ напечатанъ чешскимъ ученымъ Ербеномъ въ изданіи: Regesta Bohemiae et Moraviae. Pars I Prague 1855.

[9]) Титулъ папскій въ житіи переданъ не вполнѣ правильно: „рабъ Божій“ вмѣсто „рабъ рабовъ Божіихъ“, т. е. servus servorum Dei. Неправильность можетъ объясниться простымъ опущеніемъ слова „рабъ“: старая форма родительнаго падежа множественнаго числа равнялась именительному единственнаго.

вѣрою, но и добрыми дѣлами должно служить Богу. Ибо вѣра безъ дѣлъ мертва есть; и ошибаются тѣ, которые думаютъ, что знаютъ Бога, а дѣлами отъ него отпадаютъ; ибо не только у нашего святительскаго престола просили вы учителя, но и у благовѣрнаго императора Михаила, и онъ послалъ вамъ блаженнаго Константина философа съ братомъ, прежде чѣмъ мы успѣли послать кого-либо. Они же, узнавъ, что области ваши принадлежатъ апостольскому престолу, противъ каноновъ ничего не сдѣлали, но явились къ намъ съ мощами святого Климента. И мы, испытавъ тройную радость, постановили послать въ земли ваши Меѳодія, посвятивъ его съ учениками, сына нашего, мужа, исполненнаго разума и правовѣрнаго, чтобы онъ научилъ васъ, какъ вы просили, объясняя книги на языкѣ вашемъ, весь церковный чинъ вполнѣ и съ святою литургіей и крещеніемъ, какъ началъ это вспомоществуемый благодатію Божіей и молитвами святого Климента Константинъ философъ. Такъ, если и кто другой въ состояніи будетъ достойно и правовѣрно объяснять ихъ, да будетъ благословенъ на это святое дѣло и самимъ Богомъ, и нами, и всей каѳолическою и апостольскою церковію, чтобы вы скорѣе познали заповѣди Божіи. Одинъ только сохраните обычай: читать на литургіи апостолъ и евангеліе сперва по-латыни, а потомъ по-славянски, чтобы исполнились слова Писанія (о томъ), что всѣ народы восхвалятъ Господа (Псал. 116. 1); и въ другомъ мѣстѣ: всѣ возглаголютъ на различныхъ языкахъ величіе Божіе, какъ Духъ Святый внушитъ имъ отвѣчать (сравни Дѣян. 2. 4). Если же кто изъ избранныхъ вами учителей, падкихъ на слухи и отвращающихъ отъ истины къ заблужденію, дерзновенно начнетъ соблазнять васъ, порицая книги на языкѣ вашемъ, такой да будетъ отлученъ и да будетъ преданъ суду церкви, пока не исправится. Такіе люди суть волки, а не овцы, которыхъ слѣдуетъ знать по плодамъ ихъ и беречься ихъ. Вы же, возлюбленныя чада, послушайте Божіе ученіе и не отриньте церковное поученіе, чтобы пребыть истинными поклонниками Бога, нашего Отца небеснаго со всѣми святыми. Аминь". И Коцелъ принялъ Меѳодія съ великою честью и снова послалъ его къ папѣ вмѣстѣ съ двадцатью почтенными мужами, чтобы посвятилъ его на епископство въ Панноніи, на престолъ святого апостола Андроника, изъ числа семидесяти [10]). Такъ это и было.

---

[10]) „Ни въ одномъ сказаніи о Кириллѣ и Меѳодіи не говорится, чтобы Меѳодій спачала посланъ былъ изъ Рима только священникомъ, а потомъ уже

IV. Послѣ этого старый врагъ, завидующій добру и противникъ истинѣ, возстановилъ противъ Меѳодія врага моравскаго короля вмѣстѣ со всѣми епископами, которые обвиняли его, говоря: ты учишь въ нашей области.—Отвѣчалъ на это Меѳодій: если бы я зналъ, что это ваша область, не вступалъ бы въ ея предѣлы, но она принадлежитъ святому Петру. А потому скажу вамъ правду: если вы изъ ревности и алчности, вопреки канонамъ, посягаете на старыя области, возбраняя проповѣдь Божія ученія, то берегитесь, какъ бы, желая прошибить желѣзную гору костяными теменами, не пролить вашъ мозгъ.—Ему отвѣчали: не быть добру, когда говоришь такъ сердито.—Отвѣчалъ Меѳодій: не стыжусь говорить правду и въ присутствіи государей. Дѣлайте со мной, что вамъ угодно. Я не лучше тѣхъ, которые за правду положили жизнь послѣ многихъ мученій.—Послѣ того, какъ долго и много говорили и не могли ему дать отвѣта, сказалъ король: не утруждайте моего Меѳодія, онъ вспотѣлъ, словно у печи.—Отвѣтилъ на это Меѳодій: да, государь, люди, встрѣтивъ разъ потнаго философа, спросили его: отчего ты вспотѣлъ? Съ грубыми людьми спорилъ, сказалъ онъ.—Послѣ этихъ преній разошлись, а Меѳодія заточили въ Швабіи и держали въ заточеніи два года съ половиной [11]).

Нѣмецкое духовенство преслѣдуетъ Меѳодія.

X. Вѣсть о томъ дошла до папы, и лишь только онъ узналъ это, послалъ проклятіе на враговъ Меѳодія, да не поютъ литургіи всѣ епископы королевскіе, пока его держатъ въ заключеніи; и тогда отпустили его, сказавъ Коцелу: если будешь держать у себя такого человѣка, не избавишься нашего осужденія. Но они сами не ушли отъ святого суда Петрова. Четверо этихъ епископовъ умерли [12]). Какъ разъ въ это время моравляне, понявъ, что нѣмецкое духовенство, которое жило у нихъ, питаетъ къ нимъ не-

Меѳодій архіепископъ въ Моравіи.

епископомъ. Но нѣтъ уважительныхъ причинъ отвергать сего. Жизнеописатель знаетъ даже и то, какъ велико было числомъ посольство, чрезъ которое Коцелъ просилъ папу о посвященіи Меѳодія въ епископы. И когда онъ представляетъ дѣйствующимъ одного Коцела, то этимъ показываетъ, что знаетъ тогдашнія обстоятельства Ростислава и Святополка".—Горскій, стр. 33.

11) Въ высшей степени интересно, что этотъ, повидимому, совершенно легендарный разсказъ подтвердился открытыми въ послѣднее время папскими буллами.—Разсказъ о встрѣчѣ потнаго философа встрѣчается въ сборникахъ изреченій „о прѣмудрости философли".

12) Въ округѣ зальцбургскаго архіепископа Адальберта († 875), котораго разумѣетъ здѣсь составитель житія, въ IX вѣкѣ были епископы регенсбургскій, фрейзингенскій — Ганнонъ († 875 г.), пассавскій—Германрикъ († 874 г.) и бриксійскій; списокъ послѣднихъ епископовъ въ концѣ IX столѣтія неполонъ.

пріязнь и злоумышляетъ противъ нихъ, прогнали ихъ всѣхъ и послали сказать папѣ: такъ какъ и прежде отцы наши отъ святого Петра приняли крещеніе, то дай намъ Меѳодія архіепископомъ и учителемъ. Тотчасъ же послалъ его папа; и князь Святополкъ со всѣми моравлянами принялъ его и поручилъ ему всѣ церкви и новопосвященныхъ во всѣхъ городахъ. Съ того дня начало преуспѣвать Божіе ученіе, увеличилось число посвящаемыхъ во всѣ города, а язычники вѣровали въ истиннаго Бога, оставляя свои заблужденія. И самая моравская область начала расширяться и побѣждать своихъ враговъ, какъ объ этомъ постоянно разсказываютъ и сами моравляне.

XI. Былъ въ немъ и даръ пророчества, и сбывались многія его предсказанія, два примѣра которыхъ мы разскажемъ. Языческій князь, весьма сильный на берегахъ Вислы, насмѣхался надъ христіанами и причинялъ имъ вредъ. Пославъ къ нему, Меѳодій сказалъ: хорошо бы тебѣ, сынъ мой, креститься въ своей странѣ и по доброй волѣ, чтобы не пришлось, попавшись въ плѣнъ, быть крещенымъ въ чужой странѣ и противъ воли, тогда вспомнишь мои слова. Что и случилось.—Другой разъ, когда Святополкъ велъ войну съ язычниками и не имѣлъ успѣха въ затянувшейся долгое время борьбѣ, Меѳодій по случаю приближавшагося праздника святого апостола Петра послалъ сказать князю: если обѣщаешь въ день святого Петра съ воинами своими выслушать у меня богослуженіе, твердо вѣрую—Богъ предастъ тебѣ враговъ твоихъ въ самомъ скоромъ времени. Такъ это и случилось.—Нѣкто другой, одинъ богатый совѣтникъ князя, женился на свояченицѣ и, несмотря на увѣщанія и наставленія и утѣшенія, Меѳодію не удалось развести ихъ. Другіе же изъ духовенства, лицемѣрно себя называющіе Божіими рабами, тайно развращали ихъ, льстя имъ ради богатства ихъ, чтобы потомъ отлучить отъ церкви. Видя это, Меѳодій сказалъ: придетъ время, они не помогутъ вамъ, и будете поминать слова мои, но ничего нельзя будетъ сдѣлать. И Богъ оставилъ ихъ, и внезапно постигла ихъ напасть, и не осталось отъ нихъ слѣда, словно отъ праха, развѣяннаго вѣтромъ.—И много подобныхъ предсказаній въ образѣ притчъ исходило изъ его устъ.

XII. Не терпя это, старый врагъ и завистникъ человѣческому роду вооружилъ противъ Меѳодія однихъ явно, другихъ втайнѣ, какъ Дафана и Авирона противъ Моисея. Это были страдающіе іопаторскою ересью [13]), и совращающіе на свою сторону съ пра-

---

13) Подъ именемъ ереси іопаторской разумѣется ученіе латинянъ, ко-

ваго пути слабѣйшихъ; они говорили: папа намъ далъ власть, а его велитъ изгнать вонъ и съ ученіемъ его. Собрались тогда всѣ моравляне и велѣли прочесть передъ ними папское посланіе, чтобы услышать объ изгнаніи. Всѣ, какъ это обыкновенно бываетъ съ народомъ, печалились и скорбѣли, лишаясь такого пастыря и учителя, кромѣ слабыхъ, которыхъ увлекалъ обманъ, какъ вѣтеръ листья. Прочтя посланіе папы, нашли, что въ немъ было написано: братъ нашъ святой Меѳодій правовѣренъ, дѣлаетъ дѣло апостольское, и ему вручены всѣ славянскія земли самимъ Богомъ и папскимъ престоломъ, и кого онъ проклянетъ, будетъ проклятъ, кого посвятитъ, тотъ будетъ святъ. Посрамленные этимъ враги Меѳодія со стыдомъ разошлись, какъ туманъ.

Путешествіе Меѳодія въ Царьградъ.

XIII. На этомъ только не остановилась ихъ злоба; стали говорить: императоръ на него гнѣвается; если попадетъ ему въ руки, не быть ему въ живыхъ. Не допуская и этой хулы на раба своего, милосердый Богъ вложилъ въ сердце императора мысль—какъ и всегда сердце царей въ руцѣ Божіей—послать посланіе къ святому съ такими словами: отче честный, сильно желаю тебя видѣть. Будь же добръ, приди къ намъ, чтобы мы могли видѣть тебя, пока еще ты живъ, и слышать твою молитву. Святой тотчасъ отправился въ Царьградъ, гдѣ императоръ принялъ его съ великою почестью и радостью; похваливъ его ученіе, удержалъ изъ его учениковъ священника и діакона съ книгами [14]). Исполнивъ всѣ желанія святителя, ни въ чемъ его не ослушавшись, облобызавъ и щедро одаривъ, проводилъ его обратно на его каѳедру. Также принялъ его и патріархъ.

XIV. На обратномъ пути Меѳодій кознями діавола испыталъ многія бѣдствія, въ пустынныхъ мѣстахъ отъ разбойниковъ, въ морѣ отъ бури, на рѣкахъ отъ непредвидѣнныхъ мелей, такъ что сбылись на немъ слова апостола: много разъ былъ въ путешествіяхъ, въ опасностяхъ отъ разбойниковъ, въ опасностяхъ на морѣ, въ опасностяхъ на рѣкахъ, въ опасностяхъ между лжебратіями, въ трудѣ и изнуреніи, часто въ бдѣніи, голодѣ и жаждѣ (2 Кориѳ. 11. 26. 27), и прочихъ бѣдствіяхъ, упоминаемыхъ апостоломъ.

торые утверждали, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына (*Πατρὸς καὶ Ὑιου, или Ὑιοῦ καὶ Πατρός*).

[14]) Т. е. византійскій императоръ Василій Македонянинъ. Путешествіе Меѳодія въ Царьградъ относится, по всей вѣроятности, къ 881 или 882 г. Отсюда видно, что Меѳодій захватилъ съ собою въ Царьградъ богослужебныя книги.

пространяя ученіе, прогоняя ереси, да, живши здѣсь достойно званія нашего, станемъ съ тобою, твое стадо, одесную Христа Бога нашего, пріемля отъ Него жизнь вѣчную [19]). Тому честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

3. Житіе Климента, епископа болгарскаго [1]).

(БОЛГАРСКАЯ ЛЕГЕНДА).

Жизнь и дѣянія, исповѣданіе и отчасти повѣствованіе о чудесахъ иже во святыхъ отца нашего Климента, архіепископа болгарскаго. Сочиненіе, написанное святымъ и славнымъ Өеофилактомъ, архіепископомъ первой Юстиніаны и всей Болгаріи и магистромъ риторовъ въ Константинополѣ [2]).

Вступленіе. I. Пріидите, чада, послушайте мене (Псал. 33.12), пріидите, и повѣмъ вамъ, вси боящіися Бога (Псал. 65.16), яко познаетъ родъ инъ, сынове родящіися (Псал. 77.6), и людіе зиждеміи восхвалятъ Господа (Псал. 101.19). Такъ говорилъ Давидъ — и мы

---

[19]) Окончаніе житія даетъ Малышевскому поводъ видѣть въ его составителѣ непосредственнаго свидѣтеля и участника событій, одного изъ учениковъ блаженнаго Меѳодія.

[1]) Предлагаемый переводъ житія Климента съ греческаго языка на русскій сдѣланъ профессоромъ А. И. Менщиковымъ и былъ напечатанъ въ юбилейномъ изданіи московскаго университета: Матеріалы для исторіи письменъ Москва, 1855 г. По точности этотъ переводъ считается однимъ изъ лучшихъ; равнымъ образомъ имъ вполнѣ передается витіеватый, исполненный риторическихъ украшеній стиль оригинала. Пользуясь этимъ переводомъ, мы допустили лишь незначительныя измѣненія при передачѣ собственныхъ именъ славянскихъ. Ихъ мы передаемъ согласно болгарскому переводу житія, сдѣланному Д. Матовымъ подъ редакціей профессора М. С. Дринова.

[2]) Житіе Климента въ надписаніи приписывается архіепископу болгарскому Өеофилакту. Но на томъ основаніи, что въ самомъ житіи, въ главѣ XVIII, авторъ выставляетъ себя лицомъ самымъ близкимъ къ Клименту, Добровскій и Миклошичъ не находили возможнымъ признать составителемъ житія архіепископа Өеофилакта, такъ какъ Климентъ умеръ въ 916 г., а Өеофилактъ въ 1107 г. При этомъ Добровскій думалъ, что неизвѣстный авторъ жилъ послѣ Өеофилакта, а Миклошичъ полагалъ, что авторъ-болгаринъ написалъ житіе въ X вѣкѣ. Мнѣніе Миклошича раздѣлялъ Бодянскій, предполагая лишь, что житіе сначала было написано славяниномъ и на славянскомъ

теперь съ нимъ; ибо величіе Божіе должно возвѣщать во всякое время и для всѣхъ; и не по этому только—ибо, сколько бы мы ни возвѣщали и ни изрекали, недосказаннаго останется безчисленное множество,—но потому что проповѣданіе величества чудесъ Божіихъ и въ нерадивѣйшихъ и заснувшихъ для дѣлъ благихъ производитъ нѣкоторое пробужденіе. Многіе думаютъ, что наши времена не имѣютъ ничего похожаго на старинныя, что, напротивъ, прежнія и чудесами просвѣщались, и украшались житіями мужей, которые, будучи въ тѣлѣ, жили почти безтѣлесно, а нашему поколѣнію ничего подобнаго не даровано отъ Бога; поэтому и къ жизни благой, какъ будто бы теперешняя природа не вмѣщаетъ ея, сдѣлались жалкимъ образомъ неспособными эти плохіе знатоки и слишкомъ самоувѣренные; ибо существо природы все одно и то же и не измѣнилось, и Господь оставилъ Себѣ и въ наши времена весьма много людей, которые, не преклонивъ колѣна (3 Цар. 19.18) ни передъ какою дольнею тварію, во славу Отца небеснаго просіяли свѣтомъ жизни своея, явившись свѣтильниками міру, содержащими въ себѣ слово жизни. Такъ и болгарскую страну просвѣтили въ послѣднія времена блаженные отцы и учители, сіявшіе ученіемъ и чудесами, житіемъ и словомъ явившись угодными предъ Богомъ, коихъ всю жизнь описать мнѣ хотѣлось, но это превосходитъ силы моего слова [3]). Впрочемъ, представивши и нѣкоторыя только черты,

---

языкѣ, а позднѣе было переведено на греческій языкъ. Шафарикъ высказывалъ предположеніе, что житіе Климента, составленное однимъ изъ его учениковъ, было лишь передѣлано и исправлено архіепископомъ Ѳеофилактомъ. Въ послѣднее время профессоръ Вороновъ старался отстоять принадлежность житія архіепископу Ѳеофилакту. Замѣчательное ораторское искусство, обширная богословская ученость и, въ частности, близость изложенія ученія о Св. Духѣ въ житіи Климента и въ трактатѣ „О томъ, въ чемъ обвиняются латиние", по мнѣнію Воронова, говорятъ за авторство Ѳеофилакта. Но въ такомъ случаѣ остается труднымъ объясненіе указаннаго мѣста въ XVIII главѣ житія.

Что касается содержанія житія Климента, то по важности заключающихся въ немъ извѣстій послѣ пространныхъ житій ему принадлежитъ первое мѣсто въ ряду источниковъ для исторіи св. Кирилла и Меѳодія. Оно составляетъ какъ бы продолженіе пространныхъ житій: въ немъ опредѣляется вѣроисповѣдный характеръ дѣятельности св. первоучителей, изображается судьба моравской церкви послѣ смерти св. Меѳодія и излагается исторія просвѣтительной дѣятельности учениковъ его, главнымъ образомъ знаменитѣйшаго изъ нихъ, св. Климента, въ Болгаріи, куда принуждены они были удалиться изъ Моравіи.

3) Въ отличіе отъ пространныхъ житій, житіе Климента приписываетъ св. Кириллу и Меѳодію участіе въ просвѣщеніи Болгаріи, какъ это видно изъ даннаго мѣста и слѣдующей главы.

рѣшающаго словесныхъ отъ безсловесія, такъ какъ подобное сорадуется подобному (Пѣсн. въ нед. Ваій, послѣ еванг. на утрен.)? А мужей въ церкви провозгласилъ апостольскими, такъ какъ они совершили подвигъ равный Павлову, стремясь принести Богу жертву отъ языкъ совершенную и святую (Римл. 15.16); потомъ изъ числа лицъ, сопутствовавшихъ святымъ, тѣхъ, которыя, по засвидѣтельствованію ихъ учителей, были довольно свѣдущи въ языкѣ славянскомъ и отличались благочестивою жизнью, однихъ удостоилъ степени пресвитеровъ, другихъ сдѣлалъ діаконами; самого же великаго Меѳодія, несмотря на то, что онъ долго отказывался и уклонялся, рукополагаетъ во епископа Моравіи паннонской [7]), считая несправедливымъ не почтить именемъ того, кто удостоенъ самаго дѣла; ибо столь же грѣшно, когда кто-нибудь, будучи епископомъ по существу дѣла и по достоинству, оставляется скрываться въ ряду мірянъ и, будучи свѣтильникомъ, полагается подъ одръ неизвѣстности (Лук. 8.16). Итакъ, Меѳодія римскій первосвященникъ украшаетъ епископскимъ достоинствомъ, или, лучше сказать, украшаетъ имъ епископію, а Кирилла, который былъ истиннымъ философомъ, великій архіерей призываетъ во Святая Святыхъ, чтобы тамъ, внутри скиніи истинной совершать служеніе, и духовнѣе и божественнѣе пріобщатися таинъ и чаши новой причащатися. Святой Кириллъ, какъ будто бы ему назначено было пребывать во плоти на столько времени, чтобы изобрѣсть письмена и сдѣлать переводъ Св. Писанія, послуживши симъ волѣ Божіей, переселяется къ Богу, Который научилъ его разуму (Псал. 93.10). Предузнавъ свою кончину, онъ облекается въ образъ монашескій, котораго давно желалъ, но по смиренномудрію не рѣшался принять на себя, какъ нѣчто великое и превышающее силы его, и, пріобщивши свѣтъ къ свѣту, преставился на небеса, иде же есть Христосъ,—покинувъ юдоль плача, сѣнь омраченія, илъ тинный, пришельствіе въ здѣшнемъ мірѣ; духъ онъ предалъ, а тѣло его, которое прежде естественнаго умерщвленія подвергалось добровольному, съ подобающими почестями и пѣснями, папою въ сопровожденіи клира, погребено въ храмѣ Климента, того Климента, который сопутствовалъ верховному изъ апостоловъ Петру и мудрость эллинскую покорилъ премудрости Христовой, какъ служительницу своей госпожѣ [8]). Такимъ образомъ, мудрецъ пріемлетъ

Кончина Кирилла.

[7]) Въ этомъ случаѣ житіе Климента расходится съ житіемъ Меѳодія (глава VI-я).

[8]) О послѣднемъ времени жизни Кирилла, его постриженіи въ схиму и

мудреца, великій учитель пріобщаетъ къ себѣ гласъ слова, руководитель языковъ водворяетъ у себя того, кто свѣтомъ познанія просвѣтилъ прочіе языки. При семъ, во свидѣтельство того, какая слава на небесахъ ожидаетъ Кирилла, самъ Богъ посылаетъ знаменія и видимое дѣлаетъ предвѣстникомъ невидимаго; потому что и бѣсноватые, пришедши ко гробу, получали исцѣленіе, и во многихъ другихъ болѣзняхъ благодать Св. Духа была бичемъ ихъ прогоняющимъ; ибо, какъ скоро кто-нибудь или приходилъ ко гробу, или призывалъ имя богоноснаго сего отца, по мѣрѣ вѣры находилъ избавленіе отъ своего недуга; поэтому Кириллъ великъ былъ въ устахъ римлянъ, а еще болѣе въ ихъ душахъ. Итакъ, чудотворенія служили основаніемъ славы его, а эта слава—достиженіемъ высшей почести, а почесть сего святого — утвержденіемъ славы Божіей [9]).

Меѳодій епископъ въ Моравіи.

IV. Такова была кончина Кирилла, и такова честь воздана ему отъ священнѣйшаго папы и отъ Бога. Меѳодій же, потерявши своего сотрудника и сопутника, который во всемъ былъ ему настоящимъ братомъ, по плоти и во Господѣ, скорбѣлъ въ душѣ своей по чувству человѣчества и увлекался привычкою, но, съ другой стороны, столько же, если только не больше, и утѣшался, надѣясь въ Кириллѣ имѣть помощника въ служеніи учительства тѣмъ болѣе, чѣмъ дѣйствительнѣе дерзновеніе, которое онъ имѣетъ, по отрѣшеніи отъ плоти, приближаясь къ Богу. Когда же наступило время Меѳодію отправиться въ епископію той страны, онъ, простершись на гробѣ брата и многократно повторяя дорогое имя Кирилла, оплакавши плотское свое одиночество и испросивши себѣ молитвъ его, отправился съ учениками въ путь. Прибывши въ Моравію, онъ былъ истиннымъ епископомъ, отпечатлѣвая въ себѣ всѣ тѣ черты, въ которыхъ у ап. Павла представленъ образъ епископа (1 Тим. 3.2 и сл.), и просіявая предъ всѣми ученіемъ; ибо онъ не зарывалъ таланта, не продавалъ благодати дара духовнаго и власть свою не превращалъ во власть величія и удовольствія внѣшняго; напротивъ, всѣмъ сообщалъ дарованное ему благо, одинаково распространяя свѣтозарный лучъ слова и не назначая извѣстной мѣры

погребенія передается вполнѣ согласно съ пространнымъ житіемъ св. Кирилла. Есть даже одно выраженіе, вполнѣ соотвѣтствующее тексту пространнаго житія: *τὸ τῶν μοναχῶν σχῆμα ἐπαμφιέννυται... καὶ φωτὶ φῶς προςλαβών* – вь светыи минишьскыи образь облѣче се и свѣть кь свѣту пріемь.

[9]) О чудесахъ при гробѣ св. Кирилла говорится и въ пространномъ житіи.

въ даяніи пищи евангельской. Тотъ, кто и прежде епископства такъ прилежалъ слову ученія, не подвергаясь притомъ никакой опасности за свой образъ дѣйствій, теперь, когда ввѣрено ему самое дѣло, когда онъ получилъ священный залогъ и уже зналъ, что горе апостолу неблаговѣствующему, не долженъ ли былъ прилѣплятъся къ ученію, предаваться ему вполнѣ и весь день поучаться словесамъ Божіимъ, вселяющимъ въ него сладость паче меда и сота? Дѣйствительно, онъ и Ростислава, который былъ княземъ моравскимъ, не переставалъ каждый день вразумлять и направлять душу его по заповѣдямъ Божіимъ, и также поучалъ Коцела, бывшаго правителемъ всей Панноніи, убѣждая его страху Господню пригвоздиться и, имъ удерживаясь и управляясь, какъ бы нѣкоею уздою, уклоняться отъ всякаго зла. Кромѣ того, болгарскаго князя Бориса, который жилъ во времена греческаго императора Михаила, великій Меѳодій, еще прежде сдѣлавши чадомъ своимъ и плѣнивши его отечественнымъ своимъ (греческимъ) языкомъ, во всѣхъ отношеніяхъ прекраснымъ, въ это время непрестанно осыпалъ благодѣтельными дарами словесъ и поученій[10]). Этотъ Борисъ былъ вообще мужъ ума праваго и къ добру расположеннаго; при немъ и народъ болгарскій началъ просвѣщаться св. крещеніемъ и христіанствомъ, въ то время какъ и эти святые мужи, т. е. Кириллъ и Меѳодій, увидѣвши множество вѣрующихъ и замѣтивши, что чадъ, раждающихся водою и духомъ, становится все болѣе, а пищи духовной для нихъ совсѣмъ недостаетъ, изобрѣли письмена, какъ мы объ этомъ сказали выше, и переложили Св. Писаніе на болгарскій языкъ, чтобы родившіяся чада Божія достаточно имѣли божественной пищи и могли достигать исполненія духовнаго и приходить въ мѣру возраста Христова. Такимъ образомъ, болгарскій народъ, оставивъ скиѳское заблужденіе, позналъ истинный и прямой путь, который есть Христосъ, и, наконецъ, хотя и поздно и уже въ 11-й или 12-й часъ, вошелъ въ вертоградъ божественный, по благости ихъ Призвавшаго; ибо призваніе этого народа послѣдовало въ лѣто отъ сотворенія міра 6377[11]).

Обращеніе въ христіанство Бориса, князя болгарскаго.

V. Итакъ, великій Меѳодій не переставалъ каждый разъ дѣлать князьямъ наставленія всякаго рода, то руководствуя ихъ къ благо-

---

[10]) Въ данномъ мѣстѣ болгарскій князь Борисъ признается духовнымъ чадомъ Меѳодія, что̀ стоитъ въ связи съ признаніемъ участія свв. Кирилла и Меѳодія въ просвѣщеніи Болгаріи.

[11]) Что касается перевода Свящ. Писанія на болгарскій языкъ, то изъ

Борьба съ нѣмецкамъ духовенствомъ противъ filioque.

честивой жизни, то предлагая имъ чистое ученіе церкви, какъ бы царскую и неподдѣльную монету, и во всей цѣлости и неповрежденности напечатлѣвая его въ душахъ ихъ. Ибо и тогда уже были люди, которые хотѣли преобразовать и измѣнить догматы, поставленные отцами нашими въ церкви Божіей, и порчею, введенною франками, многіе заразили свои души, утверждая, что Сынъ рожденъ отъ Отца, а Духъ Святый исходитъ отъ Сына. Противъ нихъ возставши, св. Меѳодій, частію изъ словъ самого Господа, частію изъ ученій св. отцовъ старался уничтожить мудрованіе и всякое возношеніе ума, взимающагося на разумъ Божій и такимъ образомъ многихъ привелъ въ послушаніе Христово (2 Коринѳ. 10. 5), обращая ихъ отъ неправаго ученія къ ученію истинному и чистому и изъ недостойныхъ изводя ихъ честными (Іер. 15.19),—почему онъ и былъ и назывался устами Божіими. Такимъ образомъ, число вѣрующихъ съ каждымъ днемъ умножалось, и слово Божіе росло, какъ говорится у евангелиста Луки объ ученіи апостоловъ, или, по словамъ Ветхаго Завѣта (2 Цар. 3. 1), домъ Давидовъ возвышался и укрѣплялся, а домъ Сауловъ упадалъ и изнемогалъ, уменьшаясь съ каждымъ днемъ. Секта же еретиковъ, побѣждаемая силою и истиною слова, что только могла, или, лучше сказать, что ей внушалъ отецъ лжи, который есть человѣкоубійца искони и въ злодѣяніи хвалится, то и дѣлала, безчисленными озлобленіями и искушеніями стараясь угнетать святого; такъ какъ они и Святополка, сдѣлавшагося послѣ Ростислава княземъ моравскимъ, человѣка грубаго и сущности добра не понимающаго, уловивши лестію, совершенно подчинили своему ученію. Онъ, будучи рабомъ удовольствій женскихъ и валяясь въ грязи нечистыхъ дѣлъ, могъ ли не предаться умомъ своимъ скорѣе имъ (еретикамъ), отворяющимъ ему двери къ удовлетворенію всѣхъ страстей, нежели Меѳодію, посрамляющему душетлѣнную горечь всякаго удовольствія?[12]) Ибо что выдумалъ Евномій, начальникъ ереси аномеевъ, для того, чтобы

житія Климента это указаніе проникало и въ другіе памятники болгарской литературы. Такъ, въ синодикѣ 1211 года св. Кириллъ прославляется, какъ переведшій божественное писаніе съ греческаго языка на болгарскій и просвѣтившій болгарскій родъ; также въ Вратиславской рукописи 1357 года. Смотри: Новый церковно-славянскій памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ М. Дринова. С.-Петербургъ, 1885 г.

[12]) Житіе Климента въ непривлекательныхъ чертахъ представляетъ моравскаго князя Святополка; если даже и находить въ этомъ много преувеличеній, то, съ другой стороны, нельзя отрицать несомнѣнные недостатки этого князя, которыми умѣли пользоваться враги Меѳодія. И изъ пространнаго

дѣломъ стража, согласно съ словами Іезекіиля, я бдительно занимался; блюдите, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, и со всею осмотрительностію старайтесь сохранить сердца ваши и братій вашихъ; яко посредѣ сѣтей минуете и по забраломъ града ходить будете (Сирах. 9.18); ибо по смерти моей внидутъ волцы тяжцы въ васъ (Дѣян. 20.29), не щадящіе стада, чтобы увлечь народъ вслѣдъ за собою, — которымъ противостаньте вы, твердые вѣрою; Павелъ это вамъ чрезъ меня завѣщаетъ. Но сый надъ всѣми Богъ и Отецъ, и прежде вѣкъ безстрастно рожденный отъ Него Сынъ и Духъ Св. отъ Отца исходящій наставитъ васъ на всяку истину и представитъ васъ непорочны въ похвалу мою въ день Христовъ (Филипп. 2.16). Сказавши это и много другого, онъ предалъ духъ ангеламъ, сопровождавшимъ его и сохранявшимъ во всѣхъ путяхъ его, со славою занимавши архіерейскую каѳедру 24 года и многимъ трудомъ и подвигомъ устроявши спасеніе не только свое, но и прочихъ людей; ибо онъ не своихъ выгодъ искалъ, но общихъ для многихъ людей, чтобы они спаслися, и днемъ, и ночью проводя время въ томъ только, что было полезно для другихъ. Этому служитъ доказательствомъ множество пресвитеровъ, діаконовъ и иподіаконовъ, коихъ, онъ умирая, оставилъ до двухъсотъ въ церквахъ своей епархіи; если же было столько служителей алтаря, то какое множество, надо полагать, міряиъ. Между ними первое мѣсто занималъ Гораздъ, котораго выше мы видѣли въ числѣ избраннѣйшихъ учениковъ Меѳодія и который отъ самого сего святого, предузнавшаго свою кончину, поставленъ былъ епископомъ моравскимъ [15]).

VII. Но дерзновеннѣйшая толпа еретиковъ не перенесла того, чтобы видѣть Меѳодія и по смерти живымъ себѣ противникомъ; пріидите, сказали они, насиліе сотворимъ Горазду и уловимъ его лестію (Прем. Солом. 2.10–17); яко неподобно есть нашему житію его и отмѣнны суть стези его и поноситъ намъ грѣхи наши; если же его оставимъ въ живыхъ, то опять оживетъ для насъ Меѳодій. Такимъ образомъ, его лишаютъ епископскаго достоинства, а нѣкоего Вихника, который и самъ упоенъ былъ неистовою ересью, и другихъ могъ упоить, а потому и преданъ былъ Меѳодіемъ съ анаѳемою сатанѣ вмѣстѣ съ сонмомъ людей, съ нимъ бѣсновавшихся,—этого Вихника (о труды и подвиги, подъятые Меѳодіемъ!

---

15) Горазда указываетъ своимъ преемникомъ Меѳодій и въ пространномъ житіи.

о Троица, сливаемая въ личныхъ свойствахъ!) возводятъ на каѳедру, или, лучше сказать, ниспровергаютъ чрезъ него епископскую каѳедру, которая, сколько чрезъ Меѳодія прославилась и возвысилась надъ многими другими, столько чрезъ Вихника унизилась, склонившись въ бездну безславія [16]).

Борьба учениковъ Меѳодія противъ filioque.

VIII. Такимъ образомъ онъ захватилъ въ свои руки епископство беззаконно, тогда какъ оно нисколько ему не принадлежало, самъ себѣ пріявши честь и сдѣлавши хищеніе (Филипп. 2.6), а званнаго отъ Бога оттолкнулъ силою мышцы грѣшника. Ересь поднимаетъ теперь главу свою и превозносится надъ православнымъ сонмомъ учениковъ Меѳодіевыхъ; и вотъ они, поднявши крикъ и возставши противъ вѣрныхъ, говорятъ: для чего вы доселѣ прилѣпляетесь къ словамъ Меѳодіевымъ, уже согнившимъ и мертвымъ, а не присоединяетесь къ живому архіепископу и не исповѣдуете Сына, рожденнаго отъ Отца, и Духа, отъ Сына исходящаго? Они же чрезъ Горазда и Климента отвѣчали, что Меѳодій еще живъ, и мы объ этомъ знаемъ совершенно отъ Господа, Который то говоритъ, что вѣруяй въ Него, аще и умретъ, оживетъ (Іоанна 11.25), то учитъ, что Богъ Авраама, и Исаака, и Іакова называется Богомъ живыхъ, а не мертвыхъ; и такъ что же за грѣхъ съ нашей стороны, что мы имѣемъ учителя, живущаго въ Богѣ, духовно съ нами присутствующаго и собесѣдующаго и противъ васъ укрѣпляющаго? Что же касается до новой вѣры вашей, мы, не находя, чтобы она подтверждалась свидѣтельствомъ какого-нибудь Писанія или принята была св. отцами, боимся подвергнуть себя проклятію, такъ какъ ап. Павелъ ясно говоритъ: аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ (Галат. 1.9). Мы вѣруемъ въ Духа Сына, равно какъ въ Духа жизни и истины, кои суть Сынъ (Іоан. 14.6), и признаемъ Духа за умъ Христовъ; но чтобы онъ происходилъ отъ Сына, этого ученія мы не принимали и не примемъ—не отречемся отъ вѣры и не будемъ хуже невѣрныхъ (1. Тим. 5.8); нѣтъ, клянемся освященіемъ благодати Св. Духа;—мы вѣруемъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и что виновникъ и Изводитель Его есть Родитель Сына; но что Онъ также принадлежитъ и Сыну и чрезъ Него подается всѣмъ тѣмъ, которые бываютъ достойны; но иное дѣло сказать—исходитъ,

---

16) О происках епископа Вихника противъ Меѳодія не говорится ни въ одномъ изъ извѣстныхъ доселѣ сказаній о св. Меѳодіи, а такой образъ дѣйствій этого епископа подтверждается двумя папскими письмами папы Іоанна VIII въ 881 г. и папы Стефана V въ 885 г.

другое—подается: первое служитъ къ изъясненію образа бытія Св. Духа, ибо, какъ Сынъ раждается отъ Отца, такъ и Духъ Святый исходитъ отъ Него; а слово „подается" объясняетъ не образъ бытія, а указываетъ на обогащеніе и раздаяніе. Чтобы уяснить это, сколько можно, какимъ-нибудь примѣромъ, представь себѣ, что какой-нибудь царь источаетъ изъ своихъ сокровищъ величайшее богатство; сынъ, взявши его, дѣлаетъ своею собственностію и раздаетъ тѣмъ, которые ему благоугождаютъ; Царь есть Отецъ; богатство,—выражаясь согласно съ этимъ подобіемъ,—есть Духъ, источаемый изъ неизреченныхъ сокровищъ Отца; сынъ царевъ есть Присносущнаго Отца Сынъ, Которому принадлежитъ и чрезъ Котораго подается Духъ. Видите, какъ мы понимаемъ о Св. Духѣ, что Онъ не исходитъ отъ Сына, но чрезъ Него подается. Если же тебя смущаетъ то, что Сынъ дунулъ на апостоловъ и сказалъ: пріимите Духъ Святъ (Іон. 22.22), то худо ты читалъ и понялъ Евангеліе: Онъ далъ апостоламъ одно изъ дарованій Св. Духа, именно отпущеніе грѣховъ, какъ это видно изъ послѣдующаго,—и Исаія дѣйствіе Св. Духа называетъ духами (Исаіи 11.2),—а не самый Духъ даровалъ Онъ тогда ученикамъ. Ибо ясно, что, если бы Онъ тогда далъ Св. Духа, то впослѣдствіи сошествіе Его въ день Пятидесятницы или было излишне, или это было сошествіе другого духа, если оно не было излишне. Какой же былъ это духъ? Церковь доселѣ признаетъ единаго Духа Святаго. Если ихъ будетъ два, то который же изъ нихъ не святый? Если святый есть тотъ, который данъ былъ въ дуновеніи, и если Господь далъ Его самого, а не одно изъ дарованій Духа, то явно, что Сошедшій въ Пятидесятницу былъ не святый. Но да обратится эта хула на главы ваши. Вы, полагая два начала—одно въ Отцѣ для Сына, другое въ Сынѣ для Духа, бѣснуетесь какимъ-то новымъ манихейскимъ безуміемъ. А у насъ единъ есть Богъ, и одно начало Сущихъ отъ Него, Отецъ; по отношенію къ Сыну Онъ есть Отецъ, а по отношенію къ Духу—Изводитель, подобно, какъ солнце, будучи одно, служитъ началомъ луча и свѣта или теплоты. Такимъ образомъ, лучу присущъ свѣтъ или теплота, какъ и Сыну Духъ, и свѣтъ принадлежитъ лучу, какъ Духъ Сыну; но оба изъ одного начала. И какъ въ этомъ примѣрѣ чрезъ лучъ сообщается свѣтъ или теплота вещественному міру; такъ чрезъ Сына подается умной твари Духъ Святый. Если вы другое Евангеліе, какъ манихеи отъ Ѳомы, можете представить, въ которомъ бы излагалось такое ученіе о Св. Духѣ, то докажите, что оно принадлежитъ къ канону

Св. Писанія, и мы замолчимъ и даже станемъ почитать васъ за своихъ благодѣтелей. Но если рай церкви напояется четырьмя потоками, изливающимися изъ одного источника,—Матѳеемъ, Маркомъ, Лукою и Іоанномъ,—на что, думаю, и вы согласны,—то кто вводитъ пятое Евангеліе, тотъ проклятъ. Но Іоаннъ представляетъ намъ Сына говорящимъ о Духѣ истины, Иже отъ Отца исходящемъ. Перестаньте же изощрять противъ себя грозный мечъ, перестаньте препираться съ Сыномъ Божіимъ, великимъ Благовѣстникомъ, изъ Котораго, чрезъ Котораго и для Котораго произошло все Евангеліе; перестаньте безъ Духа учить о Духѣ, или, лучше сказать, перестаньте говорить отъ духа противнаго.

IX. При этихъ словахъ сообщники Вихника не могли удержать себя и, зажавши уши, какъ нѣкогда побивавшіе камнями Стефана, мужественнаго свидѣтеля Слова, — это только хорошо и сдѣлали они, какъ недостойные слышать такія слова,—начали кричать и приводить все въ безпорядокъ и чуть не подняли рукъ на православныхъ, утружденному языку придавая въ пособіе руки; но, наконецъ, отступивши, обратились къ послѣднему своему убѣжищу, къ низкому Святополку, и клевещутъ на православныхъ, будто бы они замышляютъ произвесть возмущеніе и могутъ возстать противъ его власти, если не будутъ согласоваться въ ученіи съ властителемъ; ибо держаться противнаго ученія есть вмѣстѣ и противоборствовать. Князь, призвавши послѣдователей Меѳодіевыхъ, говоритъ имъ: что это за расколъ дѣлается между вами, и каждый день схватываетесь вы между собою, какъ враги? Не братья ли всѣ вы и не христіане ли? Для чего жъ вы не соглашаетесь между собою и не стараетесь о единеніи?—Они же устами Горазда и Климента (эти два мужа вели разговоръ съ княземъ), какъ бы своимъ языкомъ, отвѣчали: князь! много надобно бы говорить намъ объ этомъ; ибо не о маловажномъ предметѣ и не въ маловажномъ дѣлѣ предстоитъ намъ опасность, но о догматѣ церкви, касающемся Св. Троицы, и въ дѣлѣ спасенія нашей души, что для насъ всего существеннѣе; но, какъ незнакомство твое съ Св. Писаніемъ не позволяетъ тебѣ выслушивать болѣе продолжительныя и глубокія разсужденія, то мы на твой вопросъ просто отвѣчаемъ, что разъединяемся потому, что и Господь пришелъ воврещи мечъ и раздѣлить лучшее отъ худшаго (Матѳ. 10.34); и о Давидѣ знаемъ, что онъ ненавидѣлъ ненавидящихъ Господа (Пс. 138.21) и особенно чтилъ друзей Христовыхъ; а христіанами никогда не признаемъ мы людей, не принимающихъ Евангелія. Ибо, тогда

какъ въ немъ Единъ отъ Св. Троицы, Сынъ Божій, сказалъ: Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ,—эти люди утверждаютъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Сына. Но если бы это было дѣйствительно такъ, то почему бы Господу не сказать: Духъ истины, который отъ Меня исходитъ? Вотъ первое доказательство. Другое то, что второй константинопольскій соборъ первосвятителей, собравшихся со всей вселенной, изъяснилъ догматъ о Св. Духѣ, такъ какъ для того и собрался, чтобы опровергнуть духоборца Македонія, изложивши символъ вѣры не въ опроверженіе постановленнаго на соборѣ никейскомъ, но,—такъ какъ тогда не возникало споровъ о Св. Духѣ,—въ дополненіе онаго, какъ сынъ, сохраняя наслѣдіе отца. Въ этомъ-то символѣ, взятомъ изъ греческихъ книгъ, который каждодневно произносишь въ церкви и ты, князь, видимъ мы исповѣданіе вѣры въ Духа Святаго, исходящаго отъ Сына, или отъ Отца? Какъ же намъ согласиться съ людьми, которые мудрствуютъ вопреки Евангелію и изложенію отцовъ по внушенію Св. Духа? Какъ согласиться съ тѣми, которые поднимаютъ вопль съ земли, по внушенію чревовѣщателей? Кое общеніе свѣту ко тмѣ? говоритъ божественный апостолъ. Итакъ, если они перемѣнятъ свои мнѣнія и согласятся съ Евангеліемъ и св. отцами, то мы поспѣшимъ къ нимъ, какъ къ братіямъ, бросимся въ объятія и обнимемся. Если же они, покинувъ единаго наставника нашего Христа, пойдутъ по руководству своего ума и осуетятся помышленіями своими, то мы никакъ не рѣшимся по ихъ истолкованію изучать догматъ о Св. Троицѣ.—Такъ отвѣчалъ сонмъ православныхъ, поручивши говорить отъ лица своего Горазду и Клименту.

X. Князь же едва ли понялъ что-нибудь немногое изъ того, что ими было сказано; ибо онъ въ познаніи истинъ божественныхъ былъ совершенно невѣжда какъ потому, что и воспитался болѣе, какъ варваръ или, просто сказать, какъ безсловесное животное, такъ и потому, что умъ его помраченъ былъ нечистотою плотоугодія, какъ объ этомъ выше сказано. А какъ же можно постигнуть ученіе о Троицѣ человѣку, чуждому святости цѣломудрія, ея же кромѣ никто же узритъ Господа (Евр. 12.14). Но онъ, наученный еретиками, которымъ былъ вполнѣ преданъ, такой далъ отвѣтъ православнымъ: я признаю себя человѣкомъ совершенно неученымъ и въ догматахъ несвѣдущимъ. Я человѣкъ неграмотный, но христіанства держусь и буду держаться. А этихъ недоумѣній и споровъ, которые вы поднимаете, не могу рѣшить на основаніи

доказательствъ и различить лжеучителя отъ православнаго. Итакъ, я, какъ христіанинъ, разсужу васъ; будьте покойны; я и объ этомъ догматѣ даю такой же приговоръ, какой привыкъ давать и о прочихъ дѣлахъ: кто первый придетъ и поклянется, что онъ вѣруетъ истинно и православно, о томъ я буду судить, что онъ нисколько не претыкается и не уклоняется отъ точнаго смысла вѣры,—тому и церковь вручу и предоставлю завѣдываніе дѣлами церковными, по чину пресвитерскому.

XI. Франки, съ величайшею готовностью желая принять клятву, не дождавшись еще конца рѣшенія княжескаго, поклялись и тѣмъ утвердили свое злочестивое ученіе, положивши конецъ безумному суду сообразный. При такихъ судьяхъ ересь увѣнчалась побѣдою надъ православіемъ и получила полную власть притѣснять и влачить истинныхъ рабовъ Христовыхъ и блюстителей вѣры. Ибо, сказалъ князь, если кто уличенъ будетъ невѣрующимъ по ученію франковъ, тотъ будетъ преданъ имъ въ руки, и они могутъ съ нимъ дѣлать, что хотятъ. Какое слово можетъ изобразить, что послѣ этого сдѣлала злоба, получивши въ свои руки власть? Это поистинѣ огонь въ лѣсу, раздуваемый вѣтромъ; одни принуждали приложиться къ лукавому ученію, другіе защищали вѣру отцовъ; одни готовы были все сдѣлать, другіе — все потерпѣть; иныхъ мучили безчеловѣчно, у другихъ расхищали дома, съ нечестіемъ соединяя любостяжаніе, иныхъ нагими влачили по терновнику, и притомъ людей престарѣлыхъ, которые переступили уже за предѣлы жизни человѣческой, означенные у Давида (Пс. 89.10). А изъ пресвитеровъ и діаконовъ, тѣхъ, которые были моложе, еретики предавали іудеямъ, сами Іудиной участи и удавленія будучи достойны. Какъ онъ продалъ Христа, такъ эти еретики рабовъ І. Христа, или, лучше, друзей Его, какъ самъ І. Христосъ называлъ ихъ, смѣю даже назвать, помазанниковъ, или христовъ, продавали всегда прегорчевающимъ Его врагамъ (Іоан. 15.14—15). Всѣхъ же ихъ было немало, но до двухъ-сотъ считалось однихъ служителей алтаря, какъ мы сказали прежде [17]).

XII. А которые стояли на степени учителей, какъ тотъ самый Гораздъ, часто нами упоминаемый, родившійся въ Моравіи и владѣвшій совершенно обоими языками, славянскимъ и греческимъ [18]),

---

[17]) Разсказъ о преслѣдованіи учениковъ Меѳодія послѣ его смерти подтверждается инструкціей папы Стефана V въ 887 г., два года спустя послѣ смерти ихъ учителя.

[18]) Согласно съ житіемъ Меѳодія, Гораздъ считается урожденнымъ мо-

Преслѣдованіе учениковъ Меѳодія въ Моравіи.

котораго добродѣтель Меѳодія даровала каѳедрѣ, а злоба еретиковъ, низведши сего мужа съ каѳедры, лишила ее украшенія,— также Климентъ, пресвитеръ, мужъ ученѣйшій, и Лаврентій, и Наумъ, и Ангеларій [19]),—этихъ и многихъ другихъ мужей знаменитыхъ, заковали въ желѣза, держали въ темницѣ, въ заключеніи, гдѣ всякое утѣшеніе было возбранено, такъ какъ ни родственники, ни знакомые ни подъ какимъ видомъ не смѣли имѣть къ нимъ доступа. Но Господь, утѣшающій смиренныхъ, врачующій сокрушенныхъ сердцемъ (2 Кор. 7. 6) и, соразмѣрно съ множествомъ болѣзней, утѣшеніями веселящій душу, утѣшилъ святыхъ, пославши имъ помощь отъ Святаго (Пс. 93. 19). Они, будучи обременены узами желѣзными, и въ этомъ состояніи не забывали о молитвѣ; напротивъ, воспѣвши пѣсни третьяго часа, пропѣли потомъ поемый за псалмами припѣвъ, въ которомъ мы молимся, чтобы Пресвятый Духъ, ниспосланный въ третій часъ апостоламъ, обновился и въ насъ. Богъ же, призрѣвши на землю, сотворилъ ю трястися (Пс. 103.32); и вотъ, сдѣлался трусъ великій, подобный тому, который былъ въ то время, какъ Павелъ молился въ оковахъ, и какъ бы шумъ съ небеси,—и оковы спали (Дѣян. 16.25—26); и бывшіе дотолѣ узниками сдѣлались свободными, будучи связуемы одною неразрывною любовію ко Христу. Такимъ образомъ, Богъ стрясъ землю и смутилъ ю (Пс. 59. 4). Потрясены были и жители того города и приведены въ смятеніе этимъ событіемъ, удивляясь и недоумѣвая, что бы значило такое явленіе, посланное отъ Бога. Когда же приблизились къ темницѣ и увидѣли, что случилось со святыми, и какъ они по спаденіи съ нихъ оковъ оставались совершенно свободными, пріявши слухомъ, какъ говоритъ Давидъ, божествен-

---

равляниномъ; только въ житіи Меѳодія говорится при этомъ, что Горяздъ хорошо зналъ не греческій языкъ, а латинскій. Шафарикъ, соединяя оба указанія, полагалъ, что Горяздъ въ совершенствѣ зналъ латинскій и греческій языки.

19) Здѣсь житіе приводитъ имя Лаврентія, не называя имени Саввы (сравни выше, гл. II). О Лаврентіи нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не говорится. Шафарикъ предполагалъ здѣсь ошибку. Въ болгарскомъ синодикѣ упоминаются Климентъ, епископъ Великой Моравы, Савва, Горяздъ и Наумъ, много потрудившіеся „о словенскыхъ книгахъ". Дриновъ объясняетъ это тѣмъ, что въ синодикѣ оцѣнивается плодотворная дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія и учениковъ ихъ на учено-литературномъ поприщѣ. О литературныхъ трудахъ свв. Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ идетъ рѣчь у Шафарика въ его сочиненіи „Расцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи", Русскій переводъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей, годъ третій (1847—1848), VII.

ную радость (Пс. 50. 10), съ поспѣшностью пришедши къ князю, говорятъ: что это такое? доколѣ мы будемъ противоборствовать силѣ Божіей? доколѣ не увидимъ свѣта истины? Или мы имѣемъ очи и не видимъ, имѣемъ уши и не слышимъ (Пс. 124.16—17), какъ истуканы, о которыхъ говоритъ Давидъ, или какъ тѣ люди, которые, по изображенію Исаіи, приняли духа умиленія (Ис. 39.40). Ужели не познаемъ случившагося чуда? Ужели не убоимся божественнаго знаменія? Не лучше ли намъ сдѣлаться узниками, связанными почитаніемъ къ этимъ разрѣшеннымъ отъ узъ?—Но языкъ еретиковъ опять покушается оклеветать чудо, какъ фарисейскій старался оклеветать то, что тогда было совершаемо Господомъ; они называютъ это явнымъ чародѣйствомъ и хитростью волшебства, другими словами, они приписывали это необыкновенное дѣйствіе Веельзевулу, сами будучи исполнены силы его. Послѣ того—нужно же было, чтобы не позналъ сего неразумный князь—святыхъ опять обременили оковами, тягчайшими прежнихъ, и изнуреніемъ въ темницѣ, еще болѣе безотраднымъ, нежели прежде. Прошло три дня, и вотъ опять, когда они совершали молитву третьяго часа, случилось то же самое, что прежде: трусъ, соединенный съ шумомъ съ небеси, и спаденіе оковъ,—и опять богоборцы, не объявивши ничего князю объ этомъ происшествіи, подвергли святыхъ тѣмъ же самымъ оскорбленіямъ, которыхъ, по суду истины, сами были вполнѣ достойны. Но Богъ открываетъ съ обѣихъ сторонъ взаимное соревнованіе въ дѣйствіи злобы, съ одной стороны, и въ ученіи, вселяющемъ радость, съ другой. По прошествіи десяти дней опять въ третій разъ востокъ свыше посѣтилъ (Лук. 1. 78) подвижниковъ. Но безчувственные еретики остались опять въ томъ же самомъ ожесточеніи; стропотное не дѣлалось правымъ (Лук. 3. 5), и недостатокъ разумѣнія въ познаніи добра не восполнился. Итакъ, къ боли ранъ, которую чувствовали святые, еретики прибавили еще болѣе. Получивши отъ князя позволеніе поступать, какъ имъ заблагоразсудится, они выводятъ ихъ изъ темницы, истязуютъ ударами, какъ говорится, нечеловѣческими, не давая никакой пощады ни сѣдинамъ, ни слабости, которой отъ многихъ изнуреній подвергались тѣла святыхъ.

XIII. Но ничего этого не узналъ князь, раболѣпствовавшій еретикамъ; ибо онъ по обстоятельствамъ находился въ отлучкѣ; а если бы былъ дома, то еретики не показали бы такихъ жестокостей надъ исповѣдниками истины; потому что онъ. хоть въ тысячу разъ болѣе расположенъ былъ къ франкамъ, но, несмотря на свою

полузвѣрскую и жестокую природу, уважалъ добродѣтель святыхъ мужей, въ особенности когда Богъ сотворилъ трижды повторившееся чудо. Послѣ такихъ безчеловѣчныхъ ударовъ еретики, не давши святымъ подкрѣпить себя сколько-либо пищею — ибо они никому не позволяли бросить ни одного куска хлѣба рабамъ I. Христа, и можно сказать, помазанникамъ, или христамъ,—отдали ихъ воинамъ отвести въ разныя мѣста, прилежащія къ Истру [20]), обрекши гражданъ небесныхъ на всегдашнее изгнаніе изъ города. Воины, люди грубые—ибо это были нѣмцы,—и въ природѣ своей имѣя что-то звѣрское, а потомъ увеличивши это звѣрство вслѣдствіе приказанія, взявши святыхъ, выводятъ изъ города и потомъ, снявши съ нихъ одежды, повлекли ихъ нагими. Такимъ образомъ, въ одно и то же время подвергали ихъ двоякой скорби: позору и непріятному дѣйствію холоднаго воздуха, облегающаго всегда страны, при Истрѣ находящіяся. Они даже прикладывали мечи къ ихъ выямъ, какъ бы намѣреваясь поразить, и подставляли къ бокамъ копья, какъ бы готовясь вонзить оныя, чтобы они не однажды умирали, но столько разъ, сколько того ожидали; и все это наказано было воинамъ отъ враговъ. Но когда они уже находились на далекомъ разстояніи отъ города, то воины, которые вели, покинувши ихъ, отправились опять въ городъ.

Удаленіе ихъ въ Болгарію.

XIV. А исповѣдники Христовы, помня слова Господа, заповѣдавшаго гонимымъ изъ одного города бѣжать въ другой (Матѳ. 10.23), влеклись желаніемъ въ Болгарію; въ Болгарію стремился духъ ихъ; въ Болгаріи надѣялись они найти успокоеніе. Но и въ этомъ отчаявались, если бы имъ не удалось скрыть пути своего; поэтому они и старались укрываться отъ взоровъ всѣхъ, претерпѣвая нужду въ пищѣ и одеждѣ. Итакъ, они принуждены были отъ страха разлучиться другъ отъ друга, и разошлись въ разныя стороны, по Божію изволенію, чтобы также и большее число странъ озарить свѣтомъ Евангелія.

XV. Климентъ, взявши съ собою Наума и Ангеларія, пошелъ по направленію къ Истру; и вотъ, они попадаютъ въ одно селеніе, желая дать нѣкоторое успокоеніе тѣлу, изнуренному лишеніемъ пропитанія и крова. Тутъ, поискавши, кто въ этомъ селеніи боголюбивъ и страннолюбивъ и извѣстенъ благочестивою жизнію, а потому и былъ тѣмъ самымъ сыномъ мира, о которомъ говоритъ Христосъ,—когда нашли такого человѣка, у него и расположились.

---

[20]) Истръ—Дунай.

У этого человѣка былъ сынъ и единородный, и прекрасный, и находился въ цвѣтущемъ возрастѣ; какъ скоро странники вошли къ нему въ домъ, сынъ этотъ отошелъ изъ сей жизни; этотъ прекрасный юноша—единственное око у отца и цвѣтущая отрасль своего рода. Что, вы думаете, ощущалъ тогда отецъ? Чего не говорилъ онъ, подвергшись несчастнымъ образомъ такому бѣдствію при вступленіи странниковъ въ его домъ?—„Хороша эта награда за гостепріимство; для того я отворилъ вамъ дверь, чтобы домъ мой сдѣлался запертъ, оставшись безъ наслѣдника? Для того подалъ я вамъ руку, чтобы лишиться этой единственной у меня правой руки? О, горестный тотъ день, въ который вы вступили въ это селеніе! О, мрачный свѣтъ, который показывалъ вамъ путь къ моему дому! Вѣрно, вы чародѣи и враги Бога Единаго, и вотъ, я получаю отъ Него наказаніе за то, что васъ, Ему ненавистнѣйшихъ, пустилъ подъ кровъ свой. Много и другихъ я впускалъ въ домъ, и предлагая во имя Божіе отъ плодовъ, какіе у меня были, и принимая по возможности; но Господь умножалъ домъ мой—у меня не убывало, а прибывало; и эту трату я находилъ для себя приращеніемъ, и сѣмя, посѣянное о благословеніи,—жатвою благословенною (2 Кор. 9. 6), обильнымъ плодомъ, вознаграждающимъ трудъ земледѣльца. А теперь .. но, о сынъ мой любезнѣйшій, ты, который для меня несравненно лучше и дороже всѣхъ моихъ стяжаній, или лучше сказать, милѣе утробы и вожделѣннѣе самой жизни, ты убитъ приходомъ ко мнѣ этихъ проклятыхъ. Навѣрное, это колдуны, демоны, убійцы, которые утѣшаются смертію дѣтей. Но вы не избѣжите наказанія, хотя бы вооружились всею своею магіею; попавши въ руки отца, который изъ-за васъ оплакиваетъ сына, сына единороднаго и прекраснаго, за все, что вы сдѣлали, получите теперь достойную награду.—И вотъ, уже требовалъ для нихъ оковъ и мученій. Но они и сами страдали не менѣе отца, и могло ль быть иначе съ душами сострадательными и человѣколюбивыми, а сверхъ того, они терпѣли еще отъ стыда. Но, ободрившись вѣрою, для которой все возможно, по словамъ Господа, и самое невозможное, рѣшились прибѣгнуть къ молитвѣ; съ кротостью стараясь успокоить кипящій гнѣвъ отца и смягчить жестокость справедливаго негодованія, они говорили: человѣкъ Божій! Мы не волшебники, напротивъ, и другихъ, которые этимъ занимаются, предаемъ проклятію; но мы служимъ Богу истинному, о Которомъ знаемъ и вѣримъ, что Онъ страшенъ и для стражей адовыхъ, Который прикосновеніемъ руки низлагаетъ смерть (Лук. 7.14) и однимъ возва-

ніемъ возвращаетъ жизнь четверодневному и уже смердящему мертвецу (Іоан. 11.39.43). Итакъ, если ты думаешь, что мы виновны въ смерти твоего сына, то изъ-за насъ будь покоенъ, ибо мы уповаемъ, что Господь для насъ даруетъ ему жизнь. Потомъ, помолившись надъ юношею,—о, новое чудо! о, благодать Твоя, Спасителю Христе, присносіяющая!—представили живого сына томящемуся по немъ отцу. Что же тогда отецъ? „Святые мужи, рабы Божіи, спасители моего дома“, началъ взывать и, не владѣя собою отъ радости, въ какомъ-то необыкновенномъ восторгѣ и изступленіи кричалъ: простите мнѣ, отцы преподобные, простите: я былъ въ непростительномъ невѣдѣніи о васъ. Но вотъ вамъ все мое имущество въ распоряженіе, и самъ я буду вашимъ слугою; пользуйтесь моими благами и дѣлайте, что вамъ угодно, дайте только видѣть мнѣ моего сына, котораго вы мнѣ нынѣ родили“.

Ученики Меѳодія у Бориса и его сановниковъ.

XVI. Они же, будучи довольны вѣрою этого человѣка и поспѣшая въ предлежащій путь, принявши отъ его усердія только то, что необходимо было для пути, пошли по направленію къ Истру, будучи провождены съ великою почестію отъ человѣка, удостоеннаго такого чуда. Когда же они, пришедши на берега Истра, увидѣли потокъ великій и непроходимый, то, связавши три дерева липовою корою и будучи охраняемы силою свыше, переплыли на нихъ черезъ рѣку и такимъ образомъ, убѣгая отъ потопа ересей, по Божію промыслу, спаслись помощію деревъ; и, пришедши въ Бѣлградъ (этотъ городъ знаменитѣйшій изъ всѣхъ, лежащихъ при Истрѣ), явились къ Боритакану [21]), которому въ то время ввѣрено было его охраненіе и, по желанію его, разсказали о всемъ, что съ ними случилось. Такъ какъ Боритаканъ, выслушавъ этотъ разсказъ, получилъ о нихъ понятіе, какъ о мужахъ великихъ и приближенныхъ къ Богу, то и счелъ необходимымъ отправить чужестранцевъ сихъ къ болгарскому князю Борису, у котораго онъ служилъ воеводою; ибо онъ зналъ, что Борисъ жаждетъ таковыхъ людей. Итакъ, давши имъ успокоиться отъ дальняго пути, онъ послалъ потомъ князю этотъ многоцѣнный даръ, объяснивъ ему, что это именно такіе люди, которыхъ онъ съ великимъ усердіемъ ищетъ. Когда они пришли къ Борису и были приняты съ великою поче-

---

[21]) Боритаканъ, Ехачъ и Довета (или Добета): вельможи Бориса носятъ имена не-славянскія. Исключеніе составляетъ лишь Чаславъ, Это указываетъ на господство у болгаръ туранской стихіи.—Први основи словенске књижевности међу балканским словенима. Културно историјске студије Стојана Новаковича. Београд 1893.

стію, подобающею людямъ всякаго уваженія и почтенія достойнымъ, князь разспрашивалъ о ихъ приключеніяхъ, и они разсказали ему о всемъ сначала до конца, не опустивши ничего. Князь, выслушавши это, усердно благодарилъ Бога, пославшаго таковыхъ служителей своихъ, какъ благодѣтелей Болгаріи, даровавшаго учителей и насадителей вѣры, людей не какихъ-нибудь обыкновенныхъ, но исповѣдниковъ и мучениковъ. Давши имъ священническія одежды и оказавши всякую почесть, приказалъ опредѣлить имъ жилица, назначенныя для первыхъ изъ его друзей, и предоставилъ имъ во всемъ изобиліи пользоваться всѣмъ необходимымъ, вполнѣ понимая, что развлеченіе мысли заботою о какой-нибудь маловажной потребности тѣлесной весьма много отнимаетъ отъ занятій, посвященныхъ Богу; а имъ самимъ овладѣло сильное желаніе каждый день бесѣдовать съ ними, узнавать отъ нихъ древнія повѣствованія и житія святыхъ и устами ихъ перечитывать то, что находится въ писаніяхъ. И изъ лицъ, его окружавшихъ, тѣ, которыя отличались передъ прочими знаменитостію рода и большимъ богатствомъ, приходя къ святымъ, какъ дѣти къ учителямъ, спрашивали о всемъ, что относилось ко спасенію, и, почерпая изъ оныхъ приснотекущихъ источниковъ, пили сами и сообщали эту воду домамъ своимъ, и особенное показывали расположеніе къ святымъ, стараясь каждый о томъ, нельзя ли какъ-нибудь убѣдить ихъ войти въ домъ свой, считая присутствіе этихъ учителей освященіемъ его и вѣруя, что, гдѣ находятся сіи три мужа, во всемъ между собою соединенные, и душою и тѣломъ, тамъ присутствуетъ и самъ Господь. Но святые, избѣгая безпокойствъ и вмѣстѣ стараясь дѣлать угодное князю, не рѣшались вступать въ домы частныхъ лицъ, развѣ когда изъявлялъ на то свое согласіе боголюбивый оный князь. Такимъ образомъ, одинъ болгаринъ, по имени Ехачъ, изъ числа сановниковъ, пришедши къ князю, просилъ позволенія принять священнѣйшаго Климента съ преподобнымъ Наумомъ въ свой домъ; князь, будучи хорошо расположенъ къ просителю, охотно согласился и наказалъ: учителей этихъ принимать со всею почестію, пока мы совершенно не устроимъ при нихъ всего, что надобно сдѣлать. Освящается также и домъ Часлава пребываніемъ въ немъ Ангеларія, ибо и на его просьбу о принятіи къ себѣ этого наставника князь изъявилъ свое согласіе. Но не суждено было Чаславу долго наслаждаться его пребываніемъ въ сей жизни: Ангеларій, поживши у него нѣсколько времени, съ радостію предалъ духъ свой въ руки святыхъ ангеловъ. А Климентъ и Наумъ оставались

у Ехача, пользуясь всякою почестію; но бо́льшую и важнѣйшую пользу приносили они своими дарами, ибо, сѣя сѣмена духовныя, сами пожинали тѣлесные плоды въ домѣ этого человѣка.

Климентъ въ Кутмичевицѣ.

XVII. Потомъ этотъ истинный воевода Божій Михаилъ, названный у насъ прежде Борисомъ, такъ какъ онъ не переставалъ всячески заботиться о томъ, какъ бы этимъ священнымъ мужамъ доставить всякій случай къ исполненію дѣла Божія, по вразумленію Божію, отдѣляетъ отъ Котокія Кутмичевицу и поставляетъ надъ нею начальникомъ Довету, освободивъ его отъ управленія; Доветѣ же даетъ блаженнаго Климента, или, лучше, Довету [22]) поручаетъ Клименту, а еще вѣрнѣе сказать, одного другому: одного, какъ исполнителя во всемъ, другого, какъ человѣка, имѣющаго воспользоваться содѣйствіемъ такого помощника для достиженія желаемой цѣли. Ибо Климентъ посылался учителемъ Кутмичевицы, и по всей сторонѣ жителямъ отдавались приказанія, чтобы этого святого принимать съ усердіемъ и доставлять ему все въ изобиліи и самое лучшее, привѣтствовать его дарами и посредствомъ видимыхъ сокровищъ любви, отложенныхъ для душъ, пріобрѣтать его и дѣлать общимъ для всѣхъ; а что̀ еще болѣе доставляло ему уваженія, самъ Борисъ предложилъ въ даръ блаженнѣйшему Клименту три дворца въ Діаболеѣ [23]), превосходные по великолѣпію, принадлежавшіе графскому роду. Кромѣ того, около Ахриды [24]) и Главеницы подарилъ ему мѣста для отдохновенія [25]).

Пастырская и учительская дѣятельность Климента.

XVIII. Вотъ что сдѣлано со стороны князя; такъ чудная душа, изливающая любовь во Христѣ, сколько возможно, на служителя Христова, служила и для прочихъ образцомъ такого многоцѣннаго усердія. Какъ же велъ себя Климентъ? Не сдѣлался ли онъ надменнымъ отъ почестей и, составивши о себѣ понятіе выше того, чѣмъ онъ былъ, не сталъ ли послѣ того жить роскошнѣе, въ той мысли, что онъ все уже исполнилъ? Совсѣмъ нѣтъ; напротивъ, онъ,

---

[22]) О имени Добеты смотри предшествующее замѣчаніе.

[23]) Діаболея у южныхъ славянъ передается Дѣволь у Матова, Девол у Новаковича.

[24]) Ахрида—у южныхъ славянъ Охридъ—на берегу Охридскаго озера.

[25]) Подвергнувъ разсмотрѣнію приводимыя въ этой главѣ названія мѣстностей, Новаковичъ въ указанномъ выше сочиненіи дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) что Кутмичевица была всего ближе къ Деволу, на равномъ разстояніи между Главеницей и Охридомъ; 2) что положеніе областей Котокія и Кутмичевицы слѣдуетъ искать не на востокѣ Македоніи, а на югозападъ отъ македонско-албанскаго озернаго предѣла, между Авлоной и Корчей; 3) что вся эта мѣстность имѣла славянское населеніе.

какъ будто бы еще ничѣмъ и нисколько не служивши Христу, эти самыя почести принялъ за начало своего подвига въ словѣ и тщанія въ дѣлѣ проповѣданія и никогда не переставалъ заботиться о томъ, какъ бы не обмануть князя въ надеждахъ, которыя на него были возлагаемы. Такимъ образомъ, въ этихъ странахъ, о которыхъ мы упомянули, онъ и язычникамъ громогласно проповѣдывалъ спасеніе Божіе, и всѣмъ вообще, въ бесѣдахъ своихъ излагая понятіе о спасительныхъ заповѣдяхъ Христовыхъ и божественныхъ догматахъ и стараясь внушить, что, какъ жизнь благочестивая безъ здраваго ученія есть въ сущности мертва и непрочна, такъ и ученіе безъ жизни не ведетъ къ животу вѣчному; первую онъ сравниваетъ съ слѣпцомъ, имѣющимъ ноги и руки, а другое— съ человѣкомъ зрячимъ, у котораго оторваны руки и ноги. Въ каждомъ округѣ своей паствы имѣя нѣсколько мужей, избранныхъ изъ числа прочихъ, и притомъ довольно многихъ, такъ какъ ихъ насчитывалось до 3050 человѣкъ, —съ ними большею частью бесѣдовалъ и раскрывалъ имъ болѣе глубокія мѣста Св. Писанія, а насъ смертныхъ и недостойныхъ, по благоутробію доброты своея, между всѣми другими сдѣлалъ къ себѣ приближеннѣе, и потому мы во всякое время находились при немъ, слѣдя за всѣмъ, что онъ дѣлалъ, что говорилъ и чему посредствомъ того и другого научалъ. Итакъ, мы никогда не видали его празднымъ; напротивъ, онъ или училъ дѣтей, и притомъ различно—однимъ показывалъ начертаніе письменъ, другимъ объяснялъ смыслъ написаннаго, иныхъ руководилъ и упражнялъ въ письмѣ,—или предавался молитвѣ и не только днемъ, но и ночью, или занимался чтеніемъ, или писалъ книги, а иногда въ одно время дѣлалъ два дѣла, занимаясь письмомъ и уча какой-нибудь наукѣ дѣтей; ибо онъ зналъ, что праздность научаетъ всякому злу (33.28), какъ мудрость, научающая всякому добру, изрекла устами одного изъ своихъ служителей. Поэтому ученики его были превосходнѣйшими изъ всѣхъ какъ по жизни, такъ и по ученью; ибо они, будучи такъ хорошо насаждены и такъ тщательно напоены, необходимо должны быть и возращены отъ Бога (1 Кор. 3. 7). Изъ нихъ поставлялъ онъ чтецовъ, иподіаконовъ и пресвитеровъ; въ каждомъ округѣ отправленіе дѣлъ поручалось тремъ-стамъ учениковъ, которые, не требуя себѣ платы, сами не несли никакой повинности князю, но приносили службу Богу и Ему опредѣлены были платить или, правильнѣе, воздавать долгъ. Вотъ дѣйствія Климента въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ.

Смерть Бориса.

XIX. Восьмой годъ его учительства былъ уже послѣднимъ годомъ жизни раба Божія Михаила-Бориса, освященнаго князя Болгаріи. Послѣ него княжеское достоинство принимаетъ сынъ его Владиміръ, который по прошествіи четырехъ лѣтъ своего княженія преставился [26]); наслѣдникомъ же всего остался братъ его Симеонъ, который первый названъ былъ царемъ болгарскимъ. Онъ рожденъ Михаиломъ по образу его и по подобію и сохранилъ въ себѣ неподдѣльныя черты душевной доброты; въ обращеніи со всѣми былъ простъ и благосклоненъ, въ особенности къ тѣмъ, которые выказывали доброту нравовъ; жизнь велъ самую христіанскую, показывалъ теплую вѣру и снѣдаемъ былъ ревностью дома Божія (Пс. 68 10). Такимъ образомъ, онъ восполнилъ то, что оставалось недоконченнымъ послѣ отца, — усилилъ проповѣданіе слова Божія и построеніемъ повсемѣстно церквей утвердилъ непоколебимо православіе и проложилъ широкій и безпрепятственный путь закону Божію.

Климентъ поставляется епископомъ Велицы.

XX. Когда слава, дѣлавшая Климента великимъ и ставившая все выше, нежели, какъ онъ самъ о себѣ думалъ, такъ какъ и дѣйствительно онъ восхожденія положилъ въ сердцѣ (Пс. 83. 6) — достигла, наконецъ, и до царя Симеона и поселила въ немъ любовь къ доблести этого учителя; тогда царь призываетъ къ себѣ святого, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и, ощутивъ освященіе отъ самаго наружнаго его вида, — ибо видъ блаженнаго Климента внушалъ величайшее къ нему уваженіе въ самихъ врагахъ, — много говорилъ въ прославленіе страны болгарской и почиталъ блаженнымъ свое царствованіе, въ которое такое благо даровано было отъ Бога. Послѣ того Климентъ, соблюдавши доселѣ и наставлявши тѣхъ, которые изъ окружавшихъ его были разумнѣе прочихъ и которые всѣ внимали ему, какъ отцу, въ той увѣренности, что то только угодно Богу, что они дѣлаютъ въ честь его, возводится въ степень епископа Дрембицы и Велицы [27]), и, такимъ образомъ Климентъ дѣлается первымъ епископомъ въ народѣ болгарскомъ.

---

[26]) Борисъ, Михаилъ не умеръ на великокняжескомъ престолѣ, а оставилъ его для монашества; старшій сынъ Бориса Владимиръ точно также не умеръ на престолѣ, а былъ низведенъ съ него отцомъ или братомъ. — Голубинскій.

[27]) Въ болгарскомъ переводѣ эти имена читаются: Дрембика или Велика. Въ святцахъ глаголическаго Асеманова Евангелія и въ заглавіи одного изъ похвальныхъ словъ Климентъ называется епископомъ величскимъ, а не велицкимъ и не бѣлицкимъ, какъ его называетъ Голубинскій. Смотри объ этомъ у Дринова и Новаковича.

Когда же ему вручено было дѣло епископства, то онъ эту высоту достоинства сдѣлалъ лѣствицею возвышенія къ Богу и къ прежнимъ трудамъ присоединилъ въ нѣсколько разъ болѣе.

XXI. Соломонъ говоритъ, что приложивый разумъ приложитъ болѣзнь (Еккл. 1. 18); а Симеонъ, прилагая Клименту почесть, приложилъ ему болѣзнь; ибо онъ, нашедши, что народъ этой области съ словомъ Божіимъ и писаніями совершенно незнакомъ и не наставленъ ни въ чемъ, что украшаетъ церковь и устрояетъ народъ духомъ благочинія и порядка, не давалъ сна очамъ, ни вѣждямъ дреманія (Пс. 131. 4); напротивъ, въ попеченіи о народѣ находилъ для себѣ пищу и удовольствіе; всегда поучалъ и всегда устроялъ, изгоняя невѣжество, упорядочивая безпорядочное,—и былъ всѣмъ вся (1 Кор. 9. 22), смотря по нуждѣ каждаго; научалъ клиръ церковному благоустройству и всему, что касается до псалмопѣній и молитвъ, такъ что, наконецъ, клирики его паствы были ничѣмъ не ниже другихъ, славившихся въ этомъ родѣ, а между тѣмъ болѣе всѣхъ украшались всѣми похвальными свойствами; въ народѣ укрѣплялъ умы и утвержденіе вѣры ихъ полагалъ на камени праваго служенія христіанскаго; ибо онъ былъ вовсе невѣжественный и просто сказать, скотоподобный. Притомъ, питая такимъ образомъ словомъ, этимъ истиннымъ хлѣбомъ, укрѣпляющимъ сердца, онъ не заботился и тѣлесно питать тѣхъ, которыхъ находилъ нуждающимися въ этой пищѣ; иначе онъ вполовину только подражалъ бы своему Іисусу, о которомъ зналъ, что Онъ вмѣстѣ съ ученіемъ питалъ и хлѣбами неблагодарныхъ. Поэтому онъ былъ и отецъ сирыхъ, и помощникъ вдовицъ, заботившійся о нихъ всѣми способами; дверь его всегда была отверста для всякаго бѣднаго, и странникъ не ночевалъ у него за воротами. Пастырскіе труды Климента.

XXII. Въ образецъ жизни своей поставилъ онъ себѣ великаго Меѳодія и, съ нимъ сообразуя свои дѣйствія, заботился и молился, какъ бы не уклониться отъ него; жизнь его и дѣянія, какъ бы нѣкоторую картину искуснаго въ живописи художника, взявши за образецъ своей жизни, тщательно старался по немъ изобразить себя. Ибо онъ зналъ жизнь его такъ, какъ никто другой; потому что, еще отъ юности и съ раннихъ лѣтъ послѣдовавши за нимъ, видѣлъ все своими глазами, что дѣлалъ его учитель. Зная грубость народа и совершенное невѣжество въ познаніи писаній, и замѣчая, что многіе священники болгарскіе, выучившись только читать, не понимаютъ греческихъ сочиненій и потому не просвѣщены, такъ какъ на болгарскомъ языкѣ не было поучительныхъ словъ, приноровленныхъ Литературные труды Климента. Поученія на праздничные дни.

къ празднествамъ, — зная все сіе, онъ и противъ этого старается принять свои мѣры и помощью ихъ разрушаетъ преграду невѣжества; составивъ на всѣ праздники поучительныя слова, простыя и ясныя, которыя, не заключая въ себѣ ничего углубленнаго и утонченнаго, понятны были и для самаго простого болгарина,— поученіями этими питалъ души слабѣйшихъ, поивши ихъ млекомъ, такъ какъ они не въ состояніи были принимать пищи болѣе крѣпкой, и былъ другимъ Павломъ для другихъ коринѳянъ, болгаръ. Изъ нихъ можно научиться таинствамъ празднествъ, совершаемыхъ о Христѣ и во Христѣ, а также и въ память Пресвятыя Богородицы, которая многократно, какъ вы знаете, совершается ежегодно; ревностью Климента въ этихъ словахъ разсѣяно много похвалъ и и повѣствованій о Ея чудесахъ; найдешь и Крестителя не лишеннымъ подобающихъ ему похвалъ и узнаешь о чудныхъ обрѣтеніяхъ главы его; встрѣтишь житія и пути проповѣданія пророковъ и апостоловъ, подвигами мучениковъ окрылишься и возвысишься къ Тому, Кто пріобщилъ ихъ къ Себѣ Своею кровію. Ты любишь правила жизни и дѣйствій преподобныхъ отцовъ и ревнитель житія безплотнаго и безкровнаго? Найдешь и это обработаннымъ на болгарскомъ языкѣ премудрымъ Климентомъ. Говорятъ, всѣ эти сочиненія сохраняются людьми трудолюбивыми, и изъ нихъ одни написаны въ честь многихъ святыхъ, другія въ похвалу Пречистыя Божіея Матери, въ видѣ молитвъ и благодарственныхъ пѣсней; вообще все, что относится къ церкви, чѣмъ украшаются памяти Господа Бога и святыхъ Его и души возбуждаются, все это Климентъ предалъ намъ болгарамъ [28]).

XXIII. Эти творенія онъ оставилъ и въ монастырѣ своемъ, который построилъ въ Ахридѣ, еще при жизни блаженнаго Бориса, прежде, нежели совершенно принялъ епископію величскую. Именно, послѣ того, какъ онъ увидѣлъ, что этотъ князь всю подвластную себѣ Болгарію опоясалъ семью соборными храмами и возжегъ какъ бы нѣкій свѣтильникъ седмисвѣщный, то и самъ захотѣлъ построить свой собственный монастырь въ Ахридѣ; къ этому монастырю присоединилъ еще другую церковь, которая впослѣдствіи сдѣлана архі-

---

[28]) До насъ дошли двѣнадцать поученій, на содержаніе которыхъ указывается въ этой главѣ, съ именемъ Климента, епископа словенскаго. Житіе вѣрно характеризуетъ простоту и ясность изложенія этихъ поученій и панегирическій характеръ нѣкоторыхъ изъ нихъ, приближающій ихъ къ церковнымъ пѣснопѣніямъ. Свѣдѣнія о литературной дѣятельности Климента можно найти въ упомянутомъ выше трудѣ: „Климентъ, епископъ словѣнскій“.

епископскою каѳедрою; такимъ образомъ, въ Ахридѣ было три церкви, одна соборная и двѣ, построенныя св. Климентомъ, которыя величиною были гораздо меньше соборной, но по своей округлости и сферическому виду казались пріятнѣе. Климентъ всѣми способами старался изгнать изъ сердецъ болгаръ нерадѣніе къ дѣламъ благочестія и, привлекая красотою зданій, собрать ихъ воедино и вообще смягчить сердца ихъ, дикость и закоснѣлость относительно богопознанія. Но тутъ еще нѣтъ ничего необыкновеннаго, что онъ старался измѣнить образъ мыслей въ людяхъ и сообщить имъ характеръ образованія и достоинства человѣческаго; но тогда какъ во всей странѣ на почвѣ болгарской росли только дикія деревья и недоставало плодовъ, годныхъ для употребленія, онъ и это благодѣяніе даровалъ ей, вывезши изъ страны греческой всякаго рода садовыя деревья и дикія растенія чрезъ прививаніе сдѣлавши плодовитыми, чтобы, какъ я думаю, и этимъ самымъ научить души человѣческія усвоивать себѣ соки благотворные и приносить Богу плодъ исполненіемъ Его божественной воли, которая сдѣлалась для него единственнымъ брашномъ. Такъ онъ заботился о пользѣ душъ и о томъ, чтобы всѣми способами расширить церковь Господню, не взирая ни на какія потребности тѣла (Дѣян. 20.24) и не дорожа душою своею, по словамъ божественнаго апостола, но заботясь, чтобы многіе достигли спасенія.

XXIV. Когда онъ питалъ таковую привязанность къ Богу и какъ сынъ, любилъ Отца Небеснаго, ужели сынъ не имѣлъ достаточныхъ свидѣтельствъ о томъ, что и онъ отъ Бога взаимно возлюбленъ? Нѣтъ, Богъ прославляетъ и его, даруя благодать чудотворенія. А какимъ образомъ, объ этомъ сейчасъ услышите. Климентъ возвращается изъ Главеницы въ Ахриду какъ для того, чтобы видѣть жителей этой страны, тверды ли они душою и подкрѣпляются ли страхомъ Божіимъ, какъ бы нѣкимъ жезломъ, такъ вмѣстѣ и для того, чтобы на свободѣ побесѣдовать съ Богомъ въ монастырѣ, къ которому по красотѣ его будучи привязанъ, скучалъ, когда отвлекался куда-нибудь въ другое мѣсто. Когда онъ проходилъ, двое какихъ-то разслабленныхъ, — изъ коихъ одинъ, кромѣ разслабленія, лишенъ былъ и вожделѣннѣйшаго для всѣхъ зрѣнія, — попавшись ему на глаза, возбудили въ сострадательнѣйшей душѣ его сожалѣніе. Но сколько онъ готовъ былъ къ состраданію, столько же склоненъ и къ смиренномудрію; даже въ немъ болѣе было заботы о томъ, чтобы чудотвореніе его осталось втайнѣ, нежели въ разслабленныхъ желанія получить

по возвращеніи своемъ онъ вскорѣ подвергается болѣзни, и предузнавши о своей смерти, даетъ церквамъ болгарскимъ прощальный даръ, состоящій въ прибавленіи къ тріоди того, чего въ ней недоставало; именно все, что поется отъ недѣли Новой (Ѳоминой) до самой Пятдесятницы, докончилъ онъ въ это время. Отсюда людямъ прозорливѣйшимъ можно заключить, каковъ долженъ быть въ здоровомъ состояніи тѣла тотъ, который и въ самой болѣзни изнурялъ себя трудами. Но поистинѣ внутренній человѣкъ его обновлялся, елико внѣшній тлѣлъ (2 Кор. 4,16), и онъ могъ съ апостоломъ Павломъ говорить: „егда немощствую (2 Кор. 12.10), тогда силенъ есмь“. Что еще? Онъ дѣлаетъ завѣщаніе, и это согласно съ правилами (церковными), какъ о книгахъ имъ написанныхъ, такъ и о прочемъ имуществѣ, которое принадлежало ему, или лучше сказать Богу, къ Которому онъ все относилъ, и Которымъ, какъ единственно добрымъ бисеромъ, подобно мудрому купцу, обогащался, не заботясь много о раковинахъ. Раздѣливши все на двѣ части, одну половину оставилъ епископіи, а другую обители, ясно показавши и здѣсь, и какъ пріобрѣтать должно, и что раздѣлъ его былъ по Божію мановенію. Ибо онъ допускалъ и пріобрѣтеніе отъ благовѣрныхъ князей и царей, которыхъ никакъ не должно охлаждать отказомъ, тѣмъ болѣе, когда они еще не вышли изъ состоянія грубости. Примѣръ этому показалъ и самъ Господь, какъ Онъ жену, пришедшую къ Нему съ мγромъ, не только не презрѣлъ, но и принялъ ее и далъ мѣсто въ Евангеліи. Съ другой стороны и нестяжательность обнаружилъ, согласную съ Евангеліемъ и правилами церковными и безпримѣрно похвальнымъ образомъ.

Кончина Климента. XXVII. Такъ поживши и такъ украсивши дарованную ему отъ Бога каѳедру, положивъ конецъ, сообразный съ началомъ, и совершивши кровъ вполнѣ приличный основанію, переселился ко Господу. Святое тѣло его, равночестное съ душою, по священному обряду будучи отпѣто и почтено, хотя не по тому достоинству, котораго онъ заслуживалъ, по крайней мѣрѣ, по силамъ чтителей, положено въ этой обители во гробѣ, устроенномъ собственными его руками, по правую сторону трапезы, 27-го іюля, въ царствованіе Симеона, царя болгарскаго, въ лѣто отъ сотворенія міра 6424.

XXVIII. Но вотъ, на что я не обратилъ еще вниманія,—не малое доказательство сочувствія душъ святыхъ: предъ кончиною Климента нѣкоторые изъ его учениковъ видѣли во снѣ Кирилла и Меѳодія, которые пришли къ этому святому и предвозвѣстили исходъ жизни его. И такъ онъ, казалось, отошелъ отъ насъ и покинулъ

здѣшнюю жизнь, но благодать его не покинула насъ, напротивъ останки сего учителя еще и доселѣ творятъ благодѣянія, исцѣляя всякой недугъ и всякую болѣзнь (Матѳ. 9.35). Доказательствомъ сказаннаго мною служитъ больной, имѣвшій изсохшія руки и ноги, который, прибывши къ храму, когда совершалось божественное священнодѣйствіе, получилъ исцѣленіе. Народъ не зналъ его, кто онъ и откуда. Но какъ онъ къ служенію сталъ прибавлять благодареніе, изливался въ исповѣданіи своемъ передъ Богомъ, простиралъ исцѣлѣвшія свои руки, и своими воплями становился уже скучнымъ для бывшихъ тогда въ храмѣ, что наконецъ спрашиваютъ его о причинѣ этого благодаренія, и онъ разсказываетъ все: что онъ самъ также изъ Ахриды, и страдалъ уже нѣсколько лѣтъ этою болѣзнію; когда безнадежность столько же одолѣвала его, какъ и болѣзнь, то онъ всзнамѣрился поклониться гробу святого, не пошлетъ ли ему утѣшенія все-исцѣляющій во Христѣ Климентъ; такимъ образомъ, поползши на рукахъ и ногахъ, достигъ гроба этого Святого; тутъ пришелъ въ изступленіе и видѣлъ нѣкоего старца, который, прикоснувшись власамъ его, велитъ ему встать, и вмѣстѣ съ этимъ словомъ онъ слышитъ въ тѣлѣ стукъ, какъ бы кости его, сходясь между собою, ударились одна объ другую; вѣрно въ это время члены его совокуплялись и расправлялись жилы, чтобы произвести движеніе; послѣ того, пришедши въ себя, говоритъ онъ: я былъ здоровъ, и руки у меня уже не сухія, ноги уже не сухія, и уже нѣтъ разслабленія въ тѣлѣ, и вотъ я воздѣваю руки къ тому, кто простеръ мнѣ ихъ, и теперь стою на ногахъ своихъ. Такъ говоритъ имѣвшій недавно изсохшія руки и ноги, источая изъ глубины сердца глаголы исповѣданія; съ нимъ согласовались предстоявшіе и также славили Святого благодарственными гласами. Что мнѣ упоминать еще о томъ или другомъ? Кто не знаетъ, сколь много бѣсноватыхъ, сколь много одержимыхъ другими болѣзнями получили избавленіе отъ тяжкихъ страданій, или пришедши ко гробу, или призвавши только имя его съ вѣрою, которая поистинѣ бываетъ при этомъ дѣятельною помощницею? Поэтому болгары, отъ малаго до великаго, вкушая благодать, происходящую отъ сего Святого, показываютъ невыразимое усердіе въ его чествованіи, дѣлая ему каждый посильныя приношенія.

XXIX. О, божественная и священная главо, въ которой Духъ Святый утвердилъ свое сѣданіе! о, свѣтило, господствующее не о немъ только и не ночью только, но и ночью и днемъ озаряющее **Заключеніе.**

насъ твоими дарами, боремся ли мы когда съ искушеніями и какъ бы какою ночью облегаемся мракомъ искушеній, или наслаждаемся покоемъ, и проясняемся какъ бы нѣкоторымъ свѣтомъ, въ то и другое времена мы сподобляемся твоей благости! О, труба, которою вострубилъ намъ Утѣшитель! О, Пастырь добрый, положившій за насъ—твоихъ овецъ, святую душу, и потомъ и многими трудами устроившій и управившій стадо Божіе, водворившій насъ на мѣстѣ злачномъ, на основаніи писаній, твоими устами изъясненныхъ; воспитавшій насъ на водѣ упокоенія, во святомъ Крещеніи, и наставившій на стези правды, къ дѣланію добродѣтели! Чрезъ тебя вся болгарская страна познала Бога, ты наполнилъ и украсилъ церкви пѣснями и псалмопѣніями, празднества просвѣтилъ поучительными чтеніями; чрезъ тебя монашествующіе житіями Св. Отецъ руководствуются къ подвигамъ; чрезъ тебя священники научаются жить согласно съ постановленіями церковными; о, Ангелъ земный и человѣкъ небесный! о, маслина ни мало не оскудѣвающая предвозвѣщеннымъ у пророка тукомъ, и даже еще обильнѣйшихъ сыновъ плодоприносящая (Ср. Псал. 62.6. 35.9. 127.4), о, путеводитель слѣпыхъ, о которомъ бы изъ двухъ слѣпотствованій и путеводствъ не помышлялъ кто-нибудь! О ты, приведшій ко Господу люди избранны (Тит. 2.14), ревнители добрымъ дѣломъ, которыя они въ тебѣ видѣли! Паки и паки призри на твое наслѣдіе,—поистинѣ ты теперь больше имѣешь силы, нежели когда былъ въ тѣлѣ,—и прогони злую ересь, которая, какъ язва, вкралась на пагубу твоего стада, въ особенности послѣ твоего успѣнія во Христѣ, да не разсыплетъ и не погубитъ она овецъ пажити, тобою указанной. О, пастырь святый и добрый! Соблюди и отъ варварскихъ нашествій неприкосновенными питомцевъ твоихъ, сохраняя насъ, какъ во всякое время, такъ въ особенности теперь, когда скорбь приближается, когда нѣтъ помогающаго, когда Скиѳскій мечъ упился въ крови болгарской, когда руки безбожниковъ мертвыя тѣла новыхъ чадъ твоихъ выбросили на снѣденіе птицамъ небеснымъ,—ихъ ты сокруши десною рукою Бога, Которому ты служилъ, миръ даруя людямъ своимъ, дабы мы и торжество твое могли устроить во всякой радости, чрезъ тебя прославляя Отца и Сына и Св. Духа, какъ единаго Бога, Которому подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

4. Житіе и перенесеніе мощей св. Климента [1]).

(ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛЕГЕНДА).

Константинъ и хазары.

I. Въ годы правленія Византіей императора Михаила былъ одинъ мужъ знатнаго происхожденія, родомъ изъ Солуня, именемъ Константинъ, котораго за чудесный умъ, съ малолѣтства въ немъ открывшійся, по справедливости прозвали философомъ. Достигши зрѣлыхъ лѣтъ, онъ привезенъ былъ родителями въ столицу. Тамъ, какъ мужъ весьма благочестивый и благоразумный, украсился священническимъ саномъ. Въ то же время къ упомянутому императору прибыли послы отъ хазаръ, прося и моля, прислать къ нимъ ученаго мужа, который бы научилъ ихъ неложно каѳолической вѣрѣ, прибавляя между прочимъ, какимъ образомъ то іудеи, то сарацины стараются обратить ихъ въ свою вѣру. Но мы, не зная на чью сторону лучше склониться, рѣшились просить совѣта о нашей вѣрѣ и спасеніи у верховнѣйшаго и каѳолическаго императора, полагаясь на вашу вѣрность и старинную дружбу. Тогда

---

1) Такъ называемая итальянская легенда Vita cum translatione S. Clementis, составленная лицомъ, принадлежащимъ римской церкви, на сколько можно судить по ея содержанію, излагаетъ намъ дѣятельность святого Кирилла въ связи съ перенесеніемъ въ Римъ обрѣтенныхъ имъ мощей святого мученика Климента, папы Римскаго. Оттого въ итальянской легендѣ и отведено разсказу объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей святого Климента такое видное мѣсто, что А. В. Горскій опредѣлилъ содержаніе легенды въ слѣдующихъ словахъ: „сія легенда есть, собственно, повѣствованіе о перенесеніи мощей святого Климента, а не о дѣяніяхъ Константина". — А такъ какъ обрѣтеніе мощей святого Климента Кирилломъ стояло въ связи съ его поѣздкой для проповѣди къ хазарамъ, то, сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи Кирилла, легенда начинаетъ съ разсказа о прибытіи въ Константинополь хазарскаго посольства и объ отъѣздѣ Константина въ Хазарію и затѣмъ, разсказавъ объ обрѣтеніи мощей святого Климента, кратко говоритъ о результатахъ хазарской миссіи. Далѣе, такъ какъ мощи святого Климента были принесены Константиномъ изъ Моравіи, то легенда опять-таки въ самыхъ краткихъ чертахъ говоритъ о посольствѣ Ростислава въ Константинополь и о прибытіи въ Моравію Константина, которое повело за собой вызовъ его въ Римъ. Наконецъ, быстрая кончина Константина въ Римѣ дала поводъ составителю легенды разсказать о послѣднихъ дняхъ его жизни и обстоятельствахъ его погребенія, тѣмъ болѣе что погребеніе Кирилла въ храмѣ св. Климента нераздѣльно соединяло воспоминаніе о св. мученикѣ съ памятью о томъ человѣкѣ, который былъ главнымъ виновникомъ обрѣтенія его мощей.

императоръ, посовѣтовавшись съ патріархомъ, призвалъ предъ себя упомянутаго философа и съ величайшею честію отправилъ его туда съ хазарскими и своими послами въ полномъ упованіи на его благоразуміе и краснорѣчіе [2]).

Константинъ въ Херсонесѣ.

II. Итакъ, немедленно приготовя все нужное, онъ пустился въ путь и прибылъ въ Херсонесъ, весьма близкій и смежный съ землею хазаръ. Тутъ остановился на нѣсколько времени, желая обучиться языку этого народа [3]). Между тѣмъ, по внушенію Бога, который уже положилъ открыть правовѣрнымъ своимъ столь драгоцѣнное сокровище, т. е. тѣло св. Климента, упомянутый мужъ, какъ любознательный испытатель, началъ отъ мѣстныхъ жителей прилежно навѣдываться и тщательно испытывать, что̀ до него дошло, частію чрезъ письменное преданіе, частію по слуху, о тѣлѣ блаж. Климента, о храмѣ, воздвигнутомъ ангельскими руками, и о гробѣ его. Всѣ объявили, что, какъ пришельцы изъ разныхъ народовъ, а не мѣстные уроженцы, ничего не знаютъ, о чемъ онъ спрашиваетъ; ибо чудо морского отлива, знаменитое въ исторіи страданій упомянутаго первосвященника, давно уже прекратилось за грѣхи и нерадѣніе жителей, и море прежнія свои мѣста покрыло волнами. Сверхъ того, и отъ многихъ набѣговъ варваровъ храмъ оставленъ и разрушенъ, страна эта опустѣла и сдѣлалась необитаемою. Да и самый гробъ св. мученика съ тѣломъ покрытъ былъ волнами [4]).

Обрѣтеніе мощей.

III. Такимъ отвѣтомъ весьма удивленный и крайне опечаленный, философъ обратился къ молитвамъ, чтобы ему открыто было свыше, ради заслугъ упомянутаго первосвященника [5]), чего не могъ узнать отъ людей. Онъ пригласилъ митрополита изъ самаго города, именемъ Георгія, вмѣстѣ съ причтомъ церковнымъ и народомъ, да просятъ того же отъ небесъ [6]). Сверхъ того, разсказывая дѣянія страстотерпца, или чудеса блаженнѣйшаго мученика, весьма многихъ воодушевилъ увѣщаніями своими приступить къ отысканію столь драгоцѣннаго и столь долго пренебрегаемаго

---

[2]) Разсказъ о посольствѣ хазарскомъ поразительно близокъ къ житію Кирилла.

[3]) Согласно съ житіемъ Кирилла.

[4]) Эта подробность стала извѣстной составителю легенды изъ письма библіотекаря Анастасія (смотри брошюру Ягича, стр. 10).

[5]) Какъ въ житіи Кирилла.

[6]) Объ этомъ составитель легенды зналъ изъ латинскаго перевода повѣствованія объ обрѣтеніи мощей святого Климента, составленнаго Кирилломъ.

сокровища и съ помощію Божіею извлечь на свѣтъ. Въ одинъ день, 30-го [7]), какъ пишутъ, января, при тихой погодѣ вступивши на корабль [8]), путеводимые Христомъ, пускаются въ дорогу, т. е. упомянутый философъ съ епископомъ и честнымъ клиромъ и нѣкоторыми изъ города. Итакъ, плывя моремъ, съ великою набожностію и упованіемъ, съ псалмопѣніемъ и молитвами, прибыли на островъ, гдѣ находится, какъ думали, тѣло святого мученика. При блескѣ свѣтильниковъ обходя всѣ мѣста того острова, начали тамъ съ большимъ усердіемъ возсылать моленія и прилежно рыть въ одномъ курганѣ, гдѣ, какъ должно было догадываться, покоится сокровище.

IV. Долго и много рыли, надѣясь на Божіе милосердіе. Наконецъ, внезапно возсіяла, подобно нѣкоторой лучезарнѣйшей звѣздѣ, одна изъ костей неоцѣненнаго мученика. При этомъ зрѣлищѣ всѣ исполнились неописаннаго восторга и уже безъ всякаго побужденія наперерывъ копали землю. Тогда показалась святая голова его. Всѣ со слезами возопили къ небу, возсылая хвалы и благодаренія Богу. Такой радости, если вообразить не можемъ, то тѣмъ болѣе описать; ибо столько всѣ восхищены были, какъ обрѣтеніемъ святыхъ мощей, такъ и благоуханіемъ, что мечтали быть въ раю. Потомъ принялись опять за работу, и, отрывая частичку за частичкой, ископали всѣ. Напослѣдокъ нашелся и самый якорь, съ которымъ онъ брошенъ былъ въ море [9]).

Итакъ, при всеобщей несказанной радости, вызванной столь великимъ Божіимъ благодѣяніемъ, по совершеніи на томъ мѣстѣ таинствъ святымъ первосвященникомъ, самъ святый мужъ, возложивши на собственную главу святыя мощи [10]), при восклицаніяхъ всѣхъ сопутствующихъ вступилъ на корабль и потомъ съ хвалебными пѣснями перенесъ ихъ въ столицу Глорію [11]). При приближеніи къ городу, встрѣтилъ ихъ со многими другими доблестный

[7]) Согласно съ тѣмъ же источникомъ.

[8]) Какъ въ житіи Кирилла гл. VIII.

[9]) Какъ и въ словѣ на перенесеніе мощей, въ которомъ упоминается появленіе ребра, главы, прочихъ членовъ и, наконецъ, якоря.

[10]) Такъ и въ словѣ.

[11]) Здѣсь текстъ легенды представляетъ искаженіе, подобное которому находимъ въ Legenda Aurea Іакова де Ворагине. Въ послѣдней въ разсказѣ объ обрѣтеніи мощей Климента, заимствованномъ у Льва Остійскаго изъ митрополита Георгія, явилось civitatula Georgia, такъ точно какъ здѣсь: metropolis Gloria.

Никифоръ, князь того города, и, поклонившись святымъ мощамъ, съ радостію предшествовалъ, поспѣшая въ городъ. Тамъ еще, при всеобщихъ восклицаніяхъ принявъ, поклонился святому и честному тѣлу и разсказалъ въ присутствіи всего народа таинственное его обрѣтеніе. Когда уже начинало смеркаться и отъ безчисленнаго множества народа идти далѣе невозможно было, то съ рачительною осторожностію положили тѣло въ храмѣ св. Созонта, въ предмѣстіи города, а наконецъ перенесли въ церковь св. Леонтія. На другой день утромъ, при стеченіи всего народа, взявши святыя мощи, съ великими хвалами обошли кругомъ весь городъ и, такимъ образомъ, принесли ихъ въ соборную церковь, съ честію тамъ положили и потомъ, всѣ радуясь, возвратились по домамъ [12]).

Проповѣдь въ Хазаріи.

VI. Послѣ этого упомянутый философъ отправился въ путь и, прибывши къ тому народу, куда былъ посланъ, проповѣдывалъ Искупителя всѣхъ Бога, и силою своего слова отвратилъ всѣхъ тѣхъ отъ заблужденій, которыхъ обольстило вѣроломство сарацинъ или іудеевъ. Утвержденные въ каѳолической вѣрѣ и наученные, они съ великою радостію благодарили всемогущаго Бога и служителя Его, Константина философа. Сверхъ того, они послали къ императору письмо, благодаря, что постарался обратить ихъ къ истинной и каѳолической вѣрѣ, и утверждая, что они за это всегда пребудутъ вѣрнѣйшими и покорными власти его. Отпуская же философа съ великою честію, принесли они ему драгоцѣннѣйшіе дары, которыхъ онъ, какъ истинный философъ, не принялъ, а просилъ вмѣсто, всѣхъ даровъ, отпустить съ нимъ, сколько есть, чужеземныхъ плѣнниковъ. Это тотчасъ было исполнено [13]).

Посольство Ростислава.

VII. По возвращеніи философа въ Константинополь, услышалъ князь моравскій Ростиславъ о томъ, что сдѣлалъ философъ въ области хазаръ. Посовѣтовавшись съ своимъ народомъ, послалъ онъ пословъ къ упомянутому императору, донося, что народъ его отступилъ отъ идолопоклонства и желаетъ соблюдать законъ христіанскій, но не имѣетъ такого учителя, который бы наставилъ его читать и совершенно разумѣть самый законъ; и для того проситъ прислать такого человѣка, который бы могъ ясно показать

---

[12]) Тотъ же самый порядокъ обратнаго шествія, и въ словѣ, гдѣ упоминается о внесеніи мощей въ храмъ Созонта, св. Леонтія, и, наконецъ, послѣ крестнаго хода кругомъ города въ соборную церковь. Вообще весь разсказъ легенды есть сокращеніе весьма подробнаго повѣствованія слова.

[13]) Разсказъ о результатахъ проповѣди у хазаръ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что передается въ житіи Кирилла, глава XI въ концѣ.

народу вѣру и порядокъ Закона Божія и путь истины. Императоръ, внявъ просьбѣ Ростислава, призвалъ къ себѣ того же упомянутаго философа и послалъ его туда, т. е. въ страну славянъ, вмѣстѣ съ братомъ его Меѳодіемъ, надѣливши ихъ щедро на путевыя издержки. Когда же съ Божіею помощью они пришли въ тѣ страны, то жители мѣста того, узнавши о приходѣ ихъ, очень обрадовались, ибо слышали, что они принесли съ собою мощи св. Климента [14]) и Евангеліе, переведенное упомянутымъ философомъ на ихъ языкъ. Итакъ, вышедши за городъ навстрѣчу, приняли ихъ съ честію и великою радостію. Святые мужи ревностно приступили къ дѣлу, ради котораго пришли, начали учить дѣтей грамотѣ, устроять церковныя службы и изощрять краснорѣчіе свое на исправленіе разныхъ заблужденій, которыя нашли въ народѣ, и такимъ образомъ очищая это зараженное терніемъ поле отъ многоразличныхъ корней пороковъ, сѣяли сѣмена слова Божія. Они пробыли въ Моравіи четыре года съ половиною, научили народъ каѳолической вѣрѣ и оставили тамъ разныя писанія, нужныя для церковной службы [15]).

VIII. Услыша все это, славнѣйшій папа Николай весьма обрадовался и пригласилъ ихъ къ себѣ апостольскими письмами. Восхищенные такимъ извѣстіемъ, они благодарили Бога, что удостоились приглашенія первосвященника. Отправясь немедленно въ путь, они взяли съ собою еще нѣкоторыхъ изъ учениковъ своихъ, которыхъ считали достойными полученія епископскаго сана, и, такимъ образомъ чрезъ нѣсколько дней прибыли въ Римъ. **Путешествіе въ Римъ.**

IX. Но упомянутый папа Николай незадолго переселился къ Господу [16]). Адріанъ второй, преемникъ его на римскомъ престолѣ, услыша, что философъ несетъ съ собою тѣло св. Климента, трудами его обрѣтенное, весьма тому обрадовался, и, вышедши на-

---

[14]) И въ этой главѣ составитель легенды не опускаетъ случая коснуться главнымъ образомъ, интересующаго его предмета, упоминая о встрѣчѣ мощей св. Климента въ Моравіи, о чемъ ни слова не говорится въ пространныхъ житіяхъ.

[15]) Въ этой главѣ весьма важно упоминаніе о переводѣ Священнаго Писанія, о славянскомъ богослуженіи и объ обученіи грамотѣ дѣтей. Интересна одна подробность объ окончаніи перевода Евангелія въ Константинополѣ.

[16]) Авторъ италіанской легенды, близко знавшій римскія обстоятельства, передаетъ ихъ точнѣе, чѣмъ это встрѣчаемъ въ паннонскихъ житіяхъ. Онъ говоритъ о вызовѣ Константина папою Николаемъ и не забываетъ упомянуть о смерти этого папы, не дозволившей ему видѣть святыхъ Кирилла и Меѳодія (сравни VI главу житія Меѳодія).

встрѣчу за городъ съ клиромъ и народомъ, принялъ ихъ съ великою честію. Между тѣмъ, въ присутствіи святыхъ мощей, силою всемогущаго Бога, начали совершаться чудесныя исцѣленія: кто-бы ни былъ одержимъ какою болѣзнію, поклонившись святымъ мощамъ мученика, тотчасъ исцѣлялся. Первосвященникъ и весь народъ римскій, радуясь и ликуя, возносилъ великое благодареніе и хвалу Богу, который, спустя столь долгое время, въ дни ихъ сподобилъ ихъ принять въ свою столицу святого и апостольскаго мужа и преемника Петра, главы всѣхъ апостоловъ, и не только весь Римъ, но и всю Римскую имперію просвѣтить его знаменіями и добродѣтелью [17]). Итакъ, возблагодаря упомянутаго философа за оказанное благодѣяніе, рукоположили его и Меѳодія въ епископы, а прочихъ учениковъ ихъ въ пресвитеры и діаконы [18]).

Кончина Константина.

X. Когда же философъ, или Константинъ, почувствовалъ приближеніе своей смерти, то съ позволенія первосвященника [19]) далъ себѣ имя Кирилла, говоря, что имя это внушено ему было свыше, и такимъ образомъ черезъ сорокъ дней [20]) почилъ въ Господѣ 17 марта [21]). Святый отецъ папа повелѣлъ, какъ римскому, такъ и греческому духовенству, собраться на погребеніе его съ псалмами и пѣсньми, свѣчами и ладономъ, и погребсти съ такою же честію, какъ самого первосвященника.

XI. Тогда вышеупомянутый братъ его Меѳодій, пришедши къ первосвященнику и повергшись къ стопамъ его, сказалъ: достойнымъ и нужнымъ считаю внушить твоему святѣйшеству, что при выходѣ изъ дома нашего на службу, совершенную нами при помощи Божіей, мать со слезами просила, чтобы, въ случаѣ смерти одного изъ насъ, тотъ, кто останется въ живыхъ, привезъ усопшаго въ свой монастырь и тамъ предалъ погребенію съ подобающей честію. Итакъ, позволь рабу твоему исполнить долгъ, чтобы не оказаться поступившимъ противно мольбамъ и заклинаніямъ ма-

---

17) Касаясь событій только, на сколько они относились къ перенесенію мощей Климента, авторъ обходитъ молчаніемъ все, что житіе Кирилла говоритъ о славянскихъ книгахъ, о богослуженіи на славянскомъ языкѣ и т. д.

18) О посвященіи Кирилла въ епископы умалчиваетъ житіе Кирилла; Анастасій, какъ видно изъ его письма, тоже не зналъ объ этомъ. Но фрески, открытыя въ церкви св. Климента, изображаютъ Кирилла, лежащимъ въ гробу въ епископскомъ облаченіи.

19) Подробность лишняя противъ житія Кирилла.

2) Въ житіи Кирилла—50 дней.

21) Въ житіи Кирилла—14 февраля.

тери.—Папа, хотя съ трудомъ, однако согласился на его требованіе: положивши рачительно тѣло усопшаго въ мраморный гробъ и запечатавши собственной печатью [22]), чрезъ семь дней онъ отпускаетъ Меѳодія. Тогда римскій клиръ, по совѣщаніи съ епископами, кардиналами и вельможами города, приступилъ къ первосвященнику и говорилъ такъ: мы считаемъ за недостойное дѣло отпустить въ другіе края, по какому бы то ни было случаю, мужа столь знаменитаго, чрезъ котораго Римъ и церковь сподобились стяжать столь драгоцѣнное сокровище, котораго Богъ изъ отдаленныхъ и чуждыхъ странъ по милости Своей благоволилъ къ намъ привести и отъ насъ восхитилъ въ небесное Свое царствіе. Лучше пусть будетъ погребенъ онъ здѣсь съ честію, ибо весьма прилично столь знаменитому мужу быть погребену въ столь знаменитомъ градѣ.— Такой совѣтъ понравился первосвященнику: онъ велѣлъ положить его въ церкви св. Петра, т. е. въ собственной своей усыпальницѣ.

XII. Меѳодій, видя намѣреніе свое не исполнившимся, приступилъ опять съ просьбою: когда неугодно было вамъ удовлетворить моему требованію, то молю васъ, владыки, да будетъ погребенъ братъ мой въ церкви св. Климента, котораго тѣло трудами его обрѣтено и сюда принесено.—Святѣйшій отецъ внялъ этому моленію и при стеченіи клира и многочисленнѣйшаго народа, съ великою радостію и благоговѣніемъ, положили Кирилла, вмѣстѣ съ мраморнымъ гробомъ, куда прежде папа заключилъ его, въ приготовленномъ для того склепѣ по правую сторону алтаря, съ гимнами и веліими благодареніями Богу, творящему въ томъ мѣстѣ чудеса, во славу и хвалу имени Своему, ради заслугъ и моленій угодниковъ Своихъ благословенному и препрославленному во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[22]) Подробность, лишняя противъ житія Кирилла.

Считаемъ не лишнимъ прибавить указанія на труды, касающіеся вопросовъ объ алфавитахъ. Всегда будетъ имѣть значеніе извѣстное сочиненіе Шафарика: «О происхожденіи и родинѣ глаголитизма» (русск. переводъ). Москва, 1861. Изъ чтеній Общ. Ист. и Древн. Росс. 1860 г. Съ новыми взглядами на глаголицу можно познакомиться въ статьѣ проф. Бѣляева: «Исторія алфавита и новое мнѣніе о происхожденіи глаголицы». Ученыя записки казанскаго универс. по истор.-филолог. факультету 1885 г. Казань, 1886. Намъ остается еще замѣтить, что литература по кирилло-меѳодіевскимъ вопросамъ чрезвычайно обширна какъ у насъ, такъ и у другихъ славянъ и не перестаетъ расти; нами указаны лишь немногія сочиненія, а едва ли найдется изслѣдователь въ обширной области славяновѣдѣнія, который бы не внесъ своей лепты для посильнаго разрѣшенія того или другого изъ этихъ вопросовъ. Историкъ славянскихъ литературъ можетъ испытывать удовлетвореніе отмѣчая такое богатство, свидѣтельствующее о самомъ живомъ интересѣ представителей славянской науки къ памяти славянскихъ первоучителей, трудамъ которыхъ суждено было стать краеугольнымъ камнемъ славянскаго просвѣщенія.

П. Лавровъ.



XXVI.

Симеонъ, царь Болгарскій.

Славяне и Византія.

„На четвертый годъ своего правленія", разсказываетъ византійскій историкъ Прокопій, „императоръ (Юстиніанъ) назначилъ Хильбуда военачальникомъ Θракіи, ввѣрилъ ему защиту Дуная и приказалъ не пропускать варваровъ чрезъ эту рѣку, ибо *гунны*, *анты* и *славяне*, переправляясь черезъ Дунай, страшный вредъ наносили Римлянамъ".

„Въ жестокой битвѣ Хильбудъ палъ, вмѣстѣ со многими Римлянами: съ этого времени ничто уже не препятствовало варварамъ переходить рѣку, и римскіе (т. е. византійскіе) города были открыты для ихъ нападеній". „Они не давали пощады никому; лишь только врывались они въ римскую область, немедленно истребляли все, что имъ попадалось на пути, и дѣтей и взрослыхъ, такъ что вся Θракія и Иллирія долгое время усѣяны были непогребенными трупами. ."

Славяне-язычники ничуть не лучше были своихъ товарищей-гунновъ: они безжалостно избивали тѣхъ изъ своихъ плѣнниковъ, кого не въ состояніи были увести съ собой. „Проклятое племя славянъ"—вотъ обычное выраженіе, которое употребляютъ византійскіе писатели VI вѣка для обозначенія этого народа.

Источники и пособія: переписка патріарха Николая Мистика съ царемъ Симеономъ (Migne, Patrologiae cursus completus, series Graeca, т. CXI); *A. Rambaud*. L'empire grec au dixième siècle: Constantin Porphyrogénète, Paris 1870; *М. Дриновъ*. Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ. М. 1871 (въ „Чтеніяхъ" Общ. Ист. и древн.); *М. Соколовъ*. Изъ древней исторіи болгаръ. Спб. 1879.

Лѣтъ четыреста послѣ этого былъ въ Константинополѣ посломъ отъ императора Оттона I епископъ кремонскій Ліутпрандъ. Приглашенный на парадный обѣдъ во дворцѣ, онъ, къ большому своему негодованію, замѣтилъ, что первое мѣсто за столомъ отвели не ему, послу западнаго императора, а какому-то варвару, съ обритой головой и въ странной одеждѣ, подпоясанной вмѣсто пояса мѣдной цѣпью. Оскорбленный епископъ немедленно всталъ изъ-за стола и удалился изъ зала. Его догналъ византійскій куропалатъ [1]) и сталъ объяснять, что обижаться не на что. „Это, вѣдь, посолъ царя болгарскаго", говорилъ куропалатъ: „онъ во всѣхъ придворныхъ церемоніяхъ всегда занимаетъ первое мѣсто, выше всѣхъ другихъ пословъ: таковъ нашъ договоръ съ его государемъ, договоръ, скрѣпленный клятвою, котораго нельзя измѣнить". Византійскій придворный называлъ при этомъ болгарскаго государя „Василевсомъ", какъ и своего собственнаго императора: между тѣмъ государю Ліутпранда греки давали титулъ только короля— *Ρήξ*. Повелитель „проклятаго племени славянъ" былъ теперь для Византіи первымъ царемъ во вселенной, послѣ наслѣдниковъ Юстиніана. Онъ являлся передъ своимъ народомъ въ пурпурѣ и коронѣ императоровъ; епископъ его столицы, Прѣслава, носилъ званіе патріарха. Болгарскій „Василевсъ" былъ женатъ на принцессѣ византійскаго царствующаго дома, и его дочери считались наиболѣе подходящими невѣстами для сыновей императора. Тотъ народъ, который для историковъ VI столѣтія былъ скопищемъ разбойниковъ, обладалъ теперь блестящей для своего времени литературой; на его языкѣ распространялось Священное Писаніе среди другихъ славянскихъ племенъ. Въ его землю „вся благая сходились", по выраженію русскаго князя Святослава: здѣсь пересѣкались торговые пути, связывавшіе Византію съ сѣверо-восточной Европой. На Балканскомъ полуостровѣ выросла новая великая держава; незадолго до посольства Оттона I она уже спорила за первенство съ самой Восточной имперіей. Но самые младшіе изъ спутниковъ Ліутпранда, вѣроятно, дожили до того времени, когда отъ всего этого блеска и величія ничего не осталось: ни царя, ни его двора, ни царства, ни патріархата. Страна опять стала византійской провинціей, какой была при Юстиніанѣ. Греческіе чиновники,—попрежнему они называли себя „Римлянами"—собирали подати, византійское духовенство управляло церковью, византійскій стратегъ съ

[1]) Высшая придворная должность въ Византіи.

императорскими войсками отбивалъ нападенія варваровъ, „часто переходившихъ черезъ Дунай и опустошавшихъ римскія провинціи“: тогда ихъ звали гуннами, теперь печенѣгами и половцами, но это были народы одной семьи, одной расы и одного обычая. Только страшные славяне изъ грозныхъ враговъ имперіи превратились въ особаго рода оброчную статью, болѣе или менѣе исправно доставляя деньги въ казначейство и рекрутовъ на пополненіе арміи: нужны были неслыханныя вымогательства императоровъ изъ дома Ангеловъ, чтобы они снова толпами хлынули на имперію, „истребляя все, что имъ попадалось на пути“.

Трудно найти лучшій примѣръ „непрочности всего земного“, чѣмъ судьба перваго болгарскаго царства. Но заниматься нравоучительными размышленіями—не дѣло исторіи; исторія есть наука, и, какъ наука, она занимается изученіемъ причинъ историческихъ событій и законовъ, которые управляютъ исторической жизнью народовъ. Какія были причины быстраго роста и еще болѣе быстраго упадка перваго славянскаго царства на Балканскомъ полуостровѣ? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы отвѣтимъ въ то же время и на другой, болѣе общій: почему вообще изъ славянскаго населенія полуострова, до самаго недавняго времени, ничего не выходило,—несмотря на его многочисленность и несомнѣнныя духовныя способности? Почему славяне, за рѣдкими исключеніями, всегда оставались данниками, сначала грековъ, потомъ турокъ? Это объясняютъ обыкновенно ихъ раздорами: но раздоровъ было не меньше у русскихъ славянъ, и здѣсь они также задерживали развитіе государственной жизни,—задерживали, но не могли остановить. Почему на Балканскомъ полуостровѣ случилось обратное?

Первыя поселенія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Первыя крупныя поселенія славянъ по ту сторону Дуная образуются въ половинѣ VI столѣтія,—если вѣрить современникамъ. Новѣйшіе ученые, на основаніи различныхъ косвенныхъ указаній, считаютъ ихъ гораздо старше, отодвигая первыхъ славянскихъ поселенцевъ къ III и даже II вѣку нашей эры. Отдѣльные случаи такого рода, конечно, могли быть,—но византійцы не обратили на нихъ вниманія, слѣдовательно, ихъ было немного и они не были значительны. Около 550 года Прокопій отмѣчаетъ, что славяне „не только грабили страну, но и зимовали въ ней безъ страха, какъ бы въ своей собственной землѣ“. А жившій нѣсколько позже въ Константинополѣ церковный историкъ Іоаннъ изъ Эфеса записалъ у себя вотъ что: „На третій годъ по смерти императора Юстина (Второго, царствовавшаго съ 565 по 578 годъ) и по вступленіи

на престолъ Тиверія Побѣдоноснаго проклятый народъ славянъ произвелъ набѣги на всю Элладу, окрестности Солуня и всю Ѳракію. Они завоевали много городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, опустошали, жгли, грабили страну и владѣли ею; они поселялись въ ней безъ страха, какъ будто она имъ принадлежала... Грабежи ихъ простирались до самой внѣшней стѣны (Константинополя); всѣ императорскія стада сдѣлались ихъ добычею. *До сихъ поръ они спокойно живутъ въ римскихъ провинціяхъ*, безъ заботы и страха, грабя, убивая и сожигая; они сдѣлались богатыми, владѣютъ золотомъ и серебромъ, табунами коней и оружіемъ; лучше самихъ римлянъ научились они воевать". Описаніе осады Солуня славянами въ 597 г.,—описаніе, принадлежащее очевидцу—наглядно показываетъ, какъ „научились они воевать". (См. статью № 3).

Но не все такъ легко перенималось, какъ военныя машины. Государственная власть, напримѣръ, растетъ медленно и постепенно, „органически", ея нельзя было занять. Въ первое время у славянъ много было племенныхъ и родовыхъ князьковъ, которые часто ссорились между собою. „Нѣкоторыхъ изъ нихъ", говоритъ императоръ Маврикій (VI в.), „не безполезно прибрать къ рукамъ обѣщаніями или подарками, въ особенности тѣхъ изъ сосѣднихъ, которые поближе, а на другихъ идти войной, для того чтобы общая опасность не вызвала у нихъ единенія или монархіи". Но монархія пришла къ балканскимъ славянамъ извнѣ, и Византія невольно сама облегчила это дѣло, уступивъ въ 679 г. страну между Дунаемъ и горами пришлому тюркскому племени *болгаръ*.

Болгаре. Съ первыхъ вѣковъ по Р. Х. на Европу начинаетъ изливаться тотъ потокъ тюркскихъ народовъ, который достигъ самой большой силы и стремительности во вторую половину средневѣковья — во времена Чингисхана и Тимура. Первыми являются на сцену гунны, потомъ авары (обры), болгаре, угры, печенѣги, половцы. Съ болгарами Византія познакомилась уже въ концѣ V вѣка: въ 498 г. они подступали къ Константинополю. Но затѣмъ эта орда исчезаетъ въ массѣ аваровъ, подчинившихъ себѣ всѣ племена между Дономъ и Дунаемъ, въ томъ числѣ и нашихъ дулѣбовъ-волынянъ. Только въ царствованіе Гераклія (610—641) болгаре вернули себѣ самостоятельность: около этого времени упоминается ихъ каганъ или ханъ Кувратъ (Коуртъ славянскихъ источниковъ). Послѣ его смерти они раздѣлились на нѣсколько ордъ, какъ это легко дѣлалось у степныхъ кочевниковъ: двѣ орды остались около Дона и, вѣроятно, потомъ, подвинувшись на сѣверъ, основали знаменитое въ русской

исторіи царство камскихъ болгаръ. Прочія три орды пустились къ западу: одна ушла въ нынѣшнюю Венгрію и смѣшалась съ аварами; другая проникла еще далѣе, въ Италію, и утвердилась въ Равенской области; третья орда, подъ предводительствомъ Аспаруха (или, по славянскимъ памятникамъ, Испериха), перешла Днѣпръ и Днѣстръ и, вскорѣ затѣмъ, перекочевала на южный берегъ Дуная, въ нынѣшнюю Добруджу, по своему географическому характеру составляющую продолженіе черноморскихъ степей.

Бытъ болгаръ.

Въ своемъ бытѣ болгаре мало чѣмъ отличались отъ другихъ народовъ того же племени: они кочевали съ мѣста на мѣсто, жили скотоводствомъ и грабежомъ. Подобно гуннамъ, венграмъ и татарамъ, они были ловкіе наѣздники и превосходные стрѣлки. Они принесли съ собою на Дунай азіатскую одежду и обычаи: ходили въ чалмахъ, ѣли на полу, носили конскій хвостъ (турецкій „бунчукъ") вмѣсто знамени, для присяги ставили передъ собой саблю. Какъ и бо́льшая часть степныхъ кочевниковъ, которые проводятъ все почти время подъ открытымъ небомъ, болгаре поклонялись небеснымъ свѣтиламъ, солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ. Впрочемъ, ни ихъ бытъ, ни религія ихъ не оказали большого вліянія на туземное населеніе занятой ими страны: орда Испериха была для этого слишкомъ малочисленна. Этнографическое значеніе тюркскаго племени для Болгаріи не больше того, какое имѣли для древней Руси пришлые варяги: какъ и Русь, мы имѣемъ полное право считать Болгарію X вѣка чисто славянской страной. Но въ политическомъ отношеніи болгарское завоеваніе было для балканскихъ славянъ чрезвычайно важно: вся жизнь новыхъ пришельцевъ проходила въ войнѣ, въ набѣгахъ на окрестные народы; это неизбѣжно вело къ развитію военной дисциплины и сильной, монархической власти, какъ это мы и видимъ у всѣхъ тюркомонгольскихъ племенъ, отъ гунновъ Аттилы до османовъ Магомета II. Борьба съ сильной, централизованной Византіей всегда еще болѣе способствовала развитію такой власти: съ османами XIV—XV вв. повторилось то же, что пережили болгаре въ VII—IX в. Дисциплина въ болгарской ордѣ была такъ строга, что всякій взрослый мужчина, осмѣлившійся покинуть страну безъ разрѣшенія хана, считался дезертиромъ и подлежалъ смертной казни. Если же ему удавалось бѣжать, казнили стражу. Смертью наказывали даже того, у кого оружіе во время войны находили въ неисправности. Славяне, покоренные вновь пришедшимъ племенемъ, были подчинены этимъ порядкамъ. Восемь славянскихъ племенъ, жившихъ до тѣхъ поръ отдѣльной жизнью,

слились въ одно цѣлое, были даже перетасованы, передвинуты съ мѣста на мѣсто, ради большаго удобства при оборонѣ страны; десятки тысячъ славянскихъ семействъ были переведены съ южной стороны Дуная на сѣверную, съ тою же цѣлью.

Оттого съ появленіемъ болгаръ за Дунаемъ рѣзко измѣняется отношеніе балканскихъ славянъ къ Византіи. Прежде они имѣли только отрицательное значеніе,—значеніе нарушителей порядка въ имперіи; подъ властью тюркскихъ хановъ они становятся важной политической силой, къ помощи которой прибѣгаютъ сами императоры. Юстиніанъ II, царствовавшій съ 685 г., былъ свергнутъ съ престола константинопольскимъ населеніемъ; онъ бѣжалъ сначала въ Херсонесъ, но такъ какъ и здѣсь настроеніе народа было ненадежно, то изгнанный императоръ долженъ былъ искать гостепріимства у хана Тервела, преемника Исперуха. Болгарскій ханъ не только принялъ Юстиніана съ почетомъ, но, собравъ всѣ свои войска, помогъ ему овладѣть Константинополемъ и вернуть себѣ престолъ. За это Тервелъ получилъ титулъ кесаря, т. е. помощника императора; ему было дано право носить императорскую одежду и сидѣть рядомъ съ императоромъ; византійскіе придворные преклонялись передъ нимъ, какъ передъ собственнымъ государемъ. Но и помимо всего этого, ханъ, видимо, произвелъ очень сильное впечатлѣніе на грековъ, и у нихъ впослѣдствіи ходили баснословные разсказы о его страшномъ богатствѣ и необыкновенной щедрости. Тервелъ, будто бы, клалъ на землю свой щитъ, выпуклостью внизъ, на щитъ клалъ плеть, съ которою ѣздилъ верхомъ, и потомъ засыпалъ щитъ и плеть золотомъ, такъ что ихъ не было видно; воткнувъ въ землю копье, накладывалъ съ обѣихъ сторонъ доверху шелковыя ткани; раздавалъ своимъ воинамъ деньги цѣлыми ящиками, правою рукою загребая золото, лѣвою серебро. Послѣ смерти Тервела власть хана, видимо, пришла въ упадокъ; династіи быстро смѣняютъ одна другую и не находятъ уже безусловнаго повиновенія, какъ прежде: въ правленіе нѣкоего Телеца болѣе 200.000 славянъ выселились изъ Болгаріи въ Малую Азію, и ханъ не имѣлъ силы ихъ удержать. Весьма возможно, что именно въ это время развились тѣ аристократическія учрежденія, которыя мы находимъ въ позднѣйшей Болгаріи: сословіе *болярь* (*βοιλιάδες* греческихъ писателей), изъ которыхъ шесть главныхъ, „*великихъ болярь*", составляли верховный совѣтъ при государѣ. Боляре занимали самостоятельное положеніе въ государствѣ: византійское правительство отличало ихъ отъ остальнаго населенія, и византійскій логоѳетъ,

спросивъ, по обычаю о здоровьѣ болгарскаго царя, долженъ былъ, вслѣдъ затѣмъ, спросить о здоровьѣ „боляръ“,—сначала шести „великихъ“, затѣмъ всѣхъ прочихъ. Всѣ эти подробности болгарскаго государственнаго устройства мы узнаемъ отъ писателя X вѣка, императора Константина Багрянороднаго; но происхожденіе ихъ относится, конечно, къ болѣе раннему времени, потому что, уже начиная съ IX столѣтія, власть болгарскаго государя все болѣе и болѣе усиливается. Это было слѣдствіемъ, съ одной стороны, измѣнившагося международнаго положенія ихъ государства, съ другой—принятія ими христіанства.

Война съ Никифоромъ.

На положеніи Болгаріи сильно отразились тѣ міровыя событія, которыя происходили далеко къ западу отъ нея,—въ нынѣшней Франціи и Италіи. Возникновеніе имперіи Карла Великаго имѣло ближайшимъ результатомъ разгромъ варварскихъ народовъ, безпокоившихъ границы этой имперіи. При этомъ разрушено было и громадное царство Аваровъ, занимавшее тогда (конецъ VIII столѣтія) какъ разъ мѣсто нынѣшней Австріи; западной его частью завладѣли франки, остальныя области подѣлили между собою восточные сосѣди, причемъ больше всего пришлось на долю болгаръ. Ханъ ихъ, Крумъ, получилъ, благодаря этому, въ свое распоряженіе такія силы, какими никогда не располагали его предшественники; врагъ у него теперь былъ только одинъ—Византія: авары уже не грозили ему съ тыла, какъ прежде. Крумъ началъ съ того, что напалъ на тѣ укрѣпленные города по линіи Балканъ, гдѣ еще держались греческія войска, и овладѣлъ Срѣдцомъ (теп. Софія). Это повело къ войнѣ съ императоромъ Никифоромъ; съ обѣихъ сторонъ были пущены въ ходъ всѣ силы, и одолѣли болгаре. Съ самаго начала обнаружилось, что обычныхъ средствъ имперіи не хватитъ для борьбы съ Крумомъ: пришлось прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ налогамъ и завербовать, въ придачу къ регулярнымъ войскамъ, толпы бѣдняковъ, вооруженныхъ одними палками и пращами; это увеличило число солдатъ, но за то понизило качество арміи.

Походъ начался, впрочемъ, счастливо для Никифора: онъ овладѣлъ „ауломъ“ хана,—„такъ называютъ болгаре жилище своего государя“, говоритъ греческій лѣтописецъ; „аулъ“ находился близъ нынѣшней Шумлы. „Крумъ сталъ просить мира,—очевидно, чтобы выиграть время; когда Никифоръ прервалъ переговоры, то нашелъ себя запертымъ деревянными завалами; Крумъ загородилъ, какъ стѣнами, ущелья и спереди и позади его. Никифора поразило точно

громомъ; обходя мѣстность и ища выхода, онъ говорилъ: „птицами развѣ мы отсюда вылетимъ". Два дня прошли спокойно; въ ночь на субботу 25 іюля (811 г.), услышали шумъ оружія и движеніе войска; все ждало съ трепетомъ; на зарѣ *болгаре*, соединившись съ *аварами*, ударили на греческій станъ и всѣхъ избили, самого императора Никифора, его сановниковъ, патриціевъ, стратеговъ, областныхъ начальниковъ и безчисленное множество воиновъ: „погибъ въ тотъ день цвѣтъ христіанъ, пропали императорскія украшенія и все оружіе. Не дай Богъ христіанамъ видѣть когда-нибудь подобный день! Отрубленную голову Никифора, воткнутую на копье, долго показывалъ Крумъ приходившимъ къ нему отъ разныхъ народовъ посѣтителямъ, потомъ выложилъ черепъ серебромъ и сдѣлалъ чашу, изъ которой пили на торжественныхъ пирахъ *славянскіе* вожди". Въ этомъ разсказѣ любопытно, между прочимъ, что для греческаго писателя „болгаре" и „славяне" были уже однимъ народомъ, между тѣмъ, какъ авары,—тѣ же тюрки, только другой вѣтви,—у него уже строго отличаются отъ „болгаръ". Отсюда видно, какъ сильно ославянились къ IX вѣку потомки Исперѝха и его товарищей. Самымъ важнымъ событіемъ въ исторіи этого смѣшенія двухъ народностей было принятіе христіанства болгарскимъ государемъ, въ половинѣ того же IX столѣтія.

Романское и греческое вліяніе.

Населеніе римскихъ провинцій къ югу отъ Дуная, до начала славянскихъ вторженій, исповѣдывало, конечно, христіанскую вѣру: язычество при Юстиніанѣ было уже рѣдкимъ исключеніемъ. Славяне жестоко опустошили страну, но далеко не истребили всего населенія. Мало того: поселившись на Балканскомъ полуостровѣ, они многое заимствовали у туземнаго населенія,—конкретныя, наглядныя доказательства этого даютъ языки сербскій и особенно болгарскій. Въ VI вѣкѣ населеніе придунайскихъ провинцій имперіи говорило романскимъ, т. е. испорченнымъ латинскимъ языкомъ; въ болгарскомъ мы встрѣчаемъ значительное количество латинскихъ словъ: *клисура*—лат. clausura, *грекъ* (хлѣвъ, овчарня) отъ лат. grex (стадо), *бакълъ* (сосудъ) лат. poculum, *турло* (стадо, толпа)—лат. turma, *вирње* (зеленѣетъ) лат. viret и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ, вошедшія въ славянскій переводъ св. Писанія, усвоены всѣми славянскими языками: *цьсарь*, *царь* отъ лат. caesar, *оцьтъ*—лат. acetum (горькое питье), *рака*—лат. arca, *олтарь*—лат. altare. Вліяніе не могло ограничиться однимъ языкомъ: сохранились извѣстія, что пришельцы, не смотря на враждебныя отношенія къ имперіи, иногда

этановились христіанами. Въ житіи св. Димитрія Солунскаго разсказывается, что многіе варвары крестились подъ вліяніемъ тѣхъ христіанъ, которыхъ они уводили съ собой въ плѣнъ. Позже, когда въ самой имперіи получилъ преобладаніе греческій языкъ, романское вліяніе должно было смѣниться греческимъ: перейдя Дунай, болгаре нашли къ сѣверу отъ Балканъ греческое духовенство, подчиненное константинопольскому патріарху.

Проповѣдь христіанства.

Насколько многочисленна была паства этого духовенства, сказать, конечно, трудно; одно не подлежитъ сомнѣнію, что болгаре очень рано могли познакомиться съ христіанскимъ вѣроученіемъ, и, какъ совершенно справедливо выразился одинъ русскій изслѣдователь, „трудно подыскать причину не того, почему болгаре приняли христіанство, а того,—какъ это они такъ долго оставались язычниками". Причину эту, кажется, слѣдуетъ видѣть въ той желѣзной дисциплинѣ, которой они были обязаны своими военными успѣхами: безъ разрѣшенія хана никто не смѣлъ креститься, а ханы не расположены были къ христіанству, потому что враждовали постоянно съ Византіей. Сохранились любопытныя преданія, показывающія, какъ истинное ученіе медленно, но неуклонно завладѣвало самымъ семействомъ болгарскаго государя. Вотъ что разсказываетъ болгарскій епископъ Θеофилактъ,—писатель очень поздній, XI вѣка, но пользовавшійся древними мѣстными записями. „Когда Крумъ покорилъ многіе города Римлянъ и взялъ знаменитый Адріанополь, то жителей его онъ переселилъ въ тѣ города, которыми завладѣлъ раньше. Въ числѣ этихъ переселенцевъ былъ одинъ мужъ, по имени Кинамъ, по внѣшности блестящій и изящный, а по душевнымъ качествамъ превосходившій всѣхъ своихъ товарищей. При раздѣлѣ плѣнныхъ онъ достался Омвритагу, сыну Крума. Онъ былъ любимъ своимъ господиномъ и всѣми прочими, такъ какъ безспорно превосходилъ всѣхъ; только одно въ немъ опечаливало ихъ: онъ отличался отъ нихъ религіею. Поэтому варваръ употреблялъ всѣ старанія, чтобы отлучить его отъ Христа. На первый разъ онъ испыталъ его вѣру слѣдующимъ образомъ: совершивши одно блестящее жертвоприношеніе и приготовивши при этомъ роскошный обѣдъ, онъ приказываетъ благородному Кинаму садиться вмѣстѣ и обѣдать съ прочими начальниками. Но тотъ, помня, что нѣтъ у Христа ничего общаго съ Веліаромъ, и что вѣрующимъ во Христа невозможно пить чашу Господню и чашу бѣсовскую, отвергъ предложеніе обѣдать съ ними". Варваръ настаивалъ на своемъ. Кинамъ, вмѣсто повиновенія, сталъ доказывать пустоту язычества и проповѣдовать о Христѣ.

Омвритагъ не вынесъ этого и приказалъ запереть слугу Христова въ тюрьму, въ которой онъ и оставался до смерти Омвритага. Умирая, онъ оставилъ трехъ сыновей. Старшему изъ нихъ было имя Энравота, второму Звиничесъ, а третьему Маломіръ; послѣднему досталась и власть отца. Энравота, по провидѣнію Божію, вспомнилъ о христіанинѣ Кинамѣ: онъ послалъ къ брату Маломіру и просилъ его отыскать Кинама и прислать къ нему. Маломіръ не оставилъ безъ вниманія просьбы брата и сталъ отыскивать этого человѣка; онъ нашелъ его въ тюрьмѣ, голоднаго, грязнаго, поблѣднѣвшаго, ослабшаго, такъ сказать, призракъ прежняго Кинама и, оправивши, насколько можно было, послалъ къ брату Энравотѣ". Тотъ не могъ даже сразу и узнать своего стараго знакомаго: такъ измѣнился Кинамъ отъ своего долговременнаго заключенія. На вопросъ пораженнаго Энравоты,—изъ за чего онъ терпѣлъ все это, Кинамъ отвѣчалъ, что пострадать за вѣру Христову—высшее благо для христіанина. „Энравота, принявъ къ сердцу слова мудрѣйшаго Кинама, какъ пищу, воспламенился стремленіемъ къ вѣрѣ Христовой. Онъ любилъ этого человѣка и постоянно въ разговорахъ разспрашивалъ его о христіанствѣ". Послѣдствіемъ этихъ разговоровъ было то, что Энравота крестился и сталъ ревностнымъ христіаниномъ. Когда узналъ объ этомъ братъ его Маломіръ, онъ „призвалъ Энравоту къ себѣ и принялъ его не какъ брата, но какъ отступника переданной отцами вѣры", и потребовалъ отреченія. Энравота отвѣтилъ, что онъ отвергаетъ язычество со всѣмъ его служеніемъ, но чтитъ Христа, какъ истиннаго Бога, и оказываетъ ему должное поклоненіе. За это онъ былъ казненъ и передъ смертью, будто бы, предсказалъ скорое обращеніе всей Болгаріи въ христіанство. Это и случилось, въ самомъ дѣлѣ, очень скоро,—при его племянникѣ Борисѣ,—по словамъ архіепископа Ѳеофилакта, съ дѣтства уже расположенномъ къ христіанству; существуетъ другое преданіе, очень извѣстное,—что сестра Бориса, захваченная при одномъ набѣгѣ византійскими войсками, была воспитана въ Константинополѣ въ христіанской вѣрѣ, и, вернувшись на родину послѣ размѣна плѣнныхъ, склонила брата принять крещеніе. Какъ бы то ни было, очевидно, что среди ближайшаго потомства обращеніе Бориса въ христіанство не считали чѣмъ-то внезапнымъ и знали, что оно было издавна подготовлено успѣхами христіанской проповѣди въ царской семьѣ.

Крещеніе кн. Бориса. Непосредственнымъ поводомъ крещенія, по словамъ византійскихъ лѣтописцевъ, были: голодъ и нападеніе непріятелей на Бол-

гарію. Пораженный этими бѣдствіями, и не находя утѣшенія въ языческой религіи, Борисъ сталъ искать его въ христіанствѣ. О голодѣ около 863 г. говорятъ въ одинъ голосъ и западныя лѣтописи; эта бѣда, повидимому, была повсемѣстная. Что же касается стѣсненнаго положенія Болгаріи, вынудившаго Бориса искать помощи у Византіи, то это достаточно опровергается условіями договора, который имперія заключила съ Борисомъ тотчасъ послѣ крещенія: по этому договору не Болгарія, а Византія сдѣлала уступки. Значительная полоса земли, составлявшая прежде собственность имперіи, перешла къ Борису. Но ошибаясь относительно подробностей событія, византійскіе писатели совершенно вѣрно передаютъ смыслъ его: это, въ самомъ дѣлѣ, была самая крупная побѣда, одержанная греками надъ ихъ страшнымъ сосѣдомъ. Константинопольскій патріархъ Николай, въ письмѣ къ преемнику Бориса, такими словами характеризуетъ обращеніе Болгаръ въ христіанство: „Было нѣкогда время, когда Римляне и Болгаре ссорились между собою, поднимали другъ на друга оружіе,—и языческое нечестіе, въ которомъ вы пребывали, раздѣляло насъ, какъ непроходимая стѣна. Но когда Богъ, возлюбивъ міръ, просвѣтилъ васъ свѣтомъ своего познанія, прекратилась вражда, остановились военныя дѣйствія, любовь заступила мѣсто раздоровъ, — мы стали союзниками и друзьями“. На сорокъ слишкомъ лѣтъ сѣверная граница имперіи была обезпечена отъ нападеній,—если не считать случайнаго столкновенія около 890 г., въ которомъ, къ тому же, кругомъ было виновато византійское правительство. Но этого мало: въ теченіе тѣхъ же сорока лѣтъ совершилось мирное завоеваніе Болгаріи греческой культурой, въ лицѣ болгарскаго государя, ставшаго полу-грекомъ (*Ἡμίαργος*). Что этотъ государь пойдетъ гораздо дальше, чѣмъ могли желать его учителя, — въ томъ виноваты уже не греки, а законы исторіи, въ силу которыхъ всякое начало, разъ проникшее въ жизнь, стремится развиваться до крайнихъ возможныхъ предѣловъ.

Нѣтъ надобности говорить о благотворныхъ нравственныхъ послѣдствіяхъ крещенія для болгарскаго народа. Но на первыхъ порахъ оно и политически было очень выгодно: во-первыхъ, самый этотъ народъ сталъ дѣйствительно существовать только съ тѣхъ поръ, какъ двѣ его части, тюркская и славянская, окончательно слились на почвѣ общей религіи и общей культуры. Съ другой стороны, военно-деспотическая власть хана стала постепенно смѣняться болѣе возвышенной, болѣе нравственной формой

власти христіанскаго царя; прежніе болгарскіе государи были заняты, больше всего, поддержаніемъ дисциплины, теперь они начинаютъ заботиться о просвѣщеніи и нравственномъ воспитаніи своего народа. Общество стало крѣпче, власть стала сильнѣе и, въ то же время, чище; оборотная сторона дала себя почувствовать только гораздо позже: но уже въ самую первую минуту высшіе классы болгарскаго общества и самъ царь Борисъ стали смутно догадываться, что имъ предстоитъ зависимость не отъ одной православной восточной церкви, но и отъ восточной имперіи. Тотчасъ по принятіи Борисомъ христіанства, бояре устраиваютъ заговоръ противъ царя; византійцы объясняютъ этотъ заговоръ языческимъ фанатизмомъ, но такъ какъ никакихъ другихъ признаковъ фанатизма мы не находимъ, то правдоподобнѣе видѣть здѣсь чисто политическую реакцію противъ византійства, а не противъ христіанства,—что подтверждаютъ и позднѣйшія боярскія возстанія, уже несомнѣнно политическія (X вѣка). Съ другой стороны, самъ Борисъ завязываетъ переговоры съ Римомъ, старается освободить болгарскую церковь изъ-подъ власти константинопольскаго патріарха; но Константинополь былъ ближе и перевѣсъ остался за нимъ.

Молодость Симеона. Здѣсь воспитывался и наслѣдникъ Бориса—Симеонъ. Онъ получилъ вполнѣ греческое образованіе: изучалъ „риторику Демосѳена и силлогизмы Аристотеля", какъ выражается одинъ современникъ. О широтѣ и разнообразіи его умственныхъ интересовъ свидѣтельствуютъ тѣ литературныя работы, которыя были исполнены, впослѣдствіи, по его порученію, а отчасти и имъ самимъ (см. статью „Болгарская письменность"): здѣсь есть и богословіе, и проповѣди, и космографія, и исторія. По словамъ хорошо его знавшаго патріарха Николая, онъ вполнѣ усвоилъ себѣ нравственные идеалы своей новой религіи: „ненавидѣлъ зло больше, нежели кто-либо изъ людей, почиталъ справедливость, а къ неправеднымъ дѣламъ чувствовалъ отвращеніе; не былъ рабомъ удовольствій, а въ пищѣ былъ не меньше воздерженъ, чѣмъ отшельники, которые живутъ въ горахъ; вина совсѣмъ не пилъ: однимъ словомъ, отъ монаховъ, покинувшихъ міръ, отличался только тѣмъ, что управлялъ данною ему отъ Бога страною". Но, къ несчастію для грековъ, онъ увлекался не только нравственно-религіозными, но и политическими ихъ идеалами. Греки не признавали на землѣ иной верховной власти, кромѣ власти ихъ императора; всѣ остальные государи были только „правители" *(ῥῆγες)*, „начальники" *(ἄρχοντες)*, властвующіе, покуда императоръ имъ это позволяетъ,

но только въ силу этого позволенія: за вѣрную службу они награждались римскими, императорскими чинами,—патриція или консула; за то въ случаѣ невѣрности ихъ можно было и наказать—здѣсь не было нарушенія права. Только одинъ императоръ выше всякаго права: его судитъ только Богъ, который поставилъ его своимъ намѣстникомъ на землѣ. Но эта, такъ страшно высоко стоящая надъ людьми власть, была въ то же время доступна каждому православному христіанину: закона престолонаслѣдія не было, престолъ, въ сущности, былъ избирательный; если иногда на немъ смѣнялось нѣсколько поколѣній одной семьи, то это была не болѣе, какъ счастливая случайность. Съ другой стороны, Византія, съ своей крайней этнографической пестротой, не обращала, и не могла обращать вниманія на происхожденіе: нація была безразлична для имперіи; единственной духовной связью, соединявшей ея подданныхъ, была религія. Отъ кандидата на престолъ требовалось только православіе: почти всѣ племена, подвластныя Византіи, могли указать въ числѣ императоровъ своихъ представителей, въ томъ числѣ, можетъ быть, и славяне,—если не въ лицѣ Юстиніана, по всей вѣроятности, ѳракійца, то въ лицѣ Василія Македонянина, старшаго современника Симеона (Василій умеръ въ 886 г.). Живя въ Константинополѣ, будущій болгарскій государь могъ каждый день видѣть передъ собою воплощеніе этой теоріи: императора, передъ которымъ падали ницъ высшія лица въ государствѣ; его блестящій дворъ съ торжественнымъ церемоніаломъ; всю ту стройную административную машину, которою онъ руководилъ, по которой малѣйшее распоряженіе, сдѣланное въ Константинополѣ, съ точностью выполнялось въ Диррахіумѣ или Тарсѣ; наконецъ, его огромное войско, еще въ XIII вѣкѣ производившее, по внѣшности, сильное впечатлѣніе на иностранцевъ, не видавшихъ его въ дѣлѣ. И все это не было недоступно для Симеона: не только болгарскій принцъ, простой солдатъ, при удачѣ, могъ разсчитывать на императорскій тронъ: рѣдкій выдающійся человѣкъ въ Византіи не имѣлъ на этотъ счетъ предсказаній отъ астрологовъ и прорицательницъ. Какъ было не родиться у этого „полу-грека“ мысли—стать современемъ Василевсомъ римлянъ *(Βασιλεὺς τῶν Ρωμαίων)*?

Война съ Львомъ VI и мадьярами.

Внѣшнія обстоятельства роковымъ образомъ толкали его къ той же цѣли: сама Византія поставила его въ такое положеніе, гдѣ оставалось только выбирать между подчиненіемъ имперіи, или господствомъ надъ нею,—средины не было. Ко времени восшествія на престолъ Симеона, около 890 г., невыгоды отъ сближенія съ

Византіей для Болгаріи, успѣли уже достаточно опредѣлиться. По старымъ договорамъ болгарскіе купцы имѣли право торговать въ Константинополѣ: чтобы создать монополію (исключительное право торговли) для грековъ, болгаръ заставили перебраться въ Ѳессалонику и тамъ еще стали притѣснять разными несправедливыми поборами. Вѣроятно, въ Константинополѣ черезчуръ понадѣялись на свое вліяніе при болгарскомъ дворѣ, но напрасно: Симеонъ, правившій тогда вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ, вступился за своихъ подданныхъ и нанесъ сильное пораженіе грекамъ. Тогда царствовалъ императоръ Левъ VI, человѣкъ очень ученый, за что его и прозвали „философомъ“, но не отличавшійся искренностью, блестящій представитель дипломатическаго искусства Восточной имперіи, того искусства, которое сдѣлало слово „византійскій“ синонимомъ хитрости и коварства. Онъ не задумался поднять противъ своихъ новыхъ „братьевъ во Христѣ“ дикую языческую орду мадьяръ [1]), кочевавшихъ тогда между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Нужно припомнить, что тогдашняя Болгарія не совпадала съ теперешней: къ царству наслѣдниковъ Крума, послѣ паденія аваровъ, принадлежали земли на сѣверномъ берегу Дуная, нынѣшняя Румынія и отчасти Венгрія. Ихъ то и стали опустошать мадьяры, и Симеону не удалось ихъ вытѣснить отсюда окончательно, хотя онъ и разбилъ ихъ при помощи другой такой же орды—печенѣговъ. Мадьярамъ удалось даже, на византійскихъ судахъ, перебраться на южный берегъ Дуная, гдѣ они ограбили и сожгли столицу болгарскаго государя—Прѣславъ. Не скоро оправилась Болгарія отъ этого погрома, которымъ она была обязана византійской политикѣ; если у Симеона раньше было какое-нибудь уваженіе къ его учителямъ—византійцамъ, то оно должно было исчезнуть послѣ этого коварнаго удара изъ-за угла; и когда, впослѣдствіи, греческій патріархъ пробовалъ обращаться къ царю съ нравоученіями,—онъ всегда встрѣчалъ въ отвѣтъ горькую иронію. „Ты не добьешься своей цѣли—овладѣть императорскимъ престоломъ“, писалъ ему патріархъ Николай, „безъ страшнаго кровопролитія“.—„Значитъ, съ помощью кровопролитій этого можно достигнуть“, отвѣтилъ Симеонъ, намекая на то, что сами греки не стѣсняются въ средствахъ. „Ты требуешь невозможнаго“, писалъ другой разъ патріархъ.—„Я вѣдь не требую, чтобы ты воскресилъ убитыхъ болгаръ“, возражалъ царь, имѣя въ виду, конечно, тѣхъ, кто погибъ по милости византійцевъ.

[1]) Угровъ нашей лѣтописи.

Гораздо важнѣе всего было то, что теперь Болгарія была поставлена между двухъ огней, какъ во времена аваровъ; недавній союзникъ, печенѣги, былъ мало надеженъ: при всякой войнѣ съ Византіей можно было ожидать нападенія съ тыла. Чтобы обезпечить безопасность своего царства, Симеонъ долженъ былъ избавиться отъ одного, либо отъ другого изъ двухъ своихъ враговъ; Византія въ это время казалась наиболѣе слабымъ изъ нихъ, и болгарскій царь рѣшилъ начать съ нея.

Первая война съ Константиномъ VII.

На императорскомъ престолѣ, послѣ смерти Льва (912 г.), остался восьмилѣтній ребенокъ,—Константинъ VII Багрянородный, будущій знаменитый писатель; его именемъ управлялъ дядя, Александръ, человѣкъ совершенно неспособный. Вдобавокъ, покойный императоръ оставилъ сыну чрезвычайно тяжелое наслѣдство. Какъ извѣстно, православная церковь запрещаетъ четвертый братъ. Левъ VI, у котораго слово рѣдко сходилось съ дѣломъ, сначала подтвердилъ это церковное правило строгимъ указомъ; а потомъ самъ женился въ четвертый разъ. Тогдашній патріархъ, уже знакомый намъ Николай, возсталъ противъ такого беззаконія, былъ за это лишенъ каѳедры и замѣненъ Евѳиміемъ, умѣвшимъ угодить императору. Но лучшіе люди византійскаго общества были на сторонѣ сверженнаго патріарха. Константинъ VII имѣлъ несчастіе родиться именно отъ этого, запрещеннаго церковью, брака, и въ глазахъ многихъ былъ царевичемъ не совсѣмъ законнымъ. По этому поводу и при дворѣ, и въ народѣ были большія несогласія, какъ нельзя болѣе благопріятныя для замысловъ Симеона. Предлогъ для войны не трудно было найти: регентъ Александръ, всегда нетрезвый, грубо обошелся на аудіенціи съ болгарскими послами; въ отвѣтъ на это Болгарія начала военныя дѣйствія. Повидимому, имперія совсѣмъ не была готова къ войнѣ: Симеонъ почти безъ сопротивленія подошелъ къ самой столицѣ. Во второй разъ со временъ Крума константинопольское населеніе увидѣло у стѣнъ города болгарскія полчища; но тогда единственной цѣлью ихъ былъ грабежъ, теперь намѣренія ихъ вождя были гораздо серьезнѣе. Симеонъ не скрывалъ, что онъ пришелъ за императорской короной; но, очевидно, раздоры между сторонниками и противниками Константина VII казались изъ Болгаріи значительнѣе, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Ворота города не отворились передъ Симеономъ, а взять его силой онъ не могъ. „Увидавъ крѣпость стѣнъ, множество воиновъ, каменометныхъ и стрѣлометныхъ орудій, которыми могли защищаться осажденные, онъ отказался отъ своей надежды и просилъ мира“;

такъ говорятъ византійскіе лѣтописцы. Эта хвастливая фраза означаетъ, что царь завязалъ переговоры, съ цѣлью, конечно, выиграть время, потому что на слѣдующій годъ нападенія болгаръ возобновились, причемъ они взяли Адріанополь. Насколько мало Симеонъ былъ похожъ на просителя, видно изъ того, что онъ требовалъ отъ пришедшихъ къ нему византійскихъ пословъ „преклоненія" *(προσκύνησις)*, какое обыкновенно совершалось передъ императоромъ. Перемиріе, наконецъ, было заключено; мать императора, Зоя, управлявшая теперь государствомъ послѣ смерти Александра, обязалась заплатить значительную сумму денегъ и за то получила обратно Адріанополь. Но, конечно, не это заставило Симеона отказаться отъ его плана: главнымъ условіемъ мира былъ бракъ императора съ дочерью болгарскаго царя; Симеонъ, повидимому, разсчитывалъ занять положеніе „отца императора" *(βασιλεοπάτωρ)* — титулъ предусмотрѣнный византійской іерархіей,— и управлять имперіей до совершеннолѣтія своего зятя. А совершеннолѣтіе Константина VII,—по характеру кабинетнаго ученаго, а вовсе не государя,—наступило, какъ показали послѣдствія, очень не скоро, много лѣтъ послѣ смерти Симеона. Неизвѣстно, былъ ли заключенъ формальный договоръ на этотъ счетъ, или же дѣло ограничилось словесными обѣщаніями. Какъ бы то ни было, греки и не думали его исполнять; имъ только нужна была отсрочка, нужна для того, чтобы приготовиться къ новой войнѣ, которая должна была навсегда покончить съ Болгаріей.

Первая война съ Константиномъ VII.

Опытъ убѣдилъ ихъ, что нельзя давать Симеону начинать войну; легкая болгарская конница могла опустошить страну раньше, чѣмъ могъ выступить въ походъ хотя одинъ византійскій легіонъ. Нужно было напасть на врага врасплохъ и, по возможности, въ его собственной землѣ. Два года кипѣла неустанная работа въ арсеналахъ, на верфяхъ—и въ дипломатической канцеляріи императорскаго правительства; къ 917 г. все было готово. Наняты были на византійскую службу печенѣги, которыхъ императорскій флотъ долженъ былъ перевезти черезъ Дунай: вторично готовилось нападеніе изъ-за угла, съ такимъ успѣхомъ испытанное нѣсколькими годами раньше, при помощи Мадьяръ. Въ то же время заключено было перемиріе съ главнымъ врагомъ на востокѣ, съ арабами, что дало возможность переправить въ Европу отборныя, закаленныя малоазійскія войска. Планъ кампаніи былъ задуманъ мастерски: сухопутная армія должна была двинуться къ сѣверу берегомъ Чернаго моря, въ то время, какъ флотъ высаживалъ печенѣговъ

около устьевъ Дуная. При удачѣ, византійскія войска могли въ нѣсколько переходовъ достигнуть самаго сердца Болгаріи, Прѣслава, при неудачѣ, они отступали прямо на Константинополь и закрывали столицу. Неизвѣстно, какъ вышелъ бы Симеонъ изъ этого положенія,—вдвое болѣе труднаго, чѣмъ во время первой войны, когда онъ имѣлъ дѣло съ Византіей и Мадьярами поочередно, а не сразу. Но ему помогли византійскіе генералы. Начальникъ флота, адмиралъ (δρουγγάριος) Романъ Лакапинъ, происхожденіемъ изъ бѣднаго армянскаго семейства, всѣмъ обязанный своимъ личнымъ заслугамъ и милости Льва VI, — былъ нелюбимъ среди византійской знати, для которой онъ былъ чужимъ, былъ выскочкой. Какъ нарочно, посланный за печенѣгами „патрицій" Богасъ былъ его личнымъ врагомъ,—и они поминутно ссорились; печенѣги, видя такія отношенія византійскихъ полководцевъ, рѣшили, что изъ затѣяннаго предпріятія добра не выйдетъ, и вернулись домой. Нападеніе съ тыла, такимъ образомъ, не удалось; но не лучше была ведена и главная атака, по такой же причинѣ. Главнокомандующій сухопутной арміей, Левъ Фока, тоже не терпѣлъ Лакапина, но, вдобавокъ, и боялся его. Дѣло въ томъ, что тогда уже вполнѣ обнаружилось все неудобство женскаго управленія во время войны; стало очевидно, что во главѣ регентства долженъ стать какой-нибудь способный и энергичный генералъ. По общему мнѣнію, такихъ было два: самъ Левъ Фока и Романъ Лакапинъ. Пока соперники были въ Константинополѣ, они могли наблюдать другъ за другомъ и были, относительно, спокойны. Но теперь они были далеко отъ столицы, и Лакапинъ, по морю, могъ скорѣе до нея добраться, чѣмъ Фока сухимъ путемъ: первый, слѣдовательно, съ бо́льшимъ удобствомъ могъ захватить власть въ свои руки. Это очень заботило Фоку, — больше, нежели заботили его стоявшія передъ нимъ болгарскія войска; послѣдствія не трудно угадать. Главныя силы противниковъ сошлись около города Анхіала, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отроги Балканъ спускаются къ Черному морю. „20 августа (917 г.)—записалъ у себя византійскій лѣтописецъ,— былъ бой между болгарами и римлянами на рѣкѣ Ахелоѣ, и по неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго, римляне всѣмъ войскомъ (πανστρατί) обратили тылъ и побѣжали, и страшный поднялся вопль,—сами другъ друга давили, а непріятель нагонялъ и билъ, и произошло такое кровопролитіе, какого не было отъ вѣка". Семьдесятъ лѣтъ спустя историку Льву Діакону показывали на этомъ мѣстѣ груды костей,—это были останки несчастныхъ сол-

датъ Льва Фоки. Однимъ изъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ въ этотъ день, — былъ самъ главнокомандующій, кое-какъ добравшійся до ближайшей византійской крѣпости, Месемвріи. Со времени гибели Никифора имперія еще ни разу не была въ такомъ отчаянномъ положеніи. Смятеніе константинопольскаго правительства перешло всякіе предѣлы: регентство не нашло ничего лучше, какъ просить у Симеона прощенія за свою дерзость. Патріархъ Николай, въ качествѣ главы восточной церкви поддерживавшій сношенія со своимъ „духовнымъ сыномъ", писалъ болгарскому царю, что войско было послано „не ради войны, не для убійства и кровопролитія, но чтобы показать только видъ военныхъ дѣйствій (*τὸν πόλεμον σχηματίζειν*), — для нерушимаго укрѣпленія союза дружбы между римлянами и болгарами (*ἀσφαλῆ τὸν δεσμὸν ἐξεργάσασθαι τῆς φιλίας*)". Патріархъ заранѣе собирался написать объ этомъ Симеону, но позамѣшкался, „самъ не знаю какъ", говоритъ онъ: „видно грѣхи мои помѣшали". Но, чувствуя, что такому странному объясненію никто не повѣритъ, патріархъ подробно перечисляетъ мотивы, побудившіе Византію къ войнѣ: пограничные начальники доносили въ Константинополь, что болгаре собираются напасть на Драчъ (Диррахіумъ) и Солунь, что они подбиваютъ на имперію печенѣговъ и т. д. Все это, конечно, не имѣло никакого значенія для Симеона, который дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія, а по заранѣе обдуманному плану, стремясь къ вполнѣ опредѣленной цѣли. Онъ казался къ ней ближе, нежели когда-нибудь. Армія имперіи, армія, собиравшаяся такъ долго и съ такими издержками, не существовала болѣе; а во главѣ имперіи стоялъ теперь государь даже не сомнительной законности, какъ прежде, а прямо насильственно захватившій власть. Мрачныя предчувствія Фоки вполнѣ оправдались: адмиралъ Лакапинъ, дѣйствительно, свергъ правительство Зои при помощи своихъ моряковъ, женилъ Константина VII на своей дочери и заставилъ себя провозгласить сначала Василеопаторомъ, потомъ Кесаремъ, наконецъ, императоромъ. Въ Византіи нерѣдко было два государя: иногда отецъ короновалъ сына при жизни, иногда короновали двухъ братьевъ, — для лучшаго укрѣпленія династіи. Но чтобы при живомъ государѣ надѣлъ на себя императорскую корону совершенно посторонній человѣкъ, — это было неслыханнымъ нарушеніемъ обычая. Симеонъ не замедлилъ воспользоваться этимъ, онъ не призналъ законнымъ правительства Лакапина, и съ этихъ поръ отправлялъ всѣ свои посланія на имя сената, а не императора. Теперь его стремленіе къ импе-

раторскому престолу получило нѣкоторое нравственное оправданіе: онъ шелъ противъ узурпатора, не противъ законнаго государя. Престолъ можно было считать вакантнымъ: Константинъ не управлялъ, онъ носилъ только титулъ. Симеонъ съ презрѣніемъ отказался породниться съ Лакапинымъ, какъ предлагалъ тотъ же патріархъ Николай; онъ потребовалъ отъ константинопольскаго народа—изгнать похитителя престола и провозгласить императоромъ его, Симеона. Въ ожиданіи этого онъ ввелъ при своемъ прѣславскомъ дворѣ византійскій придворный этикетъ и греческій языкъ; его войска привѣтствовали его, какъ Василевса Римлянъ. Но и страхъ константинопольскаго двора и большія ожиданія царя болгарскаго были одинаково преждевременны.

Значеніе Анатоліи.

Правда, что въ Европѣ имперія теперь ограничивалась стѣнами столицы: почти всѣ европейскія владѣнія Византіи, не исключая собственной Греціи и береговъ Адріатическаго моря, лежали открытыя передъ болгарами; но центръ тяжести государства давно уже перешелъ изъ Европы въ Азію; малоазійскія провинціи, такъ называемая Анатолія, даже послѣ опустошеній, произведенныхъ здѣсь въ XI — XII вѣкахъ Сельджуками, продолжали составлять ядро имперіи: отсюда въ XIII столѣтіи никейскіе императоры защищались противъ франковъ, отсюда они завоевали обратно Константинополь; а завоеваніе самыхъ этихъ провинцій османами было сигналомъ окончательнаго паденія имперіи. Ужасъ византійцевъ передъ Симеономъ больше всего усиливался ожиданіемъ, что болгаре немедленно перенесутъ войну въ малую Азію; когда до патріарха Николая дошелъ слухъ, что непріятель напалъ на Лампсакъ (городъ на южномъ берегу Мраморнаго моря), патріархъ, извѣщая объ этомъ Романа Лакапина, прибавляетъ: „Дай Богъ, чтобы слухъ былъ ложенъ; но если, дѣйствительно, началось это (т. е. война въ Азіи), и они (болгаре) осмѣлились вторгнуться въ область Лампсака, трудно будетъ поправить дѣло“. Когда увидѣли, что Симеонъ не смѣетъ или не можетъ перейти Дарданеллы, у всѣхъ отлегло отъ сердца; объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ, очень характерный, признакъ: патріархъ продолжалъ переписываться со своимъ „духовнымъ сыномъ“,—но тонъ его писемъ становится гораздо суше, рѣзче, независимѣе. Теперь онъ уже не проситъ прощенья, а попрекаетъ, иногда даже грозитъ.

„Вотъ“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, „стараніемъ императора на вашу власть и вашъ родъ могущественное нашествіе если не нарядилось, то наряжается,—нашествіе Руси и съ ними печенѣ-

говъ, еще же и аланъ [1]) и западныхъ турокъ [2]), которые всѣ единомысленно согласились пойти на тебя войною".—„Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы... непрестанно вызывать эти и другія скиѳскія племена до тѣхъ поръ, пока они не истребятъ весь родъ болгарскій". Все это было неправда,—но патріархъ хоть на письмѣ могъ отвести душу и показать Симеону, что не такъ уже страшны болгаре, какъ сами думаютъ. Симеонъ, вѣроятно, понималъ, что опустошенія Ѳракіи, повторявшіяся изъ году въ годъ, не могутъ его привести къ цѣли: но повести войну далѣе онъ не могъ, потому что нельзя было воевать въ Малой Азіи, имѣя за спиной укрѣпленный лагерь такой силы, какой представлялъ изъ себя Царьградъ.

Значеніе Константинополя.

Все сводилось къ тому, чтобы овладѣть столицей имперіи; сдѣлаться императоромъ можно было только въ Константинополѣ. Помимо военныхъ соображеній, это было нравственной необходимостью: мы съ трудомъ можемъ себѣ представить, какое значеніе придавали тогда православные люди этому городу. „Вспомни", писалъ патріархъ Симеону, „какого народа я, хотя и недостойный, архіепископъ, какого города, какой области *(ἐξουσίας)*—единственной, которой самъ Христосъ повелѣлъ вмѣсто себя властвовать на землѣ". Въ представленіи старыхъ русскихъ людей, XV—XVI вѣка, воспитанныхъ на византійскихъ понятіяхъ, судьба не только имперіи, а всего міра была связана съ этимъ городомъ: всемірную исторію дѣлили на три періода: первый, когда господствовалъ старый Римъ, на берегахъ Тибра, второй періодъ — господство Новаго Рима, построеннаго Константиномъ, въ послѣднемъ будетъ господствовать третій Римъ—Москва, а четвертому не быть. Симеонъ былъ воспитанъ въ тѣхъ же понятіяхъ: ставя выше всего на свѣтѣ императорское достоинство, онъ не могъ не ставить выше всѣхъ городовъ императорскаго города. Не только православные,—враги православной вѣры еретики-богомилы по своему выражали ту же мысль: они вѣрили, что въ св. Софіи живетъ „князь этого міра", темный богъ зла, во власти котораго находится весь матеріальный міръ. Только здѣсь, въ св. Софіи можно было стать православнымъ императоромъ; только благословеніе константинопольскаго патріарха могло освятить власть Симеона. Онъ дѣлалъ попытки получить благословеніе отъ другого патріарха, римскаго: но совѣсть его, выросшаго въ преданіяхъ греческой церкви, не могла удовле-

[1]) Кавказскій народъ.

[2]) Т. е. мадьяръ.

твориться этимъ благословеніемъ. Сношенія съ папой привели только къ тому, что болгарская церковь получила независимаго патріарха, признаннаго впослѣдствіи и восточной церковью. Но вообще папа не помогъ Симеону, а подъ конецъ сталъ даже дѣйствовать противъ него, ибо въ это время было достигнуто соглашеніе между восточной и западной церковью. Итакъ, добромъ или силой, но нужно было войти въ Царьградъ, нужно было добиться признанія отъ патріарха и народа константинопольскаго. Добромъ они не хотѣли поддаться, нужно было брать силой, но силы у болгарскаго царя не оказалось.

Достаточно взглянуть на карту Константинополя, чтобы видѣть, что едва четвертая часть его окружности обращена къ сушѣ: южная сторона города обращена къ Пропонтидѣ, восточная къ Босфору, сѣверная выходитъ на Золотой Рогъ. Западная,—длиною въ четыре съ небольшимъ версты (4950 метровъ), защищена была глубокимъ рвомъ наполненнымъ водою, около 10 саженъ ширины, и двумя стѣнами—внутренняя проходитъ на разстояніи 9 саженъ отъ внѣшней и на столько же возвышается надъ нею; на стѣнахъ 118 высокихъ башенъ: въ такомъ видѣ представляется намъ средневѣковой Константинополь. Когда, въ 1453 г., Магометъ II осаждалъ городъ, въ немъ было не болѣе 7.000 челов. гарнизона: тѣмъ не менѣе, туркамъ удалось прорваться черезъ сухопутную ограду, только овладѣвъ напередъ Золотымъ Рогомъ, т.-е. поставивъ грековъ между двухъ огней; и то лишь благодаря тому, что у султана были огнестрѣльныя орудія большого калибра. Можно себѣ представить, какія трудности приходилось одолѣвать тому, кто осаждалъ городъ со стороны суши въ X вѣкѣ,—когда, вдобавокъ, за его стѣнами было не 7, а, по малой мѣрѣ, 70 тысячъ войска. Тогда Константинополь былъ, не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова, неприступенъ: въ 1204 г., во время 4-го крестоваго похода, венеціанцамъ удалось имъ овладѣть только со стороны моря: здѣсь ограда была втрое длиннѣе и соотвѣтственно слабѣе. Только тотъ, кто владѣлъ моремъ, у кого былъ флотъ, могъ надѣяться здѣсь на успѣхъ: но у болгаръ своего военнаго флота не было. Симеонъ былъ слишкомъ хорошій полководецъ, чтобы не понимать этого затрудненія: не было своего, онъ придумалъ занять флотъ. Онъ сталъ искать помощи у арабовъ, — въ то время второй морской націи на Средиземномъ морѣ послѣ грековъ: варварійскіе корсары новаго времени были только слабымъ воспоминаніемъ о тѣхъ безстрашныхъ морякахъ, которые нѣкогда владѣли Критомъ и Сициліей. Симеонъ

отправилъ посольство къ Фатлуму, арабскому халифу Африки, предлагая ему союзъ и обѣщая, въ вознагражденіе, подѣлиться съ нимъ добычей,—вѣроятно, уступивъ ему часть провинцій имперіи. Халифъ сначала согласился и отправилъ вмѣстѣ съ болгарскими послами своихъ уполномоченныхъ для заключенія договора. Но посольство это попало въ руки Византіи; императоръ задержалъ болгаръ, арабовъ же богато одарилъ и отпустилъ съ обѣщаніемъ платить халифу ежегодную дань. Халифъ, съ чисто семитической расчетливостью, нашелъ, что небольшая вѣрная выгода лучше огромнаго, но ненадежнаго барыша, и заключилъ договоръ съ Византіей.

Нападеніе хорватовъ. Такъ рушилась надежда Симеона—получить корабли хотя путемъ союза: но безъ кораблей онъ ничего не могъ сдѣлать. Между тѣмъ длинная и безплодная война дѣлала свое дѣло: почва начала колебаться подъ болгарскимъ царемъ. Въ самой Болгаріи были недовольные, и недовольство это, скоро послѣ смерти Симеона, разразилось цѣлымъ рядомъ возстаній. Но въ тѣхъ славянскихъ земляхъ, куда не простиралась непосредственная власть болгарскаго царя и гдѣ правили его подручники, уже при его жизни дошло до открытаго возмущенія. Кто былъ тутъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, угадать не трудно: въ 924 году, когда Симеонъ послѣдній разъ подступилъ къ Константинополю, туда привезли головы и оружіе болгарскихъ вождей, убитыхъ въ Сербіи, князь которой былъ вассаломъ царя болгарскаго. То же византійское вліяніе, которое внушило Симеону мысль объ императорской коронѣ, дѣйствовало и на другихъ славянскихъ князей: только, не смѣя мечтать объ имперіи, они довольствовались титулами проконсуловъ и патриціевъ. При помощи этого средства, Романъ Лакапинъ привлекъ [illegible] сторону владѣтеля Захлумья[1]), Михаила Вышевича, ко-
[illegible] помогалъ Симеону противъ сербовъ. Мало того,
мы[illegible] славянское племя, успѣвшее къ тому времени
тем[illegible] объявили Болгаріи войну, послѣ
міръ. [illegible] сталъ византійскимъ про-
нымъ [illegible] ового, получилъ въ управ-
патріарх[illegible] Далмаціи. Хорватія могла
получить [illegible] тина Багрянороднаго, 60.000
его, выросш[illegible] кой противн[illegible] почти стоилъ
[illegible] но, какъ

1) Кавказскій [illegible]
2) Т. е. мадьяр[illegible]

и прежде. Симеонъ призналъ свою неудачу и выразилъ желаніе вступить въ переговоры.

Ему не удалось свергнуть Лакапина; онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, унизить самозваннаго императора, насколько можно. Царь отказался вести переговоры черезъ пословъ и требовалъ личнаго свиданія. Какъ ни было для имперіи унизительно идти навстрѣчу врагу, но для нея окончить войну было не меньше нужно, чѣмъ Симеону. Внѣ стѣнъ города, у Космидія, на сѣверо-западномъ концѣ Золотого Рога, была построена площадка, куда должна была пристать императорская тріера. Въ этотъ самый день болгаре ограбили и сожгли церковь Богородицы у Источника, одну изъ главныхъ святынь окрестностей Константинополя: это было грубое издѣвательство. Но этого было мало: чтобы показать, что просителями мира являются греки, а не онъ, болгарскій царь четыре дня заставилъ себя дожидаться. Когда онъ наконецъ удостоилъ явиться, его солдаты встрѣтили его громкими привѣтствіями, какъ Василевса римлянъ,—хотя настоящій Василевсъ стоялъ тутъ же. Прежде чѣмъ сойти съ коня, онъ послалъ нѣсколько человѣкъ изъ своей свиты, чтобы осмотрѣть площадку,—нѣтъ ли гдѣ засады. Все это Лакапинъ долженъ былъ терпѣть: византійскіе историки говорятъ, что онъ поразилъ своего противника своимъ, полнымъ достоинства, смиреніемъ. Какъ бы то ни было, переговоры не привели, однако, ни къ чему: или Симеонъ, или Византія желали слишкомъ многаго. Между тѣмъ болгарское войско, посланное противъ хорватовъ, было разбито. Симеонъ долженъ былъ вернуться въ Прѣславъ и умеръ здѣсь 27 мая 927 года, не успѣвъ отомстить своему новому противнику.

Смерть Симеона.

Такъ вся жизнь величайшаго изъ болгарскихъ царей ушла безплодно, ушла на дѣло, совершенно чуждое благу Болгаріи. Такова была судьба южно-славянскихъ племенъ: всѣ лучшіе ихъ люди, едва усвоивъ себѣ византійскую культуру, становились византійцами по своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Ихъ стремленія были направлены не къ тому, чтобы основать независимое славянское государство,—потому что варварское государство для нихъ, воспитанныхъ на византійскихъ понятіяхъ, было низшимъ, какъ бы даже незаконнымъ типомъ политической жизни. И Стефану Душану, какъ Симеону Болгарскому, снилась императорская корона: но правъ былъ патріархъ Николай, перечислявшій Симеону въ одномъ письмѣ всѣхъ покушавшихся на независимость имперіи и потерпѣвшихъ неудачу, и пророчившій ему ту же судьбу. Имперія охотно прини-

мала къ себѣ иностранцевъ, но подчинятъся иностранцамъ не хотѣла: ее нельзя было сдѣлать ни болгарской, ни французской, ни сербской; ее можно было только уничтожить и поставить на ея мѣсто совсѣмъ новую,—турецкую имперію.

Послѣ смерти своего врага Византія поспѣшила заключить миръ съ его преемникомъ: разъ главное притязаніе болгарскаго царя было устранено, Лакапинъ былъ согласенъ на очень большія уступки, тѣмъ болѣе, что этими уступками теперь можно было купить не только миръ, но и союзъ сильнаго сосѣда. Петръ Симеоновичъ, очень набожный и вовсе не воинственный государь, женился на внучкѣ Романа; какъ близкій родственникъ царствующаго дома, онъ получилъ титутъ Василевса, кстати сказать, очень подешевѣвшій въ то время: кромѣ Константина VII, его носили тогда еще три лица изъ фамиліи Лакапиновъ: Романъ и его два сына. Само собою разумѣется, что Петръ былъ Василевсомъ только болгарскимъ, но не „римскимъ". Болгарскіе послы получили „шагъ" передъ всѣми другими,—что, какъ мы видѣли въ началѣ этого разсказа, было особенно непріятно Ліутпранду. Важнѣе этихъ формальностей было признаніе независимости болгарскаго патріархата; но этотъ единственный серьезный результатъ войнъ Симеона былъ не на пользу Болгаріи; предоставленная самой себѣ, болгарская церковь оказалась слишкомъ слаба, чтобы бороться съ ересями, потеряла свое нравственное вліяніе на народъ и не могла предупредить разложенія болгарскаго царства. Были, кромѣ того, въ этомъ договорѣ и кое-какія земельныя уступки въ пользу Болгаріи, но онѣ съ лихвой возмѣщались тѣмъ, что византійское вліяніе при прѣславскомъ дворѣ господствовало теперь безраздѣльно.

Что выиграла Болгарія отъ этой перемѣны? Могла ли она снова продолжать мирное усвоеніе христіанской культуры, прерванное двадцать лѣтъ назадъ? Цѣлое поколѣніе выросло во время войны съ имперіей; цѣлое поколѣніе привыкло смотрѣть на византійцевъ, какъ на непримиримыхъ враговъ. Способъ веденія войны, въ тѣ времена неизбѣжно сопровождавшейся разбоемъ, въ особенности разграбленіе болгарами монастырей и церквей, на что особенно жалуется патріархъ Николай въ своихъ письмахъ,—все это не могло не понизить нравственнаго уровня новообращенныхъ христіанъ. Но когда война кончилась и византійское вліяніе снова начало проникать въ страну, это вліяніе принимало такія формы, которыя совсѣмъ не были пріятны массамъ народа. Приходившіе въ Болгарію „греки" были совсѣмъ не такого свойства люди, чтобы внушать

къ себѣ уваженіе. „Они непостоянны въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, хвастливы, высокомѣрны, лжесвидѣтели, златолюбивы, судятъ по мздѣ“; такъ изображаетъ этихъ пришельцевъ одинъ памятникъ „отреченной“ письменности, распространенной среди народа. Нехорошее впечатлѣніе производили сами „греки“, еще хуже были для народа тѣ порядки, которые заимствовались изъ Византіи. Около этого времени мы начинаемъ встрѣчать въ Болгаріи крѣпостныхъ крестьянъ, „париковъ“ (*πάροικοι*), особенно на церковныхъ земляхъ. Раньше ихъ незамѣтно, и, по аналогіи съ другими славянскими областями имперіи, гдѣ въ VII—VIII вѣкахъ земледѣльческое населеніе было свободно, нужно думать, что ихъ и не было. Греческое названіе дѣлаетъ вѣроятнымъ, что это учрежденіе зашло изъ Византіи, гдѣ противъ развивавшагося крѣпостничества приходилось принимать мѣры уже императорамъ-иконоборцамъ [1]). Подтверждается это еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что еретики-богомилы [2]), враги всего греческаго, нападали между прочимъ и на крѣпостничество: „рабу не велятъ работати господину своему“, говоритъ ихъ обличитель, пресвитеръ Козьма. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что тяжелое положеніе крестьянства много помогло распространенію этой секты, имѣвшей роковое вліяніе на судьбу Болгаріи.

Богомилы, кромѣ того, по словамъ Козьмы, „ругались старѣйшинамъ и укоряли бояръ“: но сами бояре вовсе не принадлежали къ числу тѣхъ, кто былъ доволенъ сближеніемъ съ Византіей. Для нихъ „греческое“ вліяніе означало господство централизаціи и чиновничества, паденіе боярскихъ привилегій, основанныхъ на обычаѣ. Недаромъ первое сближеніе съ Византіей, крещеніе Бориса, имѣло слѣдствіемъ боярское возстаніе. Въ первые же годы правленія Петра Симеоновича устроили противъ него заговоръ какіе-то „вельможи, возвысившіеся при Симеонѣ“: они имѣли въ виду посадить на престолъ меньшого брата царя, царевича Іоанна. Чрезъ два или три года отложились правители нѣкоторыхъ западныхъ областей, и провозгласили царемъ старшаго сына Симеонова, Михаила, невольно постриженнаго въ монахи. Михаилъ умеръ, и это прекратило возстаніе; характерно, что мятежники жестоко грабили сосѣднія византійскія области: новые историки основательно видятъ здѣсь доказательство того, что ненависть къ „грекамъ“ была

---

1) См. статью „Иконоборцы“, въ 1-мъ выпускѣ „Книги для чтенія“.

2) См. ст. „Средневѣковыя ереси“.

одной изъ причинъ возстанія. Наконецъ, около 960 года началось тамъ же, на западѣ, громадное возмущеніе, съ которымъ Петръ уже не въ силахъ былъ справиться: онъ удержался на престолѣ въ Прѣславѣ, но западныя области составили особое политическое цѣлое, во главѣ котораго сталъ руководитель мятежа, бояринъ Шишманъ. Государство Симеона начало разлагаться; русское нашествіе Святослава его докончило: но воспользовались этимъ не русскіе, а тотъ сосѣдъ, котораго такъ не любили болгаре,—Восточная имперія.

М. Покровскій.

XXVII.

Никифоръ Фока.

Задачи Византіи.

По ея положенію на крайнемъ юго-востокѣ Европы и въ западной части передней Азіи, Византійской имперіи суждено было принять самое дѣятельное участіе въ „вѣчномъ вопросѣ“ борьбы Европы съ Азіей, въ рѣшеніи того, сумѣетъ ли первая отстоять отъ напиравшихъ на нее изъ Азіи враждебныхъ силъ свою свободу и культурное достояніе. Въ теченіе всей своей многовѣковой исторіи Восточная имперія вела на азіатскихъ границахъ почти непрерывную борьбу. Въ концѣ концовъ она не устояла въ ней и пала, но пала уже въ то время, когда Европа настолько окрѣпла, что опасность азіатскаго завоеванія не могла серьезно грозить ей. Въ этой защитѣ Европы съ востока заключается одна изъ величайшихъ заслугъ Византіи передъ человѣчествомъ. Борьба въ Азіи требовала отъ нея очень значительнаго напряженія силъ, но ею не ограничивались внѣшнія затрудненія имперіи: серьезная опасность грозила ей и со стороны сѣверной европейской границы. Впрочемъ, эти враги были опасны все-таки гораздо менѣе, чѣмъ азіатскіе и, сравнительно легко усваивая приходившіе изъ имперіи зачатки культуры, они сами становились потомъ въ ряды борцовъ противъ Азіи. Кромѣ только что указаннаго всемірно-историческаго значенія, внѣшнія отношенія Восточной имперіи оказали чрезвычайно

(По сочиненію *Густава Шлюмбергера*: „Un empereur byzantin au dixième siècle Nicéphore Phocas“, Paris, 1890). Другія пособія: *Ліутпранда* Antapodosis и Legatio (Pertz, M. L. H. Scrip. III); *Rambaud*: „L'empire grec au X siècle“; *Герцбергъ*: Geschichte der byz. und des Osman. Reiches; *Скабалановичъ*: „Византійское государство и церковь въ XI в.“).

сильное вліяніе на внутреннюю исторію ея, на весь складъ ея государственной и общественной жизни. Многія стороны византійскаго быта въ значительной степени объясняются именно преобладаніемъ внѣшнихъ задачъ, необходимостью быть вѣчно во всеоружіи, напрягать всѣ народныя силы, чтобы только отстоять себѣ независимое существованіе. Такъ, напримѣръ, нельзя не уловить значительнаго вліянія этого фактора въ томъ чрезвычайно сильномъ развитіи центральной власти, которое составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ византійской государственной жизни. Этимъ же (конечно, только въ извѣстной степени) объясняется тотъ застой, то отсутствіе живого, свободнаго развитія, которое характеризуетъ внутреннюю исторію Византіи. Народу, вынужденному напрягать свои силы въ крайне тяжелой внѣшней борьбѣ, трудно двигаться быстро по пути внутренняго развитія, такая борьба поглощаетъ слишкомъ много его жизненныхъ соковъ, требуетъ отъ него слишкомъ много жертвъ. Въ такомъ невыгодномъ положеніи находилась Восточная имперія, оно же долго тормозило внутреннее развитіе русскаго народа.

Реакція противъ Ислама.

Крайняя опасность стала грозить Византіи съ того времени, какъ на сѣверныхъ границахъ ея выросло царство болгарское, а силы Азіи объединились подъ знаменемъ Магомета и со всей страстностью религіознаго фанатизма ринулись въ борьбу съ „невѣрными“. Но и тогда имперія, подкрѣпленная массой славянъ, поселившихся на ея территоріи, нашла въ себѣ довольно силъ, чтобы отбиться отъ страшныхъ враговъ. Впрочемъ, Византія вышла изъ этой борьбы не безъ значительныхъ потерь, она поплатилась цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ провинцій. Между тѣмъ прошло первое одушевленіе послѣдователей Ислама, давшее имъ силы въ короткое время широко раздвинуть границы мусульманскаго міра. Борьба постепенно теряла ту напряженность, какой отличалась ранѣе. По мѣрѣ достиженія успѣха, поклонники пророка остывали и втягивались въ мирную жизнь. Благодаря распаденію халифата, исчезло единство мусульманскаго міра, и тогда началась реакція со стороны Восточной имперіи. Она стала стремиться къ возвращенію важнѣйшихъ изъ потерянныхъ провинцій и, подъ впечатлѣніемъ первыхъ успѣховъ, мечтала уже о полномъ возстановленіи своей нѣкогда столь обширной границы. Вторая половина десятаго и начало одиннадцатаго вѣка были эпохой высшаго подъема византійскаго духа, временемъ такихъ значительныхъ военныхъ успѣховъ, какихъ имперія не видѣла со времени Юстиніана. Тогда мы

видимъ на константинопольскомъ престолѣ такихъ первокласныхъ воителей, какъ Никифоръ Фока, Іоаннъ Цимисхій и Василій II, вполнѣ достойныхъ преемниковъ боевой славы римской имперіи. Первымъ въ ряду стоитъ Никифоръ Фока.

Въ началѣ ноября 959 года въ роскошномъ императорскомъ дворцѣ „Новаго Рима" скончался Константинъ VII Багрянородный. Ему наслѣдовалъ двадцатилѣтній сынъ Романъ II (959—963), женатый на Ѳеофано, женщинѣ необыкновенной красоты и почти столь же необыкновенной порочности, происходившей изъ очень низкаго званія (она была дочерью содержателя гостинницы и носила до замужества имя Анастазо). Романъ не былъ лишенъ нѣкоторыхъ хорошихъ свойствъ, но страсть къ удовольствіямъ заглушала въ немъ все остальное, вполнѣ поглощала его, и личное участіе его въ современныхъ ему событіяхъ было совершенно ничтожно. Всѣми дѣлами руководилъ при немъ главный евнухъ Бринга, человѣкъ очень способный, но крайне эгоистичный и безнравственный. Онъ былъ первымъ министромъ при Константинѣ VII, и перемѣна на тронѣ не измѣнила его положенія.

Разграбленіе Ѳессалоники.

Самымъ значительнымъ событіемъ кратковременнаго правленія Романа II была снаряженная Брингою экспедиція для завоеванія у арабовъ Крита. Этотъ громадный островъ имѣлъ тогда особенно важное значеніе по своему положенію между Европой и Африкой, между христіанскимъ и мусульманскимъ мірами, которые находились въ почти непрерывной борьбѣ. Въ 824 году имъ овладѣли андалузскіе арабы, воспользовавшіеся возмущеніемъ ренегата Ѳомы противъ императора Михаила II. Беззащитный Критъ былъ страшно разграбленъ ими, епископъ гортинскій Кириллъ замученъ, а избѣжавшее гибели населеніе насильно обращено въ исламъ. Для упроченія своего господства во вновь завоеванной странѣ арабы построили недалеко отъ мыса Харакса, въ почти неприступной позиціи, знаменитую крѣпость Хандаксъ, которая дала новое имя всему острову (Кандія). Почти непрерывный приливъ новыхъ отрядовъ поклонниковъ пророка подкрѣплялъ первыхъ счастливыхъ искателей приключеній, и войска Михаила II тщетно пытались вернуть потерю этой важной въ военномъ отношеніи позиціи. Съ тѣхъ поръ Критъ сталъ настоящимъ гнѣздомъ отчаянныхъ грабителей и искателей приключеній, истиннымъ бичомъ всѣхъ береговъ Архипелага, столицей арабскихъ пиратовъ, наводившихъ ужасъ на христіанское населеніе прибрежныхъ городовъ. Императорскій флотъ былъ безсиленъ предупреждать производимыя арабами опустошенія, такъ

какъ было почти невозможно своевременно услѣдить за быстрыми, легкими судами мусульманъ. Исторія разграбленія Θессалоники наглядно показываетъ, насколько безпокойно и опасно для имперіи было такое сосѣдство, и до какой дерзости доходили иногда арабы въ своихъ набѣгахъ. Въ 904 году громадная и великолѣпная Θессалоника, пользовавшаяся славой второго послѣ Константинополя города Восточной имперіи, неожиданно попала въ руки мусульманъ. Въ одинъ изъ іюльскихъ дней на гладкой лазурной поверхности моря совершенно неожиданно показался передъ городомъ флотъ изъ 54 судовъ. На каждомъ кораблѣ находилось по двѣсти пиратовъ, большей частью негровъ изъ Эфіопіи. Наскоро организованное сопротивленіе населенія, захваченнаго совершенно врасплохъ, конечно, не могло быть успѣшнымъ, мусульмане ворвались въ городъ, и начались безконечныя сцены убійства, грабежа и всякихъ насилій. Разсказъ объ этомъ несчастіи сохранился въ сочиненіи Іоанна Каменіата, очевидца и жертвы этого несчастнаго дня. Онъ самъ былъ въ числѣ тѣхъ двадцати двухъ тысячъ плѣнныхъ, которыхъ мусульмане пощадили или вслѣдствіе ихъ молодости, дававшей грабителямъ надежду выгодно сбыть свой живой товаръ, или же вслѣдствіе богатства, обѣщавшаго полученіе за нихъ значительнаго выкупа. Надо прочесть его живыя страницы, чтобы составить себѣ ясное представленіе о размѣрахъ несчастія и о страданіяхъ увезенныхъ мусульманами обитателей Θессалоники. Предводимые извѣстнымъ ренегатомъ Львомъ Триполитанскимъ, пираты, чтобы предупредить преслѣдованіе со стороны императорскаго флота, поспѣшили какъ можно скорѣе вернуться съ громадной добычей въ безопасныя убѣжища Крита. Впечатлѣніе, которое произвело это событіе на современниковъ, было неизгладимо. Сцены, подобныя происходившимъ въ Θессаловикѣ, конечно, въ меньшихъ размѣрахъ, безпрерывно разыгрывались въ разныхъ углахъ Архипелага, и можно себѣ представить, какое раздраженіе и отчаяніе должны были вызывать онѣ въ беззащитномъ населеніи прибрежныхъ городовъ, и какой громадный ущербъ наносился этимъ греческой торговлѣ. Въ концѣ царствованія Константина Порфиророднаго была организована обширная экспедиція противъ Крита. Во главѣ ея былъ поставленъ стратегъ Самоса, Константинъ Гонгилъ, человѣкъ неспособный и слабый. Походъ окончился очень печально, и войску едва удалось спастись отъ конечнаго истребленія. Послѣ этой неудачи императорскихъ войскъ дерзость пиратовъ стала превосходить всякое вѣроятіе. Имперіи необходимо было во что бы то ни стало покончить

съ этимъ хищническимъ гнѣздомъ, и правительству Романа II принадлежала честь счастливаго выполненія этой крайне трудной задачи. Выборъ главнокомандующаго для задуманнаго похода сдѣланъ былъ въ высшей степени удачно: во главѣ грандіозной экспедиціи рѣшили поставить Никифора Фоку, снискавшаго уже къ этому времени на арабской границѣ Малой Азіи громкую боевую славу.

Фамилія Фока.

Никифоръ Фока происходилъ изъ старинной каппадокійской фамиліи, уже до него давшей Византіи нѣсколько замѣчательныхъ полководцевъ. Такъ, его дѣдъ, называвшійся также Никифоромъ, отличался сначала въ Италіи и Сициліи, откуда онъ при Василіи I-мъ прогналъ мавровъ, потомъ, при Львѣ VI-мъ, въ успѣшной борьбѣ съ болгарами. Одинъ изъ его сыновей, доместикъ и начальникъ гвардіи, Левъ, былъ даже въ малолѣтство Константина VII-го претендентомъ на императорскій престолъ, но Романъ Лакапинъ одержалъ надъ нимъ верхъ и ослѣпилъ его. Другой его сынъ, Варда Фока, отецъ нашего Никифора, пользовался громадной популярностью за военныя заслуги, оказанныя имъ имперіи въ борьбѣ съ арабами. Кромѣ того, Варда помогъ Константину Багрянородному освободиться отъ сыновей Романа Лакапина. Наконецъ, одинъ изъ братьевъ нашего Никифора, Константинъ Фока, стратегъ пограничной Селевкійской ѳемы, погибъ въ плѣну у арабовъ, другой же, Левъ, обладалъ военными дарованіями, почти приравнивавшими его, какъ полководца, къ болѣе знаменитому брату, котораго во время критскаго похода онъ и замѣстилъ въ командованіи малоазіатскими войсками.

Характеристика Никифора.

Никифоръ Фока представляетъ типичнѣйшій образъ императора-воителя, какихъ мы время отъ времени встрѣчаемъ на константинопольскомъ престолѣ. По всему складу характера, по вкусамъ и по привычкамъ онъ былъ воиномъ. Большую часть жизни провелъ онъ въ походахъ и вполнѣ сроднился съ лагерной обстановкой. Никифоръ неизмѣнно оказывалъ военному элементу предпочтеніе, которое впослѣдствіи сильно не нравилось населенію столицы. За то постоянная заботливость о нуждахъ солдатъ и справедливость снискали ему любовь войска, хотя нельзя сказать, чтобы Никифоръ потакалъ дурнымъ инстинктамъ солдатъ: въ наказаніи серьезныхъ проступковъ онъ былъ безпощадно строгъ. Такъ, когда былъ взятъ Тарсъ, нѣсколько армянскихъ воиновъ, вопреки приказанію полководца не трогать жителей, которые еще не покинули города, позволили себѣ нанести оскорбленіе нѣсколькимъ арабскимъ дѣвушкамъ. За это, по приказу Никифора, имъ отрѣзали носы и руки. Энергія, сила физическая и душевная вы-

какъ было почти невозможно своевременно услѣдить за быстрыми, легкими судами мусульманъ. Исторія разграбленія Θессалоники наглядно показываетъ, насколько безпокойно и опасно для имперіи было такое сосѣдство, и до какой дерзости доходили иногда арабы въ своихъ набѣгахъ. Въ 904 году громадная и великолѣпная Θессалоника, пользовавшаяся славой второго послѣ Константинополя города Восточной имперіи, неожиданно попала въ руки мусульманъ. Въ одинъ изъ іюльскихъ дней на гладкой лазурной поверхности моря совершенно неожиданно показался передъ городомъ флотъ изъ 54 судовъ. На каждомъ кораблѣ находилось по двѣсти пиратовъ, большей частью негровъ изъ Эфіопіи. Наскоро организованное сопротивленіе населенія, захваченнаго совершенно врасплохъ, конечно, не могло быть успѣшнымъ, мусульмане ворвались въ городъ, и начались безконечныя сцены убійства, грабежа и всякихъ насилій. Разсказъ объ этомъ несчастіи сохранился въ сочиненіи Іоанна Каменіата, очевидца и жертвы этого несчастнаго дня. Онъ самъ былъ въ числѣ тѣхъ двадцати двухъ тысячъ плѣнныхъ, которыхъ мусульмане пощадили или вслѣдствіе ихъ молодости, дававшей грабителямъ надежду выгодно сбыть свой живой товаръ, или же вслѣдствіе богатства, обѣщавшаго полученіе за нихъ значительнаго выкупа. Надо прочесть его живыя страницы, чтобы составить себѣ ясное представленіе о размѣрахъ несчастія и о страданіяхъ увезенныхъ мусульманами обитателей Θессалоники. Предводимые извѣстнымъ ренегатомъ Львомъ Триполитанскимъ, пираты, чтобы предупредить преслѣдованіе со стороны императорскаго флота, поспѣшили какъ можно скорѣе вернуться съ громадной добычей въ безопасныя убѣжища Крита. Впечатлѣніе, которое произвело это событіе на современниковъ, было неизгладимо. Сцены, подобныя происходившимъ въ Θессаловикѣ, конечно, въ меньшихъ размѣрахъ, безпрерывно разыгрывались въ разныхъ углахъ Архипелага, и можно себѣ представить, какое раздраженіе и отчаяніе должны были вызывать онѣ въ беззащитномъ населеніи прибрежныхъ городовъ, и какой громадный ущербъ наносился этимъ греческой торговлѣ. Въ концѣ царствованія Константина Порфиророднаго была организована обширная экспедиція противъ Крита. Во главѣ ея былъ поставленъ стратегъ Самоса, Константинъ Гонгилъ, человѣкъ неспособный и слабый. Походъ окончился очень печально, и войску едва удалось спастись отъ конечнаго истребленія. Послѣ этой неудачи императорскихъ войскъ дерзость пиратовъ стала превосходить всякое вѣроятіе. Имперіи необходимо было во что бы то ни стало покончить

съ этимъ хищническимъ гнѣздомъ, и правительству Романа II принадлежала честь счастливаго выполненія этой крайне трудной задачи. Выборъ главнокомандующаго для задуманнаго похода сдѣланъ былъ въ высшей степени удачно: во главѣ грандіозной экспедиціи рѣшили поставить Никифора Фоку, снискавшаго уже къ этому времени на арабской границѣ Малой Азіи громкую боевую славу.

Фамилія Фока.

Никифоръ Фока происходилъ изъ старинной каппадокійской фамиліи, уже до него давшей Византіи нѣсколько замѣчательныхъ полководцевъ. Такъ, его дѣдъ, называвшійся также Никифоромъ, отличался сначала въ Италіи и Сициліи, откуда онъ при Василіи I-мъ прогналъ мавровъ, потомъ, при Львѣ VI-мъ, въ успѣшной борьбѣ съ болгарами. Одинъ изъ его сыновей, доместикъ и начальникъ гвардіи, Левъ, былъ даже въ малолѣтство Константина VII-го претендентомъ на императорскій престолъ, но Романъ Лакапинъ одержалъ надъ нимъ верхъ и ослѣпилъ его. Другой его сынъ, Варда Фока, отецъ нашего Никифора, пользовался громадной популярностью за военныя заслуги, оказанныя имъ имперіи въ борьбѣ съ арабами. Кромѣ того, Варда помогъ Константину Багрянородному освободиться отъ сыновей Романа Лакапина. Наконецъ, одинъ изъ братьевъ нашего Никифора, Константинъ Фока, стратегъ пограничной Селевкійской ѳемы, погибъ въ плѣну у арабовъ, другой же, Левъ, обладалъ военными дарованіями, почти приравнивавшими его, какъ полководца, къ болѣе знаменитому брату, котораго во время критскаго похода онъ и замѣстилъ въ командованіи малоазіатскими войсками.

Характеристика Никифора.

Никифоръ Фока представляетъ типичнѣйшій образъ императора-воителя, какихъ мы время отъ времени встрѣчаемъ на константинопольскомъ престолѣ. По всему складу характера, по вкусамъ и по привычкамъ онъ былъ воиномъ. Большую часть жизни провелъ онъ въ походахъ и вполнѣ сроднился съ лагерной обстановкой. Никифоръ неизмѣнно оказывалъ военному элементу предпочтеніе, которое впослѣдствіи сильно не нравилось населенію столицы. За то постоянная заботливость о нуждахъ солдатъ и справедливость снискали ему любовь войска, хотя нельзя сказать, чтобы Никифоръ потакалъ дурнымъ инстинктамъ солдатъ: въ наказаніи серьезныхъ проступковъ онъ былъ безпощадно строгъ. Такъ, когда былъ взятъ Тарсъ, нѣсколько армянскихъ воиновъ, вопреки приказанію полководца не трогать жителей, которые еще не покинули города, позволили себѣ нанести оскорбленіе нѣсколькимъ арабскимъ дѣвушкамъ. За это, по приказу Никифора, имъ отрѣзали носы и руки. Энергія, сила физическая и душевная вы-

ражались во всей его плотной, мощной фигурѣ. По темпераменту это былъ человѣкъ необузданно страстный. Религіозность составляла, наряду съ военными талантами, черту, передававшуюся въ родѣ Фока какъ бы по наслѣдству. Мы знаемъ, что дядя Никифора, Михаилъ Малеинъ, причтенъ даже православной церковью къ лику святыхъ. И Никифоръ былъ проникнутъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Онъ не только строго исполнялъ всѣ церковныя предписанія, но даже велъ жизнь полумонаха, аскета, спалъ на жесткой подстилкѣ, носилъ власяницу своего святого дяди, котораго высоко чтилъ, усердно постился и мало измѣнилъ этимъ привычкамъ даже тогда, когда изъ походной палатки перешелъ въ роскошный императорскій дворецъ Константинополя. Рѣдкая въ то время въ высшихъ кругахъ византійскаго общества чистота нравовъ дополняла нравственный обликъ Никифора, отчасти напоминающій образъ суроваго монаха-воина, составлявшій идеалъ позднѣйшихъ духовно-рыцарскихъ орденовъ. Нелюдимость, извѣстная доля коварства и скупость составляли темныя стороны его характера. Никифоръ Фока не былъ человѣкомъ, способнымъ привлекать къ себѣ сердца людей. Замкнутость въ себѣ, грубость, сухость и нелюбезность въ обращеніи отдаляли отъ него большинство тѣхъ, кто приходилъ въ близкое соприкосновеніе съ нимъ. Избалованная константинопольская чернь особенно не прощала ему скупости, которая, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, составляла въ то время скорѣе достоинство, такъ какъ финансовое положеніе имперіи было плохо, а на веденіе тяжелыхъ войнъ требовалась масса денегъ. При началѣ критскаго похода Никифору было около сорока семи лѣтъ, слѣдовательно, онъ былъ тогда въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Въ общемъ, это былъ незамѣнимый вождь для той борьбы, которую Византіи приходилось тогда вести почти на всѣхъ границахъ.

Назначеніе его главнокомандующимъ арміи, долженствовавшей возвратить покой значительной части Имперіи, было съ восторгомъ принято всюду, исключая, конечно, нѣкоторыхъ придворныхъ кружковъ, гдѣ были недовольны новымъ возвышеніемъ Никифора, да нѣсколькихъ лицъ, которыя сами мѣтили на столь видный постъ и завидовали Никифору.

Состояніе мусульманскаго міра.

Моментъ для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Крита былъ выбранъ также очень удачно. Политическое положеніе мусульманскаго міра, полная анархія, уже нѣсколько времени царившая среди него, не позволяли критскимъ пиратамъ надѣяться на сколько-нибудь

серьезную помощь со стороны ихъ единовѣрцевъ. Аббасидскій халифъ Альмоти былъ только тѣнью властителя, вся же дѣйствительная власть перешла въ руки его начальника гвардіи, буидскаго султана Муицъ-Аддаулаха. Повсюду въ мусульманской Азіи и Африкѣ правили тогда отдѣльныя династіи (Гамданиды, Саманиды, Икшиды, Фатимиды и др.), бывшія фактически совершенно независимыми отъ Багдадскаго номинальнаго главы всѣхъ правовѣрныхъ. Соперничество этихъ династовъ какъ между собой, такъ и съ буидскими султанами значительно ослабляло мусульманскій міръ. Наиболѣе важными среди этихъ многочисленныхъ государей были два славныхъ гамданида, братья Насръ-Аддаулахъ и Сейфъ-Аддаулахъ. Первый правилъ въ Моссулѣ, второй въ Алеппо, такъ что въ ихъ рукахъ была вся сѣверная Месопотамія и большая часть Сиріи.

Приготовленія къ критскому походу дѣлались крайне спѣшно и въ громадныхъ размѣрахъ: чтобы привести къ желанному исходу, ударъ долженъ былъ быть быстрымъ и сильнымъ. Громадный флотъ былъ собранъ въ Золотомъ Рогѣ.

Составъ византійскаго войска.

Экспедиціонный корпусъ былъ сосредоточенъ въ самомъ Константинополѣ. Чрезвычайно живописную, разнохарактерно пеструю картину представляли византійскія войска того времени. Тутъ были прекрасно дисциплинированные отряды изъ европейскихъ ѳемъ, составлявшіе ядро лучшихъ армій имперіи, навербованные среди грубыхъ, но свѣжихъ и сильныхъ крестьянъ изъ Ѳракіи и Македонскихъ горъ. Къ нимъ присоединялись „восточные“ солдаты азіатскихъ ѳемъ, обитатели Каппадокіи, Ликаоніи, Понта, изъ которыхъ вырабатывались превосходные воины. Далѣе, въ византійскихъ войскахъ X вѣка можно было видѣть въ довольно большомъ числѣ армянскіе отряды и наемную Русь, которая приплывала на лодкахъ однодеревкахъ въ Константинополь искать счастія и золота. Русь высоко цѣнилась византійскими императорами. Закованные съ головы до ногъ, въ тяжелыхъ желѣзныхъ шлемахъ и кольчугахъ, съ огромными длинными щитами, вооруженные широкимъ мечемъ, длиннымъ копьемъ, украшеннымъ маленькимъ кускомъ цвѣтной матеріи, и кривымъ топоромъ, они считались драгоцѣнной частью византійскихъ войскъ за ихъ храбрость и способность увлекаться битвой до самозабвенія, входить въ воинскій азартъ, и императоры не скупились платить значительныя суммы, чтобы купить себѣ ихъ услуги. Въ войскѣ Никифора были также славянскіе поселенцы изъ Македоніи и Виѳиніи, далматинцы и четыре тысячи мардаитовъ, потомковъ сектантовъ павликіанъ изъ Ливана. Вен-

гры, печенѣги, хазары, составлявшіе легкую кавалерію, дополняли иногда пестрый составъ византійской арміи того времени. Великолѣпные отряды императорской гвардіи также приняли участіе въ критской экспедиціи. На суда насажено было еще нѣсколько эскадроновъ катафрактарной тяжелой кавалеріи, въ которой и лошадь и всадникъ были покрыты желѣзной кольчугой.

Флотъ. Флотъ, предназначенный для перевозки этихъ войскъ на Критъ, былъ поставленъ подъ прямое начальство Китонита Михаила, исполнявшаго обязанности великаго друнгарія, т. е. главнаго адмирала. Въ этомъ флотѣ числилось до трехъ тысячъ судовъ всякаго рода. Основу его составляли двѣ тысячи хеландій. Это были массивныя галеры, приводившіяся въ движеніе двумя рядами веселъ съ каждой стороны, верхъ кораблестроительнаго искусства византійцевъ X вѣка. Хеландіи были разной величины, и соотвѣтственно ей число гребцовъ измѣнялось отъ ста до двухсотъ пятидесяти на каждой, причемъ въ большинствѣ случаевъ гребцы были въ то же время солдатами. На палубѣ каждаго изъ этихъ кораблей возвышалась деревянная башня (ксилокастронъ), на которой помѣщались военныя машины и солдаты. Назначеніемъ ея было осыпать въ бою противника массой стрѣлъ и дротиковъ. Но что дѣлало эти суда страшнѣе всего для сарацинъ, такъ это находившееся на каждомъ изъ нихъ приспособленіе для выбрасыванія ужаснаго „жидкаго или греческаго огня“, составлявшаго, какъ извѣстно, одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ секретовъ византійскаго правительства. Такіе корабли назывались „огненосными“ (*πύρφοροι*). На носахъ хеландій находились бронзовыя позолоченныя изображенія льва съ открытою пастью или какого-либо другого животнаго. Изъ ихъ пасти выходили длинныя гибкія трубочки, похожія на наши пожарные рукава, которыя можно было направлять по желанію въ ту или другую сторону. Они то служили для выбрасыванія на непріятелей струи „жидкаго огня“. Иногда такія приспособленія находились также на кормѣ и на бокахъ кораблей. Греческій огонь взрывался съ большой силой и съ оглушительнымъ трескомъ, давалъ при этомъ массу дыма и производилъ значительныя опустошенія. Кромѣ описаннаго выше, были и другіе способы его употребленія. Такъ, его бросали на палубу непріятельскихъ кораблей и во внутренность осажденныхъ городовъ, пользуясь для этого особыми машинами. Иногда его метали изъ маленькихъ ручныхъ трубочекъ, а также въ особыхъ глиняныхъ сосудахъ, представлявшихъ нѣчто подобное гранатамъ новаго времени. Въ средневѣковыхъ памятникахъ на-

ходится много описаній того невыразимаго ужаса, который наводило на варваровъ разрушительное дѣйствіе греческаго огня. Кромѣ него, византійскія войска забрасывали непріятеля сосудами съ кипящей водой, масломъ и съ химическими составами, нѣкоторые изъ которыхъ должны были, напримѣръ, производить страшную вонь и тѣмъ приводить въ разстройство силы противника. Совѣтовалось даже бросать въ среду непріятелей сосуды со змѣями, скорпіонами и т. п., что вызываетъ улыбку у современнаго читателя. Каждая хеландія находилась подъ начальствомъ друнгарія, имѣвшаго подъ своей командой цѣлый штатъ низшихъ офицеровъ, носившихъ названія карабовъ, протокарабовъ, поддрунгаріевъ, друнгарокомитовъ и т. д. Отдѣльными группами хеландій (3 или 5) командовали комиты, находившіеся всѣ, въ свою очередь, подъ общимъ начальствомъ главнаго друнгарія, носившаго позднѣе титулъ великаго дуки. За двумя тысячами хеландій, въ ряду судовъ, предназначавшихся для критской экспедиціи, шли тысяча транспортныхъ кораблей еще большихъ размѣровъ, чѣмъ хеландіи. Каждый изъ нихъ сопровождался и защищался двумя хеландіями. Триста кораблей, находившихся каждый подъ командой протокараба, везли громадное количество зерна, муки и другихъ жизненныхъ припасовъ, а также массу осадныхъ машинъ и значительный запасъ оружія. Особыя суда, построенныя по образцу русскихъ, предназначались для наемной Руси. Число кораблей, какъ мы видѣли, было огромно, и современныя событію извѣстія говорятъ, что почти весь императорскій флотъ былъ приведенъ въ дѣйствіе, что внѣ экспедиціи осталось сравнительно немного судовъ, предназначавшихся только для охраны столицы и нѣсколькихъ другихъ важнѣйшихъ пунктовъ.

Высадка въ Критѣ.

Флотъ Никифора снялся съ якоря въ послѣднихъ числахъ іюня или въ первыхъ числахъ іюля 960 года. Въ ясный лѣтній день, при блескѣ южнаго солнца, въ чудной панорамѣ Константинополя и Золотого Рога, флотъ и провожавшіе его зрители, которые покрывали берега, должны были представлять великолѣпную картину. Подъ позолоченными и разукрашенными мозаикой сводами болѣе чѣмъ пятисотъ константинопольскихъ храмовъ, во всѣхъ многочисленныхъ монастыряхъ его совершались въ моментъ отплытія экспедиціи молебствія объ успѣхѣ добраго начинанія. Какъ только слухи о надвигающейся грозѣ достигли Крита, сильное волненіе охватило его населеніе, и эмиръ Абд-эль-Азисъ тотчасъ принялъ всѣ мѣры, чтобы привести города острова въ год-

ное для защиты состоянie. Въ маленькомъ портѣ, лежащемъ на азiатскомъ берегу, нѣсколько южнѣе Эфеса, весь флотъ соединился. Когда греки проплыли островъ Нiо, они вступили въ часть моря, которая была тогда мало знакома имъ, потому что давно уже ни одно греческое судно не плавало въ этихъ водахъ изъ страха передъ мусульманскими корсарами. Эта часть пути была довольно опасна и требовала большой осторожности. Чтобы обезпечить насколько возможно успѣхъ высадки, Никифоръ позаботился о томъ, чтобы весь флотъ появился передъ Критскимъ берегомъ одновременно. Мѣсто высадки точно не извѣстно. Подплывши къ берегу, греки увидѣли, что возвышенности, господствующiя надъ нимъ, заняты были арабами, бѣлые костюмы и оружiе которыхъ ярко блестѣли подъ лучами горячаго южнаго солнца. Дессантъ начался подъ прикрытiемъ лучниковъ и пращниковъ, частой стрѣльбой удерживавшихъ мусульманъ на нѣкоторомъ разстоянiи отъ берега. Громадные корабли были разогнаны на веслахъ и направлены на песчаный берегъ, на который съ нихъ опустили наклонныя плоскости, и византiйская панцырная кавалерiя на лошадяхъ и въ полномъ вооруженiи съѣхала по нимъ на берегъ. Пока продолжалась высадка, Никифоръ Фока раздѣлилъ свой авангардъ на три отряда. Императорская пѣхота, надъ которой возвышался цѣлый лѣсъ копiй, была построена въ густую колонну и, прикрываясь щитами, которые образовывали надъ головами воиновъ какъ бы крышу, не теряя ни минуты, пошла въ аттаку. Во главѣ каждаго отряда шелъ окруженный духовенствомъ въ полномъ облаченiи епископъ, неся большой крестъ съ частицей животворящаго древа. Сарацины засыпали нападавшихъ массой стрѣлъ и смѣло бросались на нихъ, но не могли прорвать византiйскихъ рядовъ. Фанатическiе дервиши, чтобы возбудить ревность въ поклонникахъ пророка, безстрашно бросались въ среду сражающихся и погибали. Шагъ за шагомъ должны были отступать арабы послѣ страшнаго кровопролитiя. Между тѣмъ катафрактарная кавалерiя, разсыпавшись по всѣмъ направленiямъ, захватила массу плѣнныхъ. Нѣсколько дней подрядъ послѣ высадки почти непрерывно продолжались сраженiя, похожiя одно на другое и не дававшiя никакихъ ощутительныхъ результатовъ. Чтобы воспрепятствовать приходу подкрѣпленiй изъ Сирiи или Киликiи, изъ Египта, Фатимидской Африки или даже, пожалуй, изъ отдаленной Андалузiи, Никифоръ разставилъ флотъ въ различныхъ пунктахъ около критскаго берега такъ, чтобы, по возможности, блокировать весь островъ. Послѣ

первыхъ успѣховъ, византійцамъ пришлось вскорѣ понести серьезный уронъ: значительный отрядъ, отправленный въ глубь острова, былъ уничтоженъ арабами, благодаря тому, что онъ разбросался, такъ какъ солдаты разбрелись для фуражировки.

Осада Хандакса.

Никифоръ рѣшилъ нанести врагу сразу смертельный ударъ и осадилъ Хандаксъ, столицу критскихъ арабовъ. Это была очень сильная крѣпость, слывшая неприступной. Между тѣмъ надѣяться на прочно завоеваніе всего острова можно было только овладѣвши ею. Итакъ, византійская армія двинулась къ Хандаксу по благодатной странѣ, плодородіе и богатства которой производили сильное впечатлѣніе на воиновъ. Повсюду при ея приближеніи арабское населеніе, захвативъ наиболѣе цѣнное изъ своего имущества, спѣшило укрыться въ горахъ, потомки же нѣкогда обращенныхъ ими въ исламъ туземцевъ выходили навстрѣчу освободителямъ. Войско Никифора Фоки, по обычаю того времени, уничтожало все на своемъ пути, жгло села и запасы хлѣба, срубало пальмовыя и другія плодовыя деревья, словомъ, старалось обратить вражескую страну въ пустыню. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, армія достигла Хандакса. Имя это происходитъ отъ арабскаго слова Khandak, обозначающаго широкій ровъ, которымъ первые арабскіе завоеватели, явившіеся на Критѣ, окопали свой лагерь, ставшій для нихъ базисомъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Хандаксъ лежалъ недалеко отъ развалинъ древняго города Кносса, камни изъ зданій котораго пошли на постройку новой крѣпости. Хорошо укрѣпленная съ моря, крѣпость лежала на выровненной площадкѣ огромной скалы съ почти отвѣсными боками. Ясное понятіе о неприступности этой позиціи даетъ геройское сопротивленіе, которое впослѣдствіи Бофоръ и Морозини оказали здѣсь въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ (1648—1669) далеко превосходившимъ численностью оттоманскимъ силамъ. Многочисленныя башни, высокія стѣны такой ширины, что по нимъ могли ѣхать рядомъ двѣ колесницы, и громадные двойные рвы, всѣ эти препятствія, которыя императорскому войску предстояло преодолѣть, чтобы взять крѣпость, поселили сомнѣніе въ сердцахъ многихъ изъ византійскихъ солдатъ. Въ моментъ осады городъ былъ переполненъ окрестными жителями, искавшими въ немъ защиты отъ „многобожниковъ“. Нельзя было и думать тотчасъ же взять Хандаксъ приступомъ, и Никифоръ рѣшилъ блокировать его. Тогда греки совершили колоссальную работу: они выкопали кругомъ всего города съ его укрѣпленіями ровъ и насыпали валъ, которые, упираясь двумя концами въ море, опоясали Хандаксъ. Такимъ образомъ до-

ступъ въ осажденную крѣпость сталъ возможенъ только со стороны моря, но тамъ караулилъ сильный греческій флотъ, и Хандаксъ оказался отрѣзаннымъ отъ остальнаго міра. Между тѣмъ какъ шла осада, греческое войско высылало внутрь острова отдѣльные отряды, которые доканчивали его покореніе и должны были снабжать припасами осаждающую армію. Скоро въ блокированной крѣпости сталъ сказываться недостатокъ хлѣба, и тогда положеніе осажденныхъ стало дѣлаться угрожающимъ. Источники сохранили намъ одинъ любопытный эпизодъ этой осады. Эмиръ Абд-эль-Азисъ, при первомъ извѣстіи о надвигавшейся на Критъ грозѣ, просилъ о помощи фатимидскаго халифа и испанскаго омайяда Абдеръ Рамана III. Послѣдній отправилъ предварительно пословъ, которые прибыли, когда островъ былъ уже наполовину завоеванъ, а Хандаксъ блокированъ.

Однако имъ удалось подойти ночью къ стѣнамъ крѣпости и по спущеннымъ канатамъ проникнуть въ городъ. Но увидавши уже начавшійся тамъ голодъ и убоявшись раздѣлить при взятіи города христіанами печальную судьбу его обитателей, послы сочли положеніе своихъ единовѣрцевъ безнадежнымъ и, не смотря ни на какія просьбы, поспѣшили удалиться, отказавшись обѣщать осажденнымъ, въ виду безнадежности ихъ положенія, какую-бы то ни было помощь отъ своего владыки. Осада Хандакса продолжалась всю зиму съ 960 на 961 г. и сопровождалась частыми вылазками осажденныхъ. Однажды сорокъ тысячъ арабовъ, явившихся по всей вѣроятности изъ внутреннихъ частей острова, рѣшили произвести нападеніе на греческій лагерь, уговорившись напередъ съ осажденными единовѣрцами, чтобы тѣ сдѣлали одновременно сильную вылазку. Арабы возлагали большія надежды на неожиданность предполагавшагося нападенія, но Никифоръ былъ во время предупрежденъ и, не дожидаясь враговъ, самъ въ свѣтлую ночь двинулся навстрѣчу арабамъ и аттаковалъ ихъ на одной возвышенности. Мусульмане потерпѣли страшное пораженіе, и Никифоръ велѣлъ выставить на остріяхъ пикъ передъ глазами кандіотовъ громадное количество головъ погибшихъ, а также приказалъ бросать головы посредствомъ метательныхъ машинъ во вражескій городъ. Между тѣмъ и византійское войско стало страдать не только отъ наступившаго дурного времени года, отъ холода и отъ постоянныхъ дождей, отличавшихъ эту особенно суровую зиму, но также и отъ недостатка въ хлѣбѣ. Зима съ 960 на 961 г. была голоднымъ временемъ почти для всего Востока. Боясь, что недостатокъ въ про-

віантѣ можетъ оставить безъ дѣйствительнаго результата всѣ уже понесенныя для снаряженія экспедиціи громадныя затраты и усилія, и сознавая необходимость во что бы то ни стало довести задуманное дѣло до конца, Никифоръ настоялъ, чтобы императорское правительство снабдило войско хлѣбомъ, какъ-бы дорого это ни стоило. Его требованіе было исполнено, и обиліе снова появилось въ византійскомъ лагерѣ. Рядъ отчаянныхъ вылазокъ осажденныхъ былъ послѣдовательно отбитъ греками, и часъ гибели Хандакса приближался.

Паденіе Хандакса.

Съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней, доместикъ повелъ свои войска на приступъ, но арабы геройски отбили первое нападеніе. 7 марта 961 года должна была рѣшиться судьба Хандакса: на этотъ день былъ назначенъ вторичный штурмъ. Никифоръ объѣхалъ передъ битвой ряды войскъ, обращаясь къ солдатамъ съ ободряющей рѣчью, обѣщая пальму мученичества всѣмъ, кто погибнетъ въ борьбѣ съ „нечестивыми агарянами", врагами св. Креста. Священники обошли ряды, совершая богослуженіе и причащая воиновъ. Въ мѣстѣ, выбранномъ для аттаки, греки разставили впереди метательныя машины, и массы камней и стрѣлъ посыпались на осажденныхъ. Къ основанію вала былъ подведенъ колоссальный таранъ и греки начали громить имъ стѣну, заставивши защитниковъ ея отступить передъ градомъ стрѣлъ и камней. Въ то же время многочисленные минёры (землекопы) подъ защитой подвижныхъ башенъ, съ которыхъ метали греческій огонь, спустились въ ровъ и начали подкапывать стѣну. Когда подкопъ былъ уже достаточно великъ и стѣна стала грозить упасть и задавить работавшихъ подъ ней, тогда минёры установили подъ стѣной подставки изъ очень сухого дерева, потомъ окончательно подкопали ее и зажгли подпорки. Послѣднія перегорѣли и часть стѣны съ двумя башнями рухнула, и императорскіе отряды тотчасъ устремились черезъ образовавшуюся брешь въ крѣпость. Началось страшное кровопролитіе. Опьяненные успѣхомъ и раздраженные предшествовавшими неудачами, византійцы не щадили даже безоружныхъ женщинъ и дѣтей. Арабы сопротивлялись отчаянно, и Никифору стоило большого труда успокоить своихъ воиновъ и спасти жизнь тѣмъ мусульманамъ, которые еще не успѣли подвергнуться печальной участи своихъ погибшихъ собратій. Самъ старый эмиръ, его дѣти, многочисленныя жены, всѣ арабскіе начальники, а также красивѣйшія женщины и наиболѣе сильные и молодые плѣнники предназначались для тріумфа, какъ добыча побѣдителей. Остальные

жители были отданы въ рабство солдатамъ, которые продавали ихъ торговцамъ живымъ товаромъ, недостатка въ которыхъ никогда не бывало въ такихъ случаяхъ: работорговцы сопровождали въ походѣ войска, когда могли надѣяться на большое число плѣнныхъ. Арабскій историкъ Новаири передаетъ, что греки убили до двухсотъ тысячъ критянъ и приблизительно столько же увели въ плѣнъ. Городъ, конечно, былъ страшно опустошенъ, всѣ богатства, награбленныя арабами большею частью у византійцевъ же за столько лѣтъ счастливыхъ набѣговъ, снова попали въ руки христіанъ. Въ порывѣ энтузіазма, войско предложило Никифору титулъ „побѣдоноснаго". Онъ принялъ его и сохранялъ и впослѣдствіи. Тотчасъ по взятіи города, Никифоръ отправилъ въ Константинополь вѣстниковъ, которые должны были сообщить въ столицѣ радостную вѣсть, а затѣмъ онъ позаботился о томъ, чтобы прочно обезпечить за имперіей ея новое пріобрѣтеніе. Стѣны Хандакса были срыты самими несчастными его обитателями, которыхъ принудили къ этой работѣ, рвы были засыпаны, и недалеко отъ разрушеннаго города построено новое греческое укрѣпленіе. Видя, что островъ окончательно попалъ въ руки христіанъ, арабское населеніе его стало черезъ депутатовъ молить доместика о пощадѣ. Повсюду была возстановлена императорская администрація, и во главѣ ея сталъ стратегъ, которому оставили сильный отрядъ войскъ. Мечети были повсюду упразднены. Такимъ образомъ Критъ оказался навсегда потеряннымъ для арабовъ [1]), спокойствіе и сравнительная безопасность могли теперь снова воцариться на морѣ. Святой Никонъ Метаноитъ явился апостоломъ Крита, снова обратившія потомковъ нѣкогда завоеваннаго арабами христіанскаго населенія къ вѣрѣ ихъ предковъ.

Малоазіатскій походъ.

Вѣсть о паденіи Хандакса быстро облетѣла Византію, и легко представить себѣ, съ какой радостью принималась она повсюду. Популярность счастливаго доместика сильно возросла, и въ глазахъ народа онъ сталъ теперь первымъ среди полководцевъ имперіи. Въ награду за столь важную побѣду Никифоръ Фока получилъ тріумфъ, на этотъ разъ, впрочемъ, неполный, а такъ называемый

---

[1]) Около 250 лѣтъ онъ былъ подъ властью Восточной имперіи и достался во время четвертаго крестоваго похода Бонифацію Монферратскому, который передалъ его скоро венеціанамъ. Венеціане владѣли имъ нѣсколько столѣтій, пока послѣ славнаго сопротивленія, о которомъ мы уже упоминали, Критомъ не овладѣли, наконецъ, оттоманскіе турки.

„пѣшій“ тріумфъ, т. е. онъ не ѣхалъ на колесницѣ, влекомой бѣлыми конями, а шелъ во время церемоніи пѣшкомъ. Почти тотчасъ же послѣ тріумфа Никифоръ долженъ былъ снова стать во главѣ арміи. На этотъ разъ его назначили главнокомандующимъ въ Малую Азію, гдѣ во время критскаго похода борьбой съ арабами, шедшей на азіатской границѣ имперіи почти непрерывно, руководилъ его братъ, доместикъ Левъ Фока. Наиболѣе безпокойными и опасными врагами имперіи въ Азіи были въ эту эпоху уже не слабые халифы багдадскіе, а два арабскихъ владѣтеля, уже упомянутые нами гамданиды Нассръ-Аддаулахъ и еще болѣе славный Сеихъ-Аддаулахъ, алеппскій владѣтель Сиріи и части Месопотаміи. Это былъ блестящій арабскій государь, неутомимый воитель и въ то же время поклонникъ искусства и цѣнитель красоты; дворъ напоминалъ роскошью разсказы Тысячи и одной ночи. Съ самаго вступленія на престолъ Алеппо Сеифъ-Аддаулахъ велъ почти непрерывную войну съ греками. Облеченный званіемъ доместика восточныхъ сколъ, Никифоръ тотчасъ по возвращеніи съ Крита началъ свои побѣдоносные походы противъ гамданидовъ. Мы не имѣемъ возможности, по недостатку мѣста, входить въ изложеніе событій этой борьбы, но должны указать хотя на самые крупные факты и результаты ея. Походы Льва и Никифора Фоки и ихъ преемника Іоанна Цимисхія представляютъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ военной исторіи Византіи. Они подняли престижъ ея въ Азіи до такой высоты, на какой онъ не стоялъ уже давно, и до какой ему уже не суждено было подняться никогда потомъ. Первое затрудненіе въ военныхъ операціяхъ противъ мусульманскихъ владѣній Передней Азіи представляла находившаяся въ рукахъ арабовъ Киликія, и Никифоръ съ огромной арміей двинулся черезъ Тавръ на завоеваніе ея. Походъ былъ очень удаченъ: въ двадцать два дня императорскія войска овладѣли пятьюдесятью пятью городами и крѣпостями. Осенью 962 г. греки снова перешли Тавръ, взяли Анозарбу, Сизъ (древній Флавіополь), Марашъ и Мамбеджъ на Эвфратѣ, потомъ перешли черезъ Аманскій хребетъ и явились въ Сиріи. Успѣхи Никифора завершились на этотъ разъ ударомъ, особенно чувствительнымъ для арабовъ: сама роскошная столица славнаго гамданида, городъ Алеппо попалъ двадцать третьяго декабря въ руки византійцевъ и былъ страшно разграбленъ. Впрочемъ, и послѣ этого армія Никифора Фоки все-таки покинула Сирію, не надѣясь, вѣроятно, на возможность удержаться тамъ болѣе продолжительное время въ виду приближенія сильныхъ армій изъ взбудораженнаго извѣстіемъ о

взятіи Алеппо мусульманскаго міра. Въ городѣ Дзаментау (Tzamandos), въ каппадокійской оемѣ этого имени, Никифоръ узналъ важную новость: 15 марта 963 года скончался императоръ Романъ II. Носились слухи, будто его отравила Өеофано. Умирая, Романъ назначилъ своими преемниками двухъ своихъ малолѣтнихъ сыновей, Василія и Константина, уже облеченныхъ саномъ *βασιλεῖς*. Регентство же было передано Өеофано, которой Бринга долженъ былъ помогать въ дѣлахъ правленія.

Относительно Никифора Фоки, умиравшій императоръ выразилъ свою волю, чтобы за нимъ во всякомъ случаѣ была сохранена должность доместика восточныхъ сколъ. Всѣми дѣлами попрежнему направлялъ паракимоменъ (главный постельничій) Бринга. Онъ старался отдалить отъ дѣлъ Өеофано, что вызвало въ властолюбивой, гордой и строптивой императрицѣ сильное раздраженіе противъ перваго министра. Тотчасъ по смерти мужа Өеофано завязала сношенія съ побѣдоноснымъ и въ высшей степени популярнымъ доместикомъ восточныхъ сколъ, который уже давно страстно любилъ ее, что, очевидно, было не безъизвѣстно императрицѣ. Переговоры Никифора съ ней кончились политическимъ переворотомъ. Послѣ новаго тріумфа, даннаго Никифору въ награду за сирійскій походъ, Бринга, опасаясь слишкомъ популярнаго полководца, рѣшилъ предупредить опасность съ этой стороны энергичнымъ дѣйствіемъ: именно, онъ составилъ планъ выколоть Никифору глаза и сослать его, что было однимъ изъ обычныхъ наказаній въ Византіи, вообще не отличавшейся мягкостью своего уголовнаго кодекса. Никифоръ узналъ о замыслахъ Бринги и укрылся въ соборѣ святой Софіи. Благодаря заступничеству патріарха Поліевкта, воспротивившагося жестокому плану перваго министра, сенатъ рѣшилъ снова поставить Никифора во главѣ восточныхъ отрядовъ. Тогда Бринга попытался было привлечь на свою сторону Іоанна Цимисхія и сдѣлалъ ему заманчивыя предложенія, но тотъ открылъ Никифору интриги паракимомена, и 3 іюля 963 года войско въ Кесаріи провозгласило Никифора императоромъ. Никифоръ тотчасъ назначилъ Іоанна Цимисхія доместикомъ восточныхъ сколъ, съ высокимъ чиномъ магистра, и оставивши его въ Азіи, самъ быстро двинулся къ Константинополю. Народное возстаніе, поднявшееся при извѣстіи о приближеніи его къ Константинополю, довершило дѣло: 16 августа совершился уже торжественный въѣздъ и коронованіе Никифора, а 20 сентября его бракосочетаніе съ Өеофано.

Съ небольшимъ шестилѣтнее правленіе Никифора Фоки имѣетъ очень важное значеніе во внѣшней исторіи Византійской имперіи. Рядъ успѣховъ, начавшійся при Романѣ II покореніемъ Крита, продолжался и при Никифорѣ.

Первымъ крупнымъ военнымъ предпріятіемъ Никифора послѣ вступленія на престолъ былъ походъ противъ арабовъ (964—965). Греки завоевали островъ Кипръ, взяли сильныя мусульманскія твердыни Киликіи-Тарсъ и Массиссу и вернули подъ свою власть страну между Тавромъ, моремъ и Аманскимъ хребтомъ, важную по ея географическому положенію. Тарсъ сталъ резиденціей стратега. Несчастіе, случившееся съ греками въ Сициліи, гдѣ арабы взяли, наконецъ, Раметту, остававшуюся послѣднимъ оплотомъ христіанъ на островѣ, нѣсколько омрачило радость, вызванную новымъ торжествомъ въ Азіи креста надъ полумѣсяцемъ. Въ 966 г. Никифоръ снова предпринялъ походъ въ Сирію, имѣвшій на этотъ разъ характеръ набѣга. 25 Января 967 года умеръ его постоянный врагъ Сеифъ-Аддаулахъ. Свой послѣдній походъ противъ сарацинъ неутомимый императоръ совершилъ въ 968 г., слѣдовательно, не задолго до смерти. Цѣлью его были Антіохія и Алеппо, важные города, которые, находясь въ рукахъ арабовъ, постоянно угрожали малоазіатскимъ владѣніямъ грековъ. И на этотъ разъ успѣхъ сопутствовалъ Никифору. Онъ опустошилъ сѣверную Сирію, перешелъ Ливанскія горы, явился въ Финикіи и въ Ноябрѣ 968 г. подошелъ къ Антіохіи. Антіохія была, впрочемъ, взята уже безъ него, такъ какъ угрожавшее нашествіе русскихъ, война въ Италіи и внутреннія затрудненія заставили Никифора поручить осаду этого города своимъ помощникамъ, патрицію Михаилу Вурцу и стратопедарху Петру Фокѣ, племяннику Никифора. 29 Октября 969 года Антіохія, древній Ѳеуполисъ, славный городъ, бывшій нѣкогда соперницей Византіи на Востокѣ, была взята греками, послѣ 230-лѣтняго пребыванія во власти мусульманъ. Теперь греки сдѣлались хозяевами обоихъ склоновъ Тавра, и вскорѣ послѣ этого Кургуйа, узурпаторъ Алеппо, призналъ себя въ вассальной зависимости отъ имперіи. Эти два факта были достойнымъ завершеніемъ цѣлаго ряда побѣдъ Никифора, они знаменовали полное торжество христіанъ надъ невѣрными и произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе на обѣ враждующія стороны. Никогда еще исламъ не терпѣлъ такого страшнаго пораженія. Казалось, что присоединеніе всей Сиріи и Палестины и возвращеніе христіанамъ Гроба Господня стало лишь вопросомъ времени, и благочестивый Ники-

Походы въ Киликію и Сирію.

форъ уже питалъ надежду достойно завершить этимъ рядъ своихъ побѣдъ на Востокѣ.

Въ Европѣ наибольшее вниманіе императора привлекала Болгарія. Ея упадокъ при царѣ Петрѣ, наслѣдникѣ знаменитаго Симеона, привелъ императора къ рѣшенію воспользоваться ослабленіемъ еще недавно столь грознаго сосѣда и окончательно обезопасить съ этой стороны имперію. Предлогомъ къ разрыву послужило требованіе болгарскими послами дани, которую до тѣхъ поръ Византія платила Болгаріи, и взамѣнъ которой болгары брали на себя обязательство препятствовать венграмъ проникать въ предѣлы имперіи. Въ 967 году Никифоръ открылъ военныя дѣйствія противъ болгаръ. Извѣстно, какъ онъ обратился за помощью къ русскому великому князю Святославу, и какъ вскорѣ долженъ былъ замѣтить, что новый союзникъ оказался опаснѣе того врага, противъ котораго его призвали. Борьба же грековъ съ Святославомъ относится уже къ царствованію Никифорова преемника.

Отношенія къ западной имперіи. Кромѣ дѣлъ арабскихъ и болгарскихъ, былъ еще вопросъ, касавшійся внѣшнихъ отношеній Византіи, который сильно занималъ Никифора въ послѣдніе годы его жизни, именно вопросъ объ отношеніи къ возстановленной Оттономъ I римско-германской имперіи. Походы 951 и 962 г. и побѣды надъ Беренгаромъ II Иврейскимъ отдали большую часть Италіи въ руки Оттона, и 2-го Февраля 962 года папа Іоаннъ XII короновалъ эго въ Римѣ короной Священной Западной римской имперіи. Тогда Оттонъ I сталъ стремиться къ обладанію всей Италіей и готовиться къ борьбѣ съ мусульманами, владѣвшими Сициліей. Желаніе пріобрѣсти византійскія ѳемы Южной Италіи и въ то же время не разорвать совсѣмъ съ греками, союзъ съ которыми былъ бы полезенъ ему для подготовлявшейся борьбы съ арабами, навело Оттона на мысль о брачномъ союзѣ его сына съ византійской царевной, причемъ невѣста должна была, по мысли Оттона, передать своему мужу, въ видѣ приданаго, власть надъ Апуліей и Калабріей Въ 967 году Оттонъ отправилъ къ Никифору посломъ венеціанца Доменика, чтобы испросить для Оттонова сына руку Ѳеофано, сестры малолѣтнихъ императоровъ Василія и Константина. Посольство это не привело къ желаемому результату, и Оттонъ попытался силой добыть себѣ греческіе города Италіи. Онъ осадилъ Бари, но ошибся въ разсчетѣ легко завладѣть этимъ городомъ. Неудача подъ Бари снова направила мысли Оттона къ его любимому проэкту брачнаго союза его сына съ византійской принцессой. Трудное порученіе хлопотать въ Константинополѣ объ

этомъ щекотливомъ дѣлѣ онъ возложилъ на одного изъ самыхъ близкихъ къ себѣ лицъ, на кремонскаго епископа Ліутпранда, человѣка способнаго, ученаго и краснорѣчиваго, хорошо знакомаго къ тому же съ обычаями константинопольскаго двора, такъ какъ Ліутпрандъ былъ уже въ 949 г. въ Византіи посломъ отъ Беренгара II-го къ Константину Багрянородному. Въ сочиненіяхъ Ліутпранда осталось описаніе его путешествій въ Константинополь. Эти страницы представляютъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ историческихъ памятниковъ, такъ какъ онѣ живо рисуютъ намъ отношенія людей запада къ византійцамъ и обычаи придворной константинопольской жизни X вѣка. Поэтому мы остановимся нѣсколько подробнѣе на разсказѣ Ліутпранда о его вторичномъ путешествіи въ Византію.

Путешествіе Ліутпранда.

Ліутпрандъ прибылъ въ Константинополь въ первыхъ числахъ іюня 968 года. Никифоръ Фока былъ въ это время сильно озабоченъ, во-первыхъ, затрудненіями на сѣверныхъ границахъ имперіи, именно надвигавшейся опасностью русскаго завоеванія Болгаріи, во-вторыхъ, приготовленіями къ походу въ Сирію и, наконецъ, итальянскими дѣлами. Поведеніе Оттона въ Италіи привело Никифора въ сильное раздраженіе, которое ясно сказалось въ крайне нелюбезномъ пріемѣ, встрѣтившемъ Оттонова посла. Вспоминая о своемъ пребываніи въ Византіи въ 949 году, Ліутпрандъ мечталъ о торжественномъ и благосклонномъ пріемѣ и теперь, но тотчасъ по прибытіи въ Константинополь долженъ былъ горько разочароваться: его встрѣтили сурово, даже враждебно, съ нимъ стали обращаться какъ со шпіономъ, держали его и его свиту все время въ полуплѣну и осыпали оскорбленіями. Обиженный до глубины души и достаточно настрадавшійся Ліутпрандъ постарался отомстить грекамъ, въ самыхъ темныхъ краскахъ описавши въ своемъ докладѣ Оттону Никифора, его дворъ и вообще византійскіе порядки, до каррикатурности преувеличивая иногда описаніе слабыхъ сторонъ грековъ. Впрочемъ, основа Ліутпрандова разсказа всегда вѣрна, и это даетъ ему интересъ и важное значеніе въ ряду свидѣтельствъ о греческой имперіи X-го вѣка. Никакой высокій чиновникъ не встрѣтилъ посла западнаго императора при въѣздѣ его въ Константинополь, какъ это было въ обычаѣ при прибытіи важныхъ посольствъ. Греки заставили Ліутпранда и его свиту довольно долго прождать передъ Золотыми воротами подъ проливнымъ дождемъ, потомъ имъ велѣли сойти съ лошадей, и они должны были пѣшкомъ пройти по ужаснымъ улицамъ, по колѣна въ грязи, до

„Мраморнаго дворца“, назначеннаго для жительства посольства. Ліутпрандъ описываетъ этотъ „дворецъ“, какъ каменное строеніе, по которому свободно гуляетъ вѣтеръ, въ которомъ можно было замерзнуть въ холодное время года, промокнуть во время дождя, словомъ, внутри котораго всегда ясно чувствовалось, какая погода была на улицѣ. Несчастный Ліутпрандъ не нашелъ тамъ удобствъ, на которыя онъ разсчитывалъ, и даже воду ему приходилось покупать у носильщиковъ. Посольство держали какъ плѣнниковъ, и стража не позволяла никому безъ особаго разрѣшенія ни входить, ни выходить изъ „дворца“. Большой гастрономъ, Ліутпрандъ нѣсколько разъ жалуется на плохой столъ, который онъ получалъ теперь въ Константинополѣ, и особенно на недостатокъ хорошаго вина, такъ какъ греческія вина отзывались гипсомъ и смолой. 6-го іюня Ліутпрандъ былъ принятъ куропалатомъ Львомъ, братомъ императора, исполнявшимъ въ это время важную должность логоѳета дрома, въ обязанности котораго, между прочимъ, входило представлять царю иностранныхъ пословъ. Этотъ пріемъ имѣлъ цѣлью подготовить аудіенцію у императора. Левъ отказался признать за Оттономъ титулъ императора, который, говорили греки, долженъ принадлежать лишь государю Константинополя. Оттона же Левъ называлъ лишь королемъ (ῥήξ). Куропалатъ не принялъ даже собственноручно Оттонова письма и велѣлъ взять его у Ліутпранда переводчику.

Пріемъ у императора.

7-го іюня, въ праздникъ Пятидесятницы, Ліутпрандъ былъ принятъ самимъ Никифоромъ въ знаменитой залѣ Триклина. Въ описаніи этого пріема Ліутпрандъ даетъ карикатурное изображеніе императора: „Меня привели, пишетъ онъ, передъ Никифора, человѣка чудовищнаго вида, пигмея съ жирной головой, похожаго своими маленькими глазами на крота. Его безобразіе дополняютъ короткая, широкая и густая борода съ просѣдью, длинные густые волосы, большой животъ и сухія бедра. Онъ эфіопъ по цвѣту кожи, и никто не захотѣлъ бы встрѣтиться съ нимъ въ глухую полночь. Его языкъ наглъ, онъ хитеръ, какъ лиса, клятвопреступенъ и лживъ, какъ Улиссъ“. Раздраженный епископъ не хвалитъ даже знаменитаго своей роскошью параднаго императорскаго костюма, который, будто бы, носилъ явные слѣды продолжительнаго употребленія. Никифоръ принялъ Ліутпранда, сидя на золотомъ тронѣ, стоявшемъ на возвышеніи, къ которому вело нѣсколько порфировыхъ ступеней. На лѣвой сторонѣ отъ него, нѣсколько позади, сидѣли молодые цари, „прежде его госу-

дари, теперь же подчиненные“, ядовито замѣчаетъ Ліутпрандъ. Императоръ принялъ Ліутпранда не любезнѣе куропалата и высказалъ ему въ рѣзкой формѣ упреки за поведеніе Оттона въ Италіи, въ которомъ онъ видѣлъ грубое нарушеніе своихъ неоспоримыхъ правъ, особенно за нападеніе на византійскіе города. „Такъ какъ твоему господину не удались его незаконныя предпріятія противъ моихъ итальянскихъ провинцій, то онъ послалъ теперь тебя къ намъ подъ ложнымъ предлогомъ дружбы, съ единственной цѣлью шпіонить за нами“, такъ заключилъ императоръ. Ліутпрандъ отвѣчалъ ему длинной рѣчью, которую Никифоръ прервалъ заявленіемъ, что ему надо идти въ соборъ Святой Софіи. Это было въ Пятидесятницу, а въ большіе праздники всегда происходили торжественные выходы императоровъ въ одинъ изъ храмовъ столицы, чаще всего въ Святую Софію. Ліутпранда помѣстили на возвышенномъ мѣстѣ, въ трибунѣ пѣвчихъ цирковыхъ партій, которые пѣли славословія въ честь императора. По словамъ Ліутпранда, ни весь кортежъ, ни представители церковныхъ партій, стоящіе вдоль всей площади Августеона отъ дворца до Великой Церкви (т. е. Св. Софіи), ни высшіе чины имперіи въ скарамангіяхъ (парадное византійское одѣяніе) яркихъ цвѣтовъ,—все это, будто бы, не только не представляло ничего замѣчательнаго, но даже выказывало бѣдность имперіи. Въ этомъ, конечно, нельзя дать вѣры его показанію, такъ какъ мы знаемъ о богатствѣ и роскоши, царившихъ при константинопольскомъ дворѣ, которыми въ 949 году восхищался и самъ Ліутпрандъ. Въ то время какъ императоръ двигался къ церкви, пѣвцы возглашали: „Вотъ идетъ утренняя звѣзда, вотъ поднимается заря! Онъ отражаетъ въ своемъ взглядѣ солнечные лучи. Вотъ шествуетъ блѣдная смерть сарацинъ, царь Никифоръ! Многая лѣта августу Никифору! Народы, поклоняйтесь ему, почитайте его, склоняйте выи ваши подъ его власть!“ Описывая этотъ выходъ, Ліутпрандъ снова осыпаетъ Никифора всевозможными насмѣшками и оскорбленіями. Когда длинныя религіозныя церемоніи въ Святой Софіи окончились, Оттонова посла пригласили къ обычному въ такихъ случаяхъ при константинопольскомъ дворѣ праздничному столу.

Пиръ.

Пиръ продолжался обыкновенно очень долго, отличался ослѣпительной роскошью и проходилъ при строжайшемъ соблюденіи крайне сложнаго, до мелочей выработаннаго этикета, составлявшаго одну изъ особенностей византійскаго двора. Высшіе сановники имперіи, составлявшіе „синклитъ“, иностранные послы и,

далѣе, епископы, священники, монахи, наполняли „Decanneacubita". Это былъ роскошный залъ съ позолоченнымъ плафономъ, со стѣнами, украшенными мозаикой, изображающей деревья, цвѣты и плоды, съ поломъ, выложеннымъ изъ драгоцѣнныхъ сортовъ мрамора. Такъ какъ парадные обѣды продолжались долго, то зажигались большія серебряныя канделябры. На противоположной отъ главнаго входа сторонѣ зала, на возвышеніи, на которое вели порфировыя ступени, помѣщался полукруглый столъ (апокоптикъ) съ диваномъ на двѣнадцать мѣстъ, который предназначался для императора и нѣсколькихъ лицъ самаго высшаго ранга. Передъ нимъ стояли параллельно девятнадцать большихъ столовъ, уставленныхъ золотой утварью, съ диванами на двѣнадцать мѣстъ передъ каждымъ. Мѣста были расположены такъ, чтобы никто изъ приглашенныхъ не сидѣлъ спиной къ императору. По обѣ стороны императорскаго стола помѣщались пѣвцы изъ собора Святыхъ Апостоловъ и изъ Святой Софіи. Когда императоръ входилъ въ залъ, поднималась пурпурная занавѣсь, отдѣлявшая помѣщеніе, гдѣ его ожидали приглашенные, отъ мѣста пира, и всѣ гости падали ницъ, закрывая глаза рукой, какъ бы ослѣпленные блескомъ солнца. Когда императоръ занималъ свое мѣсто, особый чиновникъ (артоклинъ) вызывалъ каждаго приглашеннаго и указывалъ ему мѣсто, которое онъ долженъ былъ занять сообразно своему рангу. Наконецъ, все было готово, императоръ давалъ знакъ пѣвцамъ, и тѣ пѣли гимнъ въ честь его. При возглашеніи строфы, призывающей благословеніе неба на голову императора, всѣ должны были подниматься и сбрасывать верхнюю накидку, когда же пѣніе кончалось, они садились и снова надѣвали сброшенное платье. Блюда греческаго стола, сильно приправленныя оливковомъ масломъ, чеснокомъ и лукомъ, не нравились Ліутпранду. Въ концѣ обѣда подавался дессертъ, состоявшій изъ разныхъ сладкихъ блюдъ и плодовъ, которые приносились въ золотыхъ чашахъ, вслѣдствіе ихъ громадности и необыкновенной тяжести подававшихся на столъ съ помощью особыхъ приспособленій. Тогда начинались развлеченія: танцы, представленія эквилибристовъ и т. п. Наконецъ, одинъ изъ чиновниковъ давалъ знакъ къ удаленію, гости проходили передъ императоромъ и выходили въ противоположныя двери. Ліутпранду отвели за предназначеннымъ для иностранныхъ пословъ столомъ пятнадцатое мѣсто, что было страшнымъ оскорбленіемъ для посла Западнаго императора, и Ліутпрандъ живо почувствовалъ это.

Изъ Ліутпрандовой свиты къ императорскому столу не пригласили никого. За столомъ Никифоръ разспрашивалъ Ліутпранда относительно силъ, которыми Оттонъ располагалъ въ Италіи, относительно подчиненныхъ ему земель и числа его войскъ, надъ которыми онъ грубо насмѣхался. „Вы не римляне, а лангобарды", такими словами закончилъ императоръ свои насмѣшки. На это Ліутпрандъ, будто бы, отвѣтилъ Никифору, что римляне происходятъ отъ шайки бѣглыхъ рабовъ и грабителей, и что отъ такой то „знати" произошли тѣ, кого греки называютъ космократорами, т. е. императоры. Не будемъ пересказывать многочисленныхъ разговоровъ между восточнымъ императоромъ и посломъ западнаго, котораго въ Византіи трактовали тогда просто какъ посла одного изъ многочисленныхъ варварскихъ королей: всѣ они велись въ томъ же тонѣ несдерживаемаго взаимнаго раздраженія и насмѣшекъ, обыкновенно очень грубыхъ. Ліутпрандъ, если вѣрить его разсказу, отвѣчалъ императору смѣло, иногда даже дерзко.

Переговоры греков съ Ліутпрандомъ.

Несчастное посольство продолжало мучиться въ своемъ „мраморномъ дворцѣ", а переговоры плохо подвигались впередъ. Когда Ліутпрандъ коснулся главнаго пункта, составлявшаго цѣль его посольства, и передалъ предложеніе Оттона, чтобы императоръ выдалъ одну изъ дочерей Романа II и Ѳеофано за молодого Оттона и далъ бы въ приданое за ней апулійскую и калабрійскую ѳемы, то услышалъ гордый отвѣтъ, что „бракъ порфирородной царевны съ варваромъ есть неслыханное дѣло, и что если Оттонъ проситъ о немъ, то никакъ не царевнѣ слѣдуетъ приносить съ собой приданое, а самъ Оттонъ долженъ дать грекамъ достойное вознагражденіе за столь высокій союзъ. Пусть король Оттонъ возвратитъ намъ Римъ съ Равенной и со всей территоріей, которой мы владѣли нѣкогда на югѣ отъ этихъ городовъ, и мы пошлемъ ему нашу царевну. Если же, оставивши мысль о брачномъ союзѣ, онъ будетъ искать только нашей дружбы, то пусть по крайней мѣрѣ очиститъ городъ Римъ и его территорію, возвратитъ римлянамъ ихъ свободу и вернетъ въ прежнее подчиненіе намъ возмутившихся князей Капуи и Беневента, бывшихъ рабовъ нашей священной имперіи". Такъ говорилъ паракимоменъ Василій, занимавшій важныя должности протоасикрита и протовестіарія, который на этотъ разъ велъ переговоры съ Ліутпрандомъ. Изъ этихъ словъ и изъ всего поведенія императора и его приближенныхъ по отношенію къ себѣ, изъ самаго пріема и тѣхъ невозможныхъ условій, въ которыя поставлены были въ Константинополѣ онъ и его свита,

Ліутпрандъ долженъ былъ понять, что онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, и что надежды на соглашеніе было очень мало. Къ тому же, дѣйствительно, крайне тяжелая обстановка жизни такъ измучила несчастнаго прелата, что онъ даже заболѣлъ и сталъ желать лишь одного—какъ можно скорѣе выѣхать изъ Константинополя, нѣкогда столь гостепріимнаго, теперь же такъ опротивѣвшаго ему. 29-го іюня Ліутпрандъ снова присутствовалъ при высочайшемъ выходѣ и церковной церемоніи и былъ опять за императорскимъ столомъ. За столомъ его помѣстили ниже только что прибывшихъ пословъ болгарскаго царя Петра. Считая, что это оскорбленіе, нанесенное въ его лицѣ его государю, превосходитъ мѣру терпимаго, Ліутпрандъ всталъ изъ-за стола, что произвело, конечно, настоящій скандалъ. На его жалобу греки возразили Ліутпранду, что болгаринъ, правда, грязенъ, грубъ и препоясанъ мѣдной цѣпью, но что онъ тѣмъ не менѣе имѣетъ высокое званіе патриція, и что поэтому нельзя помѣстить его ниже епископа, тѣмъ болѣе франкскаго (какъ въ Византіи называли иногда безразлично латинянъ и германцевъ). Кончилось тѣмъ, что куропалатъ отослалъ Ліутпранда обѣдать вмѣстѣ съ дворцовой челядью въ гостинницѣ. Не рѣшаясь, несмотря на все свое раздраженіе противъ Оттона, прервать переговоры и отослать Ліутпранда, можетъ быть, надѣясь еще добиться отъ него какой-нибудь уступки, Никифоръ еще нѣсколько разъ приглашалъ его къ себѣ. Однажды за столомъ, въ присутствіи патріарха и многихъ епископовъ, Никифоръ коснулся церковныхъ разногласій, Ліутпрандъ, по его словамъ, „изящно" отвѣчалъ императору на его вопросы „по внушенію Св. Духа", выставляя превосходство западной церкви передъ восточной. Между тѣмъ императоръ послалъ въ Италію на помощь своимъ стратегамъ флотъ, отправленіе котораго Ліутпрандъ видѣлъ съ крыши своего „дворца", или, лучше сказать, тюрьмы. 20-го іюля, наканунѣ отправленія въ сирійскій походъ, Никифоръ далъ еще разъ аудіенцію Ліутпранду и, наконецъ, разрѣшилъ ему уѣхать 26-го іюля; находясь уже на азіатскомъ берегу, въ Бріи, среди войска, императоръ снова вытребовалъ къ себѣ Оттонова посла. Насколько пристрастенъ былъ Ліутпрандъ и насколько льстилъ онъ своему государю, можно видѣть изъ того, что онъ позволяетъ себѣ смѣяться даже надъ войсками Никифора.

Онъ пишетъ, что они состоятъ не изъ людей, но скорѣе изъ существъ, подобныхъ людямъ, что Никифоръ смотритъ не на качество, а лишь на количество ихъ, и что онъ раскается въ этомъ,

когда его многочисленная, но слабая армія встрѣтится съ малочисленными, но опытными въ военномъ дѣлѣ нѣмецкими солдатами. И это онъ говорилъ про тѣ войска, которыя взяли Хандаксъ, Тарсъ, Массису и Алеппо, и которыми предводительствовалъ одинъ изъ величайшихъ полководцевъ своего времени! Въ Бріи послѣ новыхъ переговоровъ, столь же мало успѣшныхъ, какъ и прежніе, Никифоръ пригласилъ Ліутпранда присутствовать на охотѣ и обѣщалъ показать ему онагровъ (т. е. дикихъ ословъ), содержавшихся въ огороженномъ паркѣ. На охотѣ куропалатъ замѣтилъ Ліутпранду, что церемоніалъ запрещаетъ быть въ шляпѣ тамъ, гдѣ находится императоръ. „Мы позволяемъ приходящимъ къ намъ отъ васъ держаться ихъ родныхъ обычаевъ", возразилъ упрямый Ліутпрандъ. Онъ отказался снять шляпу и долженъ былъ, по требованію Льва, оставить паркъ.

Обратное путешествіе Ліутпранда.

27 іюля Ліутпрандъ получилъ прощальную аудіенцію, но императорскій намѣстникъ въ Константинополѣ, евнухъ патрицій Христофоръ, продолжалъ удерживать его, подъ предлогомъ того, что морская дорога небезопасна отъ сарацинъ, а сухопутная занята венграми. Между тѣмъ 15 августа въ Константинополь прибыли послы отъ папы Іоанна. Въ своемъ письмѣ папа называлъ Никифора греческимъ императоромъ и просилъ его породниться и утвердить прочную дружбу съ „августѣйшимъ римскимъ императоромъ" Оттономъ. Такое титулованіе привело константинопольское правительство въ сильное раздраженіе и еще болѣе ухудшило положеніе Оттонова посла. Ліутпранду ставили на видъ, что папа сдѣлалъ это, несомнѣнно, съ одобренія его государя. Пословъ же папы греки заключили въ тюрьму. Наконецъ, Ліутпранда отпустили, передавши ему двѣ грамоты: написанный золотомъ и снабженный золотой печатью хризовуллъ, собственноручно подписанный киноварными чернилами Никифоромъ и предназначенный для Оттона, и аргировуллъ для папы, подписанный куропалатомъ Львомъ. „Мы считаемъ вашего папу недостойнымъ письма отъ императора, поэтому ему посылаетъ письмо куропалатъ", заявили при этомъ греки Ліутпранду. 2 октября несчастный кремонскій епископъ, наконецъ, покинулъ Византію, которую онъ не преминулъ надѣлить въ разсказѣ объ этомъ самыми нелестными эпитетами клятвопреступной, лживой, грабительской и т. п. Разсказывая о своемъ возвращеніи, Ліутпрандъ передаетъ нѣсколько эпизодовъ, довольно цѣнныхъ для ознакомленія съ провинціальной византійской администраціей. Мы приведемъ нѣкоторые изъ нихъ. 49 дней продолжалось его путе-

шествіе до Навпакта (при Коринѳскомъ заливѣ), которое онъ совершилъ частью верхомъ на ослѣ или на лошади, частью пѣшкомъ. Здѣсь Ліутпрандъ разстался съ провожавшимъ его дворцовымъ чиновникомъ (diasostes) и, сопровождаемый императорскими „mandatores“, направился на двухъ маленькихъ корабляхъ къ Отранто. Mandatores не позаботились запастись пропускомъ, и благодаря этому мѣстныя власти чинили Ліутпранду и его спутникамъ много затрудненій. Почти тотчасъ же послѣ ихъ отплытія началась буря, и несчастные пловцы носились по морю, боясь пристать къ берегу, такъ какъ населеніе могло ограбить и, пожалуй, даже убить ихъ. Наконецъ, буря утихла, и Ліутпрандъ присталъ къ острову Левкадіи. Здѣсь его очень нелюбезно встрѣтилъ епископъ, отъ котораго Ліутпрандъ узналъ, между прочимъ, какіе страшные поборы установилъ Никифоръ съ духовенства, чтобы содержать свои арміи: епископъ Левкадіи долженъ былъ ежегодно платить съ принадлежавшаго его церкви имущества сто золотыхъ. Потомъ онъ, конечно, наверстывалъ ихъ страшной симоніей и взяточничествомъ, составлявшими отличительную черту византійскаго правленія. 18 декабря путники пристали къ Корфу. Здѣсь, прежде всего, ихъ посѣтилъ Михаилъ, стратегъ ѳемы Семи острововъ. Ліутпрандъ долженъ былъ сдѣлать ему дорогой подарокъ, но тѣмъ не менѣе стратегъ заставилъ его потерять въ безплодномъ ожиданіи двадцать дней, причемъ все время послы, вопреки дипломатическимъ обычаямъ, должны были кормиться на свой счетъ. Согласно полученнымъ изъ Константинополя инструкціямъ, стратегъ долженъ былъ тотчасъ по прибытіи, безъ замедленія, передать посольство въ руки китонита Льва, которому было поручено на кораблѣ изъ императорскаго флота переправить его въ Анкону. Но Михаилъ задерживалъ Ліутпранда, надѣясь получить отъ него новые подарки. Даже низшіе агенты, напримѣръ, курьеръ, которому поручено было отвести посольство на корабль, старалась эксплоатировать пословъ и также всячески вымогали, что можно. Курьеръ пытался даже обворовать епископа. Ліутпрандъ, рисующій все, можетъ быть, уже въ преувеличенно-черныхъ краскахъ и видѣвшій, пожалуй, всякіе ужасы тамъ, гдѣ ихъ могло и не быть, передаетъ даже, будто курьеръ уговаривалъ капитана корабля бросить пословъ на произволъ судьбы на какомъ-нибудь пустынномъ островѣ. На этомъ останавливается въ дошедшей до насъ рукописи любопытное донесеніе Ліутпранда. Итакъ, миссія, порученная кремонскому епископу, не удалась, посольство Оттона вернулось безъ желаннаго результата и мы ви-

димъ, что поздней осенью 968 и въ слѣдующемъ 969 году враждебныя дѣйствія въ Италіи продолжались съ перемѣннымъ счастіемъ [1]).

Убійство Никифора.

Блестящій исходъ сирійскаго похода 968 года, завершившагося для имперіи такимъ торжествомъ какъ взятіе Антіохіи, казалось, надолго обѣщалъ Византіи спокойствіе на Востокѣ и давалъ, наконецъ, Никифору возможность дѣйствовать болѣе рѣшительно на Западѣ. Расхваленнымъ Ліутпрандомъ нѣмецкимъ войскамъ, можетъ быть, пришлось бы встрѣтиться лицомъ къ лицу съ покорителемъ Крита, если бы неожиданная смерть послѣдняго не измѣнила хода дѣлъ. Въ началѣ 969 года Никифоръ вернулся въ столицу. Въ Болгаріи въ это время дѣла шли все хуже и хуже для имперіи. Святославъ торжествовалъ надъ болгарами, и стало ясно, что Византіи необходимо было вступить въ борьбу съ русскимъ княземъ, чтобы не дать ему прочно утвердиться въ Болгаріи, такъ какъ тогда затрудненія на сѣверной границѣ приняли бы слишкомъ опасный для имперіи оборотъ. Поэтому Никифоръ рѣшился поддержать болгаръ въ ихъ борьбѣ съ Русью. Въ залогъ вновь заключеннаго союза двѣ болгарскихъ царевны прибыли въ Константинополь и были обручены съ малолѣтними Василіемъ и Константиномъ. Но Никифору не суждено было встрѣтиться со Святославомъ. Въ ночь съ 10 на 11 декабря 969 года во внутреннихъ покояхъ константинопольскаго дворца разыгралась драма, столь обыкновенная въ Византіи: императоръ былъ убитъ заговорщиками. Во главѣ заговора стояла сама императрица, которой къ тому времени уже наскучилъ пятидесятисемилѣтній суровый, нелюбезный и скупой Никифоръ. Переворотъ былъ совершенъ въ пользу Іоанна Цимисхія, близкаго родственника и боевого товарища Никифора. Войны, которыя Фока велъ почти безпрерывно, вынуждали его къ значительному увеличенію податей и къ другимъ финансовымъ мѣрамъ, напр., къ выпуску плохой серебряной монеты, къ обложенію принадлежавшей духовенству земельной собственности и къ запрещенію дальнѣйшаго увеличенія ея. Большинство этихъ мѣръ тяжелымъ бременемъ ложилось на народъ и поселило въ сердцахъ его сильное недовольство противъ Никифора,

[1]) Бракъ Оттона II съ византійской принцессой Ѳеофано, какъ извѣстно, все-таки состоялся, но уже въ царствованіе Никифорова преемника, 14-го апрѣля 972 года. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, эта Ѳеофано была не сестрой Василія II, а другой племянницей Іоанна Цимисхія.

трополиты, естественные защитники своихъ епископовъ, еще сильнѣе втягивались въ политическую борьбу и утрачивали возможность быть безпристрастными судьями въ дѣлахъ, нерѣдко задѣвавшихъ и ихъ интересы, и ихъ самолюбіе. Обиженнымъ оставалось искать суда и управы въ другомъ мѣстѣ, и самымъ подходящимъ для этого казался римскій престолъ, представители котораго стояли далеко отъ мѣстныхъ столкновеній и очень расширили свое вліяніе на мѣстныя церкви въ VIII вѣкѣ. При этомъ, конечно, тѣ лица, интересы которыхъ задѣвались приговорами папъ, склонны были поднимать вопросъ, на какихъ собственно постановленіяхъ церковнаго права основаны апелляціи отъ приговоровъ мѣстныхъ судовъ къ суду папы. Отвѣтъ должны были дать знаменитыя Лжеисидоровы декреталіи. То былъ сборникъ церковныхъ законовъ, въ который, на ряду съ подлинными, давно имѣвшими законную силу, актами, внесено было около сотни подложныхъ документовъ, отнесенныхъ къ первымъ вѣкамъ христіанства. Къ подлиннымъ актамъ тутъ были присоединены подложныя посланія и постановленія папъ ранняго времени, а для прикрытія подлога въ сборникъ были вставлены неимѣющія отношенія къ главной цѣли выписки изъ Библіи, постановленій соборныхъ, изъ церковныхъ писателей. Сборникъ этотъ былъ ложно приписанъ знаменитому ученому начала VII вѣка Исидору севильскому, а на дѣлѣ составленъ лицомъ, по всей вѣроятности, принадлежавшимъ къ духовенству реймсской митрополіи. Главною цѣлью его была защита епископовъ противъ свѣтской власти; достигнуть этого имѣлось въ виду посредствомъ ограниченія жалобъ на епископовъ, затрудненія процедуры, запрещенія поношеній во время процесса. Въ сборникѣ преобладаетъ взглядъ, что мотивами къ обвиненіямъ служатъ большею частью нерасположеніе и злоумышленіе. Согласно велѣнію апостоловъ, епископы во всѣхъ бѣдахъ должны искать себѣ прибѣжища у намѣстника св. Петра, какъ главы церкви, который возстановитъ несправедливо осужденныхъ товарищами изъ страха передъ свѣтскою властью. Все, отнятое у нихъ, должно быть имъ возвращено, въ противномъ случаѣ осудившіе ихъ епископы и ихъ государи подвергаются отлученію отъ церкви. Епископы могутъ быть судимы только соборомъ, созваннымъ съ разрѣшенія папы, которому принадлежитъ право окончательнаго приговора. Такимъ образомъ, декреталіи предоставляли папѣ полную власть надъ митрополитомъ, дѣлали его защитникомъ духовенства и особенно епископовъ отъ свѣтскаго суда и правительства, отъ власти митрополитовъ и областныхъ соборовъ. Потому епископы съ самаго на-

Исидоровы декреталіи.

чала содѣйствовали распространенію сборника; какъ это нерѣдко бываетъ, они слишкомъ увлеклись интересами минуты и въ этомъ увлеченіи не замѣтили того, что декреталіи современемъ могутъ сдѣлаться въ рукахъ папъ отличнымъ орудіемъ для обузданія не только свѣтской власти, но и самихъ епископовъ. Пока, впрочемъ, до этого было еще далеко.

Сборникъ декреталій составленъ былъ въ реймсской митрополіи въ половинѣ IX вѣка и возникъ, слѣдовательно, безъ содѣйствія и вѣроятно, даже безъ вѣдома папъ. Конечно, декреталіи оказали имъ большую услугу, но въ то же время несомнѣнно, что при господствовавшемъ тогда направленіи умовъ едва ли нужны были искусственныя средства, чтобы доставить владычество идеѣ церковной монархіи, охватывающей весь западный міръ и находящейся подъ управленіемъ преемника апостола Петра. Духовное могущество папы имѣло своею основою потребность людей найти прочную опору для своихъ надеждъ въ тяжкія времена, среди подавляющихъ переворотовъ. Эту опору могла давать тогда только церковь, и, укрѣпляя власть главы ея, люди думали подкрѣпить свои нравственныя силы.

Папа Николай I.

Въ Римѣ декреталіи упоминаются впервые въ 860 г., и первый сталъ ссылаться на нихъ, повидимому, папа Николай I. Вотъ какъ отзывается о немъ современный лѣтописецъ: „Съ нимъ нельзя сравнивать ни одного папу послѣ Григорія Великаго: онъ господствовалъ надъ королями и тираннами и подчинялъ ихъ своей власти, какъ будто былъ властителемъ міра. Онъ былъ смирнымъ, кроткимъ, любящимъ и доброжелательнымъ къ епископамъ и священникамъ, соблюдавшимъ заповѣди Господа, и напротивъ, грознымъ и страшно строгимъ къ уклонявшимся съ прямого пути: его можно было бы принять за новаго Илію, воскресшаго въ наши дни по слову Бога, если не тѣломъ, то духомъ и доблестью". Императоръ Людовикъ II самъ содѣйствовалъ избранію Николая и первое время поддерживалъ съ нимъ дружескія отношенія. Однимъ изъ поводовъ къ ухудшенію ихъ послужило столкновеніе папы съ архіепископомъ Равенны, послѣдней независимой епархіи въ Италіи, котораго Николай отлучилъ за отказъ отъ участія въ римскихъ соборахъ, неповиновеніе ихъ рѣшеніямъ и запрещеніе духовнымъ епархіи апеллировать къ папѣ. Архіепископъ пожаловался на отлученіе императору, который отправилъ его съ своими послами въ Римъ для примиренія съ папой, но послѣдній отклонилъ ходатайство Людовика и воспользовался неудовольствіемъ населенія епар-

Столкновеніе съ Равенной.

хіи для личнаго вмѣшательства въ ея дѣла. Тогда архіепископъ долженъ былъ покориться и признать главенство папы.

Столкновеніе съ Реймсомъ.

Тотъ же принципъ апелляціи къ римскому престолу привелъ Николая къ столкновенію съ примасомъ Галліи, архіепископомъ реймсскимъ Гинкмаромъ, низложившимъ на помѣстномъ соборѣ епископа Ротада и недопускавшимъ его до апелляціи. Николай предписалъ Гинкмару возстановить Ротада въ санѣ или явиться вмѣстѣ съ нимъ къ отвѣту въ Римъ; при этомъ онъ объявилъ, что не питаетъ никакого особаго расположенія къ Ротаду, но будетъ до смерти защищать права папства: права эти—спасительное оружіе для всей церкви; кто изъ епископовъ знаетъ, что участь Ротада не постигнетъ вскорѣ и его, а въ такомъ случаѣ у кого онъ будетъ искать защиты? Увидя, что Гинкмаръ не выполняетъ его требованій и не пускаетъ Ротада въ Римъ, папа обращается къ Карлу Лысому и всѣми силами заклинаетъ его помочь гонимому: если государи допустятъ умаленіе правъ папы, то какую послѣдній окажетъ имъ въ случаѣ нужды помощь? Королева писала Николаю два раза, прося его оставить дѣло, но онъ отказался сдѣлать это, несмотря на всѣ хлопоты, причиненныя ему. „Если бы въ вашемъ королевствѣ къ вамъ обратился несчастный человѣкъ, называя себя жертвою несправедливости, вы не отвергли бы его призыва. Какъ вы можете убѣждать насъ оставаться глухими къ голосу нашего брата?“ Наконецъ, послѣ ряда оттяжекъ и уловокъ со стороны Гинкмара, Ротаду удалось добраться до Рима; никто изъ обвинителей не явился, и папа призналъ его оправданнымъ и возстановилъ въ санѣ, который Ротадъ и сохранилъ за собою до кончины. Изъ всего этого видно, что право апелляціи было тогда оспариваемо, и что папѣ понадобилось много энергіи, чтобы восторжествовать надъ упорнымъ сопротивленіемъ Гинкмара.

Споръ съ Кельномъ и Триромъ.

Кромѣ Равенны и Реймса, счастливый случай помогъ Николаю одержать верхъ надъ Кельномъ и Триромъ по дѣлу о разводѣ короля Лотарингіи Лотаря II съ его женой Теутбергою. Изъ трехъ сыновей Лотаря I, владѣвшихъ Лотарингіей, Провансомъ и Италіей, только у Лотаря II были дѣти, но не отъ бездѣтной жены, а отъ нѣкоей Вальдрады, обрученной съ нимъ еще въ дѣтствѣ при жизни отца. Чтобы бывшія земли Лотаря I оставались въ потомствѣ его, нужно было узаконить бракъ съ Вальдрадой и происходившихъ отъ него дѣтей, а для этого признать недѣйствительнымъ церковный бракъ съ Теутбергою. Были пущены въ ходъ ложныя обвиненія и признанія на исповѣди самой Теутберги въ

ея грѣхахъ, и на этомъ основаніи соборъ епископовъ Лотарингіи, быть можетъ руководясь еще соображеніями политическими, произнесъ нужный для Лотаря приговоръ, и затѣмъ онъ обвѣнчался съ Вальдрадой, которая была признана королевой. Тогда папа выразилъ сильное неудовольствіе на то, что областной соборъ взялъ на себя рѣшеніе столь важнаго дѣла и что король повиновался этому приговору, не дождавшись согласія папы. Къ нему и обратилась Теутберга, поддерживаемая Карломъ Лысымъ. Король согласился на пересмотръ дѣла новымъ соборомъ, на которомъ должны были присутствовать епископы Франціи и Германіи и папскіе легаты. На дѣлѣ на соборъ явились почти одни только епископы Лотарингіи и легаты папы. Неизвѣстно, убѣдились ли послѣдніе предъявленными доводами или были подкуплены Лотаремъ, только соборъ призналъ бракъ съ Вальдрадою законнымъ и послалъ въ Римъ со своими постановленіями двухъ главныхъ членовъ, архіепископовъ Кельна и Трира. Папа созвалъ тогда свой соборъ въ Римѣ, который подъ предсѣдательствомъ его постановилъ, что рѣшеніе епископовъ Лотарингіи, какъ нарушающее права Римскаго престола, не имѣетъ силы, а оба архіепископа, какъ ихъ руководители, должны быть лишены священства. Присматриваясь ближе къ различію между рѣшеніями обоихъ соборовъ, находишь въ немъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи западной церкви. Если бы рѣшенія помѣстнаго собора остались въ силѣ, то за областнымъ духовенствомъ сохранилась бы значительная самостоятельность: вѣдь въ самой Италіи слышались еще утвержденія, что воля римскаго престола не есть еще церковный законъ. Но именно поэтому Николай былъ непоколебимъ и чуждъ всякой уступчивости: онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ можно назвать воплощенною системою. Идея единой церкви и всемірной власти папства была мыслью его жизни. Рѣшенія римскаго собора, провозглашавшія и въ тоже время прилагавшія къ дѣлу всевластіе папскаго престола, были его собственными рѣшеніями, его личными мыслями. Сильно ошибался тотъ, кто думалъ, что на него повліяетъ присутствіе императора, брата Лотаря, и его войска. Дѣйствительно, императоръ сильно былъ оскорбленъ постановленіями римскаго собора, нанесшими чувствительнѣйшій ударъ его дому, но былъ возбужденъ и неслыханнымъ образомъ дѣйствій папы, созывомъ собора безъ его согласія и низложеніемъ архіепископовъ за исполненіе возложеннаго на нихъ порученія. Въ гнѣвѣ императоръ приблизился къ Риму съ войскомъ и низложен-

ными епископами, чтобы добиться возстановленія ихъ въ санѣ или наложить руки на папу. Послѣдній заперся въ Латеранѣ и велѣлъ для умилостивленія Бога устраивать крестные ходы. Нападеніе войска на одинъ изъ нихъ и произведенныя при этомъ насилія еще болѣе обострили положеніе: казалось, близокъ открытый разрывъ императора съ папой. Вооруженная толпа ворвалась въ храмъ св. Петра и силою возложила на гробъ апостола непринятый папою протестъ архіепископовъ противъ низложенія. Въ это время произошло свиданіе папы съ заболѣвшимъ Людовикомъ, и оба архіепископа получили приказаніе покинуть Италію, но согласіе папы и императора не было возстановлено, и послѣдній отправился праздновать Пасху въ Равенну. Пользуясь этимъ, оба архіепископа, по возвращеніи въ Германію, разослали ко всѣмъ товарищамъ упомянутый протестъ, представлявшій собою жестокія нападки на безграничныя притязанія папы, но не нашли у другихъ епископовъ того сочувствія, котораго ожидали. Перевѣсъ явно склонился на сторону папы.

Столкновеніе съ Фотіемъ. И на восточную церковь Николай I распространилъ идею римскаго верховенства, съ извѣстною необходимостью развившуюся изъ исторіи запада. Для папы было пріятною неожиданностью, что императоръ Михаилъ III обратился къ нему за совѣтомъ по поводу споровъ, возникшихъ тогда въ церкви Константинопольской. Какъ извѣстно, нелюбимый при дворѣ за свою строгость патріархъ Игнатій былъ низложенъ, и его мѣсто занялъ знаменитый Фотій, до того бывшій міряниномъ; но у Игнатія было въ церкви много сторонниковъ, и между обѣими партіями начался споръ, не прекращенный соборомъ въ Константинополѣ, высказавшимся за Фотія. Михаилъ III счелъ нужнымъ узнать мнѣніе папы; Николай отнесся къ этому запросу съ римской точки зрѣнія, считающей папу представителемъ единства церкви. Здѣсь, въ лицѣ Фотія и Николая, сошлись два человѣка, изъ которыхъ одного можно считать представителемъ греческой церкви, а другой не допускалъ ничего противнаго церкви римской. Папа объявилъ, что смѣна патріарха безъ согласія Рима нарушаетъ соборныя постановленія, которымъ противорѣчитъ и возведеніе въ патріархи мірянина, и потребовалъ вообще соблюденія въ Константинополѣ преданія римской церкви. Съ такими же требованіями обратился онъ и къ другимъ патріархамъ востока. Для ближайшаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ папа послалъ въ Константинополь легатовъ, которые приняли сторону Фотія и участвовали въ соборѣ,

утвердившемъ низложеніе Игнатія и возведеніе въ патріархи Фотія. Противники послѣдняго обратились къ папѣ, и онъ созвалъ съ своей стороны въ Римѣ соборъ, который объявилъ Фотія лишеннымъ духовнаго сана за то, что онъ вопреки преданію апостольскому и каноническому достигъ патріаршества. Главный вопросъ заключался въ томъ, насколько заслуживаютъ вниманія римскаго собора рѣшенія собора Константинопольскаго; рѣшенія эти были не только уничтожены, но и объявлены великимъ преступленіемъ. Наконецъ, было заявлено безусловное верховенство римской церкви, а Михаилъ III приглашенъ выступить противъ разрушителей церкви.

Споръ церквей все разгорался. Въ 866 г. папа Николай сдѣлалъ попытку отнять у Константинополя церковную власть надъ Болгарами. Римскіе миссіонеры оспаривали ученіе греческой церкви объ исхожденіи св. Духа и сильно возставали противъ греческихъ обычаевъ, касавшихся поста, мѵропомазанія и браковъ священниковъ; они хотѣли создать римскій патріархатъ въ Болгаріи. Тогда Фотій задумалъ нанести ударъ притязаніямъ римской церкви нападеніемъ на самого папу. Какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ учителей церкви въ эту эпоху, онъ поставилъ крупнѣйшій изъ когда-либо поднимавшихся вопросовъ—вопросъ о противуположности между Константинополемъ и Римомъ, и для рѣшенія его хотѣлъ созвать вселенскій соборъ съ участіемъ трехъ другихъ патріарховъ. Исполнить мысль эту вполнѣ ему не удалось, но на соборѣ присутствовали и представители другихъ патріарховъ; папа на немъ былъ объявленъ виновнымъ и была провозглашена анаѳема ему и всѣмъ, поддерживающимъ съ нимъ общеніе. Происходило это лѣтомъ 867 года, а осенью того же года покровитель Фотія, Михаилъ III, былъ умерщвленъ и на престолъ вступилъ его любимецъ Василій Македонянинъ. Новый императоръ измѣнилъ церковную политику своего предшественника: Фотій былъ удаленъ и патріархомъ снова сдѣлался защищаемый папою Игнатій. Николай торжествовалъ на Востокѣ, какъ и на Западѣ. Въ этотъ моментъ боецъ Божій, какъ называетъ его біографъ, скончался.

Заключеніе.

Удачный исходъ всѣхъ этихъ столкновеній, помимо прочаго, зависѣлъ еще и отъ того, что въ каждомъ изъ нихъ на сторонѣ папы были преимущества, которыми онъ и сумѣлъ мастерски воспользоваться: въ спорѣ съ Равенной Николай опирался на недовольство мѣстнаго населенія дѣйствіями архіепископа; въ дѣлѣ Ротада онъ выступилъ защитникомъ преслѣдуемаго митрополитомъ епископа, въ дѣлѣ Теутберги — охранителемъ святости брачнаго

союза отъ прихоти короля и угодливости епископовъ; наконецъ, въ вопросѣ о низложенiи Игнатiя, кромѣ правъ Рима, папа защищалъ еще независимость духовной власти отъ капризовъ двора. Благодаря всему этому, Николаю удалось возвести папство на небывалую дотолѣ высоту, но удержалось оно на ней не долго. Ослабленiе свѣтской власти шло все усиливаясь, и скоро она утратила возможность не только господствовать надъ церковью, но даже просто быть ей полезною, и тогда папы попали въ унизительную зависимость отъ римскихъ феодаловъ; съ другой стороны, ослабѣло на время и сознанiе церковнаго единства Запада. Эта зависимость отъ феодаловъ и упадокъ вселенскаго авторитета папъ продолжались до времени Оттоновъ, когда снова возобновилось поступательное движенiе папства.

Н. Шамонинъ.

XXIX.

Оттонъ Великій.

Осенью 935 года, съ королемъ Генрихомъ случился легкій апоплексическій ударъ; король вскорѣ оправился отъ болѣзни, но она напомнила ему о близости смерти. Поэтому Генрихъ немедленно по выздоровленіи занялся рѣшеніемъ вопроса о престолонаслѣдіи, не желая, чтобы послѣ его кончины государство оказалось въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ оно было по смерти Людовика Дитяти и Конрада.

Во время своего семнадцатилѣтняго царствованія Генрихъ положилъ прочное начало объединенію германскихъ племенъ и успѣшно защищалъ страну отъ внѣшнихъ враговъ; эти подвиги давали ему право полагать, что послѣ его кончины князья опять изберутъ королемъ одного изъ представителей саксонскаго дома. Генрихъ боялся только, чтобы не возникло несогласій вслѣдствіе честолюбія его сыновей, которые могли оспаривать другъ у друга право

Источниками при составленіи настоящей статьи служили: *Liudprandi*, Antapodosis (Pertz, Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum, T. III, p. 273—339); *Liudprandi*, Liber de rebus gestis Ottonis Magni Imperatoris (ibid., p. 340—346); *Liudprandi*, Relatio de legatione Constantinopolitana (ibid., p. 347—363; *Widukindi*, Res Gestae Saxonicae (ibid. p. 416—467); *Thietmari*, Chronicon (ibid., p. 743—757); *Ruotgeri*, Vita Brunonis Archiepiscopi Colonensis (ibid., t. IV, p. 254—275); *Hrotsuithae*, Carmen de gestis Oddonis I Imperatoris (ibid., p. 317—335); *Odilonis*, Epitaphium Adalheidae Imp. (ibid., p. 637—645). **Пособіями** служили: *Giesebrecht*, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, B. I. *Gregorovius*, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter, Stuttgart, 1860. B. III. *Lamprecht*, Deutsche Geschichte, Berlin, 1892, B. II. *Bryce*, The Holy Roman Empire. *Гильфердингъ*, Исторія балтійскихъ славянъ, т. I, M. 1855. О. Iегеръ. Всеобщая Исторія.

на престолъ. Самый старшій сынъ Генриха—Танкмаръ—не могъ разсчитывать на корону, такъ какъ рожденъ былъ отъ перваго брака Генриха, а этотъ бракъ признанъ былъ церковью незаконнымъ. Старшій сынъ отъ второго брака — Оттонъ—родился тогда, когда Генрихъ былъ еще только герцогомъ саксонскимъ, и только третій сынъ, тоже Генрихъ, родился уже послѣ того, какъ отецъ избранъ былъ въ короли. Хотя этотъ Генрихъ по наружности очень походилъ на отца и былъ любимцемъ матери, однако самъ старый король предназначилъ въ преемники себѣ Оттона, такъ какъ онъ отличался яснымъ умомъ, твердымъ характеромъ, силою воли и другими качествами необходимыми для государя.

Характеристика Оттона. Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о личности Оттона относятся къ болѣе позднему времени. Лѣтописецъ изображаетъ его человѣкомъ грузнаго тѣлосложенія (moles corporis), съ румянымъ лицомъ, украшеннымъ бородою, съ быстрыми, какъ бы метающими молніи, глазами (oculi rutilantes et in modum fulguris splendorem quendam emittentes); широкая грудь его была покрыта волосами, какъ бы львиною гривою (pectus leoninis quibusdam sparsum iubis); современники, даже собственный сынъ, называли его львомъ; въ этомъ тѣлѣ обиталъ упорный, вѣчно дѣятельный духъ: король даже во снѣ имѣлъ обыкновеніе говорить. Оттонъ отличался неровной, то медленной, то быстрою походкою; пылкая натура его была отчасти смягчена воспитаніемъ, но даже въ старости онъ легко терялъ самообладаніе. Подобно отцу своему, Оттонъ былъ страстнымъ охотникомъ, отличался общительностью и щедростью по отношенію къ друзьямъ, но о своемъ королевскомъ призваніи былъ болѣе высокаго мнѣнія и даже постился наканунѣ тѣхъ дней, когда ему приходилось являться передъ народомъ съ короной на головѣ (quotiенscumque sit opus corona portanda, jejunium semper praecedere pro vero traditur. Widukindi, Res Gestae Sax. II, 36). При неутомимой энергіи и страстной отзывчивости. Оттонъ не обладалъ выдающимися талантами, онъ не былъ хорошимъ дипломатомъ и полководцемъ, не обладалъ онъ и даромъ спокойной наблюдательности; тѣмъ не менѣе, благодаря настойчивости и умѣнью пользоваться обстоятельствами, онъ достигъ замѣчательныхъ успѣховъ.

Избраніе Оттона въ короли. Рѣшивъ предоставить старшинство Оттону, Генрихъ созвалъ герцоговъ, графовъ и епископовъ въ Эрфуртъ и указалъ имъ на Оттона, какъ на желательнаго для него преемника. Князья изъявили согласіе избрать Оттона въ короли по смерти Генриха. Тогда король распредѣлилъ свои имѣнія и движимое имущество между

всѣми сыновьями и особенно щедро надѣлилъ старшаго, Танкмара.

Вскорѣ послѣ эрфуртскаго съѣзда съ Генрихомъ случился второй ударъ, отъ котораго онъ скончался (2 іюля 936 г.). Тогда франконцы и саксонцы собрались для рѣшенія вопроса, кому изъ сыновей Генриха быть королемъ. Большинство избирателей осталось вѣрно слову, данному покойному королю, и преемникомъ его избранъ былъ Оттонъ. Послѣ этого предварительнаго избранія состоялось окончательное избраніе въ Ахенѣ, куда съѣхались вельможи уже изъ всѣхъ германскихъ герцогствъ, а не только изъ Франконіи и Саксоніи. Въ колонной залѣ ахенскаго дворца Оттона посадили на мраморный тронъ Карла Великаго при громкихъ рукоплесканіяхъ всѣхъ вельможъ, наполнявшихъ залу. Таковъ былъ франкскій обычай избранія въ короли.

Коронація Оттона.

Изъ залы дворца Оттонъ отправился въ сопровожденіи герцоговъ, графовъ и другихъ знатныхъ лицъ въ ахенскій соборъ, построенный Карломъ Великимъ. Церковь была полна, на хорахъ тѣснились многія сотни людей, собравшихся издалека посмотрѣть на великое торжество. При входѣ въ соборъ Оттонъ былъ встрѣченъ архіепископомъ майнцскимъ Гильдебертомъ, который взялъ короля за руку, привелъ его къ гробницѣ Карла Великаго и сказалъ, обращаясь къ народу: „Вотъ Оттонъ, котораго Господь избралъ вамъ въ короли, на котораго король Генрихъ указалъ, какъ на желательнаго ему преемника, котораго всѣ князья уже провозгласили королемъ. Если этотъ выборъ вамъ угоденъ, то поднимите правыя руки“. Всѣ подняли руки съ громкими криками одобренія. Тогда архіепископъ подвелъ Оттона къ алтарю, на которомъ лежали знаки королевскаго достоинства и приступилъ къ обряду коронованія и мѵропомазанія. Вручая Оттону мечъ, Гильдебертъ сказалъ: „Прими этотъ мечъ и рази имъ всѣхъ враговъ Господнихъ, язычниковъ и еретиковъ“. Подавая скипетръ, архіепископъ увѣщевалъ короля отечески наказывать подданныхъ; совершая мѵропомазаніе, Гильдебертъ говорилъ Оттону: „Пусть никогда не истощится у тебя елей милосердія, будь милостивъ къ священно-служителямъ, помогай вдовамъ и сиротамъ“. Возложивъ при содѣйствіи архіепископа кельнскаго на Оттона корону, Гильдебертъ отвелъ его къ воздвигнутому невдалекѣ отъ алтаря королевскому мѣсту, гдѣ Оттонъ оставался до конца литургіи, а затѣмъ въ торжественной процессіи возвратился во дворецъ. Тамъ устроенъ былъ коронаціонный пиръ, за которымъ королю служили

герцоги лотарингскій, франконскій, баварскій и швабскій. Такой порядокъ впервые установился на коронаціонномъ торжествѣ Оттона; король такимъ образомъ показалъ, что считаетъ герцоговъ своими слугами.

Борьба Оттона съ герцогами.

Вскорѣ послѣ коронаціи Оттону представился случай показать, что онъ будетъ достойнымъ преемникомъ своего отца. Въ первый же годъ послѣ воцаренія новаго короля вспыхнула въ государствѣ усобица, грозившая уничтожить ту, еще слабую связь между германскими племенами, для упроченія которой столько потрудился король Генрихъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ коронаціи Оттона скончался герцогъ баварскій Арнульфъ. Баварцы недовольны были преобладаніемъ саксонцевъ въ Германіи и неохотно подчинялись королю изъ саксонскаго дома, вспоминая о временахъ полной самостоятельности своей земли. Такимъ настроеніемъ баварцевъ воспользовался старшій сынъ Арнульфа Эбергардъ. Немедленно послѣ кончины отца онъ вступилъ въ управленіе Баваріей, не испросивъ на то соизволенія Оттона и даже отказался дать королю ленную присягу.

Не успѣвъ склонить Эбергарда къ повиновенію увѣщаніями, Оттонъ занялъ своимъ войскомъ Баварію, изгналъ Эбергарда, а герцогомъ баварскимъ назначилъ дядю его Бертольда. Слѣдовательно, званіе герцога получено было Бертольдомъ не по наслѣдству и не вслѣдствіе народнаго избранія, а по назначенію; Оттонъ далъ понять, что считаетъ герцога не государемъ, а лицомъ, занимающимъ государственную должность, которую король можетъ поручить тому или другому лицу по своему усмотрѣнію. Назначивъ Бертольда герцогомъ, Оттонъ ограничилъ его власть, отнявъ у него право назначать епископовъ; это право было передано королю. Другое ограниченіе герцогской власти состояло въ томъ, что Оттонъ учредилъ въ Баваріи должность пфальцграфа, который былъ представителемъ короля въ верховномъ судѣ, завѣдывалъ королевскими замками, имѣніями, ленами и собиралъ принадлежавшіе королю доходы. Вліятельную должность баварскаго пфальцграфа Оттонъ поручилъ племяннику герцога Бертольда Арнульфу, который по необходимости долженъ былъ вѣрно служить королю, такъ какъ при враждебномъ отношеніи герцога къ власти пфальцграфа, Арнульфъ могъ сохранить свое значеніе въ Баваріи только при поддержкѣ со стороны Оттона. Такимъ образомъ король надѣялся предупредить возобновленіе смуты въ Баваріи, внеся рознь въ баварскій герцогскій домъ.

Защитники герцогской власти задумали ослабить усилившуюся королевскую власть тѣмъ же самымъ средствомъ, которымъ Оттонъ ослабилъ герцогскую власть въ Баваріи, т. е. вызвавъ раздоръ въ королевской семьѣ. Воспользовавшись неудовольствіемъ Танкмара противъ Оттона, герцогъ франконскій Эбергардъ склонилъ старшаго брата короля къ возстанію, въ которомъ и самъ принялъ участіе, побуждаемый не только желаніемъ ослабить королевскую власть, но также старинною враждою франковъ къ саксамъ; эта вражда вновь вспыхнула, когда королевская корона перешла къ саксонскому герцогскому дому. Возстаніе было неудачно: Танкмаръ вскорѣ погибъ въ сраженіи, а Эбергардъ изъявилъ полную покорность королю, который не лишилъ его герцогства только вслѣдствіе усиленнаго ходатайства архіепископа майнцскаго.

Печальный исходъ дѣла, затѣяннаго Танкмаромъ, не послужилъ предостереженіемъ для младшаго брата Оттона, честолюбиваго Генриха, который составилъ планъ свергнуть короля съ престола и захватить власть въ свои руки. Герцоги франконскій Эбергардъ и лотарингскій Гизельбертъ охотно согласились помогать Генриху, полагая, что онъ будетъ въ полной отъ нихъ зависимости, если достигнетъ власти съ ихъ помощью. Кромѣ того, Генриху обѣщалъ помогать король западныхъ франковъ Людовикъ IV.

Давно уже западно-франкское (нынѣшняя Франція) и восточно-франкское (нынѣшняя Германія) государства оспаривали одно у другого руководящую роль въ средней Европѣ. Временный перевѣсъ той или другой стороны проявлялся, какъ и теперь еще, во владѣніи спорными областями на границѣ, носившими тогда названіе герцогства Лотарингіи. Генрихъ I завоевалъ эту область для Германіи, но каждый сколько нибудь могущественный король западныхъ франковъ X в. стремился отвоевать ее обратно. Къ этому стремился и Людовикъ IV, и моментъ для того былъ избранъ имъ благопріятный, когда Оттонъ занятъ былъ прекращеніемъ усобицы въ Германіи.

Многіе представители высшаго духовенства Германіи, и въ ихъ числѣ новый архіепископъ майнцскій Фридрихъ, тоже недовольны были усиленіемъ власти Оттона и тайно сносились съ Генрихомъ. Положеніе Оттона было тѣмъ болѣе затруднительно, что онъ долженъ былъ въ одно и то же время и бороться съ внутренними врагами, и вести войну на сѣверѣ и востокѣ съ датчанами и славянами, которые подняли возстаніе, пользуясь германскими усоби-

цами. Два года продолжалась война Оттона съ братомъ и непокорными герцогами. Во время этой войны Эбергардъ и Гизельбертъ погибли, а король западныхъ франковъ принужденъ былъ заключить миръ съ Оттономъ, которому удалось вооружить противъ Людовика герцога Франціи Гуго Великаго. Генрихъ, оставшійся безъ союзниковъ, смирился и получилъ прощеніе отъ брата, который только короткое время содержалъ его подъ строгимъ надзоромъ, а потомъ назначилъ его герцогомъ лотарингскимъ, отнявъ, такимъ образомъ, наслѣдство у сына Гизельберта. Во Франконію, по смерти Эбергарда, Оттонъ не назначилъ герцога; самъ король считался съ того времени герцогомъ франконскимъ. Все громадное личное имущество Эбергарда было конфисковано Оттономъ, который, благодаря этому, получилъ возможность достойно вознаградить оставшихся вѣрными ему герцоговъ швабскаго и баварскаго.

Генриху вскорѣ наскучило въ Лотарингіи и онъ оставилъ порученную его управленію страну; тогда Оттонъ назначилъ герцогомъ лотарингскимъ лучшаго изъ своихъ полководцевъ Конрада Краснаго, одного изъ франконскихъ графовъ. Между тѣмъ многочисленные враги Оттона стали склонять Генриха къ новымъ попыткамъ овладѣть престоломъ. Однако уже не разсчитывали на успѣхъ открытаго возстанія и составили заговоръ съ цѣлью убить короля. Заговорщики, въ числѣ которыхъ былъ и новый архіепископъ майнцскій Фридрихъ, намѣревались убить Оттона во время пасхальныхъ празднествъ 941 г., когда ко двору должны были собраться всѣ знатнѣйшіе вельможи. Совершенно случайно заговоръ былъ открытъ, большинство заговорщиковъ казнено, но Генриху, за котораго со слезами просила Оттона королева-мать, и на этотъ разъ даровано было прощеніе.

Великодушіе брата оказало сильное впечатлѣніе на Генриха; онъ искренно раскаялся и сталъ такъ усердно служить Оттону, что уже черезъ четыре года (въ 945 г.) король назначилъ его герцогомъ Баваріи, гдѣ тогда скончался Бертольдъ. Управляя Баваріей, Генрихъ оказалъ великія услуги германскому народу, такъ какъ велъ непрерывную борьбу съ кочевниками венграми. Генрихъ мужественно отражалъ ихъ нападенія и даже перешелъ въ наступленіе, проникъ въ самыя кочевья венгровъ и освободилъ многихъ германскихъ плѣнниковъ.

Ограниченіе власти герцоговъ. Возстаніе герцоговъ противъ Оттона только содѣйствовало усиленію королевской власти. Оттонъ окончательно утвердилъ за собою право назначать герцоговъ по своему усмотрѣнію. Въ Фран-

коніи герцогская власть была уничтожена, въ другихъ герцогствахъ сильно ограничена; герцоги лишились права начинать войну и заключать миръ, назначать епископовъ. Когда умиралъ герцогъ, Оттонъ назначалъ ему преемникомъ человѣка, на котораго могъ положиться, часто происходившаго не изъ той страны, управлять которою его назначали; такой герцогъ могъ держаться въ странѣ только тогда, когда оставался вѣренъ королю. Впослѣдствіи Оттонъ старался замѣщать герцогскія вакансіи своими родственниками. Такъ, въ 945 г. назначенъ былъ герцогомъ въ Баварію братъ Оттона Генрихъ, въ 948 г. въ Швабію — сынъ Ліудольфъ; въ то же время Оттонъ выдалъ дочь свою Ліутгарду замужъ за герцога лотарингскаго Конрада.

Власть герцога въ значительной степени ограничивалась присутствіемъ въ каждомъ герцогствѣ представителя короля—пфальцграфа. Несмотря на это, у герцоговъ оставалась еще довольно значительная власть, такъ какъ они были непосредственными начальниками мѣстныхъ графовъ, маркграфовъ и другихъ ленниковъ, обязанныхъ по приказу короля являться на службу съ извѣстнымъ числомъ воиновъ. Правда, лены раздавались большею частью самимъ королемъ и не были еще наслѣдственны, какъ во Франціи: раздаваемые королемъ лены сохранялись за ленниками только до тѣхъ поръ, пока они были вѣрны своему сюзерену. Съ своей стороны, щедрый король, располагавшій громадными средствами, умѣлъ расположить къ себѣ ленниковъ: большія богатства, принадлежавшія Оттону, наряду съ другими средствами помогли королю сдѣлать такъ много для упроченія единства государства и для усиленія королевской власти, а сильная королевская власть была необходима въ то время для защиты низшихъ сословій, которыя въ половинѣ X в. почти утратили древнюю свободу.

Королевская власть и феодализмъ.

Во время продолжительной смуты и неурядицы при послѣднихъ каролингахъ никто не думалъ объ общей защитѣ страны: сильные строили замки, а слабые дѣлались ихъ крѣпостными и такимъ образомъ получали защитниковъ; правитель—графъ, владѣтель иммунитета—епископъ или аббатъ усиливали свою власть и почти не признавали далекаго сюзерена; правитель или собственникъ извѣстнаго участка земли дѣлался государемъ людей, жившихъ на немъ; язва феодализма быстро распространилась по Германіи, и ко времени Оттона почти исчезла древне-германская правительственная организація по округамъ (Gauverfassung), графы-феодалы и владѣтели пожалованныхъ королемъ иммунитетовъ стали почти неограниченно

господствовать надъ народною массою: судъ и расправа, финансовая и военная организація зависѣли отъ феодаловъ, а такъ какъ писанными законами тогда еще не руководились въ Германіи, то король былъ единственнымъ защитникомъ слабаго отъ произвола сильнаго, къ нему обращались всѣ недовольные судомъ мѣстныхъ правителей и всегда получали удовлетвореніе. Благодаря этому народъ сочувствовалъ усиленію королевской власти и, такимъ образомъ, облегчалъ Оттону осуществленіе главной задачи его внутренней дѣятельности. Сочувствіе народа этой дѣятельности Оттона вызывалось и другимъ обстоятельствомъ: въ смутный періодъ, до утвержденія саксонской династіи, Германія безъ сильной королевской власти едва не сдѣлалась добычею кочевниковъ.

Возстаніе Ліудольфа и Конрада. Усиленіе королевской власти и упроченіе германскаго единства.

Хотя Оттону удалось къ концу сороковыхъ годовъ X в. назначить герцогами своихъ родственниковъ, однако этимъ самымъ онъ поставилъ въ зависимость спокойствіе государства отъ согласія между членами королевскаго дома, которое не было особенно прочно. И дѣйствительно, уже въ 952 г. началась въ Германіи новая усобица вслѣдствіе ссоры сына Оттонова Ліудольфа, герцога швабскаго, съ братомъ короля Генрихомъ, герцогомъ баварскимъ, къ владѣніямъ котораго Оттонъ присоединилъ отдѣленное отъ королевства Итальянскаго герцогство Фріульское, хотя Ліудольфъ имѣлъ виды на эту страну. Кромѣ того Ліудольфъ, старшій сынъ короля, опасался, что при дальнѣйшемъ усиленіи королевской власти Оттонъ, подобно отцу своему Генриху, позаботится о томъ, чтобы преемникомъ ему былъ избранъ не старшій сынъ, а одинъ изъ младшихъ. Совершенно неожиданно Ліудольфъ пріобрѣлъ важнаго союзника въ лицѣ зятя короля герцога Конрада Лотарингскаго, который недоволенъ былъ Оттономъ, не утвердившимъ договоръ Конрада съ правителемъ Италіи Беренгаріемъ; мало того, Конрадъ не получилъ отъ Оттона никакой награды за свою побѣду надъ возмутившимся противъ короля вассаломъ: личная обида, нанесенная Конраду, имѣла, какъ это не разъ случалось въ средніе вѣка, важныя политическія слѣдствія.

Оттону пришлось выступить съ войскомъ противъ сына и зятя, которые объявили себя защитниками мѣстныхъ, племенныхъ интересовъ и возмутили противъ короля Швабію и Лотарингію. Ліудольфъ отправился также къ саксонцамъ и искалъ союзниковъ для мятежа среди саксонской знати, которая недовольна была стремленіемъ короля утвердить свою власть и государственный порядокъ въ сосѣднихъ съ Саксоніей славянскихъ земляхъ, гдѣ саксонское дво-

рянство привыкло уже въ теченіе цѣлыхъ столѣтій произвольно и жестоко распоряжаться.

Въ то же самое время, когда междоусобная война началась въ Швабіи и Лотарингіи, произошло возстаніе противъ Оттона въ Баваріи и Франконіи. Баварцы недовольны были правленіемъ саксонца Генриха и, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ короля, возстали подъ предводительствомъ пфальцграфа Арнульфа, который былъ обиженъ тѣмъ, что по смерти дяди его Бертольда герцогомъ баварскимъ назначенъ былъ не онъ, а Генрихъ. Во Франконіи сѣялъ смуту архіепископъ майнцскій Фридрихъ, недовольный усиленіемъ королевской власти. Архіепископу легко удалось возмутить франконскихъ феодаловъ, которые не могли примириться съ новыми порядками, заведенными у нихъ Оттономъ, послѣ того какъ онъ уничтожилъ герцогскую власть во Франконіи и самъ сталъ управлять этою страною. Мятежники дѣйствовали не безъ успѣха: передъ пасхою 953 г. король попалъ въ ихъ руки; Ліудольфъ и Конрадъ заманили Оттона въ Майнцъ и здѣсь предложили обезоруженному королю условія, отъ которыхъ онъ отказался, какъ отъ вынужденныхъ, лишь только очутился на свободѣ.

Смута продолжалась до конца 954 г. и нѣсколько разъ положеніе Оттона было критическимъ тѣмъ болѣе, что возмутившіеся противъ короля князья призвали на помощь венгровъ. Кочевники нахлынули на Германію и опустошали ее до тѣхъ поръ, пока Оттону не удалось ихъ прогнать. Этимъ призваніемъ въ страну дикой орды кочевниковъ противники Оттона окончательно погубили свое дѣло: ихъ сторонники поняли, что усобицы могутъ довести Германію до гибели, рѣшили для общаго блага пожертвовать мѣстными, племенными интересами и стали переходить на сторону побѣдителя венгровъ—короля, которому поэтому удалось подавить возстаніе, причемъ Ліудольфъ и Конрадъ были лишены герцогствъ. Швабскимъ герцогомъ сдѣланъ былъ вмѣсто Ліудольфа Бургардъ, хотя и бывшій въ родствѣ съ королевскимъ домомъ, но происходившій изъ Швабіи. Отнятую у Конрада Лотарингію Оттонъ отдалъ брату своему Бруноку, архіепископу кельнскому, который, такимъ образомъ, соединилъ въ своемъ лицѣ двѣ важнѣйшія должности – герцога лотарингскаго и архіепископа кельнскаго. Сторонникъ возмутившихся герцоговъ архіепископъ майнцскій Фридрихъ умеръ еще до прекращенія усобицы. Всѣ принимавшіе участіе въ возстаніи епископы были по повелѣнію Оттона лишены сана и жестоко наказаны, а на ихъ мѣсто

поставлены преданныя Оттону лица. Исходъ возстанія особенно важенъ потому, что даже баварцы, самое самостоятельное племя въ государствѣ, убѣдились въ необходимости государственнаго союза для обезпеченія племенъ.

Правленіе Оттона.

Послѣ окончательной побѣды Оттона надъ непокорными герцогами личность короля получаетъ большое значеніе въ управленіи государствомъ. Оттонъ не любилъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ; по всей Германіи были разбросаны его замки и дворцы и онъ часто переѣзжалъ изъ одного въ другой, такъ какъ желалъ все видѣть, во всѣхъ дѣлахъ принимать непосредственное участіе. Эти постоянные переѣзды короля съ мѣста на мѣсто сближали его особу съ германскими племенами и содѣйствовали объединенію Германіи. Несмотря на отсутствіе постоянной резиденціи, Оттонъ любилъ окружать себя блескомъ и пышностью, особенно во время большихъ праздниковъ. Тогда ко двору являлись высшіе представители духовенства съ поздравленіями, пріѣзжали герцоги и графы съ дарами, князья сосѣднихъ, зависимыхъ отъ Германіи народовъ привозили дань. Во время такого съѣзда король совѣщался съ вельможами о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, устраивалъ церковные соборы, причемъ самъ Оттонъ засѣдалъ среди епископовъ и аббатовъ и имѣлъ рѣшительное вліяніе на ходъ преній.

Отношеніе Оттона къ церкви.

Хотя Оттонъ былъ глубоко религіознымъ человѣкомъ, однако въ первые годы своего царствованія онъ не особенно покровительствовалъ высшему духовенству, которое во время упадка каролингской монархіи стало стремиться къ полной независимости, а такія притязанія шли въ разрѣзъ съ понятіями Оттона о королевской власти. Во время борьбы Оттона съ герцогами большинство епископовъ явно и тайно поддерживало враговъ короля. Поэтому, подчинивъ окончательно герцоговъ, король обратилъ большое вниманіе на духовенство.

Съ особеннымъ усердіемъ сталъ заботиться Оттонъ о дѣлахъ церковныхъ съ тѣхъ поръ, какъ имъ овладѣло сильное религіозное настроеніе, вызванное внезапнымъ несчастіемъ въ его семьѣ: въ 946 г. скончалась его супруга Юдиѳь; всѣ оплакивали кончину доброй королевы, умѣвшей смягчать суровость своего супруга, но особенно сильное впечатлѣніе произвела смерть Юдиѳи на самого Оттона; онъ сталъ искать утѣшенія въ священномъ писаніи; послѣ кончины супруги Оттонъ, который не умѣлъ до того времени читать, хотя понималъ не только нѣмецкую, но также латинскую и славянскую рѣчь, принялся за азбуку и вскорѣ на-

учился читать св. книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ Оттонъ сталъ особенно заботиться о церкви, и главнымъ его сотрудникомъ въ этомъ отношеніи былъ младшій братъ его Брунонъ, съ дѣтства предназначенный къ духовному сану и получившій поэтому прекрасное для того времени образованіе у англо-саксонскихъ и греческихъ монаховъ.

Сдѣлавшись архіепископомъ кельнскимъ, Брунонъ въ то же время стоялъ во главѣ королевской канцеляріи. Благодаря Брунону возстановлена была придворная школа, процвѣтавшая при Карлѣ Великомъ; ко двору Оттона приглашены были такіе ученые, какъ Ратгеръ, епископъ веронскій, Ліутпрандъ, епископъ кремонскій, Израиль, епископъ шотландскій. Благодаря придворной школѣ дѣти Оттона, особенно будущій императоръ Оттонъ II, получили хорошее образованіе. Эта школа содѣйствовала появленію литературы, правда, весьма своеобразной,—національной по содержанію и древнеклассической по формѣ. Писали, конечно, по-латыни. Это было какъ бы второе послѣ эпохи Карла Великаго возрожденіе литературы. Замѣчательно, что въ эту эпоху являются и писательницы-монахини.

Изъ возстановленной Брунономъ придворной школы вышли государственные дѣятели и новые епископы, уже вполнѣ преданные королю; ихъ содѣйствіемъ Оттонъ хотѣлъ воспользоваться для упроченія новаго государственнаго порядка и для усиленія королевской власти. Дѣло въ томъ, что послѣ борьбы своей съ герцогами Оттонъ отчасти отказался отъ своей системы замѣщенія герцогскихъ вакансій и раздачи леновъ, такъ какъ эта система не вполнѣ оправдала его ожиданія, не избавила страну отъ усобицъ: и вновь назначаемые ленники, пользуясь при феодальныхъ порядкахъ громадною властью въ своихъ ленахъ, вскорѣ дѣлались столь же самостоятельными, какъ и наслѣдственные.

Возвращаясь къ системѣ своего отца, Оттонъ началъ опять передавать герцогства по наслѣдству отъ отца къ сыну, опять сталъ назначать герцогами правителей, происходившихъ изъ той страны, управлять которою имъ поручалось. Далѣе, если графъ или другой какой-нибудь ленникъ, умирая, оставлялъ сына, способнаго занять его мѣсто, то Оттонъ сталъ поручать сыну ленъ отца, а не назначалъ на мѣсто умершаго новое лицо. Но такъ какъ наслѣдственность леновъ и дальнѣйшее усиленіе феодаловъ должно было ослабить королевскую власть, то Оттонъ придумалъ новое средство противъ усиленія вассаловъ и сталъ раздавать лены *преданнымъ ему* предста-

вителямъ духовенства новой школы, выдвигая, такимъ образомъ, какъ противовѣсъ противъ свѣтской аристократіи, сословіе духовное. Въ этомъ сословіи наиболѣе вліятельныя мѣста занимались монахами, среди которыхъ не могла, конечно, утвердиться идея наслѣдственности леновъ. Какъ ни щедро раздавалъ Оттонъ лены епископамъ и аббатамъ, но по смерти каждаго изъ нихъ ленъ опять возвращался къ королю, который отдавалъ его кому хотѣлъ. Кромѣ того, при господствовавшемъ еще среди свѣтскихъ феодаловъ невѣжествѣ, образованныхъ, ловкихъ, умѣлыхъ правителей можно было найти только среди духовенства.

Такъ какъ Оттонъ роздалъ очень много леновъ духовнымъ лицамъ, то общее управленіе страною получило церковный характеръ; при этомъ и духовенство должно было заняться многими дѣлами совершенно свѣтскими, духовныя лица сдѣлались государственными сановниками; они должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы ихъ вассалы были всегда готовы явиться по указу короля на военную службу, должны были даже, вопреки каноновъ церковныхъ, сами предводительствовать на войнѣ. Занимая важнѣйшія правительственныя мѣста въ государствѣ, духовныя лица непрестанно призывались ко двору для разрѣшенія разныхъ дѣлъ.

Получивъ большое значеніе въ свѣтскихъ дѣлахъ, церковь должна была допустить вмѣшательство короля въ дѣла духовныя. Какъ защитникъ и покровитель церкви, Оттонъ считалъ себя въ правѣ распоряжаться духовными дѣлами: никакой съѣздъ духовенства не могъ состояться безъ его разрѣшенія, никакое, касавшееся церкви постановленіе не имѣло силы безъ его утвержденія. Оттонъ самъ учреждалъ новыя епископства, назначалъ и смѣщалъ епископовъ, по своему усмотрѣнію распоряжался церковными имуществами для политическихъ цѣлей. Однако, духовенство, занявъ важнѣйшія правительственныя мѣста, получило также исключительное вліяніе на дѣла государственныя и на общественный строй самого государства. Церковь въ X в., какъ и въ первыя эпохи среднихъ вѣковъ, была по преимуществу носительницею идей; если, благодаря дѣятельности Оттона, церковь стала въ болѣе близкое отношеніе къ государству, то оно должно было взять на себя новыя, болѣе широкія задачи. Церковь была въ то время единственною властью, употреблявшею доходы съ крупнаго имущества на общественныя, а не на частныя потребности; будучи обязана своимъ строемъ римской императорской эпохѣ, церковь стала въ этомъ отношеніи на той точкѣ зрѣнія, которой государства могутъ до-

стигнуть лишь въ эпохи высшей культуры. Тѣсно слившись съ государствомъ, церковь должна была передать ему стремленіе къ достиженію этихъ высшихъ задачъ; она должна была сдѣлать ближайшимъ его идеаломъ воздѣйствіе во имя гуманности и нравственности, что далеко выходило за предѣлы задачъ древне-германскаго государства, которое своею цѣлью ставило лишь охраненіе мира. Тѣ всеобъемлющія формы управленія, которыя развиты были церковью для достиженія идеальныхъ цѣлей, были при Оттонѣ предоставлены въ распоряженіе мірской власти для выполненія государственныхъ централистическихъ задачъ. Только усвоивъ эти начала, нѣмецкое государство впервые получило возможность быть истиннымъ государствомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлаться вполнѣ христіанскимъ государствомъ: былъ проложенъ путь къ тѣсному сліянію христіанской и національной жизни на церковной почвѣ.

Оттонъ не только распоряжался по своему усмотрѣнію духовными дѣлами, но также видѣлъ въ епископахъ важнѣйшихъ правительственныхъ чиновниковъ, а въ аббатствахъ—одинъ изъ главнѣйшихъ финансовыхъ источниковъ государства. Все это несогласно было не только съ лже-исидоровыми декреталіями, но даже и съ древними каноническими постановленіями, и духовенство, принимая лены отъ короля, какъ бы связывало себѣ руки. Но вновь назначенные Оттономъ духовные сановники архіепископы: кельнскій (братъ короля Брунонъ) и майнцскій (сынъ короля Вильгельмъ) полагали, что усиленіе королевской власти и участіе духовенства въ управленіи содѣйствуютъ установленію царства Христова на землѣ.

При сліяніи государства съ церковью неминуемо долженъ былъ возникнуть вопросъ о подчиненіи одной силы другою. Оттонъ добивался такого сліянія, чтобы при помощи церкви господствовать, но чтобы надолго упрочить за собою ея поддержку онъ долженъ былъ имѣть власть надъ всемірнымъ епископомъ церкви. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ церковной политики Оттона было стремленіе обладать Римомъ, эта политика заставляла національнаго германскаго короля добиваться міровой императорской короны, а одною изъ главныхъ задачъ императора священной римской имперіи—къ этому сану стремился Оттонъ—была защита христіанства и распространеніе его по всей землѣ.

Раздавъ значительную часть леновъ духовенству, Оттонъ достигъ той цѣли, къ которой стремился: власть его стала болѣе сильною, чѣмъ до усобицы 952—954 гг. Но слѣдствія этого союза

короля съ духовенствомъ были благодѣтельны только до тѣхъ поръ, пока духовенство во всемъ оказывало содѣйствіе королю. Впослѣдствіи духовенство, пріобрѣвъ громадную политическую силу, оказалось не менѣе мятежнымъ, чѣмъ тѣ, кого оно должно было сдерживать. Духовенство вошло въ феодальную систему, и король, такимъ образомъ, самъ содѣйствовалъ тому, чтобы эта система получила впослѣдствіи еще большее развитіе.

Война Оттона съ славянами. Много сдѣлано было Оттономъ для объединенія германскихъ племенъ и для упроченія въ Германіи государственнаго порядка; не менѣе потрудился онъ, защищая Германію отъ внѣшнихъ враговъ и покоряя сосѣдніе народы. Еще Генрихъ подчинилъ нѣкоторыя племена балтійскихъ славянъ; чешскій князь Вячеславъ призналъ надъ собою его власть, но еще при жизни Генриха произошло въ Чехіи возстаніе: Вячеславъ былъ убитъ своимъ братомъ Болеславомъ, который захватилъ въ свои руки власть и объявилъ страну независимой отъ нѣмцевъ. Борьба Оттона съ Болеславомъ была продолжительна; девять лѣтъ прошло, пока чешскій князь опять призналъ себя ленникомъ германскаго короля.

Покоренныя Генрихомъ славянскія племена, жившія по нижней Эльбѣ, при первомъ извѣстіи о смерти этого короля отказались повиноваться нѣмцамъ. Оттонъ долженъ былъ лично выступить противъ отложившихся племенъ, заставилъ славянъ опять подчиниться и поручилъ храброму, энергичному маркграфу Герону держать ихъ въ повиновеніи; кромѣ того, Герону поручено было защищать Саксонію отъ нападеній другихъ племенъ балтійскихъ славянъ, еще не покоренныхъ нѣмцами и населявшихъ всю страну между Заалой и Эльбой, съ одной стороны, и Одеромъ, съ другой. Племена эти (главнѣйшія изъ нихъ лютичи и бодричи, дѣлившіяся на ратарей, доленчанъ, черезпѣнянъ, гаволянъ, лужичанъ, стодорянъ и брежанъ) съ самаго начала царствованія Оттона стали нападать на пограничныя германскія земли, предавая огню и опустошенію деревни, убивая жителей. Герону приходилось вести съ этими славянами ожесточенную, почти непрерывную войну, причемъ онъ наводилъ своею жестокостью ужасъ на враговъ. По временамъ только враждующія стороны заключали перемиріе. Во время одного изъ такихъ перемирій славяне задумали нечаянно напасть на Герона и убить его, но предпріятіе не удалось: нѣмецъ оказался коварнѣе. Геронъ, не подавая виду, что знаетъ о намѣреніяхъ славянъ, пригласилъ къ себѣ на пиръ 30 славянскихъ князей, напоилъ ихъ пьяными до безчувствія и потомъ приказалъ всѣхъ ихъ убить.

Это кровавое дѣло еще сильнѣе воспламенило вражду славянъ къ нѣмцамъ, и началась между ними борьба не на животъ, а на смерть, борьба особенно тяжкая для нѣмцевъ, „потому что славяне", разсказываетъ нѣмецкій лѣтописецъ: „отличаются удивительною выносливостью, легко переносятъ величайшія трудности, довольствуясь весьма скудною пищею; имъ кажется чуть не забавою то, что мы, германцы, переносимъ съ величайшимъ трудомъ. (Est namque hujusmodi genus hominum durum et laboris patiens, victu levissimo assuetum et quod nostris gravi oneri esse solet, Slavi pro quadam voluptate dicunt. — Widukindi, Res Gestae Sax. II, 20). Но несчастіемъ балтійскихъ славянъ было отсутствіе у нихъ порядка и единодушія; только тогда заботились они объ общемъ благѣ, когда являлся у нихъ болѣе энергичный князь, умѣвшій подчинять себѣ своевольныхъ, вообще же княжеская власть была у нихъ очень ограничена. Народы славянскіе ослабляли другъ друга междоусобіями и въ концѣ концовъ должны были подчиняться нѣмцамъ.

Начало онѣмеченія балтійскихъ славянъ.

Геронъ завоевалъ Сгорѣлецъ (переименованный нѣмцами въ Бранденбургъ) и покорилъ всѣхъ славянъ до Одера, а тѣ славянскія племена, которыя жили между низовьями Эльбы и Одера были покорены самимъ Оттономъ. Все покоренное населеніе должно было платить дань нѣмцамъ; кромѣ того, славяне обязаны были исполнять всякія работы въ имѣніяхъ короля и его вассаловъ; имѣнія эти образовались изъ участковъ, отнятыхъ Оттономъ у мѣстныхъ князей и розданныхъ его вассаламъ нѣмцамъ. Эти поселенные среди славянъ вассалы короля должны были постоянно быть готовыми къ войнѣ и подавленію возстанія. По всей пограничной области настроены были укрѣпленные города-бурги съ особыми начальниками бургграфами, которымъ подчинены были мелкіе вассалы, сами же бургграфы были подъ непосредственнымъ начальствомъ маркграфа Герона. Такъ положено было начало нѣмецкой колонизаціи въ славянской странѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣмеченію балтійскихъ славянъ.

Заботы Оттона о распространеніи христіанства среди славянъ.

Впрочемъ, онѣмеченіе балтійскихъ славянъ шло сначала крайне неуспѣшно, потому что славяне, покорившіеся нѣмцамъ послѣ продолжительной, упорной борьбы, продолжали относиться съ глубокою ненавистью къ своимъ притѣснителямъ, которые, къ тому же, были другой вѣры и говорили на непонятномъ славянамъ языкѣ. Славяне все еще были язычниками и приносили своимъ богамъ даже человѣческія жертвы. Самою угодною, по мнѣнію славянъ, жертвою богу войны Святовиту былъ христіанинъ-нѣмецъ. Оттонъ

полагалъ, что страна окончательно умиротворится только послѣ принятія славянами христіанства; по повелѣнію короля посланы были къ славянамъ саксонскіе священники, распространявшіе среди язычниковъ христіанство подъ охраною жестокаго маркграфа Герона; изъ страха предъ грознымъ маркграфомъ многіе славяне приняли христіанство, хотя совсѣмъ не знали сущности христіанскаго ученія, такъ какъ чужеземцы-проповѣдники, объяснявшіеся съ ними черезъ переводчиковъ, не объясняли славянамъ св. писанія, а заставляли только безсмысленно заучивать непонятныя славянамъ латинскія слова молитвъ. Въ области лужичанъ, ратарей и гаволянъ Оттонъ учредилъ два епископства и всѣ славяне принуждены были платить духовенству десятину и кромѣ того особую подать съ сохи.

Возстаніе Стоинѣва. Само собою разумѣется, что суровыя мѣры Оттона не могли примирить славянъ съ ихъ угнетеннымъ положеніемъ и, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ—послѣднею борьбою короля съ герцогами—они возстали въ 954 г. подъ предводительствомъ энергичнаго князя Стоинѣва и не только разорили многіе изъ построенныхъ у нихъ бурговъ, но даже проникли въ Саксонію, куда привелъ ихъ измѣнившій королю знатный саксонецъ Вихманъ. Обстоятельства сначала благопріятствовали славянамъ: хотя къ концу 954 г. усобица въ Германіи была уже прекращена, однако Оттонъ не могъ еще идти противъ возмутившихся славянъ, такъ какъ долженъ былъ обратить всѣ свои силы противъ напавшихъ на Германію венгровъ и только въ концѣ 955 г. могъ отправиться противъ славянъ.

Прежде чѣмъ король выступилъ въ походъ противъ славянъ, явилось къ нему посольство отъ возставшихъ племенъ. Послы объявили Оттону, что народъ ихъ не можетъ выносить нѣмецкихъ порядковъ въ своей странѣ; пусть нѣмцы оставятъ ихъ землю, тогда они будутъ безпрекословно платить дань Оттону. Король не согласился и возобновилась кровопролитная война. Нѣмцы опять побѣдили и новыми жестокостями хотѣли отучить славянъ отъ бунтовъ. Предводитель возстанія кн. Стоинѣвъ былъ убитъ, и голову его воткнули на колъ; 700 дружинниковъ Стоинѣва, попавшихъ въ плѣнъ, были обезглавлены; совѣтнику Стоинѣва выкололи глаза, вырвали языкъ и въ такомъ видѣ еще живого бросили въ кучу труповъ. Но и послѣ этого борьба нѣмцевъ съ славянами не прекращалась: еще нѣсколько походовъ пришлось предпринять Оттону (въ 959 и 960 гг.), прежде чѣмъ утвердилась его власть надъ балтійскими славянами.

Окончательная побѣда Оттона надъ балтійскими славянами оказала сильное впечатлѣніе на другихъ сосѣднихъ славянъ, и вскорѣ (въ 963 г.) польскій князь Мечиславъ принужденъ былъ признать себя ленникомъ Оттона. Даже въ далекое русское княжество проникла слава Оттона: въ 959 г. явились при его дворѣ послы отъ великой княгини русской Ольги, въ св. крещеніи Елены. Трудно опредѣлить цѣль этого посольства, но результатомъ его было то, что Оттонъ послалъ въ Россію ученаго монаха Адальберта съ братіею для проповѣди; впрочемъ, миссіонеры Оттона не имѣли на Руси никакого успѣха, такъ какъ вступившій въ управленіе государствомъ Святославъ приказалъ прогнать этихъ нѣмцевъ изъ своей земли,—надо полагать, что ему были отчасти извѣстны миссіонерскіе подвиги маркграфа Герона у балтійскихъ славянъ.

Подчиненіе Польши и сношенія съ Россіей.

Война Оттона съ балтійскими славянами продолжалась такъ долго (около 24 лѣтъ) потому, что король не всегда могъ обращать противъ нихъ всѣ свои силы, его часто отвлекали усобицы въ Германіи, борьба съ датчанами и особенно съ венграми. Датчане, соединившіеся тогда подъ властью Гарольда Синезубаго, уничтожили Датскую Марку (Dannmark), учрежденную еще Генрихомъ I, и сожгли германскія поселенія въ этой Маркѣ. Оттонъ во главѣ многочисленнаго войска проникъ далеко въ глубь Ютландіи, сдѣлалъ Гарольда своимъ вассаломъ, возстановилъ германскія поселенія на границѣ съ Даніей и снова присоединилъ Шлезвигъ къ Германіи.

Датская Марка.

Борьба Оттона съ венграми имѣла несравненно большее значеніе, чѣмъ походъ его въ Данію, и началась вскорѣ послѣ воцаренія Оттона, такъ какъ венгры, узнавъ о смерти ихъ побѣдителя Генриха, бросились на Германію; большихъ усилій стоило тогда Оттону прогнать дикія орды кочевниковъ. Послѣ этого нашествія, венгры повторяли свои набѣги всякій разъ, когда Оттону приходилось вести борьбу съ герцогами, но съ 945 года набѣги венгровъ рѣдко были удачны, такъ какъ новый герцогъ баварскій Генрихъ усердно ихъ отражалъ; только во время послѣдней борьбы Оттона съ герцогами венгры, призванные возставшими противъ короля вассалами, проникли въ глубь страны, но все-таки были прогнаны Оттономъ. Черезъ годъ (955 г.) венгры повторили набѣгъ съ гораздо болѣе значительными силами. Огромная венгерская орда проникла въ Баварію и обложила Аугсбургъ. Туда поспѣшилъ Оттонъ въ іюлѣ 955 г. Одинъ изъ нѣмецкихъ князей, бывшій пфальцграфъ баварскій Арнульфъ, призвавшій во время возстанія венгровъ, далъ имъ на

Борьба Оттона съ Венграми.

этотъ разъ знать о движеніи Оттона. Венгры оставили Аугсбургъ и расположились на обширной равнинѣ у лѣваго берега Леха. Германское войско было въ нѣсколько разъ меньше венгерскаго; поэтому рѣшено было отложить сраженіе до прибытія подкрѣпленія изъ Франконіи и Швабіи.

Битва при Лехѣ и ея значеніе.

Оттонъ расположился лагеремъ на лѣвомъ же берегу Леха, невдалекѣ отъ табора венгровъ. Когда подошли подкрѣпленія, Оттонъ не могъ уже сдерживать свое войско, горѣвшее нетерпѣніемъ сразиться съ ненавистнымъ врагомъ. Накануне рѣшительной битвы въ нѣмецкомъ войскѣ всѣ постились и исповѣдывались, готовясь къ смерти. Въ самый день сраженія,—это было 10 августа, на память св. муч. Лаврентія—на разсвѣтѣ совершено было въ лагерѣ Оттона торжественное богослуженіе. Колѣнопреклоненный король со слезами молился въ виду всего войска, причастился св. Таинъ и далъ обѣтъ въ случаѣ побѣды построить храмъ во имя св. Лаврентія. Горячая молитва воодушевила войско; съ распущенными знаменами бодро выступили нѣмцы изъ лагеря.

Войско германское было раздѣлено на восемь колоннъ; каждая колонна состояла изъ 1000 прекрасно-вооруженныхъ всадниковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ при себѣ конюха и нѣсколько слугъ. Первыя три колонны состояли изъ баварцевъ; въ четвертой колоннѣ шли франконцы, которыми командовалъ Конрадъ, бывшій герцогъ лотарингскій; онъ хотѣлъ вѣрною службою противъ враговъ отечества и христіанства загладить свое участіе въ возстаніи противъ Оттона. Ядро войска составляла пятая колонна, которою начальствовалъ самъ Оттонъ. Короля окружали самые храбрые воины, выбранные изо всего войска. Послѣднія три колонны состояли изъ швабовъ и чеховъ. Не успѣли еще нѣмцы приблизиться къ табору венгровъ, какъ Оттону донесли, что часть непріятельскаго войска наступаетъ съ тылу. Дѣло въ томъ, что ночью на 10 авг. Булцу, карханъ или главный предводитель венгровъ, переправилъ часть своего войска на правую сторону Леха. Этотъ отрядъ расположился противъ лагеря Оттона, находившагося на лѣвомъ берегу, и незамѣтно наблюдалъ за движеніями нѣмцевъ; лишь только они выступили изъ своего лагеря къ непріятельскому, отрядъ венгровъ перешелъ на лѣвый берегъ, очутился въ тылу нѣмцевъ и напалъ на колонны, бывшія въ арріергардѣ. Швабы и чехи не устояли, многіе изъ нихъ были убиты и взяты въ плѣнъ; обозъ попалъ въ руки непріятеля, и венгры стали приближаться съ тылу къ той колоннѣ, которою начальствовалъ самъ король. Тогда Оттонъ при-

казалъ Конраду, стоявшему съ франконцами впереди королевской колонны, повернуть фронтъ, выдвинуться изъ общей линіи войска и напасть на венгровъ, напиравшихъ съ тылу. Конрадъ сдѣлалъ искусное движеніе, внезапно напалъ на венгровъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, освободилъ плѣнныхъ швабовъ и чеховъ, отбилъ обозъ.

Тогда только когда было отбито нападеніе съ тылу, можно было начать сраженіе съ главными силами венгровъ. Оттонъ приказалъ расширить боевую линію такъ, что въ нее вошли три первыя баварскія колонны и та колонна, которою начальствовалъ онъ самъ; затѣмъ король обратился къ воинамъ съ такою рѣчью: „Теперь настало время показать мужество и любовь къ отечеству; передъ вами непріятель, много превосходящій васъ числомъ, но вамъ ли бояться его? Вы вооружены гораздо лучше венгровъ и, что главнѣе всего, съ вами Богъ, ваше самое надежное оружіе. Смѣло пойдемъ на врага, лучше пасть въ битвѣ со славою, нежели жить въ позорномъ порабощеніи". Сказавъ эти слова, Оттонъ взялъ щитъ и священное копье и первымъ устремился на своемъ боевомъ конѣ противъ непріятеля. Все войско послѣдовало за королемъ, венгры не выдержали этой стремительной, единодушной аттаки. Сраженіе было непродолжительно, непріятель обратился въ бѣгство. Много тысячъ венгровъ было перебито нѣмцами, которые преслѣдовали непріятеля на большомъ разстояніи. Храбрый Конрадъ, такъ успѣшно начавшій битву, палъ во время сраженія смертью героя. Весь лагерь венгровъ достался побѣдителямъ и всѣ захваченные венграми во время похода плѣнники были освобождены.

Битва при Лехѣ принимается нѣкоторыми за конецъ переселенія народовъ, такъ какъ венгры, въ теченіе полустолѣтія опустошавшіе Францію, Германію и Италію послѣ нанесеннаго имъ при Лехѣ страшнаго пораженія перестали совершать набѣги, начали мало по малу покидать кочевой образъ жизни, стали принимать христіанство и окончательно утвердились въ плодородной дунайской низменности, западную часть которой успѣли все-таки занять нѣмецкіе поселенцы, защищавшіе восточную часть Баваріи и образовавшіе Восточную Марку (Ostmark), изъ которой впослѣдствіи возникло герцогство Австрія (Oestreich). Побѣда надъ венграми, которую современники по ея всемірному значенію сравнивали съ побѣдою Карла Мартела надъ арабами, сдѣлала Оттона какъ бы защитникомъ всего западно-европейскаго христіанства отъ нападеній языческой орды, достойнымъ императорскаго титула. Со-

бравшіеся вечеромъ, послѣ сраженія на Лехскомъ полѣ вельможи привѣтствовали Оттона императоромъ.

Отношенія Оттона къ Бургундіи, Франціи и Италіи.

Оттонъ, дѣйствительно, сталъ стремиться къ полученію императорской короны, что обусловливалось, между прочимъ, и политическимъ вліяніемъ его въ тѣхъ частяхъ имперіи Карла Великаго, которыя со времени Карла Толстаго не были соединены съ Германіей. Зять Оттона, король западныхъ франковъ Людовикъ IV, неуспѣшно боровшійся со своими вассалами и даже захваченный въ плѣнъ герцогомъ Франціи Гуго Великимъ, просилъ помощи у короля Германскаго. Оттонъ совершилъ нѣсколько походовъ въ страну западныхъ франковъ и, наконецъ, въ 950 г., благодаря содѣйствію духовенства, заставилъ герцога Гуго признать Людовика королемъ. Въ благодарность за это Людовикъ отказался отъ своихъ притязаній на Лотарингію. Такимъ образомъ, Оттонъ утвердилъ свое вліяніе во Франціи, которая нѣкоторое время была въ вассальныхъ къ нему отношеніяхъ. Еще большимъ вліяніемъ пользовался Оттонъ въ королевствѣ Бургундскомъ, которымъ до 943 г. управлялъ, какъ опекунъ несовершеннолѣтняго короля бургундскаго Конрада.

Будучи попечителемъ бургундскаго королевскаго дома, Оттонъ не могъ не вмѣшаться въ дѣла Италіи, такъ какъ бургундскіе каролинги съ самаго начала X в. старались подчинить своей власти Ломбардію, гдѣ отъ 888 г., когда свергнутъ былъ Карлъ Толстый, постоянно шла борьба между разными претендентами на престолъ, родственниками Каролинговъ. Съ 926 г. королемъ Италіи былъ Гуго, отчимъ короля бургундскаго Конрада, воспитанника Оттонова. Этотъ Гуго женилъ, конечно, не безъ согласія Оттона, сына своего Лотаря на сестрѣ своего пасынка короля Конрада, юной Адельгейдѣ. Такъ начались между Оттономъ и королемъ Италіи Гуго дружественныя отношенія, которыя испортились только тогда, когда въ Германію убѣжалъ одинъ изъ вассаловъ короля Гуго —маркграфъ иврейскій Беренгарій, замышлявшій овладѣть Италіей. Впослѣдствіи, въ 947 г., по смерти короля Гуго, Беренгарій не безъ содѣйствія Оттона возвратился въ Италію и сдѣлался правителемъ Ломбардіи, хотя королемъ считался Лотарь, сынъ Гуго.

Оттонъ и Адельгейда.

Лотарь умеръ въ 950 г., и Беренгарій поспѣшилъ принять титулъ короля. Но молодая вдова Лотаря, Адельгейда, славившаяся красотою и умомъ, пользовалась въ странѣ большимъ расположеніемъ; ея сторонники полагали, что не Беренгарію слѣдуетъ принять титулъ короля, а тому, кого вдовствующая королева изберетъ себѣ въ супруги. Поэтому Беренгарій предложилъ Адельгейдѣ

выйти замужъ за сына его Адальберта. Адельгейда отказалась и была посажена въ мрачную тюрьму, въ уединенномъ замкѣ, на берегу оз. Гарда. Въ тюрьмѣ вдову короля подвергали всякимъ униженіямъ и даже истязаніямъ; изъ всей многочисленной свиты ей оставили одну служанку и духовника. Между тѣмъ Беренгарій, сдѣлавшись королемъ, вызвалъ всеобщее неудовольствіе своею несправедливостью, и это обстоятельство содѣйствовало усиленію сочувствія къ Адельгейдѣ. Одинъ изъ ея сторонниковъ, епископъ Адельгардъ, нашелъ возможность сообщить томившейся въ тюрьмѣ королевѣ о своей готовности дать ей убѣжище въ принадлежащемъ ему замкѣ Каноссѣ. Тогда бывшій при Адельгейдѣ священникъ вмѣстѣ съ ея служанкою вырыли подземный ходъ подъ стѣною тюрьмы; этимъ ходомъ вывели Адельгейду и послѣ многихъ приключеній и опасностей привели ее въ Каноссу, гдѣ она была уже въ полной безопасности.

Изъ Каноссы Адельгейда обратилась съ жалобою на Беренгарія къ бывшему опекуну своего брата, королю Германіи. Оттонъ, конечно, зналъ о нравственныхъ достоинствахъ и красотѣ сестры его воспитанника и рѣшилъ не только выступить ея защитникомъ, но и жениться на ней. Къ этому браку побуждала Оттона, кромѣ симпатіи къ Адельгейдѣ, еще надежда овладѣть Италіей при помощи той партіи, которая сочувствовала несчастной королевѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ Оттонъ надѣялся принять уже 30 лѣтъ никѣмъ не носимый титулъ императора, на что, казалось, имѣлъ полное право, будучи, по женской линіи, потомкомъ Карла Великаго и нося титулъ короля франковъ. Съ большимъ войскомъ прибылъ Оттонъ въ 951 г. въ Ломбардію и былъ радушно принятъ недовольными Беренгаріемъ феодалами. Овладѣвъ столицею Ломбардіи Павіей, Оттонъ отправилъ въ Каноссу къ Адельгейдѣ пословъ съ богатыми дарами просить ея руки и пригласить ее въ Павію. Посольство было принято Адельгейдою благосклонно, она отправилась въ Павію, гдѣ состоялось ея бракосочетаніе съ могущественнѣйшимъ государемъ Европы. Адельгейда достигла такого величія спустя короткое время послѣ самыхъ тяжкихъ бѣдствій и униженій; ея удивительная судьба осталась въ памяти народа, который упоминаетъ во многихъ легендахъ о романтической судьбѣ этой королевы.

Овладѣвъ Ломбардіей, Оттонъ вступилъ въ переговоры съ папою Агапитомъ II относительно возстановленія имперіи и вѣнчанія его, Оттона, императорскою короною. Но папство, достигшее въ поло-

Первые переговоры о принятіи императорскаго титула. винѣ IX в. большого могущества при великихъ папахъ Николаѣ I и Іоаннѣ VIII, ко времени Оттона пришло въ совершенный упадокъ. Рядъ позорныхъ папъ, достигшихъ позорными средствами престола, такъ унизили папство, что въ 932 г. римлянину Альберику удалось овладѣть Римомъ и церковною областью. Двадцать два года правилъ Альберикъ со славою Римомъ, предоставляя папамъ вѣдать только церковныя дѣла. Само собою разумѣется, что Альберикъ, самостоятельно правившій Римомъ, не соглашался впустить туда Оттона, который прежде всего лишилъ бы Альберика власти. Поэтому Агапитъ, дѣйствовавшій въ пользу Альберика, долженъ былъ отказать въ содѣйствіи Оттону, и ему для полученія императорской короны оставалось только идти съ войскомъ на Римъ, чтобы низложить Альберика. Но обстоятельства сложились такъ, что Оттонъ долженъ былъ отложить походъ на Римъ. Дѣло въ томъ, что Беренгарій не былъ еще окончательно побѣжденъ, въ Германіи опять началась усобица—возстаніе Ліудольфа и Конрада. Поэтому Оттонъ возвратилъ Беренгарію Ломбардію, заставивъ его присягнуть себѣ, какъ сюзерену, а самъ поспѣшилъ въ 952 г. въ Германію.

Избраніе Оттона II въ короли. Только къ 960 году въ Германіи возстановлено было полное спокойствіе, и Оттонъ сталъ помышлять о новомъ походѣ въ Италію съ цѣлью довершить то дѣло, которое пришлось отложить въ 952 г. Но прежде чѣмъ предпринять походъ въ Италію для полученія императорской короны, Оттонъ созвалъ въ маѣ 961 г. знатнѣйшихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ въ Вормсъ, гдѣ по желанію короля избранъ былъ ему въ преемники сынъ его отъ Адельгейды—Оттонъ (Ліудольфъ скончался до 961 г.). Королевичу Оттону было только 7 лѣтъ и онъ не только былъ избранъ въ преемники своему отцу, но даже торжественно коронованъ въ Ахенѣ своимъ дядею, архіепископомъ кельнскимъ и братомъ архіепископомъ майнцскимъ. Избраніе такого юнаго короля считалось явленіемъ необычайнымъ и, дѣйствительно, стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ принципомъ свободнаго избранія.

Оттонъ, Беренгарій и Іоаннъ XII. Устроивъ дѣла въ Германіи, Оттонъ занялся приготовленіями къ походу въ Италію, куда еще съ 954 г. его звали итальянскіе князья, притѣсняемые Беренгаріемъ, совсѣмъ не исполнявшимъ своихъ ленныхъ обязанностей по отношенію къ Оттону; но тогда Оттонъ, занятый подавленіемъ междоусобій и борьбою съ венграми и славянами, не могъ дѣйствовать болѣе или менѣе рѣшительно противъ Беренгарія. Однако просьбы о помощи изъ Италіи не пре-

кращались. Въ 960 году съ такою просьбою обратились къ Оттону изъ Рима, гдѣ съ 952 года обстоятельства перемѣнились. Въ 954 году скончался Альберикъ; свѣтская власть надъ Римомъ и церковною областью перешла къ шестнадцатилѣтнему сыну его Октавіану, который по смерти папы Агапита II въ 955 году, семнадцати лѣтъ отъ роду, самъ вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Іоанна XII и, такимъ образомъ, опять соединилъ духовную власть римскаго первосвященника со свѣтскою властью государя Рима и церковной области. Іоаннъ XII не обладалъ блестящими способностями своего отца, и этимъ спѣшилъ воспользоваться Беренгарій, чтобы увеличить свое королевство на счетъ церковной области. Тѣснимый Беренгаріемъ, папа просилъ помощи у Оттона, приглашалъ его въ Римъ, изъявляя готовность возложить на него императорскую корону, если онъ возвратитъ церковной области захваченныя Беренгаріемъ земли. Такъ предлагалъ Оттону императорскую корону самъ Іоаннъ XII, отецъ котораго не соглашался даже впустить Оттона въ Римъ.

Предложеніе Іоанна было сдѣлано Оттону какъ нельзя болѣе кстати. Во-первыхъ, въ западной Европѣ продолжало господствовать убѣжденіе, что имперія римская не перестала существовать, хотя по временамъ и не было императора, было междуцарствіе. Воспоминанія о славной эпохѣ Карла Великаго, при которомъ императорская власть возстановлена была послѣ трехвѣковаго междуцарствія, еще болѣе утверждали въ этой мысли, а бѣдствія, постигшія Западную Европу вскорѣ послѣ Карла Великаго, во время бездѣйствія императорской власти, были, казалось, самымъ яснымъ доказательствомъ необходимости объединенія всего западно-европейскаго христіанскаго міра подъ властью императора. Съ другой стороны, никто, казалось, не былъ болѣе способенъ возстановить императорскую власть, чѣмъ Оттонъ, избавившій христіанъ Западной Европы отъ нашествій кочевниковъ, распространившій христіанство среди язычниковъ славянъ, владѣвшій самымъ могущественнымъ въ Европѣ королевствомъ, носившій къ тому же титулъ короля франковъ и бывшій по женской линіи потомкомъ великаго императора Карла.

Положеніе Италіи въ пол. X в.

Не мало облегчало Оттону задачу возстановленія имперіи и положеніе, въ которомъ тогда находилась Италія. Множество мелкихъ владѣтелей, едва признававшихъ власть государей, носившихъ титулъ королей Италіи, довели до полнаго разоренія эту страну, страдавшую въ то же время отъ набѣговъ венгровъ и завоеваній арабовъ.

Вслѣдствіе этихъ опустошительныхъ нашествій значительная часть населенія Италіи собралась въ города и, возобновивъ укрѣпленія прежнихъ временъ, отсиживалась за ними отъ набѣговъ непріятеля. Это скопленіе населенія въ городахъ, вызванное страшнымъ бѣдствіемъ, разореніемъ деревень, имѣло и нѣкоторыя благопріятныя послѣдствія: съ одной стороны, оно способствовало быстрому развитію городской жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ процвѣтанію нѣкоторыхъ ремеслъ и искусствъ, съ другой стороны, общая опасность и необходимость жить вмѣстѣ подъ охраною городскихъ стѣнъ способствовали сближенію различныхъ элементовъ населенія, романскихъ и германскихъ, и ускорили ихъ сліяніе, вырабатывая общій языкъ и сглаживая различіе въ обычаяхъ. Но въ то же время ненадежность всѣхъ условій жизни имѣла крайне дурное вліяніе на нравственное состояніе общества. Всѣ торопились жить, и мелкое честолюбіе при господствовавшемъ безправіи спѣшило поскорѣе достигать своей цѣли, не разбирая средствъ: на чьей сторонѣ была сила, тотъ пользовался ею, какъ тиранъ; вѣроломство, двоедушіе, коварство и жестокость вошли какъ бы въ законъ общественной жизни страны. Подобное воззрѣніе на жизнь не могло не отразиться на общественныхъ и семейныхъ нравахъ; въ первой половинѣ X в. развратъ достигъ въ Италіи крайнихъ предѣловъ.

Отъ церкви въ это время нельзя было ожидать спасенія, хотя и не было среди духовныхъ лицъ недостатка въ строгихъ и серьезныхъ людяхъ, которые съ ужасомъ смотрѣли на то „сатанинское господство", которое охватило тогда все общество въ Италіи. Епископы, достигшіе при полномъ упадкѣ центральной власти большого могущества, мало отличались своими нравами отъ мірской знати. Не блистали нравственностью и монастыри, которые оказывали лишь весьма слабый отпоръ общей испорченности, но хуже всего было то, что не избѣгло общей испорченности и папство, которое раньше не для одной только Италіи было источникомъ указанія и назиданія въ дѣлѣ вѣры и совѣсти. Папы сдѣлались орудіемъ разныхъ партій и знатныхъ фамилій. Въ теченіе почти полувѣка двѣ знатныя, но порочныя римлянки, Ѳеодора и ея дочь Мароція, возводили на папскій престолъ своихъ не менѣе порочныхъ родственниковъ и друзей, пользуясь для того тайными убійствами и другими подобными средствами. Папство пришло въ совершенный упадокъ.

Хотя Октавіанъ, сдѣлавшись подъ именемъ Іоанна XII папою, снова соединилъ духовную власть папы съ властью госу-

даря Церковной Области, но отъ этого положеніе дѣлъ нисколько не улучшилось, такъ какъ юноша Іоаннъ превосходилъ порочностью своихъ предшественниковъ и всѣмъ казалось, что только сильная власть императора можетъ водворить порядокъ въ Италіи и церкви. Оттонъ же тѣмъ болѣе могъ разсчитывать на успѣхъ въ Римѣ, что самъ папа его приглашалъ туда. Принимая предложеніе Іоанна, Оттонъ клятвенно подтвердилъ всѣ права папы, обязался возвратить Церковной Области всѣ земли, захваченныя сосѣдними владѣтелями, но въ то же время объявилъ, что, короновавшись императоромъ, онъ самъ, подобно Карлу Великому, будетъ верховнымъ сюзереномъ Рима и церковной области. Въ политическомъ отношеніи просьба Іоанна XII до нѣкоторой степени напоминаетъ обращеніе папства къ Пипину Короткому за 200 лѣтъ передъ тѣмъ: вмѣшательствомъ извнѣ папа старается избавиться отъ домашняго врага.

Второй походъ Оттона въ Италію и принятіе императ. титула.

Предоставивъ управленіе Германіей брату Брунону и сыну Вильгельму, поручивъ ихъ заботамъ своего младшаго сына, незадолго передъ тѣмъ коронованнаго королемъ, Оттонъ осенью 961 г. въ сопровожденіи супруги, съ большимъ войскомъ, въ которомъ были даже отряды славянъ, отправился въ Италію. Войско Беренгарія было вскорѣ разсѣяно нѣмцами, Ломбардія опять подчинилась Оттону, который 31 января 962 г. безпрепятственно подошелъ къ Риму.

На встрѣчу Оттона вышелъ изъ вѣчнаго города крестный ходъ, въ которомъ принимала участіе вся римская знать; представители знатнѣйшихъ родовъ римскихъ привѣтствовали короля, цѣловали его ноги и посадили на коня, присланнаго папою. По улицамъ, переполненнымъ несмѣтными толпами народа, въ торжественной процессіи ѣхалъ Оттонъ до храма св. Петра; на ступеняхъ церкви, въ полномъ облаченіи, окруженный духовенствомъ сидѣлъ папа на золотомъ тронѣ. Когда король сошелъ съ коня и поднялся по мраморнымъ ступенямъ, папа всталъ, поцѣловался въ уста съ королемъ и подалъ ему руку. Затѣмъ подошли къ такъ называемымъ серебрянымъ вратамъ храма. Прежде, чѣмъ войти въ соборъ, Оттонъ торжественно объявилъ, что явился въ Римъ обезпечить благо города и церкви и подтвердить за папою пожалованія прежнихъ императоровъ.

2 февраля, въ день Срѣтенія Господня, Оттонъ и Адельгейда были коронованы Іоанномъ XII императорскою короною.

Оттонъ, сдѣлавшись императоромъ, пріобрѣлъ верховную власть

ренейскомъ полуостровѣ Оттонъ вовсе не имѣлъ владѣній; во внутреннія дѣла Франціи и Бургундіи онъ и не вмѣшивался, хотя Людовикъ IV и Конрадъ признавали его своимъ сюзереномъ. Даже та часть Италіи, которая завоевана была Оттономъ (южная Италія, какъ и при Карлѣ Великомъ, все еще принадлежала византійскому императору), не составила одного государства съ Германіей: для Италіи былъ особый канцлеръ, особые законы. Такимъ образомъ, въ возстановленной Оттономъ имперіи части монархіи Карла Великаго составили какъ бы союзъ государствъ, причемъ подъ непосредственнымъ управленіемъ Оттона были только Германія и значительная часть Италіи. Если ученые современники и связывали съ императорскою короною притязаніе на всемірное господство, то политикъ X столѣтія, которому извѣстна была печальная судьба этой короны со времени паденія Каролинговъ, могъ признать въ ней только символическое значеніе нравственнаго превосходства нѣмецкаго государства надъ слабѣйшими сосѣдними государствами и фактическаго права верховной защиты церкви. Такъ думалъ и Оттонъ; изъ новаго своего величія онъ не создалъ притязанія на неограниченную власть въ Италіи, какъ это дѣлалъ Карлъ Великій по образцу римскихъ цезарей. Императорскою властью Оттонъ пользовался главнымъ образомъ для господства надъ церковью.

Но если на западѣ и на югѣ власть новаго императора была слабѣе, нежели власть Карла Великаго, то на сѣверѣ и востокѣ Оттонъ довершилъ многое изъ того, что было только начато Карломъ. Считая одною изъ главныхъ задачъ императора защиту и распространеніе христіанской вѣры, Оттонъ дѣятельно заботился объ утвержденіи христіанства среди покоренныхъ имъ Балтійскихъ славянъ и, кромѣ того, положилъ начало ихъ онѣмеченію, поселивъ между ними своихъ вассаловъ. Чешскій князь и датскій король были ленниками Оттона и платили ему дань. Датскій король вскорѣ послѣ своего подчиненія Оттону, въ 966 г. принялъ крещеніе и крестилъ свой народъ. Польскій князь Мечиславъ, крестившійся около того времени подъ вліяніемъ своей супруги Домбровки, долженъ былъ позволить нѣмецкимъ проповѣдникамъ распространять христіанство въ Польшѣ. Сношенія Оттона съ Россіей указываютъ на то, какъ далеко на востокъ распространилось вліяніе императора.

Отношенія къ арабамъ. Не на одномъ только востокѣ пользовалось почетомъ имя Оттона. Въ 950 г. кордовскій калифъ Абдеррахманъ прислалъ къ Оттону пословъ, которые просили государя Германіи принять на

себя посредничество между арабами и христіанами сѣверной Испаніи. Такъ начались сношенія Оттона съ арабами; при помощи этихъ сношеній онъ надѣялся остановить поступательное движеніе мусульманъ, которые въ то время не только отняли у грековъ Сицилію, но даже заняли нѣкоторые пункты въ южной Франціи и завладѣли въ южной Италіи нѣкоторыми городами, принадлежавшими грекамъ. Но, само собою разумѣется, дипломатическія представленія не подѣйствовали на арабовъ, и Оттонъ составилъ планъ силою изгнать невѣрныхъ изъ Сициліи и южной Италіи.

Третій походъ въ Италію.

Сознаніе необходимости принять рѣшительныя мѣры противъ поступательнаго движенія арабовъ явилось у Оттона во время его третьяго похода въ Италію. Этотъ походъ былъ предпринятъ императоромъ вскорѣ послѣ возвращенія въ Германію: въ январѣ 965 г. Оттонъ возвратился изъ Италіи, а въ августѣ 966 г. былъ вынужденъ опять отправиться въ эту страну, такъ какъ римляне снова возмутились противъ папы, возведеннаго на престолъ по указанію императора. На этотъ разъ Оттонъ строго наказалъ бунтовщиковъ: 13 вожаковъ возстанія было повѣшено, многіе сосланы въ Германію. Для предупрежденія волненій на будущее время Оттонъ назначилъ въ Римѣ своего префекта, который долженъ былъ управлять городомъ вмѣстѣ съ папою, ставленникомъ императора. Устроивъ такимъ образомъ дѣла въ Римѣ, Оттонъ захотѣлъ обезпечить своему сыну на случай своей смерти императорскую корону. Поэтому въ Римъ былъ вызванъ 14-лѣтній король Оттонъ, принимавшій уже участіе въ управленіи Германіей, конечно, подъ руководствомъ старшаго брата, архіепископа майнцскаго Вильгельма, который сдѣлался канцлеромъ по смерти Брунона, случившейся въ 965 г. Молодой король прибылъ въ Римъ и въ праздникъ Рождества 967 г. былъ коронованъ императорскою короною подобно тому, какъ и сынъ Карла Великаго Людовикъ былъ коронованъ еще при жизни своего отца.

Отношенія къ Византіи.

Во время пребыванія стараго императора въ Римѣ къ нему обратились за помощью противъ арабовъ нѣкоторые князья южной Италіи. Оттонъ охотно согласился помогать имъ и привелъ ихъ въ ленную отъ себя зависимость, хотя эти князья считались подвластными византійскому императору. Престолъ византійскій занималъ въ это время весьма энергичный императоръ, знаменитый полководецъ Никифоръ Фока. Узнавъ объ измѣнѣ князей южной Италіи, Никифоръ немедленно собралъ войско, чтобы наказать измѣнниковъ, но вскорѣ явилось къ нему посольство отъ императора

Оттона I, который просилъ у Никифора руки падчерицы его, дочери императора Романа II, для своего сына-императора. Эта царевна была сестрою царевны Анны, на которой 16 лѣтъ спустя женился великій князь русскій Владиміръ. Оттонъ надѣялся, что южно-итальянскія владѣнія грековъ будутъ отданы его сыну, какъ приданое, но Никифоръ и слышать не хотѣлъ объ уступкѣ своихъ владѣній въ южной Италіи. Переговоры были прерваны и началась война. Оттонъ отправился съ войскомъ въ южную Италію, но, не имѣя флота, онъ не могъ прочно утвердиться въ этой странѣ, такъ какъ греки постоянно получали съ моря подкрѣпленія.

Болѣе двухъ лѣтъ продолжалась въ Южной Италіи война съ перемѣннымъ счастьемъ. Оттонъ не прекратилъ военныхъ дѣйствій и по смерти Никифора (970 году), когда въ Константинополѣ воцарился Іоаннъ Цимисхій. Занятый войною со Святославомъ, Цимисхій не могъ обратить всѣхъ силъ противъ Оттона и отправилъ къ нему пословъ, которые объявили, что византійскій императоръ согласенъ дать въ супруги Оттону II царевну Ѳеофано, но никогда не согласится на уступку своихъ итальянскихъ владѣній. Такъ какъ война продолжалась уже около трехъ лѣтъ и ведена была съ сомнительнымъ успѣхомъ, то Оттонъ согласился на предложенія Цимисхія тѣмъ болѣе, что новый византійскій императоръ изъявилъ согласіе признать императорскій титулъ Оттона, на что не соглашался Никифоръ. Въ Константинополь отправлено было Оттономъ блестящее посольство съ архіепископомъ кельнскимъ во главѣ за царевною Ѳеофано. Въ началѣ 972 г. Ѳеофано прибыла въ Италію, 14 апрѣля состоялся ея торжественный въѣздъ въ Римъ, гдѣ она была коронована императорскою короною и обвѣнчана съ Оттономъ II, которому было тогда 17 лѣтъ.

Кончина Оттона.

Оба императора, отецъ и сынъ съ супругами пробыли въ Римѣ до мая 972 г. и только въ сентябрѣ возвратились въ Германію, въ которой старый императоръ не былъ съ 966 г. За время шестилѣтняго отсутствія императора, въ Германіи скончались старшій сынъ его архіепископъ Вильгельмъ, дочь Ліутгарда и мать Матильда. Вдова Генриха погребена была рядомъ съ могилою ея супруга въ Кведлинбургѣ и туда поспѣшилъ Оттонъ по возвращеніи въ Германію поклониться гробу матери. Въ Кведлинбургѣ же императоры праздновали Пасху 973 г. По случаю праздника ко двору Оттона съѣхались герцоги и всѣ знатнѣйшіе духовные и свѣтскіе вельможи Германіи и Италіи, явились съ поздравленіями и привезли дань польскій князь Мечиславъ и чешскій Болеславъ II, а король датскій прислалъ съ

данью большое посольство. Кромѣ того, прибыли въ Кведлинбургъ съ поздравленіями послы изъ Россіи, Болгаріи, Греціи. Даже венгры, недавно злѣйшіе враги Германіи, прислали къ Оттону посольство съ дарами. Это блестящее собраніе живо напоминало императору о всѣхъ подвигахъ его многотрудной жизни, было нагляднымъ указаніемъ всѣхъ достигнутыхъ имъ успѣховъ.

Во время пребыванія въ Кведлинбургѣ Оттонъ по прежнему проявлялъ необыкновенную дѣятельность; между прочимъ онъ снарядилъ миссію въ Венгрію для проповѣдыванія христіанства, но дни императора были уже сочтены: всѣ видѣли, что смерть близкихъ родныхъ сильно повліяла на Оттона, онъ вдругъ какъ-то одряхлѣлъ и постарѣлъ, хотя ему шелъ только 62-й годъ. Чувствуя необходимость въ отдыхѣ, Оттонъ послѣ пасхальныхъ торжествъ отправился въ замокъ Мемлебенъ, гдѣ въ 936 г. скончался Генрихъ I. Въ Мемлебенъ Оттонъ прибылъ 6 мая 973 г. Путешествіе очень утомило стараго императора; однако на слѣдующій день онъ по привычкѣ поднялся на разсвѣтѣ, чтобы не опоздать къ заутрени. Весь день Оттонъ чувствовалъ себя слабымъ, но не терялъ бодрости и даже шутилъ за обѣдомъ, но когда нѣсколько часовъ спустя онъ стоялъ въ церкви за вечерней, то внезапно почувствовалъ упадокъ силъ и лишился чувствъ. Стоявшіе кругомъ князья поддержали его и перенесли на кресло, вскорѣ императоръ пришелъ въ себя и сказалъ, что желаетъ причаститься Св. Таинъ. Нѣсколько минутъ спустя послѣ принятія Св. Таинъ Оттонъ тихо скончался при пѣніи священныхъ гимновъ всѣми присутствовавшими въ церкви.

Еще современники Оттона удивлялись его подвигамъ и называли Великимъ. Это имя вполнѣ заслуженно сохранилъ онъ и въ исторіи.

Виталій Эйнгорнъ.



XXX.

Религіозно-общественный идеалъ папы Григорія VII-го [1]).

Французская поговорка — „всѣ дороги ведутъ въ Римъ“, — быть можетъ никогда не заключала въ себѣ болѣе вѣрной характеристики состоянія Западной Европы, чѣмъ во второй половинѣ XI-го столѣтія, въ дни понтификата Григорія VII-го. Римъ никогда не былъ въ большей степени, чѣмъ въ тѣ времена, мірообъемлющимъ

---

[1]) Предлагаемая статья представляетъ собою извлеченіе изъ только что напечатаннаго труда автора — „Идея Божескаго царства въ твореніяхъ папы Григорія VII и публицистовъ его времени“. Главнѣйшими источниками какъ для статьи, такъ и для названной работы послужили: Monumenta Gregoriana (Jaffè, Bibliotheca rerum germanicarum, т. II), два тома Monumenta Germaniae Historica, libelli de lite imperatorum et pontificum (S. XI, XII), Monumenta Germaniae, Scriptores; изданіе Пертца (первые 14 и 20 томъ), сочиненія Петра Даміани (изд. Migne, два тома) и Mansi, Sacrorum Conciliorum Nova et amplissima collectio. Изъ пособій въ особенности важны: *Giesebrecht*, Geschichte der deutschen Kaiserzeit, *Meyer von Knonau*, Jahrbücher des deutschen Reichs, *Gfrörer*, Papst Gregorius VII; *Martens*, Gregor VII, Sein Leben und Wirken; *Hauck*, Kirchengeschichte Deutschlands; *Mirbt*, Die Publicistik im Zeitalter Gregors VII. Мы не считаемъ нужнымъ давать здѣсь біографическихъ свѣдѣній о Григоріи, такъ какъ русскій читатель можетъ найти ихъ въ общедоступномъ изложеніи знатока занимающей насъ эпохи — харьковскаго профессора Вязигина (Григорій VII, его жизнь и общественная дѣятельность, библіографич. библ. Павленкова). Въ другомъ трудѣ — «Личность и значеніе Григорія VII въ исторической литературѣ» (П. 1892) тотъ же авторъ подвергаетъ основательному критическому разбору главнѣйшія изъ указанныхъ пособій и даетъ весьма подробныя библіографическія указанія.

центромъ, въ которомъ узломъ сходились всѣ нити западно-европейской исторіи, пружиною, все приводящей въ дѣйствіе. Если мы станемъ на точку зрѣнія великаго папы и взглянемъ на міръ, какъ онъ ему представлялся съ высоты апостольскаго престола, передъ нами, „какъ съ высокой башни“, откроются необъятные горизонты: мы будемъ поражены необычайной широтой той исторической перспективы, которая служитъ папѣ ареной дѣятельности. На сѣверѣ скандинавскія государства, на югѣ сѣверная Африка, на западѣ — Испанія, на востокѣ — Кіевъ, Константинополь, армянскія церкви малой Азіи—таковы географическіе предѣлы кругозора Григорія—тѣ крайніе пункты земной поверхности, съ которыми онъ такъ или иначе пребываетъ въ сношеніяхъ, на которые простирается если не власть, то дѣятельность преемника св. Петра.

Въ этихъ предѣлахъ передъ нами развертывается необычайно разнообразная панорама. На сѣверѣ христіанскіе миссіонеры одерживаютъ побѣду за побѣдой: великій переломъ совершается въ Швеціи, которая обращается изъ язычества въ христіанство. На югѣ и юго-востокѣ мусульмане тѣснятъ христіанъ и служатъ вѣчной угрозой для одряхлѣвшей византійской имперіи. На западѣ совершается наступательное движеніе христіанъ противъ мусульманъ, у коихъ испанскія дружины вмѣстѣ съ французскими рыцарями отвоевываютъ пядь за пядью родную землю. Норманнскіе князья—Рожеръ и Робертъ Гюискаръ одерживаютъ рядъ побѣдъ надъ сарацинами и довершаютъ завоеваніе Сициліи. „Схизматики“-Греки находятся въ непрестанномъ колебаніи между старинной враждой къ апостольскому престолу и страхомъ передъ мусульманскими нашествіями, который заставляетъ византійскихъ императоровъ обращаться къ помощи главы латинскаго христіанства, искать сближенія съ нимъ. Въ средней Европѣ папа озабоченъ судьбами Франціи, которая находится въ состояніи полнѣйшей анархіи; не сдержанные уваженіемъ къ королевской власти, французскіе феодалы ведутъ между собой безпрерывныя частныя войны, и самъ король, безсильный управлять своимъ государствомъ, предпринимаетъ разбойничьи подвиги, грабя на большихъ дорогахъ проѣзжихъ купцовъ. Въ отдаленной Англіи у апостольскаго престола имѣется другъ, не всегда, впрочемъ, вѣрный и надежный: это „перлъ между князьями“,—Вильгельмъ Завоеватель, покорившій Великобританію съ благословенія римскаго первосвященника. А въ сосѣдней Германіи, на глазахъ Григорія, возгарается пламя всеобщаго междоусобія. Здѣсь въ началѣ его понтификата идетъ меж-

доусобная война между королемъ и его возмутившимися подданными: здѣсь вопреки надеждамъ папы устроить миръ—зарождается церковный споръ, полувѣковая борьба между святительскою и царской властью.

Этнографическій составъ тѣхъ областей, на которыя простирается вліяніе папы, отличается чрезвычайной пестротой, и территоріальные предѣлы его духовной власти безпрестанно мѣняются: въ числѣ корреспондентовъ, къ коимъ обращаются папскія посланія фигурируетъ русскій князь Изяславъ Ярославичъ, коего сыну—Ярополку папа именемъ св. Петра „отдаетъ“ Кіевъ, рядомъ со Свеномъ—датскимъ королемъ, Аназиръ, мавританскій царь, рядомъ съ испанскимъ епископомъ Симеономъ.

Уже одно это пестрое разнообразіе корреспондентовъ папы, среди коихъ имѣются лица самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, представители всѣхъ возможныхъ странъ и народностей,—указываетъ на разнообразіе дѣятельности Григорія и на необычайную широту его стремленій. Въ твореніяхъ этого папы весь христіанскій міръ того времени находитъ себѣ отраженіе. Эта широта географическаго кругозора великаго святителя свидѣтельствуетъ не только объ объемѣ его власти и вліянія: она обусловливается необычайной широтой того политическаго и общественнаго идеала, который связываетъ его какъ главу католическаго христіанства со всѣми концами вселенной. Онъ хочетъ всѣхъ привести къ единству стада Христова подъ властью единаго вселенскаго пастыря, сплотить человѣчество во единое соціальное тѣло, устроить на землѣ единое „*божеское царство*“. Во имя этого идеала папа признаетъ себя отвѣтственнымъ предъ Богомъ: „рабъ рабовъ“ Божіихъ онъ, обязанный пещись обо всѣхъ—„всѣмъ одинаково должникъ“—народамъ близкимъ и отдаленнымъ.

Григорій — преемникъ Августина.

I. Въ задачу настоящаго очерка не входитъ ни жизнеописаніе Григорія, ни изложеніе тѣхъ историческихъ событій, коихъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ. Мы ограничимся здѣсь краткой характеристикой того религіозно-общественнаго идеала, которому онъ служилъ какъ практическій дѣятель и какъ мыслитель-теоретикъ.

Прежде всего слѣдуетъ констатировать, что идеалъ этотъ не новъ и не составляетъ результата изобрѣтенія мысли самого Григорія. Великій папа продолжаетъ дѣло, до него начатое, примѣняетъ и развиваетъ начала, раньше его высказанныя.

Въ жизни своей всемірной паствы онъ стремится осуществить

ту идеальную программу, которая уже въ V вѣкѣ выразилась въ общихъ чертахъ въ знаменитомъ трактатѣ блаженнаго Августина— „О градѣ Божіемъ“ [1]). Для Августина „божеское царство“ есть правда вселенной, сокровенный смыслъ всего существующаго. Все въ мірѣ подчинено вѣчному закону Создателя; въ основѣ вселенной лежитъ единый архитектурный планъ, отъ вѣка предначертанный въ божественномъ разумѣ. Постольку „божеское царство“ есть фактъ вѣчной дѣйствительности: Богъ вѣчно царствуетъ: не только на небѣ, но и на землѣ все носитъ на себѣ отпечатокъ Его мысли и воли. Но на землѣ „божеское царство“ достигаетъ совершеннаго и полнаго своего обнаруженія лишь постепенно, въ процессѣ историческаго развитія; здѣсь оно представляетъ собою не совершившійся фактъ, а *цѣль*, къ осуществленію которой должна стремиться человѣческая воля.

Этимъ опредѣляется жизненная задача человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ—политическая и общественная задача человѣчества. Какъ въ небесной жизни ангеловъ, такъ и въ земной жизни человѣчества „божеское царство“ должно наполнить все собою, *стать всѣмъ во всемъ*. Единый Богъ управляетъ вселенной, а потому форма „божескаго царства“ есть *единство*. На небѣ ангелы и святые составляютъ единое общество; они живутъ въ совершенномъ подчиненіи волѣ Создателя, иначе говоря,—пребываютъ въ совершенномъ *единствѣ* съ Нимъ.

Подобно обществу ангеловъ и человѣчество должно собраться во единый соціальный организмъ—объединиться во единый храмъ Божій. На землѣ мысли Создателя противятся грѣховныя влеченія человѣческой природы; вслѣдствіе грѣхопаденія прародителей человѣчество подчинено власти наслѣдственнаго, первороднаго грѣха. Со дня этого первоначальнаго грѣхопаденія „божескому царству“ на землѣ противополагается темное, бѣсовское царство. Поэтому, въ нашей грѣховной природѣ все двоится, все противится божественному единоначалію: борьба противоположныхъ страстей и влеченій, борьба духа съ плотью,—таковы проявленія этой роковой двойственности во внутреннемъ мірѣ человѣка; та же двойственность сказывается и въ жизни человѣческаго общества, въ формѣ междоусобной борьбы отдѣльныхъ лицъ, сословій и госу-

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ Августинѣ читатель найдетъ въ моемъ сочиненіи: „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Міросозерцаніе блаженнаго Августина“. Москва, 1892.

царствъ. Вмѣсто единаго „божескаго царства“ на землѣ существуетъ множество земныхъ, человѣческихъ царствъ, которыя ведутъ между собою ожесточенную борьбу. Будучи послѣдствіемъ грѣховнаго состоянія, это разъединеніе рода человѣческаго должно упраздниться вмѣстѣ съ грѣхомъ: единство „божескаго царства“ въ концѣ вѣковъ восторжествуетъ надъ дробленіемъ и раздоромъ царствъ земныхъ, и всѣ народы сольются во единую „христіанскую республику“: въ этомъ, по Августину, заключается конечная цѣль и завершеніе историческаго процесса.

На землѣ „божеское царство“ олицетворяется церковью; поэтому единство „града Божія“ для Августина есть прежде всего единство католическое, единство церкви какъ всемірнаго союза людей во Христѣ. Но съ другой стороны, у отца латинскаго христіанства церковь облекается во всеоружіе государственныхъ аттрибутовъ и функцій. Она имѣетъ право силою свѣтскаго меча *принуждать* къ истинной вѣрѣ всѣхъ противляющихся и непокорныхъ; въ дѣлѣ установленія религіознаго единства государство должно служить ей какъ орудіе. Болѣе того — государство имѣетъ право существовать, лишь поскольку оно входитъ въ церковь какъ составная ея часть, всецѣло поглощается ею. Для Августина государство свободное и независимое отъ церкви есть лишь „разбойничье общество“ въ большомъ размѣрѣ.

Августинъ — родоначальникъ теократическаго идеала среднихъ вѣковъ.

II. Въ послѣдующемъ развитіи средневѣковой исторіи изложенныя нами мысли Августина становятся общимъ достояніемъ. Ученіе „о Градѣ Божіемъ“ составляетъ краеугольный камень всего политическаго міросозерцанія среднихъ вѣковъ. Имъ вдохновляются какъ политическіе теоретики, такъ и церковные, и государственные дѣятели. Продолжателями дѣла Августина являются не только папы, но и императоры.

Любовь къ „единству“ есть, можно сказать, центральный мотивъ средневѣковой исторіи, одна изъ главныхъ пружинъ, приводящихъ въ движенье средневѣковое общество. Человѣчество, собранное во всемірный церковный организмъ, есть именно тотъ идеалъ, во имя котораго западная церковь называетъ себя католическою; въ немъ и папство находитъ себѣ идеальное обоснованіе. Ради религіознаго объединенія человѣчества необходимъ единый авторитетъ, единая духовная власть, которая служитъ видимымъ центромъ церковной организаціи. Этимъ средневѣковые учители доказываютъ необходимость монархическаго, папскаго начала въ церкви. Той же идеѣ объединенія человѣчества во всемірную respublica

christiana служитъ и „священная римская имперія“ германскихъ императоровъ. Рядомъ съ духовной властью, которая проповѣдуетъ и учитъ, христіанское единство должно охраняться еще и свѣтскою властью, которая караетъ и принуждаетъ. Церковь въ своей видимой организаціи подвержена нападеніямъ внѣшнихъ враговъ; чтобы оградить ее противъ натиска внѣшней силы, чтобы заставить народы войти въ ея ограду и обезпечить ея всемірное владычество,— нуженъ свѣтскій мечъ, нужно *католическое, т.-е. универсальное царство*. Такъ понимали свою задачу основатель священной римской имперіи—Карлъ Великій и его преемники; также точно понимали ее и римскіе первосвященники. Карлъ Великій считалъ себя повелителемъ надъ всѣми королями запада, Оттонъ III-й мечталъ о возстановленіи имперіи въ томъ видѣ, какъ она существовала при древнихъ римскихъ кесаряхъ; а папа Іоаннъ VIII-й называлъ императоровъ „владыками міра“ (totius mundi domini) и писалъ королю Людовику II-му до коронованія его императорской короной: „если вы съ Божіей помощію станете римскимъ императоромъ, — вамъ будутъ подчинены всѣ царства“. Вѣра въ необходимую связь между католическою церковью и универсальной свѣтской организаціей пережила паденіе древней имперіи запада; она же и составила, какъ это прекрасно выяснено новѣйшимъ историкомъ — Брайсомъ,— идеальную основу „священной римской имперіи“ германскихъ императоровъ. Ближайшій сотрудникъ и совѣтникъ Карла Великаго—Алькуинъ Іоркскій говорилъ, что должна существовать единая имперія, дабы во всѣхъ сердцахъ запечатлѣлась *„единая католическая вѣра“*, дабы повсемѣстно утвердилось *„единство мира и единство совершенной любви“*. Самъ Карлъ Великій, говоря словами его біографа, вдохновлялся идеалами бл. Августина и „услаждался“ его книгами, въ особенности трактатомъ De Civitate Dei. У того же Августина ищетъ оправданія священной римской имперіи аббатъ Энгельбертъ, писатель XIV вѣка, т.-е. той эпохи, когда созданіе Карла В. пережило себя, и императоры—его безсильные преемники—влачили жалкое существованіе.

Словомъ, отъ начала среднихъ вѣковъ Августинъ господствуетъ надъ умами. По его плану строится „христіанская республика“ римскихъ папъ и императоровъ. Въ борьбѣ между папствомъ и имперіей, возгорѣвшейся при Григоріи VII-мъ обнаруживается несовершенство этого плана и его внутренняя несостоятельность.

III. Между универсальнымъ идеаломъ западнаго католичества и исторической дѣйствительностію среднихъ вѣковъ существуетъ

глубокое, непримиримое противорѣчіе. Единству этого идеала противополагается крайнее раздробленіе и раздвоеніе общества. Универсальная въ идеѣ,—католическая церковь есть фактически *церковь мѣстная*, связанная тѣсными географическими предѣлами. На востокѣ ей противополагается, какъ внѣшняя граница, греческая церковь, которая не поддается латинизаціи; ее съ трехъ сторонъ охватываетъ мусульманскій міръ; ей приходится вести борьбу съ язычниками сѣвера и сѣверо-востока. Универсальное владычество священной имперіи есть владычество только номинальное; ей противополагается на Востокѣ другая, византійская имперія съ такими же универсальными притязаніями; константинопольскіе кесари не хотятъ признавать германскихъ королей за римскихъ императоровъ и величаютъ ихъ „царями Франковъ"; въ западной Европѣ точно также главенство германскихъ императоровъ надъ другими королями остается голымъ притязаніемъ безъ всякой возможности фактическаго осуществленія.

Единство западной церкви есть единство мѣстное, латинское. Но и въ предѣлахъ латинскаго міра все двоится, и единство остается идеальнымъ требованіемъ. Двойственно, прежде всего, самое соціальное устройство церкви, гдѣ каждый епископъ—вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтскій князь, гдѣ епископы и аббаты—вмѣстѣ съ тѣмъ и вассалы королей. Представители универсальной идеи церкви, они связаны мѣстными мірскими интересами; представители власти духовной,—они находятся въ феодальной зависимости отъ властей мірскихъ, управляютъ территоріями королей, поставляютъ имъ контингенты вооруженныхъ людей и нерѣдко сами фигурируютъ въ ихъ войскѣ.

Бракъ духовенства. Осуществленіе идеала „божескаго царства" въ XI-мъ вѣкѣ задерживается разнообразными препятствіями. Прежде всего этому идеалу не соотвѣтствуетъ жизнь самихъ пастырей церкви. Бракъ духовенства, воспрещенный церковными канонами, въ занимающую насъ эпоху всюду составляетъ обычное явленіе. Въ Италіи, Германіи, Франціи, Англіи и Испаніи бо́льшая часть *священниковъ, діаконовъ и церковно-служителей— женаты*, многіе епископы живутъ въ явномъ бракѣ. Въ этомъ заключается одинъ изъ главныхъ факторовъ, препятствующихъ *объединенію католической іерархіи*. Женатый священникъ опутанъ сѣтью сложныхъ отношеній родства и свойства; родственныя отношенія связываютъ священниковъ съ интересами *мѣстными*; семейная жизнь вообще приковываетъ ихъ желанія и помыслы къ землѣ, заставляя ихъ забывать объ уни-

версальныхъ, общихъ интересахъ религіи; съ семьей связанъ цѣлый міръ матеріальныхъ, земныхъ заботъ; понятно, что, увеличивая матеріальныя потребности духовенства, семейный бытъ тѣмъ самымъ усиливаетъ зависимость его отъ сильныхъ міра сего. Не даромъ ходячее преданіе приписываетъ Григорію многознаменательныя слова: „не можетъ церковь освободиться отъ рабства мірянамъ, доколѣ духовныя лица не будутъ освобождены отъ женъ". Семья духовныхъ лицъ служитъ *средоточіемъ ихъ частныхъ интересовъ*, *центромъ партикуляризма* по преимуществу; она вноситъ рознь и раздвоеніе въ іерархію; въ этомъ заключается главная причина того, что Григорій VII-й и другіе сторонники церковныхъ преобразваній въ XI-мъ вѣкѣ стоятъ за безбрачіе духовенства *во имя идеала „божескаго царства" католически единаго и цѣлостнаго.*

Симонія. Другая причина, препятствующая объединенію іерархіи, есть повсемѣстно распространенная въ XI-мъ вѣкѣ *симонія*,—купля-продажа духовныхъ должностей. Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ писателей XI-го вѣка мы узнаемъ, что симонія въ то время распространена во всѣхъ возможныхъ видахъ. Говоря словами одного изъ типичнѣйшихъ сторонниковъ церковныхъ преобразованій эпохи, предшествовавшей понтификату Григорія—кардинала Гумберта,—предметомъ продажи въ его время служитъ все то, что имѣетъ какое-либо близкое или отдаленное отношеніе къ христіанской вѣрѣ и церкви: продаются за деньги должности пресвитеровъ, діаконовъ, экономовъ, продаются церкви и монастыри; нѣтъ того клочка церковной земли или хижины, принадлежащей церкви, которая бы не продавалась, такъ что во всемъ христіанскомъ мірѣ ничто не остается непроданнымъ. Отъ низшихъ и до высшихъ ступеней іерархіи всѣ торгуютъ церковью, всѣ продаютъ и покупаютъ; на ряду съ духовными лицами—епископами, которые посвящаютъ за деньги, — продавцами являются императоры, короли, князья и судьи мірскіе, которые назначаютъ на духовныя должности за деньги, тогда какъ ихъ обязанность заключается въ томъ, чтобы защищать церковь, карать свѣтскимъ мечемъ всѣхъ тѣхъ, кто повреждаетъ ея чистоту.

Понятно — почему симонія на ряду съ бракомъ духовенства повреждаетъ единство церковной организаціи: симонія погрѣшаетъ именно противъ того принципа, который лежитъ въ основѣ соціальнаго единства церкви и составляетъ ея отличіе отъ міра—*противъ благодати*; пріобрѣтеніе духовнаго сана для симониста уже не есть даръ свыше, а результатъ компромисса между матеріаль-

ными, *частными* интересами продавца и покупателя. Въ симоніи выражается рабская зависимость церкви отъ элементовъ *мѣстныхъ*, территоріальныхъ, — отъ избирателей, которые за деньги избираютъ своихъ пастырей, и отъ мірскихъ властей, торгующихъ духовными должностями; въ ней воплощается партикуляризмъ средневѣковаго общества—тѣ частные своекорыстные интересы, которые возстаютъ противъ единства „божескаго царства". Если „божеское царство" въ глазахъ ревнителей церковныхъ преобразованій XI-го вѣка олицетворяется мистическимъ числомъ — *единицей*, все приводящей къ единству, то симонія представляется имъ во образѣ „*злой двоицы*" — подлаго, „схизматическаго" числа, которое все разсѣкаетъ, дробитъ на части церковь—тѣло Христово.

Расхищеніе церковныхъ имуществъ женатыми духовными и симонистами.

Бракъ духовенства и симонія повреждаютъ единство и цѣлостность церкви не только въ сферѣ іерархическихъ отношеній, но и въ сферѣ имущественной, экономической.... У писателей X-го и XI-го вѣка мы находимъ во множествѣ повтореній жалобу на расхищеніе церковныхъ имуществъ духовными—женатыми и симонистами. Сплошь да рядомъ мы узнаемъ, что тотъ или другой женатый священникъ или епископъ надѣлилъ приданымъ изъ церковнаго имущества своихъ дочерей, обогатилъ изъ него своихъ сыновей. Вообще, содержаніе семействъ духовенства поглощаетъ доходы церкви и влечетъ за собой уменьшеніе ихъ богатствъ.

Что касается симоніи, то она часто влечетъ за собою настоящее разореніе церквей. Уже самый фактъ купли-продажи духовныхъ должностей въ огромномъ большинствѣ случаевъ предполагаетъ, что какъ для покупателя, такъ и для продавца корыстная цѣль стоитъ на первомъ планѣ: та или другая церковная должность, которая служитъ предметомъ торговой сдѣлки, разсматривается прежде всего какъ цѣнность, изъ коей обѣ стороны стремятся извлечь наибольшія выгоды. При такомъ настроеніи понятно, что пастырь-симонистъ, счастливый обладатель той или другой доходной церковной должности, заботится лишь о себѣ и о своемъ потомствѣ, если онъ имѣетъ таковое; холостъ ли онъ или женатъ, — онъ въ большинствѣ случаевъ не думаетъ о благѣ своей церкви и о матеріальномъ благополучіи своихъ преемниковъ. Расхищеніе церковныхъ имуществъ симонистами обусловливается еще и тѣмъ, что церковныя должности сплошь да рядомъ покупаются въ долгъ, такъ что покупатель расчитываетъ вознаградить продава изъ пріобрѣтаемаго имъ церковнаго имущества; для покрытія такихъ долговъ нерѣдко продаются драгоцѣнности, украшающія стѣны хра-

мовъ, и даже черепицы съ крышъ церковныхъ зданій. Вообще очевидно, что симонисты не для того покупаютъ епископства и аббатства, чтобы предаваться аскетическимъ подвигамъ; а потому мы охотно повѣримъ той характеристикѣ, какую даетъ упомянутый нами кардиналъ Гумбертъ духовнымъ—симонистамъ: пастыры-наемники, они пасутъ себѣ, а не Богу, не берегутъ и не спасаютъ отъ волковъ своихъ овецъ, а пьютъ ихъ молоко, стригутъ ихъ шерсть и упиваются ихъ кровью.

Свѣтская инвеститура.

IV. На ряду съ симоніей и бракомъ духовенства единство церковной организаціи повреждается тѣмъ способомъ замѣщенія высшихъ духовныхъ должностей, который господствуетъ въ XI-мъ вѣкѣ—*свѣтской инвеститурой*. По смыслу древняго церковнаго правила, за которое еще въ V-мъ вѣкѣ высказывается папа Левъ Великій, епископы должны свободно избираться клиромъ и паствой ихъ діоцезовъ. Въ XI-мъ вѣкѣ господствуетъ иной порядокъ замѣщенія вакантныхъ епископскихъ каѳедръ, имѣющій силу вѣкового обычая. Въ Италіи и въ Германіи въ занимающую насъ эпоху, по открытіи вакансіи вслѣдствіе смерти епископа—посохъ и кольцо умершаго пастыря доставляются королю депутаціей изъ знатныхъ духовныхъ и мірянъ епископскаго города. Король, по совѣщаніи съ приближенными, отдаетъ по своему усмотрѣнію каѳедру кандидату, уже намѣченному клиромъ и паствой вакантнаго епископства или же кому-либо другому — обыкновенно черезъ врученіе посоха и кольца, причемъ вновь назначенный приноситъ королю вассальную присягу въ вѣрности. Это врученіе посоха и кольца, совершаемое королемъ часто въ церкви — лично или черезъ представителей—и есть та процедура, которая въ XI-мъ вѣкѣ впервые получаетъ названіе инвеституры. Вслѣдъ за инвеститурой совершается интронизація — восшествіе на епископскую каѳедру, т. е. торжественный актъ вступленія новаго пастыря въ его епископскія права. Послѣ всего этого уже совершается посвященіе епископа митрополитомъ. При такомъ порядкѣ замѣщенія епископскихъ каѳедръ представитель духовной власти—митрополитъ—играетъ совершенно несамостоятельную роль: послѣ интронизаціи вновь назначеннаго кандидата, ему остается только посредствомъ возложенія рукъ санкціонировать рѣшеніе свѣтской власти. Въ такихъ же точно условіяхъ находится и инвеститура аббатовъ. Назначеніе аббатовъ королемъ составляетъ общее правило; выборы аббата монастыремъ имѣютъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если монастырь прямо на то уполномоченъ особой привиллегіей — иммунитетной грамотой,

исходящей отъ королевской власти; впрочемъ, и иммунитеты монастырей часто нарушаются и не служатъ гарантіей противъ произвола короля въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній заинтересованъ въ назначеніи того или другого аббата.

Въ Германіи король чаще всего назначаетъ на вакантныя каѳедры членовъ своей придворной капеллы, которая поистинѣ служитъ разсадникомъ епископовъ; служба при дворѣ является вѣрнѣйшимъ путемъ для достиженія высшихъ духовныхъ должностей; послѣднія чаще всего даются за какія-либо служебныя отличія, или же пріобрѣтаются путемъ подкупа короля, его родственниковъ, а также—вліятельныхъ придворныхъ.

Вотъ эти-то олицетворяемыя инвеститурой права свѣтской власти представляютъ собою величайшую угрозу единству іерархической организаціи. Благодаря свѣтской инвеститурѣ замѣщеніе епископствъ и аббатствъ зависитъ *не отъ единой духовной власти, а отъ множества мірскихъ государей*. Вмѣсто того, чтобы быть единымъ домомъ Божіимъ, церковь распадается на части; она представляетъ собою разсыпанную храмину, безсвязное собраніе отдѣльныхъ мѣстныхъ церквей и, слѣдовательно, перестаетъ быть *церковью католическою*. Церковные писатели XI-го вѣка жалуются на то, что вслѣдствіе свѣтской инвеституры, святители рабствуютъ могущественнымъ мірянамъ. Забывая объ обязанностяхъ своего сана, духовные изъ пастырей превращаются въ придворныхъ, ведутъ свѣтскій образъ жизни; покидая свою паству, они живутъ при царскихъ дворцахъ, исполняютъ разнообразныя порученія свѣтскихъ государей, не имѣющія ничего общаго съ ихъ святительскимъ служеніемъ: они думаютъ только о мірскихъ выгодахъ, служебныхъ отличіяхъ и наградахъ.

Чтобы пастыри церкви стали воистину орудіями, проводниками божескаго царства на землѣ,—недостаточно уничтожить бракъ духовенства и симонію: нужно спасти святителей отъ того порабощенія ихъ мірскими властями, которое выражается въ свѣтской инвеститурѣ. Этимъ опредѣляются основныя задачи той программы церковныхъ преобразованій, которая уже задолго до понтификата Григорія нашла себѣ выраженіе въ дѣяніяхъ папъ и въ твореніяхъ церковныхъ писателей XI-го вѣка,— тѣ принципы, осуществленію коихъ великій святитель служитъ до и послѣ своего посвященія въ папы.

V. Основнымъ мотивомъ всей жизни и дѣятельности Григорія служитъ сознаніе несоотвѣтствія между идеаломъ католическаго

Міро-объемлющій планъ Григорія.

единства и жизни современнаго ему христіанскаго общества. Этимъ мотивомъ опредѣляются прежде всего тѣ требованія, которыя онъ предъявляетъ къ современнымъ ему пастырямъ церкви.

Чтобы быть достойными служителями теократическаго идеала—представителями „божескаго царства" на землѣ, святители должны отдаться ему всецѣло. Подобно Христу—Первосвященнику и Царю—священники,—совершители безкровной жертвы, должны сами стать *жертвой Богу*. Внѣ церкви члены клира не должны обладать своей самостоятельной жизнью: они должны принадлежать ей душой и тѣломъ. Они должны отказаться отъ частной свободы, чтобы стать исключительно лицами должностными. Носители идеи божескаго царства единаго и цѣлостнаго,—они въ самихъ себѣ должны являть образъ совершеннаго *единства и цѣлостности*. Служеніе алтарю требуетъ, *во-первыхъ*, воздержанія отъ тѣхъ плотскихъ, чувственныхъ влеченій животной природы, которыя нарушаютъ единство духовной жизни—*совершеннаго цѣломудрія*. *Во-вторыхъ*, оно требуетъ полнѣйшей независимости отъ *человѣческихъ господъ*—отъ всякихъ чисто-мірскихъ интересовъ и вліяній. И наконецъ, *въ-третьихъ*—священнослужители должны стать воистину членами той апостольской іерархіи, которая, начинаясь на землѣ, воздымается къ небу въ видѣ правильно организованной лѣствицы чиновъ, на подобіе чиновъ ангельскихъ, и находитъ себѣ завершеніе въ лицѣ верховнаго апостола, которому дана власть разверзать врата небесъ всѣмъ смертнымъ.

Въ одной изъ послѣднихъ своихъ энцикликъ, обращенной ко всѣмъ вѣрнымъ (въ 1084 г.), Григорій, подводя итоги своей дѣятельности, пишетъ, что онъ съ самаго начала своего понтификата руководился однимъ господствующимъ стремленіемъ: „чтобы церковь—невѣста Христова, госпожа наша и мать,—вернувшись къ тому, чѣмъ ей быть подобаетъ, пребывала всегда *цѣломудренною, свободною и католическою*".

Этотъ католическій идеалъ великаго святителя сталкивается съ тѣми препятствіями, о которыхъ мы выше говорили. Половое невоздержанье, симонія и свѣтская инвеститура—таковы тѣ три основныя проявленья земного дуализма въ жизни клира, которыя нарушаютъ единство церкви: идеалу совершеннаго цѣломудрія противополагается бракъ духовенства; вмѣсто единства религіозной жизни въ духовной средѣ господствуетъ та двойственность помысловъ и интересовъ, коей крайнимъ выраженьемъ служитъ торгъ благодатью; единовластію идеала противополагается въ дѣйстви-

тельности двоеначаліе, олицетворяемое свѣтской инвеститурой пастырей.

Цѣломудріе и воздержаніе служителей алтаря, ихъ независимость отъ міра—какъ чисто отрицательныя требованія—не опредѣляютъ собою положительнаго содержанія преобразовательной программы Григорія. Та *положительная цѣль*, ради которой служители алтаря должны отречься отъ семейной жизни и быть независимыми отъ міра, есть осуществленіе на землѣ совершеннаго католицизма, проведеніе въ міръ апостолата, пресуществленіе черезъ св. Петра земной іерархіи, а черезъ нее и земной церкви—въ небесную. Въ борьбѣ противъ брака духовенства, противъ симоніи и свѣтской инвеституры проходитъ красной нитью одна цѣль, одинъ общій мотивъ: духовенство должно порвать съ родственными связями, мѣстными интересами, мѣстными мірскими владыками *для того, чтобы стать всецѣло и исключительно іерархіей Петра*.

Въ этомъ заключается основной принципъ проводимыхъ Григоріемъ церковныхъ преобразованій. Но социально-политическая программа великаго папы далеко не исчерпывается преобразованіемъ быта духовенства. Петръ — камень, на которомъ зиждется зданіе вселенской церкви, не долженъ быть только мистическимъ главою іерархіи въ тѣсномъ смыслѣ слова: онъ долженъ вездѣ присутствовать, быть повсюду невидимо дѣятельнымъ; онъ долженъ наполнить все собою, проникнуть во внутреннюю жизнь народовъ и овладѣть ихъ бытомъ, стать всемірнымъ воспитателемъ. Законы его должны нормировать не только духовный, но и свѣтскій порядокъ. Наконецъ, онъ долженъ покорить себѣ весь внѣшній церкви міръ, привести къ единству „божескаго царства“ язычниковъ и схизматиковъ, находящихся внѣ церковной ограды.

Церковныя преобразованія, какъ мы увидимъ, составляютъ собою лишь часть того мірообъемлющаго плана, которымъ руководился великій папа; чтобы надлежащимъ образомъ понять смыслъ этихъ преобразованій, мы должны здѣсь предварительно обрисовать этотъ планъ въ его цѣломъ.

Настроеніе Григорія.

VI. Строитель всемірнаго зданія теократіи, преемникъ св. Петра имѣетъ дѣло съ непокорнымъ матеріаломъ, съ камнями живыми, которые сопротивляются плану архитектора и не хотятъ сложиться во единый домъ Божій. Язычники и схизматики, ограничивающіе католическую церковь извнѣ, не хотятъ войти въ ея ограду. Противъ католическаго единства возстаютъ извнутри индивидуалистическія стремленія средневѣковаго общества, которому тѣсно въ

рамкахъ теократіи, свобода человѣка, который не хочетъ и не можетъ быть низведенъ до степени пассивнаго архитектурнаго матеріала. Осуществленіе единства божескаго царства встрѣчаетъ сильныя препятствія со стороны мірскихъ элементовъ, которые возмущаются противъ закрѣпощенья міра церковью и отстаиваютъ противъ духовной власти свою свѣтскую автономію. Другимъ препятствіемъ оказываются сами пастыри церкви, которые не желаютъ пожертвовать для нея своей семьею и личностью и не могутъ нести для нея ига суровой монашеской дисциплины. И наконецъ, единство нарушается споромъ самихъ строителей теократіи—папы, ея духовнаго главы и императора, ея свѣтскаго органа.

Разнородныя стихіи средневѣковаго общества безпрерывно враждуютъ другъ съ другомъ и никакъ не могутъ прійти въ состояніе устойчиваго равновѣсія между собой. Зданіе всемірной теократіи безпрестанно разсыпается подъ руками архитектора; онъ вѣчно вынужденъ вновь строить изъ развалинъ. Эта Сизифова работа вноситъ элементъ утомленія и тревоги въ настроеніе Григорія; онъ грустенъ; глубокая скорбь обо всемъ мірѣ какъ руководящій мотивъ вѣчно возвращается въ его перепискѣ. Въ интимныхъ письмахъ къ друзьямъ онъ безпрестанно говоритъ о множествѣ заботъ, со всѣхъ сторонъ его обступающихъ, объ опасностяхъ, которыми окружена церковь; онъ подавленъ сознаніемъ своего личнаго безсилія — нести тяжкое бремя вселенскаго пастырства. Жалоба на пастырей церкви, которые думаютъ только о мірскихъ выгодахъ, о земныхъ почестяхъ и славѣ, встрѣчается въ этихъ письмахъ во множествѣ повтореній: Григорій безпрестанно говоритъ объ архіепископахъ и епископахъ, которые потакаютъ порокамъ своей паствы и подчиненнаго имъ низшаго духовенства, преданнаго „конкубинату и симоніи“: по словамъ папы, въ странахъ запада, юга или сѣвера почти вовсе нѣтъ епископовъ, законно пріобрѣтшихъ власть и по закону живущихъ, такихъ епископовъ, которые управляли бы христіанскимъ народомъ съ любовью Христовой, а не изъ мірской корысти. Также между свѣтскими государями Григорій не находитъ такихъ, „которые ставили бы славу Божію выше собственной своей славы“. Что же касается ближайшихъ сосѣдей апостольскаго престола — римлянъ, ломбардовъ и норманновъ, то они, по его мнѣнью,—„хуже іудеевъ и язычниковъ“.

Безотраднымъ представляется состояніе земной церкви: въ ней все противорѣчитъ идеалу невѣсты Христовой—чистой и непорочной голубицы. Въ самый годъ вступленія своего на апостольскій пре-

рое промышляетъ о великомъ и о маломъ, входитъ въ разнообразныя нужды людей и печется обо всемъ томъ, что требуется для ихъ спасенія.

Двоякаго рода задачи теократіи.

VII. Теократіи, по мысли папы, предстоятъ двоякаго рода задачи: она должна распространиться въ ширь и въ глубь, преодолѣть враговъ, извнѣ противящихся объединительнымъ стремленьямъ папства и справиться съ силами, извнутри повреждающими единство „божескаго царства".

По отношенію къ окраинамъ, границамъ римско-католическаго міра, папа преслѣдуетъ двѣ цѣли. *Во-первыхъ, границы эти должны быть расширены* всѣми возможными способами: посредствомъ завоеваній предстоитъ отторгнуть у мусульманъ новыя территоріи для распространенія католической вѣры; путемъ миссіи имѣютъ быть пріобрѣтены для св. Петра язычники сѣвера. И, наконецъ, предстоитъ привлечь къ единенію вѣры „схизматиковъ"-грековъ; а этого представляется возможнымъ достигнуть путемъ сношеній съ духовными и свѣтскими властями восточныхъ христіанъ; другимъ орудіемъ сближенія можетъ послужить братская имъ помощь противъ общаго врага—невѣрныхъ. Вторая задача заключается въ томъ, чтобы такъ или иначе закрѣпить за св. Петромъ новыя территоріальныя пріобрѣтенія католиковъ—связать периферію латинскаго христіанства съ Римомъ — его центромъ. *Параллельно съ завоеваніями рыцарей и миссіонеровъ должна совершаться централизація, религіозно-политическое объединеніе народовъ.*

Планъ крестоваго похода.

Обѣ эти задачи привлекаютъ вниманіе Григорія съ самаго начала его понтификата. Тотчасъ по восшествіи его на апостольскій престолъ восточная церковь становится предметомъ его сосредоточенныхъ заботъ.

Въ 1073 и 1074 году въ рядѣ посланій, обращенныхъ къ властителямъ западной Европы и „ко всѣмъ вѣрнымъ св. Петра", папа проповѣдуетъ крестовый походъ противъ невѣрныхъ востока, которые, по его словамъ, истребляютъ восточныхъ христіанъ „какъ мелкій скотъ". Григорій хочетъ выручить восточную церковь изъ бѣдственнаго положенія, положить душу свою за „заморскихъ братьевъ"—грековъ; для этого онъ собираетъ изо всѣхъ концовъ Европы разноплеменное войско съ тѣмъ, чтобы самому лично вести христіанскія дружины противъ мусульманъ. Главная цѣль этого предпріятія заключается въ томъ, чтобы привлечь „схизматиковъ"-грековъ къ единенію вѣры, возстановить истинно отеческія отношенія между Римомъ и его „*дочерью*" — восточной цер-

ковью. Взамѣнъ оказанной имъ помощи, греки должны подчиниться власти преемника св. Петра и признать его верховенство. Въ письмѣ къ германскому королю — Генриху IV-му, Григорій откровенно высказываетъ этотъ главный мотивъ задуманнаго имъ похода: „всего болѣе побуждаетъ меня къ этому дѣлу, — пишетъ онъ, — то обстоятельство, что константинопольская церковь, расходящаяся съ нами по вопросу о св. Духѣ, стремится возстановить согласіе „съ апостольскимъ престоломъ". И почти всѣ восточные христіане готовы, пожертвовавъ своими разногласіями, подчиниться рѣшенію св. Петра. Настало время исполниться пророческимъ словамъ Спасителя, обращеннымъ къ верховному апостолу: *„и ты нѣкогда, обратившись, утверди братьевъ твоихъ"*.

Воинственные планы папы рушатся какъ вслѣдствіе обнаруженнаго восточными христіанами (въ началѣ 1075 г.) нежеланія признать Петрово первенство, такъ и вслѣдствіе внутренняго раздора западно-европейскаго міра, который парализуетъ его наступательные замыслы. Послѣ 1074 года мысль о крестовомъ походѣ уже не встрѣчается въ перепискѣ Григорія.

Политика Григорія.

Тотъ монархическій, папскій идеалъ, который лежитъ въ основѣ восточной политики великаго святителя, связываетъ его и съ противоположной, западной окраиной христіанскаго міра. Здѣсь онъ съ самаго начала своего понтификата становится руководителемъ предпріятія испанскихъ князей и французскихъ рыцарей, которые стремятся вырвать Испанію изъ подъ власти мусульманъ. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ задуманномъ имъ крестовомъ походѣ, расширеніе сферы могущества папства служитъ для Григорія главной цѣлью. Благословляя христіанскихъ воиновъ на борьбу противъ испанскихъ мусульманъ, онъ въ рядѣ посланій къ участникамъ этого предпріятія настаиваетъ на томъ, что Испанія „издревле принадлежала св. Петру". Французскіе и испанскіе князья могутъ владѣть землями, какія будутъ завоеваны ими у мусульманъ лишь въ качествѣ вассаловъ папы; иначе апостольскій престолъ будетъ вынужденъ воспротивиться ихъ предпріятію и даже воспретить задуманный ими походъ. Папа готовъ скорѣе примириться съ владычествомъ невѣрныхъ въ Испаніи, чѣмъ допустить какое-либо нарушеніе дѣйствительныхъ или мнимыхъ правъ св. Петра со стороны христіанъ.

Въ странахъ, составляющихъ подобно Испаніи передовые посты римскаго католичества, особенно сильно сказывается необходимость противопоставить врагамъ могущественную, сплоченную организа-

цію. Католическое „единство" здѣсь нуждается въ разнообразныхъ мѣрахъ охраненія. Григорій заботится о томъ, чтобы оно господствовало не только въ церковной, но и въ чисто свѣтской сферѣ, чтобы оно не нарушалось ссорами испанскихъ князей между собой. Такъ въ 1079 году, онъ, въ качествѣ верховнаго судьи, беретъ на себя рѣшеніе спора между двумя сыновьями барцелонскаго графа, угрожая церковными карами тому изъ нихъ, кто не подчинится рѣшенію апостольскаго престола; посредничество папы въ данномъ случаѣ обусловливается опасеніемъ — какъ бы ссора двухъ христіанскихъ князей въ сосѣдствѣ враждебныхъ церкви сарациновъ,—не повредила успѣхамъ католицизма въ Испаніи. Такой же политики папа держится и на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ онъ въ 1079 году миритъ датскаго короля съ его родными братьями, которые силою хотятъ заставить старшаго брата — подѣлить съ ними датское королевство; тутъ опять-таки Григорію приходится указывать на опасность ссоры христіанскихъ князей въ сосѣдствѣ и близости общаго врага—язычниковъ. На дальнемъ сѣверѣ, какъ и на крайнемъ западѣ онъ является апостоломъ мира между христіанами.

Заботы о скандинавскихъ государствахъ.

Идея международнаго царства церкви.

Въ перепискѣ съ окраинами западнаго христіанства католическій идеалъ Григорія противополагается всѣмъ врагамъ католичества — язычникамъ, мусульманамъ и „схизматикамъ", которые все время имѣются въ виду. Здѣсь, въ отличіе отъ внѣшняго церкви міра, католичество обнаруживается прежде всего какъ единая политическая организація, единое международное *царство*. Истинный католицизмъ долженъ проявиться какъ *миръ вселенной*, миръ внутри католическихъ государствъ и въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Убѣждая разсорившихся князей сѣвера оставить вражду въ виду общей опасности, грозящей со стороны язычниковъ, Григорій ссылается на текстъ Евангелія: „всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ, и домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ падетъ".

Понятно, что объединительныя стремленія папства встрѣчаются съ препятствіями особаго рода въ странахъ наиболѣе отдаленныхъ отъ Рима — духовнаго центра католическаго христіанства, непосредственно соприкасающихся съ чуждыми латинству народностями. Съ одной стороны, въ Испаніи, гдѣ сохранились кое-какіе слѣды господствовавшаго нѣкогда аріанства и прискилліанистской ереси, съ другой стороны, въ славянскихъ странахъ — противъ латинизаціи церкви возстаетъ національный элементъ. Въ Испаніи Григорій съ

успѣхомъ ведетъ борьбу противъ мѣстнаго, готскаго богослужебнаго обряда, замѣняя его римскимъ чиномъ богослуженія; онъ отвѣчаетъ отказомъ на просьбу богемскаго герцога — Вратислава о разрѣшеніи совершать въ Богеміи церковныя службы на славянскомъ языкѣ. Именно въ этихъ странахъ папѣ приходится въ особенности рѣзко подчеркивать универсальный, международный характеръ церковной организаціи, отстаивать *единство латинскаго обряда*. На окраинахъ римско-католическаго міра особенно рельефно проявляется космополитическій характеръ римской централизаторской политики. Не довольствуясь латинизаціей обряда въ испанской церкви, Григорій, ради болѣе тѣснаго подчиненія ея Риму—не прочь ослабить національный характеръ самой испанской іерархіи. Такъ онъ убѣждаетъ кастильскаго короля, чтобы тотъ не противился замѣщенью толедской каѳедры иностранцемъ, указывая при этомъ на международный характеръ христіанской „республики", въ коей душевныя качества должны цѣниться болѣе, чѣмъ происхожденіе изъ той или другой національности.

Съ точки зрѣнія своего космополитическаго, римскаго идеала, Григорій вообще относится враждебно ко всякимъ проявленіямъ національныхъ особенностей въ жизни церкви. Національныя различія въ богослуженіи представляются ему *принципомъ еретическимъ, схизматическимъ;* національный испанскій обрядъ для него— „толедское суевѣріе"; всякія національныя уклоненія отъ латинскаго обряда суть „еретическія искаженія"; только латинскій языкъ есть языкъ католическій; прочіе языки суть „языки еретиковъ". Папа настаиваетъ на повсемѣстномъ введеніи латинскаго обряда, чтобы римская церковь питала ввѣренныхъ ей сыновъ Христовыхъ „не различными сосцами и не различнымъ молокомъ, *дабы, согласно апостолу* (I, Кор. I,10) *они были едино и не было между ними расколовъ.*"

Папа какъ всемірный законодатель, учитель и воспитатель народовъ.

Являясь въ роли блюстителя единства всемірнаго божескаго царства, Григорій хочетъ вступить въ близкое, интимное знакомство со всѣми странами, руководить воспитаніемъ народовъ, опредѣлять направленіе внутренней и внѣшней политики государствъ, быть всюду законодателемъ и учителемъ. „У предшественниковъ нашихъ, согласно присущему имъ праву, было въ обычаѣ" — пишетъ онъ (въ 1075 г.) Свену, датскому королю,—„въ посланіяхъ, полныхъ любви, *учить всѣ народы путямъ Господнимъ,* обличать всѣхъ царей и князей въ томъ, что достойно порицанія, и предписаніями закона всѣхъ призывать къ вѣчному блаженству. Ибо за-

конъ римскихъ первосвященниковъ подчинилъ себѣ болѣе земель, нежели законъ римскихъ императоровъ. По всей землѣ пронесся звукъ слова ихъ, и Христосъ сталъ владыкою надъ тѣми, кому нѣкогда повелѣвалъ Августъ". Такъ понимая задачи своего служенія, Григорій среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ своей жизни, отвсюду стѣсненный, всегда сохраняетъ всю широту своего кругозора. Среди заботъ, гнетущихъ его въ ту или другую минуту, среди опасностей, лично ему угрожающихъ, онъ всегда обладаетъ достаточной свободой духа, чтобы отвлечься отъ злобы дня и думать о нуждахъ отдаленныхъ странъ. Въ самый разгаръ борьбы съ Генрихомъ IV въ 1076 году онъ ведетъ дѣятельную переписку съ церквами сѣверной Африки и Испаніи. Въ 1080-мъ году, среди осложненій, вызванныхъ его вторымъ интердиктомъ противъ Генриха, онъ находитъ время, чтобы интерссоваться богослужебными особенностями церквей Арменіи, и помышляетъ о поѣздкѣ въ Испанію въ видахъ исправленія кастильскаго короля, вовлеченнаго въ ересь вліяніемъ нѣкоего Роберта „лжемонаха". Наконецъ, въ 1081 году, когда между нимъ и Генрихомъ IV-мъ идетъ борьба изъ-за Италіи и Рима, Григорій все еще хочетъ направлять внутреннюю политику государей Испаніи, вмѣшиваясь не только въ церковныя, но и въ чисто свѣтскія дѣла. Такъ, въ это самое время онъ возстаетъ противъ того черезчуръ вліятельнаго положенія, какое занимаютъ евреи въ королевствѣ Леонѣ и Кастиліи, и требуетъ отъ короля Альфонса VI, чтобы тотъ не дозволялъ этой „синагогѣ сатаны" владычествовать надъ христіанами.

Сознавая себя должникомъ всѣхъ вѣрующихъ во Христа, папа считаетъ себя въ особенности обязаннымъ пещись о нуждахъ отдаленныхъ народовъ, живущихъ „какъ бы на краѣ земли". Озабоченный тѣмъ, что норвежцы терпятъ крайній недостатокъ въ учителяхъ, свѣдущихъ въ христіанской вѣрѣ, онъ предлагаетъ норвежскому королю прислать въ Римъ нѣсколькихъ знатныхъ молодыхъ норвежцевъ: получивъ религіозное воспитаніе „подъ крыльями св. Петра", они вернутся на родину просвѣщенными и опытными миссіонерами. Григорій встревоженъ тѣмъ, что въ Даніи среди христіанъ, несовершеннымъ образомъ усвоившихъ евангельское ученье, остатки язычества воскресаютъ въ формѣ суевѣрій. Народная молва приписываетъ священникамъ власть надъ внѣшней природой, дѣлая ихъ наряду съ колдуньями отвѣтственными за такія стихійныя бѣдствія, какъ неблагопріятная погода или заразныя болѣзни. Папа требуетъ, чтобы датскій король, искореняя

подобныя суевѣрія, защищалъ духовенство отъ причиняемыхъ ему обидъ. Узнавъ, что въ отдаленной Шотландіи мужья нерѣдко продаютъ своихъ женъ, онъ пишетъ архіепископу Ланфранку, чтобы тотъ подвергалъ строжайшимъ церковнымъ карамъ лицъ, виновныхъ въ этомъ преступленіи, и всѣми силами заботился объ уничтоженіи этого варварскаго обычая. Желая поддерживать постоянныя сношенія съ скандинавскими странами и вникать въ подробности ихъ быта, Григорій неоднократно требуетъ отъ шведскаго и датскаго королей, чтобы они присылали въ Римъ такихъ духовныхъ лицъ, которыя знакомили бы папу съ бытовыми особенностями ихъ странъ, а по возвращеньи на родину—сообщали бы своимъ королямъ наставленія и требованія апостольскаго престола.

Борьба противъ неурядицы феодальнаго быта.

Заботясь о религіозномъ воспитаніи народовъ, Григорій считаетъ себя обязаннымъ вести энергическую борьбу противъ темныхъ, отрицательныхъ сторонъ феодальнаго быта. Изъ Англіи, Франціи и Германіи до апостольскаго престола безпрестанно доходятъ извѣстія объ ужасахъ непрекращающихся частныхъ войнъ, о разбойническихъ подвигахъ рыцарей на большихъ дорогахъ, объ ограбленіи и насиліяхъ надъ путешествующими духовными лицами и преступленьяхъ противъ церковныхъ имуществъ. Самъ французскій король не стѣсняется „по обычаю разбойниковъ“ грабить проѣзжихъ купцовъ. Въ тотъ вѣкъ господства грубой силы папа считаетъ обязанностью своего сана „приходить на помощь всѣмъ угнетеннымъ и, не щадя своей жизни, буде это окажется нужнымъ, сражаться противъ враговъ Божіихъ мечомъ Духа, т. е. словомъ Божіимъ, доколѣ они не обратятся“. Обращаясь къ правителямъ всѣхъ странъ свѣта, королямъ, герцогамъ, графамъ, Григорій во множествѣ посланій напоминаетъ имъ о ихъ обязанности ограждать церковь противъ хищническихъ нападеній, блюсти миръ, защищать бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ, въ особенности малолѣтнихъ, странниковъ, вообще всѣхъ тѣхъ, кому грозитъ наибольшая опасность стать жертвой сильныхъ; заступничествомъ за слабыхъ и безпомощныхъ болѣе, нежели чѣмъ-либо другимъ, князья стяжаютъ себѣ вѣчныя награды. Уча сильныхъ міра сего, Григорій выступаетъ противъ нихъ съ смѣлымъ словомъ изобличенія въ тѣхъ случаяхъ, когда они оказываются не на высотѣ своихъ обязанностей, требуетъ отъ нихъ удовлетворенія, грозитъ имъ и налагаетъ церковныя кары за преступленія и насилія. Съ апостольскимъ служеніемъ,—повторяетъ папа во множествѣ посланій,—связана обязанность, согласно словамъ пророка Исаіи, „вѣщать громко, никогда не умолкая“ о грѣ-

хахъ князей и народовъ (Ис. 58, 1). Слова св. Писанія „проклятъ, кто удерживаетъ мечъ свой отъ крови“ (Iерем. 48, 10), по словамъ Григорія, грозятъ небесными карами прежде всего святителю, который не рѣшается умерщвлять плотскую жизнь остріемъ меча духовнаго, т. е. изобличать пороки людей словомъ ученія. Отличительная черта истиннаго пастыря именно въ томъ и заключается, что онъ мужественно противостоитъ волкамъ, расхищающимъ стадо Христово, хотя бы съ опасностью для собственной жизни, „полагаетъ душу свою за овецъ“.

Въ своемъ заступничествѣ за безвинно-страждущихъ Григорій выказываетъ величайшую энергію. Онъ не стѣсняется подвергнуть церковной карѣ французскаго короля Филиппа I-го за цѣлый рядъ преступленій, между прочимъ за ограбленіе имъ итальянскихъ купцовъ. Вообще, если изъ писемъ Григорія мы узнаемъ о всевозможныхъ преступленіяхъ знатныхъ и сильныхъ всѣхъ странъ свѣта,— это обусловливается тѣмъ, что папа считаетъ себя обязаннымъ *судить* эти преступленія, не оставляя ихъ безнаказанными. Въ тотъ вѣкъ феодальной неурядицы слабое развитіе государственнаго единства составляетъ силу церкви: она вынуждена замѣнять собою отсутствующій свѣтскій порядокъ; папа беретъ подъ свое покровительство неприкосновенность личности и имущества именно вслѣдствіе отсутствія сильной свѣтской власти, которая могла бы обезпечить своимъ подданнымъ миръ и безопасность, защищать сирыхъ и слабыхъ противъ нападеній сильныхъ.

Папа какъ всемірный сюзеренъ.

IX. Вмѣшательство церкви въ мірскія дѣла вынуждается тѣмъ, что свѣтскія власти не стоятъ на высотѣ своей задачи; рядомъ съ ними и вмѣсто нихъ папа долженъ стать судьею и законодателемъ въ управляемыхъ ими территоріяхъ. Анархія, неурядица феодальнаго быта составляетъ необходимое предположеніе папской теократіи и служитъ ей оправданьемъ.

Чтобы спасти міръ, нужно подчинить его церкви. Папа долженъ явиться въ роли свѣтскаго владыки, превратить свѣтскихъ властителей въ своихъ вассаловъ. Мы уже ознакомились съ тѣми посланіями Григорія, гдѣ онъ объявляетъ Испанію „собственностью св. Петра“. Съ подобными притязаніями папа выступаетъ не въ одной Испаніи. До насъ дошли договоры, установляющіе вассальныя отношенія къ нему князей Италіи—Ландульфа Беневентскаго, Рихарда Капуанскаго и главнаго герцога норманновъ — Роберта Гюискара, изъ коихъ двое послѣднихъ называютъ себя князьями „милостью Бога и св. Петра“. Во Франціи папа считаетъ своими

вассалами графа Вильгельма Бургундскаго, который еще при папѣ Александрѣ II-мъ далъ торжественную клятву по первому требованію апостольскаго престола являться съ войскомъ на защиту владѣній св. Петра, графовъ Раймунда Сенжильскаго (впослѣдствіи Тулузскаго) и Амедея Савойскаго, которые клялись той же клятвой. Съ 1081 года Бертранъ, графъ провансскій, отдаетъ себя и свои владѣнія въ распоряженіе св. Петра, дабы тѣмъ заслужить прощеніе грѣховъ себѣ и своимъ родителямъ. Кромѣ того, за время своего понтификата Григорій заявляетъ о ленныхъ правахъ св. Петра на Сардинію, Корсику, Венгрію, Далмацію и Англію. Наконецъ, онъ считаетъ Саксонію собственностью святого Петра.

Теоретическое оправданіе ленныхъ притязаній папы.

Въ оправданье этихъ притязаній Григорій ссылается на легендарный „даръ Константина Великаго", будто бы подарившаго западную римскую имперію папѣ Сильвестру I-му, а также—на столь же легендарный „даръ" Карла Великаго, будто бы отдавшаго Саксонію св. Петру. Доказательствомъ правъ апостольскаго престола на Венгрію служитъ опять таки мнимый даръ венгерскаго короля—Стефана I-го, яко бы возобновленный впослѣдствіи императоромъ Генрихомъ III-мъ.

Понятно, что при такомъ широкомъ пониманіи названныхъ легендарныхъ даровъ, папство должно превратиться во всемірную имперію. Вмѣсто императора папа долженъ стать всемірнымъ сюзереномъ. Григорій прямо усвоиваетъ себѣ мысль, выраженную въ дарѣ Константина, что „папѣ принадлежитъ право распоряжаться императорскими инсигніями"; онъ считаетъ самую императорскую власть заимствованною отъ апостольскаго престола; на этомъ основаніи онъ въ 1081-мъ году требуетъ, чтобы будущій германскій король—преемникъ „низложеннаго" Генриха IV-го и убитаго антикороля Рудольфа — принесъ апостольскому престолу настоящую вассальную присягу.

Во всѣхъ концахъ западной Европы папа открываетъ какія-нибудь владѣльческія права римской церкви, словно весь западноевропейскій міръ составляетъ даръ св. Петру. Григорій не утверждаетъ прямо, что міръ составляетъ собственность верховнаго апостола. Но онъ a priori убѣжденъ въ томъ, что вселенная ради спасенія человѣческихъ душъ должна быть подчинена его власти. При этомъ онъ, какъ и многіе другіе клерикальные дѣятели его времени, плохо различаетъ между духовной властью и политическимъ верховенствомъ и часто смѣшиваетъ послѣднее съ собствен-

ностію. Поэтому-то подъ руками Григорія духовная власть св. Петра безпрестанно матеріализируется въ собственность.

Притязанія папы не ограничиваются тѣми территоріями, которыя онъ считаетъ „подаренными“ св. Петру. Онъ, между прочимъ, считаетъ себя верховнымъ сюзереномъ и въ Кіевѣ, который онъ „отдаетъ въ даръ“ князю Изяславу Ярославичу. Здѣсь уже, очевидно, папа не можетъ надѣяться доказать своихъ правъ ссылкою на какой-нибудь дѣйствительный или мнимый даръ; этимъ несомнѣнно доказывается, что онъ вѣритъ во всемірныя сюзеренныя права папы какъ таковаго, независимо отъ существованія тѣхъ или другихъ дарственныхъ хартій. Основаніемъ притязаній папы на Кіевъ служитъ простое неразличеніе между правами папы, какъ духовнаго главы христіанства, и чисто свѣтскими полномочіями преемника св. Петра, какъ владыки надъ земными царствами. Кіевскій князь, — поясняетъ Григорій въ своемъ посланіи, — долженъ стать вассаломъ св. Петра, „дабы заслужить постоянное предстательство верховнаго апостола передъ Богомъ, стяжать себѣ его молитвами славное царствованіе на землѣ и вѣчное блаженство въ будущей жизни“.

Не довольствуясь присвоеніемъ тѣхъ или другихъ земель, тѣхъ или другихъ правъ мірскихъ властителей, Григорій въ сущности хочетъ присвоить себѣ всяческую власть на землѣ — свѣтскую и духовную. Въ этомъ мы еще разъ будемъ имѣть случай убѣдиться при разсмотрѣніи церковныхъ преобразованій Григорія и формулированной имъ теоріи папской власти.

Оригиналенъ-ли Григорій какъ дѣятель церковной реформы?

X. Та программа церковныхъ преобразованій, которой слѣдуетъ великій папа, въ большей своей части не составляетъ плодъ его самостоятельной мысли. Не подлежитъ сомнѣнію, что Григорій, поскольку дѣло идетъ о борьбѣ противъ брака духовенства и симоніи, оригиналенъ не какъ мыслитель-теоретикъ, а какъ *герой* той идеи, за которую онъ ратуетъ. Каноны, воспрещающіе бракъ духовенства, появляются уже въ IV-мъ вѣкѣ (Эльвирскій соборъ). Начиная съ IV вѣка и вплоть до понтификата Григорія, воспрещенія эти безпрестанно повторяются, хотя и нарушаются на практикѣ. Точно также и борьба противъ симоніи начинается съ незапамятныхъ временъ. Въ настоящее время можно считать общепризнаннымъ, что въ той мотивировкѣ, какую Григорій даетъ этой части реформы, нѣтъ ничего существенно новаго, ничего такого, что бы раньше его не было высказано его предшественниками—писателями и практическими дѣятелями. Равнымъ образомъ и

церковное законодательство за время понтификата этого папы по вопросу о безбрачіи духовенства и симоніи не обогатилось какимъ-либо новымъ содержаніемъ, котораго бы не было въ канонахъ, изданныхъ при его предшественникахъ. Оригинальность Григорія, какъ законодателя по названнымъ вопросамъ, можетъ быть признана лишь постольку, поскольку онъ успѣлъ обнаружить эту оригинальность до восшествія своего на апостольскій престолъ, когда, еще будучи кардиналомъ Гильдебрандомъ, онъ руководилъ политикой папъ—ближайшихъ его предшественниковъ по каѳедрѣ.

Идея безбрачія у предшественниковъ Григорія. Петръ Даміани.

Идея безбрачія уже задолго до понтификата Григорія нашла себѣ наиболѣе полное теоретическое выраженіе въ твореніяхъ кардинала Даміани—одного изъ типичнѣйшихъ въ XI вѣкѣ сторонниковъ церковно-общественныхъ преобразованій. Даміани возстаетъ противъ брака духовенства, потому что считаетъ совершеніе таинствъ несовмѣстимымъ съ какими бы то ни было половыми отношеніями служителей алтаря съ женщинами. По мнѣнію названнаго писателя, безбрачный клиръ долженъ выдѣляться изъ народной среды какъ „Божій удѣлъ", специальный даръ Богу: священники для того должны быть свободны отъ рабскихъ дѣлъ міра сего, чтобы „принадлежать въ совершенномъ послушаніи рабства Божеству". Духовные не должны быть женаты, потому что женатый „заботится о мірскомъ — какъ бы угодить женѣ"; они же должны заботиться „о Божьемъ—какъ бы угодить Богу". По Даміани, бракъ духовенства имѣлъ смыслъ лишь въ ветхозавѣтныя времена, въ связи съ кастовымъ устройствомъ ветхозавѣтной теократіи. Тогда бракъ былъ нуженъ для продолженія священническаго колѣна Левія. *Въ христіанствѣ, подъ царствомъ благодати, упраздняется этотъ кастовый принципъ;* въ универсальной христіанской теократіи священники избираются изъ среды всего христіанскаго народа; духовенство перестаетъ быть союзомъ плоти и крови. Высказываясь за упраздненіе семейнаго быта клира, Даміани хочетъ устроить жизнь духовенства на коммунистическихъ началахъ. Онъ стоитъ за возстановленіе древнихъ правилъ о „канонической", совмѣстной жизни духовенства. Въ силу этихъ правилъ духовныя лица, состоящія при одной епископской церкви, должны составлять каноническое общежитіе, т. е. спать въ общемъ помѣщеніи, дѣлить общую трапезу и, *не имѣя ничего своего*, совмѣстно пользоваться доходами съ церковнаго имущества. Спасая членовъ клира отъ искушеній противъ цѣломудрія, эти каноническія общежитія способствуютъ осуществленію совершеннаго единства интересовъ среди

рое промышляетъ о великомъ и о маломъ, входитъ въ разнообразныя нужды людей и печется обо всемъ томъ, что требуется для ихъ спасенія.

Двоякаго рода задачи теократіи.

VII. Теократіи, по мысли папы, предстоятъ двоякаго рода задачи: она должна распространиться въ ширь и въ глубь, преодолѣть враговъ, извнѣ противящихся объединительнымъ стремленьямъ папства и справиться съ силами, извнутри повреждающими единство „божескаго царства“.

По отношенію къ окраинамъ, границамъ римско-католическаго міра, папа преслѣдуетъ двѣ цѣли. *Во-первыхъ, границы эти должны быть расширены* всѣми возможными способами: посредствомъ завоеваній предстоитъ отторгнуть у мусульманъ новыя территоріи для распространенія католической вѣры; путемъ миссіи имѣютъ быть пріобрѣтены для св. Петра язычники сѣвера. И, наконецъ, предстоитъ привлечь къ единенію вѣры „схизматиковъ“-грековъ; а этого представляется возможнымъ достигнуть путемъ сношеній съ духовными и свѣтскими властями восточныхъ христіанъ; другимъ орудіемъ сближенія можетъ послужить братская имъ помощь противъ общаго врага—невѣрныхъ. Вторая задача заключается въ томъ, чтобы такъ или иначе закрѣпить за св. Петромъ новыя территоріальныя пріобрѣтенія католиковъ—связать периферію латинскаго христіанства съ Римомъ—его центромъ. *Параллельно съ завоеваніями рыцарей и миссіонеровъ должна совершаться централизація, религіозно-политическое объединеніе народовъ.*

Планъ крестоваго похода.

Обѣ эти задачи привлекаютъ вниманіе Григорія съ самаго начала его понтификата. Тотчасъ по восшествіи его на апостольскій престолъ восточная церковь становится предметомъ его сосредоточенныхъ заботъ.

Въ 1073 и 1074 году въ рядѣ посланій, обращенныхъ къ властителямъ западной Европы и „ко всѣмъ вѣрнымъ св. Петра“, папа проповѣдуетъ крестовый походъ противъ невѣрныхъ востока, которые, по его словамъ, истребляютъ восточныхъ христіанъ „какъ мелкій скотъ“. Григорій хочетъ выручить восточную церковь изъ бѣдственнаго положенія, положить душу свою за „заморскихъ братьевъ“—грековъ; для этого онъ собираетъ изо всѣхъ концовъ Европы разноплеменное войско съ тѣмъ, чтобы самому лично вести христіанскія дружины противъ мусульманъ. Главная цѣль этого предпріятія заключается въ томъ, чтобы привлечь „схизматиковъ“-грековъ къ единенію вѣры, возстановить истинно отеческія отношенія между Римомъ и его *„дочерью“* — восточной цер-

ковью. Взамѣнъ оказанной имъ помощи, греки должны подчиниться власти преемника св. Петра и признать его верховенство. Въ письмѣ къ германскому королю — Генриху IV-му, Григорій откровенно высказываетъ этотъ главный мотивъ задуманнаго имъ похода: „всего болѣе побуждаетъ меня къ этому дѣлу, — пишетъ онъ, — то обстоятельство, что константинопольская церковь, расходящаяся съ нами по вопросу о св. Духѣ, стремится возстановить согласіе „съ апостольскимъ престоломъ“. И почти всѣ восточные христіане готовы, пожертвовавъ своими разногласіями, подчиниться рѣшенію св. Петра. Настало время исполниться пророческимъ словамъ Спасителя, обращеннымъ къ верховному апостолу: „*и ты нѣкогда, обратившись, утверди братьевъ твоихъ*“.

Воинственные планы папы рушатся какъ вслѣдствіе обнаруженнаго восточными христіанами (въ началѣ 1075 г.) нежеланія признать Петрово первенство, такъ и вслѣдствіе внутренняго раздора западно-европейскаго міра, который парализуетъ его наступательные замыслы. Послѣ 1074 года мысль о крестовомъ походѣ уже не встрѣчается въ перепискѣ Григорія.

Политика Григорія.

Тотъ монархическій, папскій идеалъ, который лежитъ въ основѣ восточной политики великаго святителя, связываетъ его и съ противоположной, западной окраиной христіанскаго міра. Здѣсь онъ съ самаго начала своего понтификата становится руководителемъ предпріятія испанскихъ князей и французскихъ рыцарей, которые стремятся вырвать Испанію изъ подъ власти мусульманъ. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ задуманномъ имъ крестовомъ походѣ, расширеніе сферы могущества папства служитъ для Григорія главной цѣлью. Благословляя христіанскихъ воиновъ на борьбу противъ испанскихъ мусульманъ, онъ въ рядѣ посланій къ участникамъ этого предпріятія настаиваетъ на томъ, что Испанія „издревле принадлежала св. Петру“. Французскіе и испанскіе князья могутъ владѣть землями, какія будутъ завоеваны ими у мусульманъ лишь въ качествѣ вассаловъ папы; иначе апостольскій престолъ будетъ вынужденъ воспротивиться ихъ предпріятію и даже воспретить задуманный ими походъ. Папа готовъ скорѣе примириться съ владычествомъ невѣрныхъ въ Испаніи, чѣмъ допустить какое-либо нарушеніе дѣйствительныхъ или мнимыхъ правъ св. Петра со стороны христіанъ.

Въ странахъ, составляющихъ подобно Испаніи передовые посты римскаго католичества, особенно сильно сказывается необходимость противопоставить врагамъ могущественную, сплоченную организа-

цію. Католическое „единство“ здѣсь нуждается въ разнообразныхъ мѣрахъ охраненія. Григорій заботится о томъ, чтобы оно господствовало не только въ церковной, но и въ чисто свѣтской сферѣ, чтобы оно не нарушалось ссорами испанскихъ князей между собой. Такъ въ 1079 году, онъ, въ качествѣ верховнаго судьи, беретъ на себя рѣшеніе спора между двумя сыновьями барцелонскаго графа, угрожая церковными карами тому изъ нихъ, кто не подчинится рѣшенію апостольскаго престола; посредничество папы въ данномъ случаѣ обусловливается опасеніемъ — какъ бы ссора двухъ христіанскихъ князей въ сосѣдствѣ враждебныхъ церкви сарацинъ,—не повредила успѣхамъ католицизма въ Испаніи. Такой же политики папа держится и на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ онъ въ 1079 году миритъ датскаго короля съ его родными братьями, которые силою хотятъ заставить старшаго брата — подѣлить съ ними датское королевство; тутъ опять-таки Григорію приходится указывать на опасность ссоры христіанскихъ князей въ сосѣдствѣ и близости общаго врага—язычниковъ. На дальнемъ сѣверѣ, какъ и на крайнемъ западѣ онъ является апостоломъ мира между христіанами.

Заботы о скандинавскихъ государствахъ.

Идея международнаго царства церкви.

Въ перепискѣ съ окраинами западнаго христіанства католическій идеалъ Григорія противополагается всѣмъ врагамъ католичества — язычникамъ, мусульманамъ и „схизматикамъ“, которые все время имѣются въ виду. Здѣсь, въ отличіе отъ внѣшняго церкви міра, католичество обнаруживается прежде всего какъ единая политическая организація, единое международное *царство*. Истинный католицизмъ долженъ проявиться какъ *миръ вселенной*, миръ внутри католическихъ государствъ и въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Убѣждая разсорившихся князей сѣвера оставить вражду въ виду общей опасности, грозящей со стороны язычниковъ, Григорій ссылается на текстъ Евангелія: „всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ, и домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ падетъ“.

Понятно, что объединительныя стремленія папства встрѣчаются съ препятствіями особаго рода въ странахъ наиболѣе отдаленныхъ отъ Рима—духовнаго центра католическаго христіанства, непосредственно соприкасающихся съ чуждыми латинству народностями. Съ одной стороны, въ Испаніи, гдѣ сохранились кое-какіе слѣды господствовавшаго нѣкогда аріанства и прискилліанистской ереси, съ другой стороны, въ славянскихъ странахъ — противъ латинизаціи церкви возстаетъ національный элементъ. Въ Испаніи Григорій съ

успѣхомъ ведетъ борьбу противъ мѣстнаго, готскаго богослужебнаго обряда, замѣняя его римскимъ чиномъ богослуженія; онъ отвѣчаетъ отказомъ на просьбу богемскаго герцога — Вратислава о разрѣшеніи совершать въ Богеміи церковныя службы на славянскомъ языкѣ. Именно въ этихъ странахъ папѣ приходится въ особенности рѣзко подчеркивать универсальный, международный характеръ церковной организаціи, отстаивать *единство латинскаго обряда*. На окраинахъ римско-католическаго міра особенно рельефно проявляется космополитическій характеръ римской централизаторской политики. Не довольствуясь латинизаціей обряда въ испанской церкви, Григорій, ради болѣе тѣснаго подчиненія ея Риму—не прочь ослабить національный характеръ самой испанской іерархіи. Такъ онъ убѣждаетъ кастильскаго короля, чтобы тотъ не противился замѣщенью толедской каѳедры иностранцемъ, указывая при этомъ на международный характеръ христіанской „республики", въ коей душевныя качества должны цѣниться болѣе, чѣмъ происхожденіе изъ той или другой національности.

Съ точки зрѣнія своего космополитическаго, римскаго идеала, Григорій вообще относится враждебно ко всякимъ проявленіямъ національныхъ особенностей въ жизни церкви. Національныя различія въ богослуженіи представляются ему *принципомъ еретическимъ, схизматическимъ;* національный испанскій обрядъ для него— „толедское суевѣріе"; всякія національныя уклоненія отъ латинскаго обряда суть „еретическія искаженія"; только латинскій языкъ есть языкъ католическій; прочіе языки суть „языки еретиковъ". Папа настаиваетъ на повсемѣстномъ введеніи латинскаго обряда, чтобы римская церковь питала ввѣренныхъ ей сыновъ Христовыхъ „не различными сосцами и не различнымъ молокомъ, *дабы, согласно апостолу* (I, Кор. I,10) *они были едино и не было между ними расколовъ.*"

Папа какъ всемірный законодатель, учитель и воспитатель народовъ.

Являясь въ роли блюстителя единства всемірнаго божескаго царства, Григорій хочетъ вступить въ близкое, интимное знакомство со всѣми странами, руководить воспитаніемъ народовъ, опредѣлять направленіе внутренней и внѣшней политики государствъ, быть всюду законодателемъ и учителемъ. „У предшественниковъ нашихъ, согласно присущему имъ праву, было въ обычаѣ" — пишетъ онъ (въ 1075 г.) Свену, датскому королю,— „въ посланіяхъ, полныхъ любви, *учить всѣ народы путямъ Господнимъ*, обличать всѣхъ царей и князей въ томъ, что достойно порицанія, и предписаніями закона всѣхъ призывать къ вѣчному блаженству. Ибо за-

конъ римскихъ первосвященниковъ подчинилъ себѣ болѣе земель, нежели законъ римскихъ императоровъ. По всей землѣ пронесся звукъ слова ихъ, и Христосъ сталъ владыкою надъ тѣми, кому нѣкогда повелѣвалъ Августъ". Такъ понимая задачи своего служенія, Григорій среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ своей жизни, отвсюду стѣсненный, всегда сохраняетъ всю широту своего кругозора. Среди заботъ, гнетущихъ его въ ту или другую минуту, среди опасностей, лично ему угрожающихъ, онъ всегда обладаетъ достаточной свободой духа, чтобы отвлечься отъ злобы дня и думать о нуждахъ отдаленныхъ странъ. Въ самый разгаръ борьбы съ Генрихомъ IV въ 1076 году онъ ведетъ дѣятельную переписку съ церквами сѣверной Африки и Испаніи. Въ 1080-мъ году, среди осложненій, вызванныхъ его вторымъ интердиктомъ противъ Генриха, онъ находитъ время, чтобы интересоваться богослужебными особенностями церквей Арменіи, и помышляетъ о поѣздкѣ въ Испанію въ видахъ исправленія кастильскаго короля, вовлеченнаго въ ересь вліяніемъ нѣкоего Роберта „лжемонаха". Наконецъ, въ 1081 году, когда между нимъ и Генрихомъ IV-мъ идетъ борьба изъ-за Италіи и Рима, Григорій все еще хочетъ направлять внутреннюю политику государей Испаніи, вмѣшиваясь не только въ церковныя, но и въ чисто свѣтскія дѣла. Такъ, въ это самое время онъ возстаетъ противъ того черезчуръ вліятельнаго положенія, какое занимаютъ евреи въ королевствѣ Леонѣ и Кастиліи, и требуетъ отъ короля Альфонса VI, чтобы тотъ не дозволялъ этой „синагогѣ сатаны" владычествовать надъ христіанами.

Сознавая себя должникомъ всѣхъ вѣрующихъ во Христа, папа считаетъ себя въ особенности обязаннымъ пещись о нуждахъ отдаленныхъ народовъ, живущихъ „какъ бы на краѣ земли". Озабоченный тѣмъ, что норвежцы терпятъ крайній недостатокъ въ учителяхъ, свѣдущихъ въ христіанской вѣрѣ, онъ предлагаетъ норвежскому королю прислать въ Римъ нѣсколькихъ знатныхъ молодыхъ норвежцевъ: получивъ религіозное воспитаніе „подъ крыльями св. Петра", они вернутся на родину просвѣщенными и опытными миссіонерами. Григорій встревоженъ тѣмъ, что въ Даніи среди христіанъ, несовершеннымъ образомъ усвоившихъ евангельское ученье, остатки язычества воскресаютъ въ формѣ суевѣрій. Народная молва приписываетъ священникамъ власть надъ внѣшней природой, дѣлая ихъ наряду съ колдуньями отвѣтственными за такія стихійныя бѣдствія, какъ неблагопріятная погода или заразныя болѣзни. Папа требуетъ, чтобы датскій король, искореняя

подобныя суевѣрія, защищалъ духовенство отъ причиняемыхъ ему обидъ. Узнавъ, что въ отдаленной Шотландіи мужья нерѣдко продаютъ своихъ женъ, онъ пишетъ архіепископу Ланфранку, чтобы тотъ подвергалъ строжайшимъ церковнымъ карамъ лицъ, виновныхъ въ этомъ преступленіи, и всѣми силами заботился объ уничтоженіи этого варварскаго обычая. Желая поддерживать постоянныя сношенія съ скандинавскими странами и вникать въ подробности ихъ быта, Григорій неоднократно требуетъ отъ шведскаго и датскаго королей, чтобы они присылали въ Римъ такихъ духовныхъ лицъ, которыя знакомили бы папу съ бытовыми особенностями ихъ странъ, а по возвращеньи на родину—сообщали бы своимъ королямъ наставленія и требованія апостольскаго престола.

Борьба противъ неурядицы феодальнаго быта.

Заботясь о религіозномъ воспитаніи народовъ, Григорій считаетъ себя обязаннымъ вести энергическую борьбу противъ темныхъ, отрицательныхъ сторонъ феодальнаго быта. Изъ Англіи, Франціи и Германіи до апостольскаго престола безпрестанно доходятъ извѣстія объ ужасахъ непрекращающихся частныхъ войнъ, о разбойническихъ подвигахъ рыцарей на большихъ дорогахъ, объ ограбленіи и насиліяхъ надъ путешествующими духовными лицами и преступленьяхъ противъ церковныхъ имуществъ. Самъ французскій король не стѣсняется „по обычаю разбойниковъ“ грабить проѣзжихъ купцовъ. Въ тотъ вѣкъ господства грубой силы папа считаетъ обязанностью своего сана „приходить на помощь всѣмъ угнетеннымъ и, не щадя своей жизни, буде это окажется нужнымъ, сражаться противъ враговъ Божіихъ мечомъ Духа, т. е. словомъ Божіимъ, доколѣ они не обратятся“. Обращаясь къ правителямъ всѣхъ странъ свѣта, королямъ, герцогамъ, графамъ, Григорій во множествѣ посланій напоминаетъ имъ о ихъ обязанности ограждать церковь противъ хищническихъ нападеній, блюсти миръ, защищать бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ, въ особенности малолѣтнихъ, странниковъ, вообще всѣхъ тѣхъ, кому грозитъ наибольшая опасность стать жертвой сильныхъ; заступничествомъ за слабыхъ и безпомощныхъ болѣе, нежели чѣмъ-либо другимъ, князья стяжаютъ себѣ вѣчныя награды. Уча сильныхъ міра сего, Григорій выступаетъ противъ нихъ съ смѣлымъ словомъ изобличенія въ тѣхъ случаяхъ, когда они оказываются не на высотѣ своихъ обязанностей, требуетъ отъ нихъ удовлетворенія, грозитъ имъ и налагаетъ церковныя кары за преступленія и насилія. Съ апостольскимъ служеніемъ,—повторяетъ папа во множествѣ посланій,—связана обязанность, согласно словамъ пророка Исаіи, „вѣщать громко, никогда не умолкая“ о грѣ-

тура епископовъ даетъ ему возможность противопоставлять разрозненнымъ свѣтскимъ князьямъ сплоченную армію князей духовныхъ. Если мы примемъ во вниманіе, что въ Германіи воинская повинность ложится всею тяжестью не столько на свѣтскіе, сколько на духовные лены, что королевское войско составляется преимущественно изъ контингентовъ, поставляемыхъ имперскими церквами, а войны, въ особенности походы въ Италію, ведутся преимущественно за ихъ счетъ, то мы поймемъ, что власть короля надъ епископатомъ составляетъ здѣсь главную основу его власти вообще.

Значеніе инвеституры въ германскомъ королевствѣ и имперіи.

Въ Германіи король можетъ царствовать лишь въ качествѣ вѣнчаннаго святителя, владыки надъ церковью. Поэтому вопросъ объ инвеститурѣ есть вопросъ о жизни и смерти для германскаго королевства и имперіи. Имперія, какой она представляется въ дѣйствительности и какъ ее понимаютъ сторонники императорской власти, есть *святительское царство*; поэтому съ уничтоженіемъ свѣтской инвеституры она должна перестать быть единымъ цѣлымъ, распасться на части. Споръ объ инвеститурѣ не есть борьба между церковью съ одной стороны и чисто свѣтскимъ государствомъ съ другой. Государства, совершенно свободнаго отъ церкви, построеннаго на чисто свѣтской основѣ, средніе вѣка вообще не знаютъ. По вопросу объ инвеститурѣ вступаютъ между собою во вражду двѣ теократіи, или, лучше сказать, два органа христіанской теократіи, двѣ партіи въ церкви и въ государствѣ. При этомъ борьба обостряется самой однородностью спорящихъ. Обѣ стороны согласны между собою въ томъ, что божеское царство должно наполнить собою все земное, что оно есть высшая цѣль, которой одинаково должны служить міръ и клиръ. Вопросъ идетъ только о томъ, — кому принадлежитъ преимущественное право вести людей къ осуществленію этой цѣли на землѣ, — кто долженъ стоять на вершинѣ христіанскаго общества—царь, образъ Давида и Моисея, или святитель — преемникъ Аарона. Мірская власть, которой съ точки зрѣнія императоровъ и королей принадлежитъ господство, играетъ въ клерикальной схемѣ роль подчиненнаго орудія; и наоборотъ, то, что съ клерикальной точки зрѣніи должно стоять на вершинѣ всего общественнаго зданія,—стоитъ въ царской теократіи внизу; святительская власть здѣсь помѣщается у подножія царскаго престола и служитъ ему опорою. Теократія царская представляетъ собою какъ-бы отраженіе теократіи папской, но только въ опрокинутомъ видѣ. По мѣткому выраженію клерикальнаго пи-

сателя Гумберта, благодаря свѣтской инвеститурѣ здѣсь весь каноническій порядокъ *виситъ внизъ головой*.

Доводы защитниковъ свѣтской власти въ пользу инвеституры.

Сторонники имперіи, защищая свѣтскую инвеституру, ссылаются на *святительскій характеръ* царской власти. Въ силу помазанія *король не есть простой міряининъ*: съ его саномъ связывается особый пророческій даръ, котораго не лишены даже цари—язычники; ему сообщается свыше способность угадывать волю Провидѣнія; въ силу особаго дара Духа Святого, онъ можетъ распознавать и назначать на вакантныя каѳедры угодныхъ Богу избранниковъ. Оправданіе свѣтской инвеституры заключается въ *теократической миссіи* царей, въ ихъ призваніи блюсти миръ и единство церкви. Нѣкоторые писатели прямо учатъ, что епископы должны пребывать въ сыновнемъ подчиненіи своему государю и отъ него держать свою власть, дабы *царство приводилось къ единству*. Въ глазахъ сторонниковъ имперіи святительскія, пастырскія полномочія связаны съ самой природой царской власти, а потому присущи всѣмъ царямъ вообще. Но изъ среды всѣхъ царей выдѣляется „князь надъ князьями"—императоръ, глава міра, источникъ всякаго закона и власти на землѣ. Императоръ — непосредственный представитель Бога, *„викарій Христа"* на землѣ. Если другимъ царямъ принадлежитъ власть надъ тѣми или другими мѣстными церквами, то императоръ призванъ владычествовать надъ самимъ апостольскимъ престоломъ, т. е. надъ вершиной вселенской іерархіи. Писатели—имперіалисты прямо разсматриваютъ право императора замѣщать римскую каѳедру какъ частное проявленіе его власти надъ церковью вообще. Это—лишь разновидность инвеституры, хотя назначеніе римскихъ епископовъ и не сопровождается врученіемъ имъ посоха и кольца. Въ этой теоріи священной римской имперіи, которой держатся писатели-имперіалисты занимающей насъ эпохи, выразился тотъ идеалъ, къ которому въ дѣйствительности стремились императоры: Генрихъ III-й назначилъ одного за другимъ четырехъ папъ на апостольскій престолъ; а Генрихъ IV-й дважды низложилъ Григорія и въ Бриксенѣ—на соборѣ германскихъ и итальянскихъ епископовъ — возвелъ на его мѣсто антипапу-Виберта (Климента III-го).

Если въ другихъ государствахъ свѣтская инвеститура имѣетъ характеръ *мѣстной узурпаціи*, то въ универсальной по своей идеѣ священной римской имперіи она пріобрѣтаетъ характеръ *универсальный* и грозитъ привести къ порабощенію апостольскаго престола, а съ нимъ вмѣстѣ—вселенской церкви—свѣтской властью императора. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что священная рим-

ская имперія служитъ главной ареной борьбы между святительской и царской властью; здѣсь споръ объ инвеститурѣ пріобрѣтаетъ особую остроту сравнительно съ другими странами. Если императоръ отстаиваетъ противъ папы цѣлость и единство имперіи, то и папа сражается за самое существо святительской, папской теократіи.

Цѣли Григорія въ борьбѣ противъ инвеституры.

XIII. Въ 1075-мъ, 1078-мъ и 1080-мъ году Григорій издаетъ цѣлый рядъ законодательныхъ постановленій противъ свѣтской инвеституры. Устраняя свѣтскія власти отъ замѣщенія высшихъ духовныхъ должностей, папа провозглашаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ свободныхъ выборовъ епископовъ духовенствомъ и паствой ихъ діоцезовъ. Но для осуществленія теократическаго идеала папы и этого мало. Для послѣдовательнаго проведенія въ жизни церкви того монархическаго, папскаго начала, которое олицетворяетъ собой ея единство, недостаточно освободить іерархію отъ мірскихъ властителей: необходимо поставить ее въ болѣе тѣсную зависимость отъ св. Петра и его преемника; а для этого нужно подчинить вліянію апостольскаго престола самое замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ.

Эта тенденція несомнѣнно обнаруживается въ изданномъ папою законѣ 1080 года. Въ силу этого закона, по открытіи епископской вакансіи въ той или другой епархіи, папа или митрополитъ посылаютъ туда епископа для того, чтобы блюсти за законностью избранія. Если избиратели, совершая выборы, увлекутся какими-либо посторонними побужденіями, напримѣръ, соображеніями лести или страха передъ могущественными свѣтскими властителями, то самые выборы должны считаться недѣйствительными; при этихъ условіяхъ клиръ и народъ теряютъ свое избирательное право; вмѣсто нихъ право замѣщенія вакантной каѳедры переходитъ къ митрополиту или къ папѣ.

Законъ этотъ даетъ возможность папѣ контролировать и направлять выборы и даже прямо назначать новыхъ епископовъ. Въ дѣйствительности Григорій широко пользуется этой прерогативой. Изъ собраннаго новѣйшими историками матеріала видно, что онъ старается, гдѣ только возможно, черезъ посредство своихъ легатовъ вліять на епископскіе выборы и даже прямо назначать своихъ кандидатовъ. Вскорѣ послѣ воспрещенія инвеституры эти назначенія перестаютъ быть исключеніемъ: они совершаются въ нарушеніе принципа „свободныхъ выборовъ“ и, слѣдовательно, въ нарушеніе того древняго канона, на который опирается папа.

Григорій хочетъ не только взять въ свои руки замѣщеніе церковныхъ каѳедръ: онъ старается вообще поставить высшихъ представителей іерархіи въ болѣе тѣсную отъ себя зависимость. Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ соглашается на посвященіе архіепископовъ подъ условіемъ предварительнаго принесенія ими вассальной присяги, въ силу коей они обязуются „воинствовать св. Петру", защищать его свѣтскія владѣнія. Послѣ разрыва съ Генрихомъ IV онъ начинаетъ требовать, чтобы нѣмецкіе епископы служили ему войскомъ. Онъ вообще хочетъ быть не только духовнымъ главою, но и верховнымъ сюзереномъ епископовъ, присвоить себѣ по отношенію къ нимъ всю ту власть, которая раньше принадлежала королямъ и императорамъ. Сторонники Григорія до извѣстной степени основательно упрекаютъ имперіалистовъ въ томъ, что они присвоиваютъ императору полномочія главы церкви и „не хотятъ имѣть другого первосвященника кромѣ кесаря". Но поэтому самому паписты хотятъ вырвать цѣликомъ власть надъ епископатомъ у королей и императоровъ; а это значитъ тоже, что отнять у послѣднихъ ихъ царскія функціи и поставить папу на ихъ мѣсто.

Для Григорія и его сторонниковъ, какъ мы сказали, объединеніе іерархіи служитъ руководящимъ мотивомъ въ борьбѣ противъ инвеституры. Говоря словами клерикальнаго писателя начала XII-го вѣка—епископа Брунона Сегнійскаго, при существованіи инвеституры „извращается вѣра, утрачивается свобода церкви, уничтожается священство, *закрывается единая и единственная дверь церкви, и открывается множество другихъ дверей*; всякій, кто входитъ ими, есть воръ и разбойникъ". По мнѣнію другого писателя, современника Григорія, Ансельма Луккскаго, государь, инвестирующій епископовъ, тѣмъ самымъ узурпируетъ власть того привратника, который долженъ отворять дверь истиннымъ пастырямъ во дворъ овчій. Для пастырей, входящихъ въ церковь, „единой дверью", апостолъ Петръ долженъ служить привратникомъ и ключникомъ. Въ этомъ и заключается та главная тенденція сторонниковъ преобразованій, которая проводится подъ именемъ „свободныхъ каноническихъ выборовъ".

XIV. Іерархія земная въ ученіи Григорія строится по образу и подобію небесной, ангельской іерархіи. Въ посланіи къ тремъ французскимъ архіепископамъ, написанномъ въ 1079 году, онъ объясняетъ, что весь строй вселенной покоится на іерархическихъ началахъ. Въ лѣствицѣ существъ тварь отъ твари различается своимъ значеніемъ и чиномъ, при чемъ низшія ступени должны под-

чиняться высшимъ. Чины небеснаго воинства—ангелы, архангелы, херувимы и серафимы не равны между собою по степени значенія и власти. И тѣмъ не менѣе въ ангельскомъ обществѣ господствуетъ миръ и согласіе; всѣ эти ангелы, располагаясь въ стройномъ порядкѣ іерархической лѣствицы, составляютъ единую курію, единое царство небеснаго Царя. Такой же порядокъ долженъ господствовать и въ церкви—земномъ отраженіи „божескаго царства“. Здѣсь также должна существовать іерархическая лѣствица чиновъ—епископовъ, архіепископовъ, патріарховъ, которая должна находить себѣ завершенье въ единомъ начальникѣ—папѣ.

Значеніе св. Петра въ теократической системѣ Григорія. Посредникомъ между небесной и земной іерархіей является „небесный ключникъ“—св. Петръ, который съ одной стороны отпираетъ и запираетъ смертнымъ врата небесъ, а съ другой стороны въ лицѣ папы является въ земномъ воплощеньи. Эта посредническая роль верховнаго апостола, въ лицѣ коего небо встрѣчается съ землею, объясняетъ намъ его центральное значеніе въ папской системѣ.

„Власть ключей“, присвоенная верховному апостолу, истолковывается Григоріемъ въ смыслѣ власти надъ цѣлымъ зданіемъ церкви. Въ силу этого полномочія и порученія „пасти овецъ Христовыхъ“ св. Петръ властвуетъ не только въ небесной сферѣ, но и въ нижнемъ, земномъ этажѣ „божескаго царства“: онъ отворяетъ и затворяетъ людямъ небеса: тѣмъ болѣе онъ вправѣ судить о земномъ. Верховный апостолъ располагаетъ не только тѣми или другими дарами благодати: онъ—*органъ благодати въ универсальномъ ея дѣйствіи*: помимо его никто не спасается, никто не проникаетъ въ рай. Выраженіе „благодать св. Петра“, безпрестанно повторяющееся въ произведеніяхъ Григорія, употребляется имъ въ смыслѣ *благодати вообще въ земномъ ея дѣйствіи*.

„Благодать св. Петра“. Говоря словами папы, благодать св. Петра—для всѣхъ „жизнь и блаженство“; гнѣвъ его — для всѣхъ „погибель“. Въ рукахъ св. Петра—не только всѣ царства царей, но и души вѣрующихъ, въ силу даннаго ему преимущественнаго права связывать и разрѣшать. Онъ можетъ дать или отнять спасеніе и честь какъ въ этой земной, такъ и въ будущей, загробной жизни. Отождествленіе „благодати св. Петра“ съ благодатью вообще явствуетъ изъ того, что Григорій возвѣщаетъ „достовѣрную надежду спасенія“ всѣмъ повинующимся апостольскому престолу и, „неизбѣжное осужденіе“ всѣмъ противляющимся ему. Отлученіе отъ церкви нерѣдко выражается Григоріемъ въ формулѣ: „отлучаю отъ благодати св. Петра“;

а подвергнуться проклятію св. Петра значитъ для него тоже, что „утратить благодать Божію“. Кто лишенъ благодати св. Петра,— тотъ, по объясненію папы, становится членомъ общества діавола, отлученный лишается не только небесныхъ благъ: онъ вообще во всѣхъ дѣлахъ своихъ утрачиваетъ божественную помощь: не можетъ онъ одержать побѣды на войнѣ, ни въ чемъ-либо преуспѣть въ мірѣ. Иначе говоря, утрата „благодати св. Петра“—тоже, что утрата благодати вообще: мѣстами выраженія „благодать Божія“ „и благодать св. Петра“ прямо употребляются, какъ синонимическія.

Черезъ св. Петра его преемникъ — римскій первосвященникъ становится видимымъ центромъ дѣйствія благодати на землѣ. Дѣйствія папы, какъ должностного лица, суть дѣйствія самого верховнаго апостола. Вслѣдствіе этого жизнь и дѣятельность каждаго папы въ глазахъ Григорія пріобрѣтаетъ *характеръ необходимости*. Какъ онъ, такъ и другіе писатели его направленія видятъ въ отдѣльныхъ папахъ *избранниковъ благодати св. Петра, дѣйствующей съ неодолимой силой*. Св. Петръ заранѣе предвидитъ и избираетъ своихъ преемниковъ и руководитъ ихъ дѣйствіями задолго до ихъ возведенія на апостольскій престолъ. Послѣ посвященія въ папы надъ каждымъ римскимъ первосвященникомъ совершается то же чудо, какъ и надъ верховнымъ апостоломъ: его немощное человѣческое естество превращается въ твердую скалу, въ несокрушимый камень вѣры. Отсюда вытекаетъ вѣра въ *непогрѣшимость* папы. Григорій усвоиваетъ себѣ воззрѣніе псевдоисидоровыхъ декреталій, въ силу коего во главѣ римской церкви не можетъ стоять еретикъ, и римская церковь не будетъ заблуждаться во вѣкъ, такъ какъ самъ Спаситель молился о томъ, чтобы не оскудѣла вѣра св. Петра. Другое послѣдствіе посвященія въ папы есть *святость* посвященнаго. По мысли псевдоисидоровыхъ декреталій, раздѣляемой Григоріемъ, папы, правильно возведенные на апостольскій престолъ, „заслугами *св. Петра становятся лучше*“: верховный апостолъ снабжаетъ ихъ „неизсякаемымъ приданымъ заслугъ и наслѣдіемъ невинности“; этими заслугами св. Петра они пріобрѣтаютъ „святость“. Въ глазахъ Григорія, папа, если можно такъ выразиться, до такой степени *пресуществляется* въ св. Петра, что его личныя качества не оказываютъ никакого вліянія на его должностныя дѣйствія: отъ него отнимается *свобода погрѣшать* въ области догмата; онъ становится какъ бы автоматомъ благодати Петровой. Между верховнымъ апостоломъ и его преемникомъ происходитъ безпрерывное интимное общеніе. „Разби-

Непогрѣшимость и святость папы.

раемъ ли мы письма, къ намъ обращенныя, или выслушиваемъ рѣчи говорящихъ,—говоритъ Григорій, — онъ (св. Петръ) распознаетъ, изъ какого настроенія проистекаетъ написанное и сказанное". Папу постоянно просвѣщаетъ верховный апостолъ, который „не можетъ быть введенъ въ заблужденіе лживыми увѣреніями".

Замѣна Христа св Петромъ у Григорія.

По смыслу папской теоріи Григорія, церковь строится на двойственномъ основаніи — благодати св. Петра и заслугъ св. Петра. Вмѣсто Христа Его верховный апостолъ становится главнымъ виновникомъ спасенія людей. Вообще умаленіе значенія Христа составляетъ естественный и необходимый результатъ всей разбираемой нами теоріи папской власти. Св. Петръ въ глазахъ Григорія представляетъ собою власть близкую къ людямъ, съ которой они должны считаться въ каждомъ своемъ дѣйствіи; чѣмъ болѣе преувеличивается значеніе этой власти, тѣмъ болѣе образъ Христа блекнетъ въ отдаленіи. Христосъ управляетъ церковью не самъ непосредственно, а лишь черезъ верховнаго апостола. Въ качествѣ вселенскаго пастыря папа говоритъ и дѣйствуетъ какъ „викарій св. Петра". Его именемъ онъ обѣщаетъ людямъ рай или адъ, земныя или небесныя награды и наказанія, отнимаетъ царства у однихъ и отдаетъ другимъ, „связываетъ и разрѣшаетъ"; черезъ св. Петра, какъ мы уже видѣли, совершается вообще все то, что творится благодатью на землѣ. При этихъ условіяхъ само собою разумѣется, что Христосъ перестаетъ быть центромъ дѣйствія благодати по отношенію къ земной церкви. Св. Петръ заслоняетъ Его собой и становится вмѣсто Него посредникомъ между Богомъ и людьми. Въ томъ изображеніи папской теократіи, какое даетъ намъ Григорій, фигура св. Петра наполняетъ собой весь первый планъ; за нимъ на второмъ планѣ виднѣется въ облакахъ неясный обликъ Спасителя. Хрчстосъ не наполняетъ собою настоящей, земной жизни церкви Петровой. Онъ представляетъ собою преимущественно ея отдаленное палестинское прошедшее и ея будущее—грядущее царствіе.

Значеніе св. Петра въ жизни мірского общества.

XV. Охарактеризованные только что основные принципы папской теоріи Григорія представляютъ собой ключъ къ пониманію всего того, что онъ учитъ о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и мірского общества.

Св. Петръ не есть представитель одной только римской каѳедры. Онъ—мистическое олицетвореніе того строя, который долженъ господствовать во всей церкви. Вся іерархія сверху до низу должна стать іерархіей апостольской, иначе говоря, — іерархіей

Петровой. Служеніе св. Петру должно быть высшей цѣлью и для самихъ мірянъ: внимая словамъ его апостольскаго посланія (I Петра, II, 9), все мірское общество должно организоваться въ „царское священство“, въ послушное папѣ святительское царство. Благодать св. Петра есть объединяющее начало — тотъ цементъ, который скрѣпляетъ людей въ организованное общество. Съ отнятіемъ этой благодати рушатся царства, весь общественный организмъ распадается на части. Иными словами, въ жизни земной церкви св. Петръ долженъ наполнить все собою, стать всѣмъ во всемъ.

Св. Петръ долженъ не только объединить въ себѣ іерархію: онъ долженъ проникнуть въ міръ, наполнить содержаніемъ жизнь свѣтскаго общества. Среди христіанъ всѣхъ состояній, церковь— вообще единственное объединяющее, связующее начало: ею держится всякое общество, всякое государство, кромѣ общества діавола—царства антихриста. Связь между сюзереномъ и вассаломъ, на которой покоится весь феодальный строй — скрѣпляется феодальной присягой: залогомъ прочности всѣхъ феодальныхъ обязательствъ служитъ та вѣра Христова, которую должны защищать короли, во имя коей клянутся ихъ вассалы. Союзъ между вассаломъ и сюзереномъ есть *союзъ вѣры и вѣрности*; поэтому самому— онъ подлежитъ власти церкви, которая скрѣпляетъ и нормируетъ всѣ тѣ отношенія, въ основѣ коихъ лежитъ вѣра. Глава церкви— св. Петръ и его преемникъ — папа можетъ расторгнуть этотъ союзъ; онъ можетъ разрѣшить подданныхъ отъ присяги, отъ повиновенія ихъ государю, когда власть послѣдняго перестаетъ служить той христіанской вѣрѣ, во имя которой дана присяга. Папа можетъ отлучить государя отъ церкви и тѣмъ самымъ изолировать его отъ всѣхъ — поставить его внѣ общества, внѣ христіанскаго закона; властью римскаго первосвященника свѣтскій государь можетъ быть временно отрѣшенъ отъ власти или на вѣки низложенъ. Наконецъ, разрѣшивъ подданныхъ отъ присяги, папа можетъ связать ихъ обязанностью повиновенія другому монарху, если это требуется интересами христіанской вѣры.

Таковы притязанія, выразившіяся въ двухъ знаменитыхъ письмахъ Григорія къ епископу Герману Мецскому. Папа дважды отлучилъ Генриха IV-го отъ церкви, дважды воспретилъ ему царствовать и разрѣшилъ его вассаловъ отъ присяги. Въ посланіяхъ къ Герману Мецскому, написанныхъ послѣ обоихъ отлученій—въ 1076 и 1081 году,—онъ хочетъ оправдать свой образъ дѣйствій. Чтобы

успокоить сомнѣнія вѣрующихъ душъ, — онъ задается цѣлью показать, что карательныя мѣры противъ Генриха представляютъ собою осуществленіе правъ, искони принадлежавшихъ апостольскому престолу.

Вопросъ о правѣ папы отлучать царей.

Прежде всего требуется уничтожить возраженіе тѣхъ сторонниковъ Генриха, которые утверждаютъ, что *король вообще не можетъ быть отлучаемъ*. Въ отвѣтъ на это возраженіе Григорій ссылается на тѣ евангельскіе тексты, коими установляется власть св. Петра надъ церковью. Поручая верховному апостолу „пасти овецъ",—Спаситель не исключаетъ царей изъ числа послѣднихъ: давая апостолу власть ключей, власть „вязать и рѣшить" на небѣ и на землѣ, Христосъ опять-таки никого не исключилъ, никого не изъялъ изъ-подъ этой власти. Какъ овцы Христовы — цари одинаково со всѣми прочими смертными подчинены св. Петру; этой власти не подчиняется лишь тотъ, кто сбрасываетъ съ себя иго Христово и предпочитаетъ нести иго діавола. Кто не считаетъ для себя возможнымъ быть „связаннымъ" постановленіями церковной власти,—тотъ не можетъ ждать отъ церкви и „разрѣшенія" (т. е. отпущенія грѣховъ): слѣдовательно, кто не признаетъ надъ собой этой власти,—тотъ вовсе отчуждается отъ Христа.

Возражая противъ права папы отлучать королей и императоровъ, сторонники имперіи исходятъ изъ того положенія, что король получаетъ свою власть *непосредственно отъ Бога*, а потому не можетъ быть никѣмъ судимъ кромѣ Бога. Напротивъ, Григорій во всемъ своемъ ученіи предполагаетъ, что власть св. Петра есть первоисточникъ всякой власти на землѣ, въ томъ числѣ и власти царской. Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ вопросъ объ отлученіи королей сводился къ вопросу о самомъ существѣ святительской и царской власти. Если папа — вселенскій пастырь, то ему, какъ блюстителю чистоты церковнаго стада, принадлежитъ право отлучать королей, какъ и всѣхъ прочихъ смертныхъ. Но король, который можетъ быть судимъ и отлучаемъ высшей земной властью,— уже не есть непосредственный „викарій" Христа на землѣ. Если, напротивъ, король, какъ помазанникъ Божій, не подчиненъ никакому человѣческому суду и власти, то папа уже не есть вселенскій пастырь: онъ не можетъ удалить изъ стада паршивую овцу: его власть „связывать и разрѣшать" подвержена изъятіямъ, ограниченіямъ.

XVI. Ради осуществленія единодержавія св. Петра въ церкви, какъ его понимаетъ Григорій, власть царская должна быть все-

цѣло подчинена власти святительской. Преемникъ св. Петра долженъ пользоваться всяческой властью на землѣ: онъ можетъ не только отлучать, но и низлагать царей и возводить своихъ ставленниковъ на ихъ мѣсто.

По Григорію то и другое право вытекаетъ прежде всего изъ принадлежащей апостоламъ Петру и Павлу власти „вязать и рѣшить": въ силу этой власти апостолы могутъ „отнимать и давать каждому по заслугамъ: имперіи, царства, княжества, герцогства, маркграфства и всяческія человѣческія владѣнія". Въ знаменитомъ письмѣ къ Герману Мецскому, написанномъ въ 1081 г., Григорій выводитъ тѣ же права папы изъ „власти ключей", принадлежащей св. Петру. „Развѣ не можетъ судить о земномъ, — читаемъ мы здѣсь, — тотъ, кому дана власть отворять и затворять врата небесъ. Да не будетъ такъ. Или вы не помните, — что сказалъ апостолъ Павелъ: *Развѣ вы не знаете, что мы будемъ судить ангеловъ? Кольми паче — мірскія дѣла*". На подобныхъ же доказательствахъ a fortiori построена вообще вся аргументація Григорія. Если апостольскій престолъ можетъ судить о дѣлахъ духовныхъ, то почему онъ не можетъ судить и о свѣтскихъ дѣлахъ? Если св. апостолы могутъ отнимать и раздавать патріархаты, архіепископства и епископства, то почему же они не могутъ дѣлать того же и въ нисшей, мірской сферѣ, т. е. располагать царствами? Слабая сторона всѣхъ этихъ разсужденій, согласно вѣрному замѣчанію современнаго нѣмецкаго историка—Мартенса, заключается въ примѣненіи аргумента a fortiori къ областямъ неоднороднымъ. Изъ того, напр., что духовникъ освобождаетъ кающагося отъ грѣховныхъ узъ, не слѣдуетъ, что онъ можетъ сдѣлать для своего духовнаго сына меньшее въ другой сферѣ, напр., освободить его отъ его долговыхъ обязательствъ. И точно также изъ того, что папа можетъ отрѣшать пастырей отъ должностей—не слѣдуетъ a fortiori, что онъ можетъ низлагать королей.

Аргументъ a fortiori.

Замѣчательно, что указанное заблужденіе вовсе не есть только индивидуальный, личный промахъ Григорія; тотъ же аргументъ a fortiori повторяется многими писателями и составляетъ одно изъ общихъ мѣстъ клерикальной публицистики того времени. Ясное дѣло, что это общее партійное ослѣпленіе не есть результатъ простой случайности, а обусловливается дѣйствіемъ общихъ историческихъ причинъ, вліявшихъ одинаковымъ образомъ какъ на практическихъ дѣятелей, такъ и на писателей занимающей насъ эпохи.

Причины партійнаго ослѣпленія Григорія и его сторонниковъ.

Изъ этого подчиненнаго положенія царей въ церкви папа заключаетъ, что они вообще подлежатъ суду святителей, а тѣмъ паче—суду римскаго первосвященника. Словомъ, Григорій выводитъ право папы судить и низлагать королей изъ того, что короли лишь въ наименьшей степени располагаютъ духовной властью. Какъ ни страненъ кажется этотъ логическій скачекъ съ нашей современной точки зрѣнія,—въ тѣ времена люди не могли сознавать главнаго промаха папской аргументаціи въ виду указанныхъ нами особенностей того средневѣковаго строя, среди котораго они жили и дѣйствовали.

Противорѣчія въ отношеніи Григорія къ свѣтской власти.

XVII. Отношеніе Григорія къ свѣтской власти не можетъ быть вполнѣ послѣдовательнымъ. Мы уже видѣли, что онъ осуществляетъ реформу при содѣйствіи мірянъ, коихъ онъ дѣлаетъ судьями надъ пастырями; въ борьбѣ противъ враждебныхъ апостольскому престолу государей онъ долженъ опираться на другія мірскія власти. Принудительное единство святительской теократіи вообще нуждается въ содѣйствіи свѣтскаго меча для своего осуществленія. Одну и ту же свѣтскую власть требуется умалить и унизить, поскольку она препятствуетъ осуществленію „божескаго царства" на землѣ и возвысить, поскольку она служитъ его цѣлямъ. Отсюда въ произведеніяхъ Григорія—двѣ противорѣчивыя характеристики свѣтской власти: будучи продуктомъ грѣха, нечестивой узурпаціи, она вмѣстѣ съ тѣмъ — необходимый органъ теократіи, хотя и подчиненный папѣ, какъ высшей инстанціи.

Даже въ письмахъ къ Герману Мецскому, написанныхъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ столкновенія папы съ императоромъ, сталкиваются обѣ эти противоположныя тенденціи. Мы уже видѣли, что въ этихъ письмахъ отрицательное отношеніе Григорія къ свѣтской власти выражается въ крайне рѣзкой формѣ. Но тутъ же, въ письмѣ къ Герману за 1081 г., мы сталкиваемся съ такимъ ученіемъ о задачахъ христіанской монархіи, которое плохо вяжется съ предшествовавшей отрицательной характеристикой государства. Цари,—читаемъ мы здѣсь—должны *блюсти души* своихъ подданныхъ и отдавать о нихъ отчетъ Всевышнему; церковь возводитъ царей и императоровъ не ради ихъ суетной славы, а „*ради спасенія многихъ*"; этимъ опредѣляются основныя обязанности государей.

Понятно, что царь, который ведетъ своихъ подданныхъ ко спасенію, уже не есть только свѣтскій властитель. Это, повидимому, сознаетъ и самъ Григорій. Въ другомъ письмѣ онъ утверждаетъ, что тѣло церкви управляется двумя властями — царскою и святи-

тельскою, которыя въ ней столь же необходимы, какъ два глаза въ человѣческомъ тѣлѣ. По поводу предстоящаго въ 1081-мъ году избранія германскаго короля на мѣсто низложеннаго Генриха и убитаго антикороля Рудольфа, папа обращается съ мольбой къ Спасителю, чтобы Онъ далъ церкви такого защитника и „*правителя*“ (rectorem), какого ей подобаетъ имѣть. Въ 1074-мъ году, намѣреваясь отплыть въ крестовый походъ на востокъ, Григорій хочетъ поручить вмѣсто себя управленіе римской церковью германскому королю — Генриху IV-му. Также точно противорѣчиво ученіе Григорія о *происхожденіи* свѣтской власти: называя ее, какъ мы видѣли, изобрѣтеніемъ человѣческой гордости, Григорій въ нѣкоторыхъ письмахъ утверждаетъ, что она произошла отъ божественнаго установленія.

Вообще, когда требуется смирить непокорныхъ свѣтскихъ властителей, папа утверждаетъ, что они не имѣютъ въ церкви никакой власти или пользуются властью меньшею, нежели нисшіе члены клира; когда требуется пріобрѣсти въ мірскихъ государяхъ помощниковъ и союзниковъ, онъ разсматриваетъ ихъ какъ нѣкотораго рода святителей, поставленныхъ управлять церковью. Эти противорѣчія не составляютъ только черту политики папы, колеблющейся въ зависимости отъ оппортунистическихъ соображеній. Они коренятся въ самомъ существѣ теократическаго идеала, который исходитъ изъ аскетическаго презрѣнія ко всему мірскому и вмѣстѣ съ тѣмъ нуждается въ содѣйствіи мірской власти для своего осуществленія. Двойственная оцѣнка государства и мірской власти вообще присуща тому августиновскому пониманію „божескаго царства“, которое господствуетъ въ средніе вѣка. Съ одной стороны, церковь разсматривается здѣсь, какъ единственная положительная величина: по сравненію съ ней—мірское царство, какъ такое, есть прахъ и тлѣнъ; мірская власть, какъ такая, есть проявленіе человѣческаго грѣха или ничтожества. Съ другой стороны, именно это отрицательное отношеніе къ государству ведетъ къ тому, что церковь становится на его мѣсто, поглощаетъ его въ себѣ: государство превращается въ часть божескаго царства, часть церкви; свѣтскія власти становятся въ ней правителями и какъ бы чинами ея іерархіи.

Какъ въ своей практической дѣятельности, такъ и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ Григорій VII является героемъ и апологетомъ той теократической системы, которая въ то время господствовала въ жизни европейскихъ народовъ. Поэтому противо-

ченіе ихъ кажется ничтожнымъ рядомъ съ положеніемъ епископа [1]) Подъ сѣнью этой епископской власти складывается общинная жизнь Ломбардіи. Окруженный крѣпкими стѣнами, населенный жителями, которыхъ связывали общіе интересы, городъ рано пріобрѣтаетъ сознаніе своей силы и умѣетъ имъ пользоваться. Купцы и ремесленники составляютъ отдѣльныя корпораціи, обладающія самоуправленіемъ; соединяясь вмѣстѣ, эти корпораціи вырабатываютъ постепенно общинную администрацію. Даже епископъ, управляющій городомъ, носитъ до извѣстной степени характеръ муниципальнаго магистрата. Граждане имѣютъ голосъ при его избраніи, а епископъ съ своей стороны, назначая довѣренныхъ лицъ для суда и администраціи, выбираетъ ихъ изъ среды гражданъ. Тотъ же епископъ собираетъ въ случаѣ необходимости народное собраніе. И нигдѣ въ Ломбардіи епископъ не стоялъ такъ высоко, какъ въ Миланѣ, гдѣ уже съ IX вѣка онъ былъ почти всемогущимъ. Въ XI вѣкѣ, когда городъ насчитывалъ 300 т. ж., и промышленность и торговля его процвѣтали, архіепископъ Герибертъ считалъ себя настолько сильнымъ, что вступилъ въ борьбу съ самимъ императоромъ.

Устройство городовъ. Но почти для всѣхъ городовъ наступаетъ моментъ, когда городская община, окрѣпшая подъ владычествомъ епископа, хочетъ избавиться отъ власти, которою она уже тяготится. Такъ, въ Кремонѣ еще въ началѣ XI вѣка граждане изгоняютъ епископа Ландульфа и разрушаютъ его дворецъ. Реформы въ церковной организаціи и споръ изъ-за инвеституры ослабляютъ власть епископовъ, вносятъ новое движеніе въ городскую жизнь и благопріятствуютъ стремленіямъ городовъ къ независимости. Въ Миланѣ съ этого времени идетъ постоянная борьба города съ архіепископомъ и среди этихъ смутъ слагается постепенно муниципальное правленіе. Съ другой стороны, города представляютъ такую силу, что въ борьбѣ духовной и свѣтской власти и та и другая старается имѣть ихъ на своей сторонѣ и, конечно, пріобрѣтаетъ ихъ поддержку не даромъ. Если Генрихъ IV освобождаетъ жителей Лукки отъ власти епископа Ансельма, то и графиня Матильда даетъ подобную привилегію жителямъ Мантуи. Такимъ образомъ права верховной власти, попавшія тѣмъ или другимъ путемъ въ руки епископа, переходятъ къ городу. Этотъ переворотъ въ городской организаціи, подставившій въ большинствѣ городовъ городскую автономію на мѣсто

---

[1]) Многочисленныя привиллегіи, данныя имп. грамотами ломбардскимъ церквамъ, даютъ намъ достаточныя свѣдѣнія о подобномъ порядкѣ вещей.

епископской власти, заканчивается уже въ первой половинѣ XII вѣка. Въ Ломбардіи онъ ознаменовывается всего болѣе распространеніемъ консульства, которое раньше являлось лишь въ видѣ исключенія въ отдѣльныхъ городахъ[1]).

Общинное управленіе ломбардскихъ городовъ слагалось изъ трехъ существенныхъ элементовъ: консуловъ, совѣта и народнаго собранія. Въ рукахъ консуловъ лежала власть административная, судебная и военная. Но не всегда власть консуловъ распространялась одинаково на всѣ классы городского населенія; въ средневѣковомъ быту городскіе классы были для этого слишкомъ обособлены. Въ ломбардскихъ городахъ мы имѣемъ такихъ класса три, не считая духовенства: дворянство (milites, capitani, valvassores), торгово-промышленный классъ и простой народъ (чернь). Въ нѣкоторыхъ городахъ дворянство не входило вначалѣ въ общую организацію, какъ напр. въ Моденѣ до 1185 г. Въ Генуѣ духовенство и чернь (minores) въ половинѣ XII в. пользовались покровительствомъ общины, но не составляли ея части. По большей части консуловъ было 12, но число ихъ мѣнялось иногда въ одномъ и томъ же городѣ. Въ Миланѣ въ 1117 г. было 18 консуловъ, въ 1130—20 и въ 1162—8. Иногда число ихъ соотвѣтствовало числу городскихъ кварталовъ (rioni, sestieri). Рядомъ съ консулами дѣйствовалъ городской совѣтъ, носившій обыкновенно названіе credentia, потому что члены его давали обѣщаніе довѣрять консуламъ (credentiam consulum juraverunt). Въ нѣкоторыхъ городахъ власть консуловъ была значительно связана этими совѣтами, но мы, къ сожалѣнію, мало знаемъ относительно способа ихъ составленія. Что же касается народнаго собранія (concio publica, parlamentum), то оно собиралось только въ особенно важныхъ случаяхъ и состояло изъ всѣхъ членовъ общины (communitas). Въ нѣкоторыхъ городахъ консулы, слагая должность, давали отчетъ о своемъ управленіи въ этихъ собраніяхъ. Организація ломбардскихъ городовъ не была однообразной въ виду того, что каждый городъ имѣлъ свои статуты, гдѣ одинаково можно было встрѣтить слѣды какъ римскаго, такъ и ломбардскаго права. Свободное устройство и богатство ломб. городовъ невольно бросалось въ глаза иностраннымъ писателямъ, и Отто Фрейзингенскій, дядя и историкъ Фридриха Барбаруссы, съ удивленіемъ описываетъ устройство городовъ, гдѣ

---

[1]) Такъ, мы находимъ консуловъ въ Бландратѣ въ 1093, въ Асти 1095, Комо 1109, Миланѣ 1107, Гуасталѣ 1115, Піаченцѣ 1126, Моденѣ 1150 и т. д.

расчитывать на болѣе прочные результаты своей дѣятельности. Ни Карлъ Великій, ни Оттонъ I не имѣли яснаго представленія о тѣхъ императорскихъ правахъ, на которыя они ссылались. Фридрихъ же былъ окруженъ легистами, докторами Болонскаго университета, которымъ онъ поручаетъ опредѣленіе своихъ правъ. И легисты даютъ императору самыя выгодныя для его власти положенія, они говорятъ ему, что его воля имѣетъ силу закона, что ему принадлежитъ не только верховная власть, но и собственность надъ міромъ.

Римская церковь неизбѣжно должна была столкнуться съ императоромъ, который предъявлялъ права и полагалъ свою руку на то, что церковь привыкла уже считать своей собственностью. „Святой Петръ—единый государь Рима“—говоритъ папа.—„Если я не господинъ въ немъ, то я императоръ только по имени“—отвѣчаетъ Фридрихъ. Но, ссылаясь на античныя преданія, называя себя преемникомъ Константина, Ѳеодосія и Юстиніана, Фридрихъ остается въ то же время сыномъ своего вѣка: мы видимъ въ немъ благочестиваго католика и истаго германца. Фридриху дорого достоинство церкви и онъ не видитъ въ папѣ лишь политическаго противника, подобно своему внуку, для котораго всѣ средства хороши, чтобы унизить папу. Въ XII вѣкѣ римскія преданія возрождались не только въ теоретическомъ обоснованіи императорской власти, но и въ попыткѣ возродить идею римскаго народовластія. Въ безпокойномъ всегда Римѣ въ половинѣ XII в. произошелъ крупный переворотъ, во главѣ котораго стояла замѣчательная личность Арнольда Брешіанскаго. Это была не только смѣлая, но преждевременная и заранѣе обреченная на неудачу попытка церковной реформы, но и цѣлый политическій переворотъ, пытавшійся вновь создать въ Римѣ правительство „сената и народа римскаго“. Римская республика должна была опереться на кого-нибудь въ борьбѣ съ папой и она обращалась къ Конраду III и теперь къ Фридриху Барбароссѣ. Она хотѣла видѣть въ императорѣ носителя верховной власти римскаго народа и надѣялась достигнуть отъ него утвержденія пріобрѣтенныхъ правъ и освобожденія отъ папской власти. Фридрихъ былъ оскорбленъ и какъ императоръ и какъ германецъ. Мы не можемъ считать вполнѣ точнымъ отвѣтъ Фридриха, приведенный его историкомъ Отто Фрейзингенскимъ, но, если не слова, то мысль императора передана вѣрно: „Напрасно говорите вы о прежнемъ величіи и великолѣпіи Рима; не только владычество, но и самыя доблести перешли къ германцамъ. По-

этому правятъ вами германскіе короли, думаютъ за васъ германскіе князья, сражаются за васъ германскіе воины. Я прихожу не для того, чтобы получить отъ васъ что-либо, но чтобы васъ спасти отъ внутреннихъ и внѣшнихъ раздоровъ". Руководствуясь подобными взглядами, Фридрихъ пожертвовалъ римской революціей и Арнольдомъ Брешіанскимъ папѣ и выпустилъ изъ рукъ готовое оружіе противъ римской церкви.

Желая быть господиномъ въ Римѣ и Италіи, Фридрихъ не могъ безразлично смотрѣть на свободное развитіе ломбардскихъ городовъ, которые въ теченіе цѣлаго вѣка отвыкли отъ сильной императорской власти. То, что Фридрихъ сказалъ въ 1158 г. о Миланѣ, относилось и къ свободной Ломбардіи вообще: „Высокомѣріе ихъ подняло голову противъ римской имперіи и въ настоящее время старается потрясти всю Италію. Поэтому мы хотимъ обратить противъ нихъ всѣ силы этой имперіи". Свобода Ломбардіи и идеалы императора не могли быть осуществлены въ одно и то-же время. Обѣ стороны прибѣгли къ оружію, чтобы защитить то, что они считали своимъ правомъ. 22 года длилась борьба Фридриха въ Италіи и 6 разъ переходилъ онъ для этого черезъ Альпы. Все это время можно удобно раздѣлить на два періода. Первый—торжество императора — выразился теоретически въ постановленіяхъ Ронкальскаго сейма и реально въ разрушеніи мятежнаго Милана. Второй — торжество городовъ — привелъ прежде къ фактическому уничтоженію императорской силы въ битвѣ при Леньяно и получилъ затѣмъ формальное опредѣленіе на Венеціанскомъ конгрессѣ и въ Констанцкомъ договорѣ.

Первый походъ Фридриха.

Осенью 1154 г. Фридрихъ въ первый разъ переходитъ Альпы. Цѣлью его было надѣть императорскую корону въ Римѣ, но въ то-же время императоръ не могъ пройти черезъ Ломбардію, не напомнивши ея городамъ о своихъ верховныхъ правахъ и не устранивши тѣхъ злоупотребленій, жалобы на которыя дошли до него въ Германіи. Еще въ Констанцѣ посольство отъ Лоди умоляло его спасти городъ отъ тираніи Милана. Теперь на Ронкальскомъ полѣ близъ Піаченцы Фридрихъ выставилъ свой королевскій щитъ и потребовалъ къ себѣ своихъ итальянскихъ вассаловъ. Начались жалобы. Маркграфъ Монферратскій, единственный крупный сеньёръ верхней Италіи, не склонившійся еще передъ могуществомъ городовъ, указалъ на то, какъ вообще палъ авторитетъ короля въ Италіи, и въ частности обвинилъ особенно города Асти и Кіери. Затѣмъ цѣлый рядъ жалобъ посыпался на самовластіе

отъ 14 ломбардскихъ городовъ для опредѣленія правъ императора надъ Ломбардіей [1]).

Работы коммиссіи показали, что, несмотря на численное превосходство представителей городовъ, главную роль въ ней играли все-таки болонскіе юристы. Это были ученики знаменитаго Ирнерія: Булгарусъ, Мартинъ Гозіа, Іаковъ и Гуго де Порта Равенната. Фридрихъ не даромъ принялъ болонскую школу подъ свое особое покровительство и поставилъ профессоровъ права наравнѣ съ рыцарями. Одушевленные только что возрождавшимся тогда изученіемъ древне-римскаго права и исходя изъ средне-вѣковой идеи, что священно-римскіе императоры германской націи являются преемниками Юстиніана, Өеодосія и Константина, они провели очень высокое представленіе о положеніи императора вообще; опредѣляя же его права, какъ государя, по отношенію къ городамъ, они оставили безъ вниманія тотъ дѣйствительный порядокъ, который сложился самъ собою въ Ломбардіи съ XI вѣка. Императору возвращались всѣ регаліи, отъ которыхъ должны были отказаться епископы, князья и консулы, бывшіе представителями городской автономіи. Въ качествѣ такихъ регалій къ императору отошли всѣ территоріальныя владѣнія, т. е. герцогства, маркизаты, графства и маркграфства, затѣмъ чеканка монеты, право обложенія налогами и многоразличныя пошлины того времени, обогатившія его казну на 30 т. ф. лишнихъ въ годъ. Ему же принадлежало право уголовнаго суда и назначеніе городскихъ магистратовъ, подестъ, консуловъ и судей, хотя и съ согласія общины. Этимъ создавалась столь рѣзко выраженная феодальная монархія, какой еще никогда не было въ Ломбардіи и которая не могла не противорѣчить сильно развитому въ ней республиканскому духу. Наиболѣе важно было право назначенія городскихъ магистратовъ, которое дѣлало Фридриха не только леннымъ главою, но и настоящимъ государемъ этихъ городовъ. Правда, Фридрихъ обѣщалъ—и это вошло въ самыя постановленія сейма—что, если кто докажетъ, что онъ получилъ отъ императора или его предшественниковъ какія-либо особыя права или льготы, то онъ можетъ сохранить ихъ, хотя бы они противорѣчили принятымъ на сеймѣ рѣшеніямъ. Но привести эти доказательства было не такъ легко, и оговорка эта мало смягчала поэтому безотрадный для городовъ результатъ Ронкальскаго

[1]) Instit., I, 2, 6. Quod principi placuit, legis habet vigorem, cum populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem concesserit.

сейма. Духовные и свѣтскіе князья присягнули новому государственному закону, и Фридрихъ оказался на такой высотѣ, что придворные юристы имѣли нѣкоторое основаніе называть его „господиномъ міра“, скрѣпившимъ пріобрѣтенія оружія святостью закона [1]). Новый порядокъ въ Ломбардіи сопровождался и новымъ явленіемъ въ городской организаціи. Какъ преобладаніе свободнаго начала совпало съ развитіемъ консульства, такъ усиленіе монархическаго характеризуется распространеніемъ должности подеста. Имя это встрѣчается, правда, и раньше, но въ видѣ исключенія, какъ напримѣръ въ Болоньѣ, въ 1151 — 53 г. Но какъ общее учрежденіе это — новость, и въ такомъ смыслѣ отмѣчаетъ это явленіе современный писатель, Отто Морена, говоря объ учрежденіи должности подеста въ Лоди въ 1159 г. Сохранилось извѣстіе, что Фридрихъ совѣтовался съ представителями Милана, какъ лучше обезпечить вѣрность ломбардскихъ городовъ, и тѣ посовѣтовали назначить вѣрныхъ людей подестами. Подесты стали главными проводниками императорской власти. Будучи высшими сановниками города, они мало-по-малу перевели на себя большую часть той власти, которая принадлежала прежде консуламъ. Чтобы подеста меньше зависѣлъ отъ мѣстныхъ страстей и партій, онъ былъ, обыкновенно, родомъ изъ другой мѣстности и не оставался долго на своемъ посту. Эти-же причины дѣлали его склоннымъ злоупотреблять своею властью, прикрываясь интересами короны. Отношенія къ нему городского населенія могли быть только враждебными.

Ронкальскій сеймъ 1158 г. привелъ совершенно къ инымъ послѣдствіямъ, нежели ожидали: вмѣсто того, чтобы водворить спокойствіе и миръ, онъ далъ новый поводъ къ столкновеніямъ и войнамъ. Отвѣтственность за это падаетъ на обѣ стороны. Съ одной стороны, ломбардскіе города, торжественно признавая въ такихъ обширныхъ размѣрахъ права императора надъ собою, надѣялись на то, что на практикѣ они не будутъ примѣняться во всей ихъ полнотѣ; они расчитывали также на свои отдѣльныя привиллегіи и частныя соглашенія съ императоромъ, какъ это и было съ Миланомъ. Съ другой стороны, и Фридрихъ совершалъ, можетъ быть, самую крупную ошибку въ своей политикѣ, считая,

---

[1]) Юристъ Мартинъ называетъ императора dominus mundi столько же de proprietate, сколько же и de jure. Какъ высоко ставилась законодательная и юридическая власть Фридриха, видно изъ того, что нѣкоторыя положенія Ронкальскаго сейма, напримѣръ, о присягѣ малолѣтнихъ, вошли въ Corpus juris.

что опредѣленіями Ронкальскаго сейма навсегда урегулированы его отношенія къ Ломбардіи. Видя свой идеалъ въ прошломъ, уже отжившемъ времени, Фридрихъ, при всемъ своемъ политическомъ тактѣ, не имѣлъ яснаго представленія о современной Италіи и о томъ, что можетъ онъ съ нея требовать. Постановленія Ронкальскаго сейма были для него опредѣленіемъ тѣхъ правъ, отъ которыхъ онъ, какъ священно-римскій императоръ, отступить не могъ, и потому ломбардскіе города, не желавшіе примириться съ потерею своей городской свободы, были для него лишь мятежниками, по отношенію къ которымъ Фридрихъ былъ безпощаденъ, нисколько не увлекаясь личною местью.

Новая борьба съ Миланомъ.

Какъ только дѣло дошло до примѣненія на дѣлѣ рѣшеній сейма, начались столкновенія съ городами и прежде всего все съ тѣмъ же Миланомъ. Разногласіе вышло принципіальнаго характера, какъ это и слѣдовало ожидать. Императоръ послалъ туда своего канцлера Райнальда Дасселя, архіепископа Кельнскаго и пфальцграфа Отто Вительсбаха, чтобы назначить городскихъ сановниковъ: онъ опирался, слѣдовательно, на общее рѣшеніе сейма. Но въ Миланѣ имѣли въ виду капитуляцію, заключенную съ императоромъ при сдачѣ города и предоставлявшую имъ право выбора своихъ магистратовъ: Ронкальскія постановленія, какъ было упомянуто выше, допускали возможность особыхъ условій въ виду ранѣе дарованныхъ привиллегій. Только въ такомъ случаѣ представители Милана на сеймѣ могли признать его рѣшенія, не дѣлаясь измѣнниками противъ своего родного города. Упорство императорскихъ пословъ довело дѣло до открытаго мятежа въ Миланѣ, при чемъ толпа кидала камни въ окна дома, гдѣ помѣстились послы, и угрожала даже ихъ жизни. Послы поспѣшили удалиться, и разгнѣванный Фридрихъ потребовалъ удовлетворенія. Новые переговоры не только не привели къ соглашенію, но еще болѣе обострили дѣло, когда выведенные изъ терпѣнія миланцы заявили, что они „обѣщали императору вѣрность, но не обѣщали соблюдать ее". Они подразумѣвали, конечно, „если и онъ съ своей стороны не будетъ соблюдать договора".

16 апрѣля 1159 года Миланъ былъ снова объявленъ въ опалѣ: область его была осуждена на разграбленіе, жители на рабство, самый городъ на уничтоженіе. Императоръ вызывалъ новыя войска изъ Германіи и собиралъ вокругъ себя силы ломбардскихъ городовъ. Гнетъ новыхъ порядковъ не успѣлъ еще оттолкнуть всѣ ломбардскіе города отъ Фридриха, и большинство ихъ послѣдовало

его призыву. Сторону Милана держали только Крема, Брешіа и Піаченца. Оставивъ пока въ покоѣ Миланъ, Фридрихъ приступилъ сначала къ осадѣ Кремы. Она длилась цѣлыхъ 7 мѣсяцевъ, и обѣ стороны соперничали не только въ мужествѣ и выносливости, но и въ ненависти и жестокости [1]). Когда городъ былъ доведенъ до крайности, герцогъ Саксонскій Генрихъ Левъ выступилъ посредникомъ и императоръ позволилъ жителямъ покинуть городъ. Среди суровой зимы 20 т. ч. вышли изъ Кремы и на чужбинѣ должны были искать себѣ убѣжища. Городъ былъ разрушенъ и его развалины краснорѣчиво говорили Милану объ ожидающей его участи.

Въ 1161 г. императоръ получилъ наконецъ требуемыя подкрѣпленія изъ Германіи, и тогда началась вторая осада Милана. Городъ былъ отрѣзанъ отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ: Фридрихъ хотѣлъ голодомъ принудить его къ покорности. Миланцы отчаянно защищались, и взаимное раздраженіе и ненависть росли въ обоихъ лагеряхъ. Плѣнные не знали пощады: ихъ калѣчили или вѣшали. Фридрихъ далъ обѣтъ не надѣвать короны до тѣхъ поръ, пока мятежный городъ не будетъ покоренъ. Наступилъ слѣдующій 1162 годъ. Пожаръ уничтожилъ запасы города, и нужда съ каждымъ днемъ становилась ужаснѣй. И вотъ, какъ 4 года тому назадъ, Миланъ рѣшился просить пощады. Посольство отъ города предложило императору: уничтожить всѣ укрѣпленія, отказаться отъ всѣхъ союзовъ, принять въ городъ императорское войско, предоставить императору назначеніе городскихъ сановниковъ, отказаться отъ всѣхъ верховныхъ правъ, выдать 300 заложниковъ и заплатить значительную сумму денегъ. Городъ не могъ итти далѣе въ своей покорности, и тѣмъ не менѣе условія эти не были приняты въ совѣтѣ императора. Канцлеръ Райнольдъ требовалъ для удовлетворенія чести императора безусловной покорности, и Фридрихъ согласился съ нимъ. 1-го марта 1162 года консулы и другіе представители города явились въ лагерь при Лоди, бросились Фридриху въ ноги и заявили, что Миланъ сдается на волю

---

[1]) Въ войскѣ Фридриха играли отрубленными головами плѣнныхъ, какъ мячами, а на стѣнахъ города рвали въ куски воиновъ императора. Между прочими Фридрихъ приказалъ привязать заложниковъ, данныхъ ему Кремою, въ томъ числѣ нѣсколько дѣтей, къ осадной башнѣ и придвинуть ее къ вражескимъ стѣнамъ въ надеждѣ, что это ослабитъ ихъ сопротивленіе. Но осажденные направили свои выстрѣлы на роковую башню и громко прославляли счастливую участь своихъ дѣтей, которыя въ такомъ нѣжномъ возрастѣ пали за свободу отечества.

императора. Черезъ 3 дня 300 рыцарей вручили Фридриху ключи отъ всѣхъ воротъ и укрѣпленій и 36 городскихъ знаменъ. Затѣмъ, 6 марта послѣдовала самая сдача города, которая своимъ печальнымъ характеромъ долна была произвести неизгладимое впечатлѣніе на присутствующихъ. Все населеніе города, раздѣленное на отряды, явилось снова какъ и въ 1158 г. въ лагерѣ императора. Всѣ шли босые, съ веревками на шеѣ, съ головами, посыпанными пепломъ, съ горящими свѣчами въ рукахъ. Но на этотъ разъ у миланцевъ не было уже надежды на милосердіе Фридриха. Императоръ, бывшій въ это время за столомъ, заставилъ ихъ долго дожидаться подъ проливнымъ дождемъ. Наконецъ онъ вышелъ и занялъ мѣсто на тронѣ, окруженный нѣмецкими князьями. Безконечныя толпы потянулись передъ нимъ, кладя къ его ногамъ свои знамена. Наконецъ дошла очередь до знаменитой кароччіо миланцевъ. Подъ звуки трубъ, которыя, „звучали какъ-бы на похоронахъ умирающей гордости города“ —говоритъ очевидецъ, нѣкто Бурхардъ— высокая мачта, украшенная крестомъ и изображеніемъ благословляющаго Амвросія, склонилась передъ трономъ, какъ бы прося пощады городу. Отвѣтъ былъ не менѣе краснорѣчивъ:по знаку императора святыня миланцевъ была разбита въ куски, и весь народъ съ плачемъ кинулся на землю, чувствуя, что пришелъ конецъ ихъ родному городу. Всѣ присутствующіе были тронуты, но „лицо императора не измѣнилось“. Три раза графъ Бландрата пробовалъ говорить въ пользу побѣжденныхъ, но „лицо императора оставалось какъ бы окаменѣвшимъ“. Наконецъ, среди всеобщей тишины раздался увѣренный голосъ Фридриха: „По закону вы всѣ потеряли право на жизнь. Я подарю вамъ ее, но приму такія мѣры, что впредь подобные проступки станутъ для васъ невозможны“. Судьба Милана была рѣшена на сеймѣ въ Павіи. Всего ожесточеннѣе говорили противъ него его ломбардскіе противники. „Миланъ долженъ осушить“,— говорили они,--„ту чашу скорби, которую онъ нѣкогда готовилъ другимъ. Онъ долженъ быть разрушенъ, какъ онъ самъ разрушилъ Лоди и Комо“. И это мнѣніе было принято. Жители Милана должны были въ теченіе 8 дней покинуть осужденный на гибель городъ и поселиться въ 4 селеніяхъ на разстояніи 2 миль одно отъ другого. 26 марта, послѣ того какъ все населеніе бѣжало и разсѣялось въ окрестностяхъ, императоръ торжественно вступилъ съ войскомъ въ городъ, при чемъ для него была разрушена часть стѣны, такъ какъ онъ не хотѣлъ проѣхать обычнымъ путемъ черезъ городскія ворота. Затѣмъ приступили къ уничтоженію города и жители Лоди,

Павіи, Кремоны и Комо могли удовлетворить вполнѣ свою ненависть къ бывшему противнику. Отъ великолѣпнаго Милана уцѣлѣли только нѣкоторыя церкви и дворцы и по самому мѣсту его провели плугомъ борозду и посыпали ее солью въ знакъ того, что это мѣсто должно оставаться пустыннымъ на вѣки. На праздникъ Пасхи въ Павіи императоръ снова возложилъ на себя корону, но онъ ошибался, если думалъ, что разрушеніемъ Милана онъ окончательно закрѣпилъ свой авторитетъ въ Италіи.

Алексаидръ III.

Замиреніе Ломбардіи могло быть только временнымъ. Слишкомъ развито въ ней было чувство національной и городской самостоятельности, чтобы разрушеніе Милана могло совершенно подавить его. Къ тому же соперничество императорской и папской политики должно было поддерживать тайныя надежды ломбардцевъ. Въ послѣдней области далеко не все обстояло благополучно. Фридрихъ съ его высокими задачами менѣе, чѣмъ кто-либо, могъ ужиться съ Римомъ и его традиціями. Его добрыя отношенія къ Адріану IV, вынужденныя обстоятельствами, не были продолжительны. Уже на Безансонскомъ сеймѣ 1157 года посолъ папы, энергичный кардиналъ Роландъ Бандинелли, говоря объ императорской коронѣ, назвалъ ее „beneficium", чѣмъ хотѣлъ показать, что это ленъ, данный Фридриху папою. Это вызвало сильное негодованіе среди германскихъ князей, и послѣдовала цѣлая переписка между императоромъ и папою. Не найдя поддержки среди германскихъ епископовъ, Адріанъ на этотъ разъ уступилъ и заявилъ, что слово „beneficium" было употреблено въ смыслѣ „благодѣяніе". Отношенія испортились снова послѣ Ронкальскаго сейма. Фридрихъ рѣшился воспользоваться сполна всѣми своими правами не въ одной только Ломбардіи. Былъ поднятъ вопросъ о регаліяхъ, принадлежавшихъ императору во времена Каролинговъ и Оттоновъ въ церковной области; отъ итальянскихъ епископовъ потребовали исполненія ленныхъ обязанностей—папа настаивалъ, что епископы по отношенію къ императору только подданные, но не вассалы—наконецъ, императоръ распорядился по своему усмотрѣнію владѣніями маркграфини Матильды. Римская церковь, давно уже смотрѣвшая на эти земли, какъ на свою собственность, была сильно раздражена этимъ и выраженія въ перепискѣ обоихъ главъ христіанскаго міра становятся все болѣе рѣзкими. Смерть Адріана IV въ 1159 г. помѣшала ему отлучить Фридриха отъ церкви, о чемъ уже поговаривали въ Римѣ, но въ то же время она еще ухудшила положеніе. Кардиналы раздѣлились при выборѣ папы и въ то время, какъ

приверженцы императора выбрали Виктора IV, его противники остановились на упомянутомъ выше Роландѣ Бандинелли, принявшемъ имя Александра III. Послѣдній, несмотря на то, что его не приняли въ Римѣ, имѣлъ несравненно болѣе силы, чѣмъ его соперникъ, бывшій только орудіемъ Фридриха. Онъ удалился во Францію, нашелъ себѣ признаніе и поддержку во Франціи, Англіи и Испаніи и для Фридриха было чувствительнымъ ударомъ, когда синодъ, собранный въ Тулузѣ въ 1160 г., подтвердилъ выборъ Александра, несмотря на противодѣйствіе императора [1]). Фридрихъ желалъ уже положить конецъ схизмѣ, но едва въ 1164 г. умеръ Викторъ IV, канцлеръ Райнальдъ провелъ выборъ новаго антипапы Пасхалиса III, и императоръ не могъ отказать ему въ своемъ утвержденіи. На слѣдующій годъ Александръ III поладилъ съ римскимъ населеніемъ, вернулся въ свою столицу и изъ Рима призывалъ подданныхъ Фридриха къ мятежу противъ отлученнаго императора. Уже въ Германіи многіе епископы, лишь скрѣпя сердце, подчинялись Пасхалису, а въ Ломбардіи призывъ папы могъ быть встрѣченъ не иначе, какъ съ восторгомъ. Положеніе Ломбардіи было чрезвычайно тяжело послѣ разрушенія Милана, объ этомъ согласно говорятъ всѣ современные источники. И навязанные городамъ подесты и присланные императорскіе уполномоченные позволяли себѣ притѣснять и грабить беззащитное населеніе.

Союзъ ломбардскихъ городовъ съ папой.

Раздавались жалобы на то, что налоги взыскиваются вшестеро болѣе, чѣмъ слѣдовало, что налагаются тяжкія принудительныя работы, что малѣйшее сопротивленіе карается большими денежными штрафами и тюремными заключеніями; должностныя лица обвинялись въ продажности и насиліяхъ. Императору, при всемъ желаніи, было невозможно устранить всѣ эти злоупотребленія. Онъ часто смѣнялъ подестъ, въ 1163 г. лично пріѣзжалъ въ Италію, но исправленія отдѣльныхъ злоупотребленій не могли устранить всего зла и недовольство росло. Ломбардскіе города и папа подавали другъ другу руку. Іоаннъ Салисбюрійскій пишетъ по этому поводу: „Приговоръ (папы) произвелъ уже свое дѣйствіе. Произнесенный въ силу полномочій св. Петра, онъ былъ, повидимому, подтвержденъ Господомъ. Итальянцы, узнавъ о немъ, отдѣлились отъ императора. Они возстановили Миланъ, изгнали схизматиче-

---

[1]) Канцлеръ Райнальдъ въ письмѣ къ Людовику VII доказывалъ „право императора разрѣшать церковные споры, возникающіе въ Римѣ“.

скихъ епископовъ, призвали обратно католическихъ епископовъ, единодушно присоединились къ святому престолу".

Броженіе, вызванное гнетомъ императорскаго правительства, все болѣе и болѣе охватывало города сѣверной и средней Италіи. Въ немъ значительную вину несъ суровый канцлеръ Райнальдъ, не остановившійся даже передъ тѣмъ, чтобы перенести св. мощи изъ Милана въ свой Кельнъ, куда онъ привлекъ этимъ массу богомольцевъ. Къ практическимъ послѣдствіямъ недовольство привело прежде всего въ Веронской маркѣ. Здѣсь образовался союзъ нѣсколькихъ городовъ, ставшій зародышемъ великаго ломбардскаго союза. Александръ III поспѣшилъ оказать свою поддержку этому союзу. Тогда на сеймѣ въ Вюрцбургѣ 1165 г. по настоянію канцлера Райнальда всѣ духовные и свѣтскіе князья съ императоромъ во главѣ присягнули, что они никогда не признаютъ папою ни Александра, ни кого-либо выбраннаго его партіей, но будутъ всегда поддерживать Пасхалиса III и его законныхъ преемниковъ. За измѣну присягѣ виновные подвергались самымъ тяжкимъ взысканіямъ. Тогда же Фридрихъ объявилъ святымъ своего предшественника, Карла В., какъ-бы желая этимъ показать, что онъ не отступитъ отъ завѣщаннаго имъ идеала. Но сила Александра III все росла, и его союзъ съ ломбардскими городами сдѣлалъ Римъ центромъ итальянской политики, а папство охранителемъ національной и городской свободы въ Италіи. При такихъ то обстоятельствахъ въ октябрѣ 1166 года Фридрихъ предпринялъ свой четвертый походъ въ Италію. „Чтобы утвердить своего папу Пасхалиса и наказать вѣроломство миланцевъ", — говоритъ Отто Фрейзингенскій. Фридрихъ идетъ прямо на Римъ, имѣя главной цѣлью изгнать оттуда Александра. Городъ и самый соборъ св. Петра берутся приступомъ, алтари и могила апостоловъ покрываются кровью. Александръ бѣжитъ въ Беневентъ, а Пасхалисъ занимаетъ Латеранъ и надѣваетъ императорскую корону на супругу Фридриха. Но быстрый успѣхъ смѣняется не менѣе быстро наступившимъ бѣдствіемъ. Во время неблагопріятной августовской погоды моровая язва распространяется въ войскѣ Фридриха. Императоръ теряетъ 25 т. ч.—въ томъ числѣ многихъ важныхъ своихъ сподвижниковъ, какъ напр., канцлера Райнальда,—и съ очень малыми силами принужденъ отступить къ Павіи. Катастрофа эта сразу подняла духъ во враждебныхъ ему партіяхъ. При дворѣ Александра къ Фридриху примѣнили слова Библіи: „И послалъ Господь ангела, и тотъ истребилъ всѣхъ храбрыхъ и главно-начальствующаго и

начальствующихъ въ войскѣ царя Ассирійскаго. И возвратился онъ со стыдомъ въ страну свою" [1]). Еще полнѣе было торжество въ Ломбардіи. Римъ не былъ еще взятъ Фридрихомъ, какъ къ союзу противъ него примкнули Кремона, Брешіа, Бергамо, Мантуа и Феррара, и Веронскій союзъ постепенно обращался въ обще-ломбардскій. Такимъ образомъ въ мартѣ 1167 г. возникла знаменитая лига, заключенная 15-ю городами на 20-ти лѣтній срокъ [2]). Союзъ былъ заключенъ „противъ всякаго, кто будетъ притѣснять ихъ или воевать съ ними, противъ всякаго, кто будетъ требовать съ нихъ больше, чѣмъ это дѣлалось со временъ Генриха V до вступленія на престолъ императора Фридриха.

Внѣшнимъ признакомъ этого союза было возобновленіе разрушеннаго Милана: населеніе вернулось на прежнее мѣсто, построило новыя укрѣпленія, и Миланъ опять всталъ во главѣ ломбардскихъ городовъ. Въ виду общей опасности, города, казалось, забыли свое прежнее соперничество. Теряя все болѣе почву въ Италіи — даже вѣрная до сихъ поръ Павія стала колебаться — и не имѣя пока помощи изъ Германіи, Фридрихъ поспѣшилъ вернуться на родину окольнымъ путемъ черезъ Савойю, при чемъ въ Сузѣ едва избѣгнулъ покушенія на свою жизнь. Этого только и ждали въ Ломбардіи. Послѣдніе нѣмецкіе намѣстники и гарнизоны были изгнаны, и почти вся Италія примкнула къ союзу, возобновленному на 50 л. Велись переговоры съ императоромъ Мануиломъ—незадолго до того Византія искала въ Римѣ соединенія коронъ обѣихъ имперій — и съ королемъ Сицилійскимъ. Въ одной изъ своихъ буллъ папа писалъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что въ силу божественнаго внушенія, ради защиты свободы церкви Божіей и вашей противъ Фридриха, именуемаго императоромъ, вы заключили этотъ договоръ мира и согласія и соединились, чтобы видимымъ образомъ свергнуть иго рабства". Папа грозитъ при этомъ отлученіемъ тѣмъ, кто не будетъ повиноваться правителямъ лиги, избраннымъ изъ городскихъ консуловъ. Въ своей ненависти къ Германіи Италія почерпала, повидимому, сознаніе своего національнаго единства. На берегахъ Танаро лига выстроила новую крѣпость и въ честь папы назвала ее Александріей.

Пораженіе при Леньяно.

6 лѣтъ важныя дѣла задерживали Фридриха въ Германіи. Нужно было не только должнымъ образомъ приготовиться къ походу, ко-

[1]) Паралипоменонъ 2, 32, 21.

[2]) Города эти были: Миланъ, Кремона, Бергамо, Брешіа, Мантуа, Феррара, Виченца, Падуа, Лоди, Піаченца, Парма, Модена, Болонья, Венеція.

торый обѣщалъ быть рѣшительнымъ, но и уладить свои отношенія дома: Фридрихъ успѣлъ, между прочимъ, провести избраніе въ короли своего 5-ти лѣтняго сына Генриха. Только въ 1174 г. Фридрихъ съ значительнымъ войскомъ вступилъ въ Италію. Сжегши Сузу, нѣкогда грозившую ему гибелью, онъ приступилъ къ осадѣ Александріи, этого символа ломбардской независимости. Осада пошла неудачно. Нездоровая болотистая мѣстность и осенняя непогода задерживали осадныя работы, а жители мужественно защищались въ ожиданіи помощи, которую должны были прислать имъ ихъ союзники. Послѣ 6-ти мѣсячной осады императоръ отступилъ къ Павіи: его самолюбіе было задѣто этой неудачей. Открылись на короткое время, но остались безъ результата переговоры съ городами и папой. Они были безуспѣшны, потому что императоръ продолжалъ стоять на почвѣ Ронкальскихъ постановленій и Вюрцбургскаго сейма, на что не могли, конечно, согласиться его противники. Оставалось, слѣдовательно, продолжать военныя дѣйствія, но для нихъ нужны были новыя военныя силы. Онѣ были затребованы, но получены далеко не въ томъ размѣрѣ, какъ желалъ императоръ. Генрихъ Левъ, до сихъ поръ дѣятельно поддерживавшій Фридриха въ его борьбѣ въ Италіи, отказалъ ему въ помощи, и даже личныя просьбы императора оказались тщетными. Слѣдующей весной (1176 г.) императоръ вмѣстѣ съ войсками, успѣвшими прійти изъ Германіи, перешелъ въ наступленіе. Не дождавшись присоединенія архіепископа Христіана Майнцскаго, стоявшаго во главѣ императорскаго войска въ Тосканѣ и Умбріи, маркграфа Монферратскаго и другихъ вѣрныхъ ему вассаловъ Фридрихъ встрѣтился съ 100 т. ломбардскимъ войскомъ при Леньяло (29 мая). Это было наиболѣе рѣшительное и въ то же время самое несчастное сраженіе Фридриха. Вначалѣ оно было удачно для нѣмцевъ. Императоръ, легко замѣтный по своему блестящему вооруженію, врѣзался во вражеское войско и принудилъ одно крыло его къ отступленію. Но непоколебимо стоялъ центръ ломбардскаго войска, гдѣ была помѣщена подъ предводительствомъ Альберто де Джіуссано „дружина смерти"—900 избранныхъ рыцарей изъ благородныхъ фамилій, поклявшихся побѣдить или умереть—и такая же стойкая „дружина кароччіо" изъ 300 человѣкъ. Поддерживаемая съ фланга отрядомъ брешіанцевъ, дружина смерти пробила императорскіе ряды и произвела этимъ переполохъ во вражескомъ войскѣ. Онъ увеличился еще болѣе, когда вслѣдъ за знаменоносцемъ палъ на землю самъ императоръ, подъ которымъ была смертельно ранена

лошадь. Вѣсть о мнимой смерти императора уничтожила послѣдній порядокъ въ его войскѣ: оно побѣжало, преслѣдуемое ломбардцами, и многіе, уцѣлѣвшіе отъ руки врага, погибли въ волнахъ Тичино. Богатый лагерь вмѣстѣ съ копьемъ и щитомъ императора достался побѣдителямъ. Самъ Фридрихъ, съ трудомъ спасшійся съ поля битвы, лишь на четвертый день явился въ Павію, гдѣ императрица, считая его мертвымъ, готовилась уже надѣть трауръ.

Ударъ былъ силенъ и долженъ былъ разрушить мечты Фридриха объ имперіи въ духѣ Карла В. Надо было спуститься на болѣе реальную почву и вступить въ переговоры съ противниками. Какъ искусный политикъ, Фридрихъ попробовалъ разъединить враговъ и обратился къ папѣ, минуя пока ломбардскіе города. Переговоры начались при папскомъ дворѣ въ Ананьи. Фридрихъ призналъ Александра III верховнымъ пастыремъ церкви и отказался отъ притязаній на императорскія права въ Римѣ и на всѣ земли, которыя церковь считала своею собственностью, до владѣній маркграфини Матильды включительно. Папа съ своей стороны призналъ всѣ замѣщенія церковныхъ должностей, сдѣланныя Фридрихомъ и выставленными имъ антипапами. Обѣ стороны ставили себѣ кромѣ того задачею установленіе общаго мира — сюда относились ломбардскіе города, Сицилія и даже Византія — и для этого послѣ долгихъ переговоровъ съ городами былъ назначенъ конгрессъ въ Венеціи. Александръ III не отстранилъ себя отъ союзниковъ: онъ далъ обѣщаніе ломбардскимъ городамъ не заключать мира помимо нихъ. „Мы желаемъ такого мира съ императоромъ"—отвѣчали города: — „чтобы честь Италіи была сохранена и наша свобода не нарушена" [1]).

Миръ въ Венеціи.

Лѣтомъ 1177 г. уполномоченные собрались на конгрессъ въ Венеціи. При разнообразіи интересовъ всѣхъ сторонъ заключеніе всеобщаго мира не могло быть достигнуто. Были только подтверждены съ нѣкоторыми ограниченіями статьи заключеннаго между императоромъ и папою договора въ Ананьи, по отношенію же къ ломбардскимъ городамъ было заключено лишь перемиріе на 6 лѣтъ, съ королемъ сицилійскимъ на 15 лѣтъ. Затѣмъ отлученіе отъ церкви было снято съ императора, и Фридрихъ со своимъ дворомъ торжественно въѣхалъ въ Венецію. Папа, окруженный кардиналами, встрѣтилъ его на паперти собора св. Марка. Фридрихъ,

---

[1]) Въ этихъ словахъ можно было бы видѣть идею общаго отечества для жителей полуострова, если бъ мы не знали въ то же время, что подъ именемъ Италіи разумѣли тогда преимущественно Ломбардію.

„осѣненный Духомъ Святымъ и забывая о своемъ императорскомъ достоинствѣ, бросился къ ногамъ папы". Послѣ того, какъ императоръ поцѣловалъ ногу папы, послѣдній поднялъ его со слезами на глазахъ, поцѣловалъ и благословилъ. При послѣдовавшемъ затѣмъ отъѣздѣ изъ собора императоръ, идя пѣшкомъ, поддерживалъ стремя папы. Такимъ образомъ по странному совпаденію, ровно черезъ столѣтіе со временъ Каноссы, повторилось опять униженіе имперіи передъ папствомъ [1]). 1-го августа послѣдовало торжественное закрытіе конгресса. Папа сидѣлъ на высокомъ тронѣ, имѣя по правую руку отъ себя императора, а по лѣвую посла короля сицилійскаго. Онъ выразилъ свою радость, что церковь вновь нашла своего потеряннаго сына, а императоръ въ отвѣтной рѣчи торжественно заявилъ, что онъ былъ неправъ, что онъ сошелъ съ пути справедливости, но что, просвѣщенный милосердіемъ Божіимъ, онъ заключилъ миръ съ папой, королемъ сицилійскимъ и ломбардскими городами. Враги Фридриха имѣли право считать себя побѣдителями. Въ такомъ положеніи былъ не только папа, но и ломбардскіе города, которые, по условіямъ заключеннаго съ ними перемирія, получили право свободнаго избранія городскихъ сановниковъ и могли ожидать еще бóльшаго отъ предстоящаго мирнаго договора. На конгрессѣ въ Венеціи рядомъ съ церковной іерархіей и имперіей впервые выступаетъ третья, равноправная съ ними сила—вольная городская община. Это было явленіе первостепенной важности.

25 іюня 1183 года былъ, наконецъ, подписанъ окончательный миръ съ ломбардскими городами въ Констанцѣ. Онъ утверждалъ самостоятельность городскихъ общинъ, оставляя въ то же время за императоромъ извѣстныя верховныя права. Города могли возобновлять союзъ по собственному желанію, внутри городскихъ стѣнъ они имѣли всѣ верховныя права, внѣ ихъ только тѣ, которыя были имъ спеціально предоставлены [2]). Въ каждомъ городѣ оставался намѣстникъ императора, представлявшій высшую апелляціонную

---

[1]) Современные источники изъ партіи вельфовъ преувеличиваютъ униженіе императора, говоря, что папа поставилъ ногу на затылокъ склонившагося къ его ногамъ императора со словами свящ. Писанія: „На ехиднахъ и львахъ будешь ты шествовать", на что Фридрихъ будто-бы отвѣтилъ: „Эта честь не тебѣ, а св. Петру". Мы не имѣемъ основанія вѣрить этому разсказу, такъ какъ самъ папа въ своихъ письмахъ ничего не говоритъ объ этомъ.

[2]) Тѣ права, которыя были спорными, или разрѣшались третейскимъ судомъ или откупались за извѣстную сумму въ годъ.

инстанцію. Консулы и другіе городскіе сановники избирались свободно городами, но утверждались въ своей должности императоромъ, которому они и приносили присягу на вѣрность. Точно также присягали императору всѣ граждане отъ 17 до 70 лѣтъ и возобновляли свою присягу чрезъ каждыя 10 лѣтъ. Города по прежнему несли на себѣ содержаніе императорскаго двора, но было оговорено, что императоръ не долженъ стѣснять ихъ слишкомъ долгимъ пребываніемъ. Договоръ не говоритъ ничего о подестахъ, но современные источники указываютъ на то, что они становятся выборными. Они сохраняютъ за собой обширную юрисдикцію, но въ важныхъ вопросахъ не могутъ принимать рѣшенія безъ участія совѣта, избраннаго тѣмъ же городомъ [1]).

Опредѣленія Констанцскаго мира легли въ основу дальнѣйшей жизни ломбардскихъ городовъ. Ихъ послѣдующія отношенія къ Фридриху были только миролюбивыми. Когда императоръ въ 1184 г. въ 6-й разъ прибылъ въ Италію, онъ встрѣтилъ со стороны городовъ самый радушный пріемъ и отвѣчалъ имъ новыми милостями. Натянутыя отношенія Фридриха къ преемникамъ Александра III заставляли его искать поддержки городовъ. Такъ, главному изъ нихъ, Милану, было предоставлено право уголовнаго суда и верховныя права въ его владѣніяхъ между Аддой и Ольо, и благодарный городъ просилъ какъ чести для себя, чтобы предстоящая свадьба сына императора была отпразднована въ его стѣнахъ. Наступившая безопасность со стороны имперіи невыгодно отразилась на внутреннемъ согласіи Ломбардіи. Великая лига распадается и уступаетъ мѣсто частнымъ союзамъ. Такъ, уже въ 1191 г. Кремона, Павія, Комо, Бергамо и Лоди соединяются противъ Милана и другихъ городовъ. Но подобныя явленія были неизбѣжны при политическомъ и торговомъ соперничествѣ ломбардскихъ городовъ, ихъ свободной городской организаціи и увлекающемся характерѣ населенія. Въ минуты серьезной опасности ломбардскіе города умѣли соединять свои силы для защиты своей національной и городской свободы. Они доказали это въ слѣдующемъ вѣкѣ, когда имъ пришлось еще разъ отстоять свои съ такимъ трудомъ пріобрѣтенныя права противъ послѣдняго крупнаго представителя дома Гогенштауфеновъ и его традицій.

С. Рашковъ.

---

[1]) Съ положеніемъ и обязанностями подестъ насъ знакомятъ многочисленные статуты XII и XIII вв. (города Пистойя, Модена, Феррара, Сіенна и др.), а также трактатъ того же времени — Oculus pastoralis.

XXXII.

Папа Иннокентій III.

(По статьѣ В. И. Герье, „Вѣстникъ Европы", 1892 г., № 1 - 2).

Трактатъ о презрѣніи къ міру.

Къ послѣднимъ годамъ XII-го вѣка относится одно изъ весьма замѣчательныхъ въ литературѣ проявленій аскетическаго міровоззрѣнія — это латинскій трактатъ „о презрѣніи къ міру и о бѣдственномъ состояніи человѣка". Его молодой еще тогда авторъ, по имени Лотарь, принадлежалъ къ богатой и древней дворянской семьѣ лангобардскаго происхожденія изъ окрестностей Рима; онъ былъ сынъ Трасмунда, графа Сигніи; этотъ графскій титулъ сталъ потомъ наслѣдственнымъ, т. е. фамильнымъ именемъ его рода — dei Conti. Лотарь въ своей юности посѣщалъ университеты въ Болоньѣ и Парижѣ; въ первомъ — онъ сдѣлался правовѣдомъ, а во второмъ, центрѣ схоластики, онъ пріобрѣлъ основательное знакомство съ богословіей. По возвращеніи на родину Лотарь принялъ посвященіе, поступилъ въ папскую канцелярію и получилъ званіе кардиналъ-дьякона при одной изъ римскихъ церквей на Капитоліи.

Написанный имъ трактатъ свидѣтельствуетъ съ первыхъ словъ объ учености и высокихъ дарованіяхъ автора. Онъ обладалъ достаточнымъ для того времени знакомствомъ съ римской языческой литературой; знаніе же св. писанія съ его стороны было просто неисчерпаемо, и нужные ему тексты всегда слѣдуютъ у него длинной чередой для подтвержденія и уясненія каждой его мысли; что же касается до его дарованій, то они лучше всего могутъ быть засвидѣтельствованы сопоставленіемъ его трактата съ знаменитой книгой Августина *о божескомъ царствѣ*. Проводя ту же идею объ

аскетическомъ пренебреженіи къ міру, Лотарь съумѣлъ быть не подражателемъ, а достойнымъ послѣдователемъ Августина; его языкъ вообще, а иногда и самые обороты его рѣчи, въ своей эпиграмматической мѣткости и въ своемъ ритмическомъ благозвучіи, живо напоминаютъ Августина: это такое же изобиліе краснорѣчія въ изображеніи человѣческихъ бѣдствій, тотъ же высокій риторическій паѳосъ. Ихъ оцѣнка обличаетъ въ юномъ авторѣ особенно глубокое знаніе человѣческаго сердца и умѣнье тонкой обрисовки порочныхъ типовъ среди людей. Но нельзя при этомъ не подмѣтить одного различія. У Августина аскетизмъ изливается изъ глубины истрадавшейся души; это плодъ пережитаго сердцемъ переворота; новый авторъ „презрѣнія къ міру“ относится къ своему предмету, какъ прозорливый наблюдатель, какъ психологъ, съ оттѣнкомъ горделиваго пренебреженія къ увлеченіямъ и слабостямъ людскимъ. У Августина поэтому возвышенная, страстная рѣчь почти всегда гармонируетъ съ паѳосомъ убѣжденія; въ трактатѣ же Лотаря краснорѣчіе отзывается литературной обработкой и иногда рѣзко выдѣляется на фонѣ неприглядной картины. Чтобы познакомить читателей съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ аскетической эпохи, мы укажемъ на общій планъ его и остановимся на нѣкоторыхъ выдающихся его мѣстахъ. Въ посвященіи своего труда епископу портуенскому дьяконъ Лотарь говоритъ, что онъ воспользовался небольшимъ досугомъ, чтобы изобразить презрѣнность человѣческаго состоянія для подавленія гордости, источника всѣхъ пороковъ. Дьяконъ Лотарь знаетъ цѣну своему литературному таланту, и чтобы не впасть самому въ упомянутый имъ порокъ, онъ проситъ епископа, если тотъ найдетъ какія-нибудь достоинства въ его трудѣ, приписать всю заслугу милости Божьей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ епископу, „съ его соизволенія“, изобразить и достоинство человѣческой природы, обусловленное милосердіемъ Христа, для того чтобы высокомѣрный смирился, смиренный же душою возвысился. Эта вторая часть, сколько намъ извѣстно, осталась ненаписанной.

Изображеніе человѣческихъ бѣдствій начинается съ колыбели человѣка, — съ обращенной къ матери жалобы, зачѣмъ она дала жизнь существу, обреченному на постоянный трудъ, вѣчное горе и страхъ, и — что̀ всего печальнѣе — на смерть. Анализируя съ точки зрѣнія средневѣковой физіологіи составъ человѣческаго тѣла, авторъ отводитъ человѣку среди всего творенія самое низменное мѣсто: звѣзды и планеты созданы изъ огня; бури и вѣтры — изъ

воздуха; рыбы и птицы — изъ воды, — только человѣкъ, подобно вьючнымъ животнымъ, сотворенъ изъ земли. Съ безпощаднымъ реализмомъ среднихъ вѣковъ, чуждымъ нашему эстетическому вкусу и не поддающимся переводу на нашъ языкъ, авторъ изображаетъ немощи человѣческой жизни — съ дѣтства до старости. Описаніе младенчества, плачущаго, слабаго и безпомощнаго, вызываетъ у автора восклицаніе: „счастливы тѣ, которые умираютъ прежде, чѣмъ родятся“; а характеристика старости оканчивается обстоятельнымъ и полнымъ жизненной правды изображеніемъ старика. Описавъ внѣшній видъ дряхлаго человѣка, Лотарь продолжаетъ: „старикъ легко раздражается и съ трудомъ успокаивается, скоро вѣритъ и поздно разувѣряется, цѣпокъ къ жизни и жаденъ, печаленъ и сварливъ, склоненъ къ болтливости и неохотно слушаетъ, прославляетъ предковъ, презираетъ современниковъ, осуждаетъ настоящее, восхваляетъ прошлое, воздыхаетъ и тревожится, хвораетъ и коченѣетъ“.

Переходя къ занятіямъ и состояніямъ людей, авторъ развертываетъ передъ нами широкую картину человѣческой суетливости и суеты: „несутся смертные и бѣгутъ взадъ и впередъ по дорогамъ и чрезъ преграды, взбираются на горы, перебираются черезъ утесы, превозмогаютъ Альпы, пролагаютъ путь черезъ пропасти, проникаютъ въ ущелья, рыщутъ по нѣдрамъ земли, по пучинамъ морскимъ, по неизвѣданнымъ рѣкамъ, по чащамъ лѣснымъ, по непроходимымъ пустынямъ, подвергая себя вѣтрамъ и дождямъ, грому и молніи, волнамъ и бурямъ, обваламъ и безднамъ“.

Перечисливъ затѣмъ всевозможные промыслы, которымъ предаются люди, Лотарь продолжаетъ: „задумываютъ смертные и раздумываютъ, совѣтуются и устроиваютъ, жалуются и ведутъ тяжбы, расхищаютъ свое добро и похищаютъ чужое, торгуютъ и обманываютъ, спорятъ и состязаются, — и все это для того, чтобы накоплять сокровища, увеличивать барыши, гоняться за выгодой, пріобрѣтать почести, возвышаться въ званіи, расширять власть свою—и во всемъ этомъ обрѣтаютъ лишь трудъ и огорченіе“.

Авторъ далѣе изображаетъ предъ нами въ наглядномъ контрастѣ жалкую участь бѣдняка и бѣдственное въ другомъ смыслѣ состояніе богача, положеніе подвластнаго человѣка и его господина. Чрезвычайно мѣтко говоритъ обо всемъ этомъ современникъ и знатокъ феодальнаго быта: „холопъ вѣчно служитъ, терпитъ угрозы, обременяется барщиной, удручается побоями, лишается своего достоянія; если нѣтъ у него своего добра, то его принуждаютъ

пріобрѣтать, а если есть какое-либо имущество, то его у него отнимаютъ. Виноватъ господинъ — холопъ за него отвѣчаетъ; а виноватъ холопъ—пеня съ него идетъ въ карманъ господину".

Большая глава посвящена бѣдствіямъ супружескаго быта; по средневѣковому монашескому воззрѣнію, главной виновницей этихъ бѣдъ является, конечно, женщина. Не безъ справедливой ироніи говоритъ Лотарь при этомъ о способѣ заключенія браковъ: „всякій товаръ и всякая самая ничтожная вещь въ хозяйствѣ сначала осматривается, потомъ пріобрѣтается; только невѣсту едва показываютъ, для того чтобы она не опротивѣла, прежде чѣмъ повѣнчаются, и какова бы она ни оказалась, она пріобрѣтается навсегда". Три вещи гонятъ человѣка изъ дома — дымъ, капающая сквозь крышу вода и „злая жена". Описаніе дурной жены трудно было бы привести цѣликомъ; но въ немъ есть черты, обнаруживающія въ авторѣ не поверхностное только знаніе женскихъ недостатковъ: „вѣчно она жалуется, — вотъ такая-то нарядиѣе меня, и всѣ отдаютъ ей почетъ, я же жалка въ собраніи женщинъ, мною одной пренебрегаютъ и всѣми я презираема. — Она одна хочетъ быть любима, одна быть предметомъ прославленія; въ любви къ другимъ она усматриваетъ ненависть къ себѣ, въ похвалѣ другихъ она подозрѣваетъ свое безчестіе. Достойно любви все, что она любитъ; подлежитъ ненависти все, чѣмъ она пренебрегаетъ. Она хочетъ побѣждать, но не сноситъ побѣды надъ собою; ей невыносимо угождать другимъ, но для себя она требуетъ господства надъ всѣми. Она стоитъ на томъ, чтобы быть всемогущей, и нѣтъ ничего ей не по средствамъ".

Разсмотрѣвъ разные источники человѣческихъ бѣдствій, авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „кто-же когда-либо провелъ до конца въ свое удовольствіе хотя бы одинъ пріятный день? кого не смущалъ въ такой день укоръ совѣсти, приступъ гнѣва или движеніе какой-нибудь страсти, кого не огорчалъ какой-нибудь ущербъ, какая-нибудь обида, кого не оскорбляло въ этотъ день какое-нибудь зрѣлище, какое-нибудь слово или дѣло? А помимо того, за земною радостью всегда наступаетъ неожиданное горе, и что начинается въ веселіи—кончается въ печали".

Итакъ, сквозь жизнь, отравленную горечью, человѣкъ быстро приближается къ смерти, но онъ не хочетъ видѣть ея. Всегда послѣдній день жизни кажется первымъ, и никогда первый день не представляется послѣднимъ, хотя всегда слѣдовало бы человѣку жить такъ, какъ будто ему каждую минуту предстоитъ кончина.

Ибо безпрестанно нарождается будущее, безпрестанно умираетъ настоящее, и что прошло, то̀ навсегда исчезло. Живя, мы постоянно умираемъ, и перестанемъ умирать, лишь когда перестанемъ жить".

Прошло немного лѣтъ послѣ того, какъ былъ написанъ трактатъ о пренебреженіи къ міру, а авторъ его—кардиналъ-дьяконъ Лотарь—былъ уже избранъ своими товарищами на папскій престолъ.

Регистръ Иннокентія III.

Какъ папа, Лотарь принялъ скромное имя, которое онъ сдѣлалъ однимъ изъ самыхъ громкимъ въ исторіи—имя Иннокентія—безвреднаго. Онъ былъ третьимъ папою этого имени. Папы обыкновенно выбирали себѣ имена не случайно, но имѣя въ виду своихъ предшественниковъ. Какими соображеніями руководился Иннокентій III, неизвѣстно, но его выборъ знаменателенъ для исторіи. Иннокентій I былъ современникомъ великаго Августина и во время разгрома и развѣнчанія языческаго Рима бѣжалъ въ Равенну подъ покровительство императора. Иннокентій II былъ творцомъ высшаго процвѣтанія того духовнаго Рима, который смѣнилъ собою ветхій, политическій Римъ. Какой контрастъ между Иннокентіемъ I и III и какой необъятный историческій процессъ раздѣляетъ эти два имени!

Правленіе папы Иннокентія III имѣетъ для исторіи выдающійся интересъ не только потому, что при немъ папство достигаетъ своего зенита, но и потому еще, что дѣятельность этого папы проходитъ при полномъ освѣщеніи исторіи. Дѣловая переписка папъ издавна составляла предметъ особенной заботы со стороны папской канцеляріи. Послѣдняя снимала копіи съ важнѣйшихъ папскихъ посланій и хранила въ архивѣ, собирая ихъ по годамъ, такъ что каждому году правленія папы соотвѣтствовала особая книга общаго сборника, такъ-называемаго регистра. Къ сожалѣнію, за исключеніемъ Григорія VII, до насъ не дошли регистры предшественниковъ Иннокентія III. Они были утрачены во время смутной эпохи, когда папскіе архивы приходилось перевозить изъ одного города въ другой. Регистръ же Иннокентія III сохранился почти за всѣ 18 лѣтъ его правленія (исключая послѣдніе три года).

Въ изданіи твореній Иннокентія III небольшой трактатъ дьякона Лотаря „О презрѣніи къ міру" совершенно утопаетъ среди необъятной массы исходившихъ отъ него посланій, имѣвшихъ въ виду дѣла церкви и міра. Въ дошедшемъ до насъ регистрѣ Иннокентія III заключается 3702 посланія, между которыми есть, правда, и письма, обращенныя къ самому папѣ. Но къ этому числу нужно добавить множество другихъ писемъ Иннокентія или отрывковъ изъ

нихъ, сохранившихся въ иныхъ мѣстахъ, такъ что по сію пору насчитываютъ 5116 писемъ, относящихся къ Иннокентію, и это число еще можетъ значительно возрасти.

Въ регистрѣ за одинъ первый годъ помѣщено 583 посланія, и по нимъ вполнѣ можно судить о томъ, какъ быстро кардиналъ—дьяконъ Лотарь вошелъ въ свою новую роль, въ какой полнотѣ и безусловности онъ усвоилъ себѣ представленіе о міровомъ призваніи папства, и въ какой степени его умъ былъ занятъ и его время поглощено самыми разнообразными обязанностями и заботами. Для образчика приведемъ нѣсколько строкъ изъ письма за № 536, которое характеристично въ обоихъ упомянутыхъ отношеніяхъ. Въ этомъ письмѣ папа такъ перечисляетъ свои обязанности: „мы прилагаемъ наши старанія къ исправленію пришедшей въ упадокъ церкви, заботимся объ обезпеченіи справедливости за угнетенными, даемъ отвѣты на поступающіе отъ разныхъ лицъ къ намъ запросы, направляемъ въ разныя стороны отъ лица нашего пословъ для установленія мира и согласія между враждующими и ради нуждъ различныхъ церквей и областей и въ то же время печемся о доставленіи помощи землѣ восточной“.

Такъ въ сжатыхъ выраженіяхъ папа самъ характеризуетъ главное содержаніе своей обширной дѣловой переписки и массу различныхъ интересовъ, сосредоточивавшихся въ римской куріи. Историку достаточно, разобравшись въ этой грудѣ посланій, разгруппировать ихъ по содержанію, чтобы читатель по однѣмъ рубрикамъ составилъ себѣ понятіе о томъ, чѣмъ сталъ тогда папа для западно-христіанскаго міра и чего ожидалъ этотъ міръ отъ папы. Переписка Иннокентія III правильнѣе всего разбивается на слѣдующія шесть группъ: первую и самую характерную изъ нихъ составляютъ такъ называемыя консультаціи, т. е. письма, въ которыхъ различныя духовныя и свѣтскія лица обращаются къ папѣ, какъ къ верховному учителю міра, съ вопросами и запросами по всевозможнымъ религіознымъ, каноническимъ и житейскимъ недоумѣніямъ; другую, самую многочисленную, группу составляютъ апелляціи, т. е. обращенія къ папскому суду по разнымъ тяжбамъ или жалобамъ на приговоры и распоряженія мѣстныхъ властей; третья группа заключаетъ въ себѣ письма, касающіяся замѣщенія на церковныя должности, спорныхъ выборовъ и прямыхъ назначеній папою на такъ называемыя бенефиціи, т. е. второстепенныя церковныя должности, сопряженныя съ болѣе или менѣе значительными доходами; четвертую группу, весьма знаменательную для того вре-

мени, представляютъ письма, въ которыхъ папа даруетъ какую-нибудь привиллегію или подтверждаетъ привиллегіи, данныя предшественниками; пятую группу образуютъ письма административнаго содержанія, въ которыхъ папа является общимъ правителемъ церкви, зоркимъ блюстителемъ ея разнообразныхъ интересовъ и на самыхъ отдаленныхъ ея окраинахъ: то Иннокентій III запрещаетъ венеціанскому дожу и народу подъ предлогомъ торговли доставлять сарацинамъ оружіе и другіе нужные для войны предметы; то онъ взываетъ къ вестфальскому рыцарству и посылаетъ его въ Ливонію для борьбы съ язычниками. Наконецъ, въ особую группу можно выдѣлить посланія, касающіяся политическихъ вопросовъ, въ которыхъ папа, глава церкви, въ силу ея власти становится верховнымъ руководителемъ свѣтскихъ властей.

Не Иннокентій III, конечно, создалъ положеніе, отражающееся такъ ярко на его перепискѣ; оно было подготовлено до него продолжительнымъ историческимъ процессомъ, и достаточно было вступленія на папскій престолъ энергической личности при благопріятныхъ для папства условіяхъ, чтобы какъ съ вершины горы, незамѣтно достигнутой путникомъ, предъ нимъ внезапно открылась во всей ея широтѣ необъятная картина папской власти и мощи. Остановимся и мы на минуту на этой картинѣ и разсмотримъ прежде всего, какое положеніе занималъ тогда папа относительно церкви, какія задачи налагало на него это положеніе и какъ относился къ нимъ Иннокентій III.

Каноническое право.

Всего болѣе отразилась дѣятельность Иннокентія въ области каноническаго права, что вполнѣ соотвѣтствовало какъ характеру римской церкви, такъ и самого Иннокентія, который былъ еще болѣе юристомъ, чѣмъ богословомъ. До своего возвышенія на папскій престолъ онъ занималъ должность аудитора, т. е. докладчика по юридическимъ дѣламъ при куріи, и когда сталъ папою—пріобрѣлъ прозвище „Соломона“ своего времени. Ни въ чемъ, можетъ быть, не проявляется такъ ярко историческая связь и преемственность между древнимъ Римомъ и Римомъ католическимъ, какъ въ области права. Вся духовная жизнь древняго Рима преимущественно сосредоточивалась въ правовѣдѣніи и въ разработкѣ права. Эта жизнь пускаетъ въ католическомъ Римѣ новый могучій ростокъ—каноническое право. Въ силу самыхъ условій католицизма, источникомъ и регуляторомъ права становится папа. Его рѣшенія и по-

Курія, какъ высшая судебная инстанція.

Но не только источникомъ закона и мудрости, а также и источникомъ правосудія былъ папа во времена Инокентія III; мы касаемся здѣсь одной стороны дѣятельности папы, которая имѣла громадное вліяніе на развитіе папской власти и судьбу церкви. Ничто въ такой степени не содѣйствовало возвышенію папы надъ церковью и превращенію римской куріи въ царство, какъ то, что въ римской куріи стали видѣть высшую инстанцію въ судебныхъ дѣлахъ. И въ этомъ вопросѣ ясно видно, что нравственныя причины лежали въ основаніи папскаго владычества, и что притязанія папы на власть встрѣчали себѣ сочувствіе въ силу извѣстныхъ потребностей мѣстныхъ церквей. При отсутствіи прочной государственной связи не могла удержаться и правильная организація національной церкви въ различныхъ странахъ, и въ тяжбахъ между прелатами или мѣстными церковными учрежденіями часто не было всѣми признаваемо и высшаго судьи кромѣ римскаго епископа. Поэтому лучшіе изъ папъ могли благопріятствовать перенесенію дѣлъ въ Римъ не изъ одного властолюбія, но чтобы облегчить справедливость и дать убѣжище угнетеннымъ. Но какъ скоро былъ открытъ путь въ Римъ по судебнымъ дѣламъ, такъ по немъ стали слѣдовать густыя толпы не только угнетенныхъ и жаждавшихъ правосудія, но и тѣхъ, кто желалъ укрыться отъ правосудія или видѣлъ въ этомъ средство выигрыша. Неправое дѣло, перенесенное въ Римъ, и апелляція сдѣлались однимъ изъ главныхъ источниковъ обогащенія папской казны и многочисленныхъ должностныхъ лицъ папской канцеляріи. Но въ то же время эти апелляціи превратили каѳедру римскаго епископа въ судилище съ судебными департаментами и съ сложнымъ канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ, допускавшимъ всевозможныя притѣсненія и злоупотребленія.

Во времена Иннокентія III зло достигло уже большихъ размѣровъ. Въ одномъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи этотъ папа старался противодѣйствовать злу: въ уголовныхъ и дисциплинарныхъ процессахъ противъ духовныхъ лицъ, старавшихся путемъ апелляціи избѣгнуть кары своего духовнаго начальства. Въ этихъ случаяхъ Иннокентій III не разъ рѣшительно запрещалъ апелляціи не только на рѣшеніе своихъ легатовъ, но и на приговоры мѣстной власти, внушая въ своихъ посланіяхъ, что апелляція была придумана, чтобы служить спасительнымъ средствомъ для угнетенныхъ и для помощи невиннымъ, а не для защиты несправедливости и для укрывательства отъ заслуженнаго наказанія. Такъ, однажды, предостерегая епископа веронскаго противъ „нечестныхъ апелляцій", Иннокен-

тій заявлялъ, что апеллирующіе хотятъ того, чтобы онъ прослылъ среди людей за „нѣмую собаку, не умѣющую лаять", и покровителемъ пороковъ.

Въ средневѣковой Европѣ, еще вполнѣ подчиненной феодальнымъ формамъ, папство впервые осуществило политическій типъ централизованной монархіи съ самодержавнымъ правителемъ и съ правильно организованной администраціей, заправлявшей изъ столицы самыми отдаленными окраинами. Въ исторіи этого царства правленіе Иннокентія III представляетъ собою критическую и въ этомъ смыслѣ интереснѣйшую эпоху. Это моментъ высшаго расцвѣта теократическаго царства, но моментъ, когда уже обнаруживаются признаки и причины предстоявшаго ему увяданія. И расцвѣтъ, и увяданіе, обусловливаются однимъ и тѣмъ же принципомъ—доведеніемъ до полнаго и крайняго развитія начала власти и единодержавія въ церкви.

„Викарій Христа".

Какъ въ исторіи всякой другой власти, такъ и папской, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить развитіе самаго принципа или расширеніе самой идеи этой власти; это обыкновенно происходитъ такимъ образомъ, что власть выводятъ изъ болѣе высокаго или священнаго источника и этимъ возвеличиваютъ характеръ власти, ея назначеніе и права. Именно въ этомъ направленіи Иннокентій III сдѣлалъ рѣшительный шагъ, и новый оборотъ въ папской политикѣ обнаружился при немъ въ характерномъ признакѣ, такъ какъ для новаго усиленія власти была придумана соотвѣтствующая формула. Движущей силой въ исторіи развитія власти была идея о наслѣдованіи римскимъ епископомъ полномочій, данныхъ апостолу Петру. Папа требовалъ для себя первенства предъ другими епископами, какъ „преемникъ" перваго изъ апостоловъ (princeps apostolorum); онъ хотѣлъ стоять во главѣ церкви, какъ „викарій", т.-е. намѣстникъ того Петра, кому было сказано: „паси овцы мои". При Иннокентіи III наряду съ прежней формулой появляется другая, болѣе сильная: изъ намѣстника Петра папа становится намѣстникомъ самого Бога. Какъ ни высоко былъ поставленъ апостолъ Петръ надъ людьми, онъ былъ человѣкъ, его авторитетъ основанъ на порученіи, данномъ ему свыше, и его викарій, такимъ образомъ, является лишь блѣднымъ отраженіемъ божественной власти. Но почему бы этому викарію не подняться выше и не заимствовать свое призваніе непосредственно изъ божественнаго источника? Замѣчательно, что именно тотъ папа, который такъ безпощадно анализировалъ и такъ реально изобразилъ физическое и нравственное ничтожество чело-

вѣка, въ первый же годъ своего правленія не усомнился признать за собою и за цѣлымъ рядомъ людей божественный характеръ: „Римскій первосвященникъ,—провозгласилъ Иннокентій,— поистинѣ называется намѣстникомъ не простого человѣка, а истиннаго Бога. Ибо хотя мы и преемники главы апостоловъ, однако мы не его и не какого-либо апостола или человѣка, но самого Іисуса Христа намѣстники".

И въ этомъ случаѣ Иннокентій только завершилъ то, что было подготовлено предшествующей эпохой. Этому новому возвеличенію идеи папства въ титулѣ папы всего болѣе содѣйствовалъ неутомимый поборникъ теократическаго идеала — Бернардъ Клервоскій. Въ своихъ письмахъ и въ своихъ трактатахъ онъ нѣсколько разъ называетъ папу викаріемъ Христа. Правда, что Бернардъ еще не придаетъ этому титулу исключительнаго значенія, ибо въ трактатѣ „О нравахъ и должности епископовъ" называетъ и ихъ викаріями Христа. Однако, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи—„De Consideratione"—Бернардъ пользуется разсказомъ евангелиста Іоанна о появленіи Христа ученикамъ на морѣ Тиверіадскомъ, причемъ Петръ бросился въ море навстрѣчу Господу, тогда какъ другіе ученики приплыли въ лодкѣ (XXI, 7—8), чтобы видѣть въ этомъ знаменіе особливаго священства Петра (signum singularis pontificii); на этомъ основаніи Бернардъ величаетъ апостола именемъ „единственнаго викарія Христа", который долженъ былъ стоять во главѣ не одного народа, а всѣхъ племенъ.

Такимъ образомъ, былъ указанъ путь для преемниковъ Петра, и полвѣка спустя званіе „викарія Христа" сдѣлалось привилегіей и оффиціальнымъ титуломъ римскихъ епископовъ; а на этой почвѣ само собою явилось то новое толкованіе, которое видѣло въ папѣ не подобіе „простого человѣка", а намѣстника „истиннаго Бога".

Понятно, что съ такимъ поднятіемъ идеи папства все учрежденіе папства выдвинулось на новую высоту. Это очень наглядно выразилось въ самыхъ обрядахъ и именно въ томъ обрядѣ, который составлялъ средоточіе и сущность христіанскаго богослуженія — въ причащеніи. Еще до Иннокентія III папа сталъ причащаться не у алтаря, а на мѣстѣ болѣе возвышенномъ, т.-е. поднявшись на мѣсто, гдѣ стоялъ его престолъ, и притомъ особымъ способомъ, который мы не станемъ подробнѣе описывать. Мы имѣемъ, однако, основаніе упомянуть объ этомъ въ исторіи Иннокентія, такъ какъ въ сочиненіяхъ этого папы находимъ попытку объяснить аллегорическій смыслъ этого нововведенія, причемъ оно

мотивируется параллелью между способомъ дѣйствія Христа въ Эммаусѣ и причащеніемъ папы. Замѣчательно при этомъ, что папа кромѣ аллегорическаго повода зналъ еще и историческій, но предпочелъ о немъ умолчать, такъ какъ „не могъ того найти въ какомъ-либо подлинномъ писаніи“.

Мы видимъ изъ этого, что въ то самое время, когда въ католицизмѣ духовенство стало возвышаться надъ міромъ посредствомъ причащенія подъ обоими видами, тогда какъ міряне были лишены чаши, папа съ помощью того же средства, т.-е. особаго способа причащенія, сталъ подниматься надъ священствомъ.

Положеніе папства при вступленіи Иннокентія на престолъ.

При оцѣнкѣ свѣтской политики Иннокентія III, его ошибокъ и увлеченій въ этой области, его принциповъ и ихъ результатовъ, нужно ради справедливости имѣть въ виду прежде всего то положеніе дѣла, которое Иннокентій засталъ, восходя на престолъ св. Петра, и то необыкновенно благопріятное для папства стеченіе обстоятельствъ, которое какъ бы силою рока увлекало Иннокентія впередъ по пути безпримѣрнаго успѣха и невиданнаго величія. Будучи кардиналомъ, Иннокентій былъ свидѣтелемъ давно небывалаго униженія папства, особенно чувствительнаго послѣ его возвышенія Григоріемъ VII и недавней силы при Александрѣ III. Положеніе это обусловливалось какъ полнымъ ничтожествомъ предшественниковъ Иннокентія, такъ и силою личности и колоссальными размѣрами власти современнаго имъ императора. Судьба средневѣковой Европы покоилась какъ будто на вѣсахъ; въ одной чашѣ ихъ находилось папство, въ другой—имперія; положеніе вѣсовъ зависѣло отъ того, уравновѣшивались ли личности одновременныхъ папъ и императоровъ, или на одной сторонѣ оказывался значительный перевѣсъ. И никогда еще чаша папства не была такъ легковѣсна, какъ при Целестинѣ III, потому что никогда еще на противоположной чашѣ не было такого груза, какимъ былъ Гогенштауфенъ Генрихъ VI. Въ борьбѣ съ императорами самымъ вѣрнымъ оплотомъ папъ давно уже были норманнскіе короли, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ вотчиною св. Петра владычествовавшіе надъ Сициліей и Неаполемъ. Но въ концѣ XII-го вѣка именно въ этомъ отношеніи наступилъ самый неожиданный оборотъ дѣла. Династія норманнская прекратилась въ мужскомъ колѣнѣ, и наслѣдница ихъ владѣній вышла замужъ за наслѣдника Фридриха Барбароссы, принося съ собою въ приданое могущество и сокровища своихъ пред-

ковъ самому энергическому, крутому и предпріимчивому изъ Гогенштауфеновъ. Такимъ образомъ, сопернику папъ удалось занять въ самомъ тылу ихъ командующее дѣломъ положеніе. Распоряжаясь абсолютною властью и военными средствами своихъ норманскихъ предшественниковъ, Гогенштауфенъ взялъ въ тиски, между норманской монархіей и Германіей, Ломбардію и Римъ. Онъ не только усмирилъ строптивыя демократіи сѣверной Италіи, но во всѣхъ папскихъ владѣніяхъ, не заботясь о дарѣ Константина и дарственной грамотѣ Пипина, насажалъ своихъ воеводъ и даже въ самомъ Римѣ превратилъ старинное, почетное, но безсильное званіе городского префекта въ дѣйствительное орудіе императора надъ колыбелью имперіи.

Все это совершилось на глазахъ кардиналъ-дьякона Лотаря. Воспитанный въ традиціяхъ папскаго Рима, съ душою, способной понимать упоеніе власти, онъ видѣлъ, какъ преемники Григорія Великаго и Григорія VII, провозгласившіе себя намѣстниками Божіими, въ своей собственной столицѣ перестали быть хозяевами и распорядителями. И вдругъ, на его глазахъ, дѣло приняло совершенно другой оборотъ. 28-го сентября 1197 года неожиданно умеръ императоръ Генрихъ VI; его наслѣдникъ Фридрихъ былъ трехлѣтнимъ ребенкомъ; держава Гогенштауфеновъ, сила которой заключалась въ единствѣ руководившей ею воли, распалась; правленіе Неаполемъ и Сициліей перешло въ руки вдовы умершаго императора: братъ императора Филиппъ, прибывшій въ Италію, чтобы отвезти своего юнаго племянника въ Германію для вѣнчанія его нѣмецкимъ королемъ, былъ задержанъ на пути въ Монтефіасконе, поднявшейся при первомъ извѣстіи о смерти императора народной волной; сама Германія тотчасъ распалась на два враждебныхъ лагеря: гибеллиновъ и вельфовъ и среди всѣхъ этихъ смутъ, сопровождавшихъ крушеніе имперіи, 8-го января слѣдующаго года взошелъ на папскій престолъ Иннокентій III.

Сама судьба вложила въ руки молодого папы возстановленіе папства. Предъ Иннокентіемъ открылась необъятная перспектива и цѣль, достойная великаго политика. Быстро прошелъ онъ одну за другою всѣ стадіи, которыя вели къ этой цѣли, и слѣдить за нимъ по этому пути всегда будетъ задачей увлекательной для историка; мы только въ общихъ чертахъ дадимъ себѣ отчетъ объ исполненіи имъ своей задачи.

Прежде всего надо было Иннокентію обезопасить папство въ самомъ Римѣ. Римскій префектъ, возстановленный въ своихъ пра-

вахъ Генрихомъ VI въ качествѣ императорскаго намѣстника или губернатора Рима, потерявъ подъ собою почву, промѣнялъ господина и призналъ себя вассаломъ папы. Такимъ образомъ навсегда исчезла самая тѣнь императорской власти въ Римѣ, ея права перешли къ римскому епископу.

Римъ и папская область.

Вторымъ дѣломъ Иннокентія въ области свѣтской политики было возстановленіе папской области въ средней Италіи и уничтоженіе тѣхъ вассальныхъ по отношенію къ императору воеводствъ, которыя Генрихъ VI образовалъ надъ землями и городами, прежде принадлежавшими св. Петру. Иннокентій достигъ этой цѣли въ союзѣ съ итальянскимъ національнымъ духомъ, враждебнымъ иноземному владычеству. Въ первый же годъ своего правленія Иннокентій заявилъ, что Италія достойна быть обладательницей обѣихъ властей или двойного примата, такъ какъ по божескому промыслу ей достался принципатъ надъ всѣми областями. „Въ силу этого намъ надлежитъ,—говоритъ папа,—позаботиться объ Италіи особымъ отеческимъ попеченіемъ". Какъ видно изъ этихъ словъ, папство при Иннокентіи провозгласило себя поборникомъ національнаго принципа въ Италіи, и этимъ способомъ оно во всѣ времена достигало въ Италіи наибольшихъ своихъ успѣховъ. До какой степени Иннокентій хорошо понималъ силу волны, его поднимавшей, видно изъ того, что когда одинъ изъ нѣмецкихъ воеводъ, Конрадъ фонъ-Урслингенъ, котораго императоръ поставилъ герцогомъ сполетскимъ, предложилъ папѣ признать себя его данникомъ и ленникомъ и предоставить ему всѣ свои крѣпости, то Иннокентій отвергъ это выгодное для него предложеніе. „Онъ склонился въ сторону свободы,—говоритъ его біографъ,—такъ какъ многіе возроптали, что онъ будто бы покровительствуетъ тевтонамъ, которые поработили ихъ жестокой тираніей". Опираясь на антифеодальныя муниципальныя и національныя стремленія, Иннокентій легко и быстро совершилъ переворотъ, замѣнивъ въ средней Италіи императорскую власть папскою. Еще лѣтомъ 1198 года онъ имѣлъ возможность объѣхать многочисленные города герцогства Сполетскаго и Умбріи—Сполето, Ассизи, Фолиньо и многіе другіе и принять ихъ въ подданство римской церкви. Даже Перуджіа въ то время признала надъ собою его верховную власть. Иннокентій благоразумно довольствовался однимъ принципомъ, не торговался съ городами относительно частностей, щедро предоставляя имъ муниципальныя права. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ вотчины св. Петра, озаботился объ упро-

ченіи папской власти: назначалъ правителей (легатовъ или ректоровъ), строилъ укрѣпленія и поручалъ ихъ папскимъ кастелланамъ.

Императорская корона.

Итакъ, свѣтскія владѣнія папства были снова ему возвращены; но могъ ли Иннокентій считать ихъ окончательно обезпеченными отъ новаго захвата? Въ Италію можетъ придти новый императоръ и снова насажать своихъ воеводъ по городамъ и замкамъ вотчины св. Петра. Иннокентій очевидно могъ быть покоенъ относительно этой вотчины лишь въ томъ случаѣ, если ему бы удалось также успѣшно разрѣшить въ своемъ интересѣ болѣе трудное и сложное дѣло о наслѣдіи императорской короны; здѣсь наглядно для насъ обнаруживается связь между вотчинными интересами папъ и ихъ общей политикой относительно имперіи. Но вопросъ объ имперіи и объ отношеніяхъ къ ней папства имѣлъ для папъ еще принципіальное значеніе. Мы касаемся почвы, на которой практическіе интересы папъ сплетаются съ теоретическими соображеніями, гдѣ папы-идеалисты должны были становиться политиками, а политики—искать опоры въ идеалахъ, гдѣ защитники идеи презрѣнія къ міру превращались въ самыхъ энергическихъ поборниковъ власти надъ міромъ.

Моментъ былъ настолько благопріятенъ для папы, что только дряхлый старецъ или мечтатель на престолѣ св. Петра упустилъ бы его. Ни въ какомъ случаѣ не былъ на это способенъ Иннокентій.

Продолжавшаяся уже болѣе вѣка борьба между священствомъ и царствомъ, между папствомъ и имперіей, только что приведшая къ полному торжеству имперіи, могла только теперь или никогда разрѣшиться въ пользу папства, ибо „нынѣ, — восклицалъ Иннокентій, — церковь по милости Божіей обрѣтается въ единствѣ, имперія же по винѣ грековъ раздѣлена".

Слабая сторона имперіи заключалась въ отсутствіи наслѣдственности въ ней. Князья-избиратели были слишкомъ заинтересованы въ недопущеніи наслѣдственности, такъ какъ каждое новое избраніе служило обезпеченіемъ ихъ независимости и источникомъ личныхъ для нихъ выгодъ. Поэтому и фактическій переходъ власти отъ отца къ сыну въ той же династіи не могъ искоренить принципа избирательности императора. Хотя въ XII вѣкѣ императорская власть принадлежала Гогенштауфенамъ уже въ трехъ поколѣніяхъ, Генрихъ VI тотчасъ по рожденіи у него сына позабо-

тился о томъ, чтобы онъ былъ избранъ князьями королемъ Германіи или, какъ тогда его называли, римскимъ королемъ. Но ранняя смерть императора разрушила его династическіе разсчеты. Братъ Генриха, Филиппъ, пытался сначала поддержать права племянника, но такъ какъ ему не удалось привезти молодого Фридриха изъ Италіи и въ Германіи начались смуты, то онъ былъ принужденъ, въ интересахъ своего дома и имперіи, самъ выступить кандидатомъ въ императоры и былъ избранъ въ мартѣ 1198 г. Но этимъ дѣло не окончилось. Побѣжденные Гогенштауфеномъ вельфы выступили для новаго состязанія съ ними. Они породнились съ англійскимъ королевскимъ домомъ; король Ричардъ, лично оскорбленный Генрихомъ VI, помогъ своему племяннику, Оттону Брауншвейгскому, пріобрѣсти приверженцевъ; его сторону принялъ вліятельный архіепископъ кельнскій, и четыре мѣсяца спустя послѣ избранія Филиппа Оттонъ былъ провозглашенъ своей партіей императоромъ.

Такимъ образомъ Иннокентію представилась возможность съ высоты папскаго престола разсматривать вопросъ о „трехъ избранникахъ Германіи".

Оттонъ, стѣсненный своимъ противникомъ, всѣ упованія свои возложилъ на Иннокентія, увѣрилъ его въ самыхъ ласкательныхъ выраженіяхъ въ своей сыновней преданности и давалъ самыя торжественныя обѣщанія служить интересамъ римской церкви. Но иначе поступили приверженцы Филиппа: они отправили папѣ посланіе отъ имени и частью за личной подписью главнѣйшихъ князей имперіи—одного патріарха, 4 архіепископовъ, 22 епископовъ, 4 аббатовъ, короля богемскаго, 8 герцоговъ, 6 маркграфовъ и 3 пфальцграфовъ, — въ которомъ просили папу „не протягивать ни коимъ образомъ руки на права имперіи къ обидѣ ея", заявляя, что она отнюдь не потерпитъ, чтобы право церкви было кѣмъ-нибудь нарушено или умалено. Въ силу этого они испрашивали его благорасположенія къ своему королю и господину для того, чтобы несправедливость не торжествовала надъ справедливостью но ложь всегда уступала правдѣ.

Между тѣмъ дѣла принимали для Оттона дурной оборотъ: король Ричардъ, поддерживавшій его деньгами, умеръ, и нѣкоторые изъ его приверженцевъ перешли на сторону Филиппа. Торжество Гогенштауфеновъ было близко. Тогда Иннокентій, вмѣсто того, чтобы склонить всѣхъ окончательно въ пользу Филиппа и замирить Германію, рѣшился выступить изъ своего выжидательнаго положе-

нія и открыто высказался за Оттона. Онъ сдѣлалъ это въ знаменитомъ историческомъ документѣ: „Заявленіе по зрѣломъ обсужденіи папы Иннокентія по дѣлу о трехъ избранныхъ на имперію". „Въ интересахъ папства, говоритъ здѣсь Иннокентій, обсудить тщательно и осторожно устроеніе римской имперіи, ибо, какъ извѣстно, имперія принадлежитъ папѣ и по началу своему, и по концу. По своему началу - потому что императорская власть перенесена изъ Греціи папствомъ и въ интересахъ папства ради его защиты; по своему завершенію—потому что императоръ чрезъ возложеніе руки получаетъ отъ первосвященника окончательное и послѣднее свое повышеніе, такъ какъ имъ благословляется, имъ вѣнчается и имъ облекается властью". Затѣмъ въ документѣ разсматривается съ трехъ точекъ зрѣнія, какъ надлежитъ папѣ дѣйствовать относительно трехъ избранниковъ, а именно, что̀ возможно или дозволено, что̀ достойно и что̀ полезно. Аргументація относительно перваго изъ кандидатовъ, шестилѣтняго Фридриха, отличается явной казуистикой, такъ какъ папа разсматриваетъ вопросъ, возможно ли возражать противъ его избранія, несмотря на то, что оно подтверждено повторными клятвами князей, а разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, на томъ основаніи, что князья, избирая двухлѣтняго ребенка, не могли знать, будетъ ли онъ пригоденъ для царства: „развѣ онъ не могъ оказаться глупымъ или настолько опрометчивымъ, что былъ бы недостоинъ даже менѣе важной почести?" А затѣмъ случилось событіе, котораго не предвидѣли князья, и которое дѣлаетъ невозможнымъ соблюденіе клятвы—смерть отца. Ибо такъ какъ имперія не можетъ быть управляема намѣстникомъ (procurator), и императоръ не можетъ быть избранъ на время, и церковь не можетъ и не желаетъ обойтись безъ императора, то ясно, что дозволено обезпечить имперію другимъ лицомъ. Впрочемъ, рѣшающій въ глазахъ папы аргументъ былъ, конечно, послѣдній, а именно, что̀ для куріи было вредно признаніе короля Неаполя и Сициліи императоромъ Германіи, такъ какъ отъ такого соединенія церковь пришла бы въ полное разореніе.

Въ числѣ аргументовъ противъ Филиппа, самую большую роль играетъ тотъ, что онъ былъ отлученъ отъ церкви за захватъ въ вотчинѣ св. Петра, и хотя потомъ съ него было снято это отлученіе, папа доказываетъ, что снятіе было совершено съ нарушеніемъ формы и потому не можетъ считаться состоявшимся. Другой аргументъ, почему церковь не должна согласиться на избраніе Филиппа, сводится къ тому, что еслибы Филиппъ слѣдовалъ теперь

за братомъ, подобно тому, какъ его братъ Генрихъ наслѣдовалъ отцу, то казалось бы, что имперія досталась имъ не по избранію, а принадлежитъ по наслѣдству, и такимъ образомъ стало бы наслѣдственнымъ достояніемъ, что должно быть слѣдствіемъ добровольнаго признанія. А что полезно противодѣйствовать Филиппу, то это для всѣхъ очевидно. „Ибо онъ тираннъ и изъ рода тиранновъ, и если бы мы ему не противодѣйствовали, то поступили бы, какъ будто вооружая противъ себя бѣшенаго и вручая ему мечъ на нашу гибель". Затѣмъ слѣдуетъ длинный обвинительный актъ противъ всѣхъ предковъ Филиппа, чтобы выставить ихъ наслѣдственными врагами церкви, при чемъ первымъ изъ рода Гогенштауфеновъ поставленъ Генрихъ V, послѣдній изъ франконскаго дома, сестра котораго вышла замужъ за одного изъ Гогенштауфеновъ. Въ противоположность этому папа, слегка и вскользь упомянувъ о возраженіяхъ противъ поддержки Оттона, горячо высказывается за него въ безконечной тирадѣ, въ которой факты затемнены и искажены казуистикой, политическіе мотивы софистически скрыты за религіозными соображеніями, поддерживаемыми текстами писанія. „Такъ какъ равное или даже бóльшее число изъ тѣхъ, которыхъ касается избраніе императора, склонились, какъ извѣстно, въ пользу Оттона; такъ какъ годность и достоинство избираемаго должны быть приняты въ соображеніе не менѣе и даже болѣе, чѣмъ число избирателей, и не столько важно численное большинство со стороны избирающихъ, сколько здравое ихъ разсужденіе; такъ какъ Оттонъ болѣе пригоденъ къ управленію имперіи, чѣмъ Филиппъ, въ силу того, что Господь караетъ грѣхи отцовъ въ потомкахъ ихъ до третьяго и четвертаго колѣна, если они ненавистники его, Филиппъ же подражаетъ грѣхамъ предковъ своихъ въ притѣсненіи церкви, и хотя мы и не должны за зло воздавать зломъ, но оказывать благодѣяніе обидѣвшимъ насъ, мы, однако, и не обязаны вознаграждать почестями за оскорбленіе тѣхъ, кто пребываетъ въ обычной къ намъ враждебности, и не должны вооружать противъ себя умоизступленныхъ; и такъ какъ, наконецъ, Господь, какъ видно изъ Писанія, чтобы сокрушить гордеца, избралъ скромнаго и принялъ въ цари Давида, то очевидно, что и намъ позволительно, и намъ слѣдуетъ, и намъ полезно выказать Оттону нашу апостольскую благосклонность".

Такимъ образомъ Иннокентій открыто вступилъ въ распрю за императорскую корону, когда эта распря уже близилась къ концу, чтобы возстановить равновѣсіе между двумя міровыми властями въ

Борьба между Оттономъ IV и Филиппомъ Швабскимъ.

пользу церкви; вмѣшавшись въ борьбу, папа упорно велъ ее и поддерживалъ Оттона, несмотря на то, что обстоятельства становились все болѣе неблагопріятны для послѣдняго. Наступилъ моментъ, когда дѣла Оттона приняли такой дурной для него оборотъ, что Иннокентій, подъ вліяніемъ отчаянія, впалъ въ тяжелую болѣзнь и въ Германіи распространились слухи о его смерти. Радостныя извѣстія, что король англійскій Іоаннъ рѣшился энергичнѣе поддерживать Оттона, что французскій король Филиппъ-Августъ, союзникъ Гогенштауфеновъ, согласился, по настоянію папы, остаться нейтральнымъ, и нѣкоторый военный успѣхъ, одержанный Оттономъ, снова оживили надежды и возстановили силы Иннокентія. Но ему предстояло большое разочарованіе. Іоаннъ Безземельный денегъ не далъ, и главный покровитель Оттона, архіепископъ кельнскій, виновникъ всей междоусобной войны, перешелъ на сторону Филиппа, его примѣру послѣдовали другіе князья, между прочимъ родной братъ Оттона. Напрасно стыдилъ папа нѣмецкихъ князей: „не человѣку другъ, а фортунѣ тотъ, кто, подобно тростнику на вѣтру, колеблется отъ случайностей, и кому улыбался въ счастьѣ, того покидаетъ въ опасности". Но самому папѣ пришлось измѣнить политику; онъ воспользовался случаемъ, чтобы черезъ аквилейскаго патріарха, лица близкаго къ Филиппу, завести съ нимъ сношенія по дѣлу одного епископа. Слѣдствіемъ этого было письмо Филиппа къ Иннокентію, чрезвычайно благородное по тону, исполненное чувствомъ собственнаго достоинства, но очень почтительное къ папѣ. Тогда папа поручилъ патріарху устроить перемиріе между воюющими. Филиппъ перемирія не принялъ, и Оттонъ едва избѣгъ плѣна; онъ былъ всѣми оставленъ. При такихъ обстоятельствахъ Иннокентій уступилъ и отправилъ въ Германію легатами двухъ вліятельныхъ кардиналовъ съ обширными полномочіями. Легаты сняли съ Филиппа отлученіе, уговорили его положить оружіе и предложили соглашеніе, въ силу котораго Филиппъ долженъ былъ быть признанъ императоромъ, а Оттонъ женился на его старшей дочери и получилъ въ приданое родовое герцогство Гогенштауфеновъ. Во время этихъ переговоровъ случилось неожиданное и небывалое событіе: Филиппъ былъ убитъ, по личнымъ неудовольствіямъ, своимъ вассаломъ графомъ Виттельбахскимъ.

Иннокентій достигъ своей цѣли: онъ клеймилъ съ негодованіемъ позорное дѣло убійства, но его радость не знала границъ; его ставленникъ и орудіе стали во главѣ имперіи; спокойствіе вотчины св. Петра и господство церкви надъ міромъ были обезпечены. Его

письмо къ Оттону—ликующій гимнъ во славу церкви и идеальнаго божескаго царства, которое должно было наступить подъ ея покровомъ. „Благословенъ будь Господь, который по невыразимому своему милосердію исполнилъ наше желаніе относительно тебя, главной Его части, и, какъ мы твердо уповаемъ, не отступитъ отъ насъ, пока желаніе наше не исполнится вполнѣ, къ хвалѣ и славѣ имени Его, къ чести и пользѣ церкви, а также имперіи и всего христіанскаго народа". Восхваляя достоинства Оттона, папа восклицаетъ, что можетъ похвалиться словомъ Господнимъ и сказать, что нашелъ человѣка по сердцу своему: „О, драгоцѣнный сынъ мой, моя душа такъ слилась съ твоею, и сердце твое такъ срослось съ моимъ, что, какъ мнится намъ, мы какъ будто одного и того же хотимъ и желаемъ, какъ будто составляемъ одну душу и единое сердце; какую можно ожидать отъ этого пользу, того ни перомъ нельзя написать, ни языкомъ сказать, ни даже умомъ помыслить. Ибо намъ двоимъ, главнымъ образомъ, поручено управленіе этимъ міромъ; если мы будемъ единодушны и согласны въ добрѣ, то на самомъ дѣлѣ, какъ сказалъ пророкъ, солнце и луна будутъ идти своимъ чередомъ, кривда станетъ правдой и все шероховатое сдѣлается ровнымъ, такъ какъ намъ двоимъ съ Божьей помощью ничто не можетъ препятствовать и воспротивиться, ибо въ нашихъ рукахъ оба меча, о которыхъ Господь сказалъ апостоламъ: „довольно ихъ!" Ибо священническій авторитетъ и царская власть, присущіе намъ въ своемъ высшемъ проявленіи, которые обозначаются тѣми двумя мечами, совершенно довлѣютъ благополучному исполненію своего назначенія, если только каждый изъ насъ будетъ мощно поддерживать другого. А такъ именно полезно и такъ должно быть, чтобы каждая сторона находила у другой дѣйствительную помощь для того, чтобы порядокъ міра, пришедшаго отъ изобилія зла къ полному разоренію, нашими работами былъ возстановленъ съ искорененіемъ въ немъ пороковъ и насажденіемъ добродѣтели".

Послѣдняя часть письма принимаетъ болѣе дѣловой характеръ; папа озабоченъ тѣмъ, чтобы уладить всѣ спорные пункты по дѣламъ римской вотчины и обезпечить исполненіе щедрыхъ обѣщаній, данныхъ Оттономъ куріи. Несмотря, однако, на эту тѣнь, пробѣгающую по письму, нельзя думать, чтобы Иннокентій въ перепискѣ съ новымъ императоромъ не переживалъ, дѣйствительно, моментовъ идеальнаго настроенія, когда передъ нимъ раскрывалась широкая перспектива плодотворной дѣятельности: притязанія папства осу-

ществились; папа на самомъ дѣлѣ имѣлъ право утверждать, что въ его рукахъ источникъ и вѣнецъ императорской власти, и чего нельзя было бы достигнуть съ покорнымъ и преданнымъ императоромъ, который всѣмъ былъ обязанъ римской церкви?

И однако, для Иннокентія было бы лучше, если бы ему не выпало на долю это торжество; для него было бы менѣе тяжело претерпѣть много зла отъ своего явнаго противника Филиппа, чѣмъ испытать то горе, которое ему готовилъ его „драгоцѣннѣйшій" сынъ. Годъ спустя по смерти Филиппа, въ 1209 г., Оттонъ прибылъ въ Римъ для коронованія. Торжественный обрядъ совершился въ полномъ порядкѣ. При выходѣ изъ собора императоръ, по обычаю, держалъ стремя папы, и оба потомъ верхами отправились съ блестящей свитой въ Латеранъ, чтобы отпраздновать торжество. Торжество было омрачено, какъ бывало иногда и прежде, кровавымъ столкновеніемъ между римскимъ населеніемъ и войсками императора, которыя считали себя въ правѣ требовать угощенія. Въ стычкѣ погибло много людей, и еще больше пало лошадей рыцарской свиты. Оттонъ потребовалъ вознагражденія, и отказъ папы былъ первымъ поводомъ къ недоразумѣнію между ними. Это было печальной случайностью, но недоразумѣніе приняло болѣе роковой и неизбѣжный характеръ, когда Оттонъ, надѣвъ на себя императорскую корону, проникся традиціей своихъ предшественниковъ и захотѣлъ вступить во всѣ ихъ права относительно свѣтской власти въ Италіи и въ Церковной Области. Иннокентій увидѣлъ предъ собою врага, превзошедшаго тѣхъ, кто былъ изъ породы тиранновъ. Мы не станемъ слѣдить за подробностями и перипетіями новой распри между царствомъ и священствомъ. Уже въ слѣдующемъ году Иннокентій отлучилъ Оттона отъ церкви и объявилъ князей Германіи свободными отъ вѣрности тому, кто „не остается вѣрнымъ Богу и церкви". Но декреталіями нельзя было побороть Оттона, и Иннокентію пришлось противъ Оттона прибѣгнуть къ помощи ненавистныхъ церкви Гогенштауфеновъ и содѣйствовать притязаніямъ на отцовскій престолъ юнаго Фридриха, несостоятельность котораго и пагубное значеніе для церкви онъ такъ систематически изложилъ предъ всѣмъ міромъ. Послѣ трехлѣтней борьбы Фридрихъ одолѣлъ своего соперника и въ 1215 году, незадолго до смерти Иннокентія, самый юный изъ трехъ избранниковъ короновался въ Ахенѣ короной Германіи. Авторъ трактата о презрѣнности міра и людей имѣлъ за это время много поводовъ убѣдиться въ справедливости своей нравственной теоріи, и много глубокой

горечи находимъ мы за эти годы въ перепискѣ Иннокентія. „Господу и вамъ,—пишетъ онъ архіепископу равеннскому,—жалуемся мы на императора, который, не помня нашихъ благодѣяній и забывъ свои обѣщанія, воздалъ намъ зломъ за добро, ненавистью за любовь, обидою за милость, оскорбленіемъ за почетъ; какъ нечестивый сынъ, онъ началъ съ угнетенія своей матери, которая со всѣмъ усердіемъ старалась, противъ общаго, почти всѣхъ, желанія, возвысить его на престолъ, какъ это вамъ и другимъ вполнѣ извѣстно; многіе теперь глумятся надъ нами, говоря, что мы по заслугамъ страдаемъ, такъ какъ сами сковали мечъ, которымъ намъ нанесена тяжелая рана; но пусть глумителямъ отвѣтитъ за насъ Всевышній, которому вѣдома чистота нашихъ помысловъ и который, какъ видно изъ писанія, самъ не безъ причины о себѣ сказалъ: „жалѣю, что создалъ человѣка“.

Священство и царство.

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, вмѣшательство Иннокентія III въ дѣло имперіи было для него источникомъ многихъ разочарованій и ударовъ, тяжелыхъ для его личнаго чувства. И однакоже, въ вѣковомъ антагонизмѣ между папствомъ и имперіей именно Иннокентій III окончательно склонилъ вѣсы въ пользу духовной власти. Иннокентій засталъ дѣло въ такомъ положеніи, что въ Римѣ командовалъ императорскій префектъ, а римскій епископъ былъ менѣе обезпеченъ въ своихъ свѣтскихъ правахъ и въ своей независимости отъ свѣтской власти, чѣмъ любой изъ епископовъ священной римской имперіи, и воспользовавшись обстоятельствами, Иннокентій смѣло провозгласилъ теорію, въ силу которой самое могущественное государство тогдашняго времени становилось вотчиной св. Петра, а преемникъ римскихъ цезарей и Карла Великаго—простымъ ставленникомъ римскаго епископа. Иннокентій нашелъ императора, который изъ личныхъ видовъ далъ свое согласіе на эти притязанія, и, несмотря на энергическіе протесты нѣмецкихъ князей, аргументація Иннокентія III вошла въ декреталіи, т.-е. стала каноническимъ закономъ для всего западнаго міра.

Въ отвѣтъ посламъ короля Филиппа Иннокентій подвелъ спорный вопросъ объ избраніи преемника Генриху VI подъ общую теорію о преимуществѣ священства надъ царствомъ. Аргументація вращается отчасти въ представленіяхъ, взятыхъ изъ дѣйствительныхъ отношеній между духовною и свѣтскою властью. Достойнѣе тотъ, кто получаетъ десятину, чѣмъ тотъ, кто ее платитъ; ниже

стоитъ тотъ, кто получаетъ благословеніе, чѣмъ тотъ, кто его даетъ; достойнѣе тотъ, кто даетъ помазаніе, чѣмъ помазанникъ, и т. д. Еще болѣе важны по своимъ послѣдствіямъ и еще сильнѣе выражаютъ притязанія папской власти примѣненныя къ данному вопросу толкованія разныхъ текстовъ св. писанія. Въ нихъ ясно проглядываетъ намѣреніе отождествить духовную власть съ божественною, чтобы поставить ее выше свѣтской власти. Слова книги Бытія о Мельхиседекѣ, что онъ былъ „царемъ государства и слугою Всевышняго", даютъ Иннокентію поводъ противопоставить государству божество (civitatem et divinitatem) и сопоставить съ различіемъ между ними подобное различіе между царемъ и священникомъ. Текстъ изъ книги Исхода (XXII, 28): „Судей не злословь и начальника въ твоемъ народѣ не поноси" истолковывается Иннокентіемъ такъ, что „Господь священниковъ назвалъ богами, а царей начальниками". Другой текстъ даетъ поводъ отождествить священника съ ангеломъ Пасхи; эта дальнѣйшая аргументація уже кажется ослабленіемъ. „Князьямъ дана власть на землѣ, а священникамъ на небѣ. Одни поставлены надъ тѣломъ, другіе—надъ душою, и насколько душа достойнѣе тѣла, настолько священникъ достойнѣе царя".

Вторая часть аргументаціи принимаетъ историческій характеръ: „ибо священство не только превосходитъ царство по достоинству, но и по времени... Оба они, какъ царство, такъ и священство учреждены были для народа Божьяго; но священство—по Божьему постановленію, царство же—вслѣдствіе людского вымогательства" (per extorsionem). Что у евреевъ священство предшествовало царству—легко было подтвердить всѣмъ извѣстными фактами; но чтобы не осталось сомнѣнія относительно такого же хода дѣла у язычниковъ, у которыхъ, по свидѣтельству писанія, царство ведетъ свое начало отъ Бэла у ассирійцевъ, а отъ Нимврода—у вавилонянъ, Иннокентій указываетъ на то, что Ной предшествовалъ этимъ царямъ и былъ правителемъ надъ ковчегомъ, т. е. „какъ бы священникомъ церкви".

Точно также и далѣе преимущество священства надъ царствомъ доказывается не только происхожденіемъ, но и всей ихъ исторіей. Противъ того и другого воздвигнуты были соблазнъ и расколъ; но расколъ не одолѣлъ священства, какъ показываетъ исторія еврейскаго народа; расколъ же, воздвигнутый противъ царства, не былъ усмиренъ, а превозмогъ, какъ-то свидѣтельствуетъ исторія царя Саула. Точно также и въ дальнѣйшемъ теченіи времени не

священство, а царство подверглось раздѣленію послѣ Соломона. Но алтарь съ золотымъ тельцомъ, воздвигнутый у израильтянъ, былъ сокрушенъ и рука царя сожжена, раздѣленіе же царства іудейскаго осталось до конца. И что̀ случилось въ ветхомъ завѣтѣ, то повторилось и въ новомъ; одновременно произошло раздѣленіе какъ священства, такъ и царства при папѣ Иннокентіи II и при королѣ Лотарѣ. Противъ Иннокентія возсталъ Анаклетъ, противъ Лотаря—Конрадъ. Но въ обоихъ случаяхъ взяли верхъ католики—ибо Иннокентій короновалъ Лотаря — и потерпѣли пораженіе схизматики Анаклетъ и Конрадъ, ибо правда побѣждаетъ кривду. То же повторилось и при папѣ Александрѣ III, когда императоръ Фридрихъ, не какъ защитникъ церкви, а какъ притѣснитель ея, содѣйствовалъ схизмѣ и благопріятствовалъ схизматикамъ. Но схизма погибла со схизматиками. Нынѣ же церковь, по милости Божіей, состоитъ въ единствѣ, имперія же, въ силу грѣховъ, раздѣлена. Церковь, однако, воздаетъ царству не тѣмъ, что отъ него получила, но соболѣзнуетъ ему. Впрочемъ, къ апостольскому престолу давно уже надо было обратиться, и ему это дѣло подлежитъ, такъ какъ онъ перенесъ имперію съ востока на западъ, и по его же усмотрѣнію дается императорскій вѣнецъ.

„Священство выше царства по достоинству, по назначенію и по происхожденію". Это положеніе можно считать краеугольнымъ камнемъ средневѣковаго міровоззрѣнія — его основаніе можно найти уже въ „божескомъ царствѣ" Августина; но теперь новое примѣненіе получаетъ эта формула: если священство достойнѣе царства, то въ силу того оно имѣетъ право требовать себѣ его подчиненія, и такъ какъ священство олицетворяется папою, то формула эта на практикѣ приводила теперь къ требованію, чтобы свѣтскія власти подчинялись папѣ и въ свѣтскихъ вопросахъ.

Вотъ въ этомъ заключается новый поворотъ въ средневѣковой жизни, насколько она находилась подъ вліяніемъ папства, и нельзя не сказать, что виновникомъ этого поворота былъ въ значительной степени Иннокентій III. Ему же принадлежитъ значительная доля отвѣтственности въ томъ, что папство, ставъ во главѣ церкви, какъ божескаго царства, признало царствованіе своимъ призваніемъ на землѣ и распростерло свою власть изъ области духовныхъ интересовъ въ свѣтскіе. Этотъ процессъ, обнаружившійся яснѣе въ XIII в. послѣ Иннокентія III, привелъ къ паденію римской церкви, а вмѣстѣ съ нею и средневѣковаго міровоззрѣнія. Требуя себѣ подчиненія свѣтскихъ интересовъ во имя своего духовнаго значе-

нія, папство, повидимому, выиграло и достигло небывалаго величія и авторитета; но это было самообольщеніе, потому что чѣмъ болѣе оно связывало себя свѣтскими интересами, чѣмъ болѣе оно ими поглощалось, тѣмъ болѣе матеріализировалась и затемнялась представляемая имъ идея, которой оно была обязана своею силою, и тѣмъ слабѣе, слѣдовательно, становился его авторитетъ.

Личность Иннокентія. Въ Римѣ сосредоточивалась такая масса мірскихъ дѣлъ и заботъ, съ которою могла справляться только такая могучая и энергическая личность, какъ Иннокентій III. Но самъ Иннокентій— былъ ли онъ дѣйствительно въ состояніи справиться съ своими обязанностями? Черезъ всю его переписку постоянно тянется жалоба, что онъ изнемогаетъ подъ бременемъ дѣлъ. Онъ неоднократно въ ней заявляетъ, что „не желаетъ, какъ и не долженъ того желать — отдавать предпочтеніе мірскому предъ духовнымъ". Но имѣлъ ли онъ, при условіяхъ, въ которыхъ находился, возможность постепенно „избирать вѣрный путь", чтобы какъ онъ выражается, „не пренебрегать свѣтскими интересами и въ то же время *выше ихъ* ставить, какъ и слѣдовало, духовные" (II,202)? Нужно отдать справедливость Иннокентію: въ своей личной жизни онъ старался, сколько могъ, среди житейскихъ волненій не терять изъ вида духовной цѣли. Такъ, среди заботъ объ управленіи міромъ Иннокентій находитъ досугъ, чтобы написать рядъ проповѣдей передъ Рождествомъ на тему о пришествіи Христовомъ. Онъ дѣлаетъ это, чтобы „вырваться изъ заботъ мірскихъ, которыя подъ давленіемъ злобы времени сильно меня отягощаютъ, и не пренебречь вовсе духовною заботою, которая ради обязанности апостольскаго служенія въ особенности на мнѣ лежитъ". Но въ самомъ посвященіи этихъ 29 проповѣдей аббату Арнульфу Иннокентій мѣтко изображаетъ состояніе своего духа, и въ этомъ изображеніи нельзя видѣть только обычное авторское оправданіе. „О, если бы я по обязанности проповѣдника самъ исполнялъ то, о чемъ сейчасъ говорилъ! но я подавленъ скопленіемъ столькихъ процессовъ, опутанъ узами столькихъ дѣлъ, что по необходимости, разбившись по частямъ, я долженъ оказаться болѣе слабымъ по каждой отдѣльной части. Предаваться созерцанію мнѣ не дозволено, ибо даже дышать мнѣ не даютъ. Я такъ отданъ другимъ, что почти пересталъ принадлежать самому себѣ". При такомъ обремененіи дѣлами страдали не только духовныя обязанности, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ были неизбѣжныя упущенія, какъ въ этомъ искренно признается Иннокентій въ письмѣ къ архіепископу пизанскому,

которому, вмѣстѣ съ другими лицами, папою былъ порученъ сборъ денегъ въ пользу крестоваго похода (I,409). Папа оправдывается предъ ними въ томъ, что, хотя онъ не припомнитъ, „*точно* ли онъ выразился" въ письмѣ къ нему, но во всякомъ случаѣ намѣреніе его было таково, чтобы собранная сумма денегъ была употреблена по назначенію, а въ Римъ былъ доставленъ только общій ея итогъ. „Если же въ письмѣ, нами къ вамъ посланномъ, можетъ быть, что-нибудь и содержится въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ собранныя деньги прислать намъ, то это произошло не по нашему намѣренію, а вслѣдствіе излишества занятій, относительно которыхъ мы должны сказать, что чѣмъ большему количеству предметовъ мы посвящаемъ наше вниманіе, тѣмъ менѣе тщательно мы въ состояніи подумать о каждомъ отдѣльно".

Вотъ это признаніе Иннокентія: „Чѣмъ больше дѣлъ мы охватываемъ, тѣмъ менѣе съ ними справляемся", могло бы служить эпиграфомъ для его правленія и характеристикой для созданнаго имъ положенія дѣла.

Если личность, одаренная такой энергіей и такой страстью къ дѣятельности, жаловалась, что ей непосильна задача, взятая на себя папствомъ, то что же приходилось сказать о другихъ, менѣе способныхъ и мощныхъ преемникахъ Иннокентія III? Судьба Европы стала зависѣть отъ того случайнаго обстоятельства, кого именно запертые въ конклавѣ кардиналы возведутъ на престолъ св. Петра. Но не въ этомъ только заключалась ненормальность положенія, въ которомъ находилось папство. Чѣмъ энергичнѣе былъ папа, чѣмъ болѣе онъ отдавался своему призванію, тѣмъ болѣе онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ міромъ, тѣмъ рѣзче онъ долженъ былъ проявлять въ немъ свою власть, тѣмъ болѣе зависимъ становился онъ отъ лицъ, служившихъ ему орудіемъ, тѣмъ болѣе онъ нуждался въ золотѣ, чтобы содержать своихъ многочисленныхъ служителей,—однимъ словомъ, тѣмъ болѣе духовная власть папы принимала мірской характеръ. Такимъ образомъ, должны были все болѣе и болѣе мельчать и понижаться идеальныя задачи папства, средства для достиженія этихъ задачъ становились цѣлью, и божеское царство Августина превращалось въ вотчину св. Петра.

XXXIII.

Фридрихъ II Гогенштауфенъ.

Положеніе Фридриха II въ исторіи. Первая половина XIII столѣтія была послѣднимъ актомъ вѣковой борьбы имперіи и папства [1]). Несмотря на кажущуюся побѣду папства, исходъ ея былъ одинаково печаленъ для обѣихъ сторонъ, такъ какъ оба эти непримиримыя начала взаимно подорвали другъ друга. Ни имперія, ни папство не оказались способными осуществить идею универсальной монархіи, на которой было основано все церковно-политическое развитіе Среднихъ вѣковъ. XIII в. носитъ въ себѣ уже вѣяніе новаго времени, но пока этотъ новый порядокъ намѣчается на фонѣ стараго, отсюда та двойственность, которую мы наблюдаемъ въ представителяхъ этого вѣка. Стоитъ только сопоставить Фридриха II съ Людовикомъ IX, чтобы понять, какъ далеко могутъ отстоять другъ отъ друга во времени два современные дѣятеля. Въ то время какъ Людовикъ является представителемъ прошедшаго, воплощая въ себѣ лучшія качества средневѣковаго государя, Фридрихъ вноситъ съ собою въ XIII столѣтіе такія черты, которыя значительно опережаютъ его время. Это обстоятельство даетъ личности Фридриха очень сложный характеръ. Сравнительно легко дать характеристику любого изъ его предшественниковъ на императорскомъ престолѣ. Фридрихъ Барбарусса, Оттонъ I, Карлъ В. настолько цѣльныя личности, что кажется нетруднымъ проникнуть въ ихъ душу и представить себѣ ихъ характеръ и образъ мыслей.

Zeller, Frederic II et la chute de l'empire, *Schirrmacher*, Friedrich II;
e der Stadt Rom, V B.
VII" и „Ломбардскіе города въ XII в.".

Фридрихъ II не поддается такъ легко анализу. Гогенштауфенъ по отцу, онъ носитъ нѣмецкое имя и крѣпко держится за высокое представленіе о священно-римской имперіи, которое оставили ему въ наслѣдство отецъ и дѣдъ. Норманнъ по матери, онъ чувствуетъ себя дома въ своемъ сицилійскомъ королевствѣ и лишь въ минуты необходимости появляется въ Германіи, интересами которой онъ нерѣдко жертвуетъ ради другихъ цѣлей. Стоя во главѣ средневѣковаго католическаго общества, Фридрихъ вращается среди чуждыхъ ему восточныхъ элементовъ и по степени своего образованія, по религіозному индифферентизму и широкому пользованію жизнью является предвѣстникомъ далекой еще эпохи Возрожденія. Наконецъ, по своему государственному идеалу и по смѣло задуманной попыткѣ осуществить его въ Сициліи, этотъ средневѣковый государь носитъ въ себѣ черты, которыя были бы умѣстны въ представителѣ просвѣщеннаго абсолютизма XVIII вѣка.

Дѣтство Фридриха.

Единственный и давно жданный сынъ Генриха VI и Констанціи родился въ маленькомъ городкѣ Іези (Iesi) въ Анконской маркѣ 26 дек. 1194 г. и при крещеніи получилъ имя Фридриха-Рожера. Это были имена двухъ его дѣдовъ, и они указывали ребенку на двѣ короны, которыя его ожидали. Одна изъ нихъ—сицилійская—была наслѣдственная, а другая — императорская — казалось, была обезпечена ему рѣшеніемъ германскихъ князей, избравшихъ его римскимъ королемъ на сеймѣ въ Франкфуртѣ 1196 г. Давно уже имперія не стояла на такой высотѣ, какъ въ этомъ году. Генрихъ VI, силою утвердившійся въ Сициліи, замышлялъ уже сдѣлать корону священно-римской имперіи наслѣдственной въ своемъ домѣ и въ тоже время мысленно протягивалъ руку къ коронѣ имперіи восточной. Его преждевременная смерть въ 1197 г. сразу погубила всѣ достигнутые имъ результаты. Его малолѣтній сынъ оказался вассаломъ папы и не былъ увѣренъ даже въ своей сицилійской коронѣ, а въ Германіи отъ него отвернулись не только вельфы, избравшіе королемъ Оттона IV, но и гибелины, поневолѣ промѣнявшіе его на Филиппа Швабскаго. И какъ разъ въ это трудное для имперіи время самый яркій представитель папскихъ стремленій, Иннокентій III занялъ римскій престолъ и сталъ опекуномъ маленькаго Фридриха, который въ концѣ 1198 г. потерялъ мать и остался круглымъ сиротой, не имѣя еще 4 л. отъ роду.

Дѣтство Фридриха прошло при такой печальной обстановкѣ, которая напоминаетъ намъ юные годы Іоанна Грознаго. Онъ былъ игрушкой въ рукахъ партій, которыя, захватывая въ свои руки

власть, завладѣвали и особой короля. Вождь одной изъ нихъ, Каппароне держалъ при себѣ Фридриха, какъ плѣнника. Все разноплеменное населеніе Сициліи пришло въ броженіе. Итальянцы думали, что со смертью Генриха VI можно будетъ свергнуть нѣмецкое иго, нѣмцы въ лицѣ Маркварда Анвейлера и маркграфа Дипольда Фобурга упорно отстаивали свое положеніе; арабы на островѣ подняли мятежъ, такъ какъ боялись, что изъ Рима посягнутъ на ихъ религіозную свободу. Но главное, около Фридриха не было лицъ, искренне ему преданныхъ, на которыхъ онъ могъ бы положиться. Мальчикъ рано пришелъ къ убѣжденію, что онъ долженъ разсчитывать только на самого себя. Злое чувство противъ окружающихъ накоплялось въ душѣ Фридриха, и въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ восклицаетъ: „Кто видѣлъ когда-нибудь столь преступныхъ людей, столь безстыдныхъ злодѣевъ? Когда случалось королю, полному стремленія мощно править съ высокаго престола, карать подобныя злодѣянія?“ Тяжелая школа, пройденная въ дѣтствѣ, подавила въ немъ сердечность и искренность, но дисциплинировала его сильный умъ и воспитала въ немъ сильную волю. Онъ научился скрывать свои истинныя намѣренія, итти къ цѣли такъ, чтобы противники этого не замѣчали, научился извлекать возможно большую пользу для себя изъ лицъ и обстоятельствъ, съ которыми онъ встрѣчался. Фридрихъ не стѣснялся впослѣдствіи въ трудную минуту брать на себя извѣстныя обязательства, отъ исполненія которыхъ онъ отказывался, когда успѣхъ переходилъ на его сторону. Онъ имѣлъ передъ глазами хорошій примѣръ подобной политики въ лицѣ своего канцлера Вальтера Палеара, архіепископа Троянскаго, умѣвшаго сохранить свое положеніе при всѣхъ партіяхъ и потерявшаго его лишь по совершеннолѣтіи Фридриха.

Съ 14-тилѣтняго возраста воспитателемъ Фридриха становится Ченчіо Савелли, впослѣдствіи папа Гонорій III. При исключительныхъ дарованіяхъ и любознательности Фридрихъ не могъ не сдѣлать успѣховъ независимо отъ свойствъ своихъ наставниковъ. Въ письмахъ Иннокентія III мы часто встрѣчаемъ указанія на эти успѣхи. „Со дня на день становится король умнѣе и благоразумнѣе“ — пишетъ онъ королю Арагонскому въ 1204 г., а черезъ 4 года онъ сообщаетъ тому же лицу: „Окрыленными стопами вступаетъ онъ въ годы зрѣлости и, опережая возрастъ своими дарованіями, онъ достойнымъ удивленія образомъ кладетъ начало своего счастливаго правленія“.

Образованіе Фридриха.

Широкое и разностороннее образованіе Фридриха станетъ намъ понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что его культурная обстановка была настолько же благопріятна, насколько политическая и домашняя были печальны. Сицилія XIII в. была счастливымъ пунктомъ, гдѣ сходились, дополняя другъ друга, образованности латинская, византійская и арабская. Недаромъ Палермо того времени называли трехъязычнымъ городомъ. Въ этомъ оживленномъ торговомъ пунктѣ собралось самое пестрое населеніе, составленное изъ всѣхъ народностей, обитавшихъ по побережью Средиземнаго моря, и свободно встрѣчались три религіи: христіанская, магометанская и еврейская. Духовная жизнь была шире и свободнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Здѣсь одновременно можно было изучать римское право и науки, принесенныя греками и арабами, поэзію провансальскую, которая уже вымирала, и поэзію итальянскую, которая только зарождалась.

Фридрихъ широко воспользовался тѣмъ, что давало ему современное состояніе знанія въ южной Италіи. Онъ хорошо зналъ науки математическія и естественныя, изучалъ астрономію и неразрывную съ ней въ то время астрологію. Его трактатъ о соколиной охотѣ („De arte venandi cum avibus"), обнаруживаетъ въ немъ солидныя познанія въ анатоміи и зоологіи. Свой интересъ къ послѣдней наукѣ онъ доказалъ и тѣмъ, что составлялъ цѣлые звѣринцы изъ рѣдкихъ животныхъ, которые сопровождали его даже въ походахъ. Фридрихъ занимался также медициной, хирургіей и ветеринарнымъ искусствомъ, самъ составлялъ рецепты. Къ языкамъ онъ имѣлъ особенныя способности: кромѣ итальянскаго и нѣмецкаго, онъ владѣлъ французскимъ, греческимъ, даже арабскимъ. Онъ писалъ стихи на языкахъ латинскомъ и итальянскомъ, и Данте въ своемъ De vulgari eloquio называетъ его однимъ изъ родоначальниковъ итальянской поэзіи. Около него группируется цѣлая школа сицилійскихъ трубадуровъ, которые по образцу своихъ провансальскихъ собратьевъ воспѣваютъ любовь и наслажденіе. Въ числѣ ихъ, слѣдуя примѣру своего государя, находятся и важные сановники въ родѣ Петра Винеа. Будучи тонкимъ знатокомъ античнаго искусства, Фридрихъ переноситъ въ Палермо мраморныя колонны Равеннскаго храма, а воздвигнутые имъ дворецъ въ Фоджіо и замокъ въ Капуѣ представляютъ въ своей архитектурѣ ту изящную гармонію, въ которой чувствуется уже будущій стиль Возрожденія.

Но знаніе не было для Фридриха лишь предметомъ любознательности: онъ видѣлъ въ немъ важный элементъ общественнаго

благополучія. Чтобы распространить образованіе въ своемъ государствѣ онъ основываетъ университетъ въ Неаполѣ. Въ грамотѣ, изданной по этому случаю въ 1224 г. и разосланной по всему королевству, онъ говоритъ между прочимъ, что въ Неаполѣ будутъ преподаваться всѣ науки для того, „чтобы алчущіе знанія находили нужную для нихъ пищу въ самомъ королевствѣ и не были вынуждены ради образованія покидать свое отечество и выпрашивать его, какъ милостыню, за-границей“. Фридрихъ беретъ подъ свое покровительство и знаменитую медицинскую школу въ Салерно: въ 1231 году онъ издаетъ распоряженіе, воспрещающее врачамъ практиковать въ Сицилійскомъ королевствѣ иначе, какъ съ разрѣшенія этой школы. Онъ привлекаетъ къ своему двору ученыхъ и писателей, напр., Леонардо Пизанскаго, знаменитаго математика, введшаго неизвѣстную прежде христіанамъ алгебру и посвятившаго императору свой „Трактатъ о квадратныхъ числахъ“, и Михаила Скота, который перевелъ для него многіе трактаты Аристотеля и въ числѣ ихъ „Исторію животныхъ“. Посылая эти переводы въ Неаполитанскій университетъ, Фридрихъ пишетъ: „наука должна итти наравнѣ съ законами и оружіемъ, безъ нея человѣкъ не можетъ достойно воспользоваться своею жизнью“. „Мы думали“, — продолжаетъ онъ дальше, — „что намъ не будетъ удовольствія пользоваться ими (переводами), если мы не сдѣлаемъ ихъ доступными и для другихъ. Никто не имѣетъ бóльшаго права на источникъ античной мудрости, какъ тотъ, кто пользуется имъ для утоленія жажды къ знанію юношества“. Въ письмѣ къ жителямъ Верчеллъ Фридрихъ идетъ еще далѣе и высказываетъ мысль, которая сдѣлала бы честь дѣятелю и болѣе поздняго времени: „Мы считаемъ выгоднымъ для себя давать нашимъ подданнымъ возможность образованія, наука сдѣлаетъ ихъ болѣе способными управлять и собой и государствомъ“. Подобныя просвѣтительныя идеи, несомнѣнно, знаменательны въ устахъ государя XIII в., даже если мы примемъ во вниманіе, что практическая дѣятельность императора не всегда имъ строго соотвѣтствовала.

Покровительствуя наукѣ, Фридрихъ не обращаетъ вниманія на вѣроисповѣданіе ученаго. Ученый еврей Іаковъ Бенъ-Абба-Мари, поселившійся въ Неаполѣ, благодаритъ Бога за то, что Онъ „вложилъ въ сердце господина его, императора и короля Фридриха, любовь къ знанію и къ тѣмъ, кто его разрабатываетъ, и сдѣлалъ его столь благосклоннымъ, что онъ заботится о нуждахъ ихъ самихъ и ихъ семействъ“. Фридрихъ находится въ постоянныхъ сноше-

ніяхъ съ арабскими учеными въ Египтѣ, Испаніи и Африкѣ, онъ ставитъ имъ всевозможные философскіе вопросы и текстъ ихъ вмѣстѣ съ отвѣтами ученыхъ сохранился на арабскомъ языкѣ подъ названіемъ „Сицилійскихъ вопросовъ". Впрочемъ, не одни только научные интересы отличали дворъ Фридриха. Роскошная природа Сициліи, старыя традиціи норманнскаго двора и сильное вліяніе востока создали здѣсь ту свободу нравовъ, которая дала потомъ римской куріи богатый матеріалъ для нападокъ на частную жизнь Фридриха. Въ этой послѣдней области Фридрихъ былъ дѣйствительно далекъ отъ церковнаго идеала, и нѣкоторымъ оправданіемъ ему могло служить только то, что заключаемые имъ брачные союзы носили преимущественно политическій характеръ. Въ 1209 г. 14-ти лѣтъ отъ роду онъ вступаетъ въ свой первый бракъ съ Констанціей Арагонской, чтобы пріобрѣсти поддержку ея брата. Констанція была уже вдовою короля Эммериха Венгерскаго и значительно старше Фридриха. Вторично Фридрихъ женится въ 1225 г. на Іолантѣ, дочери Іоанна Бріенскаго и благодаря ей пріобрѣтаетъ права на Іерусалимское королевство. Черезъ 10 лѣтъ въ Кельнѣ былъ отпразднованъ третій бракъ императора съ Изабеллой Англійской, причемъ опять политическіе расчеты имѣли для него болѣе значенія, чѣмъ прославленная красота принцессы. Обладая пылкимъ темпераментомъ южанина, Фридрихъ создавалъ себѣ въ своихъ замкахъ, какъ напр., въ Лючерѣ, обстановку, умѣстную при дворѣ какого-нибудь восточнаго султана. Побочныя дѣти императора стояли всегда очень близко къ престолу и во всякомъ случаѣ Энціо и Манфредъ были ближе его сердцу, нежели рожденные императрицами Генрихъ и Конрадъ.

Отношеніе къ церкви.

Воспитанный среди этой свободы мысли и чувства, Фридрихъ и по отношенію къ церкви долженъ былъ занять болѣе самостоятельное положеніе. Очень трудно представить себѣ ясно религіозныя воззрѣнія императора. На современныя показанія не всегда можно полагаться, такъ какъ сторонники папства не останавливались передъ самыми неосновательными обвиненіями, а съ другой стороны нѣкоторыя рѣзкія выраженія, вырвавшіяся у Фридриха во время его послѣдней борьбы съ Римомъ, не могутъ выражать его истинныхъ убѣжденій. Григорій IX доходилъ до того, что открыто обвинялъ императора въ невѣріи и самомъ крайнемъ матеріализмѣ. Альбертъ Бегамскій увѣрялъ, что Фридрихъ не вѣрилъ въ безсмертіе души [1]).

[1]) Очень рѣзко выражаются объ отношеніяхъ Фридриха къ религіи и другіе

Эти обвиненія остались, конечно, недоказанными, но несомнѣнно, что Фридрихъ не былъ правовѣрнымъ католикомъ въ духѣ XIII вѣка. Непримиримая ненависть церкви къ Фридриху вытекала изъ вѣрнаго убѣжденія, что императоръ не преклонится добровольно передъ Римомъ. Церковь не могла дѣйствовать на него ни тѣмъ обаяніемъ, которое она имѣла въ глазахъ вѣрующаго, ни суевѣрнымъ страхомъ, которымъ она дѣйствовала на грубую толпу. Фридрихъ ясно видѣлъ недостатки современной церкви и, если онъ и служилъ ея интересамъ, когда это было ему нужно, то онъ громко указывалъ на нихъ во время своей борьбы съ папами. Напоминая, что „первобытная церковь имѣла своими основами бѣдность и простоту“, онъ осуждалъ роскошь и богатство современнаго духовенства и во время разгара борьбы смѣло бралъ на себя иниціативу ея реформы. „Помогите намъ“,—писалъ онъ, — „противъ этихъ гордыхъ прелатовъ, чтобы мы могли утвердить нашу матерь, церковь, давши ей вождей, болѣе достойныхъ править ею, и чтобы мы могли согласно нашему долгу исправить ее для блага ея и славы Божіей!“ Фридрихъ завидуетъ тѣмъ государямъ, которые соединяютъ духовную и свѣтскую власть въ своихъ рукахъ. „Счастливая Азія!“ — восклицаетъ онъ въ письмѣ къ одному греческому властителю,—„счастливыя державы востока, которымъ нечего бояться ни оружія своихъ подданныхъ, ни интригъ своихъ первосвященниковъ!“ Но въ то же время Фридрихъ возвращается на средневѣковую точку зрѣнія, когда ему нужно окружить божественнымъ ореоломъ свою императорскую власть. Римъ не могъ быть доволенъ, слыша, какими выраженіями стали пользоваться при императорскомъ дворѣ. „Наша обязанность“, — говоритъ Фридрихъ, — „любить Іези, благородный городъ Марки, гдѣ наша божественная мать произвела насъ на свѣтъ, и гдѣ распространился блескъ нашей колыбели. Никогда эта благословенная земля, этотъ Виѳлеемъ, гдѣ Цезарь увидѣлъ свѣтъ, не изгладится изъ нашей памяти и изъ нашего сердца“. Его окружающіе раздѣляютъ эти идеи, и одинъ изъ нихъ пишетъ: „Богъ установилъ на землѣ своимъ сподвижникомъ и намѣстникомъ римскаго императора, государя по имени и на дѣлѣ, божественный духъ котораго въ рукахъ Бога, направля-

писатели въ родѣ Мартина Минорита или Іоанна Винтертура. Такъ, первый въ своей хроникѣ „Flores temporum“ заставляетъ императора высказывать предположеніе, что, если бы князья согласились съ его установленіями, то онъ сумѣлъ бы лучше предписать всѣмъ народамъ, какъ нужно жить и вѣровать.

ющаго его по Своему желанію". Отсюда одинъ шагъ, чтобы изъ канцлера Петра Винеа сдѣлать апостола Петра: „Петръ, на камнѣ котораго основана императорская церковь, Петръ, на груди котораго отдыхаетъ душа Августа, когда онъ раздѣляетъ тайную вечерю со своими учениками". Мистическое настроеніе, порожденное недовольствомъ современною церковью, распространялось по Италіи и было на руку императору. Въ Калабріи еще въ концѣ прошлаго вѣка благочестивый аббатъ Іоахимъ Флоръ проповѣдовалъ „вѣчное евангеліе" и обѣщалъ наступленіе царствія Духа Св. послѣ царствій Отца и Сына. Пылкія души ждали уже появленія новой церкви и въ одномъ стихотвореніи, которое въ Римѣ поспѣшили приписать Фридриху, но которое, по другой традиціи, принадлежитъ перу состоявшаго при императорѣ въ качествѣ переводчика Михаила Скота, мы читаемъ такія строки: „Судьба намъ возвѣщаетъ, звѣзды и полетъ птицъ намъ предсказываютъ, что будетъ только одинъ молотъ для всей вселенной. Римъ, который давно уже колеблется, вступивши на путь заблужденій, падетъ и перестанетъ быть столицей міра". Если эта идея и не дана самимъ Фридрихомъ, то во всякомъ случаѣ она согласуется съ тѣми высокими цѣлями, которыя онъ себѣ намѣтилъ.

Царствованіе Фридриха II можно раздѣлить на три періода. Первый, отъ начала его самостоятельной дѣятельности и до 1230 года, обнимаетъ собою время, въ теченіе котораго онъ возвратилъ своему дому положеніе, утраченное послѣ смерти Генриха VI, и ради этого выдержалъ свою первую борьбу съ Римомъ. Второй періодъ занимаетъ пять слѣдующихъ самыхъ спокойныхъ, но въ то же время самыхъ важныхъ лѣтъ его царствованія, такъ какъ въ это время онъ усиленной законодательной дѣятельностью складывалъ новыя основы могущества Гогенштауфеновъ. Послѣдній періодъ начинается въ 1236 г., когда Фридрихъ начинаетъ военныя дѣйствія въ Ломбардіи, за которыми слѣдуетъ затѣмъ новый разрывъ съ папой. Тогда открывается послѣдняя рѣшительная борьба съ Римомъ, оканчивающаяся въ 1250 г. одновременно смертью императора и паденіемъ имперіи. **Пріобрѣтеніе императорской короны.**

Фридрихъ начинаетъ самостоятельную дѣятельность въ 1208 г., объявивши себя совершеннолѣтнимъ 14-ти лѣтъ отъ роду. Его вниманіе было обращено прежде всего на Сицилію. Положеніе этого королевства было такъ смутно, что Фридриху удалось возстановить

въ немъ порядокъ лишь къ половинѣ 20-хъ годовъ. Тогда-то, усмиривъ возстаніе арабовъ на о. Сициліи, онъ переселилъ часть ихъ въ южную Италію и основалъ большія военныя колоніи въ Лючерѣ и Ночерѣ. Этими арабскими силами онъ широко пользовался потомъ во время войнъ съ Римомъ. Иннокентій III, отмѣчавшій научные и государственные успѣхи своего питомца, скоро долженъ былъ замѣтить и его стремленіе къ самостоятельности. Уже въ 1209 г. по поводу назначенія архіепископа палермскаго папа дѣлаетъ ему строгое внушеніе. „Мы боимся“, — пишетъ онъ Фридриху, — „что ты, введенный въ заблужденіе окружающими тебя, вступаешь на путь тѣхъ жестокихъ тирановъ, которые, стертые съ лица земли за свои злодѣянія, подвергаются теперь жестокому возмездію. Ты долженъ довольствоваться тѣмъ земнымъ, что мы тебѣ дали, и не простирать руку къ духовной области, принадлежащей намъ однимъ. Ты долженъ подумать о томъ, — и найти въ этомъ предостереженіе для себя, — что тяжелыя времена посѣтили твое царство ради прегрѣшеній твоихъ предковъ, которые тоже посягали на духовную область“.

Тѣмъ не менѣе въ Римѣ нуждались въ Фридрихѣ. Оттонъ IV, бывшій прежде послушнымъ орудіемъ папы, круто измѣнилъ свою политику, какъ только надѣлъ императорскую корону и почувствовалъ свою силу. Иннокентій III жаловался на измѣну императора, примѣнялъ къ себѣ библейскій текстъ, гдѣ выражается раскаяніе о сотвореніи человѣка, и въ письмахъ къ Филиппу Августу сожалѣлъ о томъ, что не послушался его совѣтовъ. Но перемѣна, происшедшая въ Оттонѣ, была неизбѣжна по самой сущности отношеній между имперіей и папствомъ и, противопоставляя Оттону IV Фридриха, папа долженъ былъ сознавать, что и это орудіе измѣнитъ ему, какъ только достигнетъ цѣли, и что никакіе договоры не оградятъ надолго интересовъ римской церкви.

Въ 1212 году Фридрихъ отправился въ Германію добывать себѣ съ помощью папы ту корону, которую папа отнялъ у него 16 л. тому назадъ. По пути, въ Римѣ произошло свиданіе Фридриха съ Иннокентіемъ III. Переговоры, веденные тамъ, остались для насъ неизвѣстными, но грамоты, данныя Фридрихомъ въ Эгерѣ 12 іюля 1213 года и въ Страсбургѣ 1 іюля 1216 года, открываютъ намъ тѣ уступки, которыя Фридрихъ дѣлаетъ церкви. Онъ подтверждаетъ вновь ленную зависимость Сициліи отъ Рима и обѣщаетъ немедленно по достиженіи императорской короны отказаться отъ сицилійской въ пользу своего сына Генриха. Обѣ короны не должны

быть впредь соединяемы въ однѣхъ рукахъ, и поэтому до совершеннолѣтія Генриха Сицилія управляется лицомъ, назначаемымъ папою и отвѣтственнымъ передъ нимъ. Купивши себѣ этой цѣною поддержку Рима и именуя себя королемъ „милостью Божіей и папы“ Фридрихъ съ очень незначительными силами переходитъ Альпы и собираетъ вокругъ себя князей, сохранившихъ вѣрность Гогенштауфенамъ. Онъ заключаетъ въ Вокулерѣ союзъ съ Филиппомъ Августомъ, оттѣсняетъ Оттона IV къ Кельну, и 9 декабря 1212 г. коронуется римскимъ королемъ въ Майнцѣ. Три года благопріятныхъ для него военныхъ дѣйствій утверждаютъ его положеніе въ Германіи. Разбитый въ іюлѣ 1214 г. французами при Бувинѣ, Оттонъ теряетъ послѣднихъ своихъ союзниковъ и удаляется въ свои родовыя земли. Въ 1215 г. Фридрихъ вторично коронуется въ Ахенѣ и при этомъ исполняетъ второе настойчивое желаніе Рима: надѣваетъ на себя крестъ и обѣщаетъ лично участвовать въ крестовомъ походѣ.

Дальнѣйшая политика Фридриха направлена на то, чтобы избавиться отъ тѣхъ обязательствъ, которыя онъ взялъ на себя передъ Римомъ въ то время, когда нуждался въ его помощи. Главнымъ образомъ, нужно было предотвратить отдѣленіе Сициліи отъ имперіи. Въ преслѣдованіи этой цѣли Фридрихъ показываетъ себя тонкимъ и беззастѣнчивымъ дипломатомъ. Правда, его задача облегчалась тѣмъ, что съ 1216 г. Иннокентія III замѣнилъ въ Римѣ бывшій воспитатель Фридриха, добродушный Гонорій III. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Фридрихъ какъ бы издѣвается надъ стараніями Рима настоять на отдѣленіи Сициліи и на осуществленіи крестоваго похода. Онъ вызываетъ маленькаго Генриха въ Германію, беретъ у него управленіе Сициліей и въ апрѣлѣ 1220 г. проводитъ его избраніе римскимъ королемъ, т. е. своимъ преемникомъ въ Германіи. На протесты папы онъ отвѣчаетъ, что избраніе было произведено безъ его вѣдома. Въ томъ же году онъ возвращается въ Италію, уступаетъ папѣ въ безконечномъ вопросѣ о владѣніяхъ маркграфини Матильды, именуетъ себя „покорнымъ сыномъ“ папы, манитъ послѣдняго надеждою на крестовый походъ и добивается этимъ путемъ вѣнчанія императорской короной съ правомъ сохранить пожизненно Сицилійское королевство. Въ день своего коронованія императоръ даетъ церкви широкія привилегіи, но этими льготами онъ, не безъ умысла, задѣвалъ свободную организацію итальянскихъ городовъ: Фридрихъ сознавалъ, что борьба съ Римомъ неизбѣжна и старался по возможности изолировать послѣдняго.

Крестовый походъ.

Чтобы не раздражать церковь, Фридрихъ охотно помогаетъ ей тамъ, гдѣ это не затрогиваетъ его собственныхъ интересовъ. Своими суровыми эдиктами противъ еретиковъ [1]) — а это понятіе все расширялось на языкѣ римской церкви—свободомыслящій императоръ показалъ эгоистичность своей политики и неразборчивость своихъ средствъ. Это тѣмъ болѣе характерно, что въ это же время такой строго-церковный король, какъ Людовикъ IX, отказывался приводить въ исполненіе церковныя отлученія своей свѣтскою властью. Но для Гонорія всего интереснѣе былъ вопросъ о крестовомъ походѣ и тутъ Фридрихъ подвергалъ терпѣніе своего бывшаго наставника самому жестокому испытанію. Онъ всегда находитъ возможность отсрочить походъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Въ 1221 г. приходитъ извѣстіе о паденіи Даміетты, и папа, начиная терять терпѣніе, грозитъ императору отлученіемъ.

На личномъ свиданіи въ Вероли въ апрѣлѣ 1222 г. Фридриху удается успокоить Гонорія, и въ мартѣ слѣдующаго 1223 года назначается для обсужденія дѣла конгрессъ въ Ферентино. Здѣсь Фридрихъ беретъ на себя обязательство выѣхать въ Палестину въ 1225 году и дѣйствительно при помощи магистра тевтонскаго ордена, Германа Зальца, дѣлаетъ большія приготовленія къ походу въ Германіи и Италіи.

Въ 1225 году папу постигаетъ новое разочарованіе: императоръ снова откладываетъ походъ на два года и въ то же время двумя мѣрами обнаруживаетъ истинныя цѣли своей политики. Вступая въ бракъ съ Іолантой и принимая титулъ короля Іерусалимскаго, онъ придаетъ предстоящему крестовому походу династическій характеръ, чего вовсе не имѣли въ виду въ Римѣ, а затѣмъ императоръ рѣшился воспользоваться навязаннымъ ему церковью походомъ, чтобы утвердить свое положеніе въ Италіи и главнымъ образомъ въ Ломбардіи. Фридрихъ заводитъ рѣчь о „возстановленіи правъ имперіи“, требуетъ военной службы отъ обитателей Сполето, находившихся подъ владычествомъ Рима, и на Пасху 1226 г. созываетъ сеймъ въ Кремону для обсужденія предполагаемаго похода,

---

[1]) Особенно важенъ въ этомъ отношеніи эдиктъ, подписанный въ Равеннѣ въ 1232 г. Императоръ выражалъ въ немъ твердое желаніе „уничтожить всѣми средствами въ Германіи, гдѣ царила всегда истинная вѣра, еретическую скверну“. Папскіе инквизиторы были поставлены подъ особое покровительство императора. Они оставили послѣ себѣ самую печальную память въ странѣ, и глава ихъ, Конрадъ Марбургскій, носившій титулъ inquisitor'а hereticae pravitatis, погибъ насильственною смертью въ 1233 г.

а главное—утвержденія порядка и мира въ имперіи. Въ Ломбардіи поняли замыслы Фридриха, и города рѣшили отстоять свою свободу и права, которыя они въ прошломъ столѣтіи купили дорогой цѣной.

Ломбардскій союзъ былъ возобновленъ на 25 лѣтъ, проходы въ Германію были заперты, и сеймъ не могъ состояться. Фридрихъ не хотѣлъ пропустить момента, когда римская курія, связанная предстоящимъ походомъ, не могла открыто поддержать ломбардскіе города: онъ положилъ на нихъ опалу и объявилъ ихъ лишенными всѣхъ правъ, пріобрѣтенныхъ по констанцкому миру [1]).

Въ то же время назначенный легатомъ крестоваго похода еп. Гильдесгеймскій отлучилъ города отъ церкви. Гонорій III не призналъ этого отлученія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не находилъ въ себѣ рѣшимости открыто выступить противъ Фридриха. Смерть его, послѣдовавшая въ мартѣ 1227 г., выручила Римъ изъ затруднительнаго положенія. Мѣсто Гонорія III занялъ, подъ именемъ Григорія IX, Уголино Конти, родственникъ Иннокентія III по крови и духу. Убѣжденный приверженецъ іерархической идеи, Григорій IX, несмотря на свой 80-ти лѣтній возрастъ, былъ полонъ энергіи и горячности. Съ такимъ противникомъ нельзя было продолжать прежнюю игру, и Фридриху оставалось или открыто вступить въ борьбу съ папствомъ или же дать поймать себя на данныхъ имъ обѣщаніяхъ и выполнить то, чего желала римская церковь. Фридрихъ предпочелъ послѣднее. Вмѣшательство папы остановило готовую вспыхнуть въ Ломбардіи грозу, крестоносное ополченіе, въ которомъ соединились нѣмецкія, итальянскія и отчасти французскія силы, собралось въ Бриндизи и оттуда вышло въ море. 8 сентября отплылъ и самъ императоръ, но уже 11-го онъ вернулся обратно въ виду постигшей его болѣзни. Нѣтъ никакого основанія заподозрѣвать въ данномъ случаѣ поведеніе Фридриха. Болѣзни, дѣйствительно, свирѣпствовали въ лагерѣ крестоносцевъ и сопровождавшій Фридриха ландграфъ Людвигъ Тюрингенскій умеръ вскорѣ послѣ этого возвращенія. Но въ Римѣ обрадовались возможности вызвать разрывъ съ императоромъ. Григорій IX ухватился за удобный случай вывести церковь изъ того неяснаго и невыгоднаго положенія, въ которое поставила ее излишняя уступчивость его предшественника. 29 сентября въ Ананьи папа отлучилъ Фридриха отъ церкви и наложилъ интердиктъ на всѣ мѣстности, гдѣ онъ будетъ

[1]) Это рѣшеніе касалось городовъ: Милана, Вероны, Піаченцы, Верчелль, Лоди, Александріи, Тревизо, Падуи, Виченцы, Турина, Новары, Мантуи, Брешіи, Болоньи и Фаенцы.

находиться. Предлогомъ было выставлено уклоненіе отъ похода, но настоящей причиной былъ, конечно, быстрый ростъ могущества Гогенштауфеновъ и возобновленіе той опасности, которая угрожала церкви нѣкогда со стороны Генриха VI. Посланія папы, составленныя въ такихъ страстныхъ выраженіяхъ, которыя ясно показывали, насколько земные интересы руководили Римомъ, разнесли осужденіе императора по католическому міру. Гордая энергія Гогенштауфеновъ проснулась въ Фридрихѣ. Въ отвѣтномъ посланіи онъ не столько останавливается на оправданіи своего возвращенія, сколько принципіально нападаетъ на политику папы. Онъ обвиняетъ его въ незаконномъ стремленіи ко всемірному господству и призываетъ европейскихъ государей къ совмѣстному отраженію грозящей имъ со стороны Рима опасности, причемъ въ судьбѣ, постигшей Раймунда Тулузскаго и Іоанна Безземельнаго, указываетъ ожидающую ихъ будущность. Обвиненіямъ папы въ распущенномъ образѣ жизни онъ противополагаетъ указаніе на уклоненіе отъ идеала самой церкви и этимъ какъ-бы становится на точку зрѣнія тѣхъ сектъ, которыхъ онъ самъ преслѣдовалъ. Фридрихъ приказываетъ прочитать въ Капитоліи этотъ манифестъ „по волѣ сената и народа римскаго", беретъ обратно сдѣланныя имъ уступки Риму Анконской марки и владѣній Матильды и на праздникъ Пасхи 1228 года поднимаетъ черезъ партію Франжипани мятежъ въ Римѣ, который заставляетъ бѣжать Григорія IX.

Еще непріятнѣе было для Григорія, что отлученный императоръ въ іюнѣ 1228 г. отплылъ въ Святую землю, несмотря на то, что папа отмѣнилъ крестовый походъ. Фридрихъ хотѣлъ показать міру, что онъ заботится объ интересахъ христіанства болѣе, нежели папа. Въ Римѣ поняли опасность и употребили всѣ мѣры, чтобы сдѣлать походъ Фридриха безуспѣшнымъ. Католическое духовенство и орденъ тампліеровъ получили инструкцію противодѣйствовать всѣмъ мѣрамъ императора, а когда не смутившійся этимъ Фридрихъ надѣлъ на себя безъ церковныхъ обрядовъ королевскую корону въ Іерусалимѣ, архіепископъ кесарійскій наложилъ интердиктъ на Святыя мѣста. Въ то же время въ Европѣ распространяли всевозможныя клеветы на дѣятельность императора, его обвиняли даже въ томъ, что онъ продавалъ интересы христіанства мусульманамъ. Принимая во вниманіе эти неблагопріятныя условія, нельзя не удивляться результатамъ, достигнутымъ Фридрихомъ. Отказавшись отъ химерическихъ плановъ уничтожить невѣрныхъ, онъ предпочелъ вступить съ ними въ соглашеніе. Договоръ, заклю-

ченный съ султаномъ Малекъ-ель-Камилемъ въ февралѣ 1229 г., далъ христіанамъ больше, чѣмъ сколько они добились раньше съ оружіемъ въ рукахъ. Въ пользу Фридриха свидѣтельствуютъ въ данномъ случаѣ и показанія такой достойной личности, какъ Германъ Зальца, и то, что папа самъ одобрилъ потомъ это соглашеніе. Въ Римѣ, впрочемъ, и не давали себѣ особеннаго труда маскировать свои цѣли и, когда въ томъ же году Іоаннъ Бріенскій съ папскими войсками вторгнулся въ Апулію, было ясно, что дѣло шло о томъ, чтобы разорвать опасное для Рима соединеніе Сициліи съ имперіей. Фридрихъ принужденъ былъ вернуться, чтобы защищать свои владѣнія. Папскія войска были вытѣснены изъ предѣловъ Сицилійскаго королевства и 23 іюля 1229 г. при посредствѣ герцога Леопольда Австрійскаго и Германа Зальца былъ заключенъ миръ въ С. Жермано. Папѣ были гарантированы его свѣтскія владѣнія и верховныя права надъ Сициліей, Фридрихъ отказывался отъ вознагражденія за совершенныя папою опустошенія въ Апуліи и освобождался отъ наложеннаго на него отлученія. 1 сентября между обоими противниками состоялось торжественное свиданіе въ Ананьи. „Папа говорилъ со мною отъ чистаго сердца"—писалъ по этому случаю Фридрихъ—„онъ успокоилъ и прояснилъ мою душу, я не хочу вспоминать болѣе о прошломъ". Со своей стороны Григорій IX пишетъ: „Императоръ явился на свиданіе съ нами съ сыновнимъ усердіемъ и преданностью, мы очень тепло бесѣдовали другъ съ другомъ и я видѣлъ, что онъ былъ готовъ всѣми силами исполнять наши наставленія и наши желанія". Заявленія эти не могли быть искренними: съ обѣихъ сторонъ смотрѣли на соглашеніе въ С. Жермано, какъ на вынужденное перемиріе, а не вѣчный миръ. Въ особенности Фридрихъ могъ быть убѣжденъ, что міровое господство Рима можетъ быть основано только на полномъ паденіи Гогенштауфеновъ, и въ слѣдующее затѣмъ мирное пятилѣтіе онъ развертываетъ изумительную дѣятельность. Онъ старается создать себѣ прочное положеніе противъ Рима, но при этомъ въ Сициліи и Германіи онъ идетъ совершенно различными путями.

Политика императора въ Сициліи.

Обнародованныя въ 1231 г. въ г. Мельфи „Конституціи Сицилійскаго королевства" составляютъ эпоху въ исторіи государственныхъ учрежденій Европы. Это была радикальная попытка замѣнить феодальное государство такимъ порядкомъ, въ которомъ-бы король, обезпечивая спокойствіе въ странѣ, пользовался за то безграничной властью и поглощалъ своей личностью всю общественную жизнь. Въ дни своей юности Фридрихъ испыталъ всѣ неудоб-

ства феодальнаго строя и, такъ какъ этотъ строй былъ насильственно введенъ въ чуждое ему первоначально норманское государство, то не представлялось большого труда ввести въ жизнь эти новыя „конституціи". Создавая строго-бюрократическую систему, которая безпрекословно проводила королевскую волю отъ центральнаго правительства до самыхъ низшихъ инстанцій и отдаленныхъ уголковъ государства, Фридрихъ не только создавалъ себѣ неограниченную власть, но достигалъ и другой, не менѣе важной цѣли. При новомъ строѣ Сицилійское королевство выходило изъ-подъ вліянія римской церкви, и верховныя права св. Петра теряли всякое практическое значеніе. Отсюда—то противодѣйствіе, которое оказывалъ законодательной дѣятельности Фридриха Григорій IX; но римскія увѣщанія не оказали дѣйствія ни на самого императора ни на его главнаго сотрудника въ этомъ дѣлѣ, архіеп. Іакова Капуанскаго.

Нападеніе на феодальный міръ было сдѣлано одновременно съ двухъ сторонъ: со стороны владѣній и со стороны правъ. Земли, захваченныя въ смутное время изъ королевскихъ доменовъ, должны были быть возвращены; всѣ укрѣпленія, построенныя сеньерами со времени смерти послѣдняго норманскаго короля Вильгельма II, срыты. Подчиненная административной и судебной власти королевскихъ чиновниковъ, феодальная знать теряла свои былыя привилегіи. Сеньеры теряли навсегда право уголовнаго суда въ своихъ доменахъ и въ то-же время, наравнѣ съ простыми людьми, подлежали смерти, если совершали убійство. Они не могли носить оружія, если не состояли на королевской службѣ; даже для брака ихъ дѣтей требовалось королевское разрѣшеніе. Новыя „конституціи" были не менѣе строги и по отношенію къ церкви. Духовенство подлежитъ отнынѣ королевской юрисдикціи и налогамъ; за исключеніемъ немногихъ случаевъ, въ родѣ прелюбодѣянія, оно лишается права суда надъ міpянами, точно такъ-же, какъ и права занимать общественныя должности. Церковь теряла и съ матеріальной стороны, такъ какъ было запрещено жертвовать или продавать ей землю. Подобныя же ограниченія постигли и городскія общины: онѣ потеряли право избирать себѣ подестъ, консуловъ или ректоровъ. Въ новомъ государствѣ не можетъ быть никакой независимой власти рядомъ съ неограниченной властью короля. Правда, король собираетъ иногда сеймы и даже, чего до сихъ поръ никогда не было, приглашаетъ на нихъ представителей отъ городовъ, но собранія эти не играютъ никакой роли. Относительно городскихъ

представителей мы не можемъ теперь даже сказать, подавали-ли они тамъ свое мнѣніе или только выслушивали королевскія инструкціи.

Весь государственный механизмъ представляется намъ по новымъ „конституціямъ“ въ слѣдущемъ видѣ. Во главѣ государства стоитъ король, облеченный неограниченною властью. При этомъ власть законодательная находится исключительно въ его рукахъ, а власть административная и судебная передается имъ въ извѣстныхъ предѣлахъ тѣмъ или другимъ сановникамъ, по его волѣ назначаемымъ и смѣняемымъ. Центральными учрежденіями являются Magna curia съ обширными полномочіями въ области суда и администраціи и Magna curia rationum, завѣдывавшая финансами страны. Magna curia, засѣдавшая въ Капуѣ, состояла изъ 4 юстиціаріевъ подъ предсѣдательствомъ великаго юстиціарія. Послѣдній былъ главнымъ сановникомъ государства и носилъ почетный титулъ „зеркала справедливости“. Его суду подлежали непосредственно всѣ вопросы компетенціальнаго характера, государственныя преступленія и важнѣйшіе вопросы леннаго права; онъ же былъ высшей инстанціей для всѣхъ другихъ дѣлъ. Гдѣ пребывалъ великій юстиціарій, тамъ низшія инстанціи прекращали свою дѣятельность. Въ административно-судебномъ отношеніи все королевство распадалось на 4 части и во главѣ каждой стояли особый юстиціарій и камерарій. Первому принадлежали уголовный судъ и завѣдываніе полиціей, второму гражданскій судъ и финансовое управленіе.

На финансовую сторону въ законодательствѣ Фридриха было обращено особое вниманіе. Вся система казалась направленной главнымъ образомъ на то, чтобы извлечь государству возможно большую сумму доходовъ, и въ этомъ отношеніи королевство Фридриха оставило далеко за собою всю остальную Европу. Доходы казны были самаго различнаго происхожденія: они шли съ королевскихъ доменовъ, которыми въ каждой провинціи завѣдывалъ особый прокураторъ и которые частью эксплуатировались хозяйственнымъ способомъ, частью отдавались въ аренду, съ поземельнаго налога, такъ называемой коллекты, нѣкогда сбиравшейся въ исключительныхъ случаяхъ, но теперь обратившейся въ постоянный налогъ, и цѣлаго ряда налоговъ косвенныхъ. И здѣсь Фридрихъ какъ-бы опережаетъ свое время, вводя стѣснительную и мелочную опеку надъ народнымъ хозяйствомъ. Торговля солью, желѣзомъ, мѣдью и сырымъ шелкомъ была признана государственной монополіей, торговля хлѣбомъ была обставлена такими мѣрами,

что и ее можно было до извѣстной степени считать монополіей. Вывозныя пошлины были чрезвычайно высоки: со скота и хлѣба брали натурою третью часть. Таможенная система была строго разработана и обходилась государству очень дорого. Внутреннее производство и торговля были также очень стѣснены: со всѣхъ главныхъ предметовъ потребленія, въ родѣ рыбы, плодовъ и т. п. брали извѣстный налогъ. Къ королевскимъ доходамъ относились и конфискаціи имуществъ, не рѣдкія при частыхъ въ странѣ смутахъ. Но несмотря на массу этихъ налоговъ, напрягавшихъ иногда до послѣдней степени платежныя силы его богатой страны, правительство Фридриха нуждалось въ деньгахъ. Такъ много поглощали денегъ роскошный дворъ короля, необходимое содержаніе большихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ [1]) и дорого стоющая бюрократическая машина, на которой держалось его управленіе. Строго послѣдовательное во всѣхъ своихъ частяхъ государственное зданіе, построенное Фридрихомъ, создало ему неограниченное положеніе въ странѣ, какого не имѣли современные монархи. Но въ томъ деспотическомъ характерѣ, которымъ была проникнута его система, лежало и ея осужденіе. Было предусмотрѣно все, что касается военныхъ, финансовыхъ и полицейскихъ повинностей подданныхъ, но о правахъ ихъ мало или вовсе не упоминалось. Гнетъ этой системы тяжело ложился на страну, тѣмъ болѣе что соединеніе судебныхъ и административныхъ функцій въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ порождало массу злоупотребленій, противъ которыхъ мало помогали постоянныя ревизіи и часто мелочный контроль высшей администраціи. Неудобства эти особенно чувствовались во время отсутствія императора, и въ 1240 г. онъ установилъ для такихъ случаевъ нѣчто въ родѣ военной диктатуры, замѣняя на это время великаго юстиціарія оберъ-юстиціаріемъ и капитаномъ, стоявшимъ во главѣ военныхъ силъ королевства. Въ этомъ дополненіи всего яснѣе сказался деспотическій характеръ всего учрежденія.

Политика въ Германіи.

Совершенно иного направленія держалась дѣятельность Фридриха въ Германіи. Центръ тяжести своего политическаго положенія Фридрихъ перенесъ въ Сицилію, и рядомъ съ ней германская корона имѣла для него второстепенное значеніе. Родившись и воспи-

---

[1]) Сухопутныя войска состояли изъ ополченія коронныхъ вассаловъ—единственнаго остатка феодальной системы—и значительныхъ наемныхъ отрядовъ. На флотъ было обращено особое вниманіе. Большія корабельныя верфи и магазины со всѣми необходимыми приспособленіями были построены въ Мессинѣ, Неаполѣ и Бриндизи. Тамъ же стоялъ и военный флотъ.

тавшись въ Италіи, Фридрихъ былъ гораздо менѣе нѣмцемъ, нежели норманномъ, и его политика въ Германіи носила династическій и личный, но никакъ не національный характеръ. Преслѣдуя свою цѣль—соединить въ рукахъ Гогенштауфеновъ короны Германіи и Сициліи и утвердить свое положеніе въ Италіи въ ущербъ притязаніямъ папы,—Фридрихъ хотѣлъ создать въ Германіи такой порядокъ, который по возможности развязалъ-бы ему руки въ Италіи. Для этого онъ рѣшилъ привязать къ своему дому и своей политикѣ германскихъ князей, поступившись въ ихъ пользу правами своей королевской власти и свободой германскихъ городовъ. Достигая отчасти желанной цѣли, Фридрихъ нанесъ этимъ много вреда самой странѣ: феодальная разрозненность, уступавшая уже мѣсто централизаціи власти въ другихъ государствахъ, окрѣпла еще болѣе на почвѣ Германіи и подготовила печальную эпоху междуцарствія.

Уже на Франкфуртскомъ сеймѣ 1220 г. Фридрихъ далъ значительныя привилегіи духовнымъ князьямъ, предоставивши имъ между прочимъ право располагать своимъ достояніемъ по духовному завѣщанію; но особенно важны для послѣдующей исторіи Германіи постановленія сеймовъ Вормскаго 1231 и Равенскаго 1232 г. На первомъ Фридрихъ обнародовалъ актъ первостепенной важности—Statutum in favorem principum ecclesiasticorum et mundanorum. Этимъ статутомъ князьямъ обезпечивались почти полныя права верховной власти въ предѣлахъ ихъ владѣній (такъ назыв. Landeshoheit), и города приносились имъ въ жертву. „Всякій князь"—читаемъ мы въ этомъ актѣ—„долженъ свободно пользоваться, согласно обычаямъ страны, всѣми правами, судомъ, графствами и сотнями, которыя ему принадлежатъ, какъ собственность или какъ ленъ. Графы этихъ сотенъ будутъ владѣть ими отъ имени мѣстнаго государя". Владѣнія крупныхъ феодальныхъ владѣльцевъ начинаютъ такимъ образомъ принимать характеръ маленькихъ государствъ. „Горожане, именуемые Phalburgeri" [1])—читаемъ мы дальше—„теряютъ свои права.... Люди, зависящіе отъ князей, дворянъ и церквей, не будутъ болѣе допускаться въ королевскіе города. Домены и лены, занятые городами, будутъ возвращены князьямъ, дворянамъ, ихъ людямъ и церквамъ. Города не будутъ имѣть права суда внѣ городскихъ стѣнъ. Король не будетъ строить новыхъ замковъ и городовъ въ ущербъ князьямъ. Онъ не будетъ

[1]) Лица, не жившія въ городѣ, но пользовавшіяся правами горожанъ.

чеканить во владѣніяхъ князя новой монеты, которая могла-бы вредить монетѣ послѣдняго. Всякій епископъ и князь имперіи долженъ и можетъ, въ интересахъ имперіи и своихъ собственныхъ, укрѣплять свой городъ рвомъ, стѣною и всякимъ другимъ способомъ". Для этой почти неограниченной княжеской власти дѣлается только одна оговорка: князья не могутъ дѣлать новыхъ постановленій и устанавливать новыхъ правъ безъ согласія представителей страны.

Въ рѣшеніяхъ Равенскаго сейма мы читаемъ еще болѣе жестокія строки относительно муниципальной свободы, которую императоръ называлъ „ядовитымъ растеніемъ" и которую онъ хотѣлъ „вырвать съ корнемъ" и въ Германіи и въ Италіи. „Въ Германіи укоренились отвратительные обычаи, которые подъ личиною общаго блага скрываютъ въ себѣ ложныя и несправедливыя начала. Права имперскихъ князей страдаютъ отъ этого и поэтому ослабляется и императорская власть. Мы желаемъ, чтобы права и милости, предоставленныя князьямъ императоромъ, были истолковываемы въ самомъ широкомъ смыслѣ и чтобы они пользовались ими безпрепятственно. Поэтому этимъ эдиктомъ мы отмѣняемъ и кассируемъ во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ Германіи общины, совѣты, магистратовъ или ректоровъ гражданъ и всѣхъ остальныхъ сановниковъ, поставленныхъ общиной безъ согласія архіепископовъ и епископовъ. Мы отмѣняемъ также всѣ товарищества и союзы ремесленниковъ... Въ былое время управленіе городами и всѣми землями, данными императорами, принадлежало архіепископамъ и епископамъ. Мы желаемъ, чтобы оно было возвращено имъ лично или тѣмъ лицамъ, которыхъ они назначатъ. Мы беремъ обратно всѣ привиллегіи, всѣ жалованныя грамоты, которыя великодушіе наше, нашихъ предшественниковъ и даже самихъ архіепископовъ и епископовъ дало въ ущербъ интересамъ князей и имперіи какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и городамъ относительно общинъ и союзовъ". Такими эдиктами Фридрихъ хотѣлъ вернуть на два вѣка назадъ общественное развитіе Германіи. Къ счастью, это было невозможно; рѣшенія, принятыя на этихъ сеймахъ, никогда не были осуществлены вполнѣ на дѣлѣ и городская свобода не была подавлена на столько, какъ этого желали императоръ и князья. Если иногда императоръ и дѣлаетъ слабыя попытки поднять значеніе императорской власти, то это сопровождается всегда такими оговорками въ пользу княжескихъ интересовъ, которыя лишаютъ эти мѣры серьезнаго значенія. Таковы

были рѣшенія Майнцскаго сейма 1235 года, уничтожившія право частной войны, давшія императорскимъ приговорамъ законодательное значеніе и создавшія въ Германіи верховный королевскій судъ по образцу сицилійскаго. Учрежденіе это сопровождалось однако оговоркой, что судъ этотъ не компетентенъ въ дѣлахъ, касавшихся личности и интересовъ князей.

Цѣль, поставленная Фридрихомъ при такой политикѣ въ Германіи, была до извѣстной степени достигнута. До половины 40-хъ годовъ, когда крайнее напряженіе римской вражды создало противокоролей въ Германіи, императоръ не встрѣчалъ серьезной оппозиціи съ этой стороны. Мало того, въ трудное время, когда молодой Генрихъ задумалъ создать себѣ независимое положеніе въ странѣ противъ отца, лояльное поведеніе большинства князей разстроило его планы. Принужденный искать примиренія съ Фридрихомъ, Генрихъ на свиданіи въ Аквилеѣ далъ клятву не выходить изъ отцовскаго повиновенія и князья поручились за него императору. Когда же онъ возмутился вновь и въ 1234 году вступилъ въ сношенія съ ломбардскими городами, князья снова остались вѣрны Фридриху. Тогда-то въ 1235 г. Генрихъ былъ лишенъ своего королевскаго сана и отправленъ въ Апулію, а во главѣ германскаго правительства былъ поставленъ сынъ Фридриха отъ второго брака, Конрадъ. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что изъ оппозиціи отцу Генрихъ принялъ подъ свое покровительство гонимые императоромъ города.

Но для самой Германіи отсутствіе сильной правительственной власти было только печально, такъ какъ оно создавало анархію и произволъ сильныхъ. Такіе примѣры, какъ кровавая вражда между архіепископомъ Майнцскимъ и ландграфомъ Тюрингенскимъ, не были единичными. Одинъ современный писатель справедливо замѣчаетъ, что страна гибла, „какъ нѣкогда Израиль, когда въ немъ не было царя; всякій дѣлалъ то, что онъ хотѣлъ“. Понятно, что при такомъ отношеніи къ Германіи императоръ мало интересовался распространеніемъ и утвержденіемъ нѣмецкаго элемента за Эльбой и на берегахъ Балтійскаго моря. Если здѣсь были достигнуты за это время важные результаты, то это зависѣло отъ общихъ условій, толкавшихъ нѣмцевъ въ славянскіе предѣлы, и энергіи пограничныхъ князей, сломившихъ могущество Вальдемара II Датскаго.

Ломбардія. Въ 1235 г. Фридрихъ могъ съ извѣстнымъ чувствомъ удовлетворенія взглянуть на то, что было имъ достигнуто въ Сициліи и Германіи. Оставался еще одинъ существенный для него вопросъ: его отношенія къ Ломбардіи. Не утвердивши прочно своей власти

въ этой странѣ, Фридрихъ не могъ считать своей цѣли вполнѣ достигнутой. Но какъ разъ тутъ императора ждали наибольшія затрудненія. Ломбардскіе города никогда добровольно не согласились бы пожертвовать своей свободой, а за ними стоялъ Григорій IX, ждавшій только удобнаго случая, чтобы возобновить борьбу съ императоромъ. Еще въ 1232 г. ректоры лиги возобновили свой союзъ въ Болоньѣ „противъ всякаго, кто нарушитъ ихъ права или насильственно проникнетъ на ихъ территорію". Они просятъ въ то же время вмѣшательства папы, чтобы „императоръ не вступилъ въ Ломбардію съ арміей", такъ какъ видятъ въ этомъ нарушеніе Констанцскаго мира. Союзы городовъ, съ цѣлью противодѣйствовать Фридриху, образуются и въ средней Италіи: такъ, въ 1237 году соединяются для этой цѣли Сполето, Перуджія, Фолиньо и другіе. Противъ городскихъ союзовъ императоръ поддерживаетъ нѣкоторыхъ тирановъ и его главнымъ сподвижникомъ въ сѣверной Италіи былъ жестокій Эццелинъ III изъ фамиліи Романо, подчинившій себѣ Падую, Тревизо и Феррару [1]). Фридрихъ самъ вызвалъ разрывъ, потребовавши отъ ломбардцевъ распущенія союза и безусловнаго признанія его правъ надъ страною. Такъ какъ эти требованія не были приняты, то въ 1236 г. онъ вступаетъ съ значительными силами въ Ломбардію. Немногіе города, какъ-то: Кремона, Бергамо, Парма, Реджіо, Модена и Верона принимаютъ его сторону. Между тѣмъ лига постепенно расширяется и принимаетъ названіе Societas Lombardiae, Marchiae et Romagnae. Успѣхъ сначала принадлежитъ Фридриху: онъ занимаетъ крѣпкую Мантую и въ ноябрѣ 1237 г. наноситъ лигѣ рѣшительное пораженіе при Кортенуовѣ. Захваченную въ этомъ сраженіи карроччіо миланцевъ онъ посылаетъ въ даръ сенату и народу римскому, конечно, не безъ умысла задѣть этимъ папу, покровителя лиги. Въ письмѣ, сопровождавшемъ этотъ даръ, мы читаемъ то обращеніе къ прошлымъ традиціямъ Рима, котораго тщетно ждали столѣтіе тому назадъ отъ Фридриха Барбаруссы Арнольдъ Брешіанскій и его сторонники, и которое не могло не подѣйствовать на легко увлекающихся римлянъ: „Вамъ, Квириты, приписываемъ мы честь нашихъ подвиговъ и всѣхъ побѣдъ, нами одержанныхъ, до того момента, когда мы возвратимся, окруженные великолѣпнымъ успѣхомъ, въ тотъ городъ, откуда мы вышли съ боязнью и безпокойствомъ. И вотъ,

[1]) Чтобы лучше привязать къ себѣ этого важнаго союзника, императоръ выдалъ потомъ за него свою побочную дочь Сельваджію.

опережая и воодушевляя примѣромъ нашимъ желаніе вашего патріотизма, мы возвращаемъ къ жизни античныхъ цезарей, которымъ сенатъ и народъ римскій присуждалъ лавры тріумфа. Мы посылаемъ вамъ колесницу побѣжденнаго Милана и доспѣхи разбитыхъ враговъ. Мы даемъ вамъ теперь залогъ нашего величія и нашей славы; мы сочтемся окончательно, когда мы увидимъ умиротворенною Италію, столицу нашей римской имперіи. Примите, Квириты, съ благодарностью доказательства побѣды вашего императора. Пусть они возбудятъ въ вашей душѣ наилучшія надежды; вамъ ручается за это то стараніе, съ которымъ мы хотимъ возобновить античныя традиціи; мы постараемся возстановить древнее величіе вашего города". Императоръ затронулъ вскорѣ интересы Рима и другимъ способомъ. Онъ женилъ своего побочнаго сына Энціо на Аделазіи, вдовѣ Убальдо Висконти, имѣвшей права на часть о. Сардиніи, и Энціо принялъ титулъ короля Сардинскаго. Но Римъ самъ заявлялъ притязанія на этотъ островъ и видѣлъ въ этомъ шагѣ императора вызовъ себѣ. Воспользовавшись неудачей Фридриха подъ Брешіей, которая поколебала нѣсколько его положеніе, Григорій IX въ вербное воскресенье, 20 марта 1239 г., отлучилъ его отъ церкви. И это второе отлученіе, подобно первому, было вызвано чисто политическими расчетами папы. Еще до разрыва Григорій IX въ одномъ письмѣ къ Фридриху напоминалъ ему о дарѣ Константина, который, будто бы, вмѣстѣ съ знаками императорскаго достоинства, передалъ римскому первосвященнику не только городъ Римъ, но и всѣ западныя провинціи имперіи. Если папы и передали свѣтской власти „могущество меча", то они нисколько не имѣли въ виду „уменьшить по существу юрисдикцію Рима".—„Ты подчиненъ контролю папы",—заканчиваетъ письмо Григорій. Осуществить этотъ контроль значитъ сломить совсѣмъ имперію, и это попытался теперь сдѣлать папа. Въ предстоящей борьбѣ папа имѣлъ значительныя преимущества передъ Фридрихомъ. Какъ и въ прошломъ столѣтіи, Римъ могъ прикрываться національными интересами Италіи и его союзники ради собственныхъ выгодъ были тѣснѣе привязаны къ нему, чѣмъ союзники Фридриха, готовые измѣнить при первой неудачѣ. Противъ своекорыстной политики Рима императоръ попробовалъ апеллировать къ общественному мнѣнію Европы и 20 апрѣля онъ обнародовалъ посланіе, въ которомъ, оправдывая свое отношеніе къ Риму, онъ взываетъ къ посредничеству современныхъ государей. Онъ умоляетъ кардиналовъ собрать вселенскій соборъ и берется доказать на немъ свои обвиненія противъ папства. Онъ

указываетъ затѣмъ государямъ на грозящую и имъ опасность. „Папѣ будетъ легко“—пишетъ онъ,—„унизить другихъ королей и князей, если будетъ сломлено могущество римскаго императора, противъ котораго онъ направилъ свои первые удары. Мы взываемъ къ вашей помощи, чтобы міръ зналъ, что наша общая честь затронута каждый разъ, какъ свѣтскій князь подвергается нападенію“.

Участіе папы въ борьбѣ.

Въ Римѣ дѣлали все возможное, чтобы повредить императору. Францисканскіе монахи проповѣдывали войну противъ нечестиваго Гогенштауфена и папа обѣщалъ участникамъ ея тѣ преимущества, которыми пользовались только крестоносцы [1]). Легатъ папы въ Германіи, Альбертъ Богемскій, архидіаконъ Пассаускій, пытался создать тамъ другого короля въ лицѣ Абеля Датскаго. Онъ привлекъ на свою сторону короля богемскаго и герцоговъ австрійскаго и баварскаго, но его замыслы были разстроены архіепископомъ Зигфридомъ Майнцскимъ, правившимъ отъ имени малолѣтняго Конрада. Вообще германскіе епископы оставались пока вѣрны императору, который такъ много для нихъ сдѣлалъ. Но папа готовилъ императору новый ударъ: онъ созвалъ на Пасху 1241 г. соборъ въ Римѣ, чтобы придать болѣе торжественный характеръ осужденію императора. На такой соборъ, созванный въ Римѣ и бывшій подъ давленіемъ папы, Фридрихъ не могъ согласиться. Нужно было во чтобы то ни стало его разстроить.

Императорскій флотъ, предводимый королемъ Энціо, напалъ близъ Мелоріи на генуэзскую флотилію, которая везла епископовъ, ѣхавшихъ на соборъ и сѣвшихъ на суда въ Генуѣ. Изъ 27 кораблей 22 попали въ руки Энціо, и цѣлая толпа архіепископовъ французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ и испанскихъ оказалась въ плѣну и была отвезена въ Неаполь. Соборъ не состоялся къ великому неудовольствію Григорія IX. Военныя дѣйствіи въ Италіи не прекратились даже тогда, когда пришла страшная вѣсть о монгольскомъ нашествіи на Германію. Правда, татары повернули скоро обратно, но то, что обѣ главы западнаго христіанства, занятыя своими распрями, ничего не сдѣлали для отраженія этихъ варваровъ, еще разъ доказало европейскимъ народамъ, что отнынѣ они должны разсчитывать только на свои собственныя силы. Въ это время, 21 августа 1241 года, скончался почти въ столѣтнемъ воз-

[1]) Въ энцикликахъ папы къ личности отлученнаго императора примѣнялись самыя яркія краски апокалипсиса: „Страшный звѣрь выплылъ изъ моря. У него ноги медвѣдя, зубы льва, члены леопарда, онъ открываетъ пасть только для того, чтобы поносить имя Господа“ и т. д.

растѣ Григорій IX. Онъ палъ какъ бы на полѣ битвы, не уступивши ничего изъ своихъ высокихъ притязаній.

Иннокентій IV. Узнавши о смерти своего противника, Фридрихъ поспѣшилъ доказать свои миролюбивыя намѣренія: онъ очистилъ римскія владѣнія и освободилъ большинство захваченныхъ въ плѣнъ прелатовъ. Но кардиналы не могутъ никакъ притти къ соглашенію среди смутъ, господствующихъ въ Римѣ. Выбранный въ ноябрѣ 1241 г, Целестинъ IV умираетъ до своего посвященія и почти два года римскій престолъ остается вакантнымъ. Это не могло не нанести ущерба римскому авторитету и среди наиболѣе самостоятельно поставленной галликанской церкви возникала было мысль обойтись помимо римскаго главенства. Наконецъ, въ іюнѣ 1243 года Синибальдо Фіески занялъ папскій престолъ подъ именемъ Иннокентія IV. Уже самое имя новаго папы указывало на дорогу, которой онъ будетъ слѣдовать, и Фридрихъ былъ правъ, выразившись, что онъ потерялъ дружественнаго ему кардинала, чтобы найти враждебнаго папу. Это не помѣшало ему, однако, вступить въ мирные переговоры съ Иннокентіемъ. Со стороны Рима были поставлены самыя тяжелыя условія: полная амнистія всѣмъ противникамъ императора, вознагражденіе церкви за убытки и безусловное подчиненіе папскому авторитету во всѣхъ церковныхъ вопросахъ. Чтобы доказать свое миролюбіе, Фридрихъ въ мартѣ 1244 г. принялъ въ принципѣ эти условія, разсчитывая въ дальнѣйшихъ переговорахъ привести ихъ къ болѣе выгодному для себя толкованію. Но римская курія оказалась крайне неподатливой въ этомъ отношеніи и, такъ какъ она настаивала, чтобы мирныя условія были распространены и на ломбардскіе города, то переговоры оборвались. Тогда папа вмѣстѣ съ кардиналами тайно покинулъ Римъ, гдѣ онъ не сознавалъ себя вполнѣ безопаснымъ, и на генуэзскихъ судахъ бѣжалъ въ Геную. Болѣзнь задержала Иннокентія IV въ этомъ городѣ, и отсюда онъ обратился съ просьбою къ Людовику IX позволить ему пріѣхать во Францію и тамъ собрать вселенскій соборъ. Несмотря на ходатайство Клюнійскаго монастыря, гдѣ короля застало письмо папы, Людовикъ, ссылаясь на мнѣніе бароновъ, отвѣчаетъ отказомъ. Тотъ же отвѣтъ даетъ и король Англіи и папа направляется тогда въ Ліонъ, входившій въ составъ имперіи, но представлявшій собственно собою городскую республику подъ верховной властью архіепископа. Изъ Ліона были разосланы грамоты, созывавшія вселенскій соборъ въ этомъ городѣ на іюнь 1245 года.

На приглашеніе папы откликнулись преимущественно епископы

романскихъ странъ; англійскихъ прибыло мало, а изъ Германіи, кромѣ папскаго легата, всего двое. Фридрихъ не ожидалъ для себя ничего хорошаго отъ этого собора, но, такъ какъ не могъ помѣшать ему собраться, то онъ отправилъ на него своимъ уполномоченнымъ великаго юстиціарія Ѳаддея Суэсскаго. Соборъ былъ открытъ 28 іюня въ соборномъ храмѣ Ліона. Папа началъ рѣчь на слова псалма: „Много огорченій въ сердцѣ моемъ". Онъ перечислилъ пять заботъ, тяготящихъ его: испорченность прелатовъ, высокомѣріе сарацинъ, греческую схизму, нашествіе монголовъ и преслѣдованіе церкви императоромъ Фридрихомъ. Сравнивая эти заботы съ пятью ранами Спасителя, онъ словами пророка Іереміи (плачъ Іереміи 1,12) обращался къ присутствующимъ: „Да не будетъ этого съ вами, вы, проходящіе путемъ! Взгляните и посмотрите, есть ли болѣзнь, какъ моя болѣзнь, какая постигла меня, какую наслалъ на меня Господь въ день пламеннаго гнѣва своего?" Но изъ пяти своихъ заботъ папа прямо перешелъ къ послѣдней, т. е. къ императору Фридриху. Вопросы, поднятые на предварительномъ засѣданіи уполномоченнымъ отъ Англіи и присутствующимъ лично на соборѣ латинскимъ императоромъ Балдуиномъ, были отсрочены папою.

Напрасно Ѳаддей Суэсскій указывалъ на миролюбивое настроеніе императора и предлагалъ новыя уступки съ его стороны, если папа сниметъ съ него отлученіе; напрасно также указывалъ онъ на королей Англіи и Франціи, готовыхъ поручиться за Фридриха. Иннокентій отклонилъ это предложеніе, заявляя, что онъ не желаетъ имѣть трехъ враговъ вмѣсто одного. Онъ ставилъ ультиматумомъ Фридриху немедленное очищеніе папской области и подчиненіе ломбардскаго вопроса его рѣшенію. На засѣданіи 5 іюля папа подвергъ самой строгой критикѣ всю частную жизнь императора. Ѳаддей Суэсскій съ большимъ искусствомъ опровергалъ обвиненія папы и потребовалъ затѣмъ отсрочки засѣданій, чтобы дать возможность Фридриху прислать новыя инструкціи или прибыть лично. Это нисколько не входило въ планы папы, но, такъ какъ Ѳаддея энергично поддержали уполномоченные королей Франціи и Англіи, то Иннокентій далъ отсрочку на 12 дней. Это былъ слишкомъ малый срокъ, даже если принять во вниманіе, что императоръ самъ подвинулся къ французской границѣ и находился уже въ Туринѣ. Дѣйствительно, новые уполномоченные Фридриха не успѣли доѣхать до Ліона, какъ папа, воспользовавшись истеченіемъ назначеннаго имъ срока, собралъ третье засѣданіе собора 17 іюля. Декретъ,

осуждавшій Фридриха, былъ уже выработанъ заранѣе въ тайныхъ засѣданіяхъ и подписанъ 150 прелатами, преимущественно французскими и испанскими. Осужденный за клятвопреступленіе, оскорбленіе церкви, еретическія мнѣнія, преступныя сношенія съ магометанами и нарушеніе ленныхъ обязанностей, Фридрихъ лишался своихъ коронъ и владѣній; его подданные освобождались отъ принесенной ему присяги, тѣ же, которые сохраняли ему вѣрность, подлежали отлученію. Германскимъ князьямъ предоставлялось выбрать новаго короля, а дальнѣйшую судьбу Сициліи папа предоставлялъ своему усмотрѣнію. Ѳаддею Суэсскому ничего не оставалось, какъ апеллировать къ будущему папѣ и будущему вселенскому собору. „Это день гнѣва",—вскричалъ онъ—„день скорби и гибели и враги христіанства порадуются этому".—„Я исполнилъ свой долгъ",—отвѣчалъ папа—„все остальное въ волѣ Божіей". Современный историкъ, Матвѣй Пари (Paris) разсказываетъ, что Фридрихъ, узнавши о рѣшеніи собора, велѣлъ принести себѣ свои короны и, надѣвши одну изъ нихъ, вскричалъ: „Я еще не потерялъ ее и не потеряю безъ большихъ кровопролитій. Если я былъ обязанъ этому человѣку какимъ-либо послушаніемъ и уваженіемъ, то теперь я свободенъ отъ этого долга".

Фридрихъ упорно выдерживалъ отчаянную и неравную борьбу, потому что враги были со всѣхъ сторонъ. Обращеніе Фридриха къ современнымъ монархамъ не дало ничего кромѣ дипломатическаго вмѣшательства Франціи. Два раза, въ 1245 и 46 гг., Людовикъ IX имѣлъ свиданіе въ Клюни съ Иннокентіемъ IV, но убѣжденія французскаго короля не произвели желаннаго воздѣйствія на политику папы. Между тѣмъ проповѣдь крестоваго похода противъ Фридриха не осталась безъ результата. Въ Сициліи вспыхивали частыя возстанія, вызываемыя отчасти непомѣрнымъ финансовымъ гнетомъ, такъ какъ эта несчастная страна должна была окупать борьбу императора съ Римомъ. Фридрихъ жестоко усмирялъ эти волненія и поднялъ цѣлое гоненіе на духовенство, державшее сторону папы. Не обращая вниманіе на римское отлученіе, онъ силою принуждалъ совершать богослуженіе при своемъ дворѣ. Въ Германіи пришло въ движеніе все, что такъ или иначе могло выиграть отъ измѣны императору. Здѣсь продолжалъ дѣйствовать противъ Фридриха энергичный легатъ папы Альбертъ Бегамскій. „Возвратить престолъ Фридриху II!" —писалъ онъ герцогу Баварскому, желавшему остаться вѣрнымъ императору:—„этого не могли бы сдѣлать ангелы и архангелы! Церковь Божія должна одерживать верхъ въ борьбѣ,

которую она поднимаетъ и, еслибы у васъ было столько золота, какъ у Соломона, вы не могли бы противиться могуществу Божію и непреклонной волѣ апостольскаго престола". 22 мая 1246 года три рейнскихъ курфюрста,—архіепископъ Зигфридъ перешелъ уже на сторону Рима—выбрали римскимъ королемъ ландграфа Генриха Тюрингенскаго. Послѣднему удалось разбить короля Конрада въ сраженіи при Франкфуртѣ на Майнѣ, но въ началѣ слѣдующаго года смерть избавила императора отъ этого противника. Папская партія поспѣшила создать новаго противокороля въ лицѣ графа Вильгельма Голландскаго, пережившаго Фридриха. Во время этой борьбы съ врагами отца Конрадъ убѣдился въ ошибкѣ послѣдняго, думавшаго купить привязанность князей пожертвованіемъ городской свободы. Конрадъ привлекъ города на свою сторону и не безъ успѣха пользовался ихъ силами. Съ 1246 года Регенсбургъ становится главнымъ опорнымъ пунктомъ Конрада. Никто не смѣлъ показываться на улицахъ города со знаками крестоваго похода противъ Фридриха и находившіеся подъ интердиктомъ горожане пріучились обходиться безъ духовенства и сами хоронили своихъ мертвецовъ. Въ Италіи императоръ лично дѣйствовалъ противъ ломбардцевъ и Рима. Его главными помощниками были Эццелинъ Романо, Энціо и другой побочный сынъ его Фридрихъ Антіохійскій, начальствовавшій надъ его войсками въ Тосканѣ. Но счастье все болѣе и болѣе покидало императора. 18 февраля 1248 года онъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе подъ Пармой, причемъ враги завладѣли его лагеремъ и въ томъ числѣ его короной и печатью. На слѣдующій годъ новый ударъ постигъ Фридриха: его любимецъ Энціо попалъ въ плѣнъ жителямъ Болоньи, и никакія обѣщанія и угрозы императора не могли возвратить ему свободы. Окруженный измѣнами и заговорами на свою жизнь, Фридрихъ потерялъ довѣріе даже къ самымъ близкимъ къ нему людямъ и жертвою его подозрительности палъ, между прочимъ, и знаменитый Петръ Винеа. Обвиненный въ сношеніяхъ съ папой и въ попыткѣ отравить императора, Петръ былъ заключенъ, преданъ суду и въ припадкѣ отчаянія разбилъ себѣ черепъ о стѣны своей темницы. Вопросъ о виновности его остался до сихъ поръ неразрѣшеннымъ. Данте, хотя и помѣстилъ его въ аду, не могъ однако вѣрить въ измѣну того, кто, по его словамъ, владѣлъ „обоими ключами отъ сердца Фридриха".—„Клянусь", говоритъ Петръ Винеа въ поэмѣ Данте: „что я никогда не измѣнялъ моему столь достойному господину. И если кто-либо изъ васъ вернется въ міръ,

пусть онъ очиститъ мою память, еще страдающую отъ нанесеннаго ей удара“.

Къ концу 1250 г. счастье какъ будто улыбнулось императору: вѣрные ему кремонцы одержали побѣду надъ ополченіями Болоньи и Феррары. Фридрихъ поспѣшилъ самъ изъ южной Италіи въ Ломбардію, но тяжелая болѣзнь заставила его остановиться въ Фіорентино, небольшомъ мѣстечкѣ близъ Лючеры. Отъ этой болѣзни ему не суждено было уже оправиться. 19 декабря 1250 г. Фридрихъ скончался на рукахъ сына Манфреда, къ которому онъ особенно привязался съ тѣхъ поръ, какъ Энціо былъ для него потерянъ. Архіепископъ Беральдъ Палермскій, преданный другъ императора, причастилъ умирающаго, несмотря на тяготѣвшій надъ нимъ интердиктъ. По поводу этой кончины упомянутый выше Матвѣй Пари пишетъ: „Такимъ образомъ сошелъ съ лица земли величайшій изъ государей, который поражалъ и потрясалъ міръ; онъ скончался, освобожденный отъ проклятія и, какъ говорятъ, облаченный въ одѣяніе цистерціанскаго ордена, сокрушаясь и раскаиваясь удивительнымъ образомъ“. Предсмертныя распоряженія императора подтверждаютъ спокойный характеръ его кончины. Это не помѣшало Риму распространить извѣстіе, что Фридрихъ умеръ со скрежетомъ зубовнымъ, какъ и подобало нераскаянному грѣшнику. Папа ликовалъ: „Да возликуетъ небо, да сотрясется земля отъ радости! Громы и бури, такъ давно висящіе надъ нашими головами, по неизреченному милосердію всемогущаго Бога, превратились въ нѣжные зефиры и свѣжія росы“. Тѣло Фридриха было положено въ Палермскомъ соборѣ въ великолѣпномъ порфировомъ саркофагѣ, поддерживаемомъ четырьмя львами. Оно было облечено въ драгоцѣнныя восточныя ткани, на которыхъ были вытканы надписи на арабскомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ покойнымъ положили въ гробницу его мечъ, державу и корону, за которую онъ такъ долго и упорно боролся. Вмѣсто пышной надписи, составленной архіепископомъ Беральдомъ, на гробницѣ Фридриха находятся теперь только три слова: beatus quia quiescit.

Кончина Фридриха.

Вмѣстѣ со смертью Фридриха падаетъ окончательно достоинство имперіи и гибнетъ самая фамилія Гогенштауфеновъ. Его сыновья сходятъ со сцены одинъ за другимъ жертвами все той же непримиримой вражды Рима. Въ 1254 году умираетъ во цвѣтѣ лѣтъ императоръ Конрадъ IV, въ 1266 г. въ битвѣ при Граделлѣ былъ убитъ король Манфредъ Сицилійскій, въ 1272 г. скончался Энціо, до конца жизни оставаясь въ рукахъ болонцевъ. За 4 года передъ

Паденіе Гогенштауфеновъ.

тѣмъ внукъ Фридриха, послѣдній Гогенштауфенъ, Конрадинъ, какъ преступникъ, сложилъ свою голову на плахѣ въ Неаполѣ. Отнынѣ священная римская имперія становится призракомъ, которому суждено было еще пять съ половиной вѣковъ тяготѣть надъ западной Европой. Преемники Гогенштауфеновъ, практичные Габсбурги, съ самаго начала отказались отъ высокаго идеала своихъ предшественниковъ и, довольствуясь однимъ титуломъ, оставили Италію въ покоѣ.

Но и римская церковь не долго могла торжествовать свою побѣду. Борьба съ Гогенштауфенами доказала духовную несостоятельность Рима: слишкомъ очевидны были мірскія цѣли этой борьбы и непозволительны для церкви тѣ средства, которыми она велась. Кромѣ того, папство, унизивъ имперію и обнаруживъ этимъ свои честолюбивые замыслы, возбудило подозрительность западно-европейскихъ государствъ, доросшихъ уже до національнаго самосознанія и тяготившихся опекой Рима. Черезъ полвѣка Филиппъ IV отомстилъ папѣ за униженіе свѣтской власти, и преемники Иннокентія IV должны были вынести „Вавилонское плѣненіе“ на французской почвѣ. Народное мнѣніе ставило папамъ въ вину печальное состояніе церкви. Матвѣй Пари разсказываетъ между прочимъ въ своей хроникѣ, будто преемникъ Иннокентія, Александръ IV, видѣлъ во снѣ, какъ Христосъ, сидя на престолѣ, произносилъ приговоръ надъ покойнымъ папой въ присутствіи жены, олицетворявшей собою церковь. Папа былъ обвиненъ въ томъ, что онъ разорилъ церковь, и Христосъ осудилъ его.

Царствованіе Фридриха и его борьба съ папствомъ оставили послѣ себя надолго воспоминаніе и въ Италіи и въ Германіи. Это была слишкомъ выдающаяся и оригинальная личность, чтобы не поразить воображенія современниковъ. Мистическое направленіе его времени связывало съ нимъ самыя противорѣчивыя ожиданія. Въ то время, какъ францисканцы, бывшіе его врагами, хотѣли видѣть въ немъ антихриста, пришедшаго погубить церковь, въ Швабіи, въ концѣ его царствованія, доминиканцы, видѣвшіе въ свою очередь антихриста въ папѣ, называли Фридриха и его сына „совершенными“ и „праведными“ и ожидали, что императоръ будетъ защитникомъ и преобразователемъ церкви.

Смерть Фридриха, противорѣчившая этимъ ожиданіямъ, не разрушила однако связанныхъ съ нимъ апокалипсическихъ надеждъ. Ей не хотѣли вѣрить и отсюда цѣлый рядъ самозванцевъ, прикрывавшихся его именемъ. Такой самозванецъ явился въ южной Италіи

въ 1259 г. и нашелъ поддержку у враждебныхъ Манфреду бароновъ Сициліи и Апуліи. Въ 1283 году подъ именемъ Фридриха выступилъ въ Кельнѣ нѣкій Дитрихъ Гольцшу (Holzschuh) и имѣлъ такой успѣхъ, что даже ломбардскіе города посылали освѣдомиться о его личности. Самозванецъ былъ сожженъ, какъ колдунъ, въ Майнцѣ, но черезъ нѣсколько времени въ Любекѣ появился другой. Легенда не умерла и тогда, когда нельзя было уже болѣе сомнѣваться въ смерти императора. Она измѣнила только свой характеръ: стали ждать, что въ извѣстную минуту онъ вернется къ жизни и съ этимъ ожиданіемъ стали связываться тѣ или другія завѣтныя мечты въ родѣ возстановленія всеобщаго мира, освобожденія Гроба Господня и т. п. Въ 1348 году Іоаннъ Винтертуръ сообщаетъ, что Фридриха ждутъ во главѣ громадной арміи и что онъ преобразуетъ весь существующій порядокъ. „Ему необходимо вернуться, прибавляютъ тѣ, которые такъ думаютъ, даже если онъ разрубленъ въ куски, даже если онъ обращенъ въ пепелъ въ пламени костра“. Легенда XV в. помѣщаетъ императора въ замокъ Кифгейзеръ въ Тюрингіи: онъ сидитъ тамъ, склонившись головою на столъ, вокругъ котораго обвилась его длинная борода. Еще во времена Карла V, въ 1537 году одна поэма предвѣщала его возвращеніе. Лишь позднѣе народная память стала подставлять въ этой легендѣ вмѣсто Фридриха II его дѣда Фридриха Барбаруссу, а популярная баллада Рюкерта, вышедшая въ 1813 года, окончательно утвердила эту новую редакцію въ ущербъ первоначальному характеру легенды.

С. Рашковъ.



XXXIV.

Подготовка перваго крестоваго похода.

Анархія во Франціи. Такъ какъ первый крестовый походъ былъ, главнымъ образомъ, дѣломъ французовъ, то для пониманія тѣхъ мотивовъ, которые двинули огромныя массы народа на далекій Востокъ, необходимо обратить вниманіе на положеніе Франціи въ то время. Въ началѣ XI в. королевская власть страдала полнымъ безсиліемъ, неукротимые мелкіе владѣльцы попирали ногами общественный порядокъ, стремленія къ научному образованію и художественному наслажденію понижались въ одно время съ матеріальнымъ благосостояніемъ народовъ. Для всей западной Европы наступила мрачная и грубая эпоха, богатая насиліями и жестокостями. Главное бѣдствіе эпохи— частныя войны, мелкія ссоры землевладѣльцевъ, занявшія мѣсто крупныхъ нашествій X в., нападеній норманновъ, сарациновъ и венгровъ. Потомки тѣхъ вождей, подъ сѣнью замковъ которыхъ населеніе укрывалось тогда отъ этихъ нашествій, теперь изъ-за ничтожнаго предлога начинаютъ другъ съ другомъ войны. Тяжелому строю закованныхъ въ желѣзо рыцарей предшествуютъ кучки стрѣлковъ, оторванныхъ отъ ихъ работъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ и наемныхъ бродягъ, привлеченныхъ страстью къ грабежу и кровопролитію. Всѣ они кидаются на поля, истребляютъ посѣвы, захватываютъ скотъ, сожигаютъ постройки. Такъ дѣйствуютъ передовыя войска. Дѣло рѣшается схваткой рыцарей, которая могла продолжаться нѣсколько часовъ безъ всякаго вреда

Пособія. *Sybel*, Geschichte des ersten Kreuzzugs; *Michelet*, Histoire de France, t. II; *Васильевскій*, Византія и Печенѣги.

для сражающихся. Побѣжденные бѣгутъ въ свои замки, рѣдко преслѣдуемые побѣдителями, занятыми разборомъ плѣнниковъ. Изъ послѣднихъ на состоятельныхъ налагается тяжелый выкупъ, другіе должны обработывать поля новыхъ господъ, а негодные для этого умерщвляются. Между тѣмъ наемники разсѣеваются въ безпорядкѣ, каждый опустошая мимоходомъ земли и стараясь посредствомъ грабежа извлечь какую-нибудь выгоду изъ похода. Трупы остаются безъ погребенія, земля безъ обработки,—и при такихъ условіяхъ зашедшая съ Востока на Западъ моровая язва производитъ здѣсь страшное опустошеніе.

Естественныя бѣдствія.

Вотъ какъ описываетъ современникъ тѣ бѣдствія, которыя постигли въ это время (1031 — 1033 г.) Бургундію и центральныя области Франціи: „Землю началъ опустошать голодъ, и роду людскому грозила скорая гибель. Вода залила поля, и нельзя было выбрать удобнаго времени, чтобы засѣять поля или убрать жатву. Казалось, стихіи яростно боролись другъ съ другомъ, тогда какъ на дѣлѣ онѣ повиновались волѣ Бога, каравшаго людей за ихъ злобу. Вся земля до того была залита непрерывными дождями, что въ теченіе трехъ лѣтъ нельзя было найти ни одной борозды, пригодной для посѣва. Въ пору жатвы поля оказывались покрытыми сорными травами. Самые лучшіе всходы давали при жатвѣ только одну шестую часть, и эта шестая доставляла самое большее горсть зеренъ. Этотъ мстительный бичъ явился сначала на Востокѣ, опустошилъ Грецію, перешелъ въ Италію, распространился по Галліи, не пощадилъ и Англіи. Никто не ускользалъ отъ его ударовъ. Вельможи, люди достаточные, бѣдняки одинаково испытывали голодъ, у всѣхъ отъ него блѣднѣли лица; общій голодъ прекратилъ наконецъ насилія вельможъ. Всякій продавецъ съѣстного могъ просить самую высокую цѣну и былъ увѣренъ, что получитъ ее безъ спора. Почти всюду мѣра зерна продавалась за 60 золотыхъ; иногда даже шестую часть мѣры покупали за 15 золотыхъ. Голодъ продолжался и тогда, когда былъ съѣденъ весь скотъ и птица; для утоленія его приходилось пожирать падаль и тому подобную отвратительную пищу; иногда еще, для спасенія отъ смерти, выкапывали корни де[illegible]вали траву по берегамъ ручьевъ; но все было тщетно, [illegible]динъ Богъ можетъ быть прибѣгающемъ противъ Бож[illegible]ображеніе отказывается представлять [illegible] уж[illegible]ой годины. Но, о ужасъ, [illegible]людей пожирать человѣ- [illegible]ъ на путниковъ, убивали

ихъ, разрывали тѣла на части, жарили ихъ и пожирали. Другіе покидали родину, чтобы избѣжать голода; имъ давали пріютъ на дорогахъ, но ночью сами хозяева душили ихъ, чтобы питаться ихъ мясомъ. Иные показывали дѣтямъ яйцо или яблоко, заманивали ихъ въ сторону и тамъ пожирали. Во многихъ мѣстахъ вырывали трупы съ тою же ужасною цѣлью. Наконецъ это безуміе или, вѣрнѣе, бѣшенство дошло до такой степени, что даже животнымъ было легче ускользнуть отъ рукъ убійцъ. Казалось, употребленіе человѣческаго мяса начало обращаться въ обычай. Одинъ злодѣй отважился даже вынести его на рынокъ вареным, все равно какъ мясо животныхъ. Его схватили,—онъ даже не запирался,—и сожгли. Другой ночью пошелъ и похитилъ мясо, которое зарыли въ землю, съѣлъ его и тоже былъ сожженъ".—Въ лѣсу подлѣ Макона нѣкій злодѣй построилъ себѣ хижину, гдѣ и убивалъ путниковъ, останавливавшихся у него, и затѣмъ пожиралъ ихъ трупы. Одни изъ гостей замѣтили тамъ человѣческія головы и успѣли убѣжать и донести. Въ хижинѣ нашли 48 головъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Лѣтописецъ лично присутствовалъ при сожженіи злодѣя.—„Многіе начали мѣшать остатки муки или отрубей съ бѣлою землею, похожею на глину, и изъ смѣси пекли хлѣбъ. Лица ихъ блѣднѣли и худѣли, кожа натягивалась и пухла, голосъ слабѣлъ и напоминалъ собою жалобный крикъ издыхающей птицы". Пришла новая бѣда: привлеченные множествомъ непогребенныхъ труповъ, начали нападать на людей волки. Тогда люди богобоязненные стали рыть большія ямы и кидать въ нихъ по 500 труповъ и болѣе. „Иногда несчастные, услышавъ, что есть области, гдѣ голодъ не такъ свирѣпствуетъ, покидали для нихъ родину, но на дорогѣ падали отъ истощенія и умирали. Этотъ страшный бичъ свирѣпствовалъ въ теченіе трехъ лѣтъ въ наказаніе за грѣхи людей. На нужды бѣдныхъ жертвовали церковныя украшенія и сокровища, давно назначенныя на такое употребленіе. Но праведное мщеніе неба еще не было удовлетворено, и во многихъ мѣстахъ церковныхъ сокровищъ не хватило на нужды всѣхъ бѣдныхъ".

Ожиданіе конца міра.

Подобныя бѣдствія во Франціи XI в. были явленіемъ вовсе не чрезвычайнымъ: изъ 72 лѣтъ (987—1099 гг.) 48 падаютъ на голодъ и эпидеміи. Понятно, какъ эти невзгоды должны были укрѣплять вѣрованіе въ близкій конецъ міра, присущее древнему христіанству. Средневѣковый строй не имѣлъ внѣшней правильности античнаго общества: въ немъ трудно было уловить внутренній глубокій порядокъ. Міръ этотъ видѣлъ въ себѣ только хаосъ: онъ

стремился къ порядку и ожидалъ его только отъ смерти. Притомъ, въ эту пору чудесъ и легендъ, когда все представлялось въ странномъ свѣтѣ, какъ будто сквозь цвѣтныя стекла, возможно было сомнѣніе, ужъ не сонъ ли одинъ эта видимая дѣйствительность. Чудеса наполняли обыденную жизнь. Самъ діаволъ не старался больше скрываться: въ Римѣ видѣли его торжественное явленіе предъ папою чародѣемъ. Среди столькихъ явленій, видѣній и странныхъ голосовъ, среди чудесъ Бога и ухищреній діавола, кто могъ сказать, что земля не обратится на утро въ дымъ при звукѣ роковой трубы? Тогда очень могло бы оказаться, что то, что мы называемъ жизнью, есть на дѣлѣ смерть, и міръ, погибая, подобно легендарному святому, только „началъ бы жить и пересталъ умирать“. Такой конецъ міра скорби былъ вмѣстѣ и надеждою, и ужасомъ для среднихъ вѣковъ. Посмотрите на старинныя статуи въ соборахъ X и XI вв., худыя, нѣмыя, съ застывшею на лицѣ гримасою, съ видомъ страдальческимъ какъ жизнь, и безобразныя какъ смерть. Посмотрите, какъ нетерпѣливо онѣ ждутъ этой желанной и страшной минуты, этой второй смерти воскресенія, которая должна вывести ихъ изъ ихъ несказанной скорби, вернуть изъ ничтожества къ бытію, отъ гроба къ Богу. Это изображеніе несчастнаго міра, доведеннаго до отчаянія рядомъ переворотовъ. Рушилась римская имперія; пала и имперія Карла В.; христіанство надѣялось сначала излѣчить земныя бѣдствія, а они продолжались, несчастіе за несчастіемъ, переворотъ за переворотомъ. Перемѣна была необходима, и всѣ ея ожидали. Плѣнникъ ждалъ ея въ мрачной башнѣ, въ гробовой темницѣ; рабъ ждалъ на своей пашнѣ подъ тѣнью ненавистнаго замка; монахъ ждалъ среди монастырскихъ воздержаній, тайныхъ тревогъ сердца, среди искушеній и паденій, угрызеній совѣсти и чудныхъ видѣній, служа жалкою игрушкою для діавола, который жестоко издѣвался надъ нимъ и вечеромъ, сдергивая съ него покрывало, весело шепталъ ему на ухо: „ты осужденъ!“ Всѣ желали выйти, во что бы то ни стало, изъ невыносимаго положенія. Они предпочитали предаться разъ въ руки Божіи и успокоиться на вѣки, хотя бы на раскаленномъ ложѣ. Притомъ это мгновеніе, когда пронзительный звукъ трубы архангела поразитъ слухъ мучителей, тоже должна была имѣть своею прелесть: тогда изъ подземелья замка, изъ монастыря, съ пашни, среди общаго плача, разнесся бы ужасный хохотъ. При всеобщемъ ужасѣ иные расточали въ отчаянномъ разгулѣ богатство, но большинство, какъ это бываетъ всегда въ великомъ несчастіи, находили себѣ

нѣкоторое успокоеніе только подъ кровомъ церквей. Люди массою несли къ алтарямъ пожертвованія землями, домами, крѣпостными. Всѣ эти дарственныя грамоты носятъ на себѣ отпечатокъ одного и того же вѣрованія: „Вечеръ міра приближается, говорятъ онѣ; каждый день приноситъ новыя бѣдствія; я, графъ или баронъ, далъ такой-то церкви для спасенія своей души...“ Кромѣ религіи, не на что было опереться истомленному народу. Всѣ другіе интересы утратили значеніе, ни жизнь, ни имущество не были защищены отъ грубаго насилія. Такъ создалось настроеніе, относившееся враждебно къ земному міру и въ то же время стремившееся къ небесному блаженству; такъ явилась при общемъ возбужденіи умовъ готовность покинуть всѣ земныя блага, пренебречь всѣми человѣческими привязанностями, лишь-бы открыть себѣ путь къ мистическому единенію съ Господомъ Богомъ.

Усиленіе религіознаго настроенія. Въ своемъ религіозномъ настроеніи большинство людей этой эпохи стремилось погрузиться въ глубочайшія пропасти духа, гдѣ затѣмъ долженъ былъ зажечься и охватить всего человѣка лучъ божественной благодати. Они изгоняли изъ сердца всякую мысль о внѣшнемъ мірѣ, о наслажденіи чувствами, проникались сознаніемъ своей испорченности и грѣховности, обращали взоры къ величію и благости Божіей; всѣми внѣшними и внутренними средствами поддерживали они уже горѣвшій въ нихъ жарко пылъ, и когда они обливались слезами и въ сокрушеніи падали ницъ, тогда, бывало, ими овладѣвалъ трепетъ восторга, имъ представлялось раскрытое небо и падающіе на нихъ лучи его свѣта. Эти минуты они считали своею настоящею жизнью, а часы, протекавшіе безъ такой смѣны сокрушенія и восторга, представлялись имъ заточеніемъ въ матеріи и грѣхѣ. Такъ содѣйствовали они умерщвленію тѣлеснаго существованія, потому что не могло же сохраниться физическое здоровье при этомъ постоянномъ распаленіи и возбужденіи, при этомъ пылкомъ и мрачномъ энтузіазмѣ, при тѣхъ бурныхъ потрясеніяхъ, которыхъ они требовали ежедневно отъ своихъ нервовъ и духа. Такое повышенное состояніе нашло у людей того времени техническое названіе compunctio (наитіе); они сообщаютъ другъ другу, какъ сегодня отлично оно имъ удалось, какъ вчера оно было невозможно для ихъ закоснѣлаго сердца. Короче сказать, они вели постоянную борьбу противъ міра тѣлеснаго и чувственнаго, даже не подозрѣвая возможности здороваго міросозерцанія, которое можетъ сознавать присутствіе Бога съ веселымъ лицомъ и въ спокойномъ повседневномъ состояніи.

Какъ и слѣдовало ожидать, монахи шли во главѣ своихъ современниковъ по пути умерщвленія плоти ради мистическихъ восторговъ. Дисциплина въ монастыряхъ стала строже не для устраненія непослушанія или безнравственности, а прямо для приведенія каждаго въ такое возвышенное настроеніе. На всемъ Западѣ славился уже тогда строгостью своего устава Клюни. Но мистицизмъ не ограничивался одними монастырями, а разливался широко по всему Западу, выражаясь во всевозможныхъ формахъ. Замѣчательно широкое распространеніе въ то время наклонности къ отшельничеству. Люди бѣгутъ въ лѣса отъ семьи и общества, даже изъ монастырскихъ келій, прибѣгая для устраненія препятствій къ хитрости и силѣ, едва останавливаясь передъ явленіями святыхъ, запрещающихъ имъ бѣгство. Они строютъ себѣ хижины изъ древесныхъ вѣтвей, иногда поселяются по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, убѣгаютъ отъ людей, относящихся къ нимъ съ удивленіемъ, и только голодъ заставляетъ ихъ показывать взорамъ людскимъ свои исхудалыя и одичавшія фигуры. Но нужда для нихъ и высшее наслажденіе; неудивительно, что имъ является Богъ и Его ангелы, если духъ ихъ возбужденъ усиленнымъ размышленіемъ, а тѣло подавлено голодомъ, бичеваніемъ и ночными бдѣніями.

Говорятъ, человѣкъ всегда достигаетъ того, къ чему стремится всѣми силами души. Поистинѣ не напрасны были стремленія и этихъ монаховъ; чудеса стали для нихъ дѣлами столь же обычными, какъ для насъ естественный ходъ вещей. Они бесѣдовали съ Богомъ, съ Спасителемъ и Его Матерью, съ легіонами святыхъ; повседневныя событія превращались въ ихъ рукахъ въ чудеса и знаменія Божіи. Эти чудеса были произведеніями глубокаго убѣжденія и духовнаго страданія живыхъ людей, полныхъ силы и свѣжести духа, людей, призванныхъ къ великимъ дѣламъ и при всѣхъ ихъ заблужденіяхъ совершавшихъ подвиги. Не слѣдуетъ также думать, что этотъ аскетизмъ господствовалъ только въ тѣсномъ кругу; болѣе широкое вліяніе съ его стороны слѣдовало бы предполагать уже судя по числу монастырей и отшельниковъ и по чрезвычайной силѣ всего направленія. Легко замѣтить на самомъ дѣлѣ, что вызвавшее аскетизмъ настроеніе проявляло свое вліяніе во всѣхъ слояхъ общества.

Вліяніе аскетизма.

Прежде всего, подъ вліяніемъ его стоитъ научное богословіе и философія той эпохи, и притомъ въ большей степени, чѣмъ этого можно было ожидать по существу дѣла, такъ какъ подобный аскетизмъ враждебенъ всякой наукѣ, и представители его, если и за-

нимаются ею, то только съ извѣстными цѣлями, напр., изучаютъ грамматику, чтобы понимать Библію. Несомнѣнно поэтому, что расцвѣтъ схоластики уничтожилъ бы вполнѣ научныя стремленія, если бы они уже тогда не вступили въ союзъ съ іерархіей. Тѣмъ менѣе удивительно, что общее настроеніе стремится въ теченіе XI в. повліять во многомъ на только что зарождающееся научное движеніе. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно стремленіе знаменитѣйшихъ людей эпохи, при толкованіи Библіи, наряду съ буквальнымъ смысломъ, выдвигать, по древнему церковному обычаю, смыслъ аллегорическій. Но всего рѣзче проявляется стремленіе къ матеріальному обладанію таинствомъ въ спорѣ о пресуществленіи, привлекшемъ къ себѣ вниманіе всего Запада и замѣчательномъ по тому упорству и горячности, съ какимъ онъ былъ веденъ. Тотъ же мистицизмъ охватываетъ и мірянъ: всюду всѣ сословія выказываютъ къ подвижникамъ безграничный энтузіазмъ. Не довольствуясь этимъ, они стремились сами покинуть міръ и знаки достоинства, уйти къ монахамъ, надѣть ихъ платье; они искали въ монастыряхъ маленькаго уголка, гдѣ бы можно было укрыться. Монахамъ приходилось заботиться объ одномъ, какъ бы мѣшать вступленію въ ихъ среду людей знатныхъ и сильныхъ. По словамъ современника, никогда князья и бароны не основывали на сѣверѣ Франціи столькихъ монастырей, какъ въ послѣдней четверти XI в. Въ простомъ народѣ общее настроеніе выражалось съ исключительною силой и въ самыхъ грубыхъ формахъ. Туда, гдѣ жилъ отшельникъ, стекались массы людей, желая видѣть его, касаться его одежды, слѣдовать его примѣру. Всѣ обязанности отступали передъ этою высшею: земныя узы, даже самыя святыя, люди расторгали, земными радостями и страданіями пренебрегали безъ колебанія. Почитаніе мощей и святыхъ въ то же время достигло высшей степени; достаточно напомнить одинъ часто приводимый фактъ: народъ намѣревался убить уѣзжавшаго угодника, чтобы мощи его сохранить въ городѣ, какъ драгоцѣнность. Въ эпоху набѣговъ норманновъ и венгровъ, въ IX—X вв., настоятели церквей и монастырей особенно заботились о спасеніи отъ хищныхъ язычниковъ мощей, приносившихся нерѣдко изъ Италіи и особенно изъ Рима, гдѣ благочестивые люди доставали ихъ всевозможными способами, не стѣсняясь прибѣгать даже къ воровству. Во избѣжаніе оскверненія ихъ уносили въ безопасныя мѣста. Теперь, когда набѣги язычниковъ прекратились, а религіозное настроеніе усилилось, явилось стремленіе разыскивать спрятанныя мощи, и взамѣнъ разрушенныхъ варварами цер-

квей и монастырей созидались для нихъ новые. Ко времени этой „строительной горячки" XI в. и относится начало романской архитектуры.

Паломничество.

Вполнѣ естественнымъ выраженіемъ общаго настроенія представляется и паломничество: сколько случаевъ къ самоистязанію представляло странствованіе въ Римъ или даже въ Іерусалимъ, какъ сильно должно было удовлетворяться стремленіе имѣть Бога передъ тѣлесными глазами, когда человѣкъ ступалъ на землю, по которой ходилъ Христосъ, или осязалъ камни Его гробницы. По словамъ лѣтописца первой половины XI в., особенно возросло число паломниковъ, когда до Запада дошла вѣсть о возстановленіи разрушеннаго передъ тѣмъ храма Гроба Господня: отовсюду шли въ Іерусалимъ невѣроятныя массы, неся дары на постройку храма. Разъ толчекъ былъ данъ, движеніе получило такой общій характеръ, какого невозможно было ожидать. Починъ принадлежалъ народнымъ массамъ, за которыми послѣдовали высшія сословія; затѣмъ тронулись въ свою очередь сами короли, графы, епископы; наконецъ, чего никогда не было видано, стали предпринимать это далекое и тяжелое путешествіе даже женщины, какъ самыя знатныя, такъ и бѣднѣйшія. Вѣра паломниковъ была такъ крѣпка, что многіе изъ нихъ просили у Господа, какъ милости, смерти у Святого Гроба, жертвуя, такимъ образомъ, жизнью для Бога, своею кровью искупившаго міръ. Такъ было съ однимъ паломникомъ изъ Бургундіи, по имени Летбальдомъ. Придя въ Іерусалимъ и посѣтивъ всѣ Святыя мѣста, онъ отправился на Масличную гору, съ которой Спаситель вознесся на небеса. Тамъ Летбальдъ простерся на землѣ, раскинувъ руки крестомъ, и погрузился въ восторженное состояніе. Слезы ручьями текли изъ глазъ его, а между тѣмъ душа была объята благоговѣйною радостью. Послѣ долгой молитвы онъ поднялся и, протянувъ руки къ небу, сказалъ: „Господи Іисусе, если мнѣ суждено умереть въ нынѣшнемъ году, дай мнѣ, прошу Твое всемогущее милосердіе, умереть въ виду св. горы. Я твердо вѣрю, что, приведя меня сюда здравымъ и невредимымъ, ты сжалишься надъ моею душою и даруешь ей райское блаженство". Затѣмъ онъ вернулся съ товарищами въ гостинницу, отказался отъ пищи и, легши въ постель, задремалъ; вѣроятно, ему предстало небесное видѣніе, такъ какъ вдругъ онъ воскликнулъ: „Слава тебѣ, Боже мой! слава Тебѣ!" Товарищи разбудили его, и онъ сталъ жаловаться на нездоровье. Къ вечеру онъ попросилъ причастить его, и это было напутствіемъ его въ вѣчность, такъ какъ тотчасъ онъ

почилъ въ Бозѣ. Разсказъ о смерти его лѣтописецъ слышалъ самъ изъ устъ его товарищей.

Среди пилигримовъ встрѣчается не мало людей, потомки которыхъ участвовали впослѣдствіи въ первомъ походѣ, напр., Робертъ, герцогъ Нормандіи, дѣдъ крестоносца,—Робертъ, графъ Фландріи, отецъ участника 1-го похода,—Вильгельмъ, графъ Тулузскій, отецъ графа Раймунда, — великій грѣшникъ Фулько, графъ Анжу,—наконецъ, самъ Адемаръ Монтейль, впослѣдствіи духовный глава похода. Эти аристократы вели съ собою большую свиту; къ ней присоединялись другіе паломники, и такимъ образомъ составлялись отряды въ сотни и даже тысячи человѣкъ. Самый крупный изъ извѣстныхъ намъ доходилъ по скромному расчету до 7,000 человѣкъ; въ составъ его входили нѣмцы и англичане, а руководителями были архіепископъ Майнцскій и нѣсколько другихъ нѣмецкихъ епископовъ и вельможъ. Странники достигли своей цѣли, но только послѣ ряда бѣдствій, стоившихъ жизни большей части паломниковъ. Уцѣлѣвшіе считали себя съ этихъ поръ въ непосредственной близости къ Богу. Святость мѣста часто проявлялась въ чудесахъ и видѣніяхъ; пылкое негодованіе на владычество невѣрныхъ вытекало прямо изъ вѣры въ дѣйствительное присутствіе Христа.

Положеніе Востока. До семидесятыхъ годовъ XI в. почти вся Сирія находилась подъ властью Фатимидовъ, отъ которыхъ иногда тяжело приходилось туземнымъ христіанамъ и западнымъ паломникамъ. Еще хуже стало положеніе тѣхъ и другихъ, когда ею овладѣли дикіе турки сельджуки. За допущеніе въ св. градъ они требовали съ каждаго странника по золотой монетѣ; не могшіе заплатить пошлину,—а такихъ было очень много, такъ какъ паломники были люди большею частью бѣдные и лишались послѣдняго отъ грабежей во время пути,—бродили подъ стѣнами Іерусалима и нерѣдко погибали отъ голода или непріятельскаго меча. Впущенные въ городъ терпѣли со стороны мусульманъ угрозы и преслѣдованія, особенно обрушивавшіяся въ торжественные дни на христіанскіе храмы и духовенство. Понятно, какъ всѣ эти притѣсненія должны были дѣйствовать на восторженно настроенныхъ паломниковъ и какое впечатлѣніе производили ихъ разсказы по возвращеніи на ихъ благочестивыхъ соотечественниковъ.

На пути въ Іерусалимъ и обратно паломники большею частью проходили чрезъ Византію, поклонялись ея святынямъ, дивились ея богатствамъ и великолѣпію, знакомились съ ея политическимъ положеніемъ. Послѣднее за время отъ смерти грознаго Болгаробойцы до выступленія ловкаго Алексѣя Комнена далеко нельзя было на-

звать блестящимъ. Внутри государства происходили частыя смуты, многіе заражались „болѣзнью пурпура“, управленіе было въ разстройствѣ, казна истощена, благосостояніе народа подорвано. Извнѣ ей въ то же время грозили сильные враги и съ сѣвера, и съ востока, и съ запада. Самыя удачи шли во вредъ государству. Конецъ X и начало XI в. были ознаменованы упорной и въ концѣ концовъ удачной борьбой Василія II съ болгарской державой Самуила. Противъ болгаръ лукавая политика Византіи пользовалась нерѣдко помощью задунайскихъ варваровъ печенѣговъ, которые такимъ образомъ постепенно втягивались въ дѣла полуострова, дѣйствуя сначала какъ орудіе въ рукахъ грековъ, а потомъ и въ своихъ собственныхъ видахъ. Положеніе измѣнилось, когда съ паденіемъ Болгаріи исчезла стѣна, мѣшавшая прежнимъ союзникамъ сталкиваться. Тогда оказалось, что близость печенѣговъ еще опаснѣе, чѣмъ сосѣдство ославянившихся болгаръ. Дикія орды не разъ проникали на правый берегъ Дуная, переходили черезъ Балканы, опустошали Македонію, Ѳракію и подступали къ стѣнамъ самой столицы. Правда, нашествія кончались обыкновенно тѣмъ, что орды варваровъ, послѣ непривычнаго изобилія и излишествъ, начинали страдать отъ эпидемій и голода въ опустошенныхъ земляхъ; назадъ возвращались немногіе. Тѣмъ не менѣе опустошенія не могли не отзываться гибельно на благосостояніи населенія. Императоры не разъ пытались воспользоваться плѣнными печенѣгами для заселенія опустѣвшихъ земель Болгаріи и для пополненія своихъ войскъ, но при первомъ случаѣ плѣнники обращали свое оружіе противъ Византіи. Особенно опасно было прибѣгать къ услугамъ печенѣговъ въ борьбѣ съ сельджуками: встрѣчаясь на поляхъ М. Азіи, въ рядахъ армій Романа Діогена и султана Альпъ-Арслана, печенѣги и турки легко приходили къ сознанію своего кровнаго родства и понимали другъ друга. И въ Азіи императоры своими ошибками помогали успѣхамъ грозныхъ враговъ, какими были для нихъ турки при первыхъ трехъ султанахъ до распаденія ихъ державы въ началѣ 90-хъ гг. XI в. И въ Азіи императоры сами прорвали плотину, ограждавшую имперію отъ новыхъ враговъ, когда, увлекшись стремленіемъ къ присоединеніямъ, уничтожили независимость Арменіи и, для пополненія своей казны, замѣнили въ пограничныхъ областяхъ службу въ милиціи денежными взносами; такъ при самомъ появленіи турокъ имперія лишилась энергичнаго вассала и 50 т. милиціи, храбро отстаивавшей свою родину. Въ результатѣ бурнаго напора сельджуковъ и ошибокъ и слабости Византіи получилась утрата М. Азіи,

до того служившей для имперіи главной основой могущества, такъ какъ здѣсь была наиболѣе сплошная масса греческаго населенія. Любопытно при этомъ, что это населеніе, повидимому, охотно подчинилось туркамъ, избавлявшимъ крестьянъ отъ власти помѣщиковъ и тяжелаго византійскаго управленія. Такимъ образомъ, новые завоеватели приблизились уже къ Босфору и Дарданелламъ.

Кромѣ этихъ враговъ, имперіи въ началѣ правленія Комнена пришлось еще обороняться отъ предпріимчиваго владѣтеля южной Италіи, Роберта Гвискарда, задавшагося цѣлью, съ благословенія Григорія VII, покорить Византію. Разноплеменное войско императора большею частью терпѣло пораженія въ этой борьбѣ, и только ловкая диверсія Комнена въ тылъ непріятеля заставила Гвискарда удалиться въ Италію, оставивъ въ Эпирѣ для продолженія военныхъ дѣйствій своего сына Боэмунда, впослѣдствіи одного изъ главныхъ участниковъ 1-го похода. Заключалась эта диверсія въ союзѣ съ врагомъ папы Генрихомъ IV и въ поддержкѣ возстанія итальянцевъ противъ тяжелаго норманскаго господства. Оборона папы и подавленіе возстанія надолго задержали Гвискарда въ Италіи, а когда онъ уже направился въ Эпиръ, чтобы лично возобновить войну, на пути его постигла неожиданная кончина. Такъ кончилась эта война, навсегда прославившая имя Гвискарда: всѣ были увѣрены, что не умри онъ, Византія была бы завоевана. Замѣтимъ еще, что для отраженія флота Гвискарда, Алексѣй прибѣгъ къ помощи Венеціи, купивъ ея содѣйствіе за дозволеніе торговать безпошлинно во всѣхъ областяхъ и городахъ имперіи. Благодаря этому Венеція сразу обогнала Амальфи, игравшій до того главную роль въ торговлѣ съ Византіей. Фактъ усиленія Венеціи особенно важенъ потому, что съ этихъ поръ для Византіи получаетъ важное значеніе политика западная.

Вслѣдъ затѣмъ возобновилась борьба съ печенѣгами, которые, разбивъ императора, перешли Балканы, заняли Филиппополь и приблизились къ самымъ стѣнамъ столицы. Въ то же время среди турокъ явился смѣлый вождь, по имени Чаха, который, владѣя побережьемъ М. Азіи и островами, завелъ флотъ и началъ грозить Константинополю съ моря. Кромѣ того, онъ завязалъ сношенія съ печенѣгами и предложилъ имъ напасть на имперію одновременно и съ суши, и съ моря. Какъ разъ въ это время Алексѣй получилъ извѣстіе о приближеніи половцевъ, о которыхъ никакъ нельзя было сказать, на чью сторону они станутъ. Однимъ словомъ, положеніе было таково, что, какъ выражается современникъ, „судя по чело-

вѣчески, не было спасенія". Въ эту тяжелую минуту Алексѣй послалъ отчаянное письмо съ просьбой о помощи къ Роберту Фризу, графу Фландрскому, котораго онъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ принималъ въ столицѣ на возвратномъ пути изъ Іерусалима и который уже тогда обѣщалъ ему помощь противъ печенѣговъ и дѣйствительно прислалъ 500 рыцарей. Въ письмѣ говорилось, что имперію греческую сильно тѣснятъ печенѣги и турки, захватившіе почти всѣ области ея кромѣ Константинополя, которому враги грозятъ теперь и съ суши, и съ моря. „Я самъ, облеченный саномъ императора, принужденъ постоянно бѣгать предъ лицемъ турокъ и печенѣговъ.... я лучше хочу быть подъ властью вашихъ латинянъ.... лучше, чтобы Константинополь достался вамъ, чѣмъ язычникамъ. Въ немъ находятся драгоцѣнныя святыни Господни". Посланіе оканчивается перечисленіемъ этихъ святынь и богатствъ столицы и повтореніемъ просьбы о помощи. Но прежде, чѣмъ посланіе это могло произвести свое дѣйствіе, положеніе дѣлъ измѣнилось: половцы стали на сторону Алексѣя, и съ ихъ помощью ему удалось сломить навсегда силу печенѣговъ.

Такимъ образомъ создалась та среда, изъ которой естественно развилось крестоносное движеніе, намъ представляющееся невѣроятнымъ. Но очевидно, походъ 1096 г. не могъ быть выполненъ одними аскетами: слишкомъ грузною для нихъ была его земная оболочка. Притомъ, этотъ аскетизмъ по природѣ своей былъ дѣломъ чисто личнымъ: онъ могъ случайно сблизить массу людей, но люди эти не могли единодушно рѣшить и сообща провести походъ. Для всякой крупной войны нуженъ свой руководитель. Между тѣмъ презрѣніе къ міру, вызвавшее этотъ аскетизмъ, не у всѣхъ своихъ послѣдователей было также и бѣгствомъ отъ міра; были и другіе умы, въ которыхъ это презрѣніе вызвало стремленіе къ власти надъ міромъ, а, стало быть, и къ великимъ войнамъ.

Главенство папъ.

Нѣкогда, въ дни Карла и Оттона Великихъ, главою для западнаго христіанства служилъ императоръ, но для XI в. это было уже невозвратимымъ прошлымъ: даже въ Германіи и Италіи знать съ нетерпѣніемъ переносила власть императора, а въ остальной Европѣ ея и совсѣмъ уже не признавали. Дать Западу новаго императора стремилось то же церковное настроеніе, которое влекло къ войнѣ съ исламомъ. Свѣтская монархія вообще представлялась аскетизму неспособной вести людей къ спасенію: носители ея, какъ и остальной міръ, были земного и грѣховнаго происхожденія; одно только было на землѣ установленіе, въ которомъ непрестанно проявлялся

Духъ Божій, это—церковь съ папою во главѣ. Одна она была призвана къ господству надъ міромъ. Когда императорская власть оказалась неспособной представлять христіанство, папы проявили готовность завладѣть рядомъ съ церковною также и свѣтскою властью и затѣмъ выступить въ роли руководителя похода Западной Европы на мусульманъ въ Азіи. Первый сталъ проводить настойчиво эту идею Григорій VII. Онъ раздѣлялъ основное стремленіе мистиковъ содѣйствовать проявленію Бога на землѣ и нуждался, подобно имъ, для поддержанія своей бодрости въ начатой съ этою цѣлью борьбѣ съ цѣлымъ міромъ, въ мистическихъ восторгахъ; но онъ тотчасъ покидалъ путь аскетизма, какъ только, укрѣпившись въ своемъ главномъ стремленіи, переходилъ къ вопросу о воздѣйствіи на міръ. Мистики хотятъ проложить путь для божественнаго начала уничтоженіемъ матеріи,—они выступаютъ противъ нея какъ противъ начала цѣликомъ враждебнаго; Григорій старается подчинить себѣ земной міръ, какъ мятежную область: въ его глазахъ онъ негоденъ только потому, что осмѣлился стать самостоятельнымъ или даже заявить притязаніе на господство надъ церковью. Въ этомъ заключается второе различіе: мистики, окружающіе его, признаютъ, правда, внѣшнюю церковь и ея установленія, но внутри ея высшее совершенство достигается только личными подвигами; Григорій самъ опирается постоянно на нихъ, но для него настоящее Богоявленіе это—видимое на землѣ могущество церкви. Не придай онъ извѣстнаго направленія своему вѣку, западная церковь раздробилась бы на безчисленныя кельи отшельниковъ; онъ сдержалъ эти центробѣжныя силы и основалъ на рядъ вѣковъ величавое зданіе своей теократіи. Та же точка зрѣнія замѣтна и въ знаменитомъ призывѣ къ походу на Востокъ. Св. Гробъ упоминается въ немъ только разъ, и то мимоходомъ; его исключительная цѣль — отнятіе М. Азіи у сельджуковъ, затѣмъ избавленіе отъ нихъ Греціи и подчиненіе ея римскому престолу. Для Запада было, конечно, очень важно, что папа призвалъ къ общей борьбѣ противъ враговъ вѣры всѣ націи, какъ будто онѣ были членами единаго царства, но мысль о походѣ мистическомъ по его цѣлямъ, безъ ясной связи съ интересами Запада, — о походѣ только ради св. Гроба и спасенія душъ борцовъ,—такая мысль не могла явиться въ умѣ Григорія, соединявшемъ реальную послѣдовательность съ стремленіемъ къ небесному. Борьба съ Генрихомъ IV потребовала вскорѣ всѣхъ силъ Григорія, и о походѣ за море не было уже больше рѣчи.

Въ виду неудачи, какую потерпѣлъ Григорій VII въ борьбѣ за

осуществленіе своихъ колоссальныхъ плановъ, неудачи, зависѣвшей отъ непримиримости ихъ съ господствовавшимъ строемъ,—его болѣе ловкій преемникъ Урбанъ II нѣсколько сузилъ притязанія папства, чтобы тѣмъ легче провести ихъ въ такомъ видѣ. Наперекоръ взглядамъ Григорія, церковь признала теперь существующія формы государства; зато вліяніе ея охватило весь Западъ и отсюда вступило въ тѣсное соприкосновеніе со всѣми проявленіями мірской жизни. Благодаря новой политикѣ, къ концу 1094 г. было достигнуто освобожденіе церкви и установленіе общаго ея господства надъ Западомъ; центру ея, папству, принадлежала вполнѣ верховная власть. Урбанъ отказался отъ полнаго подчиненія свѣтскихъ властей, зато вступилъ всюду съ ними въ союзъ, оказывая на нихъ въ массѣ случаевъ вліяніе и настойчиво удерживая ихъ въ тѣсной связи съ Римомъ. Повиновеніе Риму составляло основу религіознаго сознанія, всюду проявлялась эта вновь созданная власть, Западъ представлялся объединеннымъ до того неизвѣстными или несознававшимися узами. Имѣя въ распоряженіи такую силу, дѣятельный Урбанъ естественно стремился испробовать ее на великомъ предпріятіи. Передъ глазами у него былъ примѣръ Григорія— его мысль о походѣ въ Грецію. Урбанъ воспользовался ею, но придалъ ей иную форму: и здѣсь онъ далъ больше свободы тѣмъ силамъ, которыя должны были ему служить; какъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ Запада, онъ довольствовался верховенствомъ болѣе неопредѣленнымъ, но и менѣе оспариваемымъ. Но прежде всего онъ подошелъ къ аскетизму ближе Григорія: для послѣдняго цѣлью была его церковная монархія; Урбанъ поставилъ цѣль въ этой сферѣ, которая была всего пріятнѣе для мистиковъ. Призвавъ Западъ къ освобожденію св. Гроба, онъ создалъ движеніе, связанное съ землею восторженною вѣрою этихъ мечтателей; однимъ словомъ, объектъ борьбы данъ былъ аскетизмомъ, а папѣ принадлежало ея объединеніе и завершеніе.

Роль норманновъ.

Призывъ папы встрѣтился съ воинственнымъ настроеніемъ народовъ Запада. За утратой старыхъ формъ для выраженія единства, новое время искало для него новыхъ представителей и въ сферѣ свѣтской. Ими оказались норманны, захватившіе тогда всѣ страны Запада и наложившіе на ихъ стремленія общій отпечатокъ. Съ IX в., когда они впервые столкнулись съ монархіей Каролинговъ, они сильно повліяли на Германію, утвердились во Франціи, основали колоніи въ Италіи, наконецъ, завладѣли вполнѣ Англіей. Ихъ соплеменники плавали до Исландіи и Гренландіи, основали на ши-

рокихъ равнинахъ восточной Европы русскія княжества и отсюда вступили въ непосредственныя сношенія съ Византіей. Повсюду они являются одинаково рѣзкими фигурами: отважные и безпокойные, ловкіе и хищные, они постоянно преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли; они упорно сохраняютъ основу своего характера и однако скоро сливаются съ самыми различными элементами. Они относятся почти враждебно къ наличнымъ формамъ политической жизни, къ государственной связи, къ притягательной силѣ родины. Они составляютъ племя героевъ и государей, опирающееся, безъ всякаго основанія права и законности, только на личную храбрость. При неутомимости ихъ въ одиночку и при распространеніи ихъ шаекъ по всей Европѣ, они довели до высшей степени, когда-либо виданной міромъ, жажду приключеній и войны ради самой войны. Всѣ народы, которыхъ они касались, по доброй волѣ или по принужденію были втянуты въ этотъ круговоротъ, новая тревога охватила съ тѣхъ поръ земли и моря отъ Кіева до Исландіи. По ихъ пылу, распространенію, стремленію къ личному героизму ихъ можно сравнить съ аскетами церкви; по крайней мѣрѣ въ крестовомъ походѣ тѣ и другіе дѣйствовали въ тѣсномъ союзѣ и очень сходнымъ образомъ.

Сначала, правда, казалось, что у норманновъ мало склонности къ союзу съ стремленіями христіанскими и церковными. Извѣстно, какъ крѣпко держались они на родинѣ за служеніе Азамъ, какъ потомъ они принимали новую вѣру только по мірскимъ побужденіямъ. Еще въ началѣ XI в. они такъ же мало чувствовали въ себѣ призваніе къ собственно религіознымъ войнамъ за христіанство, какъ раньше противъ него. Но, сливаясь быстро съ окружающимъ въ свѣтскихъ отношеніяхъ, они подчинялись такъ же быстро и вліяніямъ духовнымъ, и скоро приняли рѣшающее участіе въ ихъ развитіи. Во-первыхъ, они тоже увлеклись господствующимъ мистицизмомъ: съ начала XI в. они давали паломниковъ не меньше любой западной націи; одинъ лѣтописецъ жалуется, что когда они впервые столкнулись враждебно въ Апуліи съ греками, то путь въ Іерусалимъ былъ на много лѣтъ загражденъ для норманновъ. Затѣмъ они всюду вступили въ тѣсный союзъ съ стремленіями іерархіи,—результатъ почти одинаковаго отношенія обѣихъ сторонъ къ свѣтскимъ властямъ. Одушевлявшій норманновъ духъ представляетъ, впрочемъ, самую странную смѣсь: они торгуются и спорятъ съ папою, котораго вообще глубоко почитаютъ, изъ-за малѣйшаго права, изъ-за всякаго клочка земли. Съ своей стороны,

Григорій отлично понималъ ихъ и не уступалъ своего; онъ часто говорилъ: „я могу быть съ ними въ мирѣ, когда только захочу, но я хочу заключить только выгодный миръ“. Такъ спорили они, пока Генрихъ IV не пошелъ на Римъ; тогда согласіе тотчасъ возобновилось. Точно такъ же относились они и къ монастырямъ: они безъ стѣсненія грабили и разоряли ихъ, но въ то же время заботились и о спасеніи душъ богатыми дарами въ Монте Кассино, глубокимъ почтеніемъ къ святымъ аббатамъ и монахамъ, наконецъ, общимъ разрѣшеніемъ отъ грѣховъ, которое они испрашивали у папы.

Первыя попытки похода. И вотъ мы видимъ въ XI в. цѣлый рядъ походовъ, въ которыхъ находитъ себѣ выраженіе вновь созданная связь народовъ Запада. Главными дѣятелями въ борьбѣ съ невѣрными являются норманны и вообще романскіе народы, больше нѣмцевъ поддавшіеся аскетизму и норманнскому вліянію. Такъ изъ южной Италіи норманны, подъ знаменемъ папы и съ вѣрою въ помощь неба, отнимаютъ у сарациновъ Сицилію;—изъ сѣверной Италіи соединенный флотъ Генуи и Пизы, съ благословенія папы и подъ знаменемъ св. Петра, идетъ къ варварійскимъ берегамъ, беретъ и разрушаетъ города и налагаетъ на эмира дань; изъ Франціи неоднократно отправляются цѣлыя ополченія на помощь христіанамъ въ Испаніи. Наконецъ, на Балканскомъ полуостровѣ норманны то нападаютъ на восточную имперію съ благословенія папы, то защищаютъ ее вмѣстѣ съ другими выходцами съ Запада противъ сельджуковъ, поступая тысячами въ войска Комнена. О настоящемъ религіозномъ пылѣ тутъ, конечно, мало рѣчи, но все же новые пришельцы постоянно пробуютъ свою силу на магометанахъ. Такъ постепенно Западъ привыкаетъ къ мысли о борьбѣ съ сарацинами для помощи грекамъ. Самъ Алексѣй проситъ о ней Роберта фландрскаго и даже Урбана II. Это послужило рѣшающимъ толчкомъ. Здѣсь соединились іерархическое единство и мистическое воодушевленіе, страсть къ приключеніямъ и страсть къ войнѣ. Весь Западъ проникся стремленіемъ идти общимъ походомъ на общаго врага.

Клермонскій соборъ. Одержавъ верхъ надъ Генрихомъ IV, Урбанъ II собралъ весною 1095 г. большой соборъ въ Пьяченцѣ, на которомъ былъ осужденъ императоръ, а также король французскій за похищеніе чужой жены, и были выслушаны послы императора Алексѣя, призывавшіе западныхъ христіанъ на помощь противъ сельджуковъ. Урбанъ тотчасъ обратился къ вѣрнымъ съ призывомъ, и многіе уже тогда обѣщали ему идти въ Византію на борьбу съ врагами креста. Затѣмъ папа отправился во Францію, гдѣ сторонники

церкви были всего многочисленнѣе и ревностнѣе. Къ 18 ноября по приглашенію папы собрались отовсюду массы духовныхъ и мірянъ на соборъ въ Клермонъ. Въ день открытія на немъ насчитали 14 архіепископовъ, 250 епископовъ и 400 аббатовъ, а мелкихъ духовныхъ и мірянъ собралось безчисленное множество. Разрѣшивъ церковныя дѣла и отлучивъ короля Филиппа за непокорность отъ церкви, папа созвалъ 20 ноября всѣхъ присутствовавшихъ на торжественное засѣданіе. Стеченіе народа было такъ велико, что не могло умѣститься ни въ одномъ зданіи, и потому собраніе происходило внѣ города, на широкой равнинѣ. Тамъ папа, окруженный епископами и князьями, духовными и рыцарями, обратился къ народамъ Запада съ призывомъ къ походу для освобожденія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ. Еще папа не кончилъ своей рѣчи, какъ слушатели начали шумно выражать свой восторгъ. Мысль эта давно жила въ нихъ, только никто не сознавалъ ея и врядъ ли кто ее предполагалъ; разъ она была высказана, она овладѣла ихъ сердцами, возбуждая въ нихъ и скорбь, и гнѣвъ, и безмѣрный восторгъ. Когда рѣчь кончилась, раздались возгласы: „Такъ Богу угодно", и толпы духовныхъ и мірянъ кинулись къ Урбану съ изъявленіемъ своей готовности къ походу. Однимъ изъ первыхъ приблизился къ папѣ Адемаръ Монтейль, епископъ Пюи, и, преклонивъ колѣна, просилъ благословенія на походъ. Урбанъ съ радостью исполнилъ его просьбу и тотчасъ назначилъ его своимъ легатомъ, т. е. руководителемъ будущаго войска. Адемаръ былъ человѣкомъ ученымъ и свѣтскимъ; онъ славился своимъ благочестіемъ и въ то же время умѣньемъ охранять права своего сана и внушать уваженіе сильнѣйшимъ вельможамъ. На другой день пришли вѣстники отъ Раймунда, графа тулузскаго, съ извѣщеніемъ, что и онъ приметъ участіе въ походѣ и надѣется привести значительныя силы. Могущество и примѣръ Раймунда должны были сильно помогать осуществленію похода. Число крестоносцевъ росло со дня на день, и скоро выяснилось, что нельзя и думать о немедленномъ выступленіи. Чтобы облегчить сборы, папа провозгласилъ Божій миръ, поставилъ подъ охрану церкви имущество паломниковъ и приказалъ всѣмъ епископамъ Запада проповѣдывать походъ въ своихъ епархіяхъ. Адемаръ съ своей стороны сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ участниковъ назначилъ Константинополь, а временемъ выступленія день Успенія.

Н. Шамонинъ.



XXXV.

Вожди перваго крестоваго похода.

Воодушевленіе, овладѣвшее вслѣдъ за рѣчью папы присутствовавшими на Клермонскомъ соборѣ, въ короткое время передалось тѣмъ странамъ и народамъ, до которыхъ доходила вѣсть о немъ. Особенно всколыхалась, какъ и слѣдовало ожидать, Франція, откуда толчокъ передался съ одной стороны въ Италію и Испанію, съ другой въ Англію и Скандинавію. Слабѣе отозвался онъ въ Германіи, хотя и тутъ дѣло не обошлось безъ отголосковъ. Поднялись знатные и простые, всѣ дороги покрылись вооружающимися и выступающими, всѣ дѣла остановились, всѣ другіе интересы отошли на задній планъ. Западъ, тревожимый избыткомъ силъ, увидѣлъ открытымъ предъ собой счастливый выходъ: въ борьбѣ между духомъ и матеріей люди нашли наконецъ цѣль совершенно идеальную, но достижимую только земнымъ оружіемъ. Произошло въ огромныхъ размѣрахъ то, чего и слѣдовало ожидать: аскетическое направленіе овладѣло цѣликомъ идеей папы, какъ только она выразилась въ словахъ и на дѣлѣ.

Положеніе сельскаго населенія во Франціи было тогда очень печально: всюду нарушался гражданскій порядокъ, и отдѣльное лицо было беззащитно противъ притѣсненій землевладѣльцевъ. Въ Германіи долголѣтняя борьба государства и церкви тоже воскресила величайшую грубость. Полное безначаліе царило въ Италіи; тотъ же результатъ вызвалъ въ Англіи жестокій деспотизмъ, особенно тяготѣвшій надъ народомъ. Повсюду открытіе Востока подавало **Народное движеніе.**

Пособія: *Sybel*, Geschichte des ersten Kreuzzugs.

надежду на освобожденіе изъ тяжелаго положенія. Современникъ такъ описываетъ народное движеніе во Франціи: „Графы еще думали о своихъ приготовленіяхъ, рыцари едва начинали о нихъ помышлять, какъ народъ уже кинулся въ движеніе съ неудержимымъ пыломъ. Никто изъ бѣдняковъ не думалъ о недостаточности своихъ средствъ и о трудностяхъ такого пути. Каждый покидалъ свой домъ, виноградникъ, свое наслѣдіе, продавалъ ихъ за дешевую цѣну и съ радостью шелъ въ походъ. Франція страдала тогда отъ голода; неурожаи, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, подняли цѣны на хлѣбъ до необычайной высоты. Жадные купцы, по своему обыкновенію, пользовались общимъ бѣдствіемъ. Хлѣба было мало и онъ былъ дорогъ. Бѣдные замѣняли его кореньями и дикими травами. Какъ вдругъ раздался повсюду въ одно время призывъ къ крестовому походу, и этотъ призывъ разбилъ замки и цѣпи, запиравшіе житницы. Припасы, продававшіеся очень дорого, когда никто не двигался, страшно упали въ цѣнѣ, когда всѣ поднялись и стали готовиться къ походу. Вмѣсто исчезнувшаго голода явилось изобиліе. Такъ какъ каждый спѣшилъ въ богоугодный походъ, то всѣ торопились обратить въ деньги все ненужное для пути. Предметы, нужные для похода, поднялись въ цѣнѣ, остальные шли за ничто. Сначала эти продажи вызывали со стороны сосѣдей безконечныя насмѣшки, но скоро сами они увлеклись примѣромъ другихъ. Еще наканунѣ они говорили путникамъ: „Несчастные вы люди: если вы не погибнете отъ бѣдствій, ожидающихъ васъ въ пути, у васъ не окажется ничего по возвращеніи". А на другой день они сами продавали свое имущество и становились спутниками тѣхъ, кого передъ тѣмъ осыпали насмѣшками. Трудно описать толпы дѣтей, юношей, стариковъ обоего пола, отправлявшихся такимъ образомъ на священную войну. Они, конечно, не имѣли ни намѣренія, ни силъ участвовать въ битвахъ; они обѣщали себѣ только мученичество подъ оружіемъ или въ темницахъ невѣрныхъ. Они говорили воинамъ: „Вы храбры и сильны, вы и будете сражаться; мы раздѣлимъ съ Христомъ его страданія и завоюемъ себѣ небо". Чрезвычайно трогательное зрѣлище представляли эти бѣдные крестоносцы: они подковывали быковъ, какъ лошадей, запрягали ихъ въ двуколесныя телѣжки и помѣщали на нихъ свои скудные пожитки и маленькихъ дѣтей. На пути, при видѣ каждаго замка, каждаго города, дѣти протягивали руки и спрашивали: „Не это ли тотъ Іерусалимъ, къ которому они направляются"? Во главѣ этихъ массъ стояли вдохновенные проповѣдники, съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ призы-

вавшіе ихъ къ борьбѣ за Спасителя. Изъ нихъ особенно прославился Петръ Амьенскій, такъ описываемый тѣмъ же современникомъ: „Я видѣлъ, какъ онъ проходилъ чрезъ города и селенія, окруженный толпою, осыпаемый подарками, прославляемый всѣми за святого, такъ что я думаю, никогда ни одинъ смертный не былъ предметомъ такого восторга. Всѣ приносимыя ему деньги онъ отдавалъ бѣднымъ или употреблялъ на избавленіе отъ безпорядочной жизни несчастныхъ женщинъ, доведенныхъ бѣдностью до такой крайности. Всѣ признавали его власть. Никто лучше его не умѣлъ улаживать несогласія и мирить самыхъ жестокихъ враговъ. Что-то божественное чувствовалось въ его малѣйшихъ движеніяхъ, во всѣхъ его словахъ. Доходило до того, что народъ вырывалъ, какъ святыню, волоски у мула, на которомъ онъ ѣхалъ. Я не оправдываю такого чрезмѣрнаго восторга, но онъ показываетъ, какое впечатлѣніе производилъ Петръ на народъ". **Петръ Амьенскій.**

Взволнованныя такими проповѣдниками, массы народа вовсе не думали подчиняться опостылѣвшимъ мірскимъ властямъ, да и считали такое подчиненіе совсѣмъ безполезнымъ: онѣ были убѣждены, что самъ Богъ будетъ ихъ вождемъ и защитникомъ, что онъ будетъ заботиться о нихъ и предастъ въ ихъ руки имѣніе безбожныхъ и невѣрныхъ. Къ папѣ эти массы чувствовали, если не сознательную ненависть, то, по крайней мѣрѣ, полное равнодушіе. На это указываетъ любопытный взглядъ на происхожденіе крестоваго похода, сложившійся несомнѣнно среди нихъ и отмѣченный стремленіемъ приписать главную долю папскаго участія идеальному аскету. Взглядъ этотъ приписываетъ починъ похода Петру Амьенскому, которому во снѣ явился Спаситель и велѣлъ призывать вѣрныхъ къ освобожденію св. Гроба. Папа смиренно и радостно услышалъ слова призыва и благословилъ Петра на проповѣдь. И тогда поднялись всѣ страны и всѣ князья и рыцари во всей Франціи на освобожденіе св. Гроба. Движеніе представлено тутъ дѣломъ воли Божіей, дѣйствовавшей чрезъ слабаго отшельника; папа занимаетъ всего третье мѣсто, да и тутъ его роль неважная. Сказаніе это сложилось позднѣе: изъ современниковъ никто не знаетъ Петра, какъ вѣстника Божія, предтечу папы, возбудителя всего Запада. Сѣверъ Франціи знаетъ его за одного изъ народныхъ проповѣдниковъ, англичанамъ и итальянцамъ онъ неизвѣстенъ, у нѣмцевъ его представляютъ вождемъ первыхъ полчищъ. Дальнѣйшая роль его въ походѣ самая незначительная. О смерти его говорится всего нѣсколько словъ. Какъ могъ бы ограничиться ими соотечествен-

никъ и современникъ, если бы приведенное сказанiе было хоть на чемъ-нибудь основано? Важно оно совсѣмъ въ другомъ отношенiи: оно указываетъ еще разъ на силу аскетическаго настроенiя. Настроенiе цѣлаго вѣка стремится здѣсь овладѣть всѣмъ крестовымъ походомъ, ставя во главѣ его, вмѣсто папы, простого отшельника. Извѣстно, насколько это ему удалось. Петръ Пустынникъ прiобрѣлъ всемiрную славу. Цѣлые вѣка никто не сомнѣвался, что именно онъ толкнулъ Западъ въ крестовые походы. И все это основано на пѣсняхъ, лишенныхъ всякаго фактическаго основанiя и выдающихъ за факты поэтическiя сказанiя. Для всѣхъ современниковъ Петръ просто темный фанатикъ, только послѣ призыва папы собравшiй свое ополченiе изъ крестьянъ. Нельзя искать мотивовъ движенiя главнымъ образомъ на Востокѣ и связывать подвиги крестоносцевъ съ прежними паломничествами чрезъ этого паломника-монаха. Движенiе было скорѣе результатомъ великаго внутренняго развитiя, нашедшаго для себя высшее выраженiе въ папствѣ и потому только папа, разъ онъ созналъ свое положенiе, могъ придать этому стремленiю плоть и кровь. Одному папѣ принадлежитъ та слава, большую часть которой до нашихъ дней оспаривалъ у него Амьенскiй пустынникъ. Папа выступилъ въ Клермонѣ въ то время, когда у всѣхъ было безсознательное стремленiе на Востокъ, но никто не умѣлъ ясно его выразить. Папа выразилъ то, что у всѣхъ было на сердцѣ, и тогда поднялись князья и рыцари, знатные и простые, а среди послѣднихъ и Петръ Пустынникъ.

При тогдашнемъ настроенiи не трудно было взволновать массы призывомъ къ походу на Востокъ, но трудно было удержать въ границахъ толпы людей, отказавшихся отъ всѣхъ гражданскихъ связей и считавшихъ себя въ простотѣ души избраннымъ войскомъ Божiимъ. Въ сознанiи своей привилегированности первые крестоносцы считали себя въ правѣ брать все, что имъ нужно, у жителей тѣхъ областей, черезъ которыя они проходили, и безпощадно карать маловѣрныхъ за всякое оказываемое ими при этомъ сопротивленiе. Отсюда рядъ стычекъ съ туземцами, тѣмъ болѣе ожесточенныхъ, чѣмъ безпорядочнѣе были толпы крестоносцевъ и чѣмъ менѣе туземцы раздѣляли ихъ настроенiе. Въ Венгрiи и Болгарiи дѣло дошло до настоящихъ битвъ. Вожди полчищъ, увлекшiе за собою массы, сохраняли влiянiе только до тѣхъ поръ, пока ихъ наставленiя отвѣчали желанiямъ увлеченныхъ, а потомъ ихъ совсѣмъ переставали слушать, тѣмъ болѣе, что въ этихъ массахъ, наряду съ людьми искренно вѣрующими, должно было попадаться

не мало и такихъ, для которыхъ походъ представлялся удобнымъ случаемъ къ удовлетворенію низкихъ страстей. Самъ Петръ утратилъ вліяніе на свое ополченіе и по переправѣ въ Азію, видя безплодность своихъ пастояній, покинулъ его на произволъ судьбы, оказавшейся, какъ извѣстно, очень плачевною.

Рыцарское ополченіе.

Между тѣмъ на Западѣ начались настоящія приготовленія къ походу подъ вліяніемъ папства и рыцарства. Собирались войска; знать, особенно во Франціи, съ вассалами и слугами находилась въ полномъ движеніи. Первые отряды двинулись въ походъ уже въ мартѣ 1096 года, за ними выступали безъ перерыва слѣдующіе. Движеніе продолжалось все лѣто и осень. Большинство направлялось чрезъ Альпы въ Апулію, чтобы оттуда переправиться въ Грецію. Возбужденіе было страшное, города были наполнены вооруженными отрядами, по дорогамъ шло непрерывное движеніе; прохожему приходилось отъ одного лагеря переходить къ другому. Воины были свѣжи и воодушевлены, настоящіе труды и опасности были еще далеко. Оставшіеся смотрѣли съ удивленіемъ, какъ тысячи совершенно чужихъ людей, сегодня отрядъ съ сѣвера, завтра другой съ юга, съ одинаковымъ восторгомъ двигались къ одной цѣли. Большинство снаряжалось такъ, какъ будто не разсчитывало на возвращеніе; они везли съ собою все свое имѣніе, оружіе, утварь, деньги, и вели всѣхъ людей. Ихъ палатки блистали золотомъ, въ обозѣ везли рыболовныя сѣти и охотничьихъ соколовъ, религіозныя стремленія не убили въ нихъ любви ко всякой роскоши. Скоро за ними отправились люди, разсчитывавшіе извлечь выгоду изъ этой страсти, пѣвцы, шуты, музыканты, большими толпами обоего пола; среди нихъ тоже раздавался духовный кликъ: „Такъ Богу угодно!“ Всюду, куда приходили отряды, сбѣгался народъ: иному зрителю ихъ прохожденіе могло представляться сновидѣніемъ.

Его вожди.

Въ этомъ рыцарскомъ ополченіи можно различить три главныя группы: лотарингскую, провансальскую и норманскую. Каждая изъ нихъ выставила своего типичнаго вождя, создала особое представленіе о своей роли въ великомъ движеніи. Однимъ изъ первыхъ выступилъ въ походъ Готфридъ Бульонскій, герцогъ Нижней Лотарингіи. Родъ свой онъ велъ отъ Карла В., получилъ рыцарское воспитаніе и подъ вліяніемъ матери проникся церковнымъ благочестіемъ. Когда, спустя много лѣтъ, онъ помогъ своими подвигами успѣху похода и когда, по счастливой случайности и по волѣ своихъ товарищей, онъ сталъ защитникомъ св. Гроба и привлекъ къ себѣ вниманіе всего Запада, тогда и начало его дѣя-

и согласіе между князьями, наконецъ, представлялъ постоянно духовный характеръ и духовное единство похода. Особенно важно было то, что онъ умеръ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда наружу выступили мірскіе интересы и раздоръ князей. Боэмундъ осуществилъ широкіе планы съ чрезвычайною послѣдовательностью, смѣлостью и ловкостью; онъ велъ скрытую игру до тѣхъ поръ, пока результаты ея не выяснились несомнѣнно у всѣхъ на глазахъ. Раймундъ тоже желалъ основать въ Азіи самостоятельное владѣніе, но ему недоставало искусства Боэмунда. Еще до осады онъ пытался неудачно захватить врасплохъ Антіохію; затѣмъ онъ успѣлъ завладѣть въ ней двумя укрѣпленіями и хотѣлъ завладѣть кремлемъ, но безъ успѣха: комендантъ настоялъ на сдачѣ его Боэмунду. Когда игра послѣдняго раскрылась, Раймундъ страшно былъ раздраженъ успѣхомъ соперника и рѣшительно отказался сдать ему свои укрѣпленія, ссылаясь на присягу императору. Съ этихъ поръ, подъ вліяніемъ зависти и огорченія, онъ сталъ упорнымъ противникомъ плановъ Боэмунда. У личной вражды была и болѣе широкая подкладка. Уже давно начались столкновенія у провансальцевъ съ норманнами, со временемъ все болѣе ожесточенныя. Современникъ такъ характеризуетъ противниковъ: у норманновъ гордый взглядъ и живой умъ, они скоро хватаются за мечъ, а въ прочемъ расточительны и не умѣютъ наживать; провансальцы, напротивъ живутъ скупо, жадны къ наживѣ, трудолюбивы, но не такъ воинственны, голодъ только поощряетъ ихъ рвеніе и они проводятъ весь свѣтъ мелкими хитростями. Столкновенія между ними начались еще во время осады на фуражировкахъ: отдѣльныя партіи грабили другъ друга, и изъ этого развилась настоящая вражда. Новый матеріалъ для ссоръ доставила затѣмъ находка св. копья: едва прошла опасность, какъ сѣверные французы и норманны заговорили объ обманѣ, даже и подстроенномъ-то неловко. Особенно отличился Боэмундъ, рядомъ съ насмѣшками выставлявшій доводы историческіе и догматическіе. Противъ него съ жаромъ выступилъ Раймундъ. За князьями послѣдовали племена, и вопросъ о владѣніи Антіохіей пріобрѣлъ одинаковую важность какъ личную, такъ и національную. На совѣтѣ, созванномъ для рѣшенія его, Боэмундъ доказывалъ необязательность присяги императору и настаивалъ на безусловномъ исполненіи своего договора съ князьями; Раймундъ стоялъ на утвержденіи, что присяга на крестѣ и Евангеліи должна навсегда сохранять свою силу. Большинство склонялось скорѣе на сторону Боэмунда, но не хотѣло открытымъ приговоромъ оскор-

два епископа со множествомъ духовныхъ. На знамени графа было изображеніе св. Дѣвы. Изъ Франціи движеніе перешло въ Италію, и здѣсь на него оказали рѣшительное вліяніе норманны. Старшій сынъ Гвискарда, Боэмундъ, уже прославившійся въ войнѣ съ греками, по смерти отца долженъ былъ довольствоваться маленькимъ княжествомъ Отранто. Онъ былъ слишкомъ честолюбивъ, чтобы не искать большаго и потому, когда Урбанъ провозгласилъ крестовый походъ, рѣшился воспользоваться этимъ движеніемъ и за потери въ Италіи искать возмѣщенія на Востокѣ, котораго онъ, навѣрное, никогда не терялъ изъ виду. Правда, средствъ у него было немного и на нихъ нельзя было собрать большого войска, но онъ отлично умѣлъ пользоваться обстоятельствами для увеличенія его численности. На берегу Италіи скопилось въ это время много мелкихъ отрядовъ, ожидавшихъ переправы въ Грецію; многіе изъ нихъ Боэмунду удалось склонить къ вступленію въ его войско. Затѣмъ онъ привлекъ на свою сторону своего родственника Танкреда, одного изъ знаменитѣйшихъ рыцарей перваго похода, до тѣхъ поръ не выказывавшаго еще никакой склонности къ роли военачальника. Въ третьихъ, наконецъ, войско Боэмунда было подкрѣплено массою рыцарей, которые какъ разъ въ 1096 г. подъ начальствомъ норманнскихъ вождей осаждали мятежный Амальфи, увлеклись общимъ движеніемъ и по приглашенію Боэмунда приняли крестъ. Такъ оказался онъ во главѣ сильнаго войска, при помощи котораго разсчитывалъ завоевать себѣ приличное княжество на Востокѣ. Для этого онъ былъ какъ-бы созданъ: у него былъ свободный взглядъ на вещи и умѣнье пользоваться обстоятельствами; онъ сознавалъ свои способности и умѣлъ ими распоряжаться; онъ отличался чрезвычайной ловкостью и неукротимой энергіей, всегда ясно представлялъ себѣ свою цѣль и въ видахъ ея подстраивалъ всѣ мелочи. Огромныя физическія силы благопріятствовали его дѣятельности. Уже современники не признавали въ немъ особеннаго религіознаго энтузіазма; большинство думало, что его оружіе направлено не на Іерусалимъ, а на Византію.

Организація.

Какъ эти, такъ и прочіе князья дѣйствовали самостоятельно. Огромное движеніе, охватившее тогда весь Западъ, именно и замѣчательно по отсутствію верховнаго внѣшняго руководства. Первое мѣсто среди крестоносцевъ занималъ, положимъ номинально, папскій легатъ, но вѣдь не могъ же онъ руководить на дѣлѣ военными дѣйствіями. Каждый баронъ считалъ себя вполнѣ равнымъ князьямъ и присоединялся къ ихъ отрядамъ, только пока это было

ему угодно. Такъ-же свободно мѣняли службу и простые рыцари и солдаты. По прибытіи въ непріятельскую страну, подчиненіе естественно становилось болѣе прочнымъ, но и здѣсь, особенно въ концѣ похода, часто выступаетъ духъ начальной независимости. При такомъ устройствѣ, что сталось бы съ этимъ войскомъ, если бы все оно не было одушевлено одною мыслью, если-бы для всѣхъ образъ св. Гроба не былъ главнымъ руководителемъ и постояннымъ напоминаніемъ о порядкѣ и подчиненіи? Только послѣ распаденія внѣшнихъ связей религіозное единство достигло наивысшаго своего выраженія.

Планы Комнена. По уговору, всѣ войска крестоносцевъ должны были сойтись въ Константинополѣ. Ко времени ихъ прибытія положеніе Византіи было уже далеко не такимъ, какъ за нѣсколько лѣтъ, когда Алексѣй Комненъ такъ настойчиво просилъ у Запада помощи. Двойное нашествіе печенѣговъ и турокъ было отражено при помощи половцевъ; съ такимъ же успѣхомъ была подавлена и внутренняя смута. Никогда еще Алексѣй не былъ такъ силенъ, какъ въ 1096 и слѣдующихъ годахъ. Крестоносцы съ удивленіемъ увидѣли, что Византію нечего спасать отъ язычниковъ, что съ нею надо считаться, а войско ея нельзя обратить во вспомогательный отрядъ; въ рядахъ этого войска они съ удивленіемъ замѣтили тѣхъ самыхъ мусульманъ, которые притѣсняли христіанъ и отъ которыхъ они собирались освобождать св. Гробъ. Съ своей стороны, императоръ Алексѣй тоже былъ непріятно разочарованъ. Много раньше, въ опасныя минуты онъ просилъ помощи у Запада, разсчитывая на присылку отдѣльныхъ отрядовъ, которые войдутъ въ составъ его арміи. Тогда Западъ не прислалъ никого, а теперь, когда нѣтъ особенной нужды въ его помощи, къ столицѣ приближается громадное войско. Императоръ рѣшился заставить франковъ принести ему ленную присягу за тѣ земли, которыя они отнимутъ у турокъ и которыя принадлежали нѣкогда Византіи: крестоносцы могли распоряжаться ими только съ согласія императора и должны были вообще разсматривать ихъ, какъ области греческой имперіи. На пути къ этой цѣли онъ заранѣе долженъ былъ ожидать непріятныхъ переговоровъ, упорнаго сопротивленія и даже прямо враждебныхъ дѣйствій со стороны грубыхъ и могучихъ пришельцевъ; потому онъ заранѣе принялъ соотвѣтствующія мѣры, насколько то дозволяли силы имперіи: войско и флотъ были приведены въ порядокъ, казна находилась въ сносномъ положеніи, въ провинціяхъ все было подготовлено. Всего опаснѣе было допустить крестонос-

цевъ до соединенія ихъ громадныхъ силъ, а во избѣжаніе этого нужно было прекратить сношенія между отдѣльными отрядами и затѣмъ договариваться съ каждымъ вождемъ отдѣльно.

Готфридъ со своимъ войскомъ мирно дошелъ до Филиппополя; здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что Гуго Вермандуа захваченъ императоромъ и вынужденъ принести ему ленную присягу. Это возмутило Готфрида, и онъ допустилъ войско до грабежа. Подъ Константинополемъ посолъ императора пригласилъ герцога на личное свиданіе въ столицѣ; Готфридъ отъ свиданія отказался, но обѣщалъ принести присягу. Затѣмъ императоръ предложилъ войску расположиться въ Перѣ, чтобы изолировать его и предупредить безпорядки. Готфридъ на это согласился, но отклонилъ снова всякіе переговоры и откладывалъ рѣшеніе со дня на день; онъ желалъ дождаться прочихъ князей и избѣгнуть, вопреки обѣщанію, присяги. Императоръ все сильнѣе настаивалъ на рѣшеніи, герцогъ сухо уклонялся, увѣряя, что онъ не настолько еще довѣряетъ императору, чтобы рѣшиться на личное свиданіе. Тогда Алексѣй окружилъ стоянки франковъ турецкими и славянскими войсками' строго приказавъ имъ мѣшать всякому сообщенію Готфрида съ другими князьями, особенно съ Боэмундомъ. Между тѣмъ, отовсюду приходили извѣстія о приближеніи прочихъ отрядовъ, и опасность становилась все болѣе грозной. Императоръ медлилъ до послѣдней крайности, наконецъ, когда войско Боэмунда приблизилось къ столицѣ на нѣсколько дней пути, онъ рѣшился на насильственныя мѣры. При этомъ онъ имѣлъ въ виду запереть лотарингцевъ въ Перѣ и постоянными нападеніями принудить ихъ къ покорности, но они выбрались изъ западни и направились къ стѣнамъ столицы, чѣмъ сильно смутили ея населеніе, а затѣмъ, грабя и опустошая, разсѣялись по ея окрестностямъ. Положеніе становилось критическимъ: Боэмундъ, оставивъ войско позади, уже спѣшилъ въ столицу на свиданіе съ императоромъ; къ счастью Алексѣя, ему удалось такъ изолировать князей, что они и не подозрѣвали взаимнаго положенія. Пока не удалось одолѣть упорства герцога и храбрости лотарингцевъ; чего же нужно было ожидать отъ соединенія его съ хитрецомъ Боэмундомъ и враждебно относившимися къ грекамъ норманнами? Оставалось во что бы то ни стало покончить съ Готфридомъ до прибытія Боэмунда. Алексѣй еще разъ попытался вступить въ переговоры чрезъ посредство Гуго Вермандуа, но Готфридъ принялъ его очень грубо: „Ты, сынъ короля, сдѣлался рабомъ и теперь хочешь и меня сдѣлать имъ?“

Онъ отказался присягнуть и до прибытія прочихъ вождей переправить свое войско въ Азію. Тогда Алексѣй напалъ на франковъ со всѣмъ войскомъ, нанесъ имъ большой уронъ и принудилъ герцога принести ленную присягу, а затѣмъ, со свойственнымъ ему умѣньемъ, одарилъ и обласкалъ Готфрида, такъ что онъ съ этихъ поръ выказывалъ большую преданность императору и помогалъ ему своимъ вліяніемъ на прочихъ князей.

Вопреки всѣмъ ожиданіямъ, поладить съ Боэмундомъ удалось легко. Для основанія царства на Востокѣ онъ самъ нуждался въ помощи Алексѣя, а потому, когда императоръ потребовалъ отъ него присяги, онъ сначала представилъ нѣсколько возраженій, но потомъ принесъ ее безъ колебанія и ограниченій. Алексѣй былъ очень этимъ обрадованъ и одарилъ его такъ богато, что онъ воскликнулъ: „Будь у меня такія сокровища, я подчинилъ бы себѣ весь свѣтъ". Тутъ онъ попросилъ императора дать ему званіе главнокомандующаго на Востокѣ. Исполненіе этого желанія измѣнило бы характеръ похода: вмѣсто папы и его легата руководителемъ сталъ бы номинально Алексѣй, а на дѣлѣ честолюбивый князь Тарента. Понятно, императоръ, хоть и въ любезной формѣ, но отклонилъ просьбу. Не такъ легко было поладить съ Раймундомъ, человѣкомъ горячимъ, упрямымъ, глубоко проникнутымъ сознаніемъ религіознаго значенія похода, но въ то же время очень дорожившимъ и мірскими выгодами. Это—прямой контрастъ съ Боэмундомъ, который, имѣя всегда въ виду цѣлое, уступаетъ въ мелочахъ и пользуется всѣмъ, что только ведетъ къ цѣли. Напротивъ, Раймундъ въ одно и то же время и нерѣшителенъ, и упрямъ, ничѣмъ не хочетъ жертвовать, ни въ чемъ уступать и потому на каждомъ шагу самъ ослабляетъ свои успѣхи. Требованіе Алексѣя оскорбило его и съ религіозной стороны — неужели боецъ Господа долженъ брать на себя земное иго? — и со стороны мірского расчета: неужели онъ долженъ заранѣе отказываться отъ плодовъ побѣды? Боэмундъ, не привыкшій стѣсняться, легко вышелъ изъ затрудненія: установивъ возможность прибыли, онъ заботу объ исполненіи клятвы предоставлялъ затѣмъ грекамъ. Раймундъ, у котораго совѣстливость была еще сильнѣе корыстолюбія, остался при разъ выраженномъ безусловномъ отказѣ. Тогда греки напали на неожидавшихъ ничего подобнаго провансальцевъ и нанесли имъ значительный уронъ. Насиліе только усилило гнѣвъ Раймунда, который открыто обвинялъ императора въ измѣнѣ и думалъ только объ отомщеніи за такое вѣроломство. Тутъ вмѣшался Боэмундъ: споръ

этотъ былъ ему противенъ, да и опасенъ для его цѣлей. Онъ объявилъ, что считаетъ императора правымъ и будетъ защищать его противъ всякаго нападенія. Такое вмѣшательство разсердило Раймунда: онъ прервалъ споръ, посовѣтовался со свитой и затѣмъ объявилъ, что согласенъ дать обѣщаніе не предпринимать ничего противъ жизни и чести императора. Алексѣй, которому вмѣшательство Боэмунда внушило нѣкоторыя подозрѣнія, объявилъ себя удовлетвореннымъ. Гнѣвъ Раймунда и подозрѣнія Алексѣя скоро привели того и другого къ союзу противъ ненавистнаго норманна.

Присягнувшимъ князьямъ Алексѣй съ своей стороны обѣщалъ въ скоромъ времени привести лично на помощь войско; уже тогда онъ долженъ былъ понять, что, безъ всякихъ съ его стороны усилій, ему не получить своей доли добычи. Настоящаго соглашенія онъ съ самаго начала не могъ имѣть въ виду, зато онъ добился отъ крестоносцевъ формальнаго признанія своего верховенства и такимъ образомъ обосновалъ на будущее время самыя широкія притязанія.

Споръ изъ-за Антіохіи.

На походѣ чрезъ Малую Азію и при осадѣ Антіохіи Боэмундъ, какъ самый опытный изъ вождей, оказалъ крестоносному ополченію массу услугъ: онъ заботился о снабженіи его припасами, руководилъ военными дѣйствіями, напр., осадой Никеи, сраженіемъ при Дорилеѣ; однимъ словомъ, ему больше кого другого крестоносцы обязаны были своими успѣхами. Но услуги эти онъ оказывалъ не безкорыстно. Съ самаго начала Боэмундъ задался мыслью при помощи крестоносцевъ создать себѣ самостоятельное владѣніе на Востокѣ и, пока его и ихъ интересы совпадали, онъ работалъ энергично и успѣшно. Подъ Антіохіей пришелъ часъ расплаты. Антіохія должна была стать владѣніемъ Боэмунда, и все его искусство направлено было къ тому, чтобы устранить препятствія къ достиженію этой цѣли, а ихъ было не мало. Нужно было добиться согласія князей на то, чтобы городъ, завоеванный ихъ общими трудами, достался одному Боэмунду; нужно было устранить сопротивленіе греческаго посла, требовавшаго передачи города императору; наконецъ, нужно было еще взять самый городъ. И вотъ, когда осада затянулась, а съ Востока появились извѣстія о приготовленіяхъ турокъ къ новому походу на выручку Антіохіи, когда положеніе крестоносцевъ стало критическимъ, Боэмундъ объявилъ, что онъ человѣкъ небогатый, не можетъ больше тратить времени и силъ на осаду и покинетъ ее, если ему не будетъ обезпечено солидное вознагражденіе. Предъявляя свое требованіе, Боэмундъ

зналъ, что его содѣйствіе для успѣха крестоносцевъ необходимо и что они вынуждены будутъ обѣщать за него все, чего онъ ни потребуетъ. И дѣйствительно, князья принуждены были принять его требованіе и обѣщать ему ключъ къ Сиріи, Антіохію. Одинъ графъ Раймундъ, вѣрный своему упрямству и греческимъ симпатіямъ, отказалъ въ согласіи, но это не имѣло особаго значенія. Затѣмъ Боэмундъ вступилъ въ дружескіе переговоры съ греческимъ посломъ и подъ большимъ секретомъ сообщилъ ему, что князья очень раздражены противъ него, такъ какъ приписываютъ интригамъ грековъ новый походъ турокъ. Опасаясь за жизнь свою, бѣдный посолъ покинулъ лагерь франковъ и оставилъ поле дѣйствія за Боэмундомъ. Тутъ энергія послѣдняго еще болѣе растетъ. Благодаря его содѣйствію, крестоносцамъ удалось отразить новое войско турокъ и окончательно запереть всѣ выходы изъ крѣпости. Счастье снова улыбнулось Боэмунду: считая его, какъ и всѣ непріятели, главою ополченія, къ нему обратился одинъ изъ офицеровъ гарнизона съ предложеніемъ сдать часть городской стѣны, и скоро условіе было заключено. Тогда Боэмундъ снова обратился къ князьямъ и заявилъ, что у него есть возможность легко завладѣть городомъ, но что онъ воспользуется ею только въ томъ случаѣ, если ему предоставятъ владѣніе имъ. Князья снова усомнились въ своемъ правѣ распоряжаться Антіохіей въ виду присяги императору и отвергли требованіе Боэмунда, который пересталъ руководить военными дѣйствіями: осада остановилась, а извѣстія съ Востока становились все болѣе грозными. Крестоносцы пришли въ уныніе, князья собрались снова и постановили единогласно отдать Боэмунду Антіохію, если онъ поможетъ имъ завладѣть ею и спасетъ ихъ такимъ образомъ отъ погибели.

Затягивая изъ своихъ видовъ осаду, Боэмундъ, несомнѣнно, страшно рисковалъ своимъ счастіемъ и своими соратниками. Его не безпокоили тѣ потери, отъ которыхъ онъ могъ избавить ополченіе, если бы занялъ городъ при первой возможности; не обращая вниманія на неизбѣжную гибель въ случаѣ неудачи, онъ бездѣйствовалъ до послѣдней минуты; онъ хотѣлъ добиться разъ намѣченной награды во что бы то ни стало, хотя бы изъ-за этого должны были погибнуть и онъ, и всѣ его соратники. Много разъ онъ показывалъ, что онъ одинъ умѣетъ оживить силу войска; безъ сомнѣнія, поэтому у него была возможность останавливать всѣ дѣйствія по своему желанію. Если осада затянулась до того времени, какъ онъ добился согласія князей, то зависѣло это отъ его жела-

нія. Благодаря этому промедленію, городъ былъ взятъ всего за три дня до прибытія полчищъ Кербоги, потерявшаго понапрасну цѣлыхъ три недѣли подъ стѣнами Эдессы.

Въ то время, какъ крестоносцы сами были осаждены въ Антіохіи Кербогою, Боэмундъ снова сдѣлалъ много для ихъ спасенія. Вмѣстѣ съ Адемаромъ онъ остановилъ начавшееся въ моментъ паники безпорядочное бѣгство изъ города, которое должно было предать всѣхъ въ руки турокъ; въ виду общаго безпорядка, ему же совѣтъ князей предоставилъ на двѣ недѣли главное начальство съ неограниченными полномочіями для возстановленія дисциплины. Замѣчателенъ этотъ выборъ самаго способнаго, но и наименѣе религіознаго изъ вождей въ то именно время, какъ, подъ вліяніемъ страшныхъ бѣдствій осады, мистическое настроеніе достигло въ войскѣ необычайной силы и выразилось въ рядѣ разныхъ видѣній. Опасность и нужда были слишкомъ сильны: приходилось обращать вниманіе больше на способности, чѣмъ на настроеніе вождя. И Боэмундъ не обманулъ возлагавшихся на него надеждъ. Въ нѣкоторыхъ отрядахъ люди цѣликомъ разбѣжались и попрятались по домамъ, откуда ихъ ничѣмъ нельзя было вызвать. Боэмундъ, не медля, приказалъ зажечь въ нѣсколькихъ мѣстахъ зданія, огонь быстро распространился, масса домовъ сгорѣла, отовсюду выбѣгали съ добычею бѣглецы; на другой день они собрались толпами предъ жилищами князей и стали настойчиво требовать, чтобы ихъ вели на бой съ Кербогой. Въ главной битвѣ христіане были обязаны побѣдой больше всего искусству и мужеству Боэмунда.

Затѣмъ снова выдвинулся вопросъ объ Антіохіи. Окончательное рѣшеніе его стало еще затруднительнѣе, такъ какъ исчезло всякое сдерживающее вліяніе, и все зависѣло отъ спорящихъ князей. Отъ императора не было отвѣта на посланную ему просьбу о помощи и напоминаніе объ его обѣщаніи принять личное участіе въ борьбѣ съ турками; оказалось потомъ, что, узнавъ отъ бѣглецовъ изъ Антіохіи о безнадежномъ положеніи крестоносцевъ и считая ихъ погибшими, императоръ не сталъ продолжать уже начатаго похода и вернулся съ половины дороги назадъ.

Такимъ образомъ, по феодальнымъ воззрѣніямъ, онъ не исполнилъ первой обязанности сюзерена — защищать своихъ вассаловъ и тѣмъ порвалъ ленныя отношенія съ крестоносцами. Съ другой стороны, умеръ духовный глава похода Адемаръ Монтейль; правда, онъ не оказывалъ большого вліянія на ходъ дѣйствій, но своимъ нравственнымъ вліяніемъ сильно поддерживалъ дисциплину въ войскѣ

для того, чтобы произвести нападеніе на тѣ укрѣпленія Антіохіи, которыя еще болѣе заняты оставшимися провансальцами; онъ вытѣснилъ ихъ и сталъ единымъ властителемъ города. Раймундъ былъ сильно возмущенъ этимъ и рѣшился сдѣлать еще попытку: вмѣсто прямого пути въ Іерусалимъ, онъ повелъ войско къ берегу моря, желая покорить себѣ область эмира Триполи. Прибывъ къ замку Аркасъ, Раймундъ, несмотря на мирныя предложенія эмира, сталъ осаждать его. Осада шла медленно, войско было недовольно новой остановкой. Тутъ подошли Готфридъ и Робертъ Фландрскій, тоже спѣшившіе въ Іерусалимъ. Раймундъ, не выясняя своихъ плановъ, настаивалъ на продолженіи осады, прочіе князья по убѣжденію Танкреда, состоявшаго на службѣ у Раймунда, но втайнѣ дѣйствовавшаго наперекоръ его интересамъ по инструкціямъ Боэмунда, хотѣли скорѣе идти въ Іерусалимъ. Масса войска была на ихъ сторонѣ. Единственную поддержку оказали Раймунду явившіеся въ лагерѣ подъ Аркасомъ греческіе послы: отъ имени императора они жаловались на захватъ Антіохіи и просили крестоносцевъ подождать нѣсколько мѣсяцевъ, пока подойдетъ къ нимъ императоръ съ войскомъ и большими подарками. Но большинство князей не желало промедленія, боялось за настроеніе войска и не хотѣло союза съ вѣроломными греками. Кромѣ того, Танкредъ, въ случаѣ прибытія императора и основанія такъ близко отъ Антіохіи тулузскаго княжества, долженъ былъ опасаться за цѣлость владѣній Боэмунда. Несмотря на все это, князья не рѣшались пойти наперекоръ непремѣнному желанію Раймунда, но онъ и на этотъ разъ долженъ былъ уступить стремленію всего войска. Послѣднимъ овладѣло сильное возбужденіе: безпрестанно являлись разсказы о видѣніяхъ, побуждавшихъ идти скорѣе къ св. Гробу. Одинъ изъ нихъ послужилъ послѣднимъ толчкомъ, опрокинувшимъ всѣ мірскіе расчеты. Раздался общій призывъ къ походу; противъ воли Раймунда и даже прочихъ князей, воины зажгли палатки и нестройными толпами двинулись въ походъ. Раймундъ проливалъ слезы гнѣва и скорби, но все было напрасно: движенія невозможно было остановить. Самъ Готфридъ, до того только спорившій, расхаживалъ по лагерю, убѣждая воиновъ настаивать на ихъ похвальномъ рѣшеніи.

Осада и взятіе Іерусалима. Такимъ образомъ аскетическое настроеніе, вызвавшее самый походъ, одержало въ концѣ его рѣшительную побѣду. Мірскіе интересы, навязанные ему сначала Боэмундомъ, а потомъ графомъ Тулузскимъ, были вырваны съ корнемъ; прочіе князья, у которыхъ не хватало силы противодѣйствовать вліянію обоихъ соперниковъ,

вздохнули теперь свободно, когда вышли изъ сферы вліянія одного, а упрямство другого было сокрушено силою народнаго стремленія. Съ этихъ поръ походъ къ Іерусалиму продолжался уже безъ перерыва. Въ Рамлѣ, въ 16-ти миляхъ отъ цѣли похода, раздалось нѣсколько голосовъ, что нужно сначала сокрушить въ ихъ странѣ силу египтянъ, завладѣвшихъ между тѣмъ Палестиной, и тогда она сама собою подчинится крестоносцамъ. Но какъ можно было при такой близости Іерусалима удержать общее стремленіе исполнить свой обѣтъ? да и вообще какіе рѣшающіе доводы можно было привести въ эту минуту въ пользу такого далекаго предпріятія? Войско рѣшило единодушно идти къ Іерусалиму. Въ послѣднюю ночь народной тревоги нельзя было удержать, толпа за толпою пускалась въ путь. Провансальцы покинули Рамлу раннимъ утромъ безъ всякаго порядка, нѣкоторые съ обнаженными, въ увлеченіи пылкимъ благочестіемъ, ногами, большинство поспѣшнымъ шагомъ, чтобы раньше другихъ достигнуть каждаго мѣстечка, каждаго замка и завладѣть ими. Такъ, волнуемые разнородными страстями, исполненные благочестія и алчности, совершали они послѣдній переходъ; наконецъ, имъ остался только одинъ горный хребетъ, за которымъ лежалъ Іерусалимъ, толпа за толпой взбиралась на гору, и тамъ, взойдя на нее, они увидѣли передъ собою башни священнаго города. Это потрясло ихъ всѣхъ, исчезли мірскія стремленія и соображенія, они пали на колѣна и въ слезахъ прославляли Господа, приведшаго ихъ сюда. Съ удвоеннымъ рвеніемъ стали затѣмъ они спускаться на равнину, чтобы съ послѣднимъ усиліемъ пожать плоды столькихъ трудовъ.

Черезъ недѣлю крестоносцы произвели на городъ первое нападеніе съ восторженнымъ мужествомъ, но и съ полнымъ пренебреженіемъ ко всякимъ приготовленіямъ. На Масличной горѣ жилъ тогда святой отшельникъ; князья обратились къ нему съ вопросомъ, что будетъ съ ними, и онъ предсказалъ имъ, что на другой день въ девятомъ часу Богъ предастъ Іерусалимъ въ ихъ руки. Потому немедленно былъ предпринятъ штурмъ; франки неудержимо подвигались впередъ и скоро заняли наружныя укрѣпленія, но тутъ, имѣя всего одну лѣстницу, они очутились предъ высокою внутреннею стѣною; не колеблясь, они приставили къ ней лѣстницу, по которой пытались безъ успѣха подняться нѣсколько французовъ. Тутъ всѣ убѣдились, что такъ овладѣть городомъ нельзя. Въ страхѣ и трепетѣ войско отступило. Было рѣшено не производить новыхъ нападеній до постройки необходимыхъ машинъ, для чего потребо-

валось преодолѣть рядъ затрудненій, а въ это время между князьями поднялись новые споры. Танкредъ занялъ для себя лично Виѳлеемъ, противъ чего возсталъ Раймундъ, воскрешая старую вражду. Важнѣе былъ другой споръ. Князья были такъ увѣрены въ успѣхѣ своего оружія, что уже тогда возбудили вопросъ, кому изъ нихъ достанется корона св. Гроба. Пригласили на совѣтъ духовенство, и оно тотчасъ заявило протестъ противъ всякихъ выборовъ, такъ какъ прежде всего нужно де назначить духовнаго главу, патріарха, который и будетъ владѣтелемъ Іерусалима и уже отъ себя назначитъ намѣстника для охраны мірскихъ интересовъ страны. Пока остановились на безспорно самомъ разумномъ рѣшеніи—сначала завоевать городъ и потомъ уже заботиться о пріисканіи для него владѣльца. Въ день взятія Іерусалима, Готфридъ послѣ полудня, говорятъ, въ тотъ самый часъ, когда окончились страданія Христа, придвинулъ свою осадную башню къ самой стѣнѣ, спустилъ подъемный мостъ и вмѣстѣ съ другими перешелъ на стѣны. Въ то же время Танкредъ и Робертъ Нормандскій съ своей стороны пробили брешь въ стѣнѣ и проникли съ войскомъ въ городъ. Провансальцы все еще не могли подняться; наконецъ, на Масличной горѣ показался всадникъ въ блестящемъ вооруженіи, щитомъ указывая на Іерусалимъ; тогда въ городъ ворвались и они. Гарнизонъ Давидовой башни сдался Раймунду подъ условіемъ безпрепятственнаго отступленія въ Аскалонъ, и графъ захватилъ себѣ башню.

Касательно участія князей въ послѣдовавшемъ за штурмомъ кровопролитіи въ источникахъ даются такія указанія: Готфридъ не думалъ о грабежѣ, а стремился только кровью сарациновъ отплатить за оскверненіе св. города; первыми проникли въ городъ Танкредъ и Готфридъ: невѣроятно много крови пролили они въ этотъ день. Танкредъ, съ своей стороны, спѣшилъ раньше всѣхъ въ мечеть Омара, о богатствахъ которой до него дошли свѣдѣнія; онъ прибылъ туда раньше массы бѣглецовъ и преслѣдователей и спряталъ въ безопасное мѣсто находившіяся тамъ сокровища. Тотчасъ затѣмъ въ мечеть ворвались густыя толпы противниковъ; рѣзня въ ней и передъ нею продолжалась до вечера, когда уцѣлѣвшіе магометане сдались Танкреду, обѣщавшему имъ, какъ своимъ плѣнникамъ, полную безопасность. Затѣмъ онъ кинулся дальше по городу на поиски за золотомъ и серебромъ, за лошадьми и мулами, за домами, полными всякаго добра. На другое утро толпа франковъ взобралась на крышу храма, куда Танкредъ спряталъ своихъ плѣнниковъ, и перебила несчастныхъ. Сокровищами, похищенными изъ

мечети Омара, князю не долго пришлось пользоваться: было рѣшено обратить языческіе храмы въ христіанскія святилища, и Танкреда принудили вернуть похищенное достояніе церкви.

Правленіе Готфрида Бульонскаго.

Увлеченіе побѣдою и набожностью естественно прошло не сразу: слишкомъ недѣлю стекались толпы къ св. Гробу, а отдѣльныя лица услаждались добычею, захваченною при занятіи города. Наконецъ, князья собрались на совѣтъ объ устройствѣ завоеванной земли, и тутъ тотчасъ съ обычною силою возобновились старые споры. Прежде всего нужно было устранить притязанія духовенства, требовавшаго выбора и господства патріарха; это удалось безъ труда, такъ какъ у него не было въ это время вліятельнаго представителя. Перейдя къ выбору свѣтскаго государя и вождя, князья естественно раньше всѣхъ обратили вниманіе на графа Тулузскаго. Съ удаленіемъ Боэмунда онъ, безъ сомнѣнія, занялъ въ войскѣ самое вліятельное положеніе по числу приверженцевъ и богатству, по неугомонности, съ какою заявлялъ притязанія, и по настойчивости, съ какою старался ихъ провести. Правда, онъ больше вызвалъ вражды, чѣмъ добился успѣховъ, но зато онъ высоко поставилъ свою репутацію. Это доказываетъ прочная память, какую онъ оставилъ по себѣ на Востокѣ. Поэтому ему и предложили прежде всѣхъ корону, но онъ отклонилъ ее, говоря, что никогда не будетъ носить здѣсь земного вѣнца, но не будетъ и противникомъ другого, который пожелаетъ надѣть его на себя. Не трудно подыскать для его отказа и другіе мотивы: онъ хорошо зналъ, что у него много сильныхъ противниковъ, а главное—онъ утратилъ поддержку своихъ провансальцевъ, которые старались помѣшать его избранію всевозможными навѣтами. Тогда князья обратились къ герцогу Лотарингіи, онъ изъявилъ согласіе и былъ безъ всякихъ возраженій выбранъ защитникомъ св. Гроба. Отъ титула короля и торжественнаго вѣнчанія Готфридъ уклонился, неизвѣстно, по собственному ли побужденію, или слѣдуя благочестивому желанію бароновъ.

Первые шаги новаго государя были направлены на то, чтобы побудить графа Раймунда къ передачѣ захваченной имъ твердыни столицы, башни Давида. Раймундъ въ этомъ отказалъ, объясняя, что онъ намѣренъ до Пасхи оставаться еще въ Іерусалимѣ и желаетъ сохранить до тѣхъ поръ приличное его сану положеніе. Его не испугали сильнѣйшія угрозы Готфрида; прочіе князья, какъ это бывало и прежде, одобряли требованіе короля, но не рѣшались высказаться открыто. До рѣшенія вопроса стороны согласились

передать замокъ непричастному посреднику, одному епископу, а тотъ немедленно отдалъ башню королю. Сильно раздраженый этимъ, Раймундъ тотчасъ оставилъ Іерусалимъ, чтобы, согласно обычаю, побывать на Іорданѣ и тамъ наломать пальмовыхъ вѣтвей. Весь этотъ эпизодъ показываетъ, какое слабое впечатлѣніе произвелъ выборъ Готфрида на его прежнихъ перовъ.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ взятія Іерусалима, и крестоносцамъ пришлось идти къ Аскалону для отраженія грозныхъ силъ египетскаго визиря. Здѣсь между обѣими сторонами оказывается такая же рѣзкая разница, какъ подъ Антіохіей между войскомъ крестоносцевъ и полчищами Кербоги: египтяне, безъ сомнѣнія, превосходили христіанъ вооруженіемъ, обиліемъ припасовъ, пышностью и богатствомъ; въ составъ ихъ войска входили эѳіопы, арабы и даже сельджуки, и потому, при всемъ его внѣшнемъ блескѣ, въ немъ отсутствовали сознаніе общности и преданность вождю и его интересамъ; рядомъ съ этимъ замѣтна была у многихъ заносчивость: они уже везли съ собою цѣпи и веревки для будущихъ плѣнныхъ. Войско крестоносцевъ проявляло теперь не менѣе энергіи, чѣмъ подъ Антіохіей. Какъ тамъ его увлекало впередъ безграничное отчаяніе, такъ здѣсь ликующее воодушевленіе, не признававшее больше никакихъ препятствій, ничего невозможнаго. Они шли въ бой, какъ на пиръ и на праздникъ; враги казались имъ робкими, какъ лани, и невинными, какъ ягнята, потому что, по ихъ убѣжденію, Богъ былъ на сторонѣ христіанъ. Правда, кони ихъ были слабы, оружіе безъ блеска, масса воиновъ выходила въ поле, какъ и подъ Антіохіей, въ бѣдной изорванной одеждѣ, утомленная трудами и лишеніями или истощенная бурными удовольствіями послѣдняго мѣсяца, но въ бой они шли тѣмъ съ большимъ пыломъ, что только тамъ могли они найти добычу, наслажденіе и отдыхъ. Впереди войска несли крестъ и копье Господа, въ Іерусалимѣ духовенство и безпомощные молились о побѣдѣ, — другого гарнизона тамъ не было, — какъ могли они не побѣдить этихъ враговъ? И дѣйствительно, была одержана рѣшительная побѣда. Послѣ сраженія Раймундъ завязалъ переговоры съ комендантомъ Аскалона, въ которомъ господствовало полное уныніе. Туда удалился раньше гарнизонъ Давидовой башни и онъ выставилъ на стѣнѣ знамя своего спасителя, графа Тулузскаго. Послѣдній тотчасъ сталъ утверждать, что по старому обычаю городъ составляетъ теперь его собственность, но на него, какъ король, заявилъ свои притязанія Готфридъ. Прочіе князья, на этотъ разъ не колеблясь, подтвердили мнѣніе

графа, но Готфридъ ни за что не хотѣлъ уступить. Раймундъ былъ страшно раздраженъ и объявилъ, что онъ намѣренъ тотчасъ удалиться; герцогъ стоялъ на своемъ, и графъ исполнилъ свою угрозу. Аскалониты естественно узнали о спорѣ и его послѣдствіяхъ, отказались отъ сдачи, и столь важный для обороны противъ Египта городъ былъ утраченъ раньше, чѣмъ пріобрѣтенъ.

Въ концѣ 1099 года патріархомъ Іерусалима былъ выбранъ папскій легатъ, архіепископъ Дагобертъ. Онъ объявилъ, что для приличнаго содержанія патріаршаго двора ему необходимо извѣстное количество земли, и поэтому потребовалъ себѣ сначала четверть города Яффы. Готфридъ торжественно уступилъ ему ее. Тогда Дагобертъ предъявилъ второе болѣе важное требованіе: Іерусалиму, какъ городу, посвященному Господу, нуженъ не свѣтскій глава, но духовный, какъ это утверждало уже до завоеванія духовенство; притомъ же у патріарха есть заслуженное право на него: въ эпоху угнетенія онъ былъ единственнымъ безспорнымъ главою всѣхъ христіанъ Іерусалима; такимъ образомъ, онъ требуетъ отъ христіанскихъ князей только возстановленія тѣхъ правъ, которыя оставили неприкосновенными языческіе эмиры. Дѣйствительно, по договору императора Константина Мономаха съ египетскимъ халифомъ, христіанамъ былъ отведенъ въ Іерусалимѣ отдѣльный кварталъ, и судъ надъ ними предоставленъ патріарху. Патріархъ добился своего: въ первый день Пасхи Готфридъ передалъ ему, въ присутствіи духовенства и народа, Іерусалимъ съ башней Давида и всѣмъ округомъ; однако герцогъ продолжалъ владѣть городомъ до расширенія королевства однимъ или двумя городами, а въ случаѣ его смерти безъ мужскихъ наслѣдниковъ, городъ безпрекословно долженъ былъ перейти къ патріарху. Вообще Готфридъ призналъ себя вассаломъ св. Гроба и патріарха и обѣщалъ по мѣрѣ силъ оборонять интересы Бога и патріарха. Такой оборотъ дѣла вполнѣ соотвѣтствовалъ настроенію народа и самымъ опредѣленнымъ образомъ выставилъ духовный характеръ этого государства; впервые, со смерти Адемара Пюискаго, церковная власть вернула себѣ то положеніе, которое она занимала въ началѣ крестоваго похода. Свѣтскій государь былъ съ этихъ поръ только вторымъ человѣкомъ въ королевствѣ.

Прошелъ годъ со времени взятія Іерусалима, и Готфрида не стало.

Разсматривая его роль въ движеніи крестоносцевъ, мы не найдемъ ни одной черты, которая давала бы намъ право назвать его геніальной или даже просто крупной личностью. Подъ Константи-

нополемъ онъ сильно смущаетъ императора своимъ упорствомъ, не обращая вниманія ни на какіе доводы и въ то же время не думая указывать основанія своего образа тѣйствій. Затѣмъ до пораженія Кербоги его совершенно затмеваетъ князь Тарента: планы Боэмунда постоянно опредѣляютъ движеніе ополченія, его дѣятельность непрерывно обусловливаетъ успѣхи крестоносцевъ. Далѣе возгорается споръ изъ-за Антіохіи, на нѣсколько мѣсяцевъ замедляющій походъ; но у Готфрида, какъ и у другихъ князей, не оказывается достаточно энергіи, чтобы вмѣшаться рѣшительно въ распрю. Вскорѣ затѣмъ подъ Триполемъ онъ, несмотря на полную опредѣленность своихъ взглядовъ, является только орудіемъ въ рукахъ норманскихъ политиковъ и подъ конецъ беретъ верхъ только благодаря народному движенію, въ созданіи котораго онъ не принималъ ни малѣйшаго участія Далѣе, какъ правитель св. Земли, онъ, правда, былъ поставленъ въ тяжелыя условія, но вѣдь условія оставались все тѣми же, когда Балдуинъ Эдесскій вдохнулъ въ королевство новую жизнь. Наконецъ, никто не могъ конечно отвергать его силы и храбрости, но какъ можно было однимъ этимъ пріобрѣсти себѣ особенную славу при такихъ соперникахъ?

Однимъ словомъ, во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ онъ не создалъ ничего крупнаго и даже никогда не пытался протестовать противъ превосходства Боэмунда и Раймунда въ этой области. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ указать, что это превосходство ни на шагъ не совлекло его съ пути, и эта настойчивость вмѣстѣ съ цѣлью, на которую она была направлена, только и объясняютъ положительную основу его характера, а также возможность столь блестящей и прочной извѣстности. По словамъ современника, онъ былъ столь же благочестивъ, какъ и храбръ, онъ былъ настоящимъ монахомъ въ одеждѣ воина, какъ и въ облаченіи герцога; подтвержденіе этого замѣчанія мы находимъ во всѣхъ событіяхъ похода. Болѣе, чѣмъ кто изъ его товарищей, онъ, при всѣхъ столкновеніяхъ съ свѣтскими интересами, старался сохранить религіозный характеръ похода: передъ его глазами стоялъ только св. Гробъ, и онъ совершенно былъ чуждъ всякой мысли о власти и захватѣ земель. Это не такой человѣкъ, который могъ бы оказать рѣшительное вліяніе на ходъ событій, но во всякомъ случаѣ это—человѣкъ съ непоколебимымъ характеромъ, остающійся вѣрнымъ себѣ, несмотря на всѣ внѣшнія вліянія, и строгостью религіозныхъ стремленій далеко превосходящій своихъ болѣе быстрыхъ товарищей. Боэмундъ, безъ сомнѣнія, остроумнѣе и ловче его, Раймундъ отзывчивѣе и по-

движнѣе, но главной награды въ этой религіозной войнѣ заслуживалъ все-же больше, чѣмъ они, всѣми затмеваемый, сосредоточивающій свое вниманіе на религіозной цѣли герцогъ Лотарингіи.

Отсюда понятно то пристрастіе, съ которымъ Западъ прославлялъ его память и создалъ для героя новую жизнь: на всемъ Западѣ творцомъ похода было то именно настроеніе, которое доводило Готфрида до несправедливаго пренебреженія къ другимъ силамъ. Если никто изъ блестящихъ и энергическихъ героевъ не могъ въ глазахъ народа затмить Готфрида, то это свидѣтельствуетъ въ пользу безсознательнаго, но и безошибочнаго такта легенды, хотя она и украсила болѣе блестящими цвѣтами завоеваніе Антіохіи, чѣмъ взятіе Іерусалима. Отдѣльныя ея части проникнуты рыцарскимъ и поэтическимъ духомъ, но, при всемъ внѣшнемъ блескѣ, въ глубинѣ ея проходитъ неизгладимая мистическая мысль, въ концѣ концовъ вызвавшая ее цѣликомъ на свѣтъ. Легенда прославляетъ одного любимаго Богомъ мужа и окружаетъ его бездѣйствіе такимъ ореоломъ, какого не удостоивается геройство норманновъ и провансальцевъ.

Н. Шамонинъ.



XXXVI.

Іерусалимское королевство.

I.

Страна, населеніе, земледѣліе, торговля, колоніи, образованность.

Населеніе Іерусалимскаго королевства. Частая смѣна народовъ-завоевателей, приливъ паломниковъ, посѣщенія купцовъ издревле дѣлали населеніе Іерусалима пестрой смѣсью племенъ. Крестовые походы только еще усилили разнообразіе въ народонаселеніи Палестины. Выходцы изъ сѣверной и южной Франціи, бретонцы и провансальцы, ломбардцы, венеціанцы, тосканцы, сицилійцы, лотарингцы, фрисландцы, нѣмцы, скандинавы, англичане, валлисцы, шотландцы, венгерцы и т. д. слились здѣсь въ господствующія сословія Іерусалимскаго королевства. А подъ ихъ властью или рядомъ съ ними продолжали жить остатки туземныхъ племенъ—сирійцы, армяне, греки, арабы, турки. Среди магометанъ преобладали арабы, какъ старинные завоеватели Сиріи, ставшіе осѣдлымъ, мирнымъ населеніемъ. Напротивъ, турки встрѣчались рѣдко: они, вѣдь, овладѣли Палестиной незадолго до появленія христіанъ, и ихъ чисто военное господство пало вмѣстѣ съ Іерусалимомъ. Однако и магометанство вообще далеко не было пре-

---

Источники: *Prutz*, Kulturgeschichte der Kreuzzüge; *Prutz*, Entwickelung und Untergang des Tempelherrenordens; *Heyd*, Histoire du Commerce du Levant au Moyen-Age; *Beugnot*, Assises de la Haute Cour и Assises de la Cour des Bourgeois.

обладающей религіей въ Сиріи. Не говоря уже о евреяхъ и греко-православныхъ, какъ разъ здѣсь удержались остатки древне-христіанскихъ сектъ—яковитовъ, несторіанъ, маронитовъ.

Уроженцы мелкихъ областей западной Европы, раздробленной на феоды, впервые сталкивались здѣсь и замѣчали различіе или сходство между своими нарѣчіями и обычаями; понятіе народа французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго выростало надъ народцами маленькихъ провинцій,—графствъ и герцогствъ. Глубокій знатокъ Палестины Яковъ Витрійскій [1]) высказалъ мнѣніе, что завоеватели сдѣлали бы лучше всего, если бы подѣлили между собой тягла государственной жизни сообразно своимъ способностямъ и характеру: напримѣръ, итальянцы, преимущественно венеціанцы, генуэзцы и пизанцы могли бы взять на себя заботы о матеріальныхъ интересахъ, торговлю и промышленность, а французы и нѣмцы—защиту страны отъ невѣрныхъ, такъ какъ италіанскіе горожане хорошо знали морское дѣло и, отличаясь воздержностью, легко переносили климатъ; французы же выдавались своей воинственностью и хорошими боевыми лошадьми, а нѣмцы—тяжелыми панцырями. Однако, различіе въ способностяхъ и наклонностяхъ не предотвратило враждебнаго соревнованія между націями. Численно всегда преобладали французы, а туземцы-магометане звали вообще всѣхъ пришельцевъ съ запада франками: со временъ Карла В. франкскій народъ олицетворялъ для арабовъ католическую Европу. Продолжительная разлука съ родиной, семьей и обычными занятіями вредно отзывалась на нравахъ жителей Іерусалимскаго королевства, тѣмъ болѣе, что крестоносцы позволяли себѣ многое относительно враговъ-магометанъ, что безусловно было бы преступленіемъ и грѣхомъ на западѣ, напр., нарушеніе договоровъ. По словамъ арабовъ, Жоселенъ III, графъ Эдесскій, заключалъ миръ съ Нуреддиномъ, а какъ только опасность минуетъ, измѣнялъ своимъ клятвамъ. Съ другой стороны, роскошь и утонченныя наслажденія Востока заразительно дѣйствовали на франковъ. Низшіе классы крестоносцевъ ради торговли и промысловъ съ самаго начала стояли гораздо ближе къ туземцамъ-магометанамъ, нежели рыцари. Да и нужда чаще вела ихъ къ отпаденію отъ христіанства, чѣмъ ихъ феодальныхъ сеньёровъ. Во время голода въ 1190—91 гг. изъ лагеря христіанъ передъ Аккономъ солдаты толпами бѣжали къ Саладину: кто наѣлся тамъ досыта, тому уже не было охоты ворочаться назадъ.

[1]) Jacobus a Vitriaco.

Часто даже рыцари, уличенные въ какомъ-либо преступленіи, слѣдовали примѣру низшихъ и становились отступниками и перебѣжчиками. Такіе ренегаты были естественными посредниками между христіанами и магометанами.

То постоянное населеніе Іерусалимскаго королевства, которое усвоило себѣ смѣшанную полувосточную, полуевропейскую культуру, называлось пулланами. Яковъ Витрійскій разумѣетъ подъ пулланами все то потомство пришлыхъ христіанъ, которое родилось уже въ Палестинѣ [1]). Но историкъ похода Людовика VII Французскаго разумѣетъ подъ пулланами только смѣшанное населеніе Палестины, родившееся отъ франка-отца и матери-сиріянки или наоборотъ; таково и было, вѣроятно, первоначальное, болѣе тѣсное значеніе слова. Подъ вліяніемъ климата и туземнаго населенія пулланы быстро стали терять свои европейскія привычки. Яковъ Витрійскій произноситъ надъ ними строгій приговоръ: пулланы, по его словамъ, не походятъ на своихъ воинственныхъ предковъ: они выросли въ роскоши, изнѣжены, женственны, охотнѣе идутъ въ разслабляющія восточныя бани, чѣмъ на борьбу съ невѣрными; одежды у нихъ пышныя, мягкія, нравы распущенные; они лѣнивы и трусливы, малодушны и боязливы. Магометане не боятся ихъ; если бы не помощь франковъ и не притокъ новыхъ силъ съ Запада, такъ одни пулланы не въ состояніи были бы сопротивляться имъ. Охотнѣе всего пулланы блюдутъ миръ со своими сосѣдями, но между собой они въ постоянныхъ ссорахъ и призываютъ невѣрныхъ на помощь другъ противъ друга. Въ личныхъ сношеніяхъ они лживы, скрытны, ихъ семейная жизнь мало чѣмъ отличается отъ магометанской, и жены ихъ живутъ вдали отъ общества, словно въ гаремѣ. Къ святынямъ Палестины и Іерусалима пулланы равнодушны, религіозное рвеніе паломниковъ для нихъ непонятно; страданія пилигримовъ не трогаютъ этихъ полумагометанъ, которые стараются только правдой и неправдой обогащаться на счетъ странниковъ. Тѣ арабскія женщины, на которыхъ часто женились пулланы, принимали христіанство только внѣшнимъ образомъ, и среди такой смѣшанной семьи не было ни христіанства, ни магометанства, а обыкновенно—только самыя грубыя суевѣрія.

---

[1]) Для самаго слова „пулланы“ Яковъ Витрійскій даетъ двойное объясненіе: или отъ pullus (жеребенокъ), такъ какъ пулланы были „новичками“ сравнительно съ туземнымъ сирійскимъ населеніемъ, или отъ названія италіанской провинціи Апуліи, откуда чаще всего будто бы были родомъ ихъ матери.

А что же сталось съ туземнымъ населеніемъ Палестины? Населеніе въ городахъ и пригородныхъ областяхъ, надъ которыми еще недавно господствовали турки, было попрежнему главнымъ образомъ христіанскимъ и состояло изъ грековъ, армянъ, сирійцевъ, жившихъ промыслами и земледѣліемъ. Только въ немногихъ городахъ (Триполисѣ, Бейрутѣ, Сидонѣ) магометане получили позволеніе жить и заниматься своими промыслами: пряденьемъ шерсти и тканьемъ: вся же масса арабскаго населенія подъ властью франковъ осталась въ селахъ на положеніи колоновъ (крѣпостныхъ), обрабатывавшихъ земли господъ и платившихъ имъ опредѣленную часть своего урожая. При первомъ завоеваніи рыцари присвоивали себѣ земли не только враговъ-магометанъ, но и всего христіанскаго населенія. Этимъ крестоносцы какъ бы толкали его въ лагерь турокъ. Съ теченіемъ времени франки замѣтили свою ошибку и сдѣлали христіанамъ рядъ уступокъ. Но сирійцы никогда не получили равенства съ франками и затаили свое недовольство. Франки не могли вполнѣ полагаться на нихъ и считали ихъ лживыми, наклонными къ магометанству и культурѣ арабовъ, на языкѣ которыхъ они и говорили, удерживая греческій только для богослуженія. По городамъ сирійцы занимались промыслами, въ сельскихъ областяхъ садоводствомъ и землепашествомъ, напр., разведеніемъ сахарныхъ плантацій. Какъ разъ въ сельскихъ областяхъ добились они впослѣдствіи, благодаря своему хозяйственному значенію, и большей независимости. По обычаямъ Іерусалимскаго королевства, тамъ, гдѣ они жили густой массой и составляли особыя общины (коммуны), сирійцы имѣли свои собственные суды (cours de reis— отъ арабскаго слова reis, т. е. староста) Подобныя же уступки, какъ сирійцамъ-христіанамъ, франки сдѣлали и еврейству: и въ Іерусалимскомъ королевствѣ и на Кипрѣ евреи пользовались неограниченной гражданской свободой. Въ сѣверной части Іерусалимскаго королевства важную долю населенія составляли армяне; съ выдающимися способностями къ торговлѣ они соединяли воинственность, часто рыцарскую, и подъ властью крестоносцевъ были по своему положенію приравнены къ сирійцамъ.

Паломниковъ и крестоносцевъ, которые приходили въ Палестину из сѣверныхъ, болѣе суровыхъ странъ, поражали роскошь и щедрость южной природы въ нѣкоторыхъ частяхъ Сиріи. Буркгардтъ изъ Монте-Сіона, посѣтившій Востокъ около 1280 г., хвалитъ плодородіе густонаселенныхъ частей Ливана и Антиливана съ ихъ пастбищами, садами и виноградниками; мѣстность вокругъ Курд- Земледѣліе.

скаго укрѣпленія [1]), по его словамъ, густо заселена крестьянскими дворами, покрыта насажденіями маслинъ и виноградниками и богата фруктовыми садами, рощами, лугами и водой. Раемъ показалась ему затѣмъ береговая полоса около Триполиса; нигдѣ онъ не видывалъ такого количества вина, оливокъ, фигъ и сахарнаго тростнику. Собственно землепашество далеко не было настолько развито, чтобы избавить страну отъ необходимости ввозить хлѣбъ съ Запада. Сѣяли, какъ и теперь, только пшеницу и ячмень, да нѣкоторыя стручковыя растенія: бобы, горохъ, чечевицу. Но зато садоводство достигало здѣсь высокой степени совершенства. Уже въ началѣ среднихъ вѣковъ вина Палестины считались самыми крѣпкими и благородными при дворѣ византійскихъ императоровъ. Буркгардтъ особенно хвалитъ лозы на высотахъ Виѳлеема и по скатамъ Ливана близъ Сидона. Маслины произрастали не только въ садахъ на равнинѣ Триполиса и по склонамъ Ѳавора; за Іорданомъ эти деревья попадались еще густыми рощами; самыя оливки собирались главнымъ образомъ на масло. Изъ фруктовыхъ деревьевъ обычными были: фиги, лимоны апельсины, гранаты, миндаль, но для болѣе привычныхъ франкамъ грушъ, яблокъ, вишенъ и орѣховъ условія почвы и климата были здѣсь не такъ благопріятны, и ихъ выписывали изъ Дамаска. Все побережье и въ особенности область Триполиса славились своими плантаціями сахарнаго тростника. Франки научились у сирійцевъ добывать сахаръ, выдавливая сокъ изъ тростника особыми прессами въ родѣ мельницъ; для этихъ работъ употреблялись часто магометане-плѣнники. Тиръ даже славился своими сахароварнями; отсюда выписалъ Фридрихъ II въ 1239 году мастеровъ, чтобы поднять въ Сициліи упавшее было тамъ сахарное дѣло. Франки, какъ ученики и преемники арабовъ въ Палестинѣ, занялись и насажденіемъ плантацій хлопчатника. Но кажется, эта отрасль земледѣлія не имѣла въ ихъ рукахъ большого успѣха: хлопокъ изъ окрестностей Лаодицеи, Бейрута и Аккона цѣнился всегда ниже привознаго изъ Алеппо и Амаха (Hamah) и не могъ равняться даже съ хлопкомъ Арменіи и Дамаска. Подъ господствомъ христіанъ упала и культура бальзамнаго дерева. Петръ изъ Монте-Кассино въ плодоносной низинѣ Іерихона нашелъ еще плантаціи этихъ деревьевъ; стволы надрѣзывались острыми камнями, и драгоцѣнный сокъ собирался по каплямъ. Однако франки внимательнѣе отнеслись къ другимъ подобнымъ же дере-

[1]) Одна изъ главныхъ крѣпостей сѣверной Сиріи (Castrum Curdorum).

вьямъ, изъ которыхъ добывались лѣкарства и благовонныя масла, наприм., мирра, мастика, терпентинъ. На границѣ сельско-хозяйственной и собственно промышленной дѣятельности стояло разведеніе шелковичныхъ червей, достигшее въ Сиріи высокой степени процвѣтанія еще при господствѣ византійцевъ; да и франки знали тутовое дерево уже въ южной Италіи и Сициліи. Средоточіемъ этого промысла былъ Триполисъ, гдѣ въ концѣ XIII в. работало не менѣе 4 тысячъ ткацкихъ станковъ для шелку. Къ ткацкой промышленности примыкали красильни; въ долинѣ Іордана разводилось индиго, а на берегу древней Финикіи попрежнему находили знаменитую пурпуровую улитку. Стеклянными произведеніями все еще славился Тиръ.

Сельское населеніе.

Но франки не внесли въ страну болѣе совершенныхъ пріемовъ хозяйства, развѣ что только италіанскія колоніи (коммуны) и духовно-рыцарскіе ордена примѣняли къ разработкѣ своихъ земель раціональные пріемы: вся масса франкскаго рыцарства не шла далѣе чисто хищническаго отношенія къ угодьямъ и приспособлялась къ тому строю сельской жизни, который сложился еще до крестовыхъ походовъ. Поземельныя отношенія въ сельскихъ областяхъ вели свое начало отъ порядковъ, существовавшихъ подъ византійскимъ владычествомъ. Арабы-завоеватели смѣнили только сирійскихъ и византійскихъ помѣщиковъ въ ихъ власти надъ землями. Колоны (крѣпостные), преимущественно сирійскаго происхожденія, продолжали нести въ пользу арабовъ повинности, къ которымъ они были раньше обязаны относительно грековъ или своихъ единоплеменниковъ. По магометанскому праву, населеніе вновь завоеванныхъ областей должно было платить подушную подать, какъ выкупъ за свою жизнь и свободу, и затѣмъ поземельную подать, которая не должна была превышать половины урожая; то населеніе, которое переходило въ исламъ, попадало еще въ болѣе благопріятныя условія и платило только обычную у магометанъ поземельную десятину. Завоеваніе Палестины турками ничего не измѣнило въ положеніи колоновъ, потому что и среди нихъ господствовали чисто феодальныя отношенія: вождь-завоеватель раздавалъ завоеванныя земли своимъ полководцамъ, которые дробили ихъ далѣе между своими подчиненными. Каждый турокъ-землевладѣлецъ несъ военную повинность по отношенію къ верховному собственнику, отъ котораго получилъ землю, а доходы съ земли и ея населенія давали ему возможность отбывать эту повинность. Поэтому турки, оставаясь чисто военнымъ слоемъ населенія, не вни-

кали въ хозяйственные порядки на своихъ земляхъ, предоставляя ихъ вѣдѣнію самихъ оброчныхъ колоновъ и слѣдя только за правильнымъ поступленіемъ оброка (ренты). Эту оброчную систему хозяйства удержали и рыцари франки.

Немногочисленные крестьяне, переселявшіеся съ Запада, представляли въ Іерусалимскомъ королевствѣ исключеніе по своему сравнительно независимому положенію. Чаще всего они становились свободными арендаторами и платили за землю франку-рыцарю деньгами или сельско-хозяйственными продуктами. Сохранилась, наприм., грамота Балдуина III отъ 1153 г., опредѣляющая условія, на которыхъ Жираръ-де-Валансъ получилъ отъ короля дозволеніе заселить одинъ хуторъ (casale) латинскими колонистами: колонисты получали отъ предпринимателя усадьбу и участокъ земли въ полную наслѣдственную собственность, но должны были зато платить королю съ урожая своихъ полей $^1/_7$, съ виноградниковъ и садовъ $^1/_4$, а съ насажденій маслинъ даже $^2/_3$; пятнадцатый хлѣбъ изъ ихъ хлѣбныхъ печей принадлежалъ тоже королю.

Напротивъ, масса сельскаго населенія, оставшаяся отъ арабскаго владычества, находилась въ тяжелой крѣпостной зависимости и составляло одно цѣлое съ земельными участками, на которыхъ жила: сирійскій крѣпостной могъ быть даже оторванъ отъ семьи, проданъ, подаренъ или данъ въ обмѣнъ своимъ господиномъ. Кипрскій юристъ Филиппъ Наварскій приравниваетъ такихъ крѣпостныхъ къ рабочему скоту или сельско-хозяйственнымъ орудіямъ; безъ всякихъ личныхъ правъ они были отданы на произволъ рыцарей и фохтовъ. Различіе въ религіи или, по крайней мѣрѣ, въ расѣ между господиномъ и вилланомъ и отсутствіе освященнаго временемъ „обычая“ сдѣлали крѣпостную зависимость на Востокѣ болѣе тягостной. Въ тотъ короткій промежутокъ времени, когда Ричардъ Львиное Сердце предоставилъ Кипръ тампльерамъ, они вызвали возстаніе сельскаго населенія острова, вздумавши, было, обращаться съ нимъ, какъ со своими колонами въ Сиріи, т. е. подвергать ихъ побоямъ и облагать податями. Обыкновенно рыцарскій ленъ распадался для цѣлей хозяйства на хутора, а отдѣльный хуторъ (casale) дробился уже на плуги (charrue, carrucata), т. е. участки земли, для ежегодной обработки которыхъ хватало пары воловъ; къ хутору примыкали лѣса и луга, находившіеся въ общемъ пользованіи крестьянъ, а иногда и виноградники, фруктовые сады, насажденія маслинъ. Крѣпостные, обрабатывавшіе такой хуторъ, несли повинности трудомъ, продуктами земли и даже деньгами. Они до-

ставляли въ замокъ рыцаря куръ, яйца, хлѣбъ, медъ. Хотя путешественникъ XIII в. Рубрукъ (Roubrouque) и отмѣчаетъ, что сирійскіе крѣпостные въ общемъ платили $^1/_3$ урожая, но, кажется, никакихъ твердыхъ предѣловъ для оброка не существовало. Изъ личныхъ повинностей (барщинъ) самая тяжелая—работа надъ проведеніемъ и починкой дорогъ — существовала уже при арабахъ.

Городское населеніе.

Гораздо сильнѣе былъ приливъ западныхъ переселенцевъ въ города, гдѣ прежнее населеніе при первомъ завоеваніи было или перебито, или вытѣснено на окрайны. Появленіе крестоносцевъ измѣнило весь строй городской жизни. Какъ разъ здѣсь, однако, чаще всего приходилось сталкиваться и смѣшиваться различнымъ слоямъ пестраго населенія Палестины. Для промысловъ и торговли выходцы съ Запада нуждались на первое время въ переводчикахъ, писцахъ, мѣнялахъ, маклерахъ, стряпчихъ, хорошо знавшихъ мѣстныя условія и обычаи; мелкіе промыслы и ремесла тоже остались въ рукахъ чужеземцевъ. Но и по городамъ завоеватели не сливались съ завоеванными, а потому и здѣсь не могло выработаться никакой цѣльной гражданской жизни. Люди различныхъ національностей не могли, напр., свидѣтельствовать другъ противъ друга въ судахъ. Среди пришлаго населенія тоже господствовали рознь и отчужденіе между представителями отдѣльныхъ народностей Запада: французы, нѣмцы, итальянцы продолжали поддерживать связи съ родиной и не пускали въ городахъ Палестины такихъ прочныхъ корней, чтобы во всѣхъ сосѣдяхъ видѣть согражданъ и соплеменниковъ; а у итальянцевъ и на новыхъ мѣстахъ жительства тлѣло старое соперничество между венеціанами, пизанцами, генуэзцами и т. д. Въ Акконѣ у италіанскихъ горожанъ были отдѣльные кварталы, у англичанъ и нѣмцевъ ихъ собственные улицы и склады товаровъ; всѣ они жили по обычаямъ своей родины. По образу жизни франки-горожане, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ крупную промышленность и заморскую торговлю, рѣзко отдѣлялись отъ мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ изъ среды туземцевъ. Окруженные рабами и слугами, эти богатые негоціанты добивались иногда привилегій, которыя ставили ихъ почти на одну ступень со знатью, и даже скупали феодальныя земли у обѣднѣвшихъ рыцарей, нанимая ихъ же потомъ за жалованье для отбыванія военныхъ повинностей. Поэтому врядъ ли показалось чѣмъ-либо чрезвычайнымъ, что Баліанъ д'Ибеленъ, найдя въ Іерусалимѣ послѣ пораженія при Гиттинѣ всего только двухъ рыцарей, выбралъ тотчасъ же изъ горожанъ 50 человѣкъ, способныхъ нести военную

службу, и посвятилъ ихъ въ рыцари. Но этому привилегированному гражданству не удалось въ Палестинѣ добиться коммунальной независимости, по примѣру Италіи или французскихъ городовъ. Горожане (burgenses), какъ члены замкнутой корпораціи, называются наряду со знатью и духовенствомъ для Антіохіи и Іерусалима уже въ грамотахъ 1135—36 гг. Но такой корпораціи не доставало полнаго самоуправленія. Можетъ быть, ради военныхъ цѣлей іерусалимскіе короли и бароны сосредоточивали всю высшую власть надъ городами въ рукахъ своихъ чиновниковъ. Горожане находились обыкновенно подъ управленіемъ виконта (вицеграфа), назначеннаго сеньёромъ города безъ участія горожанъ. Ему принадлежали въ городѣ высшая гражданская и военная власти, онъ или его бальи предсѣдательствовалъ и въ Cour des bourgeois. Такая „палата горожанъ“ (cour des bourgeois), какъ высшее судебное и административное учрежденіе, состояла изъ 12 присяжныхъ (jurés) горожанъ, но опять-таки по назначенію.

Торговля. Зато горожанамъ вполнѣ открылось на Востокѣ другое широкое поприще для дѣятельности—это левантская торговля, посредничество между Востокомъ и Западомъ. На берегахъ Палестины совершался теперь обмѣнъ произведеній Европы и Азіи. Купцы Генуи, Пизы, Амальфи, Монпелье и Марселя спускались обыкновенно со своими судами вдоль западнаго берега Италіи до Мессины и послѣ продолжительнаго отдыха держали путь далѣе на греческіе острова: Кандію, Родосъ, Кипръ, откуда уже достигали сирійскаго берега у Тира и Аккона. Съ другой стороны, сюда же приводили караванныя дороги Востока. Изъ Багдада шелъ торговый путь черезъ Эфратъ на Ракку и тамъ раздѣлялся на двѣ вѣтви: одна вела черезъ Алеппо къ Антіохіи и Лаодицеѣ, другая—южная—кончалась у Тортозы и Триполиса. Городъ Алеппо былъ соединенъ караваннымъ путемъ съ Дамаскомъ, откуда ходили караваны паломниковъ въ Мекку. Дамаску, какъ древнему центру восточной торговли, еще легче было питать рынокъ товаровъ на сирійскомъ берегу: знаменитыя затканныя золотомъ матеріи и ковры работались на мѣстѣ въ самомъ городѣ, а пряности шли сюда изъ Индіи. Съ Запада на берега Палестины привозились оружіе, сукна, лошади, хлѣбъ, а изъ Сиріи грузились обратно фрукты, вина, сахаръ, хлопокъ, шелкъ, шерсть армянскихъ овецъ и козъ. Но особенно важна была для Европы закупка тѣхъ пряностей, ароматовъ и красокъ, родиной которыхъ были отдаленныя части Азіи. Перечень левантскихъ товаровъ свидѣтельствуетъ, насколько широко развѣтвля-

лась левантская торговля и какъ глубоко проникала она уже на Востокъ.

Знаменитая амбра шла изъ Аравіи. Арабы часто находили куски этого твердаго, сѣроватаго, подобнаго воску вещества, которое при нагрѣваніи испускало тонкій ароматъ. О ея происхожденіи ходило на Востокѣ много басенъ—и не удивительно: амбра встрѣчалась то въ волнахъ моря, то на берегу, то среди скалъ, куда, можетъ быть, заносили ее птицы, а иногда во внутренностяхъ нѣкоторыхъ рыбъ, проглотившихъ ароматичные кусочки. Въ дѣйствительности, это было болѣзненное образованіе въ тѣлѣ одного китовиднаго кашалота. На Востокѣ изъ амбры дѣлали четки, кресты, цѣлыя статуэтки. Бальзамомъ славился Египетъ. Здѣсь въ саду, принадлежавшемъ султану, надрѣзывалась кора деревца, или обрывались листья, побѣги, и собирался драгоцѣнный сокъ. Этотъ лучшій сортъ бальзама раздавался султаномъ въ подарокъ государямъ, вельможамъ и въ госпитали; въ продажу шелъ только остатокъ или то, что садовники выжимали изъ обрѣзковъ. Это ароматичное вещество употреблялось и какъ лѣкарство и для цѣлей богослуженія, наприм., въ св. елеѣ. Гвоздика, какъ лѣкарство и приправа, извѣстна была еще со временъ каролинговъ, но она всегда была въ два—три раза дороже перца, потому что единственнымъ мѣстомъ, гдѣ росли гвоздичныя деревья, были отдаленные Молуккскіе острова. Имбирь шелъ изъ Индіи, а корица изъ Китая и съ Цейлона. Лучшій ладанъ добывался изъ древесной смолы на Кипрѣ и въ Малой Азіи, а лучшій мускусъ—въ Тибетѣ изъ сумчатой железы мускуснаго быка (самца кабарги). Мускатный орѣхъ доходилъ, можетъ быть, съ Зондскихъ острововъ, ревень—изъ Китая сухимъ путемъ черезъ пустыни центральной Азіи, а перецъ—съ Малабарскаго берега Индіи и Цейлона; это была наиболѣе распространенная приправа: въ Средніе Вѣка перцемъ оплачиваются иногда пошлины, но цѣна его была настолько высока, что низшимъ классамъ онъ оставался недоступнымъ. Шафранъ и сахарный тростникъ встрѣчались и въ южной Европѣ, и въ Палестинѣ, но лучшіе сорта все-таки доставлялись магометанскими купцами изъ Персіи и Египта. На берегахъ Персидскаго залива открытъ былъ и способъ рафинировки сахара, а оттуда арабы распространили его на З. и на В. Вслѣдствіе своей дороговизны сахаръ употреблялся въ Средніе Вѣка сначала болѣе какъ лѣкарство при грудныхъ болѣзняхъ, и только позднѣе пошли въ торговлю фрукты въ сахарѣ; впрочемъ въ Византіи уже во времена Комненовъ было въ обычаѣ пить воду съ сахаромъ. На-

конецъ, ѳиміамъ, ароматичный сокъ дерева Boswellia, ввозился тоже изъ Аравіи, какъ и амбра. На ряду съ ароматами и пряностями, Востокъ доставлялъ и другой москательный товаръ—краски и всякія смолы. Наприм., растеніе алоэ (Aloe) произрастало главнымъ образомъ на островѣ Сокотора; высушенный сокъ различныхъ породъ алоэ (сабуръ) употреблялся какъ лѣкарство или примѣшивался къ нѣкоторымъ краскамъ. Корень галанга, извѣстный какъ лѣкарство и горячительная приправа, привозился изъ Китая и южной Азіи. Индиго удачно разводилось ради краски близъ Кабула и въ Персіи, а камфара доходила лишь изъ Китая, и можетъ быть, съ Суматры, гдѣ добывались самые дорогіе сорта. Кошениль встрѣчалась и въ южной Европѣ, и въ Греціи, и въ Арменіи на особомъ видѣ дуба; это насѣкомое давало фіолетовую краску. Точно также и марена разводилась какъ въ Европѣ, такъ и на Востокѣ, наприм., въ Грузіи. Квасцы для крашенія, золоченія и дубленія получались изъ Малой Азіи, камедь—изъ Индо-Китая и Индіи съ Коромандельскаго берега: здѣсь на нѣкоторыхъ породахъ деревьевъ тысячами размножалась особая тля (Coccus laсса), протачивала кору вѣтвей и, смѣшиваясь съ выступавшимъ на поверхность смолистымъ сокомъ, придавала ему красный цвѣтъ; такая застывшая камедь шла на окраску и полировку. На приготовленіе лаковъ и какъ курево употреблялся и другой смолистый сокъ деревьевъ—мастика, добывавшаяся преимущественно на островѣ Хіосѣ. Красный сандалъ, дававшій краску, средневѣковые путешественники находили на Коромандельскомъ берегу, но арабы чаще всего говорятъ о томъ желтомъ и бѣломъ сандалѣ (Santalum album), душистое дерево котораго шло на курево; его можно было найти въ обѣихъ Индіяхъ. Другое душистое дерево—дерево алоэ (Aquilaria agallocha)—было родомъ изъ Индо-Китая; въ Китай и Индію оно ввозилось, какъ курево при богослуженіи, а въ Европѣ шло на мелкія подѣлки, наприм., ящички и числилось въ спискѣ лѣкарствъ. Къ левантскимъ товарамъ относили также драгоцѣнные камни, жемчугъ, кораллы, стекло, порцеланъ, слоновую кость, шелкъ, хлопокъ, ковры и восточныя ткани. Въ Египтѣ находили смарагды, въ Персіи—бирюзу, въ Индіи—сафиры и алмазы, на Цейлонѣ—топазы, рубины, гранаты, аметисты, въ Персидскомъ заливѣ и въ проливѣ близъ Цейлона — жемчугъ. Родиной шелка считался Китай, но въ эпоху крестовыхъ походовъ тутовыя дерева и шелковичные черви разводились и въ Средней Азіи, и въ Персіи, и въ Сиріи, и даже въ Сициліи.

Левантская торговля не останавливалась на берегахъ Среди-

земнаго моря: изъ Сѣверной Италіи черезъ Альпы товары Востока шли въ города Германіи: Регенсбургъ, Нюренбергъ, Аугсбургъ, Ульмъ. Въ Венеціи былъ громадный складъ нѣмецкихъ купцовъ (Fondaco dei Tedeschi), куда стекались какъ произведенія германской промышленности для вывоза, такъ и левантскіе дорогіе товары. Для распространенія восточныхъ тканей и пряностей по Франціи, итальянскіе купцы посѣщали не только ея южныя гавани, но и многолюдную ярмарку въ Шампаньи. Эта отрасль торговли была такъ важна для всѣхъ европейскихъ народовъ, что никакія запрещенія и ограниченія со стороны католической церкви не могли ни остановить ее, ни сократить. Церковь вообще находила предосудительными мирныя сношенія съ магометанами, а доставку имъ боевыхъ припасовъ — прямо таки преступленіемъ. Тщетно однако издавали свои запрещенія папы Александръ III и Иннокентій III: Венеція, Генуя, Каталонія попрежнему снабжали Египетъ военными матеріалами. Въ 1308 г., когда уже было поздно, папская курія запретила, наконецъ, всякую вообще торговлю съ невѣрными; но никто не обратилъ на это вниманія; эта мѣра не могла остановить даже позорной торговли рабами. Хотя, по законамъ Генуи, рабы-магометане съ береговъ Чернаго моря могли вывозиться въ Египетъ только купцами—магометанами же, однако генуэзскіе судохозяева обходили законъ, отдавая свои корабли въ наймы восточнымъ рабопромышленникамъ. Напротивъ, продажа магометанъ на Западъ въ руки христіанъ была дозволена: рабы, проданные Кипчакской ордой татаръ или плѣнные сарацины изъ Сиріи тысячами попадали на рынки Генуи и Венеціи. Даже принимая крещеніе, эти несчастные невсегда получали свободу.

Монета.

Развѣтвляясь по Европѣ и Азіи, левантская торговля вела къ развитію денежнаго хозяйства, обмѣна различныхъ монетныхъ единицъ и вексельныхъ оборотовъ, вызванныхъ къ жизни уже крестовыми походами. Вѣдь, каждый крестоносецъ бралъ съ собой деньги въ монетѣ своей родины. До сихъ поръ въ Палестинѣ находятъ изъ эпохи крестовыхъ походовъ монеты Фландріи, Артуа, Беарна, Прованса, Кастиліи, Аррагоніи и различныхъ итальянскихъ городовъ, затѣмъ монеты германскихъ императоровъ и архіепископовъ Кёльна и Майнца, монеты англійской чеканки и византійскіе типы, отчеканенные норманнами въ Неаполѣ, Салерно и Беневентѣ. Въ Палестинѣ крестоносцы нашли уже въ обращеніи греческую и арабскую монету, а бароны вновь завоеванныхъ феодовъ вскорѣ стали чеканить свою собственную, по большей части мѣдную и мелкую

серебряную монету для обращенія въ странѣ. Впрочемъ, для крупныхъ торговыхъ оборотовъ, въ особенности съ Востокомъ, возникла особая золотая монета—это Byzantii sarracenati, чеканившіяся въ Акконѣ, Тирѣ, Триполисѣ. На этомъ франкскомъ золотѣ вычеканены были арабскія надписи изъ корана съ именами калифовъ и годовъ геджры. Чеканка „сарацинскихъ бизантіевъ" составляла привилегію венеціанцевъ. Съ Людовикомъ IX прибылъ въ Св. Землю папскій легатъ—кардиналъ и епископъ Тускулума Эддъ де-Шатору; онъ нашелъ, что обращеніе въ странѣ монеты съ надписями изъ корана составляетъ оскорбленіе для христіанства и идетъ въ разрѣзъ съ цѣлями крестовыхъ походовъ; поэтому онъ подъ страхомъ отлученія отъ церкви запретилъ ихъ употребленіе. По его ходатайству, папа Иннокентій IV подтвердилъ это запрещеніе. Дабы торговыя сношенія съ Востокомъ не терпѣли ущерба отъ недостатка подходящей монеты, венеціанцы продолжали чеканить золото по арабскимъ образцамъ и съ надписями арабскими буквами, однако по своему содержанію эти надписи стали теперь христіанскими: въ серединѣ монеты можно найти даже крестъ. Обиліе сортовъ денегъ вело къ развитію промысла мѣнялъ и понятію денежнаго курса, т.-е. пропорціи, въ какой обмѣнивались различные сорта монеты. Для перевода въ Палестину большихъ суммъ денегъ стали употреблять векселя и тратты (т.-е. переводы суммы денегъ, внесенной, напрм., банкиру въ Генуѣ въ одной монетной единицѣ, на другого банкира въ Палермо съ уплатой въ иной монетѣ). Банкирскими операціями, связанными съ крестовыми походами, занимались въ большихъ размѣрахъ тампльеры. Когда сиръ де-Жуанвиль получилъ приказаніе взять у тампльеровъ сумму въ 30 тысячъ ливровъ, которой не хватало для выкупа Людовика Св., то онъ силой проникъ въ сокровищницу магистра ордена и овладѣлъ заимообразно вкладами богатыхъ паломниковъ и крестоносцевъ, положенными туда на храненіе. Но храмовники не только принимали вклады, но и давали взаймы: у нихъ занимали Людовикъ VII и Генрихъ III Англійскій; но круглыя суммы, проставленныя въ долговыхъ роспискахъ, наводятъ на мысль, что ссуды дѣлались за процентъ, которые ради тайны приписывались къ капиталу. Черезъ посредство духовнорыцарскихъ орденовъ переводились въ Палестину и пожертвованія, собранныя на Западѣ римской церковью въ пользу крестоносцевъ.

Италіанскія колоніи.

Левантская торговля вызвала къ существованію цѣлую сѣть европейскихъ колоній на берегахъ Сиріи, Архипелага и Чернаго моря. И въ торговлѣ и въ городской жизни Палестины видная роль

выпала на долю генуэзцевъ, пизанцевъ и венеціанцевъ. Въ 1097 г. генуэзцы на 12 галерахъ вошли въ гавань св. Симеона и помогли своимъ флотомъ крестоносцамъ при осадѣ Антіохіи; за эти услуги Боэмундъ пожаловалъ имъ въ городѣ 30 домовъ, церковь св. Іоанна, базаръ (фондако) и фонтанъ. Во время осады Іерусалима въ 1099 г., предпріимчивые генуэзцы были со своимъ флотомъ въ Яффѣ и поддерживали оттуда крестоносцевъ; они же завоевали для короля Балдуина въ 1101 г. городъ Арзуфъ и Цезарею, а въ 1104 г. Акконъ (С. Жанъ д'Акръ). Въ награду генуэзцы получили въ собственность третью долю каждаго изъ этихъ городовъ съ соотвѣтствующей частью подгородной области, кромѣ того, въ Акконѣ одну треть съ пошлинъ, собиравшихся въ гавани, а въ Іерусалимѣ и Яффѣ—особые кварталы и, наконецъ, право на одну четверть въ каждомъ городѣ, который падетъ съ ихъ помощью. Генуэзцы потребовали у Балдуина позволенія прибить въ абсидѣ (нишѣ) церкви Гроба Господня позади главнаго алтаря доску, на которой золотыми буквами вырѣзано было перечисленіе всѣхъ пожалованій короля. Менѣе счастливы въ пріобрѣтеніи колоній были пизанцы; зато венеціанцы съ теченіемъ времени оставили позади себя всѣ другіе италіанскіе города по умѣнію извлекать торговыя выгоды изъ помощи, оказываемой крестоносцамъ. Въ 1100 г. они пристали на 200 судовъ къ гавани Яффа и заключили съ Готфридомъ Бульонскимъ договоръ, по которому блюститель Гроба Господня предоставлялъ имъ въ каждомъ городѣ королевства церковь и мѣсто, удобное для рынка, и полную свободу отъ пошлинъ; кромѣ того, въ каждомъ городѣ, который будетъ взятъ съ ихъ помощью въ ближайшую компанію, они должны были получить треть въ полную собственность; такъ возникла впослѣдствіи ихъ цвѣтущая колонія въ Сидонѣ. Въ царствованіе Балдуина II за новую помощь противъ невѣрныхъ Венеція добилась и новыхъ льготъ; по договору 1123 г., венеціанцы въ Іерусалимѣ получили кварталъ, равный владѣніямъ самого короля, а въ каждомъ городѣ королевства вообще цѣлую улицу, базарную площадь, церковь, баню и пекарню, полную свободу отъ всякихъ ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ и, наконецъ, въ первыхъ двухъ городахъ, которые будутъ завоеваны у невѣрныхъ, имъ и на этотъ разъ обѣщана была треть. Слѣдующей весной палъ Тиръ, и обѣщанная треть тотчасъ же была выдана венеціанцамъ; правда, для защиты города они должны были доставлять воиновъ пропорціонально своей трети. Укрѣпленное положеніе Тира давало Венеціи большое преимущество передъ ея соперниками —

Генуей и Пизой. Торговыя колоніи италіанскихъ горожанъ въ береговыхъ городахъ Сиріи назывались офиціально коммунами, хотя колонисты и не имѣли независимаго самоуправленія. Дома, склады для товаровъ (fondaco), базарныя площади, лавки, церковь и все, что вообще составляло коммуну, не принадлежало жившимъ въ ней гражданамъ, а составляло общественную собственность ихъ государства на Западѣ, т. е. Венеціи, Пизы и Генуи, которыя и предоставляли угодья колоніи только во временное пользованіе за извѣстную плату. Поэтому и высшія должностныя лица въ коммунахъ назначались метрополіей. Первоначально эти чиновники назывались виконтами, впослѣдствіи у генуэзцевъ и пизанцевъ консулами, а у венеціанцевъ--бальи (bajulus—bailo). Еще позднѣе, надъ всѣми колоніями одной и той же области ставился обыкновенно только одинъ консулъ или бальи, который и жилъ въ главной коммунѣ. Венеція, наприм., назначала въ Сирію одного главнаго бальи изъ знати, который жилъ въ Акконѣ (Bajulus Venetorum in Accon, in Tyro et in tota Siria и т. п.); ему бывали уже подчинены бальи въ Тирѣ и консулъ въ Бейрутѣ. Исключительное положеніе такихъ коммунъ сказывалось преимущественно въ судопроизводствѣ: члены коммуны по гражданскимъ и мелкимъ уголовнымъ дѣламъ не подлежали суду палаты горожанъ всего города, а своимъ собственнымъ присяжнымъ, подъ предсѣдательствомъ виконта коммуны. Но для италіанскихъ городовъ были важны не только ихъ кварталы въ приморскихъ гаваняхъ Сиріи, но и тѣ подгородныя сельскія области, которыя къ нимъ примыкали. Эти земли распадались на отдѣльные хутора (casale), обрабатываемые крѣпостными сирійцами подъ наблюденіемъ гастальдіоновъ (приказчиковъ); здѣсь разводились виноградники и плантаціи сахарнаго тростника. Венеціи, наприм., въ половинѣ XIII в. принадлежало вокругъ Тира около 80 казалій. Коммуны-землевладѣльцы представляли рѣзкую противоположность окружающему чисто-феодальному строю общества XII в.

Смѣшанная культура. Въ Іерусалимскомъ королевствѣ смѣшались не только племена, но и ихъ языки и культуры. Литература, костюмъ, образъ жизни крестоносцевъ и колонистовъ Сиріи носилъ отпечатокъ взаимодѣйствія Востока и Запада. Изъ Палестины эти заимствованія и новшества быстро заносились въ Италію и Францію. Средневѣковый французскій языкъ обогатился теперь словами арабскаго происхожденія. Наприм., въ горной области на С.-В. отъ Триполиса держалась фанатичная магометанская секта, истреблявшая своихъ противниковъ посредствомъ тайнаго убійства; членовъ ея

звали курильщиками конопли (гашишинъ): отсюда пошло французское слово assassin, какъ названіе для убійцы вообще. Фисташка и лимонъ среди плодовъ, мусселинъ (отъ Мосула) и дамà (отъ Дамаскъ) среди тканей, кафтанъ и бурнусъ среди одеждъ вели свое происхожденіе изъ обиходной рѣчи Востока. Одно заимствованіе оказало впослѣдствіи важное вліяніе на вооруженіе войска— это восточный арбалетъ. Еще въ 1097 г. крестоносцы не знали его и бѣжали отъ турокъ, вооруженныхъ арбалетами, а въ 1139 г. второй Латеранскій соборъ грозилъ уже отлученіемъ тѣмъ, кто будетъ употреблять это магометанское оружіе противъ христіанъ; очевидно, что одно время арбалетъ по необходимости былъ дозволенъ, но только крестоносцамъ въ ихъ борьбѣ противъ невѣрныхъ. Глубже, нежели внѣшнія заимствованія, отразилось на личности колонистовъ то, что они пережили въ эпоху крестовыхъ походовъ, и весь тотъ складъ восточной жизни, природы и мысли, который окружалъ ихъ изо дня въ день на новой родинѣ. Грандіозныя событія подняли уровень исторической и географической литературы. Первыя историческія свѣдѣнія записали сами участники крестовыхъ походовъ—провансалецъ Раймундъ Агильскій, Фулькъ Шартскій или наприм., какой-нибудь норманскій рыцарь изъ отряда Боэмунда Тарентскаго; такія записи живо передавали религіозное одушевленіе первыхъ крестоносцевъ или, по крайней мѣрѣ, точно изображали самыя событія перваго похода. Затѣмъ появились обширные историческіе труды, которые сплетали отдѣльные разсказы въ одно художественное произведеніе. Таковъ былъ трудъ архіепископа тирскаго Вильгельма. Вильгельмъ родился, вѣроятно, въ Іерусалимѣ около 1130 г. Продолжительными научными занятіями на Западѣ онъ подготовилъ себя къ духовной должности, но въ отличіе отъ другихъ хроникёровъ-клериковъ Вильгельмъ Тирскій въ совершенствѣ владѣлъ греческимъ и даже арабскимъ языкомъ и, кромѣ отцевъ церкви, хорошо зналъ античныхъ латинскихъ поэтовъ, оратора Цицерона и историка Ливія. Чтеніе дало ему художественные образцы, а сама жизнь—болѣе широкіе взгляды на событія. Какъ лицо, близкое къ королю Амальриху, какъ воспитатель и (съ 1174 г.) канцлеръ его сына Балдуина IV, Вильгельмъ Тирскій бывалъ и при дворѣ Византійскаго императора Мануила, и въ Іерусалимѣ, и въ Римѣ. Его литературныя произведенія были такъ же разнообразны, какъ и его дѣятельность. Во время управленія папы Александра III ему поручено было изложить пренія и постановленія Латеранскаго собора 1197 г., въ которомъ онъ самъ принималъ участіе, а ко-

роль Амальрихъ воодушевилъ его написать (не дошедшую до насъ) исторію магометанскихъ государей съ появленія пророка и доставилъ ему нужные арабскіе источники. Разсказывая исторію крестовыхъ походовъ (Historia Rerum in partibus transmarinis gestarum), Вильгельмъ Тирскій не обнаруживаетъ ни особой ненависти къ исламу, ни наивнаго увлеченія воинскими подвигами, какъ хроникёры, участвовавшіе въ первомъ крестовомъ походѣ. Въ возникновеніи крестовыхъ походовъ онъ видитъ непосредственное вмѣшательство Провидѣнія въ дѣла людей, но разъ движеніе началось, оно, по изложенію Вильгельма Тирскаго, повинуется уже естественнымъ законамъ причины и слѣдствія, а побѣды и пораженія часто объясняются человѣческой доблестью и слабостью. Архіепископъ любитъ Іерусалимское королевство, какъ свою родину, но въ сужденіяхъ о его исторіи не увлекается иллюзіями энтузіастовъ, а произноситъ эти сужденія по соображеніямъ политики и военнаго искусства. Пребываніе въ колоніяхъ давало еще болѣе географамъ: въ трудахъ арабскихъ и греческихъ ученыхъ они находили теорію, а изъ устъ магометанскихъ и христіанскихъ паломниковъ, купцовъ, миссіонеровъ черпали живые разсказы объ отдаленныхъ окраинахъ Азіи. Путешествія Рубрука и Марко Поло естественно вытекали изъ сношеній съ Востокомъ, установленныхъ французскими королями и италіанскими коммунами во время крестовыхъ походовъ. Подъ вліяніемъ арабскихъ переводовъ пробуждался здѣсь на Востокѣ интересъ къ греческимъ классикамъ, въ особенности къ Аристотелю и Птоломею.

Крестовые походы привели къ послѣдствіямъ, неожиданнымъ для ихъ руководителей: они подорвали тѣ основные взгляды западнаго человѣчества, которые вызвали въ концѣ XI в. самую борьбу съ Востокомъ. Вмѣсто вражды къ исламу въ предѣлахъ Іерусалимскаго королевства установились мирныя сношенія съ магометанами. Франки среди благословенной южной природы подпали обаянію утонченной и жизнерадостной арабской культуры, направленной къ изученію и наслажденіямъ земной жизни и видимаго міра. Географическій горизонтъ расширился за предѣлы Средиземнаго моря. Узость воззрѣній римской церкви, отождествлявшей себя съ церковью христіанской вообще, становилась очевидной, когда крестоносецъ видѣлъ греко-православные храмы въ Византіи или богослуженіе древне-христіанскихъ сектъ въ Сиріи. Античной языческой культурой вѣяло на него и отъ архитектурныхъ памятниковъ, и отъ устной рѣчи греческаго населенія, и изъ литературы ара-

бовъ, усвоившей себѣ въ переводахъ древне-классическую философію и науку. Даже смѣшеніе разнообразныхъ племенъ въ одномъ общемъ предпріятіи вмѣсто обезличенія человѣчества подъ міровой властью папъ повело къ сознанію своей національности, а живая человѣческая личность, освободившись отъ вліянія и надзора среды, научалась предъявлять къ жизни свои собственныя требованія. Въ Палестинѣ зарождался тотъ процессъ броженія, который къ XIII в. охватилъ всю культурную массу Западной Европы и породилъ первые проблески Возрожденія (Ренессанса, Trecento). Въ этомъ историческая заслуга сирійскихъ колоній, основанныхъ крестоносцами-купцами и рыцарями: онѣ вырабатывали новую закваску для европейскихъ метрополій. Историческая жизнь даетъ, однако, въ итогѣ не только новыя идеи, но и новые типы людей для ихъ осуществленія: какъ разъ эти восточныя колоніи и левантская торговля питали въ теченіе столѣтій торговые и промышленные города Италіи, граждане которыхъ явились носителями идей Возрожденія.

II.

Учрежденія и право. Іерусалимскія ассизы.

Рыцарство перваго крестоваго похода, завоевавшее Палестину, передало вновь основаннымъ государствамъ феодальный строй своей родины. Іерусалимское королевство въ тѣсномъ смыслѣ слова было только одной изъ бароній, основанныхъ крестоносцами, и, даже какъ общее названіе для всѣхъ четырехъ государствъ, не столько господствовало надъ тремя другими (княжествомъ Антіохіей, графствами Триполисомъ и Эдессой), сколько лишь верховенствовало между ними, какъ первое государство между равными. Іерусалимское королевство, въ тѣсномъ смыслѣ слова, составляло только южную часть владѣній крестоносцевъ — приблизительно отъ Аскалона до Бейрута на сѣверѣ. Князь Антіохійскій, графы Триполиса и Эдессы по почету стояли ниже Іерусалимскаго короля, но они не были его вассалами и не несли никакихъ обязательныхъ повинностей. Какъ баронія, Іерусалимское королевство распадалось внутри на составныя части уже чисто феодальнаго характера. Изъ городовъ, кромѣ Іерусалима, ему принадлежали Наблусъ, Акконъ и Тиръ, которые вмѣстѣ со многими мѣстечками и селами составляли

Составъ Іерусалимскаго королевства.

должностныя лица: сенешалъ, коннетабль, маршалъ и т. д., былъ свой феодальный дворъ (la haute cour), а въ чрезвычайныхъ случаяхъ по почину короля и патріарха созывались особые „парламенты“ (совѣщанія), въ которыхъ принимали участіе бароны, епископы, аббаты, чужеземные короли-крестоносцы и т. п. Но что же это были за ассизы, которымъ присягали іерусалимскіе короли, какъ основнымъ законамъ государства? До насъ онѣ не дошли, и ихъ приходится возстановлять по тѣмъ частнымъ записямъ, или трактатамъ юристовъ-феодаловъ, которые возникли или, по крайней мѣрѣ, сохранились на островѣ Кипрѣ. Гвидо Лузиньянъ, послѣдній король іерусалимскій, съ согласія Ричарда Львиное сердце, перекупилъ этотъ островъ у тампльеровъ; сюда, какъ живой обычай, перенесены были и ассизы Іерусалимскаго королевства изъ Аккона, гдѣ засѣдали феодальныя палаты послѣ утраты Св. Града. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, подъ именемъ „Ассизъ Верхней Палаты“ (Assises de la Haute Cour), т. е. палаты ленниковъ, извѣстны главнымъ образомъ трактаты юристовъ-феодаловъ Кипрскаго королевства XIII в. — Филиппа Наваррскаго и Жана д'Ибелина. Филиппъ Наваррскій былъ упорнымъ противникомъ Фридриха II Гогенштауфена, а Жанъ д'Ибелинъ сопровождалъ Людовика IX въ крестовомъ походѣ противъ Египта. Подъ именемъ „Ассизъ Палаты буржуа“ (Assises de la Cour des bourgeois), т. е. палаты горожанъ, сохранился на Кипрѣ трактатъ неизвѣстнаго юриста, возникшій, вѣроятно, еще до утраты Іерусалима на почвѣ самой Палестины. Точно также до основанія Кипрскаго королевства и въ предѣлахъ самого королевства Іерусалимскаго возникла, вѣроятно, небольшая книга, посвященная ленному праву и извѣстная подъ заглавіемъ „le Livre au Roi“; въ этой „книгѣ короля“ изложеніе сжато, и языкъ ближе къ своду законовъ, чѣмъ къ юридическому трактату. Таковы главныя записи Іерусалимскихъ ассизъ. Въ концѣ крестовыхъ походовъ въ маѣ 1291 г. палъ Акконъ (S. Jean d'Acre), послѣднее владѣніе христіанъ въ Сиріи; съ тѣхъ поръ преданія Іерусалимскаго королевства держались еще только на островѣ Кипрѣ, гдѣ болѣе 300 лѣтъ правила династія Гвидо Лузиньяна. Эта традиція и дошла до насъ въ трудахъ кипрскихъ юристовъ, найденныхъ въ Венеціи [1]). Что же разумѣли *они* подъ Іерусалимскими ассизами? Жанъ д'Ибелинъ разсказываетъ по этому поводу слѣдующее преданіе.

---

[1]) Въ концѣ XV в. Кипръ принадлежалъ Венеціи.

Предавіе о „Письмахъ Гроба Господня“.

Князья и бароны, завоевавшіе Іерусалимское королевство, избрали было королемъ и сеньёромъ герцога Годфрида Бульонскаго, который, впрочемъ, не захотѣлъ носить золотого вѣнца тамъ, гдѣ Іисусъ Христосъ носилъ терновый, и попрежнему называлъ себя только герцогомъ. Желая, чтобы королевство имѣло хорошій строй, а его населеніе управлялось и судилось согласно справедливости и разуму, Годфридъ, по совѣту патріарха, князей, бароновъ и наиболѣе мудрыхъ лицъ, какія только нашлись, избралъ свѣдущихъ людей, дабы они путемъ разспросовъ узнали отъ уроженцевъ различныхъ земель, собравшихся въ Іерусалимъ, обычаи ихъ родины. Свѣдущіе люди собрали эти свѣдѣнія и записи представили герцогу Бульонскому. Тогда Годфридъ опять собралъ патріарха, князей, бароновъ и наиболѣе мудрыхъ лицъ, какія только нашлись, велѣлъ прочесть имъ все записанное, и, по ихъ совѣту и съ ихъ одобренія, выбралъ изъ записанныхъ обычаевъ тѣ, которые казались ему хорошими, и сдѣлалъ ихъ ассизами и обычаями, которыхъ должно держаться, соблюдать ихъ и пользоваться ими въ Іерусалимскомъ королевствѣ. Затѣмъ, Годфридъ установилъ будто бы двѣ свѣтскія палаты для суда—„Верхнюю Палату“ (la Haute Court) изъ вассальныхъ рыцарей и „Палату горожанъ“ (la Court de la Borgesie) изъ лучшихъ горожанъ. Во главѣ Верхней Палаты, гдѣ разбирались дѣла вассаловъ, сталъ въ качествѣ правителя и судьи самъ Годфридъ; во главѣ „Палаты горожанъ“, гдѣ разбирались дѣла остального населенія, онъ поставилъ своимъ замѣстителемъ зависимаго человѣка (виконта). Все это было установлено съ общаго согласія сеньёра, его вассаловъ и горожанъ. Для каждой изъ Палатъ были установлены свои особыя ассизы и обычаи (отсюда понятіе Ассизъ Верхней Палаты и Ассизъ Палаты буржуа). Будто бы впослѣдствіи Годфридъ и его преемники исправляли ассизы, съ совѣта патріарха, бароновъ, высшихъ ленниковъ и самыхъ мудрыхъ людей государства, рыцарей, клериковъ и мірянъ. Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно при высадкѣ новаго отряда крестоносцевъ (новомъ passage), король собиралъ въ городѣ Акконѣ (С. Жанъ д'Акръ) патріарха и другихъ совѣтниковъ и поручалъ разузнавать отъ свѣдущихъ людей, приходившихъ изъ различныхъ частей свѣта, обычаи этихъ странъ и записывать ихъ. Нѣкоторые короли посылали даже пословъ въ иныя государства, чтобы изучать тамошніе обычаи. Будто бы всѣ установленные въ Іерусалимскомъ королевствѣ ассизы, порядки и обычаи (assises, usages et coutumes) были записаны прописными буквами; при этомъ первая

Жаномъ д'Ибелиномъ, не выдерживаетъ критики: его приходится урѣзывать. Кипрскій юристъ ведетъ отъ Годфрида чуть ли не всѣ основные законы и учрежденія Іерусалимскаго королевства, подобно тому, какъ весь строй Кипрскаго государства преданіе приписывало дѣятельности Гвидо Лузиньяна. Жанъ д'Ибелинъ предполагаетъ съ самаго начала стройную феодальную организацію ленниковъ и коммунальный строй городовъ. Этому представленію объ Іерусалимѣ противорѣчитъ разсказъ Вильгельма Тирскаго; по его словамъ, еще къ концу царствованія Балдуина I городъ былъ такъ скудно населенъ, что жителей едва хватало на защиту воротъ, башенъ и стѣнъ. Сарацины или погибли при паденіи Іерусалима, или были изгнаны, а франковъ было такъ мало и такъ они были бѣдны, что едва могли заселить одинъ кварталъ столицы. Нельзя преувеличивать и числа сирійцевъ, которыхъ турки угнетали по городамъ и избивали при первомъ приближеніи христіанскаго войска. Въ такомъ же положеніи были и другіе города, а многіе вовсе еще не были завоеваны. Правда, у того же Вильгельма Тирскаго въ грамотѣ отъ 1100 г. рыцари (milites) уже противополагаются горожанамъ (burgenses), и упоминается даже виконтъ Верхней Палаты Буржуа, но все это только зачатки коммуны (burgesia). Итакъ, представленіе Ибелина о городскихъ учрежденіяхъ Годфрида нужно сильно уменьшить: ассизы горожанъ, какъ они дошли, и тѣ 37 палатъ буржуа по городамъ Іерусалимскаго королевства, о которыхъ говоритъ преданіе, могли возникнуть только гораздо позже. То же самое нужно сказать и о Верхней Палатѣ короля (la Haute Cour) и соотвѣтствующихъ ей 22 палатахъ въ бароніяхъ другихъ сеньёровъ. Какіе-нибудь законы, обязательные для руководства, должны были существовать уже при Годфридѣ, но вѣдь для этого годились отечественные кутюмы. Іерусалимское писанное право, если оно вообще было на лицо, могло существовать только въ зародышѣ скромнаго размѣра. Уголовное право, какъ оно изложено у Ибелина и др., во всякомъ случаѣ не могло входить въ ассизы Годфрида. Чѣмъ иначе объяснить, что при Балдуинѣ II сеймъ въ Наблусѣ (Неаполисъ въ Самаріи), созванный въ 1120 г. королемъ и патріархомъ изъ бароновъ, епископовъ, аббатовъ и народа, нашелъ нужнымъ издать въ 25 главахъ постановленія противъ безнравственности, воровства и разбоя? Вильгельмъ Тирскій зналъ ихъ въ архивахъ церквей. Le Livre au Roi приводитъ еще другую ассизу (establissement) первостепенной важности для феодальнаго

общества, но установленную только лишь при Балдуинѣ II: въ ней приведено 12 случаевъ нарушенія ленной присяги (ligèce), т. е. проступки, за которые конфискуется ленъ.

Дѣйствительныя „Письма Гроба Господня".

Но подвергая сомвѣнію кодификацію ассизъ при Годфридѣ Бульонскомъ, нельзя отвергать существованія самыхъ Lettres du S. Sépulcre [1]) (Писемъ Гроба Господня). О нихъ говоритъ и другой кипрскій юристъ, предшественникъ Жана д'Ибелина, Филиппъ Наваррскій, ни словомъ не упоминающій, впрочемъ, о законодательной дѣятельности Годфрида. Этотъ писатель приводитъ даже, откуда самъ онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія о существованіи „Писемъ Гроба Господня",—отъ людей, которые видали „Письма" до 1187 г., т. е. до паденія Іерусалима; но когда Саладинъ взялъ городъ, „Письма" погибли, „и никогда потомъ не было ни письменныхъ ассизъ, ни обычаевъ, ни кутюмовъ". Отъ поколѣнія юристовъ, помнившаго битву при Гиттинѣ, Филиппъ Наваррскій въ молодости получилъ вообще всѣ свои свѣдѣнія о Іерусалимскомъ правѣ. Въ 1218 г. онъ участвовалъ въ первой осадѣ Даміэтты Жаномъ де Бріэнномъ, какъ оруженосецъ сира Пьера Шапъ, и въ свободное время читалъ ему въ слухъ романы. Здѣсь его услыхалъ однажды Рауль Тиверіадскій, сенешалъ королевства Іерусалимскаго, и похвалилъ, какъ онъ читаетъ. Когда затѣмъ Рауль заболѣлъ, Пьеръ Шапъ посылалъ къ нему Филиппа для чтенія вслухъ. Это продолжалось болѣе трехъ мѣсяцевъ. Раулю обыкновенно не спалось, и онъ послѣ чтенія вслухъ начиналъ разсказывать Филиппу о дѣлахъ Іерусалимскаго королевства, о его обычаяхъ и ассизахъ и наказывалъ запоминать все это. Позднѣе кипрскій юристъ встрѣчался въ Бейрутѣ, Акрѣ и на Кипрѣ со старымъ сиромъ Ибелиномъ Бейрутскимъ, котораго приходилось уже разспрашивать, съ Баліаномъ Сидонскимъ, Николаемъ Антіомомъ изъ среды горожанъ и др., но Рауль Тиверіадскій былъ главный авторитетъ въ области права. Напр., про брата Гвидо Лузиньяна, Амальриха, впослѣдствіи короля Кипрскаго (1194—1205), участвовавшаго въ битвѣ при Гиттинѣ въ званіи іерусалимскаго коннетабля, говорили, что онъ зналъ ассизы на память лучше всѣхъ другихъ людей, за исключеніемъ только Рауля. Король Амальрихъ не хотѣлъ оставаться въ зависимости отъ толкованій феодальнаго двора и думалъ было предпринять новую кодификацію ассизъ, утраченныхъ при паденіи Іеру-

[1]) Названіе Lettres могло возникнуть, когда у Св. Гроба хранились еще отдѣльныя ассизы до свода ихъ воедино.

силу только, пока самъ онъ былъ живъ; напротивъ, лены, розданные за порукой Палаты, обязательно утверждались и его наслѣдникомъ. Трактатъ объ ассизахъ горожанъ объявляетъ незаконнымъ поборъ въ $7^1/_2$ су за уклоненіе отъ очистки улицъ только потому, что король Балдуинъ установилъ его безъ совѣта своихъ вассаловъ и своихъ горожанъ. Нечего говорить о томъ, что вся юрисдикція исходила отъ Палаты; ея свидѣтельство (recort) о фактѣ даренія и владѣнія замѣняло собой письменную привилегію. Какія же средства были въ рукахъ отдѣльнаго вассала, чтобы принудить сеньёра подчиниться приговору Палаты и какая гарантія у отдѣльнаго ленника противъ произвола этого всемогущаго собранія?

Принудительныя средства противъ сеньёра.

Если сеньёръ не исполняетъ рѣшенія или постановленія Палаты, то есть три средства понудить его къ тому (destraindre le segnor): 1) заклиная его честью и клятвой, которую онъ далъ — блюсти ассизы; 2) созывая и заклиная своихъ пэровъ (т. е. другихъ ленниковъ того же сеньёра) — понудить сеньёра къ соблюденію постановленій Палаты (par semondre et conjurer ces pers); 3) отказываясь отъ службы, къ которой обязывалъ ленъ (par lui gager de son servise). Прежде, однако, чѣмъ прибѣгнуть къ одному изъ этихъ способовъ, надо сперва нѣсколько разъ повторить свое требованіе въ присутствіи двора (reguerre). Къ этимъ способамъ понужденія ленникъ можетъ прибѣгать, если сеньёръ не платитъ ему ренты, составляющей ленъ, или удерживаетъ часть земельнаго лена и т. п. Порядокъ принужденія былъ таковъ: ленникъ трижды требуетъ удовлетворенія передъ Палатой; затѣмъ, беретъ себѣ совѣтника изъ ея среды и дважды назначаетъ сеньёру срокъ. Когда эти сроки пройдутъ, ленникъ приходитъ къ нему и говоритъ: „я отказываюсь отъ службы, которую я долженъ вамъ за этотъ ленъ". Когда ленникъ откажется отъ службы (gager le service), онъ ждетъ годъ и день, не удовлетворитъ ли сеньёръ его требованія, и не является ни на какіе призывы сеньёра. Затѣмъ, если сеньёръ все-таки не платитъ, тогда ленникъ можетъ выбрать одинъ изъ трехъ обычныхъ путей — усовѣщивать сеньёра, обратиться къ помощи ленниковъ или уже окончательно отказаться отъ службы, поступить куда-либо наемникомъ, взять ленъ у другого сеньёра и т. п. Заклинаніе пэровъ (esconjurement) состоитъ въ томъ, что обиженный созываетъ ихъ и разсказываетъ все дѣло; всѣ пэры тогда въ свою очередь должны временно отказаться отъ феодальной службы (gager le seignor), пока сеньёръ не заплатитъ должнаго обиженному.

Какая же, съ другой стороны, была гарантія у отдѣльнаго ленника противъ произвола всей Палаты? Онъ могъ только объявить всю Палату „безчестной“ (fausser la cour), но это средство было почти неисполнимо. Если ленникъ хочетъ обезчестить Палату и скажетъ, что ея судъ или соображенія, или свѣдѣнія, или рѣшеніе несправедливы или незаконны, тогда, чтобы доказать свое заявленіе, онъ долженъ выйти на поединокъ со всей Палатой и побѣждать по очереди, одного за другимъ, всѣхъ ея членовъ, даже тѣхъ, кто не участвовалъ въ разборѣ дѣла.

Зависимость короля отъ своего феодальнаго двора, который всегда могъ прибѣгнуть къ стачкѣ (gager le service), чтобы настоять на своемъ, должна была вредно отзываться на оборонѣ Іерусалимскаго королевства. Поэтому заслуживаетъ вниманія попытка короля Амальриха—оставаясь на почвѣ феодальныхъ отношеній укрѣпить свою власть и создать себѣ особую военно-политическую силу изъ вавассеровъ, которую всегда можно было бы противопоставить Палатѣ изъ ленниковъ первой руки. Ассиза короля Амальриха составляетъ коренную особенность феодальнаго строя въ Палестинѣ. Поводомъ къ изданію этой ассизы послужила война между Амальрихомъ и Жираромъ, сеньёромъ Сета (Сидона) и Бофора. Война возгорѣлась вслѣдствіе того, что Жираръ лишилъ одного изъ своихъ вассаловъ лена безъ вѣдома и рѣшенія двора. По миру, заключенному между королемъ и сеньёромъ Сета, Жираръ вернулъ своему вассалу ленъ и вознаградилъ его за всѣ убытки. При этомъ случаѣ феодальный дворъ, состоявшій изъ короля, Жирара, всѣхъ бароновъ, высшихъ вассаловъ и вообще всѣхъ тѣхъ ленниковъ, отъ которыхъ въ свою очередь зависѣли вассалы второй руки (вавассеры), составилъ и установилъ новую ассизу. Ассиза гласила, чтобы всѣ вавассеры королевства принесли присягу ближней зависимости (ligèce) главному сеньёру (королю) за лены, которые они держали отъ его вассаловъ, и что если король хочетъ имѣть присягу въ вѣрности отъ людей, живущихъ по городамъ, замкамъ, бургамъ, то пусть всѣ они дадутъ ему присягу и несутъ въ силу нея тѣ же обязанности, которыми связаны вавассеры въ силу присяги о ближней зависимости. Что же такое эта ligèce? Описывая обрядъ, посредствомъ котораго устанавливалась вассальная зависимость (колѣнопреклоненіе, вложеніе рукъ въ руки сеньёра, поцѣлуй въ губы), Жанъ д'Ибелинъ различаетъ два типа вассальной зависимости на Востокѣ: болѣе обыкновенная (между вавассерами и вассалами первой руки) устанав-

Ассизы короля Амальриха.

ливается посредствомъ hommage, болѣе тѣсная зависимость (hommage lige, ligèce) допускалась въ Іерусалимскомъ королевствѣ только по отношенію къ главному сеньёру. Дѣло въ томъ, что hommage можно было приносить нѣсколькимъ сеньёрамъ, отъ которыхъ вассалъ держалъ лены; надо было только при каждой новой присягѣ оговаривать свой первый hommage или ligèce (sauver son premier seignor), т. е. своему второму сеньёру вассалъ давалъ обѣщаніе помогать противъ всѣхъ, кромѣ своего перваго сеньёра. Но присягу ближней зависимости (ligèce) можно было на Востокѣ произносить только одинъ разъ, и поэтому вассалы и вавассеры (по ассизѣ Амальриха) давали ее главному сеньёру (королю): противъ него они никогда не должны были помогать вооруженной рукой. Ассиза Амальриха дала возможность королю опираться на вавассеровъ и даже на горожанъ противъ непокорныхъ ленниковъ первой руки. Если, напр., главный сеньёръ призываетъ своего непосредственнаго вассала къ участію въ Верхней Палатѣ, а тотъ не идетъ, тогда король можетъ (опираясь на hommage lige) обратиться за содѣйствіемъ къ вавассерамъ непокорнаго вассала. Эти hommes liges (вавассеры) должны явиться къ своему непосредственному сеньёру и требовать, чтобы тотъ въ теченіе сорока дней непремѣнно явился къ королю. Когда сорокъ дней прошли, тогда всѣ вавассеры должны покинуть своего непосредственнаго сеньёра и идти къ сеньёру верховному; при этомъ они, конечно, теряютъ свои лены и терпятъ убытки, за которые ихъ долженъ вознаградить король. Но такъ какъ всѣ феодальныя повинности обоюдны, то, въ силу той же ассизы, главный сеньёръ долженъ оказывать поддержку вавассерамъ противъ ихъ непосредственныхъ сеньёровъ. Если кто-либо изъ непосредственныхъ ленниковъ короля наложитъ руку на личность или ленъ вавассера безъ постановленія своего двора (палаты), или откажетъ ему въ судѣ или исполненіи приговора, тогда верховный сеньёръ долженъ освободить неправильно заключеннаго или помочь ему вернуть ленъ. Вслѣдствіе ассизы Амальриха ленники второй руки, давшіе главному сеньёру королевства присягу ближней зависимости, могли сидѣть въ Верхней Палатѣ короля наравнѣ съ непосредственными вассалами его; ассиза эта объединяла между собой всѣхъ вавассеровъ, дѣлала ихъ „пэрами“ другъ для друга и связывала обязанностью взаимной поддержки противъ непосредственныхъ сеньёровъ.

Къ особенностямъ феодализма въ Палестинѣ надо отнести и крайнее развитіе денежныхъ леновъ. Крестоносцы-рыцари не вхо-

дили въ подробности сельскаго хозяйства, а довольствовались только рентой отъ сирійцевъ и арабовъ, оставшихся на земляхъ въ качествѣ крѣпостныхъ. Поэтому рыцари и своимъ вассаламъ отводили часто въ ленъ не опредѣленный участокъ земли, а извѣстную часть ренты. Между ленниками и ленами съ крѣпостнымъ населеніемъ не устанавливалось никакихъ прочныхъ отношеній, и о патріархальномъ духѣ феодальной жизни здѣсь не могло быть и рѣчи. Съ другой стороны, точное опредѣленіе суммы, составлявшей денежный ленъ, давало вассалу право требовать недоборъ съ сеньёра и грозить въ противномъ случаѣ отказомъ отъ службы.

Вообще феодальный строй, подававшій часто поводы къ внутреннимъ раздорамъ, ослаблялъ Іерусалимское королевство и въ значительной степени содѣйствовалъ его паденію. Но вѣдь первые крестоносцы, создавшіе его, были убѣждены, что само Провидѣніе непосредственно ведетъ ихъ къ побѣдамъ и торжеству, и не придавали цѣны соображеніямъ мірской политики и тактики. И новый приливъ рыцарей съ Запада, и вниманіе палестинскихъ бароновъ всегда устремлялись къ Іерусалиму — по соображеніямъ религіи: тамъ была главная святыня—Гробъ Господень. Ленники не были даже обязаны служить сеньёру за предѣлами государства, хотя внутри границъ ихъ можно было задержать на дѣйствительной службѣ до году. А между тѣмъ, если бы какой-нибудь государственный человѣкъ или стратегъ отрѣшился отъ привязанности къ Іерусалиму, какъ религіозному центру, ему стало бы ясно, что Гробъ Господень надо было завоевывать на Эвфратѣ и въ Мосулѣ, гдѣ было средоточіе могущества сельджуковъ, а не на берегахъ Іордана. На Югѣ, въ Египтѣ, калифатъ Фатимидовъ былъ въ упадкѣ, и самыя опасныя границы христіанскихъ государствъ находились на Сѣверѣ и на Востокѣ. Вполнѣ разумно было стремленіе завоевать Сирійское побережье, дабы обезпечить сношенія съ Западомъ, но для укрѣпленія границъ слѣдовало еще овладѣть эмиратами Дамаскомъ и Алеппо, захватить Гарранъ и Ракку и всѣ переправы черезъ Эвфратъ. Но эпоха крестовыхъ походовъ умѣла цѣнить только Іерусалимъ.

III.

Духовно-рыцарскіе ордена. Процессъ тампльеровъ.

Іоанниты. Идея крестовыхъ походовъ всего цѣльнѣе воплотилась и долѣе всего держалась въ духовно-рыцарскихъ орденахъ. Жертвуя собой и своими деньгами ради борьбы съ невѣрными, эти ордена заняли исключительное положеніе и на Востокѣ и на Западѣ, сосредоточивши въ своихъ рукахъ крупныя поземельныя пожертвованія щедрыхъ благотворителей: въ силу этого они на ряду съ итальянскими купцами стали посредниками между двумя культурами — Европы и Азіи. Но міровая извѣстность и политическое могущество отвлекали ихъ отъ первоначальныхъ скромныхъ цѣлей. Вѣрнѣе другихъ оставался преданію орденъ іоаннитовъ. Выросши изъ общины, посвятившей себя уходу за бѣдными и больными, въ рыцарскій союзъ для борьбы съ невѣрными, онъ всегда продолжалъ развивать свою полезную дѣятельность въ обоихъ направленіяхъ и въ Палестинѣ, и на Родосѣ, и даже на Мальтѣ, постепенно суживаясь и замирая. По противоположному пути пошелъ орденъ тампльеровъ: опираясь на поземельную собственность и на исключительныя привилегіи, дарованныя церковью, онъ развился въ независимую политическую силу, на которую съ опасеніемъ и завистью стали глядѣть и свѣтскія власти и католическое духовенство: могущество и стремленіе обособиться погубили тампльеровъ. Больше политическаго смысла и дальновидности обнаружилъ самый молодой изъ орденовъ — нѣмецкій. Еще раньше, чѣмъ утрачены были христіанами ихъ послѣднія владѣнія на Востокѣ, рыцари нѣмецкаго ордена нашли за Вислой новое поприще для борьбы съ невѣрными и сумѣли развитіе политическаго вліянія совмѣстить съ прежней культурно-религіозной цѣлью.

Колыбелью ордена іоаннитовъ былъ страннопріимный домъ (госпиталь), основанный частнымъ жертвователемъ въ Іерусалимѣ. Незадолго до начала крестовыхъ походовъ богатый гражданинъ Амальфи Панталеонъ Мауро основалъ госпиталь съ пріютомъ для купцовъ и паломниковъ въ Антіохіи; затѣмъ, получивъ въ даръ отъ калифа Мостансеръ Биллахъ участокъ земли въ христіанскомъ кварталѣ Іерусалима, онъ основалъ и здѣсь монастырь S. Марія [illegible] долженъ былъ служить убѣжищемъ для купцовъ

изъ Амальфи, ведшихъ въ XI в. левантскую торговлю; рядомъ возникъ позднѣе и женскій монастырь S. Maria Magdalena съ пріютомъ для паломницъ. Оба учрежденія въ Іерусалимѣ распространили вскорѣ свою благотворительность на всѣхъ римско-католиковъ, но они далеко не могли удовлетворять всѣхъ нуждавшихся въ помощи съ тѣхъ поръ, какъ послѣ завоеванія Св. Града въ 1099 г. усилился приливъ паломниковъ. Ивотъ, девять знатныхъ юношей съ Гергардомъ во главѣ соединились въ общину ради ухода за паломниками. Подъ охраной св. Іоанна Милостиваго, котораго замѣстилъ впослѣдствіи Іоаннъ Креститель, они поселились въ госписѣ не далеко отъ монастырей Панталеона Мауро. Слухи о ихъ самоотверженной дѣятельности проникли на Западъ, и пожертвованія стали сыпаться на нихъ. Въ южной Франціи они получили въ даръ земли еще въ началѣ XII столѣтія. Но паломничество въ предѣлахъ Палестины не было безопасно; община должна была расширить кругъ своихъ заботъ и стала съ оружіемъ въ рукахъ охранять пилигримовъ на пути отъ береговыхъ пристаней къ Св. Граду. Отсюда выросъ мало-по-малу обѣтъ всѣхъ рыцарей Госпиталя — биться противъ невѣрныхъ; образцомъ могъ служить при этомъ только что возникшій орденъ тампльеровъ. Такъ сложился цѣлый духовно-рыцарскій орденъ, первымъ магистромъ котораго сталъ преемникъ Гергарда — Раймундъ дю-Пюи. При Раймундѣ данъ былъ и уставъ ордену, но подлинникъ хартіи съ папскимъ утвержденіемъ погибъ при паденіи Аккона въ 1291 г., и въ 1300 г. Бонифацію VIII пришлось еще разъ подтвердить копію съ утраченнаго документа. Раймундъ, „бѣдный рабъ Христа и хранитель Госписа въ Іерусалимѣ", требуетъ, по этому уставу, обѣта непорочности, послушанія и отреченія отъ собственности ото всѣхъ, кто хочетъ посвятить себя служенію бѣднымъ. Они должны довольствоваться водой и хлѣбомъ и ходить въ самой простой одеждѣ, такъ какъ, вѣдь, ихъ господа-нищіе, которымъ они должны служить, терпятъ отъ нужды и наготы, а рабу не подобаетъ роскошествовать, когда господинъ бѣдствуетъ. Мысль, что бѣдняки — господа для рыцарей [1]), легла въ основаніе всего учрежденія. Она выражалась въ цѣломъ рядѣ символическихъ обрядовъ; наприм., когда братья, собиравшіе пожертвованія, возвращались домой, то они клали сборы въ больничной палатѣ передъ своими „господами", т. е. призрѣваемыми. Призрѣніемъ бѣдныхъ и больныхъ орденъ

[1]) Quia domini nostri pauperes.

іоаннитовъ не пренебрегалъ и тогда, когда уже достигъ богатства. Кругъ его дѣятельности съ годами даже расширился, тщательность ухода усилилась. По правиламъ Раймунда дю-Пюи, больной, нуждавшійся въ помощи Госпиталя, долженъ былъ сначала исповѣдаться передъ духовникомъ ордена и пріобщиться; тогда ему отводили койку и снабжали всѣмъ нужнымъ, какъ своего „господина“.

Но въ 1181 г. при Госпиталѣ іоаннитовъ было уже четыре ученыхъ врача, чтобы опредѣлять болѣзни и дѣлать братьямъ ордена указанія относительно приготовленія лѣкарствъ. Собранія капитула ордена издаютъ точныя постановленія о размѣрахъ коекъ для больныхъ, о теплой одеждѣ, пищѣ и т. п. По обычаю, больнымъ давали трижды въ недѣлю свѣжую свинину и баранину, а кто былъ на діэтѣ, тому курицу. Каждая провинція ордена должна была доставлять въ Госпиталь тѣ произведенія, которыми она особенно славилась; наприм., пріоръ владѣній ордена во Франціи посылалъ ежегодно въ Іерусалимъ 100 кусковъ зеленаго сукна на одѣяла больнымъ; пріоры Пизы и Венеціи доставляли крашеныя бумажныя ткани, а бальи Тиверіады—сахаръ. Всю черную работу по уходу за больными несли не сами рыцари, а причисленные къ ордену „служащіе братья“. Такая систематичность въ благотворительности производила сильное впечатлѣніе на паломниковъ, посѣщавшихъ Св. Землю. Іоаннъ Вюрцбургскій слышалъ, наприм., отъ служащей братіи, что число призрѣваемыхъ въ Госпиталѣ больныхъ доходило до 2000; кромѣ того, Госпиталь раздавалъ милостыню какъ по домамъ бѣдняковъ, такъ и нищимъ, ходившимъ отъ дверей къ дверямъ; наконецъ, іоанниты поддерживали своей помощью еще многихъ людей, жившихъ въ укрѣпленіяхъ и защищавшихъ Св. Землю отъ сарацинъ.

Но съ теченіемъ времени вся эта благотворительная дѣятельность стала падать исключительно на служащую братію и духовенство; напротивъ, сами рыцари превратились въ привилегированный классъ и чуждались обязанностей, противныхъ, какъ имъ казалось, рыцарской чести. Это раздвоеніе въ средѣ ордена вывело его на новую дорогу и существенно измѣнило общій его характеръ. Когда къ обязанностямъ рыцаря Госпиталя прибавилась военная охрана паломниковъ и борьба съ невѣрными, тогда военное начало взяло въ орденѣ верхъ, а монашеское отодвинулось на задній планъ. Особые клерики ордена приняли теперь на себя всѣ заботы о богослуженіи: они стояли во главѣ церквей и часовенъ

іоаннитовъ, отправляя требы среди населенія принадлежавшихъ ордену казалій, и, какъ полковые священники, шли всѣ за рыцарями въ битву. Стремленіе ордена обособиться отъ католическаго духовенства сказывалась въ запрещеніи рыцарямъ исповѣдоваться у священника, не принадлежащаго къ клерикамъ іоаннитовъ. Съ другой стороны, къ лицамъ, вновь поступавшимъ въ орденъ, стали предъявлять требованія болѣе строгія и чисто рыцарскія, напр., родовитость. Обязанность предварительнаго постриженія превратилась въ формальность, и молодая знать, воспитавшаяся въ домѣ ордена, легко становилась іоаннитами, въ особенности если выражала желаніе плыть за море на Востокъ для борьбы съ невѣрными. Но съ утратой Палестины и переѣздомъ магистра іоаннитовъ на Мальту эта забота о продолженіи дѣла крестовыхъ походовъ исчезаетъ; самъ орденъ перестаетъ нуждаться на Западѣ въ многочисленныхъ воинахъ, и доступъ въ рыцари Іоанна Крестителя становится крайне затруднителенъ; наприм., пріоры теряютъ право принимать новыхъ членовъ, и оно остается привилегіей магистра. Только въ Испаніи, гдѣ продолжалась война съ маврами, и на Востокѣ пріоры могли попрежнему поставлять въ новые рыцари столько воиновъ, сколько нужно было для поддержанія боевой силы. Усиленіе военнаго начала отразилось и на одеждѣ рыцарей. Только бѣлый крестъ на груди рясы, установленный еще правилами Раймунда дю-Пюи, остался навсегда отличительнымъ признакомъ іоаннитовъ; онъ сохранялся позднѣе и на красномъ кафтанѣ и черномъ плащѣ, которые рыцари надѣвали въ битву. Нѣкоторыя дорогія ткани и яркіе цвѣта были запрещены іоаннитамъ, но имъ разрѣшался, наприм., черный, сѣрый и коричневый камлотъ. Правила генеральнаго капитула точно опредѣляли, какое оружіе, сколько лошадей и прислуги могъ получить іоаннитъ, сообразно своему чину въ орденѣ. Рыцарь обязанъ былъ содержать въ исправности оружіе, выданное изъ арсеналовъ ордена, а старое сдавалось по счету каждый разъ, когда онъ получалъ взамѣнъ новое. Впрочемъ, могущество іоаннитовъ за предѣлами Св. Земли покоилось не столько на самихъ рыцаряхъ, сколько на группахъ лицъ, стоявшихъ подъ охраной ордена: это—такъ называемые донаты и „собратья“ (Confratres). Донаты приносили ордену присягу на вѣрность, не бросая мірской жизни; если же они принимали монашество, то легко становились полноправными іоаннитами. Подъ именемъ „собратьевъ“ къ ордену примыкали государи и высшая знать, жертвуя ему при этомъ земли или доходы. Въ нѣкоторыхъ

отношеніяхъ они становились членами ордена, напр., исповѣдовались у орденскаго духовенства и погребались на кладбищахъ іоаннитовъ; глава ордена возлагалъ даже на нихъ руки въ знакъ торжественнаго принятія въ лоно общины. Такъ какъ „собратья" помогали ордену пожертвованіями, то въ такое отношеніе къ іоаннитамъ могли становиться и женщины.

Владѣнія іоаннитовъ. Къ концу крестовыхъ походовъ орденъ іоаннитовъ владѣлъ на Востокѣ обширными угодьями на всемъ протяженіи Сиріи отъ горъ Арменіи и до границъ Египта, съ вилланами и свѣтскими рыцарями-ленниками, домами, лавками, мельницами, хлѣбными печами, банями и всякими доходными статьями. Кромѣ общежитій рыцарей въ Іерусалимѣ, Акконѣ, Тирѣ, Монте Пелегрино, близъ Триполиса и Антіохіи, орденъ владѣлъ зданіями почти во всѣхъ городахъ Палестины, употребляя ихъ для благотворительныхъ цѣлей или сдавая внаймы. Въ общемъ система хозяйства на орденскихъ земляхъ была та же, какъ и въ казаліяхъ бароновъ или италіанскихъ коммунъ, т. е. іоанниты раздавали земли то на ленныхъ условіяхъ, то въ аренду, преимущественно наслѣдственную. Но ордену былъ чуждъ хищническій взглядъ на свои угодья, обычный среди бароновъ за-моремъ. Іоанниты старались, напротивъ, найти равновѣсіе между своими доходами и благосостояніемъ зависимыхъ людей. Наравнѣ съ феодалами, орденъ владѣлъ и доходными статьями, и крѣпостными, и рабами; наприм., въ 1160 г. король Балдуинъ подарилъ ордену 60 палатокъ, т. е. семействъ бедуиновъ, а въ Акконѣ іоанниты получали извѣстную долю пошлинъ въ гавани. Благодаря всѣмъ своимъ доходамъ, орденъ св. Іоанна сталъ крупной денежной силой своего времени и ссужалъ большими суммами бароновъ Палестины. Въ XIII в. въ его распоряженіи на Западѣ и Востокѣ насчитывали 19 тысячъ земельныхъ единицъ (manoirs), а каждаго мануара было достаточно, чтобы содержать вооруженнаго рыцаря [1]). Своими пограничными казаліями орденъ пользовался не только для цѣлей хозяйственныхъ, но и для защиты предѣловъ крестоносцевъ. Въ трехъ мѣстахъ сосредоточены были хозяйственныя и боевыя силы іоаннитовъ: вдоль Египетской границы между Аскалономъ и Хевромомъ, затѣмъ вокругъ горы Ѳавора и Тиверіадскаго озера на опасныхъ пунктахъ восточной границы и на сѣверѣ въ области Триполиса и Антіохіи. Во всѣхъ трехъ цент-

[1]) Статистическія данныя средневѣковыхъ источниковъ не надежны, но они даютъ общее представленіе современниковъ о богатствѣ ордена.

рахъ орденъ воздвигъ крѣпкіе замки; таковъ былъ Кратумъ, или Курдскій замокъ на Сѣверѣ (Castrum Curdorum). Бревэ папы Александра IV отъ 1254 г. освободило отъ десятины всѣ земли іоаннитовъ, лежавшія вокругъ его замка, въ виду громадныхъ жертвъ, принесенныхъ тамъ орденомъ, и обѣщанія держать и на будущее время 60 рыцарей въ Курдскомъ замкѣ. Совершенно независимаго положенія добился орденъ для своихъ владѣній въ княжествѣ Антіохійскомъ. Для области Апамейской, доставшейся ему здѣсь въ 1167 г., онъ получилъ право войны и мира и могъ проводить свою собственную политику по отношенію къ магометанскимъ государямъ. Перемирія, которыя заключалъ здѣсь орденъ, считались обязательными для всего княжества, напротивъ, договоры князя Антіохіи съ невѣрными не имѣли такого же значенія для іоаннитовъ. Съ согласія Боэмунда Антіохійскаго сеньёръ Маргата уступилъ въ 1186 г. ордену эту крѣпость съ городомъ Валеніей и окружающими ихъ угодьями за опредѣленную ренту, потому что ему самому не хватало ни денегъ, ни войска для защиты. Орденъ, въ виду его общеполезной дѣятельности, не обязанъ былъ отдавать князю обычную долю съ добычи, которую рыцари отнимали здѣсь у сарацинъ. Договоры, заключавшіеся здѣсь іоаннитами съ врагами-магометанами, должны были соблюдаться князьями Антіохіи, напротивъ, для ордена въ Маргатѣ не были обязательны договоры князя, хотя тотъ и обѣщался испрашивать на нихъ совѣта у рыцарей св. Іоанна. Чисто государственное верховенство ордена надъ этой областью выражалось и въ томъ, что епископъ Валеніи съ 1215 г. утверждался магистромъ ордена іоаннитовъ. Въ центрѣ этой области на трехугольномъ плато высокой скалы въ недоступномъ замкѣ Маргатѣ съ его колоссальной башней было мѣстопребываніе магистра ордена.

Уже въ 1211 г. паломникъ Вильбрандъ Ольденбургскій любовался на эту громаду зданій; по его свѣдѣніямъ, гарнизонъ этой крѣпости доходилъ до тысячи человѣкъ, а въ ея складахъ лежали запасы провіанта на пять лѣтъ впередъ. И все-таки султанъ Келаунъ овладѣлъ этой твердыней: его осадныя машины по частямъ были подняты на высоты, а подкопы, подведенные съ южной стороны, гдѣ плато соединялось съ окрестными горами, разрушили здѣсь бастіонъ и грозили паденіемъ главной башнѣ. Гарнизонъ поспѣшилъ тогда сдаться (въ маѣ 1285 года). Неудачная защита Триполиса въ 1289 г. подорвала вѣру въ будущность ордена, а съ утратой послѣднихъ христіанскихъ владѣній въ Сиріи началось его

вѣковое разложеніе [1]). Но эта попытка іоаннитовъ создать орденъ-государство не прошла безслѣдно и послужила примѣромъ для другихъ подобныхъ ему общинъ, напр., для нѣмецкаго ордена на берегахъ Вислы.

Нѣмецкій орденъ. Хотя участіе нѣмецкихъ рыцарей въ завоеваніи Палестины и было незначительно, но зато паломники изъ Германіи посѣщали въ большомъ числѣ Св. Мѣста. Поэтому одинъ уроженецъ Германіи, переселившійся совсѣмъ съ своей женой въ Іерусалимъ, еще при Балдуинѣ I основалъ здѣсь на свои средства страннопріимный домъ для паломниковъ, а рядомъ построилъ часовню. Госпись сталъ разростаться благодаря пожертвованіямъ; благочестивые люди шли туда въ услуженіе. Въ сороковыхъ годахъ XII столѣтія папа Целестинъ II подчинилъ это благотворительное учрежденіе магистру ордена іоаннитовъ, который назначалъ пріора этой „служащей братіи“ нѣмецкаго происхожденія. Участіе нѣмецкаго рыцарства во второмъ крестовомъ походѣ подняло было положеніе госписа, но катастрофа 1187 г. отозвалась на немъ сильнѣе, чѣмъ на другихъ уже окрѣпшихъ орденахъ. Бѣглецы, потерявшіе съ паденіемъ Іерусалима всѣ свои доходы, возобновили, однако, труды по уходу за больными въ лагерѣ подъ Аккономъ и на судахъ любекскихъ и бременскихъ купцовъ, приплывшихъ въ Сирію. Гвидо Лузиньянъ отвелъ мѣсто для новаго госписа въ Акконѣ, а братъ императора Генриха VI, герцогъ Фридрихъ Швабскій принялъ его подъ свое покровительство. Смѣлые планы Гогенштауфеновъ стали распространяться и на Востокъ; для ихъ осуществленія нѣмецкій орденъ могъ стать опорной точкой. Когда въ 1197 г. германскіе князья появились въ Палестинѣ съ Конрадомъ Майнцскимъ, дабы подготовить почву для крестоваго похода самого императора, тогда нѣмецкій госпись окончательно былъ расширенъ въ духовно-рыцарскій орденъ, по образцу италіанскаго и французскаго: нѣмецкіе рыцари должны были ухаживать за больными, какъ іоанниты, и

[1]) Въ 1309 г. іоанниты завладѣли Родосомъ и подъ именемъ Родосскихъ рыцарей бились съ Османскими турками до 1522 г., когда островъ пришлось сдать Сулейману II. Тогда Карлъ V предоставилъ ордену островъ Мальту подъ условіемъ продолжать борьбу съ невѣрными. Въ 1798 году Наполеонъ Бонапартъ взялъ Мальту, а Мальтійскіе рыцари выбрали себѣ вскорѣ гросмейстеромъ русскаго императора Павла I. Послѣ его смерти орденъ управлялся только «намѣстниками» и продолжалъ свою благотворительную дѣятельность по уходу за больными и паломниками и въ Іерусалимѣ и въ Западной Европѣ. Въ 1879 г. папа Левъ XIII возобновилъ санъ гросмейстера Мальтійскаго ордена.

сражаться съ невѣрными, какъ тампльеры. Въ ихъ уставѣ, утвержденномъ Иннокентіемъ III, смѣшались статуты обоихъ другихъ орденовъ. Теперь сама собой пала и зависимость отъ іоаннитовъ. Во главѣ нѣмецкихъ рыцарей появляется вскорѣ въ званіи гросмейстера одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей того времени—Германнъ ф. Зальца. Этотъ гросмейстеръ сумѣлъ жить въ ладахъ съ римской церковью, какъ іоанниты и храмовники, и въ то же время тѣсно примкнулъ къ Гогенштауфенамъ и ихъ политикѣ, враждебной папамъ. Тщетно возстали іоанниты противъ самостоятельности новаго ордена, и безуспѣшно отрицали тампльеры его право на бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ [1]). Въ 1229 г. Германнъ ф. Зальца сталъ воздвигать близъ Аккона и особый замокъ для ордена—Монфоръ или Штаркенбергъ, а папа Григорій IX взывалъ ко всему христіанскому міру о денежной помощи для „Новыхъ Маккавеевъ". До 1271 г. Штаркенбергъ былъ мѣстопребываніемъ магистра ордена: гарнизону пришлось, наконецъ, покинуть его вслѣдствіе тяжкаго натиска султана Бибара.

Но ту военную организацію, систему хозяйства и культурныя цѣли, которыя нѣмецкій орденъ выработалъ себѣ на Востокѣ, онъ перенесъ впослѣдствіи и на берега Вислы. Язычниковъ пруссовъ нѣмецкіе рыцари часто называли здѣсь сарацинами, а географическія имена Палестины появились вблизи Балтійскаго моря. До сихъ поръ въ предѣлахъ Пруссіи можно найти и Іерусалимъ (близъ Кёнигсберга) и Эммаусъ (близъ Данцига). Въ Палестинѣ рядомъ съ маршаломъ ордена ѣхалъ, бывало, со знаменемъ Туркопулъ [2]), а начальникъ наемныхъ войскъ, состоявшихъ на службѣ у маршала, назывался Туркопуліемъ; ивотъ еще въ XV в. въ областяхъ прусскаго ордена былъ въ ходу грубый „хлѣбъ Туркопуловъ", выдававшійся прислугѣ. Въ войнѣ съ невѣрными орденъ и на берегахъ Вислы примѣнялъ ту же систему, какъ крестоносцы въ Сиріи. Подъ защитой цѣлаго ополченія крестоносцевъ воздвигался прежде всего замокъ на высотахъ, господствовавшихъ надъ обширною областью, намѣченной для распространенія христіанства. Когда язычникамъ уже нанесенъ первый тяжелый ударъ, и крестоносцы разойдутся, въ замкѣ остается гарнизонъ, чтобы путемъ постоян-

---

[1]) У тампльеровъ былъ бѣлый плащъ съ краснымъ крестомъ.

[2]) Туркопулами называли на Востокѣ легкую конницу изъ туземцевъ, сирійцевъ и магометанъ, въ родѣ нашихъ казаковъ. Первоначально это были дѣти греческихъ матерей и отцовъ изъ турокъ или арабовъ. Туркопулы хорошо знали мѣстность и военныя хитрости сарацинъ.

ной мелкой войны принудить жителей области подчиниться или выселиться. Тогда замокъ становился центромъ для колонизаціи управленія. Таково было назначеніе Кульма, Маріенвердера, Кёнигсберга: они соотвѣтствовали Маргату и Монфору въ Палестинѣ. Та система хозяйства, которую нѣмецкій орденъ примѣнялъ и на Востокѣ, и на Сѣверѣ, была заимствована у іоаннитовъ. Небольшая часть земель подъ садами (въ Палестинѣ подъ виноградниками и плантаціями сахарнаго тростника) оставлялась обыкновенно въ непосредственномъ управленіи ордена. Пастбища сдавались на Востокѣ на съемъ бедуинамъ, платившимъ ренту скотомъ и кожами. Часть пашенъ обрабатывалась на средства ордена для удовлетворенія его собственныхъ потребностей, а всѣ остальныя поля снимались на аренду или общинами вилланов или отдѣльными свободными хозяевами. Рента за пашни чаще всего уплачивалась курами, яйцами, сырами; кромѣ того, крестьяне орденскихъ земель и въ Палестинѣ и въ Пруссіи обязаны были помогать при постройкѣ замковъ и въ случаѣ вторженія непріятеля браться даже за оружіе.

Возникновеніе ордена тампльеровъ.

Іоанниты пережили другіе ордена и послужили образцомъ при созданіи гуманныхъ орденовъ и общинъ новаго времени. Нѣмецкій орденъ, правда, разложился, но его рыцари успѣли создать Пруссію, какъ свѣтское государство. Одни только тампльеры трагично погибли въ средніе вѣка и не оставили ни традиціи, ни преемниковъ. Между тѣмъ, одно время орденъ храмовниковъ сіялъ могуществомъ и славой ярче своихъ собратьевъ. Его вызвали къ жизни вскорѣ послѣ основанія Іерусалимскаго королевства тѣ разбои, которые дѣлали опасными всякія сообщенія между Яффой и Св. Градомъ. Грабители, магометане и сирійцы, отваживались приближаться къ самымъ воротамъ Іерусалима и здѣсь у цистернъ подкарауливали франковъ, приходившихъ поить лошадей. Для борьбы съ этими разбойниками бургундскій рыцарь Гюго де Пэнъ (Payns) соединился съ уроженцемъ сѣверной Франціи Годефруа де С.-Омеръ; къ нимъ примкнуло еще шесть другихъ рыцарей, и основаніе для ордена тампльеровъ было заложено такимъ образомъ въ 1119 г. Правда, ни устава, ни монастырскаго обѣта на первое время не было. Еще въ 1123 г. самъ руководитель общины называется міряниномъ, живетъ въ бракѣ и имѣетъ сына. Но вскорѣ рыцари принесли іерусалимскому патріарху обѣтъ охранять безопасность дорогъ и провожать паломниковъ на пути отъ берега къ Св. Граду. Тогда Гюго де Пэнъ выбралъ изъ устава св. Бенедикта нѣсколько правилъ, которыя стали обязательными для всѣхъ „бѣдныхъ ры-

царей Христа". Членамъ общины запрещены были роскошь въ одеждѣ, безцѣльные разговоры и смѣхъ, охота и т. п.; обѣты цѣломудрія, бѣдности и послушанія дѣлали рыцарей отнынѣ монахами. Король Балдуинъ предоставилъ въ ихъ распоряженіе домъ рядомъ съ бывшей мечетью, которая, по преданью, стояла на мѣстѣ храма Соломонова. Тогда братія Гюго де Пэна стала называться „бѣднымъ рыцарствомъ Христа изъ храма Соломонова" или просто „храмовниками" (тампльерами). Это необычайное соединеніе рыцарства и монашества поражало современниковъ, польза отъ трудовъ храмовниковъ была для всѣхъ очевидна, и пожертвованія въ пользу ордена стали стекаться со всѣхъ сторонъ. Орденъ тампльеровъ, въ отличіе отъ іоаннитовъ, уже при самомъ основаніи далъ рыцарскому началу въ своей средѣ перевѣсъ надъ монашескимъ и умѣлъ этимъ привлекать къ себѣ полудикихъ феодаловъ, являвшихся на Востокѣ безъ глубокаго пониманія крестовыхъ походовъ и искавшихъ прежде всего приключеній. Бернардъ Клервоскій особенно цѣнилъ орденъ тампльеровъ за то, что онъ далъ разумную и христіанскую цѣль этой грубой силѣ, легко подпадавшей на Востокѣ всякимъ искушеніямъ. По просьбѣ Гюго де Пэнъ этотъ великій аскетъ и мистикъ въ особомъ трудѣ „De laude novae militiae" („Хвала новому рыцарству!") обратилъ вниманіе христіанскаго міра на новое рыцарство. Бернардъ Клервоскій изображаетъ, какъ въ противоположность одичавшему свѣтскому „феодальному рыцарству" эти рыцари-монахи живутъ въ братской любви, смиренномъ послушаніи магистру и добровольной бѣдности. Храмовники обитаютъ въ палатахъ, лишенныхъ всякихъ украшеній; на стѣнахъ развѣ только панцыри и оружіе. Они не знаютъ праздности: кто свободенъ отъ воинскихъ обязанностей, тотъ чинитъ оружіе и одежды. Ни болтовни, ни суетливости, ни громкаго смѣха, ни шушуканья и бормотанія не допускается; волоса у нихъ коротко обстрижены; шахматы и игральныя кости въ презрѣніи, соколы и всякая охота запрещены, представленія скомороховъ избѣгаются. Люди, которые на Западѣ были безбожниками и распутниками, разбойниками и клятвопреступниками, становятся полезными тружениками въ лонѣ ордена тампльеровъ. Такова была характеристика новыхъ рыцарей у св. Бернарда.

Въ январѣ 1128 г. Гюго де Пэнъ съ пятью другими рыцарями появился на своей родинѣ на провинціальномъ синодѣ въ Труа, чтобы добиться для новаго ордена освященія церковью. Здѣсь выработанъ полный уставъ ордена (первоначально чуть ли не на

французскомъ языкѣ) въ формѣ заповѣдей рыцарямъ отъ имени синода. Кромѣ того, прелаты, собравшіеся на синодъ въ Труа, обратились съ пастырскимъ посланіемъ ко всему свѣтскому рыцарству, призывая его къ подражанію и на поддержку новому возрождающемуся рыцарству духовному. Какъ и св. Бернардъ, синодъ въ Труа призываетъ храмовниковъ обращать на путь христіанской дѣятельности рыцарей порочныхъ, даже отлученныхъ отъ церкви. Но новый уставъ точно опредѣлилъ, въ какой мѣрѣ и какимъ путемъ тампльеры имѣютъ право допускать въ свой орденъ людей, отлученныхъ церковью за различныя преступленія [1]). Виновный рыцарь (вѣроятно, уже заявившій себя какими-либо подвигами на службѣ ордену) долженъ былъ сначала сообщить о своемъ намѣреніи епископу; если магистръ и другіе храмовники считаютъ отлученнаго рыцаря вообще достойнымъ войти въ ихъ среду, то епископъ могъ снять съ него отлученіе. Другія статьи устава опредѣляли въ духѣ первоначальныхъ правилъ Гюго де Пэна образъ жизни рыцарей, ихъ одежду, общую дисциплину и права магистра, положеніе духовенства ордена тѣхъ рыцарей, которые служили храмовникамъ, не давая монашескаго обѣта, и всей „служащей братіи". Уставъ этотъ долженъ былъ идти на утвержденіе папы Гонорія II, но, кажется, онъ никогда не получилъ формальнаго освященія Римской куріи. По крайней мѣрѣ, уставъ не считался чѣмъ-либо неизмѣннымъ; уже его послѣдняя статья ставила гросмейстера выше буквы закона, а впослѣдствіи, съ согласія здравомыслящей части капитула, магистръ прямо таки могъ измѣнять обычаи ордена. Отсутствіе устава, утвержденнаго папами, дало тампльерамъ возможность уклоняться отъ первоначально намѣченныхъ цѣлей и всю внутреннюю жизнь ордена приспособлять къ новымъ широкимъ условіямъ дѣятельности, которыя открылись ему вмѣстѣ съ богатствомъ и могуществомъ.

Возвышеніе тампльеровъ.

На родинѣ Гюго де Пэна въ Шампаньѣ тампльеры впервые пріобрѣли обширную поземельную собственность, благодаря щедрости Тибо IV (съ 1125 г.); городъ Провенъ (Provins), извѣстный своими многолюдными ярмарками, сталъ центромъ здѣшнихъ владѣній ордена. Связи Годефруа де С.-Омеръ въ области Нижней Лотарингіи открыли ордену доступъ въ Артуа и Фландрію. Графъ Дитрихъ Фландрскій уже въ сентябрѣ 1128 г., когда у него гостили

---

[1]) Вообще же сношенія съ отлученными навлекали въ средніе вѣка отлученіе на міранъ.

Гюго де Пэнъ и Годефруа де С.-Омеръ, подарилъ ордену Relief de Flandre, т. е. поборъ, который долженъ былъ уплачиваться храмовникамъ каждый разъ, когда ленъ переходилъ по наслѣдству не по прямой линіи. Раймундъ Беренгарій III, графъ Барцелоны и маркграфъ Прованса, своими пожертвованіями укрѣпилъ положеніе ордена въ южной Франціи и за Пиринеями, гдѣ въ немъ нуждались для борьбы съ маврами. Въ эту эпоху молодое Португальское государство расходовало свои силы всецѣло на борьбу съ невѣрными и предоставило храмовникамъ область между Коимброй и Лейрой, которую они должны были еще защищать противъ сарацинъ. Совершенно какъ въ Палестинѣ, орденъ строилъ здѣсь крѣпости и привлекалъ колонистовъ. Первыя церковныя привилегіи ордена разсчитаны были тоже на Пиринейскій полуостровъ: церкви въ тѣхъ областяхъ, которыя храмовники отнимали у мавровъ, становились независимыми отъ епископской власти. Міряне изъ всѣхъ классовъ населенія примыкали здѣсь къ ордену подъ именемъ „домочадцевъ“ (familiares) и становились почти въ вассальную зависимость отъ него, чтобы только пользоваться охраной рыцарей. Графство Тулузское, Иль-де-Франсъ, Бретань, Нормандія и т. д. стали тоже поприщемъ для мирныхъ завоеваній ордена. Въ Англіи храмовники утвердились въ Лондонѣ, въ Италіи—на Авентинѣ. Но первыя пожертвованія въ предѣлахъ Франціи, наприм., при Людовикѣ VII, состояли исключительно изъ доходовъ и не удѣляли еще ордену никакой государственной власти надъ землями, принесенными въ даръ. Число рыцарей возростало не такъ быстро, какъ площадь ихъ поземельныхъ владѣній. Орденъ принималъ новыхъ членовъ въ свою среду съ большой разборчивостью и требовалъ отъ нихъ непремѣнно знатности. Для борьбы съ невѣрными онъ держалъ на жалованіи наемныхъ рыцарей и экюйэ, служившихъ подъ началомъ рыцарей—храмовниковъ. Заботы по управленію имѣніями заставили, наконецъ, тампльеровъ допустить въ орденѣ и болѣе низменные слои общества, но лишь на положеніи „служащихъ братьевъ“, сервіентовъ, т. е. членовъ ордена съ уменьшенными правами. Изъ этой „служащей братіи“ набиралось впослѣдствіи и войско ордена. Число должностныхъ лицъ тоже возросло: кромѣ гросмейстера, маршала и сенешала ордена, было много магистровъ и прокураторовъ во главѣ областныхъ капитуловъ. Въ силу буллы Александра III, всѣ провинціальные дома ордена были подчинены „Тамплю“ (рыцарскому дому) въ Іерусалимѣ.

Соревнуя съ свѣтскими князьями, и папы осыпали храмовни-

ковъ своими щедротами. Повинуясь буллѣ Целестина II (отъ 1144 г.), прелаты должны были увѣщевать свою паству собирать пожертвованія въ пользу храмовниковъ, и жертвователямъ отпускалась за это $^{1}/_{7}$ церковныхъ пеней, наложенныхъ на нихъ за годъ. Епископы и священники были недовольны сборами такихъ пожертвованій, истощавшихъ кошельки и щедрость паствы въ ущербъ ея непосредственнымъ пастырямъ. Но въ глазахъ вѣрующихъ половины XII в. орденъ храмовниковъ вполнѣ заслуживалъ такихъ исключительныхъ милостей: въ нихъ видѣли еще „атлетовъ Христа", „Новыхъ Маккавеевъ"; ученый другъ папы Александра III, Іоаннъ Салисберійскій называлъ ихъ „единственными людьми, ведшими справедливыя войны". Папа Евгеній III (1145—53) даровалъ имъ красный крестъ на ихъ бѣлыя одежды: это былъ обычный символъ борцовъ за церковь. Вскорѣ за пожертвованіями послѣдовали политическія права и внутреннее самоуправленіе. Прокураторы, которыхъ орденъ держалъ при Римской куріи въ качествѣ политическихъ агентовъ (Procurator in Curia Romana), заботились при восшествіи на престолъ новаго папы о расширеніи правъ храмовниковъ и утвержденіи ихъ старыхъ привилегій. Такъ возникъ цѣлый рядъ папскихъ грамотъ. Онѣ даровали ордену право пріобрѣтать или строить вновь церкви и основывать кладбища, а главное, независимость и обезпеченность отъ интердикта. Если тампльеры, собиравшіе подаяніе, приходили къ церкви, подвергшейся интердикту [1]), то, по привилегіи папы Евгенія III, церковь открывалась въ честь ордена и отлученные допускались къ участію въ богослуженіи; въ теченіе года такое нарушеніе интердикта допускалось дважды. Понятно, что въ такихъ случаяхъ на храмовниковъ щедро сыпались подаянія. Уже Евгеній III позволилъ тампльерамъ завести свои собственныя кладбища для погребенія членовъ ордена, но затѣмъ это право было распространено и на сервіентовъ, на зависимыхъ людей ордена и вообще на всѣхъ, оказавшихъ ему какую-либо услугу. Благочестивые люди изъ всѣхъ сословій добивались чести быть похороненными на кладбищахъ ордена и за это оговаривали въ своихъ завѣщаніяхъ вклады въ пользу его церквей. Вообще Римская курія стала рано распространять на всѣ классы зависимыхъ отъ ордена людей права и привилегіи, касавшіяся, бывало, только рыцарей храма. По буллѣ Александра III отъ 1160 г., архіепископы и епископы не смѣли ни привлекать къ суду, ни

[1]) Запрещеніе богослуженія.

облагать штрафами людей ордена, провинившихся въ чемъ-либо. Папы поддерживали и обычай храмовниковъ не допускать разъ принятаго въ орденъ рыцаря до перехода въ другія корпораціи, ни даже въ общину Бернарда Клервоскаго. Право ордена давать убѣжище людямъ и ихъ имуществу было иногда неудобно и для свѣтскихъ вельможъ. Собственность тампльеровъ, наприм., хлѣбъ, платье и весь скотъ, отмѣченный выжженными крестами, находилась подъ особой охраной Римской куріи.

Булла Александра III.

Всѣ права и привилегіи, дарованныя ордену папами, были, наконецъ, собраны воедино и подтверждены буллой Александра III отъ 1163 г., которая по первымъ словамъ называется Omne datum optimum; для ордена она была своего рода Великой Хартіей вольностей. Эта булла призывала тампльеровъ на защиту церкви въ такое время, когда ей угрожали не только невѣрные, но и свѣтская власть императоровъ изъ дома Гогенштауфеновъ. Какъ защитники церкви, они должны и жить на счетъ церковныхъ имуществъ, а потому вся движимая и недвижимая собственность ордена освобождалась отъ десятины въ пользу церкви; напротивъ, десятины, которыя собиралъ орденъ, утверждались за нимъ. Папа пытался опереться на орденъ, какъ на любимое дѣтище католической церкви, и старался обезпечить его противъ всякаго вліянія свѣтскихъ властей и епископовъ. Въ магистры всего ордена могъ быть избранъ только храмовникъ и притомъ непремѣнно лишь своими товарищами-рыцарями. Законы и обычаи, установленные магистромъ съ совѣта капитула, не могли быть измѣнены никакой другой властью, стоящей внѣ ордена. Наконецъ, тампльерамъ запрещалось приносить кому-либо ленную присягу или клятву на вѣрность. Дабы освободить излюбленный орденъ отъ давленія прелатовъ, папа Александръ III создаетъ своей буллой особыхъ орденскихъ священнослужителей. Право строить себѣ собственныя церкви и основывать кладбища распространяется на всѣ владѣнія тампльеровъ безъ исключенія. Первоначально такія церкви ордена не были изъяты изъ подъ вѣдѣнія епископовъ, которые и ставили туда священниковъ. Напротивъ, булла 1163 г. дала ордену право принимать въ свою среду клериковъ и священниковъ, откуда бы они ни приходили, если только сами рыцари были убѣждены въ законности ихъ посвященія. Предварительное согласіе мѣстныхъ епископовъ испрашивалось, но оно перестало быть обязательнымъ. Эти орденскіе священники вели тотъ же образъ жизни, какъ и рыцари, носили такую же одежду, правда, застегнутую до верху,

и обязаны были безусловно повиноваться магистру, но они все-таки не были полноправными членами ордена и не имѣли голоса въ капитулѣ. Хотя храмовники въ случаѣ необходимости могли исповѣдоваться и причащаться и у чужихъ священниковъ, внѣ орденскаго духовенства, но зато священники - тампльеры совершали требы не только для рыцарей, но и для всѣхъ людей, зависимыхъ отъ ордена. Самъ папа становился какъ бы единственнымъ епископомъ тампльеровъ. Булла Omne datum optimum обособляла орденъ почти въ независимую церковь. Современное духовенство съ тѣмъ бо́льшимъ неудовольствіемъ смотрѣло на эту новую привилегію, что тампльеры оставались для него все-таки по преимуществу мірянами, а между тѣмъ могли они теперь повелѣвать своими клериками. Злоупотребленіе новыми привилегіями переполнило чашу терпѣнія епархіальнаго духовенства, и на Латеранскомъ соборѣ 1179 г. ордену пришлось выдержать цѣлую бурю нападокъ; несмотря на сопротивленіе рыцарей, соборъ принялъ рядъ мѣропріятій противъ самовольнаго расширенія и безъ того чудовищныхъ правъ ордена.

Управленіе ордена. Пожертвованія и привилегіи XII в. опредѣлили положеніе храмовниковъ въ слѣдующемъ столѣтіи. Двадцать пять лѣтъ, которыя отдѣляли годъ буллы Александра III отъ времени Саладина и утраты Іерусалима, дали возможность ордену выработать внутренній строй въ соотвѣтствіи съ своимъ новымъ могуществомъ. Центръ тяжести ордена все еще лежалъ въ Палестинѣ. Отсюда управлялъ магистръ всѣхъ храмовниковъ, здѣсь были ихъ сенешалъ и маршалъ. Но у Іерусалимскаго королевства, какъ одной изъ провинцій ордена, былъ свой особый комтуръ, зависимый отъ магистра. Съ десятью рыцарями комтуръ поддерживалъ традицію первыхъ храмовниковъ и провожалъ паломниковъ, снабжая ихъ лошадьми и провизіей. Такими же провинціями ордена были еще Триполисъ, Антіохія, Франція, Англія, Пуату, Аррагонія, Португалія, Апулія и Венгрія; у каждой былъ свой комтуръ (или магистръ провинціи), который для мѣстныхъ храмовниковъ замѣнялъ магистра всего ордена и утрачивалъ свою власть, какъ только являлся въ его область самъ глава рыцарей. При магистрахъ провинцій, или комтурахъ, были тѣ же должностныя лица, какъ и при главномъ магистрѣ. Изъ „служащей братіи“ набирались менѣе важныя должностныя лица, наприм., знаменоносецъ, наблюдавшій за оруженосцами, комтуръ гавани въ Акконѣ, глава кухни, глава кузнецовъ и т. п. Богатство ордена казалось современникамъ необычайнымъ, но опре-

дѣлить его теперь можно только приблизительно. Въ 1191 г. храмовники были въ состояніи купить у Ричарда Львиное Сердце островъ Кипръ за сто тысячъ византіевъ (по количеству содержимаго золота эта сумма равняется 950,000 франковъ, а сравнительно съ покупательной силой того времени можетъ быть даже 8 милл. франковъ); при этомъ 40 тысячъ византіевъ были уплачены тотчасъ же. Хроникеръ Матвѣй Парижскій опредѣлялъ количество земельныхъ угодій ордена въ 9,000 мануаровъ; число это съ 1291 г. по 1307 г. возросло до 10,500, несмотря на утрату владѣній въ Сиріи.

Однако, ордену далеко не во всѣхъ провинціяхъ удалось достичь политической самостоятельности. Такъ, въ Португаліи тампльеры попали прямо-таки въ зависимость отъ королей, напротивъ, во Франціи во многихъ областяхъ къ нимъ перешли чисто государственныя права. Въ Португаліи всѣ рыцари ордена были ленниками короля (вопреки буллѣ Александра III) и исключительно португальцы по происхожденію; выборъ магистра производился лишь съ разрѣшенія монарха, равно какъ и отсылка денегъ въ главный госписъ въ Іерусалимѣ; новый магистръ долженъ былъ приносить присягу на вѣрность королю и его наслѣднику. Но во Франціи вслѣдъ за доходами съ земель, пожертвованныхъ ордену, переходили къ храмовникамъ и сеньёріальныя права. Ссылаясь на буллу Александра III, запрещавшую тампльерамъ становиться въ ленную зависимость, рыцари превращали принесенные имъ въ даръ лены въ безвозвратное владѣніе (main morte). Съ другой стороны, феодальные вельможи, жертвуя земли ордену, выговаривали себѣ обыкновенно лишь высшую юрисдикцію или же въ другихъ случаяхъ право суда, и судебныя пошлины и пени дѣлились между территоріальнымъ сюзереномъ и рыцарями. Даже самъ французскій король шелъ на такое размежеваніе: въ 1279 году Филиппъ III покончилъ свои распри съ парижскими тампльерами полюбовной сдѣлкой. Право суда надъ домами, улицами и доходами ордена внутри Парижа осталось за королемъ; напротивъ, въ своихъ владѣніяхъ за стѣнами города (здѣсь лежалъ главный Тампль, служившій сокровищницей и крѣпостью) рыцари творили судъ и расправу по всѣмъ дѣламъ; король не могъ собирать съ этихъ владѣній ни taille, ни поборовъ на содержаніе стражи.

Обособленность ордена.

Внѣшнее могущество ордена продолжало расти въ XIII в., но его нравственное значеніе и уваженіе къ нему въ обществѣ поколебались. Неудачи христіанъ въ Св. Землѣ ставились на Западѣ

въ связь съ своекорыстной политикой тампльеровъ: уже двусмысленное поведеніе рыцарей подъ Дамаскомъ въ 1148 г. набросило на нихъ подозрѣніе въ прямой измѣнѣ. Первоначальныя цѣли ордена раньше всего пришли въ забвеніе среди его членовъ, и вмѣстѣ съ погоней за богатствомъ и властью закралась туда и симонія. Булла Иннокентія III отъ 1213 г. предписывала патріарху слѣдить, чтобы орденъ не бралъ никакихъ поборовъ со вновь принимаемыхъ въ рыцари Храма. Рано появились слухи и о ереси въ средѣ ордена. Обряды, противные не только ученію католической церкви, но и христіанству вообще, могли зародиться среди тампльеровъ только благодаря тому, что римская курія мирволила своему излюбленному ордену и дала ему возможность обособиться отъ церкви и міра и замкнуться въ своей эгоистичной независимости. Постепенно утвердилось правило, что храмовники вовсе не имѣютъ права исповѣдоваться у какихъ-либо другихъ священниковъ, внѣ своего орденскаго духовенства. Это расширеніе привилегіи Александра III дало ордену возможность щадить нѣкоторыя порочныя наклонности и суевѣрія своихъ членовъ, близкія къ ереси. Къ тому же, храмовники были изъяты изъ подъ обыденной церковной юрисдикціи: они не могли быть отлучены отъ церкви мѣстными епископами, даже патріархъ іерусалимскій не могъ налагать на нихъ кары (по буллѣ папы Гонорія III отъ 1217 г.). Только папа былъ еще для ордена „епископомъ". Но отдѣльные рыцари начинали уже заявлять требованія на безусловную свободу даже передъ лицомъ самого епископа-папы и колебать власть римскаго первосвященника, призвавшую орденъ къ независимости и господству. Во время правленія Урбана IV (1261—64) маршалъ ордена Этьенъ де-Сисси совершилъ преступленіе, неизвѣстное намъ по существу, но побудившее папу вмѣшаться въ дѣла тампльеровъ, отлучить маршала и потребовать его удаленія въ посланіи на имя магистра Ѳомы Берара. Письмо Климента IV на имя того же магистра тампльеровъ свидѣтельствуетъ, что орденъ не торопился исполнить повелѣнія папы. Климентъ IV высказываетъ магистру свое изумленіе, что Этьенъ де-Сисси попрежнему числится маршаломъ и даже былъ посланъ со своей должностной печатью въ Римъ. Здѣсь онъ явился къ папѣ. Когда Климентъ IV потребовалъ, чтобы маршалъ сложилъ съ себя званіе и выдалъ печать, то Этьенъ де-Сисси отказался повиноваться и дерзко заявилъ, что печать возвратитъ онъ только тому, отъ кого ее получилъ, и называлъ вообще неслыханнымъ такое вмѣшательство папы въ дѣла ордена. Въ письмѣ къ магистру Ѳомѣ Берару

Климентъ IV напоминаетъ храмовникамъ свою власть вязать и разрѣшать и всѣ благодѣянія римской куріи относительно ордена: вѣдь, если папы лишатъ рыцарей своего покровительства, то имъ не удержаться противъ натиска епископовъ и нападеній свѣтскихъ князей. Тѣмъ болѣе не должны они бросать Риму вызовъ своей запосчивостью; ибо папа и церковь только изъ снисхожденія терпѣли до сихъ поръ многое такое въ средѣ ордена, чего нельзя будетъ Клименту IV терпѣть долѣе, не отягощая своей совѣсти, разъ онъ самъ подыметъ рѣчь объ этихъ заблужденіяхъ, вызванный на то неповиновеніемъ храмовниковъ. Но и на этотъ разъ Климентъ IV не хотѣлъ прибѣгать къ суровости; онъ готовъ былъ даже снять съ Этьена де-Сисси отлученіе, произнесенное Урбаномъ IV, и ждать, пока магистръ самъ наложитъ на него кару. Что же это были за заблужденія ордена, разслѣдованіемъ которыхъ грозилъ Климентъ IV?

Уклоненія отъ христіанства.

По ученію римской церкви, отъ неповиновенія папѣ, намѣстнику Христа, былъ какъ бы одинъ шагъ и до отреченія отъ Іисуса. Таковъ и былъ въ дѣйствительности путь ордена къ ереси. Дорожа своей безусловной независимостью, храмовники, преимущественно во Франціи, стали требовать отъ вновь поступающихъ членовъ въ доказательство ихъ полнаго повиновенія ордену двухъ кощунственныхъ обрядовъ: отреченія отъ Іисуса Христа и оскверненія его креста плеваніемъ [1]); но требованія эти предъявлялись не всегда, и самое кощунство служило только порукой въ томъ, что новый храмовникъ и тѣломъ и душой будетъ принадлежать ордену. Многіе вновь поступающіе съ ужасомъ узнавали въ послѣднюю минуту посвященія тайну французскаго ордена, растерявшись или уступая насилію, произносили отреченіе и затѣмъ всю жизнь мучились сознаніемъ своего грѣха. Другіе принимали весь обрядъ за пустую внѣшность, а нѣкоторые подъ покровомъ отреченія давали волю своимъ суевѣріямъ или тѣмъ еретическимъ ученіямъ, которыя они усвоили раньше. Не придавая этому кощунству никакого догматическаго значенія, руководители тампльеровъ дали, однако, поводъ отдѣльнымъ братьямъ и цѣлымъ общинамъ ордена свободнѣе относиться къ ученію церкви, нежели это было въ обычаѣ. Не понимая богослуженія на латинскомъ языкѣ, не имѣя ни права, ни возможности читать латинскую Библію, храмовники, въ особенности

---

[1]) Такое объясненіе давалъ кощунственнымъ образомъ гросмейстеръ Яковъ Молэ.

„служащіе братья“, вышедшіе изъ низшихъ классовъ народа, легко подпадали подъ вліяніе народныхъ суевѣрій и еретическихъ ученій, распространенныхъ на Востокѣ и въ южной Франціи. Съ другой стороны, болѣе развитые рыцари пользовались независимостью ордена, чтобы вопреки запрещенію церкви удовлетворять свою религіозную любознательность изученіемъ Библіи въ пересказахъ на народный языкъ. Во время слѣдствія надъ тампльерами въ Провансѣ въ 1308 г. въ главномъ домѣ рыцарей въ Арлѣ найдена была книжка съ толкованіями на Библію (Liber interpretationis super libris Bibliae). Можетъ быть, книга эта служила для чтенія во время трапезы рыцарей. Среди рукописей Парижской Національной библіотеки есть пергаментъ изъ 248 листовъ, исписанный въ два столбца на французскомъ языкѣ. По содержанію, это—переложеніе пяти книгъ Моисея, книги Іисуса Навина, книгъ Судей, Царей и Маккавеевъ, Товіи и Юдиѳи. Книгѣ Судей предпосланъ прологъ въ французскихъ стихахъ, объясняющій поводъ и цѣль автора работы. Переводъ книги Судей сдѣланъ, какъ оказывается, по порученію „магистра Рихарда“ и „брата Оттона“, членовъ „достопочтеннаго Общества“, „Святого Братства“. Они побудили автора перевести книгу Судей, дабы ихъ товарищи черпали оттуда примѣры гордаго рыцарства. Такъ какъ авторъ превозноситъ затѣмъ орденъ Рихарда и Оттона за его готовность жертвовать жизнью для защиты вѣры, называетъ его избраннымъ рыцарствомъ Господа, крестъ котораго они носятъ на себѣ, а charité et humilité считаетъ главными добродѣтелями этого ордена, то рѣчь идетъ здѣсь, конечно, о французскихъ тампльерахъ [1]). На поляхъ Библіи тампльеровъ попадаются толкованія, а къ книгамъ Моисея и Іисуса Навина приложены введенія. Хотя въ нихъ и нѣтъ прямо-таки еретическихъ ученій, но истолкованіе библейскихъ событій поражаетъ свободнымъ, разсудочнымъ отношеніемъ къ буквѣ Закона. Толкователь, напр., настаиваетъ на томъ, что Богъ создалъ весь міръ видимый и невидимый сразу, а если книга Бытія говоритъ о дняхъ творенія, то тутъ надо понимать только постепенное размѣщеніе существъ и приведеніе въ порядокъ того, что уже было создано. И самый переводъ Библіи для рыцарей и эти толкованія шли въ разрѣзъ съ общимъ духомъ католической церкви XIII в. Между тѣмъ число тампльеровъ вмѣстѣ со всей служащей братіей и зависимыми людьми ордена было такъ

[1]) Среди магистровъ тампльеровъ былъ Рихардъ де-Бюръ (de-Bures) (1256–57), но магистрами называли и комтуровъ какъ провинцій, такъ и отдѣльныхъ домовъ ордена.

значительно, что кощунственные обряды и свободное отношеніе къ требованіямъ церкви не могли оставаться тайной. Если папы рѣшили смотрѣть сквозь пальцы на порядки среди храмовниковъ, то, вѣдь, была еще королевская власть, которая могла вмѣстѣ съ инквизиціей взять во Франціи въ свои руки изобличеніе ордена. Филиппъ IV Красивый, сидѣвшій на французскомъ престолѣ съ конца XIII в., имѣлъ въ прошедшемъ примѣръ истребленія еретиковъ: это—крестовый походъ противъ альбигойцевъ при Филиппѣ Августѣ.

Филиппъ Красивый и орденъ.

Какъ носитель монархическаго начала, Филиппъ Красивый всегда былъ радъ усилить обаяніе королевской власти или ограничить государственныя права какой-либо монашеской общины. Но онъ не былъ безусловнымъ врагомъ тампльеровъ. Еще его предшественникъ, Филиппъ III Отважный (1271—85) издалъ ордонансъ „Ecclesiarum utilitati", запрещавшій духовнымъ корпораціямъ и орденамъ пріобрѣтать лены, но относительно тампльеровъ ордонансъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Тотчасъ послѣ восшествія на престолъ Филиппъ IV рѣшился, было, осуществить волю предшественника и положить конецъ переходу леновъ въ „мертвую руку" ордена храмовниковъ. Въ силу этого король наложилъ секвестръ на всѣ земли, пріобрѣтенныя тампльерами за послѣднія тридцать лѣтъ, и приказалъ чиновникамъ взять ихъ въ свое управленіе. Но это первое столкновеніе между привилегированнымъ орденомъ и королевской властью окончилось мирно. Указомъ отъ 1292 г. король отложилъ до другого времени изслѣдованіе вопроса о правахъ храмовниковъ на секвестрованные лены и вернулъ ихъ ордену за порукой казначея парижскаго Тампля. Можетъ быть, уступчивость Филиппа IV въ концѣ XIII ст. объясняется той распрей, которая разыгралась между королемъ и папой Бонифаціемъ VIII. Въ теченіе этой борьбы излюбленный орденъ римской куріи стоялъ на сторонѣ свѣтскаго монарха, расшатывавшаго папскій престолъ. Черезъ посредство визитатора ордена храмовниковъ во Франціи Гюго де-Перодò (Perando) состоялся въ 1303 г. договоръ между королемъ и тампльерами о взаимной охранѣ и поддержкѣ, направленной прямо противъ папы Бонифація VIII. Въ слѣдующемъ году обѣ верховныя власти—новый папа и король—осыпаютъ орденъ своими милостями. Бенедиктъ XI подтверждаетъ тампльерамъ всѣ ихъ привилегіи, а Филиппъ IV издаетъ въ ихъ пользу грамоту вольностей, которой устраняетъ передъ ними всѣ препятствія къ расширенію поземельной собственности и усиленію своихъ исключительныхъ правъ. Всѣ

земли, пріобрѣтенныя до сихъ поръ тампльерами, были признаны „мертвой рукой“, юрисдикція ордена — утверждена и расширена. Напр., лица, входившія такъ или иначе въ составъ ордена, освобождались отъ обязанности являться по призыву въ свѣтскіе суды, если тяжба касалась частныхъ дѣлъ; королевскіе бальи и сержанты могли назначать и вести судебныя засѣданія въ областяхъ орденской юрисдикціи только тамъ, гдѣ это было въ обычаѣ съ давнихъ поръ и т. д. Слухи о ереси ордена положили конецъ союзу между королемъ и храмовниками.

Начало процесса тампльеровъ инквизиціей.

Филиппъ IV по природѣ былъ склоненъ къ рѣшительнымъ, насильственнымъ мѣрамъ въ борьбѣ со своими соперниками, но цѣли для своихъ насилій король выбиралъ, руководясь государственными соображеніями; онъ совершалъ ихъ, сохраняя всю внѣшность законности, опираясь на общественное мнѣніе и на учрежденія, пользовавшіяся довѣріемъ своего времени. Такимъ былъ Филиппъ въ удачной борьбѣ съ папой Бонифаціемъ VIII, такимъ остался онъ и въ процессѣ тампльеровъ. Могущество ордена шло въ разрѣзъ съ идеей монархической власти, которую проводили французскіе короли и ихъ легисты, а отъ его уничтоженія Филиппъ IV могъ ждать только выгоды. Но не король создалъ поводъ для гибели храмовниковъ: онъ явился ему самъ собой. Южная Франція была уже раньше театромъ безконечныхъ процессовъ противъ еретиковъ. Инквизиція пріобрѣла себѣ тамъ навыкъ на низшихъ и среднихъ классахъ общества и какъ бы право требовать жертвъ болѣе высокопоставленныхъ. Къ храмовникамъ она, впрочемъ, могла примѣнить только все тѣ же возмутительныя формы уголовнаго процесса, которыя казались ея жестокому времени дозволительными противъ еретиковъ вообще. Процессы о ереси (acta fidei) вели тогда инквизиторы (слѣдственные судьи, inquisitores haereticae pravitatis), непосредственно назначавшіеся папами. Во Франціи ихъ было нѣсколько, но съ Иннокентія IV пріоръ парижскихъ монаховъ ордена предикантовъ (доминиканцевъ) былъ обыкновенно главой учрежденія. Положеніе инквизиціи было такое же привилегированное, какъ и у ордена храмовниковъ; только папа могъ, наприм., налагать на нихъ отлученіе. Недаромъ косились на инквизиторовъ епископы, юрисдикція которыхъ уменьшилась. Зато новая сила—государственная власть французскихъ королей—охотно поддерживала инквизицію своей свѣтской вооруженной рукой. Для того, чтобы начать процессъ, инквизиторы могли не дожидаться прямого доноса; достаточно было, если о комъ-либо

шла худая молва (diffamatio). Тогда инквизиторъ „инструировалъ“ процессъ, т. е. приступалъ къ допросу заподозрѣннаго лица, которое привлекалось къ слѣдствію пока какъ бы на правахъ свидѣтеля (testis), и предъявлялъ ему пункты обвиненія. Въ дѣйствительности уже на этой ступени процесса сознаніе „свидѣтеля“ вынуждалось сплошь и рядомъ пытками. Въ случаѣ сознанія „свидѣтеля“ церковь давала кающемуся отпущеніе грѣха и принимала опять въ свое лоно, предоставляя себѣ затѣмъ право все-таки наказать его. Между тѣмъ нотаріусы, записывавшіе показанія свидѣтелей, по окончаніи допроса обрабатывали ихъ въ офиціальный протоколъ. По инструкціи, инквизиторамъ былъ предоставленъ произволъ выбирать и вносить въ протоколъ только тѣ изъ показаній обвиняемаго, которыя казались имъ наиболѣе правдоподобными и касались прямо сущности преступленія, короче говоря, только то, что подтверждало его вину. Теперь только послѣ примиренія съ церковью начинался самый „судъ“ инквизиціи, вторая ступень процесса. Обвиняемому прочитывался (обыкновенно на народномъ языкѣ) протоколъ съ его показаніями. Если обвиняемый отказывался отъ нихъ, то это считалось отпаденіемъ въ прежнюю ересь и влекло за собой сожженіе или другую кару, по приговору суда; поэтому жертвы инквизиторовъ обыкновенно клятвенно скрѣпляли такой протоколъ. Въ протоколахъ дѣлалась теперь даже приписка, что всѣ изложенныя показанія обвиняемый призналъ добровольными, не вынужденными ни угрозами, ни пытками, ни подкупомъ. Такъ было и съ тампльерами, хотя изъ показаній нѣкоторыхъ рыцарей ясно, что они подверглись пристрастному допросу. Степень наказанія тоже была предоставлена инквизитору на произволъ. Государство помогало инквизиціи на всѣхъ ступеняхъ процесса и вознаграждалось за это имуществомъ, конфискованнымъ у обвиненнаго. Таково было учрежденіе, которое устами инквизитора Франціи Гильома Имбера (Imbert) потребовало у Филиппа IV слѣдствія надъ храмовниками.

„Диффамація“, худая слава объ орденѣ, уже давно была налицо. Климентъ V получилъ первыя свѣдѣнія о его заблужденіяхъ незадолго до восшествія на престолъ. Когда магистръ ордена Яковъ Молэ прибылъ съ Кипра въ 1306 г., чтобы совѣщаться съ папой о новомъ крестовомъ походѣ, онъ узналъ, что передъ королемъ и папой выставлены тяжелыя обвиненія противъ храмовниковъ. При дворѣ Филиппа IV шесть мѣсяцевъ обсуждали вопросъ, прежде чѣмъ начать самое слѣдствіе. Король совѣтовался съ вельможами,

свѣтскими и духовными, и сообщилъ обвиненіе даже папѣ. Глава ордена, вѣроятно, увѣдомленный о приближающейся грозѣ самимъ папой, обратился къ римской куріи съ просьбой произвести слѣдствіе, дабы положить конецъ слухамъ, которые онъ считалъ ложными. Поэтому въ концѣ августа 1307 г. Климентъ V писалъ королю, что новыя свѣдѣнія поколебали его увѣренность въ невиновности ордена, и что онъ теперь же самъ намѣренъ приступить въ Пуатье къ разбору дѣла о тампльерахъ. Но тѣмъ временемъ предварительныя обсужденія сдѣлали для короля и инквизитора Франціи самый фактъ ереси очевиднымъ. Гильомъ Имберъ рѣшилъ начать слѣдствіе, но не противъ всего ордена, а противъ отдѣльныхъ подозрительныхъ членовъ его, и потребовалъ содѣйствія у Филиппа. Вопросъ могъ теперь только идти о компетенціи инквизиціи по отношенію къ ордену, который былъ изъятъ своими льготами отъ всякаго церковнаго суда, кромѣ папскаго. Но инквизиція была сама учрежденіемъ привилегированнымъ, предполагаемая ересь грозила опасностью христіанству, а Филиппъ IV могъ, правда, унижать папство, но не прочь былъ при этомъ созидаемой имъ власти французскаго короля сообщить и ореолъ защитника вѣры. Своимъ вмѣшательствомъ онъ рѣшилъ спорный вопросъ въ пользу инквизиціи и 14 сентября изготовилъ инструкцію для королевскихъ чиновниковъ объ арестованіи храмовниковъ; здѣсь были уже высказаны всѣ обвинительные пункты противъ ордена: отреченіе отъ Христа, поруганіе креста, другіе непристойные обряды при пріемѣ въ орденъ и разрѣшеніе порочной жизни его членамъ. Ударъ былъ хорошо подготовленъ и удался: въ ночь съ 12 на 13 октября были одновременно арестованы всѣ храмовники въ тогдашней Франціи, а на ихъ имущество наложенъ секвестръ.

Инквизиціонный процессъ не исключалъ гласности. Черезъ два дня (14 окт.) въ залѣ капитула Парижской Божьей Матери собрались его каноники и магистры университета и узнали изъ устъ канцлера Гильома Ногарета и инквизитора Имбера объ арестѣ рыцарей и выставленныхъ противъ нихъ обвиненіяхъ. Засѣданіе возобновилось затѣмъ въ зданіи самого Тампля, захваченнаго королемъ, и здѣсь въ присутствіи прелатовъ, магистровъ и бакалавровъ парижскаго университета магистръ тампльеровъ Яковъ Моле признаалъ, что отреченіе отъ Христа и поруганіе креста были обычными обрядами ордена при посвященіи новаго члена; онъ оправдывалъ ихъ тѣмъ, что это было только испытаніе повиновенія. Нѣсколько другихъ тампльеровъ подтвердили показаніе своего

магистра; кажется, они разсчитывали своими объясненіями кощунственныхъ обрядовъ спасти орденъ и уладить дѣло полюбовно. Черезъ три дня послѣ этого начался формальный инквизиціонный процессъ противъ арестованныхъ. Съ 19 окт. по 24 ноября выслушаны были показанія 138 тамплъеровъ. Здѣсь были налицо представители всѣхъ разрядовъ ордена: среди „служащей братіи"— простые пахари, пастухи, а съ другой стороны — должностныя лица съ магистромъ Яковомъ Молэ во главѣ. По инструкціи, „въ случаѣ надобности" должна была примѣняться пытка, и слѣды пристрастнаго допроса отразились на нѣкоторыхъ протоколахъ противорѣчіями. Но масса показаній сохранила живой личный характеръ допрашиваемыхъ и даетъ мелкія подробности ихъ пріема въ орденъ, оттѣнки ихъ тогдашняго настроенія; все это непохоже ни на заученный урокъ, продиктованный инквизиторомъ во время пытокъ, ни на единообразную форму протокола, заранѣе написаннаго въ духѣ обвиненія. Правда, объясненія, которыя могли бы служить извиненіемъ, пропускаются, но важно, что почти всѣ обвиняемые безъ исключенія признали только два пункта обвиненія, какъ и ихъ магистръ: отреченіе отъ Христа и поруганіе креста; напротивъ, показанія о поклоненіи идолу, о двоевѣріи (дуализмѣ, т. е. признаніи двухъ началъ въ мірѣ, Бога Высшаго и Бога Преисподняго, въ духѣ катаровъ и богомиловъ), о дозволеніи порочной жизни и т. п. встрѣчались только изрѣдка.

Вмѣшательство папы.

Хотя Климентъ V и былъ въ зависимости отъ короля, но извѣстіе, что орденъ тамплъеровъ во Франціи уже изобличенъ, и что его богатства въ рукахъ Филиппа IV, должно было все-таки задѣть папу за живое. Честь спасенія вѣры вмѣстѣ съ существенной наградой доставались не Клименту V, епископу храмовниковъ, а свѣтскому монарху. Въ посланіи къ Филиппу IV папа поспѣшилъ выразить свое изумленіе по поводу его незаконнаго образа дѣйствій и надежду, что рыцари вмѣстѣ съ ихъ собственностью тотчасъ же будутъ выданы своему естественному судьѣ—папѣ. Дабы овладѣть движеніемъ, начавшимся уже помимо него, Климентъ V пошелъ далѣе короля и въ буллѣ отъ 22 ноября 1307 г. обратился ко всѣмъ государямъ вообще съ требованіемъ арестовать тамплъеровъ въ ихъ государствахъ, въ виду данныхъ, обнаруженныхъ французскимъ процессомъ. Тогда послѣдовало задержаніе храмовниковъ въ Англіи, Провансѣ, Неаполѣ; въ Арагоніи и на Кипрѣ рыцари укрылись въ свои замки и пошли на сдѣлку только послѣ долгаго сопротивленія. Но португальскій король Де-

нисъ не внялъ ни внушеніямъ Филиппа IV, ни буллѣ папы и взялъ сторону ордена, въ полномъ послушаніи служившаго ему противъ мавровъ.

Какъ только верховный глава церкви взялъ въ свои руки преслѣдованіе тампльеровъ и объявилъ образъ дѣйствій Филиппа IV и инквизиціи незаконнымъ, король уступилъ и принялъ выжидательное положеніе. Онъ даже далъ завѣренія въ томъ, что рыцари и ихъ земли будутъ выданы папѣ и его кураторамъ; но Филиппъ IV зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы позволить Клименту V спасти орденъ. 27 іюня 1308 г. были представлены въ Пуатье къ папскому допросу первые 8 или 9 храмовниковъ; число ихъ скоро возросло до 72: рыцарей, клериковъ, сервіентовъ. Слѣдствіе поручено было нѣсколькимъ кардиналамъ, велось безъ пытки и только подтвердило данныя парижскаго процесса, т. е. существованіе въ средѣ ордена обрядовъ отреченія отъ Христа и поруганія креста. Въ Шинонѣ допрошены были высшіе сановники тампльеровъ: прецепторы Кипра, Нормандіи, Пуату, генеральный визитаторъ ордена, онъ же верховный прецепторъ Франціи—Гюго де Перодо и, наконецъ, магистръ Яковъ Молэ. Они не отрицали кощунственныхъ обрядовъ, а Перодо и Молэ повторили показанія, которыя они уже раньше дали въ Парижѣ. Послѣднія сомнѣнія относительно виновности ордена разсѣялись у папы, и онъ рѣшился возобновить пріостановленный было процессъ. Но Климентъ V попытался отдѣлить преслѣдованіе заподозрѣнныхъ тампльеровъ поодиночкѣ, отъ слѣдствія надъ всѣмъ орденомъ, какъ учрежденіемъ. Епископамъ совмѣстно съ инквизиціей папа предоставилъ въ ихъ епархіяхъ преслѣдованіе отдѣльныхъ храмовниковъ, а приговоры надъ изобличенными должны были произноситься на провинціальныхъ синодахъ; только рѣшеніе участи Якова Молэ и нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ ордена папа выговорилъ себѣ самому. Напротивъ, вопросъ о виновности ордена въ его совокупности долженъ былъ (по мысли, поданной Филиппомъ IV) рѣшиться на особомъ всеобщемъ соборѣ, и комиссіи изъ архіепископовъ и папскихъ комиссаровъ поручено было собрать для будущаго собора предварительныя свѣдѣнія. Сначала комиссія предполагала было объѣзжать Францію изъ епархіи въ епархію и всюду производить слѣдствіе надъ заключенными, которые офиціально уже были сданы королемъ во власть папы въ лицѣ его представителя—кардиналъ-епископа Петра изъ Пренесте, но затѣмъ рѣшено было вызвать всѣхъ тампльеровъ къ допросу въ Парижъ.

Съ тѣхъ поръ какъ процессъ противъ ордена огласился, перешелъ въ руки папы и охватилъ всю Западную Европу, тампльеры съ магистромъ ордена во главѣ измѣнили свою тактику въ защитѣ. Уже изъ перваго инквизиціоннаго допроса стало ясно, что никакія объясненія кощунственныхъ обрядовъ не могутъ оправдать ихъ въ глазахъ церкви, свѣтской власти и общественнаго мнѣнія; съ другой стороны, явилась надежда, что римская курія еще разъ проявитъ относительно ордена свою обычную снисходительность и благополучно проведетъ его черезъ всѣ подводные камни формальнаго процесса. Надо было, во что бы то ни стало, доказать, что орденъ во всей совокупности былъ чуждъ ереси, а обряды, признанные самимъ магистромъ передъ членами парижскаго университета, были только заблужденіями отдѣльныхъ его членовъ. Въ надеждѣ на папу и на синоды, многіе тампльеры при допросѣ по епархіямъ отказываются отъ своихъ прежнихъ сознаній, жалуются на пытки, застращиванье, жестокое обращеніе въ тюрьмахъ. Другіе, не отвергая прямо своихъ первыхъ показаній, стараются не возвращаться къ нимъ, а говорятъ только о незаконности всего парижскаго процесса инквизиціи, о заслугахъ ордена, завѣряютъ въ своей вѣрности ученіямъ церкви вообще, хватаются за юридическія формальности, чтобы ставить препятствія комиссіи и сдѣлать преслѣдованіе всего ордена въ совокупности невозможнымъ. Таково было, наприм., поведеніе самого магистра ордена передъ папской комиссіей. Яковъ Молэ былъ родомъ изъ бургундской знати, въ 1265 г. принятъ въ орденъ въ епархіи Отена и могъ еще участвовать въ послѣднихъ войнахъ рыцарей на Востокѣ. Послѣ утраты Сиріи онъ перебрался вмѣстѣ съ другими рыцарями на Кипръ, затѣмъ былъ провинціальнымъ магистромъ Англіи и, наконецъ, благодаря ловкой интригѣ, избранъ магистромъ всего ордена, несмотря на то, что южно-французская партія была тогда среди храмовниковъ сильнѣе бургундской и намѣтила своимъ кандидатомъ Гюго де Перодо. Ставши магистромъ, Яковъ Молэ не сдѣлалъ никакой попытки уничтожить кощунственные обряды, распространенность которыхъ была ему хорошо извѣстна, да и врядъ ли бы могъ провести какую-нибудь коренную реформу, такъ какъ въ важныхъ вопросахъ зависѣлъ отъ большинства капитула. Въ своихъ показаніяхъ передъ парижскимъ университетомъ и передъ кардиналами въ Шинонѣ, Молэ уже дважды призналъ обряды отреченія отъ Христа и поруганія креста, однако все еще надѣялся оправдать ихъ своими толкованіями. Только теперь, когда

въ ноябрѣ 1309 г. магистръ ордена предсталъ передъ комиссiей, и ему прочитанъ былъ протоколъ его шинонскаго допроса, онъ понялъ, какой опасности подвергъ онъ своей наивностью весь орденъ. Оказывалось, что налицо оставался только голый фактъ кощунства: то, что онъ довѣрилъ кардиналамъ снисходительнаго къ ордену папы, какъ семейное дѣло, обращено было въ оружiе противъ него и тампльеровъ. „Другимъ людямъ", говорилъ онъ теперь съ негодованiемъ, „онъ отвѣтилъ бы на это вызовомъ на поединокъ; такое невѣроятное коварство даже у сарацинъ и татаръ стоило бы виновному жизни". Молэ еще не отвергалъ своего сознанiя, но онъ уже не твердъ въ своей тактикѣ: говоритъ о заслугахъ ордена, требуетъ, чтобы его пытали, и только одному папѣ хочетъ сдѣлать сообщенiя, которыя, по его словамъ, послужатъ къ славѣ Бога и церкви. Въ мартѣ 1310 г. всѣ тампльеры, съ которыми имѣла дѣло комиссiя, въ количествѣ 546 человѣкъ, были сразу собраны въ саду позади епископскаго дворца. Здѣсь имъ прочитаны были обвинительные пункты, а затѣмъ они должны были выбрать изъ своей среды прокураторовъ для отвѣта, по одному уполномоченному отъ каждыхъ 6—10 храмовниковъ. Но эта попытка комиссiи начать такимъ путемъ слѣдствiе противъ всего ордена сразу не удалась: тампльеры уклонились отъ выбора прокураторовъ подъ предлогомъ, что не имѣютъ на то разрѣшенiя магистра, и комиссiи пришлось довольствоваться допросомъ отдѣльныхъ лицъ.

Между тѣмъ епископы, давнiе враги ордена, воспользовались правомъ преслѣдовать отдѣльныхъ тампльеровъ въ своихъ епархiяхъ и вели дѣло съ энергiей, часто съ жестокостью, какъ бы доканчивая первый инквизицiонный процессъ. Особенную настойчивость обнаруживалъ епископъ Санса (Sens), братъ могущественнаго министра Филиппа IV—Ангеррана де Мариньи. Не дожидаясь исхода общаго слѣдствiя папской комиссiи, онъ созвалъ въ Парижѣ провинцiальный синодъ и произнесъ смертный приговоръ надъ 54 тампльерами, которые въ надеждѣ на новый характеръ процесса отреклись было отъ своихъ первыхъ показанiй передъ инквизиторами. Тѣ, кто и раньше не сознавался, были снова обречены на заключенiе, а раскаявшiеся возсоединены съ церковью и до поры до времени въ ожиданiи наказанiй отпущены на волю. 11 мая 1310 г. состоялось страшное ауто-да-фэ, и осужденные возведены на костеръ; на слѣдующiй день за ними послѣдовало еще 4 тампльера. Ужасъ объялъ храмовниковъ, продолжавшихъ еще

свои пререканія съ комиссіей. 13 мая передъ ней предсталъ тампльеръ Венсенъ де Виллэ, какъ олицетвореніе безысходнаго отчаянія и страха передъ мучительной смертью. Рыцарь заклиналъ, что орденъ невиновенъ, хотя онъ самъ подъ пыткой показалъ противное, но съ тѣхъ поръ какъ на его глазахъ повезли на казнь этихъ 54, онъ, кажется, готовъ признать всякое обвиненіе, хотя бы даже въ томъ, что онъ лишилъ жизни Спасителя. Подъ впечатлѣніемъ этого жестокаго событія заканчивала комиссія свое слѣдствіе. Она не добыла свѣдѣній, достаточныхъ для осужденія всего ордена. Кощунственные обряды были доказаны во множествѣ случаевъ, но встрѣчались храмовники, которые вошли въ орденъ и безъ нихъ. Ни одинъ изъ этихъ обрядовъ не былъ внесенъ въ статуты ордена, а тайнаго устава вообще не существовало. Не было налицо и особой орденской ереси, потому что отреченіе отъ Христа не имѣло догматическаго характера. Но, конечно, примѣненіе позорныхъ обрядовъ не оставалось тайной для самого ордена, и собору предстояло рѣшить, насколько можно было осудить его за это во всей совокупности.

Между тѣмъ папа, кажется, вполнѣ увѣровалъ въ виновность ордена и старался свое прежнее бездѣйствіе загладить усердіемъ, съ которымъ побуждалъ епископовъ по отдѣльнымъ государствамъ доводить храмовниковъ до сознанія. Въ Англіи пытка была не въ обычаѣ; ивотъ Климентъ V въ августѣ 1310 г. выставляетъ въ духѣ инквизиціи положеніе, что по отношенію къ еретикамъ всѣ законы, всѣ привилегіи, всѣ обычаи падаютъ сами собой; онъ осуждаетъ архіепископовъ Кентерберійскаго и Іоркскаго за то, что они не произвели давленія на прелатовъ, воздержавшихся отъ пытки храмовниковъ. Но ожиданія папы не оправдались. На Пиренейскомъ полуостровѣ орденъ оказался совершенно чистымъ отъ всѣхъ заблужденій французской вѣтви; здѣсь онъ продолжалъ свою полезную дѣятельность въ борьбѣ противъ мавровъ, и три государя; Яковъ II арагонскій, Фердинандъ IV кастильскій и Денисъ португальскій заранѣе условились между собой, чтобы богатства храмовниковъ ни въ какомъ случаѣ не перешли въ распоряженіе къ папѣ. И въ Германіи слѣдствіе ни къ чему не привело, а общественное мнѣніе было на сторонѣ ордена. Въ Англіи тампльеры почти единогласно отвергали свою виновность; церковь не могла осудить ихъ, а довольствовалась тѣмъ, что уклончивымъ приговоромъ какъ бы наложила на нихъ охулку (диффамацію). На Кипрѣ опять-таки не оказалось никакихъ слѣдовъ ереси, и храмовники

подверглись здѣсь пыткѣ и осужденію изъ политическихъ соображеній—по обвиненію въ заговорѣ противъ короля Генриха. Только въ отдѣльныхъ областяхъ Италіи, гдѣ среди ордена низшій разрядъ „служащихъ братьевъ“ бралъ верхъ надъ рыцарствомъ, инквизиторы обнаружили тѣ же уродливыя явленія, какъ и во Франціи.

Уничтоженіе ордена. Таково было положеніе дѣлъ, когда осенью 1311 г. собрался соборъ въ Вьеннѣ. Подъ предсѣдательствомъ самого Климента V здѣсь было налицо болѣе сотни прелатовъ Франціи, Италіи, Германіи, Англіи, Шотландіи, Даніи, Венгріи. Комиссіи, избранной изъ среды собора, и были предъявлены всѣ документы, касавшіеся процесса противъ тампльеровъ. Соборъ, однако, не находилъ въ нихъ достаточно данныхъ для осужденія всего ордена. Дѣло готово было затянуться, и непримиримый врагъ тампльеровъ Филиппъ IV поспѣшилъ произвести давленіе на папу. Онъ писалъ, что вина ордена доказана, а его уничтоженіе неизбѣжно; что владѣнія храмовниковъ папа можетъ передать какому-либо другому изъ существующихъ орденовъ или нарочно для этого случая создать еще новый рыцарскій орденъ. Весной 1312 г. король самъ появился въ Вьеннѣ съ братьями, сыновьями, свитой и засѣдалъ рядомъ съ папой на престолѣ, нѣсколько болѣе низкомъ. Но папа и безъ того своимъ усердіемъ въ послѣдній періодъ процесса отрѣзалъ себѣ путь къ отступленію; къ тому же, большинство собора вмѣстѣ съ упорствомъ въ вопросѣ о тампльерахъ стало обнаруживать вообще нѣкоторую наклонность къ ограниченію папскаго произвола. Подъ такими вліяніями Климентъ V издалъ буллу „Vox in excelso“ отъ 22 марта 1312 г., уничтожавшую орденъ тампльеровъ. Онъ признавалъ, что канонически орденъ нельзя было осудить за ересь, но храмовники подпали диффамаціи, худой молвѣ, многіе братья ордена съ магистромъ, визитаторомъ Франціи и другими сановниками во главѣ принесли добровольное сознаніе въ заблужденіяхъ; тампльеры стали предметомъ отвращенія для церкви, прелатовъ и свѣтской власти; никто не захочетъ отнынѣ поступать въ ихъ орденъ, такъ что онъ станетъ излишнимъ и не будетъ въ состояніи исполнять свой долгъ относительно Св. Земли. Въ силу всего этого папа „съ согласія собора“ (котораго вовсе не было дано) объявлялъ орденъ уничтоженнымъ. Булла была обнародована въ торжественномъ засѣданіи собора 3 апрѣля 1312 г. Дальнѣйшія буллы рѣшали участь рыцарей и ихъ богатствъ. Всѣ владѣнія и доходы тампльеровъ повсюду (за исключеніемъ Испаніи) передава-

лись ордену іоаннитовъ. Магистра ордена, визитатора Франціи и другихъ сановниковъ Климентъ V привлекалъ къ своему собственному суду, дѣла объ остальныхъ членахъ ордена предоставлялись рѣшенію провинціальныхъ синодовъ.

Впослѣдствіи по причинѣ своей болѣзни папа поручилъ судъ надъ сановниками ордена тремъ кардиналамъ и далъ имъ право вязать и разрѣшать и карать на основаніи раньше добытыхъ данныхъ. На 11 марта 1314 г. назначенъ былъ заключительный актъ инквизиціоннаго процесса. На площади передъ соборомъ Парижской Божьей Матери были воздвигнуты трибуны для кардиналовъ и прелатовъ Франціи. Вельможи и народъ спѣшили сюда, какъ на зрѣлище. Прево Парижа подвелъ къ кардиналъ-епископу Сабинскому и архіепископу Санса Якова Молэ, Гюго де-Перодо и ихъ товарищей. По обычаю инквизиціоннаго процесса, имъ прочли перечисленіе всѣхъ ихъ преступленій, основанное на собственномъ сознаніи, и приговорили къ пожизненному заключенію. Тогда вдругъ заговорили Молэ и Годефруа де-Шарнэ, прецепторъ Нормандіи, оспаривали справедливость приговора, брали назадъ не только свое прежнее сознаніе, но объявляли недѣйствительными враждебныя ордену показанія всѣхъ другихъ храмовниковъ. Было ясно, что магистръ тампльеровъ, погубившій ихъ своими разоблаченіями, въ послѣднюю минуту нашелъ, наконецъ, еще достаточно мужества въ себѣ, чтобы покончить жизнь мученичествомъ за орденъ. По взглядамъ инквизиціи, за новое отпаденіе въ ересь Якову Молэ и Шарнэ грозила смерть; впрочемъ, приговоръ должны были бы произнести надъ ними все таки кардиналы. Но Филиппъ IV не могъ уже болѣе сдерживать себя и дожидаться. Еще вечеромъ того же 11 марта Молэ и Шарнэ по его волѣ были возведены на костеръ. Король какъ бы торопился похоронить весь орденъ со смертью его главы. Это вмѣшательство свѣтской власти было незаконно, но римская курія приняла его спокойно. Зато преданіе стало видѣть съ этихъ поръ въ лицѣ Филиппа IV — палача тампльеровъ, а въ папѣ Климентѣ V—его послушное орудіе.

Судьба ордена храмовниковъ—историческая трагедія: они нашли свою гибель въ томъ, чѣмъ возвысились,—въ своихъ неограниченныхъ правахъ. Съ утратой Сиріи орденъ потерялъ поприще для войны съ невѣрными, главную цѣль своего существованія. Благотворительность и уходъ за больными не были въ обычаѣ у тампльеровъ. Найти новое приложеніе для своихъ силъ или поставить себѣ иныя нравственныя задачи,—на это у ордена не хва-

тило ни сердечныхъ, ни умственныхъ способностей. Права безъ обязанностей стали разнуздывать личность — и личность грубую. Рыцари, обособившись отъ міра, теряли людскую мѣрку для своихъ поступковъ и считали себѣ все дозволеннымъ; наивно сознавались они въ кощунствѣ, и все-таки смерть явилась для нихъ неожиданностью. Но мученія въ тюрьмахъ, подъ пытками, на кострѣ не дали имъ права на мученическій вѣнецъ; они пострадали даже не за убѣжденія, а какъ - то случайно, по распущенности. Еще при жизни храмовники давно перестали служить ближнему и не уменьшали болѣе ничьихъ страданій; а своею смертью они и въ будущемъ никому не дали ни счастья, ни истины, ни духовной свободы. Ауто - да - фэ тампльеровъ возмущаетъ безсмысленностью, жестокостью, но оно не можетъ навѣять благоговѣнія, какъ костры Жанны д'Аркъ и Яна Гуса.

Евг. Щепкинъ.

XXXVII.

Андроникъ Комнинъ.

I.

Задачи Византійской имперіи въ XI вѣкѣ.

Въ концѣ XI вѣка на византійскій престолъ вступилъ императоръ Алексѣй I Комнинъ. Его царствованіе начинаетъ собою столѣтній періодъ, который не безъ основанія считаютъ послѣднимъ вѣкомъ блеска и могущества Византіи,—періодъ, неразрывно связанный съ именемъ Комниновъ. Энергичный, предпріимчивый и неутомимый Алексѣй въ теченіе своего почти сорокалѣтняго правленія (1080 — 1118) сумѣлъ упрочить престолъ за своимъ потомствомъ, искусно справившись съ значительной частью тѣхъ задачъ, какія въ его время предстояли византійскому императору. А задачи эти были не легки.

Съ прекращеніемъ (въ началѣ XI вѣка) мужской линіи македонской династіи для Византіи наступила смутная эпоха. Цѣлые полвѣка престоломъ распоряжались то императрицы, вмѣстѣ съ своею рукою передававшія его людямъ, которые удовлетворяли болѣе ихъ

Источники: *Nicetae Choniat.* Historia (ed. Bonn. 1835; есть русск. пер.); *Joannis Cinnami* Historia (ed. Bonn. 1835; есть русск. пер.). **Пособія:** *Ѳ. Успенскій*, Цари Алексѣй II и Андроникъ Комнины (Ж. М. Н. П., т. 212 (1880 г.) и 214 (1881 г.)—не окончено); *F. Wilken*, Andronicus Komnenus (Raumer's Historisches Taschenbuch. Zweiter Jahrgang, 1831); *Hertzberg*, Geschichte d. Byzantiner und d. osmanischen Reiches, 1882; *Скабалановичъ*, Византійское государство и церковь въ XI в., Спб. 1884 г.; *А. Куникъ*, Основаніе Трапезундской имперіи въ 1204 г. (Ученыя записки Императорской Академіи наукъ по 2-му и 3-му отдѣленіямъ. Т. II, вып. 3, Спб. 1854); см. также „Исторію Трапезундской имперіи“ *Fallmerayer'a*.

личнымъ вкусамъ, чѣмъ потребностямъ государства [1]), то знать, сложившаяся уже къ этому времени въ могущественную землевладѣльческую аристократію, то войско. Частыя и неожиданныя смѣны императоровъ [2]) вели къ разстройству правильнаго хода государственнаго управленія, къ уничтоженію дисциплины въ войскѣ. Важныя должности въ центральномъ и областномъ управленіи часто попадали въ руки людей, случайно возвысившихся и мало пригодныхъ для своего назначенія. Между начальниками войскъ, разсѣянныхъ по провинціямъ и нерѣдко своимъ вмѣшательствомъ помогавшихъ возведенію и низверженію императоровъ, попадались люди, подчасъ готовые не признавать совершавшіяся въ Константинополѣ перемѣны, сопротивляться новымъ, неожиданно появлявшимся императорамъ и даже, при удобномъ случаѣ, попытаться захватить престолъ въ свои собственныя руки. Государственное казначейство было истощено — въ значительной мѣрѣ тратами императоровъ на своихъ любимцевъ и любимицъ или на тѣхъ, чьею приверженностью имъ приходилось дорожить; а между тѣмъ доходы получались туго, такъ какъ многія провинціи были опустошены и разорены иноземными вторженіями и междоусобными войнами, наполнявшими эпоху, предшествовавшую воцаренію Алексѣя.

Внѣшнее положеніе государства было также очень тяжелое. Съ сѣвера угрожали имперіи какъ славянскія племена Сербіи и Далмаціи, такъ еще болѣе печенѣги, за которыми съ тыла надвигались половцы (куманы). Съ запада для Византіи являлась страшная опасность въ лицѣ италіанскихъ норманновъ, стремившихся завладѣть землями имперіи и мечтавшихъ объ основаніи государства въ Малой Азіи. Наконецъ, самый опасный врагъ надвигался съ востока. Сельджукскіе турки, двинувшись въ концѣ X вѣка съ первоначальныхъ мѣстъ своего поселенія между Сыръ-Дарьей и Аму-Дарьей и распространившіе постепенно свою власть на значительную часть Ирана и Месопотаміи уже около половины XI вѣка, при императорѣ Константинѣ Мономахѣ, столкнулись съ византійцами

---

1) Таковы были Зоя, дочь послѣдняго императора изъ македонской династіи Константина VIII, бывшая три раза замужемъ, и Евдокія, вдова императора Константина Дуки, вышедшая вторично замужъ за Романа Діогена.

2) За время отъ смерти Константина VIII (1028) до вступленія на престолъ Алексѣя Комнина (1080) въ Византіи смѣнилось 10 императоровъ и, кромѣ того, около двадцати мѣсяцевъ (янв. 1055—авг. 1056) управляла государствомъ императрица Ѳеодора.

въ восточныхъ провинціяхъ Малой Азіи [1]). Среди неурядицъ 50—70-хъ годовъ XI вѣка, быстро смѣнявшіеся императоры не могли сдержать напора страшныхъ кочевниковъ, и богатыя малоазійскія области, доставлявшія имперіи наибольшіе доходы и лучшихъ солдатъ, стали добычею турокъ. Они надвигались все далѣе и далѣе на западъ, безпощадно истребляя населеніе, опустошая цвѣтущія мѣстности, превращая воздѣланныя поля въ луга и пастбища. Къ началу царствованія Алексѣя турки успѣли уже изъ Месопотаміи продвинуться въ Сирію, Киликію, Каппадокію, Ликаонію, Фригію, проникали въ Виѳинію и Мизію, простирая свои набѣги и распространяя свои владѣнія до самыхъ береговъ Мраморнаго моря, а затѣмъ въ первые годы правленія Алексѣя захватили даже западные берега полуострова — древнюю Лидію и многіе изъ Спорадскихъ острововъ [2]).

Алексѣй Комнинъ.

Съ замѣчательной настойчивостью и неутомимостью обратился Алексѣй къ исправленію того положенія, въ какомъ засталъ государство. Главное свое вниманіе при этомъ онъ обратилъ на охрану имперіи отъ внѣшнихъ враговъ. Почти все его царствованіе прошло въ борьбѣ противъ нихъ, въ борьбѣ, которая велась столько же оружіемъ, сколько хитрыми пріемами византійской дипломатіи. Алексѣй совершилъ нѣсколько походовъ противъ печенѣговъ и половцевъ и, несмотря на отдѣльныя неудачи, сумѣлъ, въ концѣ концовъ, съ замѣчательной ловкостью разъединивши кочевниковъ, дѣйствовавшихъ сначала вмѣстѣ, оградить отъ нихъ имперію на довольно долгій срокъ. Ради защиты Византіи отъ грознаго норманна Роберта Гвискарда, котораго византійцамъ не легко было одолѣть однимъ своимъ оружіемъ, Алексѣй возбуждалъ къ возстанію противъ него обитателей южной Италіи и сближался съ враждебными норманнамъ венеціанцами и императоромъ Генри-

[1]) Византія принадлежала въ это время почти вся Малая Азія. Крайней ѳемой (провинціей) на юго-востокѣ былъ Васпураканъ (къ востоку отъ оз. Ванъ). Отсюда граница шла къ западу по верховьямъ Тигра и Евфрата до Антіохіи.

[2]) Здѣсь указаны древнія названія малоазійскихъ областей. Въ Византійской имперіи, какъ извѣстно, постепенно установилось (на смѣну діоклетіано-константиновскаго устройства) дѣленіе на такъ называемыя ѳемы (См. вып. I, статья XII: „Левъ III Исавръ и начало иконоборства“, стр. 303). Нѣкоторыя изъ ѳемъ сохраняли древнія названія (напр., Каппадокія, Пафлагонія), большинство же носило новыя (напр., Анатоликъ на мѣстѣ древней Фригіи, Букеларіи и Оптиматы въ древней Виѳиніи, Опсикій и Абидосъ въ древней Мизіи и др.). Ср. Скабалановичъ, стр. 193—209.

хомъ IV. Наконецъ, напоръ турокъ былъ въ нѣкоторой мѣрѣ ослабленъ движеніемъ участниковъ перваго крестоваго похода, и благодаря этому Алексѣю удалось вернуть многія земли, такъ что къ концу его царствованія за Византіей оставалось сѣверное побережье Чернаго и Мраморнаго морей [1]); а борьба съ турками въ свою очередь отвлекала крестоносцевъ отъ нападеній на Византію, уже тогда казавшуюся заманчивой добычей для западныхъ искателей приключеній, славы и богатствъ.

Непрерывная борьба съ внѣшними врагами лишала Алексѣя возможности посвящать много времени и вниманія внутреннимъ дѣламъ; онъ рѣдко бывалъ въ столицѣ и даже въ виду этого въ началѣ царствованія офиціально передалъ внутреннее управленіе своей матери. Но самая внѣшняя борьба была возможна только при извѣстныхъ внутреннихъ мѣрахъ. Прежде всего необходимо было упрочить за собою власть, захваченную силой [2]). Для этой цѣли Алексѣй постарался стать въ хорошія отношенія къ духовенству, а это было вначалѣ не трудно для человѣка, всегда выказывавшаго себя ревностнымъ поборникомъ православія и непримиримымъ противникомъ ересей. Еще важнѣе было заручиться преданностью свѣтской, военной и придворной аристократіи. Но Алексѣй не думалъ достигнуть такой преданности дарованіемъ знати какихъ-нибудь правъ и привилегій, которыя могли бы стѣснять его власть. Онъ только постарался привлечь на свою сторону небольшое число самыхъ крупныхъ и могущественныхъ представителей аристократіи (особенно тѣхъ, съ которыми былъ связанъ родствомъ), давая имъ почетные титулы [3]), награждая ихъ землями и доходами съ городовъ. Войско состояло въ громадной части изъ иноземныхъ наемниковъ, отъ которыхъ нельзя было ждать патріотической преданности, и потому, несмотря на всю энергію и популярность Алексѣя, какъ полководца, главнымъ средствомъ для поддержанія

[1]) На востокъ отъ Архипелага владѣнія имперіи шли до линіи, соединяющей города Синопъ, Аморіонъ и Филомеліонъ (послѣдніе два города въ древней Фригіи). Такимъ образомъ, Византіи въ это время принадлежали сѣверо-восточныя части древней Арменіи, сѣверныя части древняго Понта и Пафлагоніи, древнія Виѳинія, Мизія, Фригія и Лидія.

[2]) Алексѣй достигъ престола, поднявъ вооруженное возстаніе противъ императора Никифора Вотаніата.

[3]) Алексѣй увеличилъ число высшихъ чиновъ тремя новыми: *севастократора, паниперсеваста и протосеваста*. Санъ севастократора занялъ въ византійской „табели о рангахъ" первое мѣсто, принадлежавшее раньше сану *кесаря*. Всѣ эти чины давались обыкновенно членамъ императорской фамиліи.

вѣрности и дисциплины было хорошее содержаніе солдатъ, хорошая оплата военной службы. Дипломатическія сношенія, привлеченіе на свою сторону союзниковъ требовали также большихъ денежныхъ затратъ. Хорошее состояніе финансовъ было, такимъ образомъ, необходимо для успѣха внѣшней борьбы, и Алексѣй, болѣе или менѣе укрѣпившись на престолѣ, не стѣснялся затѣмъ уже никакими средствами, чтобы наполнять государственное казначейство: онъ распоряжался по своему усмотрѣнію богатыми имуществами церкви, сокращалъ размѣры жалованья и наградъ чиновникамъ, облагалъ населеніе новыми налогами, развивалъ систему монополій, выпускалъ монету плохого качества. Не удивительно, что эти мѣры вызвали къ концу его царствованія недовольство въ Византіи какъ среди аристократіи, властолюбивыя стремленія которой онъ всячески старался ограничить, такъ и среди духовенства, затронутаго въ своихъ матеріальныхъ интересахъ, и низшихъ классовъ, угнетенныхъ налогами. Не удивительно также, что его хитрая, иногда, можетъ быть, слишкомъ двоедушная дипломатія стяжала ему нелестную репутацію обманщика и измѣнника, особенно у крестоносцевъ и западныхъ историковъ перваго похода. Но, во всякомъ случаѣ, дѣятельность Алексѣя имѣла въ виду насущныя нужды государства, и благодаря ей преемникъ и сынъ Алексѣя Іоаннъ нашелъ при вступленіи на престолъ и войско, и финансы, и внѣшнія дѣла государства въ гораздо лучшемъ положеніи, нежели Алексѣй.

Іоаннъ.

Императоръ Іоаннъ (1118—1143) съ большимъ успѣхомъ продолжалъ политику, начатую отцомъ. Онъ также обращалъ главное свое вниманіе на хорошее состояніе казначейства и войска и на внѣшнее положеніе государства. Онъ удачно боролся съ печенѣгами, которые снова рѣшились перейти Дунай и потерпѣли отъ Іоанна такое пораженіе, что имя ихъ почти исчезало съ того времени въ исторіи. Съ неменьшимъ успѣхомъ дѣйствовалъ онъ въ теченіе всего царствованія противъ турокъ, возвращая одинъ за другимъ занятые ими города и провинціи Малой Азіи [1]). Благодаря тому, что Іоаннъ развивалъ свою дѣятельность на прочномъ основаніи, созданномъ Алексѣемъ, ему сравнительно легко давались—особенно при его бережливости и замѣчательныхъ военныхъ способностяхъ—всѣ эти успѣхи; а эта легкость успѣховъ неудержимо влекла къ расширенію задачъ внѣшней политики, къ созданію заманчивыхъ,

---

[1]) Іоаннъ вернулъ имперіи городъ Лаодикею въ древней Фригіи, южную часть Пафлагоніи (съ городами Кастамономъ и Гангрой), часть Писидіи и Памфиліи и др.

хотя и трудно выполнимыхъ плановъ. Правда, и Алексѣй Комнинъ былъ не чуждъ широкихъ замысловъ: и онъ мечталъ о возстановленіи древнихъ предѣловъ государства, и онъ раздѣлялъ никогда не умиравшее въ Восточной имперіи воззрѣніе, что византійскіе императоры—единственные законные императоры, которымъ должна принадлежать власть надъ Италіей, и что перенесеніе титула римскихъ императоровъ на франкскихъ и германскихъ королей есть несправедливость и насиліе противъ „Новаго Рима"; и онъ готовъ былъ поддерживать притязанія Византіи, съ одной стороны, на земли, захваченныя крестоносцами въ Сиріи и Палестинѣ, а съ другой,—на Италію. Но затруднительное положеніе, въ какомъ Алексѣй нашелъ имперію, необходимость въ теченіе всего царствованія бороться противъ близкихъ враговъ и опасностей не позволяли ему почти ничего дѣлать для осуществленія этихъ притязаній. Это было уже доступнѣе для Іоанна, который въ концѣ царствованія вмѣсто того, чтобы окончательно укрѣпить за собою отнятыя имъ и Алексѣемъ у турокъ и драгоцѣнныя для имперіи провинціи Малой Азіи, стремился къ распространенію своей власти далѣе, на Сирію и Палестину. Онъ прошелъ въ отдаленную Киликію и уже собирался идти на Іерусалимъ, чтобы, съ одной стороны, помочь королю Фульку противъ турокъ, а съ другой, подчинить короля своему суверенитету, когда, случайно ранивъ себя на охотѣ отравленной стрѣлою, умеръ весной 1143 года.

Мануилъ. Его наслѣдникъ, императоръ Мануилъ (1143—1180) нашелъ финансы и войско не въ худшемъ состояніи, чѣмъ Іоаннъ, а внѣшнія дѣла въ значительно лучшемъ. Ему ничто уже не мѣшало приступить къ осуществленію широкихъ политическихъ плановъ, а онъ еще притомъ былъ человѣкъ склонный къ грандіознымъ фантазіямъ, до крайности увлекавшійся мечтами о славѣ и величіи Византіи и своего имени.

Мануилъ направилъ всѣ свои стремленія на Западъ, пренебрегши гораздо болѣе важными восточными малоазійскими дѣлами. Громадную часть своего царствованія провелъ онъ въ самыхъ разнообразныхъ военныхъ и дипломатическихъ предпріятіяхъ, имѣвшихъ одну конечную цѣль—возстановленіе византійскаго господства въ Италіи и признаніе въ ней Мануила императоромъ. Онъ вступалъ въ сношенія то съ Гогенштауфенами, то, видя, что интересы ихъ расходятся,—съ италіанскими городами, съ папой и даже съ норманнами; онъ захватывалъ области въ Италіи, вмѣшивался въ борьбу папы и италіанскихъ городовъ противъ Фридриха Барбаруссы,

помогалъ возстановленію Александра III на престолѣ св. Петра и даже предлагалъ папѣ гигантскій планъ объединенія стараго и новаго Рима путемъ соединенія имперіи и церкви, — словомъ, являлся, по выраженію одного новѣйшаго историка, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ центромъ тогдашней всемірной политики [1]. Но эта блестящая роль со всѣми ея военными предпріятіями и дипломатическими комбинаціями, стоившими громадныхъ денегъ, не приносила никакихъ положительныхъ результатовъ и только влекла за собою цѣлый рядъ послѣдствій, справедливо возбуждавшихъ недовольство среди византійской знати и народа.

Прежде всего, недостаточное вниманіе императора къ восточнымъ дѣламъ позволяло усиливаться самому страшному врагу Византіи въ Малой Азіи—иконійскому султану.

Пристрастіе Мануила къ Западу.

Далѣе, постоянныя сношенія съ Западомъ вели къ тому, что Мануилъ, воспитанный отчасти въ духѣ западнаго рыцарства, связанный разнообразными отношеніями съ западными императорами и французскими королями, оказывалъ людямъ западнаго происхожденія — „латинянамъ“ — слишкомъ много предпочтенія передъ византійцами, которые гордо называли себя „ромэями“, римлянами, а западныхъ пришельцевъ — „варварами“. Младшій современникъ Мануила, историкъ Никита Акоминатъ жалуется, что императоръ окружалъ себя иноземцами, тратилъ на нихъ массы денегъ, такъ что они собирали громадныя сокровища, точно „вельможи у великихъ народовъ“, а между тѣмъ это были люди, лишенные всякаго образованія, почти не умѣвшіе говорить по-гречески. „И довѣряя больше всѣхъ такимъ людямъ, какъ самымъ вѣрнымъ и преданнымъ слугамъ, онъ не только поручалъ имъ высшія должности, но и ставилъ ихъ во главѣ судебныхъ учрежденій, гдѣ не скоро освоиваются съ дѣлами даже и люди, спеціально изучавшіе право“. — „Если нужно было (какъ это часто случалось) произвести опись какой-нибудь провинціи (съ цѣлью податного обложенія), то и въ такихъ дѣлахъ подобные люди предпочитались людямъ болѣе способнымъ; а если иногда и присоединяли къ нимъ „благороднаго ромэя“, образованнаго и талантливаго, то только для того, чтобы производить перепись и опредѣлять, съ какихъ статей собирать налоги; собиралъ же деньги и прикладывалъ печати къ тюкамъ, предназначеннымъ для отсылки императору, варваръ“. Такое недовѣріе и пренебреженіе императора къ ромэямъ вызывало въ нихъ

---

[1]) Hertzberg, S. 305.

равнодушное и небрежное отношеніе къ дѣлу сбора податей, благодаря чему въ казну доходила только малая часть сборовъ, остальное же оставалось въ рукахъ варваровъ [1]). Въ связи съ такими дѣйствіями императора стояли и другія, вызывавшія неменьшее неудовольствіе. Тратя на своихъ фаворитовъ и фавориток и всего болѣе на „латинскія толпы“ (*Λατινικαὶ ὁμηγύρεις*) массы денегъ, императоръ собиралъ въ свою казну, „какъ воду въ водохранилище“, и тѣ деньги, которыя должны были идти на содержаніе войска, а потребности войска удовлетворялъ поборами съ населенія, носившими скромное названіе добровольныхъ приношеній (*δωρεαί*). При прежнихъ царяхъ такія приношенія лишь изрѣдка служили наградой тѣмъ, кто особенно отличился въ борьбѣ съ непріятелемъ. Теперь же, благодаря раздачѣ ихъ всѣмъ безъ разбора, съ одной стороны, утрачивалось для солдатъ побужденіе къ военной доблести, а съ другой, разорялись провинціи, такъ какъ ненасытные солдаты не только отнимали у провинціаловъ деньги, но и „снимали послѣднюю рубашку“. А такъ какъ при этомъ еще вербовки производились небрежно, безъ всякаго испытанія, то въ солдаты поступалъ всякій, кто хотѣлъ, и кому тяжело было отбывать государственныя повинности: портные, конюхи, каменщики, кузнецы, и этимъ людямъ отводили земли, съ населенія которыхъ они брали денежные сборы. Такимъ образомъ, иногда почтенному ромэю, опытному въ военномъ дѣлѣ, приходилось платить подати какому-нибудь „презрѣнному полуварвару“, не имѣвшему понятія о томъ, что такое боевой строй. Все это вело къ совершенному разоренію провинцій [2]).

Венеціанцы. Недовольство сближеніемъ императора съ Западомъ, съ людьми „латинскаго рода“, возникавшее въ придворныхъ и чиновныхъ кругахъ, распространялось, такимъ образомъ, и дальше, сообщалось въ провинціи, передавалось всему населенію. Для торгово-промышленнаго класса, особенно въ столицѣ, былъ еще одинъ очень важный поводъ къ недовольству. Вмѣшательство въ италіанскія дѣла и въ особенности борьба съ норманнами требовали значительныхъ морскихъ силъ, а между тѣмъ собственный военный флотъ Византіи былъ очень слабъ. Поневолѣ приходилось искать

---

[1]) Nicet., ed. Bonn., p. 266—268. На приливъ западныхъ пришельцевъ во времена Мануила и на раздраженіе противъ нихъ во всѣхъ слояхъ указываетъ также Вильгельмъ Тирскій. См. ст. Θ. Успенскаго въ Ж. М. Н. П. 1881 г., т. 214, стр. 63.

[2]) Nicet., p. 272—274.

морскихъ союзниковъ. Это обстоятельство и привело имперію къ сближенію съ Венеціей. Уже Алексѣй I въ борьбѣ съ Робертомъ Гвискардомъ обратился, какъ замѣчено выше, къ помощи Адріатической республики. Но венеціанцы дорого продавали свои услуги. Въ 1082 г. былъ заключенъ договоръ, по которому имперія получала право располагать венеціанскимъ флотомъ для защиты своихъ береговыхъ областей, но зато предоставляла республикѣ не только безпошлинно торговать въ имперіи, ввозить и вывозить товары, но и основывать факторіи и поселенія въ главнѣйшихъ торговыхъ городахъ имперіи, не исключая столицы [1]). Этотъ договоръ, дававшій средства для могущественнаго развитія венеціанской торговли въ имперіи и на отдаленномъ Востокѣ, помогъ Венеціи сдѣлаться въ XII в. первостепенной морской державой, но Византіи онъ оказалъ очень мало услугъ. Служба венеціанцевъ имперіи была часто ненадежна, помощь ихъ не отвѣчала ожиданіямъ и нуждамъ византійскаго правительства, а привилегіи, данныя республикѣ, естественно, должны были оказывать вредное вліяніе на промышленность и торговлю имперіи и вызывать неудовольствіе торгово-промышленнаго класса. Не удивительно поэтому, что впослѣдствіи и самъ Алексѣй и его преемники не разъ пытались освободиться отъ тяжелаго договора и ограничить созданное имъ преобладающее торговое значеніе Венеціи. Но эти попытки не достигали цѣли. Заключенный въ концѣ царствованія Алексѣя договоръ съ пизанцами, предоставлявшій имъ нѣкоторыя торговыя льготы, хотя и не такія значительныя, какъ венеціанцамъ, возбудилъ большое недовольство послѣднихъ, а когда императоръ Іоаннъ при своемъ вступленіи на престолъ попытался было отказаться отъ подтвержденія договора 1082 г. и затѣмъ въ 1123 г. изгналъ венеціанскихъ купцовъ изъ Константинополя, то венеціанцы начали нападать на острова Іоническаго моря и Архипелага, на города Пелопоннеса и предавать ихъ грабежу и пожарамъ, такъ что, въ концѣ концовъ, Іоаннъ, не имѣя достаточнаго флота для борьбы съ республикой, долженъ былъ пойти на уступку: въ 1126 г. имъ были подтверждены прежнія привилегіи Венеціи. Жители лагунъ снова наводнили имперію и въ особенности Константинополь. Одержанная побѣда располагала венеціанцевъ, которые и раньше, по словамъ византійскаго историка Іоанна Киннама, „обращались съ гра-

[1]) Въ Константинополѣ венеціанцамъ былъ отведенъ кварталъ въ Перѣ, гдѣ они жили какъ бы совершенно самостоятельнымъ, независимымъ отъ общеимперскаго и городского управленія поселеніемъ.

жданами, какъ съ рабами", къ еще большей заносчивости и высокомѣрію, „потому что,—замѣчаетъ Киннамъ,—высокомѣріе, видя свои успѣхи, доходитъ обыкновенно до безумія. И дѣйствительно, венеціанцы многимъ знатнымъ и близкимъ по родству къ царю лицамъ наносили удары и жестоко оскорбляли иными способами".—„Такъ продолжали они поступать,—говоритъ онъ далѣе,—и во времена царя Мануила, когда женаты были уже на римлянкахъ и жили въ домахъ своихъ женъ, подобно другимъ ромэямъ, слѣдовательно, внѣ назначеннаго имъ отъ царя пребыванія" (т. е. внѣ отведеннаго для нихъ при Алексѣѣ квартала)" [1]).—„Они начали не только презрительно относиться къ ромэямъ,—добавляетъ Никита Акоминатъ,—но и пренебрегали распоряженіями и повелѣніями императора" [2]). Не довольствуясь такого рода выходками, венеціанцы позволяли себѣ производить настоящія смуты въ столицѣ: одинъ разъ (въ 1162 г.) вмѣстѣ съ пизанцами, другой разъ (1170 г.), кажется, уже вполнѣ самостоятельно, они устроили побоище съ генуэзцами, которымъ Мануилъ также предоставилъ торговыя льготы. По словамъ Киннама, это второе побоище сопровождалось даже разрушеніемъ домовъ въ генуэзскомъ кварталѣ. На требованіе Мануила возмѣстить убытки, причиненные генуэзцамъ, венеціанцы отвѣчали отказомъ. Тогда Мануилъ, къ большой радости населенія, рѣшилъ захватить въ опредѣленный день всѣхъ находящихся въ имперіи венеціанцевъ и конфисковать ихъ имущество. Въ отвѣтъ на это, Венеція вооружила большой флотъ, который опустошилъ Далмацію, напалъ на Эвбею и, остановившись затѣмъ у Хіоса, завелъ съ Мануиломъ переговоры о выдачѣ захваченныхъ имъ венеціанцевъ. Впрочемъ, флотъ долженъ былъ вернуться въ Венецію, ничего не добившись, такъ какъ среди экипажа началась страшная чума, занесенная потомъ и въ Венецію. Но въ 1175 г., когда злѣйшему врагу Византіи (впослѣдствіи дожу) Энрико Дандоло,—по разсказамъ современниковъ, измѣннически ослѣпленному во время пребыванія при византійскомъ дворѣ въ качествѣ посла,—удалось заключить союзъ съ сицилійскимъ королемъ Вильгельмомъ II, Мануилу, какъ раньше Іоанну, пришлось уступить: онъ заключилъ съ венеціанцами договоръ, по которому возстановлялись всѣ ихъ прежнія права и въ возмѣщеніе убытковъ уплачивалась значительная сумма денегъ. Снова Византія была на-

---

[1]) Cinn., ed. Bonn., l. 6, c. 10.

[2]) Nicet., p. 223.

воднена западно-европейскими купцами, подрывавшими византійскую торговлю, и взаимное раздраженіе и недовѣріе византійскаго торговаго класса и купцовъ-латинянъ достигло крайняго напряженія.

Война съ Килиджъ-Арсланомъ.

Такимъ образомъ, къ концу царствованія Мануила въ различныхъ слояхъ византійскаго общества проявлялось значительное недовольство положеніемъ дѣлъ. Разнообразное по своему происхожденію и по своимъ проявленіямъ, оно сводилось, въ концѣ концовъ, къ одному: къ тому, что царь увлекается фантастическими, безполезными планами, мечтаетъ только о Западѣ, сближается съ нимъ, жертвуетъ для него насущными нуждами государства, окружаетъ себя западными людьми, отъ которыхъ нѣтъ житья ромэямъ; всѣ бѣды происходятъ отъ этого увлеченія Западомъ. О необходимости измѣнить политику, удѣлять больше вниманія внутреннимъ дѣламъ, заботиться объ огражденіи спокойствія и благосостоянія населенія и бороться съ болѣе близкими врагами, чѣмъ германскій императоръ или норманны,—о всемъ этомъ къ концу царствованія Мануила говорили все громче и громче. Большинство ромэевъ осыпало царя „насмѣшками за то, что онъ по самолюбію питаетъ чрезмѣрныя желанія и устремляетъ взоры на края земли, пускается на дѣла, необузданныя и смѣлыя, выступаетъ далеко за предѣлы, установленные прежними царями, и издерживаетъ совершенно безполезно деньги, которыя собираетъ, изнуряя подданныхъ и истощая ихъ необычными поборами и податями“ [1]).

Въ послѣдніе годы Мануилъ, повидимому, самъ понялъ свои ошибки и рѣшилъ болѣе серьезно заняться восточными дѣлами, недостаточное вниманіе къ которымъ вызывало то, что турки все болѣе и болѣе проникали къ западу, все болѣе и болѣе распространяли и укрѣпляли свое владычество въ Малой Азіи. Особенно грозными стали они, когда иконійскій султанъ Килиджъ-Арсланъ II усилился на счетъ каппадокійскихъ, понтійскихъ и пафлагонскихъ турецкихъ владѣтелей и объединилъ подъ своею властью значительную часть полуострова. Противъ Килиджъ-Арслана Мануилъ и предпринялъ войну въ 1176 году. Но война эта, начатая безъ достаточнаго знанія дѣла, кончилась очень печально: въ 1177 году въ горномъ проходѣ около Маріокефала (въ древней Фригіи, недалеко отъ Келенъ) византійское войско, по неосторожности императора, было окружено турками и чуть не поголовно истреблено въ тѣснинахъ, гдѣ нельзя было двинуться ни взадъ, ни впередъ.

[1]) Nicet., p. 265.

его мѣсто. Затѣмъ братья временно примирились, и Исаакъ вернулся въ Константинополь, но къ воцаренію Мануила мы застаемъ его въ ссылкѣ въ Ираклеѣ Понтійской, гдѣ онъ содержался за то, что снова „стремясь къ царствованію, не переставалъ строить Іоанну козни за кознями". Освобожденный Мануиломъ, онъ, однако, и впослѣдствіи не оставлялъ своихъ замысловъ, сохранивъ за собой навсегда репутацію неблагонадежнаго человѣка, вѣчно таящаго желаніе завладѣть престоломъ. „Отъ него это желаніе,—замѣчаетъ современникъ [1]), — какъ отцовское наслѣдіе перешло къ его дѣтямъ".

Судьба и характеръ двоихъ сыновей Исаака, дѣйствительно, могли навести писателя на такое сопоставленіе. Это были такіе же энергичные, привлекательные и по наружнымъ и по внутрен-качествамъ, такіе же смѣлые и честолюбивые и такъ же мало стѣснявшіеся въ средствахъ люди, какъ и отецъ. Заботы о своемъ личномъ достоинствѣ и объ удовлетвореніи своихъ личныхъ честолюбивыхъ стремленій и широкихъ вкусовъ всѣ трое они ставили выше государственныхъ и общественныхъ интересовъ; такъ, по крайней мѣрѣ, представляютъ этихъ Комниновъ современные или близкіе къ нимъ византійскіе историки. Впрочемъ, за ихъ неяснымъ, все сводящимъ къ личнымъ мотивамъ изображеніемъ можно предполагать фонъ и иного характера: весьма вѣроятно, что во всей оппозиціонной, на извѣстный взглядъ даже измѣннической и мятежнической дѣятельности Исаака и Іоанна (какъ и въ дѣятельности Андроника, относительно котораго извѣстія яснѣе и полнѣе) были болѣе широкіе политическіе и національные мотивы. Во всякомъ случаѣ, однако, для нихъ политическая программа такъ тѣсно сплеталась съ видами личнаго возвышенія, что политическая борьба постоянно принимала личный характеръ, а личная пріязнь и непріязнь превращались въ политическія симпатіи и антипатіи.

О старшемъ изъ братьевъ, Іоаннѣ мы знаемъ, впрочемъ, очень немногое. По словамъ византійскаго историка, онъ, какъ и отецъ, „изъ-за ничтожнаго оскорбленія" [2]) со стороны императора, въ послѣдніе годы царствованія Іоанна, во время войны въ Малой Азіи, открыто перешелъ на сторону его враговъ, иконійскихъ турокъ, отрекся отъ христіанства и женился на дочери султана Масуда.

[1]) Cinn., l. 2, c. 7, въ концѣ. Ср. Nicet., 363_{10-11}.

[2]) Nicet., 72. Интересно, что поводомъ къ разрыву послужило униженіе императоромъ Іоанна передъ какимъ-то знатнымъ иностранцемъ, выходцемъ изъ Италіи. Ср. Nicet., 47—49.

Онъ, повидимому, навсегда остался у турокъ и, вѣроятно, приносилъ немало вреда „римлянамъ" во время войнъ, благодаря освѣдомленности о состояніи ихъ войскъ и о положеніи государства.

Гораздо разнообразнѣе и сложнѣе была судьба второго сына Исаака, Андроника. Андроникъ былъ и сверстникомъ и почти ровесникомъ царя Мануила [1]); они вмѣстѣ росли и воспитывались, да и отъ природы въ нихъ было много общаго: ихъ красота, сила и смѣлость, ихъ живость и блестящія способности невольно обращали на нихъ общее вниманіе и невольно вызывали на сравненіе. Своеобразныя условія той эпохи, въ какую росли и воспитывались двоюродные братья, наложили особый отпечатокъ на весь ихъ складъ. XII-й вѣкъ былъ временемъ оживленія литературныхъ, философскихъ и богословскихъ интересовъ въ Византіи. Свѣтскіе и духовные писатели этого вѣка: Анна Комнина, Никита Акоминатъ, Евстаѳій Солунскій и мн. др были тонкими знатоками древнегреческой поэзіи и философіи, а среди описываемыхъ ими событій эпохи Комниновъ то здѣсь, то тамъ отмѣчаются оживленные религіозные и философскіе споры, въ которыхъ принимали участіе не только присяжные философы и богословы, но и члены императорскаго дома и придворные. Съ другой стороны, къ тому времени, когда росли Мануилъ и Андроникъ, византійцы хорошо познакомились и съ западными „латинскими" народами. Прошелъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ передъ стѣнами Константинополя промелькнули крестоносцы перваго похода; въ Азіи давно уже существовали западно-европейскія владѣнія; черезъ имперію постоянно шли сношенія между европейскимъ Западомъ и оевропеившеюся Малой Азіей; не одни враждебныя столкновенія происходили между „римлянами" и „латинянами": подчасъ имъ вмѣстѣ приходилось бороться противъ турокъ; въ торговой жизни Константинополя своими людьми были венеціанцы; наконецъ, аристократія и императорскій домъ начали заводить родственныя связи съ Западнымъ міромъ. Знакомство съ этимъ міромъ, являвшимся византійцамъ всего чаще въ лицѣ рыцарства, отразилось на воспитаніи молодыхъ Комниновъ не меньше, чѣмъ оживленіе языческой и христіанской греческой образованности: Мануилъ и Андроникъ не менѣе блистали знаніемъ Священнаго Писанія,—Андроникъ особенно

Андроникъ.

---

[1]) См. Cinn., l. 3, c. 17. Мануилу при вступленіи на престолъ въ 1143 г. было около 20-ти лѣтъ.

любилъ и превосходно зналъ ап. Павла,—или умѣніемъ разрѣшать „труднѣйшіе аристотелевскіе вопросы", чѣмъ своей ловкостью въ военныхъ играхъ, выносливостью и неутомимостью въ военныхъ предпріятіяхъ; и—характерная черта рыцарства—они совершаютъ чудеса храбрости въ рукопашной схваткѣ, наносятъ удары изумительной силы, смѣло нападаютъ въ одиночку на цѣлыя толпы, но они—плохіе полководцы: они терпятъ позорнѣйшія пораженія отъ неумѣнія выбрать мѣсто битвы, обдуманно расположить войско, осмотрительно вести походъ въ чужой странѣ. Однако, съ этими свойствами закаленныхъ и неутомимыхъ рыцарей-варваровъ они соединяли всю любовь къ изысканно-роскошной и развращенной придворной жизни, какая выработалась вѣками вмѣстѣ съ другими оборотными сторонами не только древней, но уже и ветшавшей греко-римско-византійской культуры. Даже современниковъ-византійцевъ поражала эта способность братьевъ Комниновъ безъ малѣйшаго труда быстро переходить отъ лѣни и роскоши во вкусѣ Востока и императорскаго Рима къ самой суровой походной жизни съ ея безсонными ночами, тяжелыми переходами, утомительными битвами, для которыхъ нужны были гигантская сила и гигантское здоровье. Черты рыцарской доблести, впрочемъ, болѣе характерны для Мануила, чѣмъ для его двоюроднаго брата. Андроникъ, повидимому, никогда не былъ большимъ любителемъ военнаго дѣла; правда, это не мѣшало и ему совершать рыцарскіе подвиги, но придворная обстановка, изящные и утонченно-образованные дамы и кавалеры, которые могли по достоинству оцѣнить блестящіе таланты и изысканно-модные наряды Андроника,—вотъ та сфера, гдѣ онъ чувствовалъ себя всего пріятнѣе; здѣсь никто не могъ съ нимъ сравняться:всѣхъ очаровывали его изящество, краснорѣчіе и остроуміе; никто не умѣлъ удачнѣе его подмѣтить дурную или смѣшную сторону событія или человѣка и заклеймить ее колкой остротой, быстро облетавшей византійскій придворный и чиновный міръ и подчасъ попадавшей, въ концѣ концовъ, и на страницы лѣтописи [1]). Но подъ этими блестящими свѣтскими свойствами крылась глубокая натура: Андроникъ умѣлъ подмѣчать не однѣ смѣшныя стороны; онъ внимательно слѣдилъ за государственной и общественной жизнью и чутко схватывалъ характерныя черты возникающихъ политическихъ теченій, угадывалъ еще только слагавшіяся общественныя настроенія. Вотъ почему онъ умѣлъ иногда

---

[1]) См., напр., Nicet., p. 160.

подать совѣтъ, рѣзко не сходившійся со взглядомъ императора и покорнаго ему правительства,—совѣтъ, вызывавшій крутой отпоръ, но пророчески угадывавшій запросы общества и потребности государства [1]).

Плѣнъ Андроника у турокъ.

Выросши, братья вмѣстѣ принимали участіе въ походахъ императора Іоанна, но со вступленіемъ на престолъ Мануила пути ихъ сильно разошлись. Положеніе Мануила позволяло ему, всецѣло слѣдуя своимъ взглядамъ и вкусамъ, отдаться сложной и обширной дѣятельности, вызванной его широкими политическими планами. Между тѣмъ, честолюбивому, живому и богато одаренному Андронику приходилось довольствоваться или придворной ролью императорскаго кузена или чиновной ролью управителя какой-нибудь провинціи. Ни то, ни другое не могло вполнѣ его удовлетворить, и потому съ его стороны скоро начались попытки, какими бы то ни было средствами, выбиться изъ этого положенія, гдѣ онъ чувствовалъ себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Къ тому же, отношенія его къ Мануилу стали ухудшаться. Начало разрыву положило случайное обстоятельство. Во время возвращенія изъ азіатскаго похода, въ которомъ умеръ императоръ Іоаннъ, Андроникъ съ нѣсколькими спутниками отправился на охоту и, отдалившись отъ войска, попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, которые передали его иконійскому султану. Императоръ, по выраженію Никиты Акомината, „не позаботился, какъ слѣдовало, о захваченныхъ и не помогъ имъ по-царски". Правда, Андронику едва ли жилось плохо у иконійскаго султана: какъ мы знаемъ, отецъ Андроника жилъ нѣкогда у султана Масуда, а его братъ Іоаннъ даже приходился Масуду зятемъ. Изучивъ въ это время турецкій языкъ, часто помогавшій ему въ его послѣдующихъ приключеніяхъ, Андроникъ завязалъ знакомства съ вліятельными турками, въ общество которыхъ былъ введенъ своимъ братомъ [2]).

Но все же невниманіе императора, конечно, должно было раздражить Андроника. Съ другой стороны, возможно, что и сближеніе Андроника съ иконійской знатью возбудило нѣкоторую подозрительность въ Мануилѣ. Впрочемъ, пока эта подозрительность еще не проявлялась рѣзко: возвращенный вскорѣ изъ плѣна, Андроникъ принималъ попрежнему участіе въ походахъ и особенно въ придворной жизни. Но мало-по-малу общее вниманіе, какое онъ

---

[1]) См., напр., случай, приведенный у Никиты (Nicet., 179).

[2]) См. Ѳ. Успенскій, Ж. М. Н. П., т. 214 (1881 г., мартъ), стр. 57, пр. 1.

привлекалъ къ себѣ своими блестящими талантами, его слишкомъ безнравственная жизнь, которой онъ нисколько не скрывалъ, и на которую лицемѣрно или нелицемѣрно негодовали и оскорблялись другіе члены дома Комниновъ, наконецъ, колкія насмѣшки, предметомъ которыхъ иногда былъ и императоръ,—все это должно было значительно усилить подозрительность и непріязнь Мануила и заставлять его желать удаленія Андроника изъ столицы. Впрочемъ, важность и отвѣтственность возлагавшихся на него порученій показываетъ, что императоръ высоко цѣнилъ таланты своего кузена и все еще готовъ былъ оказывать ему значительное довѣріе, котораго тотъ, однако, не оправдалъ.

Андроникъ въ Киликіи и Сербіи.

Въ началѣ 50-ыхъ годовъ XII-го вѣка онъ былъ посланъ въ Киликію и Исаврію для веденія борьбы противъ армянскаго князя Тороса [1]), который поднималъ возмущеніе въ Киликіи и хотѣлъ побудить ее отложиться отъ Византіи. Недовольный этимъ назначеніемъ, Андроникъ очень небрежно отнесся къ возложенному на него порученію. Приступивъ къ осадѣ города Мопсуэстіи (на югѣ Киликіи), гдѣ находился Торосъ, Андроникъ вмѣсто того, чтобы энергично вести дѣло, предался „лѣни и сценическимъ играмъ". Отъ Тороса не укрылась небрежность Андроника. Выбравъ темную, дождливую ночь, онъ со всѣмъ своимъ войскомъ сдѣлалъ вылазку и на голову разбилъ византійское войско. Андроникъ узналъ о вылазкѣ слишкомъ поздно, бросился въ схватку, рыща на конѣ съ копьемъ въ рукахъ, совершалъ чудеса храбрости, но, конечно, этимъ не помогъ дѣлу и долженъ былъ, едва не попавъ въ плѣнъ, спасаться въ Антіохію [2]), откуда затѣмъ вернулся въ Византію. При дворѣ ходили слухи, что наединѣ Андронику пришлось выслушать отъ Мануила жестокую брань и упреки за „нерадѣніе о воинскихъ дѣлахъ и за свои неблаговременныя удовольствія". Однако, офиціально императоръ оказывалъ ему большой почетъ, дѣлалъ подарки, и вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшилъ назначить его на важный постъ дукса городовъ Ниша, Браничева и Бѣлграда, т. е. обширной области къ югу отъ Савы и Дуная, пограничной съ опасными врагами, имперіи—унграми (венграми) [3]).

[1]) Этотъ Торосъ (II) владѣлъ такъ называемой Малой Арменіей, при чемъ владѣнія его захватывали, вѣроятно, и восточныя части древней Каппадокіи и Киликіи. Ср. Nicet., 134.

[2]) Она была въ то время въ рукахъ западныхъ владѣтелей.

[3]) Кромѣ того, ему былъ данъ городъ Касторія на югѣ древней Иллиріи. Такимъ образомъ, область, подвѣдомственная Андронику, захватывала ны-

Но несмотря на все это, несмотря даже на то, что Андронику, котораго подозрѣвали въ сношеніяхъ съ іерусалимскимъ королемъ и съ иконійскимъ султаномъ во время пребыванія въ Киликіи, нужно было очень заботиться о своей политической репутаціи, онъ здѣсь дѣйствовалъ такъ, что долженъ былъ окончательно вооружить противъ себя императора и побудить его къ крутымъ мѣрамъ. Онъ завелъ сношенія съ венгерскимъ королемъ Гейзою II, убѣждалъ его помочь ему овладѣть престоломъ Византіи, обѣщая, по достиженіи цѣли, уступить Гейзѣ Браничевъ и Нишъ, и съ Фридрихомъ Барбаруссой, приглашая и его въ извѣстное время на помощь. Когда извѣстія объ этомъ дошли до Мануила, тотъ сначала не показалъ вида, что знаетъ о его замыслахъ, и дружелюбно принялъ Андроника, пріѣхавшаго въ Византію, но затѣмъ, — когда онъ два раза не безъ основанія былъ заподозрѣнъ въ покушеніи на жизнь Мануила, когда его попрежнему открыто развратная жизнь продолжала приводить въ негодованіе всѣхъ членовъ императорскаго дома, не скупившихся на наговоры, а, можетъ быть, и клевету, чтобы выставить его передъ императоромъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, — Мануилъ рѣшился заключить Андроника въ Константинополѣ въ тюрьму.

Тюрьма и бѣгство изъ нея.

Конечно, Мануилъ могъ пойти на такую рѣзкую мѣру противъ выдающагося члена императорскаго рода только при полной увѣренности въ измѣнническихъ планахъ Андроника; и увѣренность эта вполнѣ оправдалась, когда Гейза, не знавшій объ участи Андроника, дѣйствительно началъ войну противъ императора. „Около девяти лѣтъ, кажется, провелъ Андроникъ въ тюрьмѣ“ [1]). Разъ онъ пытался бѣжать оттуда, достигъ Малой Азіи, но тамъ его узнали, схватили, несмотря на „ужасное сопротивленіе съ его стороны“, связали и отправили въ Византію, гдѣ заключили въ тюрьму „въ двойныхъ желѣзныхъ кандалахъ подъ гораздо бо́льшимъ и суровымъ надзоромъ, чѣмъ прежде“. Но Андроникъ сумѣлъ освободиться и изъ-подъ этого надзора. Для этого онъ притворился больнымъ. Тогда къ нему приставили слугу, которому Андроникъ поручилъ „унести ключи отъ тюрьмы въ то время, когда стражи, чрезмѣрно выпивъ, заснутъ“, сдѣлать съ этихъ ключей восковые слѣпки и передать ихъ сыну Андроника.

вѣшнюю Сербію, Боснію и южную Далмацію. Дукеъ (dux)—названіе начальниковъ нѣкоторыхъ изъ земъ, обыкновенно пограничныхъ, болѣе обширныхъ и сосредоточивавшихъ въ себѣ болѣе военныхъ силъ, нежели остальныя. Ср. Скабалановичъ, стр. 187—188.

[1]) Такъ сообщаетъ Киннамъ (5, 10).

Сдѣланные по этимъ слѣпкамъ ключи, а также веревки были принесены Андронику на днѣ амфоры съ виномъ. Ночью Андроникъ тихо отперъ двери своей тюрьмы, вышелъ изъ нея, заперъ снова двери и скрылся въ густой травѣ на огромномъ примыкавшемъ къ тюрьмѣ дворѣ [1]), куда обыкновенно никто не заходилъ. Выждавъ здѣсь, когда горячіе розыски прекратились, онъ влѣзъ на стѣну, выходившую прямо къ морю, и спустился съ нея по веревкѣ. У подножія стѣны его уже ждала по уговору лодка. Но здѣсь Андроникъ чуть не попался. Лодку замѣтила стража, наблюдавшая обыкновенно въ этомъ мѣстѣ всю ночь и не позволявшая ни одной лодкѣ проплывать мимо дворца [2]). Однако, Андроникъ, притворившись бѣглымъ слугой-варваромъ, плохо говорящимъ по-гречески, съ большимъ самообладаніемъ и ловкостью сумѣлъ обмануть стражей. Умилостивленные особенно кошелькомъ, даннымъ Андроникомъ, они пропустили его, и Андроникъ благополучно пріѣхалъ домой. Здѣсь были разбиты кандалы, затѣмъ онъ снова сѣлъ въ лодку и выѣхалъ за предѣлы города; тамъ ждали его заранѣе приготовленныя лошади; на нихъ онъ поѣхалъ въ Анхіалъ (городъ во Ѳракіи на берегу Чернаго моря), а оттуда, получивъ отъ одного изъ своихъ доброжелателей съѣстные припасы и проводниковъ, направился на Русь, въ Галицкое княжество. На дорогѣ онъ снова былъ пойманъ валахами, до которыхъ дошли вѣсти о его бѣгствѣ, и только благодаря своей необыкновенной изобрѣтательности ускользнулъ и изъ ихъ рукъ. Прибывъ, наконецъ, къ Ярославу Осмомыслу (вѣроятно, въ 1164 г.), „онъ былъ принятъ,—по словамъ византійскаго историка,—съ распростертыми объятьями, пробылъ у него довольно долго и до того привязалъ его къ себѣ, что вмѣстѣ съ нимъ охотился и засѣдалъ въ совѣтѣ, вмѣстѣ жилъ и вмѣстѣ обѣдалъ“ [3]). Эта фраза едва ли страдаетъ преувеличеніемъ. Кажется, Андроникъ дѣйствительно пріобрѣлъ большое вліяніе на

---

[1]) Тюрьма находилась въ зданіяхъ Большого Константинопольскаго дворца. Этотъ дворецъ, тянувшійся на огромное пространство и состоявшій изъ многихъ построекъ, находился у берега Босфора, занимая вмѣстѣ съ храмомъ св. Софіи, Ипподромомъ, „Манганскимъ дворцомъ“ (къ сѣверу отъ Большого дворца) и другими зданіями (дворцами и церквами) юго-восточный уголъ треугольника, образуемаго Константинополемъ.

[2]) Nicet., 170. „Съ тѣхъ поръ,—прибавляетъ Никита,—стали ставить эту стражу, какъ Іоаннъ Цимисхій ночью напалъ на Никифора Фоку, поднятый (на стѣну) въ корзинѣ“.

[3]) Nicet., 172. Относительно хронологіи см. Куникъ, „Основаніе Трапезундской монархіи, стр. 715—717 и 788—89.

князя Ярослава и, преслѣдуя свои всегдашнія цѣли, возбуждалъ его помогать венграмъ снова вести войну противъ Мануила [1]); ходили даже слухи, что самъ Андроникъ „собираетъ"—вѣроятно, при содѣйствіи Ярослава—„многочисленную скиѳскую (т. е. русскую) конницу съ намѣреніемъ вторгнуться въ римскіе предѣлы" [2]). Во всякомъ случаѣ, Андроникъ затѣвалъ какіе-то опасные для Мануила планы, такъ какъ послѣдній поспѣшилъ „съ дружескими увѣреніями" пригласить Андроника вернуться. Андроникъ согласился на приглашеніе, и въ 1165 г. мы видимъ его энергично дѣйствующимъ при осадѣ Зевгмина (Землина) [3]), во время войны съ венграми.

Второе командованіе въ Киликіи.

Но и на этотъ разъ онъ не долго пробылъ при дворѣ Мануила. Былъ ли въ эту эпоху Андроникъ вообще слишкомъ подозрительнымъ человѣкомъ, чтобы его надолго оставлять въ столицѣ, или же онъ раздражилъ императора рѣзкими возраженіями противъ плана Мануила,—выдать свою дочь за младшаго сына Гейзы II [4]), Белу и передать ему впослѣдствіи, если у императора не будетъ мужского потомства, византійскій престолъ,—какъ бы то ни было, но вскорѣ послѣ взятія Зевгмина Андроникъ снова долженъ былъ покинуть столицу: онъ получилъ отвѣтственное назначеніе въ Киликію, которую приходилось защищать отъ стараго врага, армянскаго князя Тороса. Такъ какъ охрана крѣпостей и защита страны требовали большихъ расходовъ, то Андронику, кромѣ податей съ Киликіи, были предоставлены еще доходы съ острова Кипра [5]). На первый вглядъ можетъ показаться страннымъ, что

---

[1]) Ср. Cinn., 510-12 и Nicet., 172—173.

[2]) Nicet., 173.

[3]) Ср. Nicet., 172: *Ζεύγμινον... ὅπερ νῦν λέγεται Σίρμιον*. Это мѣсто Никиты требуетъ разъясненія: древній Сирмій находился на р. Савѣ нѣсколько къ востоку отъ устья р. Дрины. Зевгминъ (Землинъ) лежитъ у Дуная близъ устья Савы, противъ Бѣлграда. Ср. Куникъ, op. cit., стр. 716, пр. 12.

[4]) Умершаго въ 1161 г. Ему наслѣдовалъ старшій его сынъ, Стефанъ III, а затѣмъ (съ 1173 г.) Бела III.

[5]) „Византійская финансовая система двумя путями направляла платежныя силы извѣстной мѣстности на покрытіе мѣстныхъ государственныхъ расходовъ, минуя государственное казначейство: во-первыхъ, она устанавливала „кормленіе" для правителей ѳемъ: стратеговъ, катепановъ, дуксовъ (а также и для другихъ, подчасъ, можетъ быть, уже не служащихъ, но заслуженныхъ лицъ, для которыхъ такое кормленіе являлось своего рода пенсіей); во-вторыхъ, такъ какъ византійское правительство на свой счетъ содержало и, кромѣ того, платило денежное жалованіе „стратіотамъ", т. е. солдатамъ, пока они были подъ оружіемъ (въ другое время для матеріальнаго обезпеченія ихъ служили земельные, такъ называемые „воинскіе участки". См. вып. I, ст. XII.

императоръ предпочиталъ имѣть такого подозрительнаго человѣка, какъ Андроникъ, въ дальней области, на посту почти совершенно самостоятельнаго, по преимуществу военнаго правителя, а не у себя на глазахъ, въ роли придворнаго кавалера безъ опредѣленнаго служебнаго положенія. Но въ Восточной имперіи столица такъ сильно притягивала къ себѣ всѣ политическія и общественныя силы, играла такую рѣшающую роль въ государственныхъ переворотахъ, что здѣсь, гдѣ уже и въ то время, несомнѣнно, существовала значительная оппозиція противъ политики Мануила, Андроникъ съ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, съ своей неотразимой логикой и необыкновеннымъ умѣньемъ угадывать общественныя теченія, казался императору гораздо опаснѣе, чѣмъ въ отдаленной, дальней азіатской провинціи. Самъ Андроникъ смотрѣлъ на назначеніе въ Киликію, какъ на почетную ссылку, былъ этимъ раздраженъ и, кажется, рѣшилъ на этотъ разъ покончить счеты съ Мануиломъ. Онъ не только небрежно велъ борьбу съ Торосомъ, но, по-видимому, почти желалъ этой небрежности, превращая битвы въ какую-то потѣху для удовлетворенія своей прихотливой, капризной фантазіи до крайней мѣры. Никита Акоминатъ разсказываетъ, что послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ стычекъ, потерпѣвъ, наконецъ, отъ Тороса постыднѣйшее пораженіе, Андроникъ замыслилъ нѣчто необычайное. Собираясь съ Торосомъ для рѣшительной битвы, онъ построилъ войско такъ, что оно походило на животное, имѣло и голову, и заднюю часть, и остальные члены [1]. Изъ этой фантазіи не вышло, конечно, ничего хорошаго: войско, построенное такимъ страннымъ образомъ, было смято армянами и обратилось въ бѣгство, и хотя самъ Андроникъ съ отважной смѣлостью бросился на Тороса, окруженнаго свитой, и сбилъ его съ лошади, однако эта выходка, конечно, не спасла ромеевъ отъ новаго постыднаго пораженія.

Андроникъ на чужбинѣ.

Послѣ этой необыкновенной битвы Андроникъ окончательно набросилъ порученное ему дѣло, онъ покинулъ даже Киликію и перебрался въ Антіохію, разсчитывая, несмотря на то, что ему было уже

[illegible] Левъ III Исавръ и [illegible] стр. [illegible] [illegible] — [illegible] стр. 381—383 и стр. 398 сл.

[1]) Nicet., 150.

около 50 лѣтъ, жениться на молодой, отличавшейся красотой дочери антіохійскаго князя Раймунда, сестрѣ второй жены Мануила, Филиппѣ [1]), „хотя, — замѣчаетъ Киннамъ,—нашъ законъ и не допускаетъ такого брака“. И, конечно, этому первому византійскому щеголю и придворному законодателю модъ, сохранившему благодаря великолѣпному здоровью и замѣчательно воздержной жизни и въ эти годы моложавость, красоту и стройность, этому знатоку человѣческаго сердца, тонкому, остроумному и блестящему оратору, не трудно было настолько очаровать молодую принцессу, что и она готова была принадлежать ему, несмотря на то, что этотъ союзъ долженъ былъ оскорбить и раздражить византійскій дворъ. Дѣйствительно, Мануилъ, узнавъ о дѣйствіяхъ Андроника, немедленно отправилъ въ Азію одного изъ придворныхъ, севаста [2]) Константина Каламана, съ двоякимъ порученіемъ: во-первыхъ, замѣнить Андроника въ управленіи Киликіей и въ борьбѣ съ Торосомъ и, во-вторыхъ, разстроить скандальный для императорской семьи союзъ Андроника съ Филиппой и съ этой цѣлью самому предложить ей руку. Хотя Каламанъ и потерпѣлъ неудачу и здѣсь и тамъ, однако Андроникъ, очень непостоянный въ своихъ привязанностяхъ, боясь угрозъ Мануила и опасаясь, по выраженію византійскаго историка, „какъ бы ласки Филиппы не смѣнились прежнею тюрьмой“, покинулъ принцессу и Антіохію и удалился въ Іерусалимъ (въ 1167 году). Здѣсь онъ сумѣлъ очаровать свою дальнюю родственницу, дочь старшаго брата императора Мануила, Исаака, и вдову іерусалимскаго короля Балдуина III, Θеодору. Благодаря ей, Андроникъ своевременно узналъ о присылкѣ Мануиломъ грамоты, въ которой поручалось захватить его, какъ злоумышленника, и ослѣпить. Не чувствуя себя безопаснымъ и въ предѣлахъ Іерусалимскаго королевства, бывшаго сравнительно въ хорошихъ отношеніяхъ съ Византіей, онъ, въ сопровожденіи привязавшейся къ нему Θеодоры, покинулъ предѣлы и этого государства.

Съ тѣхъ поръ [3]) начались его долгія скитанія по восточнымъ нехристіанскимъ странамъ. Онъ побывалъ и въ Дамаскѣ у султана Нурредина, и въ Багдадскомъ халифатѣ, и, наконецъ, (около 1170 года) въ Иверіи и „вездѣ, гдѣ останавливался,—замѣчаетъ византійскій историкъ,—принимаемъ былъ съ почетомъ, уваженіемъ

---

[1]) Андроникъ былъ уже въ это время вдовцомъ. Ср. Wilken, стр. 476, пр. 1, и Куникъ, op. cit, стр. 714 сл.

[2]) Важный чинъ византійской „табели о рангахъ“, слѣдующій за „кесаремъ“, См. выше, стр. 546, пр. 3.

[3]) Т. е., вѣроятно, съ того же 1167 г.

и съ величайшею привѣтливостью и получалъ богатые дары". Наконецъ, онъ водворился (на сѣверо-востокѣ Малой Азіи) на границѣ Византійской имперіи, во владѣніяхъ иконійскихъ турокъ. Занявъ съ ихъ согласія одну крѣпость, Андроникъ укрѣпилъ ее и сталъ дѣлать частые набѣги на „ромэйскіе предѣлы", порабощая множество людей и передавая военную добычу туркамъ. Такимъ образомъ, Андроникъ сталъ открытымъ врагомъ не только императора, но и христіанъ, и церковь не замедлила предать его анаѳемѣ. Почти до самаго конца царствованія Мануила продолжалась эта жизнь эмигранта и измѣнника.

Лишь незадолго до смерти Мануила братья снова примирились, и Андроникъ вернулся въ Константинополь. Но затѣмъ, давъ присягу въ томъ, что „будетъ всѣми силами противодѣйствовать тому, что клонится ко вреду для Мануила и его сына Алексѣя и ко вреду для ихъ вѣнца", онъ былъ препровожденъ въ городъ Иней *(Οἴναιον)*, въ Малой Азіи, на берегу Чернаго моря (между Синопомъ и Трапезундомъ), чтобы тамъ, по словамъ византійскаго историка, „отдохнуть послѣ многолѣтнихъ скитаній". „И оба они, и Мануилъ и Андроникъ, знали", прибавляетъ историкъ, „что пребываніе въ одномъ и томъ же мѣстѣ снова приведетъ ихъ къ прежнимъ столкновеніямъ" [1]). Въ Инеѣ и жилъ Андроникъ, когда въ сентябрѣ 1180 г. скончался императоръ Мануилъ.

III.

Національная политика.

Насколько можно догадываться, Андроникъ изъ своего уединенія внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ Константинополѣ. Это было для него тѣмъ легче, что въ столицѣ было не мало и близкихъ родственниковъ и выдающихся людей среди свѣтской знати и константинопольскаго духовенства, преданныхъ ему. Можно думать, что въ моментъ смерти Мануила уже образовалась цѣлая партія, враждебная императрицѣ и протосевасту Алексѣю и готовая признать своимъ главою Андроника. На чемъ же основывалась приверженность этой партіи къ малоазійскому изгнаннику? Прежде всего, личное несочувствіе Мануилу и стремленіе Андроника захватить власть заставляло предполагать нелюбовь Андроника и къ

1) Nicet., 294–296. Примиреніе и поселеніе Андроника въ Инеѣ произошло, вѣроятно, въ первой половинѣ 1180 года. См. Ж. М. Н. П., т. 214, стр. 58, пр. 1.

тѣмъ лицамъ, которыя по смерти императора захватили эту власть; люди, лично не симпатизировавшіе императрицѣ и протосевасту, такимъ образомъ, разсчитывали найти сочувствіе въ Андроникѣ, каковы бы ни были ихъ политическія воззрѣнія. Но этого мало: насколько можно судить по нѣкоторымъ указаніямъ византійскихъ историковъ, у Андроника была своего рода политическая программа; его имя служило знаменемъ, вокругъ котораго могли собраться люди, не симпатизировавшіе правительству и не по личнымъ мотивамъ. Въ изложеніи Никиты сообщенію о вторичномъ назначеніи въ Киликію предшествуетъ разсказъ объ упомянутомъ выше [1]) планѣ Мануила, выдать свою дочь Марію за венгерскаго принца Белу и признать Белу и Марію своими наслѣдниками. При этомъ Мануилъ взялъ со всѣхъ близкихъ людей, т. е., вѣроятно, съ членовъ императорскаго дома, высшихъ членовъ правительства и придворныхъ, присягу въ томъ, что послѣ его смерти они признаютъ Марію и Белу наслѣдниками его власти и будутъ повиноваться имъ и чтить ихъ, какъ „римскихъ императоровъ". Всѣ дали эту присягу. Одинъ Андроникъ не согласился на это, рѣзко выставивъ причины своего отказа: прежде всего, у императора можетъ еще родиться сынъ; а затѣмъ, „что за возмутительное дѣло, что за преступленіе со стороны царя считать всякаго „римлянина" недостойнымъ дочери, а этого пришельца и чужеземца на позоръ „римлянамъ" избрать, чтобы царствовать надъ „римлянами", и ставить его выше всѣхъ „римлянъ", какъ господина!" Мануилъ не менѣе рѣзко отнесся къ „дѣльнымъ", по выраженію Никиты, словамъ своего кузена, считая ихъ пустыми рѣчами противорѣчиваго упрямца, но многіе согласились со взглядами Андроника даже и послѣ присяги, и одни тотчасъ же высказали свое согласіе, а другіе, хотя и не высказали, но примкнули къ мнѣнію, „что не будетъ пользы для „Римскаго государства," если къ плодовитой маслинѣ привить вѣтвь отъ иноплеменнаго дерева" [2]). Въ этомъ столкновеніи взглядовъ, оказавшемъ, можетъ быть, немалое вліяніе на послѣднюю размолвку Мануила съ Андроникомъ, ярко выразилась черта того націонализма, той враждебности къ западнымъ иноземцамъ, которая стала основнымъ элементомъ политической программы Андроника и собрала около него людей, усердно работавшихъ въ столицѣ въ его пользу въ концѣ 1180 и въ началѣ 1181 года.

---

[1]) См. выше, стр. 563.

[2]) Nicet., 179—180 (русск. перев., 174—175).

Съ своей стороны, Андроникъ также не терялъ времени. Найдя въ приведенной выше присягѣ удобный поводъ вмѣшаться въ дѣла имперіи, онъ началъ посылать письма и молодому императору, и тогдашнему константинопольскому патріарху Θеодосію, и различнымъ представителямъ византійской аристократіи. Въ этихъ письмахъ высказывалось негодованіе противъ протосеваста Алексѣя, говорилось, будто царю угрожаютъ опасности и гибель. Написанныя съ обычными для Андроника убѣдительностью и краснорѣчіемъ, письма эти производили сильное впечатлѣніе. Все большее и большее число людей начинало смотрѣть на Андроника, какъ на единственнаго человѣка, истинно преданнаго „римскимъ" интересамъ, какъ на единственнаго „филоромэя" [1]), и притомъ, „благодаря своему возрасту и благодаря обширной опытности соединяющему въ себѣ самыя лучшія качества". Вѣроятно, въ началѣ 1181 года онъ двинулся изъ Инея. Распространяемые самимъ Андроникомъ слухи, что онъ идетъ въ силу своей присяги для освобожденія императора отъ опасности, и древнее предсказаніе о томъ, что Андроникъ будетъ нѣкогда царствовать, собирали вокругъ него толпы людей, „питавшихъ стремленіе къ новому порядку вещей".

Возстаніе Маріи. Между тѣмъ въ столицѣ партія Андроника составила заговоръ съ цѣлью сверженія протосеваста. Во главѣ этого заговора стояли старшая сестра императора,—та самая Марія, которую Мануилъ собирался выдать за Белу, но которая вышла впослѣдствіи замужъ за маркграфа монферратскаго Райнеріо,—ея мужъ и два сына Андроника, Мануилъ и Іоаннъ. Рѣшено было въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста 1181 года во время церковной службы покончить съ протосевастомъ при помощи наемныхъ убійцъ. Однако, заговоръ былъ открытъ, большинство участниковъ его, которыхъ пристрастные судьи старались обвинить въ оскорбленіи величества, потерпѣли жестокія наказанія, а Марія и ея мужъ, благодаря патріарху Θеодосію, стоявшему на сторонѣ заговорщиковъ, нашли себѣ убѣжище въ церкви св. Софіи. Все это произошло еще великимъ постомъ. Къ Пасхѣ, по обыкновенію, собрались въ Константинополь цѣлыя массы богомольцевъ изъ различныхъ частей имперіи. Но то, что они увидали здѣсь на этотъ разъ, было совсѣмъ необычно: торжественная процессія съ патріархомъ во главѣ, ежегодно отправлявшаяся изъ церкви св. Софіи во дворецъ, чтобы поздравить императора съ праздникомъ, была, по распоряженію па-

---

[1]) **Nicet.**, 298: *μονώτατον ὡς φιλορώμαιον ἄνδρα.*

тріарха, отложена. Самая ограда „Великой церкви", гдѣ скрывались Марія и ея мужъ, становилась все болѣе и болѣе похожею на укрѣпленный лагерь: Марія, не перестававшая требовать удаленія протосеваста отъ дѣлъ, умѣла привлечь на свою сторону и часть италіанскихъ наемныхъ войскъ, и часть „римскаго" войска и, наконецъ, ту сбродную, состоявшую изъ низшихъ слоевъ ремесленнаго и рабочаго класса толпу, которая почти всегда принимала дѣятельное участіе въ политическихъ переворотахъ, разыгрывавшихся въ столицѣ; привлечь ее было тѣмъ легче, что ненависть къ богатымъ купцамъ и придворнымъ западнаго происхожденія и раздраженіе противъ правительства, пренебрегавшаго интересами народа, давно уже накоплялись въ низшихъ слояхъ столичнаго населенія. Деньги, раздаваемыя Маріей, увеличивали число ея приверженцевъ. Приверженцы Андроника, бывшаго въ оживленной перепискѣ съ Маріей и принимавшаго, очевидно, издали весьма дѣятельное участіе въ развитіи константинопольскаго движенія, распространяли молву о томъ, что онъ не допуститъ поруганія престола, что онъ приближается къ столицѣ, чтобы наказать протосеваста. Повсюду начали составляться сборища и сходки, гдѣ открыто выражалось негодованіе противъ императрицы и протосеваста и сожалѣніе о Маріи. Постепенно дѣло дошло до открытаго мятежа. Священники являлись среди толпы съ крестомъ, съ изображеніемъ Христа, съ хоругвями и призывали народъ къ „священной войнѣ" [1]), т. е. къ войнѣ съ ненавистными и церкви и народу иноземцами. Народъ собирался въ центральныхъ частяхъ города, поднималъ крики, выражая добрыя пожеланія императору и осыпая проклятіями императрицу и протосеваста, наконецъ, толпа начала грабить и разрушать дома приверженцевъ правительства, и тѣ должны были спасаться бѣгствомъ.

До сихъ поръ протосевастъ пытался прійти къ соглашенію съ Маріей, но встрѣталъ съ ея стороны рѣзкій отпоръ. Теперь онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Собравъ къ такъ называемому „Большому дворцу", какіе было можно, отряды войска, и разсчитывая на помощь латинскаго населенія столицы, понявшаго, какая опасность грозитъ ему со стороны мятежниковъ, онъ рѣшилъ захватить главное убѣжище послѣднихъ—мѣсто въ оградѣ церкви св. Софіи, лежавшей противъ Большого дворца. Мятежники, съ своей стороны, укрѣпились, какъ могли. На разсвѣтѣ 2-го

[1]) Nicet., 306. Ср. Ѳ. Успенскій, Ж. М. Н. П., т. 214, стр. 64.

мая 1181 года на площади Августеонѣ, отдѣлявшей „Великую церковь“ отъ Большого дворца и на прилегавшихъ къ ней улицахъ завязалась ожесточенная битва; сначала приверженцы протосеваста и Маріи перестрѣливались съ крышъ церквей и башенъ, окружавшихъ площадь, а затѣмъ сошлись въ рукопашную. Наконецъ, послѣ полудня войско протосеваста стѣснило противниковъ и загнало ихъ въ притворъ храма св. Софіи; битва угрожала продолжаться въ самомъ храмѣ. Тогда патріархъ Θеодосій вышелъ въ притворъ, чтобы остановить сражающихся, а мужъ Маріи Райнеріо съ небольшимъ отрядомъ бросился на Августеонъ и очистилъ его отъ противниковъ. Ночь прервала битву, и патріархъ, не теряя времени, послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ для переговоровъ во дворецъ. На слѣдующій день, 3-го мая, переговоры эти, въ которыхъ приняли участіе многіе изъ вліятельныхъ сановниковъ, кончились: мятежникамъ была дарована полная амнистія, а Маріи и ея мужу гарантирована полная безопасность. Съ наступленіемъ ночи на 4-е мая Райнеріо и Марія вышли изъ храма св. Софіи и водворились въ Большомъ дворцѣ. Послѣ прекращенія мятежа первымъ дѣломъ протосеваста было заточеніе патріарха въ одинъ изъ константинопольскихъ монастырей; Алексѣй задумывалъ даже свергнуть Θеодосія съ патріаршаго престола. Но, очевидно, онъ не чувствовалъ подъ собой прочной опоры: не сумѣвъ найти противъ Θеодосія достаточныхъ обвиненій, онъ долженъ былъ вернуть его въ „Великую церковь“, что дало поводъ къ грандіозной демонстраціи въ честь патріарха.

Походъ Андроника на Константинополь.

Многочисленныя письма „изъ знатныхъ домовъ“ постоянно увѣдомляли Андроника о томъ, что происходило въ столицѣ, а, наконецъ, въ Синопѣ онъ получилъ и самыя вѣрныя извѣстія отъ своей дочери Маріи, бѣжавшей изъ Константинополя къ отцу. Узнавши отъ нея, какъ увеличивается его популярность въ столицѣ и какъ сильна его партія, Андроникъ рѣшилъ дѣйствовать энергичнѣе. Изъ Пафлагоніи онъ двинулся черезъ Виθинію по направленію къ Босфору. Но прежде чѣмъ направиться прямо къ столицѣ, онъ попытался заручиться преданностью малоазійскихъ провинцій, имѣвшихъ такое важное значеніе для имперіи въ военномъ отношеніи: привлекши на свою сторону стратеговъ и сильныя войска малоазійскихъ θемъ, можно было чувствовать себя уже почти господиномъ имперіи. Но сдѣлать это было не легко. Правда, слухи о томъ, будто Андроникъ идетъ спасать царя отъ гибели и будто бы даже царь Мануилъ взялъ съ него слово раздѣлять съ

другими бремя регентства, привлекли къ нему довольно много народа и войска въ Пафлагоніи и Виѳиніи. Но во главѣ области города Никеи [1]) и обширной ѳемы Ѳракисія [2]) стояли люди, преданные протосевасту, его родственники Іоаннъ Дука и Іоаннъ Комнинъ Ватаца. Несмотря на всѣ убѣжденія Андроника, они сохранили вѣрность Алексѣю. Однако за эту неудачу Андроникъ былъ немедленно вознагражденъ. Протосевастъ поручилъ одному изъ очень вліятельныхъ въ Византіи людей, Андронику Ангелу, съ войскомъ преградить дорогу Андронику. Потерпѣвъ пораженіе отъ приверженцевъ Андроника и уклоняясь дать отчетъ въ расходованіи денегъ, полученныхъ на военныя издержки, Ангелъ передался Андронику вмѣстѣ съ шестью сыновьями. Переходъ этой вліятельной семьи, родственной Комнинамъ, былъ большимъ ударомъ для протосеваста и очень ободрилъ Андроника. Не смущаясь болѣе сопротивленіемъ Никеи, онъ направился прямо къ Константинополю, и скоро жители столицы увидѣли на противоположномъ берегу Босфора, около города Халкидона, множество сторожевыхъ огней по линіи лагеря, нарочно растянутой какъ можно длиннѣе.

Жители столицы толпами собирались на берегу, смотрѣли на противоположную сторону, дѣлали знаки, точно призывая Андроника, „дабы онъ низвергъ уже напиравшую латинскую тиранпію“ [3]). Скоро по проливу замелькали лодки, и установились сношенія одного берега съ другимъ. И знатные и незнатные являлись къ Андронику. Онъ былъ со всѣми привѣтливъ и всѣмъ говорилъ о скоромъ вступленіи въ городъ. „Его чуть не на рукахъ носили не только.... родъ Ангеловъ, но и остальная знать, сенатъ и другіе жители столицы“ [4]). Протосевастъ растерялся и пропустилъ много времени, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ послѣднему остававшемуся въ его рукахъ средству: ему былъ еще вѣренъ флотъ — флотъ, въ значительной части иностранный, „латинскій“, щедро награжденный Алексѣемъ. Но и здѣсь оппозиція знати дала себя почувствовать. Главнымъ начальникомъ флота, „великимъ дуксомъ“, былъ въ то

---

1) Въ XI в. эта область называлась ѳема Опсикій. См. Скабалановичъ, стр. 204—205.

2) Занимавшей южную часть древней Мизіи отъ города Адрамитія и древнюю Лидію; главные города этой ѳемы были: Смирна, Эфесъ, Милетъ, Филадельфія, Іераполь. См. Скабалановичъ, стр. 206.

3) Nicet., 320. Михаилъ Акоминатъ въ рѣчи къ претору Дрими — цитир. у Ѳ. Успенскаго, op. c., стр. 62, пр. 3.

4) Eusthat. Thessal. de Thessalonica a Latinis capta—цитир. у Ѳ. Успенскаго, стр. 69, п. 1.

время одинъ изъ крупныхъ представителей византійской знати, Андроникъ Контостефанъ. Протосевастъ охотно замѣнилъ бы нерасположеннаго къ нему „дукса" кѣмъ-нибудь изъ своихъ родственниковъ, но не рѣшился на немотивированную отставку крупнаго и смѣло защищавшаго свое положеніе сановника. Эта нерѣшительность окончательно погубила Алексѣя: черезъ нѣсколько дней Контостефанъ со всѣми кораблями, на которыхъ было „римское" войско, перешелъ на сторону Андроника. Теперь уже ничто не сдерживало противниковъ правительства: цѣлыя толпы являлись въ лагерь Андроника, народъ массами собирался на площадяхъ Константинополя и открыто обсуждалъ распускавшіеся партіей Андроника слухи о томъ, будто правители, утративъ любовь народа, ищутъ спасенія въ латинянахъ, „обѣщая отдать имъ городъ и обратить грековъ въ рабство" [1]). Эти слухи сильно волновали массу, и скоро въ столицѣ произошелъ открытый переворотъ: изъ тюрьмы были освобождены сыновья Андроника и другіе участники заговора противъ Алексѣя, а на ихъ мѣсто заключены приверженцы правительства; затѣмъ и самъ протосевастъ былъ схваченъ и отданъ подъ охрану варяжской стражи; черезъ нѣсколько дней его въ шутовской процессіи отправили къ Андронику и, по его приказанію, ослѣпили.

Избіеніе латинянъ. Главный врагъ, особенно непріятный аристократическимъ элементамъ оппозиціи, былъ, такимъ образомъ, сломленъ. Оставалось разсчитаться съ тѣми, кто возбуждалъ ненависть въ массѣ городского населенія. Находясь еще на азіатской сторонѣ пролива, Андроникъ приказалъ флоту двинуться къ Константинополю и напасть на бывшихъ тамъ иноземцевъ. Столичная толпа съ восторгомъ встрѣтила прибывшихъ и вмѣстѣ съ ними направилась къ Золотому Рогу, гдѣ была колонія западныхъ купцовъ, наполненная роскошными домами и заключавшая до 60,000 населенія. Здѣсь началась звѣрская расправа. Дома разграбляли, всѣхъ, кто попадался, избивали, не щадя ни пола, ни возраста; тѣхъ, кто не успѣлъ или не хотѣлъ выйти изъ жилищъ, запирали и сжигали, разрушали церкви и благотворительныя учрежденія, убивали духовенство; въ странопріимномъ домѣ іоаннитовъ перебили больныхъ; нѣсколько тысячъ иностранцевъ было захвачено живыми и продано въ рабство восточнымъ народамъ; кто успѣвалъ спастись, тѣ бросались на корабли и поспѣшно направлялись въ Пропонтиду.

---

1) Eusthat. Thessal., op. c., цитир. у Ѳ. Успенскаго, ibid., стр. 71, пр. 1.

Населеніе Константинополя ликовало: совершилось освобожденіе отъ „латинянъ", и, кромѣ того, въ руки толпы попала богатая добыча. Но за это торжество предстояла дорогая расплата: уже бѣглецы, ушедшіе въ Пропонтиду, постарались по мѣрѣ своихъ силъ отмстить за испытанное насиліе: они разграбили берега Босфора и Принцевы острова, сожгли немало монастырей и перебили монаховъ. Худшее, однако, было еще впереди и разразилось тогда, когда вѣсти объ избіеніи „латинянъ" дошли на Западъ, разожгли старую вражду къ Византіи и подготовили нашествіе сицилійцевъ въ 1185 году и четвертый крестовый походъ. Но въ то время, въ 1182 году, едва ли многіе въ Византіи предугадывали послѣдствія латинскаго избіенія. Всѣ отдались пріятному сознанію освобожденія отъ „латинской тираніи", каждымъ по своему понимаемаго, каждымъ толкуемаго въ своихъ интересахъ, и, конечно, съ признательностью смотрѣли на руководителя новаго направленія— Андроника. Теперь въ его рукахъ были и аристократія и народная масса; оставалось сблизиться только съ носителемъ высшей духовной власти, столь вліятельной въ Византіи,—съ патріархомъ Ѳеодосіемъ.

Какъ мы знаемъ, Ѳеодосій не оставался безучастнымъ ко всему, что происходило въ Византіи со смерти Мануила. Взявъ подъ свою защиту Марію и ея приверженцевъ, онъ ясно показалъ, что его симпатіи на сторонѣ противозападнической партіи. Эти симпатіи должны были вести Ѳеодосія къ сближенію и съ Андроникомъ. Но, насколько можно судить по изложенію Никиты, патріархъ былъ человѣкъ высоконравственный и принадлежалъ къ наиболѣе безкорыстнымъ и искреннимъ приверженцамъ „національной" партіи. Знамя, выставленное Андроникомъ, было ему по душѣ, но вопросъ о томъ, каковы пріемы его дѣятельности, какова ея нравственная основа, оставался неразрѣшеннымъ и возбуждалъ въ тонкомъ и наблюдательномъ Ѳеодосіи сильное недовѣріе къ инейскому изгнаннику. Послѣ сверженія протосеваста, когда вся знать и чиновничество перебывали у Андроника, отправился къ нему и Ѳеодосій. Личное впечатлѣніе, произведенное ими другъ на друга, было неблагопріятное: бесѣда свелась къ тому, что среди утонченныхъ, изысканно-замаскированныхъ колкостей Андроникъ настаивалъ на обязанности патріарха имѣть попеченіе объ императорѣ, а Ѳеодосій слагалъ эту обязанность на Андроника, ссылаясь и на свой санъ, и на свои годы, и на умѣнье Андроника устроить государственныя дѣла. Патріархъ, очевидно, быстро составилъ себѣ опредѣленное мнѣніе

объ Андроникѣ, понялъ, что имъ невозможно будетъ идти рука объ руку, и рѣшился отстраниться отъ дѣятельнаго участія въ политикѣ, однако, не только не мѣшая Андронику продолжать начатое, но даже и признавая себя какъ бы солидарнымъ съ нимъ. Для Андроника это было важнымъ успѣхомъ: церковь играла важную роль въ противозападническомъ движеніи, и ея высшій представитель могъ имѣть значительное вліяніе не только на духовенство, но и на низшіе слои столичнаго населенія, такъ охотно слушавшаго призывъ священниковъ къ борьбѣ противъ протосеваста и императрицы.

Партія Андроника. Теперь все было подготовлено въ Константинополѣ къ прибытію Андроника, и въ апрѣлѣ 1182 года онъ переплылъ проливъ и явился къ молодому императору Алексѣю II, который въ это время, по желанію Андроника, переселился изъ Большого Дворца въ Манганскій [1]). Холодное, почти презрительное обращеніе съ Маріей при этомъ свиданіи ясно показывало, что Андроникъ чувствовалъ себя господиномъ положенія. Но ему еще нужно было вполнѣ укрѣпиться въ этой роли. Средства для этого были подсказаны Андронику, съ одной стороны, тогдашней группировкой партій, съ другой, обычной практикой византійскихъ государственныхъ переворотовъ. Какъ указано выше, сторонники Андроника дѣлились на нѣсколько разрядовъ: въ первомъ ряду стояли сестра императора Марія и ея мужъ, боровшіеся съ партіей протосеваста чисто изъ личныхъ видовъ; къ нимъ примыкали тѣ изъ придворной и чиновной аристократіи, кто руководился или также чисто личными симпатіями и антипатіями, или, если и ссылался на свою ненависть къ „латинянамъ", то все-таки имѣлъ, въ концѣ концовъ, въ виду свое личное положеніе, заслоненное иноземцами. Людей, сознательно стоявшихъ за „противозападничество", какъ за средство возродить государство, едва ли здѣсь было много. Но за этими группами стояли гораздо болѣе многочисленные ряды духовенства, торговаго, промышленнаго, ремесленнаго и рабочаго населенія столицы. Протестъ этихъ слоевъ, интересы которыхъ часто шли въ разрѣзъ съ интересами высшихъ, принималъ болѣе широкую окраску, нежели протестъ послѣднихъ: здѣсь выставлялись интересы православной церкви, интересы цѣ-

[1]) См. выше, стр. 562, пр. 1. Мѣстность, гдѣ находился Манганскій дворецъ (сѣверная оконечность мыса, образуемаго Золотымъ Рогомъ и Босфоромъ) называется „внутренній Филопатій". Въ западной части города, уже за городской стѣной, была мѣстность, называвшаяся „внѣшній Филопатій", гдѣ также былъ дворецъ. См. Nicet., $331_{,11-13}$ и $380_{,17-22}$.

лаго „римскаго" народа. Современныя лѣтописныя изложенія почти совершенно скрываютъ отъ насъ участіе провинціальнаго населенія въ политическихъ событіяхъ эпохи. По отрывочнымъ указаніямъ, можно думать, что, непривычное къ политической дѣятельности, оно часто и въ дѣйствительности было заслоняемо расположенными въ провинціяхъ войсками и ихъ предводителями, стремленія которыхъ опредѣляли и отношенія самихъ провинціаловъ къ тому или другому политическому явленію. Однако, можно сказать, что и здѣсь интересы высшихъ слоевъ бюрократическаго и крупно-землевладѣльческаго или, по большей части, въ разрѣзъ съ интересами низшихъ, промышленнаго и земледѣльческаго, и что, слѣдовательно, политика, благопріятная для однихъ, естественно, оказывалась неблагопріятною для другихъ и обратно. Угодить тѣмъ и другимъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи, было едва ли возможно. Поневолѣ приходилось выбирать, и Андроникъ, хорошо знакомый съ стремленіями и привычками византійской аристократіи, повидимому, скоро рѣшилъ, на какой сторонѣ искать опоры.

Пока ему приходилось пріобрѣтать себѣ силу и возможность утвердиться въ Константинополѣ, онъ не пренебрегалъ ни аристократіей, ни партіей духовенства и народа. Теперь, когда онъ почувствовалъ себя могущественнымъ,—хотя формально его право на захватъ государственной власти все еще заключалось только въ его присягѣ Мануилу [1]),—онъ рѣшилъ сокрушить силу аристократіи и опираться на низшіе слои. Это была смѣлая и своеобразная попытка, шедшая въ разрѣзъ съ политикой большинства императоровъ Византіи, гдѣ придворныя интриги и борьба партій оказывали чрезмѣрное и, по большей части, разлагающее вліяніе на ходъ политической жизни. Удача этой попытки могла бы оказать сильное вліяніе на судьбу Византіи, и, вѣроятно, затѣянная Андроникомъ, такъ сказать, самодержавно-демократическая монархія привела бы имперію не къ тѣмъ результатамъ, къ какимъ она пришла въ концѣ своей исторіи. Но неудача Андроника лишній разъ подтвердила, насколько безсильна отдѣльная, хотя бы самая могучая личность въ борьбѣ съ естественнымъ ходомъ историческаго развитія. А въ Византіи этотъ ходъ слагался такъ печально, во внутреннемъ строѣ и особенно во внѣшнихъ отношеніяхъ государства было столько препятствій къ осуществленію плановъ, подобныхъ планамъ Андроника, что такая попытка могла кончиться только кру-

---

[1]) См. выше, стр. 566.

шеніемъ. Къ тому же, навѣянные византійской практикой способы осуществить эту попытку были уже сами по себѣ способны привести къ цѣлому возстанію и къ сверженію императора. Этими способами были: постриженіе въ монахи, ослѣпленіе, жестокія казни и убійства, и Андроникъ широко пользовался ими противъ аристократіи. Современный византійскій историкъ, въ сочиненіи котораго нестройно, постоянно противорѣча другъ другу, отразились и аристократическія тенденціи того времени и народныя воззрѣнія на Андроника, съ необыкновенной пестротой чередуетъ въ своемъ разсказѣ восторженныя похвалы Андронику съ самыми рѣзкими порицаніями его безнравственности, тиранническимъ замашкамъ, его жестокости и безчеловѣчію [1]). Новѣйшіе историки страннымъ образомъ обращали вниманіе почти исключительно на эту послѣднюю сторону изображенія и представляли Андроника отвратительнымъ злодѣемъ, чуть ли не готовымъ жертвовать всѣмъ для узкихъ личныхъ видовъ. Конечно, Андроника нельзя заподозрить въ особенной мягкости и кротости. Жестокость, мстительность, почти полное отсутствіе нравственныхъ принциповъ составляютъ несомнѣнныя черты его характера. Но средства, употреблявшіяся Андроникомъ, были свойственны не только всей Византіи на всемъ протяженіи ея исторіи, но и вообще средневѣковому міру, и если Андроникъ пользовался ими шире, чѣмъ многіе, такъ это (помимо указанныхъ свойствъ его характера) главнымъ образомъ потому, что и задачи, которыя онъ себѣ поставилъ, были исключительныя, и борьба, вызванная его дѣятельностью, была ожесточенная и разгоралась постепенно все съ большею и большею силою, невольно превративъ послѣдніе моменты его царствованія дѣйствительно въ какую-то кровавую эпопею [2]).

Преслѣдованіе знати.

Какъ бы то ни было, Андроникъ сразу пошелъ прямо по намѣченному пути. Какова была въ это время его популярность среди низшихъ слоевъ столичнаго населенія, и насколько въ то же время были страшны и жестоки эти союзники, это рѣзко проявилось въ одномъ случаѣ, происшедшемъ во время пребыванія Андроника въ Филопатіи передъ вступленіемъ въ городъ. Около его палатки былъ схваченъ какой-то подозрительный бродяга, просившій милостыню.

---

[1]) Nicet., passim. Въ 2 книгахъ, посвященныхъ спеціально царствованію Андроника (pp. 356—463), преобладаетъ отрицательный взглядъ, кромѣ, однако, нѣкоторыхъ главъ (3—5, 13) втор й книги.

[2]) Наиболѣе правильный взглядъ на Андроника встрѣчается у Фалльмерайера и у русскихъ изслѣдователей: акад. А. Куника и проф. Ѳ. Успенскаго.

„Слуги Андроника сначала обвинили его въ занятіи колдовствомъ, а потомъ безразсудно выдали его городской черни, а та, смотря на Андроника, какъ на лицо божественное, не разслѣдовавъ вины, отвела его (бродягу) въ театръ и тамъ, наложивъ сухихъ дровъ и хвороста, сожгла, въ угожденіе Андронику“ [1]). Рядомъ бьющихъ въ глаза, подкупавшихъ массу дѣйствій, Андроникъ продолжалъ укрѣплять свою популярность. Вступивъ въ городъ, онъ прежде всего поспѣшилъ на мѣсто погребенія Мануила и тамъ на виду у всѣхъ горько рыдалъ надъ гробницей; родственники долго не могли убѣдить его отойти отъ могилы. „Вотъ какъ онъ любилъ Мануила“,—шелъ говоръ среди присутствовавшихъ при этомъ,— „хотя тотъ и былъ его жестокимъ гонителемъ“. Вскорѣ затѣмъ народъ сталъ очевидцемъ другого, еще болѣе поразительнаго зрѣлища. Андроникъ предложилъ Алексѣю короноваться самодержцемъ [2]), и въ день совершенія обряда, „на глазахъ у многихъ тысячъ городского и пришлаго народа“, поднявъ Алексѣя на плечи „съ теплыми слезами“, принесъ его къ амвону Великой церкви и затѣмъ, по окончаніи обряда, также отнесъ его обратно. Толпа была такъ поражена этимъ, что готова была думать, будто Андроникъ „любитъ царя больше отца и будетъ правой рукой молодой царственной отрасли“. Всѣ эти выходки, приводившія въ изумленіе и восторгъ простодушную массу константинопольскаго населенія, вызывали скептическое отношеніе и подчасъ ядовитую иронію и сплетню въ придворномъ и чиновномъ кругу, гдѣ Андроникъ сразу же показалъ себя совсѣмъ съ иной стороны.

Тотчасъ по вступленіи въ столицу, наградивъ за преданность „пафлагонцевъ“, т. е. приставшіе къ нему малоазійскіе отряды, Андроникъ принялся за систематическое преслѣдованіе византійской знати. Начались изгнанія, конфискаціи, заключенія въ тюрьму, ослѣпленія. Первыми, конечно, должны были пострадать тѣ, кто стоялъ въ открытой оппозиціи Андронику, а между ними были такіе сильные люди, какъ упомянутый выше „великій доместикъ“ Іоаннъ Комнинъ Ватаца [3]), начальникъ ѳемы Ѳрасикія, упорно отстаивавшій противъ войска Андроника городъ Филадельфію вплоть до своей смерти, послѣдовавшей, къ счастью для Андроника, довольно скоро [4]). Борьба эта

---

[1]) Nicet., 332 (русск. пер., 328).

[2]) Nicet., 333: *στεφθῆναι αὐτοκράτορα εἰσηγεῖται τὸν βασιλέα ᾿Αλέξιον.*

[3]) См. с. 571; о значеніи термина „великій доместикъ“ см. ниже, с. 591, пр. 1.

[4]) Вѣроятно, еще въ 1182 году. Филадельфія немедленно послѣ того передалась Андронику.

Сдѣланные по этимъ слѣпкамъ ключи, а также веревки были принесены Андронику на днѣ амфоры съ виномъ. Ночью Андроникъ тихо отперъ двери своей тюрьмы, вышелъ изъ нея, заперъ снова двери и скрылся въ густой травѣ на огромномъ примыкавшемъ къ тюрьмѣ дворѣ [1]), куда обыкновенно никто не заходилъ. Выждавъ здѣсь, когда горячіе розыски прекратились, онъ влѣзъ на стѣну, выходившую прямо къ морю, и спустился съ нея по веревкѣ. У подножія стѣны его уже ждала по уговору лодка. Но здѣсь Андроникъ чуть не попался. Лодку замѣтила стража, наблюдавшая обыкновенно въ этомъ мѣстѣ всю ночь и не позволявшая ни одной лодкѣ проплывать мимо дворца [2]). Однако, Андроникъ, притворившись бѣглымъ слугой-варваромъ, плохо говорящимъ по-гречески, съ большимъ самообладаніемъ и ловкостью сумѣлъ обмануть стражей. Умилостивленные особенно кошелькомъ, даннымъ Андроникомъ, они пропустили его, и Андроникъ благополучно пріѣхалъ домой. Здѣсь были разбиты кандалы, затѣмъ онъ снова сѣлъ въ лодку и выѣхалъ за предѣлы города; тамъ ждали его заранѣе приготовленныя лошади; на нихъ онъ поѣхалъ въ Анхіалъ (городъ во Ѳракіи на берегу Чернаго моря), а оттуда, получивъ отъ одного изъ своихъ доброжелателей съѣстные припасы и проводниковъ, направился на Русь, въ Галицкое княжество. На дорогѣ онъ снова былъ пойманъ валахами, до которыхъ дошли вѣсти о его бѣгствѣ, и только благодаря своей необыкновенной изобрѣтательности ускользнулъ и изъ ихъ рукъ. Прибывъ, наконецъ, къ Ярославу Осмомыслу (вѣроятно, въ 1164 г.), „онъ былъ принятъ,—по словамъ византійскаго историка,—съ распростертыми объятьями, пробылъ у него довольно долго и до того привязалъ его къ себѣ, что вмѣстѣ съ нимъ охотился и засѣдалъ въ совѣтѣ, вмѣстѣ жилъ и вмѣстѣ обѣдалъ“ [3]). Эта фраза едва ли страдаетъ преувеличеніемъ. Кажется, Андроникъ дѣйствительно пріобрѣлъ большое вліяніе на

[1]) Тюрьма находилась въ зданіяхъ Большого Константинопольскаго дворца. Этотъ дворецъ, тянувшійся на огромное пространство и состоявшій изъ многихъ построекъ, находился у берега Босфора, занимая вмѣстѣ съ храмомъ св. Софіи, Ипподромомъ, „Манганскимъ дворцомъ“ (къ сѣверу отъ Большого дворца) и другими зданіями (дворцами и церквами) юго-восточный уголъ треугольника, образуемаго Константинополемъ.

[2]) Nicet., 170. „Съ тѣхъ поръ,—прибавляетъ Никита,—стали ставить эту стражу, какъ Іоаннъ Цимисхій ночью напалъ на Никифора Фоку, поднятый (на стѣну) въ корзинѣ“.

[3]) Nicet., 172. Относительно хронологіи см. Куникъ, „Основаніе Трапезундской монархіи, стр. 715—717 и 788—89.

завъ тѣлохранителямъ схватить ихъ и чуть не отдавъ ихъ на народную расправу, добился,—между прочимъ, съ согласія и патріарха,—отстраненія Маріи отъ сына и удаленія ея изъ дворца.

Заговоръ противъ Андроника.

Вѣроятно, осужденіе Маріи и крутая расправа съ судьями послужили послѣднимъ толчкомъ для составленія среди высшаго сановнаго круга заговора противъ Андроника. Любопытно, что главными участниками этого заговора были Андроникъ Ангелъ съ сыновьями и великій дуксъ Андроникъ Контостефанъ, еще такъ недавно предательски покинувшіе протосеваста Алексѣя ради Андроника [1]). Очевидно, что послѣднему приходилось въ этомъ случаѣ имѣть дѣло съ самыми безсовѣстными карьеристами высшаго полета, ошибшимися въ своихъ расчетахъ и готовыми на все ради достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Заговоръ былъ открытъ. Ангелу съ сыновьями удалось бѣжать. Контостефанъ, его сыновья, логоѳетъ дрома [2]) Василій Каматиръ и „многіе другіе, находившіеся въ родствѣ съ ними и сами по себѣ, люди знаменитые“, были схвачены и ослѣплены, заключены въ тюрьму или изгнаны.

Этотъ заговоръ, въ свою очередь, повелъ къ новому суду надъ императрицей Маріей, обвинявшейся на этотъ разъ въ сношеніяхъ съ своимъ зятемъ, венгерскимъ королемъ Белою и въ подстрекательствѣ его къ нападенію на Браничевъ и Бѣлградъ. Отведенная въ тюрьму, гдѣ съ нею очень жестоко обращались, Марія скоро еще разъ подверглась суду. Андронику, повидимому, не трудно было заставить Алексѣя, совершенно отстраненнаго отъ государственныхъ дѣлъ и занятаго лишь охотой и другими развлеченіями, подписать смертный приговоръ его собственной матери, но не такъ легко было найти исполнителей этого приговора: предназначенные Андроникомъ для этого его собственный сынъ Мануилъ и шуринъ Георгій наотрѣзъ отказались отъ ужаснаго порученія. Тогда пришлось прибѣгнуть къ

---

1) См. выше, стр. 571.

2) Логоѳетами назывались въ Византіи чиновники, стоявшіе во главѣ отдѣльныхъ вѣдомствъ центральнаго управленія, такъ называемыхъ секретовъ (нѣчто въ родѣ современныхъ министерствъ). Въ вѣдѣніи логоѳета дрома, министра почтъ и путей сообщенія, находилась государственная почта, служившая не для надобностей частныхъ лицъ, а для перевозки чиновниковъ, иностранныхъ пословъ и ссыльныхъ и разсылки императорскихъ указовъ. Затѣмъ онъ долженъ былъ представлять императору иностранныхъ пословъ и вести съ ними сношенія отъ лица императора. Наконецъ, на его обязанности лежало доносить императору объ „общемъ состояніи государства“, для чего въ его распоряженіи была полиція и особые надсмотрщики, въ родѣ шпіоновъ. См. Скабалановичъ, 175—176.

содѣйствію нѣкоего Птеригіонита,—темной личности, которой молва приписывала отравленіе и сестры императора и одного изъ начальниковъ лейбъ-гвардіи, Константина Трипсиха [1]). Эти люди по приказу Андроника задушили Марію. Около того же времени покинулъ патріаршую каѳедру столицы „скрытный армянинъ“—Ѳеодосій, и на его мѣсто былъ возведенъ человѣкъ, вполнѣ преданный Андронику.

Вѣнчаніе на царство. Теперь Андроникъ могъ думать, что почва достаточно подготовлена для того, чтобы онъ принялъ императорскій титулъ [2]). Дѣло было поведено довольно искусно. Приверженцами Андроника былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ быть съ мятежными малоазійскими городами Никеей и Бруссой, принявшими къ себѣ бѣглецовъ Ангеловъ. При обсужденіи этого вопроса на собраніи государственныхъ сановниковъ въ домѣ Андроника было рѣшено, что единственное спасеніе—назначеніе въ соправители Алексѣю Андроника. Присутствовавшіе тотчасъ же провозгласили: „Алексѣю и Андронику, великимъ императорамъ и самодержцамъ римскимъ, Комнинамъ, многія лѣта!“. Слухи о происшедшемъ быстро разнеслись по городу; къ жилищу Андроника собрались толпы людей „всякаго рода, всякихъ профессій, всякаго возраста“ и, подъ руководствомъ двухъ особенно рьяныхъ сенаторовъ, устроили радостное пѣніе и пляски. Затѣмъ Андроникъ отправился во дворецъ, гдѣ, очевидно, вполнѣ ему подчинявшійся Алексѣй сталъ также упрашивать его принять соправительство. Андроникъ не соглашался. Тогда приверженцы схватили его за руки, силой посадили на тронъ, надѣли ему на голову „огненнаго цвѣта“ повязку и облекли его въ царскую одежду [3]). Вслѣдъ затѣмъ надъ Андроникомъ совершено было церковное вѣнчаніе въ „Великой церкви“, а послѣ него—торжественный въѣздъ въ „Большой дворецъ“.

За этимъ послѣдовалъ еще одинъ, можетъ быть, лишній шагъ со стороны Андроника къ окончательному упроченію власти. Ссы-

---

[1]) Трипсихъ занималъ должность великаго этеріарха, начальника великой этеріи, одной изъ частей лейбъ-гвардіи. По мнѣнію Скабалановича, подъ надзоромъ великаго этеріарха были всѣ „варяги“ (т. е. иноземные отряды, бывшіе на службѣ имперіи какъ при дворѣ, такъ и внѣ столицы). Въ противоположность иноземной стражѣ была еще „ромэйская гвардія“. См. Скабалановичъ, 329, 332.

[2]) Двоевластіе не составляло въ Византіи исключительнаго явленія. Ср. выше, стр. 555, пр. 2.

[3]) Она была изъ золотой парчи и пурпура, украшалась жемчугомъ и пр. См. Скабалановичъ, 145.

лаясь на Гомеровскій стихъ: „не хорошо многовластіе; пусть будетъ одинъ повелитель, одинъ царь *(οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη· εἷς κοίρανος ἔστω, εἷς βασιλεύς)*,—приверженцы Андроника, составлявшіе его сенатъ, сначала опредѣлили императору Алексѣю вести жизнь частнаго человѣка и затѣмъ произнесли ему смертный приговоръ. Константинъ Трипсихъ и нѣкіе Стефанъ Агіохристофоритъ и Дадивринъ напали ночью на Алексѣя и удавили его тетивой лука. Никита Акоминатъ передаетъ отвратительныя подробности этого темнаго дѣла. По его словамъ, когда тѣло Алексѣя принесли къ Андронику, онъ толкнулъ его ногой и назвалъ его отца клятвопреступникомъ и оскорбителемъ, а мать—безстыдной развратницей; потомъ отрубили голову и бросили ее отдѣльно, а тѣло закупорили въ свинцовый ящикъ и опустили на дно моря. Два „знаменитыхъ человѣка“ изъ приверженцевъ Андроника съ пѣніемъ и плясками управляли судномъ, везшимъ трупъ...

Съ этой минуты началось единодержавное правленіе императора Андроника Комнина (1183—1185).

IV.

Возстаніе въ Малой Азіи.

Андроникъ достигъ престола путемъ насилія и кровавой борьбы. Этимъ же путемъ пришлось ему идти и дальше.

Добившись отъ патріарха и синода [1]) разрѣшенія отъ клятвы, данной Мануилу и его сыну, и взявши себѣ въ жены невѣсту погибшаго Алексѣя Анну, дочь французскаго короля Людовика VII,

---

[1]) „При константинопольскомъ патріархѣ былъ синодъ, такъ называемый *σύνοδος ἐνδημοῦσα*, представлявшій собою какъ бы всю помѣстную автокефальную церковь и образовавшійся изъ повременныхъ соборовъ, которые въ древности, смотря по требованію обстоятельствъ, собирались вокругъ автокефальныхъ церквей, а потомъ (какъ полагаютъ, съ конца IV в.) превратились въ постоянное учрежденіе, синодъ. Синодъ состоялъ изъ членовъ дѣйствительныхъ (каковыми могли быть всѣ лица, имѣвшія санъ не ниже епископскаго), выбираемыхъ и назначаемыхъ патріархомъ, а въ исключительныхъ случаяхъ императоромъ, и изъ членовъ присутствующихъ (каковыми были патріаршіе сановники первой пентады, т. е. стоявшіе во главѣ патріаршихъ приказовъ, завѣдовавшихъ свѣтской стороной церковнаго управленія: канцелярскими дѣлами, финансовыми и пр.); сверхъ того, въ синодѣ могли засѣдать и представители правительства *(δεσποτικοὶ ἄρχοντες)*, которые, однакожъ, не были постоянными представителями, а являлись и засѣдали тогда, когда въ синодѣ рѣшались вопросы, имѣвшіе отношеніе къ области

Андроникъ долженъ былъ почти тотчасъ же обратиться къ борьбѣ съ тѣмъ движеніемъ, опасность котораго и послужила поводомъ къ провозглашенію его императоромъ: возстаніе въ Малой Азіи разгоралось все сильнѣе. Тотчасъ по распространеніи извѣстія о воцареніи Андроника и объ убійствѣ Алексѣя, къ этому возстанію попытался пристать Андроникъ Лапарда, одинъ изъ двухъ „стратиговъ тагмъ“ [1]), ведшихъ около Ниша и Браничева войну съ Белою венгерскимъ. Подъ предлогомъ поѣздки въ столицу онъ передалъ все руководство войной своему сослуживцу, преданному Андронику, Алексѣю Вранѣ и направился въ Малую Азію. Но въ городѣ Адрамитіи Лапарда былъ схваченъ. Его отправили въ Константинополь, тамъ ослѣпили и заключили въ монастырь. Весной 1184 года, собравъ „всѣ войска, какія на западѣ и на востокѣ оставались ему вѣрными“, Андроникъ лично отправился въ Малую Азію, гдѣ къ ранѣе возставшимъ Никеѣ и Бруссѣ присоединился городъ Лопадій (къ востоку отъ Бруссы). Лопадій скоро сдался, но Никея защищалась гораздо упорнѣе. Руководимые Исаакомъ Ангеломъ и Ѳеодоромъ Кантакузиномъ, никейцы удачно отбивали приступы императорскихъ войскъ, во время вылазокъ жгли и разрушали осадныя машины и со стѣнъ осыпали Андроника насмѣшками и бранью. Это раздражало Андроника и вызывало на жестокости: онъ приказалъ привезти изъ Византіи мать Исаака Ангела, Евфросинію, и подставлялъ несчастную женщину подъ выстрѣлы, помѣщая ее на осадныя машины, которыя придвигались прямо къ стѣнѣ. Но никейцамъ во время ночной вылазки удалось увести Евфросинію въ городъ. Безсильная досада Андроника разгоралась все болѣе и начала уже обращаться на собственныхъ военачальниковъ и солдатъ, подвер-

---

государственной жизни. Синодъ былъ высшею административною и судебною инстанціей, наблюдалъ за чистотою вѣры и поддержаніемъ церковныхъ порядковъ, за назначеніемъ епископовъ на мѣста, ихъ перемѣщеніемъ, разсматривалъ жалобы на духовныхъ лицъ и пр., при чемъ обыкновенныя постановленія утверждались патріархомъ и объявлялись отъ его имени, а болѣе важныя, въ томъ числѣ касавшіяся самого патріарха, восходили на утвержденіе императора“ (Скабалановичъ, стр. 363). Настоящее дѣло, хотя и очень „важное“, очевидно, могло быть утверждено только патріархомъ, а не императоромъ.

[1]) Т. е. военачальникъ, командующій отрядомъ сухопутныхъ войскъ, выставляемыхъ ѳемами. Нѣкоторыя ѳемы, менѣе населенныя, выставляли по одной тагмѣ, болѣе населенныя — по нѣскольку тагмъ. Скабалановичъ приводитъ примѣръ (относящійся къ 1040 г.), изъ котораго видно, что тагма заключала 300 всадниковъ и 500 пѣхотинцевъ. Подробности см. Скабалановичъ, стр. 317 сл. Ср. выше, стр. 545, пр. 2.

гавшихся упрекамъ въ небрежности и трусости, когда смерть Өеодора Кантакузина во время новой вылазки круто перемѣнила положеніе дѣла: нерѣшительный, а, можетъ быть, и разсчетливый Исаакъ Ангелъ уклонился отъ предложеннаго ему жителями города главнаго начальства надъ ними. Тогда никейцы, по почину архіерея Николая, рѣшили сдаться на милость Андронику. Въ торжественномъ шествіи, безъ оружія, съ масличными вѣтвями въ рукахъ, босые, съ непокрытою головой двинулись они въ лагерь Андроника. Императоръ принялъ ихъ благосклонно; но возстаніе не осталось вполнѣ безнаказаннымъ, и это наказаніе очень характерно для политики Андроника: кромѣ турокъ, которые оказались въ городѣ и были перевѣшаны, преслѣдованію подверглись „въ особенности тѣ, кто выдавался почетнымъ положеніемъ и знатностью рода“; духовенство, войско, торговый, ремесленный или рабочій классъ, повидимому, почти не пострадали. Любопытно, кромѣ того, что Андроникъ не подвергъ наказанію Исаака Ангела. Хваля его за отказъ продолжать возстаніе послѣ смерти Кантакузина и отсылая въ Византію, Андроникъ, очевидно, думалъ привлечь на свою сторону этого безхарактернаго и нерѣшительнаго, но вліятельнаго по связямъ и родовитости человѣка. Отъ Никеи императоръ отправился къ Бруссѣ. Городъ не сдавался добровольно, былъ взятъ штурмомъ, и жители подверглись гораздо болѣе жестокой расправѣ, чѣмъ въ Никеѣ: мятежникамъ отрубали пальцы, руки, ноги, выкалывали глаза, но и здѣсь, кажется, самыя жестокія наказанія постигли людей высшаго класса—Өеодора Ангела, брата Исаака, и др. Затѣмъ послѣдовала подобная расправа въ Лопадіи, гдѣ, между прочимъ, былъ ослѣпленъ одинъ епископъ за то, что не обличалъ бунтовщиковъ, возставшихъ противъ императора. Возстаніе въ Азіи было, такимъ образомъ, подавлено. Радостно привѣтствуемый народомъ, Андроникъ вернулся въ Константинополь, гдѣ онъ могъ теперь, казалось, направить свою сильную и неоспоримую власть всецѣло на осуществленіе того, къ чему стремился и чего желалъ, добиваясь этой власти.

Цѣли Андроника.

Но чего же желалъ Андроникъ? Какимъ цѣлямъ должна была служить его въ полномъ смыслѣ самодержавная власть? Обладаніе этой властью, конечно, давало возможность въ широкой мѣрѣ удовлетворить тому вкусу къ изысканной роскоши и чувственнымъ наслажденіямъ, который былъ въ такой же степени свойственъ Андронику, какъ и Мануилу, и всему придворному кругу ихъ времени. И Андроникъ охотно пользовался этой возможностью,

проводя свободное время на знаменитыхъ своею роскошной природой островахъ Пропонтиды въ кругу придворныхъ, пѣвицъ, танцовщицъ, среди пировъ и оргій,—своеобразный отдыхъ, къ которому прибѣгалъ и императоръ Мануилъ. Далѣе, Андроникъ хотѣлъ не только обладать властью, но и упрочить ее за своимъ потомствомъ. Среди византійской знати, вѣчно готовой на заговоры, на явныя и тайныя убійства, на подстрекательство перемѣнчивой, сбродной и дикой константинопольской толпы къ бунту, приходилось уже, въ виду стремленія охранить себя и потомство, дѣйствовать не только осторожно, но подозрительно и подчасъ круто. А частыя бѣгства, попытки заговоровъ, возстаній, подтверждая плохую репутацію этой знати, должны были, естественно, держать Андроника въ вѣчномъ напряженіи, развивать въ немъ подозрительность, раздражать и ожесточать этого безъ того уже не мягкаго человѣка. Эта подозрительность и неувѣренность въ окружающихъ заставляли Андроника отдаляться отъ придворной знати, окружать себя наемными отрядами, предпринимать казнь за казнью, совершая подчасъ почти безцѣльныя жестокости. Впрочемъ, отвѣтственность за жестокіе способы, какими казнили виновныхъ и заподозрѣнныхъ въ государственной измѣнѣ людей, падаетъ не только на самого Андроника, но и на его клевретовъ, на его, такъ сказать, тайную полицію, среди которой первое мѣсто занималъ уже упомянутый Стефанъ Агіохристофоритъ,—Антихристофоритъ, какъ его прозвали константинопольскіе остряки. Они не только усердно выполняли такія казни, какъ сожженіе на кострѣ, избіеніе камнями, но и самовольно, усердствуя для Андроника, предпринимали аресты опасныхъ, по ихъ мнѣнію, людей и дѣлали наказанія болѣе жестокими и утонченными. Но почему же Андроникъ вступилъ на этотъ путь для обезпеченія престола своему потомству, почему онъ не избралъ болѣе, казалось бы, надежнаго пути милостей, наградъ и уступокъ византійской знати и подачекъ низшимъ классамъ константинопольскаго населенія? Этого нельзя объяснить только свойствами его характера, отсутствіемъ нравственныхъ принциповъ и жестокостью. Андроникъ былъ человѣкъ съ громаднымъ самообладаніемъ, умѣвшій, когда нужно, сдержаться, быть кроткимъ и милостивымъ; если въ послѣдніе моменты своего правленія онъ и потерялъ, повидимому, это самообладаніе, то едва ли такъ было въ началѣ, когда онъ свободно могъ выбрать тотъ или иной путь. Единственное, на нашъ взглядъ, объясненіе выбора Андроника—и не только выбора, но и неуклоннаго слѣдованія по

выбранному пути — заключается въ томъ, что выставленное имъ анти-западническое знамя и защита интересовъ низшихъ сословій не были только средствомъ осуществить личныя, своекорыстныя цѣли. Андроникъ былъ слишкомъ уменъ и слишкомъ хорошо зналъ византійскія отношенія, чтобы не понимать, что миръ съ аристократіей лучше обезпечитъ выгоды его и его семьи, чѣмъ борьба съ ней. Но онъ, полагаясь на свои недюжинныя силы, предпочелъ такую борьбу, потому что поставилъ себѣ задачей упорядоченіе всего государственнаго строя въ интересахъ тѣхъ элементовъ общества, которые составляли истинную жизненную силу государства и которые безсовѣстно эксплуатировались чиновной и землевладѣльческой аристократіей: мы знаемъ, что въ началѣ борьбы съ протосевастомъ онъ опирался на часть аристократіи и низшіе слои столичнаго населенія; далѣе, отстранившись отъ аристократіи, взявъ на себя „дѣло народа", онъ, повидимому, скоро отстранился и отъ константинопольскаго „плебса"; очевидно, онъ скоро понялъ, что сила государства, его спасеніе не въ этихъ, если не одинаково поставленныхъ матеріально, то одинаково развращенныхъ, изжившихъ и непостоянныхъ элементахъ общества, а въ провинціи, въ ея торгово-промышленномъ и земледѣльческомъ населеніи. На такой взглядъ наводятъ, по крайней мѣрѣ, тѣ замѣчательныя перемѣны въ византійскомъ управленіи, какія успѣлъ произвести Андроникъ въ свое короткое правленіе. Къ сожалѣнію, объ этихъ реформахъ, поставившихъ Андроника даже въ глазахъ современнаго ему, далеко не всегда къ нему благосклоннаго историка, на значительную высоту, мы имѣемъ только очень скудныя свѣдѣнія: мы знаемъ о результатахъ его реформъ, но не знаемъ, какими средствами эти результаты были достигнуты [1]).

Отношеніе къ чиновничеству.

Прежде всего, личныя свойства, проявлявшіяся Андроникомъ, когда дѣло шло о людяхъ низшихъ слоевъ, о „бѣднякахъ" и „поселянахъ", были мало похожи на тѣ качества тиранна, какія онъ выказывалъ въ отношеніяхъ къ аристократіи. Никита отмѣчаетъ его широкую благотворительность. Изъ его изложенія мы также узнаемъ, что Андроникъ не былъ изъ тѣхъ императоровъ, которые предоставляли руководство „императорскимъ судомъ" эпарху или друнгарію виглы, ограничиваясь подписываніемъ рѣшеній этого

---

[1]) До насъ не дошло ни одной новеллы Андроника (см. Zacbariae, op. cit., стр. 37). Почти всѣ наши свѣдѣнія о внутренней дѣятельности его ограничиваются тѣмъ, что сообщается въ 3 — 5, 13 гл. 2-ой книги исторіи царствованія Андроника Никиты Акомината (Nicet., 421—431, 458—463).

суда [1]). Онъ лично разсматривалъ дѣла по жалобамъ императору—по „прошеніямъ на высочайшее имя“ (*δεήσεις*)—и постановлялъ рѣшенія, не стѣсняясь рангомъ виновнаго и имѣя въ виду только интересы правосудія. Такъ, разъ поступила жалоба на Θеодора Дадиврина, одного изъ участниковъ въ убійствѣ императора Алексѣя: этотъ фаворитъ Андроника, проѣзжая гдѣ-то со свитой и остановившись у крестьянъ (*ἐξ ἀγροικίας τινές*), взялъ у нихъ все, что ему понадобилось, и уѣхалъ, ничего не заплативъ. Андроникъ присудилъ Дадиврина къ палочнымъ ударамъ и возмѣстилъ крестьянамъ ихъ убытки.

Уже одна эта возможность найти всегда управу на произволъ аристократовъ и чиновниковъ заставляла послѣднихъ сдерживаться. Но Андроникъ принималъ и болѣе систематическія мѣры для улучшенія администраціи, страдавшей массой всякихъ злоупотребленій: продажа должностей, такъ называемыя „добровольныя приношенія“ жителей въ пользу администраціи и солдатъ [2]), вымогательства сборщиковъ податей, обиравшихъ плательщиковъ, по выраженію Никиты, до послѣдней рубашки и доводившихъ ихъ до смерти,—вотъ что

[1]) Въ „императорскомъ судѣ“ (*τὸ αὐτοκρατορικὸν καὶ βασιλικὸν δικαστήριον καὶ τὸ βῆμα τῆς βασιλείας*) разсматривались дѣла, касавшіяся высшихъ сановниковъ, и кромѣ того, дѣла 1) по докладамъ (*ἀναφοραί, ὑπομνήσεις*) должностныхъ лицъ, обращавшихся къ высшему источнику власти и закона въ сомнительныхъ случаяхъ, 2) по апелляціямъ (*ἔκκλητοι*) отъ всякихъ другихъ инстанцій, 3) по прошеніямъ на высочайшее имя (*δεήσεις*). Собирался этотъ судъ на засѣданія (*σελέντιον*) по приказу императора подъ его личнымъ предсѣдательствомъ или подъ предсѣдательствомъ эпарха (должность, въ которой слились римскіе praefectus urbi и praefectus praetorio), а съ XI в. подъ предсѣдательствомъ начальника императорской охраны (друнгарія) или (съ конца XI в.) великаго друнгарія виглы (*δρουγγάριος* (*μέγας δ.*) *τῆς βίγλης*, т. е. vigiliarum). Въ тѣхъ случаяхъ, когда императоръ не присутствовалъ, рѣшеніе представлялось на его утвержденіе. Составъ этого суда, кажется, не былъ вполнѣ постояннымъ: въ немъ участвовали нѣкоторые чины сената, нѣкоторые изъ высшихъ чиновъ центральнаго управленія (напр., начальникъ императорской канцеляріи—протоасикритъ, хранитель каниклія, т. е. чернильницы съ пурпурными чернилами, которыми императоръ подписывалъ бумаги, далѣе-нѣкоторые чины судебнаго вѣдомства (напр., съ XI в., вѣроятно, „министръ юстиціи“—*ὁ ἐπὶ τῶν κρίσεων*), затѣмъ судьи, разбиравшіе, по порученію императора, дѣла по прошеніямъ на высочайшее имя, такъ называемые „судьи вила на ипподромѣ“ (*κριταὶ τοῦ βήλου καὶ ἐπὶ τοῦ ἱπποδρόμου*). Иногда въ этихъ засѣданіяхъ принимали участіе и носители духовныхъ сановъ. (См. Zachariae v. Lingenthal, Geschichte d. griechisch-römischen Rechts, 3-te Aufl. (Berl., 1892), 335—361, и Скабалановичъ, 347—350).

[2]) См. выше, стр. 550.

разоряло провинціи во времена Мануила, заставляло жителей разбѣгаться, скрываясь отъ вымогателей, и, слѣдовательно, вело къ застою и въ торговлѣ, и въ промышленности, и въ сельскомъ хозяйствѣ. Прекращеніемъ продажи должностей и сдѣланнымъ имъ самимъ новымъ подборомъ личнаго состава администраціи Андроникъ достигъ уже многаго. Но онъ понялъ, что для уничтоженія взяточничества и вымогательствъ этого мало: онъ давалъ чиновникамъ областной администраціи настолько значительное жалованье, что большинство, повидимому, предпочитало довольствоваться имъ, чѣмъ стремиться къ большему, рискуя подвергнуться тѣмъ крутымъ наказаніямъ, на которыя былъ такъ скоръ, въ случаѣ нужды, Андроникъ. Но и наказанія эти примѣнялись не безъ разбора: Андроникъ прекрасно понялъ ту тайну бюрократическаго управленія, что взыскивать нужно съ высшихъ и наиболѣе самостоятельныхъ его органовъ, а не съ послѣднихъ на ступеняхъ іерархической лѣстницы. „Наказаніе негоднаго господина вразумляетъ подвластнаго“, говорилъ онъ, „и какъ подчиненные любятъ подражать начальнику, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь дурное, такъ они послушно пойдутъ по его слѣдамъ, словно дитя за матерью, если онъ, неся наказаніе, поневолѣ станетъ служить общественной пользѣ“ [1]). Наши источники не выясняютъ, какъ практически Андроникъ достигалъ того, что представители администраціи постоянно чувствовали надъ собой его надзоръ, и потому рѣзко перемѣнили свой образъ дѣйствій. Очевидно, доступность для всѣхъ императорскаго суда, возможность для низшихъ агентовъ ссылаться на высшихъ и стремленіе послѣднихъ не допускать ничего противозаконнаго въ дѣлахъ, непосредственно отъ нихъ зависящихъ, съ тѣмъ, чтобы въ остальныхъ случаяхъ имѣть возможность, съ своей стороны, сослаться на низшихъ, дѣлали свое дѣло: всѣ чувствовали себя подъ взаимнымъ контролемъ. Но немало приходится отнести и на долю той необычайной наблюдательности и неутомимой энергіи, которая не покидала Андроника, хотя ему было уже за 60 лѣтъ, и поддерживала въ немъ непоколебимую вѣру въ могущество, почти во всесиліе самодержавной власти: „нѣтъ ничего непоправимаго для императора“, говорилъ онъ, „нѣтъ никакого беззаконнаго дѣла, уничтожить которое было бы выше его силъ“. Но цари должны, на его взглядъ, дѣйствовать не грамотами, которыя лучше бы бросить, какъ „совершенно безполезныя бумаги“, а дѣломъ.

[1]) Nicet., 426 (рус. пер., 413).

Отмѣна берегового права.

Изъ реформъ Андроника, кромѣ указаннаго измѣненія системы вознагражденія областной администраціи, мы имѣемъ возможность отмѣтить только отмѣну такъ называемаго берегового права,—реформу, которой, по выраженію одного новѣйшаго историка, Андроникъ опередилъ свое время нѣсколькими вѣками [1]). Предшественники Андроника издали немало указовъ, воспрещавшихъ варварскій обычай грабить выбрасываемыя на берегъ суда. Но указы эти не помогали, и обычай, распространенный тогда повсюду въ береговыхъ странахъ Европы, продолжалъ существовать, нанося страшный вредъ мореплаванію и торговлѣ имперіи. Придворный и административный круги, повидимому, твердо увѣровали, что это зло неисправимо, и выразили этотъ взглядъ и Андронику. Но Андроникъ нашелъ средство для исправленія „непоправимаго“ зла, и это средство характерно для пріемовъ его борьбы съ злоупотребленіями: онъ заявилъ, что наказаніе за ограбленіе судовъ будетъ падать не на самихъ грабителей, а или на правителей тѣхъ областей, гдѣ произойдетъ ограбленіе, или на тѣхъ землевладѣльцевъ, имѣнія которыхъ, примыкая къ морскому берегу, станутъ мѣстомъ преступленія. Наказаніе состояло въ повѣшеніи на мачтѣ ограбленнаго корабля или просто на висѣлицѣ, водруженной на высокомъ морскомъ берегу. „Пусть, такимъ образомъ, онъ (повѣшенный) будетъ виденъ и плывущимъ въ открытомъ морѣ“, закончилъ Андроникъ свою рѣчь по этому поводу въ сенатѣ, „какъ парусъ на реѣ, и, потерпѣвъ „кораблекрушеніе на сушѣ“, пусть служитъ символомъ того, что и впредь не удастся (безнаказанно) ломать корабли и грабить то, что на нихъ находится,—подобно тому, какъ Богъ поставилъ на небѣ радугу въ знакъ того, что не будетъ болѣе потопа“ [2]). Дѣйствіе этой рѣчи было ошеломляющее: „слушатели чуть не окаменѣли отъ страха, зная по опыту, что Андроникъ не умѣлъ шутить и одно говорить, а другое думать въ такого рода дѣлахъ; наконецъ, едва придя въ себя, они съ курьерами отправили письма къ управляющимъ своими имѣніями и къ своимъ замѣстителямъ въ государственныхъ должностяхъ (областной администраціи), строго наказывая имъ и всячески умоляя, чтобы корабли, потерпѣвшіе крушеніе, не потерпѣли какого-нибудь вреда“ [3]). Съ тѣхъ поръ, по словамъ Никиты, произошла такая рѣзкая пере-

---

1) А. [illegible], op. cit., стр. [illegible], пр. 34.
2) Nicet., 426; рус. пер., 414.
3) Nicet., 427; рус. пер., ibid.

мѣна въ отношеніи къ потерпѣвшимъ, къ нимъ были такъ предупредительны и администрація и само населеніе, что происшедшее казалось дѣломъ „божественной десницы“.

Подъемъ благосостоянія.

Результаты, къ какимъ привело управленіе Андроника, несмотря на то, что его царствованіе было такъ коротко [1]), поистинѣ поразительны. Никита указываетъ, что благодаря прекращенію вымогательствъ бѣглые возвращались на свои мѣста, населеніе городовъ увеличивалось, возстановлялся правильный ходъ экономической жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и государственные доходы. Накопленію государственныхъ средствъ, помимо конфискацій имущества потерпѣвшихъ аристократовъ, способствовало, повидимому, и то обстоятельство, что, при всей своей любви къ изысканной роскоши и утонченному разврату, Андроникъ едва ли истощалъ государственные финансы тратами на себя и на свой дворъ: его времени было чуждо наиболѣе пагубное въ этомъ отношеніи явленіе эпохи Мануила — фаворитизмъ; у Андроника деньги не „текли къ латинскимъ толпамъ“; едва ли также при Андроникѣ могло случиться, какъ это зачастую бывало при Мануилѣ, что „благородный римлянинъ“, оскорбленный подчиненіемъ какому-нибудь фавориту, „презрѣнному варвару“, старался какъ можно хуже исполнить возложенное на него порученіе по сбору податей и задержать въ своихъ рукахъ какъ можно больше изъ собраннаго. Увеличеніе государственныхъ доходовъ давало возможность предпринимать общеполезныя сооруженія (напримѣръ, водопроводъ въ Константинополѣ). Благоустройство столицы и благосостояніе провинцій, платившихъ теперь лишь законные налоги, быстро возростало: улучшалось земледѣліе, подешевѣли жизненные припасы; кто отдалъ „кесарево кесареви“, съ того больше ничего не спрашивали.

Война съ сицилійскими норманнами.

Такъ было въ провинціяхъ, гдѣ среди торгово-промышленнаго и земледѣльческаго класса Андроникъ, очевидно, снискалъ себѣ самую искреннюю симпатію и преданность. Но не таково было положеніе дѣлъ въ столицѣ. Жизнь при дворѣ, куда умный и образованный Андроникъ охотно привлекалъ ученыхъ, знатоковъ философіи и юридическихъ наукъ, осыпая ихъ почестями, эта жизнь становилась все угрюмѣе. Андроникъ становился все подозрительнѣе и раздражительнѣе — и не даромъ: оппозиція аристократіи все разросталась, вспыхивая заговорами и возстаніями. Вскорѣ послѣ усми-

---

[1]) Андроникъ былъ единодержавнымъ императоромъ 2 года (сент. 1183—1185 г.) и передъ тѣмъ годъ правилъ при жизни Алексѣя.

ренія малоазійскаго возстанія Исаакъ, по матери изъ рода Комниновъ, внучатный племянникъ императора Мануила, долго управлявшій Арменіей, нѣсколько лѣтъ бывшій въ плѣну у армянъ и возвращенный оттуда благодаря стараніямъ своей тетки Өеодоры Комниной, фаворитки Андроника, захватилъ въ свои руки Кипръ, предъявивъ подложныя грамоты, которыми онъ будто бы назначался стратигомъ этого острова, и отложился отъ Андроника, который не имѣлъ возможности тотчасъ же отправить войско на отдаленный Кипръ и ограничился казнью своихъ приверженцевъ, Константина Макродуки, дяди Исаака, и Андроника Дуки, увѣрившихъ Андроника, что Исаакъ будетъ вѣрнымъ и полезнымъ слугой[1]. Около того же времени былъ открытъ заговоръ, имѣвшій цѣлью свергнуть Андроника и возвести на престолъ мужа его дочери Ирины, побочнаго сына императора Мануила, Алексѣя Комнина; Андронику пришлось пережить тяжелыя минуты, отправляя въ заточеніе мужа дочери; изъ остальныхъ участниковъ нѣкоторые были повѣшены, другіе ослѣплены и одинъ сожженъ. Все это не могло не обезпокоивать Андроника, на котораго, повидимому, начали находить порывы отчаянія, когда онъ бросался изъ стороны въ сторону, не зная, что искать средствъ противъ аристократіи, оказавшейся сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Но самое ужасное было еще впереди[2].

Другой Алексѣй Комнинъ, племянникъ императора Мануила, занимавшій при его дворѣ должность виночерпія и сосланный Андроникомъ въ „Скиѳію", бѣжалъ оттуда въ Сицилію къ королю Вильгельму II и здѣсь началъ совершенно предательскую работу, хорошо характеризующую византійскую аристократію. Онъ сталъ убѣждать Вильгельма начать походъ противъ Андроника и увѣрять его, что римскія области — легкая и привлекательная добыча. Вильгельмъ, побуждаемый къ тому же „латинянами", изгнанными изъ Константинополя Андроникомъ, лѣтомъ 1185 г. переправился въ Иллирію, взялъ штурмомъ Диррахій и направилъ флотъ противъ Өессалоники. Вся страна между двумя этими городами подчинилась ему

[1] Константинъ и Андроникъ были побиты камнями по почину Агіохристофорита. Исаакъ независимо правилъ Кипромъ, пока въ 1191 г. его не взялъ въ плѣнъ Ричардъ Львиное Сердце во время его крестоваго похода.

[2] Основываясь на полной послѣдовательности изложенія Никиты, мы устанавливаемъ [illegible] Андроника [illegible] 1185 [illegible] Андроника.

безъ боя, а въ августѣ послѣ полуторонедѣльной осады была взята и самая Өессалоника, ставшая театромъ самыхъ неистовыхъ звѣрствъ: норманны не только разграбили городъ, лишивъ жителей крова и имущества, но и всячески издѣвались надъ ними и производили изысканныя истязанія, оскверняли церкви, кощунствовали надъ святынями [1]). Причину легкаго успѣха сицилійцевъ Никита видитъ главнымъ образомъ въ негодности стратига Өессалоникійской өемы, Давида Комнина. Но можно думать, что Андроникъ, никогда не отличавшійся талантами полководца, просто не умѣлъ такъ удачно организовать военное дѣло, какъ организовалъ администрацію и финансовое управленіе, а войско европейскихъ провинцій, кажется, всегда было болѣе слабымъ, чѣмъ византійскіе восточные отряды. Какъ бы то ни было, но страшные норманны, оставивъ гарнизонъ въ Өессалоникѣ, двинулись далѣе къ сѣверу и востоку и, такъ какъ, несмотря на всѣ усилія Андроника, собравшаго теперь, по словамъ Никиты, уже всѣ войска, и восточныя и западныя [2]), византійцы оказывались совершенно неспособными оказывать сопротивленіе, подвигались все ближе къ столицѣ, гдѣ Алексѣй Комнинъ наивно разсчитывалъ занять, съ помощью норманновъ, императорскій престолъ. Приближеніе норманновъ страшно тревожило константинопольцевъ, знавшихъ, какую ненависть питаютъ къ нимъ „латиняне" за недавнюю расправу съ ихъ единоплеменниками, и на примѣрѣ Өессалоники видѣвшихъ, какъ они готовы отплатить за эту расправу. Перемѣнчивая толпа, волнуемая, очевидно, достигавшими до нея порицаніями Андронику со стороны оппозиціонной аристократіи, готова уже была обвинять его въ незаботливости о защитѣ государства. Между тѣмъ Андроникъ дѣлалъ все, что могъ сдѣлать, хотя онъ, повидимому, былъ совершенно потрясенъ происходившимъ: онъ

---

[1]) Прекрасное описаніе бѣдствій Өессалоники находится у Никиты, Nicet., p. 384—401. См. также Евстаөія Солунскаго, De Thessalonica a latinis capta (изд. Тафеля).

[2]) См. Скабалановичъ, 322. „Өемы въ силу географическаго положенія распадались на двѣ части *(τμήματα)*, на восточную и западную, и они (востокъ и западъ) имѣли своихъ особыхъ начальниковъ, а именно: войско восточныхъ, азіатскихъ өемъ было подчинено доместику восточныхъ школъ *(δομέστικος τῶν σχολῶν τῆς Ἀνατολῆς)*, а войско западныхъ, европейскихъ өемъ — доместику Запада *(δομέστικος τῆς δύσεως)*.—См. П. Безобразовъ. „Византія въ XI в." (Ж. М. Н. П., 236, отд. 2, стр. 170, пр. 2). Въ XII в. является для обозначенія главнокомандующаго восточными войсками названіе „великій доместикъ"—*μέγας δομέστικος*. См. Скабалановичъ, 233, пр. 6.

шеніемъ. Къ тому же, навѣянные византійской практикой способы осуществить эту попытку были уже сами по себѣ способны привести къ цѣлому возстанію и къ сверженію императора. Этими способами были: постриженіе въ монахи, ослѣпленіе, жестокія казни и убійства, и Андроникъ широко пользовался ими противъ аристократіи. Современный византійскій историкъ, въ сочиненіи котораго нестройно, постоянно противорѣча другъ другу, отразились и аристократическія тенденціи того времени и народныя воззрѣнія на Андроника, съ необыкновенной пестротой чередуетъ въ своемъ разсказѣ восторженныя похвалы Андронику съ самыми рѣзкими порицаніями его безнравственности, тиранническимъ замашкамъ, его жестокости и безчеловѣчію [1]). Новѣйшіе историки страннымъ образомъ обращали вниманіе почти исключительно на эту послѣднюю сторону изображенія и представляли Андроника отвратительнымъ злодѣемъ, чуть ли не готовымъ жертвовать всѣмъ для узкихъ личныхъ видовъ. Конечно, Андроника нельзя заподозрить въ особенной мягкости и кротости. Жестокость, мстительность, почти полное отсутствіе нравственныхъ принциповъ составляютъ несомнѣнныя черты его характера. Но средства, употреблявшіяся Андроникомъ, были свойственны не только всей Византіи на всемъ протяженіи ея исторіи, но и вообще средневѣковому міру, и если Андроникъ пользовался ими шире, чѣмъ многіе, такъ это (помимо указанныхъ свойствъ его характера) главнымъ образомъ потому, что и задачи, которыя онъ себѣ поставилъ, были исключительныя, и борьба, вызванная его дѣятельностью, была ожесточенная и разгоралась постепенно все съ большею и большею силою, невольно превративъ послѣдніе моменты его царствованія дѣйствительно въ какую-то кровавую эпопею [2]).

Преслѣдованіе знати.

Какъ бы то ни было, Андроникъ сразу пошелъ прямо по намѣченному пути. Какова была въ это время его популярность среди низшихъ слоевъ столичнаго населенія, и насколько въ то же время были страшны и жестоки эти союзники, это рѣзко проявилось въ одномъ случаѣ, происшедшемъ во время пребыванія Андроника въ Филопатіи передъ вступленіемъ въ городъ. Около его палатки былъ схваченъ какой-то подозрительный бродяга, просившій милостыню.

[1]) Nicet., passim. Въ 2 книгахъ, посвященныхъ спеціально царствованію Андроника (pp. 356—463), преобладаетъ отрицательный взглядъ, кромѣ, однако, нѣкоторыхъ главъ (3—5, 13) второй книги.

[2]) Наиболѣе правильный взглядъ на Андроника встрѣчается у Фалльмерайера и у русскихъ изслѣдователей: акад. А. Куника и проф. Ѳ. Успенскаго.

и что постановленіе осуждаетъ на смерть „почти всѣхъ римлянъ" *(σχεδὸν τὸ Παῤῥώμαιον)*,—несмотря на это, ужасное рѣшеніе предполагалось привести въ исполненіе.

Но раньше, чѣмъ начались казни, поднялось возстаніе, сокрушившее Андроника. Нужно думать, что слухи о предполагавшемся избіеніи подняли почти всю остававшуюся въ Константинополѣ аристократію, послужили для нея прекраснымъ поводомъ взволновать и безъ того уже возбужденную народную массу столицы, что они, словомъ, вполнѣ подготовили почву для возстанія, создали крайне напряженное состояніе; и достаточно было одного толчка, чтобы разразился страшный взрывъ. Толчокъ этотъ былъ совершенно случайный, но само возстаніе, его ходъ и результатъ вовсе не были такою чистою случайностью, какъ, пожалуй, можно подумать на основаніи изложенія Никиты Акомината. Вотъ что онъ разсказываетъ.

Возстаніе Исаака Ангела.

Въ отчаяніи отъ норманскаго нашествія и перемѣны въ настроеніи столичнаго населенія, Андроникъ, при всѣхъ своихъ нравственныхъ свойствахъ, столь же набожный и столь же суевѣрный, какъ и большинство его современниковъ, у которыхъ формальная религіозность отлично уживалась съ полнымъ отсутствіемъ нравственныхъ принциповъ, рѣшилъ, что онъ покинутъ Богомъ, и что ему нужно обратиться „къ нечистымъ демонамъ и чрезъ служеніе имъ узнать будущее". Поэтому онъ поручилъ Агіохристофориту обратиться къ нѣкоему Сиѳу Склиру, предсказателю, ослѣпленному за ворожбу при Мануилѣ [1]), съ вопросомъ о томъ, кто будетъ царствовать по смерти Андроника или кто похититъ у него власть. Въ сосудѣ на поверхности мутной воды, посредствомъ которой гадалъ Сиѳъ, въ отвѣтъ появились буквы *іота* и *сигма (Ις)*, указывавшія и на имя Исаака и, по мнѣнію Андроника, на Исаврянина. Императоръ поэтому думалъ, что ему грозитъ опасность со стороны кипрскаго мятежника Исаака, изъ рода Комниновъ, управлявшаго, какъ указано выше, областью Тарса, соприкасавшейся съ Исавріей [2]). Дѣло было въ началѣ сентября, и Андроникъ го-

---

[1]) Имъ же былъ ослѣпленъ и другой предсказатель, Ааронъ, также бывшій въ сношеніяхъ съ Андроникомъ и, по словамъ Никиты, побуждавшій его подвергать особенно жестокимъ наказаніямъ своихъ противниковъ. См. Nicet., 191—193.

[2]) Предсказаніе Сиѳа совпадало съ болѣе раннимъ предсказаніемъ, что *іота* гибельна для Андроника (См. Nicet., 378—279). Въ Византіи были цѣлые циклы предсказаній, касавшихся судьбы имперіи и отдѣльныхъ императоровъ

товъ былъ нѣсколько успокоиться и заподозрить правдивость предсказанія, когда Сиѳъ на новый вопросъ отвѣтилъ, что опасность грозитъ императору въ дни Воздвиженія Креста (14 сентября). „Развѣ возможно“, говоритъ онъ, „чтобы въ эти немногіе дни Исаакъ успѣлъ приплыть съ Кипра и низложить меня?“ Одинъ изъ близкихъ къ Андронику людей, судья вила Іоаннъ Тиранинъ указалъ было Андронику, что есть и другой Исаакъ—Исаакъ Ангелъ, и что не мѣшаетъ на всякій случай задержать и казнить и его. Но Андроникъ со смѣхомъ отвергъ предосторожности противъ изнѣженнаго и пустого, на его взглядъ, Ангела, и, несмотря на приближеніе предсказанныхъ „дней Воздвиженія“, не считалъ даже нужнымъ оставаться въ столицѣ: онъ отдыхалъ въ Милудійскомъ дворцѣ, на восточной (азіатской) сторонѣ Пропонтиды. Между тѣмъ Агіохристофоритъ, по суевѣрію ли или по болѣе осязательнымъ основаніямъ, не спокойный на счетъ Исаака Ангела, рѣшилъ самовольно арестовать его. Вечеромъ 11-го сентября 1185 г. онъ съ своими людьми явился во дворъ дома Исаака и пригласилъ его слѣдовать за собой. Зная, чѣмъ можетъ кончиться такое приглашеніе, Исаакъ рѣшился отбиваться: вскочивъ на коня, онъ со смѣлостью отчаянія бросился на Агіохристофорита, нанесъ ему мечемъ смертельный ударъ въ голову, заставилъ разбѣжаться его слугъ и самъ поскакалъ къ церкви св. Софіи. По дорогѣ онъ громко кричалъ встрѣчнымъ, что убилъ Агіохристофорита. Молва объ этомъ быстро облетѣла городъ: тысячи народа стали стекаться къ Великой церкви. Сюда явились и родственники Исаака, Іоаннъ и Исаакъ Дука. Никто не мѣшалъ этому сборищу: очевидно, весь дворъ, всѣ чины, которые могли бы принять какія-нибудь мѣры противъ сборища, или были вмѣстѣ съ Андроникомъ внѣ города, или оказались на сторонѣ мятежниковъ. Прямая обязанность воспрепятствовать стеченію народа лежала, надо думать, на Агіохристофоритѣ, этомъ, такъ сказать, начальникѣ тайной полиціи Андроника, но онъ былъ убитъ.

и не остававшихся, повидимому, безъ вліянія на ихъ образъ дѣйствій и на народное настроеніе. — См. объ этомъ у Ѳ. Успенскаго (Ж. М. Н. П., ч. 214, стр. 77—85). —Изъ предсказаній, относящихся къ роду Комниновъ можно указать, напр., на прорицаніе, указывавшее начальныя буквы именъ царей изъ потомства Алексѣя Комнина (сл. "АІМА—Алексѣй I, Іоаннъ, Мануилъ, Алексѣй II, по прямой линіи), на относившееся къ Мануилу предсказаніе: „ты погибнешь въ западнѣ и самомъ концѣ слова“; по толкованію современниковъ, этимъ указывалось на число годовъ правленія Мануила — 38, выражаемое по-гречески буквами ηλ, составляющими послѣдній слогъ имени *Μανου—ηλ* и т. д.

Такъ прошла цѣлая ночь, и за эту ночь произошло многое: среди толпы въ оградѣ Великой церкви начались рѣчи, которыя становились все смѣлѣе, количество народа все увеличивалось, и къ утру „не было ни одного жителя, который бы не пришелъ сюда и не молилъ Бога, чтобы Исаакъ сдѣлался императоромъ, а Андроникъ былъ низложенъ“.

Между тѣмъ Андроникъ, узнавъ объ убійствѣ Агіохристофорита, прислалъ въ столицу грамоту, въ которой убѣждалъ народъ прекратить мятежъ, обѣщая не наказывать виновныхъ. Но ни грамота, ни уговоры приверженцевъ Андроника не оказывали никакого дѣйствія. Когда вслѣдъ затѣмъ и самъ онъ, наконецъ, приплылъ къ Большому дворцу, было поздно: народное движеніе разлилось уже неудержимымъ потокомъ, стало вполнѣ стихійнымъ. Уже были разломаны тюрьмы, и выпущены заключенные, уже толпа въ Великой церкви провозглашала Исаака „императоромъ и самодержцемъ римскимъ“; одинъ изъ церковныхъ прислужниковъ, взобравшись на лѣстницу, снялъ висѣвшій надъ престоломъ вѣнецъ Константина Великаго и возложилъ его на Исаака. Исаакъ отказывался отъ этого вѣнчанія. Тогда старый Іоаннъ Дука предложилъ народу выбрать его въ императоры, но народъ съ негодованіемъ кричалъ, что не хочетъ опять видѣть на престолѣ старика, и, въ концѣ концовъ, заставилъ Исаака принять корону. Въ это время черезъ проливъ отъ Милудійскаго дворца переправляли царскихъ лошадей. Когда причалили къ берегу, одна изъ „златосбруйныхъ“ лошадей вырвалась и помчалась по улицамъ, толпа ее схватила и привела къ Исааку. Исаакъ сѣлъ на нее и, окруженный знатью, среди которой находился и патріархъ, вынужденный силой слѣдовать за новымъ императоромъ, и безчисленной толпой, вооруженной мечами, щитами, кольями, обрубками дерева, двинулся къ Большому дворцу. А тамъ, между тѣмъ, Андроникъ приготовлялся къ сопротивленію. Собрать много людей ему не удалось: вѣроятно, часть лейбъ-гвардіи оставалась на азіатскомъ берегу, часть перешла на сторону Ангела; другихъ войскъ не могло быть подъ рукой: всѣ они были отправлены противъ норманновъ. Однако, Андроникъ попытался выступить съ оружіемъ противъ приближавшейся толпы и даже самъ началъ стрѣлять съ башни въ Большомъ дворцѣ. Но это только разъярило народъ. Видя свое безсиліе, Андроникъ сдѣлалъ послѣднюю попытку остановить возстаніе—объявилъ, что отказывается отъ власти и передаетъ ее своему сыну Мануилу. Но его уже не слушали: толпа разломала ворота и во-

суда [1]). Онъ лично разсматривалъ дѣла по жалобамъ императору—по „прошеніямъ на высочайшее имя“ *(δεήσεις)*—и постановлялъ рѣшенія, не стѣсняясь рангомъ виновнаго и имѣя въ виду только интересы правосудія. Такъ, разъ поступила жалоба на Θеодора Дадиврина, одного изъ участниковъ въ убійствѣ императора Алексѣя: этотъ фаворитъ Андроника, проѣзжая гдѣ-то со свитой и остановившись у крестьянъ *(ἐξ ἀγροικίας τινές)*, взялъ у нихъ все, что ему понадобилось, и уѣхалъ, ничего не заплативъ. Андроникъ присудилъ Дадиврина къ палочнымъ ударамъ и возмѣстилъ крестьянамъ ихъ убытки.

Уже одна эта возможность найти всегда управу на произволъ аристократовъ и чиновниковъ заставляла послѣднихъ сдерживаться. Но Андроникъ принималъ и болѣе систематическія мѣры для улучшенія администраціи, страдавшей массой всякихъ злоупотребленій: продажа должностей, такъ называемыя „добровольныя приношенія“ жителей въ пользу администраціи и солдатъ [2]), вымогательства сборщиковъ податей, обиравшихъ плательщиковъ, по выраженію Никиты, до послѣдней рубашки и доводившихъ ихъ до смерти,—вотъ что

[1]) Въ „императорскомъ судѣ“ *(τὸ αὐτοκρατορικὸν καὶ βασιλικὸν δικαστήριον καὶ τὸ βῆμα τῆς βασιλείας)* разсматривались дѣла, касавшіяся высшихъ сановниковъ, и кромѣ того, дѣла 1) по докладамъ *(ἀναφοραί, ὑπομνήσεις)* должностныхъ лицъ, обращавшихся къ высшему источнику власти и закона въ сомнительныхъ случаяхъ, 2) по апелляціямъ *(ἔκκλητοι)* отъ всякихъ другихъ инстанцій, 3) по прошеніямъ на высочайшее имя *(δεήσεις)*. Собирался этотъ судъ на засѣданія *(σελέντιον)* по приказу императора подъ его личнымъ предсѣдательствомъ или подъ предсѣдательствомъ эпарха (должность, въ которой слились римскіе praefectus urbi и praefectus praetorio), а съ XI в. подъ предсѣдательствомъ начальника императорской охраны (друнгарія) или (съ конца XI в.) великаго друнгарія виглы *(δρουγγάριος (μέγας δ.) τῆς βίγλης*; т. е. vigiliarum). Въ тѣхъ случаяхъ, когда императоръ не присутствовалъ, рѣшеніе представлялось на его утвержденіе. Составъ этого суда, кажется, не былъ вполнѣ постояннымъ: въ немъ участвовали нѣкоторые чины сената, нѣкоторые изъ высшихъ чиновъ центральнаго управленія (напр., начальникъ императорской канцеляріи—протоасикритъ, хранитель каниклія, т. е. чернильницы съ пурпурными чернилами, которыми императоръ подписывалъ бумаги, далѣе-нѣкоторые чины судебнаго вѣдомства (напр., съ XI в., вѣроятно, „министръ юстиціи“—*ὁ ἐπὶ τῶν κρίσεων*), затѣмъ судьи, разбиравшіе, по порученію императора, дѣла по прошеніямъ на высочайшее имя, такъ называемые „судьи вила на ипподромѣ“ *(κριταὶ τοῦ βήλου καὶ ἐπὶ τοῦ ἱπποδρόμου)*. Иногда въ этихъ засѣданіяхъ принимали участіе и носители духовныхъ сановъ. (См. Zachariae v. Lingenthal, Geschichte d. griechisch-römischen Rechts, 3-te Aufl. (Berl., 1892), 335—361, и Скабалановичъ, 347—350).

[2]) См. выше, стр. 550.

разоряло провинціи во времена Мануила, заставляло жителей разбѣгаться, скрываясь отъ вымогателей, и, слѣдовательно, вело къ застою и въ торговлѣ, и въ промышленности, и въ сельскомъ хозяйствѣ. Прекращеніемъ продажи должностей и сдѣланнымъ имъ самимъ новымъ подборомъ личнаго состава администраціи Андроникъ достигъ уже многаго. Но онъ понялъ, что для уничтоженія взяточничества и вымогательствъ этого мало: онъ давалъ чиновникамъ областной администраціи настолько значительное жалованье, что большинство, повидимому, предпочитало довольствоваться имъ, чѣмъ стремиться къ бо́льшему, рискуя подвергнуться тѣмъ крутымъ наказаніямъ, на которыя былъ такъ скоръ, въ случаѣ нужды, Андро́никъ. Но и наказанія эти примѣнялись не безъ разбора: Андроникъ прекрасно понялъ ту тайну бюрократическаго управленія, что взыскивать нужно съ высшихъ и наиболѣе самостоятельныхъ его органовъ, а не съ послѣднихъ на ступеняхъ іерархической лѣстницы. „Наказаніе негоднаго господина вразумляетъ подвластнаго“, говорилъ онъ, „и какъ подчиненные любятъ подражать начальнику, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь дурное, такъ они послушно пойдутъ по его слѣдамъ, словно дитя за матерью, если онъ, неся наказаніе, поневолѣ станетъ служить общественной пользѣ“ [1]. Наши источники не выясняютъ, какъ практически Андроникъ достигалъ того, что представители администраціи постоянно чувствовали надъ собой его надзоръ, и потому рѣзко перемѣнили свой образъ дѣйствій. Очевидно, доступность для всѣхъ императорскаго суда, возможность для низшихъ агентовъ ссылаться на высшихъ и стремленіе послѣднихъ не допускать ничего противозаконнаго въ дѣлахъ, непосредственно отъ нихъ зависящихъ, съ тѣмъ, чтобы въ остальныхъ случаяхъ имѣть возможность, съ своей стороны, сослаться на низшихъ, дѣлали свое дѣло: всѣ чувствовали себя подъ взаимнымъ контролемъ. Но немало приходится отнести и на долю той необычайной наблюдательности и неутомимой энергіи, которая не покидала Андроника, хотя ему было уже за 60 лѣтъ, и поддерживала въ немъ непоколебимую вѣру въ могущество, почти во всесиліе самодержавной власти: „нѣтъ ничего непоправимаго для императора“, говорилъ онъ, „нѣтъ никакого беззаконнаго дѣла, уничтожить которое было бы выше его силъ“. Но цари должны, на его взглядъ, дѣйствовать не грамотами, которыя лучше бы бросить, какъ „совершенно безполезныя бумаги“, а дѣломъ.

---

[1] Nicet., 426 (рус. пер., 413).

ренія малоазійскаго возстанія Исаакъ, по матери изъ рода Комниновъ, внучатный племянникъ императора Мануила, долго управлявшій Арменіей, нѣсколько лѣтъ бывшій въ плѣну у армянъ и возвращенный оттуда благодаря стараніямъ своей тетки Θеодоры Комнины, фаворитки Андроника, захватилъ въ свои руки Кипръ, предъявивъ подложныя грамоты, которыми онъ будто бы назначался стратигомъ этого острова, и отложился отъ Андроника, который не имѣлъ возможности тотчасъ же отправить войско на отдаленный Кипръ и ограничился казнью своихъ придворныхъ: Константина Макродуки, дяди Исаака, и Андроника Дуки, убѣдившихъ Андроника, что Исаакъ будетъ вѣрнымъ и полезнымъ слугой [1]). Около того же времени былъ открытъ заговоръ, имѣвшій цѣлью свергнуть Андроника и возвести на престолъ мужа его дочери Ирины, побочнаго сына императора Мануила, Алексѣя Комнина; Андронику пришлось пережить тяжелыя минуты, отправляя въ заточеніе мужа дочери; изъ остальныхъ участниковъ нѣкоторые были повѣшены, другіе ослѣплены и одинъ сожженъ. Все это не могло не ожесточать Андроника, на котораго, повидимому, начали находить порывы отчаянія, когда онъ бросался изъ стороны въ сторону, не зная, гдѣ искать средствъ противъ аристократіи, оказавшейся сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Но самое ужасное было еще впереди [2]).

Другой Алексѣй Комнинъ, племянникъ императора Мануила, занимавшій при его дворѣ должность виночерпія и сосланный Андроникомъ въ „Скиθію“, бѣжалъ оттуда въ Сицилію къ королю Вильгельму II и здѣсь началъ совершенно предательскую работу, хорошо характеризующую византійскую аристократію: онъ сталъ убѣждать Вильгельма начать походъ противъ Андроника и увѣрять его, что римскія области—легкая и привлекательная добыча. Вильгельмъ, побуждаемый къ тому же „латинянами“, изгнанными изъ Константинополя Андроникомъ, лѣтомъ 1185 г. переправился въ Иллирію, взялъ Эпидамнъ (Диррахіумъ) и направилъ флотъ противъ Θессалоники. Вся страна между двумя этими пунктами подчинилась ему

[1]) Константинъ и Андроникъ были побиты камнями по почину Агіохристофорита. Исаакъ независимо правилъ Кипромъ, пока въ 1191 г. его не взялъ въ плѣнъ Ричардъ Львиное Сердце во время 3-го крестоваго похода.

[2]) Основываясь на общей послѣдовательности изложенія Никиты, мы устанавливаемъ такую хронологію для событій царствованія Андроника: сент. 1183 г.—убійство Алексѣя; весна 1184 г.—походъ въ М. Азію (обыкновенно относимый къ 1185 г.); конецъ 1184 г.—отпаденіе Кипра; 30-ое мая 1185—казнь К. Макродуки и А. Дуки; августъ 1185—взятіе Θессалоники норманнами; 12 сентября 1185 г.—сверженіе Андроника.

безъ боя, а въ августѣ послѣ полуторонедѣльной осады была взята и самая Өессалоника, ставшая театромъ самыхъ неистовыхъ звѣрствъ: норманны не только разграбили городъ, лишивъ жителей крова и имущества, но и всячески издѣвались надъ ними и производили изысканныя истязанія, оскверняли церкви, кощунствовали надъ святынями [1]). Причину легкаго успѣха сицилійцевъ Никита видитъ главнымъ образомъ въ негодности стратига Өессалоникійской өемы, Давида Комнина. Но можно думать, что Андроникъ, никогда не отличавшійся талантами полководца, просто не умѣлъ такъ удачно организовать военное дѣло, какъ организовалъ администрацію и финансовое управленіе, а войско европейскихъ провинцій, кажется, всегда было болѣе слабымъ, чѣмъ византійскіе восточные отряды. Какъ бы то ни было, но страшные норманны, оставивъ гарнизонъ въ Өессалоникѣ, двинулись далѣе къ сѣверу и востоку и, такъ какъ, несмотря на всѣ усилія Андроника, собравшаго теперь, по словамъ Никиты, уже всѣ войска, и восточныя и западныя [2]), византійцы оказывались совершенно неспособными оказывать сопротивленіе, подвигались все ближе къ столицѣ, гдѣ Алексѣй Комнинъ наивно разсчитывалъ занять, съ помощью норманновъ, императорскій престолъ. Приближеніе норманновъ страшно тревожило константинопольцевъ, знавшихъ, какую ненависть питаютъ къ нимъ „латиняне" за недавнюю расправу съ ихъ единоплеменниками, и на примѣрѣ Өессалоники видѣвшихъ, какъ они готовы отплатить за эту расправу. Перемѣнчивая толпа, волнуемая, очевидно, достигавшими до нея порицаніями Андронику со стороны оппозиціонной аристократіи, готова уже была обвинять его въ незаботливости о защитѣ государства. Между тѣмъ Андроникъ дѣлалъ все, что могъ сдѣлать, хотя онъ, повидимому, былъ совершенно потрясенъ происходившимъ: онъ

---

[1]) Прекрасное описаніе бѣдствій Өессалоники находится у Никиты. Nicet., p. 384—401. См. также Евстаөія Солунскаго, De Thessalonica a latinis capta (изд. Тафеля).

[2]) См. Скабалановичъ, 322. „Өемы въ силу географическаго положенія распадались на двѣ части *(τμήματα)*, на восточную и западную, и они (востокъ и западъ) имѣли своихъ особыхъ начальниковъ, а именно: войско восточныхъ, азіатскихъ өемъ было подчинено доместику восточныхъ школъ *(δομέστικος τῶν σχολῶν τῆς 'Ανατολῆς)*, а войско западныхъ, европейскихъ өемъ — доместику Запада *(δομέστικος τῆς δύσεως)*.—См. П. Безобразовъ. „Византія въ XI в." (Ж. М. Н. П., 236, отд. 2, стр. 170, пр. 2). Въ XII в. является для обозначенія главнокомандующаго восточными войсками названіе „великій доместикъ"—*μέγας δομέστικος*. См. Скабалановичъ, 233, пр. 6.

укрѣпилъ константинопольскія стѣны, собралъ къ столицѣ флотъ, какой было возможно (около 100 военныхъ судовъ). Но все это мало успокаивало и его самого; и хотя онъ старался дѣлать равнодушный видъ и увѣрялъ, что опасность не велика, и что норманны скоро будутъ уничтожены, однако, повидимому, совершенно терялъ голову, выходилъ изъ себя отъ каждаго непріятнаго слуха, начиналъ чувствовать — и не безъ основанія, — что недовольство противъ него все разростается; наконецъ, когда разнеслись вѣсти, что одни отряды норманновъ уже перешли линію рѣки Стримона, опустошаютъ окрестности Серръ (др. Sirrae, нын. Сересъ, на лѣвомъ берегу рѣки Стримона) и взяли Амфиполь, а другіе, занявъ Мосинополь (на среднемъ теченіи рѣки Места, нынѣшней рѣки Карасу, къ востоку отъ Стримона), идутъ прямо на столицу, онъ рѣшился на послѣднее, поистинѣ отчаянное средство, вызванное, очевидно, крайнимъ ожесточеніемъ противъ предателей, которыхъ онъ видѣлъ и въ Исаакѣ Комнинѣ, и въ Давидѣ Комнинѣ, и въ ихъ роднѣ, и во всей аристократіи. На „внутреннемъ высочайшемъ выходѣ“ [1]), рѣшено было, по свидѣтельству Никиты, перебить всѣхъ „дерзкихъ мятежниковъ“, т. е. политическихъ преступниковъ и, такъ сказать, политически неблагонадежныхъ людей, заключенныхъ въ тюрьмы или отправленныхъ въ ссылку и „ихъ близкихъ и родственниковъ“. Любопытно, что составленное въ этомъ смыслѣ „сенаторами и судьями“ постановленіе начиналось приблизительно такъ: „по внушенію Божію, а не по повелѣнію великаго святого самодержца и императора нашего, опредѣляемъ и постановляемъ“.... Несмотря на то, что это постановленіе вызвало протестъ даже со стороны собственнаго сына Андроника, севастократора Мануила, находившаго, что, если казнить „близкихъ и родственниковъ“ подозрительныхъ и преступныхъ лицъ, то не будетъ конца убійствамъ,

---

[1]) Скабалановичъ, стр. 146. „На внутреннихъ высочайшихъ выходахъ“— (обыкновенно въ дворцовую палату, называвшуюся „хрисотриклиномъ“)— „находили себѣ примѣненіе всѣ главнѣйшія функціи императорской власти: императоръ, сидя на тронѣ, окруженный почетной стражей и сенаторами, совершалъ тѣ дѣйствія, совокупность которыхъ составляла его верховную власть,—принималъ и отправлялъ пословъ, возводилъ въ чины и назначалъ на должности, производилъ судъ и произносилъ рѣшенія, распоряжался дѣлами относительно податей и налоговъ“.—Обсужденіе дѣлъ на „высочайшемъ выходѣ“ происходило въ присутствіи высшихъ чиновъ центральнаго управленія, которые всѣ назначались изъ сенаторовъ (Скабалановичъ, 162), между прочимъ, и судей императорскаго суда; оттого-то Никита (439_{12-13}) говоритъ о „судьяхъ и сенаторахъ“.

и что постановленіе осуждаетъ на смерть „почти всѣхъ римлянъ" *(σχεδὸν τὸ Ῥωμαῖον)*,—несмотря на это, ужасное рѣшеніе предполагалось привести въ исполненіе.

Но раньше, чѣмъ начались казни, поднялось возстаніе, сокрушившее Андроника. Нужно думать, что слухи о предполагавшемся избіеніи подняли почти всю остававшуюся въ Константинополѣ аристократію, послужили для нея прекраснымъ поводомъ взволновать и безъ того уже возбужденную народную массу столицы, что они, словомъ, вполнѣ подготовили почву для возстанія, создали крайне напряженное состояніе; и достаточно было одного толчка, чтобы разразился страшный взрывъ. Толчокъ этотъ былъ совершенно случайный, но само возстаніе, его ходъ и результатъ вовсе не были такою чистою случайностью, какъ, пожалуй, можно подумать на основаніи изложенія Никиты Акомината. Вотъ что онъ разсказываетъ.

Возстаніе Исаака Ангела.

Въ отчаяніи отъ норманскаго нашествія и перемѣны въ настроеніи столичнаго населенія, Андроникъ, при всѣхъ своихъ нравственныхъ свойствахъ, столь же набожный и столь же суевѣрный, какъ и большинство его современниковъ, у которыхъ формальная религіозность отлично уживалась съ полнымъ отсутствіемъ нравственныхъ принциповъ, рѣшилъ, что онъ покинутъ Богомъ, и что ему нужно обратиться „къ нечистымъ демонамъ и чрезъ служеніе имъ узнать будущее". Поэтому онъ поручилъ Агіохристофориту обратиться къ нѣкоему Сиѳу Склиру, предсказателю, ослѣпленному за ворожбу при Мануилѣ [1]), съ вопросомъ о томъ, кто будетъ царствовать по смерти Андроника или кто похититъ у него власть. Въ сосудѣ на поверхности мутной воды, посредствомъ которой гадалъ Сиѳъ, въ отвѣтъ появились буквы *іота* и *сигма (Ισ)*, указывавшія и на имя Исаака и, по мнѣнію Андроника, на Исаврянина. Императоръ поэтому думалъ, что ему грозитъ опасность со стороны кипрскаго мятежника Исаака, изъ рода Комниновъ, управлявшаго, какъ указано выше, областью Тарса, соприкасавшейся съ Исавріей [2]). Дѣло было въ началѣ сентября, и Андроникъ го-

---

[1]) Имъ же былъ ослѣпленъ и другой предсказатель, Ааронъ, также бывшій въ сношеніяхъ съ Андроникомъ и, по словамъ Никиты, побуждавшій его подвергать особенно жестокимъ наказаніямъ своихъ противниковъ. См. Nicet., 191—193.

[2]) Предсказаніе Сиѳа совпадало съ болѣе раннимъ предсказаніемъ, что *іота* гибельна для Андроника (См. Nicet., 378—279). Въ Византіи были цѣлые циклы предсказаній, касавшихся судьбы имперіи и отдѣльныхъ императоровъ

суда [1]). Онъ лично разсматривалъ дѣла по жалобамъ императору— по „прошеніямъ на высочайшее имя" (*δεήσεις*)—и постановлялъ рѣшенія, не стѣсняясь рангомъ виновнаго и имѣя въ виду только интересы правосудія. Такъ, разъ поступила жалоба на Θеодора Дадиврина, одного изъ участниковъ въ убійствѣ императора Алексѣя: этотъ фаворитъ Андроника, проѣзжая гдѣ-то со свитой и остановившись у крестьянъ (*ἐξ ἀγροικίας τινές*), взялъ у нихъ все, что ему понадобилось, и уѣхалъ, ничего не заплативъ. Андроникъ присудилъ Дадиврина къ палочнымъ ударамъ и возмѣстилъ крестьянамъ ихъ убытки.

Уже одна эта возможность найти всегда управу на произволъ аристократовъ и чиновниковъ заставляла послѣднихъ сдерживаться. Но Андроникъ принималъ и болѣе систематическія мѣры для улучшенія администраціи, страдавшей массой всякихъ злоупотребленій: продажа должностей, такъ называемыя „добровольныя приношенія" жителей въ пользу администраціи и солдатъ [2]), вымогательства сборщиковъ податей, обиравшихъ плательщиковъ, по выраженію Никиты, до послѣдней рубашки и доводившихъ ихъ до смерти,—вотъ что

---

[1]) Въ „императорскомъ судѣ" (*τὸ αὐτοκρατορικὸν καὶ βασιλικὸν δικαστήριον καὶ τὸ βῆμα τῆς βασιλείας*) разсматривались дѣла, касавшіяся высшихъ сановниковъ, и кромѣ того, дѣла 1) по докладамъ (*ἀναφοραί, ὑπομνήσεις*) должностныхъ лицъ, обращавшихся къ высшему источнику власти и закона въ сомнительныхъ случаяхъ, 2) по апелляціямъ (*ἔκκλητοι*) отъ всякихъ другихъ инстанцій, 3) по прошеніямъ на высочайшее имя (*δεήσεις*). Собирался этотъ судъ на засѣданія (*σελέντιον*) по приказу императора подъ его личнымъ предсѣдательствомъ или подъ предсѣдательствомъ эпарха (должность, въ которой слились римскіе praefectus urbi и praefectus praetorio), а съ XI в. подъ предсѣдательствомъ начальника императорской охраны (друнгарія) или (съ конца XI в.) великаго друнгарія виглы (*δρουγγάριος (μέγας δ.) τῆς βίγλης*, т. е. vigiliarum). Въ тѣхъ случаяхъ, когда императоръ не присутствовалъ, рѣшеніе представлялось на его утвержденіе. Составъ этого суда, кажется, не былъ вполнѣ постояннымъ: въ немъ участвовали нѣкоторые чины сената, нѣкоторые изъ высшихъ чиновъ центральнаго управленія (напр., начальникъ императорской канцеляріи—протоасикритъ, хранитель каниклія, т. е. чернильницы съ пурпурными чернилами, которыми императоръ подписывалъ бумаги, далѣе—нѣкоторые чины судебнаго вѣдомства (напр., съ XI в., вѣроятно, „министръ юстиціи"—*ὁ ἐπὶ τῶν κρίσεων*), затѣмъ судьи, разбиравшіе, по порученію императора, дѣла по прошеніямъ на высочайшее имя, такъ называемые „судьи вила на ипподромѣ" (*κριταὶ τοῦ βήλου καὶ ἐπὶ τοῦ ἱπποδρόμου*). Иногда въ этихъ засѣданіяхъ принимали участіе и носители духовныхъ сановъ. (См. Zachariae v. Lingenthal, Geschichte d. griechisch-römischen Rechts, 3-te Aufl. (Berl., 1892), 335—361, и Скабалановичъ, 347—350).

[2]) См. выше, стр. 550.

Такъ прошла цѣлая ночь, и за эту ночь произошло многое: среди толпы въ оградѣ Великой церкви начались рѣчи, которыя становились все смѣлѣе, количество народа все увеличивалось, и къ утру „не было ни одного жителя, который бы не пришелъ сюда и не молилъ Бога, чтобы Исаакъ сдѣлался императоромъ, а Андроникъ былъ низложенъ".

Между тѣмъ Андроникъ, узнавъ объ убійствѣ Агіохристофорита, прислалъ въ столицу грамоту, въ которой убѣждалъ народъ прекратить мятежъ, обѣщая не наказывать виновныхъ. Но ни грамота, ни уговоры приверженцевъ Андроника не оказывали никакого дѣйствія. Когда вслѣдъ затѣмъ и самъ онъ, наконецъ, приплылъ къ Большому дворцу, было поздно: народное движеніе разлилось уже неудержимымъ потокомъ, стало вполнѣ стихійнымъ. Уже были разломаны тюрьмы, и выпущены заключенные, уже толпа въ Великой церкви провозглашала Исаака „императоромъ и самодержцемъ римскимъ"; одинъ изъ церковныхъ прислужниковъ, взобравшись на лѣстницу, снялъ висѣвшій надъ престоломъ вѣнецъ Константина Великаго и возложилъ его на Исаака. Исаакъ отказывался отъ этого вѣнчанія. Тогда старый Іоаннъ Дука предложилъ народу выбрать его въ императоры, но народъ съ негодованіемъ кричалъ, что не хочетъ опять видѣть на престолѣ старика, и, въ концѣ концовъ, заставилъ Исаака принять корону. Въ это время черезъ проливъ отъ Милудійскаго дворца переправляли царскихъ лошадей. Когда причалили къ берегу, одна изъ „златосбруйныхъ" лошадей вырвалась и помчалась по улицамъ, толпа ее схватила и привела къ Исааку. Исаакъ сѣлъ на нее и, окруженный знатью, среди которой находился и патріархъ, вынужденный силой слѣдовать за новымъ императоромъ, и безчисленной толпой, вооруженной мечами, щитами, кольями, обрубками дерева, двинулся къ Большому дворцу. А тамъ, между тѣмъ, Андроникъ приготовлялся къ сопротивленію. Собрать много людей ему не удалось: вѣроятно, часть лейбъ-гвардіи оставалась на азіатскомъ берегу, часть перешла на сторону Ангела; другихъ войскъ не могло быть подъ рукой: всѣ они были отправлены противъ норманновъ. Однако, Андроникъ попытался выступить съ оружіемъ противъ приближавшейся толпы и даже самъ началъ стрѣлять съ башни въ Большомъ дворцѣ. Но это только разъярило народъ. Видя свое безсиліе, Андроникъ сдѣлалъ послѣднюю попытку остановить возстаніе—объявилъ, что отказывается отъ власти и передаетъ ее своему сыну Мануилу. Но его уже не слушали: толпа разломала ворота и во-

рвалась во дворецъ. Андронику оставалось только бѣжать. Сбросивъ пурпурныя туфли [1]) и украшавшій его крестъ, чтобы меньше обращать на себя вниманія, онъ поспѣшно сѣлъ на корабль, на которомъ пріѣхалъ, снова переправился къ Милудійскому дворцу и, захвативъ свою молодую жену, одну любимую флейтщицу и немногихъ слугъ, немедленно продолжалъ путь по проливу, разсчитывая бѣжать къ „тавро-скиѳамъ", т. е. къ русскимъ, у которыхъ онъ уже разъ нашелъ себѣ пріютъ.

Въ это время толпа въ Большомъ дворцѣ предавалась дикому грабежу: не только были расхищены всѣ сокровища и деньги, которыя тамъ хранились, но не пощадили и самыхъ храмовъ, находившихся во дворцѣ: срывали украшенія съ иконъ, крали священные сосуды и между ними украли и тотъ, въ которомъ, по преданію, хранилось „письмо Господа, собственноручно писанное Имъ къ Авгарю".

Гибель Андроника. Между тѣмъ Андроникъ добрался до мѣстечка Хилы (на европейскомъ берегу Чернаго моря, къ западу отъ Босфора) [2]). Жители Хилы узнали бѣглеца, но хотя и видѣли, что на немъ нѣтъ знаковъ царскаго достоинства, не рѣшились задержать его. Ему приготовили корабль. Андроникъ выѣхалъ въ море, но разыгравшаяся буря погубила его. Корабль нѣсколько разъ отбрасывало къ берегу, время шло, и, наконецъ, бѣглеца настигла посланная изъ столицы погоня. Андроника схватили, связали и вмѣстѣ съ его спутницами бросили въ лодку. Затѣмъ его заключили въ тюрьму, надѣвъ тяжелую шейную цѣпь и кандалы. Въ такомъ видѣ Андроника привели къ Исааку, который, пробывъ „немало дней" въ Большомъ дворцѣ, переѣхалъ затѣмъ во дворецъ во Влахернахъ [3]). Здѣсь началась отвратительная расправа, превзошедшая всѣ жестокости самого Андроника: его били по щекамъ, ему вырывали зубы, волосы на бородѣ и на головѣ и, наконецъ, отдали толпѣ на поруганіе. Послѣ новыхъ побоевъ ему отсѣкли правую руку и снова заключили въ тюрьму, гдѣ нѣсколько дней мучили голодомъ; затѣмъ ему выкололи лѣвый глазъ

---

[1]) „Самою важною изъ царскихъ одеждъ были багряныя туфли. О томъ, чтобы облечься въ нихъ, болѣе всего заботились и никогда съ ними не разставались, такъ что по пурпуровымъ туфлямъ можно было отличить императора въ массѣ лицъ". Скабалановичъ, стр. 145.

[2]) Отъ Хилы (также Хела, Кила) нужно отличать Хилу (Chelae) въ Виѳиніи, которая ошибочно указана у Вилькена, 539, и Герцберга, 328.

[3]) Влахерны—мѣстность около городской стѣны въ сѣверномъ углу треугольника, образуемаго Константинополемъ, близъ Золотого Рога.

и, посадивъ на верблюда, повезли по городу. Видъ измученнаго, изуродованнаго, прикрытаго жалкимъ рубищемъ, еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ могущественнаго императора, вызывалъ жалость и слезы у всѣхъ, у кого была хоть капля человѣческаго чувства. „Но безсмысленные и наглые жители Константинополя, особенно колбасники и кожевники и тѣ, которые проводятъ цѣлый день въ лавченкахъ и харчевняхъ и кое-какъ живутъ починкою обуви и едва добываютъ себѣ хлѣбъ иголкою, сбѣжавшись на это зрѣлище,... нисколько не подумали о томъ, что это—человѣкъ, который такъ недавно былъ царемъ и украшался царской діадемой, что его всѣ прославляли, какъ спасителя, привѣтствовали благопожеланіями и поклонами, и что они дали ему страшную клятву на вѣрность и преданность; въ безсмысленномъ гнѣвѣ и въ дикомъ порывѣ они напали на Андроника, и не было зла, котораго бы они ему не сдѣлали. Одни били его по головѣ палками, другіе пачкали ему лицо навозомъ,.. иные осыпали бранью его родныхъ, иные кололи его въ бока рожнами (ὀβελίσκοις), еще болѣе безстыдные бросали въ него камни и называли его бѣшеной собакой; одна развратная женщина, схвативъ горшокъ съ горячей водой, вылила ему на лицо“ [1]). Такъ его привезли къ театру, тамъ стащили съ верблюда и повѣсили за ноги между двухъ столбовъ, соединенныхъ наверху камнемъ. „Перенесши такое множество страданій, вытерпѣвъ тысячи и другихъ мученій,.. Андроникъ мужественно выносилъ новыя страданія и сохранялъ полное сознаніе. Обращаясь къ нападавшимъ на него и бившимъ, онъ говорилъ только: „Господи помилуй!“ и—„зачѣмъ вы ломаете уже сокрушенную трость?“ Но безсмысленная чернь и послѣ того, какъ повѣсили его за ноги, не оставила многострадальнаго Андроника и не пощадила его тѣла. Какой-то негодяй вонзилъ ему длинный мечъ черезъ горло до самыхъ внутренностей; а нѣкоторые изъ „латинянъ“ вонзили въ него сзади кинжалы и наносили ему удары мечами, пробуя, чей мечъ острѣе, и хвалясь ловкостью удара. Наконецъ, послѣ столькихъ мученій и страданій онъ съ трудомъ испустилъ духъ“ [2])... Черезъ нѣсколько дней тѣло Андроника сняли и бросили на ипподромѣ; наконецъ, какіе-то люди, сжалившись, положили его около одного монастыря. „Исаакъ, безупречный во всемъ и справедливый, на свой собственный взглядъ, не соизволилъ, чтобы Андроникъ былъ

---

[1]) Nicet., 456—457 (рус. пер., 440—441).
[2]) Nicet., 457—458 (рус. пер., 441—442).

преданъ погребенію, или чтобы тѣло его было перенесено въ храмъ „Сорока мучениковъ“, который Андроникъ возобновилъ съ такимъ великолѣпіемъ, такъ блистательно украсилъ и одарилъ богатыми приношеніями и въ которомъ онъ предполагалъ положить свой прахъ“ [1]).

Причины неудачи Андроника. Таковъ былъ конецъ императора Андроника. Отчего же такъ трагически сокрушились всѣ его начинанія, такъ рѣзко оборвалась его долго подготовлявшаяся и хорошо обдуманная работа? Причины этой неудачи довольно сложны. Лишь незначительную долю ея, какъ намъ кажется, можно отнести на счетъ личныхъ качествъ Андроника, на счетъ того отсутствія нравственныхъ принциповъ, которое приводило его къ страшной жестокости, къ безчисленнымъ казнямъ и становилось съ его положительными качествами въ рѣзкое противорѣчіе, заставившее Никиту, въ окончательной оцѣнкѣ Андроника, сказать, что этотъ императоръ, который безъ своей жестокости и казней былъ бы не только не послѣдній изъ царей Комниновъ, но и вполнѣ сравнялся бы съ остальными изъ нихъ, что онъ „подобно фантастическимъ созданіямъ съ двумя природами, будучи отчасти звѣремъ, былъ украшенъ человѣческимъ лицомъ“. Гораздо болѣе значенія имѣли тѣ сложныя затрудненія во внутренней и внѣшней политикѣ, которыя достались Андронику въ наслѣдство отъ предшественниковъ и которыя онъ смѣлою рукою попробовалъ разрубить. Онъ попытался выступить на открытую борьбу противъ двухъ враговъ, противъ придворной и чиновной аристократіи, своими стремленіями олигарховъ и временщиковъ истощавшей жизненные соки государства, и противъ „латинянъ“, своимъ преобладаніемъ въ торговлѣ и промышленности подрывавшихъ экономическія силы имперіи. Андроникъ изгналъ латинянъ изъ Константинополя и началъ систематическое истребленіе аристократіи. Но онъ не соразмѣрилъ своихъ силъ: отреченіе отъ традиціонной политики Комниновъ было слишкомъ рѣзко, чтобы не вызвать сильной оппозиціи. Въ этой оппозиціи соединились оба враждебные Андронику элемента: византійская аристократія, въ лицѣ Алексѣя Комнина, вступила въ союзъ съ „латинянами“, въ лицѣ Вильгельма II сицилійскаго. Между тѣмъ элементы, на которые опирался Андроникъ, не могли дать ему надежной защиты: низшіе слои константинопольскаго населенія были слишкомъ разнузданы и перемѣнчивы, чтобы не отшатнуться отъ него за его

---

[1]) Nicet., 460–461 (рус. пер., 444).

суровость и строгость, чтобы не стать при первой неудачѣ изъ союзниковъ врагами, чтобы не пойти за тѣмъ, благодаря кому надѣялись поживиться грабежомъ и деньгами, чего константинопольцы не видали при Андроникѣ со временъ изгнанія латинянъ въ 1182 году. Провинціалы, поистинѣ облагодѣтельствованные Андроникомъ, не успѣли стать силой за короткій срокъ его правленія, да они обыкновенно и принимали слишкомъ мало участія въ политической жизни страны. Наконецъ, войско всецѣло должно было направиться на борьбу съ одной половиной враговъ Андроника, съ чужеземцами, и не могло защитить его отъ другой — отъ аристократіи. Подъ ударами этой послѣдней, сумѣвшей найти себѣ союзниковъ въ низшихъ слояхъ столицы, и палъ Андроникъ. Его попытка была сокрушена слишкомъ могущественными враждебными силами. Но можно сказать, что вмѣстѣ съ тѣмъ была сокрушена и сама Восточная имперія. Мимолетный успѣхъ Исаака Ангела въ борьбѣ съ сицилійцами не могъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, когда вслѣдъ затѣмъ Исаакъ вернулся на путь прежней византійской политики и сталъ истощать денежныя силы государства,— конечно, на счетъ благосостоянія провинцій; его неудачная внѣшняя политика привела къ его сверженію, а дальнѣйшія интриги въ самой семьѣ Ангеловъ снова дали поводъ „латинянамъ“ ворваться въ ненавистную имъ имперію: сами Ангелы помогли крестоносцамъ четвертаго похода отплатить Византіи за смѣлую попытку Андроника и нанести имперіи ударъ, отъ котораго она никогда уже не могла вполнѣ оправиться.

Ѳ. Смирновъ.

укрѣпилъ константинопольскія стѣны, собралъ къ столицѣ флотъ, какой было возможно (около 100 военныхъ судовъ). Но все это мало успокаивало и его самого; и хотя онъ старался дѣлать равнодушный видъ и увѣрялъ, что опасность не велика, и что норманны скоро будутъ уничтожены, однако, повидимому, совершенно терялъ голову, выходилъ изъ себя отъ каждаго непріятнаго слуха, начиналъ чувствовать — и не безъ основанія, — что недовольство противъ него все разростается; наконецъ, когда разнеслись вѣсти, что одни отряды норманновъ уже перешли линію рѣки Стримона, опустошаютъ окрестности Серръ (др. Sirrae, нын. Сересъ, на лѣвомъ берегу рѣки Стримона) и взяли Амфиполь, а другіе, занявъ Мосинополь (на среднемъ теченіи рѣки Места, нынѣшней рѣки Карасу, къ востоку отъ Стримона), идутъ прямо на столицу, онъ рѣшился на послѣднее, поистинѣ отчаянное средство, вызванное, очевидно, крайнимъ ожесточеніемъ противъ предателей, которыхъ онъ видѣлъ и въ Исаакѣ Комнинѣ, и въ Давидѣ Комнинѣ, и въ ихъ роднѣ, и во всей аристократіи. На „внутреннемъ высочайшемъ выходѣ“ [1]), рѣшено было, по свидѣтельству Никиты, перебить всѣхъ „дерзкихъ мятежниковъ“, т. е. политическихъ преступниковъ и, такъ сказать, политически неблагонадежныхъ людей, заключенныхъ въ тюрьмы или отправленныхъ въ ссылку и „ихъ близкихъ и родственниковъ“. Любопытно, что составленное въ этомъ смыслѣ „сенаторами и судьями“ постановленіе начиналось приблизительно такъ: „по внушенію Божію, а не по повелѣнію великаго святого самодержца и императора нашего, опредѣляемъ и постановляемъ“.... Несмотря на то, что это постановленіе вызвало протестъ даже со стороны собственнаго сына Андроника, севастократора Мануила, находившаго, что, если казнить „близкихъ и родственниковъ“ подозрительныхъ и преступныхъ лицъ, то не будетъ конца убійствамъ,

---

[1]) Скабалановичъ, стр. 146. „На внутреннихъ высочайшихъ выходахъ“— (обыкновенно въ дворцовую палату, называвшуюся „хрисотриклиномъ“)— „находили себѣ примѣненіе всѣ главнѣйшія функціи императорской власти: императоръ, сидя на тронѣ, окруженный почетной стражей и сенаторами, совершалъ тѣ дѣйствія, совокупность которыхъ составляла его верховную власть,—принималъ и отправлялъ пословъ, возводилъ въ чины и назначалъ на должности, производилъ судъ и произносилъ рѣшенія, распоряжался дѣлами относительно податей и налоговъ“.—Обсужденіе дѣлъ на „высочайшемъ выходѣ“ происходило въ присутствіи высшихъ чиновъ центральнаго управленія, которые всѣ назначались изъ сенаторовъ (Скабалановичъ, 162), между прочимъ, и судей императорскаго суда; оттого-то Никита (439_{12-13}) говоритъ о „судьяхъ и сенаторахъ“.

ключенъ подъ стражу вмѣстѣ съ сыномъ (Алексѣемъ); его родной братъ, тоже Алексѣй (III), былъ провозглашенъ императоромъ. Этотъ государь еще меньше былъ способенъ поправить дѣла имперіи. По свидѣтельству очевидца (Никиты Хоніата), онъ почти вовсе не занимался дѣлами, все время отдавая удовольствіямъ, особенно охотѣ. Лично это былъ человѣкъ очень добрый, мягкій и ласковый въ обращеніи. Ослѣпленіе брата постоянно мучило его совѣсть; онъ все боялся какого нибудь наказанія свыше, какой-нибудь нежданой бѣды,—и это отнимало у него всю энергію. Чтобы загладить свое преступленіе, онъ никого не казнилъ и не ссылалъ. Это было, конечно, очень выгодно для его придворныхъ, — одинъ изъ нихъ, написавшій исторію своего времени (Никита Хоніатъ), очень хвалитъ его за это,—но государству отъ снисходительности Алексѣя III было больше вреда, чѣмъ пользы. Злоупотребленія въ государственномъ управленіи достигли невѣроятныхъ размѣровъ. Адмиралъ Стрифносъ, напримѣръ, завелъ правильную торговлю казенными парусами, веслами, снастями и т. п., такъ что, когда началась война, Византія не могла снарядить ни одного военнаго корабля. Денегъ, между тѣмъ, при томъ образѣ жизни, какой велъ Алексѣй, нужно было еще больше. Не осмѣливаясь увеличить налоги туземнаго населенія, рѣшили, вопреки трактатамъ, возвысить пошлины съ венеціанскихъ торговцевъ. На протесты республики императоръ отвѣтилъ тѣмъ, что пересталъ платить Венеціи долгъ, сдѣланный еще Мануиломъ; а затѣмъ заключилъ договоръ съ Генуей, старинной соперницей Венеціи на восточномъ рынкѣ. Минута была критическая для венеціанцевъ: торговля съ Византіей давала имъ огромные барыши, которые теперь неизбѣжно должны были перейти въ руки генуэзскихъ купцовъ. Въ это время дѣлами республики правилъ Генрихъ Дандоло, одинъ изъ величайшихъ людей венеціанской исторіи. Онъ лично былъ непримиримымъ врагомъ грековъ, измѣннически ослѣпившихъ его въ то время, когда онъ, какъ посолъ Венеціи въ Константинополѣ, слишкомъ усердно отстаивалъ интересы своей родины. Какъ разъ теперь (1202 г.) въ его распоряженіи находилась большая военная сила: крестоносное ополченіе, въ четвертый разъ шедшее освобождать Святую землю, стояло лагеремъ на о. Лидо, подъ Венеціей, и по особымъ обстоятельствамъ не могло двинуться съ мѣста безъ согласія республики. Его-то Дандоло и двинулъ противъ Константинополя.

Исторія четвертаго крестоваго похода начинается со вступленія на папскій престолъ Иннокентія III (9 января 1198 г). Освобо-

укрѣпилъ константинопольскія стѣны, собралъ къ столицѣ флотъ, какой было возможно (около 100 военныхъ судовъ). Но все это мало успокаивало и его самого; и хотя онъ старался дѣлать равнодушный видъ и увѣрялъ, что опасность не велика, и что норманны скоро будутъ уничтожены, однако, повидимому, совершенно терялъ голову, выходилъ изъ себя отъ каждаго непріятнаго слуха, начиналъ чувствовать — и не безъ основанія, — что недовольство противъ него все разростается; наконецъ, когда разнеслись вѣсти, что одни отряды норманновъ уже перешли линію рѣки Стримона, опустошаютъ окрестности Серръ (др. Sirrae, нын. Сересъ, на лѣвомъ берегу рѣки Стримона) и взяли Амфиполь, а другіе, занявъ Мосинополь (на среднемъ теченіи рѣки Места, нынѣшней рѣки Карасу, къ востоку отъ Стримона), идутъ прямо на столицу, онъ рѣшился на послѣднее, поистинѣ отчаянное средство, вызванное, очевидно, крайнимъ ожесточеніемъ противъ предателей, которыхъ онъ видѣлъ и въ Исаакѣ Комнинѣ, и въ Давидѣ Комнинѣ, и въ ихъ роднѣ, и во всей аристократіи. На „внутреннемъ высочайшемъ выходѣ“ [1]), рѣшено было, по свидѣтельству Никиты, перебить всѣхъ „дерзкихъ мятежниковъ“, т. е. политическихъ преступниковъ и, такъ сказать, политически неблагонадежныхъ людей, заключенныхъ въ тюрьмы или отправленныхъ въ ссылку и „ихъ близкихъ и родственниковъ“. Любопытно, что составленное въ этомъ смыслѣ „сенаторами и судьями“ постановленіе начиналось приблизительно такъ: „по внушенію Божію, а не по повелѣнію великаго святого самодержца и императора нашего, опредѣляемъ и постановляемъ“.... Несмотря на то, что это постановленіе вызвало протестъ даже со стороны собственнаго сына Андроника, севастократора Мануила, находившаго, что, если казнить „близкихъ и родственниковъ“ подозрительныхъ и преступныхъ лицъ, то не будетъ конца убійствамъ,

---

[1]) Скабалановичъ, стр. 146. „На внутреннихъ высочайшихъ выходахъ“— (обыкновенно въ дворцовую палату, называвшуюся „хрисотриклиномъ“)— „находили себѣ примѣненіе всѣ главнѣйшія функціи императорской власти; императоръ, сидя на тронѣ, окруженный почетной стражей и сенаторами, совершалъ тѣ дѣйствія, совокупность которыхъ составляла его верховную власть,—принималъ и отправлялъ пословъ, возводилъ въ чины и назначалъ на должности, производилъ судъ и произносилъ рѣшенія, распоряжался дѣлами относительно податей и налоговъ“.—Обсужденіе дѣлъ на „высочайшемъ выходѣ“ происходило въ присутствіи высшихъ чиновъ центральнаго управленія, которые всѣ назначались изъ сенаторовъ (Скабалановичъ, 162), между прочимъ, и судей императорскаго суда; оттого-то Никита (439_{12-13}) говоритъ о „судьяхъ и сенаторахъ“.

и что постановленіе осуждаетъ на смерть „почти всѣхъ римлянъ“ *(σχεδὸν τὸ Παῤῥώμαιον)*,—несмотря на это, ужасное рѣшеніе предполагалось привести въ исполненіе.

Но раньше, чѣмъ начались казни, поднялось возстаніе, сокрушившее Андроника. Нужно думать, что слухи о предполагавшемся избіеніи подняли почти всю остававшуюся въ Константинополѣ аристократію, послужили для нея прекраснымъ поводомъ взволновать и безъ того уже возбужденную народную массу столицы, что они, словомъ, вполнѣ подготовили почву для возстанія, создали крайне напряженное состояніе; и достаточно было одного толчка, чтобы разразился страшный взрывъ. Толчокъ этотъ былъ совершенно случайный, но само возстаніе, его ходъ и результатъ вовсе не были такою чистою случайностью, какъ, пожалуй, можно подумать на основаніи изложенія Никиты Акомината. Вотъ что онъ разсказываетъ.

Возстаніе Исаака Ангела.

Въ отчаяніи отъ норманскаго нашествія и перемѣны въ настроеніи столичнаго населенія, Андроникъ, при всѣхъ своихъ нравственныхъ свойствахъ, столь же набожный и столь же суевѣрный, какъ и большинство его современниковъ, у которыхъ формальная религіозность отлично уживалась съ полнымъ отсутствіемъ нравственныхъ принциповъ, рѣшилъ, что онъ покинутъ Богомъ, и что ему нужно обратиться „къ нечистымъ демонамъ и чрезъ служеніе имъ узнать будущее“. Поэтому онъ поручилъ Агіохристофориту обратиться къ нѣкоему Сиѳу Склиру, предсказателю, ослѣпленному за ворожбу при Мануилѣ [1]), съ вопросомъ о томъ, кто будетъ царствовать по смерти Андроника или кто похититъ у него власть. Въ сосудѣ на поверхности мутной воды, посредствомъ которой гадалъ Сиѳъ, въ отвѣтъ появились буквы *іота* и *сигма (Ισ)*, указывавшія и на имя Исаака и, по мнѣнію Андроника, на Исаврянина. Императоръ поэтому думалъ, что ему грозитъ опасность со стороны кипрскаго мятежника Исаака, изъ рода Комниновъ, управлявшаго, какъ указано выше, областью Тарса, соприкасавшейся съ Исавріей [2]). Дѣло было въ началѣ сентября, и Андроникъ го-

---

[1]) Имъ же былъ ослѣпленъ и другой предсказатель, Ааронъ, также бывшій въ сношеніяхъ съ Андроникомъ и, по словамъ Никиты, побуждавшій его подвергать особенно жестокимъ наказаніямъ своихъ противниковъ. См. Nicet., 191—193.

[2]) Предсказаніе Сиѳа совпадало съ болѣе раннимъ предсказаніемъ, что *іота* гибельна для Андроника (См. Nicet., 378—279). Въ Византіи были цѣлые циклы предсказаній, касавшихся судьбы имперіи и отдѣльныхъ императоровъ

товъ былъ нѣсколько успокоиться и заподозрить правдивость предсказанія, когда Сиѳъ на новый вопросъ отвѣтилъ, что опасность грозитъ императору въ дни Воздвиженія Креста (14 сентября). „Развѣ возможно“, говоритъ онъ, „чтобы въ эти немногіе дни Исаакъ успѣлъ приплыть съ Кипра и низложить меня?“ Одинъ изъ близкихъ къ Андронику людей, судья вила Іоаннъ Тиранинъ указалъ было Андронику, что есть и другой Исаакъ—Исаакъ Ангелъ, и что не мѣшаетъ на всякій случай задержать и казнить и его. Но Андроникъ со смѣхомъ отвергъ предосторожности противъ изнѣженнаго и пустого, на его взглядъ, Ангела, и, несмотря на приближеніе предсказанныхъ „дней Воздвиженія“, не считалъ даже нужнымъ оставаться въ столицѣ: онъ отдыхалъ въ Милудійскомъ дворцѣ, на восточной (азіатской) сторонѣ Пропонтиды. Между тѣмъ Агіохристофоритъ, по суевѣрію ли или по болѣе осязательнымъ основаніямъ, не спокойный на счетъ Исаака Ангела, рѣшилъ самовольно арестовать его. Вечеромъ 11-го сентября 1185 г. онъ съ своими людьми явился во дворъ дома Исаака и пригласилъ его слѣдовать за собой. Зная, чѣмъ можетъ кончиться такое приглашеніе, Исаакъ рѣшился отбиваться: вскочивъ на коня, онъ со смѣлостью отчаянія бросился на Агіохристофорита, нанесъ ему мечемъ смертельный ударъ въ голову, заставилъ разбѣжаться его слугъ и самъ поскакалъ къ церкви св. Софіи. По дорогѣ онъ громко кричалъ встрѣчнымъ, что убилъ Агіохристофорита. Молва объ этомъ быстро облетѣла городъ; тысячи народа стали стекаться къ Великой церкви. Сюда явились и родственники Исаака, Іоаннъ и Исаакъ Дука. Никто не мѣшалъ этому сборищу; очевидно, весь дворъ, всѣ чины, которые могли бы принять какія-нибудь мѣры противъ сборища, или были вмѣстѣ съ Андроникомъ внѣ города, или оказались на сторонѣ мятежниковъ. Прямая обязанность воспрепятствовать стеченію народа лежала, надо думать, на Агіохристофоритѣ, этомъ, такъ сказать, начальникѣ тайной полиціи Андроника, но онъ былъ убитъ.

и не остававшихся, повидимому, безъ вліянія на ихъ образъ дѣйствій и на народное настроеніе. — См. объ этомъ у Ѳ. Успенскаго (Ж. М. Н. П., ч. 214, стр. 77—85).—Изъ предсказаній, относящихся къ дому Комниновъ можно указать, напр., на прорицаніе, указывавшее начальныя буквы именъ царей изъ потомства Алексѣя Комнина (сл. *ΑΙΜΑ*—Алексѣй I, Іоаннъ, Мануилъ, Алексѣй II, по прямой линіи), на относившееся къ Мануилу предсказаніе: „ты попадешь въ западню на самомъ концѣ слова“; по толкованію современниковъ, этимъ указывалось на число годовъ правленія Мануила — 38, выражаемое по-гречески буквами ηλ, составляющими послѣдній слогъ имени *Μανου—ήλ* и т. п.

Такъ прошла цѣлая ночь, и за эту ночь произошло многое: среди толпы въ оградѣ Великой церкви начались рѣчи, которыя становились все смѣлѣе, количество народа все увеличивалось, и къ утру „не было ни одного жителя, который бы не пришелъ сюда и не молилъ Бога, чтобы Исаакъ сдѣлался императоромъ, а Андроникъ былъ низложенъ".

Между тѣмъ Андроникъ, узнавъ объ убійствѣ Агіохристофорита, прислалъ въ столицу грамоту, въ которой убѣждалъ народъ прекратить мятежъ, обѣщая не наказывать виновныхъ. Но ни грамота, ни уговоры приверженцевъ Андроника не оказывали никакого дѣйствія. Когда вслѣдъ затѣмъ и самъ онъ, наконецъ, приплылъ къ Большому дворцу, было поздно: народное движеніе разлилось уже неудержимымъ потокомъ, стало вполнѣ стихійнымъ. Уже были разломаны тюрьмы, и выпущены заключенные, уже толпа въ Великой церкви провозглашала Исаака „императоромъ и самодержцемъ римскимъ"; одинъ изъ церковныхъ прислужниковъ, взобравшись на лѣстницу, снялъ висѣвшій надъ престоломъ вѣнецъ Константина Великаго и возложилъ его на Исаака. Исаакъ отказывался отъ этого вѣнчанія. Тогда старый Іоаннъ Дука предложилъ народу выбрать его въ императоры, но народъ съ негодованіемъ кричалъ, что не хочетъ опять видѣть на престолѣ старика, и, въ концѣ концовъ, заставилъ Исаака принять корону. Въ это время черезъ проливъ отъ Милудійскаго дворца переправляли царскихъ лошадей. Когда причалили къ берегу, одна изъ „златосбруйныхъ" лошадей вырвалась и помчалась по улицамъ, толпа ее схватила и привела къ Исааку. Исаакъ сѣлъ на нее и, окруженный знатью, среди которой находился и патріархъ, вынужденный силой слѣдовать за новымъ императоромъ, и безчисленной толпой, вооруженной мечами, щитами, кольями, обрубками дерева, двинулся къ Большому дворцу. А тамъ, между тѣмъ, Андроникъ приготовлялся къ сопротивленію. Собрать много людей ему не удалось: вѣроятно, часть лейбъ-гвардіи оставалась на азіатскомъ берегу, часть перешла на сторону Ангела; другихъ войскъ не могло быть подъ рукой: всѣ они были отправлены противъ норманновъ. Однако, Андроникъ попытался выступить съ оружіемъ противъ приближавшейся толпы и даже самъ началъ стрѣлять съ башни въ Большомъ дворцѣ. Но это только разъярило народъ. Видя свое безсиліе, Андроникъ сдѣлалъ послѣднюю попытку остановить возстаніе—объявилъ, что отказывается отъ власти и передаетъ ее своему сыну Мануилу. Но его уже не слушали: толпа разломала ворота и во-

рвалась во дворецъ. Андронику оставалось только бѣжать. Сбросивъ пурпурныя туфли [1]) и украшавшій его крестъ, чтобы меньше обращать на себя вниманія, онъ поспѣшно сѣлъ на корабль, на которомъ пріѣхалъ, снова переправился къ Милудійскому дворцу и, захвативъ свою молодую жену, одну любимую флейтщицу и немногихъ слугъ, немедленно продолжалъ путь по проливу, разсчитывая бѣжать къ „тавро-скиѳамъ", т. е. къ русскимъ, у которыхъ онъ уже разъ нашелъ себѣ пріютъ.

Въ это время толпа въ Большомъ дворцѣ предавалась дикому грабежу: не только были расхищены всѣ сокровища и деньги, которыя тамъ хранились, но не пощадили и самыхъ храмовъ, находившихся во дворцѣ: срывали украшенія съ иконъ, крали священные сосуды и между ними украли и тотъ, въ которомъ, по преданію, хранилось „письмо Господа, собственноручно писанное Имъ къ Авгарю".

Гибель Андроника. Между тѣмъ Андроникъ добрался до мѣстечка Хилы (на европейскомъ берегу Чернаго моря, къ западу отъ Босфора) [2]). Жители Хилы узнали бѣглеца, но хотя и видѣли, что на немъ нѣтъ знаковъ царскаго достоинства, не рѣшились задержать его. Ему приготовили корабль. Андроникъ выѣхалъ въ море, но разыгравшаяся буря погубила его. Корабль нѣсколько разъ отбрасывало къ берегу, время шло, и, наконецъ, бѣглеца настигла посланная изъ столицы погоня. Андроника схватили, связали и вмѣстѣ съ его спутницами бросили въ лодку. Затѣмъ его заключили въ тюрьму, надѣвъ тяжелую шейную цѣпь и кандалы. Въ такомъ видѣ Андроника привели къ Исааку, который, пробывъ „немало дней" въ Большомъ дворцѣ, переѣхалъ затѣмъ во дворецъ во Влахернахъ [3]). Здѣсь началась отвратительная расправа, превзошедшая всѣ жестокости самого Андроника: его били по щекамъ, ему вырывали зубы, волосы на бородѣ и на головѣ и, наконецъ, отдали толпѣ на поруганіе. Послѣ новыхъ побоевъ ему отсѣкли правую руку и снова заключили въ тюрьму, гдѣ нѣсколько дней мучили голодомъ; затѣмъ ему выкололи лѣвый глазъ

---

[1]) „Самою важною изъ царскихъ одеждъ были багряныя туфли. О томъ, чтобы облечься въ нихъ, болѣе всего заботились и никогда съ ними не разставались, такъ что по пурпуровымъ туфлямъ можно было отличить императора въ массѣ лицъ". Скабалановичъ, стр. 145.

[2]) Отъ Хилы (также Хела, Кила) нужно отличать Хилу (Chelae) въ Виѳиніи, которая ошибочно указана у Вилькена, 539, и Герцберга, 328.

[3]) Влахерны—мѣстность около городской стѣны въ сѣверномъ углу треугольника, образуемаго Константинополемъ, близъ Золотого Рога.

и, посадивъ на верблюда, повезли по городу. Видъ измученнаго, изуродованнаго, прикрытаго жалкимъ рубищемъ, еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ могущественнаго императора, вызывалъ жалость и слезы у всѣхъ, у кого была хоть капля человѣческаго чувства. „Но безсмысленные и наглые жители Константинополя, особенно колбасники и кожевники и тѣ, которые проводятъ цѣлый день въ лавченкахъ и харчевняхъ и кое-какъ живутъ починкою обуви и едва добываютъ себѣ хлѣбъ иголкою, сбѣжавшись на это зрѣлище,... нисколько не подумали о томъ, что это—человѣкъ, который такъ недавно былъ царемъ и украшался царской діадемой, что его всѣ прославляли, какъ спасителя, привѣтствовали благопожеланіями и поклонами, и что они дали ему страшную клятву на вѣрность и преданность; въ безсмысленномъ гнѣвѣ и въ дикомъ порывѣ они напали на Андроника, и не было зла, котораго бы они ему не сдѣлали. Одни били его по головѣ палками, другіе пачкали ему лицо навозомъ,.. иные осыпали бранью его родныхъ, иные кололи его въ бока рожнами (ὀβελίσκοις), еще болѣе безстыдные бросали въ него камни и называли его бѣшеной собакой; одна развратная женщина, схвативъ горшокъ съ горячей водой, вылила ему на лицо“ [1]). Такъ его привезли къ театру, тамъ стащили съ верблюда и повѣсили за ноги между двухъ столбовъ, соединенныхъ наверху камнемъ. „Перенесши такое множество страданій, вытерпѣвъ тысячи и другихъ мученій,.. Андроникъ мужественно выносилъ новыя страданія и сохранялъ полное сознаніе. Обращаясь къ нападавшимъ на него и бившимъ, онъ говорилъ только: „Господи помилуй!“ и—„зачѣмъ вы ломаете уже сокрушенную трость?“ Но безсмысленная чернь и послѣ того, какъ повѣсили его за ноги, не оставила многострадальнаго Андроника и не пощадила его тѣла. Какой-то негодяй вонзилъ ему длинный мечъ черезъ горло до самыхъ внутренностей; а нѣкоторые изъ „латинянъ“ вонзили въ него сзади кинжалы и наносили ему удары мечами, пробуя, чей мечъ острѣе, и хвалясь ловкостью удара. Наконецъ, послѣ столькихъ мученій и страданій онъ съ трудомъ испустилъ духъ“ [2])... Черезъ нѣсколько дней тѣло Андроника сняли и бросили на ипподромѣ; наконецъ, какіе-то люди, сжалившись, положили его около одного монастыря. „Исаакъ, безупречный во всемъ и справедливый, на свой собственный взглядъ, не соизволилъ, чтобы Андроникъ былъ

---

[1]) Nicet., 456—457 (рус. пер., 440—441).
[2]) Nicet., 457—458 (рус. пер., 441—442).

XXXVIII.

Четвертый крестовый походъ и Латинская имперія.

Исаакъ Ангелъ и Алексѣй III. Преемникъ Андроника Исаакъ Ангелъ былъ выдвинутъ совершенно случайно народнымъ возмущеніемъ, стало быть, находился въ такомъ же положеніи, какъ Андроникъ. Только жестокостей въ его правленіе было меньше, потому что страсти уже улеглись. Но зато у Исаака не было ни способностей, ни энергіи его предшественника. Главный вопросъ, который приходилось разрѣшать новой династіи, былъ вопросъ финансовый: откуда достать денегъ? Андроникъ уменьшилъ налоги, но не успѣлъ, повидимому, найти другихъ средствъ для покрытія государственныхъ расходовъ. Исаакъ попробовалъ вернуться къ политикѣ Комниновъ и возвысилъ подати. Это вызвало возстаніе въ сѣверныхъ провинціяхъ имперіи: поднялись болгары, а на помощь къ нимъ изъ-за Дуная явились половцы. Въ борьбѣ съ мятежомъ случайный императоръ обнаружилъ полное отсутствіе не только способностей, но даже простого мужества; послѣ двухъ неудачныхъ походовъ его приближенные вышли, наконецъ, изъ терпѣнія и свергли его. Исаакъ былъ ослѣпленъ и за-

---

Источники и пособія: *Niketas Akominatos,* rec. I. Bekker, Bonnae, 1835 *); *Villehardouin*, Histoire de la conquête de Constantinople, ed. N. de Wailly, Paris, 1870; *Riant*, Innocent III. Philippe de Souabe, Boniface de Monferrat et la 4-ème croisade, Paris, 1878 (Revue des questions historiques XVII—XVIII); *Heyd*, Histoire du commerce du Levant, trad. de l'all. par. Furcy Reynaud, Paris, 1885, 2 vols.

*) Рус. пер.: Византійскіе историки, изд. Петерб. Дух. Акад. 4. ***Никита Хоніатъ,*** 2 тома, Спб., 1860—62.

ключенъ подъ стражу вмѣстѣ съ сыномъ (Алексѣемъ); его родной братъ, тоже Алексѣй (III), былъ провозглашенъ императоромъ. Этотъ государь еще меньше былъ способенъ поправить дѣла имперіи. По свидѣтельству очевидца (Никиты Хоніата), онъ почти вовсе не занимался дѣлами, все время отдавая удовольствіямъ, особенно охотѣ. Лично это былъ человѣкъ очень добрый, мягкій и ласковый въ обращеніи. Ослѣпленіе брата постоянно мучило его совѣсть; онъ все боялся какого нибудь наказанія свыше, какой-нибудь нежданой бѣды,—и это отнимало у него всю энергію. Чтобы загладить свое преступленіе, онъ никого не казнилъ и не ссылалъ. Это было, конечно, очень выгодно для его придворныхъ, — одинъ изъ нихъ, написавшій исторію своего времени (Никита Хоніатъ), очень хвалитъ его за это,—но государству отъ снисходительности Алексѣя III было больше вреда, чѣмъ пользы. Злоупотребленія въ государственномъ управленіи достигли невѣроятныхъ размѣровъ. Адмиралъ Стрифносъ, напримѣръ, завелъ правильную торговлю казенными парусами, веслами, снастями и т. п., такъ что, когда началась война, Византія не могла снарядить ни одного военнаго корабля. Денегъ, между тѣмъ, при томъ образѣ жизни, какой велъ Алексѣй, нужно было еще больше. Не осмѣливаясь увеличить налоги туземнаго населенія, рѣшили, вопреки трактатамъ, возвысить пошлины съ венеціанскихъ торговцевъ. На протесты республики императоръ отвѣтилъ тѣмъ, что пересталъ платить Венеціи долгъ, сдѣланный еще Мануиломъ; а затѣмъ заключилъ договоръ съ Генуей, старинной соперницей Венеціи на восточномъ рынкѣ. Минута была критическая для венеціанцевъ: торговля съ Византіей давала имъ огромные барыши, которые теперь неизбѣжно должны были перейти въ руки генуэзскихъ купцовъ. Въ это время дѣлами республики правилъ Генрихъ Дандоло, одинъ изъ величайшихъ людей венеціанской исторіи. Онъ лично былъ непримиримымъ врагомъ грековъ, измѣннически ослѣпившихъ его въ то время, когда онъ, какъ посолъ Венеціи въ Константинополѣ, слишкомъ усердно отстаивалъ интересы своей родины. Какъ разъ теперь (1202 г.) въ его распоряженіи находилась большая военная сила: крестоносное ополченіе, въ четвертый разъ шедшее освобождать Святую землю, стояло лагеремъ на о. Лидо, подъ Венеціей, и по особымъ обстоятельствамъ не могло двинуться съ мѣста безъ согласія республики. Его-то Дандоло и двинулъ противъ Константинополя.

Исторія четвертаго крестоваго похода начинается со вступленія на папскій престолъ Иннокентія III (9 января 1198 г.). Освобо-

Проповѣдь 4-го крестоваго похода.

жденіе Іерусалима изъ рукъ невѣрныхъ было, можно сказать, первымъ словомъ новаго папы: на другой день послѣ своего избранія онъ уже писалъ латинскому патріарху Іерусалима о необходимости проповѣдовать новый походъ на Востокъ. Проповѣдь была особенно успѣшна во Франціи. Тогдашній король Франціи, Филиппъ Августъ, былъ въ ссорѣ съ англійскимъ государемъ, знаменитымъ Ричардомъ Львиное Сердце. Многіе французскіе бароны держали въ спорѣ сторону послѣдняго противъ своего короля: внезапная смерть Ричарда (16 апрѣля 1199 г.) поставила этихъ бароновъ въ крайне затруднительное положеніе. Крестовый походъ далъ имъ прекрасное средство избавиться отъ мести Филиппа Августа: рыцарь, принявшій крестъ, становился неприкосновеннымъ для христіанъ на все время похода, и на его владѣнія никто не смѣлъ нападать. На турнирѣ въ Экри въ Шампани (декабрь 1199 г.) множество непокорныхъ вассаловъ французскаго короля выразили желаніе идти отбивать у мусульманъ Гробъ Господень. Во главѣ крестоноснаго ополченія сталъ шампанскій графъ Тибо, а однимъ изъ его ближайшихъ совѣтниковъ былъ маршалъ Жоффруа де-Вильгардуэнъ, оставившій намъ самый лучшій разсказъ объ этомъ походѣ.

Наученные горькимъ опытомъ предшествовавшихъ походовъ, крестоносцы рѣшили идти не въ Сирію, гдѣ ихъ навѣрное ждалъ голодъ, а въ Египетъ или Вавилонію, какъ они его тогда называли по городу Вавилону, бывшей римской крѣпости на Нилѣ (тамъ, гдѣ теперь Каиръ). Завоеваніе Египта давало имъ сразу три преимущества. Они обезпечивали себѣ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, — долина Нила была житницей Сиріи, — лишали этой выгоды мусульманъ и заходили имъ во флангъ, съ юга. Опираясь на Египетъ, не трудно уже было перенести войну и въ Палестину.

Но въ Египетъ можно было проникнуть только моремъ, а кораблей у французскихъ рыцарей не было; необходимо было обратиться къ помощи какого-нибудь государства, располагавшаго флотомъ. Крестоносцы выбрали Венецію, и въ февралѣ 1201 г. посольство отъ ополченія, съ Вильгардуэномъ во главѣ, явилось къ Дандоло.

Венеціанцы были въ большомъ затрудненіи. Съ одной стороны, имъ представлялся случай заключить необыкновенно выгодную сдѣлку. Въ походѣ участвовали самые богатые бароны Франціи, не жалѣвшіе денегъ на святое дѣло. Дожъ запросилъ за перевозъ арміи въ Египетъ 85,000 марокъ серебра (1,105,000 руб. металл.,— по тому времени очень большая сумма), и послы на это согласились безъ торгу. Но республика никакъ не могла сочувствовать

цѣли похода. Торговля съ Египтомъ доставляла Венеціи неисчислимыя выгоды,—въ тѣ времена путь въ Индію и на дальній Востокъ шелъ черезъ Египетъ. Терять эти выгоды ради освобожденія Гроба Господня въ Венеціи вовсе не желали; равнодушіе къ дѣлу крестоносцевъ доходило здѣсь до того, что немного раньше венеціанцы снабжали оружіемъ и провіантомъ мусульманскія арміи. Къ сожалѣнію, источники не даютъ прямого отвѣта, какъ вышли изъ этого затрудненія дожъ и его совѣтъ. Но достовѣрно одно, что контрактъ съ крестоносцами былъ подписанъ (апрѣль 1201 г.), и что это нисколько не повредило дружественнымъ отношеніямъ Венеціи къ Египту. Напротивъ, въ теченіе послѣдующихъ 5 или 6 лѣтъ (неизвѣстно въ точности, когда именно), республика заключила съ султаномъ новый договоръ, которымъ утверждались и расширялись привилегіи венеціанскихъ купцовъ. Очевидно, что нападеніе на Египетъ отнюдь не входило въ планы Дандоло: дожъ разсчитывалъ,—и совершенно вѣрно, какъ показали послѣдствія,— что, разъ собравшись въ Венеціи, крестоносцы будутъ въ рукахъ республики, и пойдутъ туда, куда повезутъ ихъ венеціанцы.

Швабская политика.

Трудно сказать, былъ ли уже съ самаго начала рѣшенъ походъ противъ Алексѣя III, или же Дандоло только воспользовался нѣсколькими благопріятными случайностями. Дѣло въ томъ, что какъ разъ около этого времени (іюнь—іюль 1201 г.) сынъ свергнутаго императора Исаака, принцъ Алексѣй, воспользовался тѣмъ, что тюрьму, гдѣ онъ содержался вмѣстѣ съ отцомъ, стерегли очень небрежно, и бѣжалъ на одинъ италіанскій корабль, который отвезъ его въ Анкону. Оттуда пробрался онъ въ Германію, гдѣ у него было вѣрное убѣжище: братъ императора Генриха VI, Филиппъ Швабскій, былъ женатъ на дочери Исаака Иринѣ, родной сестрѣ Алексѣя. Филиппъ не отказалъ своему шурину въ помощи противъ дяди, но онъ былъ слишкомъ слабъ и имѣлъ достаточно враговъ дома, въ Германіи, чтобы начинать еще войну съ Византіей. Крестоносное ополченіе являлось очень удобнымъ орудіемъ въ этомъ случаѣ. Какъ представитель Гогенштауфеновъ, какъ глава партіи гибеллиновъ, противниковъ папы, Филиппъ не могъ смотрѣть равнодушно на предпріятіе, которое было начато Иннокентіемъ III и обѣщало, въ случаѣ успѣха, еще увеличить авторитетъ папскаго престола. Захватить это предпріятіе въ свои руки, направить его къ достиженію своихъ цѣлей, — лучше этого ничего не могъ и желать Филиппъ Швабскій. Дѣло принца Алексѣя давало удобный случай: рыцарей не трудно было убѣдить, что Алексѣй—законный

наслѣдникъ престола, лишенный своего права узурпаторомъ. Съ феодальной точки зрѣнія это такъ и было, а византійскаго права,—въ сущности не знавшаго закона престолонаслѣдія,—въ западной Европѣ не понимали. Но тутъ было одно затрудненіе: Филиппъ не могъ самъ руководить походомъ: явный врагъ папы, въ это время отлученный отъ церкви, онъ, конечно, не могъ надѣяться, чтобы крестоносцы признали его своимъ вождемъ. Нужно было дѣйствовать черезъ третье лицо. Подходящій человѣкъ какъ разъ въ это время вступалъ на сцену.

Въ маѣ 1201 г., вскорѣ по возвращеніи посольства изъ Венеціи, умеръ шампанскій графъ Тибо, главнокомандующій крестоносной арміей. Нужно было избрать новаго предводителя. Тутъ вмѣшался въ дѣло Филиппъ Августъ. Большая часть вліятельныхъ французскихъ бароновъ, принявшихъ крестъ, были ему враждебны,—а онъ не могъ допустить, чтобы такая значительная власть перешла въ руки его враговъ. По его настоянію былъ избранъ одинъ изъ иноземныхъ, италіанскихъ князей, маркизъ Монферратскій Бонифацій. Онъ принадлежалъ къ гибеллинской партіи и потому не могъ быть пріятнымъ кандидатомъ для Иннокентія III. Но маркизъ не даромъ считался искуснѣйшимъ дипломатомъ своего времени. Онъ велъ себя такъ осмотрительно и сдержанно, выказывалъ такую готовность во всемъ повиноваться папскому престолу, что Иннокентій, не желавшій, къ тому же, ссориться съ французскимъ королемъ, утвердилъ его избраніе. Новый главнокомандующій не замедлилъ показать, куда онъ поведетъ свою армію. Едва принявъ въ Суассонѣ начальство надъ войсками, онъ отправился въ Германію къ Филиппу Швабскому и заключилъ съ нимъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, думали многіе въ то время, по словамъ современника,—договоръ, которымъ обязался за себя и за крестоносцевъ помочь принцу Алексѣю овладѣть византійскимъ престоломъ.

Такъ соединились двѣ силы, опредѣлившія направленіе четвертаго крестоваго похода: венеціанская политика, въ лицѣ Дандоло, и германская,—въ лицѣ Бонифація Монферратскаго. Въ совокупности, этихъ двухъ силъ оказалось достаточно, чтобы перевѣсить вліяніе третьяго фактора,—личной воли папы Иннокентія.

Бонифацій сдѣлалъ попытку привлечь папу на сторону своего проекта: принцъ Алексѣй ѣздилъ въ Римъ и обѣщалъ папѣ въ обмѣнъ за содѣйствіе соединеніе церквей. Иннокентій отвѣчалъ уклончиво: онъ надѣялся добиться соединенія церквей и безъ по-

хода на Византію, посредствомъ переговоровъ съ Алексѣемъ III. Немного спустя, по одному постороннему поводу, онъ высказался болѣе рѣшительно.

Взятіе Зары.

Весной 1202 г. крестоносцы стали собираться въ Венецію и располагаться лагеремъ на островѣ св. Николая (теперь Лидо). Скоро обнаружилось, что Вильгардуэнъ и его товарищи нѣсколько опрометчиво согласились на условія, предложенныя дожемъ. Наличныхъ денегъ не хватило для уплаты всей условленной суммы. Затрудненіе осложнялось тѣмъ, что самого Бонифація, въ распоряженіи котораго находилась военная касса, не было налицо,— онъ отсталъ по какому-то своему дѣлу. Венеціанцы, конечно, могли бы и подождать уплаты, имѣя въ залогѣ все ополченіе, не могшее двинуться съ мѣста безъ ихъ согласія. Но имъ нуженъ былъ предлогъ, чтобы отвлечь походъ отъ Египта и направить его въ другую сторону. Не рѣшаясь сразу заводить рѣчь о Константинополѣ, они предложили крестоносцамъ выплатить остатокъ долга натурой,— завоевать для Венеціи крѣпость Зару (въ Далмаціи), захваченную венгерскимъ королемъ.

Здѣсь въ первый разъ политика Венеціи натолкнулась на сопротивленіе папы и сумѣла преодолѣть это сопротивленіе. Венгерскій король самъ принялъ крестъ; Иннокентій, черезъ своего уполномоченнаго при арміи [1]), строго воспретилъ крестоносцамъ касаться венгерскихъ владѣній. Сильная партія въ войскѣ держала сторону аббата; но сторонники Венеціи одолѣли въ военномъ совѣтѣ. Зара была осаждена и взята, несмотря на положительное запрещеніе папы.

Черезъ двѣ недѣли послѣ взятія города туда пріѣхалъ маркизъ Монферратскій, который благоразумно воздержался отъ участія въ дѣлѣ, неугодномъ папѣ. А еще черезъ двѣ недѣли явилось посольство отъ Филиппа Швабскаго и его шурина, молодого Алексѣя Ангела. Совѣтъ бароновъ собрался во дворцѣ Дандоло, принимавшаго живое участіе въ переговорахъ. Здѣсь послы изложили свое порученіе. Филиппъ предлагалъ рыцарямъ чрезвычайно выгодныя условія, „какихъ никогда еще не было предложено никому въ мірѣ“, говорили послы. Въ вознагражденіе за помощь принцу Алексѣю предлагали 200.000 марокъ серебра [2]). Чтобы успокоить ихъ религіозныя сомнѣнія на счетъ справедливости войны съ христіа-

---

[1]) Аббата цистерціанскаго монастыря Vaux de Cernay. Легатъ Пьетро Капуано былъ тогда въ Римѣ.

[2]) 10.400.000 франк., считая марку=52 fr., или около 2.600.000 р. зол.

нами, обѣщали соединеніе церквей и могучую поддержку будущаго императора въ походѣ противъ Египта. Выходило, такимъ образомъ, что дѣло всего христіанства не только не страдало, а, напротивъ, выигрывало отъ предлагаемаго измѣненія цѣли похода.

Непріязнь противъ Византіи. Богатая Восточная имперія давно уже раздражала жадность западныхъ рыцарей. Еще во время перваго похода Боэмундъ Тарентскій не прочь былъ вмѣсто Іерусалима завоевать Царьградъ. Съ тѣхъ поръ отношенія все ухудшались, и уже во время второго похода (1147 г.), когда армія Людовика VII французскаго проходила черезъ византійскія владѣнія, та же мысль высказывалась съ гораздо бо́льшей настойчивостью и опредѣленностью. Чѣмъ ближе обѣ стороны узнавали другъ друга, тѣмъ сильнѣе становилась ихъ взаимная антипатія. Рыцари не безъ большого основанія обвиняли грековъ въ вѣроломствѣ, но и греки, съ своей стороны, не могли быть довольны такими гостями. Недисциплинированныя средневѣковыя войска плохо умѣли отличать союзниковъ отъ непріятелей, и во время похода крестоносныхъ ополченій черезъ имперію византійское правительство должно было отряжать цѣлыя арміи, на словахъ—для охраны крестоносцевъ, а на дѣлѣ — для защиты населенія отъ крестоносцевъ. Дѣло дошло до того, что когда въ 1189 г. въ Константинополѣ узнали о приближеніи Фридриха Барбаруссы, императоръ Исаакъ Ангелъ поспѣшилъ заключить формальный союзъ съ султаномъ Саладиномъ. Германскому императору пришлось прокладывать себѣ дорогу силой, и если Константинополь не былъ взятъ тогда же, то единственно потому, что Исаакъ поспѣшилъ согласиться на всѣ требованія нѣмцевъ. Съ тѣхъ поръ мысль о необходимости наказать коварныхъ византійцевъ прочно укрѣпилась въ сознаніи западныхъ европейцевъ, и разъ представлялся удобный случай, трудно было удержаться отъ этого. Одно только было затрудненіе: папскій уполномоченный и на этотъ разъ былъ противъ измѣненія цѣли похода. Крестоносцы уже разъ ослушались папы; дальнѣйшее непослушаніе могло навлечь на нихъ отлученіе отъ церкви,—венеціанцевъ Иннокентій уже отлучилъ,— а въ XIII вѣкѣ это имѣло еще большое значеніе. Много было споровъ: „говорили не въ одномъ смыслѣ“, какъ выражается Вильгардуэнъ. Организація крестоноснаго ополченія была республиканская: вся армія принимала участіе въ обсужденіи дѣла. Не все духовенство согласно было съ папскимъ уполномоченнымъ: аббаты и монахи обѣихъ партій говорили проповѣди, одни—за, другіе—противъ похода. Шумъ стоялъ надъ лагеремъ, и онъ становился чѣмъ дальше,

тѣмъ больше. А дѣло между тѣмъ было уже рѣшено втайнѣ: Дандоло, конечно, былъ за предложеніе Алексѣя, Бонифацій тоже; но и остальное высшее начальство, особенно три графа: Балдуинъ Фландрскій, Людовикъ Блуаскій и Гюгъ де сенъ-Поль, занимавшіе въ войскѣ первое мѣсто послѣ маркиза, были на ихъ сторонѣ. Договоръ былъ подписанъ, но такъ какъ наступила зима, то походъ остановился, и крестоносцы расположились на зимнихъ квартирахъ въ Зарѣ (1202—1203 г.).

Въ теченіе этой зимы рыцари посылали посольство въ Римъ просить извиненія у папы за взятіе Зары. Иннокентій простилъ крестоносцамъ ихъ ослушаніе, но подъ условіемъ,—отнюдь болѣе не нападать на христіанскія земли. Это былъ положительный приказъ оставить Византію въ покоѣ. Но какъ было его исполнить? Выбраться изъ Зары сухимъ путемъ можно было только черезъ владѣнія венгерскаго короля, съ которымъ только что воевали; бросить своихъ товарищей, чтобы уйти къ недавнему непріятелю,—на такой поступокъ рѣшились очень немногіе, во главѣ ихъ—Симонъ-де-Монфоръ, будущій истребитель альбигойцевъ, всегда покорный папскому престолу. Большинству показалось слишкомъ унизительнымъ просить помощи у только что побѣжденнаго врага; послѣ нѣкотораго колебанія рыцари рѣшились отправиться съ венеціанскимъ флотомъ, который 7 апрѣля 1203 г. отплылъ къ о. Корфу. Но здѣсь совѣсть опять стала мучить крестоносцевъ; поднялись прежніе споры, и дѣло едва не дошло до открытаго возмущенія. Недовольные Бонифаціемъ и Дандоло,—а къ нимъ принадлежала бо́льшая половина крестоносной арміи,—собрали сходку въ одной изъ долинъ острова. Тогда изобрѣтательный маркизъ прибѣгнулъ къ театральному эффекту: съ вождями ополченія, съ принцемъ Алексѣемъ, съ епископами и съ аббатами своей партіи онъ отправился туда, гдѣ собралась сходка. Тамъ всѣ они со слезами на колѣняхъ стали умолять своихъ товарищей не покидать ихъ и юнаго, невинно-обиженнаго принца. Выдумка Бонифація удалась: рыцари согласились идти въ Константинополь, но подъ условіемъ,—оставаться тамъ не долѣе мѣсяца, а затѣмъ продолжать походъ на востокъ. 24 мая, наканунѣ Троицына дня, венеціанскій флотъ вышелъ въ море. Былъ прекрасный, солнечный день; дулъ слабый попутный вѣтеръ; всюду, куда только хваталъ взглядъ, море бѣлѣлось парусами кораблей; „никогда еще не было видано такого прекраснаго зрѣлища“, говоритъ Вильгардуэнъ. Около мыса Малеи флотилія встрѣтила два корабля, плывшіе изъ Сиріи съ пилигри-

мами. Графъ Балдуинъ послалъ лодку спросить, кто на кораблѣ,— въ это время его жена была въ Сиріи. Когда лодка подошла къ сирійскому судну, одинъ изъ его пасажировъ спрыгнулъ въ нее и крикнулъ своимъ товарищамъ: „берите все, что есть моего на кораблѣ; я иду съ этими людьми: я увѣренъ, что они покорятъ весь міръ“. Цѣлый мѣсяцъ продолжалось плаваніе. Наконецъ, 23 іюня увидали крестоносцы Константинополь. Можно себѣ представить, какъ смотрѣли на Царьградъ люди, никогда его не видавшіе. „Они и не воображали, чтобы могъ быть на свѣтѣ такой богатый городъ. Когда они увидѣли высокія стѣны и великолѣпныя башни, окружавшія столицу со всѣхъ сторонъ, богатые дворцы и высокія церкви, — ихъ было столько, что никто бы не повѣрилъ, не видѣвши собственными глазами;—когда они охватили взоромъ всю громаду царственнаго города: не было человѣка, который не задрожалъ бы отъ страха, потому что никогда еще не было предпринято никѣмъ такое дѣло съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ“.

Крестоносцы высадились сначала на азіатскомъ берегу Босфора въ Скутари, и тутъ явилось къ нимъ посольство отъ Алексѣя III. Посолъ,— онъ былъ ломбардецъ, соотечественникъ Бонифація, — сначала польстилъ рыцарямъ: „императоръ знаетъ“, говорилъ онъ, „что вы—самые знатные люди въ своей странѣ послѣ короля, и что ваша страна — лучшая изъ всѣхъ странъ; но,—продолжалъ онъ,—очень его удивляетъ вашъ приходъ: вѣдь, вы христіане, и онъ христіанинъ; онъ знаетъ, что вы идете освобождать Святую землю, и если вы обѣднѣли и издержали запасы въ дорогѣ, онъ вамъ дастъ продовольствія и денегъ, потому что онъ не хочетъ вамъ дѣлать зла“. Подъ конецъ византійскій посолъ похвастался: „если бы у васъ было въ двадцать разъ больше людей, то ни одинъ не ушелъ бы отсюда, если бы императоръ этого захотѣлъ“.

Рыцари отвѣчали надменно и заносчиво: они потребовали безусловной покорности и возвращенія имперіи „законному наслѣднику“, т. е. принцу Алексѣю. Въ случаѣ, если императоръ на это согласенъ, крестоносцы великодушно обѣщали ходатайствовать за него передъ его племянникомъ. Если же онъ не согласенъ, то ни въ какіе дальнѣйшіе переговоры они вступать не намѣрены. Послѣ такого отвѣта война была неизбѣжна.

Она была непродолжительна и некровопролитна. Босфоръ крестоносцы перешли безъ боя; затрудненія встрѣтили ихъ только подъ стѣнами города, но и здѣсь дѣло было не такъ трудно, какъ казалось имъ сначала. Численное неравенство силъ было

тѣмъ больше. А дѣло между тѣмъ было уже рѣшено втайнѣ: Дандоло, конечно, былъ за предложеніе Алексѣя, Бонифацій тоже; но и остальное высшее начальство, особенно три графа: Балдуинъ Фландрскій, Людовикъ Блуаскій и Гюгъ де сенъ-Поль, занимавшіе въ войскѣ первое мѣсто послѣ маркиза, были на ихъ сторонѣ. Договоръ былъ подписанъ, но такъ какъ наступила зима, то походъ остановился, и крестоносцы расположились на зимнихъ квартирахъ въ Зарѣ (1202—1203 г.).

Въ теченіе этой зимы рыцари посылали посольство въ Римъ просить извиненія у папы за взятіе Зары. Иннокентій простилъ крестоносцамъ ихъ ослушаніе, но подъ условіемъ,—отнюдь болѣе не нападать на христіанскія земли. Это былъ положительный приказъ оставить Византію въ покоѣ. Но какъ было его исполнить? Выбраться изъ Зары сухимъ путемъ можно было только черезъ владѣнія венгерскаго короля, съ которымъ только что воевали; бросить своихъ товарищей, чтобы уйти къ недавнему непріятелю,—на такой поступокъ рѣшились очень немногіе, во главѣ ихъ—Симонъ-де-Монфоръ, будущій истребитель альбигойцевъ, всегда покорный папскому престолу. Большинству показалось слишкомъ унизительнымъ просить помощи у только что побѣжденнаго врага; послѣ нѣкотораго колебанія рыцари рѣшились отправиться съ венеціанскимъ флотомъ, который 7 апрѣля 1203 г. отплылъ къ о. Корфу. Но здѣсь совѣсть опять стала мучить крестоносцевъ; поднялись прежніе споры, и дѣло едва не дошло до открытаго возмущенія. Недовольные Бонифаціемъ и Дандоло,—а къ нимъ принадлежала бо́льшая половина крестоносной арміи,—собрали сходку въ одной изъ долинъ острова. Тогда изобрѣтательный маркизъ прибѣгнулъ къ театральному эффекту: съ вождями ополченія, съ принцемъ Алексѣемъ, съ епископами и съ аббатами своей партіи онъ отправился туда, гдѣ собралась сходка. Тамъ всѣ они со слезами на колѣняхъ стали умолять своихъ товарищей не покидать ихъ и юнаго, невинно-обиженнаго принца. Выдумка Бонифація удалась: рыцари согласились идти въ Константинополь, но подъ условіемъ,—оставаться тамъ не долѣе мѣсяца, а затѣмъ продолжать походъ на востокъ. 24 мая, наканунѣ Троицына дня, венеціанскій флотъ вышелъ въ море. Былъ прекрасный, солнечный день; дулъ слабый попутный вѣтеръ; всюду, куда только хваталъ взглядъ, море бѣлѣлось парусами кораблей; „никогда еще не было видано такого прекраснаго зрѣлища“, говоритъ Вильгардуэнъ. Около мыса Малеи флотилія встрѣтила два корабля, плывшіе изъ Сиріи съ пилигри-

впрочемъ, напередъ заявилъ французскимъ посламъ, что договоръ этотъ невыполнимъ, и его предсказаніе оправдалось. Труднѣе всего на первыхъ порахъ оказалась уплата вознагражденія (о соединеніи церквей, повидимому, не особенно заботились). Наличность византійскаго казначейства, за послѣдніе годы всегда болѣе или менѣе пустого, скоро изсякла; принялись за частное достояніе членовъ императорскаго дома, но и этого хватило ненадолго. Тогда кому-то пришла въ голову несчастная мысль воспользоваться драгоцѣнною утварью константинопольскихъ церквей. Стали сдирать съ образовъ золотыя ризы, отбирать священные сосуды и переплавлять все это въ слитки, которые затѣмъ отвозились въ лагерь крестоносцевъ. Когда народъ увидалъ такое оскорбленіе своей святыни, поднялся ропотъ. Ненависть къ франкамъ, обнаружившаяся уже въ самомъ началѣ войны, когда чернь разрушила дома италіанскихъ торговцевъ,—въ томъ числѣ и ни въ чемъ не повинныхъ пизанцевъ,—эта ненависть получила теперь новую пищу. Скоро (въ августѣ того же года) одинъ случай ухудшилъ отношенія до крайности. Въ Константинополѣ, между прочимъ, былъ кварталъ, населенный сарацинами, и въ немъ мечеть. Нѣсколько французовъ (считавшихъ своимъ долгомъ бить мусульманъ всюду, гдѣ бы они ни встрѣтились) напали на сарацинъ и стали грабить мечеть. Населеніе города, какъ видно, больше сочувствовало своимъ давнимъ сосѣдямъ — невѣрнымъ, чѣмъ единовѣрнымъ разбойникамъ. Толпы грековъ поспѣшили на помощь мусульманамъ. Тогда франки, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, прибѣгли къ страшному средству, уже употребленному венеціанцами при первомъ штурмѣ: они зажгли городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пламя быстро распространилось, и вспыхнулъ пожаръ, длившійся два дня и двѣ ночи. По свидѣтельству очевидца, огонь захватилъ въ ширину мѣсто на полъ-льё (болѣе двухъ верстъ); едва не сгорѣла св. Софія. Послѣ этого народное броженіе до того усилилось, что иностранцы латинскаго происхожденія опасались дольше оставаться въ городѣ и большею частію переселились въ лагерь крестоносцевъ. Такъ раздѣлились греки и франки на два стана. Открытая война еще не началась, но была, очевидно, близка. Одни только византійскіе правители этого не понимали.

Одинъ изъ этихъ правителей, слѣпой Исаакъ, не могъ принимать большого участія въ дѣлахъ. Народъ больше видѣлъ и зналъ молодого Алексѣя, который, по настоянію крестоносцевъ, былъ провозглашенъ соправителемъ отца и коронованъ (1 августа). Молодой

императоръ возбудилъ противъ себя своихъ единоплеменниковъ своей близостью къ франкамъ, въ лагерѣ которыхъ онъ проводилъ цѣлые дни. Но и крестоносцамъ онъ тоже не угодилъ, потому что, несмотря на всѣ усилія, не могъ удовлетворить ихъ денежныхъ требованій. Золото, которое онъ нашелъ въ церквахъ, было каплей въ морѣ. Новые налоги не дали почти ничего и только еще болѣе раздражили народъ. Бароны, глубоко убѣжденные, что Восточная имперія—самая богатая страна на свѣтѣ, никакъ не могли понять финансовыхъ затрудненій Алексѣя и обвиняли его въ вѣроломствѣ. Наскучивъ ждать, они рѣшились на странную выходку, немало удивившую цивилизованныхъ грековъ. Два посла отъ рыцарей явились въ императорскій дворецъ и объявили, что, такъ какъ византійское правительство не сдержало своего слова, не выплатило обѣщанной суммы, то рыцари намѣрены сами взять свое вознагражденіе. А чтобы не оставить сомнѣній въ серьезности этого заявленія, они немедленно же принялись жестоко опустошать константинопольскія окрестности. Положеніе Алексѣя IV стало теперь совершенно невыносимо. Продолжать союзъ съ крестоносцами было, конечно, уже нельзя, а начать съ ними войну онъ боялся да и не имѣлъ для этого достаточныхъ средствъ. Единственнымъ выходомъ для Византіи была перемѣна государя. Въ январѣ 1204 г. духовенство, знать и народъ Константинополя сошлись въ св. Софіи для совѣщанія о выборѣ новаго императоръ. Но никто не хотѣлъ принять на себя такую тяжелую должность: всѣ понимали, что придется вести отчаянную борьбу съ франками, и ни у кого не хватало на это мужества. Притомъ же очевидно было, что хозяйкой города опять, какъ во дни Андроника, стала толпа: безпорядокъ былъ такъ великъ, что кандидатовъ на тронъ хватали за полы и угрожали имъ мечами, въ случаѣ отказа. При такихъ условіяхъ нуженъ былъ не государь, а военачальникъ, который умѣлъ бы бить франковъ и прежде всего умѣлъ бы заставить народъ повиноваться. Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ одного изъ родственниковъ императорскаго дома, Алексѣя Дуки, прозвищемъ Мурзуфла (т. е. съ густыми бровями). Онъ склонилъ на свою сторону наемныя войска, заключилъ въ темницу Алексѣя IV [1]) и заставилъ провозгласить себя императоромъ. Тогда началась открытая борьба съ врагомъ, сразу принявшая характеръ національный и религіозный.

[1]) Впослѣдствіи Мурзуфлъ велѣлъ его задушить, за что и былъ казненъ крестоносцами, когда попалъ въ ихъ руки. Исаакъ II умеръ около этого времени своей смертью.

Первымъ дѣломъ Мурзуфла было изданіе указа, которымъ изгонялись изъ города всѣ еще оставшіеся въ немъ франки (Georg. Acropol., 8, 9). Въ то же время католическое духовенство въ лагерѣ крестоносцевъ торжественно объявило, что, такъ какъ греки свергли своего законнаго императора и отложились отъ римской церкви, то война съ ними—война справедливая и законная; всѣ, кто падетъ въ этой войнѣ, получатъ отпущеніе грѣховъ, какъ если бы они пали въ бою съ невѣрными. Такъ крестовый походъ, начатый противъ невѣрныхъ, обратился въ крестовый походъ противъ христіанъ.

Второе взятіе Византіи.

Считая Византію вѣрной добычей, крестоносцы напередъ условились объ ея раздѣлѣ. Рѣшено было тотчасъ по взятіи города выбрать императора изъ числа высшихъ бароновъ, назначивъ для выборовъ шесть представителей отъ крестоносцевъ и шесть отъ Венеціи. Императоръ долженъ былъ получить въ собственность $^1/_4$ всего, что удастся завоевать, и, кромѣ того, два дворца въ Константинополѣ, Букеліонъ и Влахернскій. Остальныя $^3/_4$ дѣлились пополамъ, половина венеціанцамъ, половина крестоносцамъ. Само собою разумѣется, что имперія получала при этомъ ленное устройство, превращалась въ рядъ отдѣльныхъ княжествъ, связанныхъ только общимъ верховенствомъ сюзерена-императора. Заключивъ такой договоръ, приступили къ осадѣ. Она, однако, пошла далеко не такъ успѣшно, какъ прежде: первый приступъ былъ отбитъ. Теперь во главѣ грековъ стоялъ человѣкъ, которому никакъ нельзя было отказать ни въ храбрости, ни въ умѣньи командовать войсками. Вооруженный тяжелой палицей, которой онъ очень искусно владѣлъ, Мурзуфлъ впереди всѣхъ въ бою подавалъ примѣръ своимъ солдатамъ. Франкамъ помогла хроническая болѣзнь Византіи—безденежье. За Мурзуфла была масса простого народа, очень его любившаго. Но это было не войско, это была недисциплинированная толпа, которая не могла выдержать напора „желѣзныхъ когортъ" франковъ. Главную силу составляли все тѣ же наемники, а они требовали прежде всего исправной уплаты жалованья. Чтобы добыть денегъ, императоръ прибѣгнулъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ: онъ конфисковалъ имущество константинопольской знати въ пользу государства. Но и этого хватило не надолго. Безпорядокъ въ городѣ все возрасталъ. Наконецъ, отчаявшись въ возможности дальнѣйшей защиты, Мурзуфлъ ночью тайно уѣхалъ изъ Константинополя. Наступила полная анархія, наемники отказались сражаться, и, во-

спользовавшись этимъ, рыцари ворвались въ городъ (13 апрѣля 1204).

Началось знаменитое въ лѣтописяхъ средневѣковой исторіи опустошеніе Царьграда, надолго оставшееся памятнымъ всему православному Востоку. Далеко на сѣверѣ, въ Новгородѣ, съ ужасомъ говорили о разгромѣ св. Софіи, и повѣсть объ этомъ въ нашей Новгородской лѣтописи—одна изъ самыхъ подробныхъ. Во время грабежа городъ опять зажгли,—въ третій разъ съ начала войны. Послѣ этихъ трехъ пожаровъ на мѣстѣ великолѣпныхъ дворцовъ и церквей, такъ поразившихъ Вильгардуэна, возвышались однѣ обгорѣлыя развалины. Бóльшая часть памятниковъ искусства, доставшихся Византіи въ наслѣдство отъ античнаго міра, погибла въ это время, и европейскіе рыцари больше повредили въ этотъ разъ европейской цивилизаціи, чѣмъ впослѣдствіи турки, ничего, по крайней мѣрѣ, не разрушавшіе.

Бонифацій Монферратскій.

Если бы это былъ простой разбойничій набѣгъ, рыцари не могли бы желать ничего лучшаго. Они получили такую добычу, какой, по словамъ одного изъ ихъ историковъ, никто еще не получалъ отъ сотворенія міра. Но они разсчитывали прочно утвердиться въ Византіи, и Константинополь былъ столицей ихъ будущихъ владѣній: разрушать его значило грабить самихъ себя. Такъ уже самое начало Латинской имперіи свидѣтельствовало о недальновидности ея основателей. Когда они, какъ было условлено, приступили къ выбору императора, это качество ихъ обнаружилось еще сильнѣе. Самымъ подходящимъ кандидатомъ былъ маркизъ Бонифацій, изъ всѣхъ бароновъ выдававшійся своими политическими дарованіями. У него, къ тому же, были старинныя связи въ Византіи: Монферратскій домъ былъ въ свойствѣ съ Комнинами, и одинъ изъ членовъ этого дома, Райнеріо, зять императора Мануила, пріобрѣлъ даже большую популярность среди населенія Восточной имперіи. Не мудрено, что греки встрѣтили Бонифація, какъ своего заступника. Наивно принимая его титулъ за личное имя, народъ привѣтствовалъ его громкими криками: „Aiios (ἅγιος) basileos marchio“ (святой царь маркизъ), разсказываетъ хронистъ Гюнтеръ. Бонифацій самъ, конечно, очень желалъ надѣть византійскую корону. Вступивъ въ городъ, онъ предусмотрительно занялъ Букелеонскій дворецъ, предназначенный для императора. Но противники Бонифація имѣли сильную партію въ войскѣ, особенно между французами, для которыхъ маркизъ былъ иностранцемъ. Его поддерживали нѣмцы, какъ гибеллина, ломбардцы,—

наслѣдникъ престола, лишенный своего права узурпаторомъ. Съ феодальной точки зрѣнія это такъ и было, а византійскаго права,—въ сущности не знавшаго закона престолонаслѣдія,—въ западной Европѣ не понимали. Но тутъ было одно затрудненіе: Филиппъ не могъ самъ руководить походомъ: явный врагъ папы, въ это время отлученный отъ церкви, онъ, конечно, не могъ надѣяться, чтобы крестоносцы признали его своимъ вождемъ. Нужно было дѣйствовать черезъ третье лицо. Подходящій человѣкъ какъ разъ въ это время вступалъ на сцену.

Въ маѣ 1201 г., вскорѣ по возвращеніи посольства изъ Венеціи, умеръ шампанскій графъ Тибо, главнокомандующій крестоносной арміей. Нужно было избрать новаго предводителя. Тутъ вмѣшался въ дѣло Филиппъ Августъ. Большая часть вліятельныхъ французскихъ бароновъ, принявшихъ крестъ, были ему враждебны,—а онъ не могъ допустить, чтобы такая значительная власть перешла въ руки его враговъ. По его настоянію былъ избранъ одинъ изъ иноземныхъ, италіанскихъ князей, маркизъ Монферратскій Бонифацій. Онъ принадлежалъ къ гибеллинской партіи и потому не могъ быть пріятнымъ кандидатомъ для Иннокентія III. Но маркизъ не даромъ считался искуснѣйшимъ дипломатомъ своего времени. Онъ велъ себя такъ осмотрительно и сдержанно, выказывалъ такую готовность во всемъ повиноваться папскому престолу, что Иннокентій, не желавшій, къ тому же, ссориться съ французскимъ королемъ, утвердилъ его избраніе. Новый главнокомандующій не замедлилъ показать, куда онъ поведетъ свою армію. Едва принявъ въ Суассонѣ начальство надъ войсками, онъ отправился въ Германію къ Филиппу Швабскому и заключилъ съ нимъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, думали многіе въ то время, по словамъ современника,—договоръ, которымъ обязался за себя и за крестоносцевъ помочь принцу Алексѣю овладѣть византійскимъ престоломъ.

Такъ соединились двѣ силы, опредѣлившія направленіе четвертаго крестоваго похода: венеціанская политика, въ лицѣ Дандоло, и германская,—въ лицѣ Бонифація Монферратскаго. Въ совокупности, этихъ двухъ силъ оказалось достаточно, чтобы перевѣсить вліяніе третьяго фактора,—личной воли папы Иннокентія.

Бонифацій сдѣлалъ попытку привлечь папу на сторону своего проекта: принцъ Алексѣй ѣздилъ въ Римъ и обѣщалъ папѣ въ обмѣнъ за содѣйствіе соединеніе церквей. Иннокентій отвѣчалъ уклончиво: онъ надѣялся добиться соединенія церквей и безъ по-

хода на Византію, посредствомъ переговоровъ съ Алексѣемъ III. Немного спустя, по одному постороннему поводу, онъ высказался болѣе рѣшительно.

Взятіе Зары.

Весной 1202 г. крестоносцы стали собираться въ Венецію и располагаться лагеремъ на островѣ св. Николая (теперь Лидо). Скоро обнаружилось, что Вильгардуэнъ и его товарищи нѣсколько опрометчиво согласились на условія, предложенныя дожемъ. Наличныхъ денегъ не хватило для уплаты всей условленной суммы. Затрудненіе осложнялось тѣмъ, что самого Бонифація, въ распоряженіи котораго находилась военная касса, не было налицо,— онъ отсталъ по какому-то своему дѣлу. Венеціанцы, конечно, могли бы и подождать уплаты, имѣя въ залогѣ все ополченіе, не могшее двинуться съ мѣста безъ ихъ согласія. Но имъ нуженъ былъ предлогъ, чтобы отвлечь походъ отъ Египта и направить его въ другую сторону. Не рѣшаясь сразу заводить рѣчь о Константинополѣ, они предложили крестоносцамъ выплатить остатокъ долга натурой,— завоевать для Венеціи крѣпость Зару (въ Далмаціи), захваченную венгерскимъ королемъ.

Здѣсь въ первый разъ политика Венеціи натолкнулась на сопротивленіе папы и сумѣла преодолѣть это сопротивленіе. Венгерскій король самъ принялъ крестъ; Иннокентій, черезъ своего уполномоченнаго при арміи [1]), строго воспретилъ крестоносцамъ касаться венгерскихъ владѣній. Сильная партія въ войскѣ держала сторону аббата; но сторонники Венеціи одолѣли въ военномъ совѣтѣ. Зара была осаждена и взята, несмотря на положительное запрещеніе папы.

Черезъ двѣ недѣли послѣ взятія города туда пріѣхалъ маркизъ Монферратскій, который благоразумно воздержался отъ участія въ дѣлѣ, неугодномъ папѣ. А еще черезъ двѣ недѣли явилось посольство отъ Филиппа Швабскаго и его шурина, молодого Алексѣя Ангела. Совѣтъ бароновъ собрался во дворцѣ Дандоло, принимавшаго живое участіе въ переговорахъ. Здѣсь послы изложили свое порученіе. Филиппъ предлагалъ рыцарямъ чрезвычайно выгодныя условія, „какихъ никогда еще не было предложено никому въ мірѣ“, говорили послы. Въ вознагражденіе за помощь принцу Алексѣю предлагали 200.000 марокъ серебра [2]). Чтобы успокоить ихъ религіозныя сомнѣнія на счетъ справедливости войны съ христіа-

---

[1]) Аббата цистерціанскаго монастыря Vaux de Cernay. Легатъ Пьетро Капуано былъ тогда въ Римѣ.

[2]) 10.400.000 франк., считая марку=52 fr., или около 2.600.000 р. зол.

нами, обѣщали соединеніе церквей и могучую поддержку будущаго императора въ походѣ противъ Египта. Выходило, такимъ образомъ, что дѣло всего христіанства не только не страдало, а, напротивъ, выигрывало отъ предлагаемаго измѣненія цѣли похода.

Непріязнь противъ Византіи.

Богатая Восточная имперія давно уже раздражала жадность западныхъ рыцарей. Еще во время перваго похода Боэмундъ Тарентскій не прочь былъ вмѣсто Іерусалима завоевать Царьградъ. Съ тѣхъ поръ отношенія все ухудшались, и уже во время второго похода (1147 г.), когда армія Людовика VII французскаго проходила черезъ византійскія владѣнія, та же мысль высказывалась съ гораздо бо́льшей настойчивостью и опредѣленностью. Чѣмъ ближе обѣ стороны узнавали другъ друга, тѣмъ сильнѣе становилась ихъ взаимная антипатія. Рыцари не безъ большого основанія обвиняли грековъ въ вѣроломствѣ, но и греки, съ своей стороны, не могли быть довольны такими гостями. Недисциплинированныя средневѣковыя войска плохо умѣли отличать союзниковъ отъ непріятелей, и во время похода крестоносныхъ ополченій черезъ имперію византійское правительство должно было отряжать цѣлыя арміи, на словахъ—для охраны крестоносцевъ, а на дѣлѣ — для защиты населенія отъ крестоносцевъ. Дѣло дошло до того, что когда въ 1189 г. въ Константинополѣ узнали о приближеніи Фридриха Барбаруссы, императоръ Исаакъ Ангелъ поспѣшилъ заключить формальный союзъ съ султаномъ Саладиномъ. Германскому императору пришлось прокладывать себѣ дорогу силой, и если Константинополь не былъ взятъ тогда же, то единственно потому, что Исаакъ поспѣшилъ согласиться на всѣ требованія нѣмцевъ. Съ тѣхъ поръ мысль о необходимости наказать коварныхъ византійцевъ прочно укрѣпилась въ сознаніи западныхъ европейцевъ, и разъ представлялся удобный случай, трудно было удержаться отъ этого. Одно только было затрудненіе: папскій уполномоченный и на этотъ разъ былъ противъ измѣненія цѣли похода. Крестоносцы уже разъ ослушались папы; дальнѣйшее непослушаніе могло навлечь на нихъ отлученіе отъ церкви,—венеціанцевъ Иннокентій уже отлучилъ,—а въ XIII вѣкѣ это имѣло еще большое значеніе. Много было споровъ: „говорили не въ одномъ смыслѣ", какъ выражается Вильгардуэнъ. Организація крестоноснаго ополченія была республиканская: вся армія принимала участіе въ обсужденіи дѣла. Не все духовенство согласно было съ папскимъ уполномоченнымъ: аббаты и монахи обѣихъ партій говорили проповѣди, одни—за, другіе—противъ похода. Шумъ стоялъ надъ лагеремъ, и онъ становился чѣмъ дальше,

тѣмъ больше. А дѣло между тѣмъ было уже рѣшено втайнѣ: Дандоло, конечно, былъ за предложеніе Алексѣя, Бонифацій тоже; но и остальное высшее начальство, особенно три графа: Балдуинъ Фландрскій, Людовикъ Блуаскій и Гюгъ де сенъ-Поль, занимавшіе въ войскѣ первое мѣсто послѣ маркиза, были на ихъ сторонѣ. Договоръ былъ подписанъ, но такъ какъ наступила зима, то походъ остановился, и крестоносцы расположились на зимнихъ квартирахъ въ Зарѣ (1202—1203 г.).

Въ теченіе этой зимы рыцари посылали посольство въ Римъ просить извиненія у папы за взятіе Зары. Иннокентій простилъ крестоносцамъ ихъ ослушаніе, но подъ условіемъ,—отнюдь болѣе не нападать на христіанскія земли. Это былъ положительный приказъ оставить Византію въ покоѣ. Но какъ было его исполнить? Выбраться изъ Зары сухимъ путемъ можно было только черезъ владѣнія венгерскаго короля, съ которымъ только что воевали; бросить своихъ товарищей, чтобы уйти къ недавнему непріятелю,—на такой поступокъ рѣшились очень немногіе, во главѣ ихъ—Симонъ-де-Монфоръ, будущій истребитель альбигойцевъ, всегда покорный папскому престолу. Большинству показалось слишкомъ унизительнымъ просить помощи у только что побѣжденнаго врага; послѣ нѣкотораго колебанія рыцари рѣшились отправиться съ венеціанскимъ флотомъ, который 7 апрѣля 1203 г. отплылъ къ о. Корфу. Но здѣсь совѣсть опять стала мучить крестоносцевъ; поднялись прежніе споры, и дѣло едва не дошло до открытаго возмущенія. Недовольные Бонифаціемъ и Дандоло,—а къ нимъ принадлежала бо̀льшая половина крестоносной арміи,—собрали сходку въ одной изъ долинъ острова. Тогда изобрѣтательный маркизъ прибѣгнулъ къ театральному эффекту: съ вождями ополченія, съ принцемъ Алексѣемъ, съ епископами и съ аббатами своей партіи онъ отправился туда, гдѣ собралась сходка. Тамъ всѣ они со слезами на колѣняхъ стали умолять своихъ товарищей не покидать ихъ и юнаго, невинно-обиженнаго принца. Выдумка Бонифація удалась: рыцари согласились идти въ Константинополь, но подъ условіемъ,—оставаться тамъ не долѣе мѣсяца, а затѣмъ продолжать походъ на востокъ. 24 мая, наканунѣ Троицына дня, венеціанскій флотъ вышелъ въ море. Былъ прекрасный, солнечный день; дулъ слабый попутный вѣтеръ; всюду, куда только хваталъ взглядъ, море бѣлѣлось парусами кораблей; „никогда еще не было видано такого прекраснаго зрѣлища", говоритъ Вильгардуэнъ. Около мыса Малеи флотилія встрѣтила два корабля, плывшіе изъ Сиріи съ пилигри-

мами. Графъ Балдуинъ послалъ лодку спросить, кто на кораблѣ,— въ это время его жена была въ Сиріи. Когда лодка подошла къ сирійскому судну, одинъ изъ его пасажировъ спрыгнулъ въ нее и крикнулъ своимъ товарищамъ: „берите все, что есть моего на кораблѣ; я иду съ этими людьми: я увѣренъ, что они покорятъ весь міръ". Цѣлый мѣсяцъ продолжалось плаваніе. Наконецъ, 23 іюня увидали крестоносцы Константинополь. Можно себѣ представить, какъ смотрѣли на Царьградъ люди, никогда его не видавшіе. „Они и не воображали, чтобы могъ быть на свѣтѣ такой богатый городъ. Когда они увидѣли высокія стѣны и великолѣпныя башни, окружавшія столицу со всѣхъ сторонъ, богатые дворцы и высокія церкви, — ихъ было столько, что никто бы не повѣрилъ, не видѣвши собственными глазами;—когда они охватили взоромъ всю громаду царственнаго города: не было человѣка, который не задрожалъ бы отъ страха, потому что никогда еще не было предпринято никѣмъ такое дѣло съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ".

Крестоносцы высадились сначала на азіатскомъ берегу Босфора въ Скутари, и тутъ явилось къ нимъ посольство отъ Алексѣя III. Посолъ,— онъ былъ ломбардецъ, соотечественникъ Бонифація, — сначала польстилъ рыцарямъ: „императоръ знаетъ", говорилъ онъ, „что вы—самые знатные люди въ своей странѣ послѣ короля, и что ваша страна — лучшая изъ всѣхъ странъ; но,—продолжалъ онъ,— очень его удивляетъ вашъ приходъ: вѣдь, вы христіане, и онъ христіанинъ; онъ знаетъ, что вы идете освобождать Святую землю, и если вы обѣднѣли и издержали запасы въ дорогѣ, онъ вамъ дастъ продовольствія и денегъ, потому что онъ не хочетъ вамъ дѣлать зла". Подъ конецъ византійскій посолъ похвастался: „если бы у васъ было въ двадцать разъ больше людей, то ни одинъ не ушелъ бы отсюда, если бы императоръ этого захотѣлъ".

Рыцари отвѣчали надменно и заносчиво: они потребовали безусловной покорности и возвращенія имперіи „законному наслѣднику", т. е. принцу Алексѣю. Въ случаѣ, если императоръ на это согласенъ, крестоносцы великодушно обѣщали ходатайствовать за него передъ его племянникомъ. Если же онъ не согласенъ, то ни въ какіе дальнѣйшіе переговоры они вступать не намѣрены. Послѣ такого отвѣта война была неизбѣжна.

Она была непродолжительна и некровопролитна. Босфоръ крестоносцы перешли безъ боя; затрудненія встрѣтили ихъ только подъ стѣнами города, но и здѣсь дѣло было не такъ трудно, какъ казалось имъ сначала. Численное неравенство силъ было

огромно [1]). Но у грековъ не было своей національной арміи. Главныя силы Алексѣя III состояли изъ наемныхъ англичанъ, датчанъ и союзныхъ пизанцевъ; Пизѣ императоръ всегда покровительствовалъ, и проживавшіе въ Царьградѣ пизанскіе купцы были его вѣрными защитниками. Но эти люди защищали не свое, а чужое дѣло. Они дрались добросовѣстно, но одушевленія отъ нихъ нельзя было ждать. Это была механическая сила, все значеніе которой зависѣло отъ того, въ чьихъ рукахъ она находится. А теперь она была въ рукахъ человѣка безхарактернаго и вдобавокъ не вѣрившаго въ правоту своего дѣла. Алексѣй III ограничился пассивной обороной изъ-за городскихъ стѣнъ. Если бы передъ Константинополемъ стояли одни французскіе рыцари, такой тактики, быть можетъ, оказалось бы достаточно, чтобы отразить нападеніе. Феодальная конница не умѣла брать городовъ; къ тому же, у крестоносцевъ не было провіанта, и они уже принимались за лошадиное мясо.... Но съ другой стороны города, на морѣ, былъ венеціанскій флотъ съ цѣлымъ арсеналомъ средневѣковой артиллеріи: съ камнеметными и стрѣлометными машинами, со штурмовыми лѣстницами, поднимавшимися выше стѣнъ города. При первомъ же натискѣ, 25 башенъ перешли въ руки венеціанцевъ. Тогда только, чтобы отвлечь непріятеля отъ города, Алексѣй III рѣшился вывести въ поле свою армію. Византійскія войска, построившись въ боевой порядокъ, нѣсколько часовъ простояли передъ крестоносцами, но не рѣшились напасть на тѣхъ, кого трусливые греки называли „мѣдными статуями“ и „ангелами смерти“. Эта послѣдняя неудачная попытка истощила мужество императора. Въ ту же ночь, захвативъ свою казну и свое семейство, онъ бѣжалъ изъ Константинополя (конецъ іюля 1203 г.).

Бунтъ и пожаръ Константинополя.

Не желая впускать въ Константинополь крестоносцевъ, греки поспѣшили возстановить на престолѣ слѣпого Исаака, у котораго въ городѣ было много приверженцевъ. Это, въ самомъ дѣлѣ, прекратило военныя дѣйствія. Рыцари, однако, согласились признать совершившійся переворотъ не прежде, какъ добились отъ Исаака утвержденія договора, заключеннаго въ Зарѣ. Старый императоръ,

[1]) Въ крестоносномъ ополченіи съ самаго начала считалось около 4.500 рыцарей и 20.000 пѣхотинцевъ и стрѣлковъ. Потомъ нѣкоторые оставили армію, нѣкоторые совсѣмъ не попали въ Венецію; но во всякомъ случаѣ крестоносцы не были въ 200 разъ слабѣе грековъ, какъ увѣряетъ Вильгардуэнъ. По нѣкоторымъ даннымъ его же можно заключить, что византійцы были въ 7 или 8 разъ сильнѣе французовъ (не считая венеціанцевъ).

впрочемъ, напередъ заявилъ французскимъ посламъ, что договоръ этотъ невыполнимъ, и его предсказаніе оправдалось. Труднѣе всего на первыхъ порахъ оказалась уплата вознагражденія (о соединеніи церквей, повидимому, не особенно заботились). Наличность византійскаго казначейства, за послѣдніе годы всегда болѣе или менѣе пустого, скоро изсякла; принялись за частное достояніе членовъ императорскаго дома, но и этого хватило ненадолго. Тогда кому-то пришла въ голову несчастная мысль воспользоваться драгоцѣнною утварью константинопольскихъ церквей. Стали сдирать съ образовъ золотыя ризы, отбирать священные сосуды и переплавлять все это въ слитки, которые затѣмъ отвозились въ лагерь крестоносцевъ. Когда народъ увидалъ такое оскорбленіе своей святыни, поднялся ропотъ. Ненависть къ франкамъ, обнаружившаяся уже въ самомъ началѣ войны, когда чернь разрушила дома италіанскихъ торговцевъ,—въ томъ числѣ и ни въ чемъ не повинныхъ пизанцевъ,—эта ненависть получила теперь новую пищу. Скоро (въ августѣ того же года) одинъ случай ухудшилъ отношенія до крайности. Въ Константинополѣ, между прочимъ, былъ кварталъ, населенный сарацинами, и въ немъ мечеть. Нѣсколько французовъ (считавшихъ своимъ долгомъ бить мусульманъ всюду, гдѣ бы они ни встрѣтились) напали на сарацинъ и стали грабить мечеть. Населеніе города, какъ видно, больше сочувствовало своимъ давнимъ сосѣдямъ — невѣрнымъ, чѣмъ единовѣрнымъ разбойникамъ. Толпы грековъ поспѣшили на помощь мусульманамъ. Тогда франки, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, прибѣгли къ страшному средству, уже употребленному венеціанцами при первомъ штурмѣ: они зажгли городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пламя быстро распространилось, и вспыхнулъ пожаръ, длившійся два дня и двѣ ночи. По свидѣтельству очевидца, огонь захватилъ въ ширину мѣсто на поль-льё (болѣе двухъ верстъ); едва не сгорѣла св. Софія. Послѣ этого народное броженіе до того усилилось, что иностранцы латинскаго происхожденія опасались дольше оставаться въ городѣ и большею частію переселились въ лагерь крестоносцевъ. Такъ раздѣлились греки и франки на два стана. Открытая война еще не началась, но была, очевидно, близка. Одни только византійскіе правители этого не понимали.

Одинъ изъ этихъ правителей, слѣпой Исаакъ, не могъ принимать большого участія въ дѣлахъ. Народъ больше видѣлъ и зналъ молодого Алексѣя, который, по настоянію крестоносцевъ, былъ провозглашенъ соправителемъ отца и коронованъ (1 августа). Молодой

императоръ возбудилъ противъ себя своихъ единоплеменниковъ своей близостью къ франкамъ, въ лагерѣ которыхъ онъ проводилъ цѣлые дни. Но и крестоносцамъ онъ тоже не угодилъ, потому что, несмотря на всѣ усилія, не могъ удовлетворить ихъ денежныхъ требованій. Золото, которое онъ нашелъ въ церквахъ, было каплей въ морѣ. Новые налоги не дали почти ничего и только еще болѣе раздражили народъ. Бароны, глубоко убѣжденные, что Восточная имперія—самая богатая страна на свѣтѣ, никакъ не могли понять финансовыхъ затрудненій Алексѣя и обвиняли его въ вѣроломствѣ. Наскучивъ ждать, они рѣшились на странную выходку, немало удивившую цивилизованныхъ грековъ. Два посла отъ рыцарей явились въ императорскій дворецъ и объявили, что, такъ какъ византійское правительство не сдержало своего слова, не выплатило обѣщанной суммы, то рыцари намѣрены сами взять свое вознагражденіе. А чтобы не оставить сомнѣній въ серьезности этого заявленія, они немедленно же принялись жестоко опустошать константинопольскія окрестности. Положеніе Алексѣя IV стало теперь совершенно невыносимо. Продолжать союзъ съ крестоносцами было, конечно, уже нельзя, а начать съ ними войну онъ боялся да и не имѣлъ для этого достаточныхъ средствъ. Единственнымъ выходомъ для Византіи была перемѣна государя. Въ январѣ 1204 г. духовенство, знать и народъ Константинополя сошлись въ св. Софіи для совѣщанія о выборѣ новаго императора. Но никто не хотѣлъ принять на себя такую тяжелую должность: всѣ понимали, что придется вести отчаянную борьбу съ франками, и ни у кого не хватало на это мужества. Притомъ же очевидно было, что хозяйкой города опять, какъ во дни Андроника, стала толпа: безпорядокъ былъ такъ великъ, что кандидатовъ на тронъ хватали за полы и угрожали имъ мечами, въ случаѣ отказа. При такихъ условіяхъ нуженъ былъ не государь, а военачальникъ, который умѣлъ бы бить франковъ и прежде всего умѣлъ бы заставить народъ повиноваться. Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ одного изъ родственниковъ императорскаго дома, Алексѣя Дуки, прозвищемъ Мурзуфла (т. е. съ густыми бровями). Онъ склонилъ на свою сторону наемныя войска, заключилъ въ темницу Алексѣя IV [1]) и заставилъ провозгласить себя императоромъ. Тогда началась открытая борьба съ врагомъ, сразу принявшая характеръ національный и религіозный.

[1]) Впослѣдствіи Мурзуфлъ велѣлъ его задушить, за что и былъ казненъ крестоносцами, когда попалъ въ ихъ руки. Исаакъ II умеръ около этого времени своей смертью.

Первымъ дѣломъ Мурзуфла было изданіе указа, которымъ изгонялись изъ города всѣ еще оставшіеся въ немъ франки (Georg. Acropol., 8, 9). Въ то же время католическое духовенство въ лагерѣ крестоносцевъ торжественно объявило, что, такъ какъ греки свергли своего законнаго императора и отложились отъ римской церкви, то война съ ними—война справедливая и законная; всѣ, кто падетъ въ этой войнѣ, получатъ отпущеніе грѣховъ, какъ если бы они пали въ бою съ невѣрными. Такъ крестовый походъ, начатый противъ невѣрныхъ, обратился въ крестовый походъ противъ христіанъ.

Второе взятіе Византіи. Считая Византію вѣрной добычей, крестоносцы напередъ условились объ ея раздѣлѣ. Рѣшено было тотчасъ по взятіи города выбрать императора изъ числа высшихъ бароновъ, назначивъ для выборовъ шесть представителей отъ крестоносцевъ и шесть отъ Венеціи. Императоръ долженъ былъ получить въ собственность $^{1}/_{4}$ всего, что удастся завоевать, и, кромѣ того, два дворца въ Константинополѣ, Букеліонъ и Влахернскій. Остальныя $^{3}/_{4}$ дѣлились пополамъ, половина венеціанцамъ, половина крестоносцамъ. Само собою разумѣется, что имперія получала при этомъ ленное устройство, превращалась въ рядъ отдѣльныхъ княжествъ, связанныхъ только общимъ верховенствомъ сюзерена-императора. Заключивъ такой договоръ, приступили къ осадѣ. Она, однако, пошла далеко не такъ успѣшно, какъ прежде: первый приступъ былъ отбитъ. Теперь во главѣ грековъ стоялъ человѣкъ, которому никакъ нельзя было отказать ни въ храбрости, ни въ умѣньи командовать войсками. Вооруженный тяжелой палицей, которой онъ очень искусно владѣлъ, Мурзуфлъ впереди всѣхъ въ бою подавалъ примѣръ своимъ солдатамъ. Франкамъ помогла хроническая болѣзнь Византіи – безденежье. За Мурзуфла была масса простого народа, очень его любившаго. Но это было не войско, это была недисциплинированная толпа, которая не могла выдержать напора „желѣзныхъ когортъ" франковъ. Главную силу составляли все тѣ же наемники, а они требовали прежде всего исправной уплаты жалованья. Чтобы добыть денегъ, императоръ прибѣгнулъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ: онъ конфисковалъ имущество константинопольской знати въ пользу государства. Но и этого хватило не надолго. Безпорядокъ въ городѣ все возросталъ. Наконецъ, отчаявшись въ возможности дальнѣйшей защиты, Мурзуфлъ ночью тайно уѣхалъ изъ Константинополя. Наступила полная анархія, наемники отказались сражаться, и, во-

спользовавшись этимъ, рыцари ворвались въ городъ (13 апрѣля 1204).

Началось знаменитое въ лѣтописяхъ средневѣковой исторіи опустошеніе Царьграда, надолго оставшееся памятнымъ всему православному Востоку. Далеко на сѣверѣ, въ Новгородѣ, съ ужасомъ говорили о разгромѣ св. Софіи, и повѣсть объ этомъ въ нашей Новгородской лѣтописи—одна изъ самыхъ подробныхъ. Во время грабежа городъ опять зажгли,—въ третій разъ съ начала войны. Послѣ этихъ трехъ пожаровъ на мѣстѣ великолѣпныхъ дворцовъ и церквей, такъ поразившихъ Вильгардуэна, возвышались однѣ обгорѣлыя развалины. Бо́льшая часть памятниковъ искусства, доставшихся Византіи въ наслѣдство отъ античнаго міра, погибла въ это время, и европейскіе рыцари больше повредили въ этотъ разъ европейской цивилизаціи, чѣмъ впослѣдствіи турки, ничего, по крайней мѣрѣ, не разрушавшіе.

Бонифацій Монферратскій.

Если бы это былъ простой разбойничій набѣгъ, рыцари не могли бы желать ничего лучшаго. Они получили такую добычу, какой, по словамъ одного изъ ихъ историковъ, никто еще не получалъ отъ сотворенія міра. Но они разсчитывали прочно утвердиться въ Византіи, и Константинополь былъ столицей ихъ будущихъ владѣній: разрушать его значило грабить самихъ себя. Такъ уже самое начало Латинской имперіи свидѣтельствовало о недальновидности ея основателей. Когда они, какъ было условлено, приступили къ выбору императора, это качество ихъ обнаружилось еще сильнѣе. Самымъ подходящимъ кандидатомъ былъ маркизъ Бонифацій, изъ всѣхъ бароновъ выдававшійся своими политическими дарованіями. У него, къ тому же, были старинныя связи въ Византіи: Монферратскій домъ былъ въ свойствѣ съ Комнинами, и одинъ изъ членовъ этого дома, Райнеріо, зять императора Мануила, пріобрѣлъ даже большую популярность среди населенія Восточной имперіи. Не мудрено, что греки встрѣтили Бонифація, какъ своего заступника. Наивно принимая его титулъ за личное имя, народъ привѣтствовалъ его громкими криками: „Aiios (ἅγιος) basileos marchio“ (святой царь маркизъ), разсказываетъ хронистъ Гюнтеръ. Бонифацій самъ, конечно, очень желалъ надѣть византійскую корону. Вступивъ въ городъ, онъ предусмотрительно занялъ Букеліонскій дворецъ, предназначенный для императора. Но противники Бонифація имѣли сильную партію въ войскѣ, особенно между французами, для которыхъ маркизъ былъ иностранцемъ. Его поддерживали нѣмцы, какъ гибеллина, ломбардцы,—

какъ своего земляка, но и тѣ и другіе составляли ничтожное меньшинство арміи. Главнымъ же противникомъ Бонифація былъ Дандоло, и именно потому, что маркизъ былъ самымъ способнымъ изъ бароновъ. Единственнымъ мотивомъ дѣятельности венеціанцевъ въ этомъ походѣ была надежда сдѣлаться хозяевами Константинополя. Они не требовали себѣ политической власти и охотно готовы были уступить ее другимъ, но имъ нужно было захватить въ свои руки византійскую торговлю, чтобы избѣжать на будущее время такихъ непріятныхъ случайностей, какой былъ, напримѣръ, договоръ Алексѣя III съ Генуей. Маркизъ Монферратскій былъ, конечно, не такой человѣкъ, чтобы пустить кого бы то ни было распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ, и венеціанцы всѣми силами старались его устранить. На выборахъ (9 мая) Бонифацій получилъ только 3 голоса изъ 12: всѣ представители Венеціи и 3 крестоносца высказались за Балдуина, графа фландрскаго [1]).

Балдуинъ Фландрскій. Балдуинъ былъ типичнымъ представителемъ лучшихъ сторонъ средневѣковаго рыцарства. Онъ самъ отличался безукоризненной нравственностью и строго слѣдилъ за нравственностью своей свиты: людей безпорядочнаго образа жизни онъ не терпѣлъ въ своемъ дворцѣ. Онъ раздавалъ много милостыни и былъ очень набоженъ. Единственнымъ удовольствіемъ, которое онъ себѣ дозволялъ, было церковное пѣніе: онъ даже самъ сочинилъ нѣсколько гимновъ. Онъ считался однимъ изъ самыхъ храбрыхъ рыцарей ополченія, и въ бою обыкновенно предводительствовалъ авангардомъ. Но политическія дѣла онъ плохо понималъ, и старый дожъ дѣлалъ изъ него все, что хотѣлъ... При раздѣлѣ Венеція забрала на свою долю всѣ лучшіе приморскіе города, всѣ наиболѣе плодородныя или важныя въ торговомъ отношеніи мѣстности; забрала такъ много, что скоро должна была отказаться отъ бóльшей части своихъ владѣній, не имѣя достаточно войска для ихъ защиты. Самымъ важнымъ изъ ея владѣній сдѣлался островъ Критъ (вымѣненный у Бонифація), гдѣ сходились дороги изъ Венеціи, Константинополя и Египта. Онъ принадлежалъ венеціанцамъ до половины XVII в., а двѣ изъ его крѣпостей (Суда и Спиналонга) даже до 1718 г. (Пассаровицкій миръ). Константинополь же сдѣлался какъ бы второй столицей республики, и заходила даже рѣчь о переселеніи

---

[1]) По тогдашнему обычаю, рѣшеніе было объявлено единогласно, и о происходившей въ избирательной коллегіи борьбѣ мы можемъ только догадываться.

туда дожа,—такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали потомъ. Это, однако, не состоялось; въ Константинополѣ помѣстился подеста, представитель республики, а глава ея принялъ только довольно странный титулъ „повелителя одной четвертой и одной восьмой всей римской имперіи".

Изъ другихъ участниковъ раздѣла больше всѣхъ получилъ все-таки Бонифацій. Потерпѣвъ неудачу на выборахъ, онъ поспѣшилъ жениться на вдовѣ императора Исаака, которая была сестрой короля венгерскаго. Унаслѣдовавши такимъ путемъ права низложенной греческой династіи и породнившись въ то же время съ могущественнымъ сосѣднимъ государемъ, маркизъ заявилъ весьма обширныя притязанія, и крестоносцы должны были ихъ удовлетворить. Ему уступили всѣ области, сопредѣльныя съ Венгріей, главную часть которыхъ составляла Македонія—съ королевскимъ титуломъ (такъ называемое королевство ѳессалоникійское) [1].

Война съ болгарами.

Бонифацій былъ единственнымъ изъ бароновъ, который пользовался симпатіями мѣстнаго населенія и умѣлъ его привлечь на свою сторону. Остальные, не исключая и новаго императора, относились къ грекамъ съ глубокимъ презрѣніемъ, за что греки имъ платили не менѣе глубокой ненавистью. Основаніемъ владычества франковъ былъ страхъ: пока греки были ошеломлены константинопольскимъ погромомъ, они пассивно повиновались побѣдителямъ. Но одна неудача крестоносцевъ могла измѣнить все дѣло. Это обнаружилось очень скоро. Царь болгарскій Іоаннъ (Асѣнь), издавна находившійся въ ссорѣ съ Византіей и видѣвшій поэтому въ рыцаряхъ своихъ естественныхъ союзниковъ, прислалъ къ Балдуину посольство для заключенія договора. Балдуинъ на свою бѣду вспомнилъ, что Болгарія была прежде византійской провинціей, и отвѣтилъ посламъ такъ: „Іоаннъ не имѣетъ никакого права называть себя царемъ: его земля принадлежитъ имперіи. Какъ смѣетъ онъ говорить съ нами, какъ равный? Онъ долженъ обращаться къ намъ, какъ рабъ къ господину".

Іоаннъ, какъ и слѣдовало ожидать, принялъ такой отвѣтъ за объявленіе войны, что, нужно замѣтить, вовсе не было непріятно крестоносцамъ, ожидавшимъ легкихъ побѣдъ. (Балдуинъ говорилъ: „Куда мнѣ пойти ударить копьемъ"?). Но царь поспѣшилъ завязать сношенія съ греческимъ населеніемъ. Во Ѳракіи началось

[1]) Бонифацій былъ убитъ въ 1208 г. въ войнѣ съ болгарами.

возстаніе, и Адріанополь скоро попалъ въ руки мятежниковъ. Крестоносцы, разсѣявшіеся маленькими отрядами по всей странѣ, потерпѣли большой уронъ. Съ трудомъ удалось Балдуину собрать достаточныя для войны силы, съ которыми онъ и выступилъ къ Адріанополю. Здѣсь легкая половецкая конница, нанятая болгарскимъ царемъ, заманила рыцарей въ засаду, гдѣ они потерпѣли жестокое пораженіе. Людовикъ Блуаскій и 300 рыцарей пали въ битвѣ. Балдуинъ былъ взятъ въ плѣнъ и скоро умеръ отъ ранъ. Это пораженіе сразу уничтожило все обаяніе франковъ въ глазахъ туземцевъ. Возстаніе быстро разрослось, и уже скоро всѣ владѣнія крестоносцевъ ограничивались непосредственными окрестностями Константинополя и нѣсколькими приморскими пунктами, гдѣ утвердились венеціанцы.

Владѣнія крестоносцевъ.

Генрихъ, братъ и наслѣдникъ Балдуина, отвоевалъ обратно часть отпавшихъ провинцій, но далеко не всѣ. Крестоносцамъ удалось утвердиться только на обоихъ берегахъ Мраморнаго моря, — и въ Европѣ и въ Азіи, — и въ южной части Македоніи (королевство ѳессалоникійское); кромѣ того, нѣсколько феодальныхъ бароній было основано въ собственной Греціи (герцогство Ахаія и сеньёрія Аѳины). Адріанополь сталъ крайнимъ пунктомъ Латинской имперіи на сѣверѣ, но онъ находился подъ управленіемъ грека Ѳеодора Враны, который признавалъ только верховенство латинскаго императора. Изъ другихъ провинцій имперіи образовались греческія княжества, уже совершенно не зависѣвшія отъ Константинополя: въ Европѣ — эпирское, гдѣ утвердился одинъ изъ родственниковъ династіи Ангеловъ; въ Азіи — трапезундское, основанное сыновьями Андроника Комнина, и никейское, — зятемъ Алексѣя III, Ѳеодоромъ Ласкарисомъ. Это послѣднее, правители котораго приняли вскорѣ императорскій титулъ, стало самымъ грознымъ противникомъ новыхъ властителей Византіи. Западная часть Малоазійскаго полуострова представляла гораздо бо́льшую національную цѣльность, чѣмъ европейскія провинціи имперіи. Византійскія владѣнія въ Европѣ съ VI в. были наводнены славянами, которые по большей части тамъ и остались и такъ перемѣшались съ туземнымъ населеніемъ, что даже относительно собственной Греціи въ научной литературѣ былъ споръ: кто предки ея нынѣшняго населенія, древніе эллины или славяне? Кромѣ того, много варваровъ было поселено здѣсь самими императорами, которые давали имъ земли внутри имперіи, чтобы сдѣлать ихъ безвредными. Въ самомъ Константинополѣ, особенно съ

начала крестовыхъ походовъ, осѣла масса иноземцевъ (см. выше). Такимъ образомъ, населеніе европейской части имперіи было пестрою смѣсью, лишь поверхностно окрашенной греческимъ элементомъ. Возрожденіе *греческой* имперіи должно было совершиться не здѣсь, а въ Малой Азіи, сохранившей гораздо болѣе слѣдовъ греческой культуры и, къ тому же, менѣе истощенной войнами и поборами. Войска никейскихъ императоровъ вербовались изъ мѣстныхъ уроженцевъ; особенно Виѳинія доставляла превосходныхъ стрѣлковъ. Такимъ образомъ, у грековъ понемногу создавалась національная армія, недостатокъ которой такъ ощутительно давалъ себя чувствовать во время осады Царьграда крестоносцами. Постепенно возстановлялось и государственное хозяйство, пришедшее въ совершенный упадокъ при Ангелахъ. Особенно важна была въ этомъ случаѣ дѣятельность второго никейскаго императора, Іоанна Ватацы.

Никейская имперія.

Ватаца былъ человѣкъ чрезвычайно разсчетливый и въ то же время очень широко понимавшій свои обязанности. Онъ самъ велъ хозяйство въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ и велъ его такъ, что императорскія имѣнія стали образцомъ для всѣхъ сельскихъ хозяевъ страны. Какъ велика была его внимательность въ этомъ случаѣ, видно изъ того, что даже торговля куриными яйцами давала ему очень значительные барыши. Налоги, которые прежде разоряли населеніе безъ всякой выгоды для правительства, онъ умѣлъ распредѣлить такъ, что они давали большой доходъ, никого не разоряя. Но онъ не ограничивался этимъ и старался создать новые источники дохода, поощряя промышленность; для этой цѣли служила ему такъ называемая покровительственная система: онъ облагалъ высокими таможенными пошлинами тѣ иностранные товары, которые на рынкѣ могли соперничать съ произведеніями туземной промышленности. На случай неурожаевъ онъ устроилъ запасные хлѣбные магазины, которыми пользовались даже сосѣднія страны,—напр., послѣ опустошеній, произведенныхъ монголами,—причемъ Ватаца продалъ хлѣбъ, конечно, съ хорошей прибылью. Постепенно онъ довелъ свое казначейство до такого блестящаго состоянія, что Никея отъ обороны скоро могла перейти въ наступленіе противъ франковъ. Этому немало способствовали, впрочемъ, личные таланты никейскихъ правителей. За Ватацей слѣдовалъ Михаилъ Палеологъ, родоначальникъ послѣдней династіи восточныхъ императоровъ, истый византійскій грекъ, человѣкъ съ неособенно чуткой совѣстью, но замѣчательно талантливый дипло-

матъ. Онъ очень ловко умѣлъ пользоваться никогда не прекращавшимся торговымъ соперничествомъ Генуи и Венеціи и дѣйствовалъ постоянно въ союзѣ съ первой противъ венеціанцевъ. При этомъ императорѣ и Константинополь перешелъ обратно въ руки грековъ (25 іюля 1261 г.). Это было, впрочемъ, совершенно случайное событіе. Жители воспользовались тѣмъ, что французскія войска были отправлены на помощь венеціанцамъ, осаждавшимъ одну гавань на Черномъ морѣ, и впустили въ городъ отрядъ никейской конницы. Но паденіе Латинской имперіи было неизбѣжно подготовлено всей ея исторіей: ей не на что было существовать. Провинціи, доставшіяся на долю франкамъ, были страшно опустошены еще при Ангелахъ. Разрушивъ византійскую административную систему, латинскіе завоеватели не сумѣли замѣнить ее чѣмъ-нибудь лучшимъ. Въ результатѣ финансовыя затрудненія стали еще значительнѣе, чѣмъ были въ эпоху Исаака и Алексѣя. Въ послѣднее время своего существованія, латинскіе императоры жили только субсидіями, которыя имъ присылали съ родины, и должны были заложить все, что возможно: даже терновый вѣнецъ Спасителя, хранившійся въ Царьградѣ, былъ заложенъ Венеціи за большую сумму. Очевидно, конецъ обнищавшей имперіи былъ только вопросомъ времени.

Значеніе Латинской имперіи. Франки ушли, не достигнувъ ни одной изъ тѣхъ цѣлей, которыя они себѣ поставили передъ завоеваніемъ. Имъ не удалось основать феодальную имперію. Но нужно замѣтить, что изъ западныхъ учрежденій феодализмъ все-таки лучше всего принялся на византійской почвѣ. Въ этомъ случаѣ крестоносцы нашли въ Византіи готовый матеріалъ. Еще съ X вѣка стало развиваться въ имперіи служилое землевладѣніе: военнымъ людямъ за службу давалась земля, которую обрабатывали поселенные на ней крестьяне; доходъ съ этой земли замѣнялъ имъ жалованье. Получались отношенія, по внѣшности чрезвычайно похожія на феодальныя, на отношенія вассала къ сеньёру; вассалъ также получалъ отъ сеньёра землю подъ условіемъ военной службы. Французы такъ и поняли дѣло и признали византійскихъ служилыхъ людей за феодальное дворянство. Рядомъ съ этими мелкими помѣщиками были и очень крупные. Нѣкоторыя семейства изъ византійской знати владѣли огромными земельными имѣніями и, особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ, распоряжались въ своихъ владѣніяхъ вполнѣ самостоятельно. Такіе землевладѣльцы ничѣмъ, въ сущности, не отличались отъ крупныхъ феодальныхъ бароновъ. Таковъ былъ, напримѣръ, Левъ Сгуръ

въ Пелопоннесѣ, который,—совсѣмъ какъ западно-европейскіе феодалы,—велъ правильную войну съ императоромъ Алексѣемъ III (въ 1202 г.) и отнялъ у него два города: Аргосъ и Коринѳъ. Латинское владычество упрочило эти уже ранѣе существовавшіе зачатки мѣстной самостоятельности. Палеологамъ нечего было и думать о возстановленіи прежней строгой централизаціи: связь отдѣльныхъ частей имперіи навсегда была ослаблена,—и это, конечно, немало повредило имперіи въ начавшейся вскорѣ борьбѣ съ турками.

Полной неудачей кончилась другая попытка латинскихъ завоевателей,—попытка соединенія церквей, т. е. въ сущности, подчиненія Восточной церкви Риму. Иннокентій III долженъ былъ примириться съ непріятнымъ для него событіемъ, взятіемъ Константинополя. Даже больше: по требованію тѣхъ самыхъ венеціанцевъ, которыхъ онъ отлучилъ отъ церкви за нападеніе на Зару, онъ долженъ былъ поставить латинскимъ патріархомъ въ Царьградѣ ихъ земляка (Томмазо Морозини). Всѣ эти уступки были вызваны надеждой на церковную унію. Но унія всегда осталась чисто внѣшней, формальной, и греки ей никогда не подчинились. Напротивъ, съ этой поры самая мысль объ уніи стала ненавистна византійцамъ, такъ какъ неизбѣжно соединялась въ ихъ умѣ съ разграбленіемъ Царьграда. Никогда еще греки не были такъ преданы своей религіи, никогда вліяніе православной церкви на политику не было такъ сильно, какъ послѣ латинскаго завоеванія. Мы увидимъ впослѣдствіи, что и это обстоятельство не осталось безъ сильнаго вліянія на исходъ борьбы съ турками. Можно сказать, что латинское завоеваніе Царьграда подготовило завоеваніе его турками въ 1453 году.

М. Покровскій.

XXXIX.

Цезарій Гейстербахскій.

(Черты средневѣковаго настроенія и міровоззрѣнія).

Личность Цезарія. Церковь была носительницей умственнаго просвѣщенія въ средніе вѣка; его представителемъ было духовенство. Тогда не существовало образованія внѣ церкви, и не было образованнаго класса, помимо духовенства. Не было другой науки, кромѣ той, что разрабатывалась въ стѣнахъ монастырей „во славу Божію" (ad majorem Dei gloriam), другой философіи, кромѣ той, которая была „служанкой богословія" (ancilla theologiae), другого искусства, кромѣ того, что служило къ украшенію великолѣпныхъ соборовъ. Писатели, историки, философы среднихъ вѣковъ, это—по преимуществу монахи; они были мыслителями среднихъ вѣковъ, они руководили мыслью средневѣковаго человѣка, давали тонъ и направленіе всей умственной жизни средневѣковаго общества и налагали свою печать на все міросозерцаніе эпохи. Вотъ почему, если мы хотимъ познакомиться съ послѣднимъ, если желаемъ проникнуть во внутренній міръ средневѣковаго человѣка, мы должны обратиться къ средневѣковому монашеству, и въ его средѣ искать матеріала для характеристики средневѣковаго настроенія и міровоззрѣнія. Такой матеріалъ мы находимъ, напримѣръ, въ лицѣ Цезарія Гейстербахскаго, одного изъ характерныхъ представителей средневѣковаго монашества и наиболѣе типичныхъ выразителей міросозерцанія эпохи.

Пособія: *Caesarii Heisterbacensis*, Dialogi miraculorum; *Kaufmann*, Caesarius von Heisterbach.

Цезарій не принадлежитъ къ числу крупныхъ историческихъ личностей; его имя не связано ни съ какимъ выдающимся событіемъ. Онъ былъ скромнымъ цистерціанскимъ монахомъ,—однимъ изъ множества тѣхъ людей, жизнь которыхъ протекала въ тиши уединенной кельи, между алтаремъ и библіотекой. Какъ историческая личность, какъ историческій характеръ, Цезарій не представляетъ поэтому никакого интереса; но онъ въ высшей степени интересенъ, какъ историческій типъ, какъ одна изъ тѣхъ личностей, въ которыхъ наиболѣе отчетливо выступаютъ общія черты эпохи.

Свѣдѣнія о жизни Цезарія очень скудны. Извѣстно только, что онъ жилъ въ концѣ XII и первой половинѣ XIII вѣка, слѣдовательно, въ ту пору, которая относится къ „классическому вѣку" среднихъ вѣковъ. Около 1200 года онъ вступилъ въ число цистерціанскихъ монаховъ Гейстербахскаго монастыря, близъ Кельна, гдѣ и провелъ большую часть жизни, въ качествѣ „пріора" и „наставника новиціевъ" (вновь вступившихъ монаховъ). Свой монашескій досугъ онъ посвящалъ чтенію и литературному труду. Чтеніемъ онъ настолько обогатилъ свои свѣдѣнія, что стоялъ вполнѣ на высотѣ современнаго образованія. Его сочиненія обнаруживаютъ выдающуюся для того времени начитанность; не говоря уже о церковныхъ писателяхъ, мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Цезарія ссылки на такихъ классическихъ авторовъ, какъ Виргилій, Овидій, Сенека. Среди его многочисленныхъ сочиненій,—всѣ они церковнаго характера и написаны средневѣковой варварской латынью,—особенною популярностью среди современныхъ читателей пользовались его „Бесѣды о чудесахъ". Это сочиненіе наиболѣе важно для характеристики какъ самого писателя, такъ и его міросозерцанія, которое, въ свою очередь, интересно для насъ, какъ отраженіе господствующихъ понятій и представленій средневѣковаго общества. „Бесѣды о чудесахъ", это — обширный сборникъ разсказовъ о разныхъ необычайныхъ событіяхъ и явленіяхъ, о которыхъ въ разное время пришлось слышать автору или отъ очевидцевъ или отъ людей, которые передавали слышанное отъ другихъ. Нужно замѣтить, что терминъ „чудо" у Цезарія далеко не вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ представленіемъ, которое соединяется съ этимъ словомъ въ настоящее время; въ „Бесѣдахъ о чудесахъ" мы встрѣчаемъ, напримѣръ, разсказъ о землетрясеніи на островѣ Кипрѣ, о затменіи солнца и т. п. Вообще, воображеніе средневѣковаго человѣка работало гораздо напряженнѣе, нежели разумъ, и ему на каждомъ шагу чудилось необычайное, сверхъестественное, чудесное.

Отвѣчалъ блаженный аббатъ: „Предоставь мнѣ его повѣсить“. Святой разумѣлъ подъ висѣлицей орденскую дисциплину.

Самое одѣяніе монашеское осѣнено особенною святостью. Цезарій разсказываетъ о монахѣ, „спустившемся, съ разрѣшенія своего аббата, въ чистилище“. Дьяволы настаивали, чтобы монахъ снялъ съ себя свое иноческое одѣяніе; послѣдній наотрѣзъ отказался и провелъ въ чистилищѣ всю ночь „въ словесномъ состязаніи съ дьяволами, изъ которыхъ ни одинъ не дотронулся до него“.

Главное содержаніе человѣческой жизни послѣ „обращенія“ составляютъ: сокрушеніе (contritio), покаяніе (confessio), искушеніе (tentatio). „Contritio dicta est, quasi simul tritio; componitur autem a con, quod est simul, et tritio, eo quod de omnibus peccatis cor simul teri debet per dolorem“. Сокрушеніе о грѣхахъ сопровождается слезами. Gratia lacrimarum, „благодать слезъ“, есть особенный даръ, которымъ особенно дорожитъ „обращенный“, и который ниспосылается свыше въ видѣ особой милости. Одинъ монахъ просилъ „одну святую женщину“ помолиться за себя.—„Чего желали бы вы отъ Господа?“ спросила монахиня.—„Хочу, чтобъ вы исходатайствовали мнѣ у Господа даръ плакать трижды въ недѣлю, т. е. по понедѣльникамъ, пятницамъ и субботамъ, на всенощномъ богослуженіи“. Возвратившись въ свой монастырь, монахъ стоялъ за всенощной, ожидая обѣщанной благодати. И вдругъ, по молитвамъ этой святой женщины, онъ получилъ отъ Господа слезы въ изобиліи.

Другому монаху на молитвѣ является Христосъ. — „Проси у меня, чего хочешь“.—„Господи, ничего я не прошу у тебя, кромѣ того, чтобы имѣть столько слезъ, сколько заслуживаетъ воспоминаніе о твоихъ страданіяхъ“. И Господь: „Да будетъ тебѣ эта благодать“. И отъ этого часа всякій разъ, какъ ему случалось вспомнить или заговорить о страданіяхъ Христовыхъ, у него слезы текли ручьемъ.

Очистившись отъ грѣха сокрушеніемъ и покаяніемъ, человѣкъ подвергается опасности впасть немедленно въ новый грѣхъ, такъ какъ на каждомъ шагу, каждую минуту, его подстерегаетъ искушеніе. „Жизнь человѣка есть непрерывное искушеніе“, въ особенности жизнь „обращеннаго“, т. е. монаха. „Мірскіе и плотскіе,— говоритъ Цезарій,—послушествующіе плоти, не переживаютъ искушенія въ собственномъ смыслѣ, потому что они, едва почувствуютъ искушеніе, какъ ужъ готовы немедленно склониться къ нему, а если и сопротивляются, то слабо, подобно лошади или мулу, у ко-

торыхъ нѣтъ разума". Совсѣмъ другое дѣло—жизнь монаха: она есть непрерывная и неустанная борьба противъ искушеній, которыми усѣянъ его жизненный путь. Не говоря уже о плоти съ ея грѣховными вожделѣніями; не говоря о мірѣ съ его соблазнами, противъ которыхъ подчасъ и стѣны монастырскія безсильны,—не говоря уже объ этихъ двухъ неизсякаемыхъ источникахъ постоянныхъ искушеній, смущающихъ духъ инока,—послѣдній вѣчно окруженъ еще цѣлымъ сонмомъ особыхъ существъ, нарочитое призваніе которыхъ—искушать человѣка; эти существа—злые духи, демоны.

Такова, по представленію Цезарія, жизнь человѣка, въ особенности человѣка „обращеннаго," монаха,—эта безпрерывная борьба съ плотью, съ міромъ, съ дьяволомъ,—жизнь, протекающая между грѣхомъ и покаяніемъ, между сокрушеніемъ и искушеніемъ. Естественно, что, при такомъ взглядѣ на жизнь, смерть представлялась человѣку чѣмъ-то желаннымъ, радостнымъ; въ самомъ дѣлѣ, она приносила съ собою освобожденіе души отъ тяжкихъ узъ плоти, міра, грѣха, искушенія. „Мнѣ случалось нерѣдко,—говоритъ Цезарій,—у многихъ изъ нашихъ монаховъ, когда они заболѣвали, наблюдать такое желаніе умереть ради будущей жизни, что ихъ искренно огорчало, коли имъ желали выздоровленія". Вся книга Цезарія проникнута этимъ аскетическимъ презрѣніемъ къ жизни и идеализаціей смерти. Самый моментъ смерти, особенно смерти „обращеннаго", окруженъ ореоломъ особенной прелести и поэзіи. Умирающій юноша „слышитъ дивное пѣніе ангельскихъ хоровъ, неизъяснимая прелесть котораго доставляетъ ему великое наслажденіе". „Обращенный", по имени Обертъ, умирая, „созерцаетъ ангеловъ, слышитъ небесную гармонію, видитъ себя соучастникомъ славы святыхъ".

Таково это аскетическое пониманіе жизни, насколько оно выразилось въ книгѣ Цезарія. Но что особенно характерно для Цезарія и для средневѣковаго міровоззрѣнія вообще, такъ это—то своеобразное сочетаніе этихъ аскетическихъ понятій съ языческо-поэтическими представленіями, о которомъ было упомянуто выше. Вліяніе послѣдняго выразилось, прежде всего, въ матеріализаціи христіанскихъ представленій и, затѣмъ, въ своеобразномъ направленіи и развитіи чувства чудеснаго.

Матеріализація христіанскихъ представленій выразилась въ перенесеніи на нихъ чувственныхъ образовъ языческой миѳологіи. Послѣднее отразилось въ особенности на представленіяхъ о св. Дѣвѣ, о добрыхъ и злыхъ духахъ. На св. Дѣву переносятся черты

Матеріализація христіанскихъ представленій.

отчасти языческой богини, отчасти сказочной героини. Подобно миѳической воинственной богинѣ германскихъ сагъ, св. Дѣва помогаетъ покровительствуемому ею рыцарю одержать побѣду въ турнирѣ; подобно сказочной богинѣ, она спасаетъ своего поклонника отъ опасности, освобождаетъ изъ плѣна, помогаетъ достигнуть успѣха въ задуманномъ предпріятіи. На все это у Цезарія немало живыхъ примѣровъ. Онъ же разсказываетъ случай, когда св. Дѣва приняла наружность одной монахини, бѣжавшей изъ монастыря, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ служила въ монастырѣ вмѣсто нея, до тѣхъ поръ, пока та не возвратилась снова въ монастырь; благодаря св. Дѣвѣ, никто не замѣтилъ отсутствія бѣжавшей монахини, которая, возвратившись въ монастырь, заняла свое прежнее мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало.

Но особенно рѣзкую печать наложили миѳическіе образы на средневѣковыя представленія о злыхъ духахъ, на которыхъ средневѣковое воображеніе перенесло черты низшихъ божествъ или полубожествъ языческой миѳологіи: эльфовъ, домовыхъ, великановъ, оборотней и т. п. „Злой духъ“ Евангелія утратилъ совершенно въ представленіи средневѣковаго человѣка свой духовный обликъ; онъ облекся въ плоть и кровь, размножился. У Цезарія міръ кишитъ демонами, и человѣкъ уже не духовными очами зритъ ихъ: онъ видитъ ихъ плотскими глазами и ощущаетъ ихъ присутствіе чуть не всѣми своими пятью чувствами; видитъ ихъ наяву, чувствуетъ ихъ прикосновеніе къ своему тѣлу, слышитъ ихъ голосъ и разговариваетъ съ ними. Дьяволъ у Цезарія является человѣку то въ звѣриномъ образѣ: медвѣдемъ, обезьяной, лошадью, собакой, кошкой, крысой, свиньей; то въ образѣ человѣка: мужчины, женщины, дѣвицы, великана; иногда онъ принимаетъ наружность какой-нибудь опредѣленной личности, живущей или умершей; наконецъ, есть случаи, что дьяволъ принимаетъ образъ ангела, это—высшая степень дьявольскаго коварства. Когда демонъ является въ своемъ собственномъ видѣ, онъ имѣетъ обыкновенно наружность безобразнаго, приземистаго человѣка, плечистаго, съ короткой шеей; волосы взъерошены, цвѣтъ кожи напоминаетъ вынутое изъ горна желѣзо. Въ одномъ мѣстѣ Цезарій описываетъ цѣлую группу дьяволятъ, которые были усмотрѣны епископомъ на шлейфѣ пришедшей въ церковь щеголихи. „Они были ростомъ съ крысу и черны, какъ эѳіопы; склабя свои морды, они хлопали въ ладоши и прыгали, точно рыбы въ неводѣ“. Другой монахъ имѣлъ случай видѣть демоновъ въ иной обстановкѣ. „Онъ увидѣлъ пятнистыхъ

кошекъ, или, точнѣе говоря, демоновъ подъ видомъ кошекъ; мурлыкая и помахивая своими хвостами, по обычаю кошекъ, они ласково терлись боками другъ о друга".

Главное призваніе демоновъ—искушать людей, преимущественно монаховъ; жизнь послѣднихъ есть повседневная ожесточенная война съ демонами, которые особенно назойливо осаждаютъ монастырскія кельи. Непримиримая ненависть демоновъ къ человѣку засвидѣтельствована однимъ дьяволомъ, подлинныя слова котораго приводятся Цезаріемъ, на основаніи достовѣрнаго, по его мнѣнію, источника. „Я предпочелъ бы,—говоритъ демонъ,—если бы пришлось выбирать, возвратиться въ преисподнюю съ одною соблазненною душой, нежели получить снова доступъ на небо". Впрочемъ, съ добросовѣстностью ученаго изслѣдователя, Цезарій отмѣчаетъ разногласіе между демонами въ данномъ пунктѣ: „Huic verbo,—говоритъ онъ,—alterius cujusdam daemonis sermo non concordat", и разсказываетъ далѣе о демонѣ, qui contraria dicebat.

Вмѣстѣ съ матеріализаціей демона, и борьба съ нимъ человѣка принимаетъ чувственныя, матеріальныя формы: это—борьба въ рукопашную, борьба нерѣдко кровопролитная—въ буквальномъ смыслѣ, съ поломанными ребрами, окровавленнымъ лицомъ, вывороченными внутренностями,—борьба, кончающаяся сплошь да рядомъ увѣчьемъ и даже смертью отъ руки дьявола. Для иллюстраціи сказаннаго приведемъ нѣсколько живыхъ примѣровъ „искушеній" и борьбы съ искусителемъ со стороны человѣка, какъ это представлено у Цезарія.

Рыцарь, по имени Менгоцъ, исполняя свой давній обѣтъ, собирается въ путь къ св. Ремигію въ Реймсъ. Вдругъ прилетаетъ дьяволъ и говоритъ: „Къ чему спѣшить? Впереди всегда найдется достаточно времени для исполненія обѣта"... Ни слова не говоря болѣе, дьяволъ схватилъ рыцаря за ноги и такъ нещадно поволокъ его по мостовой, что земля окрасилась кровью, которая лилась изъ изуродованнаго лица несчастнаго. Другой разъ, одинъ монахъ „такъ варварски изувѣченъ былъ демономъ, что на третій день скончался". Рыцарь, по имени Тіело, близъ Кельна, былъ варварски умерщвленъ демономъ. Послѣдній забрался къ рыцарю въ комнату, гдѣ и провелъ всю ночь, а подъ утро, схвативъ рыцаря, потащилъ его сквозь потолокъ, причемъ у несчастной жертвы были выдавлены внутренности. Что сталось съ его тѣломъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ; только утромъ нашли висѣвшія на доскахъ крыши разорванныя внутренности, которыя и предали погре-

бенію. Случалось, что дьяволъ прибѣгалъ къ помощи отравы. Явившись одному неопытному новицію въ образѣ ангела, онъ предложилъ ему ломоть хлѣба; новицій съѣлъ, заболѣлъ и зачахъ. Иногда простое прикосновеніе демона причиняетъ человѣку болѣзнь и даже смерть, чему имѣется немало примѣровъ у Цезарія.

Впрочемъ, увѣчья и смерть отъ руки дьявола—сравнительно исключительныя явленія; въ большинствѣ же случаевъ, дьявольскія „искушенія" не идутъ далѣе болѣе или менѣе коварныхъ, но неопасныхъ для тѣлеснаго здоровья козней, которыя носятъ подчасъ характеръ школьническихъ проказъ. „Въ боннской епархіи жилъ одинъ благочестивый инокъ. Дьяволъ до такой степени былъ противъ него озлобленъ, что часто, когда послѣдній раскрывалъ молитвенникъ для утренней молитвы, дьяволъ то закрывалъ ему буквы, то перевертывалъ страницу, а иногда и свѣчу задувалъ". Вообще, на молитвѣ монахъ служитъ мишенью особенно назойливыхъ козней и всякаго рода издѣвательствъ со стороны демона. Во время церковнаго богослуженія, онъ взлѣзаетъ монаху на спину въ видѣ змѣи; другому вскарабкивается на голову въ видѣ кошки; третьему надѣваетъ на лицо конскую узду; четвертый стоитъ, окруженный цѣлою толпой демоновъ, подъ видомъ свиней, хрюканье которыхъ слышно для окружающихъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ результатъ получается одинаковый: монахи начинаютъ дремать или и совсѣмъ засыпаютъ, а дьяволу только этого и нужно.

Одна женщина видѣла въ Ахенѣ монаховъ, „на плечахъ и капюшонахъ у нихъ сидѣли демоны въ образѣ обезьянъ и кошекъ". Ей же другой разъ случилось видѣть „еще болѣе ужасную картину: впереди монаховъ шли огромные, страшнаго вида псы съ цѣпями, одни концы которыхъ были прикрѣплены къ ихъ ошейникамъ, а противоположные концы опутывали шеи монаховъ: такъ дьяволы влекли послѣднихъ къ соблазнамъ".

Монашескій постъ — тоже одинъ изъ главныхъ пунктовъ, на которые направлены усилія искусителя. Одному дьяволу удалось подсунуть монаху мяса, да еще сырого, которое тотъ и съѣлъ невзначай; но другой дьяволъ имѣлъ менѣе успѣха у монахини, которую тщетно пытался соблазнить покушать гуся, яко бы присланнаго ей отъ родителей. Еще менѣе посчастливилось искусителю съ монахиней Елизаветой, которую онъ долго и неотступно осаждалъ въ Ховенскомъ монастырѣ. Разъ, увидѣвъ его у себя, и догадавшись, кто это такой, она дала ему пощечину.—„Зачѣмъ ты такъ больно дерешься?" сказалъ онъ.—„Потому что ты часто

досаждаешь мнѣ", отвѣтила она. На это дьяволъ: „Вчера я гораздо болѣе досадилъ твоей сестрѣ, пѣвчей, и однако она меня не ударила".

Другой разъ аббатисса того же монастыря, разсказывая про явленіе ей дьявола въ образѣ человѣка, прибавила: „Жаль, что не знала я тогда, что это былъ дьяволъ, а не человѣкъ: дала бы ему хорошую пощечину"... Не менѣе рѣшительный отпоръ встрѣтилъ врагъ рода человѣческаго со стороны Бертрады, монахини Вольмунтштейнскаго монастыря въ Вестфаліи. Замѣтивъ дьявола, который пытался проникнуть къ ней черезъ окно, „она плюнула ему въ лицо и, понося его позорными словами, заклинала именемъ св. Троицы не искушать ея болѣе".

Далеко, однако, не всѣ демоны злы; есть даже прямо добрые демоны. Цезарій готовъ былъ бы усомниться въ возможности столь невѣроятной вещи, если бы она не доказывалась многими, по мнѣнію автора, не подлежащими никакому сомнѣнію фактами и наглядными примѣрами „дьявольской доброты (bonitatis diabolicae)". Цезарію, напримѣръ, извѣстенъ случай, что одинъ демонъ, въ образѣ молодого человѣка, нанялся въ слуги къ одному рыцарю. „Онъ началъ служить рыцарю съ такимъ усердіемъ, почтительностью, преданностью и готовностью, что тотъ не могъ надивиться. При этомъ, всегда скроменъ, предусмотрителенъ, веселъ". Разъ онъ сверхъестественнымъ образомъ спасъ жизнь рыцаря отъ неминуемой смерти; другой разъ вылѣчилъ его жену отъ опасной болѣзни львинымъ молокомъ, которое онъ добылъ въ Аравіи, слетавъ туда въ одинъ часъ. Это послѣднее обстоятельство выдало настоящее происхожденіе слуги. По настоятельному требованію рыцаря, онъ вынужденъ былъ сознаться: „Я—демонъ, одинъ изъ тѣхъ, что пали съ Люциферомъ.—„Если ты по природѣ дьяволъ, то что это значитъ, что ты служишь вѣрой-правдой человѣку?" спросилъ изумленный рыцарь. Демонъ отвѣчалъ: „Великая для меня отрада быть съ сынами человѣческими".

Демонъ оказался не только добрымъ, но и благочестивымъ, какъ явствуетъ изъ нижеслѣдующаго. Получивъ отъ рыцаря за свою службу пять золотыхъ, демонъ возвратилъ ихъ ему, со словами: „Сооруди на эти деньги колоколъ, который повѣсь надъ кровлей этой бѣдной и запущенной церкви, чтобы по воскресеньямъ онъ созывалъ вѣрныхъ къ божественной службѣ"... Съ этими словами онъ исчезъ изъ глазъ рыцаря.

Другой благочестивый демонъ перенесъ рыцаря Эбергарда по

воздуху въ Іерусалимъ во мгновеніе ока. Цезарій передаетъ даже случай, что демонъ пришелъ на исповѣдь къ священнику. Послѣдній пришелъ въ ужасъ отъ той подавляющей массы смертныхъ грѣховъ, которые повѣдалъ ему вновь прибывшій. — „Если бы тебѣ было тысяча лѣтъ, — сказалъ священникъ, — и тогда количество твоихъ грѣховъ было бы изумительно". Тотъ отвѣчалъ: „Мнѣ болѣе тысячи лѣтъ". Еще болѣе пораженный, священникъ сказалъ: „Кто же ты такой?" — „Я — демонъ, одинъ изъ тѣхъ, что пали съ Люциферомъ". Священникъ согласился отпустить грѣхи дьяволу, подъ условіемъ извѣстной эпитиміи, но дьяволъ наотрѣзъ отказался отъ выполненія послѣдней и исчезъ не прощенный.

Помимо того, что Цезарій всюду готовъ видѣть чудесное, самое чудо получаетъ у него совсѣмъ иной характеръ, нежели оно имѣло въ первобытномъ христіанствѣ. У Цезарія оно утрачиваетъ свой духовный и наставительный характеръ и пріобрѣтаетъ отчасти сказочно-фантастическій, отчасти языческо-миѳологическій обликъ. Къ „чудесамъ" послѣдней категоріи принадлежатъ, напримѣръ, тѣ многочисленныя и многообразныя проявленія волшебства, которыя занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто среди цезаріевскихъ „чудесъ". Что касается перваго, т. е. сказочно-фантастическаго элемента, то онъ всего нагляднѣе выступаетъ въ той роли, какую Цезарій отводитъ животнымъ во многихъ изъ своихъ „чудесъ". Однажды „пчелы построили изъ воска базилику чудной архитектуры для тѣла Господня, которое и возложили на алтарь, воздвигнутый изъ того же матеріала". Домашнюю птичку одной дамы, усердно молившейся св. Ѳомѣ, схватилъ коршунъ. Въ когтяхъ коршуна птичка закричала, такъ что всѣ слышали: „Святой Ѳома, помоги мнѣ". Муха, пытавшаяся сѣсть на чашу съ эвхаристіей, внезапно упала мертвая.

Такъ, народно-поэтическія представленія самымъ неожиданнымъ образомъ переплетаются съ богословско-аскетическими идеями, образуя то своеобразное смѣшеніе понятій и представленій, которое составляетъ характерную особенность средневѣковаго міросозерцанія.

П. Ардашевъ.

XL.

Францискъ и Доминикъ.

Возникновеніе нищенствующихъ орденовъ.

Монашескіе ордена въ средніе вѣка.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ монашество нѣсколько разъ поднимается съ особою силою и каждый разъ новой, болѣе строгой или болѣе чистой его формѣ отвѣчаетъ новое настроеніе въ народѣ или потребность преобразованія церкви. Въ XI вѣкѣ суровые и дѣятельные клюнійцы среди дикаго разлада феодальнаго общества подготовили реформу Григорія VII, клонившуюся къ подчиненію міра умершимъ для міра представителямъ іерархіи. Въ началѣ XIII в., въ виду грозныхъ успѣховъ ересей, поднимавшихся противъ церкви, и отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ же стремленій, которыя выражали еретики, появились два нищенствующихъ ордена, францисканцы и доминиканцы.

Около 1200 г. въ лицѣ Иннокентія III папство осуществляетъ самыя смѣлыя свои цѣли. Римскій первосвященникъ правитъ христіанскимъ міромъ и раздаетъ короны. Но могущественная, богатая церковь забываетъ о своемъ призваніи и замыкается въ гордую, привилегированную касту. Чѣмъ матеріальнѣе становилась церковь, тѣмъ живѣе чувствовалась въ народѣ потребность непосредственнаго знакомства съ источникомъ вѣры, съ евангеліемъ, и тѣмъ легче люди чуткой души переходили на путь самостоятельнаго исканія евангельскаго житія. Ліонскій купецъ Петръ Вальдъ, отвергнутый папою, основалъ „общество бѣдныхъ“, стремившихся къ подражанію Христу, и его послѣдователи въ южной Франціи и Италіи отклонились отъ церкви. Еще рѣзче порвали съ церковью альбигойцы, удалившіеся отъ самыхъ догматовъ христіанства. Сила еретиковъ заключалась въ доступности ихъ ученія, въ отсутствіи

властолюбиваго и чуждаго народу духовенства, а главное—въ проповѣди на народномъ языкѣ, которой не знала церковь. Преимущества были таковы, что церковь не находила средствъ для борьбы: въ Монпелье на съѣздѣ прелатовъ и цистерціанскихъ монаховъ, явившихся для искорененія альбигойства, Доминикъ встрѣтилъ у духовенства сознаніе полнаго безсилія. Онъ подалъ совѣтъ заимствовать у еретиковъ главное ихъ орудіе—проповѣдь; надо монахамъ выйти изъ келейнаго заключенія и идти въ самую среду свѣтскаго общества. Францисканцы еще ближе подошли къ ереси: у нихъ уже не одно заимствованіе пріемовъ для борьбы; они проникаются тѣмъ же духомъ евангельскаго христіанства бѣдныхъ, что и вальденцы. Въ ихъ лицѣ церковь приняла идеи, сначала грозившія подорвать ее. Новые два ордена принялись за реформу нравовъ и вѣрованій: они спасли господство церкви, но внесли въ нее совершенно новую жизненную струю. Прежде монашество само себѣ было цѣлью, и люди постригались ради спасенія души своей. Въ орденахъ XIII в. оно становится средствомъ проповѣди евангелія въ народѣ и воздѣйствія на свѣтское общество.

Францискъ Ассизскій. На характерѣ двухъ нищенствующихъ орденовъ отразились оригинальныя черты личности ихъ основателей. Во Францискѣ Ассизскомъ мы встрѣчаемъ мягкую, полную искренняго, глубокаго чувства, любвеобильную и радостную, подвижную и восторженную натуру итальянца (съ примѣсью, можетъ быть, южно-французской крови). Въ его лицѣ возрождается вѣчно возвращающійся идеалъ—водворить на землѣ настоящее царство Христово.

Земной образъ Христа, бѣднаго и милосердаго, простого, смиреннаго и близкаго къ грѣшникамъ, его странствованія и страданія постоянно привлекали и возбуждали къ подражанію. Какъ у древнихъ евіонитовъ, какъ у вальденцевъ, такъ еще болѣе у Франциска цѣль состояла въ томъ, чтобы приблизиться ко Христу всѣмъ складомъ жизни, всѣмъ душевнымъ настроеніемъ. Какъ этотъ взглядъ Франциска, такъ же проста и наивно-трогательна исторія его обращенія и вся его жизнь.

Францискъ принадлежалъ къ зажиточному городскому классу. Онъ родился въ 1182 г. въ Ассизи, небольшомъ городкѣ Умбріи, въ семьѣ торговца сукномъ Піетро Бернардоне. Мать его была, повидимому, родомъ изъ южной Франціи; этимъ, вѣроятно, объясняется его любовь къ провансальскому языку и пѣснямъ, а, можетъ быть, и самая близость къ вальденству. Францискъ не получилъ образованія. Онъ провелъ безпечную и веселую молодость,

развозя товары отца и пируя съ многочисленными товарищами и знакомыми, причемъ онъ былъ всегда первымъ въ затѣяхъ и избирался царемъ праздника. Въ эту пору сказались въ немъ и рыцарскія наклонности: онъ не удержался отъ участія въ кипѣвшей всюду въ Италіи борьбѣ гибеллиновъ и гвельфовъ и пробылъ годъ въ плѣну. Но среди этой шумной жизни въ немъ пробудилась мысль о другомъ, болѣе высокомъ назначеніи. Жизнеописаніе его разсказываетъ, что завѣса спала внезапно. Францискъ однажды возвращался съ товарищами съ богатой пирушки, въ которой, по обыкновенію, занималъ первое мѣсто. Спутники его, распѣвавшіе пѣсни, вдругъ замѣтили, что онъ отсталъ въ глубокомъ раздумьи. На ихъ разспросы и насмѣшливыя замѣчанія, не хочетъ ли онъ жениться, онъ отвѣтилъ, что дѣйствительно задумалъ взять невѣсту, но болѣе благородную, богатую и красивую, чѣмъ кто-либо видѣлъ. Францискъ въ этомъ образѣ разумѣлъ Христову нищету; онъ говорилъ потомъ, что въ эту минуту его посѣтило свыше откровеніе, которое онъ давно предчувствовалъ и которое указало ему жизненный путь. Исполнить завѣтъ Христа, все отдать бѣднымъ, пойти въ ихъ среду,—вотъ какъ онъ понялъ свое призваніе. Житіе говоритъ, что однажды среди горячей молитвы онъ услышалъ свыше слова: „все, что ты любилъ до сихъ поръ, Францискъ, земной любовью и желалъ имѣть, тебѣ слѣдуетъ презирать и ненавидѣть, если хочешь знать Мою волю. Если ты начнешь исполнять ее, то все, что тебѣ теперь кажется сладкимъ и пріятнымъ, станетъ для тебя горькимъ и невыносимымъ". Въ своемъ рвеніи Францискъ сталъ исполнять эту заповѣдь буквально. Онъ не только отрекся отъ богатства, наслѣдія отца, отъ веселой жизни; онъ смѣшался съ толпою грязныхъ, больныхъ нищихъ на богомольѣ въ Римѣ, раздавъ всѣ деньги изъ кошелька, онъ обмѣнялся платьемъ съ однимъ изъ нихъ и провелъ цѣлый день въ лохмотьяхъ на виду у всѣхъ; мало того, одолѣвъ отвращеніе, онъ обнялъ прокаженнаго и поцѣловалъ у него руку. Душевный переворотъ въ Францискѣ повелъ къ разрыву его съ семьей. Образъ жизни его казался отцу сумасбродствомъ. Однажды Францискъ распродалъ отцовскій товаръ, порученный ему, и отдалъ всѣ вырученныя деньги священнику на возстановленіе разрушенной церкви. Въ другой разъ, въ отсутствіе отца, онъ пригласилъ въ его домъ нищихъ и устроилъ имъ богатый пиръ. Отецъ билъ его и запиралъ, но Францискъ не поддавался и, наконецъ, ушелъ; когда же отецъ, жалѣя потерянныхъ денегъ, потребовалъ ихъ судомъ, Францискъ передъ наро-

домъ и епископомъ Ассизи торжественно отдалъ все, что у него было, снявши съ себя даже одежду, со словами: „до сихъ поръ я называлъ Піетро Бернардоне отцомъ своимъ, отнынѣ же я рѣшилъ служить одному Богу, и на устахъ моихъ будетъ лишь: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“ (1207 г.).

Уйдя отъ мірской суеты, Францискъ не идетъ, однако, въ монастырь, не надѣваетъ рясы. Первое время его служеніе Богу выражается въ сборѣ подаяній на обновленіе старыхъ обветшавшихъ церквей. Въ это же время начата была постройка храма Пресвятой Дѣвы Порціункульской (in Portiuncula), который сталъ потомъ центромъ и главной святыней ордена. Но Францискъ не остановился на этомъ: глубоко поразили его слова Христа: „не берите съ собой ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха“. Онъ увидалъ въ нихъ прямое указаніе: одѣвшись въ грубую шерстяную тунику, подпоясавшись веревкой, босой, бросивъ палку и мѣшокъ, рѣшилъ онъ слѣдовать Христу, быть его вѣрнымъ апостоломъ и разносить всюду благую вѣсть и миръ.

Первая община францисканцевъ. Къ нему скоро примкнули послѣдователи: одинъ богатый гражданинъ Ассизи, по евангельскому завѣту, продалъ все имущество, роздалъ деньги бѣднымъ и сталъ жить съ Францискомъ въ шалашѣ около часовни Порціункулы. Присоединеніе третьяго францисканцы считали потомъ началомъ ордена (1209 г.). Учениковъ своихъ, которыхъ становилось все больше, Францискъ разсылалъ подобно тому, какъ Христосъ апостоловъ. Потомъ они сходились опять и жили вмѣстѣ, повинуясь простому уставу, составленному Францискомъ на основаніи нагорной проповѣди. Легенда упоминаетъ въ числѣ первыхъ послѣдователей двухъ разбойниковъ, какъ бы стремясь воспроизвести кругъ Христовыхъ учениковъ и вспоминая обращеніе преступника на крестѣ.

Новая община мало походила на монастырь,—напротивъ, она была очень близка къ вальденству. Какъ у общества ліонскихъ бѣдняковъ, на первомъ мѣстѣ была не одинокая, личная молитва для спасенія души, а всенародная проповѣдь странствующихъ апостоловъ. Самая бѣдность не вытекала изъ монашескаго обѣта, изъ насильственнаго подавленія плоти; въ отсутствіи собственности францисканцы видѣли лишь приближеніе къ апостольскому совершенству и искали ея добровольно. Сходство простиралось до внѣшнихъ признаковъ: у францисканцевъ была одинаковая съ вальденцами одежда—черная или сѣрая ряса, одинаковое привѣтствіе при

входѣ: „миръ дому сему“. Прося у папы разрѣшенія свободной проповѣди, Францискъ добивался лишь того, за что преслѣдовали вальденцевъ. Братья, подобно еретикамъ, не отдавались созерцанію: они чередовали молитву съ работой и, уставши отъ дневного труда, поднимались ночью съ плачемъ о грѣхахъ своихъ на новую молитву. Вся жизнь ихъ должна была служить живымъ и буквальнымъ воспроизведеніемъ пребыванія Христа на землѣ и странствованій его съ апостолами. Понятно, что легенда перенесла потомъ на Франциска черты самого Христа и приписала ему, какъ высшее торжество святости, стигматы, т. е. кровавые знаки на тѣлѣ, соотвѣтствующіе ранамъ Христа. Проповѣдь Франциска, удивительная по своей яркости, силѣ и чувству, также вращалась около простого, безхитростнаго разсказа о жизни Христа и о его страданіяхъ; она была далека отъ обычныхъ туманныхъ аллегорій, сухихъ разсужденій, путаницы хитрыхъ выраженій, которыя вплетались церковными проповѣдниками. Впечатлѣнію проповѣдей сильно содѣйствовала необыкновенная живость натуры Франциска: онъ переживалъ то, что разсказывалъ, неудержимо плакалъ и смѣялся на каѳедрѣ; выраженіе лица, жесты, вся фигура служили для передачи горячаго чувства, восторга, умиленія, состраданія, которыя его охватывали. Одинъ очевидецъ сознавался, что, какъ ни запоминалъ онъ слова Франциска, но проповѣдь не поддавалась воспроизведенію, какъ у другихъ проповѣдниковъ: не въ словахъ состояла сила ея. Передача евангельскихъ сценъ была не только доступна народу своей житейской правдивостью, она была согрѣта поэзіей. Любовь къ нѣжной провансальской пѣснѣ не умерла у Франциска: онъ только сталъ Божьимъ трубадуромъ. Среди лишеній, нищеты и страданій, не погибло у Франциска и радостное, свѣтлое отношеніе къ окружающему міру,— и этимъ онъ отличался отъ угрюмыхъ аскетовъ прежняго времени. Одному новичку Францискъ сказалъ: „братъ мой, зачѣмъ этотъ печальный видъ? Ты совершилъ грѣхъ? Это — дѣло Божье и твое. Пойдемъ молиться. Передъ братьями же проявляй святую радость“.

Утвержденіе ордена.

Не трудно понять и необычайную популярность Франциска и его „братьевъ“, „нижайшихъ во Христѣ“ (минориты), какъ онъ называлъ себя съ послѣдователями. Ростъ первоначальной общины побудилъ Франциска добиваться у папы утвержденія ея устава и возведенія ея въ орденъ. Это случилось въ 1209 году, во время наибольшаго могущества всесильнаго Иннокентія III. Легенда разрисовываетъ благодарный сюжетъ встрѣчи властолюбиваго, неогра-

ниченнаго въ своей мощи первосвященника и смиреннаго сына народа, не имѣвшаго крова, не считавшаго себя достойнымъ даже священническаго сана. Вѣрно то, что Францискъ здѣсь, какъ и вездѣ, проявилъ полную покорность властвующей іерархіи, и что папа отнесся къ идеѣ Франциска съ большимъ недовѣріемъ, можетъ быть, не понялъ ея. Папа разрѣшилъ орденъ только на словахъ и поставилъ условіемъ, чтобы число учениковъ Франциска постоянно умножалось. Такой же уклончивый отвѣтъ далъ сначала его преемникъ Гонорій III, и лишь въ 1223 г. орденъ получилъ настоящее утвержденіе.

Послѣдніе годы жизни Франциска мало извѣстны и, по преимуществу, разукрашены легендой. Онъ отдалъ дань жаждѣ миссіонерства, отправлялся съ крестоносцами въ Египетъ (1219 г.) и пытался обратить въ христіанство султана и его приближенныхъ. Скоро, однако, убѣдившись въ безплодности предпріятія, онъ вернулся къ своему истинному дѣлу—отыскиванію и возвращенію заблудшихъ овецъ въ самомъ стадѣ Христовомъ. Но жизнь, полная лишеній и неимовѣрнаго труда, быстро подкосила его здоровье: въ послѣднее время Франциска видѣли разъѣзжающимъ на ослѣ со смертельно-блѣднымъ лицомъ умирающаго. Дѣла ордена онъ уже лѣтъ за 5 до смерти вполнѣ предоставилъ вѣдѣнію другихъ. По временамъ онъ удалялся въ уединеніе, на горы, и отдавался мистическому восторгу, въ которомъ ему чудилось сліяніе души его съ Христомъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ велѣлъ своимъ ученикамъ снести себя къ родному городу, благословилъ Ассизи и скончался на ступеняхъ Порціонкулы въ 1226 г., на 44 году жизни.

Смягченіе аскетизма. Францискъ завѣщалъ своимъ ученикамъ новый взглядъ на жизнь: въ его лицѣ смягчился, переродился старый аскетизмъ. Франциску чуждо тяжелое состояніе духа, неустанное истребленіе плотскихъ влеченій, вѣчная война съ самимъ собою. Онъ не боялся соблазновъ на каждомъ шагу, не отворачивался отъ жизни: онъ просто презиралъ ея матеріальныя блага. Изнуряя себя постомъ, онъ не считалъ нужнымъ рѣзко отказываться отъ угощеній, если приходилось бывать у богатыхъ людей. Не требовалъ онъ чрезмѣрнаго напряженія въ лишеніяхъ и отъ своихъ учениковъ. Увидавъ разъ одного изъ нихъ въ полномъ упадкѣ силъ вслѣдствіе долгаго поста, Францискъ велѣлъ поставить на столъ хлѣба и сталъ ѣсть вмѣстѣ съ другими, чтобы побудить несчастнаго бросить опасный искусъ и подкрѣпиться. Правда, онъ относился къ своему тѣлу,

какъ къ чему-то постороннему, однако безъ ненависти, скорѣе добродушно: на своемъ простонародномъ языкѣ онъ называлъ его братомъ и осломъ и говорилъ, что „его надо подвергать тяжелой ношѣ, часто бить бичемъ и кормить плохимъ кормомъ". Но передъ смертью онъ признался, что „истязуя себя въ здоровомъ состояніи и въ болѣзни, онъ такимъ изнуреніемъ согрѣшилъ противъ брата своего, осла". Францискъ не возставалъ съ ожесточеніемъ противъ семьи и имущества, а только считалъ ихъ препятствіемъ религіозному назначенію человѣка.

Поэтому онъ и возвелъ нищенство въ основу ордена: у монаховъ не должно быть не только личной, но и общей, монастырской собственности, чтобы они были вполнѣ свободны отъ какихъ-либо мірскихъ заботъ. Нищенство обращено было въ основную добродѣтель, въ своего рода богослуженіе, еще по другой причинѣ: „Братья,—говорится въ уставѣ Франциска,—ничего не должны пріобрѣтать, ни дома, ни земли для себя, ни чего-либо другого, но, какъ странники въ этомъ мірѣ, служа Господу въ бѣдности и смиреніи, они должны просить милостыню, не стыдясь этого, ибо Господь ради насъ сдѣлался нищимъ на этой землѣ". Одному монаху, который отказалъ навязчивому нищему, Францискъ велѣлъ, обнажившись, пасть ницъ передъ нищимъ, просить у него прощенія и прибавилъ къ этому: „когда ты видишь нищаго, тебѣ представляется, какъ въ зеркалѣ, Господь и бѣдная Мать Его". По этому убѣжденію, собственность принадлежитъ тому, кто болѣе всего въ ней нуждается. Однажды зимой Францискъ въ пути захотѣлъ отдать нищему свой плащъ, которымъ покрылся въ виду болѣзни; на энергичныя возраженія своего спутника, онъ отвѣтилъ: „я думаю, что всякій милостивецъ долженъ былъ бы счесть за воровство, если бы я не отдалъ того, что несу на себѣ, тому, кто болѣе въ этомъ нуждается".

Другой существенный завѣтъ Франциска состоялъ въ любви и состраданіи къ грѣшникамъ и преступникамъ. Монахи не должны кичиться своей святостью и замыкаться въ ней. Своему преемнику, Иліи изъ Кортоны, онъ говорилъ передъ отъѣздомъ своимъ: „я потому буду узнавать, дѣйствительно ли ты слуга Господенъ, если ты станешь возвращать заблуждающихся братьевъ милосердіемъ на путь къ Богу и не перестанешь любить тяжело согрѣшившихъ". У Франциска исчезъ разладъ между духомъ человѣка, измученнымъ самоистязаніемъ, и окружающимъ его міромъ, въ которомъ прежде монахи видѣли одинъ источникъ соблазна. Онъ любилъ природу,

любилъ все живое тѣмъ же наивнымъ, трогательнымъ чувствомъ. Францискъ кормитъ зимою пчелъ медомъ и виномъ, потому что ихъ искусная работа славитъ Творца; червяковъ съ дороги онъ относитъ въ сторону, чтобы ихъ не раздавили; ягненка, котораго собираются зарѣзать, онъ выкупаетъ, отдавши зимнюю одежду. Житіе разсказываетъ, какъ Францискъ, встрѣтивъ однажды на дорогѣ множество птицъ, почувствовалъ къ неразумной твари состраданіе и обратился къ нимъ съ проповѣдью: „сестрицы мои, птички, вамъ слѣдуетъ громко восхвалять Творца вашего и любить Того, Кто одѣлъ васъ перьями, далъ крылья для полета и снабдилъ всѣмъ, что вамъ нужно“. Птицы, прибавляетъ біографъ, слушали съ большимъ вниманіемъ, и только, когда Францискъ благословилъ ихъ, онѣ улетѣли.

Точно новая вѣра открывалась людямъ, болѣе чистая, болѣе естественная. По взгляду Франциска, не во внѣшнихъ дѣлахъ, не въ исполненіи обрядовъ, постовъ, не въ богомольяхъ въ Римъ и т. п. спасеніе: „не льстите себя мыслью, —говорилъ онъ ученикамъ, — что вы достигли совершенства, исполнивъ все, что можетъ сдѣлать и злой человѣкъ: онъ также можетъ поститься, молиться, плакать, истязать плоть: одно ему недоступно — быть вѣрнымъ Господу нашему, Христу“. Францискъ молится непрестанно, но его молитва непринужденная: онъ думаетъ, что нѣмая молитва сердца лучше, чѣмъ заученныя слова, сходящія съ устъ.

Устройство и развитіе ордена.

Устройство ордена отразило въ себѣ идеи основателя. Первоначально предполагалось вовсе не основывать монастырей: монахи должны были все время проводить среди народа, и они селились въ самыхъ скучныхъ кварталахъ города. Развитіе нищенствующихъ орденовъ совпадаетъ съ ростомъ класса горожанъ и отвѣчаетъ новому быту. Скоро „братья“ въ народной одеждѣ, сами большею частью люди простого званія, говорившіе на образномъ языкѣ народа, полюбились ему. Орденъ получилъ вполнѣ демократическій обликъ. Францискъ запрещалъ своимъ ученикамъ принимать какой-либо церковный санъ. Въ ихъ средѣ отсутствовали аристократическіе титулы аббатовъ и пріоровъ, какъ это было въ старыхъ бенедиктинскихъ общинахъ, отвѣчавшихъ строю феодальныхъ міровъ. Провинціальныя и общія собранія францисканцевъ составлялись изъ выборныхъ отъ отдѣльныхъ общинъ. Но ни въ чемъ такъ не выразилось призванье новаго ордена воздѣйствовать на свѣтское общество, какъ въ учрежденіи, рядомъ съ миноритами и клариссами (монахини ордена, получившія названіе отъ св. Клары, также

уроженки Ассизи, родины Франциска), еще третьяго отдѣла—терціаріевъ. Это была община мірянъ, члены которой, одинаково мужчины и женщины, могли сохранять свое состояніе, общественное положеніе и оставаться въ супружествѣ. Терціаріи, такимъ образомъ, не подчинялись монашескимъ обѣтамъ, хотя и состояли подъ общимъ руководствомъ францисканскаго ордена: отъ нихъ требовали только соблюденія извѣстныхъ нравственныхъ правилъ: вступая въ орденъ, они должны были примириться съ врагами и возвратить все, что неправильно себѣ присвоили. Далѣе, они должны были подвергаться частому посту, воздерживаться отъ развлеченій, уклоняться отъ судебныхъ процессовъ, по возможности не употреблять оружія; они носили темную одежду, разъ въ недѣлю посѣщали больныхъ и должны были побуждать ихъ къ исповѣди. Этотъ третій орденъ пріобрѣлъ скоро широкое распространеніе: въ его ряды вступали видные люди, даже государи, какъ Людовикъ Святой, императоръ Карлъ IV и др.

Францисканскій орденъ развился съ необычайной быстротой и изъ Италіи перешелъ въ другія страны. Въ моментъ смерти Франциска онъ располагалъ 8,000 монастырей и насчитывалъ въ своей средѣ 200,000 монаховъ. Его успѣху много содѣйствовали льготы и привилегіи, которыя сыпались со стороны папскаго престола. Уже въ 1222 г. францисканцамъ было позволено въ областяхъ, подверженныхъ интердикту, произносить проповѣди и совершать богослуженія при закрытыхъ дверяхъ. Они получили право давать прощеніе грѣховъ всѣмъ, кто придетъ на ежегодный праздникъ освященія церкви въ Порціункулѣ; францисканцы могли, далѣе, вообще проповѣдывать, исповѣдывать и отпускать грѣхи всюду, безъ позволенія мѣстнаго духовенства, если только находились на землѣ своего монастыря или въ публичномъ мѣстѣ. Въ 40-хъ годахъ XIII в. папа предписалъ допустить нищенствующихъ монаховъ въ Парижскій университетъ, въ то время главный центръ богословской науки.

Чѣмъ шире становился орденъ, тѣмъ болѣе замѣчалось отклоненія отъ первоначальной идеи Франциска. Рядомъ съ бѣдными, грубоватыми проповѣдниками, не знавшими ничего, кромѣ евангелія, появились широко-образованные ученые или люди церковной карьеры; у монаховъ явились богатства, роскошная обстановка; изъ обильныхъ пожертвованій возникали монастыри. Уже въ 1245 г. папа Иннокентій IV уничтожилъ въ сущности для францисканцевъ запрещеніе имѣть собственность: они были признаны пожизненными

пользователями, а по имени имущество считалось принадлежностью престола св. Петра. Но часть ордена осталась вѣрна завѣтамъ Франциска, и такимъ образомъ возникла долгая борьба конвентуаловъ, умѣренныхъ, болѣе свѣтскихъ членовъ, и спиритуаловъ (или обсервантовъ), непримиримо-строгихъ. Строгіе сохранили свою близость къ ересямъ, враждебнымъ *омірщенной*, богатой, властолюбивой церковной іерархіи: они служили ей живымъ укоромъ и неразъ поднимали протестъ и возбуждали массы. Папы держали сторону умѣренныхъ и своими буллами (напр., Николай III въ 1279 г.) старались сгладить рѣзкія черты францисканской ревности и ввести безпокойный, народный орденъ въ границы обычной церковной жизни, подчинить безусловно своему авторитету. Въ первой половинѣ XIV в. ярые францисканцы (особенно Вильгельмъ Оккамъ) выступили главными противниками испорченной римской церковной монархіи во имя первоначальной чистоты и простоты демократической церкви апостольской.

Доминикъ. Одновременно съ францисканскимъ орденомъ и частью подъ вліяніемъ той же потребности возникъ другой—доминиканскій. Его основатель во многомъ—полная противоположность Франциску. Въ Доминикѣ сказываются черты испанской религіозности: безусловная преданность авторитету церкви, неумолимо-строгое слѣдованіе извѣстнымъ началамъ, вѣра дѣятельная, воинственная и безпощадная.

Францискъ былъ безхитростнымъ сыномъ народа, который зналъ и любилъ свою среду и въ своей проповѣди былъ совершенно равнодушенъ къ ересямъ и догматическимъ спорамъ. Доминикъ былъ ученымъ богословомъ, вышедшимъ изъ тиши кабинета, священникомъ аскетомъ, спустившимся въ толпу для того, чтобы истреблять въ народѣ проповѣдью и полемикой ученія, отступившія отъ церкви. Его ранняя жизнь мало извѣстна. Доминикъ (родился въ 1170 г. въ Старой Кастиліи, около города Осмы, происходилъ, повидимому, изъ фамиліи Гузмановъ, умеръ въ 1221 г.) учился долго въ Паленсійскомъ университетѣ; неудовлетворенный философскими науками, онъ перешелъ къ богословію. Въ молодости уже онъ выдавался своею благотворительностью; но характерной чертой его была неотступная мысль о наказаніяхъ, которыя ждутъ еретиковъ и грѣшниковъ: постоянно проливалъ онъ о нихъ горючія слезы. Первые шаги его практической дѣятельности относятся къ его пребыванію въ соборномъ капитулѣ города Осмы, при благочестивомъ епископѣ Діэго Азеведо: Діэго и Доминикъ, тѣсно связанные общими стремленіями, преобразовали капитулъ въ духѣ строгой августин-

ской общины. Позднѣе Доминикъ выдвигается во время путешествія Діэго за Пиренеями, приводящаго обоихъ въ южную Францію, гдѣ кипѣла борьба съ альбигойцами. Растерявшемуся духовенству Доминикъ предлагаетъ (въ 1205 г. въ Монпелье) возстановить апостольскія миссіи, въ духѣ дѣятельности св. Павла: проповѣдь, личный примѣръ простой и благочестивой жизни, въ которой духовныя лица раздѣляютъ лишенія и страданія массы,—все это должно показать, что церковь не забыла простого народа. Совѣтъ произвелъ впечатлѣніе: епископъ Осмы отослалъ домой свою свиту, лошадей, богатое облаченіе, прелаты и цистерціанцы принялись за проповѣди. Но дѣло не пошло, и участники разъѣхались. Скоро остался одинъ Доминикъ, увидавшій необходимость спеціальной подготовки ученыхъ, искусныхъ въ полемикѣ и безстрашныхъ проповѣдниковъ, чтобы тягаться съ развитыми, наметавшимися въ разсужденіяхъ и спорѣ учителями еретиковъ. Опираясь на покровительство епископа тулузскаго Фулькана, Доминикъ основалъ въ Prouille убѣжище для дѣвушекъ, обращаемыхъ изъ альбигойства, и къ этому учрежденію примкнула возникшая вскорѣ небольшая община его послѣдователей. Доминикъ ввелъ очень строгій уставъ: замкнутость, почти полное молчаніе и работу. Сначала не имѣлось въ виду образованіе особаго ордена, и Доминикъ предполагалъ лишь борьбу посредствомъ слова съ заблужденіями. Но цѣли папской политики, кровавый оборотъ столкновенія съ альбигойцами, а съ другой стороны, успѣхъ и вліяніе наростающаго францисканскаго ордена — повели къ измѣненію первоначальной мысли Доминика. За крестовымъ походомъ противъ альбигойцевъ послѣдовало учрежденіе инквизиціи, и, хотя идея суда надъ еретиками возникла раньше (ее можно искать въ соглашеніи папы съ императоромъ въ 1184 г.), но Доминикъ и его ученики содѣйствовали могущественно развитію инквизиціи. Слѣдуя своему влеченію искоренять заблужденія, Доминикъ обличалъ плѣнниковъ въ ереси и готовилъ ихъ такимъ образомъ къ костру; члены инквизиціоннаго суда прямо набирались (что особенно было рекомендовано буллой Григорія IX въ 1232 г.) изъ богословски развитыхъ и начитанныхъ учениковъ Доминика.

Въ 1215 г. онъ сталъ добиваться у папы Иннокентія III утвержденія ордена. Устрашенный ересями, Латеранскій соборъ этого года постановилъ не разрѣшать новыхъ монашескихъ соединеній. Новый папа Гонорій III оцѣнилъ, однако, значеніе для церкви ордена „проповѣдниковъ“ и разрѣшилъ его буллой 1216 г. Домини-

канцы, усвоившіе широкую бѣлую одежду, выбрали себѣ воинствующій девизъ собаки, съ горящимъ факеломъ во рту.

Устройство доминиканскаго ордена.

Устройство ихъ соединило въ себѣ демократическое выборное начало францисканцевъ съ началомъ авторитета, централизаціи. Орденъ дѣлился на провинціи, провинціи на монастырскія общины; монастырскіе пріоры избирались братіей и утверждались провинціальнымъ пріоромъ; послѣдній избирался настоятелями монастырей и въ свою очередь утверждался генераломъ ордена, его верховнымъ владыкой. Всего рѣзче они отличались отъ францисканцевъ своей обязательной научной подготовкой и своими полемическими задачами. Но уже Доминикъ принужденъ былъ, въ виду популярности миноритовъ, ввести у себя чуждыя вначалѣ его обществу черты нищенствующаго ордена (въ 1220 г. на общемъ собраніи въ Болоньѣ). Однако, будучи внѣшнимъ придаткомъ, бѣдность во Христѣ скоро исчезла у доминиканцевъ. Зато орденъ усвоилъ себѣ другую цѣль, вполнѣ отвѣчавшую его духу. Замѣтивъ полную заброшенность въ отношеніи вѣры и просвѣщенія многочисленнаго штата служителей при папскомъ дворѣ, Доминикъ сталъ ихъ собирать на проповѣдь; это дало ему званіе придворнаго проповѣдника, съ которымъ само собой соединялось важное дѣло цензуры книгъ, направляемой въ интересахъ строгаго католичества.

Такимъ образомъ, доминиканцы пошли во главѣ воинствующей церкви: они принимали цѣликомъ установившееся ученіе и формы и становились на стражѣ ихъ; при этомъ они соединяли въ себѣ высшее знаніе вѣка съ искусствомъ практическихъ пріемовъ борьбы противъ враговъ церкви, съ жаждой пропаганды и обращенія: личность и задачи Доминика во многомъ напоминаютъ Игнатія Лойолу, основателя іезуитскаго ордена. Доминиканцы забрали скоро въ свои руки все богословское преподаваніе: особенно важно ихъ водвореніе въ Парижскомъ университетѣ: ихъ учителя, особенно Ѳома Аквинскій, стояли въ XIII вѣкѣ во главѣ науки. Но за ними всегда оставалась практическая черта—стремленье служить церкви опредѣленнымъ, видимымъ дѣломъ, энергическимъ вмѣшательствомъ въ жизнь во имя церковнаго авторитета; таковы были: реформаторъ Флоренціи Саванарола, противникъ рабства индійцевъ въ колоніяхъ Ласъ-Казасъ. Эта черта проявилась и въ главной дѣйствительной заслугѣ доминиканскаго ордена, въ обширнѣйшей миссіонерской дѣятельности по всему почти земному шару, въ которую они внесли столько рвенія и самопожертвованія: доминиканцы распространили свои монастыри и свою проповѣдь по всей Америкѣ, на-

чиная съ Гренландіи, по Индіи, Китаю; въ то же время они вели энергичную полемику съ исламомъ.

Въ Европѣ, въ средѣ самой церкви, они представляли начало, прямо противоположное францисканцамъ: какъ послѣдніе выражали народныя желанія и мечты, частью неясныя и бурныя, толкали церковь впередъ, поднимали дѣло реформы, такъ первые выражали властныя требованія самихъ руководителей церкви, обращенныя къ массамъ, защищали неприкосновенность безусловнаго господства церкви, безъ всякихъ послабленій и уступокъ; для однихъ дѣло вѣры—живое, принимающее разныя формы, идущее навстрѣчу человѣческому чувству, для другихъ—замкнутое въ строгія рамки ученіе, доказуемое отъ разсудка, но облекшееся въ непререкаемыя предписанія.

Р. Випперъ.



XLI.

Средневѣковыя ереси и инквизиція.

Аскетическіе идеалы. На долю западной церкви выпала великая задача: среди всеобщаго разложенія сохранить христіанскую культуру и передать ее тѣмъ свѣжимъ племенамъ, которыя заняли мѣсто Римской имперіи. Къ половинѣ XI вѣка эта задача была уже разрѣшена, варвары давно стали христіанами, власть церкви никѣмъ не оспаривалась. Вскорѣ крестовые походы показали, что военный классъ, старшій въ свѣтской іерархіи среднихъ вѣковъ, послушно повинуется духовенству. „Духовенство въ здѣшнемъ мірѣ", говоритъ одинъ средневѣковый писатель, „тоже, что „власти" (высшій чинъ) между ангелами". Другой шелъ еще дальше: „самый плохой человѣкъ, если онъ принадлежитъ къ духовенству, лучше самаго благочестиваго изъ мірянъ". Церковь не подвластна никакой свѣтской власти, напротивъ: „какъ духъ господствуетъ надъ тѣломъ..., такъ церковь надъ королевской властью". Не только личность клирика, но даже

Источники и пособія: а) общая характеристика. *Eicken*, *H. V.* Geschichte und System der Mittelalterlichen Weltanschauung. Stuttgart, 1887. *Laurent*, Etudes sur l'histoire de l'humanité, т. VIII; b) богомилы: поученіе *пресвитера Козьмы* (Православный Собесѣдникъ за 1864 г.); *Euthymii Zygabeni*, Narratio de Bogomilis, ed. Gieseler. Житіе препод. Θеодосія Терновскаго (чтенія въ общ. истор. и древн. Росс. 1860, кн. 1-я); с) катары: *Döllinger*, *I. V.* Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters. B. I. Gnostisch-Manichäische Sekten. B. II. Dokumenten zur Gesch. d. Waldenser u. Katharer. München, 1890—91; *Schmidt*, Histoire et doctrine de la secte des Cathares, 2 vols. Paris, 1849; d) инквизиція: *Lea*, *H. C.* A History of the Inquisition. 3 vols. London, 1888.

имущество клира было защищено иммунитетомъ отъ вмѣшательства свѣтскаго закона.

Такая власть должна была имѣть какое-нибудь нравственное оправданіе: если „міръ“ повиновался „клиру“, то не изъ рабскаго страха, конечно, потому что матеріальной силы у духовенства не было. Люди среднихъ вѣковъ вѣрили въ необходимость и спасительность этого повиновенія. Церковь, т. е. духовенство, руководила обществомъ въ дѣлѣ спасенія души, на пути къ царству небесному. А такой путь, по средневѣковымъ понятіямъ, былъ только одинъ: отреченіе отъ земной жизни, со всѣми ея заботами и со всѣми ея радостями. Для современныхъ намъ людей эта жизнь сама по себѣ имѣетъ цѣль, имѣетъ извѣстную цѣнность. Для средневѣковаго человѣка она имѣла цѣну лишь настолько, насколько приготовляла къ жизни загробной. Язычество видѣло въ смерти конецъ всякаго счастія: Ахиллъ лучше желалъ бы быть на землѣ поденщикомъ, чѣмъ въ Адѣ царемъ. Папа Иннокентій III писалъ въ одномъ изъ раннихъ своихъ сочиненій: „мы умираемъ, пока мы живы, и только тогда перестаемъ умирать, когда перестаемъ жить“; для него смерть была началомъ счастья въ царствѣ небесномъ, счастья, которому мѣшала земная жизнь, исполненная грѣха. Отсюда, дурно было все, что привязываетъ человѣка къ жизни земной: средневѣковые проповѣдники осуждаютъ одинаково любостяжаніе и любовь къ роднымъ, — патріотизмъ, жажду личной и народной славы, и чувственныя влеченія; отъ всего этого одинаково нужно было воздерживаться. Вся нравственность и сводилась къ воздержанію, т. е. къ „аскетизму“; другіе мотивы — общая польза, напримѣръ, если и имѣли значеніе, то совсѣмъ второстепенное.

Аскетическое воспитаніе общества было дѣломъ духовенства, — предполагалось, стало быть, что духовенство въ нравственномъ отношеніи стоитъ выше общества, т. е. ближе къ аскетическому идеалу. Относительно отдѣльныхъ представителей церкви это и было справедливо. Одинъ изъ противниковъ Григорія VII, написавшій цѣлый трактатъ „О расколѣ, произведенномъ Гильдебрандомъ“, вотъ какъ, въ то же время, описываетъ его образъ жизни. Гильдебрандъ, говоритъ онъ, „добровольно голодалъ, хотя могъ бы имѣть въ изобиліи самыя тонкія блюда; онъ терпѣлъ жажду и всякія матеріальныя лишенія, хотя ему стоило только сдѣлать знакъ, чтобы все было къ его услугамъ“. Самыя простые овощи составляли его пищу. „Между тѣмъ, какъ всѣ вокругъ него были

заняты мірскими заботами, жили свѣтскими помыслами и интересами, Григорій VII оставался чуждъ всему этому, потому что онъ считалъ землю не отечествомъ человѣка, а только мѣстомъ, гдѣ суждено ему странствовать". Въ св. Норбертѣ, основателѣ ордена премонстратовъ, презрѣніе къ жизни доходило до того, что онъ намѣренно выбралъ для постройки своего монастыря нездоровую мѣстность.

Жизненная практика. Но характеровъ такого закала было немного, а церкви, для разрѣшенія ея воспитательной задачи, нужна была масса лицъ. Какъ сдѣлать аскетизмъ не исключеніемъ, а общимъ правиломъ повседневной жизни для цѣлаго общественнаго класса,—къ этому основному вопросу нравственной дисциплины церковь постоянно возвращалась съ XI вѣка, съ клюнійской реформы, вплоть до тридентскаго собора въ XVI столѣтіи. Постоянное повтореніе попытокъ уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о ихъ неудачѣ. Начиная съ клюнійцевъ (X в.) и кончая нищенствующими орденами XIII в., мы видимъ цѣлый рядъ уставовъ, одинъ другого строже, и каждый новый орденъ обвиняетъ всѣ предшествующіе въ нравственной распущенности, чтобы самому стать предметомъ такихъ же обвиненій немного десятилѣтій спустя. Какъ только проходило первое увлеченіе, слабости человѣческой природы брали верхъ надъ уставомъ. Вотъ какъ описываетъ повседневную жизнь своего монастыря одинъ аббатъ XIII вѣка, вовсе не думавшій, конечно, написать сатиру на своихъ подчиненныхъ: его цѣлью было показать, какими искушеніями дьяволъ уловляетъ души людей въ свои сѣти.

Колоколъ призываетъ братію на утреннюю молитву; едва успѣли монахи собраться, какъ толпа демоновъ устремляется на нихъ и погружаетъ ихъ въ глубокій сонъ; они не могутъ сопротивляться потому, объясняетъ аббатъ, что ночью тѣ же демоны не давали имъ спать. Итакъ, братія проводитъ ночи безъ сна и спитъ въ церкви. Не лучше удаются другія благочестивыя занятія. Аббатъ только что собрался перечитать какое-то богословское сочиненіе; заранѣе предвидя козни лукаваго, онъ принялъ свои мѣры, высвободилъ изъ-подъ рясы одну руку и держалъ ее открытою, чтобы холодъ не давалъ ему заснуть. Но дьяволъ догадался и сталъ кусать руку аббата, подобно блохѣ; волей-неволей аббатъ долженъ былъ спрятать руку подъ рясой, согрѣлся — и уснулъ. Иное средство употреблялъ злой духъ, когда монахамъ нужно было работать: тутъ онъ хваталъ ихъ за руки и за ноги, такъ что они не могли двинуться съ мѣста и сидѣли праздные. Дьяволъ не

оставлялъ ихъ ни на минуту: садились ли они за столъ, онъ побуждалъ ихъ наѣдаться до того, что ихъ тошнило; а по большимъ праздникамъ, когда за столомъ подавали вино, они напивались до безчувствія. Словомъ, искушеній было такъ много, что для объясненія ихъ аббату пришлось привлечь къ дѣлу милліоны нечистыхъ духовъ. „Обыкновенно думаютъ", говоритъ онъ, „что всякаго человѣка мучаетъ только одинъ демонъ: глубокое заблужденіе. Вообрази, что ты погруженъ въ воду съ головою; вода надъ тобой, подъ тобой, направо, налѣво: вотъ точное изображеніе злыхъ духовъ, которые насъ окружаютъ и осаждаютъ со всѣхъ сторонъ. Они безчисленны, какъ тѣ пылинки, которыя мы видимъ въ солнечномъ лучѣ; весь воздухъ наполненъ ими".

Бороться съ грѣшными наклонностями своей физической природы было трудно, — бороться съ юридическими и общественными условіями жизни было еще труднѣе. Богатый человѣкъ, умирая, хотѣлъ спасти душу пожертвованіемъ: онъ отказывалъ свою землю монастырю. Цѣль была благая, доходы должны были идти на добрыя дѣла. Но монахи должны были управлять имѣніемъ, а землевладѣніе въ то время обыкновенно было связано съ политической властью. Аббатъ какого-нибудь знаменитаго монастыря, получившаго много пожертвованій, былъ похожъ больше на крупнаго феодальнаго барона, чѣмъ на отшельника и руководителя другихъ отшельниковъ. А такъ какъ онъ не передавалъ своей власти по наслѣдству, то всякая перемѣна аббата должна была возбуждать въ братіи уже совсѣмъ мірскія чувства: надежда сдѣлаться изъ простого монаха почти государемъ должна была соблазнять многихъ. Оттого такъ часты въ средневѣковыхъ монастыряхъ безпорядки при выборѣ настоятеля. Это давало поводъ вмѣшиваться мѣстной церковной власти,—епископу, тоже не всегда равнодушному къ богатствамъ монастыря. Но обитель недаромъ была укрѣплена не хуже феодальнаго замка; заставить монаховъ повиноваться какой бы то ни было власти было не легче, чѣмъ принудить къ повиновенію рыцаря, привыкшаго быть „государемъ въ своемъ имѣніи" (chaque baron est souverain dans sa baronie). И вотъ, епископъ долженъ былъ иногда идти на аббатство съ войскомъ и начинать правильную осаду. По средневѣковому обычаю, земли монастыря, конечно, опустошались, а потомъ несчастные обитатели этихъ земель должны были платить контрибуцію побѣдоносному епископу.

Впрочемъ, епископы, во всякомъ случаѣ, еще больше были погружены въ свѣтскіе интересы, чѣмъ монахи. Феодальная сто-

рона власти у нихъ обыкновенно перевѣшивала ея духовную сущность. Въ качествѣ землевладѣльцевъ они были обязаны нести извѣстныя повинности въ пользу сюзерена, между прочимъ, и военную службу. Въ XIII вѣкѣ во Франціи вполнѣ опредѣленно ставился вопросъ: обязанъ ли епископъ *личной* военной службой королю или нѣтъ? и, повидимому, рѣшался утвердительно. Нѣкоторыхъ прелатовъ это смущало; но большинство чувствовало себя вполнѣ на своемъ мѣстѣ во главѣ вооруженныхъ рыцарей. Когда папа Целестинъ III потребовалъ у короля Ричарда освобожденія захваченнаго этимъ послѣднимъ въ плѣнъ епископа города Бовэ, король послалъ папѣ въ отвѣтъ броню епископа,—и Целестинъ долженъ былъ признать, что Ричардъ былъ правъ, поступая съ этимъ прелатомъ по законамъ войны. Епископъ Беранжеръ Нарбонскій содержалъ на жалованьи шайку разбойниковъ и, чтобы добыть денегъ для своихъ свѣтскихъ предпріятій, открыто продавалъ церковныя должности. Поземельные споры, неизбѣжные при черезполосицѣ феодальныхъ правъ, особенно часто подавали поводъ епископамъ проявлять ихъ воинственныя наклонности. Въ концѣ XII вѣка городскія общины Ломбардіи были въ открытой борьбѣ съ епископами изъ-за феодальныхъ правъ; епископы отлучали городскихъ магистратовъ отъ церкви, а тѣ отвѣчали на это приговорами объ изгнаніи епископовъ. Епископъ города Беллуно напалъ съ вооруженнымъ отрядомъ на Тревизо и былъ убитъ въ схваткѣ. Не лучше были отношенія духовной власти къ городамъ и во Франціи, гдѣ иногда епископы не рѣшались выходить изъ дому безъ конвоя. Спорамъ съ свѣтскими феодальными владѣльцами не было конца. Всего тяжелѣе было при этомъ положеніе низшаго духовенства: поставленные между епископомъ и мѣстнымъ землевладѣльцемъ, приходскіе священники должны были угождать обѣимъ враждующимъ сторонамъ; но такъ какъ баронъ былъ ближе, легче могъ и повредить и оказать поддержку, то волей или неволей приходилось ему подчиняться. Болѣе способные и образованные старались просто поступить въ замокъ въ качествѣ капеллановъ, учителей, секретарей и т. п.; при своихъ приходахъ оставались только болѣе невѣжественные и тупые, отчего, конечно, не могли выиграть ихъ прихожане: въ XI вѣкѣ встрѣчались въ Италіи священники, не знавшіе символа вѣры.

Отрицательное отношеніе къ церкви.

Итакъ, чѣмъ дальше стоялъ человѣкъ отъ міра, чѣмъ ближе онъ былъ къ аскетическому идеалу, тѣмъ выше онъ стоялъ въ глазахъ средневѣковаго общества; духовенство должно было осу-

ществлять этотъ идеалъ, оттого оно и пользовалось такимъ уваженіемъ: но оно отъ этого идеала было такъ же далеко, какъ и міряне. Да настоящее ли это духовенство? подлинная ли это христіанская церковь? Вотъ вопросы, которые могли, наконецъ, представиться благочестивымъ мірянамъ, размышлявшимъ надъ тѣмъ, что они видѣли. Въ XI—XII вѣкахъ все чаще стали появляться люди, которые брались отвѣтить на эти вопросы, — и отвѣчали отрицательно. Церковь называла этихъ людей *еретиками* и была права съ своей точки зрѣнія: ихъ ученіе, въ самомъ дѣлѣ, было ересью, искаженіемъ христіанства; но народъ прозвалъ ихъ „добрыми людьми" (les bons hommes во Франціи), и одинъ вполнѣ католическій современникъ долженъ былъ согласиться съ этой характеристикой: „не знаю, что и сказать объ этихъ людяхъ", отвѣтилъ одинъ священникъ на вопросъ о еретикахъ, „они никогда не лгутъ".

Дѣйствительно, въ томъ, что они говорили о католической церкви, было много правды.

„Вожди церкви должны быть *совершенны*", говорили они: „въ Писаніи сказано: „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный совершенъ". Таковы были апостолы; римская церковь заявляетъ притязаніе на происхожденіе отъ апостольской церкви: но есть ли между ними сходство? Апостолы жили трудами рукъ своихъ и все, что имѣли, раздавали бѣднымъ; римскіе прелаты ничего не дѣлаютъ и живутъ на деньги, собираемыя съ бѣдняковъ. Апостоловъ гнали и обижали, и они благословляли своихъ преслѣдователей; римская церковь сама преслѣдуетъ тѣхъ, кто ей не повинуется, да еще проклинаетъ ихъ. Апостолы проповѣдывали миръ и непротивленіе насилію, а папы, будто бы ихъ преемники, только и дѣлаютъ, что возбуждаютъ войны. Что же они унаслѣдовали отъ апостольской церкви? Они увѣряютъ, будто первымъ епископомъ римской церкви былъ апостолъ Петръ: это неправда, въ Писаніи этого не сказано. Сами папы проговариваются, что ихъ (свѣтская) власть языческаго происхожденія: Италію, говорятъ они, подарилъ папѣ Сильвестру императоръ Константинъ (этой сказкѣ, опровергнутой уже въ XV вѣкѣ, въ то время всѣ вѣрили); а Константину Италія досталась отъ языческихъ кесарей, которые пріобрѣли ее насиліемъ и обманомъ. Истинная церковь — наша", заключали еретики: „если насъ мало, то это говоритъ въ нашу пользу: „тѣсны врата, и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ" (Матѳ., 7,14). Если насъ преслѣдуютъ, то это такъ

ихъ славянскихъ сосѣдей, отчасти только недавно покинувшихъ язычество, отчасти даже вовсе не крещеныхъ, восточные дуалисты нашли, по всей вѣроятности, прекрасную почву для своей пропаганды. По крайней мѣрѣ, въ X вѣкѣ мы встрѣчаемъ уже среди славянскаго населенія, въ Болгаріи, чрезвычайно распространенное дуалистическое ученіе, подробности котораго мы узнаемъ отъ его обличителя, священника Козьмы. Его проповѣди противъ „новоявившейся ереси *богомилы*“ еще въ XI вѣкѣ списывались и у насъ въ Россіи, какъ списывались и нѣкоторые *богомильскія* произведенія (апокрифы). Все это дѣлаетъ болгарскую секту для насъ вдвойнѣ интересной. По словамъ Козьмы, *богомилы* считали творцомъ всего матеріальнаго міра—„строителемъ земныхъ веществъ“—дьявола: онъ же научилъ людей „жены поимати, мясо ясти и вино пити“. Отсюда матерія, какъ произведеніе злого духа, сама по себѣ есть зло. Изъ этого основного положенія очень стройно и послѣдовательно развивалось все еретическе ученіе. Соприкосновеніе съ матеріей оскверняетъ человѣка; но онъ осужденъ жить въ матеріальной оболочкѣ, это—наказаніе ему за грѣхопаденіе; избавиться совсѣмъ отъ оболочки нельзя, можно только уменьшить ея вліяніе на нашу душу, заключенную въ ней, какъ въ темницѣ. Нужно ослабить по возможности тѣло, изнурить его постомъ и воздержаніемъ. „Еретики по внѣшности, какъ овца“, говоритъ Козьма: „кротки, смирны, молчаливы и блѣдны отъ лицемѣрнаго поста“. Эта блѣдность до такой степени характерный признакъ средневѣковыхъ дуалистовъ, что на западѣ инквизиція по этому признаку разыскивала еретиковъ. Но не только пища, и одежда способствуетъ сохраненію тѣла,—не надо одежды. Преподобный Ѳеодосій Терновскій, жившій лѣтъ четыреста послѣ Козьмы, встрѣтилъ однажды цѣлую толпу совсѣмъ голыхъ людей: это были еретики; они оправдывали свое поведеніе евангельскимъ текстомъ „блаженны нищіе духомъ“, причемъ намѣренно пропускали послѣднее слово и читали: „блаженны нищіе“. Работа имѣетъ цѣлью увеличить матеріальное благосостояніе человѣка, значитъ, работать грѣшно. „Уловляютъ души грубыхъ (невѣжественныхъ) людей“, разсказываетъ Козьма, „говорятъ: не слѣдуетъ трудиться, заботиться о земномъ,.... и ходятъ нѣкоторые изъ нихъ праздные, ни за что не хотятъ приняться своими руками, но ходятъ изъ дома въ домъ, поѣдая чужое имѣніе прельщаемыхъ ими людей“. Мы присутствуемъ здѣсь при образованіи сектантской іерархіи, получившей окончательное устройство у западныхъ *катаровъ*: всѣмъ не работать было нельзя,

поэтому большинству дѣлались уступки на счетъ нравственныхъ требованій,—позволялось вступать въ бракъ и т. д.; зато это большинство должно было своей работою кормить немногихъ „совершенныхъ", которые были свободны отъ всякихъ мірскихъ заботъ.

Всѣ гражданскія отношенія, включая и государство, направлены, прежде всего, къ охранѣ вещественныхъ благъ,—имущества гражданъ и ихъ физической личности. Все это относится къ области дьявола: „учатъ своихъ послѣдователей (еретики) не повиноваться властямъ, хулятъ богатыхъ, царя ненавидятъ, надъ старѣйшинами смѣются, бояръ укоряютъ, повинующихся царю считаютъ грѣшниками и рабамъ не велятъ работать на господъ своихъ". Въ особенности послѣднее ученіе должно было доставить богомиламъ много сторонниковъ: какъ разъ въ X вѣкѣ въ Болгаріи сильно стало распространяться крѣпостное право, и свободные прежде крестьяне превращались въ „париковъ". (*Πάροικοι*,—такъ называлось въ Византіи сельское населеніе, прикрѣпленное къ землѣ и подчиненное землевладѣльцу). Отрицаніе власти, естественно, вело къ отрицанію всякаго внѣшняго, формальнаго законодательства: еретики не дѣлали исключенія и для закона Моисеева, считая его произведеніемъ не Бога, а злого духа. Это сближаетъ богомиловъ съ нѣкоторыми гностическими сектами, маркіонитами, напримѣръ, которые видѣли въ ветхозавѣтномъ законѣ произведеніе низшаго бога (Деміурга), тупого и ограниченнаго.

Этотъ низшій, а у богомиловъ и прямо злой, властитель вселенной былъ тѣмъ „княземъ міра сего", котораго пришелъ изгнать Христосъ своимъ поученіемъ. Какъ и гностики, богомилы не вѣрили въ искупленіе; Христосъ не могъ воплотиться, потому что плоть—дѣло дьявола: Его тѣло было призрачное, Онъ только *казался* человѣкомъ. Это—такъ называемый *докетизмъ* (отъ греческ. *δοκεῖν*—казаться). Отсюда получалось чрезвычайно важное въ нравственномъ отношеніи слѣдствіе: если Спаситель могъ обмануть злого духа призрачнымъ своимъ тѣломъ, чтобы освободить родъ человѣческій, то, стало быть, вообще обманъ дозволителенъ для благой цѣли. Еретики, поэтому, считали себя въ правѣ притворяться православными, ходить въ церковь, участвовать въ таинствахъ и т. д., хотя сами отвергали всю формальную, обрядовую сторону религіи, не признавали мощей, иконъ, даже распятія, но покланялись имъ, чтобы обманомъ избавиться отъ наказанія и съ бóльшимъ удобствомъ распространять свое ученіе.

Сектанты старались подтвердить свои положенія текстами изъ

Сотвореніе міра и человѣка.

Писанія, толкуя ихъ крайне произвольно, какъ мы уже видѣли выше. Иногда они притчи Евангелія принимали буквально, иногда самыя ясныя и положительныя слова толковали, какъ притчу. Но несмотря на все это, Писанія оказалось недостаточно для обоснованія ихъ фантастическаго міросозерцанія: стали выдавать за Откровеніе то, что вовсе имъ не было. Такъ образовалась литература *апокрифовъ* или „отреченныхъ" — запрещенныхъ православной церковью — книгъ: на нихъ, главнымъ образомъ, опиралась еретическая догматика. Краеугольный камень ихъ ученія составляло не христіанское, а чисто-восточное, персидское вѣрованіе, что сатана — сынъ Бога Отца, притомъ старшій, а Христосъ — младшій. Здѣсь только имена взяты изъ Библіи, а самая сказка цѣликомъ заимствована изъ позднѣйшаго парсизма: Верховный богъ, Zrvana Akarana (олицетвореніе безконечности), началъ созданіе міра съ того, что сотворилъ міроправителя Ормазда; но, когда онъ это дѣлалъ, нашло на него сомнѣніе; и такъ какъ каждый актъ божьей мысли былъ актомъ творчества, то сомнѣніе стало духомъ сомнѣнія, Ариманомъ,—который появился, такимъ образомъ, на свѣтъ раньше Ормазда. Но персидское сказаніе всетаки разумнѣе богомильскаго, потому что оно, по крайней мѣрѣ, самому Ариману не приписываетъ творческой дѣятельности: онъ только разрушаетъ. Болгарскіе и, вслѣдъ за ними, западные дуалисты считали сатану создателемъ видимаго міра и, не найдя ничего похожаго въ Библіи, ссылались на одно апокрифическое сказаніе. Іоаннъ Богословъ на Тайной Вечери расспрашивалъ будто бы Спасителя о началѣ міра и происхожденіи человѣка, а также о томъ, чѣмъ былъ прежде врагъ рода человѣческаго. На латинской рукописи этихъ „Вопросовъ Іоанна Богослова Господу" стоитъ надпись,—для предохраненія читателей отъ еретической заразы: „Hoc est secretum haereticorum portatum de Bulgaria Nazario suo episcopo, plenum erroribus" [1]); подобнымъ образомъ и русскіе списыватели апокрифовъ предупреждали своихъ читателей: „То Іеремія, попъ болгарскій, солгалъ".

На первый вопросъ, чѣмъ былъ діаволъ до своего паденія, апокрифъ отвѣчаетъ любопытной космогонической сказкой, нѣкоторыя черты которой перешли и въ наше народное міросозерцаніе. Сатанаилъ будто бы былъ первымъ лицомъ на небѣ послѣ Бога и

---

[1]) „Это—тайное ученіе еретиковъ, принесенное изъ Болгаріи ихъ епископомъ Назаріемъ, исполненное заблужденій".

начальствовалъ надъ всѣми ангелами, стоявшими во главѣ отдѣльныхъ областей небеснаго царства. Онъ возгордился этимъ и сталъ думать: „поставлю престолъ мой надъ облаками и буду подобенъ Высочайшему". Желая знать, будутъ ли его слушаться подчиненные ему ангелы, онъ обошелъ всѣ области міра; а міръ устроенъ такъ: на самомъ верху воздухъ, ниже—вода, еще ниже—земля (тогда она вся была покрыта водой); Сатана спустился подъ землю и нашелъ тамъ двухъ рыбъ, на которыхъ она держалась: рыбы лежали на водѣ, а вода на слоѣ облаковъ. Спустившись еще ниже, Сатана нашелъ огонь, — будущее свое жилище, геенну огненную, и дальше уже не пошелъ, потому что было очень жарко. Вездѣ ангелы, управлявшіе отдѣленіями міра или „небесами", — наше видимое небо, твердь (firmamentum) въ ихъ число не входитъ, — вездѣ ему оказали повиновеніе. Это ободрило Сатанаила, и онъ сталъ склонять ангеловъ къ измѣнѣ, обѣщая раздѣлить съ ними царство. Онъ успѣлъ соблазнить ангеловъ трехъ небесъ и дошелъ уже до четвертаго, когда Богъ—„Отецъ Невидимый" (Pater Invisibilis)—замѣтилъ коварство Сатаны и низвергъ его на землю: „и отнялъ у него сіяніе славы его, и стало лицо его, какъ раскаленное желѣзо, а образъ подобенъ человѣческому"; семью своими хвостами онъ увлекъ за собою третью часть всѣхъ ангеловъ. Здѣсь Сатана помѣстился на тверди, т. е. видимомъ небѣ, и не было покоя ни ему, ни тѣмъ, кто былъ съ нимъ, и взмолился онъ къ Отцу, говоря: „согрѣшилъ, потерпи на мнѣ, все отдамъ тебѣ" (слова изъ притчи о жестокомъ рабѣ, Мате., 18,23,35). Отецъ сжалился надъ нимъ и далъ ему возможность въ теченіе семи дней дѣлать спокойно все, что хочетъ. Тогда Сатана при помощи двухъ старшихъ изъ отпавшихъ ангеловъ создалъ солнце, луну, звѣзды и всѣхъ живыхъ тварей. Затѣмъ онъ сдѣлалъ двѣ глиняныхъ формы, по образу и подобію своему, т. е. человѣческому, и велѣлъ ангелу перваго неба войти въ одну, ангелу второго неба въ другую. Горько плакали ангелы, видя, что Сатана обманулъ ихъ и заключилъ въ смертную форму, но должны были повиноваться; они образовали первую пару людей на землѣ, и весь родъ человѣческій отъ нихъ произошелъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ человѣкѣ есть искра небесная, происшедшая отъ заключенныхъ въ глиняную оболочку небесныхъ духовъ, потому что оба начала, плотское и духовное, не смѣшались между собою: отъ тѣла рождается тѣло, а отъ души—душа.

Эта легенда ограничиваетъ творчество Сатаны однимъ человѣ-

ческимъ тѣломъ (кромѣ небесныхъ свѣтилъ), матеріалъ для котораго онъ нашелъ уже готовымъ. Отъ Козьмы мы знаемъ, что богомилы приписывали злому духу созданіе всего видимаго міра. И въ другомъ отношеніи они отступали отъ приведеннаго сказанія: здѣсь говорится, что Сатана поставилъ свой престолъ на тверди небесной; богомилы, открытые царемъ Алексѣемъ Комниномъ въ началѣ XII вѣка, на вопросъ, гдѣ же находится „князь міра сего", отвѣчали, что прежде онъ жилъ въ Іерусалимѣ, но былъ изгнанъ оттуда І. Христомъ и въ настоящее время поселился въ Константинополѣ, въ храмѣ св. Софіи. Хотя еретики, говорившіе это, были греки по происхожденію, но такое мнѣніе вышло, конечно, не изъ греческой среды. Здѣсь мы имѣемъ уже второй періодъ развитія богомильскаго движенія, когда оно перестало быть исключительно религіознымъ и приняло рѣзкій національный отпечатокъ.

Судьба богомильства. Нужно имѣть очень мрачный взглядъ на жизнь, чтобы повѣрить, что міръ есть созданіе злой силы. Пресвитеръ Козьма рисуетъ современное ему положеніе Болгаріи очень темными красками. „Господь попусти скорбемъ приходити на рабы своя! Велики бѣды ратныя и всѣхъ настоящихъ золъ земли сей помысли кождо изъ насъ...... Отъ дружины пакость всяка и насилье отъ старѣйшинъ, денье *работы властель* земныхъ, *нищета* и строенье человѣческо (т. е. государственныя повинности)...... Поистинѣ многа лесть и многа неправда прозябе на земли". Скоро все это разнообразное зло сосредоточилось около одного центра: притѣсненій и жестокостей византійскаго правительства, послѣ завоеванія Болгаріи, сначала Цимисхіемъ, потомъ Василіемъ II Болгаробойцей. Не говоря уже объ отдѣльныхъ случаяхъ, въ родѣ ослѣпленія тысячъ болгарскихъ плѣнныхъ Василіемъ II, вся война, по своему ходу и послѣдствіямъ, должна была усилить до крайней степени ненависть болгарскаго народа къ грекамъ, — ненависть, воспитанную десятками лѣтъ ожесточенной вражды при Симеонѣ [1]). Еще противъ царя Петра Симеоновича (927—968), женатаго на византійской принцессѣ и расположеннаго къ грекамъ, три раза поднималось возстаніе; въ третій разъ вождю возстанія Шишману удалось основать свое особое царство изъ Македоніи и сосѣднихъ округовъ (963 г.). Одинъ изъ сыновей этого Шишмана Самуилъ, покровитель богомиловъ, царствовалъ надъ всей Болгаріей и стоялъ во главѣ сопротивленія Византіи. Въ его время въ Болгаріи уже

---

[1]) См. ст. „Симеонъ, царь болгарскій".

не безопасно было носить греческое платье, что доказала печальная судьба одного изъ сыновей царя Петра, воспитаннаго въ Константинополѣ. Сопротивленіе, наконецъ, было сломлено; Болгарія, разоренная и обезлюдѣвшая,—тысячи болгаръ были, по византійскому обычаю, переселены въ другія провинціи имперіи,—подчинилась греческому императору. Болгарская церковь сохранила свою независимость; но высшія церковныя должности замѣщались только греками. Между тѣмъ, какъ видно изъ многихъ мѣстъ поученія Козьмы, народъ еще во времена своей самостоятельности былъ нерасположенъ къ православному духовенству, — всего вѣроятнѣе, именно потому, что въ немъ преобладалъ греческій элементъ. Передать всю іерархію въ руки грековъ значило окончательно слить богомильское и національное движеніе. Между тѣмъ, „строенье человѣческое", всякаго рода налоги и поборы, давали себя чувствовать болгарамъ во много разъ больше, чѣмъ при туземныхъ царяхъ. Уже одно то, что натуральныя повинности были замѣнены денежными, было крайне тяжело для населенія непромышленнаго, занимавшагося исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ, притомъ же истощеннаго войной. По мѣрѣ развитія внѣшней политики Византіи въ XI—XII вѣкахъ требованія становились все больше и больше. Отвѣтомъ на эти вымогательства со стороны болгарскаго населенія были возстанія, и всякій разъ въ нихъ видную роль играли богомилы. Возстановленіе болгарскаго царства Асѣнями (въ 1186 г.) произошло также не безъ ихъ участія, и даже вполнѣ православный царь Іоаннъ (или Іоанникій, Іоаннища) Асѣнь, собиравшій во время своихъ походовъ мощи изъ всѣхъ греческихъ провинцій, даже онъ долженъ былъ покровительствовать богомиламъ: до того сильно было ихъ вліяніе на народныя массы. Это вліяніе стало роковымъ для Болгаріи: анархическая секта, не признававшая ни церкви, ни государства, могла руководить возстаніемъ, но тотчасъ же должна была сдѣлаться разлагающимъ элементомъ, какъ только возстаніе кончилось и нужно было установить прочный порядокъ. Болгарія никогда не могла подняться до прежняго политическаго могущества власти временъ царя Симеона (888—927). Религіозная распря ослабляла ее все болѣе и болѣе и была одною изъ главныхъ причинъ ея быстраго паденія въ эпоху борьбы съ османами.

Такимъ образомъ, полуторастолѣтнее господство Византіи было, въ сущности, самымъ благопріятнымъ временемъ для богомиловъ. Постоянно поддерживаемая у себя на родинѣ національнымъ бро-

вершенства, катары ограничили ихъ число небольшимъ кружкомъ лицъ, которыми и держалась вся секта. Они такъ и назывались „совершенными“ (perfecti) и одни они дѣйствовали, спасали души: подъ ними стояла пассивная масса просто „вѣрующихъ“ (credentes), которые могли спастись только получивъ отъ совершенныхъ „*утѣшеніе*“, *consolamentum*, послѣ чего они сами становились „совершенными“. Казалось бы, судя по строгимъ нравственнымъ требованіямъ, какія предъявлялись къ „совершенному“ катару, „утѣшеніе“ должно было быть наградой чрезвычайно добродѣтельной жизни, или очень глубокой вѣры: на дѣлѣ не требовалось ни того, ни другого. Въ вопросѣ о consolamentum со всей ясностью выступаетъ крайняя узкость дуалистической точки зрѣнія, принижавшей земную, тѣлесную сторону человѣка безъ всякой выгоды для его нравственной стороны. Катары безусловно отрицали свободу воли, а слѣдовательно, и покаяніе. „Въ нашей вѣрѣ всякій можетъ спастись“, говорили они. Для этого нужно было не сокрушеніе о своихъ прежнихъ грѣхахъ, а чисто механическое дѣйствіе, которому сами катары не придавали никакого нравственнаго значенія. Всѣ наши грѣхи — неизбѣжныя послѣдствія одного, первороднаго грѣха, который, въ сущности, сводился къ тому, что ангелы допустили сатану при помощи хитрости увлечь на землю ихъ души; но всякій ангелъ состоялъ изъ двухъ частей: духа (*πνεῦμα* гностиковъ) и собственно *души* (*ψυχή* гностиковъ); первый принадлежитъ къ высшему міровому порядку, поэтому совершенъ и недоступенъ грѣху: онъ остался на небѣ, оплакивая паденіе своей души; одна лишь послѣдняя пала и соединилась съ земнымъ тѣломъ. Когда человѣкъ вступалъ въ число „совершенныхъ“, его духъ, оставшійся на небѣ, опять соединялся съ душей, а когда послѣдняя освобождалась отъ узъ тѣла, духъ увлекалъ ее съ собою на небо. Выходило, слѣдовательно, что люди, не получившіе „утѣшенія“, не были виноваты въ своихъ грѣхахъ, а получивъ его становились безгрѣшными. Никакой внутренней перемѣны при этомъ не требовалось: чтобы сдѣлать человѣка безгрѣшнымъ, нужно было одно условіе, — участіе тоже безгрѣшнаго лица, т. е. „совершеннаго“, который одинъ могъ помочь душѣ соединиться съ духомъ. Спасеніе души обусловливалось не нравственными достоинствами человѣка, а просто внѣшнимъ, случайнымъ обстоятельствомъ, — присутствіемъ или отсутствіемъ при умирающемъ „утѣшеннаго“ катара. Когда графъ Раймондъ VI тулузскій, тяжко заболѣлъ въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ не было „со-

городѣ постоянно проживало немало „франкскихъ" купцовъ, а на службѣ греческихъ императоровъ находилось много наемниковъ изъ западной Европы. Эти люди, наживъ себѣ состояніе въ Византіи, возвращались къ себѣ на родину, неся, вѣроятно, не однѣ деньги, но и новые мнѣнія и взгляды, пріобрѣтенные на востокѣ. Только этимъ способомъ передачи и можно объяснить, почему ересь не подвигалась постепенно съ востока на западъ, а сразу появилась въ центральной Европѣ, притомъ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ: во Фландріи, въ Реймсѣ, въ Кельнѣ, въ Лангедокѣ. Въ самомъ ученіи западныхъ дуалистовъ есть нѣкоторыя черты, которыя показываютъ, что на пути изъ своей первоначальной родины оно прошло чрезъ болѣе просвѣщенную среду, чѣмъ болгарское общество X в. Основной догматъ секты, двоебожіе, на Западѣ чище, чѣмъ у богомиловъ. Западные „катары" признавали два вѣчныхъ, независимыхъ другъ отъ друга начала добра и зла, были, стало быть, сторонниками *абсолютнаго дуализма*. Замѣчательно, что въ Италіи преобладало болгарское ученіе: очевидно, сюда ересь зашла непосредственно съ Балканскаго полуострова, черезъ Далмацію, а въ центральную Европу какимъ-нибудь другимъ путемъ. Вообще, въ западномъ ученіи логика преобладаетъ надъ фантазіей и сказочнаго элемента меньше: очень вѣроятно, что тутъ на богомильскую догматику повліяла философія, въ то время довольно высоко стоявшая въ Византіи,—особенно много тамъ занимались логикой. На соборѣ въ St. Félix de Caraman (въ южной Франціи, близъ Тулузы) много разъ упомянутый „папа" Никита отстаивалъ абсолютный дуализмъ, который ему казался истиннымъ преданіемъ дуалистической церкви; но онъ долженъ былъ согласиться, что этого ученія не знаютъ въ Болгаріи; слѣдовательно, „истинное преданіе" было константинопольской особенностью.

На той дорогѣ, по которой ересь шла изъ Константинополя, она не могла встрѣтить сильнаго сопротивленія. Дорога вела черезъ торговые города сѣверной Италіи и южной Франціи, — обѣ мѣстности скоро были наводнены еретиками. Благодаря развитію торговли и промышленности, здѣсь на первое мѣсто выдвинулись свѣтскіе, хозяйственно - политическіе интересы; эти интересы заставляли иногда города становиться на сторону папы, напримѣръ, во время борьбы папъ съ Гогенштауфенами: но въ общемъ, они должны были охлаждать религіозное усердіе; громадная для средневѣковаго человѣка пропасть между правовѣрнымъ и еретикомъ понемногу сглаживалась: состояніе, принадлежность къ извѣстной

партіи, политическія способности больше принимались въ расчетъ, чѣмъ религіозныя убѣжденія. Отсюда замѣчательное равнодушіе городскихъ капитуловъ къ еретикамъ: французскіе сектанты смотрѣли на ломбардскіе города, какъ на вѣрное убѣжище, куда всегда можно переселиться въ случаѣ нужды, и послѣ введенія доминиканской инквизиціи въ Лангедокѣ, массы катаровъ нашли спасеніе въ сѣверной Италіи. Но и въ южной Франціи преслѣдованіе велось не туземными властями, а пришедшими съ сѣвера Франціи крестоносцами: среди мѣстной знати свѣтское направленіе было едва ли не сильнѣе, чѣмъ среди ломбардскихъ купцовъ. Провансальская культура выросла на развалинахъ античной цивилизаціи, и уже поэтому не заключала въ себѣ ничего церковнаго. Насмѣшки надъ ревностными католиками, путешествовавшими на богомолье въ Римъ, надъ romipètes, были любимой темой сатирической поэзіи трубадуровъ. Постоянныя столкновенія съ церковью изъ - за феодальныхъ правъ,—неизбѣжное слѣдствіе церковнаго землевладѣнія,—поддерживали такое настроеніе: обвиненія бароновъ въ захватѣ церковныхъ земель почти неизмѣнно сопровождаются обвиненіемъ въ покровительствѣ еретикамъ.

Города и замки были очагами сектантскаго движенія: большое участіе, какое принимали въ немъ ремесленники, засвидѣтельствовано однимъ изъ французскихъ названій секты (tisserands или texerands—ткачи); рыцарскіе замки играютъ въ его исторіи самую видную роль: Монвимеръ (въ Шампани), Монтефорте (близъ Турина), Монсегюръ (въ Лангедокѣ). Отсюда ересь распространилась среди окрестнаго сельскаго населенія, гдѣ и держалась всего упорнѣе: глухія горныя деревушки южной Франціи, хижины лѣсныхъ сторожей и пастуховъ, уединенныя фермы, были послѣдними прибѣжищами сектантовъ, когда и города и замки уже уступили римской церкви.

Благопріятныя условія для распространенія ереси.

Главная причина быстраго успѣха ереси была въ то же время и самой слабой ея стороной: катары, мѣтко и безпощадно критикуя дѣйствительное состояніе церкви, не только не оспаривали міровоззрѣнія, на которомъ церковь держалась, но проводили его еще послѣдовательнѣе самого католицизма. Изъ того, что міръ созданъ злымъ духомъ, вытекало такое полное отрицаніе всего мірского, до котораго далеко было католическимъ монахамъ. Церковные проповѣдники говорили, что міръ лежитъ во злѣ,—и народъ видѣлъ всюду подтвержденіе этого. Общественный строй средневѣковой Европы страшной тяжестью ложился на низшіе классы. По-

стоянныя войны мелкихъ феодальныхъ владѣльцевъ дороже всего обходились ихъ вилланамъ, которые покрывали всѣ издержки этихъ войнъ и въ заключеніе бывали ограблены или той или другой стороной. Страшная грязь и нечистота, всегдашнее послѣдствіе бѣдности населенія, были источникомъ всевозможныхъ заразныхъ болѣзней. Эпидемія всегда производитъ сильное впечатлѣніе на умы, даже въ наши дни, когда извѣстны болѣе или менѣе ея причины и знаютъ, какъ отъ нея себя предохранить: 800 лѣтъ назадъ причины были совершенно таинственны, опустошенія въ десять разъ громаднѣе, и паника, повальный страхъ, стало быть, несравненно сильнѣе. Вдобавокъ, преобладаніе земледѣльческой культуры и слабое развитіе путей сообщенія между отдѣльными странами ставили жизнь и смерть сотенъ тысячъ людей въ зависимость отъ урожая, т. е. отъ погоды, отъ такихъ случайностей, которыя и въ наше время довольно таинственны. Словомъ, зла было въ жизни столько, что средневѣковый человѣкъ былъ склоненъ вѣрить, когда ему говорили, что дьяволъ принимаетъ большое участіе въ дѣлахъ этого міра. Это убѣжденіе пережило даже средніе вѣка: вѣра въ колдовство и преслѣдованіе людей, „знающихся съ нечистой силой", были бичомъ еще реформаціонной эпохи (XVI — XVII вв.). Почва для дуализма была готова; если прибавить къ этому ту необыкновенную ловкость и беззастѣнчивость, съ какими еретики приспособляли къ своимъ мнѣніямъ тексты Писанія, мало знакомаго средневѣковому католику, то мы поймемъ, что ученіе катаровъ должно было легко найти доступъ въ умы населенія, особенно тамъ, гдѣ правительственная власть этому не мѣшала. Труднѣе было завоевать нравственное вліяніе: здѣсь требовался аскетизмъ еще болѣе строгій, чѣмъ въ господствующей церкви. Еретическіе проповѣдники сумѣли удовлетворить этому требованію: они были, въ самомъ дѣлѣ, образцомъ „чистой" жизни, по понятіямъ среднихъ вѣковъ. Но для этого имъ пришлось дать такое устройство своей сектѣ, которое чрезвычайно затруднило ея развитіе и, въ концѣ концовъ, отдало ее на жертву католической церкви.

Совершенные и вѣрующіе.

Мы уже видѣли, что богомилы (а еще болѣе патарены въ Босніи) допускали „прельщаемыхъ ими людей" работать, т. е. входить въ общеніе съ грѣшнымъ міромъ, чтобы дать возможность вести вполнѣ созерцательную жизнь немногимъ избраннымъ. Эта система была доведена до полнаго совершенства западными дуалистами. Требуя отъ „истинныхъ христіанъ" высокаго личнаго со-

вершенства, катары ограничили ихъ число небольшимъ кружкомъ лицъ, которыми и держалась вся секта. Они такъ и назывались „совершенными" (perfecti) и одни они дѣйствовали, спасали души: подъ ними стояла пассивная масса просто „вѣрующихъ" (credentes), которые могли спастись только получивъ отъ совершенныхъ „*утѣшеніе*", *consolamentum*, послѣ чего они сами становились „совершенными". Казалось бы, судя по строгимъ нравственнымъ требованіямъ, какія предъявлялись къ „совершенному" катару, „утѣшеніе" должно было быть наградой чрезвычайно добродѣтельной жизни, или очень глубокой вѣры: на дѣлѣ не требовалось ни того, ни другого. Въ вопросѣ о consolamentum со всей ясностью выступаетъ крайняя узкость дуалистической точки зрѣнія, принижавшей земную, тѣлесную сторону человѣка безъ всякой выгоды для его нравственной стороны. Катары безусловно отрицали свободу воли, а слѣдовательно, и покаяніе. „Въ нашей вѣрѣ всякій можетъ спастись", говорили они. Для этого нужно было не сокрушеніе о своихъ прежнихъ грѣхахъ, а чисто механическое дѣйствіе, которому сами катары не придавали никакого нравственнаго значенія. Всѣ наши грѣхи — неизбѣжныя послѣдствія одного, первороднаго грѣха, который, въ сущности, сводился къ тому, что ангелы допустили сатану при помощи хитрости увлечь на землю ихъ души; но всякій ангелъ состоялъ изъ двухъ частей: духа (*πνεῦμα* гностиковъ) и собственно *души* (*ψυχή* гностиковъ); первый принадлежитъ къ высшему міровому порядку, поэтому совершенъ и недоступенъ грѣху: онъ остался на небѣ, оплакивая паденіе своей души; одна лишь послѣдняя пала и соединилась съ земнымъ тѣломъ. Когда человѣкъ вступалъ въ число „совершенныхъ", его духъ, оставшійся на небѣ, опять соединялся съ душей, а когда послѣдняя освобождалась отъ узъ тѣла, духъ увлекалъ ее съ собою на небо. Выходило, слѣдовательно, что люди, не получившіе „утѣшенія", не были виноваты въ своихъ грѣхахъ, а получивъ его становились безгрѣшными. Никакой внутренней перемѣны при этомъ не требовалось: чтобы сдѣлать человѣка безгрѣшнымъ, нужно было одно условіе, — участіе тоже безгрѣшнаго лица, т. е. „совершеннаго", который одинъ могъ помочь душѣ соединиться съ духомъ. Спасеніе души обусловливалось не нравственными достоинствами человѣка, а просто внѣшнимъ, случайнымъ обстоятельствомъ, — присутствіемъ или отсутствіемъ при умирающемъ „утѣшеннаго" катара. Когда графъ Раймондъ VI тулузскій, тяжко заболѣлъ въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ не было „со-

вершенныхъ", онъ приказалъ немедленно отвезти себя въ Тулузу, хотя въ его положенiи это было очень опасно. Кто-то спросилъ его, для чего онъ такъ рискуетъ своей жизнью: „я рисковалъ бы потерять жизнь вѣчную", отвѣтилъ графъ, „если бы умеръ безъ „утѣшенiя". Въ самомъ дѣлѣ, для человѣка, не подвергшагося этому обряду, оставалась одна надежда — получить впослѣдствiи consolamentum въ другомъ тѣлѣ, куда перейдетъ его душа: прожитая имъ жизнь была для него потеряна.

Последствiя „утѣшенiя".

Повидимому, у вѣрующихъ было простое средство предохранить себя отъ такого несчастiя—принять утѣшенiе заблаговременно, не дожидаясь предсмертной болѣзни. Самый обрядъ былъ крайне несложенъ и не могъ представить никакихъ затрудненiй. Сущность его сводилась къ тому, что посвящаемому клали на голову евангелiе отъ Іоанна,—особенно чтимаго еретиками апостола, — и читали первую главу: „Въ началѣ бѣ Слово"; затѣмъ совершающiй обрядъ perfectus давалъ новому собрату „поцѣлуй мира". Посвящаемый при этомъ давалъ обѣтъ не ѣсть никакой животной пищи, кромѣ рыбы, не лгать и не клясться, не убивать никакого живого существа, не позволять себѣ чувственныхъ удовольствiй, не идти одному, если онъ можетъ имѣть спутника его вѣры, не ѣсть неосвященной пищи,—для этого „совершенные" и ходили всегда вдвоемъ, при чемъ одинъ освящалъ пищу другого. Но главное, ни въ какомъ случаѣ не отрекаться отъ своей вѣры, „изъ страха воды, огня или какого другого вида смерти". Только послѣдняя часть обѣта могла представить значительное затрудненiе, но при одушевленiи, господствовавшемъ среди сектантовъ, нашлось бы много охотниковъ принять на себя подобное обязательство. Между тѣмъ, тогда какъ монаховъ были десятки тысячъ, въ эпоху наибольшаго развитiя ереси, въ XIII вѣкѣ во всей Европѣ „совершенныхъ" насчитывали не болѣе 4000 человѣкъ. Объясняется это не недостаткомъ охотниковъ, а тѣмъ, что consolamentum давалось крайне скупо и почти исключительно умирающимъ, при послѣднемъ издыханiи. Это было неизбѣжнымъ послѣдствiемъ того взгляда на таинство, — consolamentum, собственно, замѣняло христiанское крещенiе,—который объясненъ выше. Человѣкъ, соединившiйся съ своимъ духомъ, не могъ грѣшить; если онъ нарушалъ хотя въ чемъ-нибудь свой обѣтъ, это служило доказательствомъ, что духа въ немъ нѣтъ: а такъ какъ соединенiе души съ духомъ обусловливалось не качествами получающаго, а „совершенствомъ" дающаго consolamentum, слѣдо-

Сотвореніе міра и человѣка. Писанія, толкуя ихъ крайне произвольно, какъ мы уже видѣли выше. Иногда они притчи Евангелія принимали буквально, иногда самыя ясныя и положительныя слова толковали, какъ притчу. Но несмотря на все это, Писанія оказалось недостаточно для обоснованія ихъ фантастическаго міросозерцанія: стали выдавать за Откровеніе то, что вовсе имъ не было. Такъ образовалась литература *апокрифовъ* или „отреченныхъ“ — запрещенныхъ православной церковью — книгъ: на нихъ, главнымъ образомъ, опиралась еретическая догматика. Краеугольный камень ихъ ученія составляло не христіанское, а чисто-восточное, персидское вѣрованіе, что сатана — сынъ Бога Отца, притомъ старшій, а Христосъ — младшій. Здѣсь только имена взяты изъ Библіи, а самая сказка цѣликомъ заимствована изъ позднѣйшаго парсизма: Верховный богъ, Zrvana Akarana (олицетвореніе безконечности), началъ созданіе міра съ того, что сотворилъ міроправителя Ормазда; но, когда онъ это дѣлалъ, нашло на него сомнѣніе; и такъ какъ каждый актъ божьей мысли былъ актомъ творчества, то сомнѣніе стало духомъ сомнѣнія, Ариманомъ,—который появился, такимъ образомъ, на свѣтъ раньше Ормазда. Но персидское сказаніе всетаки разумнѣе богомильскаго, потому что оно, по крайней мѣрѣ, самому Ариману не приписываетъ творческой дѣятельности: онъ только разрушаетъ. Болгарскіе и, вслѣдъ за ними, западные дуалисты считали сатану создателемъ видимаго міра и, не найдя ничего похожаго въ Библіи, ссылались на одно апокрифическое сказаніе. Іоаннъ Богословъ на Тайной Вечери разспрашивалъ будто бы Спасителя о началѣ міра и происхожденіи человѣка, а также о томъ, чѣмъ былъ прежде врагъ рода человѣческаго. На латинской рукописи этихъ „Вопросовъ Іоанна Богослова Господу“ стоитъ надпись,—для предохраненія читателей отъ еретической заразы: „Hoc est secretum haereticorum portatum de Bulgaria Nazario suo episcopo, plenum erroribus“ [1]); подобнымъ образомъ и русскіе списыватели апокрифовъ предупреждали своихъ читателей: „То Іеремія, попъ болгарскій, солгалъ“.

На первый вопросъ, чѣмъ былъ діаволъ до своего паденія, апокрифъ отвѣчаетъ любопытной космогонической сказкой, нѣкоторыя черты которой перешли и въ наше народное міросозерцаніе. Сатанаилъ будто бы былъ первымъ лицомъ на небѣ послѣ Бога и

---

[1]) „Это—тайное ученіе еретиковъ, принесенное изъ Болгаріи ихъ епископомъ Назаріемъ, исполненное заблужденій“.

начальствовалъ надъ всѣми ангелами, стоявшими во главѣ отдѣльныхъ областей небеснаго царства. Онъ возгордился этимъ и сталъ думать: „поставлю престолъ мой надъ облаками и буду подобенъ Высочайшему“. Желая знать, будутъ ли его слушаться подчиненные ему ангелы, онъ обошелъ всѣ области міра; а міръ устроенъ такъ: на самомъ верху воздухъ, ниже—вода, еще ниже—земля (тогда она вся была покрыта водой); Сатана спустился подъ землю и нашелъ тамъ двухъ рыбъ, на которыхъ она держалась: рыбы лежали на водѣ, а вода на слоѣ облаковъ. Спустившись еще ниже, Сатана нашелъ огонь, — будущее свое жилище, геенну огненную, и дальше уже не пошелъ, потому что было очень жарко. Вездѣ ангелы, управлявшіе отдѣленіями міра или „небесами“, — наше видимое небо, твердь (firmamentum) въ ихъ число не входитъ, — вездѣ ему оказали повиновеніе. Это ободрило Сатанаила, и онъ сталъ склонять ангеловъ къ измѣнѣ, обѣщая раздѣлить съ ними царство. Онъ успѣлъ соблазнить ангеловъ трехъ небесъ и дошелъ уже до четвертаго, когда Богъ — „Отецъ Невидимый“ (Pater Invisibilis) — замѣтилъ коварство Сатаны и низвергъ его на землю: „и отнялъ у него сіяніе славы его, и стало лицо его, какъ раскаленное желѣзо, а образъ подобенъ человѣческому“; семью своими хвостами онъ увлекъ за собою третью часть всѣхъ ангеловъ. Здѣсь Сатана помѣстился на тверди, т. е. видимомъ небѣ, и не было покоя ни ему, ни тѣмъ, кто былъ съ нимъ, и взмолился онъ къ Отцу, говоря: „согрѣшилъ, потерпи на мнѣ, все отдамъ тебѣ“ (слова изъ притчи о жестокомъ рабѣ, Матѳ., 18,23,35). Отецъ сжалился надъ нимъ и далъ ему возможность въ теченіе семи дней дѣлать спокойно все, что хочетъ. Тогда Сатана при помощи двухъ старшихъ изъ отпавшихъ ангеловъ создалъ солнце, луну, звѣзды и всѣхъ живыхъ тварей. Затѣмъ онъ сдѣлалъ двѣ глиняныхъ формы, по образу и подобію своему, т. е. человѣческому, и велѣлъ ангелу перваго неба войти въ одну, ангелу второго неба въ другую. Горько плакали ангелы, видя, что Сатана обманулъ ихъ и заключилъ въ смертную форму, но должны были повиноваться; они образовали первую пару людей на землѣ, и весь родъ человѣческій отъ нихъ произошелъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ человѣкѣ есть искра небесная, происшедшая отъ заключенныхъ въ глиняную оболочку небесныхъ духовъ, потому что оба начала, плотское и духовное, не смѣшались между собою: отъ тѣла рождается тѣло, а отъ души—душа.

Эта легенда ограничиваетъ творчество Сатаны однимъ человѣ-

ческимъ тѣломъ (кромѣ небесныхъ свѣтилъ), матеріалъ для котораго онъ нашелъ уже готовымъ. Отъ Козьмы мы знаемъ, что богомилы приписывали злому духу созданіе всего видимаго міра. И въ другомъ отношеніи они отступали отъ приведеннаго сказанія: здѣсь говорится, что Сатана поставилъ свой престолъ на тверди небесной; богомилы, открытые царемъ Алексѣемъ Комниномъ въ началѣ XII вѣка, на вопросъ, гдѣ же находится „князь міра сего", отвѣчали, что прежде онъ жилъ въ Іерусалимѣ, но былъ изгнанъ оттуда I. Христомъ и въ настоящее время поселился въ Константинополѣ, въ храмѣ св. Софіи. Хотя еретики, говорившіе это, были греки по происхожденію, но такое мнѣніе вышло, конечно, не изъ греческой среды. Здѣсь мы имѣемъ уже второй періодъ развитія богомильскаго движенія, когда оно перестало быть исключительно религіознымъ и приняло рѣзкій національный отпечатокъ.

Судьба богомильства. Нужно имѣть очень мрачный взглядъ на жизнь, чтобы повѣрить, что міръ есть созданіе злой силы. Пресвитеръ Козьма рисуетъ современное ему положеніе Болгаріи очень темными красками. „Господь попусти скорбемъ приходити на рабы своя! Велики бѣды ратныя и всѣхъ настоящихъ золъ земли сей помысли кождо изъ насъ...... Отъ дружины пакость всяка и насилье отъ старѣйшинъ, денье *работы властель* земныхъ, *нищета* и строенье человѣческо (т. е. государственныя повинности)...... Поистинѣ многа лесть и многа неправда прозябе на земли". Скоро все это разнообразное зло сосредоточилось около одного центра: притѣсненій и жестокостей византійскаго правительства, послѣ завоеванія Болгаріи, сначала Цимисхіемъ, потомъ Василіемъ II Болгаробойцей. Не говоря уже объ отдѣльныхъ случаяхъ, въ родѣ ослѣпленія тысячъ болгарскихъ плѣнныхъ Василіемъ II, вся война, по своему ходу и послѣдствіямъ, должна была усилить до крайней степени ненависть болгарскаго народа къ грекамъ, — ненависть, воспитанную десятками лѣтъ ожесточенной вражды при Симеонѣ [1]). Еще противъ царя Петра Симеоновича (927—968), женатаго на византійской принцессѣ и расположеннаго къ грекамъ, три раза поднималось возстаніе; въ третій разъ вождю возстанія Шишману удалось основать свое особое царство изъ Македоніи и сосѣднихъ округовъ (963 г.). Одинъ изъ сыновей этого Шишмана Самуилъ, покровитель богомиловъ, царствовалъ надъ всей Болгаріей и стоялъ во главѣ сопротивленія Византіи. Въ его время въ Болгаріи уже

---

[1]) См. ст. „Симеонъ, царь болгарскій".

не безопасно было носить греческое платье, что доказала печальная судьба одного изъ сыновей царя Петра, воспитаннаго въ Константинополѣ. Сопротивленіе, наконецъ, было сломлено; Болгарія, разоренная и обезлюдѣвшая,—тысячи болгаръ были, по византійскому обычаю, переселены въ другія провинціи имперіи,—подчинилась греческому императору. Болгарская церковь сохранила свою независимость; но высшія церковныя должности замѣщались только греками. Между тѣмъ, какъ видно изъ многихъ мѣстъ поученія Козьмы, народъ еще во времена своей самостоятельности былъ нерасположенъ къ православному духовенству, — всего вѣроятнѣе, именно потому, что въ немъ преобладалъ греческій элементъ. Передать всю іерархію въ руки грековъ значило окончательно слить богомильское и національное движеніе. Между тѣмъ, „строенье человѣческое", всякаго рода налоги и поборы, давали себя чувствовать болгарамъ во много разъ больше, чѣмъ при туземныхъ царяхъ. Уже одно то, что натуральныя повинности были замѣнены денежными, было крайне тяжело для населенія непромышленнаго, занимавшагося исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ, притомъ же истощеннаго войной. По мѣрѣ развитія внѣшней политики Византіи въ XI—XII вѣкахъ требованія становились все больше и больше. Отвѣтомъ на эти вымогательства со стороны болгарскаго населенія были возстанія, и всякій разъ въ нихъ видную роль играли богомилы. Возстановленіе болгарскаго царства Асѣнями (въ 1186 г.) произошло также не безъ ихъ участія, и даже вполнѣ православный царь Іоаннъ (или Іоанникій, Іоанниша) Асѣнь, собиравшій во время своихъ походовъ мощи изъ всѣхъ греческихъ провинцій, даже онъ долженъ былъ покровительствовать богомиламъ: до того сильно было ихъ вліяніе на народныя массы. Это вліяніе стало роковымъ для Болгаріи: анархическая секта, не признававшая ни церкви, ни государства, могла руководить возстаніемъ, но тотчасъ же должна была сдѣлаться разлагающимъ элементомъ, какъ только возстаніе кончилось и нужно было установить прочный порядокъ. Болгарія никогда не могла подняться до прежняго политическаго могущества власти временъ царя Симеона (888—927). Религіозная распря ослабляла ее все болѣе и болѣе и была одною изъ главныхъ причинъ ея быстраго паденія въ эпоху борьбы съ османами.

Такимъ образомъ, полуторастолѣтнее господство Византіи было, въ сущности, самымъ благопріятнымъ временемъ для богомиловъ. Постоянно поддерживаемая у себя на родинѣ національнымъ бро-

женіемъ, ересь распространилась по всему Балканскому полуострову. Особенно процвѣтала она въ Босніи (гдѣ богомилы были извѣстны подъ итальянскимъ названіемъ Patareni). Здѣсь въ концѣ XIII вѣка самъ правитель страны, банъ Кулинъ, вассалъ венгерскаго короля, держалъ сторону еретиковъ. Извѣстія о боснійскихъ патаренахъ идутъ до половины XV вѣка, а окончательно они исчезли только въ наше время: немного ранѣе 1867 г. послѣднее богомильское семейство перешло въ магометанство. Черезъ Боснію еретическія ученія проникали въ Италію; оттого патарены обращали на себя большое вниманіе папъ, въ томъ числѣ, Иннокентія III. Но для западной Европы гораздо важнѣе было другое теченіе, которое шло, повидимому, черезъ Константинополь. Въ столицѣ имперіи ересь была обнаружена императоромъ Алексѣемъ Комниномъ въ 1111 году. Распространялъ ее здѣсь нѣкто Василій, монахъ и врачъ, со своими двѣнадцатью учениками, которыхъ онъ называлъ апостолами. Чтобы уличить его, Алексѣй прибѣгнулъ къ хитрости, совсѣмъ недостойной главы государства. Именно, онъ притворился, что хочетъ самъ присоединиться къ сектѣ, и пригласилъ къ себѣ Василія. Тотъ сначала держалъ себя уклончиво, но подъ конецъ, успокоенный кажущейся искренностью императора и его брата Исаака, подкупленный ихъ лестью, — они называли его достопочтеннымъ отцомъ, просили научить ихъ добродѣтели и т. п., — Василій поддался и подробно изложилъ свое ученіе. Писецъ, помѣщенный такъ, что его не могъ видѣть гость, все это записалъ. Тогда императоръ сбросилъ маску; по его знаку былъ открытъ занавѣсъ въ сосѣднюю залу, гдѣ тѣмъ временемъ собрались всѣ высшіе духовные и свѣтскіе сановники Византіи. Передъ ними Алексѣй тутъ же, на мѣстѣ, обличилъ еретика, который не могъ отрицать своей вины, ибо всѣ его рѣчи были записаны. Онъ былъ приговоренъ къ смерти и сожженъ, его ученики, разысканные по нѣкоторымъ, неосторожно вырвавшимся у него указаніямъ, были заключены въ темницу и тамъ, по бо́льшей части, умерли. При слѣдствіи обнаружилось, что сторонники ереси были и среди высшаго византійскаго общества. Какъ и нужно было предполагать, насильственныя мѣры ни къ чему не привели: секта продолжала держаться въ столицѣ, и въ XII вѣкѣ здѣсь проживалъ глава всѣхъ европейскихъ катаровъ, нѣкій Никита, въ 1167 г. пріѣзжавшій во Францію.

Переходъ ереси на Западъ.

Во время крестовыхъ походовъ множество западныхъ европейцевъ прошло черезъ Константинополь на востокъ и обратно; въ

городѣ постоянно проживало немало „франкскихъ“ купцовъ, а на службѣ греческихъ императоровъ находилось много наемниковъ изъ западной Европы. Эти люди, наживъ себѣ состояніе въ Византіи, возвращались къ себѣ на родину, неся, вѣроятно, не однѣ деньги, но и новые мнѣнія и взгляды, пріобрѣтенные на востокѣ. Только этимъ способомъ передачи и можно объяснить, почему ересь не подвигалась постепенно съ востока на западъ, а сразу появилась въ центральной Европѣ, притомъ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ: во Фландріи, въ Реймсѣ, въ Кельнѣ, въ Лангедокѣ. Въ самомъ ученіи западныхъ дуалистовъ есть нѣкоторыя черты, которыя показываютъ, что на пути изъ своей первоначальной родины оно прошло чрезъ болѣе просвѣщенную среду, чѣмъ болгарское общество X в. Основной догматъ секты, двоебожіе, на Западѣ чище, чѣмъ у богомиловъ. Западные „катары“ признавали два вѣчныхъ, независимыхъ другъ отъ друга начала добра и зла, были, стало быть, сторонниками *абсолютнаго дуализма*. Замѣчательно, что въ Италіи преобладало болгарское ученіе: очевидно, сюда ересь зашла непосредственно съ Балканскаго полуострова, черезъ Далмацію, а въ центральную Европу какимъ-нибудь другимъ путемъ. Вообще, въ западномъ ученіи логика преобладаетъ надъ фантазіей и сказочнаго элемента меньше: очень вѣроятно, что тутъ на богомильскую догматику повліяла философія, въ то время довольно высоко стоявшая въ Византіи,—особенно много тамъ занимались логикой. На соборѣ въ St. Félix de Caraman (въ южной Франціи, близъ Тулузы) много разъ упомянутый „папа“ Никита отстаивалъ абсолютный дуализмъ, который ему казался истиннымъ преданіемъ дуалистической церкви; но онъ долженъ былъ согласиться, что этого ученія не знаютъ въ Болгаріи; слѣдовательно, „истинное преданіе“ было константинопольской особенностью.

На той дорогѣ, по которой ересь шла изъ Константинополя, она не могла встрѣтить сильнаго сопротивленія. Дорога вела черезъ торговые города сѣверной Италіи и южной Франціи, — обѣ мѣстности скоро были наводнены еретиками. Благодаря развитію торговли и промышленности, здѣсь на первое мѣсто выдвинулись свѣтскіе, хозяйственно - политическіе интересы; эти интересы заставляли иногда города становиться на сторону папы, напримѣръ, во время борьбы папъ съ Гогенштауфенами: но въ общемъ, они должны были охлаждать религіозное усердіе; громадная для средневѣковаго человѣка пропасть между правовѣрнымъ и еретикомъ понемногу сглаживалась: состояніе, принадлежность къ извѣстной

и если онъ не исправится въ теченіе года, папа объявитъ его вассаловъ свободными отъ присяги, а его землю—открытой для всякаго католика, который пожелаетъ ее занять. „Вѣрующіе", покровители или укрыватели еретиковъ будутъ отлучены, объявлены лишенными гражданскихъ правъ, исключенными отъ всѣхъ должностей, неспособными наслѣдовать, дѣлать завѣщанія, быть свидѣтелями и пр. Всякій, кто вступитъ въ сношенія съ отлученными отъ церкви, будетъ самъ отлученъ.—Всякій, кто присвоитъ себѣ право проповѣдовать, не имѣя на то особаго дозволенія, будетъ отлученъ.—Каждый епископъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ, обязанъ посѣтить тѣ части своей епархіи, гдѣ, по слухамъ, укрываются еретики; онъ долженъ выбрать трехъ мѣстныхъ жителей, пользующихся доброю славою, и привести ихъ къ присягѣ, что они будутъ ему доносить о еретикахъ, людяхъ, устраивающихъ тайныя совѣщанія или ведущихъ образъ жизни, отличный отъ большинства католическаго населенія". Сверхъ того, всякій католикъ обязывался исповѣдоваться у своего приходскаго священника, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ, и причащаться, по крайней мѣрѣ, на Пасхѣ; не исполняющіе этого требованія лишаются церковнаго погребенія. Эта *обязательная* исповѣдь для всѣхъ впослѣдствіи, какъ увидимъ, была дополнена *принудительною* исповѣдью для особенно подозрительныхъ, въ чемъ, собственно, и заключалась обязанность *инквизиціи*.

Конецъ крестоваго похода.

Но, прежде чѣмъ католическая церковь пришла къ этому радикальному средству искорененія ереси, она должна была убѣдиться въ полной безплодности своего прежняго средства, крестоваго похода. Именно то, чѣмъ Иннокентій думалъ обезпечить торжество правовѣрія,—замѣна сомнительныхъ въ отношеніи правовѣрія мѣстныхъ сеньёровъ рыцарями изъ сѣверной Франціи,—это средство испортило все дѣло. Новые землевладѣльцы унаслѣдовали отъ прежнихъ всѣ поземельные споры и, какъ и прежніе, недолго ужилось въ мирѣ съ сосѣдними епископами.

Теперь дѣло приняло еще болѣе соблазнительный видъ. Достаточно одного примѣра. Арнольдъ Амальрикъ занялъ городъ Нарбонну, и принялъ титулъ герцога нарбонскаго, видимо, намѣреваясь основать нѣчто въ родѣ духовнаго княжества. По старому феодальному праву, Нарбонна зависѣла отъ тулузскаго графства, теперь принадлежавшаго Монфору. Узнавъ о поступкѣ легата, Монфоръ съ отрядомъ войска отправился туда и выгналъ Амальрика, который немедленно отлучилъ вождя кресто-

носнаго воинства отъ церкви. Но, не говоря уже объ отдѣльныхъ случаяхъ, преслѣдованіе еретиковъ вообще стало невыгодно для крестоносцевъ, потому что оно разоряло земли, ставшія ихъ собственностью. Къ тому же, имъ и некогда было заниматься еретиками. Большая часть арміи состояла изъ рыцарей, выступившихъ въ походъ, по средневѣковому обычаю, на сорокъ дней; по истеченіи этого срока, и уже во всякомъ случаѣ на зиму, они возвращались домой. У Монфора оставалось всего нѣсколько тысячъ человѣкъ, съ которыми онъ едва могъ удержаться противъ окружившаго его отовсюду непріятеля. Религіозный вопросъ отступилъ совсѣмъ на задній планъ; главное дѣло заключалось для Монфора и его товарищей въ томъ, чтобы удержать завоеванныя земли, а для населенія Лангедока, безъ различія исповѣданія,—въ томъ, чтобы выгнать непріятеля. Когда сынъ стараго тулузскаго графа высадился въ Марсели, то весь католическій Провансъ всталъ на его защиту противъ крестоносцевъ. Монфоръ долженъ былъ оставить Тулузу и уже не могъ снова завладѣть ею; девять лѣтъ безуспѣшной борьбы надломили даже его желѣзную энергію: приближенные не разъ слышали, какъ онъ молилъ себѣ у Бога смерти. Во время второй осады столицы Лангедока его желаніе исполнилось. Какъ послѣднее средство пробить брешь въ городской стѣнѣ, рѣшено было употребить особаго рода подвижную башню (la bate) изъ толстыхъ брусьевъ, обитыхъ желѣзомъ, въ нижнемъ этажѣ которой былъ поставленъ таранъ. Въ то утро, когда машина должна была начать дѣйствовать, осажденные сдѣлали храбрую вылазку и едва не отняли башню у крестоносцевъ. Вѣстникъ прискакалъ къ Монфору, который слушалъ обѣдню. Несмотря на важность дѣла, графъ не захотѣлъ оставить для него церковь. Черезъ минуту явился другой вѣстникъ, крича: „спѣшите, спѣшите, государь! Ваши люди едва могутъ держаться"!— „Я не уйду," отвѣтилъ Монфоръ, „пока не увижу моего Господа". Когда священникъ совершилъ таинство, Монфоръ сталъ на колѣни и громко воскликнулъ: „Нынѣ ты отпускаешь, Господи, раба Твоего по слову Твоему". Потомъ онъ сѣлъ на коня и повелъ свои войска въ бой. Тулузцы были отбиты отъ башни, но засѣли во рву, подъ прикрытіемъ града стрѣлъ и камней, сыпавшихся на крестоносцевъ со стѣнъ. Одна изъ стрѣлъ поразила брата Монфора Гюи. Симонъ сошелъ съ коня и подошелъ къ раненому: „Братъ, вѣрно, Богъ прогнѣвался на насъ", сказалъ онъ. Въ это время камень, пущенный изъ камнемета, попалъ ему въ голову,

и онъ упалъ мертвый (25 іюня 1218). „Когда изъ города увидали, что графъ Симонъ убитъ, тамъ такъ обрадовались, что никогда не было видано такой радости“, говоритъ одинъ современникъ. „Колокола звонили по-праздничному, весь городъ былъ наполненъ звуками роговъ, трубъ, тамбуриновъ, флейтъ и радостными криками всѣхъ жителей. Всѣ, отъ мала до велика, бросились къ подвижной башнѣ и подожгли ее такъ, что уже нельзя было потушить; потомъ побѣжали въ церковь благодарить Бога за то, что онъ избавилъ ихъ отъ графа“. Радовались, стало быть, главнымъ образомъ, католики, потому что катары, конечно, не ходили въ церковь.

Симонъ Монфоръ былъ единственной крупною личностью среди крестоносцевъ; начатое имъ дѣло умерло вмѣстѣ съ нимъ. Его сынъ Амори долженъ былъ ограничиться оборонительными дѣйствіями и держался только благодаря помощи французскаго короля. Война тянулась еще около 10 лѣтъ и окончилась договоромъ въ Мо (1229 г.), который больше всего былъ выгоденъ для Франціи. Большая часть графствъ Лангедока прямо отошла къ королю; присоединеніе остальной части было подготовлено бракомъ дочери Раймунда VII съ Альфонсомъ французскимъ, третьимъ сыномъ Людовика VIII. Южно-французскимъ баронамъ были возвращены ихъ владѣнія, кромѣ нѣкоторыхъ, оставшихся за родственниками Монфора. Но за то преслѣдованіе еретиковъ было обезпечено введеніемъ въ Лангедокѣ *доминиканской инквизиціи*.

Происхожденіе инквизиціи.

Инквизиціей, какъ показываетъ самое слово, называлось, собственно, „разысканіе“ еретиковъ, или, какъ выражалась церковь, „еретической неправды“, haereticae pravitatis. Съ точки зрѣнія самой церкви, разысканіе и преслѣдованіе были два различныя дѣйствія; но, въ сущности, второе было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ перваго. Разъ еретикъ былъ отысканъ и изобличенъ, свѣтская власть обязана была подвергнуть его наказанію. Инквизиціонный процессъ состоялъ изъ двухъ частей: судебнаго слѣдствія и приговора; суда, въ нашемъ смыслѣ этого слова, не было. Слѣдователь, непремѣнно духовное лицо, установлялъ фактъ преступленія и передавалъ обвиняемаго въ руки свѣтской власти, обыкновенно съ увѣщаніемъ обходиться съ послѣднимъ возможно кротко, безъ пролитія крови. Но свѣтская власть очень хорошо понимала, что это значитъ, и наказывала еретика „безъ пролитія крови“, т. е. сжигала его живымъ.

Такая жестокая казнь, въ наши дни не существующая ни въ

одномъ культурномъ государствѣ, притомъ казнь за ошибку, за увлеченіе, кажется гуманнымъ людямъ нашего времени чѣмъ-то чудовищнымъ. Инквизиція, въ глазахъ огромнаго большинства,— главный грѣхъ средневѣковаго католицизма, лучшее доказательство того, какъ пагубно было господство церкви для тогдашней Европы. Если бы, дѣйствительно, церковь придумала это страшное учрежденіе для поддержанія своей власти, то, конечно, ее пришлось бы признать самымъ свирѣпымъ деспотомъ, какого только видѣлъ свѣтъ, а исполнителей ея велѣній самыми безжалостными людьми, какіе только когда-нибудь существовали. Этимъ людямъ должно было быть совершенно незнакомо чувство справедливости, не говоря уже о любви къ ближнему. Дѣйствительно ли все это было такъ?

Въ XIII столѣтіи жилъ въ Италіи одинъ доминиканскій монахъ, по имени Джованни Скіо (Fra Giovanni Schio da Vicenza). Глубоко огорченный положеніемъ сѣверной Италіи, гдѣ тогда свирѣпствовала борьба гибеллиновъ и гвельфовъ, раздѣлившая не только города, но даже семьи, онъ рѣшился всецѣло посвятить себя проповѣди мира. Въ 1233 г. въ Болоньѣ, благодаря его краснорѣчію, враждующія партіи сложили оружіе и простили другъ другу нанесенныя обиды. Такъ велико было возбужденное имъ одушевленіе, что власти города представили на его разсмотрѣніе городскіе законы, разрѣшивъ ему внести туда поправки, какія онъ найдетъ нужными. Тотъ же успѣхъ ждалъ его въ Падуѣ, Тревизо, Фельтро и Беллуно; князья и городскія республики выбирали его посредникомъ въ ихъ спорахъ, обращались къ нему за совѣтами при измѣненіи своего политическаго устройства. Онъ созвалъ народъ со всей Ломбардіи на равнину Пакваро, близъ Вероны; здѣсь безчисленная толпа, увлеченная его краснорѣчіемъ, какъ голосомъ съ небесъ, единодушно поклялась прекратить всѣ раздоры. И этотъ человѣкъ, посвятившій всю жизнь дѣлу христіанской любви, велѣлъ сжечь въ Веронѣ 60 мужчинъ и женщинъ, которыхъ онъ уличилъ въ ереси.

Братъ Скіо, конечно, не былъ ни жестокъ по натурѣ, ни несправедливъ; если онъ такъ поступилъ, стало быть, считалъ это своимъ долгомъ. Но онъ былъ, вѣроятно, простой человѣкъ, и, можетъ быть, его взглядъ на еретиковъ былъ личной его особенностью. Вотъ что, однако, говоритъ по этому поводу писатель, мнѣнія котораго были приняты всей католической Европой того времени и который стоялъ на высотѣ современной ему науки: „Еретиковъ

должно принуждать къ исполненію тѣхъ обязательствъ, которыя они приняли на себя по отношенію къ церкви прежде, чѣмъ изъ нея вышли", писалъ Ѳома Аквинскій. „Ибо, если принять вѣру есть дѣло свободной воли, то сохраненіе принятой вѣры есть дѣло необходимости. Ересь есть грѣхъ; тѣ, которые его совершаютъ, заслуживаютъ не только исключенія изъ церкви, но исключенія изъ міра путемъ смерти. Извращать религію, отъ которой зависитъ жизнь вѣчная, гораздо болѣе тяжкое преступленіе, чѣмъ поддѣлывать монету, которая служитъ для удовлетворенія потребностей временной жизни. Слѣдовательно, если фальшивыхъ монетчиковъ, какъ и другихъ злодѣевъ, свѣтскіе государи справедливо наказываютъ смертью, еще справедливѣе казнить еретиковъ, какъ скоро они уличены въ ереси.

Что касается церкви, она исполнена милосердія и стремится обратить заблуждающихся; оттого она не тотчасъ осуждаетъ, но послѣ перваго и второго увѣщанія, какъ учитъ апостолъ. Если же еретикъ и послѣ этого продолжаетъ упорствовать, церковь, не надѣясь на его обращеніе, заботится о спасеніи другихъ, устраняетъ его изъ церкви посредствомъ отлученія, а затѣмъ передаетъ его свѣтскому судьѣ, чтобы онъ устранилъ его изъ міра посредствомъ смерти... Если бы и всѣ еретики были истреблены подобнымъ образомъ, это не было бы противно велѣніямъ Божіимъ..." [1].

Инквизиція и аскетизмъ. Инквизиція является здѣсь прямымъ, естественнымъ выводомъ изъ того положенія, которое господствуетъ надъ всѣмъ средневѣковымъ міросозерцаніемъ: земная жизнь не имѣетъ сама по себѣ цѣны, она—только приготовленіе къ царству небесному. Спасеніе души было единственной цѣлью, все остальное ничего не стоило: ересь грозила погубить душу, значитъ, тѣхъ, кто распространяетъ ересь, нужно наказывать какъ самыхъ опасныхъ злодѣевъ. А костеръ въ средніе вѣка былъ обычной казнью за наиболѣе тяжкія преступленія: въ Англіи—за убійство феодальнаго сеньёра, а также за убійство мужа женой, въ Германіи—за ночной поджогъ. Подавленіе ереси всѣми мѣрами было такимъ же долгомъ для истинно вѣрующаго, какъ и умерщвленіе плоти. Аскетизмъ и инквизиція тѣсно связаны между собою: это два разныхъ поля битвы съ однимъ и тѣмъ же врагомъ рода человѣческаго, который стремится погубить нашу душу. Оттого самые жестокіе преслѣдователи еретиковъ обыкновенно бывали самыми безупречными аскетами. Кон-

[1]) Summa; secunda secundae II—46. quaest. 10—11.

радъ Марбургскій, ужасъ Германіи XIII вѣка, „презиралъ богатства, свѣтскія имѣнія и церковные бенефиціи; онъ довольствовался простой скромной одеждой священника; его образъ жизни былъ достойный, безукоризненно нравственный. Суровый на видъ, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ добръ, признателенъ и ласковъ къ хорошимъ христіанамъ; а для дурныхъ и вѣроломныхъ онъ былъ справедливымъ и строгимъ судьей". Такъ изображаетъ его современный лѣтописецъ. Какъ высоко цѣнились нравственныя качества Конрада, видно изъ того, что онъ былъ духовникомъ Елисаветы, ландграфини тюрингенской,—знаменитой подвижницы, одной изъ тѣхъ немногихъ, кому почти удалось осуществить аскетическій идеалъ [1]). Въ то же время, Конрадъ былъ увѣренъ, что лучше убить 60 человѣкъ, чѣмъ одну церковь поручить недостойному священнику. Его дѣятельность, какъ инквизитора, показывала, что это не были пустыя слова. Чтобы быть имъ осужденнымъ, довольно было простого подозрѣнія. Если несчастный, попавшій въ его руки, со страху признавался въ ереси,—въ которой иногда вовсе не былъ повиненъ,— Конрадъ запиралъ его на всю жизнь въ тюрьму; если онъ не признавался, его сжигали. Никакое общественное положеніе не спасало обвиняемаго: Конрадъ привлекалъ къ своему суду высшихъ представителей нѣмецкаго дворянства. Эта непреклонность стоила ему жизни: во время одного изъ своихъ объѣздовъ онъ былъ убитъ озлобленными рыцарями. Но опасность не останавливала этихъ людей. Въ Лангедокѣ, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, свѣтская власть,— особенно капитулы городовъ, — почти открыто покровительствовала еретикамъ, дѣятельность инквизитора была особенно трудна и опасна. Когда одинъ доминиканецъ, присланный для разысканія еретиковъ въ Тулузу, потребовалъ къ своему суду нѣсколькихъ изъ числа самыхъ богатыхъ и уважаемыхъ гражданъ, противъ дерзкаго пришельца поднялась цѣлая буря негодованія. Консулы изгнали изъ города инквизитора и грозили смертной казнью тому, кто осмѣлится исполнять его приказы; всякія сношенія съ доминиканцами и даже съ епископомъ, который ихъ поддерживалъ, были строго воспрещены. Епископъ долженъ былъ уѣхать изъ Тулузы, потому что ни одинъ булочникъ не соглашался теперь печь для него хлѣбъ, ни одинъ мясникъ не брался доставлять провизію; толпа избила слугъ епископа и ограбила его дворецъ. Но домини-

[1]) См. ст. В. И. Герье: „Св. Елисавета, ландграфиня тюрингенская" (Сборникъ „Помощь голодающимъ" М. 1892 г.).

канцы, несмотря на все это, остались въ городѣ. Немногіе преданные люди украдкою доставляли имъ жизненные припасы, несмотря на запрещеніе; когда же консулы оцѣпили стражей домъ, гдѣ жили монахи, пищу ухитрялись перебрасывать имъ черезъ стѣну. Воду, конечно, нельзя было доставлять такимъ путемъ; доминиканцы страдали отъ жажды, но тѣмъ не менѣе, стойко выдерживали осаду. Между тѣмъ, изгнанный инквизиторъ не думалъ отказаться отъ начатаго дѣла. Изъ Каркассоны, гдѣ онъ временно поселился, онъ прислалъ письмо пріору, требуя, чтобы, въ виду непослушанія вызванныхъ имъ на судъ гражданъ Тулузы, вызовъ былъ повторенъ: четыре монаха должны были обойти дома привлеченныхъ къ суду и повторить приказъ инквизитора. Можно себѣ представить, что ожидало этихъ пословъ при тогдашнемъ настроеніи жителей Тулузы. Пріоръ понималъ это; онъ созвалъ своихъ монаховъ и сказалъ имъ: „Радуйтесь, братья, я долженъ послать четырехъ изъ васъ къ престолу Всевышняго. Вотъ приказъ брата нашего, инквизитора; онъ долженъ быть исполненъ, хотя консулы грозятъ за это позорной казнью. Итакъ, кто готовъ умереть за Христа, пусть простится съ нами!“. Всѣ монахи, какъ одинъ человѣкъ, преклонились до земли передъ пріоромъ, какъ дѣлали, прощаясь, доминиканцы; онъ долженъ былъ самъ выбрать четырехъ, которые обошли дома обвиняемыхъ, повторяя вызовъ инквизитора. Въ одномъ мѣстѣ на нихъ бросились съ ножами, и только случайное обстоятельство спасло ихъ отъ смерти.

Отъ людей, которые не жалѣли себя, трудно было ждать, чтобы они пожалѣли другихъ. Благочестивая ограниченность большинства нищенствующихъ монаховъ еще болѣе поддерживала въ нихъ непримиримую вражду къ „плевеламъ Христовой нивы“. Многіе изъ нихъ были убѣждены, что инквизиція не только благое, угодное Богу дѣло, но что она прямо, буквально предписана Евангеліемъ; въ этомъ смыслѣ они толковали 6-й стихъ 15-й главы отъ Іоанна: „кто не пребудетъ во мнѣ, извергнется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ; а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь, и горятъ“. Менѣе аскетическое и болѣе образованное высшее духовенство обнаруживало болѣе терпимости, особенно въ первое время, когда ересь еще не казалась опаснымъ врагомъ для церкви. Въ 1031 г. открыты были сектанты-дуалисты въ замкѣ Монтефорте, близъ Турина,—они были сожжены мѣстными властями противъ воли епископа Гериберта, который хотѣлъ обратить ихъ къ истинной вѣрѣ увѣщаніями. Епископъ люттихскій Вазонъ, умершій въ 1048 г., писалъ ша-

лонскому епископу Рожеру: „мы, епископы, должны помнить, что мы не имѣемъ права употреблять меча; мы помазаны не для того, чтобы убивать людей, а для того, чтобы возвращать ихъ къ жизни (ad vivificandum)“. Приведя притчу о пшеницѣ и плевелахъ (Матѳ. XIII, 24—30), которые хозяинъ оставилъ на полѣ до жатвы, чтобы, выдергивая плевелы, не выдергать вмѣстѣ съ ними пшеницы, Вазонъ добавляетъ, что въ этомъ случаѣ нужно быть особенно осторожнымъ, потому что плевелы могутъ завтра стать пшеницей, т. е. еретики могутъ обратиться. Передъ крайними послѣдствіями аскетическаго начала отступали даже такіе непреклонные люди, какъ Григорій VII, писавшій въ 1077 г. парижскому епископу, что сожженіе еретиковъ — дѣло „нечестивое и жестокое“. Св. Бернардъ училъ, вмѣсто того, чтобы убивать или изгонять сектантовъ, стараться привлечь ихъ къ церкви, дѣйствуя не оружіемъ, а доказательствами, способными разсѣять ихъ заблужденія и привести ихъ къ истинной вѣрѣ, „ибо такова воля Того, Кто хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и познали истину“.

Уже разсказанная нами неудача Бернарда на этомъ пути можетъ служить образчикомъ тѣхъ разочарованій, которыя толкали церковь на путь насилія и преслѣдованія. На отдѣльныхъ фактахъ можно прослѣдить, какъ постепенно воинствующее, нетерпимое направленіе завладѣваетъ папской политикой. Уже въ 1184 г. Люцій III предписываетъ выдавать еретиковъ свѣтской власти для наказанія; но предварительно дѣло долженъ былъ изслѣдовать мѣстный епископъ, что было еще очень выгодно для обвиняемаго, потому что епископы были слишкомъ тѣсно связаны съ мѣстнымъ населеніемъ, чтобы возбуждать его противъ себя жестокостями. Папы, видимо, старались быть умѣренными, насколько можно: еще Иннокентій III запрещалъ употреблять по отношенію къ еретикамъ испытаніе водою и раскаленнымъ желѣзомъ. Альбигойская война унесла послѣдніе остатки этой умѣренности. Въ 1232 г. Григорій IX передалъ все дѣло преслѣдованія сектантовъ въ руки доминиканцевъ. Орденъ, образовавшійся и выросшій на полѣ битвы съ еретиками, не стѣсняемый никакими мірскими соображеніями и заботами, былъ настолько же неумолимѣе епископа, насколько выше его въ аскетическомъ отношеніи. Замѣну епископской инквизиціи доминиканской мы имѣемъ полное право разсматривать, какъ новый шагъ на пути усиленія нетерпимости. Въ 1252 г. Иннокентій IV разрѣшилъ пытать подозрѣваемыхъ въ ереси; съ этимъ инквизиціонный процессъ получилъ свою окончательную форму. Всѣ колебанія мало-по-малу

были устранены. „Убивайте еретиковъ“, писалъ въ 1445 г. папа Евгеній IV своему легату въ Босніи, преслѣдовавшему патареновъ: „ихъ преступленіе достойно смерти“.

Логическій выводъ аскетизма не былъ, такимъ образомъ, принятъ церковью безъ борьбы: подобно целибату, другому естественному послѣдствію аскетическаго міросозерцанія, инквизиція осуществилась далеко не сразу. Но разъ то и другое принято церковью, она уже не отступала ни отъ того, ни отъ другого. Только когда католицизмъ лишился матеріальной поддержки свѣтской власти, преслѣдованіе прекратилось, потому что стало физически невозможно.

Организація „инквизиціоннаго трибунала“.

Остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ принципъ преслѣдованія примѣнялся на практикѣ, какъ дѣйствовала инквизиція. Внѣшнее устройство „Святого Учрежденія“ (Sanctum Officium) до нѣкоторой степени опредѣлялось устройствомъ того ордена, въ руки котораго учрежденіе было отдано: округа инквизиціи совпадали съ „провинціями“ доминиканцевъ. Но инквизиторы, въ предѣлахъ этихъ округовъ, не сосредоточивались въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, а переѣзжали изъ города въ городъ, по мѣрѣ надобности. Мѣстныя власти, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, должны были оказывать имъ всякое содѣйствіе и исполнять всѣ ихъ распоряженія. Они стояли внѣ обычнаго порядка церковной іерархіи: инквизиторъ, хотя бы простой монахъ, могъ наложить отлученіе, котораго епископъ не могъ снять. Эта независимость инквизиціи отъ обычнаго порядка управленія придавала ей совсѣмъ особый характеръ: предъ лицомъ ея человѣкъ чувствовалъ себя лишеннымъ всякихъ правъ, всего, что охраняло его личность въ обычное время. Самая неопредѣленность положенія уже наводила страхъ; эту неопредѣленность какъ будто нарочно старались увеличивать. Инквизиторъ, явившись въ городъ, объявлялъ, черезъ посредство мѣстнаго духовенства, чтобы всѣ, знающіе за собой или за кѣмъ-нибудь другимъ какое-либо прегрѣшеніе противъ церкви, немедленно о томъ объявили. Не послушавшійся этого приказанія тѣмъ самымъ считался уже отлученнымъ отъ церкви, — и этого отлученія никто не могъ съ него снять, кромѣ самого инквизитора. Для еретиковъ это не могло быть страшно, но не трудно себѣ представить, что должны были чувствовать искренніе католики, жившіе въ еретической мѣстности. Одинъ могъ имѣть еретика въ числѣ знакомыхъ, другой могъ видѣть его случайно, третій могъ также случайно слышать какое-нибудь еретическое мнѣніе. Утайка самой ничтожной подроб-

ности дѣлала его несчастнымъ навѣкъ—и въ этой и въ будущей жизни. Инквизиція все ставила на счетъ, ничего не пропускала. Вотъ, для примѣра, нѣсколько случаевъ изъ десятковъ тысячъ, имѣвшихъ мѣсто въ южной Франціи. Одинъ изъ жителей Советерра (Sauveterre) видѣлъ, какъ три еретика-катара вошли въ домъ одного больного, и слышалъ, будто они дали ему „утѣшеніе“; онъ, впрочемъ, не зналъ навѣрно, были ли это еретики, и что они въ домѣ дѣлали, а говорилъ по слухамъ; тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ искупить свою „вину“, сходивъ на поклоненіе одной изъ мѣстныхъ святынь. Другой, врачъ, однажды перевязалъ руку еретику,—онъ долженъ былъ совершить такое путешествіе три раза. Одна женщина ѣла и пила съ другой, про которую слышала, что та придерживается еретическихъ мнѣній,—ей пришлось сходить на богомолье дважды. Никакая давность не могла погасить подобнаго „преступленія“: у инквизиторовъ были особыя книги, куда записывались всѣ подозрительные люди, и кто разъ попалъ въ эту книгу, могъ быть увѣренъ, что рано или поздно ему придется отвѣчать передъ духовнымъ судьею. Въ 1316 г. была привлечена къ суду одна старуха; при слѣдствіи открылось, что на нее было заявлено подозрѣніе еще въ 1268 г., чуть не за 50 лѣтъ, и тогда она отреклась отъ ереси,—что дѣлали многіе убѣжденные католики, чтобы не попасть въ число „нераскаянныхъ“ еретиковъ. И это полвѣка назадъ заявленное подозрѣніе не прошло даромъ для подсудимой: ее приговорили къ пожизненному заключенію въ цѣпяхъ, хотя она вторично покаялась; иначе ее сожгли бы.

Послѣдствіемъ такой системы была цѣлая туча доносовъ: всякій спѣшилъ довести до свѣдѣнія инквизиціи все, что онъ видѣлъ, или слышалъ, или даже только воображалъ, что слышалъ,—касающагося ереси. Такимъ путемъ у инквизитора составлялся обширный списокъ—пока еще не еретиковъ, а людей, которыхъ общественное мнѣніе той мѣстности считало „неблагонадежными“. Оставался вопросъ, какъ выдѣлить изъ числа ихъ дѣйствительныхъ вѣроотступниковъ, подлежащихъ „исключенію изъ міра“ тѣмъ или другимъ путемъ? Было два средства: милость и застращиванье. Раскаявшимся обѣщали помилованіе; правда, что для настоящихъ еретиковъ, напримѣръ, для „совершенныхъ“ катаровъ, это помилованіе равнялось очень тяжкому гражданскому наказанію: ихъ на всю жизнь запирали въ тюрьму (*murus*, отсюда immuratio и наше „замуровать“). „Вѣрующихъ“ не подвергали заключенію, но обставляли ихъ жизнь всевозможными стѣснительными условіями: они

должны были носить особенную одежду, съ нашитыми на ней крестами, сразу отличавшую ихъ на улицѣ; каждое воскресенье они должны были являться въ церковь и получать отъ священника нѣсколько ударовъ розгою, въ знакъ покаянія: то же повторялось во время крестныхъ ходовъ; они не могли быть избираемы ни въ какую общественную должность; наконецъ, нерѣдко ихъ для большей вѣрности переселяли въ города, населенные исключительно католиками, гдѣ положеніе „бывшаго еретика" оказывалось, конечно, очень незавиднымъ. Для человѣка, отъ котораго требовали измѣны убѣжденіямъ, все это было не слишкомъ большой наградой. „Милосердіе" инквизиціи плохо удавалось; страхъ былъ болѣе вѣрнымъ средствомъ, чтобы заставить еретика признаться. Какъ примѣнялось это средство, лучше всего покажетъ образчикъ допроса, сохранившійся въ одномъ руководствѣ для инквизиторовъ.

Инквизиціонный допросъ. Нужно прежде всего вспомнить, что призванный къ допросу ниоткуда не могъ ждать поддержки. На судѣ никого не было изъ постороннихъ людей; законъ требовалъ присутствія двухъ „свидѣтелей", не принадлежавшихъ къ суду, но ихъ, обыкновенно, выбирали изъ числа монаховъ, преимущественно тѣхъ же доминиканцевъ. Защиты не допускалось: защитникамъ церковь грозила такимъ же наказаніемъ, какъ и укрывателямъ еретиковъ. И, наконецъ, при малѣйшей уликѣ подсудимаго ждала пытка. Не трудно представить себѣ душевное состояніе подозрѣваемаго, когда онъ являлся къ слѣдователю.

„Когда ко мнѣ приводятъ въ первый разъ еретика для допроса", говоритъ авторъ руководства, „онъ принимаетъ довѣрчивый и откровенный видъ человѣка, убѣжденнаго въ своей невинности. Я спрашиваю его, для чего онъ приведенъ ко мнѣ? Онъ отвѣчаетъ, съ вѣжливою улыбкою: „я очень радъ былъ бы узнать это отъ васъ".

Инквизиторъ. Вы обвиняетесь въ ереси, въ томъ, что вы вѣруете и учите иначе, чѣмъ вѣруетъ святая церковь. *Допрашиваемый* (поднимаетъ глаза къ небу, съ видомъ глубочайшей вѣры). Господи, ты знаешь, что я невиненъ въ этомъ, и что я никогда не вѣрилъ иначе, чѣмъ должны вѣрить истинные христіане. *И*. Вы называете вашу вѣру христіанской, потому что нашу вы считаете ложной и еретической. Но я спрашиваю, считали ли вы когда-нибудь истинной иную вѣру, чѣмъ та, которую признаетъ истинной римская церковь? *Д*. Я считаю истинной вѣрой ту, которой держится римская церковь, и которую вы намъ проповѣдывали. *И*. Можетъ быть, изъ вашей секты кто-нибудь есть въ Римѣ, кого

вы и называете „римской церковью". Я, когда проповѣдывалъ, высказалъ нѣкоторыя мнѣнія, общія намъ обоимъ, напримѣръ, что существуетъ Богъ, и вы, поэтому, вѣрите кое-чему изъ того, что я проповѣдывалъ. Тѣмъ не менѣе, вы можете быть еретикомъ, потому что не вѣруете во многое другое, во что нужно вѣровать. *Д.* Я вѣрую во все, во что долженъ вѣровать христіанинъ. *И.* Знаю я ваши уловки! То, во что вѣруютъ члены вашей секты, по вашему, и есть христіанская вѣра. Но мы теряемъ время въ этомъ препирательствѣ. Скажите просто, вѣруете ли вы въ Бога Отца, Сына и Святого Духа? *Д.* Вѣрую. *И.* Вѣруете ли вы во Христа, рожденнаго отъ Дѣвы, страдавшаго, воскресшаго и вознесшагося на небо? *Д.* (живо) Вѣрую! *И.* Вѣруете ли, что хлѣбъ и вино въ евхаристіи, совершаемой священникомъ, превращаются въ истинное тѣло и кровь Христову? *Д.* Да развѣ я не долженъ въ это вѣровать? *И.* Я не спрашиваю, должны ли вы вѣровать, а вѣруете ли? *Д.* Я вѣрю всему, чему приказываете вѣрить вы и другіе добрые учители. *И.* Эти добрые учители—проповѣдники вашей секты; вѣруете ли въ то же, во что и я? Да или нѣтъ? *Д.* Охотно, если то, чему вы учите, хорошо для меня. *И.* Для васъ хорошо, если я учу тому же, чему и ваши проповѣдники... Скажите тогда, вѣруете ли вы, что тѣло Господа Іисуса Христа находится на алтарѣ? *Д.* (быстро) Вѣрую. *И.* Вы знаете, что тамъ есть что-то, и что все на свѣтѣ принадлежитъ Господу. Я спрашиваю, находится ли тамъ тѣло Господа нашего, рожденнаго отъ Дѣвы, распятаго, воскресшаго и т. д.? *Д.* А вы развѣ въ это не вѣруете? *И.* Я вѣрую вполнѣ. *Д.* Я также вѣрую. *И.* Вы вѣруете въ то, что я этому вѣрю, но я спрашиваю не объ этомъ, а о томъ, вѣруете ли вы? *Д.* Если вы хотите перетолковывать всѣ мои простыя и ясныя слова навыворотъ, то я ужъ не знаю, что мнѣ и говорить. Я простой и невѣжественный человѣкъ. Прошу не ловить меня на словахъ. *И.* Если вы простой человѣкъ, отвѣчайте просто, безъ увертокъ. *Д.* Охотно. *И.* Хотите ли вы поклясться, что вы никогда не слышали ничего противнаго той вѣрѣ, которую мы считаемъ истинною? *Д.* (поблѣднѣвъ) Если я долженъ поклясться, то охотно сдѣлаю это. *И.* Я васъ не спрашиваю, должны ли вы, а хотите ли вы? *Д.* Если вы приказываете мнѣ поклясться, я готовъ. *И.* Я не долженъ васъ принуждать, потому что клятва тогда не будетъ имѣть силы, и грѣхъ клятвопреступленія падетъ на меня; но если вы хотите поклясться, я выслушаю васъ.

Тогда, дрожа и запинаясь, какъ будто онъ не можетъ припо-

мнить формулу присяги, допрашиваемый произноситъ ее такъ, чтобы ее можно было отнести не къ нему, а къ другому. Или же онъ придаетъ клятвѣ форму молитвы, напримѣръ: „Господи, помоги мнѣ, чтобы я не былъ еретикомъ!“ и т. п. А когда его переспрашиваютъ, онъ удивляется: „развѣ вы не слышали, какъ я присягнулъ?“ Или же старается разжалобить инквизитора, говоря такъ: „Я охотно покаюсь, если я въ чемъ-нибудь согрѣшилъ, только помогите мнѣ освободиться отъ позорнаго обвиненія, которое взвели на меня безъ всякой вины съ моей стороны“. Но дѣльный инквизиторъ не долженъ поддаваться на такія уловки, а неутомимо продолжать допросъ, пока не заставитъ этихъ людей признаться въ ихъ заблужденіяхъ или публично отречься отъ ереси, чтобы, если они впослѣдствіи окажутся присягнувшими ложно, онъ могъ безъ дальнѣйшаго разбирательства передать ихъ въ свѣтскія руки. Если кто-нибудь соглашается присягнуть, что онъ не еретикъ, я говорю ему: „Если вы хотите поклясться для того, чтобы избѣжать костра, то знайте, что одной клятвы для меня недостаточно, ни десяти, ни сотни, ни тысячи, потому что вамъ ваши учителя разрѣшаютъ напередъ извѣстное число клятвопреступленій по необходимости. Вы должны будете присягнуть безчисленное количество разъ. Сверхъ того, если противъ васъ будетъ хотя одно свидѣтельство, всѣ ваши клятвы не спасутъ васъ отъ сожженія. Вы только запятнаете свою совѣсть, но не избѣжите смерти. Но если вы просто признаетесь въ своемъ заблужденіи, васъ простятъ“. Въ такомъ затруднительномъ положеніи,— прибавляетъ авторъ,—нѣкоторые признавались въ своей винѣ“.

Этотъ діалогъ, какъ видимъ, мало походитъ на судебный допросъ; цѣль инквизитора — не открытіе истины, — онъ убѣжденъ, что уже знаетъ ее: не дожидаясь допроса, онъ уже называетъ приведеннаго къ нему человѣка еретикомъ. Нужно не дать ему уйти изъ рукъ; нужно, чтобы онъ какъ-нибудь проговорился,—для этого одинъ и тотъ же вопросъ повторяется въ десяти разныхъ формахъ... Подсудимый, наконецъ, самъ перестаетъ понимать, еретикъ онъ или нѣтъ. Если онъ не еретикъ, то, можетъ быть, слышалъ что-нибудь еретическое: кто можетъ за это поручиться? Въ своемъ наивномъ усердіи, инквизиторъ забываетъ, что, вѣдь, онъ и самъ немало слышалъ еретическихъ мнѣній. Но ему уже не до справедливости: гдѣ дѣло идетъ о вѣчномъ спасеніи, что значатъ временныя страданія хотя бы и вполнѣ невиннаго человѣка. Ивотъ, на костеръ отправляютъ не того, чья виновность внѣ всякихъ со-

мнѣній, а именно того, противъ кого есть только одно свидѣтельство. По этой теоріи, „обвиняемый" значитъ „осужденный". Правъ былъ тотъ инквизиторъ, который сравнивалъ „Святое Учрежденіе" съ сѣтью, не пропускающей ни одной рыбы. Кто не хотѣлъ сгорѣть, тому оставался только одинъ исходъ: всенародно отречься отъ ереси; такъ или иначе, церковь никогда не проигрывала.

Но если оставить въ сторонѣ крайнюю несправедливость и жестокость такой системы, нужно признать за ней несомнѣнную цѣлесообразность. Страхъ отлученія доставлялъ инквизиціи десятки тысячъ добровольныхъ шпіоновъ, черезъ которыхъ она знала малѣйшія движенія противниковъ. Свѣтская власть всегда готова была помогать,—потому что съ нею дѣлились имуществомъ казненнаго. Особенно выгодно было положеніе инквизиціи въ южной Франціи, гдѣ власть все болѣе и болѣе переходила въ руки короля, смотрѣвшаго на свои новыя владѣнія прежде всего, какъ на источникъ доходовъ. Конфискація имѣній, принадлежавшихъ еретикамъ, сдѣлала французскаго короля самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ Лангедока. При такихъ условіяхъ сопротивляться инквизиціи не приходилось; нѣсколько инквизиторовъ, правда, было убито, но эти вспышки безсильной народной ярости только оживляли усердіе монаховъ, которымъ такая смерть обѣщала мученическій вѣнецъ. Облавой шли доминиканцы по Лангедоку, загоняя катаровъ на югъ, въ глухія долины Пиренеевъ. Здѣсь долго укрывался послѣдній изъ „совершенныхъ", Пьеръ Отьё (Pierre Autier); въ 1309 г. и онъ былъ схваченъ. На предложеніе отречься онъ отвѣчалъ жестокой бранью противъ „синагоги сатаны", какъ называлъ онъ католическую церковь. Это было послѣднимъ исповѣданіемъ „болгарской ереси" на югѣ Франціи. Некому было совершать „утѣшеніе", и „вѣрующіе" Лангедока волей неволей слились съ массой католическаго населенія.

М. Покровскій.



XLII.

Мистика и схоластика XI—XII вѣковъ.

(Ансельмъ Кэнтерберійскій, Абеляръ и Бернардъ Клервальскій).

Ансельмъ Кэнтерберійскій. Около половины XI вѣка грубая борьба всѣхъ членовъ общества между собою немного утихаетъ: являются новыя нужды и запросы; выступаютъ на первый планъ болѣе идеальныя потребности; поднимается авторитетъ папства, и оно готовится собрать весь западно-европейскій міръ подъ своей властью, очистить нравы духовенства, освободить его отъ феодальныхъ отношеній къ государямъ и пирамиду феодальнаго общества, основанную на землевладѣніи и завершающуюся императоромъ, перестроить въ теократическую, стоящую на почвѣ истины ученія Христова, скрѣпленную духомъ любви и властью духовенства, съ папой въ качествѣ верхняго камня. Начинаетъ распространяться и образованіе. Оно идетъ на сѣверъ изъ Италіи, гдѣ остатки древней куль-

---

Источники: *Abelardi opera omnia* (Patrologia Migne, t. 178); **Пособія:** *Ch. de Rémusat*. St. Ansèlme de Cantorbery. Paris. 1868; *Ch. Rémusat*. Abélard. Paris. 1845. 1—2 vol.; *Deutsch*. Peter Abälard, ein kritischer Theologe des 12 Jahrhunderts. Leipz. 1883; *Hausrath, A*. Weltverbesserer im Mittelalter. I. Peter Abälard. Leipz. 1895; *Hauréau*. Histoire de philosophie scolastique. 2 éd. 1878 г. и сл., 2 vol.; *V. Cousin*. Histoire générale de la philosophie. Paris. 1868 (5-me leçon); *Ueberweg*. Grundriss der Geschichte d. Philosophie, B. II; *Ланге, Ф. А*. Исторія матеріализма, перев. Н. Н. Страхова. Спб. 1881; *Герье, В. И*. Бернардъ Клервальскій (статьи въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1891 годъ).

туры сохранились въ большей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Западной Европѣ. Итальянскій ученый юристъ Ланфранкъ изъ Павіи, сдѣлавшись монахомъ въ Бекскомъ аббатствѣ св. Маріи (въ Нормандіи), основываетъ тамъ школу, послужившую разсадникомъ многихъ другихъ.

Изъ многочисленныхъ учениковъ Ланфранка замѣчателенъ Ансельмъ (1033—1109), также итальянецъ (изъ Аосты). Благочестивый, мягкій, сострадательный, преданный книжнымъ занятіямъ и размышленію, сильно вліявшій на всѣхъ, кто приходилъ къ нему искать христіанскаго утѣшенія или поученія, Ансельмъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ своего времени. Изъ аббатовъ Бекскаго монастыря онъ былъ сдѣланъ архіепископомъ Кэнтерберійскимъ, примасомъ Англіи, по желанію короля Вильгельма Рыжаго, сына Вильгельма Завоевателя. На этой высокой должности онъ прославился упорной борьбой съ двумя королями за независимость церкви: онъ защищалъ противъ нихъ дѣло Григорія VII, дѣло папства, церковнаго порядка, нравственности и жизненнаго призванія духовенства, противъ грубаго произвола королей... Не только на всемъ Западѣ Европы, но и въ самомъ Римѣ онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что его называли „вторымъ Августиномъ", „папой Запада". Молва о его святости переходила изъ устъ въ уста. Біографы сообщаютъ много случаевъ изъ его жизни, ярко рисующихъ личность святого.

Такъ, говорятъ, одно время, еще будучи пріоромъ въ аббатствѣ Бекъ, онъ проводилъ цѣлыя ночи въ размышленіяхъ о тайнахъ вѣры. И вотъ, однажды ночью, когда онъ искалъ въ умѣ рѣшенія вопроса о томъ, какимъ образомъ могли пророки видѣть прошедшее и будущее такъ же ясно, какъ настоящее, онъ вдругъ сквозь нѣсколько стѣнъ увидѣлъ, какъ монахи собираются въ церковь къ утренѣ, подходятъ къ алтарю, зажигаютъ свѣчи и лампады, какъ одинъ изъ нихъ дергаетъ за веревку колокола и будитъ спящій монастырь. Послѣ перваго удивленія Ансельмъ понялъ, говоритъ его біографъ, что Богъ могъ, дѣйствительно, дать пророкамъ знаніе скрытаго во времени такъ, какъ ему сейчасъ чудесно было дано видѣть скрытое въ пространствѣ. Другой разъ Ансельмъ впалъ въ тяжелую болѣзнь и, когда сталъ уже выздоравливать, увидѣлъ однажды во снѣ широкую и быструю рѣку, которая несла въ своемъ руслѣ мужчинъ и женщинъ, богатыхъ и бѣдныхъ, съ наслажденіемъ плескавшихся въ ея волнахъ. „Это потокъ міра, а вонъ—тихая пристань", сказалъ ему голосъ. И вдругъ открылся глазамъ Ансельма

обширный монастырь: стѣны его были изъ чистаго золота, на дворѣ росла серебряная трава, тихо склонявшаяся подъ людьми, которые на ней отдыхали... Ансельмъ избралъ себѣ жилищемъ это очаровательное мѣсто. „Хочешь ли узнать, что такое истинное терпѣніе?“ спросилъ его таинственный голосъ. Когда Ансельмъ сказалъ: „хочу“, — все исчезло, и ему стало ясно, что наша земная, скучная и тяжелая жизнь есть не что иное, какъ ожиданіе небеснаго блаженства: мы должны терпѣливо ее переносить, ожидая возвращенія въ наше небесное отечество.

Ансельму приписываютъ много чудесъ; его вѣра, кротость, чистота характера дѣлали иногда удивительныя вещи. Вотъ, напримѣръ, одинъ случай. Въ монастырѣ у Ансельма нашлись завистники, которые подговорили одного очень молодого монаха Осберна бранить Ансельма и смѣяться надъ нимъ. Ансельмъ, какъ бы ничего не замѣчая, продолжалъ относиться къ молодому человѣку попрежнему ласково: терпѣливо переносилъ его дерзости, хвалилъ за умъ, многое извинялъ молодостью, и скоро достигъ того, что Осбернъ сдѣлался его преданнѣйшимъ ученикомъ. Тогда Ансельмъ мало-по-малу усилилъ свою строгость къ нему, исправилъ его недостатки и сдѣлалъ изъ Осберна строгаго и ревностнаго исполнителя монашескихъ обѣтовъ и аскетическихъ подвиговъ. И впослѣдствіи Осбернъ просилъ даже Ансельма бичевать его, въ знакъ полнаго своего смиренія и безусловнаго послушанія.

Вообще Ансельмъ очень гуманно относился къ людямъ и, въ частности, къ дѣтямъ. „Что это значитъ?“ спрашивалъ Ансельма одинъ знакомый аббатъ: „День и ночь бьемъ мы порученныхъ намъ мальчиковъ, а они становятся не только не лучше, а все хуже и хуже, и въ концѣ концовъ изъ нихъ выростаютъ тупоумные и порочные монахи“.—„Дорогой аббатъ,“ отвѣчалъ ему Ансельмъ: „это и происходитъ именно отъ того, что вы не знаете другого средства, какъ страхъ, угрозы и побои. Этимъ вы убиваете въ нихъ всякую охоту къ свободной работѣ и извращаете всѣ ихъ помыслы и стремленія. Такъ какъ они не видятъ отъ васъ ни капли любви, нѣжности и расположенія къ себѣ и такъ какъ они къ вамъ не имѣютъ никакого довѣрія, считая, что все, что вы съ ними дѣлаете, вы дѣлаете изъ ненависти къ нимъ, то они растутъ съ сердцемъ, исполненнымъ злобы и подозрительности, и думаютъ только о дурномъ. При вашемъ воспитаніи они не имѣютъ понятія о томъ, что такое настоящая любовь; оттого они и выходятъ мрачными и на всѣхъ смотрятъ косо“.

Ансельма, по возвышенности его мысли и по его значенію для католическаго богословія на Западѣ, ставятъ рядомъ съ Отцами церкви и называютъ „философомъ Христа“. Основой его теологическаго ученія было положеніе: „Я вѣрую, чтобы понимать, а не стараюсь узнать, чтобы потомъ увѣровать“ (Credo, ut intelligam, neque quaero intelligere, ut credam). Ансельму принадлежитъ такъ называемое онтологическое доказательство бытія Божія. Вотъ какъ пришелъ Ансельмъ къ этой мысли, по словамъ его біографа.

Онтологическое доказательство.

Ансельму запала въ душу мысль доказать существованіе Бога такъ, чтобы оно сдѣлалось для всякаго яснымъ и неопровержимымъ. Эта мысль безпокоила его ежеминутно; отъ нея онъ потерялъ аппетитъ, сонъ, не могъ сосредоточенно молиться. Тогда онъ сталъ бояться, не демонъ ли внушилъ ему эту идею,—сталъ отгонять ее отъ себя. Но, вопреки всѣмъ его усиліямъ, она вновь и вновь вставала въ его умѣ. И вотъ, однажды ночью, во время всенощной, свѣтъ озарилъ его: все стало ему ясно; его сердце наполнилось великою радостью. Онъ увидѣлъ въ этомъ чудо благодати и въ пылу восторга тутъ же набросалъ основы своего разсужденія на навощенныхъ дощечкахъ, которыя отдалъ потомъ на сбереженіе одному монаху. Но когда черезъ нѣсколько дней стали искать эти дощечки, ихъ нигдѣ не могли найти. Ансельмъ записалъ тогда еще разъ свои мысли и отдалъ тому же монаху, а этотъ спряталъ ихъ въ самый дальній уголъ своей кельи,—и вдругъ на другое утро дощечки оказались разбитыми на мелкіе куски. Ансельмъ рѣшилъ тогда, что это дѣло духа злобы, который не можетъ вынести того, чтобы было доказано существованіе Бога. Затѣмъ онъ собралъ и сложилъ эти куски, прочелъ написанное и велѣлъ переписать на пергаментъ „во имя Господне“ (in nomine Domini). Съ тѣхъ поръ сочиненіе уже не подвергалось болѣе несчастіямъ.

Вотъ вкратцѣ, въ чемъ состоитъ изложенное въ этомъ сочиненіи онтологическое доказательство бытія Божія... Если есть *хорошія* вещи, то есть и *нѣчто хорошее* вообще, т. е. *благо*; такимъ же образомъ мы должны признать и то, что существуютъ красота, истина и другія хорошія качества. И мы можемъ и должны представить, что они существуютъ сами по себѣ, независимо ни отъ чего другого и притомъ существуютъ въ самомъ чистомъ видѣ, доведенными, такъ сказать, до высшей степени совершенства. Совокупность этихъ высшихъ совершенствъ есть Высшее Существо, духовное, неизмѣнное, вѣчное, всевѣдущее, всемогущее, вездѣ-

сущее... И даже безумный, говорящій въ сердцѣ своемъ: „нѣтъ Бога“ долженъ согласиться, что такое, т. е. *совершенное*, Существо необходимо должно существовать, такъ какъ, если бы Оно не существовало, Оно не было бы совершеннымъ, у него не хватало бы столь важнаго свойства, какъ *существованіе*. Слѣдовательно, это Существо непремѣнно должно существовать; слѣдовательно, оно существуетъ. „И это Ты, Господи Боже нашъ!“ (Et hoc Tu, Domine Deus noster), восклицаетъ Ансельмъ... Впослѣдствіи это ученіе стало извѣстно подъ именемъ „онтологическаго доказательства бытія Божія“ (отъ ὄν, существующее, сущее), т. е. доказательства на основаніи необходимости *признака существованія* для того, чтобы Высшее Существо было вполнѣ совершеннымъ, т. е. дѣйствительно Высшимъ.

Ансельмъ былъ, какъ мы уже сказали, преимущественно религіознымъ мыслителемъ. Но въ то же время онъ былъ и однимъ изъ представителей средневѣковой философіи.

Средневѣковая и древняя философія. Философія среднихъ вѣковъ была наслѣдіемъ классической древности, преимущественно Греціи; тамъ, повидимому, впервые возникла философія, какъ общее, охватывавшее весь міръ и независимое отъ традиціонной, языческой религіи знаніе. Но въ средніе вѣка характеръ и общее значеніе философіи сильно измѣнились сравнительно съ эпохой древности: философія, не теряя нѣкоторой свободы въ области истолкованія, относительно основныхъ принциповъ должна была всецѣло подчиняться богословію; въ средніе вѣка философія была ancilla theologiae (служанкой богословія). Извѣстно, какое значеніе и вліяніе уже въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ получила церковь и вообще религіозные интересы. Среди общаго крушенія античной культуры, когда варвары ломали рѣшительно все, что встрѣчалось имъ на пути, когда разрушилось государство и школа, пали наука и искусство, не распался только одинъ союзъ, крѣпкій нравственной связью своихъ членовъ,—христіанская церковь. Полудикимъ германцамъ недоступны были ни соображенія общественнаго блага, ни эстетическое созерцаніе, ни отвлеченная умственная работа, но и они, хотя и по-своему, хотя и очень грубо, но все-таки восприняли истины Евангелія. Церковь уже давно пользовалась для своихъ цѣлей кое-чѣмъ изъ научныхъ и философскихъ сокровищъ древности: въ своихъ ученіяхъ она познакомила новые народы съ отрывками древняго знанія и тѣмъ ввела новый міръ въ школу стараго.

Схоластика. Истиннымъ учителемъ среднихъ вѣковъ, творцомъ „христіан-

ской философіи" является бл. Августинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ [1]) мыслителей вообще. Впослѣдствіи, когда главные пункты вѣроученія были уже окончательно раскрыты, потребовалось представить его въ видѣ научной системы, обосновать и разработать. И поскольку философія среднихъ вѣковъ поставила себѣ эту задачу, она стала церковной „школьной наукой", *схоластикой*. Но въ средневѣковой философіи было и другое направленіе. Если задачей схоластики было уясненіе и выраженіе въ точныхъ терминахъ и понятіяхъ того, что уже было дано вѣроученіемъ, то *мистика* вела человѣка чрезъ познаніе къ непосредственному восторженному созерцанію Божества, къ блаженному единенію съ Нимъ. Къ этимъ двумъ главнымъ теченіямъ философской мысли среднихъ вѣковъ позже присоединяется третье, имѣющее уже болѣе свѣтскій и собственно научный характеръ. Теперь мы займемся двумя первыми направленіями, въ ихъ взаимной противоположности; о третьемъ же будемъ говорить особо.

Схоластика, или школьная философія среднихъ вѣковъ, зародилась въ XI вѣкѣ. Уже и ранѣе въ епископальныхъ и монастырскихъ школахъ изучались нѣкоторыя изъ логическихъ сочиненій Аристотеля и немногихъ другихъ древнихъ мыслителей (Порфирія, Марціана Капеллы, Боэція, Кассіодорія), съ цѣлью выправки ума учащихся и подготовки къ правильному пониманію и разработкѣ вѣроученія. Но мало-по-малу, сперва робко и неувѣренно, а затѣмъ все сильнѣе и настойчивѣе, стало развиваться и стремленіе къ знанію вообще, наслажденіе знаніемъ ради знанія. Свѣтлая мудрость классической древности начинала интересовать сама по себѣ, и къ XIII вѣку дѣло возстановленія древней философіи было уже закончено: Аристотель сталъ *praecursor Christi in rebus naturalibus* („предтечей Христа въ дѣлахъ природы"). Начавъ, такимъ образомъ, съ истолкованія вѣроученія по правиламъ аристотелевской логики, средневѣковая философія кончила тѣмъ, что признала Аристотеля вторымъ своимъ авторитетомъ.

Первые шаги схоластики были очень трудны. Въ глухую эпоху

---

[1]) Въ ученіяхъ Августина замѣтно вліяніе одной изъ позднѣйшихъ философскихъ школъ древности—*неоплатонизма*. Къ этой же школѣ принадлежалъ и первый крупный и довольно самостоятельный мыслитель среднихъ вѣковъ, Іоаннъ Скоттъ Эригена (т. е. ирландецъ), одиноко стоящій среди своихъ современниковъ. О немъ извѣстно только то, что онъ жилъ въ IX вѣкѣ и Карломъ Лысымъ былъ вызванъ преподавать въ парижской придворной школѣ.

среднихъ вѣковъ казалось богопротивнымъ изучать языческихъ писателей,—они были исчадіями ада и діавола, и часто, вѣроятно, любознательный монахъ въ порывѣ религіознаго ужаса отбрасывалъ отъ себя, а можетъ быть, и жегъ интересный и глубокомысленный, но полный грѣха и соблазна древній манускриптъ. Однако, необходимость изложить полно и систематически истины вѣры для того, чтобы утвердить ихъ незыблемо на будущее время, чтобы поражать еретиковъ и убѣждать невѣрныхъ, заставила волей-неволей прибѣгнуть къ древности и позаимствовать у нея правила изложенія, доказательства и опроверженія. Содержаніе для средневѣковой мысли было уже дано въ готовомъ видѣ; она должна была только развить, истолковать и изложить его возможно обстоятельнѣе и убѣдительнѣе. Этимъ обусловливалась еще одна основная черта схоластической философіи: ей недоставало свободы, творчества, оригинальности; это была наука толкованія текстовъ; она соглашала авторитеты (auctoritas отъ auctor), а не изучала прямо дѣйствительность.

Однако, съ теченіемъ времени схоластика становится все болѣе и болѣе самостоятельной въ собственно философской области; отъ нея стали требовать лишь того, чтобы выработанныя ею воззрѣнія не противорѣчили догматамъ католицизма, строго держались бы въ ихъ рамкахъ; въ этихъ же предѣлахъ она завоевывала себѣ все бо́льшую и бо́льшую свободу. Но разъ изъ тѣхъ или другихъ ученій сами схоластики или даже только ихъ недоброжелатели и противники выводили какія-либо слѣдствія, противныя ученіямъ церкви,—эти слѣдствія объявлялись ересью, а породившая ихъ философская система—по меньшей мѣрѣ, подозрительной.

Тотъ фактъ, что схоластика выросла на логикѣ, обусловилъ *формально-логическій* ея характеръ. Схоластики извлекали изъ принятыхъ ими положеній цѣлыя системы выводовъ и заключеній, проводили множество самыхъ тонкихъ различій, безъ конца дѣлили и подраздѣляли... Не надо, конечно, забывать важной стороны этой работы: въ своемъ увлеченіи отвлеченно-логическимъ доказательствомъ, при всѣхъ злоупотребленіяхъ своей *діалектикой*, схоластики выработали удивительно точный языкъ и привычку къ строгому, послѣдовательному мышленію, которыя оказали большую пользу въ дальнѣйшемъ развитіи науки.

Вопросъ о природѣ универсалій. Реализмъ (Платонъ).

Однако, при первыхъ же шагахъ своей дѣятельности въ формально-логической области, схоластикѣ пришлось столкнуться и съ однимъ чрезвычайно важнымъ вопросомъ, имѣющимъ уже не одно

только формальное значеніе. Это—вопросъ *о природѣ общихъ понятій* (или *универсалій*). Дѣло въ томъ, что уже съ самаго начала утвердился въ философіи совершенно правильный и единственно возможный взглядъ: что настоящій предметъ познанія—не частное, единичное, случайное, а то, что есть въ предметахъ общаго, постояннаго, существеннаго. Что же такое само это общее, постоянное и существенное,—то, благодаря чему предметы и являются именно тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ? Опредѣленно рѣшилъ этотъ вопросъ впервые Платонъ. Видя, что все на землѣ непрочно и измѣнчиво, что какъ души людей, такъ и внѣшніе предметы какъ бы содержатъ въ себѣ что-то, неудержимо влекущее ихъ къ порчѣ, измѣненію, разрушенію, Платонъ пришелъ къ мысли, что настоящій предметъ познанія—не нашъ земной, доступный чувствамъ міръ. Существуетъ, думалъ онъ, другой міръ вѣчныхъ, чистыхъ, неизмѣнныхъ вещей—міръ *идей*. Это какъ бы образцы, типы всѣхъ вещей, въ ихъ *настоящемъ* видѣ и значеніи. Нашъ земной міръ есть просто плохая, испорчѐнная копія съ этого міра идей; наши земные, скоропреходящіе предметы — только слабыя тѣни, блѣдныя отраженія дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ слова, *существующихъ* идей. Люди въ теченіе своей жизни на землѣ находятся какъ бы въ пещерѣ, лежащей при дорогѣ; скованные по рукамъ и по ногамъ, они сидятъ спиной ко входу, черезъ который въ пещеру врывается потокъ свѣта. По дорогѣ движутся взадъ и впередъ разные предметы, люди и животныя, отбрасывающія неопредѣленныя, колеблющіяся тѣни на заднюю стѣну пещеры. Эти-то тѣни и составляютъ нашъ земной міръ; онъ даетъ лишь очень слабое понятіе о красотѣ и стройности своего прототипа. Сидящіе въ пещерѣ люди видятъ однѣ эти тѣни и ошибочно принимаютъ ихъ за что-то дѣйствительно существующее. Но если бы кто-нибудь изъ этихъ людей сбросилъ съ себя оковы и выбрался изъ пещеры, изъ этого міра призраковъ, то онъ могъ бы, освоившись съ непривычнымъ для него яркимъ свѣтомъ, различить и предметы вѣчнаго, подлиннаго міра. Такой человѣкъ могъ бы потомъ вернуться въ пещеру, къ покинутымъ тамъ братьямъ; онъ могъ бы разсказать имъ про то, что онъ видѣлъ; но они, конечно, не поймутъ, не оцѣнятъ его словъ... Это поэтическое представленіе было не просто плодомъ фантазіи великаго поэта-философа; оно имѣло глубокіе корни въ состояніи знаній той эпохи. Прежде всего, внѣшній міръ, при недостаточности положительныхъ свѣдѣній о немъ, являлся въ значительной степени случайнымъ; все, что мы воспринимаемъ посредствомъ чувствъ

казалось недостовѣрнымъ, неточнымъ, ошибочнымъ. Возьмемъ, напримѣръ, рядъ явленій внѣшней природы... Вотъ дерево; огонь превращаетъ его въ самого себя (сжигаетъ), потомъ самъ превращается въ воздухъ. Воздухъ сгущается въ тучи, тучи проливаютъ дождь; земля покрывается грязью и лужами; въ лужахъ появляются дождевые черви; потомъ лужи высыхаютъ, и на этомъ мѣстѣ выростаетъ трава и т. д., и т. д., до безконечности. Этотъ хаосъ, этотъ потокъ явленій, казалось, дѣлалъ невозможнымъ настоящее познаніе внѣшняго міра. Надо было остановить этотъ потокъ; нужно было найти дерево, которое всегда было бы самимъ собой, не превращаясь ни во что другое, нуженъ былъ вѣчный огонь, всегда себѣ равный, и т. д. Это постоянство, эту опредѣленность и придавало міру предположеніе о существованіи „идей". Далѣе, важное значеніе имѣло и слѣдующее. Уму грека связь между словомъ и предметомъ казалась гораздо тѣснѣе, чѣмъ теперь намъ. Греки были увѣрены, что не только всякій предметъ имѣетъ имя, но и всякому имени долженъ соотвѣтствовать предметъ. Они вѣрили въ самую тѣсную связь между словами и вещами. Поэтому, разъ есть слово и понятіе „справедливость", должна была, по ихъ представленію, быть и вещь, соотвѣтствующая этому слову. Разъ есть слова „дерево", „человѣкъ", должны быть и соотвѣтствующіе предметы: дерево вообще, — не то или другое отдѣльное дерево, береза, сосна, а просто дерево; человѣкъ вообще, — не Сократъ или Платонъ, а просто человѣкъ. Такое рѣшеніе вопроса объ общихъ понятіяхъ дѣлало ихъ *реальными* вещами (res); а потому и ученіе это называется *реализмомъ* [1]). Эту теорію Платона оспаривалъ уже Аристотель, но его собственное ученіе по этому вопросу не вполнѣ опредѣленно.

Номинализмъ. Росцелинъ.

Первые мыслители среднихъ вѣковъ были реалистами, въ сейчасъ объясненномъ смыслѣ. Іоаннъ Скоттъ Эригена, Ансельмъ Кэнтерберійскій и др. были увѣрены, что общности (универсаліи) дѣйствительно существуютъ, какъ особые предметы. Но вскорѣ появилось и другое мнѣніе. Въ концѣ XI вѣка нѣкто Росцелинъ, каноникъ изъ Компьеня (во Франціи), сталъ учить, что „общности" — вовсе не предметы; это — просто слова, звуки (flatus vocis), имена (nomina). Поэтому, никакой „идеи" человѣка, отдѣльно отъ всѣхъ человѣческихъ личностей, нѣтъ. Ученіе это получило названіе *но-*

1) Это средневѣковое значеніе слова *реализмъ*. Теперь такое ученіе назвали бы скорѣе *идеализмомъ* Но въ средніе вѣка придавали особенное значеніе утвержденію *реальнаго* существованія идей.

минализма. Росцелинъ былъ обвиненъ въ страшной ереси „троебожія“, осужденъ на соборѣ въ Суассонѣ въ 1092 г. и изгнанъ изъ Франціи. По словамъ его обвинителей, эта ересь естественно вытекала изъ его номинализма: разъ номинализмъ содержитъ въ себѣ истину, то приходится признать, что въ Богѣ дѣйствительно существуютъ только три Ипостаси; единая же Сущность ихъ, то, что въ нихъ есть *общаю*, становится не болѣе, какъ названіемъ; а такъ какъ каждая изъ Ипостасей есть истинный Богъ, то какъ будто выходило, что Боговъ три. Такое смѣшеніе того, что доступно человѣческому познанію, съ превышающими его истинами вѣры характерно для тогдашней неопытной мысли.

Католическая церковь, услыхавъ, что изъ положеній номинализма можетъ вытекать такая ересь, отвернулась отъ этого ученія и долго впослѣдствіи поддерживала своимъ авторитетомъ реализмъ.

Абеляръ.

У Росцелина учился,—положимъ, очень короткое время,—наиболѣе замѣчательный изъ схоластиковъ XII вѣка—Петръ Абеляръ (1079—1142 г.). Абеляръ былъ рыцарскаго рода изъ Бретани (замокъ его отца—Палэ, близъ Нанта). Красивый собой, смѣлый до дерзости и самоувѣренный до тщеславія, легко и изящно владѣвшій мыслью и словомъ, человѣкъ съ яснымъ и методическимъ умомъ—Абеляръ привлекалъ къ себѣ общее вниманіе. Уже въ ранней юности онъ обошелъ нѣсколько тогдашнихъ школъ въ поискахъ знанія, а въ самомъ концѣ столѣтія мы видимъ его двадцатилѣтнимъ юношею въ Парижѣ. Здѣсь наибольшимъ успѣхомъ среди преподавателей пользовался архидіаконъ парижскій Гильомъ изъ Шампо, прозванный columna doctorum („столпъ учености“), начальникъ школы при соборѣ Notre Dame. По направленію своему, Гильомъ былъ реалистъ; онъ признавалъ, что истинная сущность вещей—въ томъ, что въ нихъ есть общаго. Его и началъ слушать Абеляръ.

Въ то время были въ обычаѣ собесѣдованія ученыхъ съ ихъ слушателями, и вотъ однажды Абеляръ, при полной аудиторіи, вызвалъ своего учителя на споръ по вопросу о природѣ общихъ идей. Діалектика Абеляра была блестяща, и Гильомъ, по общему мнѣнію, потерпѣлъ пораженіе. Самъ Абеляръ держался по этому спорному вопросу средняго мнѣнія: онъ полагалъ, что, хотя идеи отдѣльно отъ вещей и не существуютъ, однако ихъ нельзя признать и одними только словами: идеи—продукты (conceptio) ума и выражаютъ существенное свойство мысли. Это ученіе такъ и называется *концептуализмомъ*.

Послѣ побѣды надъ Гильомомъ Абеляръ уѣхалъ изъ Парижа

и открылъ собственную школу сначала въ Мелёнѣ, а потомъ близъ Парижа, въ Корбейлѣ. Усиленная работа съ массой учениковъ, стекавшихся отовсюду послушать молодого, но уже гремѣвшаго славой ученаго, подорвала его здоровье, и ему пришлось нѣсколько лѣтъ провести на родинѣ, въ помѣстьѣ отца. Между тѣмъ Гильомъ ушелъ изъ школы Notre Dame и основалъ конгрегацію (впослѣдствіи аббатство) св. Виктора, гдѣ продолжалъ читать лекціи. Вернувшись въ Парижъ, Абеляръ вмѣшался въ толпу его слушателей, возобновилъ прежній споръ и заставилъ Гильома отказаться отъ нѣкоторыхъ его мнѣній. Это окончательно погубило популярность Гильома. Между тѣмъ Абеляръ прошелъ курсъ богословія въ Ланѣ подъ руководствомъ очень извѣстнаго тогда учителя Ансельма и, вернувшись въ Парижъ, получилъ разрѣшеніе преподавать какъ богословіе, такъ и философію.

Абеляръ.

Въ Парижѣ Абеляръ тотчасъ же затмилъ всѣхъ другихъ учителей и сталъ въ общемъ мнѣніи рѣшительно первымъ изъ ученыхъ своего времени. Его лекціи отличались живостью и ясностью изложенія, оригинальностью и неожиданностью сравненій, свободой и рѣшительностью своей діалектики. Слушать его стекались отовсюду: изъ Англіи, Бретани, Нормандіи, Фландріи, изъ баскскихъ горъ, изъ Пуату, Анжу, изъ Испаніи и Германіи; въ Парижѣ всѣ его знали; одни гордились и любовались имъ, другіе завидовали ему.

Въ это время Абеляръ былъ приглашенъ преподавателемъ къ одной молодой дѣвушкѣ, совмѣщавшей въ себѣ замѣчательную красоту, нѣжность и величіе духа съ поразительными для того времени познаніями и съ замѣчательной чуткостью къ умственнымъ интересамъ. Это была Элоиза, племянница каноника при церкви Notre Dame Фульберта. Общность симпатій, совмѣстныя занятія сблизили ученицу съ учителемъ, и они полюбили другъ друга. Абеляръ забросилъ лекціи въ школѣ, рѣдко туда являлся, а если и приходилъ, то чаще всего импровизировалъ стихи въ честь милой Элоизы; слухъ о его любви къ ней пронесся по всему Парижу и дошелъ до ея дяди. Фульбертъ былъ страшно разгнѣванъ на Абеляра. Разныя недоразумѣнія обострили дѣло, и въ концѣ концовъ, какъ Абеляру, такъ и Элоизѣ пришлось отказаться отъ міра [1]). Абе-

[1]) Вотъ что она впослѣдствіи писала Абеляру: «Я тотчасъ послушалась твоего приказанія (поступить въ монастырь)... Никогда я не искала въ тебѣ ничего, кромѣ тебя самого... Клянусь Богомъ, что, если бы Августъ, властитель цѣлой вселенной, счелъ меня достойной быть его женой и повергъ бы

ляръ поступилъ въ монахи въ аббатство С. Дени; Элоиза, по его желанію, также постриглась въ одномъ монастырѣ, такъ какъ, потерявъ Абеляра, она потеряла все на свѣтѣ. Впослѣдствіи Элоиза была аббатиссой монастыря св. Духа (Параклета), основаннаго Абеляромъ, и пользовалась величайшимъ почетомъ и уваженіемъ со стороны пастырей церкви за мудрое управленіе, прекрасный характеръ, за всѣ лучшія качества души. Имя Элоизы перешло въ пѣсни, романы и разсказы и извѣстно всему западно-европейскому міру. И дѣйствительно, ея умственныя и нравственныя качества, широкое образованіе, нѣжность чувствъ, сила и прочность любви дѣлаютъ ее одной изъ лучшихъ и самыхъ свѣтлыхъ женщинъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Постригшись въ монахи, Абеляръ продолжалъ заниматься богословіемъ и учить... Но его ученіе о Божественной Троичности вызвало вскорѣ сильное неудовольствіе противъ него.

Абеляръ говорилъ, что, такъ какъ всякій единичный предметъ можетъ имѣть три свойства, то то же можно сказать и о Единомъ Богѣ: можно считать три Лица св. Троицы свойствами, качествами Бога. Бога Отца Абеляръ называлъ божественной Силой, Бога Сына—божественнымъ Разумомъ, св. Духа—божественной Благодатью, Милостью и Любовью. Такимъ образомъ, съ одной стороны, Абеляръ какъ бы впадалъ въ давно осужденную церковью ересь единства Божественной Личности, а съ другой, выходило, что Лица св. Троицы какъ бы не равны между собой: св. Духъ, напримѣръ, являлся лишеннымъ всемогущества и мудрости, а это была уже самая страшная ересь — хула на св. Духа. Затѣмъ, Абеляру поставили въ вину самое отношеніе его къ истинамъ и таинствамъ вѣры; онъ не хотѣлъ вѣрить просто, не разсуждая, — *вѣрить* и вѣрой понимать (какъ Ансельмъ) или *любить Бога* и познавать Его черезъ эту любовь (какъ учили мистики). Онъ хотѣлъ умомъ *понять* таинства вѣры, таинства, стоящія выше человѣческаго разумѣнія... Его противники, напротивъ, цѣнили только ту вѣру,

къ моимъ ногамъ свою власть надъ міромъ, и все-таки предпочла бы твою любовь... Да и кто, какая женщина или дѣвушка не горѣла желаніемъ видѣть тебя, не спѣшила взглянуть, когда ты являлся на улицахъ? Ты отлично владѣлъ тѣми двумя дарами, которые такъ высоко цѣнятся женщинами: прелестью разговора и изяществомъ пѣнія! Стихи, которые ты шутя сочинялъ въ часы отдыха отъ философскихъ занятій, сдѣлали мое имя извѣстнымъ во многихъ странахъ... И если бы ты очутился въ аду, то, видитъ Богъ, я не только не поколебалась бы послѣдовать за тобой туда,—по твоему приказанію, но даже съ радостью поспѣшила бы туда, чтобы предупредить тебя тамъ».

которая вѣритъ помимо разума, даже вопреки ему,—въ вѣрѣ же, согласной съ разумомъ, они не видѣли никакой заслуги передъ Богомъ... Самъ Абеляръ вовсе не считалъ себя еретикомъ и былъ пораженъ, когда на соборѣ въ Суассонѣ въ 1121 г. его осудили, какъ еретика, и приговорили къ заключенію.

Однако, въ заключеніи онъ пробылъ недолго. Выйдя на свободу, онъ устроилъ школу близъ Ножана на Сенѣ и основалъ здѣсь общину „Параклетъ“ (т. е. Утѣшитель) во имя св. Духа; тутъ около него опять собралось множество учениковъ. Но вскорѣ онъ уступилъ Параклетъ Элоизѣ, которая устроила здѣсь женскій монастырь, а самъ принялъ мѣсто аббата въ одномъ изъ монастырей Бретани. Черезъ нѣсколько лѣтъ Абеляръ опять вернулся въ Парижъ и преподавалъ тамъ съ прежнимъ успѣхомъ. Тутъ-то выступилъ противъ него Бернардъ, аббатъ монастыря Клерво (Clairvaux, Clara vallis).

Бернардъ Клервальскій.

Бернардъ (1091—1153) былъ человѣкъ совсѣмъ иного закала, чѣмъ Абеляръ. Если Абеляръ всю жизнь училъ и учился, жилъ умомъ, то Бернардъ былъ весь олицетвореніемъ религіознаго чувства. Ему казалось въ порывахъ этого чувства, что онъ какъ бы сливается своей душой съ Божествомъ... Такое настроеніе и называется мистицизмомъ, и Бернардъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ *мистиковъ* среднихъ вѣковъ.

Съ дѣтства онъ отличался чрезвычайной задумчивостью, любилъ уединеніе, и хотя его рыцарское происхожденіе, красивая внѣшность и блестящій ораторскій талантъ — все сулило ему впереди успѣхи на военномъ или вообще мірскомъ поприщѣ, но онъ все бросилъ, отъ всего отказался и ушелъ въ бѣдный и строгій монастырь Сито. Потомъ онъ самъ основалъ монастырь Клерво и, будучи тамъ аббатомъ, ввелъ самый строгій уставъ. Онъ такъ ревностно исполнялъ всѣ аскетическіе подвиги, что уничтожилъ въ себѣ самое желаніе пищи, потерялъ совершенно вкусъ; всякое сношеніе съ грѣховнымъ міромъ было для него мученіемъ: онъ сталъ подъ монашескимъ капюшономъ закупоривать себѣ уши воскомъ, чтобы не слыхать суетныхъ разговоровъ близкихъ ему людей, когда они навѣщали его въ монастырѣ. Говорятъ, что, проѣзжая однажды съ нѣсколькими лицами возлѣ одного изъ красивѣйшихъ въ мірѣ озеръ — Женевскаго, онъ совершенно его не замѣтилъ и былъ очень удивленъ, когда потомъ услыхалъ, что его спутники говорятъ о какомъ-то озерѣ... Выше всего Бернардъ ставилъ любовь къ Богу; всѣ остальныя добродѣтели, безъ любви, говорилъ онъ, сколько бы ихъ ни было, вовсе не безпокоятъ демоновъ...

Высшая ступень любви къ Богу — это, когда человѣкъ и самого себя любитъ только ради Бога; ея не достигаетъ никто изъ смертныхъ, но въ ней высшее блаженство человѣка.

Бернардъ былъ великій религіозный поэтъ и ораторъ; и его сильная личность, его горячее слово покоряли всѣ сердца и неотразимо дѣйствовали на окружающихъ. Онъ твердо и пламенно отстаивалъ свой монашескій подвигъ противъ мірскихъ стремленій и всѣхъ звалъ къ Богу, всѣхъ убѣждалъ всецѣло ему отдаться. И его проповѣдь была не напрасна... Онъ увлекъ за собой въ монастырь своего отца, двухъ братьевъ, замужнюю сестру. Одному изъ братьевъ, когда тотъ отказывался постричься, Бернардъ приложилъ палецъ къ груди и предсказалъ, что скоро здѣсь пройдетъ копье и откроетъ волѣ Божіей путь къ непокорному сердцу. Дѣйствительно, вскорѣ молодой рыцарь былъ раненъ и далъ обѣтъ постричься въ монахи. Бернардъ пользовался громаднымъ уваженіемъ у своихъ современниковъ, которые считали его пророкомъ и святымъ. Онъ громилъ монаховъ-клюнійцевъ за ихъ богатство, епископовъ, съ Сугеріемъ во главѣ, — за свѣткость и излишнее участіе въ политикѣ, давалъ указанія папамъ и государямъ, вдохновлялъ массы. Такъ, когда въ 1130 г. вслѣдствіе интригъ въ коллегіи кардиналовъ были избраны заразъ двое папъ, французскій король Людовикъ VI созвалъ въ Этампѣ соборъ, и рѣшеніе вопроса о томъ, который папа законный, было съ общаго согласія предоставлено, какъ Божье дѣло, Божьему человѣку — Бернарду... Бернардъ разсмотрѣлъ ходъ выборовъ того и другого папы, права на папство и личныя достоинства каждаго изъ нихъ... Простой монахъ сталъ, такимъ образомъ, судьей надъ высшимъ учрежденіемъ церковнымъ — надъ коллегіей кардиналовъ — и цензоромъ жизни обоихъ соперниковъ изъ-за апостольскаго престола. Бернардъ призналъ законнымъ папой Иннокентія II, и соборъ, ждавшій рѣшенія Бернарда, какъ слова, исходящаго отъ св. Духа (по выраженію современника), принялъ съ восторгомъ его рѣшеніе и безъ голосованія присягнулъ Иннокентію.

Бернардъ былъ однимъ изъ вождей и въ томъ великомъ движеніи, которое увлекало Западъ въ крестовые походы. Онъ, по просьбѣ перваго магистра военно-монашескаго ордена тампліеровъ, написалъ трактатъ „во славу новаго воинства“, гдѣ въ сильныхъ словахъ и образахъ представилъ идеалъ, къ которому должны были стремиться эти рыцарскіе ордена... Но кромѣ того, Бернардъ принялъ и болѣе активное участіе въ этомъ дѣлѣ: онъ про-

повѣдывалъ второй крестовый походъ (1147 г.). Около этого времени владѣнія христіанъ въ Палестинѣ подвергались страшной опасности, и сельджуки были уже недалеко отъ Іерусалима. Папа для проповѣди и организаціи похода выбралъ Бернарда. Больной, изможденный, едва передвигавшій ноги, Бернардъ повиновался. Въ городкѣ Везеле во Франціи собралась громадная толпа людей всѣхъ сословій, расположившаяся по склону холма. На вершинѣ этого холма былъ поставленъ деревянный помостъ, и туда взошелъ Бернардъ въ сопровожденіи французскаго короля Людовика VII. Уже одинъ видъ Бернарда, болѣе похожаго на духа, на привидѣніе, чѣмъ на человѣка, поразилъ всѣхъ; онъ началъ говорить,—и слова огненнымъ потокомъ полились изъ устъ его... Толпа дрогнула отъ религіозно-воинственнаго энтузіазма... раздался крикъ: „крестовъ! крестовъ!"—и у Бернарда не хватило заготовленнаго заранѣе запаса ихъ.

Этотъ порывъ обезпечилъ участіе Франціи въ задуманномъ крестовомъ походѣ. Оставалось склонить къ тому же Германію. Императоръ Конрадъ III и слышать не хотѣлъ о походѣ, но Бернардъ явился къ нему и угрозой Страшнаго Суда заставилъ принять крестъ... Чтобы возбудить религіозную ревность въ нѣмецкомъ народѣ, Бернардъ предпринялъ путешествіе по Рейну... Нѣмцы не понимали ни слова изъ его рѣчей, но звукъ его голоса и выраженіе лица производили потрясающее впечатлѣніе, — и во Франкфуртѣ на Майнѣ народъ, тѣснясь въ пылу восторга, едва не задавилъ вдохновеннаго проповѣдника, такъ что мощный Конрадъ Гогенштауфенъ, сбросивъ съ плечъ свой императорскій плащъ, схватилъ его въ свои объятія и, высоко поднявъ надъ толпой, вынесъ изъ собора.

Схоластика и мистика. Таковъ былъ человѣкъ, выступившій противъ Абеляра. Въ лицѣ ихъ здѣсь столкнулись два главныхъ и кореннымъ образомъ противоположныхъ умственныхъ теченія среднихъ вѣковъ: мистическое и схоластическое. Схоластики мыслили, работали надъ расчлененіемъ и соединеніемъ понятій; мистики молились и созерцали, трепетали и каялись; тамъ была увѣренность въ силахъ своего ума,—здѣсь сознаніе своего ничтожества; тамъ бойкій, веселый школьникъ-клирикъ, здѣсь—угрюмо восторженный отшельникъ; тамъ школа, хотя и тѣсно связанная съ церковью, здѣсь — монастырь.

Понятно, что Бернардъ не могъ сочувствовать ученіямъ Абеляра. Въ 1140 г. онъ выставилъ противъ него обвиненія въ самыхъ страшныхъ ересяхъ: онъ называлъ его послѣдователемъ заразъ и Арія и Савеллія, говорилъ, что Сына Божія по Его воплощеніи Абе-

ляръ уже не считаетъ Лицомъ св. Троицы, что вѣру онъ называетъ просто „мнѣніемъ“ (opinio), грѣхомъ считаетъ не самый поступокъ, а намѣреніе, не грѣховное дѣло, а только грѣховную волю, такъ что зло, сдѣланное по невѣдѣнію, по его мнѣнію, — не грѣхъ... Значитъ, по ученію Абеляра, не виновны евреи, распявшіе на крестѣ Христа, такъ какъ они казнили въ Немъ не Мессію, а простого преступника—съ ихъ точки зрѣнія! Таковы были главные изъ пунктовъ обвиненія.

Въ основѣ всего этого преслѣдованія лежало убѣжденіе, что Абеляръ подрываетъ самую религію, что онъ отыскиваетъ въ ней все, что могло ее уронить, и въ ущербъ христіанству превозноситъ язычество и древнюю мораль... Дѣйствительно, въ одномъ сочиненіи („Разговоръ философа, еврея и христіанина“) Абеляръ язычество ставилъ выше іудейства и признавалъ, что лучшіе изъ языческихъ философовъ войдутъ въ царствіе Божіе вмѣстѣ съ христіанами; но отсюда, конечно, еще далеко до того, въ чемъ его обвиняли противники.

Особеннымъ нападкамъ подвергалось сочиненіе Абеляра, озаглавленное „Sic et Non“ („Да и нѣтъ“). Въ этомъ сочиненіи Абеляръ собралъ 158 пунктовъ, по которымъ можно найти противорѣчія въ источникахъ ученій католической церкви. Надо замѣтить, что противорѣчія эти были часто болѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя; кромѣ того, далеко не всѣ церковные писатели, которыхъ цитируетъ Абеляръ, имѣютъ одинаковый авторитетъ... Такимъ образомъ, это сочиненіе Абеляра было вовсе не такъ страшно, какъ казалось его противникамъ. Напротивъ, такое сопоставленіе было необходимо для того, чтобы намѣтить главные пункты, подлежащіе разъясненію, безъ чего нельзя было начать разработки богословія. Дѣйствительно, такая разработка скоро началась, и „Sic et Non“ послужило основой для многихъ трудовъ, признанныхъ католической церковью совершенно свободными отъ всякой ереси и создавшихъ въ слѣдующемъ вѣкѣ полную систему католическаго вѣроученія. Въ числѣ 158 вопросовъ, намѣченныхъ Абеляромъ, есть и болѣе важные, есть и очень второстепенные.... Такъ, вопросъ 52-й состоитъ изъ сопоставленія нѣсколькихъ мѣстъ Библіи, причемъ оказывается, что въ одномъ случаѣ сказано, что Адамъ созданъ въ раю, а въ другомъ,—что внѣ рая; вопросъ 147-й, напр., сопоставляетъ мнѣнія двоихъ изъ св. Отцевъ, изъ которыхъ, по одному, выходитъ, что грѣхъ Каина будетъ когда-нибудь прощенъ, а по другому,—что этого быть не можетъ, и т. п. Вопросы

у Абеляра остаются нерѣшенными; самъ онъ не даетъ на нихъ никакого отвѣта; онъ выставляетъ только пункты для критики. Надо замѣтить, что форма положенія и противоположенія не представляла вообще чего-либо необычайнаго въ средніе вѣка: она была любимой формой изложенія у всѣхъ схоластиковъ.

Соборъ въ Сансѣ. Смерть Абеляра.

Но хотя Абеляра можно было защищать, нисколько не погрѣшая противъ своей религіозной совѣсти, однако, общее мнѣніе, подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, Бернарда, было враждебно обвиняемому. По просьбѣ самого Абеляра, король Людовикъ VII созвалъ для суда надъ нимъ соборъ въ г. Сансѣ на Троицынъ день 1141 года. Туда съѣхалось множество епископовъ, графовъ и рыцарей, аббатовъ, пріоровъ, декановъ, архидіаконовъ и простыхъ клириковъ. Сансъ былъ городомъ вполнѣ церковнымъ; вліяніе епископа было всесильно, и народъ уже прежде привыкъ слышать, какъ Абеляра въ проповѣдяхъ называютъ антихристомъ и сатаной.... И вотъ, оба противника вступаютъ въ городъ.... въ одни ворота—Бернардъ, одѣтый въ грубое платье своего монастыря, ему предшествуетъ молва о его святости и чудесахъ; съ другой стороны въѣзжаетъ Абеляръ, еще гордо, несмотря на свои годы и несчастья, несущій свою красивую голову, окруженный учениками далеко не монашескаго вида.... Всюду, гдѣ проходилъ св. аббатъ, народъ падалъ на колѣни, и головы склонялись подъ благословеніе чудотворной руки; напротивъ, если кто любопытствовалъ взглянуть на Абеляра, всякаго охватывалъ ужасъ при мысли о томъ, что онъ интересовался столь ужаснымъ еретикомъ....

Абеляръ, однако, не думалъ, что его дѣло окончательно проиграно: онъ надѣялся на поддержку тѣхъ, чьи религіозныя мнѣнія были менѣе нетерпимы, надѣялся на общественное мнѣніе, вѣровалъ въ свой великій діалектическій талантъ.... Но теперь все было противъ него, даже полная торжественности обстановка собора .. и среди нея—этотъ монахъ, уже возведенный въ святые народной молвой....

Бернардъ обвинялъ; но едва начали читать 17 положеній, извлеченныхъ изъ сочиненій Абеляра и признанныхъ еретическими, какъ Абеляръ прервалъ чтеніе, сказавъ, что онъ не признаетъ другого судьи, кромѣ папы, и вышелъ съ учениками изъ засѣданія. По настоянію Бернарда, соборъ призналъ Абеляра еретикомъ...

Теперь вопросъ былъ въ томъ, какъ посмотритъ на дѣло Римъ.... Бернардъ имѣлъ большое вліяніе на папу, который былъ ему обязанъ признаніемъ законности своего избранія, и теперь онъ воспользо-

вался этимъ вліяніемъ. По его внушенію, были составлены два письма къ папѣ отъ епископовъ, засѣдавшихъ на соборѣ; кромѣ того, онъ писалъ лично отъ себя: онъ думалъ окончить жизнь спокойно, но онъ не зналъ, что здѣсь долина скорби, земля забвенія.... Возсталъ Голіаѳъ, тѣмъ болѣе смѣлый, что противъ него нѣтъ Давида; Голіаѳъ этотъ—Абеляръ. Пусть папа вспомнитъ о своемъ долгѣ защищать церковь, пусть раздавитъ ярость еретиковъ, пусть онъ схватитъ, пока они еще малы, лисенятъ, портящихъ виноградники Господа!... Бернардъ писалъ также многимъ кардиналамъ, рѣзко обличая Абеляра, называя его творцомъ лжи, создателемъ превратныхъ ученій, еретикомъ еще болѣе опаснымъ по упорству, чѣмъ по зловредности своихъ ученій.

Абеляръ отправился было самъ въ Римъ искать суда у папы, но по дорогѣ попалъ въ монастырь въ Клюни, гдѣ аббатомъ былъ Петръ Почтенный (Petrus Venerabilis), кроткій и просвѣщенный пастырь церкви, проникнутый истинно-христіанской любовью.... Абеляръ остался здѣсь и прожилъ почти два года, исполняя всѣ самыя тяжелыя работы въ монастырѣ, грустный, молчаливый, задумчивый. Вскорѣ онъ написалъ здѣсь отреченіе отъ своихъ мнѣній, осужденныхъ Санскимъ соборомъ, примирился съ Бернардомъ и умеръ 21 Апрѣля 1142 года. Впослѣдствіи прахъ его былъ положенъ въ одну гробницу съ останками Элоизы; надпись гласила: Requiescant a labore doloroso et amore.

Дѣло Абеляра не пропало; онъ создалъ тотъ „діалектическій“ методъ, который утвердился съ тѣхъ поръ въ католической церкви и которымъ работали всѣ свѣтила схоластическаго богословія и философіи. Одинъ изъ учениковъ Абеляра—Петръ Ломбардъ, бывшій впослѣдствіи епископомъ парижскимъ, написалъ 4 книги „Мнѣній“ (Sententiarum), гдѣ свелъ взгляды св. Отцевъ на главные вопросы богословія. Это сочиненіе послужило основой для дальнѣйшихъ трудовъ въ томъ же родѣ; его изучали въ позднѣйшее время въ школахъ больше, чѣмъ даже Библію. Къ числу учениковъ Абеляра принадлежали еще очень многіе наиболѣе выдающіеся люди слѣдующаго поколѣнія: знаменитый Арнольдъ изъ Брешіи, выдающіеся ученые и писатели—Іоаннъ Сольсберійскій, Оттонъ Фрейзингенскій, Гильбертъ изъ Поррэ, бывшій епископомъ Пуатье, и др. Возбужденное Абеляромъ умственное движеніе дало богатые плоды особенно въ слѣдующемъ (XIII) столѣтіи.

В. Ивановскій.

XLIII.

Народное образованіе и университеты въ средніе вѣка.

Клирики. Система школъ, развившаяся въ Римской имперіи, погибла вмѣстѣ съ многими другими учрежденіями въ эпоху такъ называемаго „великаго переселенія народовъ“. Полудикіе германцы стояли по своему развитію неизмѣримо ниже древнихъ римлянъ и романизованныхъ варваровъ, и общая грубость ихъ быта и умственной жизни долго не вызывала серьезной потребности и не давала подходящихъ условій для возникновенія болѣе или менѣе обширной системы образовательныхъ учрежденій.

Въ общемъ крушеніи древней культуры уцѣлѣли, правда, формы христіанскаго богослуженія, для передачи которыхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію требовалось, по крайней мѣрѣ, умѣнье читать по-латыни, т. е. выговаривать непонятныя слова чуждаго германцамъ языка. Грамотность и хотя бы очень скудныя познанія требовались, правда, и для нѣкоторыхъ другихъ цѣлей: для составленія актовъ гражданскаго обихода — всякаго рода дѣловыхъ писемъ и

Пособія. *Николай Сперанскій.* Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ (Возникновеніе народной школы. Строй западно-европейскаго образованія въ средніе вѣка). М. 1896; *H. Denifle.* Die Universitäten des Mittelalters bis 1400. I Band. Berlin. 1885; *Fr. Paulsen.* Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. 2 Auflage. Leipzig. 1896; *К. Шмидтъ.* Исторія педагогики, т. II, перев. Э. Циммермана, М., 1879; *Проф. Ѳ. Я. Фортинскій.* Борьба Парижскаго университета съ нищенствующими монахами въ половинѣ XIII вѣка (Журналъ Мин. Нар. Просв., сентябрь 1892 г.).

грамотъ, для цѣлей гражданскаго управленія и т. п. Но все-таки основнымъ мотивомъ къ пріобрѣтенію тѣхъ крайне скромныхъ познаній, какія только и были доступны въ началѣ среднихъ вѣковъ, являлись потребности богослуженія. И хотя далеко не все духовенство той грубой эпохи было не только образовано, но и просто грамотно, во всякомъ случаѣ, внѣ духовенства людей, умѣвшихъ читать, уже вовсе не было. Отсюда, по преобладающей профессіи грамотныхъ людей, всѣхъ ихъ относили къ духовенству: всѣ они назывались „клириками" (clerici, отъ clerus, *κλῆρος*, клиръ, т. е. духовенство); всѣ имѣли право и на одно изъ внѣшнихъ отличій духовенства отъ мірянъ—на тонзуру (выстриженіе макушки головы), и почти всѣ грамотные изъ низшихъ классовъ пользовались имъ [1]). Болѣе того, почти всѣ получившіе образованіе люди, чѣмъ бы они въ жизни ни занимались, должны были въ средніе вѣка оставаться безбрачными, по примѣру духовенства въ собственномъ смыслѣ слова. Вступая въ бракъ, ученый клирикъ навсегда терялъ право на полученіе какого-нибудь „бенефиція" или „пребенды" (т. е. дохода съ какой-либо церковной должности)—главныхъ источниковъ существованія для ученыхъ. Такимъ образомъ, въ Парижскомъ университетѣ, напр., даже доктора медицины, дальше другихъ ученыхъ стоявшіе отъ религіи, получаютъ разрѣшеніе жениться только въ половинѣ XV вѣка, а для женитьбы одного вѣнскаго профессора въ XIV вѣкѣ современники не могли подыскать другого объясненія, кромѣ сумасшествія: „uxorem duxit, versus in dementiam" („сошелъ съ ума—женился"). Такъ долго не могло общество отдѣлить понятіе образованности отъ понятія принадлежности къ церкви.

Школа, какъ хозяйственное предпріятіе.

Но хотя средневѣковая школа возникла и все время жила въ нѣкоторой связи съ церковью, однако это не дѣлало ее простымъ придаткомъ къ церковной организаціи. „Обязанность заботиться о распространеніи и содержаніи школъ, про которую твердятъ своимъ прелатамъ католическіе законодатели, превращается жизнью въ одно изъ феодальныхъ правъ „полезнаго" характера. Приви-

---

[1]) „Это своеобразное свидѣтельство объ окончаніи начальной школы, не налагая никакихъ обязанностей, давало очень серьезныя жизненныя преимущества, такъ какъ ставило человѣка подъ особое покровительство могучей духовной власти. Недаромъ купцы, которымъ много приходилось путешествовать, иногда самовольно выбривали себѣ макушки, чтобы въ случаѣ бѣды сойти за клириковъ" (Н. Сперанскій, Очерки по исторіи народной школы въ Зап. Европѣ, стр. 181–182).

легированные духовные и свѣтскіе сеньёры „держатъ школы“ такъ же, какъ они держатъ общественныя хлѣбопекарни и мельницы, т. е. на полныхъ правахъ частной собственности въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ средніе вѣка. Школа не знаетъ ни государственной, ни церковной организаціи; она представляетъ собою видъ промышленнаго предпріятія и подчиняется общему характеру экономическаго строя своей эпохи... Количество школъ, нужныхъ для данной мѣстности, выборъ учителей, установленіе школьной таксы—все это зависѣло не отъ духовнаго управленія, а отъ школьныхъ патроновъ. Ими часто являлись духовныя лица и государи, но не какъ представители государственнаго или церковнаго начала, а какъ всѣ другіе феодальные собственники... Право „школьнаго патроната“ очень цѣнилось: оно постоянно поминается въ купчихъ крѣпостяхъ, его даютъ въ ленъ, дарятъ, имъ дѣлятся; школы приносятъ патронамъ доходъ, патроны даютъ ихъ за деньги или какъ награду за услуги, и патронатъ не только дарится, но и продается отдѣльно отъ имѣній. Одинъ нормандскій сеньёръ, Ивъ де-Вьепонъ, пишетъ въ 1403 году: „въ силу моей половинной бароніи есть у меня право давать въ свой чередъ школу въ Нефбургѣ: дается она на три года, и разъ даю ее я, а другой разъ сеньёръ де-Камбонъ, и такъ далѣе, по-очереди“ [1]).

Однако, не всѣ школы зависѣли такимъ образомъ отъ мѣстныхъ сеньёровъ: съ XII вѣка начали возникать свободныя, самоуправляющіяся образовательныя корпораціи, зависѣвшія уже не отъ мѣстныхъ, а непосредственно отъ одной изъ всемірныхъ властей: отъ папы или отъ императора; это—„университеты“. Возникновеніе университетовъ не уничтожило, конечно, прежнихъ школъ; оно только придало имъ еще одну новую функцію: старыя школы стали подготовительными къ университетамъ. Но все-таки эпоха возникновенія первыхъ университетовъ, т. е. конецъ XII и начало XIII вѣка, составляетъ грань въ исторіи средневѣковаго образованія.

Низшія школы. Надо отмѣтить одну основную черту средневѣковой школы, естественно вытекавшую изъ положенія ея относительно церкви и государства: школа эта не была регламентирована. „Мы привыкли разсматривать дѣленіе образованія, а въ связи съ этимъ и школъ, на три ступени: начальную, среднюю и высшую,—какъ что-то, само собою разумѣющееся и неизбѣжно вытекающее изъ сути дѣла. Эти ступени у насъ строго разграничены путемъ законодательныхъ

---

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 211—214.

постановленій. Но средніе вѣка не знали еще ни школьнаго законодательства, ни строгаго дѣленія школъ на разряды. Только одно образовательное учрежденіе выдѣлялось ясно очерченными границами изъ совокупности всѣхъ тогдашнихъ школъ: это былъ университетъ, который поэтому и назывался „привилегированной школой“. Всѣ прочія училища не подчинялись никакой регламентаціи: въ нихъ совсѣмъ не было установленныхъ задачъ преподаванія, не было и разъ навсегда опредѣленнаго круга учебныхъ предметовъ. Въ каждомъ изъ нихъ преподавалось то, что было желательно и возможно по общему положенію вещей въ каждое данное время. Никакихъ правъ по образованію тогда не было въ поминѣ. Даже къ поступавшимъ въ число студентовъ университета не предъявлялось тогда никакихъ опредѣленныхъ требованій въ смыслѣ образовательной подготовки... Самое отдѣленіе университета отъ низшихъ школъ носило въ средніе вѣка совершенно иной характеръ, чѣмъ теперь. Теперь гимназія и университетъ различаются между собою по составу и формѣ самаго преподаванія. Въ средніе же вѣка ихъ раздѣленіе основывалось преимущественно на внѣшнемъ признакѣ автономнаго управленія, которое и ставило университетъ выше всѣхъ прочихъ школъ“ [1]. Этимъ объясняется неустойчивый и пестрый характеръ средневѣковыхъ школъ; въ нихъ лишь постепенно и самобытно складывается то, что принимаетъ твердыя формы въ теченіе Новой исторіи.

Мы остановимся сначала на школахъ стараго типа, а затѣмъ перейдемъ къ университетамъ.

Что представляли собою эти старыя школы? Какіе мотивы вызвали ихъ учрежденіе? Были ли эти школы „начальными училищами“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ такія училища теперь? Долженъ ли былъ проходить черезъ нихъ, по возможности, весь народъ, чтобы почерпнуть тамъ нѣкоторыя, хотя бы скудныя познанія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, нѣкоторые элементы общаго образованія въ духѣ той эпохи?—Нѣтъ; такого характера средневѣковая начальная школа не имѣла. Она была *латинской* школой; она учила латинскому языку по латинскимъ руководствамъ, что дѣлало ее совершенно чуждой народу въ его цѣломъ. Кромѣ того, въ средніе вѣка, при общей бѣдности и малочисленности учебныхъ учрежденій, нечего было и думать провести черезъ школу сколько-

---

[1]) Paulsen, статья въ Historische Zeitschrift, 1881, стр. 400; Н. Сперанскій, Очерки, стр. 99—100.

нибудь значительную часть народа. Въ то время даже простая грамотность представляла необыкновенныя трудности: надо было безграмотнаго человѣка научить читать непонятныя ему латинскія слова неразборчивыхъ рукописей. Это дѣлало искусство чтенія столь труднымъ, что даже школьное преподаваніе шло въ средніе вѣка такимъ образомъ: дѣти сначала выучивали съ голоса не только главнѣйшія молитвы, но и всю латинскую псалтирь, и затѣмъ уже только учили азбуку и садились читать по той же псалтири [1]). И хотя католическая церковь никогда не упускала окончательно изъ виду воспитательнаго воздѣйствія на народъ, однако она пользовалась для этого другими, менѣе дорого стоившими и болѣе доступными народу средствами: проповѣдью, исповѣдью, совершеніемъ богослуженія, таинствъ и обрядовъ. Школа же имѣла въ средніе вѣка другое назначеніе: она должна была готовить пастырей церкви, а также лицъ всѣхъ профессій, соприкасавшихся въ средніе вѣка съ церковью: школьныхъ учителей, переписчиковъ рукописей и т. д. Это была школа для подготовки духовенства, набиравшагося при целибатѣ изъ всего народа, и только въ этомъ смыслѣ ее можно назвать „народной".

Извѣстны заботы Карла Великаго объ учрежденіи школъ въ своей имперіи [2]). Но приказанія его часто оставались мертвой буквой; а если гдѣ въ его время и были заведены школы, то большинство ихъ погибло въ неурядицахъ и смутахъ IX вѣка. Поэтому, если не считать немногихъ школъ въ деревняхъ, то всѣ образовательныя учрежденія первой половины среднихъ вѣковъ сводятся къ монастырскимъ и капитульнымъ [3]) школамъ. И тѣ и другія дѣлились на „внутреннія" и „внѣшнія". Во внутреннихъ воспитывались ученики, которые уже въ дѣтскомъ возрастѣ были приняты въ монахи или каноники (pueri oblati); во внѣшнихъ учились „свѣтскія" дѣти. Но и эти свѣтскія дѣти шли лишь за

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 26.

[2]) См. объ этомъ въ „Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ", I вып., статья XVI, стр. 384 и сл.

[3]) „Капитулы канониковъ—особаго рода духовныя конгрегаціи, дѣлившія съ епископами дѣло управленія епархіями; они держали въ своихъ рукахъ всѣ крупныя церкви. Капитулъ собора того города, гдѣ была резиденція епископа, назывался соборнымъ, остальные назывались коллегіальными" (Н. Сперанскій, Очерки, стр. 200). Устройство капитула близко напоминало монастырь, съ однимъ отличіемъ: монахи отрекались отъ права личной собственности, сохраняя его за монастыремъ, члены же этихъ духовныхъ конгрегацій одновременно располагали правомъ собственности и личной и конгрегаціонной.

тѣмъ, чтобы впослѣдствіи пополнять собой ряды того же духовенства... Обученіе во всѣхъ этихъ школахъ было безплатное, жили же ученики „внутреннихъ" школъ на средства учрежденій, державшихъ школы, а ученики „внѣшнихъ" школъ—на средства родителей или на доброхотныя даянія. Обыкновенно способнѣйшіе изъ учениковъ маленькихъ школъ отправлялись для завершенія своего образованія въ „большія" школы того же типа, прославленныя талантами и ученостью своихъ преподавателей; туда стекались, такимъ образомъ, тысячи учениковъ. Изъ соборныхъ (иначе каѳедральныхъ, или епископальныхъ, или капитульныхъ) школъ славились въ XI и XII вѣкахъ школы Реймса, Лана, Парижа (при соборѣ Notre Dame) и нѣкоторыхъ другихъ городовъ; изъ монастырскихъ—школа аббатства Бэкскаго (въ Нормандіи) и школы при парижскихъ монастыряхъ св. Виктора и св. Женевьевы.

Учителя. Во главѣ монастырскихъ школъ становились болѣе образованные изъ братіи монастыря; для преподаванія же въ соборныхъ школахъ капитулы выбирали изъ своей среды особое лицо, носившее различные титулы: scholasticus (схоластикъ), magister scholarum (начальникъ школъ), cancellarius (канцлеръ), cantor (канторъ, т. е. начальникъ хора; см. ниже), rector и т. д. „Съ XI вѣка у членовъ соборныхъ капитуловъ замѣчается стремленіе къ выдѣлу изъ конгрегаціонныхъ имѣній особыхъ бенефицій, пріурочиваемыхъ къ той или иной должности, какую кто исполнялъ въ конгрегаціи. Чѣмъ важнѣе была должность, тѣмъ болѣе доходная доставалась ей бенефиція; а такъ какъ схоластикъ или канцлеръ, завѣдовавшій епископальной школой, считался вторымъ лицомъ въ капитулѣ послѣ декана, то и предоставляемая ему бенефиція была одною изъ самыхъ богатыхъ". Ставши богатымъ человѣкомъ, „схоластикъ" терялъ интересъ къ преподаванію и сталъ ограничиваться ролью наблюдателя за ходомъ преподаванія. Схоластики, мѣста которыхъ бывали заняты, по большей части, младшими членами вліятельныхъ дворянскихъ фамилій, нанимаютъ за себя учить въ школахъ другихъ учителей—изъ людей менѣе обезпеченныхъ. Пользуясь бенефиціей за свои труды по школѣ, которыхъ схоластикъ фактически почти не несъ, онъ, тѣмъ не менѣе, ничего не давалъ на содержаніе школы и учителей, и они жили на то, что имъ удавалось выговорить или выпросить себѣ у состоятельныхъ учениковъ. Бѣдняковъ они учили даромъ и принимали въ школы довольно охотно, такъ какъ тѣ помогали имъ въ преподаваніи, а часто и замѣщали ихъ.

Эти подручные учителя, школьные „подмастерья", „провизоры", „локаты" и т. п. набирались, по большей части, или изъ старшихъ учениковъ той же школы или изъ недоучившихся въ высшихъ школахъ и въ университетахъ клириковъ. Положеніе этихъ фактическихъ учителей было очень жалкое. Ничтожное вознагражденіе и всеобщее пренебрежительное отношеніе къ нимъ — таковъ былъ удѣлъ этихъ просвѣтителей молодежи. Чаще всего учительское званіе было только временнымъ — впредь до пріисканія какой-либо церковной должности или же до продолженія своего личнаго образованія въ университетѣ. Нерѣдко попадали въ учителя и „бродячіе" клирики (clerici vagantes); они составляли цѣлый шутовской орденъ (Ordo vagorum) и называли себя „голіардами", паствой невидимаго епископа Голіи, патрона своего ордена. Когда такому бродячему клирику наскучивало ходить изъ одного города въ другой, ночевать тамъ, куда пускаютъ изъ милости, а то и просто подъ стогомъ сѣна или въ канавѣ подлѣ большой дороги, когда ему надоѣдало питаться впроголодь и какъ попало—то какимъ-нибудь случайнымъ заработкомъ, то подаяніемъ, а то и прямо воровствомъ,—онъ часто нанимался въ звонари или причетники и въ то же время въ школьные учителя въ деревнѣ или въ учительскіе помощники (socii, secundarii, Gesellen) въ городскія школы. Уровень нравственнаго развитія и педагогическіе пріемы такихъ учителей часто были очень низки и грубы.

Курсъ начальной школы.

Посмотримъ теперь, чему учила эта начальная профессіонально-духовная школа. Школьныя занятія шли въ такомъ порядкѣ. „Всякій садившійся за науку ребенокъ долженъ былъ прежде всего выучить наизусть по-латыни Отче Нашъ, молитву Богородицѣ, Символъ Вѣры и всѣ полтараста псалмовъ. Покончивъ съ псалмами, мальчикъ садился за азбуку. Учитель давалъ ему въ руки дощечку, на которой были написаны по порядку буквы алфавита и нѣкоторые склады, а затѣмъ переводилъ его на псалтирь... По мѣрѣ успѣховъ въ чтеніи, ученики мало-по-малу переходили къ письму, а затѣмъ присоединяли пѣніе и счетъ" [1]). Пѣніе занимало самое выдающееся мѣсто въ средневѣковой школѣ: „второй по важности сана членъ капитула, сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ права и обязанности попечителя учебнаго округа, такъ же часто является съ титуломъ кантора, какъ и съ титуломъ схоластика. Кантору собора Парижской Божіей Матери оставались подвѣдом-

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 100 и сл.

ственными всѣ парижскія начальныя школы вплоть до Революціи". Изученіе счета ограничивалось почти одной таблицей умноженія.

Къ этому и сводился курсъ начальной школы, кругъ тѣхъ знаній, „которыя требовались отъ каждаго желавшаго приступить къ изученію настоящей премудрости, знаменитыхъ „семи свободныхъ искусствъ". Знанія эти имѣли, впрочемъ, цѣну и сами по себѣ. Присовокупивъ къ нимъ Святцы, Малую Пасхалію да немного Устава, школьникъ могъ уже представляться къ посвященію въ духовный санъ и разсчитывать на полученіе одной изъ низшихъ церковныхъ должностей. Къ изученію же septem artes liberales приступали только наиболѣе одаренные и въ то же время наиболѣе настойчивые изъ тѣхъ, кто пробовалъ свои силы въ ученіи".

Эти „семь свободныхъ искусствъ", семь ступеней лѣстницы премудрости (septemplex sapientia) дѣлились на trivium и quadrivium. Тривіумъ, циклъ словесныхъ предметовъ (artes sermonicales), предшествовалъ квадривіуму; въ составъ его входили: грамматика, реторика и діалектика. Квадривіумъ (artes reales или materiales) состоялъ изъ ариѳметики, астрономіи, музыки и геометріи [1].

Вотъ краткая „объяснительная записка" къ этимъ семи искусствамъ, выраженная въ двухъ гекзаметрахъ (названія предметовъ сокращены):

Gram. loquitur; dia. vera docet; rhe. verba colorat;
Mus. canit; ar. numerat; geo. ponderat; as. colit astra,

т. е. грамматика говоритъ; діалектика учитъ истинѣ; реторика украшаетъ рѣчь; музыка поетъ; ариѳметика считаетъ; астрономія изучаетъ звѣзды.

Грамматика.

„Матерью и основой семи свободныхъ наукъ всю первую половину среднихъ вѣковъ считалась грамматика. На картинахъ того времени она изображалась въ видѣ царицы, покоящейся подъ древомъ познанія добра и зла; на головѣ у нея корона, въ правой рукѣ ножъ, служившій для подчистокъ ошибокъ въ рукописяхъ, а въ лѣвой бичъ—необходимѣйшая принадлежность средневѣковаго учителя. На изученіе грамматики тратилась тогда безусловно большая часть всего школьнаго времени. Занятія ею открывались чтеніемъ Эзоповыхъ басенъ и сборника нравственныхъ изреченій, приписывавшихся Катону Старшему, а также заучиваньемъ ру-

[1]) Дѣленіе это установлено въ V вѣкѣ по Р. Х. Маркіаномъ Капеллой и извѣстнымъ Кассіодоріемъ, авторомъ энциклопедическаго сочиненія „De septem disciplinis".

ководства Доната, римскаго грамматика половины IV в. по Р. Х... Кромѣ Доната, въ средніе вѣка былъ еще цѣлый рядъ самостоятельныхъ элементарныхъ руководствъ: Es tu scolaris, Arcubius, Fundamentum scolarium и т. п. Вотъ начало одного изъ такихъ руководствъ:

„Es tu scolaris?—Sum.—Sum какая часть рѣчи?—Глаголъ.—Почему?—Потому, что эта часть рѣчи со временемъ и лицомъ, безъ падежа, означающая дѣйствіе или страданіе или ни то, ни другое.—Какой это глаголъ?—Неправильный.—Сколько неправильныхъ глаголовъ?—Четыре.—Какіе?—Sum, volo, fero и edo.—Что значитъ sum?—Я есмь... Откуда происходитъ sum?—Отъ греческаго слова *hemi* [1]): измѣняя h въ s, e въ u и отбрасывая i, мы имѣемъ sum"... и т. д.

Послѣ изученія элементарныхъ руководствъ ученики переходили къ чтенію болѣе трудныхъ авторовъ. Толкованіе этихъ послѣднихъ носило почти исключительно грамматическій характеръ и сопровождалось безконечнымъ заучиваніемъ ихъ наизусть. Затѣмъ начинали высшій курсъ грамматики, который проходился сначала по Присціану, а съ XIII вѣка по самостоятельнымъ средневѣковымъ руководствамъ, знаменитѣйшимъ изъ которыхъ было Doctrinale Александра de Villa Dei.

Чтобы дать понятіе объ этомъ руководствѣ, заимствуемъ изъ него начало правилъ объ окончаніяхъ падежей перваго склоненія (изъ I части):

„Rectis *as*, *es*, *a* tibi dat declinatio prima...
Dans *ae* diphthongum genetivus atque dativus,
Am servat quartus; tamen *an* aut *en* reperimus,
Cum rectus fit in *as*, vel in *es*, vel cum dat *a* Graecus" и т. д.

т. е. „первое склоненіе въ прямыхъ падежахъ (именительномъ и звательномъ) даетъ тебѣ окончанія as, es, a... Между тѣмъ какъ родительный и дательный даютъ двугласную ae, четвертый (винительный) падежъ имѣетъ am; однако, мы находимъ an и en тогда, когда прямые падежи оканчиваются на as или es или на a въ словахъ, взятыхъ съ греческаго"...

Изъ отдѣловъ грамматики латинскаго языка наиболѣе разработанъ былъ самый философскій — синтаксисъ. Вѣнцомъ занятій грамматикой служило dictamen metricum, т. е. искусство писать латинскіе стихи размѣромъ древнихъ авторовъ.

---

[1]) Т. е. собственно *eimi* (*εἰμὶ*).

Реторика и діалектика.

Реторикѣ, въ смыслѣ стилистики и теоріи ораторскаго искусства, средневѣковая школа долго вовсе не учила; вмѣсто того, подъ названіемъ реторики преподавалось dictamen prosaicum, т. е. искусство составлять въ образцовомъ видѣ письма, грамоты и вообще акты дѣлового и правового характера... Тутъ же читались и разбирались и сборники духовныхъ законовъ, а равно и другіе юридическіе источники.

Діалектика, т. е. собственно логика, „въ первую половину среднихъ вѣковъ была развита очень слабо; она служила только для подготовленія учащихся къ пониманію тѣхъ остатковъ умственнаго творчества предшествующихъ поколѣній, безъ которыхъ средневѣковому обществу нельзя было обойтись въ практической жизни“. И тѣмъ не менѣе, діалектика „дѣйствительно была disciplina disciplinarum, какъ ее называетъ Рабанъ Мавръ; она одна изъ всѣхъ „семи свободныхъ наукъ“ сохранила образовательный характеръ; она одна имѣла въ виду развитіе мыслительной способности учениковъ. Немудрено, что на нее и оперлось умственное движеніе второй половины среднихъ вѣковъ, что изъ нея и сдѣлалъ пробудившійся человѣческій разумъ главное орудіе для перестройки всей системы образованія и что ее онъ положилъ краеугольнымъ камнемъ новаго университетскаго зданія“ [1]).

Ариѳметика и астрономія.

Въ ариѳметику, помимо дѣйствій надъ числами, которыя были необыкновенно трудны (особенно дѣленіе многозначныхъ чиселъ) при римской системѣ нумераціи, входило еще символическое толкованіе чиселъ. Вотъ, напр., какъ объяснялъ извѣстный ученый IX вѣка Рабанъ Мавръ тайный смыслъ того, что Моисей, Илія и самъ Христосъ постились по 40 дней. Число 40 содержитъ въ себѣ 4 раза число 10. Этимъ указывается на все, что относится къ временной жизни. Ибо по числу 4 протекаютъ времена дня и года. Времена дня распадаются на утро, день, вечеръ и ночь; времена года—на весну, лѣто, осень и зиму. „И хотя мы живемъ во временной жизни, но ради вѣчности, въ которой мы хотимъ жить, мы должны воздерживаться отъ временныхъ удовольствій и поститься“. Далѣе, въ числѣ 10 намъ можно распознать Бога и твореніе. Троица указываетъ на Творца, семерка—на твореніе, которое состоитъ изъ тѣла и духа. Въ послѣднемъ мы опять находимъ троичность, такъ какъ мы должны любить Бога всѣмъ сердцемъ, и всею душею, и всѣмъ помышленіемъ. Въ тѣлѣ же ясно

---

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 78—79.

выступаютъ четыре элемента, изъ которыхъ оно состоитъ. „Итакъ, тѣмъ, что указано въ числѣ 10, приглашаемся мы въ этой временной жизни (ибо число 10 взято 4 раза) жить цѣломудренно и воздерживаться отъ плотскихъ похотей: вотъ что значитъ поститься 40 дней".

„Въ тѣснѣйшей связи съ ариѳметикой стояла астрономія. Средневѣковый школьный терминъ Computus обнимаетъ собою по большей части основы обѣихъ этихъ наукъ заразъ... Геометрія до XI вѣка совсѣмъ почти не преподавалась въ средневѣковыхъ школахъ; по большей части, подъ именемъ геометріи школа преподавала описаніе земли и существъ, ее населяющихъ. Въ эту геометрію и входили тѣ „Физіологи" и „Бестіаріи", гдѣ такъ пышно разыгрывалась средневѣковая фантазія, гдѣ можно было найти растущихъ на корню барановъ, птицъ, рождающихся изъ плодовъ, и т. п.". Таковъ былъ циклъ „семи свободныхъ искусствъ", исчерпывавшій почти всѣ знанія того времени. Измѣнился, расширился объемъ преподаванія и вообще науки уже только съ возникновеніемъ университетовъ.

Ученики. Посмотримъ теперь на то, какъ жилось средневѣковому школьнику, какіе воспитательные пріемы, какіе способы возбужденія интереса примѣняли къ нему учащіе, каковы были отношенія между учителями и учениками. Обстановка средневѣковой школы необыкновенно тяжело отзывалась на учащемся. Крайне примитивные пріемы и мертвенный характеръ преподаванія, недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ и руководствахъ, неясность и неуклюжая форма этихъ руководствъ, выраженныхъ по большей части въ латинскихъ стихахъ съ различными сокращеніями и условными знаками—все это приводило къ тому, что заставлять учениковъ учиться можно было почти однимъ только страхомъ въ самой грубой его формѣ—въ формѣ страха тѣлеснаго наказанія. „Розга въ средніе вѣка является символомъ школы. Sub virga degere, sub virga magistri constitutum esse („жить подъ розгой, вырости подъ розгой учителя")—вотъ средневѣковыя выраженія для нашего понятія „получать образованіе"... Средніе вѣка не соглашались допустить, чтобы самъ Христосъ могъ учиться безъ розги. Одна поэма XII вѣка разсказываетъ, что когда Онъ мальчикомъ сталъ ходить въ начальную школу и при первой же буквѣ Алефъ хотѣлъ объяснить ея значеніе, то учитель высѣкъ Его за преждевременное знаніе... „Поистинѣ, къ мученикамъ должны мы приравнять дѣтей, которыя живутъ въ невинности и охотно учатся", говоритъ въ XIII вѣкѣ

Цезарій Гейстербахскій. „Кромѣ битья, ученики часто страдали отъ гигіенической обстановки въ закрытыхъ школахъ, отъ недостаточнаго и неправильнаго питанія, отъ болѣзней, и многіе изъ нихъ или совсѣмъ погибали, или уходили, не кончивъ своего образованія, или же кончали его больными, калѣками. И для того, чтобы пройти полный курсъ образованія въ средніе вѣка, надо было обладать не только выдающимися духовными качествами: хорошей памятью, большой способностью къ формально-логическому, или діалектическому мышленію, необыкновенной усидчивостью, вниманіемъ и терпѣніемъ, но и „желѣзнымъ здоровьемъ и устойчивой нервной системой. Средневѣковая школа выпускала немало людей и съ большими знаніями, и съ характерами, но она достигала этого не столько воспитаніемъ, сколько подборомъ".

Этой необыкновенной трудностью и тяжестью средневѣковой школы объясняется одна замѣчательная черта ея: въ нее охотно принимали бѣдноту, которая и составляла главную массу учащихся. И хотя образованіе и въ средніе вѣка въ значительной степени обезпечивало лучшее положеніе въ жизни, однако болѣе состоятельные люди часто сторонились отъ этой жестокой школы, и пастыри церкви и помощники свѣтскихъ правителей набирались въ значительной степени изъ дѣтей „простыхъ", „среднихъ" людей.

Таковъ былъ характеръ той школы, которая до XII—XIII вв. была въ Западной Европѣ единственной, а съ этого времени стала еще подготовительной ступенью къ университетамъ. Къ характеристикѣ университетовъ мы и переходимъ.

Университетъ.

Высшія учебныя заведенія того типа, который мы называемъ „университетомъ", назывались въ средніе вѣка чаще всего *studium generale*[1]), что значило „общая (или всеобщая) школа". Это была „школа для всѣхъ" желающихъ пріобрѣтать познанія, безъ различія тѣхъ мѣстностей, учрежденій, націй и государствъ, изъ которыхъ происходилъ учащійся. Признакомъ „доступности для всѣхъ" studium generale противополагалось мѣстнымъ или частнымъ школамъ, учреждавшимся для надобностей извѣстной округи или корпораціи: монастыря, города, того или другого капитула и т. д. Первыя studia generalia (въ Салерно, Болоньѣ, Парижѣ, отчасти въ Оксфордѣ) возникли естественнымъ процессомъ развитія; остальныя учреждались по образцу одной изъ этихъ школъ. Еще въ XII вѣкѣ нѣко-

---

[1]) Школу въ средніе вѣка называли какъ schola, такъ и studium (собственно „занятія"), обозначая вещь по ея назначенію.

торыя изъ монастырскихъ и соборныхъ училищъ и нѣкоторыя школы отдѣльныхъ преподавателей (напр., Абеляра въ Мелёнѣ и Параклетѣ) стали получать громкую извѣстность въ Европѣ, стали пользоваться всеобщимъ признаніемъ. Эти большія школы можно считать предтечами „университетовъ". Universitas въ средніе вѣка значило „корпорація", „обладающая извѣстной долей самостоятельности община"; universitates и назывались всякія такого рода корпораціи: городскія, ремесленныя и др. „общества". Поэтому, и личный составъ даннаго studium generale назывался universitas studii (ученая корпорація) или universitas magistrorum et scholarium (корпорація магистровъ и учащихся). И вотъ, въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка школы въ Парижѣ и Болоньѣ, пользовавшіяся общей славой и служившія потребностямъ всего западно-европейскаго міра, организуются въ корпораціи съ цѣлымъ рядомъ правъ и привилегій и, такимъ образомъ, становятся universitates.

Посмотримъ теперь, какими чертами характеризовались studia generalia, въ отличіе отъ прежнихъ школъ. Такъ какъ первыя studia generalia были признаны всѣмъ западно-европейскимъ міромъ и принимали слушателей отовсюду, то было совершенно естественно, что и пріобрѣтаемыя въ нихъ познанія и выдаваемыя ими ученыя степени также получали всеобщее признаніе. Выдававшееся руководителями прежнихъ школъ (канцлерами, схоластиками и т. д.) „позволеніе преподавать" (licentia docendi, учительскій дипломъ) превратилось въ Парижѣ и Болоньѣ въ „право преподавать повсемѣстно" (facultas ubique docendi). Парижъ и Болонья очень дорожили этой привилегіей своихъ studia generalia, и когда, съ конца первой трети XIII вѣка, начали основываться новыя studia generalia, дипломированные тамъ ученые могли преподавать вездѣ, кромѣ Парижа и Болоньи (это преимущественное положеніе старѣйшихъ университетовъ исчезло лишь впослѣдствіи). Далѣе, studium generale должно было быть признано какою-либо изъ всемірныхъ властей: либо папой, либо императоромъ; нѣкоторые же университеты имѣли указы отъ обѣихъ властей. И мы видимъ, дѣйствительно, что изъ 44 studia generalia, возникшихъ до 1400 года, 21 были открыты на основаніи однихъ папскихъ указовъ, а еще другіе 10 имѣли какъ папскіе, такъ и императорскіе (или королевскіе) указы. Короли и территоріальные князья основывали университеты, только испросивъ предварительно согласія и благословенія у папы или разрѣшенія у императора.

Само собою разумѣется, что въ studia generalia число какъ

учащихся, такъ и учащихъ скоро стало весьма значительнымъ; это обстоятельство содѣйствовало процвѣтанію университетовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя названія преподававшихся въ университетахъ предметовъ остались тѣ же, какія были и въ прежней школѣ (прибавилась одна медицина), но объемъ каждаго предмета значительно расширился, и они стали преподаваться систематичнѣе и болѣе методически. Въ то же время все болѣе и болѣе выступаетъ на первый планъ „діалектика", т. е. то, что мы теперь называемъ средневѣковой (схоластической) философіей: Аристотель начинаетъ вытѣснять латинскихъ поэтовъ и ораторовъ. Измѣняется и методъ богословской науки. Вмѣсто чтенія и толкованія Отцовъ церкви, все болѣе утверждается „діалектическій" методъ разработки вѣроученія, впервые введенный Абеляромъ, — методъ, прославившій Парижскій университетъ. Абеляръ требовалъ вѣры для того, чтобы прійти черезъ нее къ уразумѣнію. Такая постановка дѣла открывала просторъ для приложенія разума въ цѣляхъ обработки и развитія истинъ вѣры и оказалась очень плодотворной.

Какъ корпораціи, studia generalia обладали цѣлымъ рядомъ весьма существенныхъ правъ и привилегій: они въ значительной степени пользовались самоуправленіемъ, имѣли своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, свой судъ, свою печать, имѣли право производить экзамены на ученыя степени, издавать обязательныя для своихъ членовъ постановленія и т. д.; они составляли какъ бы особое государство въ государствѣ.

Древнѣйшимъ изъ studia generalia была медицинская школа въ Салерно, время возникновенія которой въ точности не извѣстно. Салернскіе врачи уже въ XI вѣкѣ пользовались славой въ Европѣ.

Въ XII вѣкѣ возникъ университетъ въ Болоньѣ изъ школы римскаго права знаменитаго Ирнерія. Этотъ университетъ былъ главнымъ центромъ изученія римскаго права для всей Европы. Здѣсь университетская корпорація состояла не изъ однихъ магистровъ (какъ это было въ Парижѣ), а изъ магистровъ и слушателей вмѣстѣ. Этимъ обусловливалась демократическая, такъ сказать, организація университета[1]).

Парижскій университетъ.

Какъ Болонскій университетъ былъ прообразомъ для одной группы позднѣйшихъ университетовъ, такъ для другой—образцомъ былъ Парижъ. Парижскія школы славились еще со временъ Гильома изъ Шампо, учившаго въ началѣ XII вѣка въ каѳедральной школѣ

---

[1]) См. статью о Болонскомъ университетѣ.

при Notre Dame, а потомъ въ школѣ аббатства св. Виктора. Еще болѣе прославилъ ихъ рыцарь схоластики — Абеляръ. Во главѣ парижскихъ школъ стоялъ канцлеръ капитула собора Notre Dame. Обладая богатыми бенефиціями и давно не занимаясь въ школѣ самъ, канцлеръ наблюдалъ за ходомъ преподаванія, набиралъ учителей въ школы, выдавалъ имъ учительскіе дипломы (licentiam docendi). Въ XII в. въ Парижѣ было также много частныхъ учителей, учившихъ у себя на дому или просто подъ открытымъ небомъ; большинство ихъ жило около „Малаго моста", соединявшаго Сите (центральную часть города, расположенную на островѣ Сены) съ лѣвымъ берегомъ. Общность интересовъ у нихъ, общее всѣмъ имъ стремленіе заставить канцлера Notre Dame давать licentiam docendi только достойнымъ людямъ—такимъ, которыхъ они сами были бы не прочь принять въ свою среду, сплачивало этихъ магистровъ въ societates (общества, кружки). Наконецъ, въ концѣ XII вѣка образовались четыре корпораціи магистровъ четырехъ дисциплинъ (facultates): богословія, права, медицины и того, что въ средніе вѣка называлось artes liberales. „Источникъ мудрости" въ Парижѣ, говоритъ Littera Universitatis magistrorum et scholarium Parisius studentium, дѣлится „на четыре факультета: богословіе, юриспруденцію, медицину и философію раціональную, естественную и нравственную; это какъ бы четыре райскихъ рѣки". Магистры, читавшіе на этихъ факультетахъ, „получили отъ обѣихъ властей (т. е. отъ папы и отъ свѣтской власти) корпоративный или университетскій строй (corpus collegii sive universitatis) и много привилегій и льготъ, такъ какъ имъ свободнѣе и спокойнѣе можно было заниматься, когда они были соединены какими-либо особыми юридическими отношеніями". Слово facultas (буквально „способность") обозначало сначала особую область знаній; потомъ оно было перенесено и на самую корпорацію, преподававшую эту группу знаній, на коллегію магистровъ данной спеціальности, т. е. стало обозначать то, что называется „факультетомъ" въ наше время.

Изъ четырехъ факультетовъ Парижскаго университета истинную славу и гордость его составлялъ богословскій факультетъ. Здѣсь именно выработалась та система католическаго вѣроученія, которая была санкціонирована папами и за которую католицизмъ держится до сихъ поръ; здѣсь послѣдовательно другъ за другомъ преподавали всѣ свѣтила схоластической философіи и теологіи; здѣсь считалъ необходимымъ закончить свое образованіе каждый клирикъ, мечтавшій о видной ученой или духовной

карьерѣ, и всякій гордился, если онъ могъ сказать, что изучалъ богословіе въ Парижѣ. Парижъ въ средніе вѣка почтили названіемъ „города науки“, „новыхъ Аѳинъ“, и говорили, что „Италія имѣетъ папство, Германія — имперію, Парижъ — университетъ (studium)“. Парижскій богословскій факультетъ „представлялъ собой не только всемірно-знаменитое учебное учрежденіе, но въ то же время въ теченіе долгаго ряда лѣтъ являлся душой католической церкви и истиннымъ руководителемъ религіозной жизни Европы. Чтобы оцѣнить силу его вліянія, стоитъ только припомнить его роль во время великой церковной схизмы и въ эпоху реформаціонныхъ соборовъ. Глава этого факультета, крестьянскій сынъ Герсонъ, былъ главнѣйшимъ руководителемъ того движенія, которое суждено было довести до конца рудокопу Лютеру“ [1]).

Факультеты въ Парижѣ состояли изъ магистровъ, преподававшихъ однородныя науки; студенты причислялись къ факультетамъ черезъ своихъ магистровъ. Во главѣ факультетовъ стояли деканы, избиравшіеся магистрами изъ своей среды на одно полугодіе. Деканы наблюдали, чтобы магистры исправно читали лекціи, завѣдовали экзаменами, руководили собраніями факультетовъ, заботились о доходахъ, о льготахъ и правахъ своихъ факультетовъ. Въ концѣ каждаго курса члены факультета распредѣляли между собою чтеніе лекцій на слѣдующее полугодіе или годъ, устанавливали лекціонные часы и размѣры студенческой платы за слушаніе лекцій (honorarium).

Организація Парижскаго университета, какъ цѣлаго, была въ то время еще очень несовершенна; университетъ не имѣлъ ни собственнаго помѣщенія, ни залы для общихъ собраній своихъ членовъ, ни постоянныхъ доходовъ и расходовъ, ни своихъ собственныхъ служителей. Когда приходилось вести процессъ или отправлять депутацію, дѣлали прямо сборъ со всѣхъ пользовавшихся университетскими привилегіями. Излишекъ доходовъ надъ расходами дѣлили между магистрами и педелями или пропивали въ тавернѣ...

Философскій или артистическій факультетъ (facultas artium) былъ не равноправенъ съ тремя остальными: по отношенію къ нимъ онъ былъ только подготовительнымъ, и въ студенты „старшихъ“ факультетовъ поступали почти исключительно клирики, окончившіе курсъ и получившіе степень магистра артистическаго **Факультеты.**

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 175.

факультета. Такимъ образомъ, часто одно и то же лицо читало лекціи на факультетѣ artium и въ то же время было студентомъ того или другого изъ старшихъ факультетовъ.

Само собою разумѣется, что далеко не всѣ „артисты" поступали впослѣдствіи на высшіе факультеты. Вотъ статистическія свѣдѣнія относительно процента студентовъ, достигавшихъ ученыхъ степеней въ Лейпцигскомъ университетѣ въ XV и началѣ XVI вѣка. „Изъ 100 имматрикулировавшихся (т. е. записавшихся на слушаніе лекціи въ „матрикулъ", университетскіе списки) экзаменъ на бакалавра артистическаго факультета, къ которому студенты допускались послѣ двухъ лѣтъ слушанія лекцій, держало около 30 человѣкъ. На этомъ экзаменѣ обыкновенно проходили почти всѣ. Но изъ этихъ 30 бакалавровъ къ магистерскому экзамену, который имѣлъ мѣсто на шестомъ году пребыванія въ университетѣ и по своему характеру соотвѣтствовалъ больше всего нашему экзамену зрѣлости, являлось всего 6 человѣкъ. Что же касается лицъ, получавшихъ ученыя степени на старшихъ факультетахъ, то число ихъ было совершенно ничтожно". Замѣчательно, что богословіе въ средніе вѣка вовсе не занимало въ университетахъ первенствующаго положенія. „Обыкновенно принято считать богословіе вѣнцомъ и даже ядромъ всего университетскаго преподаванія въ средніе вѣка. Но это вовсе не такъ. Изъ 46 университетовъ, которые возникли до 1400 года, въ 28, т. е. почти въ двухъ третяхъ ихъ числа, богословіе совсѣмъ не было допущено въ программу занятій" [1]). Насколько малолюдны были старшіе факультеты, видно, напр., изъ того, что „въ Лейпцигѣ въ концѣ XV вѣка было 700 съ небольшимъ студентовъ, и изъ нихъ слишкомъ 600 были „артисты"; около 100—юристы; богослововъ всего 6—7 человѣкъ, а медиковъ—5". Богатые слушатели группировались, повидимому, преимущественно на юридическомъ факультетѣ; богословскій состоялъ почти сплошь изъ бѣдноты.

Націи. Ректоръ.

Параллельно соединенію магистровъ въ факультеты, и студенты начали мало-по-малу соединяться въ кружки, съ цѣлью возможно дешевле и лучше устроиться на житье въ Парижѣ. Пріѣхавъ или придя пѣшкомъ съ котомкой за плечами въ Парижъ—часто Христовымъ именемъ, молодой человѣкъ первымъ дѣломъ разыскивалъ земляковъ и при ихъ помощи оріентировался въ городѣ, нанималъ себѣ помѣщеніе, записывался слушателемъ къ тому или другому

[1]) Denifle, Die Universitäten des Mittelalters, I 703.

профессору и т. д. Выгоды такого сплоченія для студентовъ были очевидны, и мелкіе кружки—землячества—стали группироваться въ „провинціи“, а провинціи—въ „націи“. Въ націи входили студенты всѣхъ факультетовъ, а также магистры „артистическаго“ факультета (magistri in artibus legentes), большинство которыхъ были студентами или бакалаврами старшихъ факультетовъ. Во главѣ каждой изъ націй стоялъ „прокураторъ“, выбиравшійся изъ своей среды магистрами artium. Позже 4 націи стали выбирать себѣ одного главу—„ректора“. Сначала его выбирали изъ своей среды одни бакалавры богословія (т. е. магистры artium, получившіе первую ученую степень на богословскомъ факультетѣ), а затѣмъ ректора начинаютъ выбирать „прокураторы“. Какъ прокураторы, такъ и ректоръ обязаны были защищать студентовъ, если ихъ привлекали къ суду, имѣть надзоръ за ихъ поведеніемъ и нравственностью, за порядкомъ въ университетѣ и т. д. Ставши главою четырехъ націй, ректоръ мало-по-малу дѣлается такимъ же предсѣдателемъ „артистическаго“ факультета, какими на другихъ факультетахъ были „деканы“, а затѣмъ объединяетъ (около половины XIV вѣка) подъ своей властью и весь университетъ. Это было совершенно естественно, такъ какъ „артистическій“ факультетъ былъ самымъ многолюднымъ [1]); при всякомъ спорѣ или столкновеніи „артисты“ могли выставить наибольшее число людей, собрать больше всего денегъ и т. д. И вотъ, постепенно ректоръ забираетъ въ свои руки управленіе всѣмъ университетомъ: начинаетъ созывать общія собранія, предсѣдательствуетъ на нихъ и приводитъ въ исполненіе ихъ постановленія. Первое время ректоръ ходилъ еще лично приглашать декановъ старшихъ факультетовъ на общія собранія, но потомъ сталъ посылать педелей. И наконецъ, около половины XIV вѣка является формула: Rector et universitas magistrorum et scholarium Parisiensium, формулирующая положеніе ректора во главѣ всего университета.

Впослѣдствіи на обязанности ректора лежало ближайшее управленіе всѣмъ университетомъ, поддержаніе въ немъ порядка, изданіе обязательныхъ для студентовъ постановленій, разборъ столкновеній между членами университета, устройство торжественныхъ процессій, празднествъ и т. п.; ему были подчинены педеля, ему

[1]) Напр., въ 1348 г. магистровъ на богословскомъ факультетѣ (magistri regentes in theologia) было 32, докторовъ каноническаго права—18, магистровъ медицины—46, а магистровъ artium—514.—Denifle, Die Univ. des Mittelalters, I, 123.

приносили присягу вновь поступавшіе студенты, у него они записывались въ „матрикулы“ и т. д.

Четыре націи Парижскаго университета назывались – галльской, пикардійской, нормандской и англійской. Къ „галльской“ націи принадлежали также и студенты изъ испанцевъ, итальянцевъ и жителей Востока; къ „англійской“ — кромѣ англичанъ, студенты изъ занятыхъ англичанами провинцій Франціи, изъ Ирландіи, Шотландіи и Германіи. Такое искусственное распредѣленіе указываетъ на то, что эти парижскія „націи“ не развились самопроизвольно, а были нарочно установлены, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ началѣ XIII вѣка, въ цѣляхъ лучшаго надзора за студентами. Естественныя же земляческія соединенія были составными частями, подраздѣленіями этихъ „націй“.

Корпоративныя права.

Едва сформировавшись, университетская корпорація сразу почувствовала свою силу. И она начинаетъ постепенно освобождаться отъ подчиненія мѣстнымъ властямъ, опираясь то на короля, то на папу. Первое крупное столкновеніе — съ горожанами—университетъ имѣлъ въ 1200 году. Дѣло было такъ: студентъ-нѣмецъ отправилъ своего слугу въ погребокъ за виномъ; слугу поколотили пировавшіе тамъ горожане. Тогда студенты-нѣмцы избили горожанъ, а тѣ пожаловались „прево“; прево явился арестовать студентовъ; студенты защищались, и пятеро изъ нихъ были убиты въ свалкѣ. По жалобѣ магистровъ, университетъ получилъ отъ короля Филиппа Августа первую привилегію, по которой всѣ учащіе и учащіеся признаны были подлежащими лишь церковной юрисдикціи (церковному суду).

Освободившись, такимъ образомъ, отъ власти свѣтскаго суда, университетъ вскорѣ освобождается и отъ подчиненія канцлеру капитула Notre Dame. Магистры подаютъ папѣ цѣлый рядъ жалобъ на канцлера, обвиняя его въ неправильной раздачѣ „права на преподаваніе“ (licentia docendi). Тогда папы предписываютъ канцлеру давать это право лишь тѣмъ, за кого выскажется большинство магистровъ, а этимъ послѣднимъ даруютъ право сходокъ для обсужденія вопросовъ, касающихся преподаванія и дисциплины, причемъ постановленія этихъ собраній становятся обязательными для всѣхъ учащихъ и учащихся. Канцлеръ сначала упорствовалъ и попробовалъ налагать отлученіе на всѣхъ участниковъ этихъ сходокъ, какъ на заговорщиковъ; магистры опять пожаловались папѣ, и канцлеру запрещено было самовольно налагать отлученіе на университетъ и его членовъ, такъ какъ „университетъ есть главный защитникъ церкви отъ ересей“.

Около того же времени большая часть магистровъ и студентовъ мало-по-малу переселяется изъ Сите, находившагося подъ юрисдикцiей канцлера, на лѣвый берегъ Сены, во владѣнiя аббатства св. Женевьевы, гдѣ быстро выростаетъ „латинскiй кварталъ“; знаменитая улица Фуарръ, центръ парижскаго студенческаго населенiя, была застроена около 1225 г. Около половины XIII в. папы назначаютъ университету второго канцлера—изъ аббатства св. Женевьевы, такъ что съ тѣхъ поръ въ Парижѣ всегда было два канцлера. На обязанности канцлеровъ съ тѣхъ поръ лежала забота о поддержанiи достоинства, чести, свободы и независимости университета, о сохраненiи его привилегiй, данныхъ папами или королями объ улаженiи недоразумѣнiй въ отношенiяхъ къ властямъ и т. п. Это были попечители, представители и защитники университета.

Справившись съ горожанами при помощи короля, съ канцлеромъ и епископомъ при помощи папы, университетъ оказался въ состоянiи бороться и съ королевской властью. На масленицѣ 1229 г. студенты, поссорившись съ хозяиномъ одного погребка въ мѣстечкѣ С.-Марсель и побитые сосѣдями, разгромили этотъ и другiе погребки и исколотили многихъ жителей мѣстечка. Прiоръ аббатства св. Марцелла и парижскiй епископъ пожаловались королевѣ-регентшѣ Бланкѣ Кастильской; она распорядилась, чтобы прево арестовалъ студентовъ. Тотъ двинулся въ латинскiй кварталъ съ большимъ отрядомъ полицiи. Захваченные врасплохъ на улицахъ, студенты защищались, какъ могли; но перевѣсъ остался на сторонѣ полицiи, и студентамъ пришлось искать спасенiя въ окружавшихъ Парижъ огородахъ и каменоломняхъ. Въ результатѣ оказалось множество раненыхъ и изувѣченныхъ и нѣсколько убитыхъ, въ числѣ которыхъ были члены всѣхъ „нацiй“, тогда какъ въ С.-Марсельскомъ буйствѣ была виновата одна Пикардiя. Университетъ потребовалъ въ мѣсячный срокъ удовлетворенiя за нарушенiе своихъ привилегiй, грозя иначе закрыть на 6 лѣтъ университетъ. Королева не выдала прево, и университетъ закрылся: магистры и студенты разошлись по Францiи, нѣкоторые уѣхали въ Оксфордъ. Всѣ винили королеву въ такомъ несчастiи для страны, приносящемъ „ущербъ церкви и государству и позоръ французской коронѣ“. Тогда вмѣшался въ дѣло папа Григорiй IX; онъ настоялъ, чтобы королева дала удовлетворенiе университету и утвердила всѣ его привилегiи, а самъ разрѣшилъ магистровъ отъ данной ими клятвы 6 лѣтъ не возвращаться въ Парижъ, утвердилъ и расширилъ льготы университета въ знаменитой буллѣ 13-го апрѣля 1231 г.

„Parens scientiarum“, которая и послужила какъ бы хартіей парижскаго университета.

Жизнь студентовъ. Образъ жизни и поведеніе значительной части парижскаго студенчества оставляли много желать; это и понятно было—при полной неорганизованности студенческаго быта, среди соблазновъ такого большого города. Канцлеры университета часто жаловались на то, что студенты артистическаго факультета бѣгаютъ ночью по улицамъ вооруженные, разбиваютъ двери домовъ, устраиваютъ попойки, драки и другія безчинства, сами сидятъ въ тавернахъ, а классы превращаютъ въ спальни.

Поводовъ къ разнаго рода столкновеніямъ у студентовъ всегда было много; до чего доходили эти столкновенія и какъ страдали отъ нихъ сами студенты, можно видѣть хотя бы по двумъ слѣдующимъ происшествіямъ. „У могущественнаго аббатства Сенъ Жерменъ де-Прэ шли вѣчныя пререканія съ университетомъ изъ-за прилегавшаго къ монастырю угодья Pré-aux-Clercs, гдѣ студенты проводили все свое свободное время. Въ 1278 г. отношенія этихъ двухъ корпорацій настолько обострились, что дѣло дошло до кроваваго столкновенія. Разсерженные жалобой въ судъ, которую подалъ на нихъ университетъ за возведеніе ими новыхъ построекъ, монахи рѣшились основательно проучить своихъ назойливыхъ сосѣдей. 13-го мая студентамъ дана была „рекреація“, и они, ничего не подозрѣвая, по обычаю отправились гулять кругомъ монастырскихъ стѣнъ. Вдругъ въ монастырѣ забили въ набатъ, заиграли сборъ, и сбѣжавшіеся на этотъ призывъ вооруженные вассалы аббатства съ обнаженными мечами ринулись на студентовъ, крича: „смерть, смерть клирикамъ!“ Студенты пустились было бѣжать обратно въ Парижъ, но предусмотрительные монахи заняли всѣ трое ближайшихъ городскихъ воротъ и перехватывали тамъ бѣглецовъ. Студентовъ ловили, били и сѣкли до полусмерти, а потомъ кидали въ монастырскую тюрьму. Множество студентовъ получило при этомъ тяжкія увѣчья, и двое изъ нихъ черезъ нѣсколько дней скончались отъ полученныхъ ранъ“ [1])... Дѣло доходило до короля: „Филиппъ III сталъ рѣшительно на сторону студентовъ, и властямъ аббатства пришлось поплатиться за свое самоуправство“.

Другое избіеніе студентовъ имѣло мѣсто въ Оксфордѣ. Тамъ шла постоянная война у студентовъ съ горожанами; наконецъ, рѣшено было прекратить раздоры; но какъ разъ въ это же время одному

---

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 142—3.

изъ студентовъ вздумалось на какомъ-то диспутѣ отнять булаву у одного изъ городскихъ стражниковъ. Другіе стражники заступились за своего товарища,—произошла схватка со студентами. На другой день вышла новая свалка въ одной церкви, причемъ былъ убитъ какой-то совсѣмъ непричастный распрѣ крестьянинъ, пріѣхавшій изъ деревни въ городъ съ продуктами. Горожане жаловались канцлеру университета, но не получили удовлетворенія. Между тѣмъ, студенты торжественно пропѣли за упокой всѣхъ именитыхъ гражданъ Оксфорда, ссылаясь на то, что имъ все равно не долго осталось жить. Тогда горожане вышли изъ терпѣнія: ударили въ набатъ, затрубили въ рога, массы народа вышли на улицы съ ножами, палками и косами, напали на студентовъ, разгромили ихъ квартиры, изорвали книги.

Коллегіи.

Подобные факты, а съ другой стороны, совершенно естественное желаніе дать бѣднымъ студентамъ возможность заниматься при сколько-нибудь сносной обстановкѣ заставили благотворителей XIII вѣка учреждать въ университетѣ коллегіи, или пріюты для бѣдняковъ. „Такъ понималось благочестіе въ этомъ вѣкѣ", говоритъ Дю-Буле. „Въ прежніе вѣка оно устремлялось на основаніе монастырей, а теперь стало направляться на учрежденіе коллегій для бѣдныхъ школьниковъ, этого общаго питомника профессоровъ, служителей королевской власти, церковныхъ прелатовъ и монаховъ" [1]). Одной изъ первыхъ коллегій была знаменитая Сорбонна, основанная духовникомъ короля Людовика IX, Робертомъ Сорбонномъ, на 16 бѣдныхъ студентовъ богословскаго факультета (по 4 изъ каждой націи). Вскорѣ она была расширена, благодаря новымъ пожертвованіямъ, а также потому, что въ нее стали принимать и платныхъ пансіонеровъ, желавшихъ пользоваться ея удобствами. „За Сорбонной въ скоромъ времени открылся рядъ другихъ коллегій, къ которымъ затѣмъ присоединились и такъ называемыя „педагогіи", куда ученики принимались только за плату. По мѣрѣ возрастанія числа подобныхъ заведеній, университетъ все больше и больше начинаетъ стѣснять „стрижей", т. е. студентовъ, жившихъ на вольныхъ квартирахъ, и, наконецъ, въ половинѣ XV вѣка прямо требуетъ, чтобы всѣ ученики наиболѣе многочисленнаго, младшаго, „артистическаго" факультета, родители которыхъ жили не въ Парижѣ, помѣщались исключительно въ университетскихъ коллегіяхъ и педагогіяхъ... Попутно съ этимъ интернированіемъ учениковъ,

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 171.

[illegible] и [illegible] преподаванія [illegible]. Чтобы [illegible] учениковъ въ профессорскіе [illegible] многочисленныхъ коллегій стали приглашать профессоровъ [illegible] въ завѣденіе. Это превратилось затѣмъ въ общее правило, и такимъ образомъ, университетъ изъ вольнаго союза учениковъ и учителей, какимъ онъ былъ вначалѣ, обратился въ рядъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ развились [illegible] [illegible] лицеи и высшія спеціальныя школы. Въ концѣ XIII и концѣ XIV вѣка въ Парижскомъ университетѣ было основано [illegible] на частныя пожертвованія [illegible] [illegible] 100—110 [illegible]. — Такъ [illegible] развивался [illegible].

Нищенствующіе монахи въ университетѣ

[illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] Парижскій университетъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] которыхъ были такія знаменитости, какъ доминиканцы—Альбертъ Великій и Ѳома Аквинскій, францисканцы—Бонавентура [illegible] и др. Но эти же нищенствующіе вызвали въ половинѣ XIII вѣка сильную внутреннюю борьбу въ университетѣ [illegible] [illegible] при помощи папы. [illegible] [illegible] университетъ [illegible]. Доминиканцы явились въ Парижѣ въ 1217 г. [illegible] приняты университетомъ и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Когда въ 1229 г. университетъ [illegible] [illegible] доминиканскіе преподаватели [illegible] [illegible] [illegible] получить даже [illegible] [illegible] штатныхъ каѳедръ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] же время [illegible] и доминиканцы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] и [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] массу учениковъ и [illegible] [illegible] [illegible] доминиканцы получили и вторую штатную каѳедру. При [illegible] [illegible] [illegible] принадлежали [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] другимъ монашескимъ орденамъ, такъ что на долю остальныхъ профессоровъ, считавшихъ себя основателями университета и создателями его славы, осталось всего три штатныхъ каѳедры.

Въ 1252 г. на общемъ собраніи университета было постановлено, чтобы изъ одного ордена монаховъ, [illegible] свои коллегіи, не могло быть болѣе, чѣмъ одной каѳедры. [illegible] [illegible] доминиканцы [illegible] создать имъ вторую каѳедру, и университетъ

объявилъ ихъ исключенными изъ своей среды. Обѣ стороны жаловались папѣ Иннокентію IV, причемъ со стороны университета былъ посланъ спеціальный прокураторъ, магистръ Гильомъ де-Сентъ-Амуръ (Вильгельмъ де Санкто Аморе), а дѣло нищенствующихъ вели Альбертъ Великій, Ѳома Аквинскій и др. Иннокентій IV склонялся на сторону университета; но онъ скоро умеръ (1254 г.). Его преемникъ Александръ IV рѣшилъ споръ въ пользу нищенствующихъ буллой „Quasi lignum“ (14 апрѣля 1255 г.), въ которой университету было приказано немедленно принять опять нищенствующихъ въ свой составъ, а относительно каѳедръ постановлено, что утвержденіе въ нихъ должно зависѣть отъ канцлера и опредѣляться способностями и знаніями претендента, а не какимъ-либо комплектомъ.

Но университетъ не покорился, и Гильомъ де-Сентъ-Амуръ издалъ памфлетъ „De periculis novissimorum temporum“, въ которомъ нападалъ на самый принципъ „нищенства“ и указывалъ на непослѣдовательность въ его примѣненіи новыми орденами, которые богатѣютъ, принимая наслѣдство по завѣщаніямъ, получая плату за требы, и т. д.[1]). Тогда папа выступилъ на защиту нищенствующихъ, велѣлъ сжечь памфлетъ Гильома, его самого и двухъ другихъ магистровъ лишить сана, бенефицій и изгнать изъ Франціи; кромѣ того, онъ приказалъ исполнить постановленія буллы „Quasi lignum“ и не давать никому „права на преподаваніе“, пока онъ не обяжется соблюдать эту буллу (1256 г.). Университетъ долженъ былъ покориться и принять снова нищенствующихъ въ свой составъ. Слѣдствіями этой борьбы было уничтоженіе прежнихъ комплектовъ каѳедръ и утвержденіе свободы преподаванія.

Ученыя степени.

Внутренняя организація университетовъ была, въ сущности, обычной цеховой: та же замкнутость и корпоративный строй; то же раздѣленіе занятій; та же лѣстница степеней съ особыми, строго опредѣленными для каждой правами и обязанностями; тѣ же испытанія и аттестаты; тѣ же ученики, подмастерья и мастера (magistri); словомъ, это былъ „ученый цехъ“. Различіе между учащимися и учащими не было строго проведено: часто подъ studentes разумѣлись и тѣ и другіе. Университетскія степени и званія были слѣдую-

---

[1]) Надо замѣтить, что папы вскорѣ послѣ возникновенія нищенствующихъ орденовъ позволили имъ если не владѣть собственностью, то все-таки пользоваться ею (не possessio, а usus), настоящими же собственниками имѣній этихъ орденовъ папы объявили себя.

щія: бакалавръ, лиценціатъ и магистръ или докторъ. Бакалаврами (латинизированное bachelier, т. е. bas chevalier, молодой рыцарь) „артистическаго" факультета дѣлались студенты, сдавшіе экзаменъ изъ формальнаго отдѣла философіи: грамматики, діалектики, реторики и элементовъ математики и астрономіи; тогда они должны были выдержать нѣсколько диспутовъ (въ Вѣнѣ—10) и получали искомую степень. Медики производились въ бакалавры послѣ двухъ лѣтъ занятій медициной, если они были magistri in artibus; если же нѣтъ, то черезъ три года и т. д. Бакалавры назначались магистрами для занятій съ младшими студентами и имѣли право носить круглую шляпу безъ полей, какъ отличительный знакъ своего званія. Въ лиценціаты производились бакалавры послѣ нѣсколькихъ лѣтъ занятій и соотвѣтствующихъ испытаній. Такъ, въ Вѣнѣ, напр., на теологическомъ факультетѣ бакалавръ обязанъ былъ прочесть библейскій курсъ, потомъ пробыть годъ или два сентенціаріемъ (т. е. объяснять „Liber sententiarum" Петра Ломбарда), затѣмъ три года упражняться при университетѣ въ диспутахъ и проповѣдяхъ, и тогда уже только онъ допускался къ испытаніямъ. Лиценціатъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія и особаго экзамена (на артистическомъ факультетѣ—изъ реальныхъ наукъ квадривіума), получалъ степень магистра. Магистры и доктора теологіи титуловались обыкновенно „magistri nostri".

Дарованіе степени магистра (или доктора) совершалось очень торжественно. Магистрантъ (или докторантъ), т. е. выдержавшій соотвѣтствующій степени экзаменъ, долженъ былъ сказать рѣчь въ соборѣ, прочесть лекцію и выдержать диспутъ; если диспутъ проходилъ удачно, то канцлеръ приводилъ диспутанта къ присягѣ и провозглашалъ его удостоеннымъ искомой степени. Всѣ присутствовавшіе на диспутѣ магистры цѣловали новаго члена своей корпораціи, въ знакъ принятія въ нее, и вручали ему знаки его достоинства: книгу, какъ символъ науки, кольцо и докторскую шляпу (широкополый беретъ), а затѣмъ возводили его на каѳедру; тѣмъ и кончалась церемонія.

Лекціи и диспуты. Преподавательская дѣятельность магистровъ состояла изъ lectio и disputatio. Lectio (чтеніе) состояло изъ объясненія текстовъ св. Писанія или какого-либо автора; тексты должны были быть въ рукахъ у слушателей, по крайней мѣрѣ, одинъ на троихъ. Вотъ мнемоническая формула для процедуры объясненія юридическаго текста, чрезвычайно хорошо передающая въ латинскомъ дистихѣ духъ тогдашняго преподаванія:

Praemitto, scindo, summo, casumque figuro,
Perlego, do causas, connoto, obicio,—

т. е. объясняю термины и даю общую характеристику мѣстамъ, откуда взятъ текстъ (praemitto); дѣлю его на части (scindo); резюмирую его содержаніе (summo); привожу (дѣйствительный или воображаемый) случай приложенія данной юридической нормы (casum figuro); читаю текстъ (perlego); излагаю причины для пониманія его въ данномъ смыслѣ (do causas); объясняю его побочными и ограничивающими его положеніями и общими соображеніями (connoto); наконецъ, излагаю и обсуждаю возраженія (obicio)...“

Чтеніе лекцій продолжалось обыкновенно съ 19—20 октября до 7-го сентября; это время и составляло учебный годъ, а сентябрь и октябрь продолжались „большія вакаціи“. Кромѣ того, отъ занятій были свободны: двѣ недѣли на Пасхѣ, 11 дней на Святкахъ и четверги на тѣхъ недѣляхъ, въ срединѣ которыхъ не было праздниковъ.

Диспутированіе (disputatio) дополняло лекціи; цѣлью его было изощреніе ума на рѣшеніи частныхъ вопросовъ, на приложеніи общихъ положеній къ отдѣльнымъ случаямъ. Диспуты устраивались обыкновенно по субботамъ; въ большую залу собирался весь факультетъ—и студенты и магистры. Кто-нибудь изъ магистровъ говорилъ вступительную рѣчь и, въ заключеніе, предлагалъ тезисы для спора. Магистры по порядку возражали на эти тезисы аргументами въ силлогистической формѣ и давали контръ-тезисы; это называлось — arguere (возражать). Бакалавры, при помощи магистровъ, разрѣшали это столкновеніе мнѣній новыми рядами силлогизмовъ; это значило—respondere (отвѣчать). Иногда, кромѣ того, устраивались диспуты между студентами, подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ бакалавровъ. Всѣ эти диспуты, при тогдашней скудости въ средствахъ просвѣщенія, при маломъ числѣ книгъ и новыхъ сочиненій, были незамѣнимымъ средствомъ провѣрять и пускать въ обращеніе новые научные взгляды и идеи; здѣсь сталкивались и выяснялись самыя разнообразныя убѣжденія, возбуждались и подготовлялись новыя точки зрѣнія на вещи... Съ другой стороны, диспуты были своего рода спортомъ: прибѣгали къ самымъ коварнымъ уловкамъ, изобрѣтали самые неожиданные силлогизмы, лишь бы разбить, запутать противника. Иногда страсти разгорались слишкомъ сильно, такъ что на диспутахъ, напр., реалистовъ съ номиналистами, приходилось отдѣлять барьеромъ каѳедры главныхъ бой-

цовъ, такъ какъ безъ этого ученый турниръ могъ бы обратиться въ кулачный бой.

До какой степени на этихъ диспутахъ изощрялись умы и оттачивалась логика, можно видѣть изъ слѣдующаго преданія. Въ 1304 г. пришелъ изъ Оксфорда въ Парижъ францисканецъ Дунсъ Скотъ, знаменитый противникъ Ѳомы Аквинскаго, и защищалъ здѣсь на большомъ диспутѣ одно богословское положеніе. Противъ него были выставлены очень сильные аргументы, притомъ—въ числѣ около 200. Внимательно и спокойно выслушалъ онъ ихъ безъ перерыва, потомъ повторилъ на память всѣ по порядку и разрѣшилъ самыя невѣроятныя трудности, распуталъ самые замысловатые силлогизмы „такъ же легко, какъ Самсонъ разорвалъ узы филистимлянъ", говоритъ одинъ современникъ. Университетъ былъ пораженъ тонкостью его мысли и силою его доказательствъ и въ знакъ особаго отличія почтилъ его прозваніемъ „doctor subtilis" (тонкій, утонченный ученый).

Вся эта научная и преподавательская дѣятельность совершалась на латинскомъ языкѣ, общемъ въ средніе вѣка для ученыхъ всѣхъ западно-европейскихъ націй. Но это былъ совсѣмъ особый языкъ,—отнюдь не классическій стиль Цицерона, Ливія, Вергилія и другихъ римскихъ авторовъ. Большая часть матеріала была, правда, взята изъ древне-латинскаго, но изъ этого матеріала было выстроено совсѣмъ новое зданіе, созданъ новый, живой языкъ. Языкъ Цицерона былъ, можетъ быть, болѣе изященъ, но онъ вовсе не годился средневѣковымъ магистрамъ ни тогда, когда они въ коллегіяхъ и бурсахъ разсуждали о своихъ личныхъ дѣлахъ, ни тогда, когда они излагали тонкія логическія различенія. Отъ долгаго употребленія средневѣковая латынь совершенно приспособилась къ идеямъ и обстановкѣ своей эпохи: форма стала вполнѣ соотвѣтствовать содержанію. Эта латынь стала новымъ, живымъ языкомъ, чего отнюдь нельзя сказать, напримѣръ, о латыни гуманистовъ, у которыхъ новое содержаніе часто не укладывалось въ чуждую ему „цицероновскую" форму. Какъ и всякій живой языкъ, средневѣковую латынь изучали на практикѣ, посредствомъ разговора.

Нѣмецкіе университеты.

Число университетовъ быстро росло въ XIV и XV вѣкахъ, особенно въ Германіи, гдѣ передъ реформаціей считалось уже 20 университетовъ; общее же число ихъ въ Западной Европѣ было къ этому времени 65 (во Франціи—16, въ Италіи—15, въ Испаніи—6, въ Англіи—5 и по 1 въ Португаліи, Швеціи и Даніи).

Германскіе университеты въ общемъ моложе прочихъ: первый

изъ нихъ — Пражскій — основанъ въ 1346 г. императоромъ Карломъ IV — при двухъ профессорахъ теологіи, трехъ—философіи и свободныхъ искусствъ (artes) и по одному для каноническаго, для гражданскаго права и для медицины. Университетъ состоялъ изъ четырехъ націй: чешской, баварской, польской и саксонской, прокураторы которыхъ, какъ обычно, выбирали ректора. Въ общемъ, уставы Пражскаго и большей части остальныхъ германскихъ университетовъ списаны съ парижскихъ; лишь позже—Тюбингенскій, Виттенбергскій и Гельмштедтскій получили организацію по образцу Болонскаго. Мѣсто коллегій при германскихъ университетахъ занимали „бурсы", т. е. пансіоны для студентовъ въ семьяхъ нѣкоторыхъ изъ магистровъ, которымъ факультеты въ видѣ отличія давали право держать бурсаковъ. Эти магистры, „ректоры" своихъ бурсъ, слѣдили за посѣщеніемъ студентами лекцій, повторяли съ ними изучаемые предметы, вели за обѣдомъ или послѣ него диспуты по-латыни и наблюдали, чтобы бурсаки и между собою говорили на этомъ языкѣ. Бурсаки платили своему хозяину, большею частью, по одному грошу въ недѣлю, не считая особыхъ подарковъ въ извѣстные сроки; за повтореніе лекцій полагалась особая плата.

Замкнутая организація, корпоративный строй, независимое положеніе между свѣтской и духовной властью—все это ставило университеты очень высоко въ глазахъ современниковъ, обусловливало ихъ силу и общественное значеніе. Университеты были очагами научнаго движенія: здѣсь билась свободная мысль, здѣсь жило идейное творчество—двигатель и основа какъ частной, такъ и общественной жизни. Потому-то университеты и оказались однимъ изъ самыхъ жизненныхъ явленій среднихъ вѣковъ, — и изъ бурь „возрожденія" и реформаціи вышли преобразованными, укрѣпленными и способными къ плодотворному развитію въ будущемъ.

В. Ивановскій.

XLIV.

Рыцарство.

I. Рыцарская поэзія.

Кантилены. Рыцарство было не столько учрежденіемъ, сколько идеаломъ для всего военнаго сословія среднихъ вѣковъ. Поэтому не въ лѣтописяхъ, а въ народной эпической поэзіи ярче всего запечатлѣлись образы этого времени. Еще во времена Тацита воспѣвали германцы родоначальниковъ своего племени, а Карлъ Великій даже велѣлъ записывать древнѣйшія варварскія былины о войнахъ и дѣяніяхъ предковъ. Но съ принятіемъ христіанства германская эпическая поэзія стала проникаться христіанскимъ духомъ. Во Франціи былинамъ о поколѣніяхъ героевъ (Chansons de geste) предшествовали небольшія кантилены, посвященныя отдѣльнымъ лицамъ и событіямъ. Такова, напр., кантилена VII в. о св. Фаронѣ, которую сохранилъ въ житіи святого Гельгарій, епископъ города Мо при Карлѣ Лысомъ. Эта кантилена похожа на духовный стихъ и разсказываетъ объ обращеніи саксонскихъ пословъ въ христіанство. Самое событіе случилось около 620 г. Клотаръ II принималъ въ Мо пословъ Бертоальда, короля саксонскаго. Послы принесли вызовъ Клотару отъ имени короля и всего своего племени и возвѣщали, что саксы съ своимъ государемъ придутъ взять у

Источники: *Gautier*, La Chevalerie; *Schultz*, Das Höfische Leben zur Zeit der Minnesinger; *Gautier*, Les Epopées françaises; *Weinhold*, Die Deutschen Frauen in dem Mittelalter; *Keroyn de Lettenhove*, Étude sur la vie de Froissart; *Köhler*, Die Entwickelung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit.

Клотара его землю, которая принадлежитъ будто бы имъ. Клотаръ разгнѣвался и велѣлъ бросить пословъ въ тюрьму; онъ сгоряча назначилъ даже на слѣдующій день ихъ казнь. Дружинники (leudes) короля тщетно пытаются сопротивляться этому нарушенію международныхъ обычаевъ. Тогда Фаронъ, не будучи еще даже посвященъ въ духовный чинъ, идетъ въ тюрьму къ несчастнымъ посламъ. Онъ былъ молодъ, владѣлъ даромъ слова и ревностно трудился надъ обращеніемъ язычниковъ. Изложивъ саксамъ все ученіе католической церкви, Фаронъ склонилъ ихъ принять крещеніе, которое должно было спасти сразу и отъ смерти вѣчной и отъ казни земной. На другой день, когда Клотаръ думалъ было привести въ исполненіе казнь, Фаронъ поднялся и сказалъ, что кто-то ночью успѣлъ крестить заключенныхъ: онъ самъ видѣлъ ихъ въ бѣлыхъ одеждахъ новообращенныхъ. Король былъ тронутъ, простилъ крестившихся пословъ, но предпринялъ походъ противъ саксовъ-язычниковъ и избилъ множество. По словамъ Гельгарія, побѣда Клотара надъ саксами была разсказана въ народной пѣснѣ (rustico carmine), которую пѣвали женщины, собравшись въ кружокъ и хлопая въ ладоши. Гельгарій приводитъ отрывки кантилены на латинскомъ языкѣ, но, вѣроятно, она пѣлась на романскомъ, потому что при Меровингахъ въ Бретани преобладало кельтическое вліяніе, въ Австразіи—нѣмецкое, а въ остальной Франціи—романское. Личность Карла В. дала неистощимый матеріалъ для поэзіи, и романскія кантилены становятся съ этого времени очень распространенными. Но всѣ эти кантилены поются еще не пѣвцами по ремеслу (жонглерами), какъ Chansons de geste, а живутъ въ устахъ всего народа. Слѣды собственно героическихъ эпопей начинаются во Франціи съ X в., а для XI в. ихъ существованіе уже несомнѣнно. Но нельзя сказать, чтобы первыя Chansons de geste произошли путемъ сшиванія отдѣльныхъ кантиленъ. Эпопеи возникали прямо изъ преданій, хотя, можетъ быть, внушены онѣ кантиленами. Если историческое событіе поразитъ народъ, тогда легенда овладѣваетъ имъ, а при переложеніи легенды въ поэтическое произведеніе надъ легендой, связанной еще преданіемъ, беретъ уже верхъ свободная фантазія. Такъ и возникли главные циклы французской эпической поэзіи — Chansons de geste о Карлѣ В., о Гильомѣ д'Оранжъ и Рено де-Монтобанъ. Къ этимъ тремъ крупнымъ цикламъ примыкаютъ уже провинціальные—„Лотарингцы" (Lorrains) въ Австразіи, Рауль де-Камбрэ въ Вермандуа и т. д. Послѣдній кругъ эпопей сложился вокругъ Крестовыхъ походовъ. Однако, кантилены не

были убиты эпопеями: онѣ съ своей стороны превратились въ маленькія былины духовнаго содержанія, въ духовный стихъ, въ родѣ, напр., Житія Алексѣя Божьяго человѣка, возникшаго въ Нормандіи въ XI вѣкѣ; такіе стихи пѣлись затѣмъ слѣпцами подъ звуки ихъ „лиры“ (vielle à roue).

Пѣвцы. Расцвѣтъ эпическаго творчества во Франціи относится къ періоду съ XI в. до восшествія Валуа на престолъ, т. е. до 1328 г. Авторами эпопей бывали чаще всего свѣтскіе люди, которые на сѣверѣ Франціи назывались труверами (trouvères), а на югѣ, гдѣ ихъ было гораздо меньше, трубадурами. Но этихъ эпическихъ поэтовъ не надо смѣшивать съ труверами лирическими, въ родѣ Бернара де-Вантадуръ или Бертрана де-Борнъ. Поэты-лирики не пользовались расположеніемъ церкви: они прославляли любовь, вели безнравственный образъ жизни, отдавая дань всякимъ увлеченіямъ, и оканчивали жизнь въ раскаяніи гдѣ-нибудь въ монастырѣ. Но въ рукописи XIII в., которая служила руководствомъ для исповѣди, церковь позволяетъ исповѣдникамъ относиться снисходительно къ эпическимъ поэтамъ: „есть другіе пѣвцы, которые зовутся жонглерами и поютъ дѣла князей и житія святыхъ на утѣшеніе людей; ихъ можно терпѣть, какъ сказалъ папа Александръ“. Есть эпопеи, связанныя съ именами опредѣленныхъ поэтовъ; напр., былина о Раулѣ де-Камбрэ принадлежала пѣвцу Бертолэ изъ Леона. Но вся масса французской эпической поэзіи относится къ области безыменнаго творчества. Изъ сотни слишкомъ былинъ развѣ только 19 дошли съ именами поэтовъ. Первые труверы вдохновлялись преданіями, но послѣдующіе перерабатывали и увеличивали уже поэмы своихъ предшественниковъ. Послѣднее поколѣніе труверовъ иногда совершенно отрѣшается отъ преданій и создаетъ героевъ и ихъ подвиги исключительно силою фантазіи. Иногда труверъ самъ пѣлъ свою эпопею, тщательно скрывая ее отъ другихъ, а иногда онъ давалъ возможность и право пѣть ее какому-нибудь жонглеру, пѣвцу по ремеслу. Древнѣйшія рукописи дошедшихъ до насъ пѣсенъ относятся уже къ XII в. Это объясняется тѣмъ, что часто пѣсни разучивались наизусть и хранились только въ памяти жонглера. Древнѣйшія рукописи предназначены какъ разъ для жонглеровъ: онѣ маленькаго формата, такъ что ихъ легко брать съ собой въ дорогу, и заключаютъ въ себѣ по одной пѣснѣ. Съ XIII в. число читателей растетъ, и тогда начинаютъ переписывать сразу цѣлыя группы поэмъ.

Chansons de geste. Chansons de geste пишутся обыкновенно въ 10 или 12 сло-

говыхъ стихахъ, съ созвучіемъ послѣдней гласной (ассонансомъ) [1]), а риѳма появляется позднѣе. Напр., древняя былина о Роландѣ (Chanson de Roland), возникшая среди норманновъ въ Англіи послѣ побѣды Вильгельма Завоевателя при Гастингсѣ, написана стихомъ въ десять слоговъ, съ отдыхомъ послѣ 4-го слога и ассанансомъ послѣдней гласной (напр., lune—pasture и т. д.). Группа въ извѣстное число стиховъ образуетъ куплетъ или laisse. Иногда цѣлый куплетъ въ 13 строкъ оканчивается на 13 *e*, а слѣдующій—на 13 *a* (напр., merveiller, vielez, и т. д.; grant, blancs, anz и т. д.). Въ сущности, это строфы-синонимы, т. е. обѣ строфы разсказываютъ почти то же самое, но содержаніе это въ каждой строфѣ выражено по-своему. Chansons de geste значитъ въ сущности „пѣсни о поколѣніяхъ героевъ". Первоначально geste (отъ латинскаго gesta) былъ вообще разсказомъ о событіяхъ, т. е. синонимомъ для анналъ и хроникъ. Но въ самыхъ былинахъ geste означаетъ уже семью, поколѣніе героевъ, потому что сначала циклъ эпопей создавался вокругъ событія, но позднѣе онъ разростался по генеалогіи. Поэты любили отъ сына восходить къ отцу, дѣду и наоборотъ: отъ Гильома д'Оранжъ восходили къ его отцу Эмери де-Нарбоннъ, затѣмъ дѣду Гаренъ де-Монгланъ и т. д. Благодаря этому маленькія эпопеи поглощались большими, и все сводилось въ сущности къ тремъ поколѣніямъ — Карла В., Гарена и Доове де-Майансъ. Къ поколѣнію Карла В. (Geste du Roi) относятся былины о Роландѣ и походъ въ Испанію; циклъ Доона образуется изъ былинъ Рено де-Монтобанъ, Ожье де-Данемаршъ и т. п. Къ XIII в. былины, благодаря вставкамъ, объединенію нѣсколькихъ въ одну и неоднократнымъ переработкамъ, уже достигаютъ 8—10 тысячъ стиховъ каждая. Въ XIV в. поэты переходятъ къ болѣе длинному стиху въ 12 слоговъ и доводятъ каждую эпопею до 20 тысячъ стиховъ. Позднѣе эти эпопеи начинаютъ перелагаться въ прозаическіе романы; въ этой формѣ онѣ распространяются, благодаря изобрѣтенію книгопечатанія, и, наконецъ, предаются забвенію въ XVII в.

Поучительно сравнить одну и ту же эпопею въ ея различныхъ формаціяхъ, напр., былину о датчанинѣ Ожье (Ogier le Danois). Возьмите старую поэму, написанную Рэмберомъ Парижскимъ (Raimbert de Paris): все сжато, психологически правдиво, энергично.

---

[1]) Въ былинахъ ассонансъ составляютъ: passages, vasselage, rage, Danemarche; chevalchet, guardet, facet и т. п.

Карлъ В. посылаетъ пословъ къ Гофруа, герцогу Даніи. Но Гофруа не боится императора, передъ которымъ склоняются другіе, и отсылаетъ пословъ назадъ, обрѣзавъ имъ волосы и бороду. Карлъ негодуетъ и хочетъ отомстить. При его дворѣ живетъ заложникомъ сынъ герцога — молодой Ожье, и вотъ императоръ осуждаетъ на казнь юношу, дрожащаго передъ смертью. Но какъ разъ въ это время приходятъ вѣсти изъ Италіи: сарацины угрожаютъ Риму. Императоръ принужденъ отсрочить казнь Ожье, и эта отсрочка даетъ датчанину возможность совершить свои подвиги. Возьмите теперь другую редакцію. Король жонглеровъ Аденэ переложилъ на „хорошій французскій языкъ" первую часть поэмы Рэмбера: стихъ изящнѣе, но внутренней правды меньше, больше растянутости. Здѣсь Карлъ склоняется на просьбы дяди Ожье о помилованіи, но Ожье самъ не трепещетъ: Аденэ боялся обезчестить рыцаря человѣческимъ чувствомъ. Въ третьей редакціи XIV в. Ожье говоритъ уже безъ конца, какъ адвокатъ, бароны толкуютъ Карлу о соображеніяхъ государственнаго разума, и слушателю остается только зѣвать.

Жонглеры. Пѣлись эпопеи чаще всего пѣвцами по ремеслу, которые назывались жонглерами (joculatores) или менестрелями [1]). Древнѣйшіе жонглеры и chansons de geste встрѣчаются во Франціи, откуда этотъ типъ пѣвцовъ и пѣсенъ распространился уже въ Испанію и Англію. Бывали жонглеры, которые соединяли съ умѣньемъ пѣть шансонъ де-жестъ еще искусства акробатовъ и музыкантовъ. Это видно изъ поэмъ, посвященныхъ жизни жонглеровъ. Такова, напр., южная поэма Дорель и Ветонъ конца XII в.; она мало оригинальна, подражаетъ героическому эпосу, но въ ней есть любопытныя бытовыя черты. Вотъ ея содержаніе: измѣнникъ убиваетъ своего товарища по оружію и, чтобы овладѣть его леномъ, хочетъ убить и его наслѣдника-сына. Но жонглеръ Дорель выдаетъ своего ребенка за сына своего сеньёра и тайно воспитываетъ юношу (дамуазо). Этотъ Дорель, вѣроятно, прежде всего пѣвецъ шансонъ де-жестъ, но онъ играетъ на скрипкѣ, на арфѣ, поетъ любовныя лирическія пѣсни, самъ сочиняетъ (trouve) и въ то же время можетъ дѣлать прыжки акробата. Другая поэма принадлежитъ сѣверу Франціи —

---

[1]) Слово „menestrel"—уменьшительное отъ minister, т. е. министеріалъ, или человѣкъ незнатнаго происхожденія, служащій барону. Одинъ изъ этихъ слугъ долженъ былъ забавлять господина игрой на музыкальныхъ инструментахъ и пѣніемъ; его уменьшительное названіе стало синонимомъ для имени жонглера.

говыхъ стихахъ, съ созвучіемъ послѣдней гласной (ассонансомъ) [1]), а риѳма появляется позднѣе. Напр., древняя былина о Роландѣ (Chanson de Roland), возникшая среди норманновъ въ Англіи послѣ побѣды Вильгельма Завоевателя при Гастингсѣ, написана стихомъ въ десять слоговъ, съ отдыхомъ послѣ 4-го слога и ассанансомъ послѣдней гласной (напр., lune—pasture и т. д.). Группа въ извѣстное число стиховъ образуетъ куплетъ или laisse. Иногда цѣлый куплетъ въ 13 строкъ оканчивается на 13 *e*, а слѣдующій—на 13 *a* (напр., merveiller, vielez, и т. д.; grant, blancs, anz и т. д.). Въ сущности, это строфы-синонимы, т. е. обѣ строфы разсказываютъ почти то же самое, но содержаніе это въ каждой строфѣ выражено по-своему. Chansons de geste значитъ въ сущности „пѣсни о поколѣніяхъ героевъ“. Первоначально geste (отъ латинскаго gesta) былъ вообще разсказомъ о событіяхъ, т. е. синонимомъ для анналъ и хроникъ. Но въ самыхъ былинахъ geste означаетъ уже семью, поколѣніе героевъ, потому что сначала циклъ эпопей создавался вокругъ событія, но позднѣе онъ разростался по генеалогіи. Поэты любили отъ сына восходить къ отцу, дѣду и наоборотъ: отъ Гильома д'Оранжъ восходили къ его отцу Эмери де-Нарбоннъ, затѣмъ дѣду Гаренъ де-Монгланъ и т. д. Благодаря этому маленькія эпопеи поглощались большими, и все сводилось въ сущности къ тремъ поколѣніямъ — Карла В., Гарена и Доове де-Майансъ. Къ поколѣнію Карла В. (Geste du Roi) относятся былины о Роландѣ и походъ въ Испанію; циклъ Доона образуется изъ былинъ Рено де-Монтобанъ, Ожье де-Данемаршъ и т. п. Къ XIII в. былины, благодаря вставкамъ, объединенію нѣсколькихъ въ одну и неоднократнымъ переработкамъ, уже достигаютъ 8—10 тысячъ стиховъ каждая. Въ XIV в. поэты переходятъ къ болѣе длинному стиху въ 12 слоговъ и доводятъ каждую эпопею до 20 тысячъ стиховъ. Позднѣе эти эпопеи начинаютъ перелагаться въ прозаическіе романы; въ этой формѣ онѣ распространяются, благодаря изобрѣтенію книгопечатанія, и, наконецъ, предаются забвенію въ XVII в.

Поучительно сравнить одну и ту же эпопею въ ея различныхъ формаціяхъ, напр., былину о датчанинѣ Ожье (Ogier le Danois). Возьмите старую поэму, написанную Рэмберомъ Парижскимъ (Raimbert de Paris): все сжато, психологически правдиво, энергично.

[1]) Въ былинахъ ассонансъ составляютъ: passages, vasselage, rage, Danemarche; chevalchet, guardet, facet и т. п.

щія: бакалавръ, лиценціатъ и магистръ или докторъ. Бакалаврами (латинизированное bachelier, т. е. bas chevalier, молодой рыцарь) „артистическаго“ факультета дѣлались студенты, сдавшіе экзаменъ изъ формальнаго отдѣла философіи: грамматики, діалектики, реторики и элементовъ математики и астрономіи; тогда они должны были выдержать нѣсколько диспутовъ (въ Вѣнѣ—10) и получали искомую степень. Медики производились въ бакалавры послѣ двухъ лѣтъ занятій медициной, если они были magistri in artibus; если же нѣтъ, то черезъ три года и т. д. Бакалавры назначались магистрами для занятій съ младшими студентами и имѣли право носить круглую шляпу безъ полей, какъ отличительный знакъ своего званія. Въ лиценціаты производились бакалавры послѣ нѣсколькихъ лѣтъ занятій и соотвѣтствующихъ испытаній. Такъ, въ Вѣнѣ, напр., на теологическомъ факультетѣ бакалавръ обязанъ былъ прочесть библейскій курсъ, потомъ пробыть годъ или два сентенціаріемъ (т. е. объяснять „Liber sententiarum“ Петра Ломбарда), затѣмъ три года упражняться при университетѣ въ диспутахъ и проповѣдяхъ, и тогда уже только онъ допускался къ испытаніямъ. Лиценціатъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія и особаго экзамена (на артистическомъ факультетѣ—изъ реальныхъ наукъ квадривіума), получалъ степень магистра. Магистры и доктора теологіи титуловались обыкновенно „magistri nostri“.

Дарованіе степени магистра (или доктора) совершалось очень торжественно. Магистрантъ (или докторантъ), т. е. выдержавшій соотвѣтствующій степени экзаменъ, долженъ былъ сказать рѣчь въ соборѣ, прочесть лекцію и выдержать диспутъ; если диспутъ проходилъ удачно, то канцлеръ приводилъ диспутанта къ присягѣ и провозглашалъ его удостоеннымъ искомой степени. Всѣ присутствовавшіе на диспутѣ магистры цѣловали новаго члена своей корпораціи, въ знакъ принятія въ нее, и вручали ему знаки его достоинства: книгу, какъ символъ науки, кольцо и докторскую шляпу (широкополый беретъ), а затѣмъ возводили его на каѳедру; тѣмъ и кончалась церемонія.

Лекціи и диспуты. Преподавательская дѣятельность магистровъ состояла изъ lectio и disputatio. Lectio (чтеніе) состояло изъ объясненія текстовъ св. Писанія или какого-либо автора; тексты должны были быть въ рукахъ у слушателей, по крайней мѣрѣ, одинъ на троихъ. Вотъ мнемоническая формула для процедуры объясненія юридическаго текста, чрезвычайно хорошо передающая въ латинскомъ дистихѣ духъ тогдашняго преподаванія:

Praemitto, scindo, summo, casumque figuro,
Perlego, do causas, connoto, obicio,—

т. е. объясняю термины и даю общую характеристику мѣстамъ, откуда взятъ текстъ (praemitto); дѣлю его на части (scindo); резюмирую его содержаніе (summo); привожу (дѣйствительный или воображаемый) случай приложенія данной юридической нормы (casum figuro); читаю текстъ (perlego); излагаю причины для пониманія его въ данномъ смыслѣ (do causas); объясняю его побочными и ограничивающими его положеніями и общими соображеніями (connoto); наконецъ, излагаю и обсуждаю возраженія (obicio)..."

Чтеніе лекцій продолжалось обыкновенно съ 19—20 октября до 7-го сентября; это время и составляло учебный годъ, а сентябрь и октябрь продолжались „большія вакаціи". Кромѣ того, отъ занятій были свободны: двѣ недѣли на Пасхѣ, 11 дней на Святкахъ и четверги на тѣхъ недѣляхъ, въ срединѣ которыхъ не было праздниковъ.

Диспутированіе (disputatio) дополняло лекціи; цѣлью его было изощреніе ума на рѣшеніи частныхъ вопросовъ, на приложеніи общихъ положеній къ отдѣльнымъ случаямъ. Диспуты устраивались обыкновенно по субботамъ; въ большую залу собирался весь факультетъ—и студенты и магистры. Кто-нибудь изъ магистровъ говорилъ вступительную рѣчь и, въ заключеніе, предлагалъ тезисы для спора. Магистры по порядку возражали на эти тезисы аргументами въ силлогистической формѣ и давали контръ-тезисы; это называлось — arguere (возражать). Бакалавры, при помощи магистровъ, разрѣшали это столкновеніе мнѣній новыми рядами силлогизмовъ; это значило—respondere (отвѣчать). Иногда, кромѣ того, устраивались диспуты между студентами, подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ бакалавровъ. Всѣ эти диспуты, при тогдашней скудости въ средствахъ просвѣщенія, при маломъ числѣ книгъ и новыхъ сочиненій, были незамѣнимымъ средствомъ провѣрять и пускать въ обращеніе новые научные взгляды и идеи; здѣсь сталкивались и выяснялись самыя разнообразныя убѣжденія, возбуждались и подготовлялись новыя точки зрѣнія на вещи... Съ другой стороны, диспуты были своего рода спортомъ: прибѣгали къ самымъ коварнымъ уловкамъ, изобрѣтали самые неожиданные силлогизмы, лишь бы разбить, запутать противника. Иногда страсти разгорались слишкомъ сильно, такъ что на диспутахъ, напр., реалистовъ съ номиналистами, приходилось отдѣлять барьеромъ каѳедры главныхъ бой-

цовъ, такъ какъ безъ этого ученый турниръ могъ бы обратиться въ кулачный бой.

До какой степени на этихъ диспутахъ изощрялись умы и оттачивалась логика, можно видѣть изъ слѣдующаго преданія. Въ 1304 г. пришелъ изъ Оксфорда въ Парижъ францисканецъ Дунсъ Скотъ, знаменитый противникъ Ѳомы Аквинскаго, и защищалъ здѣсь на большомъ диспутѣ одно богословское положеніе. Противъ него были выставлены очень сильные аргументы, притомъ—въ числѣ около 200. Внимательно и спокойно выслушалъ онъ ихъ безъ перерыва, потомъ повторилъ на память всѣ по порядку и разрѣшилъ самыя невѣроятныя трудности, распуталъ самые замысловатые силлогизмы „такъ же легко, какъ Самсонъ разорвалъ узы филистимлянъ", говоритъ одинъ современникъ. Университетъ былъ пораженъ тонкостью его мысли и силою его доказательствъ и въ знакъ особаго отличія почтилъ его прозваніемъ „doctor subtilis" (тонкій, утонченный ученый).

Вся эта научная и преподавательская дѣятельность совершалась на латинскомъ языкѣ, общемъ въ средніе вѣка для ученыхъ всѣхъ западно-европейскихъ націй. Но это былъ совсѣмъ особый языкъ,—отнюдь не классическій стиль Цицерона, Ливія, Вергилія и другихъ римскихъ авторовъ. Большая часть матеріала была, правда, взята изъ древне-латинскаго, но изъ этого матеріала было выстроено совсѣмъ новое зданіе, созданъ новый, живой языкъ. Языкъ Цицерона былъ, можетъ быть, болѣе изященъ, но онъ вовсе не годился средневѣковымъ магистрамъ ни тогда, когда они въ коллегіяхъ и бурсахъ разсуждали о своихъ личныхъ дѣлахъ, ни тогда, когда они излагали тонкія логическія различенія. Отъ долгаго употребленія средневѣковая латынь совершенно приспособилась къ идеямъ и обстановкѣ своей эпохи: форма стала вполнѣ соотвѣтствовать содержанію. Эта латынь стала новымъ, живымъ языкомъ, чего отнюдь нельзя сказать, напримѣръ, о латыни гуманистовъ, у которыхъ новое содержаніе часто не укладывалось въ чуждую ему „цицероновскую" форму. Какъ и всякій живой языкъ, средневѣковую латынь изучали на практикѣ, посредствомъ разговора.

Нѣмецкіе университеты.

Число университетовъ быстро росло въ XIV и XV вѣкахъ, особенно въ Германіи, гдѣ передъ реформаціей считалось уже 20 университетовъ; общее же число ихъ въ Западной Европѣ было къ этому времени 65 (во Франціи—16, въ Италіи—15, въ Испаніи—6, въ Англіи—5 и по 1 въ Португаліи, Швеціи и Даніи).

Германскіе университеты въ общемъ моложе прочихъ: первый

изъ нихъ — Пражскій — основанъ въ 1346 г. императоромъ Карломъ IV — при двухъ профессорахъ теологіи, трехъ—философіи и свободныхъ искусствъ (artes) и по одному для каноническаго, для гражданскаго права и для медицины. Университетъ состоялъ изъ четырехъ націй: чешской, баварской, польской и саксонской, прокураторы которыхъ, какъ обычно, выбирали ректора. Въ общемъ, уставы Пражскаго и большей части остальныхъ германскихъ университетовъ списаны съ парижскихъ; лишь позже—Тюбингенскій, Виттенбергскій и Гельмштедтскій получили организацію по образцу Болонскаго. Мѣсто коллегій при германскихъ университетахъ занимали „бурсы", т. е. пансіоны для студентовъ въ семьяхъ нѣкоторыхъ изъ магистровъ, которымъ факультеты въ видѣ отличія давали право держать бурсаковъ. Эти магистры, „ректоры" своихъ бурсъ, слѣдили за посѣщеніемъ студентами лекцій, повторяли съ ними изучаемые предметы, вели за обѣдомъ или послѣ него диспуты по-латыни и наблюдали, чтобы бурсаки и между собою говорили на этомъ языкѣ. Бурсаки платили своему хозяину, большею частью, по одному грошу въ недѣлю, не считая особыхъ подарковъ въ извѣстные сроки; за повтореніе лекцій полагалась особая плата.

Замкнутая организація, корпоративный строй, независимое положеніе между свѣтской и духовной властью—все это ставило университеты очень высоко въ глазахъ современниковъ, обусловливало ихъ силу и общественное значеніе. Университеты были очагами научнаго движенія: здѣсь билась свободная мысль, здѣсь жило идейное творчество—двигатель и основа какъ частной, такъ и общественной жизни. Потому-то университеты и оказались однимъ изъ самыхъ жизненныхъ явленій среднихъ вѣковъ, — и изъ бурь „возрожденія" и реформаціи вышли преобразованными, укрѣпленными и способными къ плодотворному развитію въ будущемъ.

В. Ивановскій.

цій IX и X вв., рисуютъ тѣхъ дикихъ феодаловъ, которыхъ воспитать взялась церковь. Рауль де-Камбрэ, герой старой поэмы, самый страшный, самый необузданный представитель этого типа: онъ готовъ бросить вызовъ самому Господу. Вотъ онъ однажды врывается въ предѣлы Вермандуа вопреки всѣмъ правамъ законныхъ наслѣдниковъ. Онъ грабитъ, жжетъ, убиваетъ; всюду онъ жестокъ, безжалостенъ, ужасенъ; въ особенности въ мѣстечкѣ Ориньи является онъ во всемъ блескѣ своей свирѣпости: „Раскинуть мою палатку посреди церкви", приказываетъ Рауль: „устроить мнѣ ложе передъ престоломъ, посадить моихъ соколовъ на золотое распятіе!" Церковь эта принадлежитъ къ женскому монастырю. Что ему за дѣло до этого? Онъ сожигаетъ монастырь, сожигаетъ церковь, сожигаетъ монахинь. Среди монахинь находится мать Бернье, его вѣрнаго вассала, его преданнѣйшаго товарища, его друга, почти брата: онъ сожигаетъ и ее. Пламя еще трещитъ, Рауль, несмотря на постный день, садится на самомъ мѣстѣ своихъ дикихъ подвиговъ за пиръ съ руками, замаранными кровью, съ надменнымъ челомъ, бросающимъ вызовъ небу. Средневѣковому дикарю Раулю не уступаетъ въ жестокости и Ожье (Ogier), другой герой эпопей. Сынъ Ожье былъ убитъ сыномъ Карла В., имя которому въ преданіи Шарлò. Ожье только и думаетъ о мести, и соглашается спасти христіанскій міръ отъ сарацинъ-завоевателей единственно подъ условіемъ, чтобы ему выдали Шарло: онъ хочетъ убить его и радуется этому заранѣе. Напрасно Шарло унижается передъ этимъ дикаремъ и на колѣняхъ пытается тронуть его силой своего раскаянія; напрасно самъ императоръ шлетъ къ Господу горячія молитвы; напрасно старый Нэмъ вызывается служить Ожье въ теченіе всей своей жизни и умоляетъ датчанина „вспомнить о томъ Богѣ, который родился въ Виѳлеемѣ отъ Дѣвы". Всѣ жертвы, всѣ мольбы—безполезны. Неумолимый Ожье кладетъ свою тяжелую руку на голову юноши и другой рукой держитъ надъ Шарло мечъ, страшный мечъ Куртэнъ. Таковы же и другіе герои французскихъ эпопей. Раскройте наудачу „Лотарингцевъ" и читайте: „Бегъ (Begue) наноситъ Изорэ ударъ по черному шлему, перерубаетъ золотой ободъ, проламываетъ черепъ и расщепляетъ его надвое до самыхъ челюстей. Затѣмъ онъ вонзаетъ ему въ тѣло свой мечъ Фламбержъ съ головкой изъ чистаго золота, вырываетъ обѣими руками сердце изъ груди и еще теплое бросаетъ его въ голову Гильому: „Держите", кричитъ онъ: „вотъ сердце вашего кузена. Вы можете его посолить или зажарить!" Еще одинъ шагъ, и онъ, кажется, дойдетъ

до людоѣдства. Таковъ былъ матеріалъ, изъ котораго церковь рѣшилась образовать рыцарство. Эти герои дѣйствовали, какъ стихійная сила, какъ ураганъ, не знающій сожалѣнія. Рыцарь въ законченномъ, совершенномъ, лучезарномъ образѣ является передъ нами уже въ древнѣйшей редакціи пѣсни о Роландѣ (которая возникла, вѣроятно, между 1066 и 1095 гг.). Какой длинный путь, какая упорная школа отъ Рауля до Роланда, и кончая Жирардомъ де-Руссильонъ, который однажды падаетъ къ ногамъ стараго священника и искупаетъ затѣмъ свою прежнюю гордость 22 годами покаянія. „Дайте смыслъ вашей удали", говорила церковь феодаламъ. И вотъ возникла первая рыцарская доблесть — „мужество" (prouesse); къ ней присоединились одна за другой „лояльность" (loyauté), „щедрость" (largesse), „разумность" (le sens въ смыслѣ умѣренности), наконецъ, та утонченная общительность рыцаря, которая называлась „courtoisie"; все увѣнчивалось „честью" (honneur). Но всѣ эти доблести вѣнкомъ располагались вокругъ одной центральной: когда рыцари бывали у обѣдни, то передъ началомъ чтенія Евангелія они молча вынимали мечи изъ ноженъ и держали ихъ обнаженными до конца чтенія; это какъ бы значило: „если понадобится защищать Евангеліе, то мы тутъ". Въ этомъ весь духъ рыцарства.

3. Заповѣди рыцарства.

Христіане и безбожники.

Въ 1330 г. Гильомъ, графъ д'Остреванъ, получилъ, какъ рыцарь, слѣдующія наставленія отъ епископа города Камбрэ: ежедневно слушать натощакъ обѣдню; если нужно, то умереть за вѣру; покровительствовать вдовамъ и сиротамъ; не начинать войны безъ причины; не поддерживать несправедливаго дѣла, но защищать невинно угнетенныхъ; во всѣхъ дѣлахъ соблюдать смиреніе; охранять имущество своихъ подданныхъ; не предпринимать ничего враждебнаго противъ своего сеньёра. Почти тѣ же самыя заповѣди рыцаря можно извлечь и изъ Chansons de geste, которыя въ сущности заключаютъ въ себѣ характеристику рыцарства XII в.; позднѣе романы „Круглаго Стола" распространили идеалъ рыцарства болѣе утонченнаго, но менѣе мужественнаго — рыцарства театральнаго.

Нельзя было стать рыцаремъ, не будучи христіаниномъ, не получивши крещенія: это первая заповѣдь рыцарства. Впрочемъ,

во французскомъ средневѣковомъ эпосѣ изрѣдка выводятся безбожники. Такъ, напр., дикій Рауль Камбрейскій впадаетъ иногда на мгновенія въ безбожіе. Въ древней былинѣ, сохранившей, можетъ быть, традицію X в., разсказанъ его поединокъ съ Эрно, графомъ де-Дуэ, у котораго Рауль убилъ племянника и погубилъ однажды двоихъ дѣтей. Въ этомъ поединкѣ Эрно воплощаетъ собою право, Рауль—силу. Бѣдному графу Дуэ не подъ силу долго бороться съ своимъ врагомъ: одинъ кулакъ у него отрубленъ, и онъ бѣжитъ по полю, исходя кровью и близкій къ смерти. Отъ его гордости не осталось и слѣда; онъ предчувствуетъ свою гибель и трогательно молитъ о пощадѣ: „я еще молодъ, мнѣ еще не хочется умирать (Juenes hom sui, ne vuel encor morir). Онъ готовъ сдѣлаться монахомъ и представить свою землю побѣдителю; но Рауля нельзя умилостивить, и самое слово „Богъ“ доводитъ его, какъ отверженнаго, до бѣшенства: „Я отрекаюсь отъ Бога“, кричитъ онъ: „я отрекаюсь“. „Если это такъ“ отвѣчаетъ тогда Эрно: „то ты для меня только бѣшеная собака; а ко мнѣ сама земля и травы прійдутъ на защиту, и Господь Славы, можетъ быть, сжалится надо мной“. И вотъ, дѣйствительно, умираетъ не Эрно, а свирѣпый Рауль. Въ послѣднюю минуту въ этомъ дикарѣ внезапно вспыхиваетъ вся горячая вѣра его дѣтства. „Богъ-Отецъ, сіяющій славой, всемірный Судія, и ты, кроткая Дѣва небесъ, прійдите ко мнѣ на помощь!“—таковы его послѣднія слова. Закоснѣлымъ безбожникомъ былъ Гомадрà (Gaumadras въ былинѣ „Garin de Montglane“); это типъ отверженнаго: когда имя Господа произносится передъ нимъ, онъ падаетъ вдругъ въ судоргахъ. Въ борьбѣ съ Гарэномъ на его сторонѣ демоны, съ которыми онъ заключилъ феодальный договоръ (hommage lige); онъ отдался имъ душой и тѣломъ и радуется этому. Когда приближается смертный часъ, онъ рѣшается умереть отступникомъ, сатаной, какъ и жилъ; его не убьютъ, онъ самъ убьетъ себя. Его смерть—это цѣлое зрѣлище. Онъ садится со своими на корабль и направляетъ его прямо на скалы; теченіе увлекаетъ роковой корабль къ гибели; несчастные спутники видятъ грозящую имъ опасность и въ ужасѣ обращаются съ мольбой къ Господу. „О нѣтъ, нѣтъ“, кричитъ имъ Гомадрà: „здѣсь нужно призывать дьявола!“ и убиваетъ ихъ, словно одержимый дьяволомъ. Затѣмъ, онъ осѣняетъ себя крестнымъ знаменемъ „наоборотъ“, слѣва направо, снизу вверхъ, и, стоя на кораблѣ, съ вызывающимъ челомъ, поднятымъ къ небу, непримиримый, наводящій ужасъ, безстрашно прислушивается къ удару корабля о

скалу; корабль разбивается и идетъ ко дну. „Сюда, демоны, сюда“, кричитъ Гомадрà: „я вашъ вассалъ, я предаюсь вамъ, я...“, но волна захлеснула ему кощунствующія уста и безбожникъ умираетъ. Такимъ же отступникомъ описываетъ эпосъ (былина „Doon de Maience“) измѣнника Гершамбò: „Да, я отрекаюсь отъ тебя“, кричитъ онъ: „отъ тебя и всѣхъ твоихъ милостей. Ни тебя, ни твоихъ, я васъ никогда не полюблю“. Такое отреченіе отъ Господа создаетъ, наконецъ, цѣлую секту, догму которой излагаетъ Гардрэ (въ „Amis et Amiles“): „Не смѣй служить Господу“, говоритъ онъ своему крестнику Алори: „и никогда не говори правды. Если встрѣтишь честнаго человѣка, обезчести его. Жги города, крѣпости, дома. Низвергай алтари, ломай распятія!“ Въ противоположность всѣмъ этимъ средневѣковымъ язычникамъ рыцарь и долженъ быть прежде всего глубоко вѣрующимъ христіаниномъ.

Исповѣдь имѣла важное значеніе въ рыцарской жизни: рыцарь исповѣдуется передъ судебнымъ поединкомъ, исповѣдуется, отправляясь въ далекое путешествіе, исповѣдуется передъ священникомъ, или, если не найдетъ священника, то передъ родственникомъ, передъ товарищемъ по оружію. Этого требуетъ, напр., Петръ Ломбардскій въ книгѣ, которая служила классическимъ руководствомъ для богослововъ среднихъ вѣковъ (Livre de sentences). Баярдъ передъ смертью за недостаткомъ священника исповѣдуется своему слугѣ. Рука объ руку съ рыцарской исповѣдью идетъ во французской поэзіи и символическое „рыцарское“ принятіе таинствъ— „пріобщеніе тремя былинками и тремя листиками“. Напр., въ „Лотарингцахъ“ Бегъ передъ смертью беретъ три листика травы, благословляетъ ихъ во имя Неба и пріобщается ими, какъ тѣломъ Христовымъ. Въ силу первой рыцарской заповѣди рыцарь обязанъ былъ умереть въ христіанской вѣрѣ,—умереть, если нужно, за вѣру. Въ одной мало извѣстной поэмѣ (Mort d'Aimeri de Narbonne) старый Эмери Нарбонскій, столѣтній старикъ безъ страха и упрека, по чувству долга отказывается повиноваться нехристямъ, которые взяли его въ плѣнъ, и не хочетъ преклониться передъ именемъ Магомета. Старца бьютъ прутьями шиповника и лозой, рвутъ заживо его мясо, воздвигаютъ ему костеръ, и несчастный слышитъ уже трескъ пламени, которое сожжетъ его. Но ничто не дѣйствуетъ: увидавъ на укрѣпленіяхъ города свою жену Эрменгартъ, которая въ слезахъ смотритъ на его страшную казнь, онъ кричитъ ей: „Оставьте меня умирать, но ради любви къ Господу, сыну Дѣвы Маріи, не сдавайте города“.

Охрана церкви.

Вторая заповѣдь рыцарства — охранять церковь — ясно выражена въ Римскомъ понтификалѣ, гдѣ описывается образъ посвященія въ рыцари. Церковь, вручая будущему рыцарю мечъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, говорила: „Пользуйся этимъ мечемъ для защиты себя и Св. Церкви Господа и для пораженія враговъ креста Христова и вѣры христіанской. Иди и помни, что святые завоевали царства не мечемъ, а вѣрой". Итакъ, для церкви рыцарство было вооруженной силой къ услугамъ безоружной Истины. Для средневѣковыхъ этиковъ христіанское человѣчество состояло изъ безчисленной толпы, слабаго народа, за который нужно молиться, который слѣдуетъ защищать. Надъ этой толпой возвышаются двѣ семьи, двѣ аристократіи, два общества свѣтлыхъ и могущественныхъ—клерики, которые должны молиться, и рыцари, которые должны охранять тѣхъ, кто молится, и тѣхъ, за кого молятся. Въ началѣ былины о „Лотарингцахъ" (Garin le Loherain) это ученіе излагаетъ арх. Реймскій: „Мы—клерики, и нашъ долгъ—служить Богу, которому мы молимся за вашихъ друзей. А вы, рыцари, не забывайте, что Богъ создалъ васъ для защиты церкви".

Защита слабыхъ.

Въ силу третьей заповѣди рыцарства — защищать слабыхъ — вдовы и сироты—подъ охраной церкви и рыцарей. Въ пѣснѣ „Charroi de Nimes" сынъ Карла В. цинично предлагаетъ графу Гильому дать ему лены кое-кого изъ умершихъ бароновъ. Но Гильомъ не изъ тѣхъ рыцарей, которые терпѣливо выслушиваютъ подобныя предложенія. Онъ возмущается, онъ содрогается, онъ даже отпрянулъ въ сторону: „А вдовы? А сироты?" Король блѣднѣетъ и трепещетъ подъ тягостью презрѣнія Гильома. „Если кто тронетъ малыхъ сихъ или ихъ земли", говоритъ истинный рыцарь: „то вотъ этотъ мечъ отрубитъ головы измѣнникамъ и разбойникамъ". Когда въ XIII в. въ Римѣ посвящали рыцаря въ базиликѣ Св. Петра, то архипастырь произносилъ торжественно: „Будь защитникомъ и мужественнымъ борцомъ за церкви, за вдовъ и сиротъ".

Любовь къ родинѣ.

Любовь къ родинѣ — четвертая заповѣдь рыцарства. Рыцари считали обыкновенно свою родину лучшей страной. Это очень характерно выразилъ графъ Фландрскій (въ эпопеѣ „Jerusalem") при видѣ пустыни, окружающей Іерусалимъ: „Я очень дивлюсь, что Господь, сынъ Св. Маріи, могъ обитать въ такой пустынѣ. О, насколько предпочитаю я ей большой зáмокъ въ моей крѣпости Аррасъ!" Онъ, очевидно, готовъ былъ сожалѣть, что Христосъ родился не въ Аррасѣ. Это даже не патріотизмъ, а привязанность къ колокольнѣ своего села. Подъ вліяніемъ любви къ родинѣ у

французскихъ рыцарей создалось преувеличенное понятіе о Франціи: „корона Франціи—первая изо всѣхъ коронъ; первый король Франціи былъ коронованъ поющими ангелами; ты будешь моимъ воиномъ на землѣ,—сказалъ ему Господь,—и ты дашь побѣду справедливости и закону“. Авторъ пѣсни о Роландѣ перечисляетъ отдѣльныя полчища христіанской арміи; въ лагерѣ Карла три полка изъ десяти состоятъ изъ французовъ: „Десятый рядъ состоитъ изъ бароновъ Франціи. Ихъ сто тысячъ, изъ среды лучшихъ главъ. У нихъ крѣпкія тѣла и гордая осанка, голова совершенно бѣлая и борода словно осыпана снѣгомъ. Они садятся на лошадь и требуютъ битвы. Это тѣ французы, которые завоевываютъ царство“.

Мужество, которое налагается на рыцарей пятой заповѣдью, они въ силу шестой—должны были особенно проявлять въ борьбѣ съ сарацинами: „Если бы мы были въ раю“, говорятъ воины XIII в.: „мы спустились бы, чтобы сражаться съ сарацинами“. Спутники Годфрида Бульонскаго въ порывѣ энтузіазма восклицали: „Хотя бы онѣ были изъ стали, стѣны Іерусалима, хотя бы онѣ были изъ стали, мы ихъ укусимъ“.

Вассальная вѣрность.

До чего доходила обязанность повиновенія вассала сеньёру, налагаемая на рыцаря седьмой заповѣдью, это ярко рисуетъ шансонъ „Рауль де-Камбрэ“. Когда Рауль собрался жечь монастырь Ориньи, его вассалъ Бернье соглашается слѣдовать за нимъ, хотя его мать—монахиня въ этомъ монастырѣ. „Мой сеньёръ Рауль—предатель хуже Іуды“, говоритъ онъ: „но онъ мой сеньёръ; ни за что на свѣтѣ я не ослушаюсь его“. Когда Ориньи уже въ пламени, сто монахинь умираютъ въ этомъ страшномъ кострѣ; и мать Бернье не нашла пощады: вотъ, она лежитъ бездыханная, и у нея на груди догораетъ ея псалтырь. А Рауль ни въ чемъ не раскаивается; онъ называетъ Бернье незаконнорожденнымъ и наноситъ ему страшный ударъ по головѣ, такъ что кровь струится по лицу сына, оплакивающаго мать. И что же? Вассалъ кротко выноситъ эту высшую обиду и только разрываетъ связь со своимъ прежнимъ сеньёромъ, хотя тотъ униженно проситъ уже у Бернье прощенія. Впослѣдствіи Бернье убиваетъ на поединкѣ Рауля, но чтобы искупить вину, тогда же предпринимаетъ паломничество за море, въ Св. Землю. Узы вассальной зависимости сильнѣе связей родства. Въ шансонъ де-жестъ есть такой разсказъ (въ „Jourdains de Blaivies“). Измѣнникъ Фромонъ убиваетъ однажды своего сеньёра Жирара де-Блэвъ и въ своемъ безуміи хочетъ затѣмъ истребить всю семью до послѣдняго отпрыска. Остается только младенецъ нѣ-

во французскомъ средневѣковомъ эпосѣ изрѣдка выводятся безбожники. Такъ, напр., дикій Рауль Камбрейскій впадаетъ иногда на мгновенія въ безбожіе. Въ древней былинѣ, сохранившей, можетъ быть, традицію X в., разсказанъ его поединокъ съ Эрно, графомъ де-Дуэ, у котораго Рауль убилъ племянника и погубилъ однажды двоихъ дѣтей. Въ этомъ поединкѣ Эрно воплощаетъ собою право, Рауль—силу. Бѣдному графу Дуэ не подъ силу долго бороться съ своимъ врагомъ: одинъ кулакъ у него отрубленъ, и онъ бѣжитъ по полю, исходя кровью и близкій къ смерти. Отъ его гордости не осталось и слѣда; онъ предчувствуетъ свою гибель и трогательно молитъ о пощадѣ: „я еще молодъ, мнѣ еще не хочется умирать (Juenes hom sui, ne vuel encor morir). Онъ готовъ сдѣлаться монахомъ и предоставить свою землю побѣдителю; но Рауля нельзя умилостивить, и самое слово „Богъ“ доводитъ его, какъ отверженнаго, до бѣшенства: „Я отрекаюсь отъ Бога“, кричитъ онъ: „я отрекаюсь“. „Если это такъ“ отвѣчаетъ тогда Эрно: „то ты для меня только бѣшеная собака; а ко мнѣ сама земля и травы прійдутъ на защиту, и Господь Славы, можетъ быть, сжалится надо мной“. И вотъ, дѣйствительно, умираетъ не Эрно, а свирѣпый Рауль. Въ послѣднюю минуту въ этомъ дикарѣ внезапно вспыхиваетъ вся горячая вѣра его дѣтства. „Богъ-Отецъ, сіяющій славой, всемірный Судія, и ты, кроткая Дѣва небесъ, прійдите ко мнѣ на помощь!“—таковы его послѣднія слова. Закоснѣлымъ безбожникомъ былъ Гомадрà (Gaumadras въ былинѣ „Garin de Montglane“); это типъ отверженнаго: когда имя Господа произносится передъ нимъ, онъ падаетъ вдругъ въ судоргахъ. Въ борьбѣ съ Гарэномъ на его сторонѣ демоны, съ которыми онъ заключилъ феодальный договоръ (hommage lige); онъ отдался имъ душой и тѣломъ и радуется этому. Когда приближается смертный часъ, онъ рѣшается умереть отступникомъ, сатаной, какъ и жилъ; его не убьютъ, онъ самъ убьетъ себя. Его смерть—это цѣлое зрѣлище. Онъ садится со своими на корабль и направляетъ его прямо на скалы; теченіе увлекаетъ роковой корабль къ гибели; несчастные спутники видятъ грозящую имъ опасность и въ ужасѣ обращаются съ мольбой къ Господу. „О нѣтъ, нѣтъ“, кричитъ имъ Гомадрà: „здѣсь нужно призывать дьявола!“ и убиваетъ ихъ, словно одержимый дьяволомъ. Затѣмъ, онъ осѣняетъ себя крестнымъ знаменемъ „наоборотъ“, слѣва направо, снизу вверхъ, и, стоя на кораблѣ, съ вызывающимъ челомъ, поднятымъ къ небу, непримиримый, наводящій ужасъ, безстрашно прислушивается къ удару корабля о

скалу; корабль разбивается и идетъ ко дну. „Сюда, демоны, сюда“, кричитъ Гомадрà: „я вашъ вассалъ, я предаюсь вамъ, я...“, но волна захлеснула ему кощунствующія уста и безбожникъ умираетъ. Такимъ же отступникомъ описываетъ эпосъ (былина „Doon de Maience“) измѣнника Гершамбò: „Да, я отрекаюсь отъ тебя“, кричитъ онъ: „отъ тебя и всѣхъ твоихъ милостей. Ни тебя, ни твоихъ, я васъ никогда не полюблю“. Такое отреченіе отъ Господа создаетъ, наконецъ, цѣлую секту, догму которой излагаетъ Гардрэ (въ „Amis et Amiles“): „Не смѣй служить Господу“, говоритъ онъ своему крестнику Алори: „и никогда не говори правды. Если встрѣтишь честнаго человѣка, обезчести его. Жги города, крѣпости, дома. Низвергай алтари, ломай распятія!“ Въ противоположность всѣмъ этимъ средневѣковымъ язычникамъ рыцарь и долженъ быть прежде всего глубоко вѣрующимъ христіаниномъ.

Исповѣдь имѣла важное значеніе въ рыцарской жизни: рыцарь исповѣдуется передъ судебнымъ поединкомъ, исповѣдуется, отправляясь въ далекое путешествіе, исповѣдуется передъ священникомъ, или, если не найдетъ священника, то передъ родственникомъ, передъ товарищемъ по оружію. Этого требуетъ, напр., Петръ Ломбардскій въ книгѣ, которая служила классическимъ руководствомъ для богослововъ среднихъ вѣковъ (Livre de sentences). Баярдъ передъ смертью за недостаткомъ священника исповѣдуется своему слугѣ. Рука объ руку съ рыцарской исповѣдью идетъ во французской поэзіи и символическое „рыцарское“ принятіе таинствъ— „пріобщеніе тремя былинками и тремя листиками“. Напр., въ „Лотарингцахъ“ Бегъ передъ смертью беретъ три листика травы, благословляетъ ихъ во имя Неба и пріобщается ими, какъ тѣломъ Христовымъ. Въ силу первой рыцарской заповѣди рыцарь обязанъ былъ умереть въ христіанской вѣрѣ,—умереть, если нужно, за вѣру. Въ одной мало извѣстной поэмѣ (Mort d'Aimeri de Narbonne) старый Эмери Нарбонскій, столѣтній старикъ безъ страха и упрека, по чувству долга отказывается повиноваться нехристямъ, которые взяли его въ плѣнъ, и не хочетъ преклониться передъ именемъ Магомета. Старца бьютъ прутьями шиповника и лозой, рвутъ заживо его мясо, воздвигаютъ ему костеръ, и несчастный слышитъ уже трескъ пламени, которое сожжетъ его. Но ничто не дѣйствуетъ: увидавъ на укрѣпленіяхъ города свою жену Эрменгартъ, которая въ слезахъ смотритъ на его страшную казнь, онъ кричитъ ей: „Оставьте меня умирать, но ради любви къ Господу, сыну Дѣвы Маріи, не сдавайте города“.

Охрана церкви. Вторая заповѣдь рыцарства — охранять церковь — ясно выражена въ Римскомъ понтификалѣ, гдѣ описывается образъ посвященія въ рыцари. Церковь, вручая будущему рыцарю мечъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, говорила: „Пользуйся этимъ мечемъ для защиты себя и Св. Церкви Господа и для пораженія враговъ креста Христова и вѣры христіанской. Иди и помни, что святые завоевали царства не мечемъ, а вѣрой". Итакъ, для церкви рыцарство было вооруженной силой къ услугамъ безоружной Истины. Для средневѣковыхъ этиковъ христіанское человѣчество состояло изъ безчисленной толпы, слабаго народа, за который нужно молиться, который слѣдуетъ защищать. Надъ этой толпой возвышаются двѣ семьи, двѣ аристократіи, два общества свѣтлыхъ и могущественныхъ—клерики, которые должны молиться, и рыцари, которые должны охранять тѣхъ, кто молится, и тѣхъ, за кого молятся. Въ началѣ былины о „Лотарингцахъ" (Garin le Loherain) это ученіе излагаетъ арх. Реймскій: „Мы—клерики, и нашъ долгъ—служить Богу, которому мы молимся за вашихъ друзей. А вы, рыцари, не забывайте, что Богъ создалъ васъ для защиты церкви".

Защита слабыхъ. Въ силу третьей заповѣди рыцарства — защищать слабыхъ—вдовы и сироты—подъ охраной церкви и рыцарей. Въ пѣснѣ „Charroi de Nimes" сынъ Карла В. цинично предлагаетъ графу Гильому дать ему лены кое-кого изъ умершихъ бароновъ. Но Гильомъ не изъ тѣхъ рыцарей, которые терпѣливо выслушиваютъ подобныя предложенія. Онъ возмущается, онъ содрогается, онъ даже отпрянулъ въ сторону: „А вдовы? А сироты?" Король блѣднѣетъ и трепещетъ подъ тягостью презрѣнія Гильома. „Если кто тронетъ малыхъ сихъ или ихъ земли", говоритъ истинный рыцарь: „то вотъ этотъ мечъ отрубитъ головы измѣнникамъ и разбойникамъ". Когда въ XIII в. въ Римѣ посвящали рыцаря въ базиликѣ Св. Петра, то архипастырь произносилъ торжественно: „Будь защитникомъ и мужественнымъ борцомъ за церкви, за вдовъ и сиротъ".

Любовь къ родинѣ. Любовь къ родинѣ — четвертая заповѣдь рыцарства. Рыцари считали обыкновенно свою родину лучшей страной. Это очень характерно выразилъ графъ Фландрскій (въ эпопеѣ „Jerusalem") при видѣ пустыни, окружающей Іерусалимъ: „Я очень дивлюсь, что Господь, сынъ Св. Маріи, могъ обитать въ такой пустынѣ. О, насколько предпочитаю я ей большой за̀мокъ въ моей крѣпости Аррасъ!" Онъ, очевидно, готовъ былъ сожалѣть, что Христосъ родился не въ Аррасѣ. Это даже не патріотизмъ, а привязанность къ колокольнѣ своего села. Подъ вліяніемъ любви къ родинѣ у

французскихъ рыцарей создалось преувеличенное понятіе о Франціи: „корона Франціи—первая изо всѣхъ коронъ; первый король Франціи былъ коронованъ поющими ангелами; ты будешь моимъ воиномъ на землѣ,—сказалъ ему Господь,—и ты дашь побѣду справедливости и закону". Авторъ пѣсни о Роландѣ перечисляетъ отдѣльныя полчища христіанской арміи; въ лагерѣ Карла три полка изъ десяти состоятъ изъ французовъ: „Десятый рядъ состоитъ изъ бароновъ Франціи. Ихъ сто тысячъ, изъ среды лучшихъ главъ. У нихъ крѣпкія тѣла и гордая осанка, голова совершенно бѣлая и борода словно осыпана снѣгомъ. Они садятся на лошадь и требуютъ битвы. Это тѣ французы, которые завоевываютъ царство".

Мужество, которое налагается на рыцарей пятой заповѣдью, они въ силу шестой—должны были особенно проявлять въ борьбѣ съ сарацинами: „Если бы мы были въ раю", говорятъ воины XIII в.: „мы спустились бы, чтобы сражаться съ сарацинами". Спутники Годфрида Бульонскаго въ порывѣ энтузіазма восклицали: „Хотя бы онѣ были изъ стали, стѣны Іерусалима, хотя бы онѣ были изъ стали, мы ихъ укусимъ".

Вассальная вѣрность.

До чего доходила обязанность повиновенія вассала сеньёру, налагаемая на рыцаря седьмой заповѣдью, это ярко рисуетъ шансонъ „Рауль де-Камбрэ". Когда Рауль собрался жечь монастырь Ориньи, его вассалъ Бернье соглашается слѣдовать за нимъ, хотя его мать—монахиня въ этомъ монастырѣ. „Мой сеньёръ Рауль—предатель хуже Іуды", говоритъ онъ: „но онъ мой сеньёръ; ни за что на свѣтѣ я не ослушаюсь его". Когда Ориньи уже въ пламени, сто монахинь умираютъ въ этомъ страшномъ кострѣ; и мать Бернье не нашла пощады: вотъ, она лежитъ бездыханная, и у нея на груди догораетъ ея псалтырь. А Рауль ни въ чемъ не раскаивается; онъ называетъ Бернье незаконнорожденнымъ и наноситъ ему страшный ударъ по головѣ, такъ что кровь струится по лицу сына, оплакивающаго мать. И что же? Вассалъ кротко выноситъ эту высшую обиду и только разрываетъ связь со своимъ прежнимъ сеньёромъ, хотя тотъ униженно проситъ уже у Бернье прощенія. Впослѣдствіи Бернье убиваетъ на поединкѣ Рауля, но чтобы искупить вину, тогда же предпринимаетъ паломничество за море, въ Св. Землю. Узы вассальной зависимости сильнѣе связей родства. Въ шансонъ де-жестъ есть такой разсказъ (въ „Jourdains de Blaivies"). Измѣнникъ Фромонъ убиваетъ однажды своего сеньёра Жирара де-Блэвъ и въ своемъ безуміи хочетъ затѣмъ истребить всю семью до послѣдняго отпрыска. Остается только младенецъ нѣ-

шими ленами, родился тотъ, кто будетъ одарять васъ богатыми мѣхами. Черезъ пятнадцать лѣтъ мой сынъ будетъ рыцаремъ!"

Матери не всегда сами выкармливали этихъ сыновей-рыцарей; иногда къ знатному ребенку приставляли по нѣскольку кормилицъ [1]). Но встрѣчались матери, которыя не подпускали къ своему ребенку чужой женщины. Такова была въ эпопеѣ „Годфридъ Бульонскій" мать героя—графиня Ида: она сама вскормила всѣхъ своихъ дѣтей, по совѣту ангела, данному еще ея матери Беатрисѣ. Однажды маленькій Годфридъ проснулся съ крикомъ, и какая-то женщина, чтобъ унять его, дала было ему молока. Мать увидѣла это; сердце у нея забилось, она сама потемнѣла, какъ зола, и должна была даже сѣсть на мгновеніе. Но графиня Ида тотчасъ же подымается снова, какъ львица бросается къ своему ребенку, хватается за него, вырываетъ у кормилицы, кладетъ на столъ и заставляетъ отрыгнуть „чужое" молоко, можетъ быть, всего какой-нибудь глотокъ. У дѣтей XII—XIII вв. были подъ руками тѣ же игрушки, какъ и теперь: мячи, ходули, воланы, кубари, качели, а для кого постарше—триктракъ (tables), кости и шахматы, но будущихъ рыцарей съ малолѣтства влекло болѣе къ доспѣхамъ и вызолоченнымъ перчаткамъ, а главное—поскорѣе на лошадь. Вѣдь уже тѣ сказки и тѣ дѣтскія былины, которыя давали воображенію ребенка первые образы, говорили не о покоѣ и мирномъ трудѣ, а о борьбѣ и опасностяхъ, о беззащитности и коварной измѣнѣ. Такова, напр., былина XIII в. „Доонъ Майнцскій" (Doon de Maience).

Доонъ Майнцскій. Старый графъ Гвидо Майнцскій жилъ на берегахъ Рейна не далеко отъ устья, у самаго „соленаго моря". Это былъ неустрашимый охотникъ; за всю жизнь онъ зналъ только двѣ страсти—войну и охоту. Однажды графъ преслѣдовалъ оленя въ глубину лѣса и вдругъ съ изумленіемъ увидалъ, что животное укрылось въ маленькій дворикъ какой-то кельи; а вотъ и самъ отшельникъ палъ къ ногамъ графа и молитъ о пощадѣ для оленя, близкаго къ издыханію. „Нѣтъ, нѣтъ", кричитъ неумолимый охотникъ: „нѣтъ пощады!" и бросаетъ въ оленя большой дротикъ; но дротикъ невѣрно направленъ, вмѣсто животнаго остріе попадаетъ въ отшельника и вонзается ему въ сердце: ангелы спускаются съ неба, чтобы принять душу умирающаго. Невольный убійца-графъ

[1]) Назидательный романъ „О семи мудрецахъ" осуждаетъ легкомысліе своего времени въ выборѣ кормилицы: „Въ прежнее время были умнѣе, и тогда было въ обычаѣ, чтобы сына короля выкармливала жена герцога, ребенка герцога—графиня, дитя вавассера—горожанка и т. д.".

самъ теперь въ отчаяніи. „Я даю обѣтъ", говоритъ онъ: „занять мѣсто отшельника, котораго я убилъ, и остаться въ кельѣ до конца дней моихъ". Между тѣмъ пропавшаго графа дома считаютъ уже погибшимъ, а его сенешалъ предательски думаетъ овладѣть женой и землями своего сеньёра. Но графиня сопротивляется; измѣнникъ начинаетъ бить ее и, кажется, убилъ бы ее на смерть, если бы не семилѣтній мальчикъ Доолэнъ (Doolin), старшій изъ трехъ сыновей графа Гюи: Доолэнъ, какъ маленькій львенокъ, бросается на злодѣя, поднявшаго руку на жену своего сеньёра. Чтобы отдѣлаться отъ дѣтей, сенешалъ пытается утопить ихъ, но ему удается погубить только самаго младшаго. Двое старшихъ на утломъ челнѣ пущены въ открытое море, и волны уносятъ ихъ все дальше и дальше. Доолэнъ не унываетъ, но его братишка слишкомъ малъ и слабъ для такого испытанія: бѣдняжкѣ едва минуло пять лѣтъ; онъ такъ хорошъ съ своими соколиными глазами; но голодъ дѣлаетъ свое дѣло: ребенокъ блѣднѣетъ, глаза закрываются, вотъ онъ уже мертвъ, и Доолэнъ одинъ, томимый голодомъ, среди безбрежнаго океана въ непроглядную ночь. Къ утру показывается вдали полоса земли, но Доолэнъ такъ слабъ, что едва подымаетъ руки до головы. А тутъ начинается буря, громъ, дождь, градъ. Ребенокъ вручаетъ уже свою жизнь Господу и Небесной Дѣвѣ; жажда и голодъ становятся невыносимы. Доолэнъ подбираетъ градины и сосетъ ихъ, ловитъ вѣтки, плавающія по волнамъ, и обгладываетъ листья. Но всему бываетъ конецъ, и вотъ вѣтеръ прибиваетъ ладью къ берегу. На берегу дремучій лѣсъ; дикими яблоками и орѣхами мальчикъ утоляетъ свой голодъ. Однако въ лѣсу волки; „Ба, пусть они приходятъ, я имъ засажу мой ножъ въ самую пасть", думаетъ Доолэнъ. Куда же укрыться на ночь? А вотъ старый, дуплистый дубъ: здѣсь и постель и кровъ для Доолэна. Средневѣковые поэты не стѣснялись ни географіей, ни естествознаніемъ, и вотъ пѣвецъ былины о Доолэнѣ населяетъ этотъ лѣсъ при устьѣ Рейна тиграми, львами, леопардами. Мальчикъ изъ своего логова слышитъ и видитъ, какъ они грызуться, пока, наконецъ, не занялась зоря. Это былъ, конечно, тотъ самый лѣсъ, гдѣ скрывается въ кельѣ отецъ Доолэна. Графъ Гюи встрѣчается съ сыномъ, и оба узнаютъ другъ друга. Забывая объ обѣтѣ, данномъ Богу, отшельникъ думаетъ теперь покинуть келью и снова стать рыцаремъ: онъ торопится освободить жену и наказать измѣнника, завладѣвшаго его наслѣдіемъ. Но Господь караетъ графа за нарушеніе обѣта: ангелъ спускается

съ неба и поражаетъ его слѣпотой. И вотъ Доолэнъ, словно маленькій Робинзонъ, остается теперь жить въ глухомъ лѣсу, одинъ со слѣпымъ отцемъ, котораго нужно и кормить и водить. Каждый день ходитъ мальчикъ на охоту, приноситъ къ вечеру дичь для слѣпца, солитъ мясо въ прокъ морскою солью, плететъ циновки изъ лыкъ, шьетъ одежды изъ звѣриныхъ шкуръ. Но однажды въ лѣсу застучали копыта рыцарскаго коня: это ѣдетъ посланный злого сенешала, измѣнника, бросившаго въ тюрьму мать Доолэна. Ребенокъ бросается на врага и убиваетъ его ударомъ палицы: теперь впервые съ восхищеніемъ видитъ онъ вызолоченный щитъ, блестящій шлемъ, кольчугу, сколоченную изъ мелкихъ желѣзныхъ колецъ, а главное—мечъ, стальной мечъ! Рыцарская кровь закипаетъ въ немъ, сердце воина бьется, и чутьемъ, со словъ природы и Бога, постигаетъ онъ трудную науку рыцарскаго облаченія. Черезъ нѣсколько мгновеній Доолэнъ уже на конѣ, шлемъ на головѣ, мечъ въ рукѣ. Слѣпецъ слышитъ лошадиный топотъ и ощупью выходитъ на встрѣчу всаднику; по голосу онъ узнаетъ сына: „О Господи!“ восклицаетъ онъ: „дай мнѣ прозрѣть, дай увидать мнѣ моего сына!“ Въ средневѣковой поэзіи чудеса—не рѣдкость, и вотъ, у стараго графа вдругъ открываются его прекрасные глаза. Доолэну нечего больше дѣлать въ лѣсу, ему еще нужно вернуть наслѣдство, отмстить за мать и покарать измѣнника! Вотъ какъ рисуется бурное дѣтство рыцаря пѣвцу XIII в. Домашній кровъ, наслѣдство, семья — все непрочно; съ малолѣтства вся надежда рыцаря только на свой ножъ да на свою молитву. Къ такой только жизни и готовитъ юнаго барона домашнее воспитаніе, которое начинается съ 7 лѣтъ.

Ученье. Развитіе отвлеченнаго мышленія, накопленіе разнородныхъ знаній въ области природы и исторіи тутъ не такъ важны. Не всякій рыцарь зналъ даже грамотѣ, рѣдкій умѣлъ читать по-латыни. У кого и были домашніе учителя или школа, такъ не хватало времени идти дальше краткихъ начатковъ. И вся-то средневѣковая наука XI—XII вв., сосредоточенная въ рукахъ духовенства, вращалась преимущественно около вопросовъ богословскихъ; свѣтскія знанія даже у ученыхъ были скудны, полны заблужденій и предразсудковъ. А между тѣмъ до рыцарей на урокахъ въ дѣтствѣ изъ разсказовъ бывалыхъ людей и былинъ жонглеровъ или изъ романовъ, прочитанныхъ между битвами, и наскоро перелистанныхъ энциклопедій (всякихъ Imege, Bibliothèque, Miroir du monde) доносились только отголоски этой жалкой науки. Въ географіи для

рыцари выдѣляются три города—Римъ, Византія и Іерусалимъ, но этотъ Іерусалимъ лежитъ будто бы въ центрѣ обитаемой земли, которая на раннихъ картахъ рисовалась правильнымъ плоскимъ кругомъ. Изъ древней исторіи онъ знаетъ, можетъ быть, Трою, Александра Великаго, Цезаря, да и то въ баснословной оправѣ, созданной неразборчивыми поэтами среднихъ вѣковъ: ихъ Александръ Великій выбираетъ себѣ 12 пэровъ, подобно легендарному Карлу Великому, ускользаетъ отъ сиренъ, подобно Улиссу, покоряетъ амазонокъ, подобно Тезею или Геркулесу; ихъ Цезарь убитъ предками того Ганелона, который предалъ Роланда въ Ронсевальскомъ ущельѣ. Вся исторія Франціи до Крестовыхъ походовъ сливается для рыцарей въ одинъ мощный образъ Карла Великаго, словно мозаика, сложенный изъ всѣхъ Карловъ, а, можетъ быть, и всѣхъ императоровъ вообще. Этотъ Карлъ Великій въ эпопеяхъ— почти великанъ; онъ торжественно ведетъ изгнаннаго папу въ Римъ, достигаетъ Византіи и даже Іерусалима, гдѣ орошаетъ слезами Гробъ Господній, борется съ арабами на югѣ Италіи и на поляхъ Апремона видитъ первые подвиги своего племянника Роланда. Походъ Карла Великаго на Пиренейскій полуостровъ олицетворяется въ образѣ этого Роланда, умирающаго рядомъ съ одиннадцатью трупами пэровъ на вершинѣ, съ которой онъ обозрѣваетъ всю Испанію. Даже съ уроковъ священной исторіи рыцари уносили только отрывки, какъ запасъ на всю жизнь, потому что рѣдко кто изъ нихъ могъ читать латинскую Библію или понимать церковную службу все на томъ же латинскомъ языкѣ. Весь Ветхій Завѣтъ сводился, можетъ быть, къ образамъ земного рая и жизни прародителей да къ тремъ прообразованіямъ: Даніилъ во рву львиномъ, Іона во чревѣ китовѣ и три отрока въ пещи огненной; развѣ что рыцарственный Іуда Маккавей привлекалъ еще къ себѣ вниманіе барона. Зато жизнь Христа онъ долженъ былъ помнить хорошо: снова и снова пересказывается она во всѣхъ крупныхъ эпопеяхъ. Таковъ-то скудный, мутный запасъ мірскихъ знаній у средняго рыцаря XI—XII вв. Но и эти убогія представленія о мірѣ отравлены еще, какъ и вся наука того времени, зловѣщей вѣрой въ чудовища, въ страны безъ солнца и луны, въ людей съ львиными когтями на рукахъ и на ногахъ, людей рогатыхъ, людей лающихъ, подобно собакамъ, и т. п.

Но не объ умѣ заботилось средневѣковое воспитаніе, а о силѣ и вѣрѣ. И вотъ фехтованіе и охота возведены были на степень науки. Съ дѣтства сражались на мечахъ, сражались на копьяхъ,

бились на палкахъ; съ дѣтства одни охотились съ собаками, другіе—съ соколами. Были даже особые учителя для соколиной охоты: у нихъ перенимали дѣти, какъ кормить птицу, какъ носить, какъ выпускать, какъ кликать. Мальчики почти что жили въ лѣсу и учились выслѣживать дичь; а, воротясь домой съ охоты, они шли къ своимъ борзымъ, къ своимъ конямъ или къ соколамъ своихъ отцовъ. Такой молодой баронъ, на радость ему равныхъ, становился уже неспособнымъ къ другой наукѣ. Одна французская былина разсказываетъ, какъ хотѣли было перевоспитать Вивьена, племянника того великаго Гильома д'Оранжъ, который дважды сражался съ невѣрными на поляхъ Аликана и побѣдилъ ихъ во второй битвѣ. Бѣдный Вивьенъ еще ребенкомъ ради спасенія отца былъ выданъ сарацинамъ; потомъ его захватилъ датскій пиратъ, король Гормондъ, и продалъ за сто марокъ женѣ купца Годефруа. Эта добрая женщина, воспользовавшись семилѣтнимъ отсутствіемъ мужа, стала впослѣдствіи выдавать ему Вивьена за ихъ сына, родившагося будто бы послѣ отъѣзда отца, и попыталась дать мальчику хорошее купеческое воспитаніе. Но въ ребенкѣ заговорила кровь, заговорило призваніе. „Я научу тебя, какъ покупать и продавать", говоритъ Вивьену купецъ.—„О нѣтъ, нѣтъ", сопротивляется восьмилѣтній мальчикъ, „дайте мнѣ только коня, двухъ борзыхъ да сокола!" Годефруа все-таки приставилъ его къ торговлѣ, но Вивьенъ вымѣнялъ себѣ за сто кипъ товару сокола и свору собакъ. Купецъ бьетъ за это своего пріемнаго сына, но мальчикъ только кротко повторяетъ: „отецъ, повѣрь мнѣ, что это превосходныя борзыя!" Вотъ онъ сынъ, внукъ и племянникъ героевъ-рыцарей.

Охота. Уваженіе къ охотѣ изъ рыцарской среды проникло даже въ кругъ ученыхъ. Въ подраздѣленіи наукъ XII в. (Didascalion и Eruditiones didascalicae Гугона отъ св. Виктора) среди отраслей практическаго знанія, обозначавшихся словомъ „механика", числились, между прочимъ, земледѣліе, мореплаваніе, изготовленіе оружія и охота. Императоръ Фридрихъ II написалъ даже латинское разсужденіе „Объ искусствѣ охоты" (De arte venandi), переведенное въ XIV в. на французскій языкъ. Вотъ, наприм., его краткія указанія объ уходѣ за соколами. Различаютъ нѣсколько породъ охотничьихъ птицъ. Между всѣми птицами съ высокимъ и благороднымъ полетомъ кречетъ самый красивый по соразмѣрности сложенія; перо у него сѣрое или бѣлое, причемъ бѣлымъ отдаютъ предпочтеніе. Соколъ, пойманный дикимъ, называется „чиркунъ" (ramage), соколъ, вынутый изъ гнѣзда,—„глупышъ" (niais; въ древней

русской охотѣ это „челигъ“ или гнѣздарь). Птицамъ, вынутымъ изъ гнѣзда и выкормленнымъ безъ матери, тяжело дается линяніе (мытъ, la mue); лучшіе соколы о 4 мытахъ. Кормить сокола надо преимущественно мясомъ дикихъ животныхъ; мясо дается сырымъ, еще теплымъ или подогрѣтымъ, безъ нервовъ и сухожилій. Если мяса нѣтъ, то можно замѣнять его сыромъ или яйцомъ. Приручать хищную птицу называется „вынашивать“ (adebonairir). Если имѣютъ дѣло съ соколомъ, взятымъ изъ гнѣзда, то его лишаютъ свободы, какъ только онъ въ состояніи уже летать, и дня черезъ четыре ночью приступаютъ къ „зажмуриванью“ (cilieiire) и „закупориванью“ (rebouchage). Если соколъ взятъ съ воли, то его пеленаютъ, т. е. сажаютъ въ маленькій полотняный мѣшокъ, изъ котораго выходятъ только голова да кончикъ хвоста, и тогда совершаютъ надъ нимъ „зажмуриванье“ и „закупориванье“. Первая ступень прирученія состоитъ въ томъ, что птицѣ зашиваютъ глаза, зажмуриваютъ (ciller). Потомъ слѣдуетъ „закупориванье“ (rebouchage), т. е. птицѣ подрѣзаютъ когти. Такому соколу надѣваютъ уже „обнасцы“, т. е. ременную петлю вокругъ лапы; на другомъ концѣ ремня два кольца, черезъ которыя пропускается поводъ для привязыванія птицы къ насѣсти. Выше „обнасцовъ“ укрѣпляютъ бубенчикъ на случай, если бы соколъ заблудился. Для отдыха сокола сажаютъ на жердь (perche), т. е. перекладину въ уровень съ глазомъ человѣческимъ, и привязываютъ поводомъ, „вервью“, или на стоячій желѣзный шестъ (sedile) съ деревянной шишкой и кольцомъ для повода. Соколу раскрываютъ глаза постепенно и съ большими предосторожностями, чтобы пріучить къ свѣту. Сокольникъ уже раньше упражняется въ томъ, чтобы носить сокола, пѣшкомъ и верхомъ. Верхняя часть руки (чаще правой) спускается вдоль тѣла, не касаясь его; передняя часть руки сгибается подъ прямымъ угломъ. Не надо приближать сокола къ своему лицу, дабы онъ не пугался, а слѣдуетъ держать его грудью противъ вѣтра. Птицу выносятъ по утрамъ, въ мелкій дождь, и, чтобы раздразнить, даютъ клевать кусочки мяса или кости и мускулы съ перьями. Теперь пріучаютъ птицу повиноваться голосу сокольника, его свисту и даже жесту. Чтобы пріучить сокола во-время бросаться на живую добычу, употребляютъ „вабило“ (le leurre), т. е. чучело птицы изъ краснаго сукна съ крыльями куропатки или въ заячьей шкуркѣ; чучело привязано на привязи такъ, чтобы сокольникъ могъ вертѣть его вокругъ себя. Есть еще другой способъ прирученія съ „капюшономъ“ (avec chapel), который Фридрихъ II, по его словамъ, вывезъ съ

Востока. Капюшонъ дѣлается изъ мягкой кожи и охватываетъ голову птицы до шеи, оставляя на свободѣ только клювъ да ноздри. Чтобы освѣжать голову птицѣ, Фридрихъ II придумалъ пробивать въ капюшонѣ отдушины. Капюшонъ надѣваютъ соколу, когда глаза у него еще закрыты, чтобы снимать и надѣвать, когда угодно, и не раскрываютъ ему глазъ, пока птица не привыкнетъ къ нему. Все остальное зависитъ отъ ловкости сокольника, отъ его умѣнья пріучить птицу взгонять дичь, ударять въ нее, даваться въ руки охотнику или даже ворочаться на кулакъ.

Духовное воспитаніе. На ряду съ физическими упражненіями шло изо дня въ день наставленіе мальчика въ ученіи Христа и заповѣдяхъ добраго рыцаря; это лежало уже на обязанности матери, отца, духовника. Въ нравственной жизни молодого барона важнымъ шагомъ была всегда первая исповѣдь и пріобщеніе св. Тайнъ. Средневѣковый поэтъ трогательно описалъ первое пріобщеніе Вивьена вечеромъ послѣ первой, несчастной битвы при Аликанѣ. Французы, христіане, были разбиты, и побѣда осталась за невѣрными. Безконечные ряды мертвыхъ рыцарей и лошадиныхъ труповъ указываютъ еще тѣ мѣста, гдѣ происходили тысячи единоборствъ, изъ которыхъ слагалось средневѣковое сраженіе. Всѣ французы полегли здѣсь, кромѣ четырнадцати, а между тѣмъ язычниковъ еще 100 тысячъ. Надъ полемъ битвы носятся мучительные вопли, предсмертное хрипѣніе умирающихъ, ржаніе лошадей, потерявшихъ всадниковъ, радостные крики побѣдителей. А тутъ же рядомъ, на зеленой лужайкѣ у родника, куда еще долетаетъ бряцанье послѣднихъ ударовъ, недвижимо лежитъ юноша, почти ребенокъ, съ блѣднымъ челомъ, съ руками, сложенными крестомъ: это Вивьенъ, племянникъ героя Гильома д'Оранжъ. И дядя находитъ его; грусть овладѣваетъ суровымъ воиномъ при мысли, что юноша не дожилъ до перваго причастія. Но Вивьенъ еще живъ, рука его изрѣдка ударяетъ еще въ грудь, глаза открываются и смотрятъ на небо, а губы шепчутъ имя Господне. У Гильома всегда есть при себѣ освященная облатка. „Не хочешь ли ты пріобщиться хлѣбомъ, освященнымъ священникомъ?“ спрашиваетъ онъ юношу. — „Я никогда еще не вкушалъ этого хлѣба“, отвѣчаетъ умирающій: „но вотъ вы здѣсь, и я чувствую, что Богъ посѣтилъ меня“. Тогда Гильомъ становится для него священникомъ: „Исповѣдуйся передо мной“, говоритъ онъ племяннику: „потому что я твой ближайшій родственникъ, и нѣтъ здѣсь священника“. — „Я готовъ“, шепчетъ Вивьенъ: „но прислоните мнѣ голову къ вашей груди. Я алчу; да, я алчу этого хлѣба,

но торопитесь, я умру, я умираю". Онъ исповѣдуется и можетъ припомнить только одинъ грѣхъ: „Я далъ обѣтъ никогда не отступать ни на шагъ передъ невѣрными, и вотъ я боюсь, что сегодня нарушилъ свой зарокъ". Наступаетъ минута таинства, Гильомъ вынимаетъ изъ сумочки облатку, преклоняется передъ ней, какъ при возношеніи даровъ, и пріобщаетъ Вивьена. Лицо умирающаго озаряется послѣднею радостью, а затѣмъ смерть спускается отъ головы къ сердцу; юноша склоняется и со вздохомъ предаетъ душу ангеламъ, спустившимся за ней отъ Господа.

5. Юность барона.

Пажи и оруженосцы.

Лѣтъ съ двѣнадцати молодого барона посылали ко двору его будущаго сеньёра, гдѣ онъ и проходилъ на дѣлѣ главную школу рыцарства. Это называлось „вскармливать" (nourrir). Вотъ мой „выкормокъ", говаривали сеньёры; впослѣдствіи они дѣлали этихъ выкормковъ (nourri) своими оруженосцами (écuyer). Но до зачисленія въ экюйе такого молодого барона звали просто „отрокомъ" (enfant), „барчукомъ" (damoiseau); дамуазо—это маленькій баринъ (domnicellus отъ dominus). Синонимомъ для дамуазо былъ „валэ" (valet), т. е. маленькій вассалъ [1]) (vassalet). Впослѣдствіи слово „валэ" (слуга) стало унизительнымъ, но не ранѣе XIV в.; напротивъ, слово „пажъ" (page, pagius) первоначально могло означать и прислугу низменнаго происхожденія, на кухнѣ и на конюшнѣ, но потомъ значеніе слова „пажъ" стало подыматься и при Валуа употреблялось уже въ нашемъ смыслѣ. Словомъ „экюйе" (écuyer, scutarius) назывался тотъ же отрокъ. Эта школа при дворѣ сюзерена продолжалась лѣтъ 5—7, но часто гораздо меньше. Дамуазо не смѣли вооружаться ни мечемъ, ни копьемъ, ни шлемомъ, ни кольчугой; имъ оставалось только сражаться съ рогатиной или пикой; позднѣе эти строгости были смягчены, и только шпоры навсегда остались отличіемъ „рыцаря" (miles). Въ битву оруженосецъ дѣйствительно несъ щитъ своего рыцаря, становился сзади

[1]) Напротивъ, слово „башелье" (bachelier, baccalarius) первоначально—мелкопомѣстный рыцарь, затѣмъ—неженатые сыновья бароновъ при жизни отцовъ, затѣмъ—молодежь вообще. Итакъ, башелье въ поэмахъ XI—XIII вв. уже рыцарь. Напротивъ, не у всѣхъ дамуазо бывали достаточныя средства, чтобы принять дорого стоившее посвященіе въ рыцари. Отсюда въ Арагоніи ниже рыцарей былъ особый классъ „отроковъ" (enfançons).

него и подавалъ ему запасное оружіе, стерегъ плѣнныхъ. Иногда удары противниковъ доставались и оруженосцу, иногда самъ оруженосецъ повиновался внутреннему призванію, вмѣшивался въ битву на защиту своихъ и тутъ же на полѣ сраженія поставлялся въ рыцари. Но и дома, въ замкѣ своего рыцаря, у экюйе бывало много дѣла.

Чуть свѣтъ экюйе съ скребницей и щеткой въ рукахъ торопится въ конюшню чистить лошадей рыцаря, а подъ конецъ и свою собственную; иногда ему же приходилось и объѣзжать молодыхъ лошадей. Потомъ онъ идетъ будить рыцаря и помогаетъ ему одѣваться. Ожидали ли гостя въ замокъ, экюйе шелъ ему навстрѣчу, бралъ у него оружіе и коня, велъ самого гостя въ приготовленную для него комнату, снималъ съ него доспѣхи и помогалъ переодѣваться. Протрубитъ ли рогъ къ обѣду, экюйе подаетъ рыцарю и гостямъ воду для мытья рукъ передъ ѣдой, разноситъ хлѣбъ, рѣжетъ мясо, наливаетъ вино или внимательно стоитъ за кресломъ рыцаря. Отправляется ли рыцарь въ путь, за его вещами присматриваетъ все тотъ же оруженосецъ. Рыцарь и экюйе неразлучны, экюйе—тѣнь рыцаря. Иногда экюйе посылается вѣстникомъ ко двору другого барона съ письмомъ. Конечно, не всѣ дамуазо несли такую тяжелую службу, въ особенности, гдѣ ихъ было много; а сеньёры любили окружать себя цѣлой свитой красивыхъ и безупречныхъ дамуазо.

Испытанія. Въ чемъ же заключалась красота этихъ отроковъ? Всѣ матери желали себѣ сына рослаго, съ литымъ тѣломъ, стройнымъ, гибкимъ, подвижнымъ; съ правильными чертами лица, съ золотыми кудрями и „зелеными" соколиными глазами, бѣлой, слегка розоватой кожей. Труверы всегда восторгались станомъ дамуазо, широкимъ въ плечахъ, тоненькимъ въ таліи. Но главнымъ считалась всетаки сила, а не красота. Какъ рисовался, наприм., Карлъ В. пѣвцамъ рыцарской эпохи? Великаномъ въ 7 — 8 футовъ роста, легко сгибающимъ по три — четыре подковы, подымающимъ двумя руками рыцаря въ полномъ вооруженіи. Каковы должны быть внутреннія, душевныя качества дамуазо? Самымъ важнымъ для дамуазо было внутреннее „призваніе"; поэтому старые бароны любили иногда подвергнуть испытанію отроковъ. Такому испытанію герцогъ Жираръ подвергаетъ, напр., своего племянника Эмери де-Нарбоннъ (въ былинѣ „Girars de Viane"). Герцогъ Жираръ (Girard) сидитъ въ день своего рожденія въ своемъ замкѣ Вьеннъ и смотритъ въ окно на окрестности. Вдругъ между двухъ холмовъ, въ глубокой долинѣ,

рается въ конюшню, сѣдлаетъ боевого коня и пускается одинъ безъ оружія въ путь. Гибуръ, „графиня со строгимъ ликомъ", посылаетъ за нимъ въ погоню сто башелье. Но отрокъ самъ ворочается домой окольными путями и проситъ тетку „посвятить его въ рыцари"! Какая тутъ смѣсь ребячества и героизма! Однако, самымъ законченнымъ типомъ рыцаря-ребенка въ средневѣковой поэзіи былъ всетаки Роландъ, племянникъ Карла В.: варварство, грубость, немного шаловливой хитрости и много отваги — все это смѣшалось въ душѣ такого дамуазо XI — XII вв. Вотъ воинство Карла В. идетъ въ походъ на невѣрныхъ: это походъ въ Италію, который существовалъ только въ фантазіи поэтовъ и заканчивался въ былинахъ знаменитой битвой при Аспремонтѣ. Но отрока Роланда и его сверстниковъ заперли въ замкѣ въ Ланѣ: они еще слишкомъ молоды для войны. До отроковъ доносятся звуки роговъ, ржанье и топотъ коней; они видятъ сквозь узкія окна оруженосцевъ, отыскивающихъ помѣщенія для своихъ рыцарей. Терпѣнію ихъ наступаетъ конецъ; пять отроковъ съ Роландомъ во главѣ рвутся къ удаляющейся арміи, но въ замкѣ Ланскомъ нарочно оставленъ для присмотра привратникъ. Роландъ думаетъ сначала обмануть привратника, подкупить его обѣщаньями, называетъ его благороднымъ, зоветъ монсеньёромъ. „Дай намъ", говоритъ онъ: „поиграть немного за воротами. Знаешь, что? Когда мы выростемъ, мы сдѣлаемъ тебя рыцаремъ". Но привратника трудно провести: „Рыцаремъ?" переспрашиваетъ онъ: „жалкое ремесло! Зарабатываешь только жестокіе удары. Я предпочитаю спать", и тутъ же прибавляетъ строгимъ голосомъ: „Идите къ себѣ и забавляйтесь вашими соколами." — „Намъ бы только взглянуть на рыцарей, добрый отецъ-привратникъ," ластится Роландъ: „выпусти насъ; ну, пожалуйста." Привратникъ упорствуетъ, и отроки отбрасываютъ тогда всякое притворство: „А, ты не хочешь повиноваться намъ, такъ получи же, что заслужилъ!" Съ этими словами Роландъ съ товарищами набрасываются на несчастнаго, осыпаютъ его ударами палокъ, замертво оставляютъ на мѣстѣ, а сами скрываются за воротами. Между тѣмъ армія Карла В. уже далеко, а пятеро дамуазо идутъ пѣшкомъ. Какъ нарочно показываются пятеро бретонцевъ. „Намъ нужны лошади", говоритъ Роландъ: „такъ вотъ намъ и работа, скорѣе на нихъ, на нихъ!" Дамуазо бросаются на испуганныхъ бретонцевъ, выбиваютъ ихъ изъ сѣдла и овладѣваютъ конями. Ограбленные рыцари идутъ между тѣмъ жаловаться къ своему королю Саломону. Что это за отроки? Надо узнать, и ты-

область Нарбонна, которую онъ хочетъ оставить самому младшему изъ своихъ сыновей. „Возьми сто рыцарей“, говоритъ онъ старшему сыну Бернару: „и отправляйся прямо въ Брюбантъ (Brubant). Тамъ правитъ гордый герцогъ, а у него дочь — самая красивая дѣвушка въ свѣтѣ. Иди и проси ея руки у отца“. Бернаръ отвѣчаетъ только: „Такова ваша воля, батюшка, и я иду!“ и кричитъ уже рыцарямъ: „На коней!“ Гдѣ лежалъ Брюбантъ, этого, конечно, не зналъ и самъ поэтъ XII в., но Бернаръ и сто рыцарей Нарбонна видятъ его, наконецъ, передъ собой, этотъ пышный городъ. Въ тѣни оливъ у подъѣзда дворца рыцари слѣзаютъ съ коней и по каменной лѣстницѣ подымаются въ сводчатый залъ, гдѣ сидитъ герцогъ среди своихъ бароновъ. „Дорогой и прекрасный сиръ“, говоритъ громко Бернаръ: „графъ Эмери проситъ васъ отдать мнѣ вашу красавицу-дочь въ жены. Я буду служить тогда вамъ всю мою жизнь.“ Герцогъ тотчасъ же соглашается, и тутъ кстати выходитъ и дочь, которая уже узнала о прiѣздѣ Бернара. „Дочь моя, красавица моя, я нашелъ тебѣ мужа“, говоритъ отецъ. „Да будетъ благословенъ Господь“, отвѣчаетъ дочь: „назовите мнѣ его, дорогой сиръ“.—„Вотъ онъ, Бернаръ изъ богатаго Нарбонна“.— „Я согласна, батюшка“. Тотчасъ зовутъ епископа благословить жениха и невѣсту, а на слѣдующiй день уже пиръ подъ сводами замка. Тотъ же разсказъ повторяется и еще для двухъ сыновей Эмери (для Garin и Herrant). Счастье четвертаго сына Бёвъ (Beuves) устраивается еще проще. Умираетъ герцогъ Великой Гаскони и оставляетъ только одну дочь — красавицу Элиссанъ (Helissent). По обычаю феодальныхъ временъ, сирота-дочь идетъ къ своему сеньёру королю Карлу въ Парижъ: „Мой отецъ умеръ; я пришла просить у васъ мужа“. Король тутъ же беретъ ее за руку и обращается къ Бёвъ: „Возьми эту дѣвушку себѣ въ жены.“ — „Благодарю, сеньёръ“, отвѣчаетъ сынъ Эмери и зоветъ епископа, который ихъ и благословляетъ.

Но дамуазо рвется изъ дому, даже когда родители и не гонятъ его, потому что храбрость—его ремесло. Наприм., у рыцарственнаго Вивьена, о которомъ такъ часто разсказываютъ жонглеры, былъ еще маленькiй 15-тилѣтнiй братъ; его оставляютъ въ замкѣ передъ рѣшительной битвой съ невѣрными при Аликанѣ. „Ты еще слишкомъ молодъ и малъ, чтобы идти на встрѣчу язычникамъ“, говоритъ ласково Гильомъ д'Оранжъ отроку Гишардэ: „гдѣ тебѣ вынести зрѣлище битвы и поля, покрытаго мертвыми. Оставайся лучше съ своей теткой Гибуръ“ (Guiboure). Но Гишардэ проби-

ники, сеньёры; короли и императоры стремились утвердить за собой монополію въ этомъ дѣлѣ. Иногда бывало по нѣскольку воспріемниковъ: одинъ привязываетъ правую шпору, другой—лѣвую, третій опоясываетъ новаго рыцаря мечемъ. Обыкновенно обрядъ посвященія излагаютъ по поэмѣ XIII в. „Ardene de Chevalerie" или по католическимъ обрядникамъ, но это болѣе позднее рыцарство, а посвященіе XI—XII вв. гораздо проще. Къ германскому обычаю врученія оружія прибавились сначала только обрядъ подвязыванія шпоръ, облаченіе кольчуги, каски, ванна передъ облаченіемъ безъ всякаго символическаго значенія; даже „colée", ударъ ладонью по шеѣ, прибавился позднѣе и не составлялъ сначала такой необходимой части посвященія, какъ опоясываніе мечемъ. Но colée сопровождалось уже краткимъ наставленіемъ: будь храбръ. Къ концу обряда рыцарь вспрыгивалъ на лошадь такъ, чтобы не касаться стремени, скакалъ немного галопомъ и ударомъ копья поражалъ манекены, утвержденные на столбахъ (quintaine) [1]). Иногда сами рыцари обращались за освященіемъ оружія къ церкви; такимъ образомъ, стало проникать христіанское начало въ чисто варварскій, военный обычай.

Посвященіе Готфрида Плантагенета.

Въ исторіи Годфрида Плантагенета (Johannis Turonensis, monachi Majoris Monasterii Historia Geoffredi Plantagenistae, Andegavensis comitis et ducis Normannorum) есть разсказъ о посвященіи молодого Годфрида въ рыцари и врученіи ему оружія англійскимъ королемъ Генрихомъ въ 1129 г. Годфриду было 15 лѣтъ, когда отецъ его Фулькъ Анжуйскій получилъ приказъ отъ англійскаго короля прислать сына къ Троицыну дню въ Руанъ: король хотѣлъ посвятить его заодно съ другими сверстниками въ рыцари и женить на своей дочери. Пять бароновъ должны были приводить Годфрида къ королю, а 25 дамуазо, однихъ лѣтъ съ женихомъ, составляли его свиту. Король посылаетъ къ нему навстрѣчу знатныхъ придворныхъ, а когда Годфридъ вступаетъ во дворецъ, то Генрихъ Анжуйскій, который обыкновенно ни передъ кѣмъ не подымался, встаетъ съ своего трона, идетъ къ будущему зятю и обнимаетъ его. Затѣмъ начинается пиръ; за бесѣдой король испытуетъ отрока различными вопросами и остается доволенъ и его умомъ и его рѣчью. На другой день съ разсвѣта Годфриду и его спутникамъ готовятъ ванны. Вымывшись, женихъ надѣваетъ льняную рубашку, полукафтанъ,

[1]) Quintaine чаще всего состояли изъ укрѣпленныхъ на столбахъ доспѣховъ—щитовъ, кольчугъ, которые молодой рыцарь долженъ былъ пробивать, разбивать или опрокидывать.

сяча людей отправляется въ погоню. Ихъ окружаютъ, стѣсняютъ, приглядываются къ нимъ. „Ахъ, да это Роландъ“, вскрикиваетъ вдругъ со смѣхомъ король Бретани, узнавши племянника Великаго Карла. „Это Роландъ“, повторяютъ кругомъ со смѣхомъ бароны: „это Роландъ!“ Никто не хочетъ знать, что отроки избили привратника и ссадили съ коней пятерыхъ бретонцевъ; ихъ прощаютъ даже чествуютъ, позволяютъ имъ остаться въ лагерѣ и принять участіе въ крестовомъ походѣ. Роландъ торжествуетъ (См. эпопею „Aspremont“). Но при всей своей грубости, страстности, эти дамуазо XII в. сохраняютъ чистоту нравовъ. У нихъ нѣтъ и той чувствительности, мечтательности, которой надѣляетъ своихъ героевъ поэзія XIV в. Всѣ они слишкомъ любятъ охоту и военныя упражненія, чтобы обращать большое вниманіе на женщинъ.

Когда же оканчивается отрочество? Традиція германская различна, смотря по племени. У Салійскихъ франковъ оружіе вручалось съ 12 лѣтъ, у Рипуарскихъ — съ 15. Во многихъ средневѣковыхъ сборникахъ обычаевъ, „кутюмовъ“, говорится о двадцати одномъ или двадцать первомъ годѣ, какъ о совершеннолѣтіи; однако въ Бовэзи сохранилось совершеннолѣтіе въ 15 лѣтъ. Рыцарство давалось долгое время скорѣе по германской традиціи въ 12, 13, 14, 15, 17, 19 лѣтъ, т. е. средній возрастъ можно принять въ 15. Но замѣтно стремленіе отодвинуть его въ XIII вѣкѣ къ возрасту совершеннолѣтія, т. е. 21 году.

6. Посвященіе въ рыцари.

Древнѣйшее посвященіе. Въ сущности рыцаремъ долгое время [1]) могъ быть сдѣланъ каждый, но на дѣлѣ обыкновенно посвящались только сыновья рыцарей (дамуазо). Посвященіе чаще всего совершалось въ праздники Рождества, Пасхи, Вознесенія, Пятидесятницы, въ Ивановъ день. Обычай „ночной стражи“ (veillée des armes) наканунѣ посвященія вытекъ изъ этой привычки, потому что подъ Пасху и подъ Троицынъ день шло обыкновенно всенощное бдѣніе до утра; какъ разъ въ эти дни крестились въ древнехрістіанскія времена вновь обращавшіеся. Однако, случались посвященія и на полѣ битвы. Каждый рыцарь могъ посвящать въ рыцари, но чаще всего это дѣлали родствен-

[1]) Въ Германіи конституція императора Фридриха I закрывали доступъ въ рыцари дѣтямъ духовныхъ и крестьянъ.

не можетъ отвѣтить тѣмъ же (et ei militarem, non repercutiendus, dedit alapam). Это происходило въ Гинь на Троицынъ день 1181 г. Такой же обрядъ знаетъ былина „Эли де-С. Жиль". У отца Эли— у Жюльена де-С. Жиль борода совершенно сѣдая: онъ съ честью уже сто лѣтъ носитъ оружіе рыцаря, не измѣняя ни сеньёру, ни Христу, но, наконецъ, хочетъ и отдохнуть. Вотъ онъ начинаетъ укорять сына, болѣе чтобы раздражить и испытать силу его духа. „Въ твои годы", говоритъ Жульенъ: „я завоевывалъ замки, крѣпости, города". Задѣтый за живое, Эли собирается навсегда покинуть отцовскій замокъ, но старикъ останавливаетъ его: „Куда пойдешь ты безъ боевого коня и оружія; въ Парижѣ и въ Шартрѣ всѣ скажутъ: вотъ сынъ Жюльена Бородатаго, изгнанный своимъ отцомъ". Жюльенъ велитъ приготовить quintaine, принести оружіе и посвящаетъ Эли въ рыцари. Старикъ опоясываетъ его мечомъ и, замахнувшись ладонью, даетъ сыну такой ударъ, что тотъ елееле удерживается на ногахъ. Новый рыцарь сдерживаетъ закипѣвшій было въ немъ гнѣвъ и только цѣдитъ сквозь зубы: „Если бы это былъ кто другой, такъ я отплатилъ бы ему; но вы—мой отецъ, и я не долженъ негодовать". Эли вскакиваетъ затѣмъ на лошадь и поражаетъ всѣхъ разставленныхъ болвановъ. „Изъ него выйдетъ богатырь", восклицаетъ тогда съ восторгомъ старикъ.

Религіозное посвященіе.

Подъ вліяніемъ церкви этотъ военный обрядъ становится сначала религіознымъ, когда церковь только благословляетъ мечъ (bénir l'épée), а затѣмъ и прямо-таки литургическимъ, когда церковь сама опоясываетъ рыцаря мечемъ (ceindre l'épée). Отсюда въ древнихъ „понтификалахъ" (епископскихъ обрядникахъ) и различаютъ Benedictio ensis et armorum (благословеніе оружія) отъ Benedictio novi militis (посвященіе рыцаря). Былины знаютъ обычай бодрствовать въ молитвѣ ночь передъ посвященіемъ, просить у церкви благословенія для новаго рыцаря, класть его оружіе для освященія на престолъ, но богослужебный обрядъ Benedictio novi militis совершается уже только на латинскомъ языкѣ.

Наиболѣе распространенный разсказъ о посвященіи въ рыцари и притомъ съ толкованіемъ символическихъ обрядовъ заимствуется обыкновенно изъ поэмы XIII в. „Orden de Chevalerie". Но это литературное произведеніе даетъ въ сущности свою собственную теорію, которая отразилась на позднемъ рыцарствѣ, но не опирается на факты дѣйствительной жизни, изображаемой въ былинахъ. Поэма „Ordene de Chevalerie" излагаетъ бесѣду плѣннаго христіанскаго рыцаря Гю Тиверіадскаго (Hue de Tabarie) съ великимъ государемъ

невѣрныхъ, завоевателемъ и побѣдителемъ Саладиномъ. Саладинъ хочетъ будто бы сдѣлаться рыцаремъ и разспрашиваетъ рыцаря объ обрядахъ. „Святой орденъ рыцарства—не для васъ", отвѣчаетъ тотъ: „Вы другого закона; у васъ нѣтъ ни вѣры, ни крещенія. Сдѣлать васъ рыцаремъ—такое же безуміе, какъ накрыть шелкомъ кучу навоза, чтобъ не воняло". Но Саладинъ настаиваетъ, приказываетъ, и плѣнникъ повинуется. Вотъ тутъ и начинается символическое толкованіе всѣхъ обрядовъ. Омовеніе—первый символъ. „Какъ ребенокъ выходитъ безъ грѣха изъ святой воды при крещеніи", говоритъ посвящающій рыцарь: „такъ и вы должны выйти изъ этой ванны, смывши съ себя всякія пятна чести и всякія скверны". Посвящаемый выходитъ изъ ванны уже преображеннымъ и сіяющимъ и сажается на торжественное *ложе*: „Завоевать себѣ *ложе* въ раю—такова цѣль рыцарства". Саладинъ послушно облачается вь *бѣлыя* одежды: „если рыцари хотятъ достичь царства Небеснаго, они должны быть *чисты* душой и тѣломъ". Затѣмъ Гю де-Табари набрасываетъ *багровую* мантію на плечи повелителя: „Помните, что вы должны проливать кровь вашу на защиту Святой Церкви". Саладинъ протягиваетъ ноги, а рыцарь обуваетъ ихъ въ *черное*, „чтобы напомнить ему о землѣ, изъ которой онъ созданъ и въ которую обратится, и предохранить отъ гордости". Потомъ Саладина опоясываютъ *бѣлой* перевязью, опять-таки въ знакъ нравственной чистоты, какъ перваго долга рыцарей. Къ темной обуви прикрѣпляютъ золотыя шпоры: „Отнынѣ рыцарь долженъ быть настолько же послушенъ шпорамъ Божественной воли, какъ его лошадь—ударамъ этихъ матеріальныхъ шпоръ". Теперь время вручить рыцарю и мечъ о двухъ лезвеяхъ: „однимъ лезвеемъ онъ будетъ поражать богача, который угнетаетъ бѣднаго, другимъ — карать сильнаго, который преслѣдуетъ слабаго". Голову новому рыцарю окутываютъ бѣлымъ покрываломъ, дабы онъ помнилъ о важности душевной чистоты, соблюдая непорочность или очищаясь покаяніемъ; наконецъ, весь обрядъ оканчивается наставленіемъ Гю: „Четыре заповѣди долженъ блюсти рыцарь, если онъ хочетъ сохранить честь свою незапятнанной: никогда не итти за одно съ измѣнниками; никогда не давать дурныхъ совѣтовъ дамѣ или дѣвушкѣ, напротивъ, всегда относиться къ нимъ съ большимъ уваженіемъ и защищать ихъ противъ всѣхъ; затѣмъ, соблюдать благочестиво посты и воздержаніе и, наконецъ, слушать ежедневно обѣдню и щедро одарять монастыри". Послѣ этого Саладинъ освобождаетъ на волю своего плѣнника.

Средневѣковая церковь постепенно накладывала свою руку на военный германскій обычай. Сначала епископъ благословлялъ только оружіе, но, въ концѣ концовъ, онъ самъ сталъ опоясывать посвящаемаго мечемъ и, смягчая colée въ легкое прикосновеніе руки, дѣлалъ его рыцаремъ, произнося: „Будь рыцаремъ" (Sois chevalier). Въ Римѣ (въ библіотекѣ Vallicellane) хранится манускриптъ, возникшій не позже первой половины XI в.[1]). Это обрядникъ, гдѣ цѣлый подборъ военныхъ молитвъ: здѣсь благословеніе военнаго знамени (Benedictio vexilli bellici), затѣмъ благословеніе меча съ молитвами „Exaudi" и „Benedic" и тотчасъ же антифонъ со стихомъ „Accingere gladio tuo super femur" (Да будутъ препоясаны чресла твоимъ мечемъ), которые встрѣчаются во всѣхъ епископскихъ служебникахъ (понтификалахъ) и обозначаютъ мгновеніе, когда посвященный опоясывается; наконецъ, молитва съ обращеніемъ къ Господу: „Ты, Господи, повелѣлъ рабу твоему препоясаться мечемъ". Кто же препоясывалъ здѣсь будущаго рыцаря? Кажется, что епископъ. Но затѣмъ до XIII вѣка нѣтъ слѣдовъ „Benedictio novi militis". Вѣроятно, что обрядъ этотъ возникъ въ Римѣ и распространился именно оттуда. Въ позднихъ понтификалахъ встрѣчается нѣсколько разныхъ редакцій „Benedictio novi militis"; вотъ, напр., ритуалъ по епископскому обряднику Гильома Дюранъ. Послѣ обѣдни епископъ приступалъ къ благословенію меча и произносилъ „Benedic": „Благослови, Господи, мечъ сей, дабы рабъ Твой былъ отнынѣ защитникомъ церквей, вдовъ, сиротъ и всѣхъ служащихъ Тебѣ противъ злобы еретиковъ и невѣрныхъ". Между тѣмъ мечъ лежитъ обнаженнымъ на жертвенникѣ; наконецъ, епископъ беретъ его и влагаетъ въ правую руку будущему рыцарю со словами: „Пріими мечъ сей во имя Отца и Сына и Св. Духа и т. д.". Потомъ, вложивши мечъ въ ножны, епископъ опоясываетъ посвященнаго мечомъ въ ножнахъ со словами: „Accingere gladio tuo super femur etc." (Да будутъ препоясаны чресла твои мечемъ...). Опоясанный, въ свою очередь, вынимаетъ теперь мечъ изъ ноженъ и дѣлаетъ имъ три взмаха по воздуху, вытираетъ его о лѣвую руку, словно онъ уже въ крови враговъ Истины, и снова влагаетъ. Епископъ братски цѣлуетъ затѣмъ новаго рыцаря, произнося: „Будь рыцаремъ миролюбивымъ, бодрымъ, вѣрнымъ и Богу преданнымъ". Затѣмъ

[1]) Вѣроятно, онъ возникъ при Оттонѣ III между 983—1002 г. Это „Ceremoniale antiquum sive Ordo romanus et Rituale".

слѣдуетъ alapa, но теперь это легкое прикосновеніе, которымъ священнослужитель какъ бы пробуждаетъ воина отъ сна бодрствовать во славѣ и вѣрѣ Христовой. Тутъ окружающіе старые рыцари привязываютъ новому шпоры, и поется антифонъ со стихомъ „Accingere gladio etc." Все оканчивается врученіемъ vexillum'a.

7. Бракъ рыцаря.

Феодализмъ и браки.

Въ бракахъ феодальной эпохи чаще всего бывало мало поэзіи. Каждый баронъ старался главнымъ образомъ упрочить свое положеніе и заручиться большимъ числомъ леновъ; выгодная женитьба на богатой наслѣдницѣ бывала при этомъ обыкновеннымъ средствомъ. Съ другой стороны, для верховныхъ сюзереновъ было важно, чтобы каждый ленъ находился въ рукахъ сильнаго ленника, способнаго нести военную службу; поэтому дочери-наслѣдницы и вдовы ленниковъ должны были скорѣе выходить замужъ, дабы сохранить лены по наслѣдству. Хорошо еще, если онѣ были свободны выбирать одного изъ трехъ бароновъ, предложенныхъ сюзереномъ въ мужья, а то иногда верховный собственникъ прямо навязывалъ имъ своихъ любимцевъ. Короли охотно раздавали свободные лены вмѣстѣ съ ихъ наслѣдницами баронамъ, которые вѣрно служили имъ. Вотъ какой случай разсказываетъ, напр., былина „Charroi de Nîmes": „На этихъ дняхъ", говоритъ здѣсь король графу Гильому въ отвѣтъ на его страшныя угрозы: „умретъ одинъ изъ моихъ пэровъ; если хотите, я подарю вамъ его земли и его жену". Затѣмъ, подъ вліяніемъ страха, онъ начинаетъ послѣдовательно предлагать ему всѣ свободныя наслѣдства. „Возьмите землю маркиза Беранже, который только что умеръ, и возьмите его жену вмѣстѣ съ его леномъ". Это предложеніе приводитъ Гильома въ бѣшенство. „У васъ память коротка, сиръ", отвѣчаетъ онъ королю: „Помните ли вы еще тотъ день, когда въ битвѣ съ сарацинами вы были сбиты съ коня, и уже смерть висѣла надъ вами. Одинъ изъ вашихъ графовъ увидѣлъ васъ въ этой опасности: онъ подбѣжалъ и своимъ мечемъ прорубилъ среди враговъ просѣку вокругъ васъ, словно кабанъ между собакъ; затѣмъ онъ сошелъ съ коня и держалъ его, помогая вамъ сѣсть въ сѣдло. Это былъ маркизъ Беранже, жену котораго вы мнѣ теперь предлагаете. Однако послѣ него остался маленькій сынъ. Я убью перваго, кто обидитъ ребенка". Неудивительно, что этотъ обычай навязывать наслѣдни-

цамъ мужей часто служилъ причиной продолжительныхъ войнъ. Въ поэмѣ „Garins li Loherains" король Тьерри на смерть раненъ стрѣлой, пущенной изъ сарацинскаго арбалета. Онъ чувствуетъ, что умираетъ, и хочетъ выбрать своей дочери Бланшефлоръ мужа и могущественнаго защитника. Выборъ Тьерри падаетъ на лотарингца Гарэна: „Я вамъ даю Бланшефлоръ, мои земли и мою страну". Гарэнъ согласенъ, конечно, если императоръ Пипинъ утвердитъ за нимъ земли; женихъ и невѣста даютъ другъ другу обѣты надъ мощами, а Тьерри говоритъ: „ну, теперь выньте стрѣлу изъ моего тѣла". Стрѣлу вынимаютъ, и король умираетъ. Гарэнъ отправляется къ императору въ Лангръ просить утвержденія для своего брака съ Бланшефлоръ. Но тутъ изъ среды придворныхъ раздается голосъ противъ брака: „Вы забываете, сиръ, что обѣщали уже мнѣ первый свободный ленъ. Мнѣ и только мнѣ одному принадлежитъ Бланшефлоръ". Такъ говоритъ Фромонъ изъ Бордо, который и становится смертельнымъ врагомъ лотарингцевъ. Гарэнъ сначала было сдерживаетъ себя, но потомъ разражается проклятіями, бросается на Фромона и готовъ уже нанести ударъ, но самъ императоръ удерживаетъ его за плащъ. Гарэнъ не женился на Бланшефлоръ, но съ тѣхъ поръ возгарается страшная распря, какая-то война дикарей, о которой и поетъ эпопея „Lorrains". Вотъ изъ-за чего умирали рыцари, горѣли замки, города разрушались, а дѣти оставались безъ наслѣдства. Только церковь проводила настойчиво требованіе, чтобы браки были добровольными. Въ одной поэмѣ („Beuves d'Hanstonne") аббатъ спрашиваетъ Гюндемера: „Хотите вы взять въ жены эту дѣвушку съ яснымъ челомъ?"—„Да", отвѣчаетъ онъ: „и я дарю ей, какъ вдовью часть, всю Бургонь".—„А ты, дѣвственница,—я вижу, ты плачешь? Хочешь ты взять этого барона въ мужья?" — „Нѣтъ", отвѣчаетъ она: „мнѣ не нужно этого предателя"—и бракъ не состоялся.

Женскіе типы.

Ранняя рыцарская поэзія, какъ и ея герои, мало обращаетъ вниманія на женщинъ; однако, и она создала нѣсколько идеальныхъ женскихъ типовъ: прекрасную Одъ (Aude), которая умираетъ, узнавши о смерти своего нареченнаго Роланда; настойчивую Германгаръ (Hermengart) изъ Павіи, дочь короля Бонифація, которая можетъ выйти замужъ только за Эмери, избранника своего сердца; Берту, жену Жирара Руссильонскаго, образцовую хозяйку-швею и въ то же время примѣрную христіанку по добротѣ и простотѣ. Но типъ жены средневѣковаго барона, владычицы замка въ отсут-

ствіе мужа, съ особенной силой воплотился въ Гибуръ (Guiboure), женѣ Гильома д'Оранжъ (въ поэмѣ „Aliscans"). Гильомъ д'Оранжъ разбитъ при Аликанѣ и одинъ только остался въ живыхъ и на свободѣ изъ всѣхъ христіанскихъ рыцарей. Его жена Гибуръ далеко отъ поля битвы, въ замкѣ Оранжъ, ждетъ исхода борьбы съ сарацинами. Вдругъ привратникъ докладываетъ, что какой-то мужчина проситъ впустить его въ замокъ и выдаетъ себя за Гильома. Дрожь пробѣгаетъ у Гибуръ по жиламъ. Еще сомнѣваясь, не довѣряя, но все-таки взволнованная, она бросается на маленькую башенку. На другомъ берегу рва недвижимо стоитъ рыцарь высокаго роста, въ арабскихъ доспѣхахъ. „Это невѣрный", шепчетъ Гибуръ: „не надо отворять ему нашихъ дверей. Невѣрный! ты не войдешь сюда", кричитъ она рыцарю. Но тотъ тихо и грустно отвѣчаетъ: „Я Гильомъ". Ему некогда разсказывать теперь, какъ ради спасенія надѣлъ онъ сарацинское оружіе. „Я Гильомъ", повторяетъ онъ, и слезы крупными каплями падаютъ ему на щеки. Его руки побагровѣли отъ крови, отъ плача распухли его глаза: „Двадцать тысячъ турокъ преслѣдуютъ меня по пятамъ, отворите, отворите мнѣ!" И правда, издали доносится сначала неопредѣленный, но вотъ уже все сильнѣе и сильнѣе разростающійся гулъ тысячи скачущихъ коней. Гибуръ все еще колеблется: „вашъ голосъ напоминаетъ немного Гильома, но вѣдь множество людей походитъ другъ на друга рѣчью и голосомъ". Тогда графъ отстегиваетъ забрало, откидываетъ шлемъ за плечи и обнажаетъ передъ Гибуръ свою прекрасную, окровавленную отъ ранъ голову. „Взгляните на меня", говоритъ онъ теперь: „я ли это". Она наклоняется и съ ужасомъ узнаетъ Гильома; а между тѣмъ вблизи уже слышны крики христіанскихъ плѣнниковъ, которыхъ сарацины гонятъ, какъ стадо, передъ собой, въ цѣпяхъ, подъ ударами. Кровь бросается Гибуръ въ голову. „Какъ", кричитъ она снова пришельцу: „ты выдаешь себя за барона Гильома, хочешь слыть за гордую десницу, покрытую славой, и можешь спокойно выносить это унизительное зрѣлище! Нѣтъ, нѣтъ, ты не Гильомъ. Гильомъ никогда не допустилъ бы, чтобы при его жизни, у него на глазахъ обращались такъ съ христіанами! Нѣтъ, ты не Гильомъ". Тогда этотъ побѣжденный, обезсиленный бѣглецъ, бьющійся уже шестьдесятъ часовъ и потерявшій не мало крови, молча накидываетъ шлемъ, укрѣпляетъ забрало и съ копьемъ въ рукѣ снова бросается въ толпу невѣрныхъ. Онъ настигаетъ ихъ, наноситъ удары, убиваетъ, бьется одинъ противъ сотни и освобождаетъ плѣнныхъ. „Что я—

Гильомъ?“ спрашиваетъ онъ тогда снова Гибуръ. Двери Оранжскаго замка отворяются, наконецъ, передъ несчастнымъ. Однако, Гибуръ все еще какъ-то не вѣрится: ей чуждо видѣть Гильома побѣжденнымъ; она такъ привыкла къ его торжеству и побѣдамъ. Пятнадцать ранъ, изрубленное и окровавленное тѣло, крупныя слезы на щекахъ—вызываютъ въ ней жалость, но одна мысль о пораженіи снова дѣлаетъ ее нечувствительной. „Нѣтъ, это все-таки невозможно, чтобы ты былъ Гильомъ: иначе ты былъ бы побѣдителемъ“. — „Гдѣ же, наконецъ, всѣ французы?“ продолжаетъ Гибуръ.—„Убиты“.—„Гдѣ твои бароны?“—„Убиты“.—„Гдѣ твои племянники?“—„Убиты“.—„Гдѣ Вивьенъ, котораго я такъ любила?“— „Убитъ“. Съ рыданьями и слезами Гильомъ, какъ ребенокъ, повторяетъ только: „Убиты, убиты, они всѣ убиты при Аликанѣ“. Къ Гибуръ первой возвращается мужество. „Ну, такъ теперь не до отдыха“, торопитъ она, сдерживая слезы: „надо отмстить за Господа и за мужей Франціи. Въ путь, иди и проси помощи въ Парижѣ у императора, съ Богомъ!“—„Не отправить ли мнѣ вѣстника вмѣсто себя?“ раздумываетъ Гильомъ. Но Гибуръ не помнитъ ни пятнадцати ранъ, ни 60 часовъ битвы. „Нѣтъ, отправляйся самъ!“— „Но я боюсь оставить тебя одну“. — „Я одна сумѣю выдержать осаду турокъ: я взойду на укрѣпленія и сверху буду убивать ихъ. Иди!“ Но настала минута прощанья, и графиня чувствуетъ, что мужество внезапно покидаетъ ее, и на мгновеніе она опять становится женщиной; мужъ и жена нѣжно обнимаютъ другъ друга: „Ахъ, ты увидишь тамъ другихъ, болѣе молодыхъ и красивыхъ“, говоритъ Гибуръ мужу: „ты забудешь меня“. Тогда Гильомъ, чтобы утѣшить ее, даетъ клятву отпустить себѣ бороду и волоса, не стричь ихъ, пока онъ не вернется къ ней, и никогда во время путешествія не касаться другихъ устъ. И вотъ старый побѣжденный герой опять на конѣ и скачетъ отъ Оранжа къ Лану, гдѣ самъ король императоръ Людовикъ. Гильомъ освободилъ его нѣкогда отъ враговъ, посадилъ на престолъ, далъ ему свою сестру въ жены. Отъ кого же, какъ не отъ Людовика, ожидать побѣжденному Гильому помощи! Но во дворцѣ никто изъ пирующихъ не хочетъ узнать Гильома, въ его лохмотьяхъ, на загнанномъ конѣ, съ головой, покрытой ранами; никто не подымается, никто не идетъ навстрѣчу. „Я вамъ говорю, что христіане побѣждены при Аликанѣ, что Вивьенъ убитъ, что всѣ французы пали!“ Но даже сама королева, сестра Гильома, гордо остается на своемъ тронѣ; у нея нѣтъ ни улыбки, ни ласковаго слова для побѣжденнаго

брата, пришедшаго смущать торжество въ день ея коронованія. Гильомъ чувствуетъ, что кровь изъ всѣхъ жилъ стала бить ему въ голову: онъ бросается на неблагодарную сестру, хватаетъ ее за бѣлокурыя косы, волочетъ ее по полу, вынимаетъ изъ ноженъ мечъ и готовъ уже нанести послѣдній ударъ: но вдругъ въ дверяхъ показывается озаренная свѣтомъ молодая, красивая дѣвушка, съ мягкимъ взглядомъ и улыбкой на устахъ. Это дочь королевы, племянница Гильома — Аэли (Aélis). На глазахъ у испуганныхъ зрителей среди гробового молчанія Аэли идетъ прямо къ изступленному дядѣ и, молча, опускается на колѣни. Гильомъ какъ бы замираетъ на мѣстѣ, и дѣвушка рѣшается заговорить: „Я не подымусь, пока вы не простите мою мать!“ Но Гильомъ чувствуетъ уже, что слезы навертываются ему на глаза, роняетъ мечъ, обнимаетъ племянницу и самъ бормочетъ какія-то извиненія. „Господи, какъ радуется прекрасная Аэли!“ заканчиваетъ поэтъ. Первообразомъ такихъ идеальныхъ женщинъ средневѣковья и для нихъ самихъ, и для рыцарей, и для поэтовъ всегда оставалась — Дѣва Марія.

8. Рыцарскій замокъ.

Замокъ IX вѣка. Древнѣйшія укрѣпленія Западной Европы возникли еще при римскихъ императорахъ; это тѣ постоянные лагери (castra stativa), которые строили римляне, отступая передъ германскими варварами. Гдѣ не было естественныхъ высотъ, тамъ дѣлалась насыпь, укрѣпленная валомъ и рвомъ. Въ V в. римскія провинціи были уже усѣяны такими „городищами“; даже послѣ паденія З. Римской имперіи они продолжали служить въ Галліи убѣжищами для мирнаго галло-римскаго населенія при вторженіяхъ варварскихъ дружинъ. Династія Карла В. только не надолго дала франкамъ единство и обезпеченность; разложеніе его имперіи на королевства Италію, Францію, Германію, на графства и герцогства, на мелкіе феоды, опять ведетъ къ раздробленности, даетъ мѣстной жизни перевѣсъ надъ центромъ, вызываетъ междоусобія и потребность въ убѣжищахъ. И вотъ въ IX в. Европа снова начинаетъ покрываться крѣпостями. Эти первые замки сооружались только изъ дерева и глины, безъ камня: прежде всего насыпается искусственный холмъ (motte), а на немъ ставятъ уже срубъ о четырехъ стѣнахъ въ три-четыре этажа вышиной; подъ этой башней въ глубинѣ насыпи дѣлается еще одинъ подземный этажъ съ колодцемъ, необходимымъ для про-

должительной осады. Таково жилище господина (domnio, donjon); вокругъ него, кромѣ рва, устраиваютъ валъ, или живую изгородь, или грубый палисадъ; отсюда и названія всѣхъ этихъ замковъ— „la Haye“, „le Plessis“, „la Motte“ и т. д. Но къ XII в. рыцарскіе замки стали гораздо сложнѣе. Дерево всюду замѣняется камнемъ. Четыреугольная деревянная башня (donjon) превращается въ каменную самыхъ разнообразныхъ формъ. Палисадъ остался, но сзади него выростаютъ стройныя стѣны съ стѣнными зубцами, бойницами, окружной дорожкой, башнями.

Замокъ XII вѣка.

Ворота въ замокъ XII в. защищались обыкновенно самостоятельной маленькой крѣпостцей (barbacane), выдвинутой за ровъ; когда крѣпостца взята, тогда спускаютъ большой подъемный мостъ, и защитники ея отступаютъ уже въ самый замокъ. Позади рва идетъ сначала валъ съ деревяннымъ палисадомъ, а затѣмъ дорога вокругъ замка; только за дорогой начинаются стѣны. Часть стѣны между двумя башнями называлась „куртиной“; обыкновенно низъ стѣнъ и башенъ сильно скашивали, а верхъ украшали зубьями (créneaux; въ сущности créneau—это пустота, а зубецъ—merlon). Такъ какъ зубецъ между двумя амбразурами долженъ былъ скрывать человѣка, то ему и давали вышину человѣческаго роста, а для стрѣлы арбалета пробивали въ немъ бойницу. Сзади зубьевъ шла дорожка кругомъ всѣхъ стѣнъ, но при входѣ въ башни она часто прерывалась пустымъ пространствомъ, черезъ которое можно было продолжать путь только по подъемному мосту; надъ дорожкой часто дѣлали покатую крышу, опиравшуюся на деревянные брусья, вдѣланные въ стѣны снаружи подъ зубцами. Башни въ стѣнахъ бывали четырехстороннія, но чаще предпочитали какую-либо другую форму; внутри онѣ дѣлились на нѣсколько этажей съ каменными сводами. Большое вниманіе обращали строители на ворота замка, помѣщавшіяся между двухъ башенъ, и подвижный подъемный мостъ, находившійся въ вѣдѣніи привратника. Кромѣ чугунныхъ или деревянныхъ воротъ, входъ въ замокъ въ крайнемъ случаѣ задвигается еще желѣзной рѣшеткой. Иногда самая дверь поворачивалась не вертикально, а горизонтально, втягивалась вверхъ на цѣпяхъ и падала внизъ въ силу своей тяжести. Съ обязанностью привратника и тайной подъемнаго моста связано много воспоминаній для пѣвца средневѣковыхъ былинъ. Вотъ, напр., Рено де-Монтобанъ: оглянувшись мысленно на всю свою прошлую жизнь, онъ рѣшается однажды ночью разстаться съ міромъ и посвятить себя Богу. Его преслѣдуетъ раскаяніе, что онъ убилъ такъ много

людей; война сразу вдругъ представилась ему грубой страстью и преступленіемъ. Рено спокойно можетъ покинуть семью и замокъ: онъ самъ оставляетъ послѣ себя большое богатство, а его дѣти взяли верхъ надъ измѣнниками, которые было угрожали имъ, и вступили во владѣніе своими ленами; его братья мирно наслаждаются славой прежнихъ подвиговъ. Въ то время, когда весь замокъ погруженъ въ глубокій сонъ, Рено подымается, надѣваетъ одежды нищаго и на босу ногу безшумно спускается къ двери. Привратникъ, однако, просыпается и съ изумленіемъ узнаетъ сеньёра: „Я пойду разбужу вашихъ сыновей и братьевъ“, говоритъ онъ.— „Подожди, не буди пока, но передай имъ послѣ, что я шлю мой привѣтъ, и пусть они молятся за меня“.—„Ну, а что же сказать имъ еще?“ — „Какъ послѣдній совѣтъ, какъ послѣднюю волю, я завѣщаю имъ: пусть они стараются дѣлать добро.“—„Но куда же уходите вы?“—„Я иду спасать мою душу и жить свято“. Тогда привратникъ опускаетъ передъ нимъ подъемный мостъ; и герой Рено, внушавшій, бывало, страхъ, Карлу В., пускается въ путь, не смѣя оглянуться назадъ, не рѣшаясь даже поднять глазъ. Онъ торопливо проходитъ поля и лѣса, питаясь дикими яблоками и ежевикой, и раздумываетъ только о томъ, въ какомъ монастырѣ лучше всего искупить ему свои грѣхи. Въ Кельнѣ, наконецъ, налагаетъ онъ на себя тяжелую службу среди каменщиковъ Св. Петра.

Пройдя подъемный мостъ и привратника, можно, наконецъ, проникнуть въ нижній дворъ замка. Здѣсь цѣлая деревушка: посрединѣ церковь, передъ ней колодезь, а кругомъ избушки ремесленниковъ, кузнецовъ, плотниковъ и сельскихъ рабочихъ, мельница, пекарня и т. д. При первой опасности все это населеніе спасается во внутренній (верхній) дворъ или даже въ самую замковую башню. Верхній дворъ опять-таки отгороженъ отъ нижняго зубчатой стѣной, и проникнуть въ него можно только черезъ укрѣпленныя ворота. Здѣсь на внутреннемъ дворѣ конюшня барона, къ стѣнѣ пристроены погреба и амбары, клѣтки съ медвѣдями, шесты и жерди для соколовъ, господская часовня и кухня въ видѣ какого-то колокола съ трубой; отсюда должны экюйе съ жаренымъ въ рукахъ пробѣгать дворъ и взбираться по ступенямъ подъѣзда (perron). Въ королевскихъ замкахъ между часовней (капеллой) и замковой башней возвышается еще дворецъ (palais) съ парадной лѣстницей и сводчатыми окнами. Но въ обыкновенныхъ замкахъ среди верхняго двора помѣщается только главная башня, однако

въ ней вся сила: это послѣднее убѣжище феодала, котораго враги преслѣдуютъ въ его собственномъ замкѣ. Эта главная башня (donjon) всегда изъ камня, всегда на скалѣ или искусственномъ холмѣ, всегда господствуетъ не только надъ укрѣпленіями замка, но и надъ всей округой; во Франціи бывали башни футовъ въ 100 слишкомъ въ вышину, 72—76 футовъ въ ширину. Донжонъ замка де-Куси, оконченный въ 1230 г., возвышается на 64 метра при діаметрѣ въ 31 метръ; это самое красивое сооруженіе средневѣковаго рыцарства. Такія башни рѣдко имѣютъ правильную квадратную форму; чаще всего поперечникъ ихъ — удлиненный прямоугольникъ съ башенками по угламъ, иногда восьмиугольникъ, иногда—въ XIII в. чаще всего—кругъ. Центральная башня окружена опять-таки своей собственной стѣной („la chemise du donjon") и глубокимъ рвомъ. Входъ въ главную башню лежалъ обыкновенно футовъ на 20—40 надъ землей; взбираться можно было только по лѣстницѣ, которая убиралась вверхъ при первой опасности. Иногда отъ главной башни шелъ подъемный мостъ въ какое-нибудь другое строеніе рядомъ, и другого входа уже не было, какъ по подъемному мосту. Въ башнѣ три этажа, не считая подземелья; въ каждомъ этажѣ — одна - двѣ комнаты со сводами. Окна тоже со сводами, но вслѣдствіе толщины стѣнъ это скорѣе какія - то бойницы футовъ 8—10 глубиной. Въ первомъ этажѣ помѣщается парадная зала, гдѣ собираются вассалы, гдѣ поютъ жонглеры, гдѣ ѣдятъ или играютъ въ шахматы. Во второмъ и третьемъ этажахъ спятъ баронъ, его жена, дѣти, гости. Въ подвальномъ полутемномъ этажѣ—тоже еще жилье, но если спуститься ступеней 20—30 въ глубь, то тамъ уже полный мракъ; только при свѣтѣ восковой свѣчи можно различить желѣзную дверь, которая ведетъ въ тюрьму. Рыцарскія былины не щадятъ красокъ, чтобы описать ужасы этихъ подземелій: сырость, духота, жабы, тарантулы. Но жестокость бароновъ не знаетъ предѣловъ: узникамъ наглухо завязываютъ глаза, связываютъ руки за спину, надѣваютъ ошейникъ, цѣпи на руки, кольцо на ногу, ихъ пытаютъ, выжимаютъ кровь изъ-подъ ногтей, вонзаютъ въ тѣло желѣзныя спицы и т. д. Въ нѣкоторыхъ замкахъ изъ подземелья идутъ еще тайные ходы куда-нибудь за предѣлы стѣнъ, чтобы поддерживать сношенія во время осады (напр., въ замкѣ Курси). Въ ежедневной жизни барона большое значеніе имѣетъ и каменная лѣстница съ площадками (perron), которая ведетъ къ парадной залѣ дворца или башни, гдѣ она замѣняетъ въ такомъ случаѣ деревянный подъемный мостъ (plancher)

IX—X вв. На площадкѣ этой лѣстницы баронъ творитъ судъ, посвящаетъ въ рыцари и т. д. Замки бывали хороши болѣе снаружи, нежели внутри, гдѣ узкія окна, прорубленныя въ толстыхъ стѣнахъ, пропускали мало воздуха и свѣта. Поэтому бароны за предѣлами своихъ замковъ, у подножія наружныхъ стѣнъ разбивали тѣнистый паркъ (verger) съ фруктовыми деревьями, цвѣтами; въ этотъ паркъ выходилъ черезъ потайной ходъ баронъ съ семьей подышать воздухомъ полей и лѣсовъ.

Рыцари-грабители. Въ Германіи лучшіе замки воздвигались территоріальными князьями или даже императорами для защиты всего окружающаго населенія на случай вторженія враговъ (Reichsburgen). Прежде всего старались выбрать мѣсто, которое укрѣплено самой природой — недоступныя скалы или островъ среди озера, какъ при Шильонскомъ замкѣ, или хотя бы среди болотъ, только бы затруднить подвозъ осадныхъ орудій. Рыцарскіе замки не всегда служили охраной для барона и окрестнаго населенія: иногда они превращались, наоборотъ, въ разбойничьи гнѣзда, въ опорный пунктъ для систематическаго грабежа сосѣдей и проѣзжающихъ. Нѣмецкій рыцарь-поэтъ Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ разсказываетъ, напр., слѣдующій эпизодъ. 26 августа 1248 г. его посѣтили въ замкѣ Фрауенбургѣ два друга — Пильгеринъ изъ Карса (Pilgerin v. Kars) и Вейнольтъ. Ульрихъ только что принялъ ванну и легъ было отдыхать, когда они явились. Онъ наскоро одѣлся, принялъ гостей и предложилъ имъ поѣсть. Послѣ ѣды они уговариваютъ Ульриха вмѣстѣ отправиться на соколиную охоту; но, пока его люди были заняты сборомъ собакъ и соколовъ, гости мигнули своимъ оруженосцамъ, обнажили мечи, напали на хозяина, перевязали ему у горла шубу и потащили въ его же собственную башню. Слуги рыцарей-грабителей (Raubritter) изгоняютъ челядь Ульриха изъ замка; даже супруга Лихтенштейна лишается крова, а ея драгоцѣнности подвергаются разграбленію; только одного сына грабители удерживаютъ въ залогъ. Въ тотъ же день на выручку поэта поспѣшили друзья. Но Пильгеринъ вывелъ тогда Ульриха на балконъ съ петлей на шеѣ и пригрозилъ тотчасъ же сбросить его съ балкона, если онъ самъ не удалитъ друзей. На слѣдующій день грабитель потребовалъ съ хозяина выкупъ, а до поры до времени наложилъ на плѣнника тяжелыя цѣпи. Годъ и три недѣли Ульрихъ оставался взаперти и только въ сентябрѣ 1249 г. былъ, наконецъ, освобожденъ по ходатайству графа Мейтарта фонъ-Гёрцъ. Но двухъ сыновей и двухъ знатныхъ мальчиковъ ему пришлось оставить въ залогъ,

пока онъ не выкупилъ сполна и ихъ и замокъ. Императору Рудольфу Габсбургскому принадлежитъ честь уничтоженія въ Германіи большого числа разбойничьихъ гнѣздъ такихъ рыцарей-грабителей.

9. Домашняя жизнь рыцаря.

„Qui trop dort au matin maigre devient et las“ (Кто долго спитъ поутру, становится худъ и вялъ), говорила средневѣковая пословица. И вотъ королей приходилъ будить сенешалъ, а простыхъ рыцарей — шамбелланъ; они дергали за изголовье, а экюйе помогали уже одѣваться. Сверхъ рубашки рыцарь надѣвалъ короткіе штаны (bruoch, braie), доходящіе до колѣнъ и поддерживаемые поясомъ; нижняя часть ноги прикрывалась чѣмъ-то въ родѣ очень длинныхъ чулокъ, прикрѣпленныхъ ремнями къ поясу штановъ (это и есть chauce); на ноги надѣвались башмаки со шнурками или пуговицами. Сверхъ бѣлья рыцарь натягиваетъ льняной камзолъ, затѣмъ bliand (côte), т. е. суконный или шелковый кафтанъ, который до пояса плотно прилегаетъ къ тѣлу, а затѣмъ спускался складками на ноги; верхняя часть кафтана шнуровалась и къ ней пристегивались на ремняхъ широкіе рукава, какъ и у женщинъ. Въ холодъ поверхъ него рыцари носили еще surkôt на мѣху, а въ дорогѣ „kappe“, т. е. плащъ съ капюшономъ. Но офиціальная верхняя одежда, которую носилъ и рыцарь и его жена,—это мантія (mantel) безъ рукавовъ изъ шелковыхъ тканей съ горностаевой выпушкой. Мантія на правомъ плечѣ скрѣплялась пряжкой, а самъ рыцарь слегка придерживалъ ее рукой на высотѣ груди. Голову рыцарь прикрывалъ шапочкой. Одежда.

Умывшись или даже взявши ванну и одѣвшись, рыцарь начинаетъ молиться. Рыцарская молитва долго сохраняла характеръ восточнаго поклоненія: феодалъ распростирался крестомъ на землю, головой къ востоку; только постепенно перешли въ средніе вѣка къ простому колѣнопреклоненію. Но не довольствуясь одиночной молитвой, рыцарь шелъ затѣмъ слушать мессу въ сосѣдній монастырь или въ капеллу, которая находилась тутъ же у башни замка.

Но чѣмъ наполнялъ рыцарь весь остальной день, когда не было войны? Вѣдь, уединенная жизнь въ мрачномъ замкѣ должна была наводить мучительную скуку? Нисколько; феодалы умѣли изобрѣтать забавы, и рыцарскія былины насчитываютъ ихъ болѣе десятка. Рыцарь посѣщаетъ всѣ турниры въ округѣ, хотя бы расходы на Забавы.

вооруженіе и путь поглощали половину его дохода; охотится въ лѣсахъ или по болотамъ; ловитъ рыбу то въ прудахъ, то въ быстро бѣгущихъ ручьяхъ, или просто предпринимаетъ безконечныя прогулки въ луга и по степи. Но даже оставаясь въ предѣлахъ замка, рыцарь можетъ зимой по цѣлымъ часамъ сидѣть и грѣться у своего камина, переживая мысленно свои походы и турниры или прислушиваясь къ разсказу какого-нибудь паломника, а лѣтомъ — прохаживаться въ тѣни своего парка среди павлиновъ и лебедей. Онъ открываетъ свои двери для всевозможныхъ жонглеровъ, принимаетъ и угощаетъ гостей, упражняется на рапирахъ или даетъ другимъ уроки фехтовки; устраиваетъ травли дикихъ звѣрей, медвѣдей и вепрей, играетъ на день по двадцати партій въ шахматы, перемежая ихъ триктракомъ и игрой въ кости, а главное, хорошо ѣстъ, долго ѣстъ и много пьетъ, или, наконецъ, просто сидитъ подъ окномъ и смотритъ вдоль дороги на проѣзжихъ. Впрочемъ, в въ мирное время можетъ набѣжать какое-нибудь дѣло барону — судъ надъ зависимыми вилланами, хлопоты по хозяйству, надзоръ за челядью. У каждаго сеньёра есть, вѣдь, свой „дворъ", хотя бы его башня и была изъ дерева. Первое мѣсто среди этихъ придворныхъ принадлежитъ сенешалу (dapifer); бывало, у Меровинговъ онъ завѣдывалъ столомъ и хозяйствомъ ихъ помѣстій, но съ теченіемъ времени чуть было не превратился въ вице-короля, такъ что мнительные Капетинги уничтожили въ 1191 г. самый санъ. Но при простыхъ рыцаряхъ сенешалы не были такъ опасны и удержались; рыцарь вручалъ имъ иногда свое знамя, но и здѣсь они, главнымъ образомъ, оставались управляющими, экономами, стольниками. За сенешаломъ идетъ маршалъ, завѣдующій конюшнями, передвиженіями и палатками; шамбріэ, на отвѣтственности котораго лежитъ все внутреннее убранство комнатъ; бутельэ, распоряжающійся въ подвалахъ и погребахъ; ниже на цѣлую ступень стоятъ депансьэ, покупающій провизію, maître-queux и sorqueux, хозяйничающіе на кухнѣ, и, наконецъ, вся мелкая челядь: псари, курьеры, дозорщики, привратники и всякіе слуги безъ названій. Иногда среди всѣхъ этихъ министеріаловъ (domestici) встрѣчался еще и менестрель, т. е. пѣвецъ былинъ. Управленіе такой многочисленной челядью требовало часто непосредственнаго вмѣшательства барона и немного развлекало его въ свободное отъ войны время.

Обѣдъ. Время обѣда было особенно удобно для того, чтобы на дѣлѣ наблюдать за усердіемъ и ловкостью всего этого двора. Съ VI в., т. е. съ окончательнаго торжества варваровъ, античные триклиніи

исчезаютъ вмѣстѣ съ обычаемъ возлежать во время ѣды. Для пира въ рыцарскомъ замкѣ разставляютъ теперь обыкновенно вдоль и и поперекъ большой залы столы изъ досокъ, укрѣпляемыхъ на складныхъ козлахъ, а вдоль столовъ ставились скамьи. Одинъ изъ столовъ возвышался надъ всѣми другими: это было мѣсто для сеньёра и его избранныхъ гостей; передъ главнымъ столомъ ставили и самую высокую, роскошную скамью съ узорчатой спинкой. На другихъ скамьяхъ разсаживались вассалы. Кто же размѣщалъ эти столы и лавки, кто прислуживалъ во время обѣда? Челядь, отчасти знатная, отчасти вышедшая изъ крѣпостной среды. Знатную челядь составляли тѣ „башелье", рыцари безъ леновъ, которые жались къ могущественнымъ сеньёрамъ, затѣмъ экюйе и варлэ, еще только добивавшіеся рыцарства. Къ незнатной челяди принадлежали депансьэ, бутельэ и просто слуги. Прежде чѣмъ садиться за столъ, всѣ направлялись мыть руки при входѣ въ залъ, а затѣмъ каждый гость шелъ уже къ своей скамьѣ, гдѣ лежали для него ножъ, ложка и хлѣбъ. Рыцарскіе обѣды, а тѣмъ болѣе пиры бывали продолжительны: подавалось по 6, 7, 10 и болѣе блюдъ, больше все мясо и рыба, сильно приправленныя пряностями. Мясо домашнихъ животныхъ, убитыхъ на бойнѣ, встрѣчалось за столомъ гораздо рѣже, чѣмъ дичь четвероногая и пернатая. Подается ли олень цѣликомъ или плечо дикаго кабана, или четверть медвѣдя, чиненая пряностями, всякое жареное мясо безъ различія обливается горячимъ соусомъ изъ перца, куда иногда прибавляютъ еще немного гвоздики. Тутъ же надъ этой поѣдаемой дичью начинаются разсказы охотниковъ, при чемъ, конечно, много и преувеличеній („Assès i mentent li plusor")—замѣчаетъ поэтъ). За лѣсной дичью идутъ любимыя, хотя и жесткія, блюда рыцарей—жареные павлины и лебеди, которыми гости, можетъ быть, еще только наканунѣ любовались въ паркѣ хозяина, и всякая другая птица—домашняя и дикая. Потомъ идутъ какіе-нибудь пироги, но опять-таки съ начинкой все изъ тѣхъ же фазановъ, пулярокъ и голубей. Иногда хозяинъ взрѣзаетъ колоссальный паштетъ, а изъ него вылетаетъ сотня мелкихъ пташекъ, на которыхъ охотники тутъ же притравляютъ соколовъ. Неудивительно, если послѣ всѣхъ этихъ мясныхъ блюдъ рыцари, можетъ быть, холоднѣе отнесутся къ поданнымъ теперь лещамъ, голавлямъ, форелямъ; развѣ только что пирогъ съ угрями, какъ новинка, оживитъ на мгновеніе потухающій уже аппетитъ. Въ концѣ обѣда, вслѣдъ за вафлями и тортами, подаютъ, конечно, и фрукты: яблоки, винныя ягоды, гранаты, но

гости барона охотнѣе набрасываются опять на самыя ѣдкія пряности, на мушкатный орѣхъ, перецъ, гвоздику, инбирь, чтобы только заглушить вкусъ жира и мяса. Иногда подаютъ какіе-нибудь напитки, приправленные этими произведеніями Востока. Разумѣется, такой обѣдъ будитъ жажду, и громадные кубки наполняются послѣ каждаго блюда. Но чистому вину рыцари предпочитаютъ пряную, ароматичную смѣсь вина, меду и духовъ, въ особенности кларетъ [1]).

Отъ среднихъ вѣковъ дошло много поученій, какъ держать себя въ обществѣ, въ особенности за столомъ (напр., Reineri Phagifacetus sive de facetia comedendi; Altdeutsche Tischzuchten; Contenance de la table и т. п.). Наставленія, которыя даются въ такихъ сборникахъ, свидѣтельствуютъ о грубости общества, собиравшагося къ столу въ средніе вѣка. Не слѣдуетъ съѣдать хлѣбъ, прежде чѣмъ успѣютъ подать первое блюдо. Если сосѣдъ сидитъ справа, то надо ѣсть лѣвой рукой. Пальцы надо держать въ чистотѣ и коротко стричь ногти, потому что мясо приходится брать съ общаго блюда руками. Во время ѣды не чесать уже себѣ руками ни шеи, ни ушей, не чистить носа. Не мокать въ общую чашу кусковъ хлѣба, которые обкусываешь, не бросать назадъ обглоданныхъ костей, не распускать за столомъ пояса и т. п. Roman de la Rose даетъ совѣты дамамъ: хозяйка должна заботиться по хозяйству такъ, чтобы это было всѣмъ замѣтно, опаздывать нарочно къ столу, садиться послѣдней. Дамы не должны совать въ чашу пальцы до самыхъ суставовъ; онѣ могутъ брать куски кончиками пальцевъ, пить маленькими глотками, не обливаться и передъ кубкомъ обтирать жиръ съ губъ. Каковы должны были быть гости, нуждавшіеся въ подобныхъ совѣтахъ! Но въ залѣ, гдѣ идетъ пиръ, уже темнѣетъ, и появляются мальчики съ факелами въ рукахъ: употребленіе восковыхъ и сальныхъ свѣчей началось только преимущественно со второй половины среднихъ вѣковъ.

10. Военная жизнь рыцаря.

Турниры.

Война, охота и турниры наполняли большую часть жизни рыцаря. Когда церковь нападала на турниры, то ихъ защитники отвѣчали, что врядъ ли безъ этой предварительной школы молодые башелье рѣшились бы итти въ битву. Нѣтъ, съ увѣренностью

---

[1]) Кларетъ готовится тоже изъ вина, меду и пряностей.

бросается въ схватку только тотъ, кто не разъ видалъ свою кровь брызжущей на землю; кто испыталъ, какъ хрустятъ зубы подъ кулакомъ противника; кто знаетъ тяжесть врага, когда тотъ навалится вдругъ со всѣми своими доспѣхами; кто двадцать разъ былъ сбитъ и двадцать разъ подымался съ новой отвагою и бодростью.

Турниры нельзя вести ни отъ германскихъ игръ, описанныхъ Тацитомъ, гдѣ обнаженные юноши прыгаютъ среди мечей, ни отъ военныхъ маневровъ, описанныхъ Нитгардтомъ по поводу Страсбургской присяги. Средневѣковыя хроники приписываютъ иногда ихъ изобрѣтеніе Жоффруа де-Прельи, умершему въ 1066 г., но Дюканжъ доказалъ, что турниры существовали уже раньше. Одно можно сказать съ достовѣрностью: турниры зародились во Франціи и оттуда проникли уже въ Германію и Англію; недаромъ назывались они „галльскими схватками“ (conflictus gallici у Матвѣя Парижскаго). Гильомъ де-Ньюбёри († 1208 г.) разсказываетъ, будто бы Ричардъ Львиное Сердце ввелъ турниры въ Англіи, убѣдившись въ томъ, что французы именно имъ обязаны своимъ военнымъ превосходствомъ; то же передаетъ и Матвѣй Парижскій подъ 1194 г. Первоначально турниръ былъ примѣрнымъ сраженіемъ, гдѣ сталкивались два войска рыцарей. Отъ такого турнира средневѣковыя былины всегда отличаютъ joute, т. е. поединокъ двухъ рыцарей. Турниры навсегда остались опасною забавой; но въ XIII в. убитыхъ считали здѣсь десятками, не говоря о разрубленныхъ лицахъ и цѣлыхъ повозкахъ раненыхъ. Впослѣдствіи стали, впрочемъ, притуплять мечи и копья, назначенные для турнира. Средневѣковыя дамы не боялись крови и наполняли ложи и ступени на подмосткахъ для зрителей, убранныя коврами и знаменами. Но церковь никогда не могла примириться съ кровавой забавой. Уже Клермонскій соборъ, собравшійся въ Оверни въ 1130 г., при папѣ Иннокентіи II, запретилъ своимъ постановленіемъ турниры, потому что они не рѣдко стоятъ жизни людямъ. Если кто раненъ на такихъ играхъ, то ему не слѣдуетъ отказывать въ исповѣди и предсмертномъ причащеніи, но его надо лишить церковнаго погребенія, прибавляли отцы собора. Александръ III и оба великіе Иннокентія (III и IV) слѣдовали этому примѣру борьбы противъ турнировъ. Николай III въ 1279 г. велѣлъ кардиналу Симону де-С.-Сесиль отлучить отъ церкви всѣхъ рыцарей, принявшихъ участіе въ турнирѣ, который французскій король Филиппъ III разрѣшилъ исключительно по своей слабости. Впрочемъ у короля передъ глазами

былъ теперь живой примѣръ тому, какъ гибельны всѣ эти забавы. Его младшій братъ Робертъ де-Клермонъ сошелъ съ ума вслѣдствіе удара по головѣ на турнирѣ 1279 года и умеръ въ безуміи слишкомъ тридцать лѣтъ спустя. Подъ вліяніемъ уроковъ жизни и проповѣди церкви французскіе короли уже съ Филиппа Августа и Людовика Св. начали съ своей стороны безуспѣшную борьбу противъ любимой потѣхи французской знати.

Приглашенія на турниръ разсылались обыкновенно по всѣмъ сосѣдямъ на 20—30 лье въ округѣ. Кругомъ четырехугольнаго ристалища ставили два крѣпкихъ деревянныхъ барьера; между ними оставалась широкая дорога для людей, которые, съ одной стороны, не допускали народъ проникать за высокій внѣшній барьеръ, съ другой—черезъ низенькій внутренній, помогали рыцарямъ, сбитымъ съ коней; сюда допускаются и избранные зрители изъ толпы, остающейся за барьеромъ. Для дамъ и для судей турнира воздвигались наскоро ложи на подмосткахъ изъ дерева. Вся мѣстность кругомъ ристалища покрывается на время турнира множествомъ палатокъ, а въ самомъ городѣ, который устраиваетъ празднество, надъ всѣми окнами, надъ всѣми дверями укрѣпляются знамена гостящихъ рыцарей. На турниръ каждый рыцарь снаряжался точно такъ же, какъ и на битву. Подъ доспѣхи онъ сначала надѣвалъ senftenier, т. е., вѣроятно, туго набитый набрюшникъ въ родѣ тѣхъ нагрудниковъ, которые надѣваются у насъ при фехтовкѣ; онъ, должно быть, опускался и на верхнія части ногъ. Затѣмъ рыцарь натягиваетъ кольчугу изъ желѣзныхъ колецъ, доходившую въ XII в. до колѣнъ, съ рукавами до кулака и капюшономъ изъ мелкихъ колецъ на голову (hersenier), изъ-подъ котораго видны только носъ, глаза, ротъ; иногда при капюшонѣ была еще особая полоса изъ колецъ, которую въ случаѣ опасности можно было натянуть на нижнюю часть лица (ventaille). Ноги защищаются голенищами или вѣрнѣе, штанами изъ такихъ же колецъ, какъ и кольчуга (chauce de fer) и наколѣнниками. Голова прикрывается шлемомъ въ видѣ конической каски, опоясанной внизу широкимъ металлическимъ кольцомъ, отъ котораго отдѣляется длинная пластинка (nasal) для защиты носа. Рыцарское оружіе состояло изъ меча, копья, чтобы колоть, съ ясеневымъ древкомъ и желѣзнымъ наконечникомъ, и щита съ гербомъ. Гербы на щитахъ первоначально дѣлались изъ мѣху, а потому и цвѣта назывались именами животныхъ (черный цвѣтъ—Zobel, бѣлый—härmin и т. д.). Впослѣдствіи гербы расписывались золотомъ и серебромъ и красками бѣлой, черной, красной, голу-

бой, зеленой. Изъ рисунковъ чаще всего встрѣчались въ гербахъ левъ, леопардъ, пантера, медвѣжья лапа, волкъ, орелъ и т. д. До начала XIII ст. лошади не защищались броней. Но затѣмъ стали на лошадь надѣвать кольчужку, которая прикрывала голову, шею, грудь, часть живота, а подъ кольчужку натягивали попону изъ толстой матеріи; грудь, крестецъ и лобъ лошади защищались броней.

Руководятъ турниромъ и слѣдятъ за порядкомъ герольды, которые заранѣе объѣзжаютъ окрестности и оповѣщаютъ день праздника, а передъ началомъ турнира выкрикиваютъ имена рыцарей, выѣзжающихъ на состязаніе. По мѣрѣ того, какъ турниры изъ простой кровопролитной битвы превращаются въ искусственное состязаніе и, съ цѣлью уменьшить опасности и неудобства этихъ жестокихъ военныхъ упражненій, подчиняются опредѣленнымъ правиламъ, герольды, „глашатаи“, выростаютъ въ церемоніймейстеровъ. Самый обычай провозглашать имя рыцаря, выѣзжающаго на ристалище, разростается въ хвалебныя рѣчи въ честь бойца, за которыя рыцари щедро платятъ прославляющему ихъ герольду. Герольдъ вторгается тутъ уже въ область менестрелей или жонглеровъ. Общественное положеніе герольдовъ повышается вмѣстѣ съ расширеніемъ круга ихъ обязанностей. Благодаря турнирамъ, они накопляютъ много спеціальныхъ свѣдѣній о различныхъ странахъ, войнахъ и рыцарскихъ родахъ. Литература XV в. обязана этому сословію нѣсколькими изъ своихъ выдающихся произведеній. Передъ началомъ турнира герольды ѣхали впереди всей процессіи рыцарей; во время битвы они постоянно ободряли сражающихся, напоминая имъ подвиги ихъ предковъ, или взывали къ дамамъ, чтобы тѣ имѣли жалость къ своимъ рыцарямъ и не щадили знаковъ любви. И вотъ дамы, которыя уже до начала состязаній раздавали знакомымъ рыцарямъ свои шелковые рукава на знамена, теперь, во время битвы, постоянно бросаютъ на арену платки, перчатки, вѣера, мантильи.

Условія турнировъ бывали различны. Иногда побѣда сводилась къ тому, что рыцарь ломалъ три копья, нанося противнику мѣткіе удары то въ центрѣ щита между четырехъ гвоздей, то въ грудь, или, что считалось уже верхомъ искусства, въ шею подъ подбородокъ, туда, гдѣ оканчивался шлемъ и оставалось мѣсто наименьшаго сопротивленія. Но въ другихъ случаяхъ старались вышибить противника изъ сѣдла, свалить на землю, пролить немного крови. Турниръ распадался на 100—200 отдѣльныхъ состязаній. Передъ каждой схваткой рыцарь садился на боевого коня, наклонялъ копье

книзу, пригиналъ голову и, закрывшись щитомъ, пришпоривалъ коня на противника; первое столкновеніе двухъ рыцарей бывало обыкновенно ужасно. Важно было вѣрно нацѣлить копьемъ, чтобы оно не пошло вверхъ, не уклонилось слишкомъ внизъ, или не скользнуло бы въ сторону. Иногда состязаніе оканчивалось въ нѣсколько мгновеній, и при первомъ же столкновеніи одинъ изъ рыцарей чувствовалъ, что копье противника, обезвреженное шишкой на концѣ, ударилось ему въ ротъ и выбило зубы; зато, можетъ быть, онъ самъ сломалъ другому рыцарю ключицу. Оба лежатъ безъ чувствъ на землѣ, а испуганные кони шарахнулись въ сторону. Но все это еще не главный турниръ; это только поединки. Послѣ нѣсколькихъ дней такихъ схватокъ страсти разгораются, и рыцари требуютъ настоящаго турнира. Тогда всѣ участники дѣлятся на двѣ шеренги, которыя выстраиваются другъ противъ друга, чаще всего по національностямъ; нѣмцы противъ французовъ, бургундцы противъ уроженцевъ Гэно. Бой идетъ уже не на аренѣ, а въ открытомъ полѣ. Горе тому, кого сшибутъ здѣсь съ лошади: его растопчутъ. Отъ одной пыли можно здѣсь задохнуться. Герольды молятъ дамъ сжалиться и прекратить кровопролитіе. Иногда только ночь останавливала разгорѣвшихся бойцовъ. Побѣдители не удовлетворяются одной только славой, которую разглашаютъ герольды. Они берутъ противниковъ въ плѣнъ и заставляютъ платить выкупъ; у побѣжденнаго отнимали лошадь, оружіе. Для ловкихъ, но бѣдныхъ рыцарей турниръ превращался прямо въ наживу. Зато другіе, несмотря на всѣ свои побѣды, только разорялись на турнирахъ, бросая громадныя деньги на путевыя издержки, на костюмъ своей дамы, на свою роскошную жизнь во время празднества. Послѣ турнира дамы раздавали иногда награды побѣдителямъ, но въ XIII в. такой наградой былъ развѣ какой-нибудь соколъ, поясъ или щитъ, украшенный драгоцѣнными камнями.

Смерть рыцаря.

Настоящія битвы первой половины среднихъ вѣковъ мало чѣмъ отличаются отъ такихъ турнировъ. Правда, мечи тогда отточены, на остріяхъ копій нѣтъ предохранительныхъ шишекъ, и смерть гораздо чаще слѣдуетъ за ловкимъ ударомъ, чѣмъ на состязаніяхъ. Но смерть на полѣ сраженія, въ особенности въ битвѣ съ невѣрными на защиту христіанства—лучшее завершеніе славной жизни рыцаря. Только мученичество стоитъ выше подобной смерти. Вотъ, какъ, напр., изображается смерть истиннаго рыцаря въ поэмѣ „Бургонецъ Обери“ (Oberi le Bourgoind).

Идетъ большая битва между сарацинами и баварцами, которыми предводительствуетъ король Орри. Баварцы бьются хорошо, но ничего не могутъ сдѣлать, потому что противъ нихъ вышло 20 тысячъ невѣрныхъ. Всѣ христіане побиты или попали въ плѣнъ, кромѣ тридцати. Эти заставили бы сарацинъ дорого заплатить за себя, но врагъ слишкомъ многочисленъ, и вотъ они пускаются въ бѣгство. Они спасаются въ городъ, но, о ужасъ, ворота заперли слишкомъ поспѣшно, и король Орри остался на полѣ битвы среди сарацинъ. Орри отбивается, но невѣрные убили уже подъ нимъ коня и тутъ же схватили и короля, упавшаго на землю. „Хочешь ли ты увѣровать въ Магомета?" спрашиваетъ его король невѣрныхъ Анкетенъ. Орри слышитъ, и вся кровь возмутилась въ немъ: если бы онъ былъ свободенъ, онъ охотно ударилъ бы невѣрнаго. „Не захочетъ Христосъ, чтобы ради тѣла я потерялъ душу", говоритъ Орри. „Иди со мной на Францію", искушаетъ Анкетенъ: „мы наведемъ такой ужасъ на короля Пипина, что я возьму у него Францію и отдамъ тебѣ". — „Нѣтъ, нѣтъ", отвѣчаетъ Орри: „я никогда не пойду противъ Франціи и никогда не отрекусь отъ Христа. Никогда я не совершу такого преступленія—сразу предать двухъ сеньёровъ". Тогда невѣрные начинаютъ жечь городъ, убивать жителей и ведутъ за собой Орри съ ошейникомъ на шеѣ. Защитники города укрываются въ башню замка. „Сдайте мнѣ дворецъ и башню, и я верну вамъ Орри, вашего сеньёра", кричитъ громко король невѣрныхъ. Гибуръ (Guiboure) издаетъ громкій крикъ, который слышатъ многіе; крикъ этотъ долетаетъ и до ея горячо любимаго мужа: „Добрый сиръ и король", спрашиваетъ она: „во имя Создателя, слѣдуетъ ли сдать замокъ и башню?" И нѣжно, съ любовью король Орри отвѣчаетъ: „нѣтъ, супруга, нѣтъ, это было бы безуміемъ. Если бы даже Анкетенъ владѣлъ всей землей до великой Индіи, я всетаки лучше умеръ бы сегодня же". Когда Анкетенъ услыхалъ эти слова Орри, то кровь закипѣла въ немъ отъ гнѣва. Онъ велитъ снять платье съ баварскаго короля; на глазахъ у его жены, которая сильно страдаетъ, невѣрные дѣлаютъ кипящую смѣсь изъ сѣры и смолы и, капля за каплей, льютъ ее по всему тѣлу Орри. Этотъ ужасный жаръ такъ мучителенъ, что король христіанскій не можетъ произнести ни слова и падаетъ почти безъ чувствъ. „Отрекаешься ли ты?" повторяетъ невѣрный.—„Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ пусть не будетъ и рѣчи", возражаетъ снова Орри: „всѣ, кто вѣруетъ въ Магомета, обнаженными сойдутъ прямо въ пекло". Услышавши это, Анкетенъ приходитъ въ бѣшенство. Онъ велитъ

бросить короля Орри на землю и горячимъ желѣзомъ вырвать у него глаза изъ головы. Король Баварiи кричитъ отъ боли, вопитъ, но не отчаивается и начинаетъ молиться Христу. Его жена все видитъ и слышитъ и близка къ безумiю... Невѣрные продолжаютъ мучить Орри. Они привязываютъ его къ калиновому кусту на распутьѣ, окружаютъ его всѣ и начинаютъ бросать въ него каждый свое копье. Постепенно они покрываютъ его ранами со всѣхъ сторонъ. Орри опускается на колѣни и съ молитвой предаетъ свою душу Господу. Ангелы спускаются, чтобы отнести ее къ Творцу. Такъ умирали, бывало, только мученики во время гоненiй римскихъ цезарей.

II. Культъ женщинъ. Утонченное рыцарство XIII в. и упадокъ стараго феодальнаго рыцарства.

Любовь. Извѣстно, что уже германцы эпохи Тацита, въ отличiе отъ другихъ варваровъ, съ уваженiемъ относились къ женщинамъ своего племени. На войнѣ германцы часто щадили женщинъ даже непрiятельскаго племени. Такую пощаду оказалъ Тотила женщинамъ Неаполя и Рима, а когда знатный готъ оскорбилъ неаполитанскую дѣвушку, то король велѣлъ казнить виновнаго, а имущество его отдать обиженной. Скандинавы узаконили этотъ „миръ для женщинъ“ на случай всѣхъ своихъ войнъ и семейныхъ раздоровъ. Германскiе поэты, конечно, высоко ставили женскую красоту. Какова же должна быть эта германская красавица? Золотые волосы падаютъ у нея на лобъ, бѣлѣе снѣга; тонкiя, прямыя брови тянутся надъ глазами, обаянiе которыхъ неотразимо; щеки и уста и бѣлы и румяны; зубы безупречные, словно точеные изъ слоновой кости. Глаза разставлены у красавицы широко другъ отъ друга, носъ прямой, не слишкомъ тупой, не слишкомъ острый, подбородокъ округлый, съ бѣлоснѣжной ямочкой; шея и затылокъ, какъ у лебедя; станъ длинный, стройный, но все же полный, а въ поясѣ тонкiй, нѣжный, гибкiй, какъ у муравья и т. д. Любовь, о которой говорила древнѣйшая германская поэзiя, была чужда и страстности и вычурности. Это болѣе довѣрiе, дружба, преданность, теплота; она вспыхиваетъ не сразу, но зато, вспыхивая, охватываетъ всю душу, разумъ и сердце и никогда уже не угасаетъ. Самое слово для такой любви „Minne“ производится отъ корня, означающаго умственную дѣятельность—помнить „о любимомъ человѣкѣ (по-мин-ать)“. До половины XIII в. сохраняетъ это

слово свой духовный, чистый смыслъ; только постепенно подъ вліяніемъ извращенной поэзіи примѣшивается къ слову „Minne" оттѣнокъ грубой чувственной страсти, и оно изчезаетъ изъ языка высшихъ сословій. Правда, и древняя поэзія знала мгновенно вспыхивающую страсть, болѣе мучительную, нежели отрадную, но она представлялась поэту какой-то болѣзненной слабостью человѣка, объяснялась чарами, волхвованіемъ надъ рунами [1]). Сѣверная поэзія знала особыя „руны любви".

Скальдъ Эгиль Скалагримссонъ приходитъ во время странствованій къ крестьянину Торфиниру и находитъ, что дочь его Гельга больна. Онъ чуетъ колдовство и, дѣйствительно, находитъ на постели у дѣвушки брусокъ съ рунами. Тотъ, кто вырѣзывалъ ихъ, не зналъ, какъ слѣдуетъ, этого искусства и вмѣсто „рунъ любви", которыми думалъ приворожить дѣвушку, вырѣзалъ руны, отъ которыхъ чахнутъ. Народный проповѣдникъ XIII в. Бертольдъ Регенсбургскій смѣется еще надъ этими предразсудками: „многія берутся за злыя чары, думая приворожить сына крестьянскаго или слугу. Ахъ ты, дурочка, отчего не приворожишь ты себѣ лучше графа или короля; вѣдь тогда ты была бы королевой".

Но уваженіе къ женщинамъ у германцевъ носило болѣе религіозный оттѣнокъ, не давая имъ никакого свѣтскаго вліянія. На женщину смотрѣли, какъ на существо, слабое силами тѣлесными, но сильное духовно и имѣющее право на снисхожденіе, почтительность, защиту. Но женщина у германцевъ рѣдко выдвигалась въ первые ряды свѣтскаго общества и никогда не становилась средоточіемъ умственной или политической жизни. Веледа принадлежала болѣе къ существамъ сверхчеловѣческимъ. Женщина всегда стояла въ зависимости отъ какого-либо мужчины, какъ ребенокъ въ домѣ отца, какъ жена въ замкѣ рыцаря. Не въ законахъ, а въ чистотѣ нравовъ коренилось почетное положеніе германской дѣвушки. Съ ней часто обходились жестоко, грубо, но не распутно, ей могли наносить побои, но не безчестіе. Вотъ въ чемъ стояла она неизмѣримо выше женщины греко-римской. Среди скандинавскихъ пѣсенъ, вошедшихъ въ стихотворную эдду, выдаются по древности, простотѣ и поэтической силѣ двѣ пѣсни о Гельги, сынѣ Сигмунда, сводномъ братѣ Сигфрида; онѣ поютъ о любви въ древне-германскомъ духѣ.

Гельги—истый отпрыскъ рода Вольсунговъ. На радость друзьямъ

[1]) Руны—древній германскій алфавитъ.

юноша выростаетъ, какъ вязъ; онъ не бережетъ золота для товарищей, не щадитъ меча для враговъ. Когда ему минуло 15 лѣтъ, онъ мститъ за своего отца Сигмунда королю Гундингу, который отнялъ у того и жизнь и имущество. Сыновья Гундинга испугались и предлагаютъ виру за Сигмунда, хотя имъ слѣдовало бы кровью воздать за убійство ихъ отца. Но юноша не беретъ золота... Алчно воютъ волки бога битвъ, сѣется богатая жатва труповъ, и молодой герой избиваетъ весь родъ враговъ. Вдругъ молніи засверкали надъ горами, и на небесныя поля выѣзжаютъ въ шлемахъ, окровавленныхъ кольчугахъ и съ сіяющими копьями дѣвы битвъ (валькиріи). Гельги окликаетъ ихъ и зоветъ на ночной пиръ. Но съ лошади отвѣчаетъ молодому герою Сигруна, дочь Гагена: „намъ не до пиршествъ. Съ нелюбимымъ человѣкомъ, со свирѣпымъ Гёдброддромъ обручилъ меня отецъ, и черезъ нѣсколько ночей онъ возьметъ меня себѣ въ жены, если ты не похитишь меня или не вызовешь короля на бой. Не тебѣ бояться этого короля съ кошачьей храбростью“. Гельги вызвалъ Гёдброддра на бой, и оба плывутъ со своими отрядами на избранное мѣсто. Корабли шумятъ по морю, но начинается буря, и волны грозно бьютъ въ киль Гельги. Сами скалы готовы разбиться въ куски въ бушующей влагѣ, но Сигруна охраняетъ любимаго человѣка и спасаетъ корабли и войско. Безчисленное множество судовъ и народовъ собралъ Гёдброддръ; на его сторонѣ отецъ и братья Сигруны, негодующіе на отважнаго похитителя невѣсты. Земля дрожитъ, когда сталкиваются копья и щиты, но Гельги не знаетъ страха и впереди всѣхъ въ схваткѣ. Враги падаютъ, ворону и волку достается роскошная трапеза, но самого героя охраняетъ дѣва битвъ. Сигруна, которая въ былые дни на гибель воинамъ направляла стрѣлы, шепчетъ теперь Гельги: „ты невредимымъ выйдешь со своими воинами изъ битвы, и добычей будетъ тебѣ невѣста, дочь Гагена, и его земля“. Когда умолкаетъ шумъ битвы, Сигруна блуждаетъ по полю сраженія; къ радости о побѣдѣ любимаго человѣка примѣшивается горькая скорбь о смерти отца и братьевъ, изъ которыхъ Гельги пощадилъ только одного. Никто не смѣетъ теперь болѣе разлучить влюбленныхъ, но ихъ счастье длится не долго, потому что оно замарано кровью. Дагъ, братъ Сигруны, поклялся, правда, зятю блюсти миръ, но чувство кровной мести сильнѣе клятвы. Даже Одинъ зоветъ его къ дѣлу и даетъ ему свое собственное копье. Гельги падаетъ отъ оружія, противъ котораго нѣтъ защиты. Дагъ самъ приходитъ къ сестрѣ, чтобы обвинить себя: да, онъ

убилъ лучшаго изъ князей міра. Тщетно предлагаетъ онъ самую богатую виру, тщетно сваливаетъ вину на Одина. Сигруна проклинаетъ брата: да будетъ онъ волкомъ въ лѣсу, пусть бѣжитъ отъ него всякая радость; лошадь, корабль пусть не трогаются подъ нимъ съ мѣста, мечъ пусть становится тупымъ у него въ рукѣ, но острымъ, когда ударитъ его самого по черепу.

Надъ трупомъ Гельги насыпается могильный холмъ. Вечеромъ дѣвушка, служащая Сигрунѣ, идетъ около гробницы, и вдругъ передъ ней ѣдетъ къ могильному холму умершій повелитель съ большой дружиной. „Не видѣніе видишь ты передъ собой", говоритъ онъ дѣвушкѣ: „и не послѣдній день міра; мы гонимъ быстрыхъ коней шпорами, потому что герои отпущены домой на побывку". Дѣвушка идетъ домой и говоритъ Сигрунѣ: „Спѣши. Могильный холмъ раскрытъ. Явился Гельги и зоветъ тебя исцѣлить ему раны". Сигруна спускается въ холмъ къ супругу и обнимаетъ его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ снять окровавленную кольчугу, цѣлуетъ и жалуется, что руки его холодны и весь онъ мокрый отъ могильной росы. А Гельги отвѣчаетъ: „ты сама виновата въ этомъ, ибо каждая вечерняя слеза твоя горькой каплей крови падаетъ на мою ледяную грудь и жжетъ ее. Но давайте пить, и пусть никто не жалуется на рану у меня въ груди, потому что супруга со мной, съ мертвымъ". Сигруна хочетъ дремать теперь въ могилѣ на его груди, какъ она дѣлала это бывало при его жизни, а Гельги, тронутый любовью, которая не боится даже мертваго, восклицаетъ: „Сбылось, чего никто не ожидалъ; царственная дочь Гагена, живая, дремлетъ въ объятіяхъ мертвеца"; и такъ дремлютъ они до зари, но, пока не прокричалъ еще пѣтухъ, Гельги долженъ торопиться въ путь въ Валгаллу, а Сигруна ворочается въ свое одинокое жилище. Вечеромъ снова ждетъ она возвращенія возлюбленнаго, но ждетъ напрасно. Не долго, однако, сидитъ она одиноко съ тоской у могильнаго холма: сердце ея разрывается отъ разлуки съ мужемъ. Такова любовь въ древнѣйшей поэзіи германцевъ. Мужчина завоевываетъ ее подвигами, а женщина любитъ мужа за его доблесть, цѣнитъ его привязанность, а не играетъ ею, какъ придворныя дамы эпохи миннезингеровъ и трубадуровъ. Эта „Minne" и длится до гробъ, слѣдуетъ даже въ могилу. Не даромъ выработался погребальный обрядъ, гдѣ женщина, пережившая любимаго человѣка, слѣдовала за нимъ на костеръ, пожиравшій покойника съ его конемъ оружіемъ и ладьей.

Вліяніе Юга и Востока.

Но вся рыцарская жизнь и въ особенности отношеніе къ жен-

щинѣ перерождается въ XII—XIII вв. подъ вліяніемъ Крестовыхъ походовъ. Вмѣсто грубыхъ воиновъ, появляются утонченные придворные рыцари; женщины перестаютъ скромно удаляться въ семейную среду и выдвигаются на первое мѣсто въ обществѣ, начинаютъ даже повелѣвать мужчинами, изнывающими въ преклоненіи передъ ними. Походы на Востокъ, въ Византію и Іерусалимъ, впервые раскрыли феодальному рыцарству глаза на весь необъятный міръ, въ противоположность узкому міру римско-католическому. Въ бывшихъ византійскихъ провинціяхъ, Малой Азіи, Сиріи, остатки умственной и художественной жизни античнаго человѣка ярко смѣшивались съ пылкостью и роскошью восточной фантазіи, съ чувственностью и изнѣженностью нравовъ магометанъ. Поэзія и наслажденіе переплетались здѣсь въ чарующую дымку, прикрывавшую всѣ грубыя стороны быта. Дикой и узкой должна была сразу представиться феодалу вся его прежняя уединенная жизнь въ мрачномъ замкѣ. Подъ южнымъ небомъ, среди благословенной природы, гдѣ на ряду съ опасностями рыцарство находило и небывалую по богатству добычу, впервые запала въ его душу страсть къ наслажденіямъ, къ утонченному удовлетворенію и всѣхъ своихъ пяти низшихъ чувствъ и самыхъ высокихъ потребностей ума и сердца. Но средневѣковый человѣкъ, пройдя школу германской семьи и христіанскаго рыцарства, не погрязъ въ наслажденіи для наслажденія, подобно Востоку, и даже не увлекся одностороннимъ эстетическимъ идеаломъ античнаго міра. Впервые взглянувши на вселенную, какъ на кубокъ радости, рыцарство не удовлетворялось тѣмъ, что давала ему дѣйствительность. Вѣдь церковь призывала рыцарство трудиться надъ осуществленіемъ на землѣ идеала царства Небеснаго; такъ и въ своемъ стремленіи къ счастью рыцари стали искать неземныхъ, идеальныхъ радостей. Исканіе идеаловъ въ соединеніи съ потребностью наслаждаться уже дѣйствительностью и составляетъ особенность рыцарскаго духа XIII вѣка. Въ душѣ рыцаря уживались эти два противоположныхъ стремленія и порождали, между прочимъ, вычурный культъ женщины. Окружая раболѣпнымъ поклоненіемъ какую-нибудь даму сердца, рыцарь въ сущности служилъ не ей, а тому идеалу женщины, котораго искала его душа и не находила; онъ обманывалъ себя самого и свои чаянія чего-то безконечно совершеннаго, чему стоило бы посвятить всю жизнь, наивно переносилъ на живую женщину, обратившую на себя его вниманіе, можетъ быть лишь одной красотою тѣлесною. Какъ разъ въ это время распространяется въ Западной церкви

культъ Дѣвы Маріи, вѣроятно, подъ вліяніемъ знакомства съ византійской церковью, гдѣ поклоненіе Богородицѣ развилось и раньше и въ болѣе строгихъ формахъ. Бросаясь изъ крайности въ крайность, неуравновѣшанное рыцарское общество все чаще и чаще стало отъ женщинъ дѣйствительнаго міра восходить съ своимъ поклоненіемъ къ Св. Дѣвѣ, какъ къ идеалу всего женственнаго. Только этотъ небесный идеалъ, парившій надъ всѣми увлеченьями его несовершенными подобіями, и удерживалъ рыцарскую поэзію отъ полнаго матеріализма.

Культъ дамы.

Феодальное рыцарство, столкнувшись въ Крестовыхъ походахъ, перестаетъ сидѣть по своихъ замкамъ и жмется къ дворамъ тѣхъ сюзереновъ, которые раньше другихъ были охвачены новымъ духомъ. Такъ возникали впервые общественные центры, гдѣ стали царить женщины. Рыцарь попрежнему обязанъ здѣсь служить всѣмъ женщинамъ, какъ существамъ слабымъ, но одной онъ посвящаетъ себя по преимуществу, какъ воплощенію идеала. Не женщина преклоняется теперь передъ доблестью героя, а рыцарь передъ красотой своей дамы сердца. Провансальскіе трубадуры выработали цѣлую систему культа женщины и различали въ немъ нѣсколько ступеней. На первой стоитъ робкій рыцарь, который носитъ уже въ сердцѣ тайную любовь, но не смѣетъ еще открыться возлюбленной; если ободряемый своей дамой, онъ рѣшается на признаніе, то онъ подымается уже на вторую ступень и становится „молящимъ“. Если дама допускаетъ его къ открытому служенію себѣ, рыцарь превращается въ „услышаннаго“ и т. д. Итакъ, допущенію къ культу предшествовало болѣе или менѣе продолжительное испытаніе въ доблести и вѣрности. Выдержавъ искусъ, рыцарь становился вассаломъ своей дамы. Какъ при заключеніи вассальной зависимости, такъ и здѣсь онъ преклонялъ колѣно, влагалъ свои руки въ руки „сюзерена“ сердца, а сюзеренъ давалъ ему поцѣлуй и кольцо, какъ символъ соединенія душъ. Отнынѣ рыцарь начиналъ носить цвѣта дамы и гербъ, который она дала ему. Гербомъ бывало ея кольцо, поясъ, ея вуаль или рукавъ. Рыцарь укрѣплялъ даръ любви на щитѣ или копьѣ и, чѣмъ больше рубили этотъ символъ въ битвѣ, тѣмъ сильнѣе радовалась дама. Иногда дамы требовали отъ своихъ рыцарей какого-либо чрезвычайнаго доказательства любви и послушанія, чаще всего участія въ крестовомъ походѣ. Избалованныя всеобщимъ культомъ, дамы не всегда соблюдали границы уваженія, которое должна была бы внушать имъ доблесть ихъ поклонниковъ. Онѣ привыкали играть

чувствомъ, которое относилось даже не къ нимъ, а къ идеалу. Тангейзеръ, лирикъ XIII в., смѣется надъ этимъ женскимъ высокомѣріемъ: „То я долженъ принести красавицѣ саламандру, то заставить Рону течь къ Нюренбергу, а Дунай перебросить черезъ Рейнъ. Едва скажу я „да", какъ она говоритъ уже „нѣтъ"... Одна надежда осталась еще у меня: если гора растаетъ, какъ снѣгъ, тогда отвѣтитъ она мнѣ любовью. Дерево стоитъ гдѣ-то далеко въ Индіи; если я принесу его ей, тогда исполнитъ она мое желаніе... Ей нуженъ и св. Граль, который охранялъ Парсиваль, и яблоко, которое Парисъ далъ Венерѣ... О горе мнѣ, я буду ей отнынѣ ненавистенъ, если не достану сейчасъ же ковчегъ, откуда Ной выпускалъ голубей" и т. п. Въ „Frauenbuch und Frauendienst" нѣмецкій рыцарь-поэтъ XIII в., Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ, самъ воспѣлъ всѣ причуды своей дамы и все свое собственное юродство во имя ея. Еще будучи экюйэ, избираетъ онъ себѣ даму сердца и съ восторгомъ пьетъ воду, въ которой она мылась. Съ годами растетъ и его безуміе: онъ отрѣзаетъ себѣ слишкомъ широкую верхнюю губу, потому что этого требуетъ дама. Ульрихъ укололъ палецъ, но дама находитъ, что эта рана пустякъ; тогда Лихтенштейнъ отрубаетъ весь палецъ и посылаетъ его дамѣ въ богатой коробочкѣ: но дама видитъ теперь въ этомъ только верхъ безразсудства. А между тѣмъ у этого Ульриха фонъ-Лихтенштейна въ замкѣ есть жена, къ которой онъ сердечно привязанъ, но для отвлеченнаго культа въ духѣ времени онъ избралъ другую женщину.

Упадокъ рыцарства. Неудивительно, если жалобы на упадокъ стараго феодальнаго рыцарства начались очень рано. Его расцвѣтъ въ сущности XII в., а въ XIII вѣкѣ начинается уже переутонченность. Романы „Круглаго Стола" (о королѣ Артурѣ и его 12 паладинахъ, о волшебникѣ Мерлинѣ, о Тристанѣ и Изольдѣ и т. д.) не имѣютъ ничего общаго со старымъ рыцарствомъ, какъ его рисуетъ французскій эпосъ. Школа Кретьена де-Труа (Chretien de Troyes), трувера конца XII в., стала черпать сюжеты изъ кельтическихъ преданій Бретани и Уэльса и внесла новый духъ эпохи Крестовыхъ походовъ въ рыцарскую поэзію, которая раньше была представлена германско-христіанскими Chansons de geste. „Les Romans de la Table Ronde", изображающіе рыцарство XIII в., кельтическаго происхожденія. Чувственные и легкомысленные, остроумные и тонкіе, чарующіе въ своихъ описаніяхъ, эти пріятные романы никогда не отличались мужественностью, а скоро становятся прямо изнѣженными. Темы всегда почти однѣ и тѣ же. Среди красивыхъ пейза-

жей, оживляемыхъ птицами и цвѣтами, гордо ѣдетъ молодой рыцарь въ поискахъ чего-то неизвѣстнаго и переживаетъ много приключеній, слишкомъ похожихъ другъ на друга; тутъ наглые вызовы, прекрасныя дуэли, заколдованные замки, тонкія любовныя похожденія, таинственные талисманы; чудесное мѣшается со сверхъестественнымъ, волшебники со святыми, феи съ ангелами; все это разсказывается языкомъ чистымъ, отшлифованнымъ, обработаннымъ въ совершенствѣ. Эта утонченная поэзія существовала уже и въ XII в. (въ особенности, напр., Парсиваль) наряду съ шансонъ де-жестъ, но съ XIII в. она взяла верхъ въ литературѣ, а въ XIV в. рыцари Круглаго Стола, въ лицѣ Валуа, сѣли на тронъ Франціи.

Кромѣ переутонченности, причиной упадка стараго рыцарства нужно считать и богатство, которое раньше всего пріобрѣли себѣ рыцари въ орденахъ. Уже Пьеръ де-Блуа, французскій богословъ конца XII в., бичуетъ алчность и жажду удовольствій въ средѣ рыцарей: „Едва успѣютъ они получить рыцарскую перевязь, какъ уже подымаются противъ помазанниковъ Господа, протягиваютъ руки къ наслѣдію Распятаго и грабятъ бѣдныхъ. Нужно ли имъ отправляться на войну, такъ ихъ вьючные лошади нагружены виномъ, а не желѣзомъ, бурдюками, а не мечами, вертелами, а не копьями. Право, можно подумать, что они идутъ на обѣдъ, а не въ битву. Конечно, ихъ щиты вызолочены въ совершенствѣ, но они приносятъ ихъ назадъ новенькими и безъ зазубринъ. Что касается до рыцарскихъ сраженій, такъ битвы изображены на ихъ доспѣхахъ и сѣдлахъ, но и только". Въ литературѣ появляются сатиры на рыцарство, которыя, въ свою очередь, содѣйствуютъ упадку рыцарскаго духа и торжеству—въ глазахъ общественнаго мнѣнія—будничныхъ добродѣтелей горожанъ.

Уже въ XIII в. появился Одижье (Audigier), шуточная поэма, издѣвающаяся надъ обрядами рыцарства. Вотъ какъ, напр., братья посвящаютъ здѣсь Одижье въ рыцари: воина возводятъ на кучу навоза, оружіе приносятъ ему въ корзинахъ, на голову надѣваютъ стальной шлемъ, который года три пролежалъ въ закладѣ изъ-за какого-то динарія; лошадь его съ толстой головой, шея воронкой, а спина остра, какъ рыбья кость; она дѣлаетъ три шага, а на четвертомъ уже останавливается. „Какой борзый конь", не безъ страха восклицаетъ Одижье: „о Господи! спасите мою голову, сохраните ее для смертнаго боя и т. д.". Такіе жалкіе рыцари стали, однако, встрѣчаться не только въ сатирѣ, но и въ жизни; явилась необходимость лишать ихъ званія, которое они унижали, и вотъ

вырабатывается особый обрядъ разжалованія (въ XIV—XVI вв.). Рыцаря возводили на эшафотъ, гдѣ ломали и топтали ногами его оружіе, а щитъ, лишенный герба, бросали въ грязь; духовенство служило панихиду, какъ по мертвомъ, и читало надъ головой виновнаго псаломъ съ проклятіями измѣнникамъ. Герольдъ бралъ сосудъ съ теплой водой и выливалъ ее на голову опозорившагося рыцаря, дабы смыть съ него печать святости, дарованную ему при посвященіи. Затѣмъ разжалованнаго клали на носилки, покрытыя погребальными покровами, и несли въ церковь, гдѣ его уже отпѣвали, какъ „умершаго". Правда, въ XII в. этотъ обрядъ еще былъ гораздо проще: провинившемуся рыцарю только отрубали шпоры у самыхъ пятокъ.

12. Рыцарство въ эпоху Столѣтней войны и его конецъ.

Фруассаръ.

Развитіе европейскихъ національностей послѣ Крестовыхъ походовъ скоро ведетъ къ борьбѣ между ними. Столѣтняя война между Франціей и Англіей въ XIV вѣкѣ вноситъ идею „національной чести" въ среду рыцарства обѣихъ враждебныхъ странъ, которое раньше составляло міровой, общечеловѣческій орденъ. Эта новая идея національнаго соперничества въ рыцарской доблести оживляетъ въ своеобразныхъ формахъ лучшія стороны всего учрежденія — воинское мужество, вѣрность сюзерену, любовь къ родинѣ, сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ низшимъ классамъ, принадлежащимъ къ тому же племени. Напротивъ, внѣшность рыцарства — напр., вычурный культъ женщинъ — входитъ въ разумныя рамки и удерживается ровно настолько, чтобы сообщить мягкость, гуманность и долю поэзіи общественнымъ отношеніямъ между людьми.

Хроникеръ XIV в. Фруассаръ, каноникъ Лестинскій и Шимейскій, въ хроникахъ, посвященныхъ преимущественно исторіи Столѣтней войны, прославлялъ современное ему французское и англійское рыцарство, подобно тому, какъ Chansons de geste воспѣвали феодальное рыцарство XI—XII вв., а миннезингеры и всѣ труверы легендъ о королѣ Артурѣ и орденѣ Круглаго Стола—утонченное придворное рыцарство XIII вѣка. Фруассаръ радовался, что онъ родился въ эпоху полнаго расцвѣта военнаго рыцарства: „Я родился на свѣтъ заодно съ подвигами и приключеніями", пишетъ онъ и вспоминаетъ слова, сказанныя ему лично однимъ рыцаремъ эпохи—графомъ Гастономъ де-Фуа по поводу его хроникъ: „въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ совершено болѣе военныхъ подвиговъ

и чудесъ въ мірѣ, нежели въ предыдущія 300 лѣтъ“. Графъ де-Фуа предсказывалъ поэтому, что хроника Фруассара о войнахъ Франціи и Англіи будетъ со временемъ цѣниться выше всякаго другого подобнаго труда. Подвиги рыцарей за первые годы Столѣтней войны были еще у всѣхъ въ памяти, когда Фруассаръ задумывалъ свой трудъ, и хроникеръ, сталкиваясь съ англичанами и французами, участвовавшими въ битвахъ, прямо изъ устныхъ разсказовъ черпалъ свою хронику. Во время своего путешествія на Югъ въ Беарнъ къ графу Гастону де-Фуа Фруассаръ недалеко отъ Анжера встрѣчается съ рыцаремъ Гильомомъ д'Ансени. Чтобы спокойнѣе разговаривать, они ѣдутъ вмѣстѣ шагомъ отъ Муліэрнъ (Mouliherne) до Рильи (Rilly) и, наконецъ, останавливаются для отдыха передъ открытой луговиной. „Видите вы тамъ эту башню?“ говоритъ рыцарь хроникеру: „это замокъ Рильи, который англичане и гасконцы укрѣпили однажды, чтобы отягощать поборами всю область Лоары. Видите вы также вонъ эту маленькую рѣчку и лѣсъ, который отѣняетъ ее? Мы перешли ее въ бродъ, притаились подъ этими вѣтвистыми деревьями, чтобы перехватить ихъ въ одинъ прекрасный день, когда они должны были ѣхать къ Сомюру. На этой самой лужайкѣ, гдѣ пасутся наши лошади и гдѣ мы съ такимъ удовольствіемъ спокойно бесѣдуемъ теперь на свободѣ, напали мы тогда на грабителей. Ихъ было 900 человѣкъ, у насъ насчитывалось до 500 копій. Мессиръ Жанъ де-Бейль развернулъ свое знамя, подъ которымъ въ этотъ день угодно было сражаться и Бертрану дю-Геклэну, на ряду съ Морисомъ де-Трезгиди (Trèseguidi), Жоффруа де-Кермель и другими доблестными рыцарями бретонскими, которые шли всюду за его шпорами. Схватка была кровавая и жестокая, но три сотни нашихъ враговъ остались распростертыми вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы разговариваемъ. Съ тѣхъ поръ не было больше въ этой странѣ ни англичанъ, ни гасконцевъ“. Разсказъ продолжался, потому что Гильомъ д'Ансени перешелъ къ дѣтству и къ предкамъ Бертрана дю-Геклена. „Ахъ, дорогой сиръ“, повторялъ только Фруассаръ: „вы мнѣ доставляете большое удовольствіе вашими воспоминаніями, я запомню все это и никогда не позабуду“. Отъ Памьэ до Ортеца (Orthez) Фруассаръ ѣхалъ десять дней по пути съ рыцаремъ Эспеномъ де-Ліонъ (Espaing de Lyon), однимъ изъ самыхъ мудрыхъ совѣтниковъ графа де-Фуа. Рыцарь показывалъ хроникеру самые знаменитые замки по пути и все время, пока они ѣхали лугами вдоль Гаронны, не переставалъ разсказывать кровавыя приключенія, сви-

Вообще послѣ трудовъ битвы рыцари любили поговорить о войнѣ и любви. Однажды во время осады города Реннъ (Rennes) англичанами рыцарь Оливье де-Мони (Manny) переплылъ въ полномъ вооруженіи крѣпостной валъ, чтобы только отнять у англійскаго рыцаря 6 куропатокъ, зарѣзанныхъ его ястребомъ, и поднести ихъ дамамъ города. И дѣйствительно, куропатки вмѣстѣ съ англійскимъ рыцаремъ взяты въ плѣнъ, но самъ сиръ де Мони тяжело раненъ во время подвига. Тогда онъ позвалъ своего плѣнника, вернулъ ему свободу, но за это попросилъ пропуска въ лагерь осаждающихъ, чтобы излѣчиться тамъ отъ своихъ ранъ. Въ лагерѣ его радушно принялъ герцогъ Ланкастерскій и осыпалъ на прощанье богатыми подарками: „Мони, передайте, пожалуйста, мой привѣтъ вашимъ дамамъ и дѣвицамъ", сказалъ герцогъ: „и скажите, что мы часто отъ души желали имъ куропатокъ". Дамы города Реннъ много смѣялись приключенію Оливье де-Мони, но всего болѣе смѣялся его кузенъ, знаменитый коннетабль Бертранъ дю-Гекленъ.

Трактатъ Жоффруа де-Шарни.

Другой французскій рыцарь изъ эпохи Столѣтней войны—шамбелланъ Карла V Жоффруа де Шарни (Charny) написалъ цѣлый трактатъ о рыцарствѣ, гдѣ нападаетъ на привязанность ко всему внѣшнему и причудливую условность въ рыцарскихъ правахъ, стараясь выдвинуть внутреннія нравственныя основы этого средневѣковаго учрежденія. Не слѣдуетъ забывать Бога изъ-за дамы сердца. „Любить любовью уваженія—это истинный путь для тѣхъ, кто хочетъ пріобрѣсти почести. Не рѣчами, а благородными подвигами служатъ лучше всего дамамъ, которыя будутъ въ большей чести, если онѣ сдѣлали рыцаря доблестнымъ". „Aime loyalment, si tu veula estre amés", „Qui plus fait, miex vault"—таковы начала, положенныя Шарни въ основу его разсужденія. „Право, это такъ хорошо—дѣлать добро", пишетъ онъ: „что, кто дѣлаетъ его, тотъ поистинѣ не можетъ утомиться, потому что, чѣмъ больше дѣлаешь добра, тѣмъ меньше кажется, что сдѣлалъ; такова сила удовольствія, въ которое втягиваешься, дѣлая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе добра. Первые короли, отъ которыхъ ведутъ свой родъ наши сюзерены (разсуждаетъ сиръ де-Шарни), были избраны Провидѣніемъ и призваны на тронъ только за то, что они были самыми мужественными и наиболѣе добродѣтельными: „Думаете ли вы", спрашиваетъ онъ: „что первые избранники призваны въ сеньёры для удовольствій и наслажденій? Конечно, нѣтъ. Призваны они, чтобы не любить и забыть Бога, его дѣла и Св. Церковь? Конечно, нѣтъ.

Сдѣланы они сеньёрами, чтобы угнетать простой народъ? Конечно, нѣтъ. Сдѣланы они сеньёрами, чтобы разорять подданныхъ, чтобы въ судѣ и справедливости дѣлать различіе между вельможами и маленькими людьми, чтобы быть жестокими, безжалостными, немилосердными? Конечно, нѣтъ".

Но Столѣтняя война, вдохнувшая было сначала новыя силы въ рыцарство Франціи и Англіи, въ концѣ концовъ, дала перевѣсъ началамъ, враждебнымъ ему. Война эта въ XV столѣтіи вызвала къ дѣятельности коммуны и крѣпостныхъ крестьянъ Франціи, повела къ усиленію королевской власти и основанію постояннаго войска, вооруженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ. Фруассаръ дожилъ до вымиранія того поколѣнія рыцарей, которое онъ изучалъ и прославлялъ въ свои молодые годы. Ему было уже за 60 лѣтъ, когда онъ въ послѣдній разъ посѣтилъ Англію послѣ смерти Эдуарда III. „Куда дѣвались грандіозныя предпріятія и мощные рыцари, чудныя битвы и дивныя завоеванія", говорили теперь въ странѣ. „Гдѣ найти въ Англіи рыцарей, способныхъ на что-либо подобное? Въ тѣ дни англичанъ боялись, и молва говорила о нихъ по всему міру, а теперь приходится молчать о нихъ. Все измѣнилось для насъ къ худшему со смерти добраго короля Эдуарда. Справедливость соблюдалась и строго охранялась въ его дни. А теперь король Ричардъ думаетъ только объ отдыхѣ, покоѣ и потѣхахъ для дамъ; скоро, кажется, не останется ни одного мощнаго рыцаря въ Англіи, а будутъ процвѣтать только раздоры и предательства". Столѣтняя война.

Въ отдѣльныхъ воинахъ первоначальный идеалъ рыцарства воскресалъ иногда и въ XVI вѣкѣ, наприм., въ Баярдѣ, рыцарѣ безъ страха и упрека, но, какъ учрежденіе, рыцарство умерло въ сущности вмѣстѣ со средними вѣками. Рыцарскій духъ, однако, не погибъ съ учрежденіемъ: изъ замкнутаго круга орденовъ и феодальной знати онъ перешелъ сначала ко всему знатному сословію Западной Европы. Путемъ пожалованія въ знать за выслугу или за деньги рыцарскій идеалъ вмѣстѣ съ дворянскимъ достоинствомъ сталъ распространяться подъ именемъ дворянской чести, военной чести на цѣлыя группы горожанъ. Когда въ концѣ прошлаго вѣка привилегіи знати начали, наконецъ, терять свое значеніе и высшіе слои войска и общества вообще пополнялись уже выходцами изъ низшихъ классовъ, тогда останки рыцарскаго духа стали общимъ достояніемъ независимо отъ сословности и смѣшались съ понятіями свѣтскости, общественной порядочности, т. е. чести джентльмен-

ской. Рыцарскій кодексъ съ его требованіями вѣрности слову, вѣжливости, вниманія къ слабымъ, въ особенности уваженія къ женщинамъ, требованіями любви къ отечеству, храбрости, щедрости, покровительства правдѣ—до сихъ поръ исполняетъ свое исконное назначеніе и сдерживаетъ именемъ условной общественной „чести" грубыя или малодушныя натуры, мало развитыя или недостаточно еще установившіяся для того, чтобы безъ всякаго давленія со стороны общественнаго мнѣнія добровольно слѣдовать въ своихъ поступкахъ внутреннему безусловно нравственному закону.

13. Войско и тактика рыцарской эпохи.

Составъ войска. Средневѣковое войско состояло обыкновенно изъ свободныхъ тяжеловооруженныхъ рыцарей (miles) и несвободныхъ легковооруженныхъ министеріаловъ (cliens, serviens, Knecht). Но самое понятіе „рыцарь" и составъ тяжелой рыцарской конницы не разъ измѣнялись въ теченіе столѣтій, вслѣдствіе того, что, подъ вліяніемъ нужды въ войскѣ, ряды рыцарства пополнялись изъ низшихъ классовъ, т. е. изъ зависимыхъ министеріаловъ (наприм., въ Германіи) или изъ людей хотя бы и свободныхъ, но не находившихся въ ленной зависимости (фригольдеровъ, какъ въ Англіи). „Рыцарь" XI—XII вв. былъ по преимуществу „вассаломъ" какого-либо сеньёра, а потому зависимые классы сравнительно рѣдко попадали въ слой тяжеловооруженнаго рыцарства. Наприм., при Конрадѣ II въ Германіи существовало два класса рыцарей въ смыслѣ всадниковъ (Ritter): milites primi, т. е. свободные вассалы, которые несли конную службу въ тяжеломъ вооруженіи (собственно рыцари), и milites gregarii, т. е., вѣроятно, министеріалы; но этотъ второй разрядъ являлся въ битву безъ оборонительныхъ доспѣховъ и только съ одной легкой лошадкой. Съ XII в. слово „рыцарь" начинаетъ обозначать члена ордена, охватывающаго всю Западную Европу, но въ этотъ орденъ посредствомъ посвященія получаютъ доступъ и несвободные классы. Такимъ путемъ министеріалы изъ легковооруженныхъ всадниковъ повышаются въ разрядъ тяжеловооруженныхъ рыцарей, а это усиленное пополненіе рыцарскаго сословія ведетъ къ его расцвѣту въ XIII в. Въ Германіи въ тѣ годы, когда совершается этотъ подъемъ цѣлаго слоя министеріаловъ, т. е. во вторую половину XI в., временно различаютъ три класса всадниковъ (Ritter); milites второго класса все еще несвободные люди,

какъ и при Конрадѣ II, но они являются уже въ оборонительныхъ доспѣхахъ и вмѣстѣ съ первымъ классомъ составляютъ тяжеловооруженную конницу (armati); итакъ, оба класса всадниковъ эпохи Конрада II начинаютъ сливаться въ одинъ. Третій классъ всадниковъ конца XI в. называется теперь, въ свою очередь, milites gregarii, но для его образованія или пополненія приходится призывать къ легкой конной службѣ новые, низшіе слои зависимыхъ людей взамѣнъ тѣхъ, которые перешли уже въ armati. Къ концу XII в. оба первые класса всадниковъ-рыцарей, т. е. какъ старые вассалы, такъ и министеріалы, получившіе рыцарство, окончательно сливаются въ Германіи въ одно сословіе. Точно также и во Франціи въ началѣ XIII в. различаютъ уже только milites, т.-е. рыцарей, которые стремятся превратиться въ замкнутое военное сословіе, и servientes, или зависимыхъ людей, обязанныхъ только къ легкой конной службѣ, хотя и тѣ и другіе надѣляются теперь ленами. Въ теченіе XIII в. совершается второй важный переворотъ въ составѣ рыцарской конницы. Съ одной стороны, рыцарству удается къ XIV в. замкнуться въ наслѣдственное сословіе: отнынѣ только сыновья рыцарей, прослужившіе нѣкоторое время легковооруженными оруженосцами (scutifer, écuyer, esquire), удостоиваются посвященія въ рыцари (въ Англіи knight). Но, съ другой стороны, въ отношеніи вооруженія въ рядахъ войска происходитъ опять сближеніе между двумя разрядами milites и servientes (Ritter и Knecht): и тѣ и другіе появляются теперь въ битвахъ на тяжелыхъ лошадяхъ въ латахъ (armures de fer, à cheval) и въ XIV в. получаютъ одинаковое жалованье. Но такъ какъ рыцарство въ соціальномъ отношеніи замкнулось въ высшій слой военной знати, то несвободные легковооруженные всадники (sergent à cheval), повышаясь и получая тяжелое рыцарское вооруженіе, не называются „рыцарями“ (chevalier, Ritter, knight), а попадаютъ въ среду знати, какъ низшій слой, подъ именемъ „оруженосцевъ“ (écuyer, Knecht, Knappe, esquire, armiger). Всѣ они надѣляются ленами, политически уравниваются съ рыцарями, но они на этотъ разъ не получаютъ рыцарства, какъ это случилось съ министеріалами въ XII в. Среди тяжелой конницы навсегда остается различіе между рыцаремъ и кнехтомъ (Ritter, Knecht, Knappe). Но къ знати причисляются и сыновья рыцарей, хотя бы они еще и не получили собственно рыцарства („оруженосцы“, armiger nobilis). Они служатъ или легковооруженными всадниками (Speerknappen), или дѣйствительно пѣшими оруженосцами въ битвѣ (scutarius), или, если вла-

дѣютъ ленами, то призываются даже къ конной службѣ въ тяжеломъ вооруженіи; но, не будучи рыцарями, они до поры до времени зачисляются тогда только въ отдѣлъ „кнаппе“ (Knappe), наравнѣ съ тѣми вѣчными экюйе (armiger, militaris, Knecht), которые никогда не получатъ рыцарства. Таковы три соціальныхъ періода, черезъ которые прошло тактическое различіе между тяжеловооруженными и легковооруженными всадниками. Но и самое тяжелое вооруженіе рыцаря не осталось за это время безъ перемѣнъ.

Вооруженіе. Было время (до конца XII в.), когда панцырь, шлемъ да кольчужки на рукахъ и на ногахъ считались уже тяжелыми доспѣхами рыцаря. Первоначально кольчужка для защиты шеи (halsberge, haubert), прикрѣплявшаяся сзади у шлема, капюшонъ изъ желѣзныхъ колецъ на голову (hersenier) и кольчужная рубаха составляли три отдѣльныя части доспѣховъ. Надъ капюшономъ (hersenier) помѣщалась желѣзная шапочка (Haube, cervellière), на которой сидѣлъ уже шлемъ. Перчатки изъ колецъ прикрѣплялись къ рукавамъ кольчужной рубахи; на ноги спереди накладывались кольчужныя голенища, или штанины (chauce), и зашнуровывались сзади; точно также кольчужная обувь клалась сверхъ ступней и стягивалась снизу подъ подошвами. Но въ дальнѣйшемъ развитіи кольчужка на шею срослась съ капюшономъ на голову, и все тяжелое вооруженіе (lorica) состояло уже только изъ двухъ частей — halsberge, т. е. капюшона на голову, падающаго пелеринкой на шею и плечи, и Brünne, т. е. собственно панцыря, а въ XII в. и эти двѣ части соединялись въ одно подъ именемъ все той же halsberge (haubergon). Въ XII в. шлемъ изъ коническаго становится цилиндрическимъ, а его полоса для защиты носа (nasal) разростается въ цѣлую желѣзную маску на лицо; въ концѣ этого столѣтія появляется и „нагрудникъ“ (plastron) изъ желѣзныхъ полосъ, стягиваемыхъ сзади поверхъ кольчуги: это зародышъ будущихъ латъ. Въ XIII в. нагрудникъ развивается въ цѣлый корсетъ, одинаково защищающій и грудь и спину. Въ XIV в. латы изъ желѣзныхъ полосъ все болѣе и болѣе укореняются. Полосы покрываютъ теперь и руки и ноги поверхъ кольчуги и соединяются посредствомъ шпиньковъ; кираса XIV столѣтія дѣлалась даже не изъ отдѣльныхъ полосъ, а изъ двухъ желѣзныхъ плитъ — нагрудника (pansière) и спинки (dossière). Такъ выросло мало-по-малу поверхъ кольчугъ — сплошное одѣяніе XV в. изъ металлическихъ листовъ. Это развитіе латъ ускорилось подъ вліяніемъ тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлали стрѣлки во время Столѣтней войны. Битвы при

Кресси и Пуатье составили поворотный пунктъ въ исторіи рыцарскихъ доспѣховъ. Когда тяжеловооруженные рыцари защищали себя однѣми только кольчугами, тогда въ XI—XII вв. легковооруженные всадники являлись въ битву совершенно еще безъ металлическихъ доспѣховъ; но въ XIII в., по мѣрѣ того, какъ тяжеловооруженная конница запасается нагрудниками и корсетами, у легковооруженныхъ всадниковъ появляется кольчуга. Наконецъ, въ XIV в. въ отличіе отъ двойныхъ доспѣховъ тяжеловооруженныхъ рыцарей легкая конница защищаетъ себя или нагрудникомъ или кольчугой, и каждый всадникъ пріѣзжаетъ не съ тремя, а только съ одной лошадью. Вотъ что называлось легкимъ вооруженіемъ въ средніе вѣка; всѣ эти ступени развитія въ рыцарскомъ вооруженіи отражались обыкновенно и на пѣхотѣ, которая, наприм., прикрывала себѣ голову круглой, плотно прилегающей къ черепу каской (Haube), развившейся изъ желѣзной шапочки подъ шлемомъ рыцаря.

Строй.

Какъ же строились во время битвы легкіе всадники и тяжелые рыцари съ ихъ оруженосцами? Каждый тяжело вооруженный рыцарь бралъ съ собой въ битву трехъ лошадей и одного или даже двухъ-трехъ оруженосцевъ (scutarius — названіе должности, но не сословія и даже не временнаго состоянія рыцарскихъ сыновей), которые обыкновенно набирались изъ зависимыхъ людей или рыцарскихъ сыновей, не получившихъ еще посвященія въ рыцари; эти оруженосцы первоначально шли въ битву пѣшими и оставались во время схватокъ своихъ рыцарей сзади линіи съ запасными лошадьми и оружіемъ. Когда въ XIV в. укоренился среди рыцарей обычай спѣшиваться во время битвы, то оруженосцы стали набираться изъ легкихъ всадниковъ; вслѣдствіе этого легкая кавалерія, какъ самостоятельная боевая сила, стала исчезать. Тогда счетъ рыцарскому войску сталъ идти по „копьямъ", считая три всадника на одно рыцарское копье. На Рейнѣ для той же рыцарской единицы появилось названіе gleve, которое означало рыцаря „selb dritt mit dreien Pferden", т. е. состояло изъ трехъ лицъ и трехъ лошадей. Но отдѣльные рыцари, были ли у нихъ пѣшіе оруженосцы или конные, никогда не бились въ сраженіяхъ обособленно другъ отъ друга и даже рѣдко выстраивались развернутымъ фронтомъ въ линію (en haye). Обыкновеннымъ построеніемъ для отряда рыцарей въ средніе вѣка былъ cuneus, т. е. „клинъ". На такой „клинъ" иногда клали нѣсколько сотенъ рыцарей, а иногда нѣсколько тысячъ. Но въ сущности въ самый „клинъ",

т. е. остріе колонны, уходило немного рыцарей, напр., человѣкъ 35—45 (иногда первый рядъ клина — въ 5 человѣкъ, затѣмъ два ряда по 7, затѣмъ ряды по 9, 11, 13 человѣкъ), а затѣмъ вся масса рыцарской конницы тянулась правильнымъ каррэ (по 13—14 человѣкъ въ каждомъ изъ слѣдующихъ рядовъ). Чаще всего все рыцарское войско выстраивалось передъ битвой въ три боевыя линіи одна за другой, а каждая боевая линія распадалась уже на „клинья“ и имѣла центръ и два крыла, правое и лѣвое. Поэтому дробленіе войска на 9 клиньевъ было самымъ обычнымъ. Но многочисленная армія, напр., французы при Бувинѣ, дѣлились на большее число клиньевъ, и каждая изъ девяти частей боеваго построенія слагалась тогда уже изъ нѣсколькихъ cunei. Это было тѣмъ болѣе удобно, что каждый герцогъ и графъ приходилъ съ цѣлымъ отрядомъ своихъ рыцарей (banneret). Впрочемъ, совокупная дѣятельность всѣхъ этихъ клиньевъ и боевыхъ линій и отрядовъ пѣхоты, присоединявшихся къ рыцарской конницѣ, яснѣе всего обрисовывается при описаніи отдѣльныхъ средневѣковыхъ битвъ, напр., битвы при Бувинѣ и при Кресси.

Битва при Бувинѣ.

Битва при Бувинѣ произошла 27 іюля 1214 г. между французскимъ королемъ Филиппомъ Августомъ, съ одной стороны, и союзными войсками императора Оттона IV, графа Фердинанда фландрскаго и англичанъ подъ начальствомъ графа Сольсбери, по прозванію „Длинный Мечъ“ (Longépée),—съ другой.

Французскій король Филиппъ Августъ, достигши Турнэ вечеромъ 26 іюля, узналъ о близости союзныхъ враговъ; но мѣстность была неудобна для французскихъ рыцарей, которые не привыкли сражаться, спѣшившись, подобно ихъ нѣмецкому врагу. Не желая давать битвы при обстоятельствахъ, неблагопріятныхъ для французовъ, король рѣшился на слѣдующій день, 27 іюля, отступить на юго-западъ къ Лиллю черезъ Бувинъ (Bouvines), гдѣ находился единственный въ огругѣ мостъ на рѣчкѣ (Marcq). Императоръ Оттонъ, находившійся въ мѣстечкѣ Мортинь (Mortegne), принялъ, кажется, это отступленіе за бѣгство и, несмотря на воскресный день, рѣшился тотчасъ же преслѣдовать французовъ, чтобы достичь ихъ по сю сторону моста. Авангардъ союзной арміи, состоявшій изъ рыцарей Фландріи, напиралъ съ юго-востока на послѣдніе отряды французовъ, и герцогъ бургундскій, командовавшій арьергардомъ Филиппа Августа, принужденъ былъ пять разъ останавливаться и отбиваться отъ фламандцевъ при помощи своихъ арбалетчиковъ. Достигши высотъ (Wannehain), господ-

ствующихъ надъ дорогой къ Бувину, императоръ Оттонъ съ изумленіемъ увидалъ передъ собой всю французскую армію, и притомъ не въ безпорядочномъ бѣгствѣ, а въ стройномъ боевомъ порядкѣ фронтомъ на сѣверо-востокъ. Чтобы выстроиться параллельно врагамъ, императоръ принужденъ былъ, подъ охраной авангарда изъ фламандцевъ, повернуть свои войска фронтомъ на юго-западъ: такъ какъ было уже по крайней мѣрѣ часа три пополудни, то солнце било прямо въ глаза его рыцарямъ. Оба войска были выстроены одинаково — каждое въ три боевыя линіи (acies) другъ за другомъ, а у всѣхъ линій былъ центръ и крылья, такъ что у каждаго изъ противниковъ насчитывалось 9 отрядовъ. Длина французскаго фронта достигала 1040 шаговъ, а фронтъ союзниковъ растянулся на 2000 шаговъ. Къ правому крылу французовъ Филиппъ Августъ послалъ своего канцлера и личнаго друга Іоннита Гарэна (Garin), который только что былъ выбранъ въ епископы города Санлиса. Чтобы сравняться съ линіей враговъ, Гарэнъ отодвинулъ все правое крыло сильно въ сторону отъ центра и выстроилъ первую линію (acies) этого крыла цѣпью съ развернутымъ фронтомъ (en haye). Обѣ остальныя линіи праваго крыла, равно какъ и центръ съ лѣвымъ крыломъ, состояли изъ „cunei", т. е. клинообразно построенныхъ отрядовъ. Мѣстность была здѣсь ровная и крайне удобная для конной битвы. Центромъ французовъ командовалъ самъ король, собравшій вокругъ себя всю мелкую доманіальную знать. Французская пѣхота, образовавшаяся изъ горожанъ коммунъ Корби, Амьенъ, Аррасъ, Бовэ и Компьенъ, выстроилась впереди конницы центра. Здѣсь находилась и государственная хоругвь (oriflamma), между тѣмъ какъ въ линіи короля — знамя съ золотыми лиліями по лазоревому полю. Судя по длинѣ фронта, число рыцарей врядъ ли превышало $6^1/_2$ тысячъ человѣкъ [1]). Что касается до союзниковъ, то тамъ въ центрѣ командовалъ самъ императоръ Оттонъ; первая линія центра состояла изъ нѣмецкой пѣхоты, сосредоточившейся тремя группами вокругъ Carroccio, запряженной 4 лошадьми; эта колесница везла на высокомъ древкѣ старое саксонское боевое знамя—дракона съ парящимъ надъ нимъ орломъ. Битва началась раньше всего на правомъ крылѣ французскаго войска. Гарэнъ отдалъ здѣсь приказъ 300 легковооруженнымъ рыцарямъ, министеріаламъ аббата

[1]) Вѣроятно, $2^1/_2$ тысячи тяжеловооруженныхъ, 4 тысячи легковооруженныхъ и 50 тысячъ пѣхоты.

де-С. Медардъ,—броситься на фламандское рыцарство, дабы привести его въ безпорядокъ и тѣмъ подготовить почву для аттаки со стороны рыцарства французскаго. Но фламандское рыцарство не захотѣло даже тронуться съ мѣста ради какихъ-нибудь сателлитовъ. Рыцари закалывали незащищенныхъ доспѣхами лошадей подъ своими легко вооруженными противниками, наносили имъ самимъ раны, топтали спѣшившихся и ждали себѣ болѣе серьезнаго врага. Тогда пошла въ аттаку первая линія праваго крыла французовъ — рыцарство графовъ Шампаньи и Сансерръ; эти одержали побѣду послѣ упорной борьбы: два вождя фламандскаго рыцарства попали въ плѣнъ. Но потери французовъ были тоже значительны; Мишель де-Гармъ такъ сильно столкнулся съ однимъ фламандскимъ рыцаремъ, что копье фламандца пробило ему щитъ, кольчугу, поранило въ лядвію и вонзилось еще въ лошадь, которая свалилась вмѣстѣ со всадникомъ. Первая линія французовъ отступила, дабы привести свои ряды въ порядокъ. Къ тому же, приближалась уже вторая линія фламандскихъ рыцарей съ графомъ фландрскимъ во главѣ. Имъ навстрѣчу бросились графъ де-С. Поль и виконтъ де-Мелёнъ. Натискъ французскихъ рыцарей второй линіи былъ настолько силенъ, что они со своими тѣсно сомкнутыми клиньями прорвали два отряда фламандцевъ, убивая налѣво и направо, повернули сзади линіи враговъ и съ тылу пробились еще черезъ два отряда рыцарей Фландріи обратно на свои мѣста. Послѣ этого вторыя линіи отступили для отдыха за третьи. Сраженіе третьихъ линій на правомъ крылѣ французовъ было еще упорнѣе. Подъ герцогомъ бургундскимъ была убита лошадь, но рыцари окружили его и помогли толстому герцогу сѣсть на другую лошадь и снова принять участіе въ битвѣ. Перевѣсъ остался на сторонѣ французовъ только благодаря тому, что графъ С. Поль, отдохнувши, поспѣшилъ на площадь третьей линіи и окончательно оттѣснилъ фламандцевъ и валонцевъ. Однако и графъ Фердинандъ фландрскій не уступалъ въ доблести врагамъ. Три часа шла уже битва на правомъ крылѣ. Гарэнъ, не принимая лично участія въ схваткахъ, систематически руководилъ французами издали; напротивъ, графъ Фердинандъ бился безъ отдыха. Покрытый ранами и совершенно истощенный, онъ былъ сбитъ, наконецъ, на землю и долженъ былъ сдаться въ плѣнъ. Это положило конецъ битвѣ на правомъ крылѣ; кто не бѣжалъ, попадалъ теперь въ плѣнъ. Тѣмъ временемъ бой завязался и между другими частями войскъ. Вожди союзниковъ сговорились сообща пробиться, во что бы то стало,

до самого короля Филиппа. Графа фландрскаго задержала французская аттака, но графъ де-Булонь бросился прямо къ королю; однако, когда онъ очутился передъ Филиппомъ Августомъ, тогда у него не хватило духу поднять руку на своего верховнаго сюзерена, и онъ повернулъ къ лѣвому крылу враговъ, гдѣ былъ отбитъ. Еще хуже досталось графу Сольсбери съ его второй линiей праваго крыла союзниковъ. Епископъ города Бовэ, вооруженный палицей, встрѣтилъ его со второй линiей лѣваго крыла французовъ и нанесъ графу такой ударъ своей палицей, что тотъ свалился на землю. Епископъ велѣлъ своему министерiалу связать графа, а самъ продолжалъ свою убiйственную дѣятельность. Сопротивленiе англичанъ было сломлено, и они позорно вовсе удалились съ поля сраженiя вмѣстѣ съ Гюго де-Бовъ.

Въ центрѣ король Филиппъ Августъ тщетно ждалъ нападенiя императора. Наконецъ, онъ велѣлъ коммунамъ аттаковать нѣмецкую пѣхоту въ центрѣ. Коммуны стали осыпать враговъ стрѣлами. Но нѣмецкая пѣхота неожиданно отвѣтила такимъ натискомъ на горожанъ коммунъ, что въ одно мгновенiе прорвала ихъ и привела въ смятенiе стоявшихъ сзади коммунъ рыцарей, такъ что самъ король очутился въ опасности. Нѣмецкiе пѣхотинцы были вооружены особаго рода сѣкирами съ крючкомъ позади и штыкомъ сверху, такъ что наносили удары тремя концами орудiя, которое въ силу своей тяжести могло пробить любые доспѣхи. Такимъ крючкомъ стащили короля Филиппа Августа съ лошади, и онъ погибъ бы, если бы Пьеръ Тристанъ не соскочилъ съ коня и не защитилъ государя. Тогда знаменосецъ Вало де-Монтиньи сильными взмахами лазореваго знамени обратилъ вниманiе на опасность, угрожавшую королю. Хорошiе доспѣхи короля и ловкость, съ которой онъ вскочилъ на лошадь Пьера Тристана, спасли его. Но отчаянная битва продолжалась. Стефанъ де-Лоншанъ (Longchamp) былъ на смерть раненъ на глазахъ у короля; нѣмецкiй пѣхотинецъ воткнулъ ему штыкъ своей сѣкиры черезъ забрало въ мозгъ. Но, въ концѣ концовъ, пѣхота все-таки была обращена въ бѣгство или перебита рыцарской конницей. Освободившись отъ натиска пѣхоты, Филиппъ Августъ перешелъ теперь самъ въ наступленiе. Ряды нѣмецкой конницы были прорваны, и опасность угрожала теперь, въ свою очередь, самому императору. Впереди всѣхъ подскакали къ Оттону IV Гильомъ де-Барръ, Пьеръ де-Мовуазенъ и Жераръ Скрофа. Пьеръ схватилъ подъ уздцы лошадь императора и пытался увести ее вмѣстѣ съ всадникомъ. Скрофа (Scropha)

кольнулъ Оттона въ грудь, а другимъ ударомъ на смерть ранилъ его лошадь, такъ что она бѣшеными прыжками рванулась въ сторону. „Вы его нынче больше не увидите“, сказалъ Филиппъ Августъ окружающимъ. Но лошадь Оттона пала въ нѣкоторомъ отдаленіи. Императоръ вскочилъ на другую и искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Дважды нагонялъ его де-Барръ и схватывался съ нимъ, но свита каждый разъ оттѣсняла французскаго рыцаря. Наконецъ, де-Барръ былъ сброшенъ съ лошади и вырванъ изъ рукъ враговъ только подоспѣвшими товарищами. Вестфальскіе графы пытались было продолжать битву и послѣ бѣгства императора, но на помощь французамъ явились заднія линіи центра и взяли графовъ въ плѣнъ. Колесница съ саксонскимъ знаменемъ была изрублена въ куски. На полѣ сраженія остался изъ среды союзниковъ еще только графъ де-Булонь съ шесть юрыцарями. Они укрылись въ середину своихъ брабантцевъ-наемниковъ и рѣшились дорого продать жизнь. Надо было прорвать это желѣзное кольцо пѣхоты, вооруженной аллебардами и мечами, чтобы добраться до рыцарей. Графъ де-Понтье повелъ на нихъ въ аттаку своихъ рыцарей, но брабантцы убивали лошадей и спѣшивали всадниковъ. Только когда на помощь подоспѣлъ еще Тома де-С.-Валери со своими, было пробито это кольцо пѣхоты. На графа де-Булонь напалъ теперь пѣшій экюйэ Пьеръ де-Турель, лошадь котораго была убита, и, приподнявши желѣзныя латы у графскаго коня, вонзилъ ему въ брюхо свой мечъ по рукоятку. Одинъ изъ рыцарей графа взялъ было еще лошадь подъ уздцы и повелъ ее въ сторону, но противники стащили его съ собственной лошади. Какъ разъ въ это время конь подъ графомъ упалъ, всадникъ самъ очутился подъ конемъ, и его только съ трудомъ высвободили. Экюйэ, по имени Комо, въ числѣ другихъ рыцарей подбѣжалъ къ графу де-Булонь, сорвалъ съ него шлемъ и нанесъ тяжелую рану въ голову. Экюйэ убилъ бы графа, если бы не появился его господинъ—Гарэнъ, епископъ Санлиса, которому графъ и сдался въ плѣнъ. Въ общемъ французы взяли въ плѣнъ 5 графовъ, 25 другихъ высокопоставленныхъ бароновъ, много простыхъ рыцарей и экюйэ. Главная причина пораженія союзниковъ заключалась, несомнѣнно, въ томъ, что каждая часть ихъ войска сражалась отдѣльно, не поддерживая другъ друга.

Англійскій строй. Между битвами при Бувинѣ и при Кресси прошло болѣе столѣтія. За это время и въ англійскомъ и во французскомъ войскѣ совершилось много перемѣнъ. Англійскіе рыцари до начала царствованія Эдуарда III стояли невысоко во мнѣніи материка. Короли

Англіи вели свои войны XII ст. почти исключительно посредствомъ чужеземныхъ наемниковъ и добывали себѣ на то средства, облагая вассаловъ scutage'емъ. Если въ Германіи рыцарство достигло наиболѣе блестящаго развитія при Гогенштауфенахъ, а во Франціи еще раньше, то въ Англіи оно расцвѣло въ сущности впервые при рыцарственномъ Эдуардѣ III; во Франціи оно впадало въ эту пору уже въ крайности и, несмотря на доблесть отдѣльнымъ рыцарей, было обезсилено своей обособленностью отъ другихъ сословій. Правда, рыцарская знать Англіи должна была подчиниться военной тактикѣ Эдуарда III, въ которой пѣхота являлась уже главной боевой силой. Знать должна была спѣшиваться и сражаться въ качествѣ тяжелой пѣхоты. Да и въ качествѣ пѣхоты все значеніе рыцарей сводилось болѣе къ тому, чтобы оборонять стрѣлковъ; на стрѣлкахъ покоился весь боевой расчетъ Эдуарда III. Англійскіе стрѣлки изъ лука довели упражненіемъ свое искусство до особаго совершенства, которое дало имъ перевѣсъ надъ арбалетами и луками другихъ націй. Но стрѣлки нуждались въ защитѣ и получали ее отъ той части рыцарства, которая спѣшивалась; къ ней они и жались, въ то время какъ другая часть рыцарей оставалась иногда на лошадяхъ. Обычай спѣшиваться не былъ впервые введенъ Эдуардомъ III: уже норманны, побѣдители при Гастингсѣ, усвоили его отъ англо-саксонцевъ (впрочемъ, напр., въ битвѣ при Льюисѣ (Lewes) 1264 г. англійское рыцарство сражалось на коняхъ). Да и стрѣлки не исчезали уже изъ англійскаго войска послѣ битвы при Гастингсѣ, но на первый планъ они выдвинулись только съ половины XIII ст. Англійскій стрѣлокъ XIV в. бросалъ стрѣлу на 600 метровъ, а на 200—билъ навѣрняка. Ихъ перевѣсъ надъ генуэзскими арбалетчиками объясняется тѣмъ, что къ арбалетамъ не была еще приспособлена въ это время стальная дуга, да и натягивались они одной или обѣими ногами, а не особыми машинами. Спеціально для охраны стрѣлковъ стояли въ англійскомъ войскѣ тотчасъ позади нихъ валлійскіе пѣхотинцы, вооруженные пиками. Глубина строя спѣшившихся рыцарей и стрѣлковъ бывала незначительна, человѣкъ въ десять, а при Азенкурѣ англичане стояли только въ четыре человѣка. Боевой порядокъ въ три пѣшія линіи съ двумя крылами всадниковъ по малочисленности войска не всегда могъ примѣняться. Поэтому при Кресси боевыя линіи стояли другъ за другомъ, но отодвигаясь все болѣе и болѣе къ лѣвому флангу, а при Азенкурѣ въ одну линію, такъ что авангардъ составлялъ правое крыло и арьергардъ—лѣвое по

отношенію къ bataille du roi въ центрѣ; въ обоихъ случаяхъ у англичанъ не было крыльевъ изъ конницы. Существенную часть англійскаго боевого построенія составлялъ лагерь для обоза и лошадей въ тылу арміи. Генрихъ V пренебрегъ въ битвѣ при Азенкурѣ сооруженіемъ подобнаго лагеря и былъ наказанъ тѣмъ, что лошади и его драгоцѣнности были похищены во время битвы отрядомъ непріятеля.

Такое дружное совокупное дѣйствіе пѣхоты и конницы, какъ оно проявлялось въ англійской арміи XIV в., было возможно только въ странѣ, гдѣ между сословіями не было такой розни, какъ во Франціи и въ Германіи. Въ XIII в. въ Англіи выработался уже государственный строй, при которомъ въ общественныхъ дѣлахъ имѣли голосъ не только духовенство и высшая знать, но также простое рыцарство и города; въ то же время крѣпостные стали освобождаться отъ своей зависимости по отношенію къ знати. Напротивъ, во Франціи между городами и феодальной знатью образовалась пропасть, вслѣдствіе того, что короли опирались на буржуа въ борьбѣ съ феодалами, а суровыя формы крѣпостной зависимости вели къ враждѣ между вилланами и ихъ сеньёрами. Отсюда арендаторы и мелкіе земельные собственники (фригольдеры и іомены), которые на ряду съ горожанами являлись въ англійскомъ войскѣ въ качествѣ легкой конницы (hobilårs) и стрѣлковъ, не получали никакого значенія во Франціи, а войско коммунъ отодвигалось здѣсь все еще на задній планъ. Въ сущности только вассалы обязаны были слѣдовать за королемъ Англіи въ завоевательныя войны и служить ему сорокъ дней, по истеченіи которыхъ они распускались или вознаграждались уже жалованьемъ. Всеобщее ополченіе англичанъ, не находящихся въ ленной зависимости, предназначено было только для защиты самой Англіи. Статутъ Эдуарда III отъ 1334 г., возобновляя статуты Генриха III и Эдуарда I относительно ополченія, внесъ только то дополненіе, что I-ый классъ, имѣвшій 15 фунтовъ и болѣе годового дохода и обязанный нести конную службу, раздѣлялся теперь на три разряда: первый (въ 40 фун. дохода) долженъ былъ нести службу въ рыцарскомъ вооруженіи съ 2 лошадьми, второй разрядъ (съ 20 фун.) — являлся въ тяжеломъ вооруженіи съ одной лошадью, третій (съ 15 фун.)—въ легкомъ вооруженіи съ одной легкой лошадкой (hobby-horse, отсюда hebilars). Все остальное населеніе служило только въ пѣхотѣ; а именно разряды въ 10 фунтовъ годового дохода и въ 100 солидовъ—болѣе или менѣе тяжело вооруженными; разрядъ въ 40—100 солидовъ дохода—съ

лукомъ, мечемъ, ножемъ; разрядъ ниже 40 солидовъ—съ косами, ножами и другими „menues armes“; наконецъ, самые бѣдные, кто только вообще могъ еще пріобрѣтать оружіе,—просто съ однимъ лукомъ. Дважды въ годъ происходилъ смотръ такому ополченію; войско вассаловъ не входило уже сюда. Всѣ землевладѣльцы, владѣвшіе не менѣе трехъ лѣтъ участками съ доходовъ въ 40 ф., должны были при Эдуардѣ III зачисляться прямо въ рыцари. Въ исключительныхъ случаяхъ Эдуардъ III водилъ ополченіе и во Францію; такъ, напр., въ 1346 г. онъ потребовалъ личной службы отъ всѣхъ, кто имѣлъ 5 фунтовъ ежегоднаго дохода. Парламентъ сопротивлялся и добился въ 1354 г. постановленія, что только съ его согласія могутъ набираться „men-at-arms, hobilars nec archers“; жалованье должно было выплачиваться ополченію съ перваго же дня послѣ выступленія изъ графства.

Во Франціи ополченіе не играло такой важной роли въ битвахъ Столѣтней войны. Филиппъ Красивый установилъ въ 1304 г. порядокъ созыва ополченія во Франціи: когда отечество было въ опасности, то каждый французъ, способный владѣть оружіемъ, долженъ былъ нести службу. Этотъ особый случай былъ обобщенъ его преемниками, и Филиппъ Валуа прибѣгъ къ нему въ 1337 г. Но въ сущности на дѣлѣ принципъ ополченія (arrière - ban) проводился для знати; горожанамъ, ради увеличенія королевской казны, позволено было откупаться, а для сельскаго населенія требованіе всеобщаго ополченія вообще понижалось (въ 1338 г. было потребовано, чтобы 100 очаговъ выставили 20 сержантовъ - пѣхотинцевъ). На деньги, которыми французы откупались отъ ополченія, король собиралъ наемныя войска. Такое пренебреженіе пѣхотой коренилось въ соціальныхъ отношеніяхъ французовъ. При враждѣ между знатью и горожанами тактическая комбинація пѣхоты съ рыцарской конницей дѣлалась невозможной. Въ 1351 году король Іоаннъ не велѣлъ болѣе созывать коммунальныхъ войскъ; печальный опытъ битвы при Кресси далъ къ тому поводъ. Зато въ отдѣльныхъ коммунахъ основывались теперь братства (sermens) стрѣлковъ изъ лука и арбалета. Даже когда въ разгаръ Столѣтней войны король Карлъ VI сталъ было покровительствовать стрѣлкамъ, то знать настояла на запрещеніи упражненій въ стрѣльбѣ изъ лука; она, очевидно, боялась, что народъ сознаетъ, наконецъ, свою силу. Когда передъ битвой при Азенкурѣ горожане Парижа (1415 г.) вызвались было выставить 6 тысячъ арбалетчиковъ, то знать рѣзко отказалась: „На что намъ помощь этихъ лавочниковъ“,

выразился Жанъ де-Бомонъ. Обычай спѣшивать рыцарей ведется во Франціи лишь съ битвы при Пуатье. Французы стали одерживать верхъ надъ англичанами только съ тѣхъ поръ, когда Карлъ V, а затѣмъ въ особенности Карлъ VII, положили начало постоянному войску. Различіе между англійскимъ и французскимъ войскомъ ясно сказалось въ битвѣ при Кресси.

Битва при Кресси.

Битва при Кресси была дана въ субботу 26 августа 1346 г. французскимъ королемъ Филиппомъ VI Валуа, чтобы не допустить Эдуарда III идти на Парижъ. 26 августа утромъ англійскій король Эдуардъ III покинулъ съ войскомъ южную окраину лѣса близъ Кресси, двинулся на сѣверо-востокъ къ самому мѣстечку, перешелъ въ 6 часовъ утра по мостамъ рѣчку Мэ (la Maye) и сталъ на цѣпи холмовъ между Кресси (Crécy) и Вадикуромъ (Wadicourt). Такъ какъ линія эта въ своемъ протяженіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ была слишкомъ длинна по числу англійскаго войска, то король отступилъ отъ обычнаго расположенія въ три боевыя линіи, одна за другой. Впереди, фронтомъ на юго-востокъ, откуда ожидали французовъ, наступавшихъ отъ Аббевилля, Эдуардъ III выстроилъ англійскихъ стрѣлковъ изъ лука длинной цѣпью съ сѣверо-востока на юго-западъ, которая правымъ крыломъ примыкала къ Кресси, а свое лѣвое прикрывала лѣсистыми окрестностями Вадикура. За стрѣлками шли уже обычныя три боевыя линіи англійскаго рыцарства, но такъ, что первая линія примыкала къ Кресси, вторая сзади нея отодвигалась дальше на сѣверо-востокъ, а третья, самая задняя, уходила еще дальше въ ту же сторону и касалась Вадикура. Лошади спѣшившихся рыцарей и всѣ вьючныя животныя помѣщались въ особомъ обозномъ укрѣпленіи сзади войска. Въ первой боевой линіи находился 16-лѣтній принцъ валлійскій, графъ Варвикъ, баронъ Годефруа де-Гаркуръ и другіе съ 1200 hommes d'armes, 4 тысячами стрѣлковъ изъ лука и тысячью валлійцевъ. Во второй линіи находился епископъ дёргамскій, графы Герфордъ и Нортгамптонъ, баронъ Перси и другіе, въ цѣломъ 1200 hommes d'armes съ 4 тысячами стрѣлковъ изъ лука. Въ третьей линіи стоялъ самъ Эдуардъ III съ 1500 hommes d'armes и 6 тысячами пѣхоты (въ томъ числѣ и стрѣлки изъ лука). Все это были почти исключительно англичане (3900 hommes d'armes, 10 тысячъ стрѣлковъ, 5 тысячъ валлійцевъ).

Французскій король Филиппъ VI Валуа съ вечера собралъ вокругъ себя въ Аббевиллѣ войско, по крайней мѣрѣ въ 12 тысячъ hommes d'armes, столько же наемной чужеземной пѣхоты (въ числѣ

ся 6 тысячъ генуэзскихъ стрѣлковъ изъ лука) и около 50 тысячъ горожанъ коммунъ. Во французскомъ войскѣ находился Іоаннъ, король богемскій, Донъ Хаймэ (Jaime), король майоркскій, графъ Людвигъ фландрскій, Жанъ Бомонтъ графъ де-Гэно (Геннегау), графъ де-Гаркуръ (братъ англійскаго маршала) и французскіе графы. Король еще съ вечера сообщилъ вождямъ войска свое намѣреніе напасть на слѣдующій день на англичанъ. Король Филиппъ выступилъ рано утромъ 26 августа изъ Аббевилля на сѣверо-западъ къ мѣстечку Ле-Титръ, гдѣ онъ еще думалъ застать англійскую армію. Но войско двинулось не дружно, и было уже около полудня, когда послѣдніе отряды покидали городъ. Англичанъ уже не было у Ле-Титръ; пришлось повернуть войско на востокъ къ большой дорогѣ (изъ Аббевилля въ Hesdin) и отрядить четырехъ рыцарей впередъ на развѣдки. Было уже далеко за полдень, когда Филиппъ Валуа и его блестящее окруженіе собрались выслушать разсказъ лазутчиковъ. Рыцарь Ле-Муанъ (le Moyne de Bazeille) разсказалъ, что около Кресси стоятъ англичане, выстроившись въ три боевыя линіи — очевидно, въ ожиданіи нападенія, и совѣтовалъ въ виду поздняго времени отложить лучше битву до слѣдующаго дня. Это мнѣніе поддержали въ свитѣ короля графы Гэно и Алансонъ, а потому Филиппъ Валуа отдалъ маршаламъ приказъ — остановить войско, все еще находившееся въ движеніи. На высотахъ около Эстрэ (Estrées) можно было удобно стать лагеремъ на ночь. Но войско уже знало, что англичане близко. Передовой отрядъ, повинуясь маршаламъ, остановился было, но отряды, слѣдовавшіе за нимъ, хотѣли непремѣнно быть въ той же близи отъ врага, какъ и авангардъ, и продолжали напирать. Тогда и авангардъ (tête), въ свою очередь, не захотѣлъ уступить первенства и тронулся снова дальше. Увлекаемые гордостью и завистью, безъ порядка, обгоняя одинъ другого, французы двигались все впередъ, пока не увидали, наконецъ, англичанъ, выстроенныхъ въ три линіи въ ожиданіи врага. Тутъ было бы уже величайшимъ позоромъ повернуть назадъ, когда они видѣли своихъ враговъ такъ близко передъ собой. Между тѣмъ горожане коммунъ, разсѣянные по всей дорогѣ отъ Аббевилля, обнажали шпаги и кричали: „смерть, смерть этимъ предателямъ, англичанамъ!" Когда король Филиппъ достигъ высотъ около Эстрэ и увидалъ англичанъ, то и онъ забылъ свое первое благоразумное рѣшеніе и, несмотря на позднее время, отдалъ приказъ къ нападенію. Впередъ должны были выдвинуться генуэзскіе стрѣлки, и ряды французовъ разступились, чтобы дать имъ мѣсто. Сзади нихъ,

но впереди трехъ линій рыцарей, поставлена была цѣпь всадниковъ (gens d'armes). Было уже около 5 часовъ пополудни, и надъ полемъ битвы разразилась мимолетная гроза. Вѣтеръ гналъ дождь въ лицо стрѣлкамъ, а когда снова показалось солнце, то оно только ослѣпляло французовъ.

Неохотно и вяло подвигались впередъ генуэзцы. Они устали отъ предыдущаго перехода въ 6 льё, да и щиты ихъ лежали на возахъ, такъ какъ битвы не ждали болѣе на этотъ день. Вожди стрѣлковъ изъ арбалета роптали на новыя распоряженія. Тогда графъ д'Алансонъ сказалъ окружавшимъ его рыцарямъ: „Вотъ вамъ и вся польза отъ этой сволочи; она годится только на то, чтобы ѣсть, а для насъ будетъ больше помѣхой, чѣмъ подспорьемъ“. Приблизившись къ англичанамъ, генуэзцы трижды издали свой страшный военный крикъ, надѣясь навести на тѣхъ ужасъ. Но англичане уже поднялись съ мѣста и выстроились. Съ ихъ стороны сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ, тоже болѣе для устрашенія врага. Англійскіе стрѣлки стали спускаться теперь съ вершинъ холмовъ и открыли убійственную стрѣльбу изъ своихъ луковъ. Ихъ длинныя стрѣлы съ перьями поражали ряды генуэзцевъ раньше, нежели тѣ успѣли подойти на выстрѣлъ арбалета. Генуэзцы стали было натягивать свои отсырѣвшіе арбалеты, но англійскія стрѣлы пронизывали ихъ панцыри. Тогда многіе перерѣзали тетивы на своихъ арбалетахъ, побросали ихъ и обратились въ бѣгство. Но линія французскихъ рыцарей преградила имъ дорогу. Король угадалъ намѣреніе генуэзцевъ и велѣлъ рубить ихъ, такъ какъ они теперь, дѣйствительно, только заграждали путь для аттаки конницей. Всадники изъ передовой цѣпи (gens d'armes) бросились на нихъ, но такимъ образомъ сами попали подъ дождь англійскихъ стрѣлъ. Французы устремились было на непріятельскихъ стрѣлковъ, но теперь, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ битвахъ, гдѣ конница сражалась со стрѣлками, обнаружилось, что съ лошадьми, которыя почувствовали у себя въ тѣлѣ длинную стрѣлу, никоимъ образомъ нельзя было уже справиться. Одинъ конь не хотѣлъ идти впередъ, другой несся прыжками въ гору, какъ бѣшеный, многіе поворачивались къ врагамъ крупомъ, несмотря на всѣ усилія всадниковъ. Вскорѣ передъ рядами англичанъ образовалась безформенная масса изъ упавшихъ лошадей, съ лежащими подъ ними всадниками, и изъ убитыхъ генуэзцевъ. Сюда устремились валлійцы съ ихъ длинными ножами и начали рѣзать немилосердно.

Французы, разбитые въ битвѣ при Креси, никогда не могли ясно разсказать хроникерамъ, что произошло дальше. Но по англійскимъ источникамъ, французы сдѣлали одно за другимъ еще три сильныхъ нападенія, а англичане отбили ихъ всѣ три раза, не сдвинувшись съ мѣста. Первую аттаку повели Іоаннъ, король богемскій, графъ д'Алансонъ и графъ фландрскій съ первой боевой линіей. Всѣ трое пали тутъ. Слѣпой король выбралъ себѣ въ поводыри храбраго Муанъ де-Базейль и сказалъ ему: „Сеньёръ, Вы мой вассалъ и мой другъ и мой товарищъ на нынѣшній день. Я прошу и требую, проведите меня какъ можно дальше впередъ, чтобы я могъ нанести хоть одинъ ударъ мечемъ".—„Охотно, монсеньёръ", отвѣчалъ рыцарь. И вотъ всѣ окружающіе слѣпца перевязали другъ съ другомъ свои поводья и тѣснымъ сомкнутымъ строемъ двинулись впередъ. Ле-Муанъ де-Базейль сумѣлъ такъ ловко вести короля, что, обойдя стрѣлковъ, всѣ они очутились передъ первымъ рядомъ англійскихъ рыцарей. Король богемскій осуществилъ здѣсь свое желаніе и нанесъ не одинъ ударъ, а три—четыре. Но и король и всѣ окружающіе его были тутъ перебиты; только два экюйэ уцѣлѣли и разсказали, какъ погибли другіе. О графахъ фландрскомъ и д'Алансонъ Фруассаръ говоритъ только: они проявили всю доблесть свою; ихъ нашли на другой день убитыми, но не во время бѣгства, а съ мечемъ въ рукѣ и лицомъ къ врагамъ. Вѣроятно, отъ ихъ свиты не осталось въ живыхъ ни одного рыцаря, чтобы разсказать подробности доблестной смерти. Но французы продолжали наступать. Теперь очередь была за второй линіей. Ее вели герцогъ лотарингскій и его зять графъ де-Блуа. Имъ удалось отбросить стрѣлковъ и проложить себѣ путь до ряда gens d'armes. Вѣроятно, какъ разъ при этомъ натискѣ былъ сбитъ наземь принцъ валлійскій, такъ что его знаменосецъ Ричардъ Фисъ де-Симонъ (Fils de-Symon) долженъ былъ положить знамя къ ногамъ принца, и замахнувшись мечемъ, который онъ держалъ обѣими руками, броситься на враговъ. Храбрые рыцари поспѣшили со всѣхъ сторонъ къ нему на помощь, такъ что онъ снова могъ схватить знамя. Однако, опасность, которой подвергалась первая линія англичанъ, показалась графу Варвику настолько значительной, что онъ отрядилъ рыцаря Томаса Норвичскаго къ королю съ просьбой о помощи. „Скажите, сиръ Томасъ", спросилъ тогда король Эдуардъ рыцаря: „убитъ мой сынъ или безъ чувствъ, или раненъ, что онъ не можетъ помочь?"—„О, нѣтъ, но онъ выдерживаетъ тяжкую борьбу и нуждается въ вашей помощи", отвѣчалъ Томасъ Норвич-

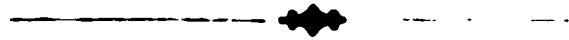
скій. „Ну, такъ вернитесь къ нему и къ тѣмъ, кто послалъ васъ, и передайте имъ, чтобы они избавили меня отъ подобныхъ посланій, пока сынъ мой живъ; ибо мой приказъ имъ—дать ребенку случай заслужить рыцарскія шпоры. Я хочу, чтобы нынѣшней побѣдой мы были обязаны ему, а слава дня принадлежала тѣмъ, кому я довѣрилъ сына“. Этотъ отвѣтъ вдохнулъ англійскимъ рыцарямъ новую силу, и они побѣдоносно отбросили враговъ. Потери французовъ были ужасны: герцогъ лотарингскій и графъ де-Блуа со многими другими легли на мѣстѣ.

У французовъ оставалась еще третья и самая сильная боевая линія самого Филиппа Валуа. Никто не сталъ здѣсь дожидаться приказа начать аттаку, никто не спрашивалъ, можно ли еще поправить дѣло: всѣ ждали только, чтобы поле битвы немного расчистилось передъ ними. Между тѣмъ наступала уже ночь, а путь къ непріятелю былъ прегражденъ мертвыми тѣлами рыцарей и лошадей. Англійскіе стрѣлки неослабно продолжали свое дѣло. Подъ королемъ Филиппомъ была убита лошадь, по англійскимъ извѣстіямъ, даже онъ самъ былъ раненъ въ шею. Жану де-Гэно удалось было убѣдить короля отказаться отъ своего безсмысленнаго намѣренія лично принять участіе въ битвѣ. „Вы потеряете эту битву, но можете выиграть другую. Вы одни, вѣдь, не можете помочь горю“. Но король все еще порывался впередъ. Тогда рыцари, приставленные къ поводьямъ королевскаго коня (Жанъ де-Гэно и маршалъ Шарль де-Монморанси), взяли лошадь подъ уздцы и вывели ее вмѣстѣ съ всадникомъ изъ сѣчи. Но не вся свита послѣдовала за ними. Сиръ де-Пти-Варньи далъ шпоры коню, бросился въ битву и погибъ, какъ и многіе другіе, какъ графы д'Оксерръ, де-С.-Поль и хоругвеносецъ де-Нойэ (Noyers). Ночь положила конецъ битвѣ. Кто оставался еще въ живыхъ, считалъ свое дѣло проиграннымъ и старался уйти по незнакомой мѣстности. Кучками по три-по четыре блуждали по полямъ французы, ничего не ѣвшіе уже цѣлый день, и не знали, что стало съ ихъ сеньёрами, друзьями, братьями. Король благополучно достигъ Ла-Бруа (La Broye), на сѣверо-востокѣ отъ Креси за рѣчкой Оти (Authie). Комендантъ крѣпости узналъ его по голосу и велѣлъ спустить подъемный мостъ. Между тѣмъ король Эдуардъ въ виду ночи отдалъ приказъ не выходить изъ рядовъ и не преслѣдовать врага. Съ своимъ отрядомъ онъ спустился теперь къ принцу валлійскому, обнялъ и поцѣловалъ его. „Богъ далъ тебѣ твердость“, сказалъ онъ: „ты воистину мой сынъ и доказалъ, что достоинъ стать моимъ преем-

никомъ". Принцъ опустился на одно колѣно и этимъ почтилъ отца. Велика была радость въ англійскомъ лагерѣ. Но король отдалъ приказъ всю ночь провести еще съ оружіемъ въ рукахъ.

Любопытно, что въ битвѣ при Креси англичане стрѣляли уже изъ пушекъ. Правда, огнестрѣльное оружіе не сразу получило рѣшающее значеніе въ европейскихъ войнахъ. Но въ сущности именно оно измѣнило въ XV в. всю тактику рыцарской эпохи.

Евг. Щепкинъ.



XLV.

Средневѣковая лирика.

Югъ Франціи. Область, куда входитъ не только Провансъ въ собственномъ смыслѣ слова, но и весь провансальскій округъ, т. е. Аквитанія, Лимузенъ, Пуату, Керси и Овернь, другими словами сказать, вся область языка *oc* [1]) составляетъ собою ту южную Францію, которая положила начало такъ называемой провансальской поэзіи. Это было давно, въ началѣ среднихъ вѣковъ. Тамъ, на югѣ Франціи, никогда не вымирала культура, водворенная греками и потомъ взлелѣянная римлянами, тамъ рано началось благосостояніе страны и ожили ремесла, промыслы и торговля, а южный французскій языкъ сдѣлался раньше сѣвернаго пригоднымъ для литературныхъ произведеній: въ немъ сохранились окончанія на гласныя буквы, характеризующія южные языки и облегчающія риѳму и сложныя поэтическія формы. Эти условія благопріятствовали развитію поэзіи въ южной Франціи; тамъ скоро зазвучали лирическія пѣсни, къ которымъ сводится почти вся провансальская поэзія и которыя въ продолженіе среднихъ вѣковъ давали образцы всей остальной Европѣ, такъ какъ послѣдовательно переходили въ сѣверную Францію, далѣе въ Германію, гдѣ особенно пришлись по вкусу, потомъ въ Италію, а наконецъ и въ Испанію. Какъ бы то ни было, а южная Франція должна по справедливости считаться родиной средневѣковой лирики.

Пособія: *Каррьеръ, Кирпичниковъ*, Исторіи всеобщей литературы.

[1]) На югѣ Франціи „oc“ (hoc) значило „да“, а на сѣверѣ въ томъ же значеніи употребляли „oil“ (теперешнее „oui“). Поэтому южную Францію называли иногда Languedoc, а сѣверную—Langued'oil.

Лирика Прованса, начавшись съ деревенской, народной пѣсни, въ продолженіе одного XI столѣтія преобразовалась въ искусственную. Въ это время она получила названіе „*искусство изобрѣтать* (art de trobar)“, почему и поэтъ провансальскій назывался „*изобрѣтателемъ*“ или „*трубадуромъ*“. Такихъ трубадуровъ въ южной Франціи было очень много,—по крайней мѣрѣ, до насъ дошли имена почти пятисотъ изъ нихъ,—но они издавали свои произведенія не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ, и временемъ процвѣтанія провансальской поэзіи слѣдуетъ считать XII и XIII столѣтія. Стихотворенія трубадуровъ были въ полномъ смыслѣ слова пѣснями, потому что они слагались не для чтенія, а для пѣнія: трубадуры, знавшіе музыку, сами бывали композиторами и исполнителями, другіе же пользовались услугами *жонглеровъ*, которые и распѣвали ихъ произведенія передъ публикой; часто тѣ же жонглеры распространяли пѣсни трубадуровъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда сами авторы не попадали. Въ числѣ трубадуровъ встрѣчались люди всякихъ сословій, но рыцари и феодалы, даже владѣтельные князья составляли между ними весьма большой процентъ, и, во всякомъ случаѣ, положеніе трубадуровъ, изъ какого бы сословія они ни происходили, было очень хорошо: къ нимъ относились всегда съ уваженіемъ.

Виды лирическихъ стихотвореній.

Благодаря обилію гласныхъ и мелодическихъ кадансовъ въ языкѣ провансальской лирики, она отличается удивительнымъ разнообразіемъ и красотой своихъ формъ, но содержаніемъ эта лирика гораздо бѣднѣе: въ качествѣ рыцарей, трубадуры долго только и дѣлали, что воспѣвали любовь и войну, но извѣстныя политическія событія начала XIII вѣка порождаютъ новые мотивы для ихъ стихотвореній: у нихъ появляется сатира. Перечислить всѣ виды провансальской лирики очень трудно: этихъ видовъ слишкомъ много, и слишкомъ неустойчива основа ихъ дѣленія, такъ какъ для нея служитъ столь же часто форма, какъ и содержаніе, и если, съ одной стороны, тутъ встрѣчаются *сестины*, стихотворенія, состоящія изъ 6 строфъ, изъ которыхъ каждая заключаетъ 6 стиховъ, то съ другой,—*альбы*, т. е. утреннія пѣсни, и *серены* т. е. вечернія пѣсни. Поневолѣ приходится ограничиться самыми распространенными видами лирики трубадуровъ, а такими являются: *кансона*, выработанная весьма искусно и служившая чаще всего для любовныхъ стихотвореній; *тенсона*, представляющая собой поэтическій діалогъ двухъ поэтовъ или поэта съ лицомъ, имъ вымышленнымъ, о темахъ, касающихся той же любви; *баллада* (отъ balar—

плясать), означающая плясовую пѣсню, и *сирвентъ*, пѣсня, содержащая какъ похвалу, такъ и порицанiе, а потомъ только порицанiе и обличенiе, т. е. сатира.

Въ творчествѣ трубадуровъ часто сквозитъ тонкое пониманiе красоты, чуткiй инстинктъ въ выборѣ выраженiй и искреннее увлеченiе простой и нѣжной мелодiей; если же вся эта поэзiя, воспѣвающая, какъ сказано выше, любовь и войну, по своему содержанiю подчасъ до того однообразна, что ее можно счесть рядомъ произведенiй одного и того же поэта, то не слѣдуетъ забывать о рыцарствѣ трубадуровъ. Трубадуры прежде всего рыцари, у которыхъ сердце всегда принадлежало дамѣ, а рука—мечу, и потому вполнѣ естественно, что основными мотивами ихъ пѣсенъ остаются любовь и война. Тѣмъ не менѣе, провансальская поэзiя не всегда отличалась субъективнымъ и личнымъ характеромъ: иногда, и главнымъ образомъ съ начала XIII вѣка, подъ влiянiемъ историческихъ событiй, она имѣла и общественное значенiе, и трубадурамъ выпадало на долю быть вождями и руководителями общественнаго мнѣнiя, когда они возбуждали къ крестовымъ походамъ или высказывали горячiй гнѣвъ, нападая на папскiй престолъ и на испорченность духовенства. Такимъ образомъ, содержанiе провансальской лирики не исчерпываются любовью, и образцами ея могутъ служить, кромѣ любовныхъ, не только военныя пѣсни, но и пѣсни, бичующiя пороки. Для примѣра остановимся на нѣсколькихъ пѣсняхъ, сначала имѣющихъ предметомъ любовь, а потомъ и съ другимъ содержанiемъ.

Когда по вѣткамъ зелень выбѣгаетъ,
То здѣсь, то тамъ распустится цвѣтокъ,
Щебечетъ птичка, спрятавшись въ кустокъ,—
Тогда душа въ блаженствѣ утопаетъ;
Но вотъ убралъ деревья пышный цвѣтъ
И соловьи запѣли хоромъ дружнымъ,
Тогда глядишь, и съ сердцемъ сладу нѣтъ,
Любви властительной подслужнымъ.

Такъ поетъ провансалъ о любви, но чаще онъ выражается о ней гораздо сильнѣе, потому что видитъ въ ней источникъ всякой человѣчности,—напримѣръ:

Счастливъ, кому досталося блаженство!
Любовь—источникъ всякаго добра:
Не отъ нея ль душа становится бодра,
Кротка, правдива, утонченна,

Способнѣй во сто кратъ въ совѣтѣ и войнѣ?
Да будетъ же любовь благословенна!

Въ только что приведенной пѣснѣ трубадуръ не даромъ упомянулъ о войнѣ, потому что иногда его ничто такъ не веселитъ, какъ боевой кличъ, и онъ съ воодушевленіемъ рисуетъ войну:

Вотъ всадниковъ убитыхъ кони
Блуждаютъ по полю дрожа;
За недругомъ несясь въ погоню
И славой предковъ дорожа,
Герой о томъ лишь помышляетъ,
Чтобы побольше снять головъ
И рукъ отсѣчь, безъ дальнихъ словъ,
А самъ нигдѣ не отступаетъ.

Что касается до нападеній на духовенство и его алчность, то относительно этого предмета въ провансальской поэзіи попадаются и такія мѣста:

Кто зло добру въ дѣлахъ предпочитаетъ,
Безумецъ тотъ: не дологъ счастья срокъ,
Его, глядишь, на сутки не хватаетъ.
Да нѣтъ, не вразумить намъ сварѣдныхъ глупцовъ,
Безъ пользы для себя вѣкъ алчущихъ скупцовъ!

До насъ дошло много біографій провансальскихъ трубадуровъ, и по нимъ можно составить себѣ совсѣмъ ясное понятіе о провансальской поэзіи, которая, представляя изъ себя несомнѣнное проявленіе личности, требуетъ, кромѣ знакомства со своими произведеніями, знанія условій жизни авторовъ этихъ произведеній. Для подобной цѣли можно было бы разсмотрѣть цѣлый рядъ біографій трубадуровъ; можно было бы ознакомиться съ жизнью замѣчательнаго поэта и крайне эксцентричнаго Петра Видаля, нарядившагося однажды волкомъ въ честь своей дамы, имя которой было Loba (волчиха), и бродившаго нѣкоторое время въ этомъ видѣ; можно было бы извлечь много интереснаго изъ біографіи Понса де-Капдюэля, автора энергическихъ и сильныхъ стихотвореній по поводу крестовыхъ походовъ, или Вильгельма Фигвейраса, бичующаго Римъ и его нравственное паденіе; но достаточно остановиться на прославленномъ Бертранѣ де-Борнѣ, который можетъ назваться выразительнымъ представителемъ трубадуровъ. Бертранъ де-Борнъ

Родившись, какъ предполагаютъ, въ 1145 году въ родовомъ

замкѣ своего отца, барона средней руки. Бертранъ де-Борнъ 9-ти лѣтъ былъ посланъ въ сосѣднiй монастырь для обученiя грамотѣ, гдѣ учился 5 лѣтъ, потомъ изучалъ военное дѣло, 21-го года былъ посвященъ въ рыцари, а въ 1179 году женился; отъ этого брака у него было двое дѣтей.

Какъ истый трубадуръ, Бертранъ знаетъ идеальную рыцарскую любовь и является авторомъ многихъ кансонъ, внушенныхъ ему самымъ утонченнымъ культомъ любви, но цѣль и задача всей его жизни—война. Онъ то-и-дѣло или самъ воюетъ, или возбуждаетъ къ войнѣ, и честь для него дорога такъ же, какъ и обнаженiе меча за святое дѣло. Это сильный не только тѣломъ, но и духомъ человѣкъ. Бертранъ не только постоянный союзникъ непокорныхъ сыновей Генриха II Плантагенета, короля Англiи и владѣтеля лучшей половины Францiи; онъ не пропускаетъ ни одного случая, чтобы не обнаружить своей страсти къ войнѣ, и въ своихъ сирвентахъ, распѣваемыхъ жонглеромъ Папiолемъ, то упрекаетъ королей Ричарда и Филиппа за медленность, которая мѣшаетъ имъ вооружиться ради святого дѣла, то старается „пришпорить", какъ онъ выражается, т. е. побудить къ войнѣ тѣхъ же Ричарда и Филиппа, льстя первому и унижая, сколько возможно, второго. Временами можетъ показаться, что Бертранъ любитъ войну для войны, но зато иногда его сирвенты совсѣмъ другого направленiя: по поводу, напримѣръ, смерти Генриха Юнаго онъ пишетъ рядъ грустныхъ сирвентовъ, въ которыхъ видно искреннее чувство и сильная привязанность къ принцу со стороны Бертрана. Послѣ смерти своей второй жены онъ передалъ свои владѣнiя сыновьямъ и ушелъ въ монастырь, гдѣ въ 1215 году его поминали уже за-упокой.

Бертранъ — вполнѣ типичный трубадуръ, если, кромѣ любви, его такъ воодушевляетъ война, въ которой онъ видитъ самое живое дѣло. Одно приготовленiе къ бою приводитъ его въ восторгъ, и онъ поетъ:

Какъ сладокъ мнѣ разгулъ весны!
Вновь листъ и цвѣтъ оживлены;
Опять веселый птичекъ хоръ
Лѣсъ пѣснью свѣжей оглашаетъ,
Куда ни обратится взоръ,
Избушки, хутора встрѣчаетъ;
Но сладокъ мнѣ и поля видъ,
— Будь это осенью, весною,—
Гдѣ строй людей, коней стоитъ,
Вполнѣ готовый къ бою!

Но вотъ война началась, и восхищеніе Бертрана становится безграничнымъ:

Мнѣ любо видѣть: лишь мелькнутъ
Въ дали бойцы передовые —
И люди и стада бѣгутъ
Укрыться въ чащи вѣковыя;
Ахъ, любо! тамъ навстрѣчу имъ
Вонъ съ шумомъ выдвинулось войско,
И бой теперь необходимъ;
Иль гдѣ съ отвагою геройской
Надежный замокъ силой взятъ,
Когда стѣна, вдругъ треснувъ, рухнетъ,—
Не оторвался бы мой взглядъ!

Трубадуры всегда довольно охотно переходили границу и странствовали по чужимъ землямъ, а послѣ ужасовъ альбигойской войны они массами стали покидать родину для переселенія къ сосѣдямъ, и прежде всего въ сѣверную Францію, гдѣ и поспѣшили распространить провансальскую поэзію. Ранѣе была и у сѣверныхъ французовъ лирика, и не народная только, но и искусственная; однако, эта лирика и незначительна по количеству стихотвореній и слишкомъ сбиваетъ на эпосъ; истинная же искусственная лирика появилась въ сѣверной Франціи одновременно съ появленіемъ въ ней трубадуровъ. Провансальцы, такимъ образомъ, остаются всегда учителями, и ихъ пѣсни и громче и мелодичнѣе пѣсенъ сѣверныхъ французовъ; однако все же этихъ послѣднихъ нельзя считать только переводчиками: во всякомъ случаѣ, въ сѣверной Франціи привились почти всѣ виды провансальской поэзіи.

Встрѣчаются и среди сѣверныхъ французовъ хорошіе поэты. Таковъ графъ Тибо Шампанскій, внукъ короля наварскаго и самъ впослѣдствіи король наварскій. Онъ сыгралъ роль посредника между югомъ и сѣверомъ Франціи и своими произведеніями хорошо выражаетъ сѣверо-французскую лирическую поэзію. **Тибо Шампанскій.**

Этотъ богатый и вліятельный человѣкъ родился въ 1201 году, былъ воспитанъ на югѣ, а большую часть жизни провелъ на сѣверѣ; труверамъ, т. е. эпическимъ поэтамъ сѣверной Франціи, онъ принадлежитъ по языку и своей способности играть словами и шутить, а у трубадуровъ заимствуетъ тѣ или иныя формы своихъ стихотвореній. Вообще Тибо не пользовался популярностью; быть можетъ, потому, что, въ качествѣ владѣтеля обширныхъ земель, помогалъ матери св. Людовика, Бланкѣ Кастильской, поддерживать королевскую власть въ разъединенной странѣ; но поэзія его всегда за-

иное, какъ сборники лирическихъ порывовъ, такъ какъ каждая отдѣльная строфа въ нихъ дышетъ самымъ горячимъ лиризмомъ. Такимъ образомъ, Вольфрамъ—въ полномъ смыслѣ слова миннезингеръ, и доказательствомъ этого можетъ послужить слѣдующая пѣсня Сигуны изъ поэмы „Титурэль“:

Бывало, подъ вечеръ съ тоской въ окошко на степь я глядѣла,
Долина, терянсь вдали, одна предо мною бѣлѣла.
Онъ рѣдко ко мнѣ приходилъ, и горькой, обильной слезой
Платить приходилося мнѣ за счастье минуты одной.

Брожу отъ окошка къ стѣнѣ я взадъ и впередъ въ нетерпѣньѣ,
Съ востока на западъ брожу, какъ будто въ меня убѣжденье,
О томъ, что случилось со мной, уже поселилось давно,
И много ли, мало ль часовъ печалюсь я—все мнѣ равно!

На бурныхъ я волнахъ подчасъ плыву по пучинѣ глубокой
И думаю: если бъ ко мнѣ примчалась изъ дали широкой
Внезапно счастливая вѣсть, въ утѣху печали живой,
Что горя сердечную боль утѣшитъ мнѣ другъ дорогой.

Куда улетѣли навѣкъ утѣхи мои золотыя?
Гдѣ бодрость былая моя? гдѣ радости сердца живыя?
Одна намъ досталась судьба: онъ нуженъ одинъ мнѣ; но я —
Вѣдь также ему дорога—что жъ онъ избѣгаетъ меня?

Къ XIV вѣку проходитъ время процвѣтанія средневѣковой лирики во Франціи, а нѣмецкая рыцарская лирика, доведенная до смѣшныхъ крайностей Ульрихомъ фонъ-Лихтенштейномъ въ его „служеніи дамамъ“ и вызвавшая рядъ пародій со стороны Нитгарта и Тангейзера, сначала принимаетъ дидактическое направленіе, потомъ изгоняется изъ княжескихъ дворцовъ и дворянскихъ замковъ, ютится нѣкоторое время въ городахъ и, наконецъ, замираетъ, уступая мѣсто народной пѣснѣ. Можно было бы посмотрѣть, какъ привилась провансальская лирика въ другихъ странахъ Европы, но повсюду это были только отзвуки лирики трубадуровъ. Во всякомъ случаѣ, эта лирика сдѣлала свое дѣло: оставляя слѣды по всей Европѣ, она оказала большое вліяніе на образованіе всей средневѣковой и новѣйшей литературы.

И. Казанскій.

Миннезингеры обращаютъ большое вниманіе на форму, почему, между прочимъ, они и ставили такъ высоко своего Генриха фонъ-Фельдекэ, обработывавшаго всегда весьма старательно стихъ; они больше трубадуровъ заботятся о риѳмѣ, и метры ихъ стихотвореній разнообразнѣе. Среди видовъ этихъ стихотвореній особенно часто встрѣчаются простые, попарно риѳмованные стихи безъ строфъ, или такъ называемые *лейхи*, сопровождаемые музыкой, и *шпрюхи*, соотвѣтствующіе *сирвентамъ* въ Провансѣ.

По содержанію своихъ пѣсенъ, миннезингеры еще бѣднѣе трубадуровъ: любовь почти единственная ихъ тема, и мы напрасно стали бы искать у нихъ мотивовъ свободы или оппозиціи, проявляющихся иногда въ провансальской поэзіи. Но и самая любовь въ нѣмецкой рыцарской лирикѣ — робкая, сентиментальная и мечтательная; большею частью миннезингеръ прославляетъ возлюбленную, излагаетъ обязанности любовнаго служенія и никогда не говоритъ объ измѣнѣ или ревности. При этомъ, какъ сѣверный человѣкъ, онъ поетъ отнюдь не весело о любви: онъ всегда вдумчивъ и наклоненъ къ рефлексіи, и его любовь въ большинствѣ случаевъ выходитъ душевнымъ настроеніемъ, тогда какъ у трубадура она полна пыла и страсти. Отсюда въ нѣмецкой рыцарской поэзіи постоянно звучитъ глубоко-грустная нота, отсюда же въ ней постоянно изслѣдуются психологія и тайны любви. Миннезингеры хорошо сознавали суетность земныхъ наслажденій, а это приводило ихъ, съ одной стороны, къ религіи, съ другой—къ созерцанію природѣ, и они отводятъ иногда въ своихъ стихотвореніяхъ мѣсто то религіи, то природѣ. Такимъ образомъ, миннезингеры подражаютъ трубадурамъ, но въ этомъ подражаніи основныя черты ихъ характера всегда остаются при нихъ; задумчивость съ мягкостью и расплывчатостью вѣчно присущи нѣмецкой рыцарской поэзіи, и потому слѣдующая пѣсня можетъ назваться характернымъ образцомъ ея:

Кому не знакома вражда,
Тотъ жесткаго слова иль слова презрѣнія
Не скажетъ о женщинѣ, ей въ осужденіе,
Но будетъ ей ласки привѣта дарить
И кротко о ней говорить.
Блаженство и радость въ жизнь нашу вносящая,
Скромна и безмолвна любовь настоящая!
Какъ дымъ, улетаетъ страданье отъ насъ,
Испугано женской улыбкой единою;
Въ насъ сердце трепещетъ любовной кручиною
Отъ взгляда плѣнительныхъ глазъ.

Воздайте же должное образу чистому,
Челу молодому лилейно-лучистому,
Рубиновымъ, нѣжнымъ устамъ
И алымъ, какъ розы, щекамъ.
Видъ милыхъ созданій съ ихъ чудными взорами
Насъ все заставляетъ забыть,
И нѣтъ тѣхъ восторженныхъ пѣсенъ, которыми
Мы ихъ не готовы почтить;
Но все же того, что я думаю, чувствую,
И самой хвалой стоустою
Не выразить людямъ вполнѣ:
Того, какъ прекрасны онѣ.

Все на одни и тѣ же мотивы пѣли и Фридрихъ фонъ-Гузенъ, и Гартманъ фонъ-Ауэ, и Ульрихъ фонъ-Зингенбергъ, и Христіанъ фонъ-Гамле, и очень многіе еще другіе миннезингеры; но эта литература любовныхъ пѣсенъ произвела одного художника съ болѣе обширнымъ кругозоромъ, художника, который вполнѣ заслуживаетъ уваженія среди своихъ современниковъ; имя этого художника— Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде, и на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе, такъ какъ ему принадлежитъ первое мѣсто среди миннезингеровъ.

Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде.

Къ сожалѣнію, тогда какъ французы хорошо знаютъ жизнь своихъ трубадуровъ, матеріалы для біографій нѣмецкихъ средневѣковыхъ поэтовъ крайне скудны, и все, что извѣстно о жизни Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде, почерпнуто большею частью изъ его же собственныхъ сочиненій. Родился онъ, какъ предполагаютъ, въ южномъ Тиролѣ около 1168 года и юность свою провелъ при дворѣ австрійскаго герцога Фридриха Католика; когда же этотъ послѣдній умеръ въ Палестинѣ въ 1198 году, Вальтеръ началъ скитальческую жизнь, во время которой исходилъ не только Германію, но и многія чужія земли, при чемъ, становясь на сторону того или другого государя, принималъ участіе, благодаря своему уму и таланту, въ политическихъ событіяхъ. Между прочимъ, въ это время Вальтеру пришлось побывать и при дворѣ извѣстнаго покровителя поэтовъ, ландграфа Германа Тюрингенскаго и участвовать въ знаменитомъ Вартбургскомъ состязаніи поэтовъ. Вскорѣ онъ принимаетъ сторону императора Оттона противъ папы Иннокентія II, и съ этихъ поръ въ своихъ произведеніяхъ очень часто возвращается къ вопросу о притязаніяхъ Рима и о поведеніи духовенства. „Хорошо папѣ смѣяться въ Римѣ“, восклицаетъ между прочимъ Вальтеръ, „въ то время какъ добродушные нѣмцы опо-

ражниваютъ кошельки на пользу его казны! Боюсь я только, что деньги эти никогда не увидятъ Святой Земли, и въ одномъ Римѣ будутъ знать, сколько еще есть въ Германіи дураковъ и дуръ!“ Съ теченіемъ времени Вальтеръ покинулъ Оттона и перешелъ на сторону Фридриха II, и отъ этого послѣдняго получилъ въ собственность ленное помѣстье, о которомъ давно умолялъ своихъ прежнихъ покровителей. Однако, не долго прожилъ онъ на одномъ мѣстѣ и снова принялся за свои странствія; когда же Фридрихъ II двинулся въ Св. Землю, отправился вмѣстѣ съ нимъ и Вальтеръ. Умеръ Вальтеръ въ Вюрцбургѣ послѣ 1230 года.

Уже изъ сказаннаго можно заключить, что Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде, не въ примѣръ другимъ миннезингерамъ, затрогивалъ въ своихъ стихахъ предательство духовенства; но не въ одномъ только этомъ отношеніи онъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Вальтеръ вообще принадлежалъ къ болѣе мужественнымъ характерамъ и, не ограничиваясь обычной темой лирической поэзіи своей эпохи, т. е. любовью, онъ съ энтузіазмомъ воспѣвалъ свое отечество, столь горячо любимое имъ, и не былъ чуждъ въ своихъ шпрюхахъ политики, при чемъ онъ пѣлъ всегда съ убѣжденіемъ, а не изъ того или другого расчета. О легкости и красотѣ стиховъ его, равно какъ и о силѣ его чувства и искренности, можетъ свидѣтельствовать слѣдующее стихотвореніе:

Въ чужихъ краяхъ нерѣдко я блуждалъ
Но, увлеченъ чарующею силой,
Я никогда нигдѣ не забывалъ
Ни дѣвъ, ни женъ своей отчизны милой.
Къ чему мнѣ лгать? Въ сердечной глубинѣ
Носилъ я образъ женщины нѣмецкой,
И былъ всегда онъ милъ и дорогъ мнѣ
Своею непорочностію дѣтской.
Чей жаждетъ духъ любви и красоты,
Пускай спѣшитъ въ нашъ край благословенный.
О край родной! могилой будь мнѣ ты:
Тебя прекраснѣй нѣтъ во всей вселенной

Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ.

Послѣ Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде, нельзя не упомянуть о Вольфрамѣ фонъ-Эшенбахѣ, который, хотя и знаменитъ своими эпическими поэмами, но и по таланту и по характеру былъ чистѣйшимъ лирикомъ. Не говоря уже о томъ, что Вольфрамъ — авторъ многихъ лирическихъ стихотвореній, и поэмы его — „Парциваль“, „Виллегальмъ“ и „Титурэль“ — представляютъ изъ себя не что

иное, какъ сборники лирическихъ порывовъ, такъ какъ каждая отдѣльная строфа въ нихъ дышетъ самымъ горячимъ лиризмомъ. Такимъ образомъ, Вольфрамъ—въ полномъ смыслѣ слова миннезингеръ, и доказательствомъ этого можетъ послужить слѣдующая пѣсня Сигуны изъ поэмы „Титурэль“:

Бывало, подъ вечеръ съ тоской въ окошко на степь я глядѣла,
Долина, теряясь вдали, одна предо мною бѣлѣла.
Онъ рѣдко ко мнѣ приходилъ, и горькой, обильной слезой
Платить приходилося мнѣ за счастье минуты одной.

Брожу отъ окошка къ стѣнѣ я взадъ и впередъ въ нетерпѣньѣ,
Съ востока на западъ брожу, какъ будто въ меня убѣжденье,
О томъ, что случилось со мной, уже поселилось давно,
И много ли, мало ль часовъ печалюсь я—все мнѣ равно!

На бурныхъ я волнахъ подчасъ плыву по пучинѣ глубокой
И думаю: если бъ ко мнѣ примчалась изъ дали широкой
Внезапно счастливая вѣсть, въ утѣху печали живой,
Что горя сердечную боль утѣшитъ мнѣ другъ дорогой.

Куда улетѣли навѣкъ утѣхи мои золотыя?
Гдѣ бодрость былая моя? гдѣ радости сердца живыя?
Одна намъ досталась судьба: онъ нуженъ одинъ мнѣ; но я —
Вѣдь также ему дорога—что жъ онъ избѣгаетъ меня?

Къ XIV вѣку проходитъ время процвѣтанія средневѣковой лирики во Франціи, а нѣмецкая рыцарская лирика, доведенная до смѣшныхъ крайностей Ульрихомъ фонъ-Лихтенштейномъ въ его „служеніи дамамъ“ и вызвавшая рядъ пародій со стороны Нитгарта и Тангейзера, сначала принимаетъ дидактическое направленіе, потомъ изгоняется изъ княжескихъ дворцовъ и дворянскихъ замковъ, ютится нѣкоторое время въ городахъ и, наконецъ, замираетъ, уступая мѣсто народной пѣснѣ. Можно было бы посмотрѣть, какъ привилась провансальская лирика въ другихъ странахъ Европы, но повсюду это были только отзвуки лирики трубадуровъ. Во всякомъ случаѣ, эта лирика сдѣлала свое дѣло: оставляя слѣды по всей Европѣ, она оказала большое вліяніе на образованіе всей средневѣковой и новѣйшей литературы.

И. Казанскій.

XLVI.

Театральныя представленія во Франціи въ концѣ XV вѣка.

Въ монотонной жизни средневѣковаго города не было событія, глубже захватывавшаго общее вниманіе, сильнѣе увлекавшаго все населеніе, безъ различія сословія и состоянія, чѣмъ представленіе мистеріи, т. е. драмы съ сюжетомъ изъ Св. Писанія. Такое представленіе, вполнѣ отвѣчая общей набожности эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяя наивной страсти къ пышнымъ зрѣлищамъ, считалось религіознымъ и общественнымъ подвигомъ, за осуществленіе котораго брались съ благоговѣніемъ, молитвою и горячимъ усердіемъ. Всѣ классы общества, начиная съ блестящей знати и кончая сѣрымъ деревенскимъ людомъ, пылали истиннымъ энтузіазмомъ къ этому дѣлу и, забывъ на время сословные личные счеты и застарѣлыя взаимныя недоразумѣнія, сходились, — лишь только зарождалась гдѣ-нибудь мысль о представленіи мистеріи,—въ единодушномъ страстномъ желаніи содѣйствовать всѣми силами успѣху и блеску сложнаго и грандіознаго предпріятія. Вопросъ представленіи мистеріи.

Мистеріи были предметомъ горячей симпатіи всей Западной Европы съ XIV до начала XVI столѣтія, но нигдѣ и никогда онѣ не пользовались такою популярностью, какъ во Франціи во второй половинѣ XV вѣка. Перенесемся мыслью въ какой-нибудь изъ французскихъ городовъ этой эпохи; представимъ его себѣ со всѣми особенностями средневѣковой своеобразной обстановки, свидѣтельствующей на каждомъ шагу о необезпеченной полу-военной жизни и тревожномъ, исполненномъ суевѣрія порываніи къ нетлѣнному и вѣчному существованію. Войдемъ въ одинъ изъ до-

мовъ, похожихъ на неприступныя крѣпости, которые тѣснятся въ въ узкихъ и кривыхъ улицахъ, почтительно уступивъ обширную площадь громадному, величественному и таинственному готическому собору, съ возносящимися къ небу остроконечными башнями, краснорѣчиво говорящему о томъ, что здѣсь выше всего ставятся интересы вѣры и благочестія. Въ одной изъ комнатъ, по убранству которой легко догадаться о зажиточности и солидности владѣльца дома, собралось нѣсколько почтенныхъ, пожилыхъ людей, принадлежащихъ къ мѣстной духовной и свѣтской аристократіи. Хозяинъ, серьезный и степенный старикъ, представитель уважаемой буржуазной фамиліи, члены которой нерѣдко занимали видныя судебныя и административныя должности въ городѣ, пригласилъ ихъ къ себѣ для совмѣстнаго обсужденія очень важнаго вопроса. Дѣло въ томъ, что прошло уже около пятнадцати лѣтъ съ того времени, какъ въ городѣ была представлена въ теченіе трехъ дней „великолѣпная и поучительная“ мистерія „Страстей Господнихъ“. Воспоминаніе объ этомъ торжественномъ и благочестивомъ зрѣлищѣ начало уже блѣднѣть, вотъ почему было бы умѣстно и желательно позаботиться о новомъ представленіи мистеріи, назидательность которой для народа не подлежитъ сомнѣнію. Кромѣ того, благополучное окончаніе разорительной войны, бремя которой тяготѣло нѣсколько лѣтъ надъ населеніемъ, и счастливое избавленіе отъ моровой язвы, свирѣпствовавшей въ другихъ городахъ, обязывало всѣхъ истинно-вѣрующихъ возблагодарить Бога достойнымъ образомъ за всѣ благодѣянія. Но неужели возможно лучше почтить Создателя, какъ „представивъ въ лицахъ земную жизнь, страданія, крестную смерть и воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа?“ Правда, это дѣло не легкое, поглощающее массу и труда и денегъ; но въ христіанскомъ усердіи горожанъ нельзя сомнѣваться, въ средствахъ же, навѣрно, не будетъ недостатка: едва только въ городѣ узнаютъ о задуманномъ благочестивомъ предпріятіи, какъ отовсюду польются щедрыя пожертвованія. Что касается до самаго текста мистеріи (rollet), то сочинить его любезно согласился всѣмъ извѣстный почтенный каноникъ, краснорѣчивѣйшій и ученѣйшій докторъ теологіи, пользующійся литературною славою за свои духовныя стихотворенія, въ особенности въ честь Св. Дѣвы Маріи.

Собраніе одобрило всѣ приведенныя соображенія уважаемаго хозяина; всѣ были согласны въ томъ, что ничто не содѣйствуетъ до такой степени преуспѣянію вѣры, славѣ Св. Церкви и спасенію

души, какъ именно представленіе мистеріи. Чтобы не затягивать дѣла, рѣшено было завтра же обратиться къ городскимъ властямъ за разрѣшеніемъ и содѣйствіемъ.

Городской мэръ и старшины (échevins) отнеслись къ проекту съ величайшимъ сочувствіемъ. „Принимая въ соображеніе, что, по милости Божіей, королевство французское обрѣтается въ добромъ мирѣ, хлѣбъ и вино дешевы и всѣ припасы, слава Богу, въ изобиліи“, они нашли вполнѣ своевременнымъ разрѣшить представленіе св. мистеріи „для назиданія вѣрующихъ и въ благодарность Господу за избавленіе отъ повальной болѣзни“. Изъ городской кассы была ассигнована значительная сумма для постройки сцены и мѣстъ для зрителей, подъ открытымъ небомъ, на самой обширной изъ городскихъ площадей. Для распоряженія хозяйственною стороною предпріятія и общаго завѣдыванія всѣмъ дѣломъ была избрана комиссія изъ 12 лицъ, честныхъ и набожныхъ гражданъ, въ составъ которой вошло большинство иниціаторовъ предпріятія съ титуломъ „главныхъ распорядителей“ (superintendants). Режиссеромъ (meneur du jeu) назначенъ уже знакомый намъ, „краснорѣчивѣйшій и ученѣйшій докторъ теологіи“, взявшійся написать мистерію, а декораторомъ и машинистомъ (maitre des secrets)— искуснѣйшій мастеръ плотничьяго цеха.

Составленіе пьесъ.

Такимъ образомъ, осуществленіе затѣяннаго предпріятія было обезпечено, и ученый докторъ могъ приняться за сочиненіе обѣщанной мистеріи. Понятія о литературной собственности въ средніе вѣка не существовало, всякій бралъ свое добро, гдѣ его находилъ, пользуясь трудами предшественниковъ, какъ общественнымъ достояніемъ. Поэтому и нашъ авторъ, засѣвъ за литературную работу, мало заботился о самостоятельности. Въ основу своей пьесы онъ положилъ двѣ мистеріи „Страстей Господнихъ“ Арнуля Гребана и Жана Мишеля, уже прославленныя по всей Франціи. Приходилось лишь нѣсколько передѣлать ихъ, сообразно съ мѣстными условіями и личнымъ вкусомъ: кое-что сократить, исключивъ нѣкоторые эпизоды, слишкомъ затягивавшіе ходъ дѣйствія, и кое-что прибавить, увлекшись нѣкоторыми счастливыми находками собственной фантазіи и желаніемъ блеснуть обширною ученостью и начитанностію какъ въ отцахъ церкви, такъ и въ свѣтскихъ писателяхъ. Такимъ образомъ, на старой канвѣ были выведены опытною рукою новые узоры, и мистерія вышла на славу, превосходнѣйшая и поучительнѣйшая, написанная притомъ весьма искусно риѳмованными стихами, общее число которыхъ

доходило до 20,000. Но этимъ литературныя обязанности „краснорѣчивѣйшаго и ученѣйшаго доктора еще не кончились: ему предстояло выбрать или написать вновь два-три веселыхъ фарса, безъ которыхъ по принятому обычаю, требовавшему соединенія полезнаго съ пріятнымъ, не могло обойтись ни одно представленіе серьезной мистеріи. Въ виду этого онъ выписалъ изъ Парижа нѣсколько новыхъ фарсовъ, игравшихся тамъ съ большимъ успѣхомъ „Базошскими клерками“. Такъ называлось одно изъ обществъ актеровъ-любителей, игравшихъ исключительно веселые фарсы, шутки (sotties) и т. п., въ противоположность „Братству Страстей Господнихъ“ (Confrérise de la passion), ставившему на своей сценѣ мистеріи. Одинъ изъ нихъ, называвшійся „Maitre Patelin“, показался ему забавнѣйшимъ и остроумнѣйшимъ; читая его, почтенный каноникъ посмѣялся отъ души, забывъ свою обычную серьезность и сдержанность. Итакъ одинъ превосходный фарсъ былъ на лицо; второй сохранился въ архивѣ городской ратуши послѣ предыдущаго представленія мистеріи; что касается до третьяго, то нашъ авторъ рѣшился пустить въ ходъ, нѣсколько исправивъ и передѣлавъ, фарсъ собственнаго сочиненія, написанный въ дни молодости, когда подобныя „свѣтскія“ произведенія ему не казались еще грѣховными.

Оглашеніе. Когда вся литературная работа, занявшая нѣсколько мѣсяцевъ, была окончена, распорядители назначили традиціонное „оглашеніе“ (сгу) на первый день Пасхи. Такъ называлось объявленіе всему народу о задуманной постановкѣ мистеріи, совершавшееся съ большою торжественностью.

Утромъ, послѣ обѣдни, когда праздничныя группы народа наполняли всѣ улицы, тяжелыя ворота растворились и выпустили блестящую кавалькаду, сразу приковавшую всеобщее вниманіе. Впереди ѣхали шесть трубачей, а за ними отрядъ городскихъ стражниковъ въ кафтанахъ, обшитыхъ серебрянымъ галуномъ и украшенныхъ гербами. Далѣе слѣдовали два герольда, на обязанности которыхъ собственно и лежало „оглашеніе“; ихъ легко было узнать по одеждѣ, сшитой изъ чернаго бархата и атласа трехъ, присвоенныхъ себѣ устроителями мистеріи, цвѣтовъ: голубого, желтаго и сѣраго. Затѣмъ ѣхали сами „распорядители“ на коняхъ, убранныхъ „сообразно ихъ положенію и состоянію“ (bien montes selon leur estat et capacité); общее вниманіе привлекалъ „краснорѣчивѣйшій и ученѣйшій докторъ теологіи“, державшій въ рукахъ тяжелый свитокъ своей мистеріи. На каждомъ перекресткѣ всад-

ники останавливались; послѣ троекратнаго сигнала трубачей герольды выступали впередъ и громогласно читали стихотворное объявленіе о томъ, что въ ближайшій праздникъ Св. Пятидесятницы и слѣдующіе за нимъ дни (въ большинствѣ случаевъ мистеріи разыгрывались въ Троицынъ и Духовъ дни, но нерѣдко представленія бывали и въ другое время, преимущественно лѣтомъ или осенью послѣ уборки жатвъ) имѣетъ быть представлена „честно и благочестиво“ (honnestement et devostement) святая мистерія „Страстей Господнихъ“; всѣ вѣрующіе,—богатые и бѣдные, знатные и простые,—желавшіе принять личное участіе въ такомъ душеспасительномъ и богоугодномъ дѣлѣ, приглашались явиться въ назначенную церковь, гдѣ будутъ происходить репетиціи, подъ руководствомъ самого автора мистеріи (facteur du mystére). Объѣхавъ главныя улицы города, блестящая кавалькада скрылась въ воротахъ ратуши.

Не прошло и часа, какъ вѣсть о необычайномъ и завлекательномъ предпріятіи достигла самыхъ отдаленныхъ городскихъ закоулковъ. Все оживилось, встрепенулось, зашумѣло и заговорило. Почти въ каждой семьѣ нашлись жаждавшіе завидной чести хотя разъ въ жизни фигурировать на сценѣ въ роли какого-нибудь святого, мученика или просто знатнаго лица. Для мистеріи требовалось до двухсотъ исполнителей, но желающихъ было гораздо болѣе: въ назначенную церковь явилось такое количество претендентовъ, что громадному большинству пришлось уйти ни съ чѣмъ, въ полномъ разочарованіи. Тѣмъ сильнѣе была радость счастливцевъ, которыхъ режиссеръ счелъ годными для какой-нибудь роли, хотя бы и очень маленькой и незначительной. Роли.

Наиболѣе важныя и священныя роли, какъ Спасителя, апостоловъ, пророковъ, были уже ранѣе поручены лицамъ духовнаго званія; роль Божіей Матери была отдана красивому и моложавому священнику, такъ какъ обычай вплоть до XVI вѣка не дозволялъ женщинамъ участвовать въ представленіи мистеріи. Другія женскія роли были розданы юношамъ и мальчикамъ. Всѣ удостоившіеся избранія должны были дать торжественную клятву на Св. Евангеліе въ томъ, что будутъ безпрекословно подчиняться режиссеру и исправно посѣщать репетиціи; на нерадивыхъ налагался штрафъ.

Разучиваніе ролей, изъ которыхъ нѣкоторыя заключали въ себѣ не одну тысячу стиховъ, было дѣломъ не легкимъ. Поэтому прошло не мало времени, прежде чѣмъ явилась возможность присту-

пить къ репетиціямъ. Послѣднія доставили почтенному режиссеру не мало труда и хлопотъ, такъ какъ неопытные любители, за исключеніемъ немногихъ, съ большимъ трудомъ постигали даже элементарныя тайны сценическаго искусства. Дѣло не обошлось и безъ досадныхъ помѣхъ. Когда все уже было слажено, вдругъ любитель, взявшій на себя отвѣтственную роль Іуды, обиженный чѣмъ-то, закапризничалъ и отказался играть. Это поставило режиссера въ большое затрудненіе. Трудно было найти другого любителя, который бы такъ удачно совмѣщалъ въ себѣ требуемыя отъ этой роли качества: безобразную наружность и зычный голосъ. Къ тому же, роль предателя не принадлежала къ числу популярныхъ, и на нее немного находилось охотниковъ: кому же пріятно было провисѣть добрый часъ на воздухѣ, изображая самоубійцу, а потомъ въ аду получить изрядную потасовку отъ черезчуръ расходившихся чертей. Недавно былъ случай въ сосѣднемъ городѣ, окончившійся очень печально: Іудѣ, вынутому изъ петли полуживымъ, дьяволы такъ усердно намяли бока, что черезъ три дня онъ отдалъ Богу душу. Подобная неожиданность, не входившая въ программу мистеріи, хоть кого могла смутить. Къ счастію, нашъ любитель во-время одумался: получивъ отъ дьяволовъ обѣщаніе обойтись съ нимъ возможно деликатнѣе, онъ взялъ свой отказъ назадъ.

Костюмы. Не мало также труда и времени было потрачено на сооруженіе сценическихъ костюмовъ, отличавшихся въ средніе вѣка такой роскошью и великолѣпіемъ, какія почти неизвѣстны современной сценѣ, довольствующейся нерѣдко поддѣлками всякаго рода. На средневѣковой сценѣ блестѣло настоящее золото и серебро и настоящіе драгоцѣнные камни. По обычаю, каждый изъ играющихъ долженъ былъ самъ позаботиться о своемъ костюмѣ, но тѣ, которые не имѣли для этого средствъ, получали поддержку отъ богатыхъ сотоварищей и другихъ гражданъ. О соблюденіи исторической вѣрности въ костюмахъ никто и не думалъ, такъ какъ вообще въ средніе вѣка на всѣ предшествующія эпохи смотрѣли не иначе, какъ сквозь призму своего времени, и могли понять прошедшее только въ формахъ современной жизни.

Вслѣдствіе этого, напримѣръ, новозавѣтный Лазарь выѣзжалъ на сцену на богато убранномъ конѣ, въ костюмѣ средневѣковаго рыцаря съ охотничьимъ соколомъ на одной рукѣ; весело напѣвая рыцарскую пѣсенку, онъ ѣхалъ на охоту въ сопровожденіи доѣзжачаго со сворою гончихъ. Точно также Марія Магдалина изображалась средневѣковой красавицей, прекрасной обладательницей фео-

дальнаго замка, одѣтой со всею роскошью средневѣковой моды и окруженной толпою поклонниковъ-рыцарей, жаждующихъ преломить за нее копье на турнирѣ. „Виѳлеемскіе" пастухи были точною копіею съ французскихъ не только по костюму, но и по особенностямъ быта и т. д. Только костюмы наиболѣе священныхъ для христіанъ лицъ копировались не съ живой современности, а съ иконъ и скульптурныхъ изображеній, украшавшихъ средневѣковые храмы. Соборная ризница, любезно предоставленная духовенствомъ въ распоряженіе режиссера, давала возможность, съ большимъ удобствомъ и безъ значительныхъ затратъ, одѣть порядочное количество играющихъ въ приличные ролямъ костюмы. Бывали случаи, что для представленія мистеріи изъ церквей отпускались не только облаченія, но и священные сосуды и даже мощи.

Когда пьеса была срепетована и костюмы готовы, наступило время для второго торжественнаго акта предпріятія, такъ называемаго „смотра" (monstre), который долженъ былъ состояться ровно за недѣлю до Троицына дня. Утромъ городской герольдъ, сопровождаемый трубачемъ, объѣхалъ весь городъ, приглашая участниковъ мистеріи явиться, въ своихъ сценическихъ костюмахъ, въ церковь, гдѣ происходили репетиціи, откуда они должны были направиться въ торжественной процессіи къ каѳедральному собору. Въ ожиданіи этого великолѣпнаго зрѣлища, всѣ попутныя улицы были запружены народомъ. Имѣя во главѣ почтеннаго доктора, блестящая процессія въ строгомъ порядкѣ потянулась отъ церкви къ собору, при всеобщемъ ликованіи и звонѣ всѣхъ колоколовъ. Процессія была такъ длинна, что, когда апостолы, замыкавшіе шествіе, вышли изъ церкви, демоны, бывшіе впереди всѣхъ, уже успѣли достигнуть соборной паперти, хотя разстояніе между обоими храмами было довольно значительное. По общему признанію, костюмы были такъ великолѣпны, что лучшаго невозможно было и представить. Масса бархату, атласу и шелку прелестнѣйшихъ цвѣтовъ, богатое и блестящее оружіе, драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя украшенія — все это, при яркихъ лучахъ весенняго солнца, производило чарующее впечатлѣніе на восхищенныя толпы народа. На свѣтломъ фонѣ процессіи темнымъ пятномъ выдѣлялась группа дьяволовъ. Они имѣли рога, хвосты и раздвоенныя копыта и были одѣты въ волчьи, бычачьи и бараньи шкуры, къ поясамъ были привѣшены колокольчики и погремушки, производившіе странный шумъ; въ рукахъ у нихъ были длинныя горящія головни, на которыя они часто бросали воспламеняющіяся вещества, произво- Смотръ.

дившія огонь и дымъ. (Такъ описываетъ костюмъ „дьяволовъ" Раблэ въ своемъ знаменитомъ романѣ „Гаргантюа и Пантагрюель"). Кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, дьяволы въ мистеріяхъ исполняли роль шутовъ, потѣшавшихъ публику; вотъ почему во время „смотра" ихъ встрѣчали взрывами смѣха, хотя инстинктивно и сторонились отъ нихъ подальше, тѣмъ болѣе, что обитатели ада пользовались привилегіей выдѣлывать и надъ публикой не особенно пріятныя шутки: случалось, что невнимательнаго слушателя дьяволы увлекали на сцену и немилосердно тормошили. Когда вся процессія, не исключая и дьяволовъ, размѣстилась въ таинственномъ полумракѣ готическаго собора, начался торжественный молебенъ, всѣ участвующіе въ представленіи молились „съ большою набожностью (moult devostement) о томъ, чтобы погода оказалась благопріятной для приведенія въ исполненіе ихъ добраго и благочестиваго намѣренія относительно мистеріи". Изъ собора процессія въ прежнемъ порядкѣ прослѣдовала обратно, вновь вызывая удивленіе и похвалы.

Полицейскія распоряженія. Въ послѣднюю недѣлю передъ представленіемъ въ городѣ замѣчалось необыкновенное оживленіе. Мѣста для зрителей и сцена были уже выстроены; оставалось декорировать и украсить ихъ дорогими матеріями, коврами и флагами. Богатые граждане доставили всѣ необходимые для этого матеріалы, а также и разнаго рода вещи, требовавшіяся для обстановки сцены. Упомянутый „искуснѣйшій мастеръ" плотничьяго цеха превзошелъ самого себя въ устройствѣ такъ называемыхъ „секретовъ", т. е. механическихъ приспособленій для поднятія нѣкоторыхъ актеровъ на воздухъ, для внезапнаго исчезновенія, чудесъ и т. п., согласно съ ходомъ дѣйствія. Къ концу недѣли стали уже съѣзжаться приглашенные изъ сосѣднихъ городовъ, и толпами приходить крестьяне изъ окрестныхъ деревень. Въ виду ожидаемаго громаднаго стеченія народа, городскимъ мэромъ было издано распоряженіе объ экстренныхъ мѣрахъ для поддержанія порядка и безопасности. Въ дни представленія всѣ городскія ворота должны быть заперты, исключая двухъ, охраняемыхъ усиленною стражею; для защиты имущества горожанъ „отъ воровъ и иныхъ недобрыхъ людей" наряжаются частые патрули, нѣкоторыя улицы затягиваются цѣпями. Всѣ жители приглашались выставлять по вечерамъ фонари въ окнахъ своихъ домовъ для того, чтобы облегчить движеніе по улицамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выразить свою радость по случаю такого торжественнаго событія. Занятіе торговлею и ремеслами въ эти дни, посвященные богоугод-

ному дѣлу, строго запрещалось; исключенie дѣлалось только для булочниковъ, пирожниковъ, трактирщиковъ и вообще торговцевъ съѣстными припасами и напитками, приглашавшихся, напротивъ того, расположиться съ своими продуктами поближе къ площади, чтобы зрители благочестивой мистерiи имѣли возможность въ антрактахъ подкрѣпляться пищею и напитками. Прiѣзжимъ гостямъ угощенie предлагалось отъ города, для чего было заготовлено нѣсколько бочекъ вина и соотвѣтственное количество закусокъ. Позаботились также и о духовной пищѣ: по распоряженiю епископа, обычные часы церковныхъ службъ были измѣнены съ тою цѣлью, чтобы дать зрителямъ мистерiи возможность посѣщать и богослуженie.

Наконецъ, наступилъ давно съ нетерпѣнiемъ ожидаемый день Св. Троицы. Съ ранняго утра на площадь, гдѣ возвышалась сцена, стали стекаться толпы народа, спѣшившаго занять мѣста; каждый часъ приливали все новыя и новыя волны зрителей. Еще было далеко до начала представленiя, когда не только уже самая площадь, но и всѣ прилегающiя къ ней улицы и переулки были переполнены; окна и даже крыши прилегающихъ къ площади домовъ тоже были усѣяны зрителями. Весь остальной городъ словно вымеръ, запертыя ворота и вооруженные отряды напоминали осадное положенie. Вся жизнь сосредоточилась въ одномъ мѣстѣ. День выдался прекрасный. Подъ яркими лучами солнца обширная площадь представляла зрѣлище поистинѣ великолѣпное. На одномъ концѣ ея возвышались построенныя полукругомъ, въ два яруса, мѣста для зрителей, богато задрапированныя дорогими разноцвѣтными матерiями и коврами. Здѣсь собралось самое блестящее и избранное общество. Богатствомъ убранства выдѣлялась центральная ложа, украшенная городскими гербами; здѣсь находились почетныя лица: городскiя власти, епископъ, аббатъ и другiя. Все обширное пространство площади, отъ этихъ привилегированныхъ мѣстъ вплоть до барьера (créneau), отдѣлявшаго сцену, кишѣло безчисленными зрителями изъ простого народа, расположившимися, какъ попало: кто стоя, кто сидя. Какъ гигантскiй пчелиный улей, гудѣла и волновалась многотысячная толпа, нетерпѣливо ожидая начала и устремляя любопытные взоры на таинственныя подмостки (échafauds), на которыхъ должно было происходить дѣйствie. Бросимъ на нихъ взглядъ и мы. Сцена.

Средневѣковая сцена поражала своими грандiозными размѣрами и сложнымъ устройствомъ. Подобно самимъ мистерiямъ, она про-

изводила съ перваго раза впечатлѣніе чего-то безпредѣльнаго и хаотическаго; только присмотрѣвшись внимательно, зритель начиналъ оріентироваться въ массѣ мелкихъ деталей и понимать ея общій планъ и расположеніе. Все обширное пространство средневѣковой сцены дѣлилось обыкновенно на три части, изъ которыхъ каждая имѣла свое спеціальное назначеніе. Первая часть (champ или parloir), ближайшая къ зрителямъ, представляла свободную отъ всякихъ декорацій площадку, игравшую роль нашей авансцены. По сторонамъ ея располагались тѣ изъ актеровъ, которые въ данный моментъ не были заняты въ пьесѣ; слѣдовательно, здѣсь стояли тѣ, до которыхъ не дошла еще очередь, а также и тѣ, которые уже сыграли свою роль. Кулисъ на средневѣковой сценѣ не было, а всѣ актеры, участвовавшіе въ представленіи, оставались постоянно на глазахъ зрителей, исключая тѣхъ случаевъ, когда, по ходу пьесы, нѣкоторыхъ нужно было удалить непремѣнно, чтобы не уничтожить сценической иллюзіи. Здѣсь же находился режиссеръ, заправлявшій всѣмъ представленіемъ и дававшій, въ случаѣ надобности, необходимыя поясненія зрителямъ. На этой же передней части сцены сбоку былъ устроенъ „адъ", имѣвшій видъ башни съ окнами, защищенными желѣзными рѣшетками. Входомъ въ адъ служила огромная пасть дракона, которая раскрывалась и закрывалась сама собою и выпускала пламя и дымъ; по временамъ изъ этой пасти доносился до ушей зрителей оглушительный шумъ и ревъ: скрежетъ зубовный и стоны грѣшниковъ смѣшивались съ дикими завываніями дьяволовъ, лязгомъ желѣза и грохотомъ бочки, наполненной камнями, которую катали подъ сценой, производя шумъ, поистинѣ адскій.

Вторая часть сцены, лежавшая на одномъ уровнѣ съ предыдущей и непосредственно примыкавшая къ ней, служила главнымъ мѣстомъ дѣйствія. Вся она почти сплошь была застроена особаго рода декораціями (mansions), изъ которыхъ каждая имѣла вполнѣ самостоятельное значеніе, изображая какой-нибудь городъ, храмъ, дворецъ, гору, садъ и т. п., вообще одинъ изъ пунктовъ дѣйствія. Въ этомъ и заключалось главное отличіе средневѣковой сцены отъ современной намъ: въ настоящее время, для обозначенія различныхъ мѣстъ дѣйствія, мѣняются декораціи; въ средніе вѣка всѣ послѣдовательныя мѣста дѣйствія были сразу изображены на сценѣ соотвѣтствующими декораціями, которыя были неподвижны и оставались неизмѣнными на все время представленія. Такимъ образомъ, не декораціи мѣнялись, а само дѣйствіе перемѣщалось послѣдова-

тельно, смотря по ходу пьесы, изъ одного пункта сцены въ другой, изъ одной „mansion“ въ другую. Средневѣковая сцена являлась, такъ сказать, сокращеннымъ изображеніемъ всей земли или, по крайней мѣрѣ, значительной ея части; какъ на географической картѣ, зритель могъ окинуть однимъ взглядомъ всѣ находящіяся на ней страны, города, моря и т. д. Какимъ же образомъ могло все это помѣститься на однихъ подмосткахъ? Надо имѣть въ виду, что устройство всѣхъ этихъ декорацій, изображавшихъ отдѣльные пункты дѣйствія, было крайне просто и даже наивно, и каждая изъ нихъ занимала очень небольшое пространство. Такъ, чтобы изобразить дворецъ Ирода, дѣлали маленькое возвышеніе, на которое ставили царскій тронъ,—вотъ и все. Для изображенія Іерусалимскаго храма считался достаточнымъ маленькій павильонъ, крыша котораго опиралась на легкія колонки. Труднѣе было представить цѣлый городъ, но и это ничуть не смущало средневѣковаго декоратора: онъ ставилъ стѣну, изъ-за которой виднѣлись двѣ-три крыши, продѣлывалъ въ ней дверь, а сверху помѣщалъ надпись— „Назаретъ“, „Виѳлеемъ“, „Римъ“ и т. д. При этомъ въ его глазахъ не имѣло никакого значенія то обстоятельство, что Римъ помѣстился бокъ-о-бокъ съ Назаретомъ, а отъ Іерусалима до Египта оказывалось не болѣе пяти шаговъ. Такою же наивною простотою отличались всѣ другія декораціи: на фантазію зрителей тогда разсчитывали гораздо болѣе, чѣмъ теперь. Если мѣста на сценѣ не хватало, то нѣкоторыя изъ декорацій, изображавшія ту или другую мѣстность, устраивались прямо на площади, рядомъ со сценою.

На третьемъ планѣ отъ зрителей въ самой глубинѣ сцены на возвышеніи помѣщался рай, роскошно убранный шелковыми матеріями и уставленный красивыми растеніями и цвѣтами; за великолѣпнымъ золоченымъ трономъ здѣсь былъ поставленъ церковный органъ, величественные звуки котораго должны были раздаваться въ извѣстные моменты дѣйствія. Декораторъ, уже извѣстный намъ „искуснѣйшій мастеръ“ плотничьяго цеха, много потрудился надъ устройствомъ и украшеніемъ рая, который, дѣйствительно, привелъ публику въ полнѣйшій восторгъ.

Пока не началось представленіе, зрители, съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣли на сцену, разглядывая все ея сложное устройство и стараясь угадать смыслъ и назначеніе декорацій, въ особенности тѣхъ, на которыхъ не было надписи. Оживленный гулъ стоялъ на площади. Вдругъ раздались звуки музыки, заста- **Прологъ.**

вившіе всѣхъ затихнуть и обратить глаза въ одну сторону: по площади двигалась уже знакомая намъ процессія исполнителей мистеріи, казавшаяся теперь, при торжественной обстановкѣ, еще великолѣпнѣе, чѣмъ во время „смотра". Подъ руководствомъ режиссера, всѣ играющіе стали размѣщаться на сценѣ. На золоченомъ тронѣ рая возсѣлъ священникъ, изображавшій Бога Саваоѳа; у его ногъ помѣстились аллегорическія фигуры Истины, Правосудія, Милосердія и Мира, направо и налѣво—ангелы съ арфами, флейтами и другими инструментами. Музыкальная часть мистеріи лежала на ихъ обязанности, вслѣдствіе чего роли ангеловъ поручались обыкновенно хорошимъ музыкантамъ. У подножія рая стали Адамъ и Ева, которые должны были начинать дѣйствіе. Въ средней части сцены, гдѣ были расположены такъ называемыя „mansions", всѣ заняли соотвѣтственныя ролямъ мѣста: Иродъ помѣстился въ своемъ „дворцѣ", Іосифъ въ „Назаретѣ", первосвященники Анна и Каіафа въ „Іерусалимѣ" и т. д. Дьяволы, конечно, нашли себѣ пристанище въ аду. Всѣ актеры, игравшіе второстепенныя роли, а также фигуранты (лица безъ рѣчей) столпились пока по сторонамъ передней части сцены. Сюда же вышелъ „краснорѣчивѣйшій и ученѣйшій" авторъ и режиссеръ мистеріи въ костюмѣ Пролога (такъ называлось лицо, произносившее вступительную рѣчь). Онъ былъ одѣтъ въ бархатный камзолъ фіолетоваго цвѣта съ красными рукавами, на ногахъ были желтыя рейтузы и чулки и черные башмаки; въ одной рукѣ онъ держалъ палочку, въ родѣ дирижерской, а въ другой—свитокъ своей мистеріи. Когда, такимъ образомъ, сцена, наполненная дѣйствующими лицами въ яркихъ и роскошныхъ костюмахъ, явилась во всемъ своемъ блескѣ, восторгу и удивленію зрителей не было предѣловъ. Напрасно почтенный авторъ обращался къ публикѣ съ просьбою не шумѣть:

Silete! Silete! Silentium habeatis
Et per Dei Filium pacem faciatis!

Прошло не мало времени, прежде чѣмъ на площади водворилась тишина, и режиссеръ могъ начать, въ качествѣ Пролога, свою вступительную рѣчь. Въ ней онъ объяснилъ публикѣ всѣ декораціи, назвалъ и указалъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и очень обстоятельно разсказалъ содержаніе представляемой мистеріи; но особенно подробно остановился онъ на доказательствѣ той мысли, что подобныя зрѣлища являются высокимъ христіанскимъ подвигомъ, богоугодныхъ и душеспасительнымъ.

Пока толпа внимательно выслушиваетъ длиннѣйшую проповѣдь „краснорѣчивѣйшаго и ученѣйшаго доктора теологіи“, воспользуемся временемъ, чтобы заглянуть въ прошлое мистеріи и объяснить, какъ онѣ возникли и развились въ средневѣковой жизни.

Праздничное богослуженіе.

Прежде чѣмъ занять выдающееся мѣсто въ обиходѣ средневѣковой жизни, прежде чѣмъ стать общенароднымъ дѣломъ, волнующимъ и увлекающимъ всѣ сословія, мистеріи пережили длинную и любопытную исторію. Впервые зародились онѣ въ стѣнахъ католическаго храма и долгое время развивались подъ исключительнымъ вліяніемъ католическаго духовенства. Въ первоначальномъ своемъ видѣ мистеріи входили въ составъ богослуженія; самое названіе ихъ происходитъ отъ латинскаго „ministerium“, т. е. служба. Назначеніемъ ихъ было служить наглядной иллюстраціей къ евангельскому тексту, поясняющей народу то, что, благодаря употребленію латинскаго языка въ богослуженіи, не было ему вразумительно. Въ средніе вѣка была въ большомъ ходу такъ называемая „Библія бѣдныхъ“ (Biblia pauperum), состоявшая изъ однѣхъ картинъ безъ текста и назначавшаяся для „бѣдныхъ духомъ“, т. е. неграмотныхъ, необразованныхъ людей. Картины должны были, хотя отчасти, вознаградить ихъ за невозможность читать Св. Писаніе. Приблизительно такую же цѣль преслѣдовала литургическая драма, вставлявшаяся въ богослуженіе и пояснявшая его для людей „бѣдныхъ духомъ“, т. е. не понимавшихъ латинскаго языка. Прослѣдимъ первые зачатки подобной драмы.

Праздничное богослуженіе въ средніе вѣка, въ особенности на Рождество и Пасху, отличалось необыкновенною торжественностью и великолѣпіемъ. Обычный чинъ службы казался недостаточнымъ въ праздникъ; его старались продолжить и осложнить особенными пріуроченными къ празднику священными пѣснями, гимнами, чтеніями. Такія праздничныя вставки, называвшіяся „тропами“, послужили главнымъ зерномъ, изъ котораго выросла богослужебная мистерія. Причиной этого было то, что тропы мало-по-малу стали пріобрѣтать характеръ драматическій. Праздничное чтеніе нерѣдко являлось въ формѣ драматическаго діалога, въ которомъ участвовало нѣсколько лицъ; отсюда былъ одинъ шагъ до мысли сопровождать такое чтеніе, для большей наглядности, соотвѣтствующимъ дѣйствіемъ. Во время пасхальнаго богослуженія, какъ только священникъ, читавшій Евангеліе, доходилъ до того мѣста, гдѣ разсказывается, какъ жены мvроносицы отправились ко гробу Спасителя, двое клериковъ, одѣтыхъ въ костюмъ мvроносицъ, на-

правлялись къ плащаницѣ, около которой стоялъ священникъ, въ бѣломъ хитонѣ, изображавшій ангела. Между ними происходилъ діалогъ, заимствованный цѣликомъ изъ Евангелія. *Ангелъ*. Кого ищете въ гробницѣ, христолюбивыя жены? *Жены-мѵроносицы*. Іисуса Назарея распятаго, о небожитель! *Ангелъ*. Его здѣсь нѣтъ, онъ воскресъ въ третій день, какъ предсказалъ, идите и возвѣстите о его воскресеніи.—Послѣ этого жены мѵроносицы уходили отъ плащаницы, распѣвая вмѣстѣ со всѣмъ хоромъ „Тебе Бога хвалимъ". Затѣмъ богослуженіе продолжалось обычнымъ порядкомъ. Подобная же драматическая вставка употреблялась и во время церковной службы на Рождество. Ставились за алтаремъ ясли, въ которыя клалось восковое изображеніе младенца; мальчикъ, одѣтый ангеломъ, возвѣщалъ пяти священникамъ, одѣтымъ пастухами, о рожденіи Спасителя словами Евангелія (Лук. II, 10—12); пастухи шли къ яслямъ, распѣвая гимнъ; на вопросъ, кого они ищутъ въ ясляхъ, они отвѣчали: „мы ищемъ Спасителя, Христа и Господа"; тогда имъ показывали младенца, они поклонялись ему и уходили, распѣвая „Аллилуія". Послѣ этого начиналась обѣдня.

Два указанныхъ „тропа" могутъ считаться истинными зародышами пасхальной и рождественской мистеріи. Эти простѣйшія формы литургической драмы стали постепенно осложняться посредствомъ прибавленія новыхъ лицъ и новыхъ событій. Такъ, на Рождествѣ, на ряду съ поклоненіемъ пастуховъ, стали также изображать драматически и поклоненіе волхвовъ и избіеніе младенцевъ Иродомъ (officium pastorum, officium magorum, ordo Rachelis), а затѣмъ и другія событія, сопровождавшія, согласно евангельскому разсказу, Рождество Христово. Съ теченіемъ времени всѣ эти миніатюрныя драмы слились въ одну, такъ называемую „рождественскую мистерію". Подобнымъ же образомъ составилась и пасхальная мистерія, соединившая въ себѣ всѣ тѣ драматическія вставки, которыя имѣли мѣсто въ пасхальномъ богослуженіи.

Итакъ, въ начальный періодъ своего существованія (X—XI вв.), мистерія была составною частью праздничнаго богослуженія на Рождество и на Пасху. Она исполнялась въ церкви священниками и причтомъ на латинскомъ языкѣ и носила строго-религіозный характеръ. Возникнувъ въ церкви, подъ крыломъ духовенства, преслѣдовавшаго цѣли назиданія и нагляднаго поученія, эта христіанская драма ревниво оберегалась отъ всякаго соприкосновенія съ мірскою, свѣтскою жизнью. Тѣмъ не менѣе, сохранить навсегда

свой строго-религіозный характеръ мистерія не могла: чѣмъ популярнѣе она становилась у падкаго до зрѣлищъ народа, тѣмъ болѣе ей приходилось невольно подчиняться народнымъ вкусамъ и требованіямъ. Въ теченіе XII и XIII столѣтій мистерія все болѣе и болѣе отступаетъ отъ прежняго строго-религіознаго типа и, порывая съ богослуженіемъ, стремится сдѣлаться свѣтскимъ зрѣлищемъ. Вмѣсто латинскаго языка мистеріи стали мало-по-малу писаться на языкѣ народномъ; вмѣсто церкви стали разыгрываться сначала на паперти, а затѣмъ около церкви въ предѣлахъ церковной ограды, причемъ исполнителями являлись уже не одни духовныя лица, какъ прежде, но и свѣтскіе любители изъ горожанъ и другихъ классовъ общества. Подъ вліяніемъ сближенія съ народною жизнью, мистерія стала допускать въ свою область свѣтскія пѣсни и эпизоды комическаго содержанія, которые съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе развивались. Свобода поэтическаго творчества, стѣсненная въ литургической мистеріи узкими рамками разъ навсегда опредѣленныхъ текстовъ, начала заявлять свои права. Уже въ XII в. въ мистеріи „Адамъ“ мы видимъ попытку объяснить поступки дѣйствующихъ лицъ психологическими мотивами, самостоятельно нарисовать и оттѣнить характеры; художественный инстинктъ начинаетъ вторгаться въ мистерію, и изъ сухихъ и блѣдныхъ перечней библейскихъ фактовъ онѣ стремятся сдѣлаться живыми и свободными произведеніями искусства. Къ сожалѣнію, далѣе робкихъ попытокъ въ этомъ направленіи мистеріи не пошли.

Въ третій періодъ своего существованія (XIV и XV вв.) мистеріи порываютъ окончательно всякую связь съ богослуженіемъ. Перешагнувъ черезъ церковную ограду, онѣ разыгрываются на улицахъ и площадяхъ, въ самомъ центрѣ городской шумной жизни, и становятся любимѣйшимъ общенароднымъ зрѣлищемъ.

Такова была исторія мистерій до того момента, къ которому относится нашъ разсказъ.

Ветхозавѣтная драма.

Между тѣмъ „краснорѣчивѣйшій и ученѣйшій докторъ“ окончилъ вступительную рѣчь, богатую назиданіемъ и поучительностью, и пригласилъ всѣхъ присутствующихъ помолиться передъ началомъ богоугоднаго дѣла. Всѣ зрители и актеры, обнаживъ головы, опустились на колѣни и благоговѣйно прослушали пропѣтую три раза хоромъ „ангеловъ“, подъ аккомпаниментъ органа, флейтъ и арфы, молитву „Ave Maria“. Лишь только замерли въ воздухѣ послѣдніе звуки величественной церковной музыки, режиссеръ, еще разъ

убѣдительнѣйше попросивъ зрителей соблюдать тишину и спокойствіе, подалъ знакъ актерамъ начинать дѣйствіе.

Передъ глазами зрителей стали проходить лица и событія Ветхаго Завѣта, представлявшія необходимый прологъ къ грандіознѣйшей христіанской драмѣ Искупленія рода человѣческаго Сыномъ Божіимъ. Адамъ и Ева блаженствуютъ въ раю, наслаждаясь первыми впечатлѣніями бытія. Но врагъ человѣческаго рода, сатана не дремлетъ и придумываетъ средства погубить первыхъ людей. Темныя адскія силы торжествуютъ надъ беззащитною четою: грѣхопаденіе совершилось. Нѣтъ словъ, чтобы выразить глубину раскаянія прародителей. Но божественное правосудіе должно торжествовать: прародители изгнаны изъ рая и устами Создателя имъ произнесенъ строгій и неумолимый приговоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дана и надежда, что грѣхопаденіе будетъ искуплено Сыномъ Божіимъ. Далѣе быстро мелькаютъ главные факты ветхозавѣтной исторіи: Каинъ убиваетъ Авеля, Ной спасается отъ потопа, Авраамъ приноситъ въ жертву Исаака, Моисей выводитъ евреевъ изъ Египта и получаетъ отъ Бога на горѣ Синаѣ заповѣди и т. д. Въ теченіе 3—4-хъ часовъ были представлены событія нѣсколькихъ тысячелѣтій. Въ заключеніе ветхозавѣтной исторіи на сценѣ была изображена „Процессія пророковъ". Одинъ за другимъ: Валаамъ на ослицѣ, Давидъ, Исаія, Іеремія, Аввакумъ, Даніилъ и др.; каждый изъ нихъ произносилъ пророчество о пришествіи Мессіи. Въ числѣ „пророковъ" фигурировалъ римскій поэтъ Виргилій, пользовавшійся въ средніе вѣка репутаціей чародѣя и предсказателя, а также и древне-римская волшебница Сивилла.

Около 12 часовъ дня утреннее представленіе окончилось. Послѣ краткаго эпилога, режиссеръ предложилъ всѣмъ идти пообѣдать и затѣмъ вернуться на продолженіе мистеріи. Одни отправились домой, другіе, боясь потерять мѣсто, наскоро поѣли тутъ же на площади, пользуясь услугами безчисленныхъ продавцевъ, обступившихъ со всѣхъ сторонъ площадь со всевозможными припасами и напитками.

Рождество Христово.

Во второмъ часу дня представленіе возобновилось. Прежде всего зрители присутствуютъ при „райскомъ преніи" (Procès du paradis) между аллегорическими фигурами Истины, Правосудія, Милосердія и Мира. Первыя двѣ приходятъ къ престолу Бога и требуютъ примѣрнаго наказанія человѣческому роду за грѣхопаденіе прародителей, но Милосердіе и Миръ заступаются за человѣчество и молятъ о помилованіи людей. Обѣ стороны вступаютъ

въ споръ, который оканчивается обѣщаніемъ Бога послать въ міръ Искупителя, который принесетъ себя въ жертву за грѣхи людей и тѣмъ удовлетворитъ божественное правосудіе. Въ знакъ примиренія Истина и Правосудіе лобызаются съ Милосердіемъ и Миромъ. Въ средніе вѣка существовали особенныя пьесы аллегорическаго характера, называвшіяся *моралитэ* (moralité); въ XV в. онѣ часто входили въ составъ мистерій, какъ въ данномъ случаѣ. На средневѣковой сценѣ время летѣло съ изумительною быстротою. Поэтому едва успѣло прозвучать божественное слово объ искупленіи, какъ зрители уже присутствуютъ при исполненіи обѣщанія. Драматизируется сначала Рождество Богородицы и Благовѣщеніе, а затѣмъ Рождество Христово; виѳлеемскіе пастухи идутъ поклониться Новорожденному; волхвы приносятъ свои дары; Иродъ издаетъ повелѣніе объ избіеніи младенцевъ, которое немедленно и совершается, а Іосифъ съ Маріей успѣваютъ спастись въ Египетъ; вотъ уже Христу 12 лѣтъ, и онъ приводитъ всѣхъ въ изумленіе толкованіемъ Св. Писанія въ Іерусалимскомъ храмѣ. Адъ, между тѣмъ, въ отчаяніи: дьяволы со злости терзаютъ другъ друга, къ великой радости благочестивыхъ слушателей. Въ заключеніе перваго дня представленія на особыхъ подмосткахъ, поставленныхъ на колеса и придвинутыхъ къ главной сценѣ, былъ разыгранъ фарсъ, сочиненный „краснорѣчивѣйшимъ и ученѣйшимъ докторомъ теологіи", который оказался далеко не лишеннымъ комическаго дара и сатирической жилки. Въ фарсѣ были выведены смѣшныя сцены городской жизни, причемъ не было недостатка въ сатирическихъ намекахъ на всѣмъ извѣстныхъ личностей. Единодушный хохотъ публики свидѣтельствовалъ о томъ, что фарсъ пришелся по вкусу.

Шелъ уже седьмой часъ вечера, и обращенный къ публикѣ совѣтъ режиссера позаботиться объ ужинѣ былъ какъ нельзя болѣе умѣстенъ. Народъ сталъ шумно расходиться съ площади, оживленно разговаривая о полученныхъ впечатлѣніяхъ. Вся ночь прошла въ лихорадочномъ возбужденіи; музыка и пѣніе не прекращались; почти никто не спалъ. Едва развѣло, какъ народъ уже потянулся на знакомую намъ площадь.

Въ Духовъ день, по примѣру предыдущаго, были также назначены два представленія: до и послѣ обѣда. Утреннее представленіе началось по обычаю въ семь часовъ утра и было посвящено изображенію земной жизни Іисуса Христа отъ крещенія и до момента, когда Богочеловѣкъ былъ преданъ Іудою. Не довольствуясь раз- Миракли.

сказомъ четырехъ Евангелистовъ, авторъ мистеріи обставилъ главное дѣйствіе массой подробностей, заимствованныхъ изъ богатаго средневѣковаго запаса легендъ и апокрифовъ. Зрители питали истинную страсть ко всему необыкновенному. Съ XIII в. во Франціи пользовались популярностью пьесы, сюжетомъ которыхъ служило чудо, совершенное какимъ-нибудь святымъ или Божіей Матерью. Такія пьесы назывались *мираклями* (отъ лат. miraculum, т. е. чудо). Вотъ почему въ мистеріи съ особенною обстоятельностью изображались чудеса, совершенныя Іисусомъ Христомъ: исцѣленіе слѣпорожденнаго, воскрешеніе Лазаря и др. Подобные эпизоды давали болѣе простора личному творчеству автора какъ въ рисовкѣ характеровъ, такъ и въ изображеніи дѣйствительной жизни. Наиболѣе священныя лица, какъ Христосъ и апостолы, изображались двумя - тремя традиціонными чертами, недостаточными для индивидуальнаго различія. Характеристики были крайне слабы: это были не живыя лица, а блѣдные силуэты, напоминавшіе безжизненные и безцвѣтные барельефы въ средневѣковыхъ храмахъ. Напротивъ того, въ изображеніи лицъ, не священныхъ или окруженныхъ меньшимъ ореоломъ святости, мы находимъ гораздо болѣе жизни и красокъ. Характеристики Маріи Магдалины, Мароы, Іуды и Пилата принадлежали къ числу наиболѣе удачныхъ. Понятно, что всѣ эти лица далекаго прошлаго являлись въ современной автору средневѣковой оболочкѣ, дававшей возможность рисовать современную жизнь и современные нравы. Питая страсть къ чудесному и сверхъестественному, средневѣковая публика въ то же время желала видѣть на сценѣ воспроизведеніе собственнаго быта и обстановки во всѣхъ ея мелкихъ реальныхъ подробностяхъ. Соединеніе чудесности съ грубымъ реализмомъ, безудержнаго полета фантазіи съ рабскимъ копированіемъ дѣйствительности составляетъ одну изъ типичнѣйшихъ чертъ средневѣковаго театра.

Страсти. Посвятивъ много мѣста эпизодамъ объ обращеніи Маріи Магдалины и воскрешеніи Лазаря, подавшимъ поводъ къ нѣсколькимъ сценамъ черезчуръ, можетъ быть, мірского характера, авторъ вернулся къ болѣе строгому тону въ изображеніи Входа Господня въ Іерусалимъ. Приближается время Страстей, и настроеніе зрителей становится серьезнѣе и вдумчивѣе. Іуда рѣшается предать Спасителя и входитъ въ заговоръ съ первосвященниками Анной и Каіафой. Отряжается нѣсколько воиновъ, чтобы схватить Христа. Между тѣмъ, происходитъ Тайная вечеря; Христосъ открываетъ тайну о предстоящихъ Ему страданіяхъ; Божія Матерь трогательно

умоляетъ Божественнаго сына отклонить отъ себя „чашу сію“. Идя по слѣдамъ своего талантливаго предшественника, Арнуля Гребана, нашъ авторъ сумѣлъ въ этой сценѣ раскрыть всю глубину материнскаго любвеобильнаго сердца, всю нѣжность женской любящей души. Безутѣшно звучатъ отвѣты Спасителя, говорящіе о неизбѣжной необходимости пострадать за грѣхи людей. Богоматерь умоляетъ Сына отсрочить, по крайней мѣрѣ, крестную смерть и смягчить ужасы предстоящихъ страстей. Но все должно совершиться по волѣ Всевышняго. Эта сцена, исполненная трагическаго величія и задушевнаго лиризма, взволновала и потрясла зрителей до глубины души; у многихъ на глазахъ виднѣлись слезы.

Послѣ обычнаго перерыва для обѣда, всѣ вновь стали слѣдить, затаивъ дыханіе, за дальнѣйшимъ ходомъ божественной драмы. Богочеловѣкъ въ рукахъ враговъ. Допросъ Христа и судъ изображается согласно Евангельскому разсказу; раскаяніе и самоубійство Іуды, напротивъ того, окружаются цѣлымъ рядомъ легендарныхъ сказаній. Слѣдуетъ сцена бичеванія, представляемая съ мельчайшими, нерѣдко возмущающими душу подробностями, какъ и всѣ другія мученія Христа, въ созерцаніи которыхъ средневѣковая публика, привыкшая къ зрѣлищу физическихъ страданій и кровопролитія, находила какое-то болѣзненное наслажденіе. Печальное, удручающее впечатлѣніе отъ этихъ сценъ еще болѣе усиливается грубыми шутками палачей, бывшихъ одними изъ главныхъ представителей комическаго элемента въ мистеріяхъ. Смѣшеніе высоко-трагическаго съ грубо-комическимъ составляетъ главную особенность средневѣковой мистеріи, рѣзко отличающую ее отъ драмы античной и ложно-классической.

Изображеніемъ крестной смерти Спасителя закончился второй день представленія. Когда зрители стали расходиться, пошелъ дождь, не перестававшій всю ночь и почти весь слѣдующій день. По этому случаю представленіе, происходившее подъ открытымъ небомъ, не могло состояться. Только къ самому вечеру, когда небо очистилось отъ тучъ, былъ разыгранъ веселый фарсъ, которымъ „краснорѣчивѣйшій и ученѣйшій докторъ“ разсчитывалъ поднять настроеніе народа, начавшаго приходить въ уныніе.

Затянувшееся благодаря дождю представленіе мистеріи было окончено утромъ въ четвертый день. Передъ глазами зрителей — Христосъ, висящій на крестѣ, а подлѣ Божія Матерь и Св. Іоаннъ, горько оплакивающіе кончину Сына Божія. Слѣпой сотникъ Лонгинъ прозрѣваетъ, коснувшись копьемъ ребра Іисуса. Послѣ этого

чуда дѣйствіе вновь принимаетъ аллегорическій характеръ: Св. Церковь и Синагога оспариваютъ другъ у друга власть надъ міромъ, побѣда остается за Св. Церковью. Слѣдуетъ снятіе со креста, положеніе во гробъ и погребеніе Спасителя. Ко гробу поставлена стража. Но вотъ хоръ ангеловъ возвѣщаетъ о воскресеніи Христа. Сатана и Вельзевулъ укрѣпляютъ свои владѣнія; но Христосъ нисходитъ въ адъ и выводитъ оттуда души праведныхъ. Вознесеніемъ Христа на небо закончилась грандіозная мистерія.

Режиссеръ вновь вышелъ на сцену и обратился къ зрителямъ съ заключительною рѣчью, которая, подобно прологу, представляла изъ себя длиннѣйшую проповѣдь, обильно уснащенную цитатами изъ Св. Писанія. Затѣмъ всѣ присутствовавшіе пропѣли „Тебе Бога хвалимъ".

Фарсъ о Пателенѣ.

Но этимъ не все еще кончилось. Послѣ обѣда было назначено представленіе фарса. Попрежнему была придвинута къ сценѣ подвижная платформа, и на ней былъ сыгранъ фарсъ о Пателенѣ, который ученѣйшій докторъ теологіи приберегъ для конца. Вотъ, что увидѣли напослѣдокъ жители.

Адвокатъ Пателенъ бесѣдуетъ со своей женой Гильметой о печальномъ положеніи дѣлъ: кліентовъ нѣтъ и жить нечѣмъ, нѣтъ даже приличнаго платья, чтобы показаться въ люди. Но нужда остритъ разумъ: въ головѣ пройдохи быстро составляется планъ ловкой мошеннической продѣлки. Вотъ уже онъ стучится въ дверь къ купцу Гильому, торгующему сукнами. Первымъ долгомъ хитрецъ освѣдомляется о здоровьѣ „почтеннѣйшаго" хозяина, перебираетъ всю его родню, расточая ей похвалы, и съ особеннымъ чувствомъ говоритъ объ его отцѣ, на котораго Гильомъ похожъ, „какъ двѣ капли воды". Со старикомъ они, вѣдь, были первые пріятели! То-то былъ добрый человѣкъ! (Пателенъ и въ глаза его не видѣлъ). Слово за слово, и почва для дальнѣйшихъ дѣйствій подготовлена. Между тѣмъ, Пателенъ успѣлъ уже высмотрѣть штуку отличнѣйшаго брюссельскаго сукна. Какъ будто невзначай протягиваетъ онъ къ ней руку — начинаетъ разсыпаться въ похвалахъ ея изумительнымъ качествамъ, искусно перемѣшивая ихъ съ восхваленіемъ покойнаго старика. Поторговавшись изъ приличія (за сукно онъ рѣшилъ не платить ни су), Пателенъ проситъ отрѣзать отъ куска, сколько нужно на костюмъ ему и женѣ. Сукно отрѣзано и завернуто; настаетъ самый критическій моментъ: надо платить деньги. Чтобы выйти изъ затрудненія, Пателенъ начинаетъ распространяться о прелести истинной дружбы, въ родѣ той, какая была

у него съ отцомъ Гильома. Онъ хотѣлъ бы и съ сыномъ поддерживать такія же дружественныя отношенія; отчего бы Гильому сегодня же не прійти къ нему на обѣдъ: жена жаритъ жирнаго гуся, да и винцо у него недурное; кстати они тамъ разсчитаются и за сукно. Перспектива пообѣдать на чужой счетъ побѣждаетъ нерѣшительность Гильома, такъ какъ онъ былъ человѣкъ разсчетливый. Онъ придетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ захватитъ и купленное Пателеномъ сукно. Но Пателенъ не можетъ допустить, чтобы такой почтенный человѣкъ затруднялъ себя тяжелой ношей; со сверткомъ сукна подъ мышкой онъ уходитъ изъ лавки, не переставая разсыпаться въ любезностяхъ. Гильомъ очень доволенъ выгодной сдѣлкой: онъ порядочно надулъ Пателена въ цѣнѣ, да сверхъ того, пообѣдаетъ и выпьетъ даромъ. Между тѣмъ, Пателенъ, вернувшись домой, составляетъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Придуманная имъ уловка вполнѣ удается. Предвкушая сытный обѣдъ и полученіе денегъ, Гильомъ стучится въ домъ Пателена и, къ удивленію своему, узнаетъ отъ Гильметы, что мужъ ея уже цѣлый мѣсяцъ лежитъ въ горячкѣ. „Да, вѣдь, онъ только что былъ у меня и купилъ шесть аршинъ сукна", возражаетъ недовѣрчиво купецъ. „Грѣхъ смѣяться надъ несчастными", прерываетъ его, всхлипывая, продувная Гильмета: „и бѣдняжка не нуждается въ суннѣ: скоро ему придется надѣть бѣлый саванъ!" Гильомъ начинаетъ думать, что не Пателенъ, а кто-нибудь другой сыгралъ съ нимъ злую шутку, а, можетъ быть, все это ему только приснилось. Онъ уходитъ домой, чтобы вновь смѣрить штуку сукна. Убѣдившись, что шести аршинъ дѣйствительно не хватаетъ, онъ, взбѣшенный, возвращается въ домъ Пателена. Послѣдній искусно притворяется, будто бредитъ въ горячкѣ: онъ несетъ невообразимую галиматью, заговариваетъ на всѣхъ французскихъ нарѣчіяхъ и т. д. Оглушенный всѣмъ этимъ, несчастный купецъ убѣгаетъ домой, убѣжденный, что самъ дьяволъ приходилъ къ нему въ лавку въ образѣ Пателена. Дома его ждетъ новое горе: пастухъ Аньеле, которому онъ поручилъ свое стадо, докладываетъ хозяину, что, по волѣ Божіей, всѣ овцы въ стадѣ подохли. Подозрѣвая обманъ, Гильомъ тянетъ пастуха въ судъ. И вотъ Аньеле направляется къ Пателену просить у него защиты. Продувной малый сознается адвокату, что овецъ извелъ онъ самъ: частью распродалъ, частью съѣлъ въ теченіе года. За приличную плату Пателенъ берется защищать пастуха на судѣ и рекомендуетъ ему слѣдующій образъ дѣйствій: онъ долженъ притвориться идіотомъ и на всѣ вопросы отвѣчать

однимъ овечьимъ блеяньемъ. Увидѣвъ на судѣ Пателена, котораго онъ только что оставилъ въ сильнѣйшемъ бреду, Гильомъ совершенно теряетъ голову и перепутываетъ два своихъ иска: Пателена онъ обвиняетъ въ кражѣ овецъ, а пастуха въ присвоенія шести аршинъ сукна. Согласно инструкціи адвоката, Аньеле на всѣ вопросы судьи отвѣчаетъ овечьимъ блеяньемъ: бе! Ничего не понимая, разсерженный судья прогоняетъ отъ себя и истца и отвѣтчика. Выигравъ процессъ, Пателенъ напоминаетъ пастуху объ условленной платѣ, но тотъ побиваетъ пройдоху его собственнымъ оружіемъ: на всѣ вопросы о деньгахъ онъ отвѣчаетъ все тѣмъ же „бе“. Одураченный Пателенъ грозитъ позвать полицію. „Попробуй-ка догнать меня сначала“, говоритъ Аньеле и убѣгаетъ.

Когда фарсъ, заставившій публику хохотать отъ души, былъ сыгранъ, наступилъ заключительный актъ колоссальнаго празднества, нѣсколько мѣсяцевъ волновавшаго все населеніе: всѣ участвовавшіе въ представленіи мистеріи, одѣтые попрежнему въ сценическіе костюмы, а также и всѣ зрители направились въ соборъ, чтобы возблагодарить Господа за благополучное окончаніе богоугоднаго и торжественнаго предпріятія.

Таково было значеніе мистеріи въ средніе вѣка. Самостоятельно возникнувъ на почвѣ христіанской набожности и возросши подъ вліяніемъ оригинальныхъ условій средневѣковой жизни, онѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ одно изъ наиболѣе яркихъ проявленій средневѣковой культуры.

М. Розановъ.



Табл. I.



Фотот. К. Фишеръ, въ Москвѣ.

СВ. СОФІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.



[illegible] св. Софія въ Константинополѣ.

XLVII.

[illegible] искусство.

[illegible] искусство.

[illegible] Константинъ [illegible] Условія при которыхъ зародилось византійское искусство.

[illegible] спустя, [illegible] рѣшался [illegible] новую [illegible] выборъ [illegible] Византій. [illegible]

[illegible] исторіи византійскаго искусства [illegible] Статьи [illegible] искусства [illegible]

Табл. I.



СВ. СОФІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ



Рис. 1. Наружный видъ св. Софіи въ Константинополѣ.

XLVII.

Средневѣковое искусство.

ВИЗАНТІЙСКОЕ ИСКУССТВО.

Условія, при которыхъ зародилось византійское искусство.

Эдиктомъ 312 года христіанству, дотолѣ гонимому, Константинъ даровалъ полную свободу вѣроисповѣданія. 16 лѣтъ спустя, въ 328—9 году, тотъ же императоръ рѣшился основать новую христіанскую столицу и остановилъ свой выборъ на Византіи. По по-

---

Пособія: *Strzygowski*, *J.*, Die Byzantinische Kunst въ Byzantinische Zeitschrift 1892, 1. *Кондаковъ*, *Н.*, Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей. *Байе*, Византійское искусство (изъ Bibliothèque de l'enseignement des beaux arts). *Schnaase*, *C.*, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage, III Bd. Статьи Ѳ. Буслаева и Г. Филимонова въ Сборникѣ Общества Древнерусскаго искусства за 1866 г. Чтеніе А. Поливанова — въ Педагогическомъ Сборникѣ 1890, № 3.

велѣнію императора, римскіе художники украсили ее великолѣпными палатами, форумами, фонтанами, цирками, театрами, храмами, а богатые греческіе города для украшенія новой столицы отдали все, что только оставалось въ нихъ изъ античной скульптуры. Сюда были свезены лучшія статуи, изображавшія боговъ и героевъ классической древности. Эти два событія—дарованіе свободы исповѣданія и перенесеніе столицы на почву древней Эллады, ближе къ Востоку—имѣли большое значеніе для развитія христіанскаго искусства. Первое—дало ему возможность развиваться во всей полнотѣ



Рис. 2 Планъ гражданской базилики.



Рис. 3 Планъ христіанской базилики.

и свободѣ, второе—обусловило характеръ его развитія. Въ Византіи, въ преддверіи Востока, въ новой столицѣ, гдѣ христіанскіе догматы получили законченное развитіе и сохранились непрерывно греко-римскія художественныя преданія и вкусъ, создались впервые для воплощенія христіанскихъ идей своеобразныя новыя христіанскія формы, наиболѣе совершенныя въ архитектурѣ и живописи и менѣе удачныя въ скульптурѣ.

Формы архитектуры: базилика и центрально-купольный храмъ.

Не имѣя готовыхъ формъ, въ самомъ началѣ христіанская архитектура должна была обратиться, естественно, къ формамъ языческимъ. Образцомъ для первыхъ своихъ храмовъ она взяла базилику, зданіе, предназначенное для суда и торговыхъ сдѣлокъ,

по своей величинѣ наиболѣе подходившее къ цѣли христіанскаго храма, долженствующаго быть мѣстомъ собранія вѣрующихъ (рис. 2). Но заимствовавъ основную форму, она значительно измѣнила ее, приспособивъ ее къ потребностямъ христіанскаго богослуженія (рис. 3). Эта измѣненная базилика представляла продолговатое четыреугольное зданіе, раздѣленное рядами колоннъ вдоль на 3 или 5 частей—кораблей (рис. 4). Средній корабль, возвышаясь нѣсколько надъ боковыми, освѣщалъ внутренность рядомъ оконъ, помѣщенныхъ въ верхней части стѣны. Пристроенный къ поперечной стѣнѣ для трибунала судьи, выступъ, абсида, послужилъ мѣстомъ для христіанскаго ал-



Рис. 4. Внутренній видъ базилики св. Петра въ Римѣ въ разрѣзѣ.

таря. Боковые корабли были назначены, одинъ—для мужчинъ, другой—для женщинъ. Къ собственно храму съ западной стороны примыкалъ притворъ, нартексъ, для кающихся и оглашенныхъ, а къ нему обнесенный галлереею четыреугольный дворъ, атрій, съ водоемомъ по срединѣ для священныхъ омовеній. Когда послѣ явленія креста на небѣ Константину и обрѣтенія Еленою креста, на которомъ пострадалъ Спаситель, крестъ повсемѣстно сдѣлался предметомъ почитанія, базилика черезъ прибавленіе поперечнаго корабля получила новую, болѣе христіанскую форму, форму продолговатаго (латинскаго) креста. Длинныя залы базилики были покрыты первоначально плоскимъ потолкомъ, или двускатною крышею съ открытыми стропилами, а позднѣе—идущимъ во всю длину сводомъ.

Рядомъ съ этими церквами базиличной формы была попытка создать, по образцу римской ротонды, согласно съ потребностями христіанскаго богослуженія, храмы, увѣнчанные куполомъ, гдѣ, въ противоположность длинной базиликѣ, всѣ главныя части группировались около центральнаго пункта (рис. 5). Круглые или восьмиугольные храмы, покрытые куполомъ, въ эпоху Константина и его ближайшихъ преемниковъ, появляются наряду съ базиликами одинаково какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Въ IV-омъ вѣкѣ одинъ общій стиль господствовалъ отъ одного конца имперіи до другого. Но съ теченіемъ времени, съ бóльшимъ отдѣленіемъ западной половины отъ восточной, эта общность слабѣетъ. По смерти Ѳеодосія, византійская половина примыкаетъ ближе къ сосѣднему Востоку, съ которымъ, кромѣ обширной торговли, связывали ее азіатскія провинціи, далеко превосходившія европейскія богатствомъ и блескомъ цивилизаціи. И въ то время, какъ на западѣ несчастія, постигавшія имперію въ IV и V вѣкахъ, отвлекали умы отъ художественныхъ заботъ, въ этой восточной ея части болѣе спокойныя обстоятельства благопріятствовали развитію искусства. Вмѣсто того, чтобы воспроизводить однѣ и тѣ же формы, византійскіе архитекторы не перестаютъ видоизмѣнять и усовершенствовать ранѣе принятые планы базиликъ, пробуютъ разрѣшать разнообразными средствами задачу соединенія купола не только съ круглымъ или восьми-угольнымъ основаніемъ, но берутся за разрѣшеніе гораздо болѣе трудной задачи — соединенія купола съ четыреугольнымъ основаніемъ храма.

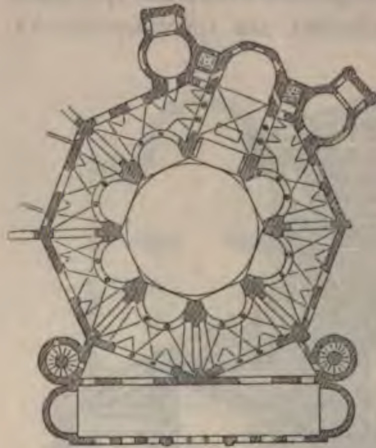


Рис. 5. Планъ церкви св. Виталія въ Равеннѣ.

Св. Софія. Эта задача была разрѣшена блестящимъ образомъ въ храмѣ св. Софіи, воздвигнутомъ въ VI вѣкѣ, въ царствованіе Юстиніана, въ Константинополѣ (рис. 6).

Строителями этого храма были технически и эстетически образованные архитекторы, наслѣдники античной цивилизаціи, Исидоръ изъ Милета и Анѳимій изъ Траллеса — оба изъ тѣхъ азіатскихъ провинцій, въ которыхъ архитектура въ IV и V вв. разви-

валась съ наибольшею оригинальностью. Эти два строителя гармонично сумѣли сочетать элементы восточные, античные и христіанскіе, и создали настоящій христіанскій храмъ, который положилъ рѣзкую грань между языческой и христіанской архитектурой и разъ почти навсегда со всею полнотою опредѣлилъ восточный типъ центрально-купольный, въ противоположность типу базиличному, съ этого времени окончательно утвердившемуся на Западѣ.

Внѣшность св. Софіи, даже куполъ, при всей грандіозности и смѣлости своей конструкціи, не производитъ особеннаго впечатлѣ-

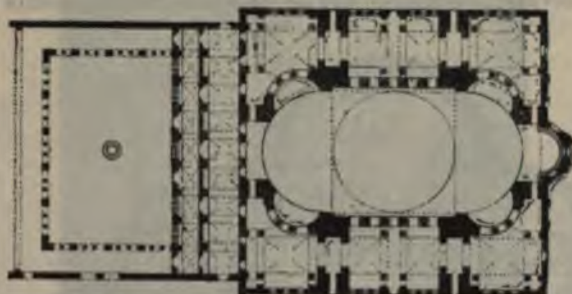


Рис. 6. Планъ св. Софіи въ Константинополѣ.

нія (рис. 1). Нужно войти внутрь храма, чтобы понять всю его оригинальность и великолѣпіе.

Входя въ св. Софію съ западной стороны, мы проходимъ атрій, обнесенный съ трехъ сторонъ колоннадой, а четвертою стороной примыкающій къ самому зданію, и, минуя водоемъ по срединѣ двора, чрезъ бронзовыя двери вступаемъ въ первый притворъ для кающихся, менѣе, чѣмъ другія части храма, украшенный. Пять роскошныхъ дверей ведутъ отсюда во второй, также продолговатый, но болѣе просторный нартексъ, который покрытъ сводомъ и украшенъ пестрымъ мраморомъ и мозаиками. Здѣсь раздѣляется путь женщинъ и мужчинъ: первыя по лѣстницѣ поднимаются въ назначенный для нихъ верхній ярусъ, а мужчины могутъ вступить черезъ 9 широкихъ и высокихъ дверей во внутренность храма (см. табл. I). Входящихъ встрѣчаетъ громадное открытое квадратное пространство среди четырехъ крѣпкихъ столбовъ; эти столбы связаны наверху четырьмя мощными дугами, а на нихъ покоится круглый карнизъ, надъ которымъ непосредственно и безъ подставки поднимается величественно, какъ бы вися въ воздухѣ, необъятный ку-

полъ, имѣющій форму почти полушара, пронизанный 40 окнами при основаніи и весь залитый свѣтомъ. Съ востока и запада примыкаютъ къ этому центральному квадрату полукруглыя большія абсиды, покрытыя полукуполомъ. Въ восточной большой абсидѣ, въ глубинѣ противъ входа, выступаютъ еще три малыхъ абсиды, покрытыя также полукуполами, такія же двѣ полукупольныя малыя абсиды находятся въ западномъ большомъ полукружьѣ, которое примыкаетъ прямо къ нартексу и соединяется съ нимъ входными дверями. Справа и слѣва отъ входа, по сторонамъ сѣверной и южной, тянутся два ряда громадныхъ колоннъ, связанныхъ арками, на нихъ встаютъ попарно новыя колонны, подпирающія своды дру-



Рис. 7. Внутренній видъ св. Софіи (въ разрѣзѣ съ востока на западъ).

гими рядами величественныхъ арокъ (рис. 7). Эти ряды колоннъ отдѣляютъ отъ главнаго средняго корабля, покрытаго куполомъ, два крытые сводами болѣе низкіе корабля, раздѣленные на два этажа, изъ которыхъ верхній назывался гинекеемъ, такъ какъ былъ предназначенъ для женщинъ.

Впечатлѣніе разнообразно и художественно составленной постройки увеличивалось еще богатыми и блестящими украшеніями, безъ которыхъ не было оставлено ни одного мѣста. Темные стержни свезенныхъ отовсюду изъ античныхъ построекъ мраморныхъ колоннъ вѣнчаютъ напоминающія опрокинутую усѣченную пирамиду капители, окутанныя тончайшей филигранной рѣзьбой изъ бѣлаго мрамора (рис. 8). Эти бѣлыя капители и арки со сквозною вырѣзкой выдѣляются на темномъ фонѣ, словно серебряныя. Своды абсидъ, полукуполовъ и купола заняли огромныя величественныя фигуры

Христа, Богоматери, апостоловъ, херувимовъ, на золотомъ или синемъ фонѣ. Все, что могъ придумать пышный Востокъ,—все было употреблено въ изобиліи для украшенія храма. Но, несмотря на это излишество дорогихъ матеріаловъ, несмотря на все разнообразіе мраморовъ и камней всякаго цвѣта,—нѣтъ непріятнаго впечатлѣнія пестроты: надъ роскошью Востока царитъ здѣсь гармоничный эллинскій вкусъ.



Рис. 8. Капитель колонны изъ св. Софіи.

Но не блескъ матеріала, не исполненіе деталей давало то неотразимое впечатлѣніе, которое испытывали всѣ вступающіе въ храмъ. Общность зданія такъ могущественно поглощаетъ все, что нужно сильно напрячь вниманіе, чтобы замѣтить всю прелесть отдѣльныхъ деталей. Это впечатлѣніе общности, единства, грандіозности, величія, даетъ господствующій надъ всѣмъ куполъ (см. табл. I). При созданіи св. Софіи были приняты въ расчетъ два теченія, которыя доселѣ руководили церковнымъ зодчествомъ. Съ одной стороны, желали базилики, удобной для вмѣщенія множества вѣрующихъ, съ длинными кораблями, идущими и устремляющими взоръ къ алтарю. Съ другой стороны, стремленіе художниковъ, свѣтскихъ и духовныхъ владыкъ направлялось къ тому, чтобы въ храмѣ было

достигнуто впечатлѣніе поражающаго, мощнаго, всеобъемлющаго единства. Въ св. Софіи была дана впервые форма, которая, сколько возможно, слила преимущества базилики и центрально-купольнаго зданія. Громадный средній корабль ведетъ и влечетъ къ алтарю, а величественный куполъ, подчиняющій себѣ всѣ полукуполы, ниши и дуги, даетъ впечатлѣніе величія и единства.

Съ окончаніемъ этого громаднаго сооруженія архитектура христіанскаго Востока получила свой образецъ. Съ тѣхъ поръ до конца XII в. на Востокѣ нельзя указать ни одного храма въ видѣ базилики. Концентрическія постройки съ куполами на столбахъ мно-

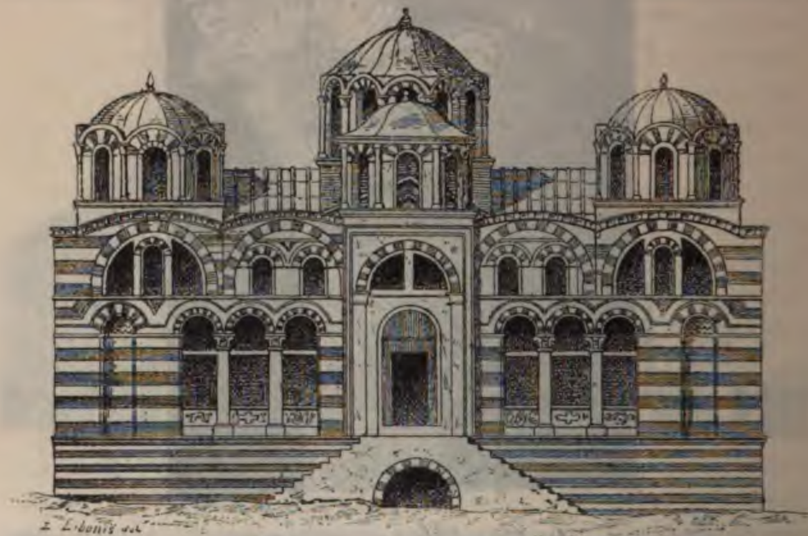


Рис. 9. Фасадъ церкви Теотокосъ въ Константинополѣ.

жатся самыми разнообразными формами, какъ въ планахъ, такъ и въ фасадахъ. Но при всемъ разнообразіи онѣ подчинены однимъ и тѣмъ же выработавшимся условіямъ расположенія. Квадратъ съ вписаннымъ равноконечнымъ (греческимъ) крестомъ въ планѣ, увѣнчанный посрединѣ куполомъ на четырехъ крѣпкихъ столбахъ, ограниченный со стороны алтаря полукруглой абсидой, а съ противоположной притворомъ, съ отдѣльнымъ помѣщеніемъ вверху для женщинъ, остался на долгое время принадлежностью восточной церкви.

Дальнѣйшее развитіе формъ византійской архитектуры.

Дальнѣйшее развитіе византійской архитектуры въ послѣ-юстиніановское время ограничивается почти только тѣмъ, что въ церквахъ число куполовъ увеличивается, что куполъ, высоко под-

нявшись надъ своимъ основаніемъ, получаетъ форму цилиндра, крытаго полусферой, и что на фасадахъ, представлявшихъ прежде одни горизонтальные карнизы, начали выказываться главные своды внутренности церкви (рис. 9). Эти черты характеризуютъ памятники византійской архитектуры преимущественно X столѣтія. Въ XIV в. мы замѣчаемъ возвращеніе къ главнымъ мотивамъ базилики, замѣщеніе византійской круглой арки аркою стрѣльчатою, готическою и мавританской.

Византійская живопись.

Подобно архитектурѣ, живопись и скульптура первоначально для выраженія христіанскихъ идей должна была прибѣгать къ формамъ античнымъ, языческимъ. И въ этихъ двухъ видахъ искусства, чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ больше античныхъ элеменментовъ, тѣмъ меньше индивидуальности въ изображеніи священныхъ лицъ и событій. Въ искусствѣ первыхъ четырехъ вѣковъ, въ живописи катакомбъ и скульптурѣ саркофаговъ, мы не находимъ ни опредѣлившихся типовъ Христа и Богородицы, ни подробныхъ изображеній евангельскихъ событій. Христосъ изображается юнымъ, безбородымъ, въ видѣ Орфея, играющаго на лирѣ, дивная гармонія которой чаруетъ птицъ и звѣрей, или въ видѣ „добраго пастыря", несущаго на плечахъ агнца. Когда Христосъ совершаетъ чудеса, воскрешаетъ Лазаря, претворяетъ воду въ вино на бракѣ въ Канѣ, Онъ изображается одинъ, безъ исторической обстановки событій. Это не художественные типы, а символы.

Древне-христіанскій художникъ, хорошо владѣя техникою античнаго искусства, но не умѣя обнять во всей ясности полноту и глубину идей новой религіи, разными символическими намеками хочетъ только навести мысль на предметы, недоступные его изображенію. Съ IV в. восторжествовавшая надъ гоненіями церковь, освободившись отъ мрака катакомбъ, выступаетъ въ блестящихъ мозаичныхъ изображеніяхъ на стѣнахъ громадныхъ храмовъ. Эти изображенія не намекаютъ уже на событія и священныя лица, а напечатлѣваютъ ихъ въ яркихъ образахъ, стремясь къ точнѣйшему, какъ бы историческому воспроизведенію. И по мѣрѣ того, какъ выясняется все подробнѣе содержаніе христіанства, и христіанскія изображенія принимаютъ все болѣе и болѣе точныя, соотвѣтственныя формы. Вмѣсто заимствованія готоваго изъ античнаго искусства, появляются новыя формы, уже христіанскія. Таковы типы Христа, Богоматери, мучениковъ, апостоловъ, нѣкоторыхъ отцовъ церкви съ ихъ индивидуальными характерами, съ отличительными чертами лица, въ опредѣленномъ костюмѣ; таковы изображенія

событій ветхаго и новаго завѣта, создаваемыя византійскимъ искусствомъ съ IV по VII вѣкъ.

Монументальный характеръ изображеній и христіанскіе типы.

Византійскіе художники этого времени охотно берутся за обширныя композиціи, въ которыхъ ясно выступаютъ всѣ подробности. Избѣгая сюжетовъ, въ которыхъ множество фигуръ мѣшается между собой, они предпочитаютъ тѣ, въ которыхъ почти нѣтъ движенія, положеніе тѣла спокойно и правильно, фигуры можно рас-



Рис. 10. Изображеніе Юстиніана на мозаикѣ въ церкви св. Аполлинарія въ Равеннѣ.

положить, не нарушая однообразія и единства впечатлѣнія, въ строгой симметріи. Благодаря этимъ свойствамъ, теряя много въ жизненности и свободѣ, эти композиціи монументальны и превосходно гармонируютъ съ монументальностью храмовъ. Въ этихъ композиціяхъ все строго, спокойно, величественно и производитъ сильное впечатлѣніе (рис. 10).

Въ полукругѣ надъ главными дверями въ нартексѣ св. Софіи сохранилась очень хорошо до нашего времени такая монументальная мозаика (рис. 11). Она изображаетъ Спасителя во всемъ блескѣ Его могущества, возсѣдающимъ въ бѣломъ одѣяніи на великолѣпномъ тронѣ. Онъ благословляетъ одною рукою входящихъ въ храмъ и

держитъ въ другой рукѣ раскрытую книгу съ начертанными на ея страницахъ словами: „Миръ вамъ! Азъ есмь свѣтъ міру“. Его лицо, окруженное нимбомъ, исполнено строгости, смягченной кротостью выраженія. Справа и слѣва въ медальонахъ изображены Божія Матерь и Архангелъ Михаилъ. У ногъ Христа распростерся поклоняющійся ему императоръ въ богатомъ одѣяніи, съ діадемою на головѣ и съ нимбомъ вокругъ нея. Въ этомъ блескѣ и яркости приведеннаго къ общей гармоніи колорита, въ торжественно выступающихъ на золотомъ или синемъ фонѣ рѣзко очерченныхъ ликахъ, въ этомъ образѣ Христа, въ торжествѣ своей славы возсѣдающемъ на престолѣ, мы ясно чувствуемъ высокое воодушевле-



Рис. 11. Христосъ на престолѣ. Мозаика въ св. Софіи.

ніе творчества торжествующей церкви. Эти лики вполнѣ проникнуты новымъ христіанскимъ духомъ, но тамъ, гдѣ не мѣшаетъ ему, античное искусство входитъ въ значительной степени. Оно проявляется въ вѣрномъ рисункѣ, въ правильныхъ благородныхъ пропорціяхъ, въ изяществѣ тѣлесныхъ формъ, въ драпировкѣ одежды. Христіанинъ-художникъ строго хранитъ преданіе античныхъ скульптурныхъ фризовъ, въ христіанскихъ храмахъ замѣненныхъ мозаиками.

Спокойныя, величавыя фигуры на одноцвѣтномъ фонѣ, безъ грунта и заднихъ плановъ, это—перенесеніе на плоскость скульптурныхъ изображеній. Священныя изображенія со многими лицами

безъ наблюденія правилъ перспективы, со многими отдѣлами на первомъ планѣ, выражающими эпизоды одного и того же дѣйствія, это—барельефы, въ которыхъ обыкновенно не наблюдалось единства времени и мѣста. Даже самая потребность въ типическомъ обособленіи священныхъ личностей восходитъ къ эстетическимъ законамъ античной скульптуры, которая такъ отчетливо опредѣлила всѣ типы классическаго Олимпа.

Но черпая изъ художественной сокровищницы античнаго міра, византійскій художникъ-христіанинъ проходитъ мимо всего чувственнаго, случайнаго, заимствуя у антиковъ цвѣтущей эпохи достоинство, величіе, мощь. Создавая типъ, напримѣръ, Спасителя, онъ отклоняется отъ того, что создано было греческой скульптурой для типа Зевса. Высокій лобъ, раздѣленные посрединѣ, спускающіеся на плечи гладкіе волосы, выраженіе кротости и величія, все это было совершенно ново въ искусствѣ.



Рис. 12. Ангелъ (рѣзьба на слоновой кости VI вѣка).

Скульптура.

Заслуга созданія этихъ новыхъ, чуждыхъ языческому міру, чисто христіанскихъ типовъ принадлежитъ византійскому искусству, тому его періоду, продолжавшемуся по VII вѣкъ, когда, съ одной стороны, оно было одушевлено творчествомъ въ свободѣ вѣрованія торжествующей церкви, а съ другой стороны—владѣло изяществомъ античной формы. Изящество это было прямымъ результатомъ того, что преданія классическаго искусства были еще во всей свѣжести, что изученіе памятниковъ античной скульптуры, въ изобиліи распространенныхъ передъ глазами константинопольскихъ мастеровъ, было во всей силѣ (рис. 12). Императоры не только покровительствовали художникамъ, но и сами упражнялись въ живописи и ваяніи. Скульптура, сближавшая искусство съ природою, жила въ Византіи съ IV в. по VII в. И хотя византійскіе ваятели еще любили античную скульптуру, и византійскіе живописцы часто вдохновлялись ею въ позахъ, которыя они придавали фигурамъ на композиціяхъ, однако въ то время, какъ архитектура и живопись развивались параллельно съ развитіемъ христіанскаго ученія, скульп-

тура приходила въ упадокъ. Юное христіанство наслѣдовало отъ іудейства боязнь скульптурныхъ произведеній. И по мѣрѣ того, какъ тѣлесная красота во всемъ ея совершенствѣ, изображеніе которой составляло цѣль и содержаніе античной пластики, теряла для христіанскаго художника цѣну, по мѣрѣ того, какъ все сильнѣе и сильнѣе противополагался духъ въ ущербъ тѣлу и требовалось умерщвленіе плоти, скульптура все менѣе и менѣе, конечно, могла дѣлать успѣховъ. Въ этихъ взглядахъ и отсутствіи покровительства церкви нужно искать причину того, что скульптурныя произведенія въ византійскомъ искусствѣ занимаютъ второстепенное мѣсто и не только не идутъ много впередъ въ сравненіи съ позднѣйшей римской скульптурой, но постепенно приближаются къ паденію.



Рис. 13. Богоматерь съ Младенцемъ Христомъ (рѣзьба на слоновой кости).

Рѣшительный ударъ развитію пластики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитію другихъ изобразительныхъ искусствъ былъ нанесенъ иконоборствомъ, которое было начато Львомъ Исавріаниномъ въ 726 г. и въ которомъ, быть можетъ, не безъ вины восточное мусульманское вліяніе. Скульптура была лишена религіозныхъ сюжетовъ и осуждена была питаться пустою роскошью. Статуи и рельефы монументальнаго стиля были замѣнены красивымъ орнаментомъ и смѣлой рѣзьбой. И какъ ни велико было усердіе византійскихъ императоровъ послѣ иконоборства возстановить изящество стиля, они не могли сдѣлать болѣе того, сколько оказалось средствъ въ самихъ мастерскихъ и господствующемъ вкусѣ публики. Изящное должно было замѣниться роскошнымъ и монументальный стиль перейти въ мелкія украшенія. Скульпторъ становится золотыхъ дѣлъ мастеромъ, литейщикомъ, чеканщикомъ и, если занимается скульптурой, то въ мелкихъ размѣрахъ на слоновой кости. Въ этомъ родѣ, въ барельефѣ, онъ еще производитъ работы высокаго достоинства, какъ показываетъ рельефъ, изображающій Богоматерь съ Мла-

денцемъ Христомъ, относящійся, вѣроятно, къ IX—X в. (рис. 13). Живописецъ украшаетъ рукопись миніатюрами и даетъ картины мозаистамъ. Въ теченіе IX и X столѣтій художники исключительно занимаются искусствомъ промышленнымъ, напр., эмалью (рис. 14). Эти искусства, способствовавшія развитію восточнаго вкуса къ роскоши и сами имъ вызванные къ расцвѣту, вполнѣ соотвѣтствовали тому характеру роскоши и торжественности, который носилъ на себѣ императорскій дворъ при Константинѣ Порфирородномъ.

Вліяніе паденія скульптуры и аскетическо-богословскаго направленія на живопись.

Нанесеннымъ скульптурѣ ударомъ теперь прерывалась непосредственная связь византійской живописи съ античнымъ преданіемъ. Вспыхнувшее временно, непосредственно за окончаніемъ иконоборства, возрожденіе живописи продолжалось недолго (рис. 15 и 16). Лишившись опоры въ скульптурѣ, живопись начинаетъ терять свою силу, и слѣдуя общему направленію, поражаетъ въ миніатюрахъ превосходною техникою, тонкою законченностью и необычайнымъ богатствомъ орнаментаціи при начинающемся ослабленіи античнаго изящества. Рукописи эпохи иконоборства показываютъ, что въ это время совершился и другой переворотъ: подлѣ исчезающаго античнаго направленія усиливается направленіе богословское, иконописное.



Рис. 14. Эмаль византійской работы.

Опасеніе возбудить соблазнъ поставило художниковъ подъ руководство и надзоръ духовенства. „Не изобрѣтеніе живописцевъ производитъ иконы, а ненарушимый законъ и преданіе православной церкви, не живописецъ, а св. отцы изобрѣтаютъ и предписываютъ; очевидно, имъ принадлежитъ сочиненіе, живописцу же только исполненіе",—гласило постановленіе Никейскаго 2-го собора 787 г. И чѣмъ дальше жило византійское искусство, тѣмъ болѣе оно теряло свободу художественнаго творчества и поэтическаго одушевленія, тѣмъ болѣе оно дѣлалось скованнымъ догматами ученія, подпадая все больше и больше подъ вліяніе богословія и аскетизма. Очищенные богословскою критикою, разработанные до мельчайшихъ подробностей иконописные сюжеты получаютъ окончательную форму, точное сохраненіе которой стано-

вится обязательнымъ для живописца, и его дѣятельность сводится къ копированію. Наступленіе блестящаго политическаго состоянія имперіи вызываетъ вновь вторичное пробужденіе византійскаго искусства, продолжающееся съ конца XI в. по конецъ XII-го. Но въ началѣ XIII в. крестоносцы наносятъ ему окончательный ударъ. Безцѣнныя статуи были переплавлены или увезены. Совершенно лишенное античныхъ образцовъ, ослабѣвшее и изжившее свои силы византійское искусство, среди бѣдствій и опустошеній имперіи, не могло уже возродиться вновь. Съ XI в. найдя себѣ убѣжище на



Рис. 15. Давидъ и Мелодія. Миніатюра изъ Псалтири IX или X вѣка.

Аѳонѣ, оно здѣсь доживало послѣдніе дни. Просматривая византійскія миніатюры XIII и XIV вѣковъ, мы присутствуетъ при самомъ ясномъ процессѣ разложенія искусства, наблюдая, какъ техника ухудшается съ каждымъ поколѣніемъ мастеровъ, какъ краски мутнѣютъ, и гамма свѣтлыхъ тоновъ смѣняется болѣе темной, какъ на смѣну изящныхъ ликовъ выступаютъ длинныя худощавыя фигуры, лица съ впалыми щеками, съ глубоко ушедшими глазами (рис. 17). Симметричность усиливается, движенія дѣлаются жесткими и неповоротливыми, окостенѣвшими, отдѣлка волосъ головы и бо-

роды, складокъ одежды получаютъ оцѣпенѣлую правильность безъ малѣйшихъ слѣдовъ античнаго вкуса.

Положенiе византiйскаго искусства въ Европѣ X—XI вѣка.

И это съ перерывами падающее послѣ иконоборства искусство стояло во главѣ художественной жизни тогдашней Европы. Въ концѣ X вѣка греческихъ мастеровъ вызываютъ къ себѣ ко двору нѣмецкiе императоры. Въ началѣ второй половины XI столѣтiя знаменитый аббатъ Монтекассинскаго монастыря Дезидерiй, чтобы возстановить искусство въ Италiи, приглашаетъ изъ Константинополя греческихъ мастеровъ и подъ ихъ руководствомъ основываетъ въ своемъ монастырѣ художественныя школы.



Рис. 16. Давидъ и Iеремiя. Миніатюра изъ св. Григорiя Назiанскаго.

Такъ жило и развивалось византiйское искусство. Оно получило свое начало отъ искусства античнаго: оно родилось среди его памятниковъ. Художники византiйскiе глубоко понимали ихъ прелесть и прониклись тѣми основными правилами искусства, которыя обусловливали его процвѣтанiе въ древности. Въ лучшую пору они, подобно представителямъ цвѣтущей эпохи античнаго искусства, искали величiя и гармонiи въ расположенiи своихъ композицiй, благородства въ позахъ, красоты типовъ, изящества драпировокъ, хотя и не всегда достигали этого въ должной степени.

Къ элементамъ греческаго происхожденiя примѣшались еще иныя влiянiя, шедшiя съ крайняго Востока. Въ архитектурѣ эти влiянiя очень замѣтны, то же нужно сказать и объ орнаментацiи, въ которой постоянно встрѣчаются заимствованные съ Востока мотивы, разработанные въ его духѣ и стилѣ. Отсюда особенно перешла къ

византійскимъ художникамъ любовь къ богатству и роскоши, которыми отличаются всѣ ихъ произведенія, отсюда явилось стремленіе передавать всѣ детали орнаментовъ условнымъ образомъ. Въ немъ тѣ же сложныя сплетенія, тѣ же небывалые цвѣты, какіе часто встрѣчаются на индійскихъ и персидскихъ памятникахъ.

Историческое значеніе византійскаго искусства.

Но византійское искусство не ограничилось соединеніемъ этихъ элементовъ различнаго происхожденія, а обнаружило при этомъ творческую способность, и именно въ религіозной области. Благодаря геніальному соединенію купола съ четыреугольнымъ основаніемъ, византійская архитектура рѣшила задачу христіанскаго храма, придавъ внутренности зданія большую полноту, воздушность, богатство и впечатлѣніе нераздѣльнаго единства въ разнообразіи. Подобно тому, въ области живописи мы обязаны византійскому искусству первымъ и твердымъ созданіемъ христіанскихъ типовъ и строгаго церковнаго стиля. Красота античнаго искусства была освобождена отъ чувственности и внѣшности и сдѣлалась въ немъ послушна выраженію христіанскихъ идей.



Рис. 17. Св. Іоаннъ Предтеча, аѳонской живописи.

Среди міра, опустошеннаго нашествіями варваровъ и населеннаго одичавшими народами, одной Византіи было суждено хранить и развивать преданія греко-римской культуры. И она выполнила это призваніе. То, чему она научилась у древнихъ, то, что могло служить для христіанства, она сохранила, сообщила и передала приходившимъ въ соприкосновеніе съ ней народамъ. Правда, византійское искусство не удержалось на той высотѣ, какой оно достигло въ VI и VII вѣкахъ, но самое его паденіе послужило на пользу другимъ; павшее искусство сдѣлалось болѣе удобнымъ для передачи, болѣе доступнымъ варварскимъ народамъ. Во всей исторіи мы не видимъ другого искусства, которое имѣло бы такой широкій кругъ вліянія и распространенія. Византія являлась центромъ, отъ котораго въ раз-

ныя стороны шелъ свѣтъ художественно-техническихъ знаній, и чѣмъ ближе, тѣмъ больше, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Совершенно различные народы въ теченіе тысячи лѣтъ находили постоянно въ ней исходный пунктъ для своей художественной дѣятельности. Италія и другія западныя государства, входившія съ Византіей въ общеніе, получали отъ нея художественныя знанія и технику. На сѣверо-востокъ Европы и въ азіатскія страны византійское искусство нашло себѣ доступъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, которое было принято изъ Византіи. Такъ получило начало искусство русское, славянскія, искусство Грузіи и Арменіи. Но вліяніе Византіи не ограничивалось только христіанскими народами. Когда мусульмане покорили страны отъ Персіи до Испаніи, повсюду они нашли родственныя ихъ духу византійскія зданія и въ ихъ стилѣ они сдѣлали первые свои опыты.

чатокъ. Въ это время искусство было всецѣло или почти всецѣло въ рукахъ духовенства и монаховъ. Въ монастырскихъ школахъ или въ школахъ епископовъ наряду съ науками изучали искусства и ремесла: отсюда выходили мастера, которые, въ эту эпоху религіознаго одушевленія, когда повсюду основывались и закладывались церкви и монастыри, являлись руководителями въ построеніи храмовъ. Они призывали себѣ на помощь своихъ мірскихъ братьевъ, которые съ радостью принимали участіе въ этой благочестивой дѣятельности, видя въ ней заслугу и самое вѣрное средство къ тому, чтобы загладить свои грѣхи. Эти мірскіе сотрудники не довольствуются только дарами и приношеніями, но несутъ службу лично, считая ее тѣмъ болѣе дѣйствительной для дѣла спасенія, чѣмъ ниже и труднѣе она. Поэтому къ строящемуся собору стекаются мужчины и женщины со всѣхъ сторонъ. Князья, рыцари и ихъ дамы вмѣстѣ съ народомъ доставляютъ камень и дерево для построенія храма, приготовляютъ пищу и раздаютъ ее работникамъ. Только тотъ допускался къ этому служенію, кто созналъ свои грѣхи и принесъ горячее раскаяніе, свято обѣщалъ христіанскую любовь ко всѣмъ сотрудникамъ-братьямъ, смиренное повиновеніе начальствующимъ при построеніи храма священникамъ. Кто не прощалъ охотно обиды, или выказывалъ неповиновеніе, тотъ дѣлался недостойнымъ членомъ и изгонялся изъ этой общины. Дневная работа начиналась исповѣдью и молитвой, и ночью при свѣтѣ факеловъ въ опредѣленные часы раздавались торжественные гимны. Это имѣло мѣсто преимущественно въ Нормандіи и сѣверной Франціи, гдѣ съ конца XI до половины XII вѣка особенно сильно было это благочестивое рвенье. Но и въ другихъ мѣстахъ повторялось то же, только, въ менѣе крупныхъ размѣрахъ.

Руководство при возведеніи постройки исключительно принадлежало духовенству: міряне были только помощниками и расходились, если они исполняли обѣтную работу и заслужили отпущеніе грѣховъ.

Характерныя черты романскаго стиля въ архитектурѣ.

Понятно, какіе это будутъ храмы: они — грубоваты, какъ храмы, созданные недостаточно развитыми художниками грубаго времени; они—крѣпки, массивны, какъ зданія опаснаго времени и эпохи насилія; величественны и спокойны, какъ отраженіе спокойнаго величія церкви. Понятно, что эти художники въ такое малоблагопріятное для развитія искусства время не создадутъ сразу совершенно новаго, а воспользуются въ значительной степени готовымъ старымъ. И они дѣйствительно воспользовались римскими формами, которыя и даютъ новому стилю названіе *романскаго*.

Но взявъ для храма за основаніе римскую базилику, новое искусство подъ руководствомъ представителей церкви мало-по-малу

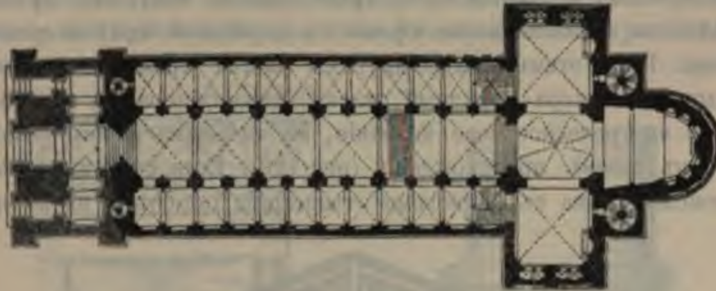


Рис. 19. Планъ соборъ въ Шпейерѣ.

развиваетъ новый типъ, сливая античное преданіе съ требованіями западнаго богослужебнаго обряда и настроеніемъ новыхъ народовъ.



Рис. 20. Крипта въ Сенъ-Дени.

Продолговатая четыреугольная зала базилики измѣняется и получаетъ форму *продолговатаго латинскаго креста* пересѣченіемъ корабля продольнаго кораблемъ поперечнымъ и удлиненіемъ восточной части, гдѣ помѣщается *хоръ*, обнесенный полукруглой крѣпкой

стѣною абсиды (рис. 19). Хоръ предназначенъ для многочисленнаго причта и алтаря; онъ приподнятъ и отдѣленъ нѣсколькими ступенями отъ пола остальной части храма подобно тому, какъ духовные отдѣляются и стоятъ выше мірянъ въ церковной іерархіи среднихъ вѣковъ. Подъ этимъ болѣе другихъ частей храма освѣщеннымъ возвышеніемъ хора—мрачный склепъ, нижняя церковь, крипта, несмотря на греческое свое названіе, не имѣющая ничего византійскаго въ своемъ происхожденіи (рис. 20). Если спустимся въ это подземелье храма съ немногими отверстіями для свѣта, мы во мракѣ

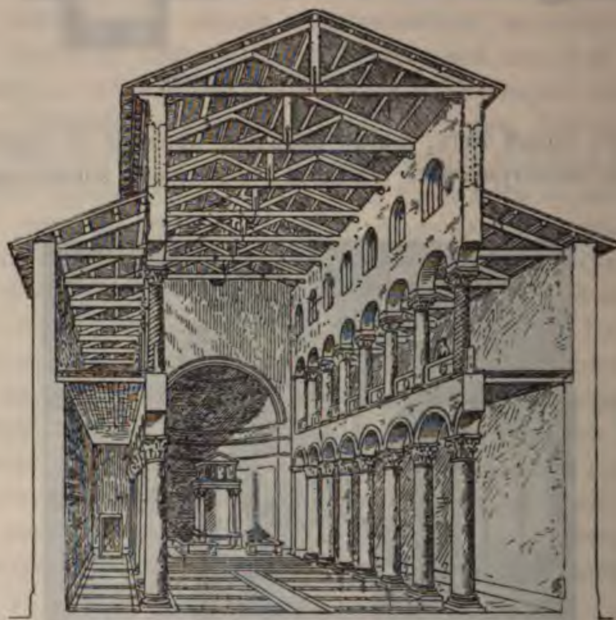


Рис. 21. Внутренній видъ романскаго храма.

увидимъ сотни свѣтящихся точекъ, будто звѣздочекъ, которыя слабымъ мерцаніемъ освѣщаютъ своды длинныхъ переходовъ подъ храмомъ, которые можно разсмотрѣть настолько, чтобы увидѣть гробницы съ лежащими на нихъ каменными фигурами здѣсь похороненныхъ епископовъ, аббатовъ и князей — строителей храма, алтарь, увѣшанный множествомъ небольшихъ зажженныхъ лампадъ и положенныя здѣсь мощи святыхъ.

Поднявшись въ верхній этажъ храма, мы войдемъ въ громадную залу съ двумя или четырьмя продольными рядами столбовъ или колоннъ, которые дѣлятъ залу на три или пять кораблей, изъ

которыхъ средній значительно возвышается надъ боковыми (рис. 21). Колонны массивны, толсты, на упругомъ базисѣ, укрѣпленномъ еще по четыремъ угламъ лапами льва или листами (рис. 23), съ коринѳской или широкой кубической закругленной книзу капителью (рис. 22). Эти



Рис. 22. Капитель романской колонны.



Рис. 23. Базисъ романской колонны.

солидныя колонны съ солидными базисами и капителями нужны для того, чтобы поддержать при помощи широкой круглой арки массивныя продольныя стѣны главнаго средняго корабля, отдѣляющія его отъ боковыхъ (рис. 24). Какъ и главный средній корабль, такъ и боковые, болѣе низкіе, накрыты или деревяннымъ плоскимъ потолкомъ (рис. 21), или каменнымъ полукруглымъ (рис. 25), или крестовымъ сводомъ (рис. 26). А тамъ, гдѣ пересѣкается корабль продольный кораблемъ поперечнымъ, объединяя весь храмъ, высится массивный иногда многогранный куполъ, или башня, какъ бы отражая господствующее и давящее единство церкви (р. 27). Стѣны тоже массивны: въ нихъ немного оконъ, онѣ малы, и въ храмѣ царитъ полумракъ (рис. 28).



Рис. 24. Круглая арка.

Въ этихъ спокойныхъ очертаніяхъ храма мы поражены церковною строгостью; мы слышимъ здѣсь торжественные гимны, тихіе шаги молящихся, видимъ торжественныя шествія, въ длинной власяницѣ монаха, идущаго медлительной походкой, или всего закованнаго въ тяжелую броню рыцаря.

По витой лѣстницѣ, очень удобной для всхода, съ широкими ступенями, можно взобраться наверхъ на одну изъ башенъ собора. Ихъ часто двѣ у главнаго входа. Массивныя, твердыя, онѣ поддерживаютъ зданіе собора подобно тому, какъ папа и императоръ поддерживаютъ единство средневѣковья, не давая распасться хри-



Рис. 25. Полукруглый сводъ.

стіанскому міру. И чѣмъ выше вы поднимаетесь, тѣмъ шире и шире открываются далекія окрестности, и вамъ становится вполнѣ понятно, почему средневѣковые соборы были не только храмы для молитвы, но и неприступныя крѣпости со сторожевыми башнями. Когда въ войну 1870 года пруссаки заняли Шартръ, жителямъ этого города запрещено было всходить на соборныя башни изъ опасенія, чтобы они не могли сообщаться черезъ сигналы съ французскими отрядами (рис. 29).



Рис. 26 Крестовый сводъ.

Скульптура. Снаружи простыя стѣны собора украшены фризомъ изъ ряда небольшихъ полукруглыхъ аркадъ (рис. 30). Все богатство скульптурныхъ украшеній сосредоточивается на главномъ фасадѣ зданія съ полукруглой романской аркою на невысокихъ столбахъ или колоннахъ широкаго портала (рис. 31). Надъ нимъ круглое окно—роза. А

самъ порталъ весь украшенъ орнаментомъ изъ листьевъ, фигурами чудовищъ, животныхъ, людей, которыя вставлены въ твердыя строгія рамки, данныя архитектурными линіями. Чтобы тронуть грубыя сердца, глухія часто къ словамъ учителя церкви, скульпторъ-монахъ старается подѣйствовать на входящихъ въ храмъ сильными рѣзкими скульптурными изображеніями мученій, страданій, чудесъ, вызвать ими ужасъ, изумленіе, страхъ, мысль о наказаніи (рис. 32). Онъ заботится здѣсь не столько о красотѣ, изяществѣ, вѣрности



Рис. 27. Схема устройства купола въ романскомъ храмѣ.

природѣ, сколько о силѣ впечатлѣнія, и онъ достигаетъ этого. Небольшія рельефныя изображенія грѣхопаденія, изгнанія изъ рая, и другія сцены изъ св. исторіи на капителяхъ колоннъ, тяжелыя, короткія фигуры святыхъ и апостоловъ и наверху въ кругу надъ дверью пришедшій міръ судить Христосъ, окруженный символами евангелистовъ (рис. 33), уродливыя фигуры демоновъ и грѣшниковъ (рис. 32)—все это ярко раскрашено и сильно говоритъ въ камнѣ о мысли художника. Скульптурой украшены алтарь, каѳедра и капители колоннъ внутри храма. И здѣсь, подъ полутемными сводами храма, вы увидите фантастичныхъ животныхъ съ рогами, когтями, страшныя маски, кривляющагося демона и людей, подвергнутыхъ ужаснымъ му-

ченьямъ (рис. 34). Это—ужасы, грезы, которыя видѣлъ средневѣковый христіанскій міръ при наступленіи почти каждаго столѣтія и особенно при приближеніи тысячнаго года, когда ожидали кончины міра и наступленія страшнаго суда. И этотъ адъ, и эти чудовища, которыя грезились, весь ужасъ, который испытывали люди, окаменѣлъ въ фантастической, часто грубой, но всегда величавой скульптурѣ.



Рис. 28. Внутренній видъ романскаго храма.

Скульптурныя украшенія и здѣсь раскрашены яркими сильными красками, чтобы привести ихъ въ гармонію съ остальнымъ пестрымъ убранствомъ собора. Эту любовь къ пестрому украшенію храма романскій стиль унаслѣдовалъ отъ византійскаго и прибавилъ еще росписныя окна. Изрѣдка на стѣнахъ романскаго храма можно встрѣтить другой остатокъ византійскаго вліянія—мозаику,

чаще шитые или тканые ковры покрывают алтарь, сидѣнія на хорѣ и огромныя стѣны храма, а оставшимися свободными частями стѣнъ овладѣла вполнѣ живопись.

Живопись: античные элементы и народная фантазія.

На темносинемъ или золотомъ фонѣ возсѣдаетъ въ абсидѣ Христосъ на престолѣ, по стѣнамъ стоятъ или движутся въ сія-



Рис. 29. Соборъ Богоматери въ Пуатье.

ніяхъ, мантіяхъ, иногда въ костюмахъ средневѣковаго покроя немного мѣстнаго типа, аскетически строгія, важныя фигуры святыхъ, апостоловъ съ неправильными, схематически-сильными контурами, которыя сплошь, безъ тѣней, покрылъ краскою, иногда съ золотыми бликами художникъ-монахъ (рис. 35). Чтобы дать себѣ болѣе ясное представленіе о живописи романскаго стиля, намъ нужно обратиться въ библіотеку собора или монастыря и посмотрѣть рукописи древнихъ писателей, бестіаріи, молитвенники, извлеченія изъ св. отцевъ и Евангелія (рис. 36). Въ миніатюрахъ, служащихъ къ поясненію текста, мы найдемъ животныхъ въ позахъ, живо схваченныхъ любящимъ охоту художникомъ, аллегорическія, житейскія сцены, прихотливый орнаментъ заглавныхъ буквъ, со-



Рис. 30. Фризъ изъ аркадъ.

ставленный изъ фантастическихъ драконовъ, дикихъ людей, кентавровъ, символическія иллюстраціи къ Св. Писанію. Въ этихъ миніатюрахъ иногда сквозь формы, показывающія вліянія античныя и византійскія, ясно отражается внутренняя работа, мысль и чувства художника. Въ великолѣпномъ евангеліаріи, хранящемся въ Мюнхенской придворной библіотекѣ, есть очень интересная въ этомъ отношеніи картина. Сюжетъ ея—побѣда надъ смертью чрезъ крестную



Рис 31. Порталъ собора св. Трофима въ Арлѣ.

жертву І. Христа. Въ срединѣ картины І. Христосъ на крестѣ. На немъ красное одѣяніе, царская корона и священническая риза. Нѣсколько ниже по обѣимъ сторонамъ крестоваго дерева стоятъ слѣва vita—жизнь—женская фигура въ коронѣ, украшенной крестомъ, и въ богатой одеждѣ, съ поднятыми вверхъ лицомъ и руками; справа mors—смерть—блѣдная, съ растрепанными волосами, лицо наполовину закрыто, глубокая рана на шеѣ, тѣло полуобнаженное, она худо одѣта и готова упасть, съ изломаннымъ копьемъ и косою въ ру-

кахъ. Драконъ, выходящій изъ дерева, какъ будто кусаетъ фигуру въ руку. По обѣимъ сторонамъ картины помѣщены мелкія изобра-



Рис. 32. Скульптура на порталѣ собора въ Отенѣ (часть изображенія Страшнаго суда).

женія: вверху—sol и luna—солнце и луна, закрывающія свое лицо. Потомъ справа—Новый Завѣтъ—женская фигура въ коронѣ съ по-



Рис. 33. 1. Христосъ, окруженный символами евангелистовъ (съ портала св. Трофима въ Арлѣ).

бѣднымъ знаменемъ и чашею Евхаристіи на коронѣ; слѣва—Ветхій Завѣтъ, скрывающій свое лицо за рамку картины, со свиткомъ закона и жертвеннымъ ножемъ въ рукахъ. Внизу справа—воскресшіе мертвецы, слѣва—разодранная церковная завѣса. Несмотря на плохой рисунокъ, угловатыя преувеличенныя движенія, мы понимаемъ



Рис. 34. Романскія капители.

въ этихъ изображеніяхъ идею замысла, глубину смиренія, строгость мысли, благоговѣніе передъ тѣмъ священнымъ ликомъ, которымъ былъ одушевленъ художникъ. Мы видимъ въ этихъ началь-



Рис. 35. Стѣнная роспись церкви въ Шварцрейндорфѣ.

ныхъ шагахъ искусства стремленіе къ сверхчувственному, которое ищетъ болѣе выраженія духа, чѣмъ красоты тѣла. Мы видимъ нарушеніе пропорцій, борьбу между строгою правильностью и грубостью, отраженіе сомнѣній и аскетизма монаха, жизненность, дѣтскую наивность и твердую вѣру того времени; мы чувствуемъ

глубокую правдивость изображенія даже тамъ, гдѣ при первомъ взглядѣ оскорбляется чувство изящнаго.

Техническія руководства.

Въ той же библіотекѣ найдется и рецептурная книга жившаго въ VIII — IX вѣкѣ Ираклія, гдѣ помѣщены въ стихахъ и прозѣ техническія наставленія, перемѣшанныя съ нѣкоторыми магическими и суевѣрными формулами, и сборникъ наставленій знаменитаго



Рис. 36. Генрихъ II. Миніатюра изъ служебника XI вѣка.

пресвитера Ѳеофила XI — XII вѣка по всѣмъ почти отраслямъ ремеслъ и искусствъ. Эти рукописи служили источниками, изъ которыхъ черпали свои знанія, подкрѣпляя ихъ опытомъ, строители храмовъ. Здѣсь же въ этой библіотекѣ собора можно найти и указаніе на то, какъ понималъ средневѣковый человѣкъ тотъ храмъ, который онъ строилъ, и его отдѣльныя части.

Символика храма.

„Въ рукописи XII вѣка, озаглавленной позднѣе „Manuale Magistri Petri Carnotensis de misteriis ecclesiae“, жившій въ Шартрѣ названный магистръ Петръ излагаетъ, какъ онъ понимаетъ храмъ. При средневѣковой склонности къ символикѣ онъ въ храмѣ видѣлъ образъ міра. Въ основаніе храма полагается, объясняетъ онъ, камень съ изображеніемъ храма и 12 другихъ камней въ знаменіе того, что церковь покоится на Христѣ и 12 апостолахъ. Стѣны означаютъ народы; ихъ четыре, потому что онѣ принимаютъ сходящихся съ 4-хъ сторонъ. Камни имѣютъ четыре угла, потому что главныхъ добродѣтелей 4: мудрость, сила, умѣренность и справедливость. Полировка ихъ означаетъ очищеніе святыхъ черезъ перенесеніе страданій. Камни, лежащіе непосредственно на фундаментѣ—прелаты, держащіе на своихъ плечахъ всю церковь, которую составляютъ остальные камни—міряне. Цементъ, который связываетъ камни—любовь; столбы—апостолы и отцы церкви; дверь—Христосъ, какъ Онъ Самъ называетъ себя въ притчѣ. Кровля покрываетъ храмъ, какъ любовь покрываетъ бездну грѣха міра. Церковь дѣлится на двѣ части—хоръ и корабль. Послѣдній долженъ быть ниже перваго и назначенъ для мірянъ, ибо они еще въ морѣ мірской жизни.

Особенности и ходъ развитія романскаго стиля.

Характерною чертой романскаго стиля является то обстоятельство, что нельзя указать ни мѣста его зарожденія, ни такой области, гдѣ бы онъ преимущественно развивался самостоятельно и постоянно. Онъ появляется почти одновременно повсюду въ Европѣ, и въ различныхъ мѣстахъ идетъ очень неравномѣрно его развитіе. Быстрѣе всего романскій стиль достигаетъ формальной законченности и могущественнаго величія въ Германіи и въ соборахъ Шпейерскомъ (см. табл. II), Майнцскомъ и Вормскомъ. Ближе всего къ античнымъ памятникамъ стоятъ соборы южно-французскіе—въ Арлѣ, Пуатье, Клермонѣ. Но всѣ романскіе соборы, разсѣянные по Европѣ, отмѣчены одной общей печатью, несмотря на все разнообразіе мѣстныхъ особенностей. Впечатлѣніе величія и мощи, прочности и тяжести, грубоватости и силы, которое навѣваютъ они почти всегда, это впечатлѣніе есть отраженіе въ искусствѣ романской эпохи величія и силы церкви и всего жизненнаго строя X, XI и XII вѣковъ.





Рис. 37. Соборъ Парижской Богоматери.

ГОТИЧЕСКІЙ СТИЛЬ.

Характеръ эпохи. Значеніе городскихъ общинъ. Цехи.

Эпоха романскаго стиля, несмотря на отдѣльные рѣзкіе порывы, даетъ общее впечатлѣніе спокойствія. Эпоха же XIII, XIV и XV в., когда господствовалъ готическій стиль, до самаго своего конца представляетъ, напротивъ, непрерывное движеніе. Пробуждается національное чувство; національные языки, вытѣсняя варварскую

Пособія: *Schnaase*, *C.*, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage, V Bd. *Springer*, *A.*, Handbuch der Kunstgeschichte, II, Mittelalter. *Reber*, F., Kunstgeschichte des Mittelalters. *Corroyer*, L'architecture gothique (изъ Bibliothèque de l'enseignement des beaux arts). *Gonse*, L'art gothique. *Куглеръ*, *Ф.*, Руководство къ исторіи живописи. *Любке, В.*, Исторія пластики. *Каррьеръ М.*, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества, т. III. Чтеніе А. Поливанова въ Педагогическомъ Сборникѣ 1890, № 4.

латынь монаховъ, начинаютъ радостно звучать и празднуютъ свою юность въ смѣлой поэзіи; схоластика овладѣваетъ не только школою, но дѣйствуетъ и въ жизни; религіозное чувство становится глубже, сильнѣе, яснѣе; образуется рыцарство; организуется королевская власть; князья стремятся къ укрѣпленію своихъ правъ; возникаютъ самостоятельныя городскія общины. Эти городскія общины, освободившіяся отъ преобладанія феодальнаго замка и монастыря, разбогатѣвшія, благодаря возникшей торговлѣ и промышленности, и давшія довольство мирнымъ гражданамъ, являются новой благопріятной для художественнаго развитія средой. Тотъ религіозный порывъ, который поднялъ тысячи въ крестовые походы, выразился у оставшихся въ построеніи храмовъ. Въ религіозномъ рвеніи всѣ жители города принимаютъ горячее участіе въ созданіи своего собора, вмѣняютъ себѣ въ благочестивый подвигъ своими руками переносить для сооруженія зданія кирпичи, камни и другіе матеріалы, а только что возникшіе въ городахъ университеты предлагаютъ научныя пособія въ объясненіи легендъ, энциклопедическихъ и схоластическихъ свѣдѣній, которыми пользовались каменщики въ скульптурныхъ украшеніяхъ храма. Папы и богатые монашескіе ордена, которые такъ способствовали развитію искусства въ предшествовавшую эпоху, оставались теперь безучастны къ художественной дѣятельности. Искусство изъ рукъ духовенства переходитъ совершенно въ руки міранъ. Среди міранъ образуются умѣлые каменщики, каменотесы и архитекторы, которые, какъ и другіе ремесленники, согласно съ духомъ времени объединяются въ отдѣльную корпорацію—цехъ. Здѣсь, въ цехѣ, распредѣлялся трудъ, выдавалась условная плата, рѣшались всѣ споры между рабочими. Въ цехахъ же производились испытанія ученикамъ и подмастерьямъ, и тотъ, кто выдерживалъ искусъ, получалъ право выставлять свое имя на исполненныхъ имъ строевыхъ частяхъ. Вступающій въ цехъ обѣщалъ вести себя чинно, честно, давалъ клятву соблюдать цеховой уставъ, получалъ условный пароль и рукопожатіе, которыми онъ могъ всегда доказать свою принадлежность къ цеху и въ другихъ городахъ. При щедрыхъ пожертвованіяхъ, благодаря цехамъ, преемственно передававшимъ другъ другу тайны и усовершенствованныя правила производства, благодаря цѣлымъ артелямъ работниковъ, трудолюбиво занимавшихся ремесломъ, и явилась возможность воздвигать эти сложные и многочисленные соборы. Въ каждомъ такомъ грандіозномъ соборѣ рядомъ съ изступленнымъ порывомъ художника ви-

дѣнъ самый мелочной расчетъ, строгая трезвая осмотрительность ремесленнаго производства. Такъ рыцарски-фантастическое увлеченіе поддерживалось солидной работой средняго городского сословія.

Проникнувшись всей силою и теплотою вновь пробужденной жизни, искусство создало новый стиль. Этотъ новый стиль, безъ достаточнаго основанія носящій названіе готическаго, зародился и сдѣлалъ первые шаги въ сѣверо-восточной Франціи въ XII вѣкѣ, въ королевскихъ областяхъ, гдѣ къ этому времени города достигли значительной степени процвѣтанія и началась энергическая строи- **Ходъ развитія готическаго стиля.**

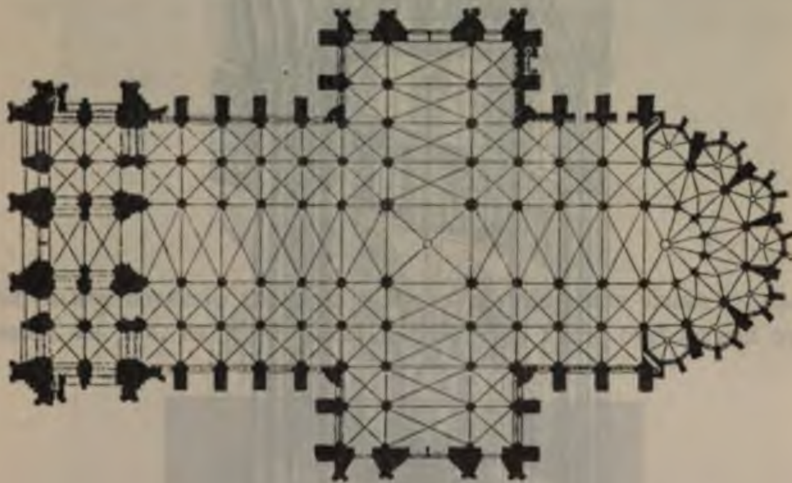


Рис. 38. Планъ Кёльнскаго собора.

тельная дѣятельность. Въ теченіе XIII вѣка готическій стиль во Франціи получилъ полное развитіе, создалъ пышные и изящные соборы въ Амьенѣ и Реймсѣ (см. табл. III) и разлился по всей католической Европѣ. Въ XIV и XV вѣкахъ онъ достигъ величественнаго расцвѣта въ Германіи въ соборахъ Фрейбургскомъ, Страсбургскомъ и Кельнскомъ (см. табл. IV) и до половины XVI в. господствовалъ въ Англіи, медленно уступая стилю Возрожденія. Менѣе всего сочувствія готическій стиль нашелъ въ классической Италіи. Итальянцы XV в., противники этого стиля, называли его варварскимъ—готическимъ.

Архитектурныя особенности готическаго храма, а) внутри.

Яснѣе всего готическій стиль выразился въ архитектурѣ, главнымъ образомъ въ храмахъ. Время теперь стало болѣе безопа-

сно, менѣе нужны крѣпкія стѣны, и зданія стали не такъ массивны; въ нихъ вмѣсто небольшихъ отверстій прорѣзаны громадныя окна. Нѣтъ въ зданіяхъ мрачности романскаго стиля: страшный тысячный годъ минулъ, не принеся съ собой смерти и разрушенія міра; нѣтъ той грубости, такъ какъ архитекторъ сдѣлался опытнѣе, и развился значительно художественный вкусъ; нѣтъ давящаго единства строгой церковности, ибо теперь духовенство во



Рис. 39. Колонны изъ Страсбургскаго собора

многихъ случаяхъ начало уступать мѣсто мірянамъ и авторитетъ оно иногда дѣлитъ съ мірянами—рыцарями.

Основою плана грандіознаго храма новаго стиля служитъ, какъ и раньше, *продолговатый* латинскій крестъ, образованный пересѣченіемъ двухъ наиболѣе высокихъ кораблей (рис. 38). Сѣверный и южный концы креста—поперечные корабли—болѣе короткіе, чѣмъ продольный—заканчиваются каждый своимъ порталомъ. Восточный конецъ креста попрежнему занятъ хоромъ и алтаремъ. Но уже здѣсь мы замѣчаемъ, что на эту старую основу новый стиль наложилъ свою печать. Стремленіе къ воздушнымъ свѣтлымъ формамъ ясно ска-

зывается въ устройствѣ этой части собора. Мрачная крипта почти совершенно забыта, и если гдѣ еще сохраняется, то только какъ отзвукъ прошедшей романской эпохи. Съ криптой исчезло и зна-



Рис 40. Готическая капитель.

чительное подвятіе хора; въ жизни духовные стали ближе къ мірянамъ; на двѣ, на три ступени поднимается хоръ, отдѣленный отъ



Рис. 41. Готическая капитель.

остальной части храма высокой рѣшоткой. Массивную полукруглую абсиду романскаго стиля въ новомъ храмѣ замѣнила болѣе легкая полигонная. Вокругъ этой абсиды можно пройти, выйдя изъ одного

бокового корабля и вернувшись въ другой по опоясывающему абсиду корридору съ цѣлымъ вѣнкомъ тоже полигонныхъ часовенъ. Въ этой части храма стало свѣтлѣе, просторнѣе, духъ строгости, жившій среди мощныхъ стѣнъ прежней абсиды исчезъ, все оживилось благодаря игрѣ свѣта и отраженій, которую дали большія окна, благодаря глубокой, уносящей мысль въ даль перспективѣ, которую открыли просвѣты въ часовнѣ.

Западный, болѣе длинный конецъ креста—отъ хора до портала — занятъ главнымъ кораблемъ, къ которому примкнули съ боковъ болѣе низкіе корабли, а къ нимъ—десятки еще болѣе низкихъ часовенъ. Эти корабли отдѣлены другъ отъ друга длинными рядами колоннъ. Каждая изъ колоннъ представляетъ группу тон-



Рис. 42. Стрѣльчатыя дуги.

кихъ, выходящихъ изъ одного общаго основанія полуколонокъ, столпившихся вокругъ главной центральной колонны (рис. 39). Верхъ этой сложной колонны украшенъ общею капителью изъ легкой туземной листвы и цвѣтовъ (рис. 40 и 41). Ни фантастическихъ фигуръ животныхъ, ни демоновъ, которыхъ мы видѣли на широкихъ капителяхъ колоннъ романскаго стиля, здѣсь мы не встрѣтимъ; тонкія полуколонны не даютъ для нихъ мѣста. Эти полуколонки сначала поддерживаютъ поддужины стрѣльчатыхъ арокъ [1]) (рис. 42), затѣмъ идутъ далѣе вверхъ. Тамъ, надъ капителью онѣ соединяются съ другими еще болѣе тонкими, и всѣ вмѣстѣ снова тянутся вверхъ, разбѣгаясь, точно вѣтви деревьевъ, по своду храма навстрѣчу такимъ же полуколоннамъ сосѣднихъ колоннъ и, соединившись съ ними, создаютъ паутину стрѣльчатыхъ арокъ, образую-

[1]) Стрѣльчатая арка составлена изъ двухъ описанныхъ одинаковыми радіусами дугъ, образующихъ при пересѣченіи острый криволинейный уголъ.

щихъ стрѣльчатый сводъ (рис. 43). Въ этомъ стройномъ расчлененіи, въ переплетенныхъ арками, точно паутиной, высокихъ сводахъ—видна та же смѣлость, какая поражаетъ насъ въ рыцар-



Рис. 43. Внутренность Амьенскаго собора.

скихъ подвигахъ, въ нѣжныхъ ихъ очертаніяхъ — то же мягкое, теплое чувство, которымъ вѣетъ отъ любовныхъ рыцарскихъ пѣсенъ.

И несущіяся какъ будто безпредѣльно вверхъ колонки, и смѣлые съ нѣжными очертаніями своды стали возможны потому, что

архитекторъ всюду даетъ мѣсто *стрѣльчатой аркѣ*. Насколько тяжелая полукруглая романская арка приковывала зданіе къ землѣ, удерживая его въ стремленіи вверхъ, настолько легкая остроконечная стрѣльчатая арка даетъ не только средство поднять храмъ въ высоту, почти не ставя предѣловъ, но какъ бы постоянно сама влечетъ зданіе ввысь. Въ этой стрѣльчатой аркѣ со всей силою выразился тотъ порывъ отъ земли къ небу, который былъ главной характерной чертой жизни и, какъ ея отраженіе, сдѣлался главнымъ принципомъ готической архитектуры. Этотъ принципъ нашелъ выраженіе въ стремленіи всѣхъ частей храма подняться возможно выше, въ постоянномъ преобладаніи линіи вертикальной надъ горизонтальной. Больше легкости, свѣта и стремленіе ввысь—вотъ что главнымъ образомъ отличаетъ новый готическій стиль. Чтобы дать болѣе свѣта высокому храму, чтобы облегчить его громадныя стѣны, архитекторъ вырѣзалъ въ нихъ громадныя окна. Длинными тонкими колонками расчленилъ онъ эти окна на узкія, какъ бы тянущіяся вверхъ полоски, а въ самомъ верху эти колонки сомкнулъ онъ въ острыя арки и заполнилъ сложнымъ, высѣченнымъ изъ камня тонкимъ узоромъ, придавъ его частямъ видъ стеблей съ распустившимися листьями и цвѣтами (рис. 44). Узкія, заполненныя стеклами полосы этихъ оконъ заняла живопись необычайной силы и яркости красокъ. Въ темныхъ каменныхъ рамахъ на ковровомъ фонѣ стоятъ длинныя одинокія фигуры Христа и святыхъ, среди красиваго бордюра вырѣзываются сцены изъ Св. Писанія или легендъ (рис 45). Неумѣніе приготовлять большія стекла создало самыя мелкія сочетанія изъ стеколъ различныхъ цвѣтовъ. Благодаря этому сочетанію разноцвѣтныхъ стеколъ, даже тогда, когда солнце льетъ сильный свѣтъ, въ храмѣ нѣтъ ни глубокихъ тѣней, ни ярко и рѣзко освѣщенныхъ точекъ: всюду разсѣянъ мягкій по-

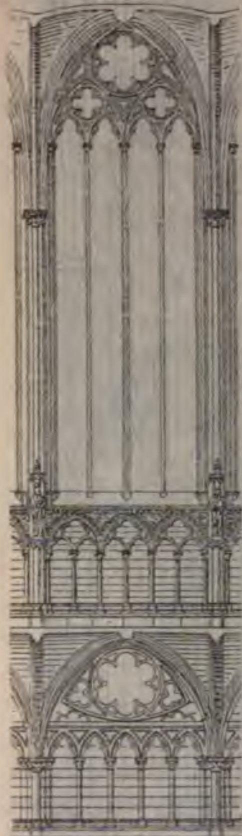


Рис. 44. Окно въ Св. Капеллѣ въ Парижѣ.

лусвѣтъ, замѣнившій суровый полумракъ романскаго храма. Въ этихъ длинныхъ, узкихъ полосахъ съ длинными фигурами святыхъ, въ тянущихся тонкихъ колонкахъ чувствуется движеніе вверхъ, господствуетъ вертикальная линія. Даже прежній романскій карнизъ, шедшій внутри храма между арками столбовъ и окнами въ видѣ простой горизонтальной линіи, и тотъ потерпѣлъ теперь измѣненіе. Вмѣсто него, подъ окномъ идетъ галлерея изъ остроконечной



Рис. 45. Окно въ Кёнигсфельденѣ. Поклоненіе царей.

аркады съ длинными вертикальными колонками, подобными оконнымъ, только нѣсколько болѣе тяжелыми, чѣмъ тѣ (рис. 46, d). Эта галлерея (трифорій) часто фальшивая—по ней нельзя пройти, и служитъ она для того, чтобы облегчить высокую стѣну и сдѣлать переходъ отъ болѣе тяжелыхъ энергично тянущихся вверхъ высокихъ столбовъ съ стрѣльчатыми арками къ болѣе мелкимъ воздушнымъ колонкамъ и аркадамъ оконъ, чтобы показать лишній разъ вертикальную линію и тѣмъ поддержать и усилить общее впечатлѣніе паренія вверхъ.

б) **снаружи.** То же стремленіе вверхъ мы видимъ и въ наружныхъ частяхъ собора.

Тяжесть громаднаго зданія слишкомъ велика: ея не въ силахъ



Рис. 46. Система готической постройки (Амьенск. соборъ). a. Опорные столбы, b. Фіалъ, c. Провислыя арки, d. Трифорій, e. Крестовый сводъ.

выдержать цѣлыя группы колоннъ и стѣны, въ помощь имъ архитекторъ приставилъ снаружи стѣны упорные столбы, принимающіе на себя часть тяжести внутреннихъ сводовъ (рис. 37 и 47). Но этого мало. Въ простѣнкахъ оконъ боковыхъ, болѣе низкихъ кораблей выдвинуты то же крѣпкіе упорные столбы (рис. 46, a); они держать

кола, чтобы далеко разносился его звукъ, было бы достаточно для того надстройки надъ храмомъ. Если, сверхъ того, требовалось еще, чтобы башня служила и для наблюденія за ближайшими окрестностями, сторожа въ нихъ врага, для этого могла служить одна простая башня, не украшенная ничѣмъ, но высокая. Но ни на томъ, ни на другомъ не остановились: башни должны были выйти за предѣлы необходимаго, должны были доказать, что не житейская потребность, а слава Божія была главною цѣлью для воздвигавшей соборъ городской общины.

Если съ этой высокой башни вы бросите взглядъ внизъ, весь соборъ представится вамъ цѣлымъ кварталомъ какъ будто отдѣльныхъ каменныхъ зданій (см. табл. IV). Сначала трудно повѣрить, что эти террасы, окруженныя галлереями, остроконечныя крыши, идущія одна надъ другою, что это безчисленное множество верхушекъ, весь этотъ лѣсъ тянущихся вверхъ башенокъ со шпицами, точно сомкнутые ряды гигантскихъ копій, что это все принадлежитъ одному зданію. Но, всмотрѣвшись внимательнѣе, вы замѣчаете, что всѣ эти отдѣльныя самостоятельныя части суть члены одного цѣльнаго организма, связанные одной основной формой—продолговатымъ латинскимъ крестомъ, который образовали крыши главныхъ высокихъ кораблей храма (рис. 47). Такъ, среди воинственнаго рыцарства, среди различныхъ народовъ средневѣковья, разбитыхъ феодализмомъ на группы, сословія и корпораціи, стремящіяся къ обособленію и идущія въ разрѣзъ съ объединяющимъ стремленіемъ папъ и императоровъ, было одно объединяющее всѣхъ начало—благочестивый религіозный порывъ, стремленіе къ небу.

Нѣкоторые соборы точно внезапно остановились въ своемъ смѣломъ порывѣ къ небеснымъ высотамъ. Начатые страстно и энергично, когда былъ силенъ энтузіазмъ, они остались недовершенными, когда прекратился притокъ приношеній, изсякнувшій вмѣстѣ съ ослабленіемъ религіозныхъ порывовъ.

Скульптура. Весь готическій соборъ точно обросъ скульптурой. Во всей пышности и красѣ развернулась она снаружи храма, въ особенности на главномъ фасадѣ собора (см. табл. III). На срѣзанныхъ наискось стрѣльчатыхъ аркадахъ трехъ порталовъ фасада стоитъ длинный рядъ статуй святыхъ, какъ бы приглашающихъ войти въ храмъ. Онѣ стоятъ, какъ на базисѣ, на кронштейнахъ, а надъ каждой изъ нихъ балдахинъ, который покрываетъ статую и вмѣстѣ съ тѣмъ выполняетъ декоративную роль капители (рис. 48). По верхнимъ линіямъ аркадъ пріютилось безчисленное множество статуй меньшаго

не только тяжесть сводовъ боковыхъ кораблей, но, поднимаясь надъ ними почти въ уровень съ крышей средняго высокаго корабля, черезъ переброшенныя отъ его стѣны провислыя арки (рис. 46, с. и рис. 37), берутъ и несутъ еще часть тяжести сводовъ главнаго корабля (р. 46, е). Всѣ эти поднявшіеся высоко надъ боковыми капеллами и кораблями упорные столбы, обступившіе храмъ, своими остроконечными пирамидальными крышами (рис. 46, b) говорятъ о движеніи вверхъ. То же стремленіе вверхъ чувствуется и въ остроугольныхъ фронтонахъ надъ окнами и дверями (вимбергахъ) (см. табл. III и IV) и



Рис. 47. Церковь въ Гальберштадѣ.

въ остроконечныхъ крутыхъ крышахъ главныхъ частей храма, и въ высокихъ башняхъ собора. Нижняя часть башенъ съ упорными столбами по четыремъ угламъ во второмъ ярусѣ переходитъ въ восьмигранную призму, а выше еще поднимается, круто суживаясь по мѣрѣ поднятія, вся вырѣзанная изъ камня, сквозная восьмиугольная пирамида, острый шпицъ которой, украшенный пышной розеткой, уходитъ далеко въ глубь небесъ (см. табл. IV). Здѣсь, въ этихъ башняхъ необычайной высоты и красоты, рѣшительнѣе всего выразилось идеальное, не связанное ни съ чѣмъ практическимъ, стремленіе къ небу. Если бы нужно было возвести постройку для коло-

рокими волнами складокъ. Важныя, иногда осѣненныя кроткой улыбкой лица красивѣе, выраженіе ихъ глубже и задушевнѣе. Самое размѣщеніе статуй какъ нельзя болѣе граціозно: чтобы придать этому множеству статуй, занявшихъ галлереи фасада, болѣе жизни, художникъ очень удачно выбралъ для нихъ такія позы, что почти ни одна статуя не стоитъ особнякомъ отъ другихъ, безъ всякаго къ нимъ отношенія, а всѣ онѣ соединяются въ свободныя группы: онѣ обращены другъ къ другу, и, кажется, онѣ дружески бесѣдуютъ между собой. Въ разстановкѣ статуй, въ движеніи ихъ, въ драпировкѣ, въ выраженіи лицъ сказалась эпоха, та среда, которая окружала художника. Жизнь сдѣлалась болѣе удобною и пріятной; нравы смягчились; красивая внѣшность и вѣжливость въ обращеніи стали считаться достоинствами. Кавалеры и дамы одѣлись въ длинныя, падающія пышными складками одежды изъ мягкихъ матерій. Это окружало начинавшаго присматриваться и изучать натуру художника, и онъ отразилъ въ скульптурѣ свои впечатлѣнія. Мягкость чувствъ, рыцарскій культъ женщины, царившій въ XII и XIII вв., весь вылился у него въ статуѣ Богоматери. Она вся проникнута женственнымъ характеромъ: это прекрасная мать, безгранично любящая Сына, Котораго она ласкаетъ и прижимаетъ къ груди (см. табл. V).

Кроткая прелесть женщины, сердечность и чистота ангеловъ, тихое блаженство святыхъ, строгость апостоловъ, покорность и смиреніе мучениковъ, милосердіе Божественнаго Учителя и величіе Всемірнаго Судіи никогда не были изображены въ скульптурѣ такъ возвышенно и съ такою чистотою, какъ въ XIII столѣтіи.

Идеи и настроенія, отразившіяся въ храмовой готической скульптурѣ

Горячее религіозное чувство, пробивающееся стремленіе къ изученію природы и громадная практика способствовали освобожденію скульптуры отъ условности и косности предшествовавшаго періода и создали особый пластическій стиль, техника котораго умѣла находить средства для выраженія настроеній, какія воодушевляли художника. Но на этомъ не остановился средневѣковый скульпторъ. Главною своею задачею онъ ставилъ, при помощи этихъ отдѣльныхъ статуй, выразить сложный кругъ идей. Все, что схоластика развила въ построенной ею догматической системѣ, основанной на глубокомъ изученіи Евангелія, все, что средневѣковая мистерія представляла въ дѣйствіи,—все это выразилъ рѣзецъ ваятеля на порталахъ и фасадахъ собора. Грѣхопаденіе и искупленіе составляютъ главную тему изображеній. Съ новозавѣтными событіями сопоставляются событія ветхаго завѣта; рядомъ съ изобра-

Табл. V.

СКУЛЬПТУРА

XIII ВѢКА.



II





III



IV

I. Богоматерь (La Vierge dorée).
(Амьенскій соборъ).
II. Христіанская церковь.
III. Синагога.
IV. Неразумная дѣва.
V. Мудрая дѣва.
(Страсбургскій соборъ).



V

ГОТИЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА.

СКУЛЬПТУРА

XIII ВѢКА.



II





III



IV



V

I. Богоматерь (La Vierge dorée)
(Амьенскій соборъ).
II. Христіанская церковь.
III. Синагога.
IV. Неразумная дѣва.
V. Мудрая дѣва.
(Страсбургскій соборъ).

ГОТИЧЕСКАЯ СКУЛЬПТУРА.

женіями Христа, апостоловъ и святыхъ выступаютъ характерныя фигуры патріарховъ и пророковъ, аллегорическія изображенія христіанской церкви и синагоги (см. табл. V). Къ этому присоединяются изображенія временъ года и соотвѣтствующихъ имъ работъ и занятій науками и искусствами, даже забавъ и удовольствій. Такъ все приводится въ непосредственное отношеніе къ основной мысли и образно выражаетъ дѣйствіе Божественнаго промысла на землѣ. Въ этихъ сотняхъ статуй развертывается цѣлая энциклопедія знанія, вся сумма религіозныхъ вѣрованій эпохи, выраженныхъ символически. Эти символы служатъ для того, чтобы выразить глубочайшія мысли въ живомъ, ясномъ пластическомъ образѣ, безъ тяжелыхъ схоластическихъ формъ, и сдѣлать тѣмъ самымъ ихъ достояніемъ многихъ.


Рис. 49. Надгробный памятникъ архіепископа фонъ-Аспельта въ Майнцскомъ соборѣ.

Рядомъ съ выраженіемъ этихъ идей, врывается въ скульптуру собора и остроуміе, и морализующій юморъ, и жгучіе интересы эпохи. Часто мы видимъ сцены изъ Рейнеке-Лиса, рыцарскихъ пѣсенъ, романовъ, легендъ, мистерій и сказокъ. Мы видимъ ворону въ вѣтвяхъ дерева, подъ которымъ сидитъ лиса; аиста, который изъ пасти волка тащитъ кость; лисицу, проповѣдующую курамъ; осла, читающаго, учащаго, играющаго на арфѣ и въ шахматы, въ монашескомъ клобукѣ или совсѣмъ въ одеждѣ духовныхъ. На надгробномъ памятникѣ архіепископа Петра фонъ-Аспельта въ Майнцскомъ соборѣ скульпторъ XIV вѣка изобразилъ покойнаго представителя папы возлагающимъ короны на германскихъ королей Генриха VII, Людовика Баварскаго и Іоанна Богемскаго и, чтобы еще нагляднѣе сдѣлать превосходство духовной власти надъ свѣтскою, фигуры королей представилъ въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ (рис. 49). Другое теченіе отразилъ скульпторъ на паперти монастыря въ

Лаахѣ: діаволъ держитъ передъ пеликаномъ, символизирующимъ церковь, свитокъ, на которомъ написано „Peccata Romae"—грѣхи Рима.

Любовь къ фантастическому, которая въ жизни высказывалась даже въ духовныхъ мистеріяхъ въ формѣ грубыхъ, часто непристойныхъ фарсовъ, вошла въ скульптуру собора, который служилъ отраженіемъ всей жизни эпохи. Эта любовь къ фантастическому нашла себѣ проявленіе и въ причудливыхъ фигурахъ (рис. 50), и



Рис. 50. Фантастическая фигура съ крыши собора Парижской Богоматери.

въ забавныхъ формахъ, которыя давались рыльцамъ водосточныхъ трубъ, далеко выдвинувшихъ свои пасти, чтобы отбросить дальше отъ стѣнъ стекающую съ крутыхъ крышъ собора воду.

Живопись готическаго стиля. На этомъ оставимъ соборъ, гдѣ познакомились мы съ архитектурой, скульптурой и отчасти въ окнахъ его съ живописью этой эпохи. Чтобы дополнить представленіе о живописи, намъ нужно взглянуть на миніатюры рукописей и иконы. Наше вниманіе должны остановить не рукописи, предназначенныя для церковнаго употребленія или набожныхъ знатныхъ особъ съ заботливо исполненными

сильными красками и золотомъ миніатюрами: эти миніатюры большею частью сдѣланы въ монастырской глуши, чуждой новыхъ теченій, и воспроизводятъ онѣ до конца XV в. древніе образцы въ старомъ романскомъ стилѣ. Намъ нужно остановиться на рукописяхъ съ рыцарскими или духовными стихотвореніями, поэтическими легендами, даже на Апокалипсисѣ, вообще на всѣхъ тѣхъ писаніяхъ, гдѣ художникъ не былъ связанъ благоговѣніемъ передъ преданіемъ и имѣетъ дѣло съ предметами, которые возбуждаютъ его чувство. Въ этихъ легкихъ очеркахъ перомъ, слегка покрытыхъ краской безъ тѣней, новая жизнь бьетъ сильной струей.



Рис. 51. Королева, слушающая менестрелей. Миніатюра XIII вѣка.

Пѣснь миннезингера, въ которой онъ пѣлъ прелесть своей дамы и прелесть весны, вела къ тому, что пониманіе внутренняго міра постепенно усиливалось, природа открывалась глазамъ. И чѣмъ болѣе рыцарская поэзія дѣлается общимъ достояніемъ, тѣмъ сильнѣе развивается пониманіе красоты человѣческаго лица, формы дѣлаются полнѣе, выраженія яснѣе, движенія живѣе. Правда, иногда лица еще угловаты, глаза слишкомъ велики, одежды съ красивыми складками слишкомъ развѣваются, ноги почти всегда очень малы, деревья и постройки долго сохраняютъ свой условный видъ. Воодушевленный текстомъ художникъ стоитъ совершенно на почвѣ поэта и отражаетъ его достоинства и недостатки въ рисункѣ—та

же неопредѣленность выраженія лицъ, какъ у поэта, такъ же нѣтъ сильныхъ характеристикъ, нѣтъ глубокаго изученья натуры, и пониманіе ея обнаруживается болѣе въ лицахъ женскихъ, чѣмъ мужскихъ, болѣе въ миловидныхъ и пріятныхъ, чѣмъ въ выражающихъ спокойное достоинство (рис. 51). Но тамъ, гдѣ требуется изобразить фантастичное, неожиданное, страстное, тамъ рисунокъ живетъ. Существенное преимущество миніатюръ этихъ рукописей



Рис. 52. Стефанъ Лохнеръ. Богоматерь съ Младенцемъ.

состоитъ въ ихъ драматической живости и выраженіи страсти, страданія. Мы часто поражены, какъ рисунокъ, при всемъ несовершенствѣ пропорцій тѣла, движеніемъ рукъ умѣетъ выразить чувства, въ извѣстный моментъ совершенно понятно и ясно.

Прежніе сюжеты изъ св. исторіи обрабатываются теперь глубже, полнѣе, къ нимъ присоединяются новые, до сихъ поръ не изображавшіеся, и здѣсь внутренняя жизнь начинаетъ сильнѣе себя заявлять, начинаетъ сильнѣе отражаться дѣйствительность.

Табл. VI.



Фототип. К. Фишеръ, въ Москвѣ.

РАТУША ВЪ БРЮССЕЛѢ.

Въ библіотекѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ есть маленькая икона начала XV вѣка, которая наглядно представляетъ переходъ, совершившійся къ этому времени отъ прежнихъ типичныхъ церковныхъ воззрѣній къ новымъ, инымъ. На этой иконѣ представленъ райскій садъ. Богоматерь сидитъ возлѣ каменнаго стола и читаетъ; на столѣ стоятъ стаканъ и плоды. Передъ Нею сидитъ одѣтый младенецъ Іисусъ посреди цвѣтовъ и играетъ на гусляхъ, которыя передъ нимъ держитъ святая. Другая святая черпаетъ воду изъ родника, третья собираетъ вишни въ большую корзину. Съ другой стороны сидятъ архангелъ Михаилъ, покойно опершись на руку, и св. Георгій. Подлѣ перваго—маленькая обезьяна, подлѣ второго лежитъ опрокинутый навзничь пораженный драконъ. Позади стоитъ, прислонившись къ дереву ухомъ, святой, весь отдавшійся слуху. Наполненный цвѣтами и птицами этотъ райскій садъ отдѣленъ отъ внѣшняго міра стѣною. То же измѣненіе настроенія прекрасно показываетъ съ менѣе сложнымъ сюжетомъ икона Кёльнскаго Музея, приписываемая Стефану Лохнеру, выдающемуся кельнскому художнику первой половины XV в.,—Божія Матерь съ младенцемъ Христомъ (рис. 52).

Свѣтская городская архитектура готическаго стиля.

Но не одни только грандіозные соборы съ стремящимися въ высь башнями характерны для эпохи готическаго стиля. Сознавшіе свою силу и значеніе горожане на площади рядомъ съ соборомъ сооружаютъ ратушу—думу, и скоро башня ратуши начинаетъ соперничать съ башней собора. Энергично и гордо она поднимается надъ городомъ, свидѣтельствуя о выросшемъ въ горожанахъ чувствѣ собственнаго достоинства, благосостояніи и силѣ. Роскошныя ратуши готическаго стиля сохранились до нашего времени въ Брюгге, Брюсселѣ, Лёвенѣ и многихъ другихъ городахъ (см. таблицу VI).

Тѣсная связь готическаго стиля съ жизнью.

Такова архитектура, скульптура и живопись эпохи готическаго стиля. Нельзя, конечно, думать, чтобы созданное въ теченіе трехъ столѣтій на всемъ пространствѣ Европы было совершенно похоже одно на другое: можно встрѣтить массу отклоненій въ нѣкоторыхъ частяхъ, то въ силу мѣстныхъ привычекъ, то въ силу слагающихся національныхъ особенностей, историческихъ преданій, то въ силу условій обработки матеріала, особеннаго назначенія зданія, стремленія къ необычайности или желанія сдѣлать архитектурную попытку. Особенно большимъ разнообразіемъ отличаются зданія той переходной эпохи, когда готическій стиль, образуясь постепенно, смѣнялъ прежній романскій. Но въ большей или меньшей степени

основныя характерныя черты стиля остаются повсюду—въ зданіяхъ гражданскихъ, религіозныхъ, частныхъ, общественныхъ; мы встрѣчаемъ ихъ даже въ оружіи, одеждѣ, мебели и другихъ принадлежностяхъ обиходной жизни, однимъ словомъ, во всемъ томъ, чего хоть слегка коснулось искусство. Эта общность стиля, охватывающая всѣ стороны художественной жизни, ясно свидѣтельствуетъ, что этотъ стиль былъ какъ бы завершеніемъ и цвѣтомъ жизни, вышедшимъ непосредственно изъ нея самой и поэтому отразившимъ наиболѣе ясно, пластически ея главныя теченія.

Н. Тарасовъ.





Рис. 53. Орнаментъ изъ Альгамбры.

МАВРИТАНСКІЙ СТИЛЬ.

(Боткинъ, В. П., Письма объ Испаніи).

Восточные и античные элементы мавританскаго стиля.

...Давно кочевали арабы въ Азіи бродячими племенами, занимаясь скотоводствомъ, земледѣліемъ и разбоемъ или нанимаясь на службу у азіатскихъ и африканскихъ владѣтелей. Въ 610 г. по Р. Х. вдругъ просыпаются они на голосъ Магомета. Неслыханный доселѣ энтузіазмъ потрясъ дикія племена пустынь; до того времени неподвижныя, они встаютъ, какъ неотразимый вихрь, разносить по всей землѣ слово пророка. Въ нѣсколько лѣтъ исламизмъ владѣетъ уже отъ береговъ Атлантическаго океана до Гангеса.

Новая религія принесла съ собой особый родъ богопочитанія, а оно создало новую форму искусства. Но тогда арабы, какъ и германцы, нахлынувшіе на римскую имперію, не имѣли никакой самостоятельной образованности и, слѣдовательно, невольно должны были взять въ образецъ тѣ формы искусства, которыя нашли въ завоеванныхъ ими странахъ. То были большею частію зданія временъ упадка римскаго зодчества; ихъ-то преимущественно исламизмъ и долженъ былъ взять себѣ въ образецъ: — онъ, также какъ и христіанство, былъ врагомъ языческаго богослуженія. Къ этому присоединился еще и собственно восточный художественный элементъ. Даже на римскихъ постройкахъ въ Азіи и Африкѣ лежалъ всегда болѣе или менѣе ощутительный восточный колоритъ, и весьма естественно, что этотъ восточный элементъ еще болѣе развился у арабовъ въ завоеваніяхъ при соприкосновеніи ихъ съ старыми образованными народами Азіи. А такъ какъ потомъ арабы

начали уже развиваться самостоятельно, то изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ, наконецъ, образовалось то, что теперь обыкновенно зовется *мавританскимъ* стилемъ.

Особенности мавританскаго стиля въ скульптурѣ и архитектурѣ.

По своему источнику, искусство магометанское находится въ близкой связи съ древнехристіанскимъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно отличается въ одномъ, а это одно такъ важно, что черезъ него именно задушено было въ самомъ зернѣ своемъ все дальнѣйшее совершенствованіе мусульманскаго искусства. Магометъ до такой степени боялся, чтобы арабы не воротились къ своему прежнему идолопоклонству, что непремѣннымъ догматомъ корана запретилъ правовѣрнымъ представлять въ живописи и ваяніи людей и животныхъ. Вотъ причина, почему эти оба искусства были пренебрежены арабами. Ихъ искусство самое любимое, самое задушевное, была поэзія. Изъ пластическихъ искусствъ оставалась имъ одна архитектура; въ ней одной принуждена была во внѣшнихъ формахъ разыгрываться пламенная фантазія ихъ. Но архитектура неразрывно связана съ религіозными идеями. Религіозныя же идеи арабовъ кружились около: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его; Богъ единъ, Богъ всемогущъ, накажетъ злыхъ, наградитъ добрыхъ". При такомъ одинокомъ догматѣ негдѣ было разыгрываться религіозному воображенію; при этомъ ни миѳовъ, ни религіозныхъ преданій—одно голое сухое единство. Вотъ отчего архитектурные памятники арабовъ далеко не соотвѣтствуютъ ихъ образованности. Архитектура имѣетъ характеръ однообразный и совершенно чужда развитія.

Впрочемъ, навсегда оставшись при однѣхъ формахъ древнехристіанскаго зодчества, арабская архитектура запечатлѣла ихъ своимъ особеннымъ характеромъ. Я имѣю здѣсь въ виду высшее выраженіе мусульманской архитектуры—ея религіозные памятники—мечети. Въ нихъ особенно замѣтны два стиля: одинъ принадлежитъ древнехристіанской базиликѣ, другой болѣе приближается къ стилю византійскому. Памятники перваго находятся въ Европѣ; второй, сдѣлавшійся потомъ общимъ мусульманскимъ, принадлежитъ Востоку. Но этимъ первообразамъ своей архитектуры арабская фантазія слѣдовала не рабски, она преобразила ихъ по-своему, примѣшавъ еще къ нимъ нѣкоторыя формы архитектуры индѣйской. Всего болѣе оригинальность арабской фантазіи выразилась въ украшеніяхъ, въ подробностяхъ, гдѣ надобно было избѣгать всякихъ опредѣленныхъ формъ и образовъ, находящихся въ природѣ. То была задача, достойная арабской фантазіи, и она чудно разрѣшила

Табл. VII.



Фотот. К. Фишеръ, въ Москвѣ.

МЕЧЕТЬ ВЪ КОРДОВѢ.

Табл. VII.



ее, создавъ свои безконечно клубящіяся и перевивающіяся вереницы линій и фигуръ, извѣстныхъ теперь подъ названіемъ арабесковъ.

Мечеть въ Кордовѣ принадлежитъ къ самымъ древнѣйшимъ постройкамъ арабовъ: она начата была въ концѣ VIII вѣка, вскорѣ послѣ завоеванія Кордовы. Первымъ дѣломъ арабовъ при завоеваніи всякаго города было тотчасъ же построить мечеть и завести школу. **Мечеть въ Кордовѣ.**

Въ противоположность другимъ народамъ, арабы какъ въ своихъ колоссальныхъ памятникахъ, такъ и въ простыхъ домахъ не только пренебрегали наружностью, но словно съ намѣреніемъ дѣлали ее какъ можно проще, какъ можно обыкновеннѣе, сосредоточивая всю роскошь украшеній на одну внутренность зданія. Такъ, наружность мечети нисколько не приготовляетъ къ тому поразительному впечатлѣнію, которое испытываешь, войдя въ нее. Вдругъ вступаешь въ лѣсъ мраморныхъ колоннъ: глаза разбѣгаются въ безчисленныхъ рядахъ ихъ, теряющихся въ сумрачной дали; рѣдкія маленькія окна едва пропускаютъ свѣтъ, такъ что полусумракъ, царствующій здѣсь, еще болѣе увеличиваетъ необыкновенность впечатлѣнія (см. табл. VII).

Верхъ этого огромнѣйшаго храма состоитъ изъ полукруглыхъ, подковою, арокъ, опирающихся на колонны изъ бѣлаго, желтаго, зеленаго мрамора, яшмы, порфира. Самымъ любимымъ украшеніемъ испанскихъ мавровъ была эта арка подковою, они расточали ее всюду. Спокойная и мягкая форма полукруга, употребляемая античнымъ и древнехристіанскимъ искусствомъ, словно не удовлетворяла ихъ: тревожный духъ восточныхъ племенъ требовалъ формы, которая представляла бы глазамъ живую игру силы, и, дѣйствительно, въ арабской аркѣ есть что-то смѣлое, игривое. Не стану говорить о прежнихъ украшеніяхъ мечети. Довольно сказать, что и теперь еще, несмотря на христіанскую передѣлку средины ея, здѣсь осталось болѣе 900 колоннъ! При арабахъ храмъ днемъ и ночью освѣщался висячими лампадами; ихъ было нѣсколько тысячъ. Ходишь словно по густому лѣсу колоннъ, разросшихся въ безчисленные, переплетающіеся своды. Онѣ не очень высоки, но чрезвычайно легки, изящны и безъ пьедесталовъ,—кажется, словно растутъ изъ земли. Колонны большею частью взяты изъ античныхъ зданій, частью сдѣланы по ихъ образцу, но съ примѣсью арабской фантазіи. Надъ ними и подъ навѣсомъ главныхъ арокъ находятся еще небольшія четырехугольныя колонки, соединенныя между собою полукруглыми маленькими дугами, и сверхъ того плоская дубовая крыша, нѣкогда украшенная роскошными рѣзными и золочеными

полусумрака залы видъ въ окна на сверкающія всею яркостью южныхъ красокъ природу, городъ и окрестности удивительно эффектенъ. Справа отъ „двора миртъ“—изящнѣйшій порталъ со множествомъ тоненькихъ, точно изъ бѣлѣйшаго воска, колонокъ ведетъ въ знаменитый „дворъ львовъ“, главный внутренній дворъ дворца (см. табл. VIII). Это обширный и продолговатый четырехугольникъ, окруженный галлереею съ частыми подковообразно согнутыми арками, опирающимися на тонкія мраморныя колонки (ихъ 168). По обѣимъ противоположнымъ сторонамъ въ длину сдѣланы два портала, гдѣ колонки сгруппированы и покрыты широкимъ фризомъ съ необыкновенною самою граціозною оригинальностью. Колонки, разсыпанныя въ какомъ-то симметрическомъ безпорядкѣ то по 4, то по 3, то по 2 вмѣстѣ, производятъ необыкновенный эффектъ игрою свѣта и тѣней подъ арками Капители колонокъ и наружная сторона галлереи покрыты мельчайшими арабесками изъ гипса, на которыхъ еще сохранились слѣды красокъ. Мавры такъ искусно умѣли составлять этотъ гипсъ, что онъ теперь крѣпче мрамора и лоснится, какъ онъ. Едва ли востокъ произвелъ что-нибудь лучше этого „двора львовъ“ по легкости, граціи и деликатности вкуса. Въ воздушности впечатлѣнія цѣлаго чувствуется характеръ подвижныхъ жилищъ пустыни, и тоненькія колонки эти по своей формѣ намекаютъ на шесты, на которыхъ укрѣпляютъ кочевые шатры. Между арабесками по фронтону галлереи идутъ арабскія надписи: „хвала Богу“, „слава нашему Повелителю“, „хвала Богу за ниспосланіе ислама“. Посреди двора (онъ 17-ти саженъ въ длину и десяти въ ширину) стоитъ „фонтанъ львовъ“—большая чаша бѣлаго, прозрачнаго мрамора, покрытая арабесками и поддерживаемая 12-ю мраморными львами; надъ ней другая, поменьше, изъ средины которой бьетъ фонтанъ, такъ что струя его падаетъ сначала въ меньшую чашу; наполнивъ ее, вода бѣжитъ въ большую и потомъ черезъ пасти львовъ падаетъ въ нижній, обширный бассейнъ (см. табл VIII). Львы сдѣланы очень дурно и не похожи ни на какихъ звѣрей, можетъ быть, отъ того, что исламизмъ запрещалъ арабамъ представленіе живыхъ существъ. Вокругъ большой чаши вырѣзаны арабскіе стихи (которые мѣстами постерлись, отчего произошли пропуски и разногласія переводчиковъ). Вотъ ихъ смыслъ. „Да будетъ благословенъ давшій Магомету-повелителю жилище это, по красотѣ своей — украшеніе всѣмъ жилищамъ человѣческимъ. Если же ты сомнѣваешься въ этомъ, то взгляни на все, тебя окружающее; ты увидишь такія чудеса, что Богъ не дозволилъ, чтобы существо-

Табл. VIII.



Фотот. К. Фишеръ, въ Москвѣ.

ЛЬВИНЫЙ ДВОРЪ ВЪ АЛЬГАМБРѢ.

десталы у нихъ низенькіе и гладкіе, а капители четырехугольныя и покрыты узорчатыми арабесками (рис. 54). Вдоль карниза галлереи идетъ арабская надпись. Въ надписи повторяются только слова Корана: „Единъ Богъ повелитель“. Среди двора—бассейнъ съ чистѣйшей водой, саженей въ 10 длины. Вьющіяся арки на тоненькихъ колонкахъ имѣютъ необыкновенный характеръ легкости, а отраженіе ихъ въ водѣ еще болѣе увеличиваетъ воздушность впечатлѣнія. По обѣимъ сторонамъ бассейна фонтаны; вокругъ онъ густо обсаженъ миртами. Предполагаютъ, что бассейнъ этотъ служилъ для омовенія гранадскимъ владѣтелямъ и присутствовавшимъ при молитвѣ во внутренней мечети дворца (теперь уже не существующей). Отъ этого „двора миртъ“ по обѣимъ сторонамъ идутъ комнаты; налѣво—башня, извѣстная подъ именемъ „Комаресъ“ отъ украшеній



Рис. 54. Капители колоннъ изъ Альгамбры.

ея въ персидскомъ вкусѣ, называвшихся у арабовъ комараки. Залы этой башни отдѣлывали нарочно выписанные персидскіе мастера. Самая большая и великолѣпная изъ нихъ называется „залою аудіенцій“. На стѣнахъ вылѣплены уже не одни изреченія изъ Корана, а цѣлыя стихотворенія, въ которыхъ восхваляется строитель этого дворца. Арабскія буквы надписей, сами похожія на арабески, совсѣмъ слиты съ украшеніями, такъ что нужно особенное вниманіе, чтобы отличить ихъ (рис. 53). Одна изъ главныхъ особенностей мавританскаго стиля—нигдѣ не поражать глаза рѣзкостью: только всмотрѣвшись хорошенько въ эти украшенія, вы увидите всю отчетливую тонкость этой миніатюрной работы. Съ перваго взгляда кажется, будто потолокъ и стѣны обтянуты персидскими коврами или вышитыми по канвѣ обоями съ мельчайшимъ рисункомъ. Изъ

Табл. VIII.



[illegible]

вали равныя имъ даже и въ самихъ храмахъ. Эта масса прозрачныхъ перловъ блеститъ и сіяетъ въ паденьи своемъ. Посмотри на воду и посмотри на чашу: невозможно отличить, вода ли стоитъ неподвижно, или то струится мраморъ...“.

Внутри одной изъ галлерей сзади портика, на потолкѣ есть картина, въ которой на позолоченномъ фонѣ представлена битва 4-хъ мавританскихъ рыцарей съ 4-мя кастильскими. Въ смежной комнатѣ есть еще 2 картины тоже на потолкѣ: на одной нарисованы мавры, сидящіе кружкомъ, на другой—сцена охоты за кабанами. Вѣроятно, онѣ писаны какимъ-нибудь христіанскимъ художникомъ, потому что Коранъ строго запрещалъ изображать людей, угрожая, что на томъ свѣтѣ написанные люди будутъ себѣ требовать душъ у писавшихъ ихъ. По рисунку картины, кажется, надобно отнести къ XIV вѣку, и замѣчательны онѣ только въ томъ отношеніи, что андалузскіе мавры, несмотря на запрещеніе Корана, имѣли однакожъ у себя картины. По обѣимъ сторонамъ „двора львовъ“ находятся двѣ большія комнаты, называемыя: одна — „залою сестеръ“, другая—залою Абенсерраховъ. Полъ въ „залѣ сестеръ“ состоитъ изъ двухъ огромныхъ мраморныхъ плитъ, которыя почему-то вздумалось назвать „сестрами“. Нижняя часть ея четырехугольная; по стѣнамъ—мозаики, между которыми въ медальонахъ сдѣланы гербы гренадскихъ владѣтелей. Верхъ восьмиугольный, оканчивающійся изящнѣйшимъ куполомъ, покрытымъ самою фантастическою лѣпною работой въ родѣ сталактитовъ и углубленій, какія бываютъ въ пчелиныхъ ульяхъ [1]). Все это было тщательно раскрашено синею и пунцовою красками съ позолотою... Свѣтъ проходитъ въ 8 маленькихъ оконъ, сдѣланныхъ въ куполѣ между углубленіями лѣпныхъ украшеній и проходитъ такъ эффектно, придаетъ такую необычайную воздушность куполу и стѣннымъ арабескамъ, что вся комната кажется сотканною изъ разноцвѣтныхъ кружевъ. Отсюда крытая галлерея ведетъ въ женскую половину дворца—во внутреннія комнаты гарема и спальни его, сдѣланныя въ землѣ, съ мраморными ванными, альковами для постелей и неразлучными фонтанами. Свѣтъ сюда проникаетъ сквозь маленькія отверстія сверху, такъ что въ нихъ была постоянная прохлада и сумракъ, столь любимый восточною нѣгой... Въ мраморномъ полу бельведера одной изъ башенъ продѣланы маленькія скважинки, сквозь которыя проходилъ дымъ сожигаемыхъ внизу ароматныхъ куреній: ясно, что обита-

---

[1]) Подобный потолокъ см. на табл. VIII.

тели такихъ комнатъ жили только для сладкихъ чувственныхъ ощущеній.

Характеръ мавританской архитектуры. Мавританская архитектура совершенно чужда того характера величія, какой отличаетъ античное искусство; вся прелесть ея въ капризной изящности формъ, въ эффектномъ освѣщеніи, въ обиліи и нѣжности украшеній, всегда заключенныхъ въ самой грубой оболочкѣ, какова обыкновенно наружность ихъ зданій. Мавританскую архитектуру обыкновенно называютъ подражаніемъ римской и византійской. Дѣйствительно, внутреннее расположеніе мавританскихъ домовъ отчасти сходно съ римскими, гдѣ также внутренніе дворики играли главную роль. Свои арки съ колонками могли они заимствовать у византійцевъ. Но у арабовъ арка имѣетъ совсѣмъ другое назначеніе, и, кажется, въ этомъ-то всего больше является особенность мавританской архитектуры; а въ архитектурѣ всего больше отражается народный характеръ. У византійцевъ арка несетъ на себѣ верхнюю часть зданія, у арабовъ она служитъ только однимъ украшеніемъ, потому что у нихъ верхъ зданія держится не на аркахъ, а на однѣхъ колоннахъ (см. табл. VII и VIII). Арка у арабовъ только для красоты, для ласканья глазъ. По самой своей подковообразной формѣ, эта арка безсильна что-нибудь держать на себѣ. У архитекторовъ арабскихъ, кажется, была только одна цѣль—придать всему характеръ легкости и какъ бы безпрестанно напоминать о кочевомъ шатрѣ пустынь. Въ этомъ именно и состоитъ величайшая оригинальность мавританской архитектуры, ея коренное отличіе отъ всѣхъ другихъ архитектурныхъ стилей. Существенный характеръ ея—необыкновенная легкость и капризъ, пренебрегающій всѣми законами и правилами зодчества. Вѣроятно, отсюда происходитъ и такая непрочность ихъ зданій. Въ самомъ дѣлѣ, ни малѣйшаго чувства долговѣчности, даже прочности не пробуждаютъ зданія арабовъ: это легко, это воздушно, это удивительно изящно, но все это, кажется, тотчасъ разлетится, какъ миражъ.

XLVIII.

Болгарская письменность.

Въ 862 г. прибыло въ Царьградъ посольство князей Моравіи и Панноніи Ростислава, Святополка и Коцела съ просьбой къ императору и патріарху о присылкѣ въ эти земли учителя христіанской вѣры, который на славянскомъ языкѣ, понятномъ народу, проповѣдывалъ бы христіанское ученіе. Императоръ и патріархъ избрали для этой цѣли славнаго ученаго миссіонера Константина Философа съ братомъ его Меѳодіемъ, какъ людей, знавшихъ славянскій языкъ, ибо они были родомъ изъ Солуни, гдѣ тогда всѣ умѣли говорить по-славянски. Принимая на себя это порученіе, Константинъ Философъ заявилъ, что невозможно проповѣдывать и утверждать христіанство только путемъ устной проповѣди; для этого необходима письменность на томъ языкѣ, на которомъ происходитъ проповѣдь. Съ этимъ согласилось и византійское правительство, но такъ какъ по справкамъ оказалось, что у славянъ письменности нѣтъ, то Константинъ Философъ получилъ новое порученіе—составить славянскую азбуку и примѣнить ее къ дѣлу. Константинъ Философъ тогда же взялся за осуществленіе этого порученія вмѣстѣ со своими сотрудниками, удачно его выполнилъ и уже въ Царьградѣ приступилъ къ переводу на славянскій языкъ Евангелія: „Искони бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу“—вотъ первыя слова, написанныя на славянскомъ языкѣ. Такъ положено было начало славянской письменности, по разсказу біографа Константина Философа, принадлежавшаго, вѣроятно, къ числу непосредственныхъ его учениковъ.

Начало славянской письменности.

Въ Моравіи и Панноніи Константинъ и Меѳодій, вмѣстѣ со своими сотрудниками, какъ взятыми изъ Константинополя, такъ и набранными на мѣстѣ своей новой дѣятельности, успѣли многое перевести съ греческаго языка на славянскій. Переведены были необходимыя для богослуженія части Ветхаго и Новаго завѣта, суточное богослуженіе, молитвы при совершеніи таинствъ и важнѣйшихъ обрядовъ, „книги отечныя", или собраніе повѣстей о христіанскихъ подвижникахъ. Были переведены и нѣкоторыя другія книги, напр., Меѳодій переводилъ обширное сочиненіе брата своего Константина Философа, содержавшее его полемическія бесѣды съ еретиками, магометанами и іудеями при его прежнихъ миссіонерскихъ хожденіяхъ.

Славянское богослуженіе въ Болгаріи. Въ періодъ времени отъ 862 г. до 885 г.—года смерти Меѳодія, возникла такимъ образомъ на славянскомъ языкѣ весьма значительная церковная литература, и образовался литературный славянскій языкъ, которые на много вѣковъ сдѣлались достояніемъ всѣхъ славянъ, усвоившихъ христіанство отъ греческихъ миссіонеровъ и сохранившихъ его, т. е. у всѣхъ православныхъ славянъ. Но это сдѣлалось возможнымъ только потому, что продолжатели дѣла Константина и Меѳодія нашли радушный пріемъ и благопріятную почву въ Болгаріи. По смерти Константина Философа, принявшаго въ монашествѣ имя Кирилла, а особенно по смерти Меѳодія, вслѣдствіе измѣнившихся внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, введенное славянскими просвѣтителями на обширномъ пространствѣ земель, входившихъ тогда въ составъ Моравскаго государства, славянское богослуженіе подверглось гоненію, его стало вытѣснять богослуженіе на латинскомъ языкѣ, за которое стояло нѣмецкое духовенство, находившее сочувствіе у князя Святополка и поддерживаемое нѣмецкими королями. Многіе ученики и сотрудники Меѳодія должны были удалиться за предѣлы Моравскаго государства и разойтись по сосѣднимъ славянскимъ землямъ. Важнѣйшіе изъ учениковъ славянскихъ первоучителей ушли за Дунай въ Болгарію и были радушно приняты болгарскимъ княземъ Борисомъ.

Болгарія тогда была самымъ сильнымъ изъ всѣхъ принявшихъ христіанство славянскихъ государствъ. Русское и Польское племена были еще въ язычествѣ, сербы не имѣли государственнаго единства и самостоятельности и только-что приняли христіанство, Моравское государство подверглось сильному политическому и церковному вліянію нѣмцевъ и вскорѣ было разрушено вторженіемъ мадьяръ.

Болгаре приняли христіанство отъ грековъ во главѣ со своимъ княземъ Борисомъ въ 865 году. Богослуженіе сначало совершалось, по всей вѣроятности, на греческомъ языкѣ, такъ какъ объ употребленіи славянскаго языка въ богослуженіи извѣстій нѣтъ, да и духовенство въ началѣ было изъ грековъ. Но болгаре, какъ и славяне Моравіи и Паннонiи, конечно, должны были предпочесть богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Прибывшіе изъ Моравіи ученики Меѳодія: Климентъ, Гораздъ, Ангеларій, Савва и Наумъ нашли радушный пріемъ и стали въ Болгаріи дѣлать то же самое, что и въ Моравіи, т. е. вводить славянское богослуженіе и обучать славянской грамотѣ болгаръ. Въ Болгаріи легче, чѣмъ въ какой-либо другой славянской странѣ, могли найтись хорошіе сотрудники и преемники въ дѣлѣ распространенія и утвержденія славянскаго богослуженія и письменности. Изъ греческаго пространнаго житія епископа Климента знаемъ, что онъ, а по другимъ извѣстіямъ, и его сотрудники развивали свою дѣятельность въ теперешней Македоніи и южной Албаніи, въ мѣстахъ, которыя находились неподалеку отъ родины Кирилла и Меѳодія, значитъ, въ такой области, гдѣ славянскій языкъ въ употребленіи былъ тотъ самый, которымъ говорили Кириллъ и Меѳодій и который составилъ, конечно, основной элементъ церковно-славянскаго литературнаго языка. Здѣсь всего легче можно было распространять славянскую грамоту и письменность. Здѣсь же легче, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ Болгаріи, могли найтись ревностные послѣдователи христіанства, такъ какъ эти области незадолго передъ тѣмъ пріобрѣтены были болгарами, а ранѣе входили въ составъ Византійской имперіи, и, несомнѣнно, христіанство существовало здѣсь и до формальнаго крещенія Болгаріи при Борисѣ. Населеніе Болгаріи, особенно тѣхъ областей, которыя находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ византійскими владѣніями, несомнѣнно было болѣе развито, чѣмъ какое-либо другое славянское племя; среди этого населенія могло найтись не мало такихъ славянъ, которые знали по-гречески, а, можетъ быть, и такихъ, которые могли получить и греческое образованіе. Этимъ объясняется то важное обстоятельство, что славянская письменность, литература, основанная образованнѣйшимъ среди тогдашнихъ грековъ Константиномъ Философомъ, не только не заглохла въ Болгаріи, но получила быстрое и сильное развитіе. Нужно также имѣть въ виду и то обстоятельство, что примѣръ и поощреніе въ литературныхъ трудахъ подавали представители власти. Преемникъ Бориса, сынъ его Симеонъ, былъ человѣкъ обра-

зованный. Въ молодости онъ долго жилъ при византійскомъ дворѣ въ качествѣ заложника и получилъ тамъ и литературное образованіе. Впослѣдствіи онъ переписывался съ византійскими министрами на греческомъ языкѣ и состязался съ ними въ риторическомъ искусствѣ. Славянскіе современники прославляютъ его, какъ великаго книголюбца, который собиралъ библіотеку, поощрялъ литературные труды и самъ принималъ въ нихъ участіе, какъ. напр., въ составленіи сборника „Златоструй“, содержащаго выборку нравоучительныхъ словъ преимущественно изъ сочиненій Іоанна Златоуста.

Упадокъ Болгаріи. Вѣкъ болгарскаго царя Симеона (893 — 927) — золотой вѣкъ болгарской письменности. Но, къ сожалѣнію, онъ былъ непродолжителенъ. Развитіе болгарской литературы стояло въ тѣсной связи съ политической исторіей Болгаріи, которая испытала много превратностей. Между Болгаріей и Византіей происходила ожесточенная борьба. Болгарское государство образовалось на территоріи, составлявшей часть Византійской имперіи. Хотя Византія и признавала независимость Болгаріи, но никогда не отказывалась отъ своихъ прежнихъ правъ на нее. Съ другой стороны, болгарскій князь Симеонъ, производя новыя завоеванія въ предѣлахъ Византійской имперіи, заявлялъ притязаніе на титулъ царя, но не только болгаръ, но и грековъ; онъ стремился даже утвердиться въ Константинополѣ и занять престолъ византійскихъ императоровъ. Такія притязанія, конечно, были не подъ силу болгарскому народу и только ожесточали грековъ, которые, превосходя болгаръ въ культурномъ отношеніи, имѣли на нихъ сильное вліяніе, какъ это обнаружилось при преемникѣ Симеона Петрѣ (927 — 968). Ослабленная войнами съ греками, внутренними несогласіями и походами русскаго князя Святослава Игоревича, Болгарія въ началѣ XI вѣка въ борьбѣ съ греками лишилась своей политической независимости и династіи; окончательное пораженіе нанесено было императоромъ Василіемъ, получившимъ прозваніе Болгаробойцы, въ 1019 году.

Потеря политической независимости повлекла за собой упадокъ славянской церкви и литературы. Хотя самостоятельность (автокефальность) болгарской церкви съ архіепископомъ въ Охридѣ (въ Македоніи) сохранилась, но высшее духовенство назначалось изъ грековъ. Такимъ образомъ, славянская литература не могла найти поддержки ни у высшаго духовенства, ни у династіи, которая была уничтожена.

Нѣкоторое возрожденіе болгарской литературы совершилось

XLVIII.

Болгарская письменность.

Начало славянской письменности.

Въ 862 г. прибыло въ Царьградъ посольство князей Моравіи и Паннонiи Ростислава, Святополка и Коцела съ просьбой къ императору и патріарху о присылкѣ въ эти земли учителя христіанской вѣры, который на славянскомъ языкѣ, понятномъ народу, проповѣдывалъ бы христіанское ученіе. Императоръ и патріархъ избрали для этой цѣли славнаго ученаго миссіонера Константина Философа съ братомъ его Меѳодіемъ, какъ людей, знавшихъ славянскій языкъ, ибо они были родомъ изъ Солуни, гдѣ тогда всѣ умѣли говорить по-славянски. Принимая на себя это порученіе, Константинъ Философъ заявилъ, что невозможно проповѣдывать и утверждать христіанство только путемъ устной проповѣди; для этого необходима письменность на томъ языкѣ, на которомъ происходитъ проповѣдь. Съ этимъ согласилось и византійское правительство, но такъ какъ по справкамъ оказалось, что у славянъ письменности нѣтъ, то Константинъ Философъ получилъ новое порученіе—составить славянскую азбуку и примѣнить ее къ дѣлу. Константинъ Философъ тогда же взялся за осуществленіе этого порученія вмѣстѣ со своими сотрудниками, удачно его выполнилъ и уже въ Царьградѣ приступилъ къ переводу на славянскій языкъ Евангелія: „Искони бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу“—вотъ первыя слова, написанныя на славянскомъ языкѣ. Такъ положено было начало славянской письменности, по разсказу біографа Константина Философа, принадлежавшаго, вѣроятно, къ числу непосредственныхъ его учениковъ.

такъ и переводныхъ памятниковъ; по большей части неизвѣстны также и имена трудившихся надъ ними лицъ. При общности основного литературнаго языка для болгаръ, сербовъ и русскихъ иногда не легко опредѣлить, гдѣ появился тотъ или другой памятникъ первоначально. Многія произведенія, появившіяся въ Болгаріи, сохранились только въ сербскихъ или русскихъ списках. Возможны и такіе случаи, когда дошедшій до насъ памятникъ въ рукописи болгарской есть позднѣйшая копія съ русскаго или сербскаго памятника. Поэтому затруднительнымъ является и точное распредѣленіе памятниковъ въ ихъ происхожденіи по народностямъ. Впрочемъ, это и не представляетъ иногда большой важности въ виду однородности и даже тожественности культурныхъ началъ у всѣхъ православныхъ славянъ.

Вызванная потребностями христіанства славянская письменность естественно вся носитъ христіанско-религіозный характеръ и въ своемъ содержаніи не можетъ поэтому представлять оригинальности. Христіанство пришло къ славянамъ изъ Византіи, гдѣ существовала уже огромнѣйшая многовѣковая христіанская литература, явившаяся теперь непосредственнымъ источникомъ и образцомъ литературы славянской. Нужно было для славянъ умѣнье выбрать на этомъ обширномъ полѣ, гдѣ посреди пшеницы немало было и плевелъ, наиболѣе необходимое и наиболѣе цѣнное для новообращеннаго народа. Болгарская письменность въ этомъ смыслѣ представляетъ замѣчательное явленіе: изъ обзора ея увидимъ, что среди болгаръ нашлись люди, которые довольно удачно выбирали матеріалъ и предлагали его въ хорошо обработанномъ видѣ. Конечно, не могло быть выдержанной системы и равномѣрности, но въ общемъ замѣтно стремленіе дать наиболѣе цѣнное и необходимое.

Книги религіознаго содержанія. Прежде всего нужно и важно было имѣть на славянскомъ языкѣ Священное Писаніе. Дѣло это въ значительнѣйшей мѣрѣ исполнено было уже при Кириллѣ и Меѳодіи, но продолжалось и потомъ: дѣлались дополненія и исправленія перевода библейскихъ книгъ. Дѣлались переводы не только одного текста книгъ Священнаго Писанія, но и толкованій на нихъ отцовъ церкви. Продолжали пополняться переводы богослужебныхъ книгъ, содержащихъ молитвы, пѣснопѣнія и чтенія. Переводилось очень много житій святыхъ, сказаній о мученикахъ христіанскихъ и духовныхъ легендъ какъ въ видѣ отдѣльныхъ памятниковъ, такъ и въ составѣ спеціальныхъ сборниковъ, напр., миней-четьихъ, патериковъ. Эта литература,

проникнутая нерѣдко истинной поэзіей, доставляла обильный матеріалъ не только для церковнаго, но и для домашняго чтенія.

Для церковной проповѣди византійская литература представляла неисчерпаемый источникъ; мы встрѣчаемъ переводы произведеній этого рода въ большомъ изобиліи, рано появляются и самостоятельные опыты. Такъ еп. Климентъ составляетъ торжественныя и похвальныя слова на важнѣйшіе христіанскіе праздники, пресвитеръ и потомъ епископъ Константинъ выбираетъ изъ сочиненій І. Златоуста и другихъ отцовъ церкви бесѣды на евангельскія чтенія въ церкви въ воскресные дни на цѣлый годъ, приспособляя этотъ матеріалъ къ потребностямъ новообращенныхъ. При участіи царя Симеона составляется замѣчательный сборникъ „Златоструй“, содержащій по преимуществу выборку нравоучительныхъ отдѣловъ изъ бесѣдъ І. Златоуста. Переводится не мало и другихъ словъ Златоуста, напр., сборникъ „Андріатисъ“, содержащій собраніе словъ знаменитаго проповѣдника къ антіохійскому народу по поводу низверженія статуй Өеодосія. Дошло немало поученій безыменныхъ, которыя несомнѣнно переведены были въ Болгаріи въ очень раннее время.

Іоаннъ, экзархъ болгарскій.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей вѣка царя Симеона былъ пресвитеръ Іоаннъ, экзархъ болгарскій (т. е. уполномоченный отъ болгарскаго патріарха—наблюдатель за духовными дѣлами). Онъ оставилъ нѣсколько обширныхъ трудовъ, въ предисловіяхъ къ которымъ объясняетъ ихъ задачи и характеръ. Зная, что трудами Кирилла и Меѳодія переведено на славянскій языкъ Священное Писаніе, Іоаннъ экзархъ рѣшился заняться переводомъ „учительскихъ сказаній“, поощряемый въ этомъ дѣлѣ однимъ знатнымъ черноризцемъ Дуксомъ, который указывалъ на то, что первая обязанность священника есть учительство. „Учительскими сказаніями“ экзархъ называетъ руководства по наукамъ. Онъ прежде всего и перевелъ руководство по догматическому богословію, лучшее изъ существовавшихъ въ греческой литературѣ, именно знаменитую книгу св. Іоанна Дамаскина „О правѣй вѣрѣ“—богословскую систему, послужившую образцомъ для всего позднѣйшаго христіанскаго богословія. Іоаннъ экзархъ вполнѣ сознавалъ трудность перевода глубокаго и отвлеченнаго по содержанію своему сочиненія,—перевода на языкъ, не имѣвшій еще никакой литературы. Но помимо содержанія книги, трудности перевода происходили и отъ свойствъ языка. Вотъ какъ Іоаннъ экзархъ въ предисловіи излагаетъ свой взглядъ на трудъ переводчика: „Молю и прошу

васъ... извинять меня, гдѣ, по вашему мнѣнію, окажется, что я различно переводилъ одни и тѣ же слова, ибо не можетъ греческій языкъ переводиться на другой всегда одинаково; то же бываетъ при переводѣ и со всякаго другого языка. Слово, красивое въ одномъ языкѣ, въ другомъ не красиво, страшное въ одномъ, въ другомъ не страшно, имѣющее въ одномъ языкѣ хорошій смыслъ, въ другомъ имѣетъ дурной. Въ одномъ языкѣ слово мужескаго рода, въ другомъ—женскаго, напр., греческія слова „ватрахосъ“ и „потамосъ“ мужескаго рода, а славянскія слова „жаба“ и „рѣка“—женскаго и т. д. Нельзя вездѣ обращать вниманіе только на греческое *слово*, но нужно наблюдать *смыслъ*; если случится иногда по гречески имя муж. рода, а по-славянски женскаго рода, и при этомъ перевести словомъ мужескаго же рода, какъ въ греческомъ, то переводъ обратится въ великое искаженіе. Вслѣдствіе этого и мы, отказываясь иногда отъ тожества въ словахъ, наблюдали тожество смысла, ибо ради смысла переводимъ эти книги, а не ради тожества въ словахъ“. Сознательное и разумное отношеніе Іоанна экзарха къ дѣлу перевода сказалось и въ томъ, что онъ не сполна перевелъ сочиненіе Дамаскина (изъ 100 главъ только 48), выпустивъ тѣ главы, въ которыхъ излагаются тонкости разногласій монофизитовъ и моноѳелитовъ.

Кромѣ „Богословія“, въ рукописяхъ приписывается Іоанну экзарху переводъ „Философскихъ главъ“ или „Діалектики“ Іоанна Дамаскина (составленной по Аристотелю) и книги „Объ осмихъ частѣхъ слова“, или „Грамматики“, приписываемой тому же Іоанну Дамаскину. Такимъ образомъ, Іоаннъ экзархъ въ этихъ своихъ переводахъ далъ руководства по тремъ важнѣйшимъ наукамъ—богословію, философіи и грамматикѣ.

Тому же Іоанну экзарху принадлежитъ обширное сочиненіе „Шестодневъ“, или объясненіе библейскаго разсказа о шести дняхъ творенія міра, при чемъ сообщаются разнообразныя свѣдѣнія и мнѣнія о Божествѣ, ангелахъ, мірѣ и человѣкѣ. Іоаннъ экзархъ воспользовался однородными трудами на греческомъ языкѣ Василія Великаго, Северіана Гевальскаго и другихъ христіанскихъ писателей, а также сочиненіями Аристотеля, преимущественно по естественной исторіи, при чемъ полемизируетъ съ послѣднимъ по нѣкоторымъ вопросамъ. Это сочиненіе Іоанна экзарха, основанное на авторитетныхъ греческихъ писателяхъ и содержащее много интересныхъ свѣдѣній о Божествѣ, природѣ и человѣкѣ, проникнуто все одной мыслью—прославленія величія Божія, обнаруживающагося въ твореніи.

Въ рукописяхъ есть указанія, что Іоанну экзарху принадлежитъ переводъ обширныхъ и интересныхъ житій св. Антонія Великаго и св. мученика Панкратія. Съ именемъ Іоанна экзарха извѣстно также церковное „Слово на Преображеніе Господне".

Трудамъ Іоанна экзарха принадлежитъ весьма важное значеніе: по своему содержанію, они доставили обширный образовательный матеріалъ, а по изложенію много содѣйствовали выработкѣ славянскаго литературнаго языка; благодаря хорошему знанію греческаго языка и здравымъ воззрѣніямъ на задачи переводчика, многіе, употребленные экзархомъ научные термины и слова для выраженія отвлеченныхъ понятій, не только вошли въ церковно-славянскій литературный языкъ, но сохранились и до настоящаго времени въ литературномъ языкѣ русскомъ.

Подобное же значеніе въ выработкѣ славянскаго литературнаго языка имѣютъ и другіе переводы глубокихъ по содержанію сочиненій греческихъ отцовъ церкви, появившіеся въ то время; таковы, напр., переводы огласительныхъ поученій Кирилла Іерусалимскаго и четырехъ словъ Аѳанасія Александрійскаго противъ аріанъ, переводъ послѣднихъ принадлежитъ упомянутому уже Константину Пресвитеру и отличается замѣчательною ясностью языка, несмотря на отвлеченность содержанія, требовавшаго составленія и примѣненія множества новыхъ словъ.

Стихотворные опыты.

Тому же Константину Пресвитеру принадлежитъ опытъ сочиненія стиховъ на славянскомъ языкѣ по образцу греческихъ, именно въ стихахъ написанъ имъ „Прологъ" къ его „Учительному Евангелію". Греки того времени въ теоріи стихотворства держались старой метрической системы, но на дѣлѣ должны были ее видоизмѣнять и искажать, такъ какъ греческій языкъ къ тому времени утратилъ количество, т. е. долготу или краткость гласныхъ звуковъ, принимались въ расчетъ не звуки, а буквы; размѣръ стиховъ сводился къ извѣстному числу слоговъ въ стихѣ, особенно употребителенъ былъ шестистопный ямбъ или двѣнадцатисложный стихъ. Такимъ стихомъ написанъ и „Прологъ" Константина Пресвитера. Начальные буквы стиховъ представляютъ акростихъ — славянскій алфавитъ; въ счетъ слоговъ входятъ буквы ъ, ь и й, впослѣдствіи утратившія значеніе гласныхъ звуковъ. Свойства славянскаго языка въ расчетъ приняты не были, какъ не были они приняты и въ переводѣ греческой грамматики Іоанна Дамаскина. Этимъ объясняется, что искусственное стихотворство въ славянской литературѣ не привилось, хотя извѣстны опыты и помимо

„Пролога“ Константина Пресвитера, напр., похвала болгарскому царю Симеону, принадлежащая неизвѣстному автору и помѣщенная въ видѣ послѣсловія къ переводному энциклопедическому сборнику, извѣстному подъ названіемъ „Святославова сборника 1073 года“. Эта русская рукопись XI вѣка представляетъ, однако, лишь копію съ переводнаго труда, появившагося въ Болгаріи при царѣ Симеонѣ. Сборникъ этотъ принадлежитъ къ числу весьма замѣчательныхъ памятниковъ древнѣйшаго періода болгарской письменности, содержа большое число цѣльныхъ статей и отрывковъ догматическаго, дидактическаго, философско-схоластическаго и историческаго содержанія, принадлежащихъ разнымъ византійскимъ писателямъ.

Историческія сочиненія. Видное мѣсто занимаютъ въ болгарской письменности переводныя историческія сочиненія. Переводились византійскія хроники, излагавшія исторію человѣчества отъ Адама до позднѣйшихъ временъ по четыремъ великимъ монархіямъ. Сюда относятся хроники Іоанна Малалы, Георгія Амартола (переведенная вторично въ Сербіи) и Симеона Метафраста, а также краткій перечень византійскихъ императоровъ патріарха Никифора. Въ періодъ второго болгарскаго царства въ XIV вѣкѣ была переведена хроника Манассіи, снабженная интересными замѣтками болгарскаго переводчика. Извѣстенъ еще переводъ „Паралипоменона Зонары“, но онъ былъ сдѣланъ въ Сербіи. Изъ этихъ сочиненій славянскіе читатели могли почерпать довольно обильныя свѣдѣнія по всеобщей исторіи, но въ Болгаріи историческая литература не развилась. Переводными трудами по исторіи обильно воспользовались составители русскихъ лѣтописей и разнообразныхъ компиляцій по всеобщей исторіи, извѣстныхъ подъ именемъ „хронографовъ“.

На ряду съ сочиненіями историческими въ собственномъ смыслѣ переводились и историческія повѣсти. Важнѣйшія между ними — повѣсть о Троянской войнѣ и Александрія, или повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ. Повѣсть о Троянской войнѣ основана не на поэмахъ Гомера, а на позднѣйшихъ сухихъ компиляціяхъ, извѣстныхъ съ именами Дактиса — грека съ острова Крита — и Дарета — троянца. Сказанія о Троѣ входятъ въ составъ содержанія хроникъ Малалы и Манассіи, но въ послѣдней помѣщается, сверхъ того, особая, совершенно отличная повѣсть, въ языкѣ которой есть указанія на ея западное происхожденіе. Повѣсть о Троѣ при перепискѣ не вызвала значительныхъ переработокъ. — Древнѣйшіе списки сказанія объ Александрѣ Македонскомъ встрѣчаются въ рукописяхъ хроники Малалы. Повѣсть эта есть переводъ съ гре-

ческаго сочиненія, ложно приписываемаго сподвижнику Александра Каллисѳену и потому извѣстна подъ именемъ Псевдокаллисѳена. Первоначальный славянскій переводъ впослѣдствіи, въ Россіи, подвергался не разъ переработкамъ, что свидѣтельствуетъ о популярности этой повѣсти. Она интересовала читателя не только личностью героя, обрисованной симпатичными чертами въ христіанскомъ духѣ, но и разсказами о диковинкахъ и чудесахъ Востока, встрѣчающихся на пути Александру, который все хочетъ узнать, все изслѣдовать. У сербовъ появился впослѣдствіи переводъ сказанія объ Александрѣ Македонскомъ въ другой редакціи, которая сдѣлалась еще болѣе популярною среди русскихъ читателей и стала вытѣснять первую.

Дидактическія сочиненія.

Какъ въ византійской литературѣ, такъ и въ старо-славянской былъ чрезвычайно богатъ отдѣлъ дидактическихъ сочиненій въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Переводились сочиненія, написанныя въ формѣ „поученій" и „наставленій" отца къ сыну, какъ безымянныя, такъ и принадлежащія извѣстнымъ лицамъ, систематическіе сборники наставленій и разсужденій о добродѣтеляхъ и порокахъ (напр., Пандектъ Антіоха, Лѣствица Іоанна Синайскаго), сборники афоризмовъ и изреченій такого же характера (съ именами Соломона, Іисуса—сына Сирахова, Исихія, Геннадія), и не только библейскихъ и христіанскихъ лицъ, но и языческихъ, напр., Менандра Мудраго.

Въ большомъ ходу былъ сборникъ (извѣстный въ различныхъ редакціяхъ) подъ названіемъ „Пчела, рѣчи и мудрости отъ евангелія, апостола, святыхъ мужей и внѣшнихъ философовъ". Дидактическій характеръ имѣли также нѣкоторыя повѣсти восточнаго происхожденія; таковы: Стефанитъ и Ихнилатъ, Варлаамъ и Іоасафъ, Акиръ Премудрый. Первая изъ этихъ повѣстей есть сборникъ восточныхъ басенъ, восходящій къ знаменитому индійскому сборнику Панчатантра или Пятикнижіе. Названіе свое сборникъ получилъ отъ имени двухъ дѣйствующихъ лицъ—Стефанита, т. е. Увѣнчаннаго, и Ихнилата, т. е. слѣдящаго, являющихся въ греческомъ текстѣ, съ котораго былъ сдѣланъ переводъ славянскій; въ арабскомъ оригиналѣ греческаго перевода они называются Калила и Димна, т. е. Прямодушный и Лукавый, въ Панчатантрѣ играютъ видную роль два шакала Karataka и Damanaka. Рамку повѣсти составляетъ разсказъ объ интригахъ Ихнилата при дворѣ царя Льва, который совѣтуется съ нѣкіимъ философомъ по разнымъ вопросамъ нравственно-практической жизни. Философъ отвѣ-

чаетъ въ формѣ примѣровъ и разсказовъ, въ которые вводятся новые разсказы и басни. Дѣйствующими лицами являются различныя животныя, которыя и высказываютъ разныя нравственныя правила и мнѣнія, нисколько не соотвѣтствующія ихъ естественнымъ качествамъ.

Духовный романъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ по сюжету также восточнаго происхожденія: онъ признается христіанскою переработкою одного эпизода изъ жизни Будды. Въ немъ разсказывается объ обращеніи индійскаго царевича Іоасафа пустынникомъ Варлаамомъ въ истинную вѣру. Въ формѣ апологовъ Варлаамъ излагаетъ христіанское ученіе, заимствуя матеріалъ для нихъ какъ изъ евангельскихъ притчъ, такъ особенно изъ восточныхъ разсказовъ, сопровождая ихъ нравоучительными иносказательными толкованіями. Это одно изъ самыхъ поэтическихъ произведеній, развивающихъ аскетическій идеалъ. На славянскій языкъ оно переведено съ греческаго.

Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ также переведена съ греческаго оригинала, который, однако, не отысканъ; по происхожденію же своему она принадлежитъ Востоку и находится въ ближайшемъ родствѣ съ арабской сказкой (въ сборникѣ „Тысяча и одна ночь") о Санхерибѣ и его мудромъ совѣтникѣ Гейкарѣ. Въ славянской редакціи повѣсть носитъ христіанско-поучительный характеръ. Наставленія Акира (Гейкара) племяннику его Анадану (Надану) напоминаютъ многочисленныя христіанскія поученія въ формѣ нравственно-практическихъ поученій отца къ сыну.

Апокрифы. Особенное богатство въ старо-славянской письменности представляетъ апокрифическая литература. Сюда относятся не только апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, но также статьи и книги суевѣрнаго характера, напр., книги астрологическія и гадательныя. Нѣкоторыя изъ апокрифическихъ сочиненій возникли среди еретиковъ и преслѣдовались церковью, другія же, притомъ огромное большинство, ничего еретическаго не представляютъ и свободно распространялись какъ въ Византіи, такъ и у славянъ. Къ числу апокрифовъ такія сочиненія относятся лишь потому, что сообщаютъ о библейскихъ лицахъ такія подробности, которыхъ нѣтъ въ каноническихъ книгахъ, но предлагаютъ ихъ иногда въ художественной, поэтической обработкѣ, что̀ и дѣлало ихъ особенно популярными. Апокрифы давали поэтому нерѣдко матеріалъ для церковной проповѣди, поэзіи (пѣснопѣній) и живописи. Славянская апокрифическая литера-

тура почти исключительно переводная. Но значеніе ея состоитъ не только въ томъ, что она была любимымъ чтеніемъ и вліяла на образованіе народныхъ воззрѣній на различные предметы природы и жизни человѣческой, а также на содержаніе народной устной словесности, но и въ томъ, что въ славянскихъ текстахъ нерѣдко сохранились древніе и важные памятники, оригиналы которыхъ утрачены или извѣстны въ другихъ редакціяхъ. Изъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ особенно замѣчательны сказанія объ Адамѣ, Енохѣ, Мелхиседекѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Давидѣ и Соломонѣ. Такъ славянская „Книга святыхъ тайнъ Еноховыхъ“ представляетъ собою особую редакцію древней (до-христіанской) книги Еноха, отъ которой дошли на греческомъ языкѣ лишь отрывки, а болѣе полный текстъ сохранился на эѳіопскомъ языкѣ. Въ славянской редакціи разсказывается о путешествіи Еноха по семи сферамъ небеснымъ, при чемъ сообщается своеобразная космографія, ученіе объ ангелахъ стихій, о паденіи ангеловъ; на седьмомъ небѣ Еноху самъ Богъ разсказываетъ о твореніи міра, и этотъ разсказъ сильно отличается отъ библейскаго. Находясь на седьмомъ небѣ, Енохъ подъ диктовку ангела въ 366 книгахъ описалъ все, что было, есть и будетъ какъ относительно природы, такъ и каждаго человѣка, и во всемъ нашелъ строго предустановленный порядокъ. Сошедши на землю, Енохъ поучаетъ своихъ дѣтей строгой нравственной жизни. Возвышенное нравственное ученіе книги Еноха очень близко къ ученію евангельскому. Продолженіе книги Еноха составляетъ замѣчательный разсказъ о рожденіи Мелхиседека отъ мертвой жены Нира Софонимы, неизвѣстный изъ другихъ источниковъ. Равнымъ образомъ неизвѣстны греческіе оригиналы для такихъ апокрифовъ, какъ „Откровеніе Авраама“, „Исходъ Моисеевъ“, „О Соломонѣ и Китоврасѣ“ и мн. др. Изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ извѣстно нѣсколько апокрифическихъ евангелій: очень популярное протоевангеліе Іакова, Никодимово Евангеліе, Евангеліе Ѳомы (еретическаго происхожденія и потому довольно рѣдко попадающееся въ рукописяхъ), апокрифическія сказанія о хожденіяхъ апостоловъ на проповѣдь. Особенно много извѣстно апокрифическихъ сочиненій, трактующихъ о кончинѣ міра, страшномъ судѣ и загробной участи праведныхъ и грѣшныхъ; таковы: апокрифическій апокалипсисъ Іоанна Богослова, Видѣніе апостола Павла, Хожденіе Богородицы по мукамъ и др. Разнаго рода бѣдствія, особенно опустошенія христіанскихъ земель мусульманами, внутреннія смуты и физическія бѣдствія какъ въ Византіи, такъ и у славянъ внушали мысль о наступленіи послѣд-

нихъ временъ и давали поводъ въ современныхъ событіяхъ видѣть тѣ бѣдствія, которыя предсказывались въ сочиненіяхъ эсхатологическаго характера. Это вызвало переработку старыхъ сочиненій и составленіе новыхъ въ формѣ историческихъ пророчествъ post factum съ именами пророковъ, напр., Исаіи, Даніила; особенною популярностью пользовались „Слово Меѳодія Патарскаго о царствіи языкъ послѣднихъ временъ“, а также хризмы или прореченія съ именемъ Льва Мудраго. Такія сочиненія, изображавшія преимущественно борьбу Византіи съ восточнымъ мусульманскимъ міромъ и западнымъ—латинскимъ, охотно переводились болгарами, у которыхъ историческая литература въ собственномъ смыслѣ почти совсѣмъ не привилась, равно какъ и сербами, и подвергались вставкамъ и переработкамъ примѣнительно къ событіямъ своей исторіи. Въ одномъ изъ такого рода сочиненій, въ „Пандеховомъ пророческомъ сказаніи“, между прочимъ, находится такая характеристика положенія Византіи и сосѣднихъ народовъ и государствъ: „Византія градъ есть; приде Костадинъ изъ Рима и развали и созда градъ и нарече имя ему по своему созданію Константинь градъ; и царствоваша въ немъ Ромѣи (т. е. греки) до киръ Мануила царя, и потомъ не царствуютъ, дондеже придетъ число гнѣва лѣтомъ“. „Тарта рѣка есть велія..., тѣмъ же халдѣисци языци наричются Тартаріе, два меча...; дважды бо имъ изыти на землю гнѣвомъ“. „Кумани (т. е. половцы) нигдѣ же речени будутъ и погибнутъ“. „Руси волчки (т. е. по-волчьи) повыютъ и розыдутся, люту казнь примутъ, истаютъ аки воскъ отъ лица огна“. „Угры маловременны будутъ“. „Сербинъ маломѣренъ и паки воззвенитъ; перво смирится съ великимъ царемъ (т. е. византійскимъ) и потомъ воздвигнетъ оружіе на него и побѣдитъ его, яко Іисусъ Амалика и Гаваониты, и вознесется имя его въ живущихъ окрестъ его“. „Болгаринъ младъ; и двумъ віющимся третій будетъ первый; младость же есть премѣненіе царства“. Очевидно, что эта характеристика составлена около половины XIII вѣка, и довольно вѣрно рисуетъ положеніе юго-востока Европы вскорѣ послѣ нашествія татаръ, но еще во время занятія Константинополя латинянами. Подобнаго рода памятники, вращавшіеся въ народной средѣ, представляютъ интересъ, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что въ нихъ выражается настроеніе народныхъ массъ подъ гнетомъ тяжелыхъ событій. Такое же значеніе имѣютъ и другія сочиненія апокрифическаго характера, особенно разнаго рода гадательныя и астрологическія книги, напр., громники, въ которыхъ по

явленію грома въ томъ или другомъ мѣсяцѣ и числѣ предсказываются разныя событія и, главнымъ образомъ—бѣдствія отъ враговъ христіанства—измаилитянъ, а также внутреннія смуты, насилія вельможъ, разбои на морѣ и сушѣ, землетрясенія, голодъ, моровое повѣтріе и т. д.; очень рѣдко предсказываются явленія благопріятныя; это показываетъ, что тяжелое настоящее мало сулило утѣшенія и въ будущемъ.

Богомильскія книги.

Распространенію апокрифическихъ сочиненій между болгарами и сербами содѣйствовало весьма раннее (около половины X в.) появленіе и продолжительное существованіе ереси богомильской, получившей свое названіе отъ имени ея основателя, болгарскаго попа Богумила. Ученіе богомиловъ признавало себя христіанскимъ, но въ своемъ основаніи имѣло принципъ дуализма, или признаніе двухъ началъ, добраго (Бога) и злого (діавола), изъ которыхъ злому началу приписывалось твореніе видимаго міра и безраздѣльное господство надъ людьми до пришествія Христа; богомилы однако, и воплощеніе Христа признавали не дѣйствительнымъ, а призрачнымъ, отрицательно относясь ко всему матеріальному міру, какъ произведенію діавола, отвергали учрежденія христіанской церкви: таинства, обряды, іерархію, и проповѣдывали крайній аскетизмъ. Среди богомиловъ пользовались поэтому извѣстностью такія сочиненія древнихъ еретиковъ, въ которыхъ развивалась та или другая черта ихъ ученія. Такъ очень популярно было апокрифическое „Видѣніе Исаіи“, въ которомъ разсказывается о сошествіи Христа на землю съ плотію, не дѣйствительною, а призрачною, и „Преніе діавола съ Господомъ“, развивающее ученіе о силѣ и власти діавола. Собственно богомильскихъ сочиненій на славянскомъ языкѣ въ подлинномъ видѣ до насъ не дошло, но сохранились апокрифическіе памятники съ богомильскими вставками, или же богомильскія сочиненія, передѣланныя православными, но удержавшія нѣкоторыя черты богомильскихъ представленій. Таковы „Сказаніе о созданіи твари Божіей на морѣ Тиверіадскомъ“, извѣстное во многихъ варіантахъ, „Видѣніе Варуха“, нѣкоторыя редакціи апокрифической „Бесѣды трехъ святителей“. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ отразились преимущественно космогоническія богомильскія воззрѣнія, приписывающія твореніе матеріальнаго міра діаволу. Въ латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ со славянскаго, вѣроятно, болгарскаго оригинала для западныхъ еретиковъ дуалистическаго толка — катаровъ или патаренъ, дошла „Книга св. Іоанна“ (Liber sancti Iohannis), по своему содержанію

оказывающаяся, несомнѣнно, богомильскимъ сочиненіемъ. Въ формѣ бесѣды Іоанна Богослова съ І. Христомъ на Тайной вечери разсказывается въ этой книгѣ исторія творенія міра и человѣка, явленія Христа для избавленія рода человѣческаго отъ власти діавола, и дается откровеніе о кончинѣ міра. Богомильскій авторъ воспользовался апокрифическимъ откровеніемъ Іоанна Богослова, извѣстнымъ въ греческихъ и славянскихъ текстахъ, книгой Еноха въ славянской ея редакціи, крестными легендами, „Видѣніемъ Исаіи“, и при помощи этого матеріала изложилъ основные пункты богомильскаго ученія.

Попъ Іеремія.

Апокрифы распространялись въ Болгаріи и не только проповѣдниками богомильскаго ученія. Такъ, извѣстенъ болгарскій попъ Іеремія, какъ усердный распространитель апокрифическихъ сочиненій, но нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы онъ принадлежалъ къ богомильской сектѣ; содержаніе распространявшихся имъ апокрифовъ не развиваетъ богомильскаго ученія и даже прямо противорѣчитъ ему. Индексомъ апокрифическихъ книгъ, или „статьей о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“, Іеремія, болгарскій попъ, выдѣляется спеціально, какъ распространитель ложныхъ книгъ. Такъ, ему приписывается распространеніе лживыхъ молитвъ противъ болѣзней—трясавицъ и нежита, олицетворенныхъ въ образѣ демоническихъ существъ, причиняющихъ разнородныя болѣзни; такого рода молитвы до сихъ поръ находятся въ употребленіи среди болгаръ, сербовъ и русскихъ; подобныя же молитвы-заговоры извѣстны на Западѣ, да и приписываемыя Іереміи не представляютъ ничего оригинальнаго: это простые переводы съ греческаго. Гораздо важнѣе приписываемое индексомъ болгарскому попу Іереміи „Слово о древѣ крестнемъ—извѣщеніе св. Троицы“. Это довольно обширное сочиненіе, въ которомъ по канвѣ крестной легенды, т. е. исторіи происхожденія и сохраненія древа, изъ котораго сдѣланъ былъ крестъ для распятія Спасителя и двухъ разбойниковъ, пересказано нѣсколько интересныхъ легендъ, отчасти извѣстныхъ по другимъ памятникамъ, а отчасти встрѣчаемыхъ только здѣсь. Большая часть этихъ легендъ извѣстны на греческомъ языкѣ, но для нѣкоторыхъ греческихъ оригиналовъ не отыскано. Исторія крестнаго древа въ этомъ сочиненіи начинается отъ того древа, которое выросло изъ посаженныхъ Моисеемъ для услажденія горькой воды въ Меррѣ крестообразно сплетенныхъ трехъ вѣтвей (обозначавшихъ Св. Троицу): кедра, певги и кипариса. Моисей пророчески предсказалъ назначеніе этого древа, какъ древа спасенія, и оно съ тѣхъ поръ

охранялось разбойниками, искавшими покаянія въ своихъ грѣхахъ и проповѣдывавшими другъ другу о назначеніи древа; изъ этихъ разбойниковъ одинъ, Амвросій, былъ при Моисеѣ, другой, Есромъ, при Давидѣ. Въ „Словѣ“ Іереміи разсказаны интересныя легенды о сообщеніи Давидомъ Соломону модели іерусалимскаго храма, сдѣланной изъ восковыхъ свѣчей, и о построеніи храма Соломономъ, получившимъ черезъ ангела перстень съ таинственною надписью (для покоренія демоновъ и привлеченія ихъ къ работѣ по постройкѣ храма,—какъ разсказывается въ другихъ крестныхъ и иныхъ легендахъ). Собирая рѣдкіе и дорогіе матеріалы для построенія храма, Соломонъ узналъ о древѣ при Меррѣ, осмотрѣлъ его, удивился какъ его красотѣ, такъ еще болѣе тому назначенію, о которомъ пророчески предупреждалъ его разбойникъ Есромъ; съ величайшими трудностями доставлено было древо въ Іерусалимъ, гдѣ возбуждало всеобщее удивленіе своею красотою и „извитіемъ“; всѣ попытки употребить его для постройки храма были напрасны, такъ какъ, несмотря на тщательныя измѣренія, оно оказывалось то длинно, то коротко; древо было положено подлѣ храма для отдохновенія проходящихъ; разбойникъ Есромъ пришелъ вслѣдъ за деревомъ и остался при немъ до смерти; послѣ него жили при древѣ другіе разбойники и продолжали проповѣдывать о назначеніи древа; самое мѣсто, гдѣ находилось древо, стало называться „разбоищемъ“, и всякій, остававшійся служить при древѣ, получалъ имя разбойника, хотя таковымъ и не былъ. Упомянувъ кратко о преемникахъ Соломона до Ирода, авторъ снова сообщаетъ нѣкоторыя легенды, относящіяся къ жизни Христа. Такъ, онъ разсказываетъ о нахожденіи Христомъ главы Адамовой на берегу Іордана, о спорѣ двухъ царей изъ-за этой главы, отличавшейся огромными размѣрами, такъ что одинъ изъ царей положилъ ее у воротъ своего дома, входилъ въ нее для отдыха и хотѣлъ сдѣлать въ ней себѣ усыпальницу, но Христосъ приказалъ похоронить ее за городомъ на мѣстѣ, прозванномъ съ тѣхъ поръ Краніевымъ. Здѣсь же разсказывается особо отмѣчаемая въ индексѣ легенда о томъ, „какъ Христосъ плугомъ оралъ“: при Августѣ шли обширныя работы по постройкѣ городовъ и дорогъ, никто не былъ безъ дѣла; тогда и Христосъ, встрѣтивъ человѣка, орущаго волами, взялъ плугъ и провелъ три борозды и тѣмъ освятилъ ручной трудъ. Далѣе слѣдуетъ очень интересная легенда, какъ Провъ, сынъ царя Селевка, назвалъ Христа братомъ во время купанья, какъ Провъ желчью и утробой пойманной Христомъ рыбы исцѣлилъ слѣпого отца и бѣсноватую

такъ и переводныхъ памятниковъ; по большей части неизвѣстны также и имена трудившихся надъ ними лицъ. При общности основного литературнаго языка для болгаръ, сербовъ и русскихъ иногда не легко опредѣлить, гдѣ появился тотъ или другой памятникъ первоначально. Многія произведенія, появившіяся въ Болгаріи, сохранились только въ сербскихъ или русскихъ спискахъ. Возможны и такіе случаи, когда дошедшій до насъ памятникъ въ рукописи болгарской есть позднѣйшая копія съ русскаго или сербскаго памятника. Поэтому затруднительнымъ является и точное распредѣленіе памятниковъ въ ихъ происхожденіи по народностямъ. Впрочемъ, это и не представляетъ иногда большой важности въ виду однородности и даже тожественности культурныхъ началъ у всѣхъ православныхъ славянъ.

Вызванная потребностями христіанства славянская письменность естественно вся носитъ христіанско-религіозный характеръ и въ своемъ содержаніи не можетъ поэтому представлять оригинальности. Христіанство пришло къ славянамъ изъ Византіи, гдѣ существовала уже огромнѣйшая многовѣковая христіанская литература, явившаяся теперь непосредственнымъ источникомъ и образцомъ литературы славянской. Нужно было для славянъ умѣнье выбрать на этомъ обширномъ полѣ, гдѣ посреди пшеницы немало было и плевелъ, наиболѣе необходимое и наиболѣе цѣнное для новообращеннаго народа. Болгарская письменность въ этомъ смыслѣ представляетъ замѣчательное явленіе: изъ обзора ея увидимъ, что среди болгаръ нашлись люди, которые довольно удачно выбирали матеріалъ и предлагали его въ хорошо обработанномъ видѣ. Конечно, не могло быть выдержанной системы и равномѣрности, но въ общемъ замѣтно стремленіе дать наиболѣе цѣнное и необходимое.

Книги религіознаго содержанія. Прежде всего нужно и важно было имѣть на славянскомъ языкѣ Священное Писаніе. Дѣло это въ значительнѣйшей мѣрѣ исполнено было уже при Кириллѣ и Меѳодіи, но продолжалось и потомъ: дѣлались дополненія и исправленія перевода библейскихъ книгъ. Дѣлались переводы не только одного текста книгъ Священнаго Писанія, но и толкованій на нихъ отцовъ церкви. Продолжали пополняться переводы богослужебныхъ книгъ, содержащихъ молитвы, пѣснопѣнія и чтенія. Переводилось очень много житій святыхъ, сказаній о мученикахъ христіанскихъ и духовныхъ легендъ какъ въ видѣ отдѣльныхъ памятниковъ, такъ и въ составѣ спеціальныхъ сборниковъ, напр., миней-четьихъ, патериковъ. Эта литература,

въ виду строгой жизни еретиковъ. Сочиненіе Козьмы пресвитера пріобрѣло большое значеніе: изъ него дѣлались выписки отдѣльныхъ мѣстъ въ сборникахъ и заимствованія какъ въ полемическихъ, такъ и обличительныхъ сочиненіяхъ; особое вниманіе обращали на него у насъ на Руси въ XV вѣкѣ, когда приходилось полемизировать съ такими положеніями ученія жидовствующихъ, которыя совпадали съ богомильскими, хотя выходили изъ другихъ началъ, напримѣръ, о церковной іерархіи, иконопочитаніи, почитаніи святыхъ, обрядахъ и пр. Вообще, на Руси обильно пользовались юго-славянскою письменностью, которая здѣсь принесла не меньшую, если не большую пользу, чѣмъ на своей родинѣ.

М. Соколовъ.



XLIX.

Болонскій университетъ и римское право въ средніе вѣка.

Римское право отъ V по XI в.

Ко времени паденія Западной Римской имперіи населеніе ея провинцій было вполнѣ романизовано. Туземцы Африки, Испаніи, Галліи, частью Британіи, всѣ равно усвоили торговопромышленную и земледѣльческую технику римлянъ, переняли говоръ Италіи — народную, вульгарную латынь, и восприняли римскія юридическія воззрѣнія, въ частности — римскія понятія о гражданскихъ сдѣлкахъ, порядкѣ ихъ совершенія и объ отношеніяхъ, изъ нихъ вытекающихъ. Таково отправное положеніе средневѣковой исторіи Запада.

Римская рѣчь и римское право не вымерли и послѣ вторженія варваровъ. Германцы-побѣдители настолько отличались своимъ культурнымъ развитіемъ отъ населенія, среди котораго они осѣли, такъ ясно сознавали это отличіе, что не попытались даже навязать покореннымъ „романамъ" своихъ воззрѣній, своего права.

Пособія: *Н. Сперанскій.* Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. Москва 1896 (Роль школы, бытовыя условія, положеніе учащихъ и учениковъ). *P. Denifl*. Die Geschichte der Universitäten. I. Berlin 1885 (Обстоятельная исторія университетовъ всѣхъ странъ до 1400 г.). *A. Esmein.* Cours elementaire d'histoire du droit français. 2 ed. Paris 1895 (Значеніе римскаго права для Франціи, роль легистовъ). *R. Schröder*. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. 2 Aufl. Leipzig 1894 (Рецепція въ Германіи). *F. Pollock and Maitland*. The History of English Law before the time of Edward I. T. I. Oxford 1895. Его превосходная глава о положеніи римскаго права въ средніе вѣка вообще и въ частности о его значеніи для Англіи).

Само собою [1]), какъ естественный исходъ изъ конфликта двухъ цивилизацій, въ основанныхъ варварами на римской почвѣ государствахъ, установилось такъ называемое „личное начало“: несмотря на объединеніе населенія одною государственною властью, общими для всѣхъ административными и судебными учрежденіями, въ области гражданскихъ отношеній каждая національность продолжала жить и судиться согласно своему природному праву. Такимъ образомъ, знаніе римскаго права или его обломковъ, уцѣлѣвшихъ при общемъ пониженіи культуры, сохранялось среди провинціальнаго населенія. Оно, правда, слабо, поддерживалось также народной школой, которая, будучи преемницей древне-римской школы, включала въ свою програму, какъ часть риторики, *ars dictaminis*, искусство составлять дѣловыя бумаги, въ особенности примѣнять юридическія формулы. Мѣстами, въ Римѣ, напримѣръ, сохранились спеціальныя, какъ бы высшія, юридическія школы.

Со временемъ, однако, примѣнять „личное начало“ становилось все труднѣе. Разноплеменные подданные одного государства жили въ перемежку, въ невольномъ экономическомъ общеніи, сближались, смѣшивались. Многое перенимали у варваровъ римляне (напримѣръ, институтъ соприсяжниковъ, conjuratores), но гораздо значительнѣе было вліяніе на германцевъ все еще болѣе культурныхъ римлянъ. Когда у германцевъ назрѣла потребность записать положенія ихъ обычнаго права и придать ему новую санкцію со стороны организованной государственной власти, они прибѣгли къ готовымъ формуламъ, какими могъ снабдить ихъ сосѣдній римскій нотаріусъ: рядъ варварскихъ Правдъ былъ редактированъ на латинскомъ языкѣ. Такой кодификаторскій пріемъ придалъ зачаточнымъ, неуклюжимъ еще юридическимъ представленіямъ германцевъ, которыя были приравнены къ отчетливымъ римскимъ понятіямъ, болѣе устойчивое, но видоизмѣненное значеніе. Не довольствуясь этимъ, варвары заимствовали рядъ отдѣльныхъ институтовъ, искажая, правда, и приноравливая ихъ къ своимъ потребностямъ. Первенствующее, громадное значеніе имѣло, напримѣръ, заимствованіе письменной формы для сдѣлокъ между живыми (договоровъ, дареній, передачи имущества) и распоряженій на случай смерти (завѣщаній). Послѣднія раньше были совершенно чужды германскому праву и введены уже подъ вліяніемъ церкви.

[1]) Была сдѣлана только одна попытка—въ обратномъ направленіи: Теодорихъ подчинилъ готовъ римскому праву.

Первые вѣка послѣ вторженія варваровъ были эпохой разложенія тѣхъ культурныхъ центровъ, которые римская цивилизація создала въ провинціи: городовъ—муниципій—и помѣстій — виллъ. Когда въ X и XI вѣкахъ, благодаря ряду внѣшнихъ толчковъ (походы норманновъ), этотъ процессъ быстро завершился, когда старый, римскій въ своей основѣ, строй окончательно рушился, пали уцѣлѣвшія еще перегородки между различными группами населенія. Онѣ слились и выработали для каждой отдѣльной мѣстности общій говоръ и рядъ общихъ, несложныхъ обычаевъ. Образовалось новое, территоріальное, обычное право, особенности котораго, какъ и мѣстнаго говора, обусловливались привычками численно преобладавшей въ округѣ національности. Во Франціи, напримѣръ, преобладаніе германскихъ началъ на сѣверѣ и римскихъ на югѣ почти совпадаетъ съ распространеніемъ нарѣчій langue d'oil и langue d'oc—въ зависимости отъ племеннаго состава населенія по обѣ стороны пограничной линіи этихъ областей.

Роль церкви.

Римское право, тѣмъ не менѣе, сохранило практическое значеніе. При наступившемъ смятеніи, пока еще только нарождавшійся феодальный строй медленно стягивалъ новые узлы культурной жизни, пока вырабатывался новый укладъ народной жизни и хозяйственнаго быта, среди общаго хаоса окончательно сложилась могущественная и стройная общественная организація — католическая церковь. По ея ученію, церковь есть societas perfecta, т. е., по современной терминологіи, суверенное государство. Какъ таковое, она имѣетъ свое особое право и только римскимъ и весьма близкимъ къ нему каноническимъ могло быть право этого римскаго по происхожденію, строю и духу учрежденія. „Secundum legem Romanam quam ecclesia vivit", говоритъ уже Рипуарская Правда. При господствѣ такъ называемаго „личнаго начала" римское право стало какъ бы національнымъ правомъ церкви и ея служителей. Оно примѣнялось притомъ не только по отношенію къ этимъ послѣднимъ, но всегда, когда въ дѣлѣ затрогивались ихъ интересы. Церковь даже расширила примѣненіе римскаго права, постепенно увеличивая, особенно въ XII в., кругъ вѣдомства своихъ судовъ и подчиняя имъ рядъ свѣтскихъ отношеній.

Юридическія познанія духовенства были, однако, ничтожны. Уровень образованія его глубоко палъ, и научное возрожденіе и возстановленіе авторитета римскаго права въ свѣтскихъ судахъ не было вызвано имъ.

Возрожденіе римскаго права.

Первые слѣды изученія римскаго права мы можемъ прослѣдить

въ Италіи, въ XI столѣтіи. Къ тому времени города сѣверной Италіи, ближайшіе преемники античной культуры, первые на Западѣ, достигли болѣе высокой степени общественнаго развитія. Политическій строй ихъ пріобрѣлъ нѣкоторую устойчивость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стало изумительно быстро увеличиваться народное благосостояніе. Отдѣльныя отрасли торговли и промышленности, получая самостоятельное значеніе, обособлялись и распредѣлялись между различными хозяйствами; послѣднія, чаще чѣмъ прежде, обмѣнивались своими произведеніями, и торговыя сношенія между ними росли и осложнялись. Возобновились также сношенія съ высококультурной еще Византіей и съ Востокомъ. Благодаря всему этому поднялся общій уровень образованія, и сказалась потребность въ болѣе совершенномъ и развитомъ правѣ. Въ многочисленныхъ вновь возникавшихъ городскихъ школахъ преподаваніе его оживилось. Въ Павіи, напримѣръ, въ X столѣтіи рядъ юристовъ занялся истолкованіемъ мѣстныхъ лангобардскихъ обычаевъ и законовъ.

Въ сѣверо-восточной Италіи, въ Равенской области, гдѣ населеніе, во время продолжительнаго господства Византіи, успѣло нѣсколько освоиться съ сборниками Юстиніана, введенными имъ въ 554 году,—вновь обратились къ изученію уцѣлѣвшихъ частей этихъ сборниковъ. Работы равенскихъ юристовъ возбудили, однако, и за предѣлами Равенны общій интересъ къ заброшеннымъ памятникамъ римскаго права, о высокихъ достоинствахъ котораго въ обществѣ сохранилось смутное преданіе, среди образованнаго духовенства, быть можетъ, даже ясное представленіе. Этого было достаточно. Среда была подготовлена хозяйственнымъ строемъ и общимъ умственнымъ развитіемъ, и ознакомленіе съ древней юридической мыслью быстро вызвало широкое научное движеніе.

Глоссато[ры]

Уже въ концѣ XI вѣка въ сосѣдней съ Равенной Болоньѣ возникла школа „глоссаторовъ“, которая произвела рѣшительный переворотъ въ пріемахъ изученія права. Основатель этой школы Ирнерій былъ сначала преподавателемъ риторики; но по почину маркграфини Матильды Тосканской, союзницы папы Григорія VII, онъ около 1088 года сталъ читать въ Болоньѣ римское право, какъ самостоятельный предметъ, отдѣльно отъ риторики, въ связи съ которой оно преподавалось раньше. Сохранилось преданіе, что Ирнерію первому удалось по частямъ вновь собрать полный текстъ Юстиніановыхъ сборниковъ. Но допуская даже, что это преданіе невѣрно, что у него были неизвѣстные намъ предшественники, всеже за Ирнеріемъ и его учениками мы должны признать великую

нихъ временъ и давали поводъ въ современныхъ событіяхъ видѣть тѣ бѣдствія, которыя предсказывались въ сочиненіяхъ эсхатологическаго характера. Это вызвало переработку старыхъ сочиненій и составленіе новыхъ въ формѣ историческихъ пророчествъ post factum съ именами пророковъ, напр., Исаіи, Даніила; особенною популярностью пользовались „Слово Меѳодія Патарскаго о царствіи языкъ послѣднихъ временъ", а также хризмы или проreченія съ именемъ Льва Мудраго. Такія сочиненія, изображавшія преимущественно борьбу Византіи съ восточнымъ мусульманскимъ міромъ и западнымъ—латинскимъ, охотно переводились болгарами, у которыхъ историческая литература въ собственномъ смыслѣ почти совсѣмъ не привилась, равно какъ и сербами, и подвергались вставкамъ и переработкамъ примѣнительно къ событіямъ своей исторіи. Въ одномъ изъ такого рода сочиненій, въ „Пандеховомъ пророческомъ сказаніи", между прочимъ, находится такая характеристика положенія Византіи и сосѣднихъ народовъ и государствъ: „Византія градъ есть; приде Костадинъ изъ Рима и развали и созда градъ и нарече имя ему по своему созданію Константинь градъ; и царствоваша въ немъ Ромѣи (т. е. греки) до киръ Мануила царя, и потомъ не царствують, дондеже придетъ число гнѣва лѣтомъ". „Тарта рѣка есть велія..., тѣмъ же халдѣисци языци наричются Тартаріе, два меча...; дважды бо имъ изыти на землю гнѣвомъ". „Кумани (т. е. половцы) нигдѣ же речени будутъ и погибнутъ". „Руси волчки (т. е. по-волчьи) повыютъ и розыдутся, люту казнь примутъ, истаютъ аки воскъ отъ лица огна". „Угры маловременны будутъ". „Сербинъ маломѣренъ и паки воззвенитъ; перво смирится съ великимъ царемъ (т. е. византійскимъ) и потомъ воздвигнетъ оружіе на него и побѣдитъ его, яко Іисусъ Амалика и Гаваониты, и вознесется имя его въ живущихъ окрестъ его". „Болгаринъ младъ; и двумъ віющимся третій будетъ первый; младость же есть премѣненіе царства". Очевидно, что эта характеристика составлена около половины XIII вѣка, и довольно вѣрно рисуетъ положеніе юго-востока Европы вскорѣ послѣ нашествія татаръ, но еще во время занятія Константинополя латинянами. Подобнаго рода памятники, вращавшіеся въ народной средѣ, представляютъ интересъ, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что въ нихъ выражается настроеніе народныхъ массъ подъ гнетомъ тяжелыхъ событій. Такое же значеніе имѣютъ и другія сочиненія апокрифическаго характера, особенно разнаго рода гадательныя и астрологическія книги, напр., громники, въ которыхъ по

явленію грома въ томъ или другомъ мѣсяцѣ и числѣ предсказываются разныя событія и, главнымъ образомъ—бѣдствія отъ враговъ христіанства—измаилитянъ, а также внутреннія смуты, насилія вельможъ, разбои на морѣ и сушѣ, землетрясенія, голодъ, моровое повѣтріе и т. д.; очень рѣдко предсказываются явленія благопріятныя; это показываетъ, что тяжелое настоящее мало сулило утѣшенія и въ будущемъ.

Богомильскія книги.

Распространенію апокрифическихъ сочиненій между болгарами и сербами содѣйствовало весьма раннее (около половины X в.) появленіе и продолжительное существованіе ереси богомильской, получившей свое названіе отъ имени ея основателя, болгарскаго попа Богумила. Ученіе богомиловъ признавало себя христіанскимъ, но въ своемъ основаніи имѣло принципъ дуализма, или признаніе двухъ началъ, добраго (Бога) и злого (діавола), изъ которыхъ злому началу приписывалось твореніе видимаго міра и безраздѣльное господство надъ людьми до пришествія Христа; богомилы однако, и воплощеніе Христа признавали не дѣйствительнымъ, а призрачнымъ, отрицательно относясь ко всему матеріальному міру, какъ произведенію діавола, отвергали учрежденія христіанской церкви: таинства, обряды, іерархію, и проповѣдывали крайній аскетизмъ. Среди богомиловъ пользовались поэтому извѣстностью такія сочиненія древнихъ еретиковъ, въ которыхъ развивалась та или другая черта ихъ ученія. Такъ очень популярно было апокрифическое „Видѣніе Исаіи“, въ которомъ разсказывается о сошествіи Христа на землю съ плотію, не дѣйствительною, а призрачною, и „Преніе діавола съ Господомъ“, развивающее ученіе о силѣ и власти діавола. Собственно богомильскихъ сочиненій на славянскомъ языкѣ въ подлинномъ видѣ до насъ не дошло, но сохранились апокрифическіе памятники съ богомильскими вставками, или же богомильскія сочиненія, передѣланныя православными, но удержавшія нѣкоторыя черты богомильскихъ представленій. Таковы „Сказаніе о созданіи твари Божіей на морѣ Тиверіадскомъ“, извѣстное во многихъ варіантахъ, „Видѣніе Варуха“, нѣкоторыя редакціи апокрифической „Бесѣды трехъ святителей“. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ отразились преимущественно космогоническія богомильскія воззрѣнія, приписывающія твореніе матеріальнаго міра діаволу. Въ латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ со славянскаго, вѣроятно, болгарскаго оригинала для западныхъ еретиковъ дуалистическаго толка — катаровъ или патаренъ, дошла „Книга св. Іоанна“ (Liber sancti Iohannis), по своему содержанію

оказывающаяся, несомнѣнно, богомильскимъ сочиненіемъ. Въ формѣ бесѣды Іоанна Богослова съ І. Христомъ на Тайной вечери разсказывается въ этой книгѣ исторія творенія міра и человѣка, явленія Христа для избавленія рода человѣческаго отъ власти діавола, и дается откровеніе о кончинѣ міра. Богомильскій авторъ воспользовался апокрифическимъ откровеніемъ Іоанна Богослова, извѣстнымъ въ греческихъ и славянскихъ текстахъ, книгой Еноха въ славянской ея редакціи, крестными легендами, „Видѣніемъ Исаіи", и при помощи этого матеріала изложилъ основные пункты богомильскаго ученія.

Попъ Іеремія. Апокрифы распространялись въ Болгаріи и не только проповѣдниками богомильскаго ученія. Такъ, извѣстенъ болгарскій попъ Іеремія, какъ усердный распространитель апокрифическихъ сочиненій, но нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы онъ принадлежалъ къ богомильской сектѣ; содержаніе распространявшихся имъ апокрифовъ не развиваетъ богомильскаго ученія и даже прямо противорѣчитъ ему. Индексомъ апокрифическихъ книгъ, или „статьей о книгахъ истинныхъ и ложныхъ", Іеремія, болгарскій попъ, выдѣляется спеціально, какъ распространитель ложныхъ книгъ. Такъ, ему приписывается распространеніе лживыхъ молитвъ противъ болѣзней—трясавицъ и нежита, олицетворенныхъ въ образѣ демоническихъ существъ, причиняющихъ разнородныя болѣзни; такого рода молитвы до сихъ поръ находятся въ употребленіи среди болгаръ, сербовъ и русскихъ; подобныя же молитвы-заговоры извѣстны на Западѣ, да и приписываемыя Іереміи не представляютъ ничего оригинальнаго: это простые переводы съ греческаго. Гораздо важнѣе приписываемое индексомъ болгарскому попу Іереміи „Слово о древѣ крестнемъ—извѣщеніе св. Троицы". Это довольно обширное сочиненіе, въ которомъ по канвѣ крестной легенды, т. е. исторіи происхожденія и сохраненія древа, изъ котораго сдѣланъ былъ крестъ для распятія Спасителя и двухъ разбойниковъ, пересказано нѣсколько интересныхъ легендъ, отчасти извѣстныхъ по другимъ памятникамъ, а отчасти встрѣчаемыхъ только здѣсь. Большая часть этихъ легендъ извѣстны на греческомъ языкѣ, но для нѣкоторыхъ греческихъ оригиналовъ не отыскано. Исторія крестнаго древа въ этомъ сочиненіи начинается отъ того древа, которое выросло изъ посаженныхъ Моисеемъ для услажденія горькой воды въ Меррѣ крестообразно сплетенныхъ трехъ вѣтвей (обозначавшихъ Св. Троицу): кедра, певги и кипариса. Моисей пророчески предсказалъ назначеніе этого древа, какъ древа спасенія, и оно съ тѣхъ поръ

охранялось разбойниками, искавшими покаянія въ своихъ грѣхахъ и проповѣдывавшими другъ другу о назначеніи древа; изъ этихъ разбойниковъ одинъ, Амвросій, былъ при Моисеѣ, другой, Есромъ, при Давидѣ. Въ „Словѣ“ Іереміи разсказаны интересныя легенды о сообщеніи Давидомъ Соломону модели іерусалимскаго храма, сдѣланной изъ восковыхъ свѣчей, и о построеніи храма Соломономъ, получившимъ черезъ ангела перстень съ таинственною надписью (для покоренія демоновъ и привлеченія ихъ къ работѣ по постройкѣ храма,—какъ разсказывается въ другихъ крестныхъ и иныхъ легендахъ). Собирая рѣдкіе и дорогіе матеріалы для построенія храма, Соломонъ узналъ о древѣ при Меррѣ, осмотрѣлъ его, удивился какъ его красотѣ, такъ еще болѣе тому назначенію, о которомъ пророчески предупреждалъ его разбойникъ Есромъ; съ величайшими трудностями доставлено было древо въ Іерусалимъ, гдѣ возбуждало всеобщее удивленіе своею красотою и „извитіемъ“; всѣ попытки употребить его для постройки храма были напрасны, такъ какъ, несмотря на тщательныя измѣренія, оно оказывалось то длинно, то коротко; древо было положено подлѣ храма для отдохновенія проходящихъ; разбойникъ Есромъ пришелъ вслѣдъ за деревомъ и остался при немъ до смерти; послѣ него жили при древѣ другіе разбойники и продолжали проповѣдывать о назначеніи древа; самое мѣсто, гдѣ находилось древо, стало называться „разбоищемъ“, и всякій, остававшійся служить при древѣ, получалъ имя разбойника, хотя таковымъ и не былъ. Упомянувъ кратко о преемникахъ Соломона до Ирода, авторъ снова сообщаетъ нѣкоторыя легенды, относящіяся къ жизни Христа. Такъ, онъ разсказываетъ о нахожденіи Христомъ главы Адамовой на берегу Іордана, о спорѣ двухъ царей изъ-за этой главы, отличавшейся огромными размѣрами, такъ что одинъ изъ царей положилъ ее у воротъ своего дома, входилъ въ нее для отдыха и хотѣлъ сдѣлать въ ней себѣ усыпальницу, но Христосъ приказалъ похоронить ее за городомъ на мѣстѣ, прозванномъ съ тѣхъ поръ Краніевымъ. Здѣсь же разсказывается особо отмѣчаемая въ индексѣ легенда о томъ, „какъ Христосъ плугомъ оралъ“: при Августѣ шли обширныя работы по постройкѣ городовъ и дорогъ, никто не былъ безъ дѣла; тогда и Христосъ, встрѣтивъ человѣка, орущаго волами, взялъ плугъ и провелъ три борозды и тѣмъ освятилъ ручной трудъ. Далѣе слѣдуетъ очень интересная легенда, какъ Провъ, сынъ царя Селевка, назвалъ Христа братомъ во время купанья, какъ Провъ желчью и утробой пойманной Христомъ рыбы исцѣлилъ слѣпого отца и бѣсноватую

жену свою (разсказъ близко напоминаетъ библейскую исторію Товита и Товіи), какъ Христосъ помогалъ Прову въ сборѣ дани. Далѣе въ „Словѣ“ излагаются извѣстныя легенды о сношеніяхъ со Христомъ Авгаря и о поставленіи Іисуса въ іерейство при іерусалимскомъ храмѣ. Въ концѣ „Слова“ передъ краткимъ разсказомъ о распятіи передается исторія послѣдняго разбойника, стерегшаго крестное древо, по имени Спутника, который, по завѣщанію отца, и былъ распятъ со Христомъ, какъ разбойникъ благоразумный. Всѣ эти легенды, ничего не имѣющія общаго съ библейскими и евангельскими повѣствованіями и потому отвергавшіяся церковью, какъ видно изъ индекса, однако не проводятъ никакихъ еретическихъ мыслей и ничего не содержатъ такого, что свидѣтельствовало бы объ ихъ богомильскомъ происхожденіи. Извѣстны другія крестныя легенды съ именами свв. Северіана и Григорія; въ нихъ встрѣчаются отчасти тѣ же мотивы, но исторія древа ведется не отъ древа при Меррѣ, а отъ райскихъ древъ, въ насажденіи которыхъ участвовалъ Сатанаилъ.

Крестныя легенды были извѣстны богомиламъ, но онѣ передѣлывали ихъ по-своему: такъ, въ „Книгѣ св. Іоанна“ (латинской) вручаетъ Моисею три вѣтви для насажденія древа креста діаволъ; онъ самъ изобрѣлъ крестъ, какъ орудіе своей мести.

Полемика противъ ересей.

Распространеніе ложныхъ сочиненій и мнѣній не оставалось безъ протеста, который выражался не только въ формѣ запрета, изданія офиціальнаго индекса, но и въ формѣ полемическихъ сочиненій. Изъ этихъ послѣднихъ особенно замѣчательны: одно—посланіе іерусалимскаго монаха Аѳанасія къ нѣкоему Панку, начитавшемуся басенъ попа Іереміи и распространявшему ихъ; другое, болѣе древнее и важное, именно „Слово Козьмы пресвитера на новоявившуюся ересь богомилю“. Козьма пресвитеръ жилъ во 2-й половинѣ X вѣка, какъ видно изъ его увѣщанія къ духовенству, изъ котораго многіе знали знаменитаго Іоанна экзарха, современника Симеона. Слово Козьмы пресвитера принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ самостоятельныхъ сочиненій во всей старо-славянской литературѣ. Оно свидѣтельствуетъ не только о хорошемъ знакомствѣ съ богомильскимъ ученіемъ и православной догматикой, но и съ лучшими пріемами полемики: опровергая ученіе еретиковъ, авторъ, обладая несомнѣнною начитанностью, ссылается только на тѣ книги, авторитетъ которыхъ признавался и противниками. Вторая часть слова посвящена горячему обличенію пороковъ среди православныхъ, преимущественно духовенства и монашества, что особенно было важно

въ виду строгой жизни еретиковъ. Сочиненіе Козьмы пресвитера пріобрѣло большое значеніе: изъ него дѣлались выписки отдѣльныхъ мѣстъ въ сборникахъ и заимствованія какъ въ полемическихъ, такъ и обличительныхъ сочиненіяхъ; особое вниманіе обращали на него у насъ на Руси въ XV вѣкѣ, когда приходилось полемизировать съ такими положеніями ученія жидовствующихъ, которыя совпадали съ богомильскими, хотя выходили изъ другихъ началъ, напримѣръ, о церковной іерархіи, иконопочитаніи, почитаніи святыхъ, обрядахъ и пр. Вообще, на Руси обильно пользовались юго-славянскою письменностью, которая здѣсь принесла не меньшую, если не большую пользу, чѣмъ на своей родинѣ.

М. Соколовъ.



XLIX.

Болонскій университетъ и римское право въ средніе вѣка.

Римское право отъ V по XI в. Ко времени паденія Западной Римской имперіи населеніе ея провинцій было вполнѣ романизовано. Туземцы Африки, Испаніи, Галліи, частью Британіи, всѣ равно усвоили торговопромышленную и земледѣльческую технику римлянъ, переняли говоръ Италіи — народную, вульгарную латынь, и восприняли римскія юридическія воззрѣнія, въ частности римскія понятія о гражданскихъ сдѣлкахъ, порядкѣ ихъ совершенія и объ отношеніяхъ, изъ нихъ вытекающихъ. Таково отправное положеніе средневѣковой исторіи Запада.

Римская рѣчь и римское право не вымерли и послѣ вторженія варваровъ. Германцы-побѣдители настолько отличались своимъ культурнымъ развитіемъ отъ населенія, среди котораго они осѣли, такъ ясно сознавали это отличіе, что не попытались даже навязать покореннымъ „римлянамъ“ своихъ воззрѣній, своего права.

Пособія: [illegible] очерки по исторіи западной [illegible] въ Западной Европѣ. Москва 1886 [illegible] положеніи учащихся и [illegible] der Universitäten. I. Berlin 1885 [illegible] 1400 [illegible] Paris 1880 [illegible] Geschichte der [illegible] въ Германіи [illegible] римскаго права въ средніе [illegible].

Само собою [1]), какъ естественный исходъ изъ конфликта двухъ цивилизацій, въ основанныхъ варварами на римской почвѣ государствахъ, установилось такъ называемое „личное начало“: несмотря на объединеніе населенія одною государственною властью, общими для всѣхъ административными и судебными учрежденіями, въ области гражданскихъ отношеній каждая національность продолжала жить и судиться согласно своему природному праву. Такимъ образомъ, знаніе римскаго права или его обломковъ, уцѣлѣвшихъ при общемъ пониженіи культуры, сохранялось среди провинціальнаго населенія. Оно, правда, слабо, поддерживалось также народной школой, которая, будучи преемницей древне-римской школы, включала въ свою программу, какъ часть риторики, *ars dictaminis*, искусство составлять дѣловыя бумаги, въ особенности примѣнять юридическія формулы. Мѣстами, въ Римѣ, напримѣръ, сохранились спеціальныя, какъ бы высшія, юридическія школы.

Со временемъ, однако, примѣнять „личное начало“ становилось все труднѣе. Разноплеменные подданные одного государства жили въ перемежку, въ невольномъ экономическомъ общеніи, сближались, смѣшивались. Многое перенимали у варваровъ римляне (напримѣръ, институтъ соприсяжниковъ, conjuratores), но гораздо значительнѣе было вліяніе на германцевъ все еще болѣе культурныхъ римлянъ. Когда у германцевъ назрѣла потребность записать положенія ихъ обычнаго права и придать ему новую санкцію со стороны организованной государственной власти, они прибѣгли къ готовымъ формуламъ, какими могъ снабдить ихъ сосѣдній римскій нотаріусъ: рядъ варварскихъ Правдъ былъ редактированъ на латинскомъ языкѣ. Такой кодификаторскій пріемъ придалъ зачаточнымъ, неуклюжимъ еще юридическимъ представленіямъ германцевъ, которыя были приравнены къ отчетливымъ римскимъ понятіямъ, болѣе устойчивое, но видоизмѣненное значеніе. Не довольствуясь этимъ, варвары заимствовали рядъ отдѣльныхъ институтовъ, искажая, правда, и приноравливая ихъ къ своимъ потребностямъ. Первенствующее, громадное значеніе имѣло, напримѣръ, заимствованіе письменной формы для сдѣлокъ между живыми (договоровъ, дареній, передачи имущества) и распоряженій на случай смерти (завѣщаній). Послѣднія раньше были совершенно чужды германскому праву и введены уже подъ вліяніемъ церкви.

---

1) Была сдѣланв только одна попытка—въ обратновъ направленіи: Теодорихъ подчинялъ готовъ римскому праву.

Первые вѣка послѣ вторженія варваровъ были эпохой разложенія тѣхъ культурныхъ центровъ, которые римская цивилизація создала въ провинціи: городовъ—муниципій—и помѣстій — виллъ. Когда въ X и XI вѣкахъ, благодаря ряду внѣшнихъ толчковъ (походы норманновъ), этотъ процессъ быстро завершился, когда старый, римскій въ своей основѣ, строй окончательно рушился, пали уцѣлѣвшія еще перегородки между различными группами населенія. Онѣ слились и выработали для каждой отдѣльной мѣстности общій говоръ и рядъ общихъ, несложныхъ обычаевъ. Образовалось новое, территоріальное, обычное право, особенности котораго, какъ и мѣстнаго говора, обусловливались привычками численно преобладавшей въ округѣ національности. Во Франціи, напримѣръ, преобладаніе германскихъ началъ на сѣверѣ и римскихъ на югѣ почти совпадаетъ съ распространеніемъ нарѣчій langue d'oil и langue d'oc—въ зависимости отъ племеннаго состава населенія по обѣ стороны пограничной линіи этихъ областей.

Роль церкви.

Римское право, тѣмъ не менѣе, сохранило практическое значеніе. При наступившемъ смятеніи, пока еще только нарождавшійся феодальный строй медленно стягивалъ новые узлы культурной жизни, пока вырабатывался новый укладъ народной жизни и хозяйственнаго быта, среди общаго хаоса окончательно сложилась могущественная и стройная общественная организація — католическая церковь. По ея ученію, церковь есть societas perfecta, т. е., по современной терминологіи, суверенное государство. Какъ таковое, она имѣетъ свое особое право и только римскимъ и весьма близкимъ къ нему каноническимъ могло быть право этого римскаго по происхожденію, строю и духу учрежденія. „Secundum legem Romanam quam ecclesia vivit“, говоритъ уже Рипуарская Правда. При господствѣ такъ называемаго „личнаго начала“ римское право стало какъ бы національнымъ правомъ церкви и ея служителей. Оно примѣнялось притомъ не только по отношенію къ этимъ послѣднимъ, но всегда, когда въ дѣлѣ затрогивались ихъ интересы. Церковь даже расширила примѣненіе римскаго права, постепенно увеличивая, особенно въ XII в., кругъ вѣдомства своихъ судовъ и подчиняя имъ рядъ свѣтскихъ отношеній.

Юридическія познанія духовенства были, однако, ничтожны. Уровень образованія его глубоко палъ, и научное возрожденіе и возстановленіе авторитета римскаго права въ свѣтскихъ судахъ не было вызвано имъ.

Возрожденіе римскаго права.

Первые слѣды изученія римскаго права мы можемъ прослѣдить

въ Италіи, въ XI столѣтіи. Къ тому времени города сѣверной Италіи, ближайшіе преемники античной культуры, первые на Западѣ, достигли болѣе высокой степени общественнаго развитія. Политическій строй ихъ пріобрѣлъ нѣкоторую устойчивость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стало изумительно быстро увеличиваться народное благосостояніе. Отдѣльныя отрасли торговли и промышленности, получая самостоятельное значеніе, обособлялись и распредѣлялись между различными хозяйствами; послѣднія, чаще чѣмъ прежде, обмѣнивались своими произведеніями, и торговыя сношенія между ними росли и осложнялись. Возобновились также сношенія съ высококультурной еще Византіей и съ Востокомъ. Благодаря всему этому поднялся общій уровень образованія, и сказалась потребность въ болѣе совершенномъ и развитомъ правѣ. Въ многочисленныхъ вновь возникавшихъ городскихъ школахъ преподаваніе его оживилось. Въ Павіи, напримѣръ, въ X столѣтіи рядъ юристовъ занялся истолкованіемъ мѣстныхъ лангобардскихъ обычаевъ и законовъ.

Въ сѣверо-восточной Италіи, въ Равенской области, гдѣ населеніе, во время продолжительнаго господства Византіи, успѣло нѣсколько освоиться съ сборниками Юстиніана, введенными имъ въ 554 году,—вновь обратились къ изученію уцѣлѣвшихъ частей этихъ сборниковъ. Работы равенскихъ юристовъ возбудили, однако, и за предѣлами Равенны общій интересъ къ заброшеннымъ памятникамъ римскаго права, о высокихъ достоинствахъ котораго въ обществѣ сохранилось смутное преданіе, среди образованнаго духовенства, быть можетъ, даже ясное представленіе. Этого было достаточно. Среда была подготовлена хозяйственнымъ строемъ и общимъ умственнымъ развитіемъ, и ознакомленіе съ древней юридической мыслью быстро вызвало широкое научное движеніе.

Уже въ концѣ XI вѣка въ сосѣдней съ Равенной Болоньѣ возникла школа „глоссаторовъ“, которая произвела рѣшительный переворотъ въ пріемахъ изученія права. Основатель этой школы Ирнерій былъ сначала преподавателемъ риторики; но по почину маркграфини Матильды Тосканской, союзницы папы Григорія VII, онъ около 1088 года сталъ читать въ Болоньѣ римское право, какъ самостоятельный предметъ, отдѣльно отъ риторики, въ связи съ которой оно преподавалось раньше. Сохранилось преданіе, что Ирнерію первому удалось по частямъ вновь собрать полный текстъ Юстиніановыхъ сборниковъ. Но допуская даже, что это преданіе невѣрно, что у него были неизвѣстные намъ предшественники, всеже за Ирнеріемъ и его учениками мы должны признать великую **Глоссаторы.**

заслугу возрожденія послѣ вѣкового перерыва обширной и плодотворной отрасли знанія [1]).

По словамъ одного изъ преемниковъ его, Ирнерій былъ знатокъ логики (logicus fuit) и человѣкъ тонкаго ума (vir subtilis). Онъ быстро занялъ вліятельное положеніе, какъ судья и какъ преподаватель. Число его слушателей было, вѣроятно, весьма значительно: уже въ 1159 году папа Александръ III, преподававшій въ молодости римское право въ Болоньѣ, шлетъ извѣщеніе о своемъ избраніи цѣлому ряду болонскихъ ученыхъ. Не зная, однако, какъ долго преподавалъ Ирнерій,—повидимому до 1125 года,—мы не можемъ рѣшить, его ли учениками были тѣ четыре глоссатора, которые, опираясь на римское ученіе о неограниченности государственной власти, отстаивали въ 1158 году на Ронкальскомъ сеймѣ права императора Фридриха I, какъ законнаго преемника римскихъ кесарей. Цѣня поддержку со стороны преподавателей римскаго права, императоры оказывали школѣ особое покровительство, которое много содѣйствовало быстрому ея росту. Съ этого времени извѣстные изслѣдователи и преподаватели непрерывно смѣняли другъ друга въ теченіе полутора столѣтій. Изъ нихъ наиболѣе прославился Аццо, юристъ начала XIII вѣка. При немъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Болонью со всѣхъ концовъ Европы собиралось до 10,000 слушателей ежегодно. Толкованія Аццо пользовались общепризнаннымъ, рѣшающимъ значеніемъ въ судахъ, примѣнявшихъ римское право. Ученикомъ его Аккурсіемъ († 1260 году) заканчивается рядъ глоссаторовъ. Какъ бы подводя итогъ дѣятельности своихъ предшественниковъ, Аккурсій составилъ полный сводъ ихъ толкованій, и этимъ сводомъ, „glossa ordinaria“, почти исключительно пользовались всѣ позднѣйшіе юристы.

Своимъ названіемъ глоссаторы обязаны внѣшнему пріему работы, привычкѣ заносить свои объясненія между строкъ или на поляхъ рукописи памятника въ формѣ „глоссъ“ [2]). Но быстрый и прочный успѣхъ ихъ объясняется новыми, для той эпохи, пріе-

[1]) Въ 1894 году нѣмецкій ученый Фиттингъ издалъ нѣсколько юридическихъ сборниковъ, составленныхъ около XI вѣка, замѣчательныхъ по своему высокому совершенству, которые онъ приписываетъ Ирнерію. Вопросъ этотъ спорный, но сборники, во всякомъ случаѣ, доказываютъ, что изученіе римскаго права стало сразу на значительную высоту.

[2]) Glossa — на средневѣковой латыни — иностранное, непонятное слово, а также его истолкованіе.

мами изслѣдованія права. Въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, они стали изучать римское право во всемъ его объемѣ, какъ одно цѣлое. Они подыскивали съ изумительной и понынѣ едва ли превзойденной тщательностью сродные по содержанію отрывки и обнаружили, при истолкованіи ихъ, много находчивости и остроумія. Значеніе ихъ работъ умаляется, правда, тѣмъ, что они, подобно всѣмъ средневѣковымъ ученымъ, какъ и художникамъ [1]), были лишены всякаго представленія объ историческомъ развитіи и, ничѣмъ не смущаясь, отыскивали въ законахъ римскихъ императоровъ постановленія о ленномъ владѣніи или находили въ нихъ оправданіе родовой мести. Но сознательно они не рѣшались отступать отъ положеній римскаго права. Они съ набожною почтительностью усвоивали его, какъ воплощенный разумъ, какъ ratio scripta. Увѣренные въ предстоящемъ возрожденіи Римской имперіи, глоссаторы думали и учили, что всѣ христіанскіе народы обязаны вновь подчиниться римскому праву. Поэтому они не ограничивались попытками найти въ немъ отвѣтъ на запросы мѣстной жизни, разрѣшеніе отдѣльныхъ, случайно возникавшихъ юридическихъ задачъ; съ самаго же начала они излагали римское право, какъ право единое и общее для всего латинскаго Запада. И въ ихъ аудиторіяхъ стали собираться ученики со всего Запада.

Первое увлеченіе римскимъ правомъ.

Не связанное болѣе узкими рамками мѣстныхъ интересовъ, тщательное изученіе римской юридической литературы, которая, къ тому же, сохранилась почти полностью въ отличіе отъ литературы другихъ наукъ [2]),—изумительно быстро подняло уровень юридическаго мышленія. Въ короткое время юристы перешли отъ примѣненія отрывочныхъ, скудныхъ положеній средневѣковаго права къ послѣдовательному, подчасъ тонкому, разбору сложныхъ (юридическихъ) понятій. Глоссаторы, наряду съ парижскими схоластиками, ознаменовали возрожденіе научнаго мышленія, переходъ отъ механическаго усвоенія безсвязныхъ отрывковъ къ сознательному,

[1]) Одинъ итальянскій художникъ, современникъ постъ-глоссаторовъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, изобразилъ Сципіона Младшаго, въ доспѣхахъ, рядомъ съ пушкою, направленной противъ готическихъ башенъ Карѳагена,—не смотря на то, что, какъ не могъ не знать и художникъ, пушки вошли въ употребленіе за нѣсколько десятковъ лѣтъ всего. Подобно этой картинѣ разсужденія глоссаторовъ рисуютъ намъ иногда бытъ средневѣковой Италіи, а не древняго Рима.

[2]) Чтобы оцѣнить значеніе этого обстоятельства, стоитъ вспомнить о вліяніи, которое оказало на развитіе (схоластической) философіи, появленіе на Западѣ, хотя плохого, но полнаго перевода Аристотеля.

систематическому сопоставленію и согласованію унаслѣдованныхъ ученій [1]). То была первая, еще непосильная ихъ уму, но смѣлая попытка варваровъ самостоятельно разобраться въ богатомъ наслѣдіи древняго міра.

Подобную задачу первыми поставили себѣ юристы-глоссаторы. Благодаря ихъ трудамъ, изученіе права получило характеръ научной работы раньше, чѣмъ изученіе другихъ отраслей знанія. Въ средніе вѣка, пока философія считалась какъ бы введеніемъ къ богословію и изучалась только богословами, а естествознанія, какъ науки, не существовало, право было единственной свѣтской наукой, способной сообщить уму изслѣдователя научную выправку и широкое развитіе. Поразительные успѣхи юристовъ, столь же блестящіе и болѣе прочные, чѣмъ успѣхи парижскихъ схоластиковъ, не могли не придать особаго обаянія римскому праву и не вызвать увлеченія имъ въ обществѣ, среди котораго съ необычайной силой пробудилась жажда научнаго знанія [2]).

Движеніе, возникшее въ Болоньѣ, быстро охватило всю Западную Европу потому, конечно, что воззрѣнія глоссаторовъ были послѣдовательнымъ выраженіемъ настроенія средневѣковаго общества, которое смотрѣло на свой міръ, какъ на непосредственное продолженіе міра римскаго. Обязанные Риму почти всѣмъ своимъ культурнымъ багажомъ, своей литературной рѣчью, письменностью, естествознаніемъ и техникой, своими нравственными и религіозными идеалами, средніе вѣка, подчиняясь во всемъ вліянію Рима, не могли, очевидно, не подчиниться и его праву. Для нихъ римское

---

[1]) Мы привыкли обвинять глоссаторовъ и ихъ учениковъ въ слѣпомъ подчиненіи авторитетамъ. Этотъ упрекъ дѣлали имъ уже въ эпоху Возрожденія (Раблэ жестоко потѣшался надъ ними за это). Не то думали въ XII столѣтіи. Стефанъ, епископъ Турнейскій, въ письмѣ къ папѣ, какъ водится, обличаетъ новое направленіе въ наукѣ и жалуется, что-де „нынѣ въ церковныхъ судахъ простыя, установленныя издревле правила презираются новыми учеными; стали они противополагать имъ, къ немалому смущенію вѣрующихъ, непроходимый лѣсъ декретовъ, папскихъ посланій и тому подобныхъ документовъ, выбирая изъ нихъ, по своему усмотрѣнію, то, что имъ кажется болѣе подходящимъ“.

[2]) Пусть читатель вспомнитъ тутъ значеніе и роль отвлеченныхъ богословскихъ споровъ въ ту эпоху, готовность многотысячной толпы, напримѣръ, учениковъ Абеляра, съ напряженнымъ вниманіемъ, при самыхъ неудобныхъ внѣшнихъ условіяхъ, слѣдить за сложными схоластическими разсужденіями. Ничего подобнаго никогда больше не наблюдалось. Въ 1228 г. доминиканцы включили въ свои орденскія правила обѣтъ воздержанія отъ изученія права.

право имѣло значеніе не одной изъ юридическихъ системъ, между которыми возможенъ выборъ; то было высшее, даже единственное культурное право, имъ доступное. Можно ли еще спрашивать, почему оно было реципировано?

Уже при первомъ ознакомленіи съ правомъ, изложеннымъ въ сборникахъ Юстиніана, глоссатора поражало превосходство его надъ средневѣковыми обычаями; онъ угадывалъ тѣ высокія достоинства его, которыя нынѣ заставляютъ юристовъ обращаться къ этимъ сборникамъ, чтобы овладѣть мастерствомъ римлянъ въ разработкѣ юридическихъ задачъ. На рядъ вопросовъ и правовыхъ задачъ, которые ставилъ впервые общественный или частный бытъ въ своемъ поступательномъ развитіи, средневѣковый юристъ находилъ тутъ готовые отвѣты, находилъ ихъ по двумъ причинамъ. Въ основу средневѣковой культуры легла та античная культура, которую нѣкогда регулировало римское право, и привитая варварамъ античная гражданственность не могла не приводить къ аналогичнымъ отчасти результатамъ. Второю причиною былъ *универсальный* характеръ римскаго права. Въ эпоху Имперіи оно лишилось своихъ узко-національныхъ особенностей: развиваясь на почвѣ тѣснаго общенія ряда высоко-культурныхъ народностей, связанныхъ господствомъ Рима, воспринимая лучшія черты ихъ права, оно, по мѣрѣ разработки смѣнявшимися поколѣніями юристовъ-философовъ, выростало въ право „общенародное", т. е. въ право, общее для всѣхъ народовъ римской имперіи и тѣмъ самымъ для всего цивилизованнаго міра. Въ лучшую его эпоху оно регулировало отношенія, основанныя на товарномъ производствѣ и денежномъ хозяйствѣ, сложности и многообразія которыхъ средніе вѣка стали достигать лишь весьма медленно и неравномѣрно въ разныхъ странахъ Европы.

По сборникамъ Юстиніана средневѣковые юристы знакомились и съ основами римскаго государственнаго строя временъ Имперіи, такъ успѣшно обезпечившаго ея мирное развитіе, ту Pax Romana, символъ имперіи, которой многочисленныя области ея были обязаны цвѣтущимъ состояніемъ въ теченіе первыхъ вѣковъ нашей эры. Преданіе объ этомъ сохранилось среди варваровъ, и долго государственные дѣятели ихъ мечтали о возрожденіи искусно и крѣпко слаженнаго правительственнаго механизма Рима. Германскій императоръ, французскій король, сотрудники ихъ по осуществленію нелегкой для того времени задачи—усиленія государственной власти и обезпеченія политическаго и нравственнаго объединенія народа,—

всѣ они поэтому неуклонно стремились поднять значеніе римскаго права.

Итакъ, научный интересъ къ римскому праву, нравственное обаяніе его, практическая польза, поддержка свыше,—все это, дѣйствуя одновременно, побуждало лучшія силы того времени, какъ нѣкогда въ Римѣ, посвящать себя изученію права. XII вѣкъ, въ особенности, когда интересы общества еще не сосредоточились на богословскихъ спорахъ, какъ въ XIII и слѣдующихъ столѣтіяхъ, сталъ *вѣкомъ юриспруденціи;* на немъ отозвалось первое, страстное увлеченіе римскимъ правомъ. Большинство папъ—наиболѣе даровитыхъ личностей своей эпохи—вышло тогда изъ рядовъ юристовъ [1]).

Болонская школа. Въ эту именно эпоху увлеченія римскимъ правомъ одни только болонскіе глоссаторы преподавали его какъ самостоятельную отрасль знанія, какъ *науку*, систематически и въ полномъ объемѣ; только болонская юридическая школа могла получить обще-европейское значеніе — и получила его. Съ самаго же основанія школы, въ Болонью стали стекаться ученики не только изъ Италіи, но также изъ-за Альпъ, изъ романскихъ и славянскихъ земель,—всѣхъ тѣхъ странъ, умственная жизнь которыхъ находилась подъ вліяніемъ римской культуры. Число иностранцевъ быстро превысило во много разъ число мѣстныхъ учениковъ. Иностранцы получили рѣшительное преобладаніе. Подъ ихъ вліяніемъ болонская школа изъ *городской*, какой она была первоначально, превратилась въ школу *общую* для всѣхъ народовъ, въ „*Studium generale*“. Эта первая перемѣна въ характерѣ и значеніи школы повлекла за собою рядъ другихъ. Постараемся прослѣдить теперь важнѣйшія изъ нихъ, тѣ, которыя оказали замѣтное вліяніе на развитіе школы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на судьбы римскаго права.

Ея покровители. Значеніе новой, высшей школы скоро было сознано свѣтской и духовной властью. Нуждаясь въ поддержкѣ людей съ научнымъ образованіемъ, императоръ и папа даровали школѣ рядъ „привилегій“, т. е. преимуществъ въ правовомъ ея положеніи.

Чтобы обезпечить, по возможности, безопасность учениковъ-иностранцевъ, почти безправныхъ, императоръ Фридрихъ I издалъ въ 1158 году законъ, извѣстный подъ названіемъ „Authentcia Habita“, въ силу котораго ученики и преподаватели школы ставились подъ особое покровительство императора на пути въ школу

---

[1]) Напримѣръ: Александръ III, Иннокентій III, Григорій IX, Иннокентій IV.

и обратно и за все время ученія. Слушатели получили также право требовать, чтобы возбуждавшіеся противъ нихъ иски и обвиненія разбирались передъ мѣстнымъ епископомъ или тѣмъ преподавателемъ, у котораго каждый изъ нихъ занимался.

Еще серьезнѣе было значеніе поддержки, оказанной высшей школѣ папскою властью. У папы, могущественнаго покровителя научныхъ занятій, университетъ искалъ защиты отъ притѣсненій со стороны города. Не разъ папы прибѣгали къ суровымъ (духовнымъ) карамъ, чтобы заставить городскую общину отказаться отъ враждебныхъ университету мѣръ, и спасали его отъ грозившей ему гибели. Къ папѣ обращались за рѣшеніемъ споровъ, возникавшихъ между преподавателями и слушателями, среди которыхъ долго преобладали клирики. Рядомъ мѣръ папы облегчали послѣднимъ доступъ въ высшую школу [1]). Университету оказывалась, наконецъ, широкая помощь изъ церковныхъ средствъ. Для бѣдныхъ студентовъ былъ основанъ рядъ общежитій (collegia или bursae), а преподавателямъ, плохо обезпеченнымъ взносами слушателей, часто предоставлялись бенефиціи, т. е. извѣстные доходы съ церковнаго имущества.

Происхожденіе ученыхъ степеней.

Заботливое попеченіе о высшей школы дало возможность папамъ упорядочить многое въ ея быту—въ особенности же значеніе такъ называемыхъ „ученыхъ степеней“.

Болонскій университетъ развился на почвѣ городской, свѣтской школы, и во главѣ его не стоялъ особый духовный сановникъ, какимъ былъ, напримѣръ, въ Парижѣ канцлеръ университета. Но съ 1215 года аналогичное положеніе занялъ архидіаконъ (затѣмъ епископъ) болонскій. Папа предоставилъ ему исключительное право сообщать „licentiam docendi“, т. е. разрѣшать чтеніе лекцій лицу, признанному преподавателями достойнымъ соотвѣтствующаго ученаго званія. Мѣра эта не вызвала возраженій, и подобныя полномочія стали передаваться затѣмъ мѣстному епископу всюду, гдѣ возникали высшія школы по образцу болонской,—въ Падуѣ по просьбѣ самихъ слушателей. Тѣмъ самымъ представители духовной власти получили во всѣхъ университетахъ извѣстное вліяніе на

[1]) Папы дѣлали исключеніе въ пользу Болоньи. Вообще же они предупреждали богослововъ не увлекаться римскимъ правомъ, иногда воспрещали слушать его. Въ буллѣ Dolentur (1254 г.) папа съ укоризною говоритъ: tota clericorum multitudo ad audiendas seculares leges concurrit, но признаетъ, что—nunc in plerisque mundi climatibus ad ecclesiasticas dignitates nullus assumitur, nisi qui secularis scientiae professor vel advocatus existat.

присужденіе ученыхъ степеней. Обычай этотъ установился рано. По примѣру цеховыхъ мастеровъ—ремесленниковъ, преподаватели отдѣльныхъ наукъ стали принимать въ свою среду новыхъ лицъ только послѣ предварительнаго испытанія ихъ познаній. Ученикамъ, успѣшно выдержавшимъ искусъ, они торжественно присуждали затѣмъ „ученое званіе". Ихъ было нѣсколько и онѣ пріобрѣтались въ извѣстной послѣдовательности, по степенямъ. Высшей степенью было званіе „доктора" т. е. „ученаго". Оно соотвѣтствовало званію „мастера" и сообщало право преподавать вполнѣ самостоятельно, въ свою очередь брать въ ученіе другихъ.

Необходимость, сверхъ одобренія товарищей, получить особое разрѣшеніе отъ духовенства ограничивала права преподавателей,— но это стѣсненіе окупалось тѣмъ, что, благодаря участію въ ихъ присужденіи духовной власти, ученыя степени получили обще-европейское значеніе.

Прежде всего было признано право преподавать всюду за богословомъ, получившимъ разрѣшеніе отъ канцлера въ Парижѣ: докторъ парижскаго университета былъ doctor universalis ecclesiae, докторомъ всей церкви. Съ начала XIII столѣтія, папы [1]), подтвердивъ аналогичный обычай, установившійся въ пользу болонскихъ юристовъ, даровали всѣмъ вновь возникавшимъ университетамъ привилегіи, въ силу которыхъ присужденная ими степень сообщала право преподавать и въ другихъ высшихъ школахъ (jus ubique docendi).

Впослѣдствіи, когда возникъ рядъ новыхъ университетовъ, указанное право очень много содѣйствовало установленію тѣсной связи между ними. Лучшіе университеты Запада стали привлекать еще бóльшее число слушателей—безъ различія подданства. Установился даже обычай посѣщать, въ теченіе многолѣтнихъ иногда занятій, по нѣсколько университетовъ, въ разныхъ странахъ. Часто, впрочемъ, безпечная и разгульная молодежь среднихъ вѣковъ увлекалась не ученіемъ, а веселой бродячей жизнью во время этихъ кочевокъ. Сохранились свѣдѣнія о „странствующихъ студентахъ", перебывавшихъ въ 15 и болѣе университетахъ.

Одновременно и преподаватели, по особому приглашенію или по своему почину, стали нерѣдко переходить изъ университета въ университетъ. Какъ и слушатели, они понимали, что работа ка-

[1]) Подобныя привилегіи давались иногда и свѣтскою властью; но онѣ получили обще-европейское значеніе только тогда, когда ихъ подтверждали папы.

бинетная, надъ рукописью, не могла тогда дать уединенному изслѣдователю того богатства познаній, какъ переѣзды изъ одного центра научной дѣятельности въ другой.

Послѣдствіемъ всего этого было постоянное, живое общеніе между университетами, установленіе общеевропейской respublica litterarum. Средневѣковая наука, тѣсно связанная еще со школой, не знала національнаго обособленія, и мы увидимъ на примѣрѣ римскаго права, что новыя познанія и пріемы изслѣдованія, несмотря на отсутствіе печати, поразительно быстро распространялись по всей Западной Европѣ.

Происхожденіе и организація университетскихъ корпорацій.

Папы оказали также замѣтное вліяніе на общее развитіе строя болонской школы. Они первые приняли подъ свое покровительство возникшія при ней товарищества, общества преподавателей и слушателей. Въ XII столѣтіи въ Западной Европѣ, на развалинахъ прежняго строя, среди общаго хаоса, зародилось настойчивое стремленіе къ сплоченію, къ объединенію вновь нарождавшихся политическихъ и общественныхъ группъ. Возникали одни за другими городскія коммуны (общины), купеческія ганзы (союзы), торгово-промышленные цехи и гильдіи. Это движеніе сказалось также среди преподавателей и слушателей высшихъ школъ. Почти одновременно, притомъ независимо другъ отъ друга, на исходѣ XII столѣтія, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Болоньѣ, они стали соединяться въ рядъ „обществъ“ или „товариществъ“. Подобно упомянутымъ выше политическимъ и торгово-промышленнымъ союзамъ, эти товарищества разсматривались какъ самостоятельные носители гражданскихъ и публичныхъ правъ, отличныхъ отъ правъ отдѣльныхъ участниковъ. Они были, слѣдовательно, „корпораціями“ или „universitates“, по терминологіи римскихъ юристовъ.

Въ Болоньѣ особое значеніе получили союзы слушателей. Въ составъ этихъ союзовъ долго входили одни лишь студенты-юристы, которые пользовались рядомъ привилегій на томъ основаніи, что болонская школа первоначально была исключительно юридическою школой [1]). Такой составъ долженъ былъ возвысить значеніе болонскихъ корпорацій сравнительно съ парижскими націями, гдѣ преобладали студенты-артисты, — уже потому, что къ изученію права переходили, пройдя предварительно курсъ свободныхъ искусствъ (artes). Юристы были людьми сравнительно пожилыми, и болонское студенчество отличалось гораздо менѣе безпокойнымъ нравомъ,

[1]) Преподаваніе богословія было введено только съ 1360 года.

чѣмъ парижское. Оно, наконецъ, могло свободнѣе развиваться въ вольномъ итальянскомъ городѣ, чѣмъ подъ суровою властью парижскаго канцлера, занимавшаго по отношенію къ корпораціямъ положеніе сюзерена [1]).

Такимъ образомъ, рядъ причинъ содѣйствовалъ тому, что въ Болоньѣ, въ отличіе отъ Парижа, вся власть со временемъ перешла въ руки корпораціи слушателей. Въ предѣлахъ университета повторился процессъ, который можно прослѣдить въ исторіи городской общины: къ концу среднихъ вѣковъ власть переходитъ къ одной изъ группъ союзовъ, изъ которыхъ слагалась община,—къ цехамъ.

Первое товарищество было образовано, вѣроятно, слушателями-нѣмцами, по образцу „ганзъ" (союзовъ, гильдій) нѣмецкихъ купцовъ, торговавшихъ за предѣлами отечества. Ихъ примѣру вскорѣ послѣдовали представители другихъ сѣверныхъ націй, а затѣмъ уроженцы Ломбардіи и средней Италіи (Toschi), такъ что всего возникло не менѣе четырехъ товариществъ. Но около 1250 года, по неизвѣстнымъ намъ побужденіямъ, онѣ слились въ двѣ большія „корпораціи". Въ составъ одной, корпораціи „ультрамонтановъ", вошли студенты, родомъ изъ-за Альпійской цѣпи. Они дѣлились на 14 націй, группъ, сохранявшихъ, повидимому, нѣкоторую самостоятельность. То были: Gallici, Picardi, Burgundiones, Pictavenses et Vascones, Turonenses et Cenomanenses, Normanni, Catelani, Ungari, Poloni, Theotonici, Ispani, Provinciales, Anglici—словомъ, представители всѣхъ областей средневѣковой Европы. Другая, корпорація „цитрамонтановъ", объединяла всѣхъ уроженцевъ Италіи, за исключеніемъ слушателей изъ самой Болоньи. Какъ граждане родного города, они не нуждались въ защитѣ и помощи, которую оказывала корпорація, и поэтому совсѣмъ не входили въ составъ обществъ.

Наиболѣе древній уставъ болонской корпораціи (націи), дошедшій до насъ полностью, относится къ 1497 году. Но постановленія его носятъ явный отпечатокъ эпохи происхожденія корпорацій. Общество студентовъ именуетъ себя братствомъ (fraternitas). Оно избираетъ изъ своей среды двухъ прокураторовъ, для представительства во внѣ и для управленія ея дѣлами. Этимъ прокураторамъ поручается также судебная власть надъ товарищами и,

[1]) По терминологіи нѣмецкаго права, парижскія корпораціи были hofrechtliche Genossenschaften, а болонскія—stadtrechtliche.

подъ страхомъ высокаго денежнаго штрафа, воспрещается привлекать товарища къ общему суду, помимо своего корпоративнаго суда. Уставъ обязываетъ товарищей питать другъ ко другу братскую любовь (fraterna caritas), ухаживать за больными, оказывать поддержку нуждающимся товарищамъ, сопровождать ихъ къ докторскому испытанію и затѣмъ домой, складываться, чтобы справлять достойно похороны умершихъ товарищей, наконецъ, сообща праздновать торжественные въ жизни общества дни. Каждый вновь поступающій членъ общества долженъ принести присягу строго соблюдать уставъ. Эта черта, въ связи со всѣмъ вышеизложеннымъ, доказываетъ, что корпораціи были не чѣмъ инымъ, какъ древнегерманскими Schwurbrüderschaften (присяжными братствами), обычной формой соединенія средневѣковыхъ купцовъ и ремесленниковъ.

Борьба ихъ съ городомъ.

Не такъ рано и легко, какъ внутренній распорядокъ корпораціи, слушателямъ удалось упрочить внѣшнее положеніе ихъ и вліяніе на общеуниверситетскія дѣла. Этого вліянія они добились только послѣ продолжительной и упорной борьбы съ городскою общиной и съ обществомъ (цехомъ) преподавателей.

Городскія власти считали себя въ правѣ вмѣшиваться въ управленіе университетомъ на томъ основаніи, что онъ первоначально былъ городскою школой. Къ студенческимъ же обществамъ онѣ относились враждебно преимущественно изъ опасенія, что, сплотившись, слушатели легче могутъ исполнить обычную во время нерѣдкихъ столкновеній съ гражданами города угрозу—выселиться и перенести всю школу въ другое мѣсто, къ немалому ущербу доходовъ Болоньи и ея домовладѣльцевъ въ особенности. Эти опасенія не были лишены основанія. Студенты на самомъ дѣлѣ нѣсколько разъ уходили и торжественно клялись, что уже не вернутся болѣе. Въ такихъ случаяхъ въ дѣло вмѣшивался постоянный покровитель студентовъ—папа. Онъ заставлялъ городъ уступать, а студентовъ разрѣшалъ отъ данной клятвы. Не всѣ, однако, соглашались на компромиссъ, и нѣкоторые оставались въ сосѣднихъ городахъ, образуя тамъ ядро новаго университета. Такъ возникли первые послѣ Болоньи итальянскіе университеты—въ Виченцѣ (1204 г.) и въ Падуѣ (1222 г.). Послѣ того какъ было улажено особенно рѣзкое столкновеніе въ 1321 г., долго угрожавшее окончательнымъ закрытіемъ болонскаго университета, студенты-юристы построили въ память этого событія церковь S. Maria della Pace (Маріи Миротворицы). Въ этой церкви былъ поставленъ сохранившійся понынѣ памятникъ, на которомъ рельефомъ изображено поклоненіе студентовъ

Богоматери. По правую сторону стоятъ ректоръ ультрамонтановъ, nobilis vir dominus Bartholomaeus Lambertus, каноникъ изъ Фамагусты, на островѣ Кипрѣ [1]), и помощники его—Jaroslaus de Polonia et Petrus Revorii de Burgundia По лѣвую сторону изображены ректоръ цитрамонтановъ, dominus Bernardus Catenacius, каноникъ церкви св. Антонія въ Плаценціи, и два помощника его. Этотъ памятникъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о томъ значеніи, которое клирики и въ XIV столѣтіи сохранили среди студентовъ-юристовъ.

Споры между преподавателями и слушателями.

Преподаватели, которыхъ слушателямъ къ концу среднихъ вѣковъ удалось даже подчинить власти избраннаго изъ своей среды ректора, имѣли, конечно, еще больше поводовъ бороться противъ возраставшаго вліянія обществъ слушателей. Они опирались при этомъ, главнымъ образомъ, на постановленія римскихъ императоровъ. Императоры, говорили глоссаторы, даровали право суда и власть надъ своими членами только обществамъ, состоящимъ изъ лицъ, занятыхъ какой-либо профессіей. Такими являются однако не ученики, а только преподаватели, „доктора", и только ихъ корпорація можетъ пользоваться всѣми правами цеха. Въ началѣ XIII столѣтія глоссаторъ Ацо напоминаетъ слушателямъ, что „ни у скорняковъ, ни у другихъ ремесленниковъ ученики (подмастерья) не составляютъ товариществъ, а цехи состоятъ изъ ихъ мастеровъ". На какомъ же основаніи, спрашиваетъ онъ, наши ученики считаютъ себя въ правѣ основывать особыя общества? Но къ концу XIV вѣка начинаютъ признавать законность общества студентовъ. Постъ-глоссаторъ Бальдо, считая ихъ вполнѣ законными, лишь убѣждаетъ слушателей, что не слѣдовало бы избирать ректора всего университета (rector studii) исключительно изъ своей среды. Выборъ общаго главы, думаетъ Бальдо, долженъ быть предоставленъ слушателямъ совмѣстно съ преподавателями, ибо они всѣ части одного тѣла—ad universitatem studentium, id est doctorum et scolarium, id est ad caput cum membris.

Образованіе единаго университета и значеніе корпоративнаго строя.

Только что приведенная цитата указываетъ, между прочимъ, на знаменательный переворотъ, завершившійся въ болонской школѣ къ концу XIV вѣка. Корпораціи слушателей еще тѣснѣе сплотились и образовали изъ всѣхъ „studentes", какъ средніе вѣка называли не только слушателей, но также самостоятельныхъ уже

[1]) Кипръ былъ въ это время самостоятельнымъ государствомъ, основаннымъ *сѣверными* крестоносцами.

изслѣдователей-преподавателей, одно общество съ однимъ ректоромъ во главѣ. Это охватывающее весь составъ школы общеуниверситетское общество—universitas totius studii—и привыкли тогда короче называть „universitas" (studentium), пока, къ концу среднихъ вѣковъ, это названіе не вытѣснило прежняго „studium generale". Не случайно, конечно, произошла эта смѣна названій. Въ ней отразилась и мѣтко указана наиболѣе характерная и цѣнная особенность средневѣковой школы. Корпоративныя права учащихъ и учениковъ были основной причиной и единственнымъ залогомъ ея процвѣтанія и культурнаго вліянія. И раньше, до возникновенія университетовъ, въ школахъ нерѣдко вокругъ даровитаго преподавателя или извѣстнаго ученаго собирались многочисленные ученики. Но когда такой преподаватель смѣнялся или когда наступали неблагопріятныя внѣшнія условія, большинство ихъ уходило, а школа, послѣ непродолжительнаго расцвѣта, приходила въ упадокъ и въ забвеніе. Подобная же участь грозила школѣ, основанной глоссаторами, пока она не превратилась въ самостоятельный и независимый общественный союзъ, съ своей особой жизнью, особыми обычаями и преданіемъ, связывавшими последовательныя поколѣнія преподавателей и слушателей. Тогда только было обезпечено, на многіе вѣка, преемство научной работы и непрерывное существованіе школы среди смутъ и борьбы среднихъ вѣковъ. Университетскіе города въ Италіи много разъ переходили отъ одного завоевателя къ другому и нерѣдко при этомъ опустошались; но университеты въ нихъ развивались почти безостановочно.

Распространеніе университетовъ.

Эта организація высшей школы, одновременно и независимо другъ ото друга возникшая въ Болоньѣ и въ Парижѣ, настолько соотвѣтствовала потребностямъ эпохи, что немедленно вызвала подражаніе. До конца XIV вѣка въ разныхъ странахъ Западной Европы возникло около 50 университетовъ—и всѣ они были основаны по образцу первыхъ двухъ. Благодаря этому самая организація болонской школы оказала значительное вліяніе на распространеніе римскаго права.

На югѣ, въ Италіи и въ Испаніи, повсюду былъ заимствованъ строй болонскаго университета цѣликомъ. Вмѣстѣ съ нимъ получало преобладающее значеніе, какъ въ Болоньѣ, преподаваніе римскаго права. Особенно наглядно это вліяніе сказалось при основаніи въ 1300 г. университета въ Леридѣ Яковомъ II, королемъ Арагонскимъ, который пожелалъ избавить отъ далекаго и опаснаго

Богоматери. По правую сторону стоятъ ректоръ ультрамонтановъ, nobilis vir dominus Bartholomaeus Lambertus, каноникъ изъ Фамагусты, на островѣ Кипрѣ [1]), и помощники его—Jaroslaus de Polonia et Petrus Revorii de Burgundia По лѣвую сторону изображены ректоръ цитрамонтановъ, dominus Bernardus Catenacius, каноникъ церкви св. Антонія въ Плаценціи, и два помощника его. Этотъ памятникъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о томъ значеніи, которое клирики и въ XIV столѣтіи сохранили среди студентовъ-юристовъ.

Споры между преподавателями и слушателями.

Преподаватели, которыхъ слушателямъ къ концу среднихъ вѣковъ удалось даже подчинить власти избраннаго изъ своей среды ректора, имѣли, конечно, еще больше поводовъ бороться противъ возраставшаго вліянія обществъ слушателей. Они опирались при этомъ, главнымъ образомъ, на постановленія римскихъ императоровъ. Императоры, говорили глоссаторы, даровали право суда и власть надъ своими членами только обществамъ, состоящимъ изъ лицъ, занятыхъ какой-либо профессіей. Такими являются однако не ученики, а только преподаватели, „доктора", и только ихъ корпорація можетъ пользоваться всѣми правами цеха. Въ началѣ XIII столѣтія глоссаторъ Ацо напоминаетъ слушателямъ, что „ни у скорняковъ, ни у другихъ ремесленниковъ ученики (подмастерья) не составляютъ товариществъ, а цехи состоятъ изъ ихъ мастеровъ". На какомъ же основаніи, спрашиваетъ онъ, наши ученики считаютъ себя въ правѣ основывать особыя общества? Но къ концу XIV вѣка начинаютъ признавать законность общества студентовъ. Постъ-глоссаторъ Бальдо, считая ихъ вполнѣ законными, лишь убѣждаетъ слушателей, что не слѣдовало бы избирать ректора всего университета (rector studii) исключительно изъ своей среды. Выборъ общаго главы, думаетъ Бальдо, долженъ быть предоставленъ слушателямъ совмѣстно съ преподавателями, ибо они всѣ части одного тѣла—ad universitatem studentium, id est doctorum et scolarium, id est ad caput cum membris.

Образованіе единаго университета и значеніе корпоративнаго строя.

Только что приведенная цитата указываетъ, между прочимъ, на знаменательный переворотъ, завершившійся въ болонской школѣ къ концу XIV вѣка. Корпораціи слушателей еще тѣснѣе сплотились и образовали изъ всѣхъ „studentes", какъ средніе вѣка называли не только слушателей, но также самостоятельныхъ уже

---

[1]) Кипръ былъ въ это время самостоятельнымъ государствомъ, основаннымъ *сѣверными* крестоносцами.

подчиняться, хотя никто не облекалъ ихъ судебною властью. Теперь только наступила эпоха, когда римское право получило внѣшній авторитетъ дѣйствующаго права, когда его старались „реципировать“, принять и, по возможности, цѣликомъ примѣнить къ жизни. Суды стали слѣпо преклоняться передъ нимъ—даже тамъ, гдѣ государственная власть не предписывала этого. Въ эту эпоху поэтъ, чтобы какъ можно ярче изобразить полную безпомощность грѣшника на Страшномъ судѣ, могъ воскликнуть: ему не помогутъ даже ссылки на Кодексъ и Дигесты—

ibi nihil proderit allegare,
ubi nullus Codici locus aut Digestis!

Но всюду равномѣрное, теоретическое увлеченіе римскимъ правомъ не привело къ столь же равномѣрному практическому примѣненію его. Время и ходъ рецепціи были весьма различны въ зависимости, прежде всего, отъ степени развитія хозяйственнаго быта отдѣльныхъ странъ.

Римское право во Франціи.

Остановимся нѣсколько на судьбахъ римскаго права во Франціи. На югѣ Галліи послѣ вторженія варваровъ старое провинціальное, римское населеніе сохранило преобладающее значеніе. Сложившіеся здѣсь къ XI вѣку обычаи воспроизводили основныя черты привычнаго населенію римскаго права. Когда возродилось научное изученіе его, то подъ вліяніемъ всеобщаго увлеченія сборники Юстиніана, *силою того же обычнаго права* и вопреки волѣ королей [1]), получили значеніе дѣйствующаго *закона*—и южную Францію стали называть „pays de droit écrit“. Тамъ, напротивъ, гдѣ сплошными массами осѣли франки, образовалось обычное право германскаго типа, и за областью къ сѣверу отъ Луары (приблизительно) сохранилось названіе „pays de droit coutumier“, такъ какъ эти обычаи примѣнялись до самаго паденія „стараго порядка“. Впослѣдствіи, однако, римское право оказало и на нихъ сильное вліяніе, а въ XIX столѣтіи удалось уже объединить обычаи сѣвера и юга въ одно общефранцузское право.

Французскіе короли признавали за римскимъ правомъ въ судѣ только силу мѣстнаго обычая южныхъ областей; но они желали, чтобы оно преподавалось во всемъ королевствѣ: и имъ оно казалось „raison écrite“, идеальнымъ правомъ. Въ указѣ 1312 года

---

[1]) Они опасались, какъ бы это обстоятельство не было истолковано въ смыслѣ доказательства принадлежности Прованса Римской имперіи.

Филиппъ Красивый говоритъ: „Подобно тому какъ свободныя искуства служатъ необходимой подготовкой къ занятіямъ богословіемъ, такъ ученія римскаго права подготовляютъ къ познанію того, что разумно, развиваютъ добрые нравы, указуютъ путь къ достиженію справедливости и подгототовляютъ къ пониманію обычнаго права (ad consuetudinem intellectum propriant)".

Несмотря на ограниченное практическое примѣненіе его, интересъ къ римскому праву быстро возрасталъ во Франціи. Какъ только первые ученики болонскихъ глоссаторовъ стали читать его въ Парижѣ, въ XII столѣтіи, послышались жалобы на то, что имъ увлекаются всѣ студенты-богословы. Въ 1219 году папа буллою „Super speculam" долженъ былъ закрыть юридическій факультетъ парижскаго университета, чтобы устранить соблазнъ и заставить слушателей возвратиться къ изученію богословія. Немедленно, однако, преподаваніе римскаго права оживилось въ Орлеанѣ, расположенномъ, подобно Парижу, въ области кутюмнаго права. Одновременно на югѣ процвѣтало нѣсколько университетовъ (въ Монпелье, Тулузѣ, Кагорѣ и др.), которые сохраняли тѣсное общеніе съ итальянскими юридическими школами.

Легисты и ихъ вліяніе на развитіе гражданскаго права.

Многочисленные воспитанные на римскомъ правѣ „легисты", какъ назывались во Франціи и въ Англіи ученые юристы, въ своемъ увлеченіи были склонны придавать ему еще большее значеніе, чѣмъ сами короли. Многіе изъ нихъ думали, что всякій вообще пробѣлъ въ обычномъ правѣ долженъ быть дополненъ изъ римскаго права. Часть легистовъ признавала, однако, за римскимъ правомъ лишь значеніе ratio scripta, наиболѣе разумнаго права, постановленія котораго нуждались для практическаго примѣненія въ особой санкціи. Но какъ тѣ, такъ и другіе на дѣлѣ широко черпали изъ богатыхъ сокровищницъ Юстиніановыхъ сборниковъ. Особенно много и успѣшно они заимствовали при составленіи сборниковъ обычнаго права, которые въ разное время, съ XIII по XVI вѣкъ, были составлены почти для всѣхъ судебныхъ округовъ сѣверной Франціи. Первые составители ограничивались простою вставкой, наряду съ обычаями и королевскими указами, отдѣльныхъ постановленій римскаго и близкаго ему каноническаго права. Такъ поступили авторы древнѣйшихъ сборниковъ, напримѣръ, такъ называемыхъ Etablissements de St. Louis (сборника, составленнаго частнымъ лицомъ около 1272 года). Обходя трудный вопросъ объ основаніи дѣйствія римскаго права, авторъ другого сборника— Livre de Jostice et de Plet (Книги о правдѣ и судѣ)—прямо при-

писываетъ Людовику Святому рескриптъ императора Адріана. Но уровень научныхъ знаній французскихъ легистовъ быстро возросталъ подъ вліяніемъ университетскаго преподаванія. Бомануаръ, славный юристъ и поэтъ, уже въ концѣ XIII вѣка пользовался римскимъ правомъ при разработкѣ обычаевъ округа города Бовэ, гдѣ онъ былъ намѣстникомъ (бальи), съ замѣчательнымъ искусствомъ заимствуя не отрывки, а основныя идеи римскихъ юристовъ и духъ ихъ твореній.

Особенно много римскихъ понятій заимствовалъ сборникъ „Coutumes de Beauvoisis“ (1283 года) въ области обязательственнаго права, въ частности по вопросу о порядкѣ заключенія и исполненія договоровъ. Вотъ примѣръ. Въ теченіе тысячелѣтней исторіи своей римское право выработало весьма простыя, цѣлесообразныя формы заключенія сдѣлокъ, которыя теперь, но только теперь, когда онѣ усвоены всѣми цивилизованными народами, кажутся намъ какъ бы естественными, почти неизбѣжными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, римское право давало возможность въ извѣстныхъ случаяхъ оспаривать сдѣлку, когда исполненіе ея оскорбляло чувство справедливости,—но не жертвовало также, какъ древне-греческое право, прочностью гражданскаго оборота: оно разрѣшало, напримѣръ, просить объ уничтоженіи договора, заключеннаго подъ вліяніемъ страха, возбужденнаго угрозами, если послѣднія были противозаконны и серьезны. Древне-французскіе кутюмы, какъ всякое неразвитое право, были менѣе гибки и не содержали соотвѣтствующихъ постановленій. Договоры, которые они знали, требовали торжественной формы заключенія, т. е. произнесенія опредѣленныхъ формулъ при извѣстной обстановкѣ, и подлежали исполненію во всякомъ случаѣ. Но Бомануаръ уже держится римскихъ началъ и говоритъ въ своемъ сборникѣ: „Сдѣлки, заключенной подъ вліяніемъ принужденія или страха, можно не исполнять. Но принужденіе и страхъ бываютъ различны. Говоря: „я сдѣлалъ это по принужденію“, слѣдуетъ указать принужденіе и, въ чемъ оно состояло, и доказать, если противная сторона будетъ отрицать его. Тогда надлежитъ разсмотрѣть, таково ли было принужденіе, чтобы можно было уничтожить сдѣлку. То же—если кто заключитъ договоръ подъ вліяніемъ страха“ [1]).

Позже стали видоизмѣняться, подъ вліяніемъ римскихъ взгля-

[1]) Beaum. 34, 26: Convenence, qui est fete par force ou par peur n'est pas à tenir. Mais force et peur si sont de manieres car en dire „je le fis par force“, il convient dire le force et quele et prover.

довъ, и другія постановленія обычнаго права, напримѣръ, порядокъ наслѣдованія. Кутюмы, какъ всѣ средневѣковые обычаи, при раздѣлѣ наслѣдства, въ особенности недвижимаго имущества, отдавали предпочтеніе сыновьямъ передъ дочерьми (ср. такъ называемый Салическій законъ), а иногда еще старшему сыну въ ущербъ младшимъ. Въ сборникахъ Юстиніана указывалось другое болѣе справедливое начало равнаго надѣленія всѣхъ дѣтей безъ различія пола. По мѣрѣ культурнаго роста страны эти постановленія пріобрѣтали все бóльшія симпатіи населенія. Примѣненіе ихъ вмѣстѣ съ другими, тѣсно съ ними связанными постановленіями, постоянно расширялось, пока онѣ, съ конца прошлаго столѣтія, не легли въ основу общефранцузскаго права.

Политическая роль легистовъ. Во Франціи легистовъ вывелъ на почву практической дѣятельности Людовикъ Святой. Онъ искалъ ихъ содѣйствія, думая, что они болѣе способны водворить правду и справедливость на судѣ, чѣмъ невѣжественные феодалы; но онъ не предвидѣлъ еще той политической роли, которую имъ суждено было сыграть. При преемникахъ Людовика почти всѣ отрасли государственнаго управленія перешли въ ихъ руки. Они засѣдали въ королевскомъ совѣтѣ (conseil) и въ верховномъ судѣ (parlement). Они же занимали обыкновенно должности бальи и прево, которымъ поручалось мѣстное управленіе, сборъ податей и отправленіе суда. Постепенно легисты составили какъ бы особый классъ—многочисленное и сомкнутое чиновничество, сильное своимъ знаніемъ права и дѣловымъ навыкомъ. Опираясь на авторитетъ римскаго права, легисты упорно проводили почерпнутые въ немъ идеалы, враждебные средневѣковымъ идеямъ и формамъ, но отвѣчавшіе потребностямъ новаго времени, стремленіямъ того класса (tiers état), который шелъ на смѣну феодальному барону.

Такъ, вопреки средневѣковому представленію, что и въ области частныхъ, гражданскихъ отношеній лица разныхъ состояній должны имѣть различныя права, дворянинъ—одни, мужикъ—другія, легисты стремились создать, по образцу римскаго, равное для всѣхъ, общее право Франціи. Они послѣдовательно старались освободить личность и собственность отъ стѣснительныхъ оковъ феодальной или общинной зависимости. Въ области государственнаго управленія легисты ставили себѣ задачей возвышеніе королевской власти, которая одна могла побороть феодальную смуту и обезпечить Франціи внутренній миръ и общую безопасность, необходимыя для роста народнаго благосостоянія. Строй Римской имперіи, такъ

удачно и крѣпко сочлененный, казался имъ идеаломъ и служилъ образцомъ, по которому они созидали строй французской монархіи. Король не только верховный сюзеренъ — онъ императоръ своихъ владѣній, источникъ и блюститель всего права,—таково основное положеніе легистовъ. Бомануаръ говоритъ: „ce qui li plest à fere doit estre tenu por a loi" (Beaum. 30, 29). Отсюда стремленіе послѣдовательно ограничивать всѣми средствами кругъ вѣдомства феодальныхъ судовъ и подрывать самостоятельность какъ феодальныхъ бароновъ, такъ и городскихъ общинъ (коммунъ). На смѣну средневѣковому разновластію создавалось „централизованное" управленіе. Исподоволь подготовляя монархію Людовика XIV, они хотѣли, чтобы король, при помощи своихъ органовъ, изъ одного центра могъ направлять и согласовать жизнь отдѣльныхъ частей государства. Легисты отважились даже на столь опасную тогда открытую войну съ церковною властью. Они оспаривали и послѣдовательно суживали свѣтскія полномочія духовенства; они рѣшились даже засудить своимъ свѣтскимъ судомъ духовный орденъ тампліеровъ и папу Бонифація VIII. Правда, къ насильственнымъ пріемамъ, какъ въ этихъ случаяхъ, они прибѣгали только въ царствованіе Филиппа Красиваго. Но всегда они были неразборчивы на средства въ борьбѣ съ церковью и феодализмомъ и вызывали въ своихъ противникахъ сильное озлобленіе. Ненависти ихъ могущественныхъ враговъ каждый почти король долженъ былъ жертвовать помощниками своего предшественника. Ликовалъ и народъ при видѣ казни легистовъ, такъ какъ онъ винилъ ихъ въ возрастаніи налоговъ. Но легисты упорно продолжали свою работу. „Сынъ казненнаго смѣло садился на мѣсто отца и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и направленіи, не заботясь, повидимому, о предстоящей ему участи". Увлеченіе идеалами римской древности внушало этимъ жесткимъ представителямъ закона непоколебимую увѣренность въ правотѣ своего дѣла. И они дѣйствительно способствовали прогрессу своего отечества.

„Теоретическая" рецепція въ Германіи.

Въ Германіи римское право стало оказывать замѣтное вліяніе на общественный и частный бытъ страны позже, чѣмъ во Франціи. Правда, убѣжденіе, что Германская имперія есть продолженіе имперіи Римской, уже рано, еще до возникновенія болонской школы, заставляло императоровъ пользоваться римскимъ правомъ для обоснованія и расширенія своихъ правъ. Эти стремленія ясно сказались въ дѣятельности, напримѣръ, Фридриха II въ его сицилійскихъ владѣніяхъ и въ попыткѣ Карла IV дать Богеміи граждан-

чѣмъ парижское. Оно, наконецъ, могло свободнѣе развиваться въ вольномъ итальянскомъ городѣ, чѣмъ подъ суровою властью парижскаго канцлера, занимавшаго по отношенію къ корпораціямъ положеніе сюзерена [1]).

Такимъ образомъ, рядъ причинъ содѣйствовалъ тому, что въ Болоньѣ, въ отличіе отъ Парижа, вся власть со временемъ перешла въ руки корпораціи слушателей. Въ предѣлахъ университета повторился процессъ, который можно прослѣдить въ исторіи городской общины: къ концу среднихъ вѣковъ власть переходитъ къ одной изъ группъ союзовъ, изъ которыхъ слагалась община,— къ цехамъ.

Первое товарищество было образовано, вѣроятно, слушателями-нѣмцами, по образцу „ганзъ" (союзовъ, гильдій) нѣмецкихъ купцовъ, торговавшихъ за предѣлами отечества. Ихъ примѣру вскорѣ послѣдовали представители другихъ сѣверныхъ націй, а затѣмъ уроженцы Ломбардіи и средней Италіи (Toschi), такъ что всего возникло не менѣе четырехъ товариществъ. Но около 1250 года, по неизвѣстнымъ намъ побужденіямъ, онѣ слились въ двѣ большія „корпораціи". Въ составъ одной, корпораціи „ультрамонтановъ", вошли студенты, родомъ изъ-за Альпійской цѣпи. Они дѣлились на 14 націй, группъ, сохранявшихъ, повидимому, нѣкоторую самостоятельность. То были: Gallici, Picardi, Burgundiones, Pictavenses et Vascones, Turonenses et Cenomanenses, Normanni, Catelani, Ungari, Poloni, Theotonici, Ispani, Provinciales, Anglici — словомъ, представители всѣхъ областей средневѣковой Европы. Другая, корпорація „цитрамонтановъ", объединяла всѣхъ уроженцевъ Италіи, за исключеніемъ слушателей изъ самой Болоньи. Какъ граждане родного города, они не нуждались въ защитѣ и помощи, которую оказывала корпорація, и поэтому совсѣмъ не входили въ составъ обществъ.

Наиболѣе древній уставъ болонской корпораціи (націи), дошедшій до насъ полностью, относится къ 1497 году. Но постановленія его носятъ явный отпечатокъ эпохи происхожденія корпорацій. Общество студентовъ именуетъ себя братствомъ (fraternitas). Оно избираетъ изъ своей среды двухъ прокураторовъ, для представительства во внѣ и для управленія ея дѣлами. Этимъ прокураторамъ поручается также судебная власть надъ товарищами и,

[1]) По терминологіи нѣмецкаго права, парижскія корпораціи были hofrechtliche Genossenschaften, а болонскія — stadtrechtliche.

подъ страхомъ высокаго денежнаго штрафа, воспрещается привлекать товарища къ общему суду, помимо своего корпоративнаго суда. Уставъ обязываетъ товарищей питать другъ ко другу братскую любовь (fraterna caritas), ухаживать за больными, оказывать поддержку нуждающимся товарищамъ, сопровождать ихъ къ докторскому испытанію и затѣмъ домой, складываться, чтобы справлять достойно похороны умершихъ товарищей, наконецъ, сообща праздновать торжественные въ жизни общества дни. Каждый вновь поступающій членъ общества долженъ принести присягу строго соблюдать уставъ. Эта черта, въ связи со всѣмъ вышеизложеннымъ, доказываетъ, что корпораціи были не чѣмъ инымъ, какъ древнегерманскими Schwurbrüderschaften (присяжными братствами), обычной формой соединенія средневѣковыхъ купцовъ и ремесленниковъ.

Не такъ рано и легко, какъ внутренній распорядокъ корпораціи, слушателямъ удалось упрочить внѣшнее положеніе ихъ и вліяніе на общеуниверситетскія дѣла. Этого вліянія они добились только послѣ продолжительной и упорной борьбы съ городскою общиной и съ обществомъ (цехомъ) преподавателей. **Борьба ихъ съ городомъ.**

Городскія власти считали себя въ правѣ вмѣшиваться въ управленіе университетомъ на томъ основаніи, что онъ первоначально былъ городскою школой. Къ студенческимъ же обществамъ онѣ относились враждебно преимущественно изъ опасенія, что, сплотившись, слушатели легче могутъ исполнить обычную во время нерѣдкихъ столкновеній съ гражданами города угрозу—выселиться и перенести всю школу въ другое мѣсто, къ немалому ущербу доходовъ Болоньи и ея домовладѣльцевъ въ особенности. Эти опасенія не были лишены основанія. Студенты на самомъ дѣлѣ нѣсколько разъ уходили и торжественно клялись, что уже не вернутся болѣе. Въ такихъ случаяхъ въ дѣло вмѣшивался постоянный покровитель студентовъ—папа. Онъ заставлялъ городъ уступать, а студентовъ разрѣшалъ отъ данной клятвы. Не всѣ, однако, соглашались на компромиссъ, и нѣкоторые оставались въ сосѣднихъ городахъ, образуя тамъ ядро новаго университета. Такъ возникли первые послѣ Болоньи итальянскіе университеты—въ Виченцѣ (1204 г.) и въ Падуѣ (1222 г.). Послѣ того какъ было улажено особенно рѣзкое столкновеніе въ 1321 г., долго угрожавшее окончательнымъ закрытіемъ болонскаго университета, студенты-юристы построили въ память этого событія церковь S. Maria della Pace (Маріи Миротворицы). Въ этой церкви былъ поставленъ сохранившійся понынѣ памятникъ, на которомъ рельефомъ изображено поклоненіе студентовъ

Богоматери. По правую сторону стоятъ ректоръ ультрамонтановъ, nobilis vir dominus Bartholomaeus Lambertus, каноникъ изъ Фамагусты, на островѣ Кипрѣ [1]), и помощники его—Jaroslaus de Polonia et Petrus Revorii de Burgundia По лѣвую сторону изображены ректоръ цитрамонтановъ, dominus Bernardus Catenacius, каноникъ церкви св. Антонія въ Плаценціи, и два помощника его. Этотъ памятникъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о томъ значеніи, которое клирики и въ XIV столѣтіи сохранили среди студентовъ-юристовъ.

Споры между преподавателями и слушателями.

Преподаватели, которыхъ слушателямъ къ концу среднихъ вѣковъ удалось даже подчинить власти избраннаго изъ своей среды ректора, имѣли, конечно, еще больше поводовъ бороться противъ возраставшаго вліянія обществъ слушателей. Они опирались при этомъ, главнымъ образомъ, на постановленія римскихъ императоровъ. Императоры, говорили глоссаторы, даровали право суда и власть надъ своими членами только обществамъ, состоящимъ изъ лицъ, занятыхъ какой-либо профессіей. Такими являются однако не ученики, а только преподаватели, „доктора“, и только ихъ корпорація можетъ пользоваться всѣми правами цеха. Въ началѣ XIII столѣтія глоссаторъ Ацо напоминаетъ слушателямъ, что „ни у скорняковъ, ни у другихъ ремесленниковъ ученики (подмастерья) не составляютъ товариществъ, а цехи состоятъ изъ ихъ мастеровъ“. На какомъ же основаніи, спрашиваетъ онъ, наши ученики считаютъ себя въ правѣ основывать особыя общества? Но къ концу XIV вѣка начинаютъ признавать законность общества студентовъ. Постъ-глоссаторъ Бальдо, считая ихъ вполнѣ законными, лишь убѣждаетъ слушателей, что не слѣдовало бы избирать ректора всего университета (rector studii) исключительно изъ своей среды. Выборъ общаго главы, думаетъ Бальдо, долженъ быть предоставленъ слушателямъ совмѣстно съ преподавателями, ибо они всѣ части одного тѣла—ad universitatem studentium, id est doctorum et scolarium, id est ad caput cum membris.

Образованіе единаго университета и значеніе корпоративнаго строя.

Только что приведенная цитата указываетъ, между прочимъ, на знаменательный переворотъ, завершившійся въ болонской школѣ къ концу XIV вѣка. Корпораціи слушателей еще тѣснѣе сплотились и образовали изъ всѣхъ „studentes“, какъ средніе вѣка называли не только слушателей, но также самостоятельныхъ уже

---

[1]) Кипръ былъ въ это время самостоятельнымъ государствомъ, основаннымъ *сѣверными* крестоносцами.

изслѣдователей-преподавателей, одно общество съ однимъ ректоромъ во главѣ. Это охватывающее весь составъ школы общеуниверситетское общество—universitas totius studii—и привыкли тогда короче называть „universitas" (studentium), пока, къ концу среднихъ вѣковъ, это названіе не вытѣснило прежняго „studium generale". Не случайно, конечно, произошла эта смѣна названій. Въ ней отразилась и мѣтко указана наиболѣе характерная и цѣнная особенность средневѣковой школы. Корпоративныя права учащихъ и учениковъ были основной причиной и единственнымъ залогомъ ея процвѣтанія и культурнаго вліянія. И раньше, до возникновенія университетовъ, въ школахъ нерѣдко вокругъ даровитаго преподавателя или извѣстнаго ученаго собирались многочисленные ученики. Но когда такой преподаватель смѣнялся или когда наступали неблагопріятныя внѣшнія условія, большинство ихъ уходило, а школа, послѣ непродолжительнаго расцвѣта, приходила въ упадокъ и въ забвеніе. Подобная же участь грозила школѣ, основанной глоссаторами, пока она не превратилась въ самостоятельный и независимый общественный союзъ, съ своей особой жизнью, особыми обычаями и преданіемъ, связывавшими послѣдовательныя поколѣнія преподавателей и слушателей. Тогда только было обезпечено, на многіе вѣка, преемство научной работы и непрерывное существованіе школы среди смутъ и борьбы среднихъ вѣковъ. Университетскіе города въ Италіи много разъ переходили отъ одного завоевателя къ другому и нерѣдко при этомъ опустошались; но университеты въ нихъ развивались почти безостановочно.

Распространеніе университетовъ.

Эта организація высшей школы, одновременно и независимо другъ ото друга возникшая въ Болоньѣ и въ Парижѣ, настолько соотвѣтствовала потребностямъ эпохи, что немедленно вызвала подражаніе. До конца XIV вѣка въ разныхъ странахъ Западной Европы возникло около 50 университетовъ—и всѣ они были основаны по образцу первыхъ двухъ. Благодаря этому самая организація болонской школы оказала значительное вліяніе на распространеніе римскаго права.

На югѣ, въ Италіи и въ Испаніи, повсюду былъ заимствованъ строй болонскаго университета цѣликомъ. Вмѣстѣ съ нимъ получало преобладающее значеніе, какъ въ Болоньѣ, преподаваніе римскаго права. Особенно наглядно это вліяніе сказалось при основаніи въ 1300 г. университета въ Леридѣ Яковомъ II, королемъ Арагонскимъ, который пожелалъ избавить отъ далекаго и опаснаго

путешествія многочисленныхъ подданныхъ своихъ, стремившихся получить высшее образованіе. Въ Арагоніи въ то время воспрещалось ссылаться въ судахъ на римское право; дѣла рѣшались на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, fueros. Тѣмъ не менѣе въ Леридѣ основнымъ предметомъ преподаванія было римское право и членами университетскихъ корпорацій могли быть только студенты-юристы—была, словомъ, создана точная копія знаменитой болонской школы. И вотъ, со временемъ увлеченіе римскимъ правомъ привело въ Арагоніи къ полной его рецепціи.

Менѣе значительно было вліяніе Болоньи на сѣверѣ [1]), гдѣ образцомъ служилъ строй парижской школы. Но и тамъ юридическіе факультеты всѣхъ университетовъ еще долго находились подъ сильнымъ вліяніемъ Болоньи, которой они слѣдовали въ пріемахъ какъ научной работы, такъ и преподаванія.

Комментаторы и рецепція. Болонскій университетъ, такимъ образомъ, ознакомилъ средневѣковое общество съ римскимъ правомъ; онъ подготовилъ почву къ воспріятію его; онъ же воспиталъ лицъ, которыя должны были провести его въ жизнь.

Эти лица, по крайней мѣрѣ главная масса ихъ, вышли уже не изъ школы глоссаторовъ. Послѣднихъ смѣнили къ концу XIII вѣка постъ-глоссаторы или „комментаторы“ [2]); ихъ учениками были французскіе „легисты“ и нѣмецкіе „юристы“, дѣятельные поборники господства римскаго права на своей родинѣ. Этою активною, практическою ролью ея опредѣляется историческое значеніе школы комментаторовъ. Они нерѣдко, безспорно гораздо чаще даже глоссаторовъ, искажали и перетолковывали постановленія римскаго права. Но они дѣлали это, удовлетворяя назрѣвшей потребности примѣнить его къ жизни. Эту трудную задачу комментаторы въ общемъ разрѣшили успѣшно, благодаря обширнымъ знаніямъ и, несомнѣнно, блестящимъ способностямъ отдѣльныхъ представителей школы. Поэтому лучшіе изъ нихъ—назовемъ Бартола († 1357 г.) и Бальдо (1400 г.)—пользовались небывалымъ почетомъ и какъ юристы практики. Къ нимъ обращались за рѣшеніемъ не только споровъ въ области частнаго права, но нерѣдко также международныхъ, даже церковныхъ вопросовъ, и такъ велико было ихъ вліяніе на общественное мнѣніе, что ихъ рѣшеніямъ приходилось

---

[1]) Только въ Оксфордѣ и Кембриджѣ университеты развились до извѣстной степени самостоятельно.

[2]) Это названіе объясняется обычнымъ пріемомъ литературнаго изложенія ихъ ученій—въ безчисленныхъ „комментаріяхъ“.

подчиняться, хотя никто не облекалъ ихъ судебною властью. Теперь только наступила эпоха, когда римское право получило внѣшній авторитетъ дѣйствующаго права, когда его старались „реципировать", принять и, по возможности, цѣликомъ примѣнить къ жизни. Суды стали слѣпо преклоняться передъ нимъ—даже тамъ, гдѣ государственная власть не предписывала этого. Въ эту эпоху поэтъ, чтобы какъ можно ярче изобразить полную безпомощность грѣшника на Страшномъ судѣ, могъ воскликнуть: ему не помогутъ даже ссылки на Кодексъ и Дигесты—

ibi nihil proderit allegare,
ubi nullus Codici locus aut Digestis!

Но всюду равномѣрное, теоретическое увлеченіе римскимъ правомъ не привело къ столь же равномѣрному практическому примѣненію его. Время и ходъ рецепціи были весьма различны въ зависимости, прежде всего, отъ степени развитія хозяйственнаго быта отдѣльныхъ странъ.

Римское право во Франціи.

Остановимся нѣсколько на судьбахъ римскаго права во Франціи. На югѣ Галліи послѣ вторженія варваровъ старое провинціальное, римское населеніе сохранило преобладающее значеніе. Сложившіеся здѣсь къ XI вѣку обычаи воспроизводили основныя черты привычнаго населенію римскаго права. Когда возродилось научное изученіе его, то подъ вліяніемъ всеобщаго увлеченія сборники Юстиніана, *силою того же обычнаго права* и вопреки волѣ королей [1]), получили значеніе дѣйствующаго *закона*—и южную Францію стали называть „pays de droit écrit". Тамъ, напротивъ, гдѣ сплошными массами осѣли франки, образовалось обычное право германскаго типа, и за областью къ сѣверу отъ Луары (приблизительно) сохранилось названіе „pays de droit coutumier", такъ какъ эти обычаи примѣнялись до самаго паденія „стараго порядка". Впослѣдствіи, однако, римское право оказало и на нихъ сильное вліяніе, а въ XIX столѣтіи удалось уже объединить обычаи сѣвера и юга въ одно общефранцузское право.

Французскіе короли признавали за римскимъ правомъ въ судѣ только силу мѣстнаго обычая южныхъ областей; но они желали, чтобы оно преподавалось во всемъ королевствѣ: и имъ оно казалось „raison écrite", идеальнымъ правомъ. Въ указѣ 1312 года

---

[1]) Они опасались, какъ бы это обстоятельство не было истолковано въ смыслѣ доказательства принадлежности Прованса Римской имперіи.

Филиппъ Красивый говоритъ: „Подобно тому какъ свободныя искуства служатъ необходимой подготовкой къ занятіямъ богословіемъ, такъ ученія римскаго права подготовляютъ къ познанію того, что разумно, развиваютъ добрые нравы, указуютъ путь къ достиженію справедливости и подгототовляютъ къ пониманію обычнаго права (ad consuetudinem intellectum propriant)".

Несмотря на ограниченное практическое примѣненіе его, интересъ къ римскому праву быстро возросталъ во Франціи. Какъ только первые ученики болонскихъ глоссаторовъ стали читать его въ Парижѣ, въ XII столѣтіи, послышались жалобы на то, что имъ увлекаются всѣ студенты-богословы. Въ 1219 году папа буллою „Super speculam" долженъ былъ закрыть юридическій факультетъ парижскаго университета, чтобы устранить соблазнъ и заставить слушателей возвратиться къ изученію богословія. Немедленно, однако, преподаваніе римскаго права оживилось въ Орлеанѣ, расположенномъ, подобно Парижу, въ области кутюмнаго права. Одновременно на югѣ процвѣтало нѣсколько университетовъ (въ Монпелье, Тулузѣ, Кагорѣ и др.), которые сохраняли тѣсное общеніе съ итальянскими юридическими школами.

Легисты и ихъ вліяніе на развитіе гражданскаго права.

Многочисленные воспитанные на римскомъ правѣ „легисты", какъ назывались во Франціи и въ Англіи ученые юристы, въ своемъ увлеченіи были склонны придавать ему еще большее значеніе, чѣмъ сами короли. Многіе изъ нихъ думали, что всякій вообще пробѣлъ въ обычномъ правѣ долженъ быть дополненъ изъ римскаго права. Часть легистовъ признавала, однако, за римскимъ правомъ лишь значеніе ratio scripta, наиболѣе разумнаго права, постановленія котораго нуждались для практическаго примѣненія въ особой санкціи. Но какъ тѣ, такъ и другіе на дѣлѣ широко черпали изъ богатыхъ сокровищницъ Юстиніановыхъ сборниковъ. Особенно много и успѣшно они заимствовали при составленіи сборниковъ обычнаго права, которые въ разное время, съ XIII по XVI вѣкъ, были составлены почти для всѣхъ судебныхъ округовъ сѣверной Франціи. Первые составители ограничивались простою вставкой, наряду съ обычаями и королевскими указами, отдѣльныхъ постановленій римскаго и близкаго ему каноническаго права. Такъ поступили авторы древнѣйшихъ сборниковъ, напримѣръ, такъ называемыхъ Etablissements de St. Louis (сборника, составленнаго частнымъ лицомъ около 1272 года). Обходя трудный вопросъ объ основаніи дѣйствія римскаго права, авторъ другого сборника—Livre de Jostice et de Plet (Книги о правдѣ и судѣ)—прямо при-

писываетъ Людовику Святому рескриптъ императора Адріана. Но уровень научныхъ знаній французскихъ легистовъ быстро возросталъ подъ вліяніемъ университетскаго преподаванія. Бомануаръ, славный юристъ и поэтъ, уже въ концѣ XIII вѣка пользовался римскимъ правомъ при разработкѣ обычаевъ округа города Бовэ, гдѣ онъ былъ намѣстникомъ (бальи), съ замѣчательнымъ искусствомъ заимствуя не отрывки, а основныя идеи римскихъ юристовъ и духъ ихъ твореній.

Особенно много римскихъ понятій заимствовалъ сборникъ „Coutumes de Beauvoisis“ (1283 года) въ области обязательственнаго права, въ частности по вопросу о порядкѣ заключенія и исполненія договоровъ. Вотъ примѣръ. Въ теченіе тысячелѣтней исторіи своей римское право выработало весьма простыя, цѣлесообразныя формы заключенія сдѣлокъ, которыя теперь, но только теперь, когда онѣ усвоены всѣми цивилизованными народами, кажутся намъ какъ бы естественными, почти неизбѣжными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, римское право давало возможность въ извѣстныхъ случаяхъ оспаривать сдѣлку, когда исполненіе ея оскорбляло чувство справедливости,—но не жертвовало также, какъ древне-греческое право, прочностью гражданскаго оборота: оно разрѣшало, напримѣръ, просить объ уничтоженіи договора, заключеннаго подъ вліяніемъ страха, возбужденнаго угрозами, если послѣднія были противозаконны и серьезны. Древне-французскіе кутюмы, какъ всякое неразвитое право, были менѣе гибки и не содержали соотвѣтствующихъ постановленій. Договоры, которые они знали, требовали торжественной формы заключенія, т. е. произнесенія опредѣленныхъ формулъ при извѣстной обстановкѣ, и подлежали исполненію во всякомъ случаѣ. Но Бомануаръ уже держится римскихъ началъ и говоритъ въ своемъ сборникѣ: „Сдѣлки, заключенной подъ вліяніемъ принужденія или страха, можно не исполнять. Но принужденіе и страхъ бываютъ различны. Говоря: „я сдѣлалъ это по принужденію“, слѣдуетъ указать принужденіе и, въ чемъ оно состояло, и доказать, если противная сторона будетъ отрицать его. Тогда надлежитъ разсмотрѣть, таково ли было принужденіе, чтобы можно было уничтожить сдѣлку. То же—если кто заключитъ договоръ подъ вліяніемъ страха“ [1]).

Позже стали видоизмѣняться, подъ вліяніемъ римскихъ взгля-

---

[1]) Beaum. 34, 26: Convenence, qui est fete par force ou par peur n'est pas à tenir. Mais force et peur si sont de manieres car en dire „je le fis par force“, il convient dire le force et quele et prover.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

	Строка		*Напечатано*:	*Слѣдуетъ читать*:
Стр.	*сверху*	*снизу*		
49	—	6	съ	въ
54	4—5	—	ни вредить	вредить
63	—	3	въ руки	въ рукахъ
80	—	13	освобожгать	освобождать
91	—	3	понять	понятіе
117	14	—	seabini	scabini
152	—	14	всепркедезаанное	все предсказанное
166	3	—	объясненія.	объясненія [37]).
167	—	3	Анастасій	[37]) Анастасій
177	—	4	*'Υιου*, или *'Υιοῦ*	*Υἱοῦ*, или *Υἱοῦ*
204	—	8	Борисъ, Михаилъ	Борисъ-Михаилъ
226	-	5	*βοιλϊάδες*	*βοϊλάδες*
230	—	18	переданной	отъ переданной
237	8	—	*δρουγγιάριος*	*δρουγγάριος*
257	7	—	прочно	прочное
260	—	3	венеціанамъ. Венеціане	венеціанцамъ. Венеціанцы
284	—	10	отзывчивости,	отзывчивости,
294	17	—	каноновъ церковныхъ,	канонамъ церковнымъ,
299	4—8	—	съ Россіей... въ Россію	съ Русью... на Русь
314	—	4	библіографич.	біографическая
322	—	3	разсчитываетъ... продава	разсчитываетъ... продавца
323	5	—	пастыры	пастыри
355	—	19	нисшей,	низшей,
366	11	—	полагалъ	налагалъ
371	—	4	сколько же	сколько
374	4		долна	должна
379	—	14—13	Леньяло	Леньяно
410	11	—	отсюда	и отсюда
422	18	—	которыхъ	которыя
425	16—17	—	компетенціальнаго характера,	о компетенціи учрежденій,
432	11	-	Богемскій,	Бегамскій,
443	—	5	должна была имѣть своею	должно было имѣть свою

Стр.	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
491	19	—	рабыма-го-	рабы маго-
501	20	—	Court	Cour
508	19	–	servise	service
529	1	--	свою власть	о своей власти
—	2	—	всѣ благодѣянія	о всѣхъ благодѣяніяхъ
544	11—12	—	совершавшіяся перемѣны,	совершавшихся перемѣнъ,
556	13	—	внутрен-	внутреннимъ
591	—	6	школъ	сколъ
612	17	—	Букеліонъ	Буколеонъ
613	—	4	Букеліонскій	Буколеонскій
631	—	2	льбигойцы,	альбигойцы,
747	18	—	священника,	священника.
751	6	—	царитъ	царить
806	—	10	въ огругѣ	въ округѣ
807	14	—	Іоннита	іоаннита
814	6—21	—	Креоси	Креси
864	—	7	сами	сами
915	2	–	сначало	сначала
919	22	—	отъ болгарскаго	константинопольскаго
922	—	8	Дактиса	Диктиса
942	6	—	онѣ	они


Stanford University Libraries
3 6105 009 633 590

